DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

ВЪ ОГНѢ.

Очерки и разсказы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 98, уг. Надежд.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20 ФЕВРАЛЯ 1905 г.

ТИПОГРАФІЯ И. П. СОЙКИНА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТРЕМЯННАЯ, 12.

891,733
К18Р
с.4-7

РИСКОВАННЫЙ СЕАНСЪ.

День былъ очень жаркій, и хотя солнце давно уже перешло зенитъ, но парило на славу.

Сегодня штурмъ вышелъ удачный, какъ рѣдко; открыли мы близкій огонь изъ нашихъ легкихъ четырехъ пушекъ на разсвѣтѣ, чуть забрезжило, а къ полудню уже и самая цитадель была занята нами, и крохотный, укрѣпленный кокандскій городокъ опустѣлъ, покинутый своими защитниками, въ страхѣ разбѣжавшимися въ сосѣднія горныя ущелья.

Наши ворвались черезъ брешь, пробитую пушками; часть глинобитной стѣны рухнула и удачно завалила глубину рва, помогли и лѣстницы немного, но теперь въ этой бреши надобности не было, потому что обозъ нашъ и тяжести вошли въ городъ уже по большой дорогѣ, черезъ ворота, заваленныя кокандцами, но теперь расчищенныя и гостепріимно открытыя настежь нашими саперами. Брешь эта оказалась значительно въ сторонѣ, отъ дороги почти за полверсты, и была мало замѣтна оттуда за стѣнками садовъ и группами фруктовыхъ деревьевъ.

Дорога и узкія кривыя улицы города кипѣли теперь иною жизнью, немножко дикою, положимъ, но весьма естественною, принимая въ разсчетъ нервное возбужденіе недавняго боя... Въ воротахъ стѣснились двуколесныя арбы нашего обоза, вьючные верблюды и ишаки, конные полувооруженные киргизы, милиціонеры, оборванные нищіе—«*шакалы*», вѣчно бредущіе голодными вереницами за нашими отрядами... Все это натурально орало и гвалтовало на разные лады, сплошнымъ облакомъ стояла въ воздухѣ густая пыль, словно насыщенная ревомъ верблю-

довъ, скрипомъ немазанныхъ колесъ, ржаніемъ коней, воплями ословъ, звучными щелканіями нагаекъ и перекрестною отборною руганью, гдѣ русская рѣчь словно спорила съ туземною богатствомъ и вычурностью выраженій.

Протискавшись кое-какъ сквозь этотъ хаосъ и вынырнувъ снова на свѣтъ Божій изъ-подъ темной арки воротъ, я попалъ въ узкую улицу, сразу начинающуюся крутымъ колѣномъ; въ этой улицѣ двѣ встрѣчныхъ арбы не могли бы разъѣхаться вовсе, справа и слѣва поднимались сложенныя изъ камня и глинобитныя стѣны сакель, изрѣдка прорѣзанныя воротами; ни одного окна на улицу не выходило, по обычаю мусульманства... До цитадели, гдѣ уже собралось начальство, было еще не близко, а потому, конечно, всѣ ворота были разбиты въ дребезги, и въ опустѣлыхъ, покинутыхъ хозяевами дворахъ энергично хозяйничали побѣдители.

Запыхавшіяся, оборванныя, перепачканныя грязью и кровью фигуры шмыгали изъ двора во дворъ, перебѣгали улицу, выглядывали изъ-за гребней стѣнъ... Все это добывало и тащило, оспаривая другъ у друга право на добычу...

Тамъ казакъ-сибирякъ навьючилъ своего коня снопами сушеннаго клевера покрылъ все сверху парою дорогихъ ковровъ, навѣшалъ еще новаго шелковаго тряпья и самъ залѣзъ на верхъ, да еще сверхъ своей армячинной форменной рубахи накинулъ малиновый халатъ, сплошь зашитый золотомъ и блестками... Конь едва передвигаетъ ноги подъ непосильною тяжестью, а ветрѣчный, еще пока «порожній» товарищъ завистливо смотритъ и пытаетъ:

— А это ты гдѣ же, Данило Ивановичъ?

— Тамъ! — киваетъ Данило на сосѣднюю саклю... и съ бранью, конечно, отчаянно балансируетъ руками въ воздухѣ, потому подпруга не выдержала, скользитъ сѣдло на бокъ, и валится *богатый* казакъ въ грязь со всѣми своими коврами, шелками и съ малиновымъ халатомъ.

А надъ сосѣднею саклею взвилось зловѣщее черное облачко, зарумянившееся снизу, изъ стѣнной продушины тоже задымило...

— Братцы, это что же? Это не годится!..—отчаянно мечется урядникъ съ крестами и медалями, силясь пробиться съ объѣздомъ къ мѣсту начинающагося пожара, да подъ ноги его

чубараго коня подвернулся татаринъ-маркитантъ Ахметка, набарантовавшій гдѣ-то цѣлую вязанку мѣдныхъ тазовъ и кунгановъ, растерявшійся, струсившій и за себя, и за свою добычу... Лупитъ урядникъ кавалеръ плетью и по Ахметкиной тюбетейкѣ, и по его тазамъ...

— Словно въ литавры нажариваетъ! — остритъ бойкій стрѣлокъ-пѣхотинецъ, а самъ къ стѣнкѣ прижался, обходитъ сторонкою, потому что по дорогѣ тѣло лежитъ ничкомъ, въ синемъ халатѣ, въ желтыхъ остроносыхъ сапогахъ, съ головою обнаженною, бритою... Затылокъ раздробленъ чисто, должно быть, это уже послѣ смерти, колесомъ, знать, пушечнымъ переѣхало... А около тѣла, перемѣшавшись съ грязью и кровью, разсыпанъ цѣлый мѣшокъ изюму сушенаго и урюку, да больно изгажены эти соблазнительныя сласти... Брать не стоитъ!

Гдѣ-то въ темномъ углу самаго задняго дворика отыскали старика дряхлаго, беззубаго, въ одной длинной бѣлой рубахѣ, вытащили эти мощи на свѣтъ Божій, спрашиваютъ: «Ты что за человѣкъ?» — а тотъ молчитъ, только крохотными слезливыми глазами помаргиваетъ...

— Тащи его къ генералу къ допросу!

Нейдетъ старикъ, сами ноги подгибаются, не дѣйствуютъ...

Въ другомъ мѣстѣ поднимается пожарный дымокъ... Глухими перекатами доносится барабанная дробь и дребезжащіе звуки сигнальныхъ рожковъ. Это въ цитадели сборъ бьютъ всѣмъ частямъ... Въ концѣ улицы, на поворотѣ, надъ пестрою толпою сверкаютъ въ пыли десятка два штыковъ, и болтается красная тряпка рожковаго значка — это выслана уже пѣшая команда для возстановленія порядка и тушенія замѣченнаго, значитъ, въ цитадели только еще начинающагося пожара.

Мало-по-малу порядокъ возстанавливается дѣйствительно... Даже въ воротахъ и тамъ стало относительно просторно... Вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, караулы поставлены, офицера засновали тамъ и сямъ. Одинъ красивый блондинъ недоволенъ чѣмъ-то и товарищу жалуется:

— И гдѣ они, mon cher, женщинъ своихъ прячутъ?

А «mon cher» чиркаетъ на рысяхъ спичкою, трубочку въ зубахъ стиснулъ, закурить собирается и тоже недовольство свое высказываетъ, но уже совсѣмъ по другому поводу...

— Ну, ужъ и вздую я своего Антошку каналью! Каждый

разъ, подлецъ, увлечется «барантою» и запропастится гдѣ-то. Погоди же ты, на этотъ разъ у меня, каторжный!

— А какъ въ цитадель ближе?—спросилъ я у казака.

— Прямо, ваше благородіе! А тамъ все лѣвѣе держитесь, около стѣночки, какъ разъ попадете... Лѣвѣй да лѣвѣй, ваше благородіе!

— Ладно!

Взялъ я сначала прямо, потомъ лѣвѣе и точно выѣхалъ къ стѣнкѣ, ко внѣшней только. Погналъ рысью своего Карьку и самъ по указанію все лѣвой стороны придерживаюсь.

Тутъ уже совсѣмъ тихо стало, безлюдно. Справа заднія стѣнки крайнихъ дворовъ и сакель, слѣва—полуобвалившіеся барбеты крѣпостной стѣны съ зубцами... Дорога узенькая, грязная, вонючая, двумъ верховымъ впору разъѣхаться; на одномъ изъ барбетовъ пушка допотопная стоитъ на боку, безъ одного колеса, около два тѣла валяются. «Карька» мой храпитъ, упирается, къ сторонѣ жмется...

«Туда-ли я попалъ?» — думаю... Хотѣлъ было уже назадъ вернуться, да впереди какъ будто просторное мѣсто виднѣлось, и зелень деревьевъ замаячила... Погналъ я шибче и скоро выѣхалъ, только не къ цитадели, а какъ разъ къ мѣсту штурмовой бреши. Сталъ осматриваться.

Какъ картинно, какъ причудливо разбросались въ горячемъ бою эти массы человѣческихъ тѣлъ по изрытому, окрававленному пологому обвалу... Тамъ въ одиночку, тамъ по нѣсколько вмѣстѣ, а тамъ подъ навѣсомъ стана, въ углу, гдѣ, значитъ, податься некуда было, тамъ цѣлою грудою, не разберешь—гдѣ чья рука, гдѣ чьи ноги.

Тутъ, какъ разъ посреди бреши, лежитъ молодой боецъ лѣтъ семнадцати, мальчикъ, и не лежитъ совсѣмъ, а вотъ словно подняться на ноги хочетъ, да и окоченѣлъ въ этомъ послѣднемъ движеніи; недалеко полуголый атлетъ распластался крестообразно, и въ груди подъ ложечкой двѣ зіяющія штыковыя раны... Тутъ сѣдой старикъ въ золотистомъ халатѣ сидитъ, упершись спиною въ стѣну, голова низко на грудь свѣсилась, около книга лежитъ большая, тяжелая, въ красномъ кожанномъ переплетѣ, окостенѣвшіе, похолодѣлые пальцы правой руки судорожно уцѣпились за мѣдныя застежки святой книги... Убитъ мулла въ самомъ пылу вдохновенной проповѣди

«Какъ это книгу такую *они* оставили? Вѣдь, поди-жь, ты, ни вѣсть, какая рѣдкость, должно быть, конечно, коранъ рукописный съ заставками, стъ руки рисованными, съ арабесками, съ золочеными рамочками... Надо бы слѣзть съ коня, осмотрѣть, забрать съ собою... Да претитъ какъ будто... Мертвыхъ обирать своими руками не хочется. Вотъ еслибъ казачишко какой проѣхалъ мимо, приказалъ бы... а то»...

Солнце тутъ, спускаясь къ горному горизонту, заглянуло въ пролетъ этой бреши и косымъ лучомъ прямо въ старика муллу уперлось, рѣзкую тѣнь откинуло; заблестали, словно загорѣлись складки золотистаго халата, словно ожило это строгое лицо съ глубокими, провалившимися впадинами глазъ...

И само собою случилось, что слѣзъ я съ своего Карьки, бросилъ ему поводья на шею, вынулъ свой дорожный, очередный альбомчикъ изъ кармана и сталъ зарисовывать эту типичную «натуру».

Увлекся рисункомъ сильно, карандашъ словно самъ собою бѣгаетъ по бумагѣ, широко прокладывая пятна тѣней, прихотливые ракурсы тѣла и складокъ, и смутно чувствую, что кто-то стоитъ сзади меня и пристально, въ упоръ, разсматриваетъ мой затылокъ. Обернулся, самъ за револьверъ взялся на всякій случай... Осмотрѣлся... Нѣтъ никого, должно быть, это мнѣ такъ показалось... Мирнымъ сномъ покоятся кругомъ мертвецы. Тишина въ воздухѣ, ни одинъ волосокъ не пошевелится... Да—это мнѣ только показалось!

Принялся я снова за свой рисунокъ и снова, спустя минутъ десять, начинаю испытывать тоже, въ высшей степени непріятное впечатлѣніе—ну, вотъ интересуется мною кто-то, да и только! Обернулся опять—все покойно. Только одно обстоятельство показалось мнѣ нѣсколько подозрительнымъ. Сзади меня, шаговъ въ десяти, лежалъ трупъ ничкомъ; одна рука у него подъ тѣломъ была спрятана, а другая вытянута впередъ, лицо совсѣмъ въ рыхлую землю уперлось, кромѣ затылка въ тюбстейкѣ ничего не видно... Вотъ это самое тѣло, показалось мнѣ, какъ будто теперь ближе, чѣмъ прежде лежало, немного, но эдакъ шага на три.

Присмотрѣлся я внимательно, подошелъ даже, ногою толкнулъ... нѣтъ ничего...—«Да и ближе-ли онъ?»—думаю, пустяки... Однако постоялъ съ минуту около, понаблюдалъ, и результаты моихъ наблюденій вполнѣ меня успокоили.

Занялся я опять рисункомъ. Вотъ сейчасъ кончу — да и пора въ лагерь! Солнце сядетъ — темнѣетъ быстро, разомъ, а впотьмахъ и дороги не сыщешь.

Вдругъ по близости грянулъ выстрѣлъ.

Встрепенулся я и альбомчикъ изъ рукъ выпустилъ, вскочилъ на ноги, оглядываюсь...

А этотъ-то, что ничкомъ лежалъ, теперь уже здѣсь, шагахъ въ двухъ отъ меня, не больше, и уже ни ничкомъ лежитъ, а на правомъ боку, змѣею извивается, корчится и на меня глядитъ, не то укусить хочетъ, не то проситъ чего-то жалостливо...

Изъ-за угла стѣнки дымокъ пороховой ниточкою протянулся, и солдатъ выглядываетъ, въ кепи на затылокъ... Хохочетъ, заливается...

— Это я,—говоритъ,—его, ваше благородіе, ошарашилъ. Я все его подстерегалъ, какъ это онъ къ вамъ сзаду подбирался... Вѣдь, вишь, ты, азіатъ проклятый! А вы, ваше благородіе, съ оглядкою бы по здѣшнимъ мѣстамъ. У насъ, вонъ, унтера Михѣева такой-то раненый съ носилокъ ножемъ закололъ. Подобрали его, какъ путнаго, въ лазаретъ тащили, а онъ на-ко, вотъ—поди-жъ ты... Вы, ваше благородіе, по здѣшнимъ мѣстамъ съ оглядкою...

Согласился я съ солдатомъ, что дѣйствительно «по здѣшнимъ мѣстамъ надо съ оглядкою», и кстати попросилъ взять и донести до моей палатки «интересную книгу», такъ меня соблазнявшую, что мой спаситель и исполнилъ весьма охотно, стащивъ при этомъ и золотистый халатъ съ плечъ старика, наивно приговаривая:

— Вы, ваше благородіе, ротному только не сказывайте, а мнѣ за этотъ охабень Ахметка пару стаканчиковъ поднесетъ... Оно расчудесно—съ устатку, да на сонъ грядущій!

ПОРТРЕТЪ.

Былъ у меня пріятель, одинъ изъ офицеровъ линейнаго батальона; то-есть, они всѣ были мои пріятели, но этотъ особенный, къ нему какъ то ближе лежало сердце, съ нимъ отраднѣе и легче дѣлились и горе, и радость... Душа у него была очень чуткая и отзывчивая, и лицо такое, ни Богъ вѣсть, какъ красивое, самое обыкновенное, но симпатичное, доброе, открытое. Звали его Ваня Черныхъ; онъ былъ родомъ изъ сибиряковъ, а тамъ большинство фамилій съ такимъ окончаніемъ. Въ чинахъ Ваня былъ не большихъ, но уже ротою командовалъ и считался лучшимъ офицеромъ, да еще первымъ храбрецомъ въ бою, и храбрецомъ настоящимъ, а не показнымъ, экзальтированнымъ. Черныхъ въ самый разгаръ схватки былъ покоенъ и ровенъ, какъ у себя въ палаткѣ. Не кричалъ, не бѣсновался, не ругался никогда, считая это великимъ грѣхомъ, но голосъ его, покойный, твердый, ясно слышался тогда, когда это было нужно, и глазъ умѣлъ во время замѣчать всѣ малѣйшіе варіанты судьбы даннаго боя, а опытъ научилъ отлично пользоваться этими варіантами. На «подвиги» онъ никогда не напрашивался, какъ многіе другіе, но когда приходилось вынимать жребій идти командовать отборными охотниками, то видимо, радовался, когда попадался ему счастливый билетикъ «идти» и также, видимо, огорчался, когда выходило обратное. Въ наградные списки и не заглядывалъ вовсе, а чтобы еще самому идти къ адъютанту похлопотать да справиться, это ему и въ голову не приходило.

Пили всѣ тогда очень шибко, особенно во время затишья Почти и жили-то въ полъ-пьяна, не отрезвившись, какъ слѣ-

дустъ ни разу, но Ваня Черныхъ не пилъ ничего, даже къ шампанскому не прикасался, которое иногда, въ торжественныхъ случаяхъ, подавалось у генерала, изъ завѣтнаго ящика. И не пилъ Ваня не потому, чтобы выдѣляться изъ круга пьяницъ-товарищей, ради отличія, какъ думали было про него нѣкоторые, а просто не тянуло его ни къ чему спиртному, претило даже отъ одного вида маркитантской посуды.

Разговоровъ скабрезныхъ по поводу женщинъ не переносилъ мой пріятель тоже, — въ краску его кидало отъ этихъ разговоровъ и намековъ, а разъ, шутки ради, самъ генералъ показалъ ему стереоскопъ съ нецензурною картинкою, такъ Ваня до того растерялся отъ этой неожиданности, что плюнулъ въ самую середину стекла генеральскаго стереоскопа, да потомъ спохватился и, потупясь, пробормоталъ: «виноватъ, ваше превосходительство!»

И вотъ, этому-то человѣку, въ то время, когда женщина доступна была для всѣхъ прочихъ только развѣ въ помышленіяхъ, судьба, какъ нарочно, послала прелестный экземпляръ изъ плеяды «вѣнцовъ созданія природы». Случилось это такимъ образомъ.

Ваня Черныхъ со своею ротою былъ дня на три посланъ въ одну изъ боковыхъ рекогносцировокъ. Дѣло было зимою, въ студеную пору, въ такую пору, что и старики не запомнятъ, чтобы въ ихъ время когда-либо свирѣпствовали такіе морозы, смѣняющіеся періодически страшными мятелями и вьюгами. Вотъ въ этакую-то пору, въ саклѣ одного изъ покинутыхъ жителями ауловъ, Черныхъ нашелъ старушку, полумертвую отъ холода и голода, и съ нею дѣвушку, лѣтъ пятнадцати. Накормили ихъ, отогрѣли, чаемъ напоили, да и какъ поили-то! Поставятъ около, а сами отойдутъ подальше, чтобы и глаза не видѣли, ну, тѣ и съѣдятъ, а то и не подступятся вовсе. Совсѣмъ дикія какія-то! Наконецъ, отряду надо было дальше выступать,—не бросить-же бабъ на произволъ судьбы, безсильныхъ, безпомощныхъ, замерзать заживо! Хотѣли съ собою ихъ взять, да онѣ не идутъ охотою... Старуха словно ожила, ухватилась за порогъ руками и зубами щелкаетъ, а молодая въ уголъ прижалась, и не плачетъ, а завываетъ дикимъ голосомъ... Уговаривали, уговаривали, словно не понимаютъ ничего, не слышатъ, а вѣдь идти-то, все-таки, надо.

Черныхъ растерялся, какъ быть, не знаетъ, а горнистъ Шадринъ говоритъ:

— Я это, ваше благородіе, мигомъ обработаю!

Сговорились четверо, разомъ къ старухѣ подступили, на рукахъ ее вынесли, какъ ужъ она ни барахталась, на ишака усадили и привязали крѣпко; тронулись въ походъ, а молодая сама пошла сзади, да поодаль, какъ козленокъ за маткою.

Вернулись на стоянку уже глубокою ночью. Черныхъ бабу въ свою землянку спряталъ, а самъ пошелъ ночевать къ фельдфебелю. Къ утру старуха къ предкамъ отправилась: не выдержала, значитъ; а молодая осталась одна, на попеченіи нашего Вани.

Быстро разнеслась вѣсть о «дорогой гостьѣ» по лагерю. Всѣ знали, какъ строго запрещено было въ отрядѣ присутствіе «бабьяго элемента», и всѣхъ очень интересовалъ вопросъ: что будетъ дѣлать Черныхъ со своею находкою, и какъ генералъ взглянетъ на такое исключительное обстоятельство? Надѣлъ Ваня форму, пошелъ докладывать: такъ и такъ, говоритъ:

— Знаю!—отвѣчаетъ генералъ.

— Куда представить прикажете, ваше превосходительство?

— А выведите ее за цѣпь, и пусть идетъ съ Богомъ на всѣ четыре стороны!

— Ваше превосходительство! — задрожалъ голосъ у офицера.—Тамъ, вѣдь, степь... холодъ... ее волки съѣдятъ... Жилого мѣста, туземнаго, нѣтъ близко...

— Знаю!—отвѣтилъ генералъ.

Говоритъ покойно, даже строго какъ будто, а у самого, замѣчаемъ мы, скула подергивается, не то расхохочется сейчасъ, не то вспылитъ, хоть святыхъ выноси... Это всегда уже такой признакъ, всѣмъ намъ давно извѣстный.

Жалко намъ стало... и товарища жалко, и ту дѣвочку... Сами понимаемъ, что на смерть обрекаетъ ее генеральскій приговоръ. Адъютантъ Балагановъ съ развязностью сунулся было адвокатствовать, исключительные резоны представлять началъ было, да только произнесъ:—ваше... Какъ генералъ ему гаркнулъ:—Молчать! Не ваше дѣло!

Съ минуту всѣ помолчали.

— Ну, Черныхъ,—заговорилъ генералъ,—держите ее пока у себя, не въ примѣръ прочимъ, до времени теплаго, или до подходящаго случая удобнаго, а тамъ видно будетъ...

Растерялся Ваня отъ такой неожиданности такъ, что даже руку поцѣловалъ у его превосходительства.

— А вотъ за это на лишнее дежурство. Распорядитесь, поручикъ Балагановъ!

Вышли мы, стали поздравлять Ваню, а тотъ и слышать не хочетъ; бѣгомъ пустился къ своему бивуаку и сейчасъ-же распоряженія сдѣлалъ. Много смѣялись въ отрядѣ надъ этими распоряженіями: такъ они были не то, что странны, а совсѣмъ не похожи на тѣ, которыя бы, на мѣстѣ Вани, всякій другой сдѣлалъ бы. Во первыхъ, онъ вынесъ изъ своей землянки всѣ свои вещи, кромѣ постели и разнаго запасного теплаго платья,—землянку всецѣло предоставилъ въ распоряженіе своей новой жилички, а самъ помѣстился около, въ палаткѣ, которую уже солдатики, радѣя о своемъ ротномъ, окопали и для тепла укрыли сверху войлоками. Насчетъ продовольствія такой былъ данъ приказъ денщику, Гаврилѣ Краснову, чтобы три раза въ день приносилось и ставилось въ землянкѣ горячее кушанье и чай, но чтобы самъ Гаврило ничѣмъ не безпокоилъ и не пугалъ дѣвочку, а, молъ: «поставь и уходи съ Богомъ» — сама съѣстъ, какъ оглядится, да аппетитъ почувствуетъ. Самъ Ваня не подходилъ даже къ землянкѣ, обойти подальше всегда старался и другихъ просилъ не безпокоить, не любопытствовать.

— Что, красивая?—спрашивали, бывало, обладателя таинственной затворницы.

— А я почему знаю! Она, вѣдь, закрываетъ лицо... это у нихъ по закону такъ слѣдуетъ!

— Вѣдь, вотъ чудакъ! — удивлялись многіе, а больше всѣхъ поручикъ Балагановъ.

Долго-ли бы такъ тянулось, — не знаю, только денщикъ Гаврило Красновъ, старикъ почтенный и недурно говорившій по-татарски, не очень-то соблюдалъ приказъ своего барина, особенно, когда того дома не было. Понесетъ, бывало, ей «порцію», а самъ присядетъ у порога, разспрашивать начнетъ, умуразуму учить, и мало-по-малу, недѣли въ двѣ, добился-таки и въ отвѣтъ слова. А первое слово, что первый шагъ, что возъ тяжелый съ мѣста двинуть, дальше уже само-собою дѣло сдѣлается.

Доложилъ барину: «такъ, молъ, и такъ — хомутъ, молъ, приняла, какъ дальше пойдетъ выѣздка?»

Спачала было упирался Ваня, Гаврилу даже выругалъ первый разъ въ жизни, а потомъ и самъ украдкою рискнулъ навѣдаться. Теплое время стало подходить, обжились оба... Разговоръ опять пошелъ между товарищами, намеки разные, только эти намеки Ваня остановилъ разомъ.

— Будетъ хорошо понимать по нашему, попривыкнетъ, сама своею волею пойдетъ, ладно тогда, а пока я ее и пальцемъ не трону!

Тутъ, неожиданно для всѣхъ, одобрилъ его маіоръ Бруговъ, человѣкъ-циникъ, для котораго ничего святого не было, вѣчно пьяный, вѣчно съ сальнымъ словомъ на языкѣ; а тутъ вотъ подошелъ къ Ванѣ, хлопнулъ его по плечу и хриплымъ басомъ произнесъ:

— Это ты, бррратъ вѣрно, потому человѣкъ не скотина!..

Замѣтили мы, что Черныхъ сталъ на деньги скупъ, все, что ни получалъ, все въ казенный ящикъ клалъ на сбереженіе. Себѣ во всемъ сталъ отказывать... Что такое?

— А это, говоритъ, на случай, если она не захочетъ со мною оставаться—уйти, значитъ, къ своимъ пожелаетъ, такъ чтобы ее не съ пустыми руками отпустить. Все ей достанется!

— А тебѣ-то что же?

— А мнѣ, говоритъ, тогда уже ничего не нужно будетъ...

Такъ онъ эту фразу сказалъ, что у насъ и языкъ прилипъ, а маіоръ Брутовъ даже самую тонкость понялъ, — подошелъ опять вплотную, пристально уставился своими оловянными глазами, крикнулъ:

— Ты, значитъ, ее въ лицо видѣлъ?

— Видѣлъ! — чуть слышно, потупясь, произнесъ Ваня и вспыхнулъ, словно вся кровь ему въ лицо бросилась...

Снѣгъ только растаялъ, земля пригрѣлась, ростокъ зеленый дала, а уже все дѣло перемѣнилось... Уже и мы всѣ прочіе стали заходить въ землянку; эта дѣвочка уже и къ намъ приглядѣлась; узнавала кое-кого, надъ Брутовымъ даже подшучивала, пѣсни пѣла по-своему и чаемъ насъ угощала... Ну, да и мы же всѣ ее баловали! Все, что было у кого изъ одежи лишняго, все ей тащили. Генералъ самъ прислалъ ей халатъ шелковый, зеленый, и уборъ головной, бирюзовый, съ камнями цвѣтными... Только Ваня, все-таки, жилъ отдѣльно и заходилъ къ «Нуръ-чашъ» (такъ ее звали), какъ гость, наравнѣ съ прочими.

Пришлось нашему отряду сниматься съ позиціи и двинуться впередъ, переходовъ на десять. Нуръ-чашъ ѣхала въ арбѣ закрытой, съ обозомъ; а пришли на новое мѣсто, особенную палатку для нея поставили. Въ землянкахъ не было надобности: время уже настало теплое, и въ мѣста пришли жилыя...

Молчитъ генералъ, не напоминаетъ о высылкѣ. Понятно, что не нашлось никого, кто-бы захотѣлъ вывести его изъ этой забывчивости. Вотъ тутъ-то и разыгралась у меня съ Нуръ-чашъ такая исторія.

Дикарка узнала, что я рисую, и очень любила даже разсматривать мои альбомы, которые я ей охотно показывалъ. Особенно она засматривалась на пейзажи, зданія, рисунки разныхъ цвѣтовъ, утвари; но ее, видимо, смущали изображенія живыхъ существъ—она ихъ разсматривала жадно, со жгучимъ любопытствомъ, но вмѣстѣ и со страхомъ, и когда я спросилъ ее объ этомъ обстоятельствѣ, то она сначала нехотя, а потомъ, увлекаясь все болѣе и болѣе разсказомъ, сообщила, что по ихъ закону рисовать живыхъ — большой грѣхъ, страшный грѣхъ, навлекающій на рисовальщика большую отвѣтственность и наказаніе Божіе, а пуще на того, кто позволилъ съ себя рисовать своею доброю волею...

— Аллахъ, — разсказывала она, — только одинъ можетъ творить все живое. Онъ даетъ форму, онъ даетъ и душу этой формѣ, а ты развѣ можешь дать душу всему тому, что ты нарисовалъ въ своихъ снимкахъ? У всякаго изображенія живого, у всякой, значитъ, формы, душа есть, только вселиться она можетъ по волѣ Аллаха и ни по чьей больше, и вотъ ты нарисовалъ форму, а душа ея носится около, тоскуетъ, жалуется на тебя Аллаху и проситъ ее избавить отъ этого мученія; а избавить ее можетъ только смерть самого рисовальщика, виновника этой тоски, этихъ мученій. Но если кто самъ, по своей волѣ, позволитъ снять съ себя форму, то Аллахъ въ наказаніе отбираетъ отъ такого грѣшника половину его собственной души, а разрозненныя половинки тоскуютъ вдвое и приносятъ наказанному одно только горе, одно неудачи въ жизни, одно несчастія.

Мнѣ въ первый разъ тогда пришлось слышать такое объясненіе. Потомъ я уже самъ убѣдился, что повѣрье это существуетъ у всѣхъ мусульманскихъ народовъ, въ большей или

меньшей силѣ, за исключеніемъ киргизовъ, которые вовсе не считаются добрыми мусульманами. Ни на фрескахъ мечетей, ни въ украшеніяхъ стѣнъ богатыхъ сакель мнѣ не приходилось видѣть изображеній живыхъ существъ, и богатые рисунки - орнаменты исключительно наполнялись только арабесками, цвѣтами, предметами утвари, а если и встрѣчались намеки на что-либо живое, какъ, напримѣръ, на бухарскихъ коврахъ, то это живое выражалось только въ очень слабомъ сходствѣ и совершенно видоизмѣнялось, принимая форму оригинальнаго и замысловатаго орнамента.

Признаться, меня не особенно радовала и утѣшала философія Нуръ-чашъ. Я давно уже мечталъ о томъ, какъ я уговорю ее посидѣть два или три сеанса и нарисую это оригинальное, полное жизни и характера, румяное личико, съ чудными, черными, какъ уголь, глазами, съ этими бровями дугою, съ этимъ сочнымъ, чувственнымъ ртомъ, сверкавшимъ при улыбкѣ рядомъ превосходныхъ, бѣлыхъ, какъ слоновая кость, ровныхъ зубокъ...

Да и Ваня меня просилъ не разъ объ этомъ... Онъ все еще боялся спросить: согласна-ли Нуръ-чашъ быть его женою? Боялся отказа больше, чѣмъ смерти, и утѣшалъ себя надеждою — хоть портретъ ея имѣть, когда оригиналъ улетитъ, повинуясь своей собственной волѣ. Бѣдный Ваня! Онъ и не подозрѣвалъ, что уже этой собственной воли не было у его Нуръ - чашъ, что она жила и дышала не своею, а его собственною волею и ждала только, когда наступитъ для нея этотъ блаженный часъ, въ который придетъ и возьметъ ее—ея повелитель.

Приступилъ я осторожно къ дѣлу,—началъ съ обиняковъ, заходилъ, что называется, и справа, и слѣва, но едва только Нуръ-чашъ угадывала мое намѣреніе, то приходила въ такой ужасъ, что по три дня не могла даже видѣть меня безъ того, чтобы съ ней не случилось чего-то похожаго, пожалуй, даже на истерику.

Пустился я на хитрость. Давъ съ недѣлю успокоиться, я опять началъ показывать ей свои альбомы и нарочно нарисовалъ предварительно нѣсколько драпировокъ и разныхъ уборовъ, но безъ лицъ и формъ тѣла. Ваня согласился помочь мнѣ въ моихъ планахъ, и уговорилъ Нуръ-чашъ какъ-то одѣться по-нарядней и попросилъ гостей. Пришелъ и я. Понятно, что я

пришелъ въ восторгъ отъ ея убранства, и мы всѣ вмѣстѣ кое-какъ уговорили ее сидѣть смирно, только якобы для того, чтобы нарисовать исключительно ея серьги, ожерелье, налобникъ и прочія детали костюма. Она долго не соглашалась, она словно подозрѣвала мою хитрость; но къ общимъ просьбамъ присоединился Ваня, и она покорно согласилась, жалобно, просительно глядя на того, кого она считала своимъ повелителемъ, у кого взглядомъ просила теперь защиты и покровительства. Я рисовалъ поспѣшно, лихорадочно. Мало-по-малу черты ея лица переходили на бумагу; съ каждымъ прикосновеніемъ кисти эти черты оживлялись, сходство усиливалось, передавался даже исключительный характеръ выраженія ея въ эту минуту. Я былъ въ ударѣ. Я кончилъ и вдругъ торопливо вышелъ изъ палатки, захватя съ собою альбомъ. Я предвидѣлъ, что она захочетъ взглянуть, и мнѣ надо было выиграть время перемѣнить альбомъ на другой, такой-же, гдѣ заранѣе приблизительно набросаны были только драпировки и украшенія моей невольной натурщицы. Когда я принесъ ей этотъ, уже подмѣненный рисунокъ, она пристально посмотрѣла на меня, покачала головою и грустно прошептала:

— Не надо... уйди... У меня теперь только половина души, другой нѣтъ... Она улетѣла. Я это чувствовала... Она тамъ теперь... и далеко...

И, заплакавъ, какъ ребенокъ, она легла на постель, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и накрылась съ головою халатомъ.

Съ этого дня, дѣйствительно, на насъ троихъ обрушилось одно тяжелое несчастіе. Нуръ-чашъ совершенно измѣнилась: ея веселость исчезла безъ слѣда, унеся съ собой и ея живой румянецъ, и ея симпатичную, заразительную улыбку. Ваня опустилъ носъ и захандрилъ невыносимо. У меня тоже непріятно зашевелилось нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти, и какъ я себя ни оправдывалъ, а все-таки дорого бы далъ за то, чтобы этого портрета не существовало вовсе. Но дѣло уже было сдѣлано, и поправить его оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы всѣ сначала думали. Неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы не выручила насъ изъ бѣды иная сила, которая оказалась могучѣе силы вѣрованія, силы врожденныхъ, всосанныхъ съ молокомъ матери предразсудковъ.

Дни и ночи проводилъ бѣдный Ваня около своей тоскующей

и заболѣвшей не на шутку Нуръ-чашъ. Рѣдко ей удавалось засыпать, и эти сны сопровождались то тяжелыми, мучительными грезами, то грезами иного рода. И вотъ эти-то другія грезы и убѣдили нашего пуританина, что ему нечего уже бояться отказа, что любятъ его безгранично, безраздѣльно, что передъ этою любовью уже не стоитъ никакихъ перегородокъ, никакихъ препятствій. Но Черныхъ вбилъ себѣ въ голову, что не дотронется до нея иначе, какъ черезъ алтарь, а для этого надо было, чтобы Нуръ-чашъ рѣшилась креститься въ нашу вѣру. Когда, со всѣми предосторожностями, объявили ей объ этомъ, то она отвѣтила своему возлюбленному:

— Я твоя, и душа моя твоя, жаль только, что теперь одна половинка осталась!

— Только,—сообщилъ тутъ намъ отрядный докторъ:—вы поторопитесь, а то, вѣдь, эти психическія болѣзни, чортъ знаетъ, до какой степени доходятъ и большими пакостями кончаются... Вотъ, напримѣръ, возьмемъ хоть обезьяну въ нашемъ климатѣ...

— Вы-бы сравненіе-то получше выбрали!—брезгливо прервалъ его Ваня Черныхъ, и все-таки, не откладывая въ долгій ящикъ, отправился совѣщаться съ отцомъ Геннадіемъ, отряднымъ духовникомъ,—іеромонахомъ.

Черезъ недѣлю Нуръ-чашъ уже носила другое имя—Анастасіи, какъ непремѣнно хотѣлъ Черныхъ, въ честь своей покойницы матери; а еще черезъ недѣлю мы лихо пировали на оригинальной военной свадьбѣ, гдѣ присутствовала только одна женщина, и то сама невѣста, гремѣли хоры пѣсенниковъ, и пускались въ плясъ всѣ, отъ самаго генерала до послѣдняго барабанщика. Маіоръ Брутовъ былъ воспріемникомъ новообращенной, и, о дивное дѣло! Не выпилъ на свадьбѣ ни одной рюмки и велъ себя особенно чинно и торжественно, завѣряя всѣхъ, что, ради такого дорогого дня, онъ и совсѣмъ пить перестать намѣренъ. А отецъ Геннадій съумѣлъ убѣдить Нуръ-чашъ (виноватъ, Настеньку), что теперь и душа у нея новая, цѣльная, что эти разрозненныя половинки были мусульманскія, ну, пусть онѣ тамъ гоняются другъ за другомъ, сколько имъ угодно, а молъ, нашъ, русскій Богъ, настоящій Богъ, далъ ей теперь такую душу, полную, да хорошую, какую онъ даетъ только своимъ самымъ любимымъ дитяткамъ.

Теперь я уже совершенно свободно могъ рисовать Настю, сколько угодно, да и желающихъ имѣть ея портретъ было столько, что я едва успѣвалъ удовлетворять своихъ заказчиковъ. Но первый портретъ былъ, все-таки, самый удачный, и имъ завладѣлъ Ваня Черныхъ, сказавъ при этомъ:

— Ну, видишь, другъ... Вотъ! Одно слово... Понимаешь-ли.. по гробъ!..

Тутъ онъ меня схватилъ обѣими руками и чуть не десять минутъ ломалъ и душилъ въ своихъ дружескихъ объятіяхъ.

СТРАШНОЕ МГНОВЕНІЕ.

(Изъ походныхъ записокъ линейца).

— Ваше благородіе, генералъ къ себѣ требуетъ-съ!

Это было, по моему личному мнѣнію, совсѣмъ уже не кстати. Во-первыхъ, потому, что я уже очень усталъ за этотъ тяжелый, сорока-верстный переходъ, и снявъ съ себя походные сапоги, вытянувшись во всю длину на пестромъ тюркменскомъ гилямѣ (коврѣ), протянулъ руку къ стакану янтарнаго чая, разливать который, на всю нашу компанію, обязательно взялся юнкеръ Гузяковъ... Апетитъ мой, надобно замѣтить, настолько развился, что я намѣренъ былъ выпить, по-крайней мѣрѣ, шесть такихъ стакановъ... Во-вторыхъ, мы собирались до вечерней зари перекинуться направо и налѣво, и я слышалъ, какъ капитанъ Спѣлохватовъ говорилъ своему денщику: «ты, братъ, новыхъ-то картъ намъ не подсовывай; годятся пока и старыя, а новыя мы уже на Аму-Дарьѣ распечатаемъ»... А въ третьихъ... да мало-ли что въ-третьихъ было такого, что заставило меня не совсѣмъ ласково взглянуть на рыжебородаго казака уральца, просунувшаго свою изрытую оспою рожу между раздвинутыхъ полъ моей конической палатки.

— Эхъ, думаю, значитъ, надо одѣваться, напяливать ботфорты, въ которыхъ (такъ мнѣ казалось въ данную минуту) было по пуду вѣсу въ каждомъ, опоясываться.—Да, можетъ, не меня требуетъ генералъ-то, не ошибся-ли ты?..—обратился я вслухъ къ казаку, и въ моей головѣ шевельнулась легкая тѣнь надежды.

— Никакъ нѣтъ; именно васъ требуютъ... такъ и сказали: поди, говорятъ, Данило, и позови кап...

— Ну, ладно, ладно... сейчасъ иду!..—тоскливо согласился я съ казакомъ Даніилой. —Вы ужъ, господа, подождите меня немного!—отнесся я къ своимъ, болѣе счастливымъ товарищамъ.

— Подождемъ немного!—потянулся и зѣвнулъ поручикъ Усогрызовъ.

— А вы тамъ недолго! — сообщилъ мнѣ нашъ докторъ, намазывая себѣ на солдатскій сухарь паюсную икру изъ цилиндрической жестянки.

Онъ готовился *пропустить* объемистый серебряный стаканчикъ полынной, такъ и сверкавшій своею чеканкою на сѣрой суконной попонѣ, исправлявшей должность нашей походной скатерти.

— Мы безъ васъ пока начнемъ маленькую; я закладываю четвертную, не больше!—утѣшилъ меня Спѣлохватовъ, съ трескомъ тасуя карты.

„Солдатъ весело живетъ,
Службу царскую несетъ“...

Доносился изъ коновязи голосъ хорового запѣвалы.

— Да, служба!—покорно вздохнулъ я, снарядившись, какъ слѣдуетъ, и шагнулъ за предѣлы моей палатки.

— Такъ ждите-же, господа!—крикнулъ я, приглядываясь въ эту знойную, дрожащую мглу: гдѣ-же это торчитъ яркокрасный съ семью большими звѣздами значокъ нашего генерала?

Вдоль по обоимъ берегамъ каменистой балки раскинулся нашъ отрядный бивуакъ. Группы солдатскихъ переносныхъ палаточекъ бѣлѣли на темно-коричневомъ, словно накаленномъ тонѣ почвы, правильными четвероугольниками; длинные ряды составленныхъ въ козлы ружей окаймляли эти четвероугольники съ лицевой стороны... У оружія, полудремля, чуть-чуть переступая, бродили съ ногъ до головы бѣлые линейцы-часовые. Изъ подъ палаточекъ, вышиною въ полтора аршина, не болѣе, торчали во всѣ стороны обутыя и необутыя ноги, слышался дюжій храпъ спящихъ... Тутъ-же, свернувшись клубкомъ, виднѣлись разношерстныя жучки, полканки, валетки, волчки,— неизбѣжные спутники всякаго военнаго отряда вообще и туркестанскаго въ особенности.

Понуривъ свои горбоносыя головы, не обращая даже вниманія на растрепанные передъ ними снопы сухого клевера, въ длинныхъ коновязяхъ стояли артиллерійскія лошади и лѣниво отмахивали хвостами докучливыхъ, невѣсть откуда летѣвшихъ мухъ и слѣпней. Изъ-за этихъ коновязей виднѣлись ярко-зеленые зарядные ящики, а дальше сверкали на солнцѣ ярко вычищенныя жерла мѣдныхъ орудій, и около нихъ опять тоже неизбѣжные, клюющіе носомъ, усталые часовые.

Болѣе пестроты и движенія было въ казачьемъ лагерѣ, расположившемся нѣсколько на отлетѣ. Сотенные значки цвѣтными тряпками неподвижно висѣли въ знойномъ воздухѣ; тамъ и сямъ вились синеватые дымки, станки ракетныхъ батарей казались издали какими-то треногими пауками... Совсѣмъ уже дикою, до нельзя пестрой ордою расположились оборвыши туземные милиціонеры, а самое большое пространство, обрамленное конными и пѣшими пикетами, хватающее чуть не до самаго, терявшагося въ мглистомъ туманѣ, горизонта,—занимали вьючные обозы отряда, достигающіе численностью до трехъ тысячъ вьючныхъ верблюдовъ, развьюченныхъ и уложенныхъ въ данную минуту безконечными рядами... Горбатыя животныя лежали на горячемъ пескѣ, вытянувъ длинныя шеи, пережевывая свою пѣнистую зеленоватую жвачку. Противъ нихъ, такими-же правильными рядами сложены были тюки съ фуражемъ, провіантомъ, войлочными кибитками, солдатскимъ имуществомъ и прочимъ подобнымъ скарбомъ.

Мѣшковатые, неуклюжіе лаучи (верблюдовожатые) бродили между своими животными, подкладывали имъ подъ морды саманъ (рубленую солому), осматривали на досугѣ вьючныя сѣдла—и искоса, недружелюбно поглядывали на сторожевыхъ казаковъ, охватившихъ весь обозный бивуакъ своею живою цѣпью.

Не разъ уже случалось, что лаучи уходили отъ отрядовъ и угоняли съ собою верблюдовъ, оставляя отрядъ въ самомъ стѣснительномъ положеніи. Неизбѣжная и продолжительная остановка движенія посреди мертвой, безплодной степи слишкомъ давала себя чувствовать, чтобъ не научить насъ поменьше довѣряться этимъ косоглазымъ степнякамъ, сроднымъ по всему нашимъ противникамъ и потому невольно имъ симпатизирующимъ. Теперь уже какъ лаучи, такъ и вьючные верблюды, ни на минуту не выходили изъ подъ самаго зоркаго присмотра.

Самое-же большое оживленіе царствовало у колодцевъ, по близости которыхъ расположились солдатскія кухни. Густой черный дымъ стлался надъ лощиною; гарью и саломъ несло оттуда; уныло мычали быки, предназначенные на убой... Русскій и туземный говоръ и пѣсни слышались въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ звуковъ.

— Сюда, ваше благородіе, сюда!—торопилъ меня уралецъ-казакъ, мой проводникъ. — Сюда пожалуйте, тамъ обозы, далеко обходить придется!

И я покорно шелъ за нимъ, шагая черезъ растянутыя на полъ-аршина отъ земли веревки свѣтло-зеленыхъ, ярко-красныхъ, бѣлыхъ, пестрыхъ, полосатыхъ, коническихъ, цилиндрическихъ, кубообразныхъ, круглыхъ, однимъ словомъ, всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ—палатокъ.

Большая кибитка изъ бѣлаго войлока, подбитая снизу краснымъ сукномъ, стояла какъ-то на отлетѣ: мѣсто вокругъ нея было значительно просторнѣе, чѣмъ вокругъ остальныхъ кибитокъ. Двое часовыхъ ходили передъ входомъ. У кибитки стоялъ на длинномъ древкѣ большой значокъ, именно тотъ самый, съ семью бѣлыми звѣздами, расположенными въ видѣ созвѣздія большой медвѣдицы. Эта и была генеральская кибитка.

Подойдя ближе, я замѣтилъ оригинальную группу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отъ кибитки ложилась на песокъ полукруглая синеватая тѣнь.

Нѣсколько человѣкъ, полуголыхъ, на израненномъ тѣлѣ которыхъ остатки одежды висѣли грязными, окровавленными тряпками, съ какими-то неестественно-блѣдными, искаженными страхомъ и ожиданіемъ лицами, сидѣли на корточкахъ, связанные попарно, подъ конвоемъ двухъ или трехъ казаковъ, опершихся на свои таперовскія винтовки. Это были плѣнные хивинцы, пойманные нашими разъѣздами по близости лагеря... Несчастные нечаянно наткнулись на закрытый казачій секретъ и поплатились свободою за свою оплошность.

Съ нихъ только-что былъ снятъ допросъ, въ результатѣ котораго, какъ я узналъ впослѣдствіи, и оказалась посылка за мною, такъ не кстати прервавшая мой кейфъ.

Генералъ сидѣлъ на складномъ табуретѣ, спиною ко мнѣ, и что-то писалъ. Я задѣлъ нечаянно шпорою за коверъ, по-

тянулъ его, опрокинулъ что-то и, вообще, надѣлалъ шуму своимъ появленіемъ.

— А, это вы?—обернулся немного генералъ.

— Ваше превосходительство изволили...

— Звалъ, звалъ.—Садитесь пока; я сейчасъ кончу.

Онъ кивнулъ мнѣ на другой складной стулъ и занялся своимъ дѣломъ, казалось, вовсе не обращая вниманіе на мое присутствіе.

Ждалъ я четверть часа, наконецъ, полчаса... часъ даже. Меня начала одолѣвать самая неотвязная дремота.

И вотъ заходили передъ моими глазами и заволновались всѣ предметы, наполнявшіе внутренность кибитки: походная кровать, прикрытая ковромъ, начала подниматься то однимъ концомъ, то другимъ: она колыхалась, какъ шлюпка по волнамъ... Заскакалъ на одномъ мѣстѣ серебряный умывальный приборъ; туманомъ застлало свѣтлый четыреугольникъ зеркала. Широкая генеральская спина съ перетянутыми на крестъ шелковыми подтяжками (генералъ былъ безъ сюртука) стала расползаться все шире и шире... вотъ она заняла уже почти всю кибитку... «Постойте... куда-же мнѣ дѣваться?!. Я, ваше превосходительство, сейчасъ... я сейчасъ...», а генеральское перо такъ и трещитъ, такъ и скрипитъ по бумагѣ трр... трр... трр...

— Э... гм!..—громко откашлялся генералъ.

— Ваше превосходительство!..—шарахнулся я со стула.

— А! Вы, вѣрно, устали... Ну, это ничего. Вы будете имѣть часа четыре отдыха передъ исполненіемъ моего порученія!

— Я готовъ, ваше превосходительство...—побравировалъ было я.

— Нѣтъ, отдохните. Вамъ предстоитъ трудная и не безопасная прогулка!

Генералъ всталъ, прошелся раза два по кибиткѣ и произнесъ,—а, дѣйствительно, припекаетъ!

— Вотъ эти конверты—ихъ два вы отвезете полковнику А. въ передовой отрядъ... Онъ, какъ вы знаете, впереди насъ на одинъ переходъ, въ разстояніи... въ разстояніи... А Богъ его знаетъ, въ какомъ это разстояніи, однимъ словомъ, вы постарайтесь въ ночь добраться туда и поспѣть прежде, чѣмъ онъ снимется съ ночлега... Понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство...—пробормоталъ я.

Вѣроятно, въ моемъ голосѣ зазвучало что-нибудь подозрительное, потому что генералъ внимательно посмотрѣлъ на меня и добавилъ:

— Темнота ночи васъ прикроетъ... Это не такъ опасно, какъ кажется съ перваго взгляда; къ тому-же, у васъ такая прекрасная лошадь: кровный тюркменъ, кажется?

— Да, ваше превосходительство, т. е. оно не то, чтобы кровный...

— На прошлогодней скачкѣ она замѣтно выдѣлялась... Вы взяли первый призъ?

— Да-съ, но теперь какъ будто что-то на лѣвую ногу жалуется! — заговорилъ я въ минорномъ тонѣ; но генералъ, кажется, не обратилъ вниманія на это обстоятельство.

— Такъ вотъ вы поѣдете... Направленіе вамъ извѣстно, а что касается до подробностей пути, то такой отрядъ не могъ пройти по голой степи, не оставивъ за собой замѣтныхъ слѣдовъ, а проводники (да ихъ кстати и нѣтъ вовсе) вамъ не понадобятся.

— А въ случаѣ,—если?..—началъ было я, и холодный потъ проступилъ у меня подъ рубашкою отъ одного только предположенія «этого случая».

— Вы поѣдете съ закатомъ солнца. До свиданья... счастливаго пути!.. Донесите мнѣ о часѣ и даже минутѣ вашего отъѣзда!

Молча я взялъ оба полновѣсные конверта, повертѣлъ ихъ въ рукахъ, поклонился и вышелъ. Не успѣлъ я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ услышалъ за собою генеральскій голосъ; онъ громко и отчетливо произносилъ мою фамилію. Я обернулся. Генералъ высунулся изъ кибитки и звалъ меня. Часовые отхватили подходящій къ случаю ружейный пріемъ и замерли на мѣстѣ. Плѣнные хивинцы тоскливо начали переглядываться.

— Мнѣ необходимо, чтобы эти конверты своевременно попали въ руки полковника А. И понятно, что вы ничего не проиграете по службѣ, если... Ну, Господь съ вами!

И генералъ, тронулъ меня по плечу, скрылся въ своей кибиткѣ.

Послѣдній намекъ былъ для меня тоже очень понятенъ, и, признаться, духъ честолюбія заглушилъ на мгновеніе ту—не

то, чтобы робость, а что-то весьма похожее, что испытывалъ я, взвѣшивая всѣ хорошіе и дурные шансы предстоявшей мнѣ поѣздки.

Прійдя къ себѣ домой, я первымъ долгомъ завалился спать; я хотѣлъ подкрѣпить себя сномъ передъ безсонною ночью. Товарищи, узнавъ, зачѣмъ меня требовалъ генералъ, не безпокоили меня ни предложеніемъ карточки, ни чѣмъ другимъ, болѣе или менѣе соблазнительнымъ; только сосѣдъ мой артиллеристъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— А знаешь, что?! Ты на всякій случай часы и бумажникъ оставь здѣсь, зачѣмъ имъ пропадать даромъ?

Но, вѣроятно, я посмотрѣлъ на него за это такимъ волкомъ, что онъ поспѣшилъ отретироваться, бормоча:

— Да вѣдь что-же, я не съ какою-либо корыстною цѣлью а досадно, если такая хорошая вещь попадетъ въ руки этой косоглазой сволочи!

— Да съ чего ты это взялъ, что я непремѣнно попадусь, а не проскачу благополучно?—крикнулъ я на всю палатку, обернулся къ стѣнкѣ и завернулся въ простыню съ головою.

Медленно опускалось въ густую туманную полосу багровое, словно расплавленный чугунъ, солнце. Этотъ кровавый дискъ казался громаденъ; онъ былъ безъ лучей, и отъ него по степи разливался матовый красный свѣтъ, скользя по вершинамъ камней, по гребнямъ и остріямъ палатокъ, сверкая на остріяхъ пикъ, частоколомъ воткнутыхъ въ землю за казачьими коновязями, на кончикахъ штыковъ пѣхотныхъ ружейныхъ козелъ. Глухой, унылый ревъ подняли обозные верблюды; теперь пришелъ ихъ чередъ къ водопою, и ихъ вели къ колодцамъ длинными вереницами.

Осторожно пробрался я мимо солдатскихъ палаточекъ и скоро выѣхалъ на просторъ, миновалъ послѣднія пары часовыхъ въ цѣпи. Нашъ лагерь остался сзади — и съ каждымъ шагомъ моего коня все стихали, замирая въ ночномъ воздухѣ, его разнообразные звуки.

Скоро перестали долетать до меня и эти замирающіе отголоски. Мертвая, тоскливая тишина охватила меня кругомъ... эта страшная, давящая душу, наводящая суевѣрный ужасъ тишина пустыни.

Разъ-два, разъ-два, разъ-два... отчетливо щелкалъ своими плоскими тюркменскими подковами мой Орликъ. Та-та, та-та, та-та, та-та сѣменили тропотой мошатки двухъ казаковъ-уральцевъ, Богъ-вѣсть, по какому вдохновенію навязанныхъ мнѣ въ безполезный конвой.

Съ двойнымъ чувствомъ посматривалъ я на этихъ коренастыхъ, обросшихъ бородами парней, безпечно согнувшихся на своихъ высокихъ сѣдлахъ. Я былъ и доволенъ ихъ присутствіемъ, и нѣтъ: доволенъ потому, что все не одинъ въ этой мертвой степи, все есть хоть съ кѣмъ-нибудь переброситься словомъ; за то на меня находило и другое скверное чувство: я посматривалъ на этихъ толстопогихъ, откормленныхъ лошадокъ, неутомимыхъ на продолжительномъ тихомъ бѣгу, но далеко не быстрыхъ на-короткѣ. Что если мы наткнемся на какую-нибудь партію хищниковъ?.. Что пустякъ для моего тюркмена—то положительно немыслимо для нихъ. Мнѣ представляется въ этомъ случаѣ выборъ: или гибнуть вмѣстѣ съ этими двумя казаками, или бросить ихъ на произволъ судьбы и спасаться самому. Долгъ службы обязывалъ меня сдѣлать послѣднее, честь требовала перваго.

— И какъ это я не догадался просить, чтобы меня уволили отъ этого безполезнаго конвоя?..—досадовалъ я самъ на себя и вымѣщалъ эту досаду, натискивая слегка шпорами бока моего Орлика.

Передъ мною разстилалось небольшое пространство, задернутое туманною почною мглою. Горизонтъ исчезалъ, сливаясь съ небомъ въ этомъ туманѣ. Чуть-чуть мерцала высоко звѣзда. Какой-то странный молочный, фосфорическій свѣтъ дрожалъ надъ каменистою поверхностью степи, усѣянной кое-гдѣ сухою, колючею растительностью, годной только развѣ на одно топливо. Даже неприхотливый верблюдъ — и тотъ пренебрегаетъ этою флорою, не рискуя наколоть свои губы и языкъ, защищенные, между прочимъ, такою жесткою шероховатою кожей, объ которую способна ломаться и тупиться даже обыкновенная англійская иголка.

— А что я вамъ доложу, ваше благородіе?—подогналъ поближе ко мнѣ одинъ изъ казаковъ.

— А что?

— Хорошо, таперичи вотъ что, очень это было-бы при-

красно... Коли-бы ежели взять по лоскутку кошмы, да подвязать подковы конямъ снизу; важно было бы!

— Это зачѣмъ? — спросилъ я и тотчасъ же сообразилъ, что сказалъ глупость.

— Теперь... темно, значитъ, не видно; одначе тихо, и потому далеко слышно! — принялся объяснять мнѣ уралецъ, удивляясь, вѣроятно, какъ, молъ, этакой пустякъ я не понимаю. — Теперь, ежели мы подвяжемъ кошемки, пойдемъ мы, ровно кошки, самымъ неслышнымъ шагомъ!

— Дѣло! — согласился я, и мы всѣ трое остановились, чтобы привести въ исполненіе предложенный планъ.

Болѣе получаса употребили мы, пока снова тронулись въ путь и, какъ оказалось, потратили совершенно безполезно дорогое ночное время. Сначала пошло отлично... мы даже сами не слышали шаговъ своихъ коней, неслышно ступавшихъ въ своихъ мягкихъ башмакахъ, но, увы, это было не надолго... Не прошли мы и трехъ верстъ по этому каменистому грунту, какъ снова послышалось знакомое бряканье... сперва изрѣдка, потомъ все чаще и чаще... Импровизованная конская обувь пришла въ полную негодность гораздо скорѣе, чѣмъ мы предполагали.

Плюнули мы, освободили щиколотки нашихъ лошадей отъ обрывковъ войлока и поѣхали дальше, безцеремонно оглашая степь мѣрнымъ щелканьемъ двѣнадцати подковъ.

Фррр!.. вылетѣла изъ-подъ самаго носа моего коня какая-то птица... Дрогнулъ Орликъ, запрялъ ушами и попятился.

— Тсъ!.. Ваше благородіе, а ваше благородіе! — шепталъ сзади тревожный голосъ.

Я и самъ замѣтилъ вправо отъ дороги что-то подозрительное... Какая-то темная масса громадныхъ размѣровъ и совершенно неопредѣленныхъ очертаній двигалась на насъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ ясно казалось, что она двигается... Около нея, то отдѣляясь, то сливаясь вмѣстѣ съ нею, виднѣлись другія темныя пятна меньшихъ размѣровъ... Красноватыя точки искрились во мракѣ, глухое, злобное ворчаніе и повизгиваніе дало намъ понять, въ чемъ дѣло. Это волки теребили павшаго верблюда. Туманъ увеличилъ размѣры тѣхъ и другихъ; мелкіе степные волки казались съ добрую лошадь — трупъ верблюда не меньше киргизской кибитки.

— Ахъ, вы, стервецы!—брякнулъ казакъ.

— Ну, чалки, небось! Не заѣдятъ, пошгрели-те въ пузо!— ободрилъ своего коня другой.

Подался въ сторону мой Орликъ и бочкомъ, косясь направо, прошелъ мимо волковъ, отбѣжавшихъ въ сторону и оставившихъ на минуту свой ужинъ.

— Мы на хорошей дорогѣ,—замѣтилъ я,—вонъ еще виднѣется какая-то падаль! Здѣсь шелъ отрядъ... Вонъ и слѣды орудійныхъ колесъ, глубоко врѣзавшіеся тамъ, гдѣ мѣстность была песчанѣе и рыхлѣе.

— Не собьемся!—утѣшалъ меня казакъ.—Чу-кось!

Опять какой-то странный шумъ слышался спереди... Теперь это топотали десятки конскихъ ногъ, и этотъ грозный топотъ медленно двигался намъ навстрѣчу.

— Господи, благослови!—шепталъ казакъ и снялъ съ плеча винтовку.

— Спѣшиться надо!—посовѣтовалъ другой, тоже освобождая свое оружіе.

За моими плечами висѣла короткоствольная англійская двухстволка, заряженная охотничьей картечью; я всегда предпочиталъ эти заряды пулямъ... Все вѣрнѣй какъ-то! Я поспѣшно взвелъ курки, повернулъ коня и сталъ всматриваться въ темноту.

Темная группа, очевидно, конная, осторожно шла намъ на встрѣчу.

— Подожди, не стрѣляй!—шепталъ казакъ своему товарищу.—Кто ихъ знаетъ, можетъ, свои, такъ вотъ, какъ и мы...

— Хивинцы!—шепнулъ другой, прицѣливаясь.

Орликъ вытянулъ шею, фыркнулъ и громко заржалъ.

— Попались! — подумалъ было я и приготовился къ схваткѣ.

Во всѣ стороны шарахнулись мнимые всадники и большими козьими скачками скрылись въ темнотѣ.

— Сайгаки!—невольно крикнулъ казакъ.

— Ахъ, волкъ тя заѣшь! А я было испужался! — произнесъ тотъ, кто увѣрялъ, что это были хивинцы.

Часа два мы ѣхали спокойно, послѣ этой маленькой тревоги и, по моему разсчету, должны были сдѣлать навѣрное болѣе тридцати верстъ отъ нашего лагеря. Мой Орликъ шелъ

ходкимъ проѣздомъ, тѣмъ оригинальнымъ смѣшаннымъ аллюромъ, которымъ обыкновенно барантачи наѣзжаютъ своихъ лошадей. Проѣздъ не утомляетъ коня, чрезвычайно покоенъ для всадника и настолько быстръ, что непривычная къ этому ходу лошадь только рысью можетъ поспѣвать за конемъ, идущимъ этимъ ходомъ.

Мой тюркменъ, казалось, нисколько не былъ утомленъ, онъ весело потряхивалъ своею сухою головою, шелестилъ подвѣсками и амулетами, украшавшими уздечку туземнаго образца. Легкій, предразсвѣтный вѣтеръ такъ пріятно пробирался подъ складки моего плаща, освѣжая эту душную, тяжелую ночную атмосферу. Даже казачьи моштаки, тоже, повидимому, нисколько не уставшіе, шли бодро, хватая другъ друга зубами за загривки, едва только казакъ отпускалъ вольнѣе ременный поводъ. Все шло очень хорошо, все предвѣщало полный успѣхъ нашей поѣздкѣ.

Что это... Никакъ зарево бивуачныхъ костровъ?.. — Вонъ вспыхиваетъ легонько и тонкою свѣтлою полоскою тянется по горизонту... Нѣтъ, это утренняя заря... Близокъ разсвѣтъ. Утро скоро наступитъ и разгонитъ спасительную темноту, а передового отряда и не слышно, и не видно. Гдѣ-же онъ?— Неужели мы сбились съ дороги? Нѣтъ, не сбились, мы на «хорошемъ пути» (какъ сказалъ казакъ). Стоитъ только нагнуться, чтобы видѣть безчисленные слѣды пѣшихъ и конныхъ, широко расползающіеся двойные слѣды верблюдовъ, борозды, колеи... Все, все говоритъ, что отрядъ шелъ здѣсь, именно по той самой дорогѣ, по которой бѣгутъ наши кони, которыхъ мы не на шутку принялись подгонять легонькими ударами нагаекъ и толчками шпоръ въ ихъ замаслившіеся бока, перетянутые сѣдельными подпругами.

Углы обоихъ конвертовъ, которые я засунулъ за пазуху рубахи, все время меня ужасно безпокоили; я ихъ перекладывалъ то направо, то налѣво, прихватывалъ поясомъ; казалось: черезъ минуту-двѣ опять начинается безпокойное потал киваніе.

— И какъ это я сразу не догадался!—подумалъ я, поспѣшно отстегнувъ сѣдельную кожаную сумку на потникѣ, предназначавшуюся собственно для запасныхъ подковъ, и сунулъ бумаги.

— Тутъ много будетъ способнѣй, — замѣтилъ казакъ мой маневръ, — отсюда ни ръ жисть не вывалются!

„Си-ндитъ беркутъ на курганѣ.
Зорко на степь онъ глядитъ...“

Замурлыкалъ какую-то пѣсню.

„Онъ глядитъ на ту дорогу...“

Подтянулъ ему товарищъ.

Быстро начало свѣтать. Колыхнулся туманъ отъ свѣжаго вѣтра; дымчатыми волнами погнало его этимъ самымъ вѣтромъ; мало-по-малу развертывался передъ глазами безконечный горизонтъ. Легкіе миражи голубоватыми силуэтами рисовались на золотистомъ, свѣтломъ - разсвѣтломъ фонѣ. Засверкала окраина солнечнаго диска, и потянулись отъ коней и всадниковъ длинныя, безконечно въ степь убѣгающія, тѣни.

— Много, чортъ ихъ дери, за день проперли! — замѣтилъ казакъ, прервавшій свою пѣсню о беркутѣ.

Это сердитое замѣчаніе относилось къ передовому отряду, до котораго мы никакъ не могли добраться... Отрядъ этотъ дѣйствительно находился *только въ одномъ переходѣ*, — но въ какомъ? Въ такомъ, который можетъ совершить развѣ только туркестанскій отрядъ, гдѣ люди, какъ кажется, заразились отъ верблюдовъ терпѣніемъ, силою и выносливостью.

— Теперь дѣло дрянь, это точно ужъ! — шепотомъ заговорили сзади меня.

— Это, братъ, ужъ не сайгаки...

— Человѣкъ двадцать будетъ?

— Больше!..

— Пронеси, Господь!.. Ваше благородіе!..

— Вижу, братъ, авось проберемся! — подбодрилъ я казаковъ, а у самого сжалось сердце, и въ мозгу заворочались тяжелыя мысли.

Вереница красныхъ точекъ подвигалась въ сторонѣ, пересѣкая нашу дорогу Въ свой бинокль я ясно различалъ масти лошадей и вооруженіе всадниковъ... это были «не наши».

Круглые металлическіе щиты сверкали за спинами джигитовъ, когда кто - нибудь изъ нихъ поворачивался задомъ къ солнцу... Тюркмены, должно-быть, не замѣчали насъ — да это

имъ было довольно трудно, потому что мы пробирались лощиною въ тѣни, между тѣмъ какъ они шли по гребнямъ наносныхъ песчаныхъ бугровъ, ярко освѣщенныхъ косыми лучами утренняго солнца.

Эта спасительная лощина, въ которую мы попали, тянулась на далекое разстояніе, наискось къ направленію нашего пути. Не выходя изъ нея, мы не должны были слишкомъ много уклоняться отъ нашей дороги, и потому мы рѣшились отнюдь не оставлять этой лощины, разсчитывая выиграть этимъ время у нашихъ враговъ. Если мы попадемъ прежде на точку пересѣченія лощины съ тѣмъ путемъ, по которому шли тюркмены, то еще не все потеряно.

Я пустилъ казаковъ впередъ, такъ какъ мнѣ приходилось соображать бѣгъ своего коня съ ихъ бѣгомъ, и уральцы, пригнувшись къ самымъ шеямъ коней, понеслись во всю прыть своихъ моштаковъ, погоняя ихъ увѣсистыми ударами ременныхъ нагаекъ... я пошелъ за ними сдержаннымъ галопомъ, зорко оберегая правую сторону, — ту сторону, откуда могли показаться на перерѣзъ идущіе намъ барантачи.

Минутъ пятнадцать скакали мы такимъ образомъ. Лощина кончилась; мы вынеслись на открытое мѣсто.

Дикій крикъ и какое-то волчье завываніе привѣтствовало наше появленіе. Непріятельскіе наѣздники разскакались и пустились за нами, какъ борзыя за зайцами.

— Не уйти!..—тоскливо поглядывалъ назадъ казакъ.

— Богъ милостивъ!—совершенно впрочемъ безнадежнымъ тономъ бормоталъ другой.

Я видѣлъ, насколько лучше скакали лошади преслѣдователей. Разстояніе, отдѣлявшее насъ, становилось все меньше и меньше... Вотъ они насѣдаютъ... Я слышу уже фырканье лошадей и торопливый, задыхающійся на скаку говоръ.

— А! Вотъ оно что!.. Берегись!.

Жалобно пропѣла оперенная тростинка съ острымъ, гвоздеобразнымъ наконечникомъ... Другая стрѣла опередила меня слѣва, врѣзалась въ песокъ и переломилась.

Мы выскакали на вершину скалистаго кургана.

— Стой, братъ, все равно, не уйти!—рѣшительно осадилъ уралецъ своего моштака и соскочилъ на землю.

Мгновеніе—и оба казака были пѣшкомъ, пустивъ своихъ запыхавшихся коней вольно, на длинные чумбуры.

Я одинъ остался верхомъ. Орликъ горячился и рвался впередъ. Его смущало это гиканье, несущееся намъ навстрѣчу.

Замѣтивъ нашъ маневръ, тюркмены тоже остановились и окружили нашъ курганъ. Они хорошо знали превосходство нашего оружія, чтобы рискнуть прямо броситься въ атаку, когда увидѣли передъ собою уже не бѣглецовъ, а людей, приготовившихся къ отчаянной оборонѣ.

Они шагомъ ѣздили вокругъ барнака, придерживаясь впрочемъ почтительнаго отдаленія. Сложивъ трубою у рта руки, они посылали намъ самую унизительную, по ихъ мнѣнію, брань и грозили издали своими длинными, гибкими, какъ трость, пиками.

Я насчиталъ двадцать лошадей и восемнадцать всадниковъ, потому что двое изъ нихъ были, что называется, о дву-конь, т. е., сидя на одной, держали другую въ поводу. По всѣмъ признакамъ, это были *рыскачи* изъ шаекъ Садыка.

Солнце поднималось все выше и выше; мы начали чувствовать жажду. Солнечный жаръ могъ утомить и измучить насъ и нашихъ коней больше, чѣмъ движеніе. Выжидательное положеніе, въ которомъ мы находились, становилось невыносимо.

— Ваше благородіе!—окликнулъ меня казакъ.

— Что? — отозвался я, не поворачиваясь къ нему и не спуская глазъ съ высокаго молодца въ остроконечной войлочной шапкѣ, такъ и вертѣвшагося на поджаромъ бѣломъ конѣ передъ прицѣломъ моей двухстволки.

Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось влѣпить въ него зарядъ картечи изъ одного ствола! Трудно было мнѣ удержаться отъ этого соблазна.

— Вонъ курганъ синѣетъ... вершина у него, словно спина верблюжья, двойнымъ горбомъ выходитъ... Тамъ онъ и есть!

— Что? Тамъ есть?

— Отрядъ... мнѣ арбакешь киргизинъ сказывалъ вчера... говоритъ: энти родники подъ курганомъ, у котораго гребень раздвоенный... Ну, вотъ онъ самый раздвоенный и есть!

Очень могло быть, да даже и дѣйствительно не могло быть иначе, что отрядъ находился отъ насъ близко, верстъ восемь, не больше. Разстояніе, которое мой Орликъ проскакалъ-бы въ полчаса, даже менѣе — минутъ въ двадцать... Эхъ! Не попытаться-ли?—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Намъ долго сидѣть всѣмъ не приходится; можетъ, къ нимъ еще народъ подойдетъ, тогда плохо будетъ! — говорилъ опытный уралецъ.—На своихъ коняхъ намъ тоже не уйти, а вы на своемъ, пожалуй, и уйдете... Гоните въ лагерь, а мы ужъ отсидимся, дастъ Богъ, коли скоро на выручку къ намъ вышлите!

Я не могъ не убѣдиться въ неотразимости предложенія уральца; отъ него такъ и вѣяло обдуманностью и здравымъ смысломъ. Бумаги должны быть утромъ у полковника — это необходимо... Значитъ, надо было оставить казаковъ отсиживаться и возложить всю надежду на быстроту Орлика.

Я слѣзъ, оправилъ сѣдло, протеръ коню ноздри платкомъ, намоченнымъ въ водкѣ, поправился самъ и сѣлъ въ сѣдло...

Маневръ мой, должно-быть, былъ понятъ тюркменами, потому что они заволновались и стали стягиваться къ той сторонѣ, съ которой, по мнѣнію ихъ, я долженъ былъ пуститься.

А казаки межъ тѣмъ стреножили коней, положили ихъ и, прислонившись спинами другъ къ другу, приготовились отсиживаться.

— Ну, Орликъ, выноси! — гикнулъ я. — Помогай вамъ Богъ! — обернулся я на мгновеніе къ казакамъ и далъ коню волю.

Орликъ прыгнулъ, какъ дикая коза, заложилъ назадъ уши и ринулся впередъ. Вдругъ что-то щелкнуло о его крупъ; онъ присѣлъ; мнѣ показалось, что онъ спотыкнулся на заднюю ногу,—однако, оправился и поскакалъ.

Выстрѣлы моей двухстволки, направленные почти въ упоръ въ эти скуластыя, уродливыя рожи, загородившія мнѣ дорогу, расчистили путь. Тонкое остріе тюркменской пики задѣло меня слегка въ бокъ и разорвало рубаху.

— Выноси, Орликъ, выноси! — шепталъ я на ухо своему скакуну. Слыша за собою вытье преслѣдователей, нѣсколько разъ я оборачивался. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ пихнетъ меня въ спину что-нибудь острое, — и каждый разъ, когда мнѣ приходилось взглянуть назадъ, я не безъ удовольствія замѣчалъ, какъ все болѣе и болѣе растягивался промежутокъ между мною и тюркменами.

Но вотъ мой Орликъ сталъ ослабѣвать, я чувствовалъ, какъ все тяжелѣе и тяжелѣе становились его скачки; я чувствовалъ,

какъ рѣзкій свистъ вѣтра, несшійся мнѣ навстрѣчу, становился все тише и тише... и снова громче раздавались страшные крики сзади.

— Неужели лошадь слабѣетъ, неужели она утомляется? Но этого не могло быть! Я зналъ свойства своего коня... А!.. Что это? Рука моя вся въ крови; я погладилъ по крупу коня, и вотъ моя рука стала красная, смокъ даже рукавъ моей рубахи. Бѣдный Орликъ! Онъ ослабѣлъ не отъ бѣга... его сломила потеря крови. Онъ раненый несся все это время—и по его слѣдамъ, на горячемъ пескѣ оставались красныя кровавыя пятна.

А вѣдь уже немного... Вотъ уже ясно очерчиваются *Верблюжьи Горбы*; черныя точки мелькаютъ впереди: никакъ наши бѣлыя рубахи мелькнули.

Вдругъ Орликъ остановился, присѣлъ назадъ и зашатался... Выхвативъ револьверъ, я соскочилъ съ сѣдла — и въ тоже мгновеніе былъ сбитъ съ ногъ наскочившими на меня лошадьми.

Я ничего больше не помнилъ.

Сопѣнье, храпъ, тупой ударъ по темени, какая-то отвратительная вонь и рѣзкая, колящая боль въ боку... вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

Голова у меня болѣла невыносимо, тупо, и въ ушахъ стоялъ непрерывный гулъ: лѣвой руки я почти не чувствовалъ вовсе. Я испытывалъ то ощущеніе, когда, что называется, отлежишь руку; острыя покалыванія перебѣгали въ пальцахъ и по всей ладони. Но болѣе всего страданій доставлили мнѣ щиколотки ногъ; онѣ были такъ усердно перевязаны тонкою волосяною веревкою, что арканъ перетеръ уже давно кожу и, весь окровавленный, все дальше и дальше врѣзывался въ мясо, производя рѣжущую жгучую боль, отъ которой я, вѣроятно, и началъ приходить въ чувство...

Меня сильно покачивало; чья-то рука придерживала меня за поясъ, кругомъ фыркали и топали лошади, слышался неясный гортанный говоръ... Вотъ выстрѣлы — одинъ другой, третій... цѣлая перестрѣлка доносилась откуда-то очень изъ далека... Стихла... Опять началась еще дальше.

— Уйдемъ, уйдемъ, береги только конскую прыть... уйдемъ!— ободрительно, не громко, говоритъ голосъ близко около меня, это произнесъ, какъ мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, тотъ,

чья рука придерживала меня за сѣдломъ въ такомъ неудобномъ положеніи... Фраза эта была произнесена незнакомымъ голосомъ, не русскимъ языкомъ и ничего ее имѣла для меня утѣшительнаго.

Фраза эта дала мнѣ почувствовать: во-первыхъ, что я въ плѣну, а во-вторыхъ, что нѣтъ уже надежды на избавленіе... Они уходятъ, значитъ, ихъ не догонятъ, а догонять могли только наши русскіе—русскіе, вѣроятно, тѣ самые, которыхъ я видѣлъ вдали, падая вмѣстѣ съ своимъ Орликомъ.

Дышать тяжело... воздуху нѣтъ! Хоть-бы голову мою кто-нибудь поддерживалъ въ болѣе удобномъ положеніи; мнѣ казалось, что она слишкомъ уже безнадежно висѣла на безсильной, словно парализованной шеѣ. Я опять пересталъ все слышать, пересталъ даже видѣть передъ глазами тѣ красноватые круги свѣта, тотъ туманъ, въ которомъ двигалось что-то неопредѣленное... Все погрузилось въ глубокую темноту...

— Сдохъ!..—неожиданно и совершенно ясно услышалъ я голосъ.

— Пожалуй, что и такъ!—говорилъ другой.

— Нѣтъ, дышетъ. Да все равно, скоро околѣетъ!

— Это его Гассанъ такъ по затылку огрѣлъ!

— Барахтался очень, оттого и огрѣлъ. Да что съ нимъ возиться — брось! Все равно, живого не довезешь до стана! Только задержка одна!

— Чего задержка! Вѣдь ушли... Ну, а къ ночи дома будемъ... Мулла Садыкъ халатъ дастъ за него... Вѣдь это, должно быть, большой «тюра» *)!

— Все равно, привезти: что все тѣло, что одну голову,— а везти много удобнѣе будетъ. Отрѣжь-ка...

— Погоди, можетъ, очнется; все живьемъ лучше!

— Не очнется!

— Ну, тамъ посмотримъ!

Я слышалъ весь разговоръ такъ отчетливо ясно... Я такъ хорошо понималъ его содержаніе... Я совершенно понялъ смыслъ и ужасъ этого спора. Боже, какъ мнѣ захотѣлось очнуться!

---

*) Тюра—начальникъ.

Если имъ все равно было, довести все тѣло или одну только голову, то мнѣ это было далеко не все равно. Въ тѣлѣ могла еще хранитбся жизнь, а съ жизнью — надежда; но въ одной головѣ... въ этомъ круглышѣ, отдѣленномъ отъ тѣла... Я собралъ всѣ свои силы. Я сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе. Я застоналъ.

— Эй!—одобрительно крякнулъ первый голосъ.

— Замычалъ баранъ! Ха-ха!—усмѣхнулся другой.

— Пріѣдемъ на колодцы--водой облить нужно—совсѣмъ очнется!

— Гайда, гайда!

И опять я погрузился въ безпамятство, и опять я словно въ воду нырнулъ, и не слышалъ уже ничего, кромѣ неяснаго, мало-по-малу затихающаго, неопредѣленнаго гула.

Солнце садилось въ густомъ знойномъ туманѣ. Громадный ярко-красный дискъ его до половины выглядывалъ надъ горизонтомъ—и вся степь, весь воздухъ, все было залито багровымъ свѣтомъ. Крупные камни, разбросанные въ большомъ количествѣ по песчаному сыпучему грунту, казались издали раскаленными угольями. Въ глубокой котловинѣ, гдѣ мы остановились, вѣяло сыроватою прохладою. Синеватая тѣнь стояла надъ этою котловиною; тонкій, бѣловатый паръ поднимался надъ зіяющими круглыми отверстіями степныхъ колодцевъ. Песокъ кругомъ былъ влаженъ, и на немъ искрились мелкія солонцоватыя блестки. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки побѣлѣвшей, оставшейся золы, чернѣлъ пометъ, отпечатки перепутанныхъ слѣдовъ верблюжьихъ, конскихъ и человѣческихъ, обрывочки веревокъ, лоскутки какой-то ткани и тому подобные остатки минутныхъ бивуаковъ.

Лошади стояли порознь, на приколинѣ и, должно быть, онѣ очень устали, потому что уныло понурили свои сухощавыя, красивыя головы, прикрытыя полосатыми капорами съ наушниками. По этимъ капорамъ и по теплымъ попонамъ, покрывавшимъ лошадей, я догадался, что мои похитители—разбойники высшаго полета, тюркмены, а не какая-нибудь киргизская сволочь. Да вотъ и сами они: одинъ стоитъ ко мнѣ спиною, нагнулся—и, часто перебирая руками, вытягиваетъ на веревкѣ кожаное ведро изъ ближайшаго колодца; другой на

корточкахъ сидитъ неподалеку и перетираетъ между мозолистыми ладонями горстку зеленаго табаку для жвачки; третій возится съ кучкою собраннаго сухого помета и пытается развести огонь, раздувая тлѣющій лоскутокъ тряпичнаго трута, четвертый такъ лежитъ, ничкомъ на пескѣ, и тихо стонетъ, ерзая животомъ по влажной его поверхности.

Самъ я лежалъ съ связанными ногами, съ руками, стянутыми въ локтяхъ и просунутою по-за спиною палкою. Голова моя была совершенно мокра, вокругъ меня стояла узкая лужа, помемногу всасывающаяся въ песокъ. Должно быть, меня облили,—припомнилъ я дорожное предположеніе.

— Пить дайте, пить!—простоналъ я, едва только успѣлъ сообразить все окружающее.—Воды!..

— Ага, братъ, и по-нашему говорить умѣетъ. Гассанъ, дай ему ведро. Вотъ видишь-ли — очнулся совсѣмъ, живого привеземъ. Теперь уже не далеко!

Одинъ изъ тюркменовъ порылся въ коржумахъ (переметныхъ сумкахъ), досталъ оттуда кусокъ сухого, твердаго, какъ камень, овечьяго сыра, называемаго по-киргизски: крутъ; потомъ отдѣлилъ отъ него небольшую часть и распустилъ въ водѣ на днѣ кожанаго ведра.

— На, локай!—сунулъ онъ мнѣ ведро къ самому лицу.

Я приподнялся на локтѣ, приподнялъ голову и даже застоналъ отъ боли. Я не могъ воспользоваться предложеннымъ мнѣ питьемъ.

— Развяжи ему руки!

— Совсѣмъ развяжите, совсѣмъ... Ноги болятъ...—стоналъ я:—Зачѣмъ меня мучить, я не уйду... Васъ много, я одинъ,—чего боитесь?

— Да, одинъ! Небось, тамъ такъ барахтался, что коли-бы я не сломалъ приклада о твою голову — ничего-бы съ тобою не сдѣлать! Просто зарѣзать бы пришлось!

— Вонъ, гляди, Мосолъ все съ своимъ брюхомъ возится!.. кивнулъ другой въ ту сторону, гдѣ лежалъ раненый тюркменъ.—Все твоихъ рукъ дѣло!

— А, знаешь, его надо, и въ самомъ дѣлѣ, распутать. пусть отдохнетъ, послѣ опять скрутимъ!

— Пѣшій въ степи не убѣжитъ, да на такихъ ногахъ...—усмѣхнулся тюркменъ, глядя на мои искалѣченныя веревками ноги.

Меня развязали, часа полтора, по крайней мѣрѣ, лежалъ я навзничь, лицомъ къ небу, пока только возстановилось кровообращеніе. Слабыми дрожащими руками подтянулъ я къ себѣ ведро, чуть не опрокинулъ его... Захватилъ зубами за его край и всосалъ въ себя кисловатую, сильно пахнувшую потомъ, сырную гущу... Я почувствовалъ себя много свѣжѣе, и если-бы только не эта тупая боль въ головѣ... Я ощупалъ рукою больное мѣсто: громадная шишка находилась у меня какъ разъ надъ лѣвымъ ухомъ, волоса вокругъ были совершенно склеены запекшеюся кровью... Лѣвымъ глазомъ я видѣлъ гораздо хуже, чѣмъ правымъ...

— Ты куда это ѣхалъ?..—спросилъ меня, пытливо оглядывая съ ногъ до головы, первый барантачъ.

— Въ отрядъ, что впереди стоялъ...—отвѣчалъ я, быстро приготовляясь къ предстоящему допросу.

— Зачѣмъ?..

— Послали меня... а зачѣмъ—про то начальники знаютъ!

— Гм! Да ты самъ развѣ не начальникъ?..

— Нѣтъ, я простой сарбазъ (солдатъ). Какой я начальникъ!..—употребилъ я маленькую хитрость. Я зналъ, что это могло-бы пригодиться мнѣ впослѣдствіи: за плѣнными солдатами, во-первыхъ, гораздо меньше присмотра, а во-вторыхъ, гораздо меньше придирокъ и хлопотъ, если-бы могло коснуться обмѣна или выкупа...

— Не хитри, не лижи языкомъ грязи! Вонъ тѣ двое, что остались отсиживаться, то простые; а ты тюра... мы, братъ, тоже не въ первый разъ вашего брата видимъ!

— Какъ знаешь!

— То-то!.. Что-же это ты такъ просто по степи ѣхалъ, или не зналъ, что мы тутъ-же держимся?..

— А чего мнѣ васъ бояться?

— А вотъ видишь чего!.. Эй!.. Го-го... Я тебя!..—прикрикнулъ онъ на своего жеребца, только-что хватившаго задомъ своего сосѣда.

Помолчали всѣ немного. Слышно было только, какъ стоналъ и охалъ тюркменъ, теперь уже скорчившійся кренделемъ, такъ что лицо его приходилось у самыхъ колѣнъ.

— Пулька твоя маленькая въ животѣ у него сидитъ!—объяснилъ мнѣ Гассанъ причину страданій своего товарища.

Опять наступила ночь, настоящая степная ночь: тихая, душная, съ мерцающими сквозь туманную мглу звѣздами.

Мнѣ опять связали локти и просунули сзади между ними обломокъ пики; ноги, впрочемъ, оставили мнѣ на свободѣ... И къ чему онѣ могли-бы послужить мнѣ, когда я положительно не способенъ былъ подняться даже на колѣни? Тюркмены очень хорошо замѣтили это обстоятельство и потому не позаботились даже стеречь меня ночью,—а всѣ четверо крѣпко заснули, за исключеніемъ только раненаго, теперь уже непрерывно стонавшаго. Только въ смертельной агоніи человѣкъ можетъ стонать такимъ образомъ.

Нѣсколько разъ что-то въ родѣ сна набѣгало на меня, мои глаза закрывались, но и въ эти минуты мнѣ ясно слышались тоскливые стоны, заглушавшіе даже дружное носовое похрапываніе спящихъ разбойниковъ.

До разсвѣта еще поднялся на ноги нашъ бивуакъ—и начали всѣ собираться къ отъѣзду.

Два тюркмена разостлали на пескѣ конскую попону, подошли къ своему раненому товарищу, который, наконецъ, пересталъ стонать, взяли его за голову и за ноги, брякнули, какъ мѣшокъ, на попону и заворотили его, какъ пеленаютъ маленькихъ дѣтей. Весь свертокъ былъ обвязанъ арканомъ — и этотъ продолговатый тюкъ перевѣсился поперекъ сѣдла, притороченный къ нему ременными подпругами. Лошадь храпѣла и рвалась, когда усаживали на нее такого оригинальнаго всадника.

— Если-бы это я умеръ, то со мною поступили-бы иначе!— невольно представлялъ я самъ себѣ милую картину.— Со мною дѣло было-бы гораздо проще. Мнѣ-бы не потребовалось цѣлаго войлока; одного мѣшка, маленькаго мѣшка, въ чемъ обыкновенно даютъ кормъ лошадямъ, было-бы совершенно достаточно, чтобы спрятать мою голову, — а тѣло было-бы брошено на мѣстѣ, развѣ только оттащили-бы его подальше отъ колодцевъ, къ которымъ обыкновенно всякій номадъ питаетъ нѣкотораго рода уваженіе.

— Гайда, гайда!..—прикрикнулъ Гассанъ, когда, наконецъ, и меня усадили на конскій крупъ за сѣдломъ, и вся шайка гуськомъ выбралась изъ котловины. Выѣхалъ одинъ всадникъ, посмотрѣлъ налѣво... принюхался, какъ волкъ, оставившій ло-

гово... За нимъ другой, за тѣмъ третій... Фыркая и подбрасывая, выскакала лошадь съ трупомъ, — и всѣ волчьею неторопливою рысью потянулись степью — совсѣмъ въ противоположную сторону той, гдѣ все ярче и ярче разгоралась золотистая предразсвѣтная полоска.

О, намъ предстоялъ тяжелый знойный день, къ концу котораго, впрочемъ, Гассанъ, какъ можно было догадаться изъ разговора, предполагалъ добраться до большого лагеря на Дарьѣ,—лагеря, гдѣ, по его соображеніямъ, должна была находиться ставка муллы Садыка, этого степного богатыря, постояннаго непримиримаго нашего соперника.

Къ вечеру этого дня мы замѣтили вдали какую-то дымчатую полосу, слегка волнующуюся вмѣстѣ съ нижнимъ слоемъ нагрѣтаго за-день воздуха. Полоса эта то исчезала, то появлялась снова; наконецъ, мы ее совсѣмъ потеряли изъ вида, спустившись въ какую-то лощину: поднялись снова и снова увидѣли ее, теперь уже значительно ближе, такъ что можно было уже узнать воду, обрамленную бѣлыми песчаными берегами.

— Дарья... Дарья!.. — протянулъ Гассанъ впередъ свою руку, вооруженную нагайкою.

— Дарья!—отозвались остальные, болѣе веселымъ голосомъ.

Даже лошади обрадовались водѣ и чуяли хорошій отдыхъ; онѣ замѣтно поддали ходу, все поводили безпокойно ушами и широко раздували красныя ноздри, словно чуяли уже благодѣтельную свѣжесть водныхъ массъ.

Тамъ и сямъ поднимались на самомъ горизонтѣ струйки дыма, паслись верблюды на рѣдко поросшихъ солонцахъ, виднѣлась даже верхушка закопченной рваной кибитки, выглядывающая изъ-за небольшого кургана.

Чѣмъ ближе подходили мы къ Аму-Дарьѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе развертывалась передъ нашими глазами картина необъятнаго военнаго лагеря степныхъ кочевыхъ народовъ.

Вонъ тамъ весь берегъ, до самыхъ отмелей, занятъ киргизами, адаевцами и другими народами, сочувствующими хивинскому хану; это видно по конскимъ табунамъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ, подъ охраною нѣсколькихъ конныхъ группъ. Воинственные тюркмены—тѣ пускаютъ своихъ

лошадей на подножный кормъ и держатъ ихъ на приколѣ — совершенно осѣдланныхъ и во всякую минуту готовыхъ къ услугамъ своего господина. Вонъ торчатъ ихъ пики; издали легко принять за рѣдкій тростникъ эти тонкія, гнущіяся по волѣ вѣтра черточки... Вонъ кольчуги и щиты ихъ сверкаютъ на солнцѣ. Дальше ярко зеленѣютъ островерхія палатки... Вездѣ народъ, вездѣ движеніе. Цѣлыя стада овецъ пригнаны къ лагерю и столпились у воды тѣсными группами, а верблюдовъ сколько!.. Всѣ склоны берега усѣяны медленно двигающимися бурыми горбатыми массами.

— Гайда, гайда!—покрикивали мои конвойные.

— Съ барышемъ... съ добычею!—кричали имъ попадающіеся навстрѣчу наѣздники.—Гдѣ взяли?..

— Тамъ, гдѣ и для васъ много осталось!—уклончиво отвѣчали тюркмены.—Тюра-Садыкъ дома, что-ли?

— Мулла вчера ушелъ на развѣдки,—«черные» съ нимъ пошли...

— Когда назадъ будетъ?

— А кто его знаетъ!..

— Жаль!.. А мы было думали... Наши на томъ-же мѣстѣ стоятъ?

— На косѣ, за камышами!

. . . . . .

Стемнѣло. Огоньки загорѣлись во всей степи, дрожащіе красные столбики потянулись отъ нихъ по гладкой поверхности рѣки. Жалобно блеяли овцы, согнанные для водопоя. Звонко ржали лошади, хриплымъ ревомъ надрывались верблюды...

— Ну, здѣсь станемъ!—задержалъ коня Гассанъ на самомъ берегу рѣки, на краю большого тюркменскаго становища.

Меня страшно мучилъ голодъ: кромѣ крута, выпитаго съ водою еще на прошедшемъ ночлегѣ, я положительно ничего не имѣлъ во рту. Мои мучители, кажется, забыли обо мнѣ — и, спокойно расположившись на пескѣ, вокругъ маленькаго огонька, на которомъ кипѣлъ чугунный плоскій котелокъ, даже и не поглядывали въ мою сторону. Меня положили между двухъ большихъ тюковъ съ чѣмъ-то; въ двухъ шагахъ отъ меня сопѣла и страшно воняла косматая верблюжья голова, медленно пережевывающая зеленую жвачку. Я могъ только наблюдать за небольшимъ треугольнымъ пространствомъ передъ мо-

ими глазами, все-же остальное было совершенно скрыто отъ меня тюками.

— Эй, Гассанъ!—рѣшился я окликнуть одного изъ сидящихъ у котла.

Тотъ, казалось, не понялъ сразу, откуда его зовутъ. Я повторилъ призывъ.

— Какъ... это ты!—усмѣхнулся Гассанъ.—Чего тебѣ?

Онъ всталъ и, неловко шагая по песку въ своихъ сапогахъ съ острыми каблуками, подошелъ ко мнѣ и сѣлъ на одинъ изъ тюковъ.

— Коли я вамъ живой нуженъ, а не одна моя голова, такъ вы ужъ не морите меня жаждою и голодомъ. Вамъ-же никакой отъ того прибыли не будетъ...

— Ишь, ты, какой. Ну, вотъ погоди, завтра утромъ придетъ мирза одинъ, онъ хотѣлъ у насъ купить тебя — онъ тебя и кормить будетъ!

Очевидно, тюркмены передумали сдать меня Садыку, котораго не оказалось въ лагерѣ, — и рѣшили продать меня первому покупщику, чтобы, во-первыхъ, развязать себѣ руки, а во-вторыхъ, поскорѣе воспользоваться барышемъ отъ своей военной прогулки.

— А все-же дайте ѣсть,— простоналъ я, — пить дайте!.. Умру до завтра... Пить!.. Слышите, пить!..

Я подползъ къ Гассану и уцѣпился за полу его халата: я рѣшился добиться, во что-бы то ни стало, воды и пищи, или-же получить второй ударъ прикладомъ по темени, который, можетъ быть, окончательно успокоилъ-бы мои страданія, начинавшія становиться невыносимыми.

— Ну, ну... ты и въ правду подумалъ, что тебя уморить хотятъ... Вотъ погоди — поспѣетъ (Гассанъ кивнулъ на котелъ) и тебѣ дадутъ. Лежи пока смирно...

Онъ отошелъ отъ меня и опять занялъ свое мѣсто, продолжая начатый имъ какой-то разсказъ о прежнихъ своихъ подвигахъ.

Въ эту ночь движеніе и шумъ почти не затихали ни на минуту по всему становищу. Мнѣ даже казалось, что въ этомъ смѣшанномъ гулѣ есть что-то тревожное; это положительно не былъ обыкновенный шумъ, неизбѣжный при такой многолюдности.

Около полуночи заворочались «тюркмены на косѣ», лошадей начали взнуздывать и выбираться дальше отъ берега. Мимо насъ потянулся самый безпорядочный караванъ навьюченныхъ и просто свободныхъ верблюдовъ, проскрипѣло нѣсколько двухколесныхъ арбъ; пѣшіе шли толпами, видимо, спѣша куда-то. Конные пошли на прямикъ вбродъ черезъ водный плесъ, далеко вдающійся въ песчаные низменные берега. Все стремилось отъ воды дальше, словно на водѣ находилась настоящая причина тревоги.

Впослѣдствіи я узналъ, что эту тревогу надѣлали наши гребныя суда, подходившія сверху, вѣсть о приближеніи которыхъ принесли сторожевые отряды.

Тронулись и тюркмены. Я очутился на верблюдѣ, подвязанный сбоку на одномъ изъ тѣхъ тюковъ, что лежали подлѣ меня.

Почти до разсвѣта шли мы, охваченные со всѣхъ сторонъ самою безпорядочною массою людей и животныхъ. Съ первыми лучами солнца движеніе начало получать видъ нѣкотораго порядка. Показались всадники въ дорогихъ, шитыхъ золотомъ и обложенныхъ мѣхомъ, халатахъ, въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ; за этими всадниками везли значки на длинныхъ древкахъ, украшенные конскими хвостами. Гремя, звеня, бряцая, издавая всевозможные звуки, протащилась допотопная артиллерія, состоящая изъ трехъ или четырехъ пушекъ, запряженныхъ десяткомъ кое-какъ напутанныхъ лошадей.

Вдругъ все это остановилось, шарахнулось въ сторону и заволновалось. Если-бы не было кругомъ такого оглушительнаго крика, визга, говора, ржанья лошадей и рева верблюдовъ,—я-бы навѣрно слышалъ трескъ разрыва гранаты надъ нашими головами—теперь-же я видѣлъ только маленькое бѣловатое облачко, внезапно вспыхнувшее въ воздухѣ—и больше ничего. Другое такое-же облачко вспыхнуло еще ближе, два или три всадника кувыркнулись ногами кверху. Верблюдъ, везшій меня, спотыкнулся и рухнулъ на землю,—еще счастье, что не на мою сторону. Врознь шарахнулось все живое.

Теперь ясно слышались отдаленные выстрѣлы; это были глухіе, словно громовые удары... Я узналъ выстрѣлы нашихъ пушекъ!

А!.. Вотъ запрыгала картечь, прокладывая себѣ страшную дорогу въ этой массѣ людей и животныхъ. Страшная, дикая

картина разомъ развернулась передъ моими глазами. Все рванулось въ бѣгство, все перепуталось между собою... все, казалось, потеряло всякое сознаніе, всякій смыслъ, охваченное паническимъ страхомъ.

Я видѣлъ Гассана. Онъ вертѣлся на своемъ аграмакѣ и озирался кругомъ; должно быть, онъ искалъ меня. Я забился, сколько могъ, за свой тюкъ; съ другой стороны на меня повалилась издыхающая лошадь и совершенно спрятала меня отъ глазъ тюркмена.

Мнѣ чудилось все это словно во снѣ. Всадники на маленькихъ лошадкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, въ бѣлыхъ шапкахъ съ назатыльниками, замелькали передъ моими глазами...

Очнулся я въ палаткѣ капитана Г..., одного изъ моихъ товарищей; около меня сидѣлъ докторъ. За холстиною палатки сопѣлъ и посвистывалъ походный самоварчикъ. Я думалъ, что это все продолжается сонъ.

За свою неудачную поѣздку я отдѣлался двухнедѣльною горячкою, послѣ которой, впрочемъ, поправился очень быстро.

Впрочемъ, я напрасно назвалъ поѣздку неудачною. Цѣль ея была достигнута, а это только и нужно было. Бумаги, съ которыми, я былъ посланъ, отысканы были казаками въ сѣдлѣ моего погибшаго Орлика. Если-бы я не переложилъ ихъ въ сѣдельную сумку, то, пожалуй, тогда дѣйствительно поѣздка моя была-бы вполнѣ неудачна,—и я, можетъ быть, даже лишился-бы навсегда возможности находиться въ цивилизованномъ обществѣ и тянулъ-бы свою печальную жизнь рабомъ какого-нибудь кочевого мирзы, въ полудикомъ аулѣ.

ЗАРА-БУЛАКСКІЯ ВЫСОТЫ.

Въ эту ночь мало кому довелось спать: всѣмъ было работы вдоволь, и надъ просторно-раскинутымъ лагеремъ стоялъ гулъ смѣшанныхъ голосовъ и движенія.

Только съ наступленіемъ совершенной темноты прекратилась безпокойная перестрѣлка съ непріятельскими наѣздниками; а еще съ ранняго утра, чуть забрезжилъ разсвѣтъ появились на горизонтѣ эти джигиты и, какъ мухи, усѣяли всѣ окрестные холмы, сдвигаясь все тѣснѣе и тѣснѣе, охватывая почти непрерывной дугою нашъ лагерь.

Стрѣлки цѣлый день сидѣли въ канавахъ и дождевыхъ рытвинахъ, въ которыхъ тутъ не было недостатка, не допуская назойливыхъ всадниковъ слишкомъ уже близко подбираться къ бивуакамъ, и уже не одинъ увлекшійся тюркменъ поплатился жизнью за свою горячность, подвернувшись подъ пулю шестилинейной винтовки.

Къ ночи непріятель скрылся; всѣ всадники, словно сквозь землю провалились, и усталая цѣпь нашихъ стрѣлковъ свернулась, оставивъ на всякій случай, въ удобныхъ мѣстахъ, небольшіе *секреты* *).

Ночь была теплая и туманная; густой паръ стоялъ надъ извилиной Нурупая и надъ низменными, сырыми садами и огородами Катта-Кургана. Сѣрая масса городской цитадели неяснымъ очертаніями выдвигалась изъ-за деревьевъ. По тремъ дорогамъ, ведущимъ къ городу, ползли, словно громадныя змѣи, безконечные обозы: отправляли въ безопасное мѣсто ра-

*) Такъ называются небольшія группы скрытыхъ часовыхъ.

неныхъ, больныхъ и всѣ излишнія тяжести. Двуколесныя арбы, нагруженныя до невозможности, скрипѣли на немазанныхъ осяхъ; съ трескомъ дребезжали ветхіе мостики подъ непривычною тяжестью; взадъ и впередъ, путаясь между повозками, сновали верховые; по сторонамъ дороги, между темными кустарниками бѣлѣлись рубашки пѣшаго конвоя. Крики арбакешей, брань на всѣ лады, повелительные возгласы, полупьяный смѣхъ и заунывные туземные напѣвы смѣшивались съ ревомъ верблюдовъ и съ пронзительными воплями ишаковъ.

Красныя пятна костровъ, расположенныхъ по берегу рѣки, длинными столбами отражались въ водѣ; черныя фигуры окружали эти пятна, ворочая въ грудахъ раскаленныхъ угольевъ длинными сучковатыми жердями. Густой дымъ боролся съ туманомъ, и въ воздухѣ несло по вѣтру кухоннымъ чадомъ. Хотѣли еще до разсвѣта приготовить для солдатъ чего нибудь горячаго, благо подъ руками было достаточно не купленнаго мяса. Опытные фуражиры нагнали къ лагерю всякаго скота, и рогатаго, и безрогаго, и между повозками обозовъ неподвижно лежали группы быковъ.

У самой дороги, при въѣздѣ въ разрушенный до основанія Чаганакъ *), рота солдатъ усиленно работала китменями и мотыгами, продѣлывая дорогу для проѣзда тяжелыхъ батарейныхъ орудій. Дружно взмахивались и опускались тяжелые инструменты, паръ валилъ отъ потныхъ рубахъ, съ глухимъ грохотомъ, поднимая облака пыли, рушились глиняныя стѣны... «Проворнѣй, ребята, проворнѣй»! покрикивало, сидя въ сторонкѣ, усатое начальство; и судорожно, порывисто закипала притихнувшая на минуту стукотня, и солдаты, поплевывая на руки, вскидывали глазами въ ту сторону, гдѣ искрились красныя точки закуренныхъ сигаръ, и откуда несло аппетитнымъ букетомъ маркитантскаго рому.

— Батюшки!.. Словно обжегъ проклятый... — вдругъ раздается въ толпѣ работающихъ, и солдатикъ выпускаетъ изъ рукъ тяжелый китмень, хватаясь за ногу, обутую въ дырявый сапогъ: онъ наступилъ въ темнотѣ на скорпіона, а эти ехид-

*) Собственное имя небольшой деревни.

ныя насѣкомыя во множествѣ гнѣздятся въ трещинахъ стѣнъ жилыхъ и нежилыхъ строеній.

— Пожалуйста, чтобы были люди у лазаретныхъ фуръ,— горячо говорилъ кому-то какой-то приземистый докторъ, неловко скорчившись на казачьемъ сѣдлѣ. — А то, какъ и въ прошлый разъ, ни души... ну, какъ есть ни души; согласитесь, что не могу же я одинъ съ фельдшерами...

— Варгушинъ!.. Гдѣ ты тамъ, скотина, пропалъ съ чайниками...—вопитъ кто-то изъ-подъ палаточнаго навѣса.

— Всѣхъ адъютантовъ къ генералу...

— Ни одной карты... это удивительно!.. Даму бьетъ, девятку бьетъ и пошелъ, и пошелъ...

— У меня въ ротѣ половина людей перепилась,—говорилъ за стѣной густой басъ,—я уже велѣлъ, чтобы ихъ въ арыкѣ отмачивали...

— Дементьевъ убитъ, Мамлыгинъ тоже, а Савельеву, братцы мои, голову, какъ есть, до самыхъ мозговъ разсадили...

— До мозговъ, ишь-ты!.. Что-же, померъ?..

— Ершовъ сказывалъ, что мычитъ еще; голосу, то-есть, настоящаго не подаетъ, а мычитъ...

— Мы двѣ цыганки черно....о....о....кія!—завывалъ чей-то теноръ...

— Мы за невѣрррность готовы кровь пролить!—подхватывалъ тотъ самый басъ, который говорилъ, что у него полъ роты перепилось.

. . . . . .

Шипя, прорѣзала темноту огненная лента ракеты, громко хлопнула она въ воздухѣ; эхо подхватило ударъ и понесло его по окрестнымъ холмамъ, дробя въ безконечныхъ перекатахъ. Барабаны въ разныхъ мѣстахъ лагеря глухо забили подъемъ Зазвенѣли казачьи трубы, и шарахнулись въ коновязяхъ стоявшія до сихъ поръ покойно артиллерійскія лошади.

Безпорядочный говоръ и шумъ на секунду затихъ, при первыхъ звукахъ тревоги, и снова закипѣлъ и разлился по всему лагерю, но совершенно въ другомъ тонѣ: прежней неопредѣленности и безпорядочности уже не было; слышно было, что всякій знаетъ, куда бросаться и что дѣлать. Опытное ухо могло-бы смѣло разобрать, что и въ какомъ мѣстѣ лагеря творится.

Надъ горизонтомъ, между двухъ громадныхъ карагачей, поднимался огненный серпъ послѣдней четверти луны,—ея-то мы и ждали, чтобы начать выступленіе. Стало холоднѣе, и звѣзды ярче заблистали на темномъ небѣ. Туманъ поднялся выше и расплывался въ свѣжемъ воздухѣ. Гдѣ-то далеко закричалъ пѣтухъ, ему неожиданно отвѣтилъ, хлопая крыльями, пѣтухъ на ротной повозкѣ; шарахнулись испуганные кони... «Ишь, лѣшій!»—произнесъ конюхъ солдатъ и замахнулся кнутомъ на усердную птицу.

Долго вытягивались войска на дорогу, снявшись съ своихъ бивуачныхъ позицій. Лошади, тяжело дыша, волочили пушки, колеса которыхъ безъ стука ворочались въ густой пыли, доходящей почти до колѣна. Надо было подняться на довольно крутую гору, по узкой улицѣ, между разрушенныхъ сакель Чиганака.

— Подхватывай, братцы, подхватывай!..—кричали выбивающіеся изъ силъ артиллеристы, и солдаты, забросивъ ружья за плечи, хватались за станины и за постромки.—Ну, еще! Ну, еще маленько... Разомъ!..

Лошади, готовыя уже остановиться, снова натягивали упоры и порывистыми прыжками выносили на гору свою тяжелую ношу.

На вершинѣ обрыва, рисуясь темными силуэтами на небѣ, стояла конная группа: это былъ командующій войсками со свитою. По-ниже, въ безпорядкѣ тѣснились конвойные казаки, бѣлыя конскія морды и свѣтлыя тряпки значковъ мелькали тамъ и сямъ въ темнотѣ.

Гуськомъ, другъ за другомъ, медленно ползли въ гору темныя массы, раскачивая своими громадными вьюками, заражая воздухъ такимъ отвратительнымъ запахомъ, свойственнымъ исключительно только однимъ верблюдамъ, что солдаты невольно зажимали носы и отплевывались.

Безпорядочными толпами казаки выбирались на дорогу, и густыя тучи пыли неслись вслѣдъ этимъ коннымъ массамъ.

А сзади, на мѣстахъ брошенныхъ бивуаковъ, вдругъ запылали яркіе огни, и поднялось пожарное зарево: это отсталые позажигали весь брошенный хламъ и остатки топлива, запаснаго широкою, не хозяйскою рукою. Не доставайся, молъ, ни нашимъ, ни вашимъ: таково уже здѣшнее, туркестанское правило.

Голодныя собаки, не тѣ, которыя всегда во множествѣ прикармливаются солдатами и составляютъ ротную собственность,— эти никогда не бываютъ голодны, и въ настоящую минуту онѣ весело снуютъ между ногами пѣхотинцевъ, — а совсѣмъ другія собаки, Богъ вѣсть откуда набѣжавшія, поджавъ хвосты, робко озираясь, оскаливая зубы при приближеніи себѣ подобныхъ, шныряютъ по лагерю, подбирая все, что только годится въ снѣдь. Бродятъ въ темнотѣ и какія-то человѣческія тѣни— полуголыя, также робко, по собачьи озираясь и судорожно бросаясь на какую-нибудь тряпку, кинутую солдатомъ за совершенною негодностью.

Мало-по-малу выбрались-таки совсѣмъ на дорогу. Даже обозы вытянулись, и лошади бодрѣе поволокли повозки по относительно ровному пути.

Наконецъ, размѣстились всѣ, гдѣ кому слѣдовало быть по предварительному распоряженію: кому нужно было идти впередъ—тѣ прошли; другіе, сойдя съ дороги, дожидались въ сторонѣ своей очереди. Даже несмотря на темноту, можно было замѣтить, какъ изъ хаоса, безпорядочно волнующагося еще тамъ, гдѣ только что оканчивался подъемъ, образовывалось что-то похожее на движущуюся армію. Къ тому-же передъ разсвѣтомъ поднялся довольно сильный вѣтеръ и относилъ въ сторону пыль, поднятую тысячами людскихъ и конскихъ ногъ, и дышать стало свободнѣе, да и можно было видѣть сколько-нибудь ясно, что дѣлается по сторонамъ, не такъ какъ внизу, гдѣ положительно приходилось идти ощупью.

Почти сутки, проведенныя безъ сна, оказывали свое дѣйствіе на всѣхъ; едва только окончилась лихорадочная суета сборовъ и подъема, и началось относительно покойное походное движеніе, какъ стала одолѣвать всѣхъ сонливость, которую невозможно было разогнать ничѣмъ. Пробовали пѣсни пѣть, затягивали пѣсенники: «какъ султанъ турецкій захотѣлъ съ Россеей воевать», но на этомъ и оканчивалась ихъ энергія, а уже на словахъ: «сталъ онъ войско собирать...» совсѣмъ затихала пѣсня, и солдаты, спотыкаясь, клевали на походѣ носомъ и вздрагивали, широко раскрывая и протирая грязными пальцами свои осовѣлые глаза. Казаки — такъ тѣ совсѣмъ спали на своихъ покойныхъ сѣдлахъ, со свистомъ прихрапывали и даже бредили во снѣ; одинъ рыжебородый

урядникъ даже про какую-то тетку Дарью закончилъ, да вдругъ, какъ снопъ, съ сѣдла повалился и заоралъ на всю сотню, съ просонья, должно быть: — «голосочики, рѣжутъ!..»

Забѣлѣлась на востокѣ полоска утренней зари, одна за одною потухали звѣзды, уступая болѣе яркому свѣту. Вѣтеръ усилился, и непріятная дрожь пробѣжала по спинамъ, забираясь въ холщевыя, солдатскія рубахи.

Историческія событія, предшествовавшія настоящему дню, сложились слѣдующимъ образомъ: всѣ наши силы, которыми мы располагали въ 1868 году для похода въ бухарскіе предѣлы, раздѣлились на двѣ массы: — одна расположена была подъ Катта-Курганомъ, для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается со стороны Бухары, — другая же, — и самая главная, — занимала Самаркандъ съ самаго дня его сдачи, т. е. съ 1 мая. Отсюда предпринимались разныя болѣе и менѣе удачныя экспедиціи въ горы, въ Ургуту и къ Кара-тюбинтскому ущелью, но экспедиціи эти не привели никакихъ существенныхъ результатовъ. Всѣ горные народы возстали чуть не поголовно и двинулись къ Самарканду; къ тому же, получено было извѣстіе изъ Катта-Кургана, что эмиръ съ своими главными силами остановился не болѣе какъ въ двѣнадцати верстахъ отъ города, и что войска наши тамъ недостаточно сильны, чтобы предпринять противъ него что-нибудь рѣшительное. Тогда командующій войсками, оставивъ въ Самаркандѣ небольшой гарнизонъ, со всѣми остальными силами направился на помощь катта-курганскому отряду, и давъ войскамъ отдохнуть послѣ похода одинъ день, предполагалъ напасть на эмира, разбить его и, такимъ образомъ, имѣть передъ собою только одного противника, именно, — Шхарисябзкаго бека съ его горными союзниками. Такъ вотъ, значитъ, мы теперь шли разбивать эмира, а гдѣ онъ находился и въ какихъ силахъ, мы положительно не знали; существовало множество самыхъ разнообразныхъ предположеній, но только ничего положительно вѣрнаго. Массы конныхъ тюркменъ, киргизъ и разнаго сброда, являвшіяся акуратно съ разсвѣтомъ въ виду нашего лагеря и исчезавшія съ темнотою наступающей ночи, ясно говорили о присутствіи невдалекѣ значительныхъ непріятельскихъ силъ, около которыхъ группировались эти подвижныя массы, но въ чемъ заключались эти силы, — мы, какъ я уже сказалъ, не знали ничего приблизительно.

Впрочемъ, мы почему-то не сомнѣвались въ успѣхѣ, никогда еще, во всѣхъ нашихъ средне-азіатскихъ походахъ, не собирались русскія войска въ такихъ крупныхъ массахъ, какъ въ настоящемъ случаѣ: насчитывалось до трехъ тысячъ человѣкъ— разнаго оружія, а эта цифра, по здѣшнимъ войскамъ, считается весьма солидною.

Скоро разсвѣло окончательно, и на востокѣ появился, сквозь пыль и туманъ, мутный бѣловатый кругъ восходящаго солнца.

Вѣтеръ дулъ порывисто, безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Справа и слѣва, спереди и сзади неслись на насъ пыльныя тучи, мѣстами подымались къ небу винтообразные столбы степныхъ смерчей, и, по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось все выше и выше, — наступала удушливая жара, смѣнявшая ночную прохладу.

Вотъ къ завываніямъ вѣтра начали примѣшиваться какіе то живые звуки: казалось, что въ пыльныхъ тучахъ несутся со всѣхъ сторонъ одушевленныя существа, такія же крылатыя, такія же неуловимыя, какъ степной вѣтеръ, съ воемъ котораго слились ихъ заунывные вопли.

Тамъ и сямъ замелькали неопредѣленныя, черныя точки; больше, и больше, и живая лента, прерываясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гуще клубилась степная пыль, и яснѣе очерчиваясь тамъ, гдѣ проносилась струя жаркаго вѣтра, охватывала мало-по-малу наши походныя колонны.

Быстро приближались эти точки, росли по мѣрѣ своего приближенія, и можно было различать уже что-то похожее на всадниковъ, но точки эти внезапно разрѣшались бѣловатымъ клубочкомъ дыма и исчезали изъ глазъ, прежде чѣмъ успѣвалъ долетѣть до слуха сухой звукъ ружейнаго выстрѣла.

Чу! Далеко сзади послышались глухіе удары... Одинъ, другой... Два разомъ... Это заговорили въ арьергардѣ наши пушки. Пользуясь растянутостью нашихъ обозовъ и малочисленностью прикрытія, которое не превышало трехсотъ человѣкъ, туркмены вплотную насѣли на наши хвосты и произвели страшный переполохъ въ обозныхъ вереницахъ. Подгоняемыя непрерывными ударами плетей, тощія лошади, запряженныя въ арбы, собрали послѣднія усилія и, несмотря на тяжесть груза, пустились вскачь, чтобы изъ растянутыхъ каравановъ сплотиться

въ болѣе сплошную массу, которую удобнѣе было бы прикрывать небольшимъ числомъ нашей пѣхоты. Перепуганные выстрѣлами верблюды, не жалѣя своихъ окровавленныхъ ноздрей, рвались съ своихъ волосяныхъ привязей. А непріятельскіе наѣздники все ближе и ближе подскакивали къ обозу и своими длинными, гибкими, какъ хлысты, бамбуковыми пиками чуть не ссаживали съ сѣделъ оторопѣлыхъ арбакешей.

Вотъ высокая, длинноногая бѣлая лошадь, до сихъ поръ довольно благополучно тащившая свою арбу, крытую полосатымъ, киргизскимъ ковромъ, замялась, попятилась назадъ и стала. Смуглый сартъ, въ засаленной тюбетейкѣ и изорванномъ бумажномъ халатѣ, усиленно заработалъ голыми пятками по тощимъ бокамъ заупрямившагося коня.

— Чего сталъ, лѣшій...—налетѣлъ на него уральскій казакъ. Изъ-подъ ковра выглянула испуганная личность въ бѣломъ кепи на стриженой головѣ;въ рукахъ у нея была форменная офицерская сабля, вся заржавленная, дребезжащая въ костлявыхъ рукахъ своего владѣльца.

— Постой, каналья... ты у меня пойдешь... пойдешь... пойдешь...

И онъ принялся сверлить подъ хвостомъ несчастной лошади.

Ударило задомъ бѣдное животное, взвилось на дыбы, рванулось и понеслось въ карьеръ, прыгая черезъ водомоины.

Маленькая азіатская пулька шлепнулась объ сѣдло одного верблюда; тотъ пошатнулся и упалъ на колѣни; другой оторвался отъ него и, тяжело раскачиваясь, неуклюжею рысью побѣжалъ въ степь какъ разъ къ непріятельскимъ всадникамъ. Нѣсколько казаковъ поскакали за нимъ, но тотчасъ-же вернулись, благоразумно уклонившись отъ опасности поздороваться съ пикою тюркмена.

— Пропали наши сухари! — говорилъ одинъ пѣхотинецъ другому, видя, какъ всадники тотчасъ-же окружили добычу.

— Что-же, нѣшто они имъ на пользу,—отвѣчалъ товарищъ, — потому, какъ наши сухари безъ привычки никакъ жрать не возможно!

— Эвось, поволокли его сердечнаго!

— Берегись!.. Ахъ ты, проклятый, чуть-чуть не ссадилъ... Погоди-же ты...

Солдатъ приложился...

— Стрѣляй по красному!

— Есть. Эхъ, мимо никакъ... Нѣтъ, гляди-ко, валится... Валится... Бацъ... Готовъ, значитъ.

И солдатъ пытливо поглядывалъ вдаль, вскинувъ свой штуцеръ и роясь въ глубокомъ карманѣ красныхъ кожанныхъ шароваръ, гдѣ онъ отыскивалъ ружейный капсюль, завалившійся между сухарными крошками.

Кое-какъ, съ большими усиліями, удалось собрать безконечный обозъ во что-то похожее на громадный, движущійся квадратъ, защищать который было несравненно удобнѣе. Непріятельская кавалерія стала держаться по-одаль, коль скоро оборона приняла болѣе правильный характеръ. Изъ подъ войлочныхъ верховъ повозокъ повылѣзали на свѣтъ божій разныя личности, благоразумно укрывавшіяся до сихъ поръ отъ опасности попасть подъ ударъ закатанной въ свинецъ глиняной пульки, которыми обыкновеннно стрѣляютъ изъ фитильныхъ пищалей, или, въ крайнемъ случаѣ, подъ тонкое, какъ ножка циркуля, остріе тюркменской пики.

А пыль подымалась все гуще. Сквозь эту пепельную, подвижную завѣсу едва можно было различать влѣво отъ дороги неопредѣленныя очертанія волнообразныхъ холмовъ, изъ которыхъ одинъ средній подымался значительно выше прочихъ, изогнувшись сѣдломъ почти на самой вершинѣ. Это были Зарабулакскія высоты. Впереди чуть виднѣлись группы сакель деревни Зара-булакъ, а надъ ними широкія, развѣсистыя вершины деревьевъ.

Авангардъ нашъ прошелъ уже мимо высотъ и скрылся за саклями. До сихъ поръ, кромѣ неотвязныхъ группъ непріятельской кавалеріи,—группъ, къ которымъ, какъ-бы онѣ ни были многочисленны, туркестанскіе пѣхотинцы привыкли питать глубочайшее равнодушіе,—мы ничего не встрѣчали. Правда, мы пристально всматривались въ ту туманную черту, въ которой рисовалась въ пыльномъ воздухѣ вершина главной зарабулакской возвышенности: намъ казалось, что эта едва замѣтная, кривая линія, словно колыхалась, словно вся она была покрыта чѣмъ-то живымъ, и это живое группировалось, по временамъ, въ длинныя красноватыя массы. Намъ особенно подозрительнымъ казался этотъ оттѣнокъ, весьма близкій къ цвѣту куртокъ регулярныхъ войскъ эмира Мозофара-Эддина. Мы даже

замѣчали что-то похожее на большія треугольныя знамена, которыя на своихъ длинныхъ древкахъ, какъ тѣни, вѣяли надъ этими линіями.

Скоро мы были выведены изъ недоразумѣнія.

Прежде чѣмъ долетѣлъ до насъ глухой громъ пушечной канонады, мы увидѣли, какъ вся поверхность холмовъ покрылась клубами бѣлаго дыма. Какіе-то тяжелые снаряды со стукомъ падали между нашихъ колоннъ и зарывались въ мягкомъ грунтѣ. Бичуя воздухъ, звеня и дребезжа, пронеслась картечь высоко надъ бѣлыми кепи пѣхотинцевъ... Понятно стало всѣмъ, въ чемъ было дѣло: — мы прошли мимо позиціи бухарскихъ войскъ, которая очутилась у насъ съ лѣвой стороны и поспѣшила привѣтствовать насъ весьма оживленнымъ и энергическимъ, но, по неопытности артиллеристовъ и недоброкачественности орудій, не слишкомъ губительнымъ огнемъ.

Все пріостановилось, какъ-будто озадачилось немного. Съ минуту не сообразили, какъ и что:—послышалось множество командъ самыхъ разнообразныхъ и даже противорѣчащихъ другъ другу.

— Каша! Каша!—кричалъ, задыхаясь худощавый штабъ-офицеръ, суетясь на лошади, въ безпорядочной толпѣ бѣлыхъ рубахъ: ему очень хотѣлось преобразовать эту толпу въ нѣчто похожее на стройный батальонъ, и онъ пытался подѣйствовать на самолюбіе солдатъ, подобравъ такое обидное сравненіе.

Расталкивая солдатъ, въ щеголеватомъ, коротенькомъ кителѣ, прискакалъ на сѣромъ конѣ одинъ изъ адъютантовъ.

— Это четвертый батальонъ? Генералъ приказалъ... чтобы сейчасъ...

Шагахъ въ десяти шлепнулось ядро, за нимъ другое, нѣсколько ближе.—Адъютантъ исчезъ.

Само собою, словно инстинктивно, дѣло дѣлалось, какъ слѣдуетъ: машинально каждый повернулся лицомъ къ непріятелю и всякій, какъ кто стоялъ, такъ и пошелъ прямо на выстрѣлы.

Значительно лѣвѣе, совершенно отдѣльно отъ всѣхъ, шелъ какой-то батальонъ въ стройномъ порядкѣ, странно рѣжущимъ глаза въ общей неурядицѣ. Впереди колоннъ, волнуясь, то выбѣгая впередъ, то припадая къ землѣ, бѣжали стрѣлки.

Между бѣлыми взводами линейцевъ яркимъ пятномъ рисовалась группа пѣхотинцевъ въ красныхъ куртках, въ бѣлыхъ чалмахъ, съ локонами черныхъ, блестящихъ волосъ, раскинутыхъ по зеленымъ воротникамъ куртокъ. Это была рота афганцевъ-ренегатовъ, передавшихся намъ съ Искандеръ-ханомъ еще за мѣсяцъ до открытія военныхъ дѣйствій. Теперь они шли вмѣстѣ съ нашими солдатами на непріятеля, отъ котораго отличались только узкими, бѣлыми перевязями на лѣвыхъ рукахъ.

Впереди, почти тотчасъ-же за цѣпью стрѣлковъ, ѣхалъ высокій красивый всадникъ съ роскошными льняными бакенбардами, — и какъ ѣхалъ!.. Покойно, молча, не обнажая оружія, съ сигарою въ зубахъ, пристально всматриваясь въ красные ряды непріятеля, сползающіе съ высотъ на встрѣчу этой горсти гяуровъ.

Нога въ ногу, словно отчеканивая, подавались роты, усиливая шагъ по мѣрѣ приближенія. Чѣмъ менѣе становилось разстояніе, отдѣлявшее бѣлыхъ отъ красныхъ—тѣмъ яснѣе и яснѣе замѣчалась громадная разница въ численности той и другой стороны. Длинные фланги бухарской пѣхоты, словно гигантскія руки, загибались, охватывая русскій батальонъ; зашитые въ золото всадники горячились на своихъ аргамакахъ, ударами сабель возбуждая въ заднихъ рядахъ порывы замѣтно угасающей храбрости.

На минуту пріостановились бухарцы, и по всѣмъ ихъ линіямъ затрещала ружейная пальба; синій дымъ затянулъ эти линіи...

Дикій вопль на разные лады пронесся въ воздухѣ:—красавецъ-всадникъ поднялъ руку, и какъ охотничьи псы срываются со свобожденныхъ своръ, — рванулись впередъ бѣлыя рубахи, высоко взмахнувъ ружейными прикладами.

Стройные крики ура!, которые мы слышимъ на парадахъ и на маневрахъ, не даютъ понятія о томъ адскомъ хаосѣ звуковъ, который слышится въ минуту отчаянной свалки. Тѣ, кто въ данную минуту перестали быть людьми, не могутъ издавать человѣческихъ звуковъ: ревъ, свистъ, пронзительный визгъ, то что-то похожее на дикій хохотъ, то жалобное, почти собачье завываніе, смѣшались съ характернымъ стукомъ окованныхъ мѣдью ружейныхъ прикладовъ объ голый человѣческій черепъ.

Рукопашь завязалась.

А между тѣмъ сзади разыгралась оригинальная, траги-комическая сцена. Скрипя и раскачиваясь, катилась цѣликомъ по степи неуклюжая лазаретная фура. Она скакала по направленію къ атаковавшему батальону. Тяжелымъ галопомъ, спотыкаясь и чуть не падая, прыгала тройка приземистыхъ лошадокъ; усердно накаливалъ кнутомъ по всѣмъ тремъ спинамъ длинный, худой солдатъ, привставъ на козлахъ; винтовка съ примкнутымъ штыкомъ билась у него за спиною. Изъ подъ холстинныхъ занавѣсокъ фуры выглядывали испуганныя лица фельдшеровъ еврейскаго происхожденія.

Пригнувъ гибкія пики, привставъ на стременахъ, неслись со всѣхъ сторонъ тюркмены, догоняя фуру. Особенно два всадника близко вертѣлись около самой почти тройки, не рѣшаясь наскочить для удара; ихъ пугалъ толстенькій всадникъ на чалой лошадкѣ, которой, то справа, то слѣва вертѣлся около фуры, грозя наѣзднікамъ своимъ револьверомъ. Этотъ всадникъ былъ герой-докторъ, всегда поспѣвавшій съ своею фурою и пособіями въ самыя горячія мѣста боя. И теперь онъ спѣшилъ догонять свой баталіонъ, зная, что ему работы будетъ достаточно.

Еще-бы минута, и не спасла-бы бѣглецовъ даже докторская отвага и его *незаряженный* револьверъ, но тройка доскакала и врѣзалась между атакующими.

Далеко сзади, распластанныя крестообразно на сѣрой землѣ, лежало нѣсколько бѣлыхъ фигуръ; одна изъ нихъ пыталась приподняться, отдѣляя отъ земли голову и выгибаясь конвульсивно всѣмъ туловищемъ.

Всадники, которымъ не удалось догнать лазаретную фуру, замѣтили ихъ и поскакали по тому направленію. Доскакали, сошли съ лошадей, что-то повозились съ тѣлами и торопливо поскакали дальше...

Какую скверную, отталкивающую форму имѣетъ человѣческое тѣло, отъ котораго отдѣляютъ голову: сразу даже не разберешь, что это такое. Зіяетъ багровый разрѣзъ, хлещетъ алая кровь и, шипя, смѣшивается съ пылью, запекаясь въ черные клубы, темной дырой виднѣется перехваченное горло...

Зрѣлище, къ которому привыкаютъ... но съ большимъ

трудомъ. Я зналъ многихъ господъ, которые весьма покойно сравнивали *это* съ свѣже-разрѣзаннымъ, переспѣлымъ арбузомъ *). Безсознательно выпучивъ помертвѣлые глаза, съ искаженными чертами лица, съ открытыми ртами, бухарцы какъ-то странно, почти машинально махали своими дряннымъ ружьями; они, повидимому, не сознавали, гдѣ они и что дѣлаютъ. Тупой ужасъ овладѣлъ ими; этотъ ужасъ не былъ похожъ на обыкновенный паническій страхъ, подъ вліяніемъ котораго бѣгутъ, не рѣшаясь даже оглядываться. Несчастные видѣли передъ собою не бѣлыя рубашки русскихъ, нѣтъ: передъ ними рисовались адскія чудовища съ тысячами рукъ, съ красными раскаленными пастями, дико вопящія и ревущія. Они даже боли не чувствовали и безъ стона падали на землю, когда ружейный прикладъ раскалывалъ имъ черепа, или тупой штыкъ рылся въ распоротыхъ внутренностяхъ...

Они находились подъ вліяніемъ паровъ опіума, усиленныхъ палящими лучами, почти вертикально надъ головою стоящаго солнца,—до размѣровъ кроваваго кошмара. Это ихъ съ утра угостили такъ, по приказанію эмира, для возбужденія храбрости. Теперь понятенъ былъ тотъ, озадачившій насъ всѣхъ сначала, приливъ необычайной отваги, съ которою бухарцы встрѣтили нашу атаку, а не бѣжали, какъ всегда, при первомъ ея началѣ.

Вся эта громадная толпа, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, мало-по-малу подавалась по тому направленію, по которому шелъ русскій баталіонъ; только съ лѣвой стороны упорнѣй держались красныя куртки: тамъ была афганская наемная бригада, и афганцы, видимо, добирались до своихъ бывшихъ товарищей, благоразумно державшихся въ серединѣ, укрываясь между нашими ротами. На этихъ и опіумъ не дѣйствовалъ, или они накурились его не въ такой сильной мѣрѣ, какъ бухарцы. На высокомъ ворономъ конѣ, весь сверкающій золотомъ и камнями, въ кольчугѣ и съ круглымъ щитомъ на лѣвой рукѣ, бѣсновался начальникъ этой бригады, напирая грудью коня прямо на штыки русскихъ: онъ замѣтилъ Мирамура, командовавшаго нашими афганцами, и съ пѣною у рта ру-

*) Ощущеніе это мнѣ передавали впослѣдствіи плѣнные, которыхъ, впрочемъ, было весьма немного, *по неудобству брать живьемъ, а потомъ еще возиться съ ними, стеречь и т. д.*

гаясь на всѣ лады, ринулся прямо на него;—тотъ увильнулъ. Попятились наши, опрокинутые напоромъ горячаго коня, но это была только секунда торжества. Нѣсколько штыковъ вплылось подъ ребра, въ то мѣсто, кольчуга перехватывается широкимъ кушакомъ, и всадникомъ повисъ, судорожно хватаясь руками за концы ружейныхъ стволовъ. Со стономъ рухнулъ на землю конь-красавецъ, и зазвенѣла дорогая сбруя въ конвульсіяхъ издыхающаго животнаго.

Подались, наконецъ, и афганцы и повернулись къ намъ спинами.

Это не было бѣгство, это не было отступленіе; это было что-то непонятное, озадачившее даже нашихъ туркестанцевъ, никогда не озадачивающихся.

Они шли тихо, понуривъ головы, столпившись въ плотныя массы; никто не оглядывался. Тотъ, кого догоняла пуля, молча падалъ ничкомъ на землю, тяжело подымался, если у него хватало еще на это силъ, и снова падалъ безъ поддержки, безъ всякаго вниманія со стороны своихъ товарищей; казалось,—каждому только до одного себя было дѣло; да и о себѣ-то, кажется, никто не думалъ: въ отуманенномъ мозгу не было мѣста для какой-нибудь опредѣленной мысли, только пересохшій отъ жажды языкъ машинально бормоталъ всякую нелѣпицу изъ корана, и надъ толпами носился смутный говоръ, весьма напоминающій безсвязный бредъ сонныхъ.

Когда мы осмотрѣлись нѣсколько вокругъ послѣ отвратительной бойни, то замѣтили, что стоимъ на самомъ гребнѣ зарабулакской возвышенности. Правѣе выдвигались въ безпорядкѣ изъ-за лощины наши, лѣниво стрѣляя по отступавшимъ. Далеко, то спускаясь, то поднимаясь съ холма на холмъ, двигалась густая масса кавалеріи съ распущенными въ воздухѣ разноцвѣтными значками: это были казаки изъ авангарда. Изъ оврага, который наискось пересѣкалъ всю позицію, теряясь въ волнистой линіи горизонта, словно изъ земли выростали одна за однои наши пушки; снимались поодиночкѣ съ передковъ, едва только выбирались на высоту, и бѣлое облако дыма, внезапно вспыхнувъ на томъ мѣстѣ, гдѣ видно было только-что орудіе, закрывало собою на минуту и самую пушку, и кучку людей, суетливо около нея бѣгающихъ, и группу лошадей, отъѣзжающихъ съ передками.

Все болѣе и болѣе растягивалась та полоса, которая отдѣляла насъ отъ отступавшихъ; вотъ уже не видно отдѣльныхъ фигуръ, вотъ уже эти красныя толпы стало затягивать, словно туманомъ. Широкій, страшный слѣдъ оставляли они за собою. Это все были человѣческіе трупы; но какъ мало похожи были они на тѣла: казалось, что степь была усѣяна грязными красными и бѣловатыми тряпками, и если-бы эти тряпки мѣстами не шевелились въ предсмертныхъ агоніяхъ, если-бы онѣ не издавали звуковъ, потрясающихъ до глубины души . .

. . . . . .

Глухой громовой ударъ потрясъ воздухъ: это, далеко въ горахъ разразилась гроза, и ея торжественный отголосокъ пронесся надъ нашими головами. Обнажились сотни стриженыхъ головъ, и грязные, окрававленные пальцы сложились для крестнаго знаменія...

Обозы, освободившіеся отъ натисковъ непріятельской кавалеріи, скоро растянулись по дорогѣ, и голова ихъ подходила уже къ селенію Зура-булакъ. Съ высоты верблюжьихъ вьюковъ, съ нагруженныхъ арбъ сотни глазъ жадно слѣдили за ходомъ дѣла. Генеральскіе лакеи, забравшись на козлы тарантасовъ, вооружились биноклями.

— Имѣемъ честь съ побѣдою поздравить!—произнесъ съ нѣкоторою степенностью поваръ въ парусинномъ статскомъ костюмѣ, съ французскою бородкою подъ нижней губою.

— Неужели видно, Василій Петровичъ?—говорилъ голосъ изъ глубины экипажа.

— Весьма явственно... я даже своего генерала узналъ...

— Въ лицо-съ?!..

— Больше по ихъ сановной осанкѣ... опять-же значекъ съ энблемой...

— Голубчики мои! Наши-то какъ поперли!..—заоралъ съ телѣги солдатъ съ подвязанной рукою.

— Малайка, кричи, сперва, ура! Валяй за мной!—И писарь завопилъ, сложивъ руки трубою у рта. Татаринъ сплюнулъ и презрительно хмыкнулъ.

— А! Такъ ты такъ...

— Ну... ну... невѣжа...

Писарь юркнулъ за арбу.

Какъ разъ посрединѣ деревни, заросшій камышомъ и ти-

ной, находился небольшой прудъ. Изъ него вытекалъ узенькій ручей, пересѣкалъ поперегъ улицу и между кустами тальника пробирался внизъ, въ заравшанскую долину. Черезъ этотъ ручей велъ небольшой, полуразвалившійся мостикъ, и арбамъ пришлось проходить по одиночкѣ. Это обстоятельство остановило обозъ надолго, и все разбрелось шарить и рыскать по дворамъ и саклямъ, оставленнымъ по большей части жителями. Съ громкимъ кудахтаньемъ перелетали съ одной крыши на другую пестрыя стаи куръ, спасаясь отъ града камней и палокъ; подшибленнымъ вертѣли головы и прятали ихъ подъ кошмы повозокъ. Два осла бѣжали съ пронзительнымъ ревомъ, путаясь въ растрепанномъ вьюкѣ; цвѣтныя одѣяла волочилась по грязи, изъ мѣшка сыпалась мѣдная посуда, звеня подъ копытами испуганныхъ животныхъ. Съ разбитымъ лицомъ, волоча перебитую ногу, выползъ изъ-за угла сѣдой сартъ, приподнялся, цѣпляясь руками за выступы штукатурки, и рухнулъ въ густую крапиву, оставивъ на стѣнѣ красныя полосы. Тамъ и сямъ раздавались выстрѣлы.

Надъ одною арбою поднялся густой черный дымъ: это загорѣлся тюкъ съ различной одеждою, вымѣненный у солдатъ на водку. Маркитантъ изъ казанскихъ татаръ кинулся спасать свое добро.

— Ребята, пожаръ!..—крикнулъ кто-то.

Около злополучной арбы собралась цѣлая толпа.

— Господа... братцы!..—стоналъ маркитантъ.

У запертыхъ воротъ караванъ-сарая собралась значительная группа солдатъ и казаковъ. На своихъ массивныхъ, желѣзныхъ запорахъ, ворота выдерживали натискъ и не поддавались. Нѣсколько ружейныхъ прикладовъ разлетѣлось въ дребезги, въ черезчуръ усердныхъ рукахъ. Раздавались крики: «Тащи вонъ-тамъ бревно!.. Подкладывай!.. Поддавай дружнѣй!.. Орудію-бы сюды .. Ну, еще, разомъ... ну!...»

Ворота затрещали.

— А народу-то тамъ что,—страсть! Гляди-ко сюда въ щель!

Не выдержали, наконецъ, запоры и подались: разомъ распахнулись ворота, и передніе попадали прямо подъ удары китменей и батиковъ *).

*) Китмень—орудіе для земляныхъ работъ, напоминаетъ нашу мотыгу. Батикъ—насаженная на палку тяжелая металлическая шишка.

— Нашихъ бьютъ!

— Вали всѣ сюда... Помоги!!..

Началась рѣзня.

Прижавшись къ стѣнѣ, стиснувъ блѣдныя губы, махая своимъ тяжелымъ орудіемъ, предназначеннымъ для другой, болѣе мирной цѣли, отбивались найманы, задыхаясь отъ ѣдкаго дыма направленныхъ въ упоръ выстрѣловъ.

— Ячменю набирай въ торбы. Не зѣвать!—распоряжался казачій урядникъ, верхомъ проѣхавшій въ тѣсныя ворота.— Говорилъ подлецамъ, чтобы захватили копы (мѣшки) съ собою; теперь хоть въ штаны накладывай, а чтобъ было... безпремѣнно...

— Вонъ всѣ отсюда! Къ арбамъ!—кричалъ изъ-за стѣны начальническій голосъ.—Ишь, напакостили сколько... къ арбамъ, черти!

Обозъ все подавался и подавался впередъ, прошли разгромленной улицей и остальныя повозки, прошелъ и арьергардъ. Прибыли офицеры, которые позаботились разогнать мародеровъ, и по дворамъ и саклямъ раззореннаго селенія бродили только, подбирая брошенное, все тѣ-же оборванныя тѣни, которыя, какъ шакалы за львами, бродятъ за нашими. Богъ вѣсть, отъ-куда являются эти существа; если вы начнете всматриваться въ черты этихъ тощихъ лицъ съ заискивающимъ, собачьимъ выраженіемъ, съ гноящимися глазами, покрытыми всевозможною лишайною сыпью, то вы найдете и намеки на характерный монгольскій типъ, и прямыя крупныя черты тюркскихъ племенъ, и сквозь слой грязи различите красный значекъ индійца—паріи, незабывавшаго мазать себѣ на лбу изображеніе вѣчнаго пламени. Никто не помнитъ, гдѣ именно пристали они къ отряду, никто не замѣчаетъ убыли и прибыли въ этихъ стаяхъ: все столько-же сегодня, сколько и вчера было, сколько было и прежде; а дѣйствительно убываетъ ихъ не мало: сколько ихъ гибнетъ во время грабежа, такъ называемой баранты, гдѣ они подвертываются подъ руку расходившихся солдатъ. Безъ жалости бьютъ ихъ и туземцы, зная, съ какой гнусной цѣлью бродятъ они за русскими. Чтобы избѣгать опасности, они держатся въ сторонѣ, гдѣ-нибудь въ скрытыхъ мѣстахъ, или-же примѣшиваются къ погонщикамъ арбъ и верблюдовъ.

Нѣкоторымъ изъ этихъ несчастныхъ судьба улыбается, и въ два-три похода они успѣваютъ пріобрѣсти себѣ что-нибудь похожее на одежду, а иногда даже и ослика, на которомъ и разъѣзжаютъ впослѣдствіи. Иные изъ нихъ ухитрятся пріобрѣсти себѣ знакомство между солдатами, помощью различныхъ услугъ, а отъ знакомства недалеко и до покровительства. Эти счастливцы рѣшались даже напяливать поверхъ своихъ лохмотьевъ — старый солдатскій мундиръ или казачью одежду. Тогда они называли себя — джигитами, жили въ лагеряхъ вмѣстѣ съ русскими, преимущественно поблизости кухонь, служили чѣмъ-то въ родѣ шутовъ и составляли первое ядро нашей туземной милиціи. Но такихъ счастливцевъ было очень немного; въ ряды попадали только молодые, успѣвавшіе чрезвычайно быстро отъѣдаться и округляться на объѣдкахъ изъ ротныхъ котловъ.

Часамъ къ четыремъ по полудни стянулись всѣ войска къ мѣсту отдыха. Бивуаки расположены были по краю заравшанской долины между селеніями Шарыкъ-хатынъ и Магаль, и тянулись версты на полторы по линіи крайнихъ садовъ, такъ что всѣмъ ротамъ досталось стоять въ тѣни и поблизости воды, что составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ условій бивуачнаго расположенія.

Бухарская дорога шла вдоль бивуачной линіи и всѣ обозы заранѣе были расположены по этой дорогѣ.

Между бивуаками авангарда и главныхъ силъ протекалъ широкій и глубокій ручей Шарыкъ-хатынъ, и по его берегу, въ тѣни громадныхъ тополей, урюковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, расположилась главная квартира.

Всюду поднялись высокіе столбы дыма: цѣлыя бревна изъ разобранныхъ крышъ подкладывались подъ котлы, и красное пламя взвивалось языками кверху, облизывая черные, закоптѣлые бока чугунныхъ посудинъ. Тутъ-же неподалеку ярко краснѣли свѣжо-выпотрошенныя внутренности зарѣзанныхъ быковъ, и парныя туши были подвѣшаны повыше на вѣтви деревьевъ, для безопасности отъ проголодавшихся псовъ. Смѣлыя вороны, каркая, садились на эти вѣтви, бочкомъ подбираясь къ мясу. Съ шумомъ, похожимъ на крупный дождь, сыпался на землю недозрѣлый урюкъ, трещали вѣтви, невыдержавшія тяжести забравшихся на нихъ солдатъ. Ротныя лошади весело

ржали, завидѣвъ издали бонюховъ, которые тащили на спинахъ зеленыя душистыя вязанки свѣжо-накошеннаго клевера... Бивуаки быстро принимали свой обычный шумный, оригинально-пестрый видъ, и маркитанты въ обозахъ, раскинувъ яркія, азіатскія палатки, открыли свой выгодный торгъ спиртомъ и привозными винами.

Въ широкомъ мѣстѣ Шарыкъ-хатына, близъ моста, на бухарской дорогѣ плескались и копошились въ грязной водѣ сотни голыхъ тѣлъ— тутъ-же, кстати, мылись и рубашки, и просушивались на солнцѣ, разложенныя на травѣ, или развѣшанныя на ружейныхъ козлахъ. Длинными вереницами артеллеристы и казаки вели на водопой лошадей. Въ офицерскихъ палаткахъ слышалось то хоровое пѣніе, то возгласы: «на пе! Уголъ отъ валета, девятка по полтинѣ очко... Запишите за мною... Нѣтъ, батенька, лучше пришлите,—я иначе не бью».

Въ походныхъ канцеляріяхъ дружно работали адъютанты и писаря, сочиняя матеріалы официальныхъ реляцій.

Въ прохладной лощинѣ, между двухъ стѣнъ, на разостланныхъ войлокахъ лежали наши раненые. Имъ было очень удобно: легкій вѣтерокъ, прорываясь по лощинѣ, освѣжалъ знойный воздухъ и уносилъ различныя міазмы; вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, низко свѣсившіяся изъ-за стѣнъ, словно гигантскіе зонтики, защищали лежавшихъ отъ лучей солнца. Тутъ же, у самыхъ ногъ, тянулся арыкъ съ свѣжей, проточною водою; говоръ и шумъ бивуаковъ не такъ рѣзко доносился въ это укромное мѣстечко, выбранное съ любовью и съ знаніемъ дѣла все тѣмъ-же толстенькимъ докторомъ.

У входа стояла лазаретная фура, между поднятыми оглоблями которой, подъ натянутой парусиной, устроено было уютное помѣщеніе, лично принадлежащее доктору. Молодой солдатъ еврейскаго происхожденія мылъ въ арыкѣ бинты и сворачивалъ въ трубочки, другой приготовлялъ тазы и ампутаціонные инструменты. Самъ докторъ, засучивъ до плечъ рукава рубашки, подвязавъ себѣ салфетку вмѣсто фартука, обходилъ раненыхъ.

Нѣсколько солдатъ пришли изъ лагеря провѣдать своихъ товарищей. Всѣ говорили шепотомъ, съ нѣкоторою торжественностью, только веселый, немного писклявый голосъ владыки и повелителя этого мѣста скорбящихъ — громко раздавался то

около одного, то около другого раненаго, ободрительно дѣйствуя на упавшій духъ несчастныхъ, разгоняя тоскливое, тяжелое чувство.

Афганцы лежали немного въ сторонѣ; за ними ухаживали ихъ-же товарищи, присланные сюда Искандеръ-ханомъ. Между ними нашелся даже одинъ эскулапъ, который съ сановитой важностью размазывалъ по тряпкамъ какое-то зелье. Ему никто не препятствовалъ примѣнять на практикѣ свои медицинскія познанія, тѣмъ болѣе, что почти всѣ туземные лекаря отлично умѣютъ лечить всевозможныя, особенно поверхностныя, раны.

Одному афганцу, у котораго совершенно раздроблена была рука, пришлось дѣлать ампутацію; онъ долго не соглашался, кричалъ, ругался, призывалъ на помощь Аллаха и своихъ товарищей, но потомъ успокоился, увидавъ, какъ сдѣлали у него на глазахъ подобныя-же операціи нѣсколькимъ нашимъ солдатамъ, и покорно протянулъ свою искалѣченную руку нашему доктору.

Вообще, замѣтно было, что туземцы, понявъ значеніе хлороформированія, охотно прибѣгали къ этому способу, между тѣмъ какъ наши солдаты предпочитали выносить операціи, сохраняя при этомъ ясное сознаніе всего, что ихъ окружало: они недовѣрчиво относились къ этому непріятному чувству обмиранія и боялись не проснуться вовсе.

Совсѣмъ поодаль, такъ что раненые не могли видѣть, лежало нѣсколько тѣлъ, покрытыхъ съ головами солдатскими шинелями. Все, что шумѣло кругомъ, приближаясь къ этому мѣсту, притихало, словно изъ боязни потревожить умершихъ. Вотъ какая-то пѣгая собака съ громадною костью въ зубахъ, на всемъ собачьемъ карьерѣ задѣла за ружейный козелъ: оружіе повалилось съ дребезгомъ и звономъ; сидѣвшій по близости солдатъ громко ругнулъ неосторожнаго пса, но на половинѣ характерной фразы вдругъ оборвалъ и покосился въ ту сторону, гдѣ сѣрое, солдатское сукно угловатыми линіями облегало сложенныя на груди, неподвижныя руки и торчавшіе врозь носки грубыхъ сапогъ.

Конюхъ съ кнутомъ поминутно бѣгалъ отгонять собакъ отъ этого священнаго мѣста, одной только мохнатой черной шавкѣ сдѣлано было исключеніе. Свернувшись клубочкомъ, лежала она у ногъ убитаго и такъ жалобно взвизгивала при приближеніи

конюха, что у того не хватало духу прогнать грустившее животное.

— Ну, ну, лежи! Тебя не трону... — ворчалъ солдатъ. — Вѣдь вотъ, тоже—скотина, а душа, почитай, человѣчья!—замѣтилъ онъ своему товарищу.

— Потому—чувствуетъ!—отвѣчалъ тотъ, выбирая изъ-подъ ногъ лошадей затоптанный клеверъ.

Пришли еще изъ батальоннаго бивуака человѣкъ шесть; эти пришли съ новостями.

— То-есть, что въ кишлакахъ въ (деревняхъ) дѣлается—страсть!

— Афганцы наши всѣ туда шарахнули!

— Шандринъ-горнистъ сказывалъ: бабъ ихнихъ, что поотыскали!

— Ишь, ты... важно! Махнемъ, братцы...

— Поди-ка, махни; нашъ бородастый увидитъ,—онъ тѣ—махнетъ!

— Братцы, палятъ никакъ... слышь... разъ...

— Ну—расходились...

Изъ долины донеслись отдѣльные выстрѣлы; это были наши ружья, ихъ легко можно было узнать по отчетливому—громкому звуку.

Крики, доносившіеся изъ долины, все чаще и чаще повторяющіеся выстрѣлы, наконецъ, вспыхнувшій пожаръ, обратили на себя вниманіе тѣхъ, кому надлежало о томъ вѣдать. Позаботились унять неистовства и выгнать оттуда мародеровъ. Въ лагерѣ велѣно было произвести самую тщательную перекличку, чтобы узнать, кого нѣтъ на своихъ мѣстахъ, а въ долину было послано нѣсколько офицеровъ; въ числѣ послѣднихъ отправился и я.

Едва я выѣхалъ за черту нашихъ бивуаковъ, какъ дорожка съузилась и пошла вилять между глиняными стѣнками огородовъ,—на каждомъ шагу пересѣкая безчисленные водопроводные арыки; черезъ нѣкоторые изъ нихъ вели скороспѣлые мостики, черезъ большинство ничего не было, и мой Орликъ — козломъ прыгалъ черезъ подобныя препятствія, привыкшій не задумываться и не передъ такими пустяками.

Почти въ началѣ моей поѣздки я лицомъ къ лицу встрѣтился съ слѣдующей группой: два солдата, въ изодранныхъ за-

маранныхъ рубахахъ, безъ кепи, распоясанные, тащили въ поводу маленькаго ослика, нагруженнаго всевозможнымъ хламомъ; тутъ были и пестрые халаты, и яркія, полосатыя одѣяла,— какіе-то туго-набитые мѣшки, и разныя металлическія мелочи. Все это было навьючено кое-какъ: на спѣхъ, билось по бокамъ животнаго, свѣшивалось и волочилось по землѣ, путаясь между ногами. Усталый осликъ упирался и неохотно тянулся на веревочномъ поводѣ; третій солдатъ подгонялъ его сзади ударами здоровенной дубины.

Случилось такъ, что, какъ разъ при поворотѣ съ боковой дорожки, вся группа лицомъ къ лицу встрѣтилась со мною.

— Какого батальона?—спросилъ я.

Солдаты переглянулись. Я повторилъ вопросъ... Въ одну минуту, всѣ трое кинулись въ разныя стороны и принялись скакать со стѣнки на стѣнку, а передо мною вертѣлся только озадаченный осликъ, окончательно запутавшійся въ своемъ несоразмѣрномъ вьюкѣ.

Пробравшись между осломъ и стѣнкою, я поѣхалъ дальше. Пришлось спуститься подъ горку. Съ шумомъ, разбрасывая тысячи брызгъ, работала небольшая мельница; узенькій живой мостикъ велъ почти надъ самыми колесами; только по этому мостику можно было перебраться на ту сторону, гдѣ находился мельничный сарайчикъ съ плоскою крышою, густо заросшею травою, и длинная жилая сакля. Но мостикъ этотъ былъ какъ разъ на-половинѣ перегороженъ человѣческимъ трупомъ: руки и бритая голова свѣшивалась съ одной стороны, и водяныя брызги отъ колесъ обмывали пробитое до мозговъ темя, изъ котораго сочилась густая черная жидкость. Тѣло лежало ничкомъ и было положительно обнажено; поясница была перебита чѣмъ-то острымъ — словно топоромъ и страшно зіяла. Мой Орликъ упирался, фыркалъ на это страшное препятствіе и не рѣшался скакнуть черезъ него, несмотря на мои одобрительные толчки въ его бока. Пришлось слѣзть и сбросить несчастнаго съ мостика...

Весь дворикъ мельницы былъ въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ: дверки въ саклѣ были выбиты, разная домашняя утварь разбросана по всему двору, на самой срединѣ лежалъ на боку разбитый кувшинъ съ кунжутнымъ масломъ, ведра въ четыре вмѣстительности; темнозеленая лужа масла распространяла свой

характерный запахъ; кое-гдѣ бродили уцѣлѣвшія куры. Русскія и туземные голоса слышались невдалекѣ, въ густомъ фруктовомъ саду, прилегавшемъ къ мельницѣ. Туда никакъ нельзя было пробраться верхомъ: я слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ колесу арбы, стоявшему у стѣны, и, нагнувшись, вошелъ, или, правильнѣе сказать, влѣзъ въ стѣнной проломъ. Человѣкъ шесть казаковъ и два афганца преспокойно лежали подъ тѣнью абрикосоваго куста и курили трубочки, около нихъ находились порядочные узелки, связанные аккуратно, съ походною опытностью. Казаки повскакали и, видимо, смѣшались; поднялись и афганцы, и оскалили свои бѣлые, цыганскіе зубы...

— Вы что тутъ дѣлаете?..

— Фуражиры, ваше б-іе...

— Какъ фуражиры?

— За ячменемъ присланы: урядникъ приказалъ непремѣнно, чтобы на три дня запаслись!

— Это у васъ ячмень?—указалъ я на узелки.

— Никакъ нѣтъ!—Казаки замялись.—Ячменя не нашли!

— Теперь, ваше б-іе, какой ячмень,—принялся объяснять черноватый казакъ изъ башкиръ. — Татарва весь повысняла уже. Въ ямахъ, какъ есть, пусто...

— Какой сотни?

Казаки сказали. Я записалъ номеръ и велѣлъ имъ идти въ лагерь и явиться къ командиру; кстати, я велѣлъ имъ захватить съ собою и афганцевъ...

Прослѣдивъ немного за ними и убѣдясь, что они намѣрены исполнить мое приказаніе, я вышелъ изъ сада и поѣхалъ дальше на поиски.

Скоро я наткнулся на сѣрую лошадь, осѣдланную офицерскимъ сѣдломъ; лошадь эту я узналъ: она принадлежала одному изъ адъютантовъ, тому самому, что такъ толково и ясно передавалъ приказанія въ началѣ боя. Два конныхъ казака стояли тутъ-же.

— А N гдѣ?..

— Тамъ въ саклѣ, ваше б-іе!

Изъ темной сакли доносились женскіе голоса.

— Что вы тамъ дѣлаете? — крикнулъ я, нагнувшись съ лошади къ двери.

Изъ сакли вышелъ адъютантъ.

— Ахъ, это вы... Я посланъ тоже... эти подлецы, представьте, тутъ женщины. Это ужасно...

— Да, дѣйствительно ужасно,—согласился я.— Ну, садитесь и поѣдемте вмѣстѣ. Это казаки ваши?

Дальше мы поѣхали уже цѣлой кавалькадой. По сторонамъ дороги, въ зелени мелькали то бѣлыя рубашки, то красные халаты и куртки афганцевъ; первыя прятались, завидя насъ; вторые-же продолжали свое дѣло совершенно покойно: — они были положительно убѣждены въ законности грабежа послѣ битвы и весьма удивлялись нашимъ требованіямъ возвратиться въ лагерь.

— Посмотрите! — указалъ я адъютанту на что-то яркое, лежавшее въ густомъ виноградникѣ. Мой спутникъ задрожалъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно. Да и было отчего.

Это *что-то*—была женщина, даже не женщина,—а ребенокъ лѣтъ четырнадцати, судя по формамъ почти дѣтскаго тѣла. Она лежала навзничь, съ широко раскинутыми руками и ногами; лиловый халатикъ и красная, длинная рубаха были изорваны въ клочья; черные волосы, заплетенные въ множество косичекъ, раскидались вокругъ головы, глаза были страшно открыты, судорожно стиснутые зубы прикусили конецъ языка; подъ туловищемъ стояла цѣлая лужа крови.

Даже казаки переглянулись между собою и осторожно объѣхали, отвернувшись отъ этого раздирающаго душу зрѣлища.

А вотъ и нашъ поплатился:—изъ какой-то, очень небольшой дверки, ведущей въ землянку, до половины вырытую въ землѣ, торчали двѣ ноги, обутыя въ русскіе, подкованные сапоги; эти ноги были неподвижны. Казаки ухватились за нихъ и принялись тащить въ наружу. Вытащили,— смотримъ, — ничего не разберемъ: только и осталось человѣчьяго, что одни ноги; все остальное буквально измолочено тяжелыми китменями.

. . . . . .

Солнце садилось, когда я окончилъ свой объѣздъ. Несмотря на мои отлично выдрессированные нервы, несмотря на привычку къ виду крови и человѣческихъ страданій, я былъ положительно измученъ нравственно, и какія горькія, самыя безотрадныя думы лѣзли въ голову и разгоняли сонъ, рисуя передъ глазами дикія, отвратительныя сцены!

Быстро, почти безъ сумерекъ, наступила ночь, и весь без-

конечно-растянутый лагерь побѣдителей запылалъ безчисленными огнями; надъ долиной только стоялъ густой мракъ, кое-гдѣ прерывающійся зловѣщими пятнами пожарнаго зарева. Угомонились, наконецъ, и тамъ, и мертвая тишина царствовала за предѣлами нашихъ бивуаковъ, обнесенныхъ живою цѣпью часовыхъ.

Когда, минутами, вдругъ стихалъ разнообразный гулъ бивуачнаго движенія, и наступила неожиданная затишь, изъ степи, той страшной, безводной степи, куда ушли на свою погибель разбитыя бухарскія войска, доносился хриплый вой волковъ, бродившихъ по мѣсту побоища: щедрой рукой разсыпана была имъ пожива въ степныхъ лощинахъ, по скатамъ холмовъ, на гребняхъ высотъ, опаленныхъ солнцемъ.

Чу! Вотъ и въ нашемъ лагерѣ завылъ кто-то по-волчьи: это маркитантъ, у котораго тайкомъ просверлили днище у спиртнаго боченка. Вотъ еще... нѣтъ, это хоровое пѣніе въ одной изъ офицерскихъ палатокъ. Жиденькій теноркъ затягиваетъ съ варіаціями:

Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной...

Подхватываетъ въ разбродъ голосовъ десятокъ; одинъ басъ съ густымъ хрипѣніемъ выдѣляется изъ хора. Самъ пѣвецъ—въ длинной бѣлой черкескѣ. Особенно подчеркиваетъ слова:

Кавказскія долины—кладбище удальцовъ.

Хлопъ!—вылетѣвшая пробка стукнулась о палаточный верхъ.

— Сбѣгай въ роту, — говоритъ кто-то вполголоса около палатки,—чтобы людей прислали... съ лопатами...

— А что—померъ?

— Всѣ четверо кончились. Завтра, кто его знаетъ, можетъ, выступать утромъ будемъ—некогда будетъ...

— И за такую-то мадеру четыре рубля!—волнуется чей-то солидный баритонъ.

— Да вѣдь пойми ты: въ долгъ. По-моему, такъ это — почти что даромъ...

Молча, съ лопатами въ рукахъ, прошли другъ за другомъ нѣсколько солдатъ. Сзади несли за ними что-то длинное, завернутое въ шинель; черезъ минуту еще протащили два или три такихъ-же свертка: это понесли хоронить умершихъ на перевязочномъ пунктѣ.

Случалось не разъ, что послѣ того, какъ уходили наши войска, туземцы отыскивали могилы русскихъ солдатъ и издѣвались надъ тѣлами невѣрныхъ; главнымъ же образомъ трупы отрывались для того, чтобы отрѣзать у нихъ головы и присоединить ихъ къ своимъ трофеямъ: кто тамъ узнаетъ, какимъ путемъ добыты эти кровавыя доказательства воинской доблести, а между тѣмъ въ Бухарѣ джигитъ, привезшій русскую голову, щедро одаривается самимъ эмиромъ и пріобрѣтаетъ себѣ знаменитое званіе батыря, т. е. богатыря. Оффиціальною платою за голову обыкновенно бываетъ: полосатый, яркій халатъ изъ полушелковой ткани (адраса) и золотая монета — тилля; но главное—заманчивый блескъ военной славы...

Зная этотъ обычай *пакостить покойниковъ* (какъ выражаются наши солдаты), изобрѣтенъ совершенно особенный способъ погребенія, которымъ удается обмануть чуткаго азіата.

Прежде всего тщательно срѣзываютъ пластинками дернъ гдѣ-нибудь въ менѣе бросающемся въ глаза мѣстѣ; затѣмъ вырываютъ узкую, довольно глубокую яму, стараясь по-аккуратнѣе складывать вырытую землю, чтобъ не очень насорить по окружности. Опустивъ тѣло, засыпаютъ его и укладываютъ дернъ опять на свое прежнее мѣсто. Это все солдаты такъ ловко и скоро дѣлаютъ, что, зная даже о существованіи могилы, трудно опредѣлить безъ ошибки точный пунктъ погребенія.

Старикъ унтеръ-офицеръ съ кусочкомъ георгіевской ленточки на рубахѣ распоряжался несложнымъ похоронным обрядомъ. Выйдя немного за цѣпь часовыхъ, вся группа спустилась немного въ долину и остановилась у высокой стѣны, вдоль которой тянулась неглубокая рытвина, густо заросшая крапивой, мальвами и дикимъ терновникомъ. Застучали лопатки по сухой землѣ, и заколыхались стронутые съ мѣста высокіе стебли.

— Поглядывай, братцы, чтобы какая погань не подглядѣла!—говорилъ одинъ изъ роющихъ.

— Кому глядѣть!.. Ихъ теперь, чай, и въ живыхъ никого не осталось по близости!

— И на заводъ не оставили...

— Ну, не скаль зубы при такомъ случаѣ!—оборвалъ унтеръ съ ленточкой.

— А Никоновъ, братцы мои, еще вчера-сь въ безсрочный

собирался идти: что-то, говоритъ, словно по дому взгрустнулось—такая это, говоритъ, тоска, что и-и, Боже мой!..

— Потому—конецъ свой чуялъ!

— А всѣхъ пуще Колосова, бѣднягу, жаль: то-есть, вотъ душа-солдатъ былъ! Сказывалъ онъ какъ-то, что хотѣлъ ротнаго просить, чтобы ему жену выписали; дѣтей, говорилъ, двое махонькихъ... вотъ-те и жена!..

— Шабашъ, довольно!—остановилъ рабочихъ унтеръ, смѣривъ глазомъ глубину ямы.—Кто молитвы читать будетъ?

— Красковъ знаетъ!

— Я заупокойной не знаю!—отговаривался рыжій Красковъ.

— Ну, ничего, читай «Отче», потомъ «Богородицу» — и баста!

— Трижды «Со святыми упокой» опосля всего!—посовѣтовалъ кто-то.

— Ладно! Заваливай!

Однозвучно вылетали слова молитвы; имъ вторилъ лязгъ лопатъ, когда они, засыпая яму землею, сталкивались въ дружной работѣ.

Молодой солдатикъ не выдержалъ и заплакалъ.

— Ужъ очень, братцы, Колосова жалко!—всхлипывалъ онъ, принимаясь за дерновую пластину.

Да и всѣ остальные угрюмо, сосредоточенно работали, и тяжелый вздохъ не разъ прерывалъ обыкновенную рабочую одышку.

Зарыли послѣдняго, осмотрѣли еще разъ, все-ли въ порядкѣ, и пошли въ лагерь. Тамъ замиралъ уже неугомонный шумъ: все засыпало мало-по-малу послѣ тревогъ и волненій буйнаго, боевого дня. Даже у маркитанскихъ палатокъ все успокоилось: послѣднихъ потребителей разогнали дежурные, и торгаши укладывались и приводили въ порядокъ свои походные магазины и рестораны.

Предположеніе выступать на слѣдующій день оказалось однимъ только предположеніемъ. Войска простояли на тѣхъ-же позиціяхъ весь день, простояли и еще одинъ, собирались простоять и третій.

Изъ Самарканда доходили только туманные слухи, да иначе и быть не могло, потому что сообщеніе отряда съ этимъ

городомъ было отрѣзано, и джигиты, посланные съ той и другой стороны, не достигали до цѣли, попадаясь въ руки бродячихъ непріятельскихъ партій.

Вдругъ, Богъ-вѣсть, изъ какого источника, по всему лагерю разнесся ужасный слухъ: говорили, что весь самаркандскій гарнизонъ перерѣзанъ до одного человѣка, что городъ этотъ снова въ рукахъ непріятеля, и что весь народъ подымается священной войной на пришельцевъ. Слухъ этотъ начиналъ подтверждаться; онъ, видимо, шелъ черезъ нашихъ арбакешей, имѣвшихъ кое-какіе сношенія съ туземцами, а между прочимъ, мы знали, что около Самарканда творится что-то необыкновенное, и слухъ этотъ съ каждою минутою принималъ все болѣе и болѣе вѣроятія. Наши почтовые джигиты, которымъ удалось, если не доѣхать до Самарканда, то, по крайней мѣрѣ, вернуться обратно въ лагерь, говорили всѣ единогласно, что Самаркандъ весь окруженъ горными народами, пришедшими съ Джура-Біемъ шегрисябзскимъ, и что жители присоединились къ возстанію. Многіе пріуныли у насъ, да и было отчего: несмотря на превосходство нашего оружія, несмотря на кое-какіе признаки, напоминающіе европейскія войска, мы не могли-бы устоять при этой катастрофѣ, и намъ дорого пришлось-бы поплатиться.

Такъ-же внезапно, какъ распространился слухъ о нашемъ пораженіи, по лагерю разнесся другой, болѣе утѣшительный говоръ: мы побѣдили, непріятель бѣжитъ отъ самаркандскихъ стѣнъ, самъ Джура-Бій убитъ, а кто говорилъ, что взятъ въ плѣнъ.

Все вздоръ! Прихлынула третья волна тревожныхъ слуховъ: и пораженіе—вздоръ, и побѣда—вздоръ; но дѣла наши въ Самаркандѣ все-таки весьма плохи, и если мы не поспѣшимъ на выручку самаркандскаго гарнизона, то, пожалуй, кое-что окажется и правдой.

Въ виду всего этого рѣшено было не предпринимать дальнѣйшихъ побѣдоносныхъ движеній къ Бухарѣ, а отступать къ Самарканду.

На четвертый день нашей стоянки, рано утромъ, отрядъ снялся съ бивуаковъ и потянулся обратно.

Проходя Зара-булакомъ—невольно зажимали носы, а конные подгоняли лошадей, спѣша проѣхать зараженную полосу

воздуха. Страшный видъ представляла эта деревня: вся улица засорена всевозможнымъ хламомъ, всюду гніютъ неубранные, разбухшіе отъ іюльской жары трупы. А во внутренность дворовъ лучше и не заглядывать, особенно теперь, когда страсти поулеглись, и многимъ пришлось взглянуть на дѣло рукъ своихъ болѣе трезвымъ, неподкупнымъ взглядомъ.

У мостика—вода шла черезъ, наводняя узкую улицу: громадный трупъ верблюда запрудилъ арыкъ, заражая своимъ гніеніемъ зеленоватую воду: даже изъ пруда чѣмъ-то пахло весьма подозрительно, и лошади, подведенныя для водопоя, отворачивали морды, отказываясь отъ предложеннаго имъ пойла.

Прошли Зара-булакомъ, повернули ближе къ степи. Высоты — мѣсто недавняго боя — находились теперь по правую руку и, словно усѣянныя макомъ, краснѣлись на солнцѣ. Отъ авангарда отдѣлилась группа всадниковъ и поѣхала къ высотамъ: это были офицеры изъ штаба, которымъ хотѣлось, по числу труповъ на данномъ пространствѣ, опредѣлить, хотя приблизительно, размѣры непріятельской потери. Но они недолго считали: въ этой адской атмосферѣ было трудно пробыть хотя нѣсколько минутъ, и компанія вернулась къ отряду, имѣвъ случай убѣдиться въ необыкновенной живучести человѣка; особенно одинъ трупъ поразилъ всѣхъ своимъ видомъ: онъ не разбухъ, какъ всѣ остальные, а сохранилъ свои первоначальныя формы; когда къ нему подъѣхали, то замѣтили, что трупъ этотъ глядѣлъ живыми глазами. Несчастнаго подняли, привезли къ лазаретнымъ фурамъ и подали медицинскія пособія; у него оказались: проколотое штыкомъ плечо, переломлена нога выше колѣна и ударъ прикладомъ по черепу. Черезъ часъ больной могъ говорить, хотя и слабо, почти невнятно, но совершенно опредѣленно выражая свои желанія. «Воды... воды!..» вотъ первыя слова, которыя онъ произнесъ на гортанномъ афганскомъ языкѣ. Почти четверо сутокъ пролежать на страшномъ припекѣ безъ всякой помощи, да въ добавокъ съ такими ужасными ранами! Къ ночи, однакожъ, онъ отошелъ въ вѣчность; можетъ быть, потому, что его уже очень старались поставить на ноги.

Солнце было еще высоко, когда мы вернулись въ Катта-Курганъ и расположились на пепелищахъ прежнихъ бивуаковъ.

Къ югу отъ бухарской дороги, именно въ ту сторону, куда отброшены были пѣшія бухарскія войска, тянется на нѣсколько дней коннаго пути мертвая, безводная степь. Изрѣдка степь эту перерѣзываютъ неглубокія, каменистыя балки, кое-гдѣ виднѣются невысокіе, пологіе холмы, и все это покрыто слоемъ сѣрой пыли похожей на пепелъ, въ которомъ кое-гдѣ торчатъ рыжеватые, словно верблюжья шерсть, сожженные лѣтнимъ солнцемъ остатки жалкой, степной растительности. Свободно носится вѣтеръ по необъятному простору, подымаетъ цѣлыя облака этой пыли и заноситъ ею бѣлѣющіяся кости палаго верблюда или дробные слѣдки, быстрыхъ, какъ самый вѣтеръ, сайгаковъ. Окидывая взглядомъ волнующуюся въ степномъ миражѣ линію горизонта, рѣдко можно замѣтить какое-нибудь живое существо; развѣ проголодавшаяся, чахлая пара мелкорослыхъ волковъ, поднявъ къ верху носы, перебѣгутъ отъ одной балки къ другой, потягивая горячій воздухъ — не пахнетъ-ли откуда еще необглоданной окончательно падалью.

Бросая свое жалкое оружіе, безпорядочными толпами шли бухарцы съ холма на холмъ, изъ лощины въ лощину, забираясь все дальше и дальше въ мертвую пустыню. Давно прекратилось преслѣдованіе, давно замолкъ гулъ послѣдняго выстрѣла, а въ ушахъ несчастныхъ бѣглецовъ все еще раздавались страшные, побѣдные крики *гяуровъ*, рѣзкій свистъ пуль врага безпощаднаго.

Вперивъ въ пространство тусклые взоры, бормоча коснѣющимъ языкомъ безсвязныя молитвы, они шли и падали, ослабѣвъ отъ потери крови, отъ мучительной жажды. Въ воспаленныхъ мозгахъ бродилъ тяжелый чадъ и угаръ — слѣды одуряющаго опіума.

Кто падалъ—тотъ уже и не пытался вставать болѣе: ему суждено было умереть въ степи.

Верстахъ въ тридцати находится, почти на самой дорогѣ въ Карши, группа небольшихъ колодцевъ, у которыхъ кочевые наймы поятъ своихъ неприхотливыхъ овецъ. Въ эту именно сторону, словно инстинктивно, тянулись вереницы красныхъ куртокъ, и, по мѣрѣ приближенія къ колодцамъ, въ помертвѣлыхъ глазахъ загорались искры слабой надежды на спасеніе.

Вотъ синимъ гребнемъ протянулась скалистая гряда, за этою грядою, въ лощинѣ колодцы, въ колодцахъ вода—а съ нею спасеніе. Усталыя ноги движутся бодрѣе, даже раненые приподымаются и ползкомъ тянутся къ этой синѣющей грядѣ, задерживая мучительные стоны.

Густая пыль стоитъ надъ лощиной; тамъ слышны ржаніе лошадей, крики и ругань: конные тюркмены раньше поспѣли къ колодцамъ; имъ надо и себѣ утолить жажду, и напоить своихъ лошадей, а въ колодцахъ воды не много: они вырыты какъ разъ по размѣру суточныхъ потребностей кочевниковъ; только черезъ сутки опять они наполнятся водою, а какъ-же ждать сутки, — когда часъ ожиданія можетъ окончиться смертію. Но, можетъ быть, счастливцы не всю воду выпьютъ, можетъ быть, достанется и на долю отставшихъ пѣшихъ...

Крики вокругъ колодцевъ усиливаются, слышны выстрѣлы: изъ пыли вырываются кони безъ всадниковъ съ разметанными сѣдлами и несутся въ степь. Начинается ожесточенная схватка... Нѣтъ надежды! Это дерутся за послѣднія капли.

Рѣже и рѣже становится толпа вокругъ колодцевъ: конники уходятъ дальше; толпа за толпой тянутся они по каршинской дорогѣ; длинныя пики съ пучками конскихъ волосъ, словно гибкій камышъ, волнуются между холмами, скрываясь изъ глазъ мало-по-малу; развѣваются по вѣтру концы бѣлыхъ тюрбановъ, ярко сверкаетъ на солнцѣ золотое шитье на спинахъ сановныхъ наѣздниковъ.

Въ свою очередь, все ближе и ближе подходятъ разрозненныя массы пѣшихъ: вотъ они поднимаются на гребень, имъ осталось только спуститься въ лощину, на днѣ которой, словно въ безпорядкѣ наброшенныя груды камней, виднѣются жерла колодцевъ.

Опять появляется слабая надежда; передніе ускоряютъ шагъ... вотъ побѣжали...

На днѣ колодцевъ ничего, кромѣ клейкой, зеленовато-черной, густой грязи. По близости валяются раздавленныя въ свалкѣ кожанныя ведра—постоянная принадлежность степныхъ колодцевъ; волосяные арканы, на которыхъ опускаютъ эти ведра, — увезены; да если-бы они и оставались — такъ развѣ для того только, чтобы на нихъ удавиться.

А жаждущіе все прибываютъ и прибываютъ; гуще и гуще становится толпа: задніе еще не подозрѣваютъ о катастрофѣ.

Капля по каплѣ медленно просачивается влажность сквозь песчаныя стѣны колодцевъ и стекаетъ на дно; жижа становится грязь... еще-бы часъ, два терпѣнія, и воды, хотя-бы для немногихъ, накопилось-бы достаточно. Но возможно-ли эти— часъ, два терпѣнія—когда человѣкомъ начинаетъ овладѣвать бѣшенство, когда человѣкъ забываетъ все — кромѣ жгучей потребности пить.

Чѣмъ попало, вычерпываютъ эту грязь, глотаютъ ее, давятся и падаютъ, задыхаясь въ конвульсіяхъ.

Высокій, мускулистый, словно бронзовая статуя, татаринъ виднѣется выше всѣхъ надъ толпою, онъ стоитъ на колодезной обкладкѣ, его сжатые кулаки подняты къ небу; изъ охриплаго горла вырываются самыя ужасныя ругательства, направленныя на небо, на Аллаха, на пророка, но пуще всего достается эмиру Мозофару. Вдругъ онъ какъ-то странно закинулся назадъ, руки взболтнули въ воздухѣ,—и эта атлетическая, полуобнаженная фигура полетѣла головой внизъ, прямо въ темное отверстіе колодца. Старикъ мулла, съ длинной пожелтѣвшей бородой, стоитъ въ двухъ шагахъ отъ этого мѣста, опустивъ дымящійся стволъ фитильнаго мултука. До этой минуты онъ молча молился въ сторонѣ, пока его не вывели изъ религіозной задумчивости богохульныя ругательства татарина.

Припадки бѣшенства смѣнились мало-по-малу тупымъ безмолвіемъ; полная апатія овладѣвала большинствомъ... Вонъ въ сторонѣ, прислонившись къ большому камню, сидитъ одинъ, на лицѣ его полнѣйшее спокойствіе, глаза закрыты, голова опущена на грудь... онъ спитъ, но уже дыханіе прекратилось: это пораженный солнечнымъ ударомъ,—смерть покойная, она незамѣтно приходитъ въ глубокомъ снѣ и, счастливецъ, вовсе не знаетъ ея приближенія...

Широко махая гигантскими крыльями, носятся надъ этимъ царствомъ смерти степные орлы-стервятники: они заранѣе предвкушаютъ обильную жатву, и ихъ не пугаютъ даже тѣ конкуренты, которые вонъ тамъ, за этою усѣянною мелкими камнями, красноватою отлогостью, притаились, поджавъ свои хвосты, щелкая, словно въ лихорадкѣ, голодными зубами.

Съ наступающими сумерками все болѣе и болѣе сбѣгается волковъ изъ степи, занимая сосѣднія рытвины, выжидая, когда уйдутъ живые и оставятъ имъ на съѣденіе своихъ мертвыхъ собратій.

Спустя мѣсяца два послѣ этихъ событій, мнѣ пришлось быть съ казачьимъ разъѣздомъ у этихъ самыхъ колодцевъ; всюду, куда только хваталъ глазъ, бѣлѣлись человѣческія кости, и пестрѣли клочья цвѣтной одежды. Туземцы-пастухи, которые поили своихъ овецъ у колодцевъ, такъ какъ время клонились уже къ ночи, говорили мнѣ, что на пути отъ зара-булакскихъ высотъ и около колодцевъ человѣческихъ тѣлъ было гораздо болѣе, чѣмъ на мѣстѣ самого побоища. Не даромъ говорили, что изъ семи тысячъ регулярныхъ пѣхотинцевъ эмира Мозофара едва одна тысяча собралась въ Бухарѣ, и то почти черезъ мѣсяцъ послѣ сраженія.

Страшное положеніе, когда на несчастныхъ побѣжденныхъ возстаетъ даже сама, незнающая пощады, природа.

Колодцы эти носятъ теперь названіе: «Кара-Кудукъ», что значитъ—черные колодцы.

УРГУТЪ.

Послѣ чапанъ-атинскаго погрома и занятія Самарканда прошла цѣлая недѣля. Отрядъ нашъ тѣснымъ лагеремъ расположился по сторонамъ большой бухарской дороги, на выѣздѣ изъ Самарканда. Въ городской цитадели, гдѣ помѣщенъ былъ походный лазаретъ, устроены временные склады провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ, и находилась главная квартира, сталъ шестой баталіонъ линейцевъ и три роты стрѣлковъ нашей туркестанской гвардіи.

На очень небольшомъ пространствѣ, прорѣзанномъ по всѣмъ направленіямъ арыками, стѣснилось около трехъ тысячъ человѣкъ. Солдаты помѣщались въ крохотныхъ парусинныхъ палаткахъ, на манеръ переносныхъ алжирскихъ. По близости краснѣли, зеленѣли и пестрѣли азіатскія палатки офицеровъ, ослѣпительно сверкали мѣдныя тѣла орудій; между зарядными ящиками, на протянутыхъ коновязяхъ привязаны были артиллерійскіе пони, которые фыркали и чихали отъ мелкой, всюду проникающей, пыли и тоскливо отмахивались хвостами отъ міріадъ докучливыхъ мухъ. Цѣлыми тучами носились надъ лагеремъ эти несносныя насѣкомыя, набивались въ палатки, лѣзли и падали въ котлы, миски и стаканы и не давали сомкнуть глазъ до солнечнаго заката, внося въ нашъ лагерь одно изъ самыхъ существенныхъ неудобствъ. Дымъ отъ ротныхъ кухонь черными и сѣроватыми облаками носился надъ рядами палатокъ. Въ воздухѣ пахло котлами, жаренымъ саломъ, свѣже-испеченымъ хлѣбомъ и другими, болѣе или менѣе возбуждающими или отбивающими аппетитъ, снадобьями.

Небольшой ручей, протекавшій на днѣ оврага, шагахъ въ трехстахъ впереди, снабжалъ весь лагерь довольно порядочною

водою. Кругомъ зеленѣли тѣнистые фруктовые сады; надъ лагеремъ-же кое-гдѣ торчали полувысохшія, ощипанныя деревья.

Дорога въ Бухару, обсаженная тутовыми деревьями, раздѣляла лагерь на двѣ почти равныя части. Въ настоящее время дорога эта кипѣла самою оживленною дѣятельностью. По обѣимъ сторонамъ ея тянулись наскоро сколоченные шалаши, въ которыхъ продавались разныя съѣдомыя вещи: варился пловъ, жарились шашлыкъ и рыба, и даже устроены были двѣ или три небольшія хлѣбопекарныя печки, въ которыхъ пеклись плоскія туземныя лепешки. Въ болѣе опрятныхъ и тѣнистыхъ шалашахъ продавались шербетъ и разные фрукты. Разноплеменную, пеструю толпу по всѣмъ направленіямъ прорѣзывали сартята и жиденки съ лотками на головахъ, выкрикивая ломанымъ языкомъ русскія названія продаваемыхъ предметовъ.

Въ просторныхъ полотняныхъ палаткахъ, принадлежащихъ нашимъ русскимъ купцамъ и маркитантамъ, толпились солдаты. Татары-прикащики, суетясь, сновали взадъ и впередъ, особенно, если въ палатку заходили офицеры, что всегда приносило хорошій доходъ, ибо въ лагерѣ жилось весело.

Авганцы Искандеръ-Хана, въ яркихъ халатахъ, гремя оружіемъ, рыскали верхомъ въ толпѣ, усердно прикладывая руку къ козырьку, по русскому обычаю, при встрѣчѣ съ нашими офицерами. Лошади ржали, ишаки вытянули длинноухія морды, пронзительно выкрикивали усталые, вылинявшіе верблюды, уложенные рядами у самыхъ боковыхъ арыковъ, жалобно вздыхали, пережевывая рубленую солому (саманъ). Въ воздухѣ стояла невыносимая жара, градусовъ двадцать пять и болѣе въ тѣни по Реомюру.

По вечерамъ, когда становилось гораздо прохладнѣе, въ разныхъ пунктахъ лагеря гремѣла незатѣйливая музыка линейныхъ баталіоновъ, звонко заливались хоры пѣсенниковъ, и туземная торговля на базарѣ прекращалась. Сарты, жиды и индійцы уходили въ городъ съ тѣмъ, чтобы на другой день вернуться съ свѣжими продуктами. Только въ маркитантскихъ палаткахъ было яркое освѣщеніе; торговля въ этихъ теплыхъ мѣстахъ не прекращалась вплоть до разсвѣта. Впрочемъ, всѣ мѣры осторожности, принятыя въ военное время, исполнялись съ возможною тщательностью: сплошная цѣпь часовыхъ охва-

гывала весь лагерь, и въ разныхъ укромныхъ пунктахъ закладывались довольно сильные секреты.

Такъ изо дня въ день проводилось время въ самаркандскомъ лагерѣ.

Въ самомъ Самаркандѣ жители относились къ намъ чрезвычайно дружелюбно. Мы еще и не подозрѣвали, до какой степени притворна эта миролюбивость. Депутаціи отъ всѣхъ окрестныхъ мѣстечекъ и кишлаковъ почти ежедневно представлялись генералъ-губернатору. Съ самаго ранняго утра можно было видѣть разныхъ представителей, которые молча сидѣли въ тѣни, на мощеномъ плитами дворѣ эмирскаго дворца (кокъташа), гдѣ помѣщалась главная квартира. Передъ депутатами стояли круглые мѣдные подносы съ лепешками, изюмомъ, сушенымъ урюкомъ и разными мѣстными сластями; тутъ-же жалобно мычали быки на волосяныхъ привязяхъ; все это назначалось на поклонъ Ярмъ-Пашѣ (полгосударя), какъ называли туземцы нашего генералъ-губернатора. Часовъ въ одиннадцать, обыкновенно, назначался пріемъ депутаціи. Разныя сласти и скотъ отбирались и поступали въ пользу караульной роты, на почетнѣйшихъ изъ депутатовъ надѣвались золотыя и серебряныя медали, всѣмъ безъ исключенія — цвѣтные, а иногда и шитые золотомъ халаты, и вся публика, повидимому, чрезвычайно довольная, отправлялась съ миромъ во-свояси.

Одинъ только изъ городовъ, казалось, вовсе не расположенъ былъ признавать нашей власти. Это былъ Ургутъ. Городъ этотъ лежалъ верстахъ въ сорока отъ Самарканда къ югу, въ глухомъ горномъ ущельѣ, и дороги къ нему вели не совсѣмъ-то удобныя. Къ Гусейнъ-Беку, тамошнему правителю, уже не разъ посылали сказать, чтобы онъ явился въ Самаркандъ представиться и получить распоряженія отъ своего новаго правительства, и что, иначе, онъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ русскаго губернатора, что могло-бы имѣть для него очень вредныя послѣдствія; на все это Гусейнъ-Бекъ отвѣчалъ чрезвычайно уклончиво и неопредѣленно или-же не отвѣчалъ вовсе. А между прочимъ, это странное упорство могло вредно вліять на окрестное населеніе. Къ Ургуту, какъ къ опорной точкѣ, начали пристраиваться то тѣ, то другія партіи недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей; получено было важное

извѣстіе, что Гусейнъ-Бекъ сносился съ Джура-Біемъ, шегрисябзьскимъ бекомъ, по ту сторону самаркандскихъ горъ, а Шегри-Сябзь явно выставилъ себя врагомъ русскихъ и союзникомъ бухарскаго эмира. Подобное положеніе дѣлъ относительно Ургута надо было прекратить какъ можно скорѣе и окончательно, и рѣшено было послать туда довольно сильный самостоятельный отрядъ, начальнику котораго поручено было, между прочимъ, стараться, на-сколько это возможно, устроить дѣло мирнымъ путемъ, не доходя до вооруженнаго столкновенія. Десятагэ мая, вечеромъ, отрядъ этотъ былъ сформированъ и ночью выступилъ изъ Самарканда по ургутской дорогѣ.

Была чудная весенняя ночь,—такая ночь, какія и здѣсь, въ средней Азіи, выдаются на рѣдкость. Полная луна высоко стояла въ небѣ; было такъ свѣтло, что читать можно было почти безъ затрудненія. Удушливыя, отнимающія сонъ лѣтнія ночи еще не начинались, и въ воздухѣ было прохладно.

Отрядъ нашъ вытягивался по узкимъ улицамъ Самарканда. Пѣхота шла молча, безъ пѣсенъ и говору, тяжело переступая по вершковой пыли. Сильно клонило ко сну, и солдаты на ходу дремали. Всѣ вороты были на глухо заперты, и въ городѣ царствовала мертвая тишина; изрѣдка только выскочитъ тощая дворовая собака и съ хриплымъ лаемъ пробѣжитъ по плоской крышѣ, провожая мелькающій передъ ея глазами ротный значекъ. Колеса орудій и ящиковъ глухо гремѣли по камнямъ. Пестрые джигиты-киргизы и авганцы, щелкая нагайками по тощимъ бокамъ своихъ лошадей, пробирались въ плотную къ стѣнамъ, обгоняя пѣхоту. Офицеры, распустивъ поводья, клевали носомъ, сидя на мягкихъ казачьихъ сѣдлахъ. Скоро подошли къ городскимъ воротамъ; здѣсь находилась маленькая базарная площадка съ запертыми лавочками и пустыми навѣсами. Четыре оборванныхъ сарта съ большими бубнами въ рукахъ сидѣли на карточкахъ подъ навѣсомъ, угрюмо глядя на проходящихъ солдатъ; ни одинъ мускулъ не пошевилился на этихъ типичныхъ, рѣзко очерченныхъ, лицахъ, и казалось, что они совершенно равнодушно относились къ шуткамъ и остротамъ гяуровъ, сыпавшимся на нихъ изъ шедшихъ мимо рядовъ. Это былъ одинъ изъ туземныхъ городскихъ карауловъ, обязанность которыхъ была обходить

базары и улицы и караулить по ночамъ городскіе ворота. Сзади, отъ хвоста колонны, послышались крики: «Направо налѣво раздайся!» Пѣшіе прижались къ стѣнамъ, очищая дорогу, конные ускорили шагъ. Показалась небольшая группа верховыхъ, которая ускореннымъ шагомъ, почти рысцею, обгоняла отрядъ. Это былъ начальникъ отряда полковникъ А—въ. Онъ ѣхалъ впереди на красивой рыжей лошади, вполголоса здороваясь съ людьми и слегка кивая своей бѣлой фуражкою; два-три офицера и нѣсколько казаковъ рысили за нимъ тѣсной кучкою; надъ конвоемъ развѣвался большой полосатый значекъ, тѣнь отъ котораго длинной полосой бѣжала по плоскимъ крышамъ. Скоро весь отрядъ, пройдя подъ темными, массивными воротами, выбрался изъ города и втянулся въ окрестные сады. Дорога стала значительно шире; по сторонамъ тянулись довольно высокіе глиняные заборы, изъ-за которыхъ виднѣлись развѣсистыя, курчавыя верхушки фруктовыхъ деревьевъ. Громадные туты, сплошь покрытые бѣлыми ягодами, бросали на дорогу густую, непроницаемую тѣнь. Часто попадались отдѣльные садики съ квадратными прудиками посерединѣ, обсаженными высокими, кудреватыми карагачами; сквозь темныя массы зелени виднѣлись жилые дворы, обнесенные высокой зубчатою стѣною, часто съ затѣйливыми украшеніями, вырѣзанными по сырой глинѣ. Вездѣ по сторонамъ, сквозь яркую зелень засѣянныхъ клевероиъ полей, серебрились узкіе арыки, по которымъ, съ глухимъ журчаніемъ, бѣжали мутные потоки воды; такіе-же арыки, но только значительно шире, поминутно перерѣзывали дорогу, и черезъ нихъ вели ветхіе, полуразвалившіеся мостики. Въ воздухѣ пахло медовымъ запахомъ тутовника. Цѣлый градъ ягодъ сыпался на пыльную дорогу при каждомъ ударѣ штыка о низко свѣсившіяся вѣтви. Красноватый шаръ луны спустился къ самому горизонту, и на немъ ясно рисовались далекія горныя вершины. Вся восточная сторона неба подернулась блѣднымъ золотистымъ свѣтомъ, а черезъ часъ ослѣпительно блеснули яркіе, огненные лучи и погнали передъ собою по цѣлому морю изумрудной зелени легкую дымку утренняго тумана.

Скоро мы выбрались изъ садовъ, которые по этому направленію тянутся почти на пятнадцать верстъ отъ городскихъ стѣнъ. Необозримыя поля, засѣянныя клевероиъ, пшеницею,

рисомъ, виднѣлись всюду, куда только хватилъ глазъ; кое-гдѣ возвышались насыпные курганы, желтѣли низенькія стѣнки изъ глины и отдѣльно разбросанные небольшіе садики. Около дороги лежало довольно большое, изрытое и заросшее бурьяномъ, мальвами и разными сорными травами, пространство, усѣянное продолговатыми, бѣлыми и темно-сѣрыми каменными плитами; надъ нѣкоторыми изъ нихъ торчали шесты съ повѣшенными тряпками и желѣзными зубчатыми наконечниками: это было кладбище съ безчисленными могилами правовѣрныхъ. Въ сторонѣ видны были два кургана, на вершинахъ которыхъ сложены были грубыя подобія мавзолеевъ, осѣненныя бунчуками изъ конскихъ хвостовъ и мѣдными, пустыми внутри, шарами, висящими на тонкой проволокѣ: здѣсь покоились тѣ, которые еще при жизни получили высокій санъ святыхъ— столповъ мусульманства. Мы прошли еще верстъ пять и, спустившись въ небольшую лощину, расположились на привалъ по берегамъ довольно широкаго арыка съ мутною, землистою водою. Обозы съ трудомъ вытягивались на противоположную возвышенность и, выстраиваясь рядами, распрягали лошадей, офицерскія повозки катились къ своимъ частямъ, казаки ставили на приколы своихъ запыленныхъ и отряхивающихся лошадей. Скоро, то тамъ, то сямъ, затрещали веселые огоньки, и потянулись голубоватыя струйки дыма; оживленный разговоръ слышался со всѣхъ сторонъ, весь берегъ арыка усѣянъ былъ умывающимися солдатами.

Недолго отдыхали мы на этомъ мѣстѣ. Скоро барабаны затрещали подъемъ, люди поднялись и выстроились, артиллерія впрягла лошадей, и мы тронулись снова. Впереди, за лентою полей, виднѣлся прелестный голубой хребетъ Самаркандъ-Тау, подошвы котораго рисовались большими темносиними пятнами; намъ говорили проводники, что это были заросшія садами ущелья Ургута. Странно, что мы по дорогѣ совершенно не встрѣчали никого изъ жителей; даже въ поляхъ не видно было ни одного человѣка; казалось, что жители бѣжали отъ насъ и оставляли на поляхъ работы, при первомъ появленіи, вдали на дорогѣ, бѣлой ленты нашего отряда съ сверкающими на солнцѣ черточками штыковъ.

Часамъ къ четыремъ вечера отрядъ нашъ пришелъ къ мѣсту ночлега, верстахъ въ шести не доходя до Ургута. Мы

расположились на просторной луговой равнинѣ, большимъ четырехугольникомъ, примкнувъ къ быстро бѣгущему ручью, называвшемуся также Ургутомъ. Шесть ротъ пѣхоты стали развернутымъ фронтомъ по фасамъ четырехугольника, казачьи орудія стали между ротами, казаки растянулись по берегу, прикрывая расположенныя здѣсь-же ротныя кухни; середину лагеря заняли отрядный обозъ и офицерскія палатки. Нѣсколько пустыхъ сакель примыкали къ самому лагерю; эти, видимо, были брошены не болѣе, какъ за часъ передъ нашимъ прибытіемъ. Жители успѣли захватить только самое для нихъ цѣнное, все-же остальное было въ безпорядкѣ брошено, какъ внутри сакель, такъ и посреди двориковъ: посуда глиняная и деревянная, нѣсколько мѣшковъ (батмановъ) съ зерновымъ хлѣбомъ, какіе-то пестро раскрашенные съ позолотою шкапики и много разнаго хлама. Сейчасъ-же занялись варкою ужина. На дрова разобрали крышу одной изъ сакель, и подъ громадными ротными котлами запылали яркіе огни. Офицерскіе деньщики забѣгали съ мѣдными чайниками... Лагерь принялъ свою обычную физіономію.

Прямо передъ нами подымались горы; казалось, что можно было рукой достать эти покрытые сочной зеленью склоны, но почти ташъ (восемь верстъ) отдѣлялъ насъ отъ подножья хребта. Ближе всего, постепенно сливаясь съ равниной, высились роскошные, ярко зеленые холмы, выше поднимались грозныя скалы причудливой формы, громоздясь одна на другую, то расходясь и образуя темныя тѣснины, то сплошною стѣною загораживая темно-синее небо. Клочковатыя, разорванныя тучи скользили по каменнымъ утесамъ, бросая на нихъ бѣгущія тѣни; иногда онѣ сплывались въ большія массы, спускались къ самымъ подножьямъ и медленно ползли по низу, пока вырвавшійся изъ ущелья стремительный порывъ вѣтра не разрывалъ ихъ и не гналъ снова въ высь, къ искрившимся на солнцѣ ярко-бѣлымъ снѣжнымъ вершинамъ. Густые сады, между которыми виднѣлись глиняныя постройки, раскинуты были по ближайшимъ склонамъ; за ними возвышался отдѣльный курганъ, вершины и скаты котораго тѣсно были обстроены. Въ бинокль можно было ясно различать отдѣльныя сакли и зубчатыя стѣны на вершинѣ кургана. Далѣе, за курганомъ снова виднѣлись сады, постепенно теряясь въ глубокомъ ущельѣ.

Это и былъ Ургутъ, расположенный у входа въ свое недоступное ущелье.

Между тѣмъ свирѣпствовавшіе въ горахъ порывы вѣтра стали доноситься и до насъ; заколыхались легкіе шелковые значки, и дрогнуло натянутое на тонкихъ веревкахъ полотно солдатскихъ палатокъ. Свинцовая туча, охвативъ пол-горизонта, шла прямо на нашъ лагерь съ глухими ударами грома; горное эхо вторило имъ съ безконечными перекатами; крупныя капли дождя защелкали по пыльной дорогѣ. Черезъ пять минутъ хватилъ проливной дождь. Люди попрятались въ палатки и подъ повозки; одни только часовые, плотно завернувшись въ свои сѣрые плащи, мѣрно расхаживали передъ рядами составленныхъ въ козлы ружей. Черезъ полчаса пронеслись дождевыя тучи. Яркіе лучи заходившаго солнца заискрились на мокрой зелени, и по горамъ протянулись чудныя радужныя полосы. Въ воздухѣ стало прохладно. День клонился къ вечеру.

Цѣль нашей экспедиціи, какъ я уже сказалъ, не была безусловно враждебна. Отъ Гусейнъ-Бека требовалось только одно—чтобы онъ прибылъ въ Самарканцъ для личныхъ переговоровъ съ генералъ-губернаторомъ и принялъ далеко не тяжелыя условія покорности. Только въ случаѣ полнаго сопротивленія позволено было намъ употребить въ дѣло оружіе. Итакъ, надо было испробовать предварительно мирныя средства.

Рѣшено было послать къ Гусейнъ-Беку письма отъ генералъ-губернатора и отъ начальника нашего отряда, въ которыхъ, по-возможности, кратко и вразумительно изложена была цѣль нашего прибытія. Кромѣ того, надо было послать эти письма съ такимъ человѣкомъ, который-бы съумѣлъ лично говорить съ бекомъ и не побоялся-бы довольно крупныхъ непріятностей, могущихъ случиться съ посланнымъ, если только предложенія наши не будутъ встрѣчены миролюбиво. Не разъ бывали случаи, что подобные посланные возвращались или съ обрѣзанными ушами и носомъ, или-же не возвращались вовсе. Въ настоящемъ случаѣ выборъ палъ на Нурмеда.

Каковъ-то всадникъ, на высокой тюркменской лошади, въ полу-татарскомъ костюмѣ и въ косматой лисьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ, шагомъ подъѣзжалъ къ ставкѣ нашего полковника и слѣзъ съ лошади. Это былъ Нурмедъ. Онъ,

согнувшись и приподнявъ на головѣ шапку, вошелъ въ ставку. Рѣдко можно встрѣтить такую оригинальную физіономію; подъ густыми, нависшими бровями сверкали, какъ угли, два темно-каріе глаза, высокій гладкій лобъ окаймлялся густою щеткою гладко-остриженныхъ сѣдыхъ волосъ, широкій чувственный ротъ постоянно складывался въ какую-то добродушную и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно лукавую улыбку, сквозь бѣлыя кольца вьющихся усовъ сверкали ослѣпительные зубы, и роскошная черная съ частою просѣдью борода длинными прядями расползлась чуть не на половину груди.

Куда только судьба не закидывала эту оригинальную личность; вся его жизнь наполнена была разнообразными, въ высшей степени романическими приключеніями. Онъ самъ не любилъ разсказывать эпизоды своего прошедшаго, а если и разсказывалъ, то часто въ его разсказахъ, видимо, было умышленное противорѣчіе. Говорили, что лѣтъ тридцать тому назадъ онъ бѣжалъ изъ Сибири, что долго онъ слонялся по обширнымъ степямъ киргизской орды, потомъ пробрался въ бухарское ханство, служилъ у отца нынѣшняго эмира Насрулла, былъ у него въ милости и въ немилости, участвовалъ съ нимъ въ походахъ, потомъ былъ придворнымъ медикомъ при дворѣ уже настоящаго эмира Мозофара и, наконецъ, снова явился къ русскимъ, разсчитавъ, что давно забыто его прошедшее, и не докопаться до него никакимъ пресловутымъ слѣдователямъ, да и кому охота была заглядывать въ его далекое былое.

Ему сообщили сущность его порученія; онъ молча выслушалъ, завернулъ въ широкій поясъ письма и, пожавъ руки ближайшимъ изъ офицеровъ, съ поклономъ вышелъ изъ палатки. Скоро мы видѣли его далеко, уже за цѣпью часовыхъ; длинноногій аргамакъ ходко рысилъ по узкой дорогѣ, верхушка лисьей шапки ярко краснѣла издали, и за согнутой богатырской спиной торчали стволы вынутой изъ чехла винтовки.

Между тѣмъ стало замѣтно темнѣть; звѣзды все гуще и гуще усѣевали синее небо; надъ кухонными огнями стояло красноватое зарево; казаки и артиллеристы навѣшивали на коней торбы съ ячменемъ, солдаты уже поужинали, и ночная цѣпь часовыхъ разставлена была вокругъ лагеря. Люди, утом-

ленные большимъ переходомъ, крѣпко спали, свернувшись подъ своими шинелями. Въ офицерскихъ палаткахъ кое-гдѣ еще виднѣлись огни, въ ставкѣ-же начальника отряда было ярко освѣщено; тамъ никто не спалъ: ждали возвращенія Нурмеда и рѣшенія вопроса, быть или не быть на завтра кровавому штурму строптиваго Ургута.

Прошло часа три. Наконецъ, въ цѣпи послышался тревожный окликъ. Топотъ нѣсколькихъ лошадей приближался къ лагерю, и изъ темноты начали одна за другую выдѣляться конныя фигуры. Онѣ остановились уже внутри лагеря и стали слѣзать съ лошадей; ихъ встрѣтили и ввели въ палатку начальника отряда. Черезъ пять минутъ всѣ прибывшіе сидѣли полукругомъ на разостланномъ коврѣ; напротивъ нихъ помѣстился на складной кровати полковникъ А—въ, правѣе и лѣвѣе его нѣсколько офицеровъ, а сзади, въ полуосвѣщенныхъ пространствахъ, виднѣлось, одно за другимъ, множество любопытныхъ лицъ, пришедшихъ послушать, чѣмъ кончится это интересное засѣданіе. Нурмедъ вернулся вмѣстѣ съ прибывшими и что-то разсказывалъ одному ихъ нашихъ офицеровъ. Мы узнали, что это прибылъ самъ Гусейнъ Бекъ для личныхъ объясненій съ начальникомъ отряда. Объясненія эти, послѣ обычныхъ размѣновъ любезностей, начались.

Теперь мы обратимся нѣсколько назадъ, къ минутѣ отъѣзда Нурмеда изъ нашего лагеря *).

Версты четыре проѣхалъ джигитъ, не встрѣтивъ ни одной живой души; уже ясны были видны первыя стѣнки ургутскихъ садовъ, можно было свободно различать группы плодовыхъ деревьевъ; тогда онъ замѣтилъ за стѣнками какое-то движеніе: казалось, что толпы пѣшаго народа двигались взадъ и впередъ, что-то работали, спѣша и суетясь; кое-гдѣ сновали конные, красные халаты которыхъ замѣтны были издали; глухой говоръ слышался по садамъ, можно было уже различать отдѣльные крики и звуки дребезжавшаго рожка. Нурмедъ постоялъ минуту на мѣстѣ, осмотрѣлся и потомъ потихоньку началъ спускаться къ быстрому, бѣгущему по кремнистому руслу, ручью. Черезъ ручей онъ переѣхалъ въ бродъ—воды

*) Заимствовано мною изъ личнаго разсказа Нурмеда о его ургутскихъ похожденіяхъ

было едва по-колѣно; выбравшись на другой берегъ, онъ пустилъ коня въ карьеръ и понесся по каменистой дорогѣ, пристально глядя по сторонамъ. Едва онъ проскакалъ шаговъ триста, какъ услыхалъ громкіе крики: нѣсколько конныхъ выскакали изъ ближайшихъ садовъ и приближались къ нему, стараясь охватить его со всѣхъ сторонъ. Мимо самыхъ ушей его просвисталъ пущенный изъ пращи камень. Нурмедъ еще шибче погналъ своего аргамака; поджарый сынъ степей стлался по дорогѣ. Джигитъ хорошо зналъ мѣстные нравы: попавшись жителямъ въ руки прежде, чѣмъ его замѣтятъ офиціальныя власти, онъ могъ разсчитывать натерпѣться много крупныхъ непріятностей; цѣлью его бѣшенной скачки было какъ можно скорѣй прискакать въ городъ и попасться на глаза если не Гусейнъ Бека, то кого-нибудь изъ его подчиненныхъ. Вотъ еще разъ ему пришлось перебираться черезъ рѣчку. Съ плескомъ разступилась прозрачная горная вода; дико фыркая, конь въ два прыжка вскарабкался на противоположную сторону; толстое бревно лежало поперегъ дороги, густыя зеленыя вѣтви топорщились во всѣ стороны. Аргамакъ на минуту остановился, и мигомъ нѣсколько рукъ ухватилось за поводья; разгоряченный бѣгомъ, конь взвился и перелетѣлъ черезъ препятствіе. Нурмедъ вырвался и оставилъ въ рукахъ державшихъ полу своего пестраго бешмета. Узкая улица, по которой онъ несся, извивалась по берегу. Вдругъ цѣлая баррикада, сложенная изъ свѣже срубленныхъ бревенъ во всю ширину, загородила ему дорогу; разскакавшійся конь разомъ сталъ, какъ вкопанный, раздувъ широко ноздри и навостривъ маленькія уши. Въ нѣсколько секундъ Нурмедъ былъ окруженъ густою толпою народа, которая, съ крикомъ и ругательствами, тащила его съ лошади. Но уже нѣсколько красныхъ халатовъ, безпощадно прокладывая себѣ дорогу плетьми, пробивались къ остановленному парламентеру; повелительные крики «оставить! прочь! не трогать!» успокоили толпу. Нурмеда окружили и, отобравъ у него лошадь и оружіе, пѣшкомъ повели къ Гусейнъ-Беку по кривымъ улицамъ города. Густая толпа сопровождала его вплоть до воротъ цитадели, гдѣ помѣщался бекъ. Дорогою Нурмедъ успѣлъ замѣтить, что жители не питали дружественныхъ чувствъ къ русскимъ и дѣятельно готовились къ энергической оборонѣ. На каждомъ

перекресткѣ устраивались сильные завалы: стукъ топоровъ звонко раздавался въ вечернемъ воздухѣ. Женщины и дѣти спѣшно укладывались; тяжело навьюченные ишаки, лошади и даже коровы поминутно попадались ему на встрѣчу; все спѣшило въ горы, предоставляя мужчинамъ защищаться въ пустомъ городѣ. Лавки базаровъ плотно запирались досками и желѣзными болтами. Почти всѣ жители ходили вооруженные, хотя огнестрѣльнаго оружія было очень мало замѣтно; но за то всевозможные батики, топоры, даже китмени, назначенные собственно для мирныхъ работъ, все было употреблено въ дѣло, и озлобленные жители, взобравшись на плоскія крыши сакель, свирѣпо глядѣли въ даль, на бѣлѣвшіяся далеко на горизонтѣ русскія палатки. Всѣ мечети были отперты; оттуда неслось заунывное причитываніе муллъ, и въ узорныя двери, одинъ за однимъ, входили суровые мусульмане, оставляя у входовъ свои остроконечныя туфли.

Съ какимъ страшнымъ, фанатическимъ озлобленіемъ относились жители къ бѣдному Нурмеду, и ведшимъ его сарбазамъ стоило не малыхъ усилій удерживать народъ отъ черезчуръ уже крупныхъ оскорбленій. Особенно женщины отличались на этомъ поприщѣ; онѣ, какъ разъяренныя кошки, кидались на конвой, пытаясь пробиться къ Нурмеду; приподнявъ свои покрывала, онѣ плевали ему въ лицо, швыряли кусками грязи и даже камнями, такъ что даже сарбазы выходили изъ себя и пускали въ дѣло узкіе приклады своихъ фитильныхъ мултуковъ. Наконецъ, массивные, окованные желѣзомъ, ворота цитадели, пропустивъ, кого слѣдуетъ, захлопнулись передъ самымъ носомъ шумящей толпы, и Нурмедъ вздохнулъ свободнѣй.

Черезъ чисто вымощенный дворъ провели парламентера въ отдѣльный дворикъ, гдѣ помѣщался самъ Гусейнъ-Бекъ; въ просторной, устланной коврами саклѣ сидѣлъ онъ самъ съ своими приближенными. Это былъ еще молодой человѣкъ съ блѣднымъ, растерянымъ лицомъ; онъ, казалось, былъ взволнованъ до послѣдней степени; раскраснѣвшіеся, какъ-будто отъ слезъ, глаза безпокойно бѣгали отъ одного лица къ другому. При входѣ Нурмеда онъ смутился еще болѣе, и безцвѣтныя губы его странно зашевелились; онъ даже пытался приподняться, но костлявая рука рядомъ сидѣвшаго старика съ

патріархальнымъ лицомъ и сѣдою окладистою бородою, опустилась на его плечо, и бѣдный Гусейнъ какъ-то съежился и, опустивъ глаза, старался избѣгать смотрѣть на спокойнаго и пристально глядѣвшаго на него посланца.

Сидѣвшіе въ саклѣ сурово встрѣтили Нурмеда; ему указали на мѣсто около самой двери, и Нурмедъ, отдавъ привезенныя письма, усѣлся на коврикѣ, поджавъ подъ себя ноги, по мѣстному обычаю. Медленно, съ подобающей важностью, печати были вскрыты, и письма прочитаны вслухъ. По прочтеніи писемъ минутъ на пять воцарилось общее молчаніе; потомъ, по приказанію старика, Нурмеда подняли, вывели изъ сакли, связали руки за спиною бумажнымъ кушакомъ и бросили въ углу двора, приставивъ къ нему караулъ изъ пяти сарбазовъ съ обнаженными кривыми саблями. Между тѣмъ по поводу писемъ началось оживленное совѣщаніе.

Недолго продолжалось это совѣщаніе. Нурмедъ слышалъ, почти до послѣдняго слова, все, что говорилось въ саклѣ. Голосъ самого Гусейна раздавался изрѣдка и то какъ-то нерѣшительно, но за то рѣзкій старческій крикъ какого-то фанатика покрывалъ собою остальной говоръ. Нурмедъ понялъ, что никакія соглашенія невозможны: русскимъ письмамъ и увѣреніямъ въ желаніи мира не довѣряли вовсе. Вызовъ Гусейнъ-бека въ Самаркандъ они считали просто хитрой уловкой, желаніемъ заманить только въ свои руки слабаго правителя. Всѣ были убѣждены въ возможности сопротивляться силой противъ горсти русскихъ, а они успѣли уже замѣтить нашу малочисленность. Припоминались походы эмира на неприступный Ургутъ, всегда кончавшіеся неудачею для гордаго повелителя Бухары; а что-же послѣ этого могли сдѣлать русскіе? Вѣдь эмиръ приходилъ съ войсками, которыя покрывали собою всѣ окрестныя поля, сорокъ пушекъ гремѣли съ утра до ночи, пушечный дымъ закрывалъ солнце, а ничего не сдѣлано было Ургуту, ни одинъ врагъ не заходилъ въ его каменныя ущелья. Русскіе-же пришли съ малымъ числомъ солдатъ и привезли съ собою всего четыре пушки, да и то маленькія. А между тѣмъ за стѣнами цитадели слышенъ былъ глухой, озлобленный говоръ собравшагося народа: жители требовали битвы. Муллы въ мечетахъ громко призывали всякія бѣды на головы невѣрныхъ и предсказывали, что Аллахъ по-

кроетъ позоромъ русское войско, и храбрые мусульмане снова будутъ торжествовать въ своемъ, любимомъ Аллахомъ и всѣми пророками, городѣ. Но вотъ послышались новые вопли, которые заставили поблѣднѣть несчастнаго Нурмеда: народъ требовалъ немедленной смерти посланника русскихъ. Дѣло могло кончиться очень плачевно для бѣднаго авантюриста, и Нурмедъ увидѣлъ, что пора начать дѣйствовать, а то уже будетъ поздно.

Связанный по рукамъ, онъ съ усиліемъ поднялся на ноги и потребовалъ, чтобы его снова ввели въ саклю, говоря, что ему нужно еще сообщить нѣчто очень важное для Гусейнъ-Бека. Желаніе его было исполнено. Усѣвшись опять на своемъ прежнемъ мѣстѣ, онъ началъ заранѣе обдуманную рѣчь.

Нурмедъ началъ съ того, что онъ самъ истинный мусульманинъ, но что, вслѣдствіе несчастія и воли Аллаха, онъ попалъ въ рабство къ невѣрнымъ. Что онъ не переставалъ думать, какъ настоящій правовѣрный, и что онъ отъ всего сердца ненавидитъ русскихъ и искренно желаетъ, чтобы Аллахъ ниспослалъ свои громы на ихъ головы. Послѣ этого вступленія онъ продолжалъ: «Я знаю, что вы храбры, и что городъ вашъ видѣлъ подъ своими стѣнами много могучихъ воителей, но во всякомъ случаѣ, рисковать не слѣдуетъ и надо осмотрительно приготовиться къ столкновенію съ русскими, чрезвычайно искусными въ военномъ дѣлѣ. Я знаю,—говорилъ онъ,— что Джюра-бекъ шехрисябзькій уже спѣшитъ къ вамъ на помощь, но придетъ онъ не ранѣе, какъ завтра ночью, а то даже и послѣ завтра утромъ. Вамъ непремѣнно надо выиграть время и покуда дѣятельно укрѣпляться въ улицахъ и молиться Аллаху.

«О, съ какимъ-бы удовольствіемъ,—продолжалъ онъ, замѣтивъ, что рѣчь его начинаетъ производить благопріятное для него дѣйствіе, — пристроился-бы я къ вамъ, но это невозможно: русскіе узнаютъ, что я остался здѣсь, подумаютъ, что меня задержали силою, и сегодня-же ночью ворвутся въ городъ и внесутъ огонь и разореніе въ мирные дома его жителей». Тутъ онъ остановился на минуту и посмотрѣлъ на окружающую его публику. Всѣ лица были мрачны, но смотрѣли на него менѣе зло, чѣмъ прежде; онъ почувствовалъ даже, что кушакъ, связывающій ему руки, замѣтно ослабъ и

наконецъ, свалился вовсе. Руки Нурмеда были совершенно свободны; тогда онъ продолжалъ: «Есть средство заставить русскихъ въ бездѣйствіи прождать день и даже болѣе подъ стѣнами Ургута. Очень можетъ быть даже, что они отступятъ вовсе. Вотъ это средство. Русскій начальникъ требуетъ, чтобы Гусейнъ-Бекъ выѣхалъ къ нему въ лагерь; этого дѣлать не слѣдуетъ. Русскіе коварны, и благороднаго Бека можетъ встрѣтить тамъ какое-нибудь несчастіе; но развѣ нѣтъ кого-нибудь, который-бы взялъ на себя назваться Гусейнъ-Бекомъ и ѣхать къ русскимъ? Тамъ не узнаютъ обмана и съ мнимымъ Бекомъ поступятъ такъ, какъ поступили-бы съ настоящимъ, если-бы Гусейнъ самъ, довѣрившись слову русскихъ, поѣхалъ-бы лично въ лагерь гяуровъ. Такимъ образомъ, вы увидите сами, на-сколько можно вѣрить русскимъ, и выиграете время, необходимое для того, чтобы дождаться прибытія Джюра-Бека. Между прочимъ, я самъ лично заявлю что пріѣхавшій въ лагерь есть, дѣйствительно, Гусейнъ-Бекъ, и это еще болѣе ослѣпитъ русскихъ и не дастъ имъ замѣтить подлога».

Рѣчь эта понравилась всѣмъ, особенно довольны были предложенной выдумкою замѣнить Гусейнъ-Бека. Фанатика, согласнаго на этотъ подвигъ, было найти нетрудно. Передъ Нурмедомъ поставлено было блюдо плова, и накинутъ ему на плечи узорный халатъ изъ полосатаго адраса. Черезъ часъ, не болѣе, все было готово къ отъѣзду въ лагерь, и когда Нурмедъ снова сѣлъ на своего аргамака и забралъ возвращенное ему оружіе, то уже совершенно стемнѣло. Небольшая группа всадниковъ, съ подложнымъ Гусейнъ-бекомъ и гарцующимъ впереди Нурмедомъ, медленно пробиралась по улицамъ сквозь густыя толпы волнующихся жителей, осторожно объѣзжая завалы и наскоро-вырытыя ямы. Выѣхавъ изъ города, они поѣхали крупною рысью. Мнимый Гусейнъ-бекъ, который оказался старикомъ лѣтъ восьмидесяти, въ богатомъ шелковомъ халатѣ и необъятной бѣлой чалмѣ, кулькомъ трясся на высокой лошади подъ ковровой попоной. Вся публика ѣхала молча, одинъ только Нурмедъ не переставалъ говорить, давая всѣмъ совѣты, какъ надо держать себя съ русскими вообще, а въ особенности съ начальникомъ отряда. Скоро ихъ окликнули передовые посты казачьей цѣпи, но, узнавъ Нурмеда, пропу-

стили далѣе. Я забылъ сказать, что ургутскіе муллы не забыли привести Нурмеда къ строгой присягѣ передъ кораномъ въ томъ, что онъ не измѣнитъ имъ и не откроетъ обмана, но Нурмедъ оказался, въ этомъ случаѣ, истиннымъ сыномъ девятнадцатаго столѣтія. Впрочемъ, самъ Нурмедъ не говорилъ ничего о своей присягѣ, и это свѣдѣніе получено уже со стороны, отъ одного изъ уцѣлѣвшихъ ургутскихъ жителей.

Палатка, гдѣ происходило засѣданіе, была освѣщена двумя или тремя стеариновыми свѣчами; ночной вѣтеръ, врываясь въ отпахнувшіяся полы, поминутно колыхалъ блѣдное пламя, вслѣдствіе чего свѣтъ былъ неровный, мерцающій, и трудно было подробно разсмотрѣть черты и выраженіе лицъ прибывшихъ. Ближе всѣхъ сидѣлъ псевдо-Гусейнъ; его желтое, морщинистое лицо виднѣлось только до половины изъ-подъ кисейной чалмы; старческія тонкія губы шевелились, какъ-будто пережевывая что-то, открывая по-временамъ беззубый ротъ съ блѣдными деснами. Рядомъ съ этимъ старцемъ, почти прислонившись къ нему плечомъ, сидѣлъ узбекъ съ большою, окладистою, черною, какъ смоль, бородою, и съ длинными, нависшими бровями. Онъ-то и говорилъ больше всѣхъ, отвѣчая на всѣ вопросы, предложенные даже самому Гусейну. Двое остальныхъ почти не принимали участія въ разговорѣ; они безпокойно перешептывались между собою, бросая робкіе взгляды во всѣ углы палатки. Пріѣзжіе сразу показали себя очень плохими актерами. Впрочемъ, имъ дали успокоиться и ободриться; по крайней мѣрѣ, съ четверть часа имъ не давали замѣтить, что обманъ ихъ открытъ. Наконецъ, имъ объявили объ этомъ.

Засѣданіе окончилось; вся публика разошлась по палаткамъ: къ прибывшимъ приставленъ караулъ; имъ сказали, что они проведутъ эту ночь въ лагерѣ, а тамъ, на другой день, будетъ видно, какъ поступить съ тѣми, кто рѣшился на подлогъ, вмѣсто того чтобы вести честные переговоры.

Между тѣмъ по лагерю пронесся слухъ о томъ, что въ ночь готовится сильное нападеніе на нашъ отрядъ. Съ вечера, на горизонтѣ виднѣлись большія конныя толпы, которыя обходили насъ и занимали въ тылу наши сообщенія съ Самаркандомъ. Приняты были всѣ мѣры, предписываемыя осторожностью.

Ни одной звѣздочки не было видно на небѣ; густыя тучи выползли снова изъ ущелій и затянули все небо: по-временамъ налѣтали рѣзкіе порывы вѣтра, паруснли солдатскія палатки и взметали изъ-подъ ротныхъ котловъ огненные снопы разлетавшихся искръ.

Въ эту ночь я былъ назначенъ дежурнымъ по отрядѣ. На моей обязанности лежала, между прочимъ, повѣрка постовъ и карауловъ. Часу въ первомъ по-полуночи я окончилъ объѣздъ по цѣпи и возвращался въ лагерь отъ самаго дальняго коннаго пикета, верстахъ въ четырехъ отъ лагеря, по ургутской дорогѣ. Я не слѣдовалъ всѣмъ изгибамъ дороги, а ѣхалъ на прямикъ, направляясь на лагерные огни. Моя лошадь шла положительно ощупью; я совершенно довѣрился инстинкту коня и пустилъ свободно поводья уздечки. Умное животное вытянуло шею, навострило уши и осторожно подвигалось впередъ, слегка пофыркивая. Такимъ образомъ, я ѣхалъ минутъ десять. Вдругъ конь мой остановился, громко всхрапнулъ и попятился назадъ; я перегнулся въ сѣдлѣ и пристально сталъ вглядываться въ темноту; ясно было, что впереди находится какой-то предметъ, пугающій моего Орлика; это не могло быть что-нибудь обыкновенное—кустъ, арыкъ, какой-нибудь выдавшійся камень или что-нибудь подобное; я хорошо зналъ своего испытаннаго коня, и потому отстегнулъ пуговку револьвернаго кобура и освободилъ оружіе. Сколько я ни всматривался въ темноту, я рѣшительно не могъ ничего замѣтить. Впереди, шагахъ въ трехъ, виднѣлось какъ будто-бы нѣсколько кустовъ, я даже слышалъ шелестъ вѣтокъ, шевелившихся отъ вѣтра; больше я ничего не видѣлъ подозрительнаго; я тронулъ легонько коня, который слегка вздрогнулъ отъ прикосновенія шпоръ и тронулся впередъ, но замѣтно нерѣшительно, и вдругъ, круто повернувъ на заднихъ ногахъ, стремительно скакнулъ раза два, такъ что я едва усидѣлъ въ сѣдлѣ. Въ эту минуту я услышалъ хриплый голосъ, который что-то причиталъ непонятное, мнѣ даже показалось, что-то похожее на плачъ, по крайней мѣрѣ, я ясно слышалъ судорожное всхлипываніе. Я громко окликнулъ. Едва только раздался мой голосъ, какъ невидимое существо пронзительно вскрикнуло и бросилось бѣжать отъ меня, что слышно было по шуму удаляющихся шаговъ. Въ этомъ отчаянномъ крикѣ я узналъ женскій голосъ; въ этомъ нельзя было сомнѣваться—

пронзительная, раздирающая душу, полная смертельнаго испуга нота еще дрожала въ воздухѣ. Я не кинулся преслѣдовать это странное существо; это ни къ чему-бы не повело, да и было положительно невозможно: въ этой темнотѣ, на мѣстности изрытой и заросшей, я десять разъ могъ-бы сломать себѣ шею прежде, чѣмъ поймалъ-бы эту странную незнакомку. Я тронулся дальше, все направляясь на огни, и черезъ четверть часа былъ уже около своей палатки. Отдавъ коня вѣстовому, я завернулся въ шинель и легъ на коврѣ, разсчитывая соснуть часъ до новаго объѣзда по цѣпи.

Не успѣлъ я хорошенько задремать, какъ меня разбудилъ грубый солдатскій голосъ: «Ваше благородіе! Ваше благородіе!» Я открылъ глаза. Передо мною стоялъ солдатъ въ амуниціи, съ ружьемъ и въ накинутой на плечи шинели; онъ прибѣжалъ изъ цѣпи.

— Что случилось?—спросилъ я его.

— Тамъ въ цѣпи «притча», ваше благородіе!—отвѣчалъ онъ, указывая рукою по направленію лѣваго угла лагеря.

— Какая притча? Что за вздоръ!

— Не могимъ знать, ваше благородіе! Такъ прямо на часовыхъ и лѣзетъ; пробовали отогнать—кусается, окаянная; кто ее знаетъ, что такое!

Я вскочилъ и пошелъ вслѣдъ за солдатомъ, который побѣжалъ впереди, указывая дорогу.

Тамъ, на дальнемъ концѣ лагеря, пылалъ яркій огонь; солдаты жгли сухую, прошлогоднюю колючку: пламя взвивалось высокимъ столбомъ, освѣщая вокругъ довольно значительное пространство. Группа солдатъ, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ, стояла вокругъ чего-то, привлекающаго общее любопытство. Когда я подошелъ, солдаты разступились, и я увидѣлъ странное существо.

Это была женщина, еще не старая, высокаго роста и чрезвычайно худощавая. На головѣ у нея ничего не было; черные съ просѣдью волосы длинными прядями падали въ безпорядкѣ; она поминутно поправляла ихъ длинными, костлявыми пальцами. Большіе, круглые глаза смотрѣли на огонь совершенно безсмысленно; красный ротъ, съ бѣлыми ровными зубами, былъ искривленъ улыбкой, но улыбкой безобразной, безъ всякаго выраженія: такъ улыбаются идіоты. Женщина сидѣла

на корточкахъ около огня и дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Остатки полосатаго халата едва держались на плечахъ; обѣ груди были обнажены совершенно. Она то напѣвала себѣ подъ носъ что-то монотонное, то плакала, то смѣялась. Она была сумасшедшая, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Вдругъ она пристально взглянула на одного изъ солдатъ и, какъ кошка, прыгнула къ нему, вытянувъ руки; испуганный солдатъ отскочилъ и выронилъ при этомъ изъ рукъ кусокъ хлѣба. Безумная вцѣпилась въ этотъ кусокъ и съ какою-то неестественною жадностью принялась его грызть и глотать, почти не прожевывая куски. Она была голодна: она, вѣрно, нѣсколько дней ничего не ѣла. Я тотчасъ-же послалъ на кухню за кашей, а самъ началъ допрашивать ее, съ помощью солдата-переводчика. Впрочемъ, всѣ мои попытки остались безплодны—я не узналъ ровно ничего. Безумная, видимо, ничего не понимала, и я прекратилъ распросы. Солдаты толковали между собою и, какъ казалось, недружелюбно относились къ этому визиту.

— Прикидывается, вѣдьма,— говорили они.—Знамо, прикидывается. Подослали, чай! Таперича ее до утра никакъ нельзя выпущать изъ лагеря.—Чего выпущать, пришибить, да и все тутъ!

— Ишь ты, пришибить! А ну-ко-сь, поди пришиби; чай тоже человѣкъ!

Я видѣлъ, что эту женщину нельзя оставить на попеченіе такого караула, и велѣлъ отвести ее на главную гауптвахту: тамъ ее накормили и оставили до утра. Съ разсвѣтомъ ее вывели изъ лагеря. Она медленно побрела къ горамъ, ковыляя по высокому бурьяну.

Рано утромъ, еще до солнечнаго восхода, отрядъ нашъ уже былъ на ногахъ. Пѣхотинцы оставили на повозкахъ шинели и сухарные мѣшки и въ однѣхъ рубашкахъ выстраивались передъ лагеремъ. Палатки были сняты; обозъ запрягалъ лошадей и вытягивался на дорогу. Рѣшено было сдѣлать еще одну, послѣднюю попытку уладить мирно съ Гусейнъ-бекомъ, а за тѣмъ, если не удастся, штурмовать Ургутъ сегодня-же.

Вывели изъ палатки мнимаго Гусейнъ-бека съ товарищами; они провели мучительную ночь въ ожиданіи на утро достойнаго воздаянія: они были увѣрены, что имъ утромъ отрѣжутъ

головы. Когда имъ привели ихъ лошадей и велѣли ѣхать въ Ургутъ, они не хотѣли вѣрить и думали, что надъ ними смѣются. Полковникъ А—въ приказалъ имъ передать Гусейнъ-беку, что если онъ не выѣдетъ переговорить лично съ начальникомъ русскаго отряда черезъ два часа, то русскіе пойдутъ къ Ургуту. Послы медленно выѣхали изъ лагеря, но едва только они проѣхали послѣднихъ часовыхъ, какъ пригнулись къ сѣдламъ и во всю конскую прыть понеслись къ городу. Только тонкая полоса пыли стлалась по дорогѣ вслѣдъ за быстро удаляющимися всадниками.

Между тѣмъ отрядъ тронулся къ Ургуту. Солдаты, подгоняемые утреннимъ холодомъ, шли ходко, съ пѣснями; казачьи орудія рысили между ротами, въ обозѣ скрипѣли и визжали немазанныя колеса арбъ; аріергардная рота, составивъ ружья, ждала, когда послѣдняя повозка выберется на дорогу. Начальникъ отряда поѣхалъ впередъ съ казачьей сотней, съ нимъ поскакали и нѣсколько офицеровъ.

Едва мы отошли версты двѣ отъ мѣста ночлега, какъ замѣтили на всѣхъ окрестныхъ холмахъ конныя толпы. Мѣсто нашего лагеря тоже было уже занято непріятелемъ и, кромѣ того, по шехри-сябзьской дорогѣ изъ ущелья подвигалось большое пыльное облако. Насъ положительно охватили со всѣхъ сторонъ, и, въ случаѣ неудачи подъ Ургутомъ, мы могли разсчитывать на самое непріятное отступленіе.

Передъ началомъ ургутскихъ садовъ находилась довольно значительная, но съ пологими скатами, возвышенность; она вся была покрыта конными, и на самой вершинѣ пестрѣло нѣсколько яркихъ значковъ. Отдѣльные всадники джигитовали шагахъ въ трехъ-стахъ, даже менѣе, передъ нашимъ авангардомъ; иные совершенно неожиданно выскакивали изъ незамѣтныхъ заросшихъ бурьяномъ лощинъ, почти передъ самымъ фронтомъ, гикали и стремглавъ неслись назадъ, чертя круги своими длинными пиками. Впрочемъ, ни одного выстрѣла не было сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны; это была прелюдія, могущая окончиться еще мирнымъ образомъ. Непріятель, видимо, давалъ намъ замѣтить свои силы, разсчитывая, что мы будемъ, вслѣдствіе этого, уступчивѣе въ своихъ требованіяхъ.

Мы все продолжали подвигаться впередъ; переднія толпы

непріятеля отходили при нашемъ наступленіи, задніе же неотступно слѣдовали за нами. Не доходя полутора верстъ до начала садовъ, мы остановились и перестроились въ боевой порядокъ: три роты стали въ первую линію, стрѣлки разсыпались въ цѣпь, а остальныя роты составили резервъ и прикрытіе обоза, который сворачивался въ густую колонну, по столько повозокъ въ рядъ, сколько позволяла холмистая и сильно изрытая мѣстность. Орудія, не снимаясь съ передковъ, заняли мѣста на небольшомъ холмѣ, нѣсколько впереди первой линіи. Вообще позиція была довольно удачная; ургутскіе сады были видны, какъ на ладони, на зубчатой вершинѣ цитадели что-то дымилось, по садамъ пестрѣли густыя толпы пѣшаго народа.

Нашъ маневръ произвелъ оживленное движеніе въ массахъ непріятеля: заволновались нестройныя толпы, и глухой гулъ пронесся по окрестностямъ. Значки отступили къ садамъ, и оттуда показалась небольшая, отдѣльная кавалькада, которая поскакала прямо по направленію къ георгіевскому значку начальника нашего отряда. Оказалось, что это были вчерашніе знакомцы; они ѣхали съ окончательнымъ отвѣтомъ къ полковнику А—ву.

Отъ этихъ пословъ мы узнали, что Гусейнъ ни подъ какимъ предлогомъ не выѣдетъ къ русскимъ. Ургутцы явно дали намъ замѣтить, что нашимъ словами и обѣщаніями они не довѣряютъ вовсе. Начальникъ отряда настаивалъ на своемъ требованіи; это оказалось совершено безполезнымъ. Послы говорили: «Мы видимъ, что вы хотите битвы; что-жъ, пусть Богъ рѣшитъ, кто изъ насъ правѣе. Впрочемъ, мы видѣли и не такихъ подъ нашими стѣнами. У насъ въ книгахъ сказано,— продолжали они,—что самъ Тимуръ-Ленкъ приходилъ съ мечомъ и огнемъ въ наши горы, но Богъ не допустилъ до погибели свой любимый городъ и покрылъ стыдомъ войско Тимура. Идите лучше съ Богомъ домой и скажите своему губернатору, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ нашего бека».

Такъ говорили послы, а конныя массы непріятеля все прибывали и прибывали; казалось, всѣ окрестныя села и мѣстечки возстали и выслали своихъ вооруженныхъ жителей на помощь Ургуту. Мы предчувствовали, что намъ придется имѣть

горячее дѣло. Мы не давали много значенія тѣмъ конным толпамъ, которыя сновали у насъ въ тылу и на флангахъ: мы по опыту знали, что, какъ-бы ни было многочисленно это скопище, оно не рѣшится всею массою нахлынуть и раздавить нашъ отрядикъ, а это было-бы очень не трудно: непріятеля было, навѣрное, болѣе двадцати тысячъ, а у насъ не набиралось и семисотъ человѣкъ. Ружейный огонь всегда удержитъ въ почтительномъ отдаленіи джигитовъ, и одной роты будетъ совершенно достаточно, чтобы прикрыть какъ нашъ обозъ, такъ и тылъ штурмующаго отряда. Но въ садахъ, гдѣ ургутцы будутъ драться на своемъ родномъ пепелищѣ, гдѣ каждая сакля, каждый садикъ, обнесенный глинянымъ заборомъ, могутъ служить прекраснымъ укрѣпленіемъ, наконецъ, въ самомъ городѣ, гдѣ жители имѣли время приготовиться къ оборонѣ и баррикадировать улицы, здѣсь, мы знали, что встрѣтимъ жестокій отпоръ, и много надо будетъ усилій, чтобы опрокинуть столько, повидимому, непреодолимыхъ препятствій. А между тѣмъ надо было, во что-бы то ни стало, сломить строптивый городъ; отступить безъ штурма было-бы слишкомъ рискованно: мы могли-бы много потерять въ этомъ краѣ, гдѣ мы, съ своею малочисленностью, только и держимся какимъ-то чарующимъ обаяніемъ нашей непобѣдимости.

Посламъ велѣно было ѣхать обратно и сказать, что еще часъ мы даемъ на размышленія, и что ровно черезъ часъ, если не получимъ отвѣта, откроются съ нашей стороны военныя дѣйствія.

Въ ожиданіи сигнала къ наступленію, роты стояли на-сторожкѣ, готовыя двинуться по первому знаку. Разсыпанные въ цѣпь стрѣлки прикладывались отъ скуки, конечно, примѣрно, въ кое-какихъ, слишкомъ соблазнительно подъѣзжавшихъ всадниковъ; это движеніе заставило джигитовъ мигомъ поворачивать лощадей и, вплотную пригнувшись къ сѣдлу, удирать во всѣ лопатки: солдаты хохотали и острили по-своему, а знавшіе туземный языкъ посылали въ догонку разныя привѣтствія, конечно, самаго не цензурнаго свойства. Особенно отличался въ этомъ одинъ молодой человѣкъ, еще безусый; онъ, приставивъ руки ко рту трубою, во все горло выкрикивалъ весь репертуаръ національной брани и отъ души заливался звонкимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, когда его усилія увѣнчива-

лись успѣхомъ, и издалека доносился отвѣтъ такого-же грязнаго свойства.

Вообще, наши солдаты большіе любители всевозможныхъ домашнихъ животныхъ, особенно собакъ, и при ротахъ обыкновенно бродятъ цѣлыя прикормленныя стаи. Въ курсъ дрессировки, главнымъ образомъ, входитъ бросаться на сартовъ, и надо видѣть, съ какимъ остервененіемъ нападаютъ ротные псы на всякую личность, показавшуюся въ долгополомъ туземномъ костюмѣ. Въ настоящее время болѣе сотни всевозможныхъ Волчковъ, Бѣлокъ, Арапчиковъ и Куцокъ, носились передъ цѣпью, храбро налетали на ближайшихъ джигитовъ и, свирѣпо прыгая, хватали за хвосты лошадей и за полы халатовъ, ловко увертываясь отъ сабельныхъ ударовъ. Наши боевые псы,—я смѣло лаю эпитетъ боевые, — съ успѣхомъ разыгрывали роль фланкеровъ и потѣшали солдатъ, служа безкопечною темою остротъ и веселой, оживленной болтовни.

— Таперича, братцы,—говорили они послѣ дѣла,—надо Куцаго и Валетку тоже наградить!

И солдаты съ любовью поглаживали по мокрымъ, мохнатымъ мордамъ прибѣжавшихъ и виляющихъ хвостами псовъ. А между тѣмъ данный на размышленіе часъ приходилъ къ концу. Орудія снялись съ передковъ, и канониры прилаживались уже къ прицѣлу, поглядывая, ловко-ли придется. По линіи пронеслась команда: «становись!» Шутки и смѣхъ замолкли разомъ; солдаты сняли шапки и перекрестились.

Вдругъ изъ-за пригорка, который находился не болѣе, какъ въ двухстахъ шагахъ отъ крайней роты, показались бѣглые дымки, нѣсколько пуль съ визгомъ пронеслись надъ колоннами, и въ ту-же минуту отчетливо послышались команды: «Картечь, первая!» Въ самую середину большой конной толпы, разсѣкая воздухъ со свистомъ и шуршаніемъ, врѣзалась картечь и запрыгала, рекошетируя по каменистой почвѣ; другой выстрѣлъ направленъ былъ туда-же. Застонала окрестность отъ конскаго топота и заунывнаго гиканья; въ облакахъ бѣловатой пыли неслись тысячи всадниковъ, очищая намъ путь передъ фронтомъ и охватывая наши фланги; загнулись концы стрѣлковой цѣпи, крайнія роты выслали по полувзводу въ цѣпь, и на флангахъ мигомъ зарокотала оживленная перестрѣлка. Размахивая въ воздухѣ саблями и стрѣляя на вѣтеръ, ко-

нечно, изъ своихъ фитильныхъ мултуковъ, ургутцы, какъ черти, носились вокругъ нашего отряда съ громкими криками: «Уръ! уръ!» *). Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе непріятное и заунывное, чѣмъ воинственные вопли азіатовъ; каждый не кричитъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а старается взять фистулой какъ только можно высокую ноту, поэтому общій кликъ кажется какимъ-то стономъ и плачемъ, въ которомъ слышатся порою отдѣльныя пронзительныя взвизгиванья.

То тамъ, то сямъ барахтались на землѣ сброшенные всадники; уже много коней, съ растрепавшимися, сбитыми подъ брюхо сѣдлами, скакали, путаясь въ порванной сбруѣ. Разстояніе между нами и непріятелемъ становилось все болѣе и болѣе: картечь и ружейный огонь охладили нѣсколько воинственный жаръ, и ургутцы съ своими союзниками обратились къ обыкновенной своей тактикѣ: держаться подальше отъ проклятыхъ бѣлыхъ рубашекъ (акъ-кульмакъ) **), такъ чтобы выстрѣлы наши не достигали до правовѣрныхъ, и издали дожидаться, когда Аллахъ напуститъ страхъ и ужасъ на гяуровъ и обратитъ въ бѣгство безпокойныхъ пришельцевъ. Вотъ тогда-бы они показали себя. Сидя на незнающихъ устали коняхъ, съ своимъ неукротимымъ звѣрствомъ и опьяняющей страстью къ рѣзнѣ, они составляли превосходное войско для преслѣдованія разбитаго непріятеля; можно смѣло ручаться, что очень немного изъ бѣглецовъ спаслись-бы отъ смерти, да и то какимъ-либо чудомъ развѣ. Глядя на эти безсчисленныя толпы, мнѣ не разъ приходила въ голову мысль, что плохо пришлось-бы намъ, если-бъ хоть разъ мы потерпѣли крупную неудачу, такую неудачу, которую можно было-бы назвать пораженіемъ.

Какъ скоро картечь очистила намъ дорогу къ Ургуту, мы тронулись впередъ. Мы шли тремя колоннами, направляясь на ближайшіе сады. По дорогѣ намъ попадались раненые и убитые люди и лошади; тѣ, кто только не былъ раненъ смертельно, старались спрятаться отъ насъ при нашемъ приближеніи, иные ползли по высокой травѣ, оставляя широкіе кровавые слѣды; иные, стиснувъ зубы и подавивъ въ себѣ мучи-

*) Бей! бей!

**) Такъ называютъ они нашихъ солдатъ за ихъ обыкновенный костюмъ.

тельный стонъ, прикидывались мертвыми; сарты боялись, чтобы мы не начали, по дорогѣ, пришибать тѣхъ, кто еще живъ и шевелится; впрочемъ, они имѣли основаніе бояться этого. Конечно, этого не могло случиться въ данную минуту: люди шли въ строю, въ полномъ порядкѣ, офицеры были на своихъ мѣстахъ, и подобнаго звѣрства не могло быть допущено, но въ минуту разгара штурма, когда немыслимъ никакой надзоръ надъ отдѣльными дѣйствіями каждаго солдата, это можетъ случиться. Сколько разъ случалось, что послѣ какого-нибудь кроваваго эпизода не было ни плѣнныхъ, ни раненыхъ, были только убитые. Попадались и кони, у которыхъ картечь вырвала чуть не всѣ внутренности; несчастныя животныя пытались приподняться, но, обезсиленныя, съ тяжелымъ храпомъ снова падали на землю. А наши роты все шли и шли. Вотъ уже перебрались черезъ кремнистую рѣчку, уже близко сѣрыя стѣнки, за которыми безпокойно забѣгали сотни пестрыхъ головъ. Орудія взяли на передки и шли за нами; иногда они снимались и пускали въ сады гранаты черезъ наши головы, подготовляя намъ штыковое дѣло. Немного не доходя садовъ, пущено было нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ; пыль отъ глиняныхъ стѣнокъ, взбитая картечью, смѣшалась съ дымомъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Съ страшнымъ крикомъ отхлынули нестройныя массы и, неловко прыгая, въ своихъ тяжелыхъ халатахъ, черезъ стѣнки, очищали переднюю линію ограды. Вотъ въ эту-то минуту наши крикнули «ура» и бѣгомъ бросились за отступающими. Скоро все скрылось и перемѣшалось въ массахъ зелени. Отдѣльные выстрѣлы, недружные, урывчатые крики: ура! вопли: уръ! уръ! и мусульманская ругань,—все слилось въ какой-то дикій хаосъ звуковъ, и только отчетливый огонь нашихъ винтовокъ да рѣзкіе, дребезжащіе звуки сигнальныхъ рожковъ, подвигаясь все далѣе впередъ и впередъ, указывали приблизительно направленія, по которымъ шли штурмующія роты. Здѣсь уже нельзя было видѣть ничего общаго, все распалось на отдѣльные эпизоды, и только послѣ дѣла изъ разныхъ разсказовъ можно было составить себѣ подробный отчетъ о самомъ ходѣ ожесточенной схватки.

Наши стрѣлки какъ шли цѣпью, такъ и ворвались въ сады, разбившись по два и по три звена, гдѣ какъ случилось;

сомкнутыя роты шли по узкимъ улицамъ, заваленнымъ барикадами изъ свѣже-нарубленнаго лѣса.

Въ 1 номъ проходѣ между двухъ высокихъ садовыхъ стѣнъ, въ густой тѣни отъ нависшихъ надъ самыми головами фруктовыхъ деревьевъ, сжалась одна изъ ротъ. Солдаты, запыхавшись, съ красными, облитыми потомъ, физіономіями, съ трудомъ пробирались по заваленной камнями и хворостомъ дорогѣ. Изъ-за стѣнъ валились камни и бревна, на деревьяхъ вспыхивали дымки выстрѣловъ; наши изрѣдка отвѣчали, спѣша пробѣжать это опасное пространство. Вдругъ пронесся говоръ: «маіоръ убитъ, маіора ранили». Я поспѣшилъ протискаться, верхомъ, сквозь толпу къ мѣсту, гдѣ я замѣтилъ сѣрую лошадь маіора Г—га, которая, безъ всадника уже билась и фыркала въ рукахъ растерявшагося жидка-горниста. Маіоръ Г—гъ лежалъ на землѣ, растянувшись во всю длину своего богатырскаго роста: его прекрасная свѣтлорусая борода была окровавлена, по бѣлому кителю тянулись ярко-красныя полосы. Нашъ докторъ, который на своей маленькой лошаденкѣ, вооруженный простою форменною шпажонкой, всегда находился во главѣ атакующихъ ротъ, уже сидѣлъ на корточкахъ около раненаго и забинтовывалъ ему голову. Въ нѣсколько секундъ перевязка была окончена, Г—го подняли и подвели ему лошадь; съ помощью солдатъ, онъ довольно твердо сѣлъ на сѣдло и тронулся впередъ. Я подъѣхалъ къ доктору П—ву, который уже садился, кряхтя, на свою рыжатку, и спросилъ его: «ну, что?»

— Плохо,—отвѣчалъ онъ вполголоса:—у самаго виска; пуля тамъ. Крѣпится покуда, горячъ больно да и сила медвѣжья!

И П—въ, погнавъ лошадь плеткой, рысцой догналъ Г—га и поѣхалъ рядомъ, посматривая изрѣдка на его завязанную голову.

Замявшаяся на минуту рота снова бросилась впередъ. Одинъ полувзводъ, поднявшись съ помощью товарищей на стѣну, перелѣзъ въ садъ, изъ котораго больше всего безпокоили насъ обороняющіеся; за стѣнкою закипѣла горячая схватка. Ургутцы приняли нашихъ въ батики; это оружіе допотопное, но, тѣмъ не менѣе, могущее наносить чувствительный вредъ: оно состоитъ изъ чугунной съ острыми шипами шишки, на-

саженной на длинное, гибкое древко. Одно изъ звеньевъ цѣпи, зарвавшись слишкомъ впередъ, было со всѣхъ сторонъ окружено густою толпой сартовъ. Мы видѣли эту небольшую кучку, всего въ восемь человѣкъ, прижавшуюся къ полуразвалившейся саклѣ. Стрѣлки съ трудомъ отбивались отъ разсвирѣпѣвшихъ нападающихъ; ружья были разряжены, вновь заряжать не было никакой возможности, и усталые, измученные солдаты, собравъ послѣднія усилія, отмахивались штыками и прикладами отъ цѣлаго града батиковъ, китменей и даже просто палокъ, которыми были вооружены ургутцы. Почти у всѣхъ уже были разбиты головы, и липкая кровь текла по лицамъ и слѣпила глаза защищавшимся: трое уже лежали ничкомъ на землѣ; одного изъ солдатъ сарты успѣли оттащить баграми отъ товарищей и буквально домолачивали батиками. Но съ улицы было уже замѣчено критическое положеніе зарвавшихся: человѣкъ двадцать солдатъ бѣжали въ разсыпную на помощь. Впереди всѣхъ, прыгая черезъ заборы и срубленныя деревья, безъ шапки и размахивая руками, несся молодой офицеръ атлетическаго сложенія; онъ много опередилъ бѣгущихъ солдатъ и ринулся съ разбѣга въ густую толпу сартовъ; онъ разметалъ ближайшихъ и уже пробился къ стрѣлкамъ; какъ вдругъ тяжелый батикъ опустился ему на голову, и Б—скій, вздрогнувъ, повалился на землю. Въ эту секунду загремѣли чуть не въ упоръ направленные выстрѣлы, и началась бойня. Въ нѣсколько секундъ по всѣмъ угламъ сада, подъ стѣнами, въ густой травѣ, всюду корчились и дико стонали заколотые сарты. Солдаты положительно вышли изъ себя; видъ нашихъ израненныхъ стрѣлковъ доводилъ ихъ до бѣшенства.

А между тѣмъ штурмующіе прошли уже предмѣстья и ворвались въ самый городъ. Здѣсь истощилось уже мужество защитниковъ, и они, бросаясь при нашемъ приближеніи за валы и барикады, въ ужасѣ спасались изъ города. По всѣмъ плоскимъ крышамъ саклей виднѣлись развѣвающіеся халаты бѣгущихъ; иные останавливались на всѣмъ бѣгу и, какъ пораженные молніей, падали въ растяжку; ихъ догоняли наши шестилинейныя пули. Изъ-за угла, сбивъ съ ногъ двухъ или трехъ солдатъ, неслась перепуганная, дико храпящая лошадь; сѣдло было сбито и окровавлено; около коня, запутавшись ногою въ стремени, волочился обезображенный трупъ; голова,

разбитая совершенно въ дребезги, щелкала о камни. Это былъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ важныхъ сановниковъ, судя по остаткамъ дорогого бархатнаго халата и богато вышитой попонѣ, покрывавшей бухарское сѣдло.

Дикій стонъ и отчаянные вопли носились надъ городомъ. Все бѣжало, очищая узкія улицы. На главной дорогѣ, ведущей къ городскому базару, были устроены такія барикады, разбирать которыя пришлось-бы слишкомъ долго; но вдоль улицъ, съ шумомъ, прыгая по камнямъ, катился горный ручей, и барикадированы были только берега его; солдаты спускались въ воду и брели по поясъ, сгибаясь подъ мостами. Такимъ образомъ, выбрались на улицы, ведущія къ цитадели Ургута.

Даже въ цитадели, объятые паническимъ страхомъ, ургутцы не хотѣли защищаться. Ворота были отперты; ихъ хотѣли-было затворить бѣжавшіе, но, вѣроятно, не съумѣли сдѣлать этого: одна половина воротъ, сколоченная изъ массивныхъ бревенъ, тяжело скованныхъ желѣзомъ, сорвалась съ крюковъ и наискось повисла на петляхъ.

Цитадельные дворы были вымощены плитами, сложенныя изъ камня стѣны сакель красиво украшены пестрою мозаикой и разрисованы яркими красками. Въ угольномъ дворикѣ раскинулся роскошный виноградникъ, поднятый на подставкахъ, въ тѣни котораго помѣщался бѣлый мраморный басейнъ, въ видѣ колодца, аршина въ три глубиною, наполненный до краевъ превосходной, прозрачной, какъ стекло, водою. У стѣнъ подъ навѣсами были расположены кухни, вѣроятно, самого бека: громадные мѣдные котлы, вмазанные въ глиняные очаги, стояли рядами; нѣкоторые были до половины наполнены остатками шурпы и плова *). Всюду видны были слѣды самаго поспѣшнаго бѣгства.

На крышѣ, самой высокой, господствующей надъ всѣмъ городомъ, сакли поставили ротные значки; всѣ наличные горнисты и барабанщики расположились тамъ-же и грянули сборъ, чтобы собрать разсыпанныхъ по городу солдатъ. Въ главной саклѣ разостлали нѣсколько, здѣсь-же добытыхъ, ковровъ и на нихъ положили раненаго Г—га, который все время былъ въ головѣ отряда и однимъ изъ первыхъ добрался до цитадели.

*) Національныя блюда азіатовъ.

Онъ былъ очень истощенъ потерею крови и жаловался на шумъ въ головѣ и на боли, увеличивающуюся еще отъ невыносимой трескотни барабановъ и визга сигнальныхъ трубъ. Я—въ сдѣлалъ еще разъ болѣе акуратную перевязку, и больной нѣсколько успокоился. Начали понемногу сносить раненыхъ нашихъ солдатъ; почти всѣ раны были холоднымъ оружіемъ, но раны, нанесенныя китменями были положительно ужасны; я видѣлъ одного получившаго ударъ китменемъ по лопаткѣ: кость была совершенно расколота надвое, и желѣзо прошло насквозь, раздробивъ даже противоположныя ребра. Этотъ раненый умеръ черезъ нѣсколько минутъ.

Я забрался на одну крышу. Отсюда ясно былъ виденъ весь Ургутъ: можно было видѣть изгибы всѣхъ улицъ города. Всѣ окрестныя возвышенности были покрыты толпами бѣжавшихъ жителей. Большія стада угонялись въ ущелья. Нашъ обозъ втягивался въ сады, и издалеко бѣлѣлись рубашки аріергардной роты.

Мнѣ приказано было поѣхать на встрѣчу къ начальнику отряда, который долженъ былъ находиться въ настоящую минуту, съ орудіями и резервомъ, при въѣздѣ въ городъ. Я отыскалъ свою лошадь и поѣхалъ. При въѣздѣ изъ цитадельныхъ воротъ я увидалъ страшную картину: цѣлая куча тѣлъ, наваленныхъ одно на другое, загородила почти весь проѣздъ; нѣкоторые были еще живы и страшно корчились въ предсмертной агоніи; ватные халаты дымились и тлѣли: видно было, что выстрѣлы по нимъ сдѣланы были почти въ упоръ. Группа солдатъ, составивъ ружья, стояла тутъ-же, дѣлая при этомъ кое-какія замѣчанія; два офицера крутили папиросы и говорили что-то о разницѣ между бухарскими и хивинскими коврами. Я не видѣлъ этихъ тѣлъ прежде; сколько я помнилъ, въ самой цитадели мы не встрѣтили ни одной души. Я поинтересовался узнать, откуда взялись эти убитые, и мнѣ разсказали слѣдующее:

Подъ воротами, въ одной изъ боковыхъ стѣнъ, находилась маленькая дверь, ведущая въ темное помѣщеніе. Когда нашъ караулъ занималъ посты въ цитадели, между прочимъ, и въ воротахъ, то на эту дверь не было обращено никакого вниманія. Уже разставлены были часовые, и караулъ расположился себѣ, какъ дома; вдругъ неожиданный выстрѣлъ загремѣлъ подъ

воротными сводами, густой дымъ повалилъ изъ незамѣченной двери, и одинъ изъ караульныхъ солдатъ, раненый въ спину, вскрикнувъ, присѣлъ на ступени лѣстницы. Наши бросились къ предательской двери, но оттуда раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ; тогда солдаты, въ свою очередь, принялись стрѣлять въ темное пространство, и ни одинъ выстрѣлъ, несмотря на то, что пущенъ былъ на удачу, не пропадалъ даромъ. Сперва послышались бранные, озлобленные крики, потомъ все затихло. Тогда наши, вооружившись длинными баграми, которые стояли въ углу, неподалеко отъ воротъ, принялись вытаскивать осажденныхъ, и на свѣтъ стали появляться, одна за другою, растерзанныя фигуры въ красныхъ и синихъ халатахъ.

Сиди сарты спокойно въ своемъ убѣжищѣ—на нихъ никто-бы не обратилъ никакого вниманія; но уже такова азіатская натура, такъ велико фанатическое озлобленіе, что не хватило силъ, чтобы утерпѣть и не послать пули въ спину зазѣвавшагося гяура.

Я поѣхалъ далѣе. Улицы были такъ узки и такъ неровно вымощены крупнымъ камнемъ, притомъ повороты были до такой степени круты и неожиданы, что нельзя было и думать провезти въ цитадель наши орудія. Часто попадались мнѣ наши солдаты въ изорванныхъ рубашкахъ, съ усталыми донельзя лицами; платье и руки у многихъ были выпачканы кровью; они спѣшили въ цитадель, направляясь на бой барабана. Скоро я выбрался къ базару. Здѣсь улицы пошли шире, кое-гдѣ были перекинуты плетеные навѣсы. Базаръ расходился на нѣсколько вѣтвей, которыя послѣ сходились снова въ одну улицу. Въ одной изъ этихъ вѣтвей остановились наши орудія; они положительно не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ; за ними стѣснились повозки обоза. Трудно описать, что происходило на базарѣ въ эту минуту.

Еще подъѣзжая, я издали слышалъ крики, хохотъ, стукъ топоровъ и трескъ ломающихся дверей. Въ наказаніе за упорство жителей, базары велѣно было разорить до тла, и солдаты ревностно принялись за эту веселую работу. Началось то, что на мѣстномъ туркестанскомъ нарѣчіи называется «баранта». Надо хоть разъ видѣть это, чтобы составить себѣ понятіе, что это такое. Это не простой грабежъ, корысть не играетъ здѣсь вовсе первостепенной роли; нѣтъ, это какой-то дикій раз-

гулъ: все наше, а что не наше, такъ и ничье! Попалось фарфоровое китайское блюдо — объ полъ его. «Нѣшто потащишь его съ собою»?—говоритъ расходившійся солдатъ, глядя, какъ звенятъ и прыгаютъ по камнямъ раскрашенные черепки. Здѣсь нашли чанъ съ кунжутнымъ масломъ, туда лѣзутъ съ ногами, чтобы нѣсколько размякли заскорузлые отъ солнца и пыли сапоги. Тамъ высыпана на улицу цѣлая груда ярко-желтыхъ и серебристо-бѣлыхъ коконовъ. Тутъ разбита лавка съ красными товарами: солдаты цѣлыми тюками расхватываютъ пестрые ситцы и полосатые адрасы; размотавшіеся, неловко захваченные куски волочатся по грязной улицѣ. Въ сторонѣ два солдатика сворачиваютъ громадные узлы, съ усиліемъ стягивая концы ватнаго одѣяла: они намѣрены тащить это въ лагерь, и дотащутъ, если какой-нибудь встрѣтившійся офицеръ не прикажетъ бросить всю эту дрянь. Вы думаете, что они съ сожалѣніемъ исполнятъ это приказаніе, выразятъ при этомъ неудовольствіе или что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничуть. Они тотчасъ же послушаются и еще разшвыряютъ ногой узелъ, который они тащили версты полторы съ такимъ громаднымъ трудомъ. Все равно; они продали-бы его за полтинникъ, много развѣ—за рубль. Я видѣлъ одного молодого солдата, который больше всѣхъ шумѣлъ, неистовствуя по разгромленному базару: тутъ онъ роется въ кучахъ сѣдельной сбруи, тамъ перебираетъ мѣдную посуду въ чайной лавочкѣ, черезъ минуту разглядываетъ на свѣтъ готовый халатъ изъ яркой матеріи, но когда я, уже въ лагерѣ, спросилъ его, что же онъ притащилъ хорошаго, то онъ съ улыбкой показалъ на свои карманы, набитые кишмишемъ и урюкомъ.

Впрочемъ, есть солдаты, особенно изъ евреевъ, которые барантуютъ, руководимые чисто меркантильными соображеніями, тѣ не довольствуются тѣмъ, что приносятъ сами, но еще за безцѣнокъ скупаютъ баранту у другихъ солдатъ и частенько составляютъ себѣ очень хорошія деньги. Подобные примѣры случаются въ области, и почти всѣ быстро разбогатѣвшіе безсрочные солдаты обязаны своимъ богатствомъ барантѣ.

Скоро я отыскалъ полковника А — ва; онъ находился, у повозокъ съ ранеными. Здѣсь я увидѣлъ и Б — го съ перевязанной головой. Рана его оказалась неопасной, хотя и лишила его чувствъ въ первыя минуты. Я сообщилъ полковнику,

что цитадель уже занята, и что улицы такъ узки, что будетъ совершенно невозможно провезти туда орудія. Принимая это обстоятельство въ соображеніе и, кромѣ того, не имѣя возможности помѣстить въ цитадели весь отрядъ, такъ-какъ тамъ находилось мѣсто для одной роты, рѣшено было къ ночи выбраться изъ города, потому что иначе пришлось-бы ночевать въ улицахъ, растянувшись по безконечнымъ ихъ изгибамъ, а это могло-бы имѣть очень вредныя послѣдствія, такъ-какъ надзоръ за людьми, при такомъ положеніи отряда, былъ-бы въ высшей степени затруднителенъ, да и въ случаѣ ночного нападенія на нашей сторонѣ были-бы однѣ только невыгоды. Занять же аванпостами крайнюю черту города было немыслимо при нашей малочисленности: мы едва могли-бы оцѣпить десятую часть городскихъ окраинъ, и то израсходовавъ на посты всю пѣхоту.

Повозки, по одной, съ большимъ трудомъ, выпрягая лошадей, начали поворачиваться и выходить изъ города, орудія сдѣлали то же. Посланы были всюду приказанія очищать городскія улицы.

Мѣсто для лагеря выбрано было не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ начала садовъ, на ярко-зеленой, пологой возвышенности, съ которой мы начали, нѣсколько часовъ назадъ, свою атаку. Тутъ же, не вдалекѣ, протекалъ ручей, на которомъ были на-скоро набросаны живые мостики. Влѣво, къ самой горѣ, подходили роскошныя поля, засѣянныя пшеницею. Вблизи ни одной рытвины, ни одного куста, ничего, могущаго скрыть подпалзывающихъ лазутчиковъ или кого-нибудь въ этомъ родѣ; короче, мѣсто было превосходное.

Вся дорога отъ города къ лагерю была занята еле-двигающимися, тяжело нагруженными солдатами. Гнали ишаковъ, которые были до такой степени навьючены, что не видно было ни ногъ, ни головы, двигалась какая-то безобразная куча. Забытые жителями коровы и телята, задравъ хвосты, съ ревомъ скакали, подгоняемые ружейными прикладами.

При всѣхъ отрядахъ, какъ-бы они ни были малы, непремѣнно находится два или три маркитанта, преимущественно изъ казанскихъ татаръ; очень часто, что эти господа бываютъ агентами довольно значительныхъ купцовъ въ Туркестантскомъ краѣ. У нихъ можно найти бутылку фабрикованнаго хереса

или марсалы, еще что-нибудь въ этомъ родѣ, но, главнымъ образомъ, цѣлью маркитантовъ служитъ баранта. Въ разгаръ, изъ первыхъ рукъ, маркитанты за чарку спирта пріобрѣтаютъ цѣлые вороха разныхъ вещей, которыя и продаютъ послѣ съ барышемъ, о которомъ никакіе въ мірѣ торговые дома не имѣютъ даже понятія. Арбы хитрыхъ татаръ нагружаются до такой степени, что трещатъ карагачевыя оси, и гнутся высокія колеса.

Кромѣ того, за хвостомъ отрядовъ тянутся, иногда на лошадяхъ и ишакахъ, а иногда и просто пѣшкомъ, оборванные байгуши-туземцы; у каждаго изъ нихъ непремѣнно найдется нѣсколько серебряной мелочи. Эти, какъ шакалы послѣ тигровъ, скупаютъ то, что оставлено маркитантами безъ вниманія. Они рискуютъ иногда и сами барантовать въ сакляхъ, но за это часто слишкомъ дорого платятся, потому что солдаты, не стѣсняясь, убиваютъ эту сволочь, принимая ихъ за сартовъ съ непріятельской стороны; не помогаютъ даже бѣлыя повязки на рукахъ, которыя эти шакалы навязываютъ себѣ, въ подражаніе джигитамъ-милиціонерамъ.

Не успѣло еще стемнѣть, какъ уже послѣдніе солдаты выбрались изъ Ургута и пришли въ лагерь. Послали ротныя повозки за дровами; ближайшія сакли были разобраны и привезены цѣлые воза лѣсу. Сдѣлана была тщательная перекличка, всѣ раненые перевязаны, убитые похоронены тутъ же, въ лагерѣ. Это дѣлалось, обыкновенно, такимъ образомъ: срѣзаютъ осторожно дернъ, потомъ вырываютъ яму и землю относятъ какъ можно подальше, чтобы свѣже-вырытая земля не выдавала мѣста, гдѣ зарыто тѣло; затѣмъ кладутъ трупъ, засыпаютъ его и тщательно закрываютъ дерномъ. Это все дѣлается такъ искусно, что рѣшительно невозможно узнать мѣсто самой могилы, и предосторожность эта далеко не лишняя Сколько разъ случалось, что сарты разрывали неакуратно скрытыя тѣла и отрѣзывали головы, которыя отвозились въ Бухару, за что получались халаты и другіе знаки монаршей милости эмира.

Когда совершенно стемнѣло, въ лагерѣ вспыхнула великолѣпная иллюминація. Почти каждый солдатъ принесъ съ собою съ базара связки сальныхъ свѣчей. Эти свѣчи, разставленныя тѣсными рядами по линіямъ лагеря, огненными линіями оно-

ясывали мѣсто стоянки. Это была волшебная картина. А за погруженнымъ въ глубокую темноту Ургутомъ, сквозь тучи, закрывшія собою горныя цѣпи, мелькали, на недосягаемой высотѣ, блѣдныя огненныя точки: это были ночные костры бѣжавшихъ ургутцевъ. Съ какимъ тоскливымъ чувствомъ смотрѣли они на нашу иллюминацію. Сколько проклятій сыпалось на наши головы. Сколько семействъ не досчитывались своихъ членовъ!

По извѣстіямъ, полученнымъ послѣ, въ Ургутѣ собрано было до семи-сотъ тѣлъ—ужасная цифра сравнительно съ числомъ нашихъ солдатъ, участвовавшихъ въ штурмѣ. Самъ Гусейнъ однимъ изъ первыхъ бѣжалъ въ горы, чуть не при самомъ началѣ штурма.

Цѣль экспедиціи была отчасти достигнута: непобѣдимый Ургутъ былъ взятъ и разоренъ горстью русскихъ. Это имѣло громадное значеніе въ моральномъ отношеніи.

На другой день мы снялись съ лагеря и отошли къ Самарканду, и только къ вечеру этого дня стали понемногу возвращаться ургутцы на свое пепелище.

ГОРОДЪ МЕРТВЫХЪ.

Вотъ уже другой день, какъ я отдѣлился отъ каравана.

Какую непростительную глупость я сдѣлалъ: я понадѣялся на этотъ дурацкій компасъ.

Все песокъ и песокъ. Куда ни кинешь взглядъ, всюду одни только песчаные бугры. Я ѣду по гребню бугра, спускаюсь съ бугра, передо мною бугоръ, справа, слѣва—всѣ тѣ-же самые бугры, все одно и то-же, до самаго горизонта. Выгорѣла жалкая трава; изъ песка, тамъ и сямъ, торчитъ какая-то щетина.

Тяжелая тоска ложится на душу. Я давно уже сталъ догадываться, что потерялъ направленіе.

Компасъ не помогаетъ; онъ показываетъ очевидную ерунду. Онъ положительно испорченъ. Какъ я не замѣтилъ этого прежде?! Какая непростительная неосмотрительность.

Давно уже я не встрѣчаю никакихъ слѣдовъ, кромѣ отчетливыхъ отпечатковъ сайгачьихъ копытъ. Вотъ тутъ недавно прошло ихъ цѣлое стадо. Это ихъ-то я и видѣлъ, часа два тому назадъ, далеко между барханами.

Воды у меня очень немного осталось: едва хватитъ, чтобы напоить бѣдную лошадь. А вѣдь вчера утромъ былъ полный мѣхъ. Какъ она дьявольски усыхаетъ.

Мой добрый Орликъ славно работаетъ. Вчера онъ шелъ цѣлый день, ни разу не ослабивъ поводья; ночью онъ очень мало отдыхалъ, а еще меньше кормился; впрочемъ, онъ уже раза два спотыкнулся сегодня,—чего съ нимъ прежде не случалось,—и его доняли сорока-грустная жара и усталость. У бѣдной лошади стало что-то мутновато въ глазахъ: надо-бы напоить ее. Нѣтъ, лучше подождать, а то послѣ будетъ слишкомъ великъ промежутокъ: раньше завтрашнаго утра врядъ-ли удастся добраться до «Дарьи».

А самому-то какъ пить хочется, такъ-бы цѣлое ведро выпилъ, не отрываясь... Развѣ одинъ глоточекъ? Э, какая-же она теплая! А вѣдь какъ аккуратноя завернулъ мѣхъ кошмою!

Что это движется тамъ, вправо? Да это верблюды... Вонъ они тянутся одинъ за однимъ, качаютъ своими длинными шеями, то внизъ опустятъ, какъ-будто скусываютъ что-то по дорогѣ, то высоко поднимутъ, поглядывая по сторонамъ... Вонъ и люди, кажется. Да, это ясно, это цѣлый караванъ. Наконецъ-то, я выбрался на дорогу!...

Я повернулъ Орлика и погналъ его слегка нагайкою; мнѣ хотѣлось поскорѣй нагнать караванъ: вѣдь это такъ не далеко.

Однако, я ѣхалъ болѣе получаса, а караванъ находился все въ томъ-же положеніи. Нѣтъ, не въ томъ-же: онъ какъ-то странно заволновался... Да это что... Онъ подъ облака никакъ поднимается? Гдѣ-же онъ?! Я видѣлъ сію минуту. Фу, какая глупая ошибка! Столько лѣтъ бродить по степямъ и не не умѣть отличить дѣйствительности отъ миража! Этотъ караванъ—призракъ; можетъ быть, нѣсколько дней пути отдѣляло меня отъ дѣйствительности.

Какая тоска!.. Въ головѣ шумитъ, передъ глазами все какъ-то странно прыгаетъ, во рту пересохло. А солнце какъ-будто неподвижно стоитъ надъ самою головою, прожигаетъ насквозь мою бѣлую войлочную шапку, накаливаетъ стволы моей винтовки, сушитъ остатки моей воды и, кажется, не намѣрено вовсе спускаться къ западу. Хоть-бы скорѣе вечеръ, передохнулъ-бы немного, а то, наконецъ, и мой неутомимый Орликъ не выдержитъ.

Ахъ, какъ пріятно вытянуться на кошмѣ послѣ такой утомительной дороги! Солнце давно уже закатилось. Какая славная, тихая ночь! Правда, душновато немного, но это отъ накалившагося за день песка; вотъ онъ скоро остынетъ, и тогда будетъ прохладно. Какъ клонитъ ко сну!.. Мнѣ еще никогда не хотѣлось такъ спать. Въ пескѣ, чуть не подъ самымъ ухомъ, шелестятъ ящерицы, неподалеку весело жуетъ и фыркаетъ мой Орликъ,—я ему отдалъ остатки ячменя и послѣднюю воду. Впрочемъ, я и самъ напился вволю. У меня осталось еще съ фунтъ, правда, не много попортившагося, но, тѣмъ не менѣе, очень вкуснаго мяса и двѣ бухарскія лепешки. Я плотно,

съ большимъ аппетитомъ поужиналъ. Теперь и заснуть не грѣхъ, а завтра, дастъ Богъ, часу въ десятомъ утра доберемся до цѣли. Впрочемъ, это... если я на должномъ направленіи. А если нѣтъ? Если я потерялъ его и заблудился?,. Какая скверная мысль! Она способна прогнать самую сильную сонливость.

Но можно-ли заблудиться? Вотъ мой компасъ, вѣрный, безошибочный, его ничто не можетъ испортить, пока существуетъ вселенная.

Я лежалъ на спинѣ, предъ моими глазами было темное ночное небо, всѣ усѣянное яркими звѣздами. «Вотъ сѣверъ, вотъ путеводная полярная звѣзда... Да, это она, какъ разъ на концѣ хвоста малой медвѣдицы. Мнѣ надо прямо на нее держаться, и я не собьюсь съ дороги... Но что-же это? Вѣдь я пріѣхалъ оттуда... Какъ-это такъ случилось?! Да, я не ошибаюсь, вотъ слѣдъ моей лошади». Я вскочилъ на ноги и началъ осматриваться. Было жарко, а у меня на лбу выступилъ холодный потъ. Но нѣтъ... что-нибудь не такъ. Мнѣ не хотѣлось убѣждаться въ своей ошибкѣ, но дѣло было слишкомъ ясно: я пріѣхалъ оттуда, куда мнѣ надо было ѣхать; вонъ чернѣетъ саксауловый корень, котораго испугался мой Орликъ; эта черная точка какъ разъ по направленію полярной звѣзды.

Плохо! Дѣло рѣшено и доказано,—я заблудился.

Вода вся, ѣсть болѣе нечего, впереди неизвѣстное пространство!.. Меня спасти можетъ одинъ только случай.

«Что-жъ, не сидя-же на мѣстѣ дожидаться мнѣ этого случая! Покуда есть хоть какая-нибудь возможность двигаться, надо идти и идти,—идти до тѣхъ поръ, пока не издохнетъ отъ изнуренія мой Орликъ, пока во мнѣ самомъ еще теплится искра жизни». Такъ думалъ я, тронувшись еще до разсвѣта съ мѣста ночлега. И конь мой успѣлъ отдохнуть, и самъ я чувствовалъ себя свѣжѣе; во мнѣ стала пробуждаться надежда. Я понялъ обширное значеніе великаго слова «авось» и быстро подавался впередъ, сдерживая горячку моей лошади, чтобы не дать ей изнуриться преждевременно. Ныряя между наносными песчаными грядами, я старательно придерживался разъ взятаго направленія, повѣряя себя кое-гдѣ еще не потухшими звѣздами и золотистою лентою разсвѣта на востокѣ.

Наконецъ, загорѣлись верхушки бархановъ, всѣ тѣни стали

прозрачнѣе, легкій слой тумана всколебался и началъ подыматься. Даль казалась значительно выше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ: всѣ окрестные предметы какъ-то странно увеличились. Вотъ виднѣются роскошные, высокіе кустарники, гораздо выше всадника; подъѣзжаешь, и вмѣсто кустовъ—жалкая, высохшая травка, едва достигающая до щиколотки лошади. Шарики сайгачьяго помета чернѣли, словно разбросанные крупные камни. Свернувшіяся въ кольца сѣрыя змѣи, при приближеніи лошади, распрямлялись и, злобно шипя, медленно ползли въ стороны.

Скоро взошло солнце и озарило всю ту-же однообразную, мертвую степь, наводящую тоску и унынiе. Я много проѣхалъ, пользуясь утреннею прохладой, но уже начинаетъ припекать. На шеѣ коня протянулись отъ поводьевъ бѣлыя мыльныя полоски,—онъ уже началъ уставать: вѣдь это третьи сутки утомительной дороги.

Опять безконечный, мучительный день. Со мною нѣсколько разъ дѣлалось дурно; я принужденъ былъ слѣзать и садиться на землю въ тѣни отъ лошади; я почти потерялъ голосъ: если мнѣ хотѣлось что-нибудь сказать вслухъ или крикнуть, то это мнѣ стоило большихъ и болѣзненныхъ усилій, и, вмѣсто чистаго звука, изъ пересохшаго горла вылетало дикое хрипѣніе. Мученія жажды были невыносимы. Лошадь шла, тупо понуривъ свою умную голову; у бѣднаго животнаго дрожали ноги; скоро Орликъ упадетъ отъ усталости, и тогда—финалъ. Идти пѣшкомъ я былъ положительно не въ состояніи: я не сдѣлалъ-бы и ста шаговъ; а что значили эти сто шаговъ въ сравненіи съ безконечною степью!

Вдругъ я услышалъ странный звукъ, какъ-будто двойные удары молотка. Изъ-за бархана легкимъ галопомъ выскочили четыре большихъ сайгака, ростомъ съ мелкорослыхъ лошадокъ. Увидѣвъ меня, они на секунду остановились, высоко подскокнули на мѣстѣ и въ одинъ мигъ исчезли между буграми. Черезъ нѣсколько секундъ я уже далеко, далеко видѣлъ клубъ пыли, взбитой ихъ крѣпкими, двойными копытцами. Въ первое мгновеніе я машинально схватился за винтовку, а потомъ самъ засмѣялся надъ своимъ движеніемъ; только съ болью треснули засохшія губы отъ невольнаго, горькаго смѣха. Во-первыхъ, я-бы промахнулся навѣрное: у меня руки совершенно обезси-

лѣли и дрожали, какъ въ лихорадкѣ; а во-вторыхъ, если-бъ и удалось мнѣ это убійство, какую-бы пользу я извлекъ изъ него? Голодъ меня не мучилъ, да я не могъ-бы даже проглотить куска, прежде чѣмъ напился-бы; у меня было одно желаніе—пить и пить, и это желаніе возростало съ каждою минутою и доходило почти до бѣшенства. У меня начинался бредъ; въ головѣ шумѣло и застилало какимъ-то страннымъ туманомъ, словно отъ опьяненія; окрестные предметы стали казаться не тѣмъ, что они есть въ дѣйствительности. Впереди мнѣ все чудились ручьи и озера съ сверкающею на солнцѣ поверхностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ меня не покидало убѣжденіе, что это только «кажется»; я ясно слышалъ шумъ бѣгущей воды; мнѣ казалось, что Орликъ мой не лошадь, а лодка, и мнѣ только стоитъ нагнуться и черпать воду, сколько хочу, что это очень удобно сдѣлать шляпою; я снялъ ее, и моя тюркменская шапка выпала изъ ослабѣвшихъ пальцевъ; я не пытался достать ее, да этого и невозможно было сдѣлать,—я не нашелъ-бы ея: я ничего не видѣлъ, у меня позеленѣло въ глазахъ; я чувствовалъ, что я помѣшался, и манія моего помѣшательства—вода.

Вдругъ я почувствовалъ тяжелый ударъ въ голову, будтобы меня стукнулъ кто-то по темени тупымъ орудіемъ. Въ одинъ мигъ я пересталъ видѣть, слышать, чувствовать. «Не смерть-ли это?» невольно промелькнуло у меня въ головѣ...

Послѣдняя четверть луны довольно высоко поднялась надъ горизонтомъ; яркое созвѣздіе Ріона высоко стояло надъ головою; на востокѣ снова протянулась свѣтлая полоска. Разсвѣтало.

Съ усиліемъ я поднялся, опершись въ песокъ обѣими руками, и сѣлъ. Всѣ было тихо въ окрестности. Моего Орлика не было видно; глубокіе слѣды коваными ногъ ясно отпечатались подлѣ меня, нѣсколько разъ повторялись и перекрещивались на одномъ мѣстѣ, какъ-будто лошадь топталась тутъже, не рѣшаясь оставить хозяина, и потомъ потянулись въ сторону и исчезли. Орликъ ушелъ.

Это открытіе такъ меня экзальтировало, что я вдругъ вскочилъ на ноги и осмотрѣлся.

Чудная, почти волшебная картина представилась моимъ глазамъ. Мнѣ казалось, что песчаные холмы приняли правиль-

ныя, опредѣленныя формы: они превратились въ стройныя зданія суроваго индійскаго стиля. Передо мною, словно изъ земли, выросъ громадный городъ. Блѣдный свѣтъ луны скользилъ по округлостямъ куполовъ, рисовалъ на узорчатыхъ стѣнахъ силуеты сосѣднихъ построекъ и, скользя по боковымъ пилястрамъ фронтоновъ, раскидывалъ на сосѣднихъ холмахъ длинныя темно-синія тѣни. Кое-гдѣ ослѣпительно сверкали бѣлыя, эмальированныя украшенія; сводчатыя двери и окна сіяли темными пустотами; на золотистомъ фонѣ все болѣе и болѣе разгорающагося востока, вырѣзались зубцы стѣнъ, и сквозили каменныя рѣшетки. Все было однообразнаго песчанаго цвѣта, только своими формами отличалось отъ окрестныхъ барханов,—ни кустика, ни деревца, ни малѣйшаго движенія, ни звука, ни шелеста. Я понялъ, что за городъ разстилался передъ моими глазами: это загробныя жилища номадовъ, — «городъ мертвыхъ» *).

Я чувствовалъ крайнюю слабость и, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, принужденъ былъ опуститься на землю. Голова была положительно свинцовая, глаза слипались, меня сильно клонило ко сну: это были послѣдствія испытаннаго мною солнечнаго удара, поразившаго меня спустя нѣсколько минутъ послѣ потери моей шапки.

Со мною снова начиналось обморочное состояніе, но, странно, я вовсе не чувствовалъ жажды. Эта не удовлетворенная потребность какъ-будто бы притупилась.

Меланхолическій звонъ, усиливавшійся съ каждой минутой, поразилъ мой ослабѣвшій слухъ. Этотъ звонъ приближался; онъ несся съ противоположной стороны, изъ-за надгробныхъ памятниковъ. Я увидѣлъ людей. Они ѣхали верхомъ, одинъ за однимъ, медленнымъ шагомъ; на нихъ были остроконечные киргизскіе малахаи, за плечами ружья, а у двоихъ длинныя пики. За всадниками, раскачиваясь, шли два верблюда, у которыхъ на шеяхъ навѣшаны были бубенчики, производившіе этотъ раздражительно-дѣйствующій, монотонный звукъ. На пер-

*) Номады, кочуя по своимъ безпредѣльнымъ степямъ, имѣютъ (каждый родъ) свое постоянное кладбище. Только самые бѣднѣйшіе хоронятъ своихъ покойниковъ на мѣстѣ кочевки.—Довольствуясь при жизни легкими, переносными кибитками, они своимъ умершимъ воздвигаютъ массивныя, вѣковыя жилища, и часто въ степи, посреди пустынной, выжженной солнцемъ мѣстности, встрѣчаются эти молчаливые города, гдѣ подъ глубокимъ слоемъ песку сохнутъ (а не гніютъ) ихъ почившіе обитатели.

вомъ верблюдѣ (высокомъ, почти черномъ «нарѣ»), поперекъ вьючнаго, ковроваго сѣдла, качался какой-то длинный предметъ, тщательно завернутый въ коверъ и окрученный веревками; на второмъ—большія, полосатыя переметныя сумы и свернутая тюркменская палатка. За верблюдами еще ѣхало три всадника, и у послѣдняго въ поводу еле тянулся Орликъ.

Я узналъ тотчасъ-же, въ чемъ дѣло: этотъ караванъ былъ похоронный кортежъ, прибывшій, можетъ быть, за двѣсти или триста верстъ къ своему родовому кладбищу. Продолговатый предметъ на первомъ верблюдѣ—былъ самъ покойникъ.

Киргизы скоро отыскали меня; они недавно встрѣтили Орлика, и зная, что всадникъ не можетъ быть далеко, зорко оглядывали окрестность своими косыми глазами.

По счастью, эти номады принадлежали къ мирнымъ родамъ, иначе мнѣ грозила-бы плачевная участь продолжительнаго, а можетъ быть, и вѣчнаго рабства. Они знали караванъ, къ которому я принадлежалъ и отъ котораго такъ неосмотрительно отдѣлился, и взялись проводить меня до береговъ Сыра.

Едва я замѣтилъ большой мѣхъ со водою, висящій на одномъ изъ верблюдовъ, какъ жажда возобновилась съ страшною, мучительною силою; я непремѣнно разорвалъ-бы пальцами тонкую козью шкуру турсука, если-бы сильныя руки одного изъ киргизовъ не усадили-бы меня на песокъ съ словами: «не горячись, пріятель, — еще успѣешь». Потомъ мнѣ дали маленькую чашку воды, не болѣе одного стакана, и, несмотря на всѣ мои просьбы дать еще, отказали наотрѣзъ самымъ нецеремоннымъ образомъ. Только черезъ часъ дали мнѣ еще одну чашку и, уже къ вечеру, послѣ того, какъ я пожралъ (я не могу назвать иначе это бѣшеное, голодное глотаніе полусырого мяса) данную мнѣ обильную порцію баранины, мнѣ позволили напиться вволю.

Къ вечеру оконченъ былъ незатѣйливый обрядъ похоронъ. Я все время спалъ, какъ убитый. Послѣ заката солнца мы выступили, и только на третій день я увидѣлъ вдали синюю ленту обросшей камышами Сыръ-Дарьи.

Вѣроятно, на всю жизнь останется у меня въ памяти это блужданіе по пескамъ Кызылъ-Кума.

ЮНУСКА-ГОЛОВОРѢЗЪ.

Многочисленная толпа собралась въ узкихъ улицахъ, огибающихъ задніе дворы дворца эмира. Толпа росла съ каждою минутою; даже большой бухарскій базаръ опустѣлъ, и въ лавкахъ остались одни только ихъ владѣльцы, недоумѣвавшіе, куда это повалилъ весь народъ, и перекликавшіеся между собою, не выходя изъ своихъ уютныхъ лавочекъ.

Глухой говоръ, гулъ движенія, топотъ кованыхъ копытъ по камнямъ, перебранки, смѣхъ—наполняли воздухъ. Тѣсно было въ улицахъ, всякому хотѣлось пробиться впередъ, лѣзли чуть-ли не черезъ головы, карабкались на заборы и стѣны, и на всѣхъ сосѣднихъ крышахъ, плоскихъ, какъ столъ, усѣлись пестрыя, разнокалиберныя группы волнующагося народа.

Полицейскіе (кавасы) съ длинными бѣлыми палками въ рукахъ пробирались сквозь толпу, пуская въ дѣло, гдѣ мало было словъ, свое оружіе.

На первомъ планѣ толпились сотни ребятишекъ, которые всегда успѣютъ протискаться впередъ подъ руками и даже между ногами старшихъ; потомъ виднѣлись ряды самыхъ типичныхъ физіономій, населяющихъ многолюдную Бухару: сарты и узбеки съ своими густыми, курчавыми бородами, съ строгими, библейскими лицами, въ необъятныхъ кисейныхъ чалмахъ; скуластые окрестные кочевники въ верблюжьихъ халатахъ, въ остроконечныхъ шапкахъ; евреи съ лоснящимися локонами на вискахъ; индѣйцы съ красными значками между глазъ; авганы въ яркихъ красныхъ одеждахъ, съ распущенными по плечамъ волосами; безобразнѣйшіе нищіе въ отрепьяхъ... и на самыхъ заднихъ планахъ, на крышахъ и въ отверстіяхъ полуразрушенныхъ стѣнъ, стройныя женскія фигуры въ наки-

нутыхъ на головы синихъ халатахъ, съ черными и бѣлыми вуалями на лицахъ.

Общее вниманіе было приковано къ маленькой двери, вдѣланной въ глубокую нишу зубчатой глиняной стѣны, огораживающей обширные дворы эмирскаго дворца. Эта дверь была сдѣлана изъ темнаго карагача съ двухстворчатыми половинками и разукрашена тонкою рѣзьбою. Въ серединѣ половинокъ изображены были разныя звѣзды, по краямъ—вызолоченные бордюры, а массивные косяки ярко раскрашены по синему полю ярко-красными, желтыми и голубыми арабесками. Бѣлая, оштукатуренная алебастромъ ниша вся сплошь изукрашена мелкими, причудливыми барельефами, изображающими фантастическіе цвѣты и фрукты.

Дверь эта была заперта; тяжелая щеколда изъ луженаго узорнаго желѣза была опущена на мѣдную скобку. У двери стояла худая лошаденка, вся мокрая отъ пота и дождя, моросившаго, словно сквозь мелкое сито; стояла она, понуривъ голову, съ отвислою нижнею губою, разставивъ свои разбитыя ноги съ обломанными копытами. На ней было привязано веревочною подпругою деревянное сѣдло, ничѣмъ не покрытое; оборванная сбруя висѣла клочками. Кляча эта стояла безъ всякой привязи, уныло глядя на пеструю дверку своими прищуренными глазами.

Изъ-за стѣны надъ самою дверью, торчалъ высокій шестъ, а на шестѣ—вся посинѣлая, съ открытыми оловянными глазами, съ искривленнымъ ртомъ и оскаленными зубами—человѣческая голова. Борода у этой головы была выбрита, рыжіе усы и короткіе бакенбарды торчали щетиною, остриженные волосы были перепачканы грязью и черными пятнами запекшейся крови.

Эта голова была русская.

Голову эту только-что привезъ на поклонъ эмиру Мозафару-Эдину извѣстный головорѣзъ Юнуска-джигитъ. Онъ уже не разъ возилъ такіе подарки грозному повелителю благородной Бухары; каждый разъ такой подарокъ оплачивался однимъ золотымъ «тилля» *) и новымъ полосатымъ халатомъ изъ блестящаго адрасса.

*) Золотая монета въ четыре рубля серебромъ (собственно тилля значитъ *золото*).

Стоявшая у дверей кляча принадлежала «храброму» Юнускѣ-джигиту и составляла чуть-ли не единственную собственность свирѣпаго головорѣза, «грозы и бича безпечныхъ гяуровъ», какъ называли его на базарахъ многолюдной столицы. бухарскаго ханства.

За стѣною послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ: кованые каблуки звонко щелкали по плитамъ мощенаго двора; запрыгала дверная щеколда, и одна половинка дверей отворилась, визжа на заржавленныхъ петляхъ. Маленькая фигурка бочкомъ перешагнула высокій порогъ и показалась на улицѣ, шурша накинутымъ на плечи, поверхъ грязнаго платья, новымъ халатомъ; на кожаномъ поясѣ висѣлъ длинный гиссарскій ножъ, съ боку, задѣвая за порогъ и камни, прыгала дрянная шашка, зазубренный клинокъ которой торчалъ изъ протертыхъ поженъ. Лицо у этого человѣка было скуластое, сморщенное, и на подбородкѣ торчали пучочки скомканныхъ волосъ; косые глаза сіяли удовольствіемъ, хотя и забѣгали какъ-то неловко и безпокойно при видѣ такой многочисленной публики. Это былъ самъ виновникъ выставленнаго на шестѣ трофея. Одобрительный говоръ и крики пронеслись въ толпѣ. Юнуска ободрился.

За Юнускою вышли два дворцовыхъ сарбаза въ красныхъ, шитыхъ золотомъ, халатахъ, съ кривыми саблями, и еще нѣсколько не вооруженныхъ, но богато-одѣтыхъ людей; затѣмъ узорчатая дверка плотно захлопнулась. Толпа стала расходиться по разнымъ направленіямъ; большинство повалило вслѣдъ за Юнускою на базаръ, куда повели счастливаго джигита насыщаться и наливаться зеленымъ чаемъ, послѣ многотрудной дороги.

Снова на всѣхъ базарныхъ перекресткахъ стало людно и шумно по обыкновенію, базарная жизнь закипѣла своимъ чередомъ, и оживленный говоръ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ глухо загудѣлъ подъ сводами крытаго центральнаго ряда съ красными, посудными и чайными товарами.

Какъ разъ посрединѣ главнаго перекрестка, на самомъ проѣздѣ, усѣлись на корточки другъ передъ другомъ два человѣка; между ними было не болѣе пяти шаговъ разстоянія. Одинъ изъ нихъ былъ уже совсѣмъ старикъ, съ всклокоченною бѣлою бородой, съ лицомъ, обезображеннымъ слѣдами

страшной мѣстной болѣзни «пашъ-хорда», съ глазами то поблеклыми, безжизненными, то вдругъ разгорающимися, какъ уголья. На головѣ у старика была высокая остроконечная шапка, отороченная внизу мѣхомъ: шапка эта была клѣтчатая, темно-зеленая съ чернымъ; на голое, почти черное тѣло, высохшее, какъ древняя мумія, былъ накинутъ изодранный халатъ, заплатанный лоскутами всевозможныхъ цвѣтовъ, преимущественно яркихъ; ноги босыя, покрытыя густымъ слоемъ засохшей грязи. Въ рукахъ у этого страннаго человѣка былъ большой бубенъ и тоненькая раскрашенная камышинка, а за плечами — короткій точеный батикъ изъ какого-то темнаго тяжелаго дерева, съ острымъ наконечникомъ въ видѣ копья. Второй человѣкъ былъ по-моложе, но и въ его густой, неопрятной бородѣ пробивалось множество сѣдинъ; голова его не была выбрита, какъ у всѣхъ мусульманъ, а кажется, и вовсе незнакома съ ножницами или бритвою; трудно было разсмотрѣть, изъ чего состояла эта чудовищная прическа; казалось, что волосы, длинные чуть не до земли, были заплетены въ нѣсколько косъ, и косы эти перевиты и перепутаны между собою въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ; все это скомкано кое-какъ на макушкѣ и приколото двумя или тремя большими ржавыми желѣзными булавками. Слой пыли густо напудрилъ эту массу волосъ, въ которыхъ, даже издали, виднѣлись какія-то бѣлыя, двигающіяся точки. Одѣтъ онъ былъ въ широкій верблюжій халатъ и тоже съ босыми ногами.

Оба они, по-очередно, говорили громко, нараспѣвъ, сильно жестикулируя и пронзительно вскрикивая по временамъ. Это были мнимые помѣшанные, юродивые («дивона»), отрѣшившіеся отъ мірской жизни, предвѣщатели, — люди, пользующіеся большимъ авторитетомъ въ полудикихъ народныхъ массахъ, бродящіе всю свою жизнь съ одного мѣста на другое, ярые фанатики сами по себѣ, публичные пѣвцы и ораторы, разсѣвающіе фанатическое озлобленіе и ненависть ко всему не мусульманскому вообще и русскому въ особенности.

Кругомъ накоплялись слушатели и жадно ловили каждое слово, боясь проронить малѣйшій звукъ, вылетѣвшій изъ вдохновенныхъ устъ. Конные и пѣшіе останавливались на ходу и замирали, какъ статуи. Вдали гудѣла базарная жизнь, вблизи-же нея царствовала мертвая тишина, въ которой от-

четливо раздавались хриплые, надтреснутые голоса ораторовъ.

Старикъ съ бубномъ говорилъ:

— Аллахъ! Единый Аллахъ! Ты послалъ на меня глубокій сонъ, и сонъ этотъ тянулся девяносто девять дней!

— Девяносто девять!.. Слышите-ли, девяносто девять?— подтверждалъ другой.—О, это вѣдь очень долго!

— Да,—продолжалъ первый, — но спало только мое тѣло, духъ-же мой летѣлъ высоко надъ землею и, наконецъ, сталъ, по волѣ Аллаха, на одномъ мѣстѣ. И увидѣлъ духъ мой долину — чудную долину, какая можетъ быть только въ раю, и какой вы еще, конечно, нигдѣ не видѣли!

— Понятное дѣло, гдѣ-же имъ видѣть что-нибудь хорошее!—поддакивалъ волосатый.

— По долинѣ этой текли рѣки; какъ серебряныя ленты, тянулись онѣ по сочной зелени; на берегахъ росли тѣнистыя деревья, и гнулись до земли усѣянныя золотыми плодами вѣтви!

— Ахъ, какъ это хорошо! Хоть-бы парочку этихъ золотыхъ штучекъ? Да гдѣ намъ, созданнымъ изъ грязи...

— Другъ мой, ты перебиваешь теченіе моихъ мыслей!

— Молчу, молчу; цѣлую прахъ ногъ твоихъ и слушаю. Слушайте и вы, правовѣрные!

— Сколько розъ,—продолжалъ старикъ,—сколько разныхъ цвѣтовъ покрывало долину, и какой чудный запахъ поднимался кверху, подъ самыя облака!

— Такъ, что даже самыя птицы чихали отъ удовольствія и хвалили всемогущаго Аллаха!

— Ты опять, пріятель! Имѣй терпѣніе; твоя рѣчь впереди...

— Посреди этой долины мирно пасся большой бѣлый верблюдъ, и какой верблюдъ! Шерсть у него была изъ чистаго персидскаго шелку, бѣлая, какъ снѣгъ на небесныхъ горахъ, шея длинная, какъ у лебедя, глаза черные, мягкіе, нѣжные, какъ у женщины, походка плавная, голосъ звонкій, какъ трубы, которыя трубятъ, когда великій эмиръ Мозафаръ идетъ на молитву. Верблюдъ этотъ ходилъ и ѣлъ однѣ только розы, или-же лежалъ въ тѣни и пережевывалъ, а бѣлая, какъ молоко, пѣна бѣжала на густую, душистую траву. Хорошо было жить этому верблюду; его не вьючили, не запрягали, у него спина была совершенно чистая, безъ сбоевъ и ссадинъ: видно

было, что вьючное сѣдло никогда не прикасалось къ чудному животному,—оно только ѣло, спало и прогуливалось. И воскликнулъ я: «О, Аллахъ! Гдѣ-же это такая счастливая страна, гдѣ верблюдамъ лучше жить, чѣмъ у насъ правовѣрнымъ?» И услышалъ я голосъ, исходящій изъ свѣтлаго луча солнечнаго, и по голосу узналъ, что со мною, недостойнымъ, заговорилъ самъ Магометъ... Вы не вѣрите? Спросите вотъ хоть у моего товарища!

— Да, да, я самъ видѣлъ; настоящій Магометъ, а не то, чтобы что-нибудь другое!

— Святой голосъ мнѣ сказалъ слѣдующее: «Посмотри на сѣверъ и не будешь ты завидовать этому верблюду». И взглянулъ я на сѣверъ, и увидѣлъ... Боже, что я увидѣлъ!..

Здѣсь ораторъ вскочилъ, дико осмотрѣлся, пронзительно вскрикнулъ и грохнулся на землю, катаясь въ судорогахъ, грызя землю и горько рыдая. Въ этихъ всхлипываніяхъ можно было разслушать слова. «О, мы несчастные! О, мы жалкій родъ, созданный для печалей и горя!» Его товарищъ старался подражать ему во всѣхъ движеніяхъ, а толпа стояла и слушала съ глубокимъ, религіознымъ вниманіемъ.

Наконецъ, припадокъ отчаянія нѣсколько унялся; ораторъ успокоился, сѣлъ на корточки и продолжалъ:

— Съ той стороны, гдѣ солнце уже больше не грѣетъ, гдѣ никогда не видѣли теплыхъ, лѣтнихъ дней, гдѣ царствуетъ постоянная ночь, гдѣ все покрыто льдомъ и снѣгомъ подымались густыя, черныя тучи. Тучи эти росли и двигались, онѣ приближались, и въ самой глубинѣ ихъ, въ непроницаемой темнотѣ, горѣли и бѣгали огненныя искры. Большое стадо волковъ неслось въ воздухѣ; у нихъ были желѣзные когти, желѣзные зубы и страшно сверкали ихъ раскаленныя очи. О, Аллахъ, на кого ты посылаешь это свирѣпое войско?! Помилуй насъ! Спаси насъ! Покрой своимъ священнымъ щитомъ и не дай желѣзнымъ зубамъ нечистаго звѣря терзать правовѣрныхъ дѣтей твоихъ... О, Аллахъ! О, милосердный, великій!..

И загудѣла толпа, и заволновалась: она поняла, что это были за волки....

— Бѣлый верблюдъ хотѣлъ вскочить и бѣжать, но было поздно. Да и куда уйдешь отъ гнѣва Аллаха?... Бѣшеные

звѣри вцѣпились со всѣхъ сторонъ, жадно защелкали голодные зубы, и красная кровь полилась по серебряной шерсти верблюда. И упало на землю бѣдное животное, и тысячи зубовъ принялись его рвать и терзать. Померкло ясное небо, завылъ холодный вѣтеръ, погнулись деревья, и стали застывшія воды. Тогда взмолился истерзанный верблюдъ, и взмолился языкомъ человѣческимъ: «О, Аллахъ, прости дѣтей твоихъ! Прости, что они стали забывать вѣру отцовъ своихъ, что они позволили невѣрнымъ осквернять чистую землю и вступили съ ними въ разныя соглашенія... Прости ихъ!.. Они поправятся, загладятъ свои проступки и всѣ, какъ одинъ, возстанутъ на невѣрныхъ пришельцевъ»... И услышалъ Аллахъ мольбу эту... Съ востока, черезъ все небо перекинулась свѣтлая радуга; по этой небесной дорогѣ спустилось на землю большое, крылатое войско. Впереди, на бѣломъ конѣ ѣхалъ самъ Тимуръ и грозно махалъ своимъ кривымъ, какъ мѣсяцъ, мечомъ... Неожиданно ударило святое войско въ самую средину волчьяго стада, шарахнулись изумленные звѣри и пустились къ себѣ на полночь, но не спасли ихъ быстрыя ноги: всѣ погибли въ бѣгствѣ, обагривъ землю свою черною кровью. Тогда великій Тимуръ повелѣлъ отрѣзать всѣ волчьи головы и наткнуть на копья, а копья посадить въ землю, одно около другого и этою стѣною отгородиться отъ холоднаго сѣвера.

— Вотъ такъ точно, какъ тамъ,—видѣли? — пояснилъ товарищъ проповѣдника.

— Да, совершенно такъ... И снова стало свѣтло на всей землѣ, снова потекли прозрачныя воды, выпрямились стройныя деревья, а чудное войско удалилось снова на небо!

Старикъ кончилъ. Сперва нѣсколько минутъ было молчаніе, потомъ глухой ропотъ прокатился въ толпѣ и началъ расти больше и больше, разносясь по обширному базару.

Въ одной изъ угловыхъ чайныхъ лавочекъ, на коврикѣ у очага съ пылающими угольями, сидѣлъ, поджавъ ноги, самъ Юнуска-головорѣзъ; онъ жадно ѣлъ жирный, приправленный мелко изрѣзанными кореньями пловъ; онъ былъ очень голоденъ и спѣшилъ вознаградить себя, дорвавшись до вкуснаго блюда, запуская по-очередно руки въ жирную массу вареная риса и облизывая лоснящіеся пальцы. Около стоялъ большой мѣдный самоваръ, ведра въ три, тульской работы; самоваръ

этотъ шипѣлъ, свистѣлъ и испускалъ изъ всѣхъ отверстій густые клубы пара, сквозь который сверкали цѣлые ряды развѣшанныхъ по стѣнамъ мѣдныхъ, покрытыхъ красивымъ чеканомъ, кунгановъ (родъ чайника). Пузатые мѣшки съ хишмишемъ, урюкомъ и разными сушеными фруктами лѣпились по стѣнкамъ; по карнизамъ, въ камышевыхъ сѣткахъ, висѣли сберегаемыя на зиму дыни и связки краснаго стручковаго перца. У лавочки толпились мальчики съ плетеными лотками на головахъ, а на лоткахъ лежали цѣлыя пирамиды горячихъ, только-что вынутыхъ изъ печки, лепешекъ.

Юнуска ѣлъ и разсказывалъ; собравшаяся публика внимательно слушала. Юнуска говорилъ.

— А остальные побѣжали...

— Это всѣ трое побѣжали?—перебилъ разсказчика кто-то изъ толпы.

— Да, всѣ трое.... Я какъ выскочилъ на нихъ изъ-за стѣны, такъ сразу убилъ одного, а другіе трое испугались и побѣжали... Ихъ всѣхъ было четверо: понимаете-ли?... Четверо. И у всякаго было огромное ружье, и каждое ружье могло стрѣлять по два раза...

— А хорошія ружья у русскихъ,—снова перебилъ одинъ изъ слушателей;—у насъ такихъ не умѣютъ дѣлать!

— Когда я былъ въ Ташкентѣ, такъ видѣлъ у одного изъ ихнихъ начальниковъ маленькое ружье,—такъ то восемь разъ стрѣляло.... Право, такъ!

— Все дьявольская работа,—перебилъ сѣдобородый мулла.—Свяжешься съ чортомъ и сто разъ изъ одного ружья выстрѣлишь!

— Такъ вотъ,—продолжалъ Юнуска,—побѣжали они; я за ними и еще убилъ двухъ, а ужъ третьяго не убилъ, не хочу лгать,—третьяго не убилъ: лошадь у него была очень хорошая,—ускакалъ проклятый!

— А вѣдь это онъ все вретъ!—раздался неожиданно смѣлый гортанный голосъ.

Разсказчикъ замолкъ;—толпа оглянулась. У входа въ лавку стояли два вооруженные авгана и, подсмѣиваясь, поглядывали на осовѣвшаго Юнуску.

— Какъ вретъ? Почему вретъ? Что-же тутъ невѣроятнаго? — посыпалось изъ толпы.

— А потому вретъ,—сказалъ авганъ,—что видѣли мы не разъ русскихъ въ полѣ. Немного ихъ было,—куда меньше нашего,—а наши бѣжали, какъ бараны, и пушки бросали.... Да ты, послушай, не напирай такъ, а то вѣдь что-жъ хорошаго,—обратился онъ къ одному изъ узбековъ, который слишкомъ близко подошелъ къ нему съ зловѣщимъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Это вы, подлецы, бѣгали! — послышалось въ толпѣ.— «Наемщики голоногіе!»...

— Постой-ка, братъ,—шепнулъ одинъ авганъ другому,— я кликну нашихъ, а то вѣдь этой сволочи, ишь, сколько набралось!....—И онъ хотѣлъ идти.

— Куда? Стой! — заревѣлъ косматый дивона, успѣвшій подобраться къ толпѣ и слышавшій все, что происходило передъ этимъ.—Ни съ мѣста!—И онъ схватилъ его за воротъ красной куртки, но тотчасъ-же захрипѣлъ и присѣлъ на землю... Поясной ножъ авгана уходилъ ему, какъ разъ, подъ ребра.

Это было сигналомъ къ общей схваткѣ.

Первое мгновеніе авганы держались стойко, прижавшись спинами другъ къ другу; у нихъ были кривыя сабли съ желѣзными ручками, у нападающихъ-же—одни только ножи, да и то не у всѣхъ. Вдругъ цѣлая чашка налитаго изъ самовара кипятку плеснула прямо въ смуглое цыганское лицо; авганъ вскрикнулъ, схватился руками за голову и выпустилъ саблю... Толпа хлынула... послышался задавленный стонъ... Черезъ секунду все было кончено для несчастныхъ горцевъ.

Изъ переулка послышался звукъ флейтъ. Красивые мальчики, не старше шестнадцати лѣтъ, ѣхали попарно по главной улицѣ; на нихъ было все красное, а за плечами ружья съ раскрашенными, узенькими прикладами. За ними два пѣшихъ старика въ парчевыхъ халатахъ вели подъ узцы краснаго бѣлаго коня, у котораго между ушей торчалъ высокій золотой помпонъ; на конѣ сидѣлъ, согнувшись, самъ Мозафаръ-Эддинъ, поглядывая изъ подлобья своими недовѣрчивыми глазами.

Затихло все. Толпа разступилась и стала на колѣни.

Какъ разъ посрединѣ улицы лежали три истерзанныхъ трупа.

Былъ холодный, дождливый день, по временамъ перепадалъ мокрый снѣгъ. Въ Джюзакскомъ ущельи вылъ рѣзкій вѣтеръ, врываясь въ боковыя вѣтви, усѣянныя черными, покрытыми мохомъ грудами камня. Густой туманъ сползалъ внизъ по крутымъ, скалистымъ скатамъ. Каменистая, словно природное шоссе, дорога извивалась по ущелью, переплетаясь съ быстру бѣгущимъ ручьемъ «Джаланъ-аты». На дорогѣ лежалъ издохшій верблюдъ, вытянувъ свои длинныя, мускулистыя ноги, и надъ нимъ копошилась воронья стая, каркая и хлопая своими мокрыми крыльями.

Все смотрѣло угрюмо и мрачно, наводя тоску и уныніе.

Въ сторонѣ, за огромной, рѣжущей туманъ своими острыми краями скалою, совершенно замаскированныя ею отъ дороги, притаились два живыхъ существа. Это были человѣкъ и лошадь. Оба предмета были совершенно неподвижны. Лошадь стояла, понуривъ голову и изрѣдка моргая сонными глазами, когда какая-нибудь, черезчуръ назойливая, капля дождя угодитъ прямо на ея длинныя рѣсницы; грива у ней скомкалась и слиплась, мокрый хвостъ путался между ногъ, все тѣло слегка дрожало. Всадникъ сидѣлъ около, съежившись, уткнувшись носомъ въ свой верблюжій халатъ и спрятавъ на чахлой груди, освобожденныя изъ рукавовъ, руки.

Если-бы кто-нибудь изъ проѣзжихъ по дорогѣ бухарцевъ замѣтилъ его, то сразу узналъ-бы въ немъ «храбраго головорѣза-Юнуску».

Онъ уже цѣлый день сидитъ здѣсь, притаившись и промокнувъ на сквозь отъ безпрестаннаго декабрьскаго дождя. Онъ продрогъ, онъ голоденъ, пальцы у него окоченѣли, а онъ все сидитъ и ждетъ.

Онъ ждетъ ночи, и тогда, подъ покровомъ непроницаемой темноты, онъ вылѣзетъ изъ своего убѣжища.

Скоро туманъ сталъ все гуще и гуще, начало быстро темнѣть, дождь пересталъ, но за то стало замѣтно холоднѣе.

Юнуска всталъ, подошелъ къ своему коню; тотъ какъ будто очнулся отъ сна и тряхнулъ ушами. Джигитъ влѣзъ на свое жалкое сѣдло, шажкомъ выбрался на дорогу; здѣсь онъ повернулъ къ Джюзаку. Измученная кляча, подгоняемая ременною плетью, заковыляла по твердому грунту своими разбитыми ногами.

Черезъ полчаса онъ повернулъ влѣво, поднялся на отлогую, но, тѣмъ не менѣе, очень высокую гору и опять свернулъ въ сторону. Онъ, видимо, боялся съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Грунтъ, вмѣсто твердаго, каменистаго, сталъ топкимъ; конскія ноги проваливались чуть не по колѣно на каждомъ шагу. Юнуска слѣзъ, оставилъ клячу на произволъ судьбы и пошелъ пѣшкомъ

Впереди краснѣли въ туманѣ огненныя пятна: это виднѣлись освѣщенныя окна передѣланной изъ темныхъ сакель, низенькой, но длинной русской казармы. Юнуска тревожно поглядывалъ на эти зловѣщія пятна; ему поминутно чудились мѣрные шаги; онъ вздрагивалъ и припадалъ къ землѣ, гдѣ и лежалъ по нѣсколько минутъ неподвижно, затаивъ порывистое дыханіе.

Вдали глухо грохоталъ подмокшій барабанъ. Это въ цитадели били вечернюю зарю.

Юнуска остановился, присѣлъ и началъ пытливо оглядываться. «Здѣсь», проговорилъ онъ, какъ будто что-то соображая. Тамъ, гдѣ горизонтъ сливается съ небомъ, протянулась свѣтлая полоска, на ней обозначались черными силуэтами воткнутые кое-какъ въ землю деревянные кресты. Юнуска находился на русскомъ кладбищѣ. Долго онъ ползалъ по разнымъ направленіямъ, будто разыскивая что-то, наконецъ, остановился и началъ рыть.

Онъ рылъ быстро, тревожно,—рылъ, какъ собака, чующая подъ землею спрятавшуюся крысу; рыхлая земля легко уступала его лихорадочнымъ усиліямъ, и скоро онъ добился до того, что его уже не было видно на поверхности.

Часа два продолжалась подземная работа; наконецъ, она прекратилась. Запыхавшійся, тяжело дышащій, Юнусъ выбрался на поверхность, — и не одинъ онъ выбрался, а съ добычею. Добыча эта была круглая; у добычи этой были глаза, носъ уши, и добычу эту «храбрый джигитъ» тащилъ, крѣпко уцѣпившись пальцами за коротко-остриженные волосы.

Юнуска выпрямился, положилъ около себя русскую голову и самодовольно улыбнулся. Онъ соображалъ:

— Еще одинъ халатъ; я его, конечно, продамъ. Еще одна тилля... А славная монета эта тилля; сколько на нее можно сдѣлать хорошаго... Въ Бухарѣ опять будутъ кормить даромъ

цѣлую недѣлю... А какой безпокойный народъ эти авганы... нехорошій народъ... плохіе мусульмане, плохіе... А!.. Что такое?..

За плечами Юпуски блеснулъ красный огонь. Безъ стона, безъ малѣйшаго крика упалъ ничкомъ въ землю «храбрый джигитъ Юпуска-головорѣзъ».

. . . . . .

— Экъ я его ошарашилъ! Ахтительно, промежъ лопатокъ!

— Вишь, ты, чѣмъ промышляетъ, собачья кость!

— Это онъ покойничка Савельева обработалъ!

— А не Макара Кузьмина?

— Нѣтъ, тотъ маленько поправѣе будетъ!

— Вотъ оно дѣло-то какое!..

Два солдата въ шинеляхъ, въ башлыкахъ, надѣтыхъ на головы, съ ружьями въ рукахъ, стояли у свѣже-разрытой могилы.

— Ну что-жъ, надоть къ ротному?

— Ну, поди, доложь пидьфебелю!

— А ты что-жъ?

— Мнѣ, братъ, не линія. Я, таперича, прямо въ слободку: тетка Марфа звала... Лафа, братъ, одно слово!

РАХМЕДЪ-ИНАКЪ, БЕКЪ ЗААДИНСКІЙ.

I.

Моя палатка стояла въ углу большого двора, обнесеннаго высокою глинобитною стѣною. Густое, раскидистое тутовое дерево свѣсило свои отягченныя бѣлыми ягодами вѣтви какъ разъ надъ самою полотняною крышею моего жилища.

Отъ каждаго малѣйшаго сотрясенія: опустится-ли на вѣтки большая птица, пробѣжитъ-ли мохнатая бухарская кошка съ сосѣдняго двора, колыхнетъ-ли ихъ едва замѣтный вѣтеръ,—на туго натянутое полотно сыпется цѣлый дождь спѣлаго тутовника, глухо барабаня по туго-натянутой, раскрашенной въ азіатскомъ вкусѣ, холстинѣ.

Душно и жарко. Въ воздухѣ стоитъ знойная мгла.

Словно въ дыму, колеблются въ этой тропической мглѣ и плоскія, раскаленныя глиняныя крыши домовъ, и стройныя колонны неподвижныхъ тополей, и тяжелый куполъ мечети съ косматымъ гнѣздомъ аиста на самой вершинѣ.

Все живое или спитъ, или бездѣйствуетъ, пріютившись по своимъ, болѣе или менѣе прохладнымъ, уголкамъ; а кому необходимо нужно высунуться на улицу, тотъ вяло, словно боясь сдѣлать лишнее движеніе, пробирается по сторонкѣ, придерживаясь скудныхъ полосокъ тѣни. Вотъ движутся какія-то массы: онѣ загородили всю улицу. Монотонно раскачиваются косматыя, глупыя головы съ прорванными ноздрями, уныло гудятъ бубенчики на длинныхъ шеяхъ, колышатся по бокамъ двадцатипудовые тюки, сверкая бѣлымъ цвѣтомъ покрывающей ихъ кошмы... Это караванъ изъ Бухары.

Верблюдамъ ничего, ихъ и жара не донимаетъ, но посмотрите на вожаковъ... Вотъ одинъ изъ нихъ: онъ сидитъ на ма-

ленькомъ, длинноухомъ осликѣ (по здѣшнему—пшакъ); его босыя, растрескавшіяся ноги бороздятъ толстый слой дорожной пыли; растрепалась и сбилась на сторону грязная чалма, липкій потъ струится по смуглой бронзовой кожѣ его библейскаго лица; словно разбитыя параличемъ—висятъ мускулистыя руки, и тяжелая, окованная желѣзомъ плеть (калоча) вотъ-вотъ—выскользнетъ изъ онѣмѣлыхъ пальцевъ.

Неслышно, словно тѣни, шмыгнули двѣ, закутанныя съ головою, женскія фигуры. Пронеслась поджарая собака съ жалобнымъ воемъ, поджавъ хвостъ, приподнявъ только-что перебитую ногу. Проѣхалъ и угрюмый акъ-сакалъ *) «Годдай-аггалыкъ», вызванный по служебному дѣлу начальникомъ катта-курганскаго уѣзда.

Почти безъ всякаго костюма, лежалъ я на своей походной кровати; тутъ-же, около, стоялъ большой квадратный табуретъ-столъ на точеныхъ ножкахъ; на немъ блестѣлъ чайный приборъ, а у самой кровати, чтобы не далеко было тянуться, стояла плетеная корзина съ разнообразными сортами винограда—подарокъ моего большого пріятеля катта-курганскаго курбаши (нѣчто въ родѣ полиціймейстера). Чай и фрукты, особенно виноградъ, это одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ разслабляющаго дѣйствія сорока-градусной жары; а привычные желудки наши позволяли намъ пользоваться этими средствами до злоупотребленія.

Чу! Это что за новость!?.. Далеко-далеко,—въ массахъ зелени пригородныхъ садовъ,—дребезжитъ казачья труба... Замолкла... Опять... Да, точно... теперь ясно слышно: играютъ «сѣдлать». Что-бы это значило?..

За стѣною топочутъ лошади... Одна, другая, третья... Всадники остановились у низенькой калитки... Я слышу, какъ они слѣзаютъ съ лошадей... Вотъ кто-то запутался ногою въ стремени и выругался при этомъ. Голосъ знакомый, и поговорка, какъ у Генриха четвертаго, только въ классическо-славянскомъ стилѣ.

— Да будетъ вамъ валяться!.. Тутъ историческія событія происходятъ, а онъ кейфу предается...

— Здравствуйте, капитанъ, что это васъ взбудоражило?.. Какія событія?

---

*) Акъ-сакалъ—въ буквальномъ переводѣ—бѣлая борода (старшина).

— Не маловажныя, не маловажныя...—Капитанъ протянулъ руку за чистымъ полотенцемъ, висѣвшимъ на колкѣ, и съ наслажденіемъ принялся вытирать свою потную лысину.

— Да въ чемъ дѣло?—спросилъ я, надѣвая высокіе, походные сапоги...

— Одѣвайтесь и ѣдемъ!

— Кочетковъ! Сѣдлать!—крикнулъ я сквозь холстину палатки своему деньщику.

Въ отвѣтъ на мое воззваніе, Кочетковъ зѣвнулъ на весь дворъ и шарахнулся съ кучи свѣжаго клевера, на которой валялся по примѣру своего господина.

— Вы знаете, кто ѣдетъ?—говорилъ капитанъ, выплевывая виноградныя косточки.— Сейчасъ получено извѣстіе. Самъ знаменитый Рахмедъ-инакъ. Онъ верстахъ въ десяти отсюда, въ кишлакѣ (деревнѣ) остановился переодѣваться и сюда прислалъ сказать... Я былъ убѣжденъ, что вамъ пріятно будетъ сдѣлать эту экскурсію... Мы сейчасъ ѣдемъ къ нему на встрѣчу... По дорогѣ я велѣлъ казачьей сотнѣ готовиться. Мы, знаете, устроимъ ему нѣчто въ родѣ почетнаго караула. Примѣняясь къ здѣшнимъ нравамъ, не мѣшаетъ обставлять все это нѣкоторой торжественностью, этакъ, что называется, съ помпою.— Это весьма и весьма помогаетъ!—ораторствовалъ капитанъ, пока я одѣвался. Онъ занималъ довольно важный постъ — помощника начальника отдѣла, и всѣ политическія явленія и событія, возникающія у нашихъ ближайшихъ сосѣдей, тотчасъ-же становились ему извѣстны, благодаря цѣлой живой сѣти вѣстовщиковъ, разсыпанныхъ во всѣхъ слояхъ общества. Устройство этой замысловатой махинаціи было, большею частью, дѣломъ самого хитраго и талантливаго политика-капитана.

Я уже былъ совсѣмъ готовъ и нацѣпилъ на себя оружіе, безъ котораго мы не выходили и не выѣзжали никуда, когда звонкое, веселое ржаніе моего Орлика дало знать, что Кочетковъ исполнилъ уже возложенное на него порученіе.

Мы всѣ трое, т. е. я, капитанъ и его переводчикъ, черномазый офицеръ, не то киргизъ родомъ, вышли изъ палатки и направились къ калиткѣ двора.

Четыре конвойные казака-оренбургца перебранивались съ коренастымъ линейцемъ, который ожесточенно полоскалъ въ стоячей лужѣ свои истасканные покрытые заплатами панта-

лоны. При нашемъ появленіи, казаки замолчали и засуетились у лошадей, а линеецъ, стоя безъ штановъ и засучивъ рубаху у пояса, преважно поднялъ руку къ тому мѣсту головы, гдѣ долженъ былъ находиться козырекъ его кепи, если-бы оно было на головѣ, а не въ зубахъ косматой собаченки, служившей на заднихъ лапкахъ тутъ-же по близости.

— А еще говорятъ, что наши линейные батальоны совсѣмъ утратили дисциплину,—шепнулъ мнѣ на ухо капитанъ:—откозырялъ намъ, оказалъ почетъ,—значитъ, свое дѣло знаетъ!

Сѣли на лошадей и поѣхали.

Сперва дорога шла длинною, узкою улицею. Низенькія, сѣрыя стѣны сакель разнообразились только запертыми воротами и калитками; оконъ не было ни одного, потому-что и вообще у азіатскихъ жилищъ не имѣется оконъ, а если и есть что-нибудь замѣняющее ихъ, такъ оно расположено на внутреннихъ фасадахъ, а на улицу выходятъ сплошныя, однообразныя стѣны надворныхъ построекъ — конюшень и тому подобнаго.

На нѣкоторыхъ разстояніяхъ тянулись поперекъ улицы ряды крупныхъ сѣрыхъ камней, разложенныхъ на шагъ одинъ отъ другого; въ дождливое время, когда въ густой грязи немощенныхъ улицъ проваливаются по брюхо лошади, вязнутъ длинноногіе верблюды и тонутъ несчастные ишаки,—по этимъ камнямъ только и можно перейти съ одной стороны улицы на другую.

Въ одномъ мѣстѣ—двухколесная арба загородила намъ всю дорогу. Кое-какъ, подобравъ на сѣдла ноги, протискались мы между стѣной и высокимъ колесомъ повозки.

— Вотъ это, дѣйствительно, можно назвать узкою улицею,—замѣтилъ капитанъ.—А то, говорятъ, что наша Москва этимъ отличается, а тамъ, сколько я помню, два извозчика довольно свободно разъѣзжаются. Терпѣть не могу клеветы...

— Стой!—дальше ѣхать было невозможно: нѣсколько арбъ съ клеверомъ загородили весь проѣздъ окончательно. Лошади были выпряжены и стояли тутъ-же, привязанныя у колесъ; хозяева ушли отдыхать.

Какая-то, едва замѣтная щель виднѣлась направо. Одинъ изъ казаковъ сказалъ, что тутъ можно, прямо черезъ дворъ

мечети, проѣхать къ базару. Мы свернули и направились, гуськомъ другъ за другомъ, къ этой спасительной щели. Сперва казакъ нырнулъ въ нее, за нимъ я, за мною капитанъ и т. д. Тѣсно, но ѣхать можно... а что если назадъ придется вернуться?—Было-бы совсѣмъ скверно, потому-что повернуть лошадь не предстояло на малѣйшей возможности.

Минуты черезъ полторы, мы выбрались на просторъ. Это былъ дворъ мечети. Посрединѣ, между четырьмя столѣтними, раскидистыми карагачами зеленѣлъ покрытый плѣсенью четыреугольный прудъ; въ тинѣ копошилось и ныряло нѣсколько хохлатыхъ утокъ. Двѣ собаки встрѣтили насъ оглушительнымъ лаемъ, прыгая по крышамъ, на одномъ уровнѣ съ нашими головами.

Вокругъ мечети тянулся навѣсъ, поддерживаемый рѣзными колонками; потолокъ этого навѣса и самыя колонки были ярко и пестро раскрашены въ видѣ кашемирской шали, кое-гдѣ виднѣлась полинялая позолота. Нѣсколько узкихъ дверей вело во внутренность мечети; надъ каждою дверью было рѣшетчатое окно, затянутое красной тканью, что производило странный фантастическій свѣтъ внутри зданія.

Въ тѣни этого навѣса, на тонкихъ плетенкахъ валялись въ разнообразныхъ позахъ отдыхающіе правовѣрные. Нѣкоторые поднялись при нашемъ приближеніи и произнесли обычное «аманъ», другіе-же сохранили полную безмятежность. Одинъ сѣдобородый мулла спросилъ у переводчика, «куда идетъ начальникъ въ такую жаркую пору»—тотъ отвѣтилъ, и старикъ совершенно удовольствовался.

Изъ воротъ мечети мы выѣхали на относительно широкую улицу, ведущую къ Пешшамбинскимъ воротамъ, почти у самаго большого катта-курганскаго базара.

Справа и слѣва тянулись лавки евреевъ-красильщиковъ; подъ навѣсами сидѣли сами хозяева, раскладывая показистѣй цѣлые вороха цвѣтного шелка. Руки у всѣхъ были яркаго, синяго цвѣта почти по локти. Причиною этого необыкновеннаго цвѣта кожи — то обстоятельство, что красильщики преимущественно возятся съ индиго, самою употребительнѣйшею краскою, и руки ихъ до того пропитались этимъ веществомъ что какъ-бы ни мыли ихъ, онѣ не принимали уже первобытнаго вида. Я самъ видѣлъ, какъ еврей, въ доказательство

чистоты своихъ рукъ, полоскалъ ихъ нѣсколько минутъ въ чашкѣ съ чистою водою, и вода не окрасилась ни капли. Только временемъ могутъ постепенно отмыться эти вѣчно-рабочія руки, но почти каждый день приходится подновлять и подновлять ихъ окраску, и съ этимъ обстоятельствомъ всѣ давно уже примирились. При нашемъ проѣздѣ евреи всѣ вставали, низко кланялись и провожали насъ всевозможными ласкательными привѣтствіями, улыбаясь при этомъ своею красивой, добродушной улыбкой. Какая громадная разница между ними и ихъ европейскими собратьями: это именно тѣ древніе іудеи, не искаженные дальнѣйшимъ ходомъ бытовыхъ и историческихъ событій.

Проѣхали и мимо индійскаго караванъ-сарая. Нѣсколько индусовъ, расположившись въ воротахъ зданія, вели между собою оживленный разговоръ, сильно жестикулируя руками и всѣмъ тѣломъ. Смуглые, черноглазые, съ курчавыми, черными, какъ смоль, волосами, въ маленькихъ темно-синихъ шапочкахъ, въ красныхъ панталонахъ въ обтяжку, съ яркимъ изображеніемъ пламени посрединѣ лба, съ ослѣпительно-сверкающими бѣлыми зубами—эти вертлявыя, вѣчно двигающіяся фигуры производили поразительный контрастъ съ величавою, спокойною наружностью мусульманъ.

Когда мы поровнялись съ воротами караванъ-сарая, то замѣтили на дворѣ нѣсколько осѣдланныхъ лошадей: это было уже нововведеніе. До прихода русскихъ не-мусульмане не смѣли показываться на улицахъ верхомъ на лошадяхъ. Лошади считались слишкомъ благородными животными, чтобы позволить садиться на нихъ, въ присутствіи правовѣрныхъ, такимъ нечестивцамъ, какъ евреи и индѣйцы. Съ нашимъ появленіемъ, права нѣсколько уравнялись, и прижатые и угнетенные вздохнули свободнѣе. Это, конечно, не всѣмъ нравилось; находились недовольные, но что-же дѣлать! Съ силою обстоятельствъ, волею-неволею, надо было примириться, тѣмъ болѣе, что евреи и индійцы съ необыкновеннымъ тактомъ начали пользоваться предложенными имъ благами, стараясь не оскорблять религіознаго чувства большинства населенія рѣзкимъ нарушеніемъ привычныхъ для него порядковъ. Случалось даже (какъ было въ Самаркандѣ), что евреи вовсе не пользовались наружными признаками равноправности, боясь за своихъ еди-

новѣрцевъ въ Бухарѣ, которые могли бы жестоко поплатиться за политическую безтактность своихъ счастливыхъ собратій.

Разнообразный, пряный запахъ спѣлыхъ фруктовъ, преимущественно дынь, далъ знать о томъ, что мы приближались къ Пеншамбинскимъ воротамъ, у которыхъ расположены палатки и навѣсы фруктоваго базара. Цѣлыя горы оранжевыхъ абрикосовъ (урюку) прѣли на солнцѣ, распространяя вокругъ себя ароматы, которые сейчасъ-же смѣшивались съ свѣжимъ запахомъ конскаго навоза, ибо десятки лошадей и ословъ, привезшихъ этотъ сладкій товаръ изъ окрестныхъ садовъ, стояли поблизости, въ общей кучѣ, отмахиваясь хвостами отъ миріадъ докучливыхъ, больно кусающихся мухъ.

Подъ навѣсами, въ защитѣ отъ солнца, стояли корзинки съ болѣе цѣнными, отборными плодами; на веревкахъ, подъ крышами были развѣшаны нѣжные сорта винограда, которые, безъ этой предохранительной мѣры, могли-бы погибнуть отъ своей собственной тяжести. Продавцы фруктовъ были всѣ безъ исключенія мусульмане *).

Запахъ фруктовъ смѣнился ѣдкимъ чадомъ подгорѣлаго сала. Въ особо устроенныхъ печахъ были плотно вмазаны котлы чудовищныхъ размѣровъ; въ нихъ парился, прикрытый сверху толстой холстиной, національной азіатскій пловъ, слишкомъ извѣстный всѣмъ, чтобы его описывать. Полуголый, скуластый, весь мокрый отъ пота, китай-кипчакъ наблюдалъ за другими котлами, гдѣ, шипя и скворча на всевозможные лады, жарилось мелко нарубленное баранье мясо. Подъ сосѣднимъ навѣсомъ, другой такой-же поваръ жарилъ въ кунжутномъ маслѣ распластанные ломти сомовины и другой рыбы. Нѣсколько поодаль, въ болѣе опрятныхъ помѣщеніяхъ, приготовлялись пельмени на паровыхъ рѣшеткахъ; а подъ двумя тополями, въ сторонкѣ, виднѣлись ульеобразныя глиняныя печи, въ которыхъ пеклись плоскія лепешки и маленькіе, твердые,

*) Чтобы дать понятіе о поразительной дешевизнѣ, царствовавшей на этомъ соблазнительномъ базарѣ, я приведу слѣдующій короткій перечень цѣнъ:

Дыни—отъ 1 до 6 копеекъ штука (максимумъ).
Персики—отъ гривенника до тридцати коп. за сотню.
Абрикосы—гривенникъ довольно большая корзина (считать не стоитъ).
Виноградъ—до сорока копеекъ за пудъ.
Вотъ-бы этотъ прейсъ-курантъ—да въ Милютины лавки!

какъ камень, хлѣбцы на бараньемъ салѣ. Поблизости отъ этого запаса всякой снѣди расположены были чайныя лавочки, гдѣ кипѣли наши родные, россійскіе самовары тульскаго издѣлія. Красивые мальчики возились около нихъ, приготовляя кальяны для отдыхающихъ на коврахъ и войлокахъ посѣтителей. Красные халатики этихъ бойкихъ прислужниковъ тамъ и сямъ мелькали, отражаясь въ яркой мѣди самоваровъ. Почти у самой дороги, прикрывъ бритую голову полою халата и не заботясь объ остальномъ тѣлѣ, храпѣлъ таджикъ. Гдѣ-то за изгородью пронзительно ревѣлъ обиженный чѣмъ-то ишакъ.

Проѣхали мимо десятка закопченныхъ кузницъ, гдѣ, за неимѣніемъ работы, дремали кузнецы у своихъ потухшихъ горнилъ. Въ одномъ только мѣстѣ возились съ какой-то упрямой клячей, нехотѣвшей давать на истязаніе одну изъ своихъ разбитыхъ ногъ. Вотъ пришлось переѣзжать черезъ Нуру-пайрѣку, дающую жизнь всему Катта-Кургану. Влѣво отъ насъ издавало міазмы залитое кровью мѣсто, отведенное для бойни скота, тутъ-же торчали покачнувшіеся остатки прежней висѣлицы, впрочемъ, весьма недавно сослужившей свою послѣднюю службу. Цѣлые ряды большихъ и малыхъ глиняныхъ сосудовъ, еще непросохшихъ, только-что слѣпленныхъ, стояли и сушились на солнцѣ, въ ожиданіи обжога: здѣсь была фабрика глиняныхъ издѣлій, работающая чуть-ли не на весь околодокъ.

Мы спустились подъ горку, мимо водяной мельницы, перебрались черезъ дребезжащій подъ конскими ногами, живой мостикъ и выбрались совершенно за городъ. Сады стали попадаться все чаще и чаще, воздухъ становился свѣжѣе и относительно прохладнѣе. Придерживаясь одной стороны дороги, мы почти все время ѣхали въ сплошной, пріятной тѣни густыхъ деревьевъ. За высокими стѣнами слышались женскіе и дѣтскіе голоса; сквозь щели сверкали любопытные глаза. По временамъ, на вершинѣ стѣны показывались закутанныя фигуры и мгновенно исчезали, едва только кто-нибудь изъ насъ обертывался, подстрекаемый любопытствомъ.

Дорога была пуста, и намъ почти никого не попадалось навстрѣчу.

Влѣво отъ дороги, подъ тѣнью сплошной группы карагачей, раскинулась чрезвычайно заманчивая, зеленая лужайка.

Противъ нея, на самомъ припекѣ, возвышался насыпной курганъ, вершина котораго была увѣнчана грудою камней, сложенныхъ съ нѣкоторой претензіей на сооруженіе. Между камнями были зажаты длинные шесты, украшенные конскими хвостами, металлическими, пустыми внутри, шарами и разноцвѣтными тряпками. Это была могила какого-то, довольно чтимаго, святого.

Этотъ пунктъ избранъ былъ нами для встрѣчи знаменитаго гостя; а впередъ по дорогѣ были посланы два казака, чтобы во-время предупредить насъ о приближеніи Рахмедъ-ишака.

Отъ Катта-Кургана, по той-же дорогѣ, по которой пріѣхали и мы, неслось цѣлое облако пыли; въ немъ сверкали стволы казачьихъ винтовокъ, мелькали бѣлыя рубашки, и, выше всего, развѣвалось красное полотно сотеннаго значка. Это насъ догоняла казачья сотня, выступившая для почета на встрѣчу. Поровнявшись съ нами, казаки выстроились въ сторонѣ отъ дороги и сошли съ лошадей.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда бухарское ханство было во всемъ блескѣ своего существованія, и съ именемъ эмира соединялось понятіе о чемъ-то весьма сильномъ и могущественномъ, Рахмедъ, несмотря на свою молодость, пользовался почти неограниченнымъ довѣріемъ деспотическаго владыки. Онъ и тогда былъ бекомъ въ Зааднѣ (городѣ, лежащемъ верстахъ въ пятидесяти отъ Катта-Кургана). Кромѣ своего бекства, что очень близко походитъ на наше намѣстничество, только съ болѣе неограниченною, почти верховною властью, Рахмедъ имѣлъ весьма сильное вліяніе на ходъ общихъ государственныхъ дѣлъ, особенно на все, что касалось внѣшней политики ханства. Рѣдкій изъ его совѣтовъ, высказанныхъ съ необыкновеннымъ тактомъ, не былъ принятъ гордымъ владыкою. Онъ умѣлъ такъ совѣтовать, что казалось, что онъ только ловитъ на лету и развиваетъ мысль, отнюдь не его собственную, а принадлежащую всецѣло высоко-чтимому, Богомъ любимому, ярко-блистательному «Мозафаръ-эддину».

Между прочимъ, онъ настаивалъ на необходимости дружескихъ отношеній къ такой сильной сосѣдкѣ, какъ Россія. Онъ умѣлъ доказать, не оскорбляя религіознаго и національнаго чувства, что только съ этими дружественными отноше

ніями соединены сила и вліяніе Бухары. Онъ всегда съ участіемъ относился ко всѣмъ русскимъ, попадавшимъ въ Бухару, особенно къ торговымъ людямъ, стараясь покровительствовать пришельцамъ во всемъ, что отъ него зависѣло. И во всемъ ханствѣ только его одного не обманулъ смѣлый Вамбери своимъ переодѣваньемъ. Этотъ путешественникъ говоритъ, что когда онъ представлялся Рахмеду, правившему тогда всей Бухарой за отсутствіемъ эмира, онъ не могъ безъ трепета смотрѣть въ глаза проницательнаго намѣстника, зная, что его тайна разгадана послѣднимъ или, по крайней мѣрѣ, близка къ разгадкѣ.

Когда мы спрашивали Рахмеда-инака (второй титулъ, отвѣчающій титулу главнокомандующаго, былъ данъ ему уже впослѣдствіи), не помнитъ-ли онъ одного ханджи-богомольца, очень смуглаго и хромого, проходившаго лѣтъ пять тому назадъ въ Бухару и Самаркандъ?—Онъ намъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Хотя много каждый годъ приходитъ всякихъ богомольцевъ къ этимъ святымъ мѣстамъ, но я догадываюсь, о комъ вы меня спрашиваете. Этотъ богомолецъ былъ очень ученый ханджи, гораздо ученѣй прочихъ бухарскихъ мудрецовъ!

Тогда мы ему сказали, что это былъ европеецъ, и показали ему книгу Вамбери, переведя то мѣсто, гдѣ путешественникъ говоритъ о самомъ Рахмедѣ.

— Я это зналъ,—говорилъ Рахмедъ,—но я также зналъ, что онъ не вредный человѣкъ, и не хотѣлъ губить такого ученаго мужа. А муллы были сами виноваты, что не догадывались, кто находился между ними; вольно-же имъ было залѣплять свои мозги и глаза грязью!

Противъ послѣдней войны Рахмедъ возставалъ всѣми силами, но фанатизмъ тысячъ собравшихся въ Бухару муллъ взялъ перевѣсъ, и гибельные результаты этого факта не замедлили обнаружиться во всей своей ужасающей наготѣ. И тутъ Рахмедъ поправилъ, хотя сколько-нибудь, дѣло: почти ему одному обязана Бухара самаркандскимъ миромъ, хотя и весьма невыгоднымъ, но все-таки лучшимъ, чѣмъ полная погибель.

Настоящая поѣздка была предпринята для того, чтобы рѣшить на мѣстѣ запутанный и сложный вопросъ о водѣ,

вопросъ съ которымъ связано существованіе Бухары и всѣхъ городовъ и селъ, лежащихъ ниже по заравшанской долинѣ.

Ключъ отъ всей этой водной системы находился у самаго Самарканда, значитъ, въ нашихъ рукахъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ сжатая характеристика этого замѣчательнаго бека, пріѣзда котораго мы ожидали, лежа подъ густой тѣнью и прохлаждаясь сочной оражневой дыней, которую намъ принесли съ сосѣдняго огорода.

Прискакалъ одинъ казакъ, весь запыленный, лошадь тяжело переводитъ взмыленные бока. Еще издали онъ кричалъ намъ: «Ѣдетъ! Ѣдетъ!»

Прискакалъ и другой: также кричитъ: ѣдетъ! И уже проваживая своего мерина, добавилъ: «недалече будетъ, вонъ за тѣмъ барханомъ»...

Мы сѣли на лошадей и тронулись на встрѣчу, а казачья сотня чинно выстроилась по дорогѣ.

Вдали, на одномъ изъ поворотовъ, мы увидали густое облако пыли, выдвигавшееся изъ-за зелени садовъ. Сперва, маленькою рысцою трусили отдѣльные всадники. Всѣ они были при сабляхъ и въ рукахъ держали длинныя, бѣлыя палочки (полицейскій знакъ): это были все джигиты Рахмедъ-инака. Показались и вьючныя лошади, тяжело тянувшіяся на поводахъ, подгоняемыя сзади жгучими ударами плетей. Багажъ долженъ былъ раньше прибыть на мѣсто, и потому всадники, видимо, спѣшили.

По парно, сидя на красивыхъ, хотя до нельзя тощихъ, лошадяхъ, въ ярко-красныхъ халатахъ и такихъ-же красныхъ чалмахъ, ѣхали красивые, черномазые мальчики — пажи Рахмеда; у всѣхъ въ рукахъ были фитильныя ружья-мултуки съ прикладами, раскрашенными въ голубую, зеленую и желтую краски. Наконецъ, показался и самъ Рахмедъ-инакъ, а за нимъ толпа самыхъ разнообразныхъ всадниковъ.

На красивомъ, высокомъ, какъ верблюдъ, гнѣдомъ аргамакѣ сидѣлъ знаменитый бекъ, покачиваясь на коротенькихъ стременахъ. Онъ былъ въ свѣтло-лиловомъ шелковомъ халатѣ, затканномъ мелкими серебряными цвѣточками; на головѣ чалма изъ кашемирской шали, съ лѣваго бока — короткая, кривая сабля въ красныхъ бархатныхъ ножнахъ. Вся лошадь была покрыта серебристой парчевой попоной, отороченной красною

бахрамою; узда и сѣдло сверкали на солнцѣ своими золочеными бляхами и подвѣсками. Свита была одѣта значительно скромнѣе.

Одно изъ правилъ сложнаго азіатскаго этикета заключается въ томъ, что при встрѣчѣ младшій долженъ слѣзть съ лошади и тогда уже начать свое привѣтствіе. Зная хорошо это правило, капитанъ еще заранѣе рѣшилъ остаться на лошади, разсчитывая, что и Рахмедъ не будетъ слѣзать, и, такимъ образомъ, званія инака бухарскихъ войскъ и капитана — русскихъ наглядно уравняются, но вышло не такъ, какъ предполагалось.

Едва только мы съѣхались, какъ Рахмедъ взялся за луку сѣдла и нагнулся. Видя, что онъ хочетъ слѣзть и тѣмъ оказать самую утонченную вѣжливость, капитанъ поспѣшилъ спрыгнуть съ лошади и чрезвычайно озадачился, увидавъ, какъ Рахметъ привѣтствовалъ его съ высоты своего аргамака, придавъ своему первоначальному движенію совсѣмъ иное значеніе: ему просто хотѣлось поправиться на сѣдлѣ.

Не на шутку разсердился капитанъ и, говоря черезъ переводчика заученную заранѣе рѣчь, вставилъ фразу: «перехитрилъ, каналья», замѣтивъ толмачу, что это переводить не слѣдуетъ. Онъ долгое время не могъ послѣ забыть этой невинной продѣлки Рахмедъ-инака.

Когда наша кавалькада поравнялась съ казаками, они гаркнули (Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ): «здравія желаемъ, ваше превосходительство!..» Трубачи проиграли какую-то дребедень, и вся сотня тронулась за нами. Вся эта процедура очень понравилась беку.

На базарѣ картина значительно перемѣнилась. Вѣсть о пріѣздѣ Рахмеда успѣла разлетѣться по городу, и множество народу спѣшило со всѣхъ сторонъ встрѣтить пріѣзжаго. Собрались и городскіе «акъ-сакалы». Рахмедъ-инакъ многихъ узнавалъ и особенно съ ними раскланивался.

Помѣщеніе для гостя было отведено въ домѣ старшаго катта-курганскаго акъ-сакала. Здѣсь онъ могъ, не стѣсняясь, отдохнуть и распоряжаться, какъ ему заблагоразсудится, въ кругу своихъ старыхъ знакомыхъ; офиціальный-же визитъ къ начальнику отдѣла былъ отложенъ до завтра. Это распоряженіе очень понравилось беку; онъ не ожидалъ этого и думалъ, что

ему придется попасть сразу въ среду русскихъ, слишкомъ мало ему знакомую

Весь огромный четвероугольный дворъ акъ-сакала былъ защищенъ отъ солнца почти сплошною крышею изъ ковровъ и пестрыхъ палаточныхъ верховъ, натянутыхъ на веревкахъ между деревьями. Лошади и прислуга расположились на первомъ дворѣ, гдѣ всегда и устроиваются стойла для лошадей, а самому беку отведена была небольшая угольная сакля, чисто выбѣленная блестящимъ алебастромъ. У входа этой сакли на возвышеніи разостланы были цвѣтныя скатерти, а на нихъ, на плоскихъ мѣдныхъ блюдахъ и всевозможныхъ подносахъ, разставлены были разнообразныя азіатскія лакомства и фрукты.

Всѣ заборы и плоскія крыши, примыкающія къ двору, были заняты толпами зрителей, преимущественно дѣтей; на самыхъ заднихъ планахъ виднѣлись робкія женскія фигуры, пытавшіяся изъ-подъ своихъ безобразныхъ покрывалъ, хотя украдкою, взглянуть на то, что такъ доступно ихъ мужьямъ и братьямъ. Откуда-то изъ-за угла валилъ густой дымъ, и пахло саломъ: тамъ варили неизбѣжный пловъ для пріѣзжихъ, для чего съ вечера еще были зарѣзаны цѣлыхъ пять барановъ.

Сойдя съ лошадей на первомъ дворѣ, мы вошли подъ навѣсы, гдѣ хозяинъ дома, въ своемъ самомъ нарядномъ халатѣ, ожидалъ гостя съ хлѣбомъ и подарками; на подносахъ лежали: голова сахару, нѣсколько кусковъ полосатой полушелковой матеріи (адрассу), два фунта русскихъ стеариновыхъ свѣчей и бѣлый мерлущатый халатъ, крытый лиловымъ плисомъ. Обычай подносить подарки при всякомъ, сколько-нибудь подходящемъ случаѣ, сильно вкоренился у всѣхъ азіатскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что это выраженіе уваженія нисколько не убыточно, такъ-какъ съ размѣномъ любезностей происходитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и размѣнъ приношеній.

Прежде чѣмъ сѣсть на приготовленное для него мѣсто, Рахмедъ отправился въ саклю и черезъ минуты три вышелъ къ намъ, вытирая полотенцемъ только-что вымытыя руки; онъ даже успѣлъ переобуться, и на его ногахъ, вмѣсто походныхъ сапогъ съ высокими острыми каблуками, очутились мягкія, чулкообразныя *ичеги* изъ чернаго сафьяна съ вышивкою. Всѣ мы усѣлись за столъ или, правильнѣе сказать, вокругъ ска-

гертей и принялись прохлаждаться, не дожидаясь подчиванія хозяина (заставлять хозяина напоминать часто о предложенныхъ блюдахъ весьма неучтиво). Между прохладительными явствами одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимали блюда съ чистымъ снѣгомъ, перемѣшаннымъ съ виноградною патокой и медомъ. Это очень вкусно, немного напоминаетъ неудавшееся мороженое. Снѣгъ былъ привезенъ изъ далека, верстъ за тридцать, изъ горъ Акъ-Тау.

Рахмедъ велъ все время самый обыкновенный разговоръ, тщательно избѣгая всего, что-бы могло приблизиться къ дѣлу— цѣли его поѣздки; рѣчь шла о погодѣ, о сортахъ винограда, о нашихъ русскихъ костюмахъ, о винодѣліи, которое зарождалось въ этомъ краѣ съ нашимъ прибытіемъ, и ни слова о водѣ: о послѣдней предполагалось говорить не здѣсь, а въ Самаркандѣ, и говорить съ осторожностью, обдумывая и взвѣшивая каждое слово, однимъ словомъ—дипломатически.

Когда капитанъ спросилъ бека: не стѣсняемъ-ли мы его, и, что, вѣроятно, онъ желалъ-бы отдохнуть послѣ такого труднаго путешествія, то бекъ отвѣчалъ, что такой лестный пріемъ способенъ заставить забыть всякую усталость, однако, нѣсколько разъ посмотрѣлъ на дверь свой сакли, изъ которой манило полумракомъ и прохладою.

Мы поднялись, пожали беку руку и направились къ выходу; всѣ остальныя гости, по знаку хозяина дома, тоже начали мало-по-малу очищать дворъ.

Когда мы садились на лошадей, то къ намъ выбѣжалъ Курбакъ-Аминъ, оставшійся при Рахмедѣ, и сообщилъ, что бекъ надѣется видѣть насъ сегодня у него на вечерѣ (томашѣ), который для него дѣлаютъ сборомъ всѣ катта-курганскіе акъ-сакалы.

II.

Къ ночи стало прохладнѣе. Темнота быстро наступила послѣ заката солнца и какая темнота — настоящая тропическая, хоть глаза выколи, а на темномъ, почти черномъ небѣ, ослѣпительно сверкали міріады бриліантовыхъ звѣздъ. Въ той части города, гдѣ находилось жилище, пріютившее Рахмедъ-инака, пылало красное зарево отъ разложенныхъ костровъ и смоленыхъ факеловъ, и глухо гудѣли барабаны; иногда изъ

этихъ дробныхъ перекатовъ выносились—то свистящая трель тростниковой флейты, то хриплый ревъ мѣдныхъ трубъ, слышались людскіе заунывные голоса, вторящіе инструментамъ, и рѣзкое хлопанье въ ладоши: вечеръ (томаша, что значитъ вообще зрѣлище) начался.

Я пробирался пѣшкомъ по узенькому переулку, спотыкаясь поминутно о камни; впереди меня шелъ Юсупка-джигитъ, освѣщая дорогу большимъ бумажнымъ фонаремъ, въ которомъ пылалъ и чадилъ огарокъ сальной свѣчи домашняго приготовленія. Въ цитадели давно уже проиграли вечернюю зорю, и на зубчатыхъ стѣнахъ, высоко, высоко, бродили черные силуэты часовыхъ.

Когда я добрелъ до воротъ, то увидѣлъ нѣсколько верховыхъ лошадей, осѣдланныхъ русскими сѣдлами, значитъ, не одни мы съ капитаномъ получили приглашеніе, прочіе офицеры катта-курганскаго гарнизона удостоились той-же чести.

Толпа была такъ густа, что только при помощи услужливаго Юсупки удалось мнѣ пробраться впередъ.

Вся катта-курганская аристократія, какъ туземцы, такъ и пришельцы, была на лицо: былъ и самъ начальникъ отдѣла, были и русскія дамы, въ лицахъ жены коменданта, вертлявой маленькой фигурки гальскаго происхожденія и дебелой жены доктора, блиставшей своими декольтированными формами. Я замѣтилъ капитана, кивавшаго мнѣ изъ-за розоваго халата гадцай-аггалыка, и пробрался къ нему, раскланявшись съ Рахмедъ-инакомъ.

Самъ виновникъ торжества сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и утромъ, только на немъ не было оружія, и вмѣсто тяжелаго костюма на немъ былъ надѣтъ легкій кашемировый халатъ и бѣлая кисейная чалма.

Въ сторонѣ, почти у самой стѣнки, возсѣдали музыканты. Литавры замѣнялись двумя чугунными горшками, затянутыми сверху пузыремъ; самую видную роль въ оркестрѣ играли бубны, увѣшанные разными побрякушками. Все, что не могли выполнить инструментами, исполнялись горломъ самихъ музыкантовъ; мотивъ все время повторялся одинъ и тотъ-же, то усиливаясь, то затихая; тактъ довольно вѣрно поддерживался ударами въ литавры. Шуму и грому было достаточно, ибо музыкантовъ было человѣкъ пятнадцать.

Посрединѣ былъ разостланъ громадный туркменскій коверъ, по угламъ котораго стояли мѣдные подсвѣчники со свѣчами; на этомъ-то коврѣ и происходило представленіе.

Въ углу двора, на высокихъ подмосткахъ, въ громадномъ глиняномъ сосудѣ пылалъ цѣлый костеръ сухихъ, смолистыхъ вѣтокъ, освѣщая всю толпу кровавымъ, волнующимся, пожарнымъ свѣтомъ. Кромѣ того, всюду, гдѣ только можно было прицѣпить, висѣли бумажные фонари разныхъ величинъ и формъ. Иллюминація была великолѣпная! Она не напоминала собою наши разсчитанныя заранѣе иллюминаціи; здѣсь все было случайно, никто ничего не обдумывалъ; позажигали все, что можно было зажечь — и ладно. И какъ эти безпорядочныя волны яркаго свѣта гармонировали съ такими-же безпорядочными звуками! Добавьте ко всему этому разноцвѣтные, просторные халаты, необъятныя чалмы, эффектныя, оживленныя азіатскія лица и вы увидите передъ собою оригинальную картину, въ яркихъ пятнахъ которой положительно терялись наши скромные бѣлые кителя и рубашки нашихъ солдатъ, пробравшихся поглядѣть на занятое представленіе.

Когда я занялъ болѣе или менѣе удобное мѣстечко, на коврѣ находилось два плясуна. Это были мальчики-баяты, лѣтъ по четырнадцати отъ роду; оба они были одѣты въ длинныя красныя рубахи, оба были съ обнаженными ногами. Они плавно двигались по ковру, почти не переставляя ногъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, выгибаясь змѣею направо и налѣво и бросая на всѣхъ выразительные, лукавые взгляды своихъ большихъ, черныхъ глазъ. При каждой улыбкѣ сверкали бѣлые, ровные зубы, на тонкихъ шеяхъ тремѣли и шелестили нитки разноцвѣтныхъ бусъ.

Сзади за собою я услышалъ интересный разговоръ. Два сарта говорили о нашихъ дамахъ, которыя сидѣли на самыхъ видныхъ мѣстахъ, какъ разъ напротивъ насъ.

— Це-це! Эхъ! Хороши,—говорилъ одинъ.

— Хороши!—отвѣчалъ другой и сплюнулъ на сторону:— это значитъ, что у него потекли слюнки при видѣ такой прелести.

— А что, у эмира, я думаю, нѣтъ ни одной такой?

— Должно быть нѣтъ...

— Вонъ та, большая, лучше (рѣчь шла о докторшѣ)!

— А у той халатъ ужъ очень хорошъ (у нихъ все халатъ)!

— Подожди, я посмотрю поближе!—произнесъ первый и всталъ.

— Смотри, нагайками вздуютъ!

— За что вздуютъ? Я трогать не буду, я только посмотрю!

Я видѣлъ, какъ сартъ, пробираясь въ густой толпѣ, обходилъ дворъ съ явнымъ намѣреніемъ подобраться, на сколько можно ближе, къ завѣтному пункту. Вотъ уже его красная чалма мелькаетъ на противоположной сторонѣ. Я подтолкнулъ капитана, сообщилъ ему вкратцѣ весь разговоръ, и мы принялись слѣдить вмѣстѣ.

Сартъ сперва остановился около жены коменданта, внимательно осмотрѣлъ ея безконечный шлейфъ, словно измѣряя его глазами и возвелъ глаза къ небу. Потомъ онъ, оглядываясь по сторонамъ, слегка нагнулся къ шиньону француженки и потянулъ носомъ воздухъ. Я отвернулся и вынулъ платокъ, чтобы замаскировать смѣхъ, который подступалъ къ горлу; капитанъ не удержался и фыркнулъ; конечно, это было отнесено къ фарсамъ плясуновъ, которые, что называется, расходились и отхватывали на пропалую. Затѣмъ любопытный туземецъ принялся разсматривать докторшу; а та, словно нарочно, такъ и изгибалась, такъ и играла своимъ великолѣпнымъ бюстомъ; легкое кисейное платье волновалось при каждомъ движеніи, обрисовывая роскошныя формы. Внимательно, весь обратившись въ зрѣніе, разсматривалъ сартъ невиданное зрѣлище, глаза его искрились, нижняя губа отвисла; казалось, что вотъ-вотъ онъ не утерпитъ и дотронется до этихъ бѣлыхъ плечъ своими крючковатыми пальцами. Наконецъ, онъ отмахнулся рукою, словно отгоняя искушеніе, и началъ проталкиваться обратно. Мы ждали, какъ онъ будетъ сообщать товарищу свои наблюденія.

— Ухъ!—едва перевелъ духъ возвратившійся.

— Ну, что?

— Нѣтъ, у эмира такихъ нѣтъ, гдѣ ему!

— Я думалъ, тебѣ не сдобровать!

— Нѣтъ! Ничего... У этой, маленькой волосъ сколько на головѣ, Аллахъ! Аллахъ! И всѣ чѣмъ-то посыпаны...

— Какъ думаешь—чѣмъ?

— Сахоромъ, должно быть!

— Сахаромъ!—удивился тотъ.

— Ну, а у той—такое бѣлое тѣло, что я и не видалъ. Настоящее сало курдючное, такъ и съѣлъ-бы, и какъ хорошо лукомъ пахнетъ...

Тутъ уже ни я, ни капитанъ не выдержали и разразились громкимъ хохотомъ, но и тутъ судьба насъ выручила. Батча сдѣлалъ одно невѣроятное движеніе, заканчивающее всю пляску: онъ вдругъ запрокинулся назадъ и до такой степени выгнулъ спину, что головою почти досталъ до пятокъ; весь его тонкій станъ изображалъ собою сплошной обручъ. Неистово заревѣла толпа, выражая свое одобреніе, и нашъ хохотъ положительно стушевался въ общемъ гулѣ восторженныхъ голосовъ.

На сцену появился длиннобородый старикъ индіецъ съ длиннымъ краснымъ шестомъ и съ обезьяной за плечами. Держа шестъ совершенно отвѣсно, онъ заставилъ животное лѣзть на его верхушку. Потомъ онъ началъ бросать въ нее грецкими орѣхами, обезьяна хватала ихъ на лету и, въ свою очередь, швыряла ими въ публику. Затѣмъ она однимъ прыжкомъ очутилась снова на плечахъ у своего хозяина и продѣлала еще нѣсколько довольно извѣстныхъ фокусовъ, послѣ чего, ухвативъ въ лапы высокую шапку индійца, заковыляла и стала обходить публику за посильнымъ приношеніемъ.

Толпа разступилась и дала дорогу двумъ атлетамъ въ однихъ только короткихъ панталонахъ; ихъ темное, закопченое мускулистое тѣло лоснилось отъ поту; на двухъ жердяхъ, гнувшихся подъ тяжестью громаднаго котла, они принесли только-что свареный пловъ. Это были знаменитые повара-спеціалисты варки плова, выписанные акъ-сакаломъ изъ Паншабли.

Большими деревянными черпаками (кашикъ) пловъ разложили на блюда и въ большія, плоскія чашки и начали ставить ихъ передъ гостями. Всѣ принялись засучивать рукава и расправлять свои пальцы. Намъ, русскимъ, предложены были ложки, взятыя для этого случая изъ сервиза начальника отдѣла, и мы принялись ужинать. Пловъ былъ удивительно вкусенъ; жирный рисъ такъ и разсыпался, апетитно хрустя на голодныхъ зубахъ, разнокалиберные кусочки бараньяго, конскаго и верблюжьяго мясъ пріятно подрумянились и были вмору приправлены краснымъ, стручковымъ перцемъ.

Послѣ плова разносили зеленый чай въ мѣдныхъ, чеканеныхъ кунганахъ очень красивой формы; чай пили изъ маленькихъ зеленыхъ чашечекъ. Дошла очередь и до лакомствъ.

На арену выступили клоуны: одинъ былъ пожилой мужчина, съ сморщеннымъ лицомъ, съ всклоченной, жидкой бородою; другой былъ еще молодъ, лѣтъ двадцати, съ узкою, чахоточною грудью и съ потухшими, впалыми глазами. Оба они были въ грязныхъ, умышленно изодранныхъ лохмотьяхъ, и лица ихъ были вымазаны толченымъ кирпичемъ, мѣломъ и сажею. Они наперерывъ кривлялись, разсказывая что-то, перебивая другъ друга, должно быть, что-нибудь очень смѣшное, потому-что всѣ хохотали, и, наконецъ, объявили, что сейчасъ всѣ увидятъ двухъ собакъ, которыя какъ-то забѣжали сюда, въ такое блистательное общество. Обѣщаніе это было встрѣчено общимъ изъявленіемъ удовольствія, которое выразилось хлопаньемъ въ ладоши и усиленнымъ завываніемъ.

Музыканты ударили по своимъ инструментамъ, клоуны стали на четвереньки и закричали по-собачьи: они-то и изображали этихъ двухъ собакъ. Они, особенно молодой, довольно искусно подражали всѣмъ дѣйствіямъ собакъ, гонялись другъ за другомъ, обнюхивались, лаяли, грызлись. Нѣсколько полицейскихъ съ бѣлыми палочками выскочили изъ толпы и прогнали собакъ своимъ оружіемъ,—это тоже входило въ программу спектакля.

Вдругъ на сосѣднемъ дворѣ послышались тревожные крики, а вслѣдъ за этимъ — дикій визгъ и ржаніе лошадей; всѣ кинулись къ мѣсту происшествія. Оказалось, что нѣсколько жеребцовъ сорвались съ своихъ привязей и сцѣпились въ отчаянную драку, это встревожило другихъ лошадей, и онѣ принялись бѣсноваться и рваться на своихъ приколахъ. Фонари съ трескомъ валились на землю, съ немощенаго двора поднялась густая пыль; все перепуталось.

Сначала ничего нельзя было разобрать въ этомъ хаосѣ лошадиныхъ и человѣческихъ фигуръ, пустили входъ обливаніе водою изъ язюковъ; это помогло, и скоро все приняло болѣе покойный видъ: можно было, по крайней мѣрѣ, каждому отыскать свою собственность и, такимъ образомъ, разобрать драчуновъ.

Мы пожелали хозяину и Рахмедъ-пнаку покойной ночи и разошлись по домамъ.

Тишина южной ночи смѣнила разнообразный шумъ томаши. Все успокоилось. Только въ цитадели, на утоптанной дорожкѣ передъ воротами, слышались мѣрные шаги часового; вдали, на базарѣ, изрѣдка повторялись глухіе удары сторожевого бубна, и визгливо лаяли уже настоящія собаки.

Изъ-за садовъ, красный, словно раскаленный металлъ, подымался серпъ послѣдней четверти луны. По небу бороздили падающія звѣзды.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Миръ, заключенный нами съ Бухарою, встрѣтилъ цѣлыя массы недовольныхъ. Недовольно было поголовно все фантастическое духовенство, потому что Самаркандъ—этотъ центръ всего святого для азіатскихъ мусульманъ—попалъ въ руки невѣрныхъ. Это духовенство, руководимое только своими личными выгодами и неспособное понять всю необходимость и даже полезность этого мира, пустило въ ходъ свое обыкновенное, испытанное оружіе: интриги въ высшихъ сферахъ и запугиваніе адскими муками невѣжественной, полудикой массы. Какъ то, такъ и другое, удалось. Въ самой Бухарѣ созрѣло ядро недовольныхъ. Старшій сынъ эмира «Катта-тюра» *), обольщенный блестящими обѣщаніями, бѣжалъ изъ Бухары и сталъ во главѣ инсуррекціи.

Междоусобица началась. Всюду разъѣзжали эмисары возстанія, объявляя эмира Мозафара лишеннымъ престола, а Каттатюра вступившимъ на его мѣсто. Все способное призывалось къ оружію; объявлялась священная война противъ всего русскаго.

Волненіе не перешло еще черты нашихъ предѣловъ, и у насъ не случилось ничего, кромѣ заблаговременно принятыхъ мѣръ военной осторожности. Но внѣ этой черты дѣла пошли совсѣмъ не такъ, какъ предполагали. Войска эмира были почти вездѣ разбиты, и, наконецъ, взятъ одинъ изъ чрезвычайно важныхъ пунктовъ — городъ Карши. Тутъ побѣдитель и расположилъ свою главную квартиру.

Далѣе выжидать намъ было невозможно: мы были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Намъ тяжело было начать новую

*) Буквальный переводъ—старшій начальникъ; а второй сынъ эмира назывался „Кишкенъ-тюра", что значитъ—младшій начальникъ.

войну, а это было-бы неизбѣжно, если-бъ дѣло Катта-тюра удалось окончательно. Начальникъ всего самаркандскаго округа понялъ, что медлить болѣе нельзя. Составивъ всю свою карьеру службою въ центральной Азіи, онъ слишкомъ хорошо зналъ, когда можно было медлить, а когда нельзя было тратить время въ пустой перепискѣ, и подъ Каршами, какъ снѣгъ на голову, показались бѣлыя рубахи русскихъ солдатъ. Карши пали; инсуррекціи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ; приверженцы эмира ободрились, увидавъ, какого неожиданнаго союзника посылаетъ имъ Аллахъ.

Катта-тюра пріютился въ Шахиръ-Сябзѣ, горномъ пунктѣ, сохранившемъ еще свою самостоятельность; лучшіе его союзники — Садыкъ и Назаръ-Кулъ удалились въ свои степи, и казалось, что все приняло самый спокойный характеръ. Но, совершенно неожиданно, почти у самой нашей границы разыгрались новыя кровавыя событія.

День былъ пасмурный, холодный; моросилъ мелкій дождь; вѣтеръ вылъ на разные лады, пробираясь по садамъ, межъ оголенныхъ деревьевъ. Весь Катта-Курганъ потонулъ въ густой, илистой грязи. По улицамъ ни пройти, ни проѣхать. Чадъ и смрадъ стоитъ надъ городомъ потому что всѣ заняты однимъ дѣломъ: грѣются; кто надъ горшкомъ съ угольями, кто надъ костромъ сухихъ щепокъ. Подъ каждымъ навѣсомъ, въ каждой лавкѣ, вездѣ, куда только ни заворачиваетъ несносный вѣтеръ, трещатъ и дымятся красноватые огоньки, надъ которыми правовѣрные отогрѣваютъ свои окоченѣлые пальцы. Печей не имѣется ни въ одномъ домѣ, кромѣ только хлѣбопекаренъ, выстроенныхъ обыкновенно посрединѣ двора и формою напоминающихъ большіе глиняные ульи.

На базарахъ половина лавокъ заперта: торговля плоха, кого понесетъ изъ дому въ такую ненастную пору!

На усталой лошади, масти которой невозможно было разобрать подъ залѣпившей ее грязью, вооруженный съ ногъ до головы, пробирался у самой стѣны, гдѣ все-таки немного посуше, одинокій всадникъ. Онъ слѣзъ съ своего коня подъ навѣсомъ двора, ведущаго въ квартиру начальника отдѣла. Находившіеся здѣсь конвойные казаки и туземные джигиты

окружили съ любопытствомъ пріѣзжаго. Это былъ гонецъ отъ нашего сосѣда и друга Рахмеда-инака.

Гонецъ привезъ весьма важное извѣстіе: Бекъ писалъ, послѣ цѣлыхъ потоковъ цвѣтистыхъ привѣтствій и всевозможныхъ изліяній, что Катта-тюра съ тремя стами всадниковъ появился въ Хатырчахъ, пограничномъ пунктѣ, и думаетъ прорваться здѣсь, между нашими владѣніями и владѣніями своего отца, въ степи, чтобы соединиться тамъ съ Садыкомъ и Назаромъ и открыть новыя военныя дѣйствія. Онъ писалъ, что лошади у инсургентовъ сильно измучены, и что, по всему видно, они будутъ ночевать въ Хатырчахъ и только завтра двинутся далѣе: такимъ образомъ, представлялся прекрасный случай захватить въ руки непокорнаго сына и доставить его передъ грозныя, но справедливыя очи великаго, досточтимаго эмира Мозафара. Бекъ предполагалъ въ письмѣ это сдѣлать такимъ образомъ: онъ аттакуетъ Хатырчи съ одной стороны, а намъ предлагалъ занять небольшимъ отрядомъ позицію съ противоположной стороны и тѣмъ поставить врага въ совершенно безвыходное положеніе. Онъ увѣрялъ при этомъ, что успѣхъ несомнѣненъ, «особенно принимая во вниманіе храбрость русскихъ солдатъ и геніальность начальниковъ». (И тутъ не упущенъ былъ случай польстить,—такова уже азіатская натура).

Не принять предложенія Рахмеда-инака—было, по многимъ причинамъ, неудобно: главное, что отказъ послужилъ-бы темою постоянныхъ упрековъ впослѣдствіи, да, наконецъ, мы ничего не теряли, сдѣлавъ эту экскурсію, а выиграть могли еще болѣе прочное политическое спокойствіе въ сосѣдней территоріи. Разъ рѣшившись принять предложеніе, мѣшкать было нечего, и тотчасъ же приступлено было къ формированію летучаго отряда. Туркестанскіе солдаты не тратятъ много времени на сборы, и менѣе чѣмъ черезъ полчаса, около сотни пѣхотинцевъ и человѣкъ пятьдесятъ казаковъ брели уже по бухарской дорогѣ, съ трудомъ вытаскивая изъ грязи свои высокіе, походные ботфорты; русская телѣжка парою, нагруженная ротнымъ котломъ и суточной провизіей, а главное боченкомъ спирта, тащилась за отрядомъ.

Я съ капитаномъ ѣхали во главѣ отряда, съ нами же ѣхалъ и посланецъ Рахмеда, которому перемѣнили его измученную лошадь; нѣсколько джигитовъ, въ красныхъ халатахъ,

составляли обыкновенную свиту капитана. На наше счастье дождь пересталъ, по крайней мѣрѣ, сверху не мочило. Въ Чагакакѣ мы перешли Нурупай; мостъ черезъ рѣку наканунѣ былъ сломанъ провалившейся бухарскою арбою съ хлопкомъ, и починить его еще не успѣли. Пришлось искать броду: это было очень легко, потому что солдаты, купавшіеся здѣсь всѣ лѣто, знали наизусть все прихотливое дно этой рѣки. Вода отъ дождей была довольно велика, и намъ очень не хотѣлось мочить нашихъ пѣхотинцевъ—началась оригинальная переправа; каждый всадникъ посадилъ за собою пѣшаго; привычныя къ этому маневру лошади смѣло входили въ воду съ двойною ношею, два или три коня пытались было сбросить съ себя лишнюю прибавку, но пѣхотинцы держались цѣпко и благополучно достигли другого берега. Обрываясь и скользя, всадники взбирались на глинистую крутизну и слѣзали оправлять сѣдловку—лошади съ шумомъ отряхивались, кое-кто разувался, чтобы вылить изъ сапогъ залившуюся туда воду. Такъ-какъ пѣшихъ было болѣе, чѣмъ конныхъ, то пришлось еще разъ съѣздить за остальными, и переправа немного затянулась. Наконецъ, перетащили послѣднюю ротную повозку, и мы тронулись дальше.

Въ степи дорога пошла болѣе твердымъ грунтомъ, нога почти не вязла, и идти было легко. Прошли съ полверсты бѣгомъ, чтобы погрѣть немного людей; небольшая кучка пѣсенниковъ принялась за исполненіе своего походнаго репертуара; оренбургскіе казаки закозлили тоже. Навстрѣчу намъ ползли какія-то мохнатыя тучи: казалось, что копны сухой прошлогодней колючки сами-собою двигалися по дорогѣ; только въ нѣсколькихъ шагахъ можно было различить четыре маленькія ножки и пару классическихъ ушей: это везли въ Катта-Курганъ на продажу запасъ топлива, заготовленный въ степи. Попались и верблюды, навьюченные тѣмъ-же товаромъ, это уже положительно были цѣлыя подвижныя горы. Стало темнѣть, вдали зачернѣлись зарабулакскіе холмы.

А между тѣмъ въ Хатырчахъ происходили слѣдующія событія:

По улицамъ рыскали дикіе наѣздники; покрытыя попонами долговязыя туркменскія лошади стояли кучами, привязанныя къ чему ни попало; яркіе костры, зажженные, видимо, не хозяйскою рукою, пылали на базарѣ; тутъ же, на улицахъ, не

разбирая мѣста, рѣзали дешево пріобрѣтенныхъ барановъ. Въ переулкахъ толпились группы перепуганныхъ хатырчинцевъ; ребятишки ревѣли на всевозможные лады, забравшись на крыши. Многіе изъ жителей бѣжали изъ города, оставивъ свои дома на великодушіе пришельцевъ.

Тюркмены держались особнякомъ, своимъ обществомъ: они были заняты или жареньемъ на угольяхъ мяса для своего ужина, или же кормили лошадей. На многихъ изъ нихъ были кольчуги; длинныя, гибкія пики, съ конскимъ хвостомъ у острія, стояли рядами, прислоненныя къ стѣнкамъ. Киргизы и сбродъ суетились по всѣмъ направленіямъ. На всѣхъ кузницахъ пылали горны, многимъ нужно было перековывать своихъ лошадей, и времени не теряли.

Шагомъ, на рыжей лошади съ лысиною черезъ всю голову, ѣхалъ всадникъ съ киргизскимъ окладомъ лица, въ верблюжьемъ желтомъ халатѣ, въ лисьей шапкѣ съ высокимъ краснымъ верхомъ; сверху была накинута кольчужная рубашка; круглый щитъ, усаженный бляхами изъ золотыхъ монетъ, висѣлъ на сѣдлѣ; за этимъ всадникомъ везли на длинномъ древкѣ изодранный трехугольный значекъ изъ зеленаго шелка, узорно исписанный подходящими къ случаю изрѣченіями изъ Корана. Это былъ знаменитый Садыкъ, сынъ извѣстный Аблая-Кенисары, такъ много пакостившій намъ во время войны съ Бухарой. Лѣвая рука у него была перетянута бѣлой чалмою и окручена ремнями: она еще не выздоровѣла послѣ одной изъ неудачныхъ, лѣтнихъ схватокъ. Человѣкъ тридцать всадниковъ, преимущественно киргизовъ, гуськомъ ѣхали за Садыкомъ. Они направлялись къ хатырчинской цитадели, занятой уже подъ главную квартиру Катта-тюра.

Въ воротахъ цитадели толпились конные и пѣшіе. Провели какихъ-то двухъ стариковъ, съ связанными руками, подгоняя ихъ пинками и ударами нагаекъ: несчастные могли выдерживали удары и торопливо перебирали ногами, озираясь по сторонамъ робкимъ, заячьимъ взглядомъ. Почти у самого порога лежалъ трупъ, почти голый, въ однихъ только холщевыхъ запачканныхъ кровью и грязью панталонахъ. Трупъ лежалъ ничкомъ, а лицо, съ выпученными оловянными глазами, съ клочковатою сѣдою бородою, смотрѣло къ небу. у него было совершенно перерѣзано горло, и голова держалась только на

свороченныхъ съ мѣста позвонкахъ и на обрывкахъ затылочной кожи. Многіе спотыкались на этотъ трупъ и съ ругательствомъ выражали свою досаду толчкомъ ноги, не догадываясь просто убрать тѣло съ дороги. Шагахъ въ двухъ, тюркменъ съ аппетитомъ обгладывалъ большую баранью кость своими волчьими зубами. Подъ навѣсомъ воротъ варили пловъ и грѣли два большіе самовара. Неподалеку отъ цитадели подымался густой черный дымъ, и въ этомъ дыму извивались красные языки: загорѣлась какая-то сакля отъ брошеннаго безъ надзора костра; тушить пожаръ никто и не думалъ. Громкій плачъ и крики доносились откуда-то изъ-за садовъ; кое-гдѣ слышались отдѣльные выстрѣлы.

Въ низкой саклѣ, на коврахъ сидѣлъ самъ Катта-тюра и дремалъ, прислонившись къ стѣнѣ: по виду ему нельзя было дать болѣе шестнадцати лѣтъ; онъ былъ, какъ и его спутники, въ простомъ халатѣ изъ верблюжьяго сукна, только дорогая бѣлая чалма изъ кашмирской шали отличала его отъ прочихъ. Около него на коврѣ лежала кривая афганская сабля съ желѣзной рукоятью и пара револьверовъ, сильно попорченныхъ отъ неумѣлаго обращенія. Два пожилые узбека въ кольчугахъ и киргизскихъ малахаяхъ, спущенныхъ на затылокъ, горячо разговаривали другъ съ другомъ, передавая изъ рукъ въ руки кальянъ съ камышевымъ чубукомъ. Нѣсколько человѣкъ спали въ углахъ, не допивъ своихъ чашекъ съ зеленымъ чаемъ. По всему видно было, что почти стоверстный переходъ черезъ каршинскую степь утомилъ даже такихъ неутомимыхъ степныхъ бродягъ, какъ эти сподвижники Катта-тюра, совсѣмъ, наконецъ, заснувшаго, съ опущенными вдоль изогнувшагося тѣла своими, почти дѣтскими, худощавыми руками.

Шумъ на базарѣ все усиливался и усиливался, принимая все болѣе и болѣе подозрительный характеръ; вотъ даже на дворѣ цитадели послышались тревожные голоса, по мощеному камнемъ двору проскакала лошадь — одна, другая, нѣсколько разомъ.

Очнулся Катта-тюра и посмотрѣлъ на дверь, въ глазахъ его выразились недоумѣніе и испугъ. Спавшіе также начали просыпаться и вскакивали на ноги, хватаясь за оружіе.

Вбѣжалъ одинъ джигитъ.

— Рахмедъ идетъ! — кричитъ онъ, отыскивая глазами кого-то.

— Нашихъ изъ садовъ погнали! — кричалъ другой, врываясь въ саклю.

— Съ ними сарбазы (солдаты) Мозафара!—кричало разомъ нѣсколько голосовъ.—Онъ пушки везетъ съ собою. Слышите...

Въ эту минуту откуда-то донесся глухой ударъ, похожій на пушечный выстрѣлъ; послышались гиканье и трескотня ружейной пальбы.

Катта-тюра выскочилъ изъ сакли и ухватился за первую попавшуюся лошадь.

— Куда спѣшишь?!—остановилъ его въ воротахъ всадникъ съ окладистою черною бородою, съ почти европейскимъ типомъ красиваго лица. — Или отца испугался... — и всадникъ презрительно сплюнулъ въ сторону. — «Куда разносились собаки»! — крикнулъ онъ другимъ всадникамъ. — Ну, плохо-бы намъ было безъ тюркменъ, съ этою сволочью далеко не уѣдешь...—и бородачъ сердито осадилъ на дыбы своего горячаго вороного аргамака.

Этотъ всадникъ, такъ фамильярно обращавшійся съ претендентомъ на бухарскій престолъ, былъ Назаръ-кулъ-баранчачъ, авантюристъ, сильно безпокоившій наши границы, — за которымъ такъ долго и безуспѣшно гонялись русскіе отряды, и голова котораго была оцѣнена въ тысячу «тиллей» (золотая монета около четырехъ рублей).

Выѣхали за ворота, Аллахъ! аллахъ! что творилось на улицахъ! Перепуганные, растерявшіеся всадники, сломя голову, носились по узкимъ улицамъ, не зная, что предпринять, куда скакать, отъ кого спасаться. Пѣшіе не могли отыскать своихъ лошадей и попадали подъ ноги конныхъ. Тамъ и сямъ подымался дымъ новыхъ пожаровъ, и посреди всей этой суматохи спокойно стояла у воротъ цитадели конная группа тюркменъ, человѣкъ до ста числомъ, колебля въ воздухѣ своими длинными пиками, гремя кольчугами и успокоивая голосомъ бѣшенство пылкихъ жеребцовъ.

— Ну, что-жь? Надо помѣряться съ Рахмедомъ.—Авось и его возьмемъ! — проговорилъ Назаръ-кулъ и поскакалъ къ заадриской заставѣ. Тюркмены тронулись за нимъ.

Въ садахъ, по самому крутому берегу Акъ-Дарьи, Садыкъ съ горстью своихъ киргизовъ перестрѣливался съ чуть видпѣвшимися изъ-за стѣнокъ красными курточками сарбазовъ

Рахмеда-инака. Изъ-за угла полуразрушенной мечети по временамъ развивался бѣлый клубъ дыма: безплодно поражало воздухъ единственное орудіе заадинскаго бека.

Самъ Рахмедъ-инакъ стоялъ на высокой могильной насыпи, ободряя своихъ сарбазовъ. Пестрая толпа полувооруженныхъ милиціонеровъ волновалась внизу, не рѣшаясь пуститься въ атаку.

— Я говорилъ, что мы поторопились,—произнесъ Рахмедъ, обращаясь къ сосѣднему всаднику. — Намъ не удержаться, а русскіе могутъ только къ вечеру прійти изъ Катта-Кургана. Ненужно было начинать, ненужно... — И въ голосѣ бека дрогнули тоскливыя ноты.

— Здравствуй, Рахмедъ! Да хранитъ тебя Аллахъ!—произнесъ Назаръ-кулъ, остановивъ своего коня передъ глазами инака...

Тотъ задрожалъ и выхватилъ саблю.

— Не горячись,—продолжалъ Назаръ.—Посмотри на своихъ сарбазовъ!

Рахмедъ-инакъ машинально оглянулся...

По садамъ бѣжали въ безпорядкѣ красныя куртки, бросая по дорогѣ оружіе; милиціонеровъ какъ не бывало. Вокругъ всего холма торчали тюркменскія пики.

— Вотъ тебѣ, русская собака!—завизжалъ Катта-тюра, и по лицу Рахмеда прорѣзался багровый рубецъ отъ ременной плети. Дѣтская рука дрожала отъ злости и готова была повторить ударъ, если-бъ Назаръ не вырвалъ нагайку и не отбросилъ ее въ сторону.

Машинально, словно погруженный въ сонъ, Рахмедъ-инакъ далъ себя стащить съ сѣдла и безъ сопротивленія протянулъ свои руки къ веревкамъ. Съ него сняли чалму, привязали одинъ конецъ ея къ поясу бека, другой къ сѣдлу одного изъ всадниковъ и, такимъ образомъ, повели его въ Хатырчи.

Темнота наступала быстро, и багровыя пятна отъ пожара ярче заколыхались на черныхъ дождевыхъ тучахъ.

— Никто, какъ Богъ! — шепталъ Рахмедъ-инакъ и торопливо шелъ между двухъ лошадей. Острые каблуки сапогъ, совершенно не приспособленныхъ къ ходьбѣ пѣшкомъ, сильно стѣсняли его; онъ хотѣлъ остановиться и сбросить неудобную обувь, но сильный ударъ между лопатокъ тупымъ концомъ пики заставилъ его отложить свое намѣреніе.

Опустивъ глаза въ землю, онъ шелъ по улицамъ Хатырчей; спотыкаясь, поднялся по ступенямъ цитадели, задрожалъ, увидавъ тѣло, все еще валявшееся у порога, и узнавъ зарѣзаннаго: это былъ одинъ изъ его сборщиковъ податей, съ которымъ еще вчера сводилъ онъ послѣдніе счеты.

Рахмеда заперли въ одной изъ сакель и приставили четырехъ тюркменовъ сторожить входы. Въ темнотѣ бекъ ощупалъ еще двухъ, связанныхъ такъ-же, какъ и онъ, и этихъ узналъ по голосу.

А русскіе все еще не приходили. Ни одного выстрѣла не было слышно со стороны Катта-Кургана: тамъ все было тихо и спокойно въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось на мѣстѣ только-что покончennой схватки.

— Никто, какъ Богъ!—громко произнесъ бекъ и тяжело вздохнулъ. Товарищи по заточенію принялись вслухъ читать стихи Корана. «Единъ Богъ—Аллахъ и Магометъ пророкъ его...»

Не успѣли они дочесть и до половины, какъ въ ихъ саклю пришли отъ Катта-тюра звать ихъ къ допросу.

«Ну,—подумалъ Рахмедъ,—видно русскіе близко, а то не стали-бы такъ торопиться».—Другіе двое заплакали; всѣ они хорошо понимали, какого рода могутъ быть допросы и чѣмъ они окончатся.

Въ большой саклѣ, куда привели плѣнниковъ, сидѣли: на главномъ мѣстѣ, какъ разъ противъ средней двери, самъ Катта-тюра, около него полулежалъ Садыкъ; афганецъ съ цыганскимъ лицомъ и черными, лоснящимися кудрями перевязывалъ ему руку, которая все еще не могла зажить окончательно и сильно болѣла. Назара не было, только голосъ его слышался на дворѣ, гдѣ онъ ругался съ кѣмъ-то и кричалъ, чтобы не смѣли разъѣзжаться и держались-бы по близости. Остального народа было мало въ саклѣ, зато во всѣхъ дверяхъ толпилось столько, сколько могло помѣститься.

Всѣмъ тремъ плѣнникамъ велѣно было сѣсть противъ Катта-тюра въ рядъ, такъ-что ихъ отдѣляла только груда раскаленныхъ угольевъ, которая, изъ каменнаго углубленія посреди пола, распространяла жаръ по всему помѣщенію.

Первый началъ говорить самъ Катта-тюра.

— Ты писалъ вчера къ русскимъ въ Катта-Курганъ!—началъ онъ, но это не былъ вопросъ: въ тонѣ говорившаго слы-

шалась такая увѣренность въ фактѣ, что отрицательнаго отвѣта дать не рѣшился Рахметъ.

— Писалъ!—отвѣчалъ онъ.

— Ну, вотъ видишь, не все такъ случается, какъ человѣку хочется...—и Катта-тюра усмѣхнулся.

— Это я читалъ въ Коранѣ двадцатью годами раньше, чѣмъ ты родился. Это-же самое я читалъ тебѣ позже, когда училъ тебя понимать, что тамъ написано...

— Я знаю, что ты такое писалъ,—перебилъ его Катта-тюра: — ловить меня хотѣли, западню подстроили... А куда ты-бы отправилъ меня, если-бъ поймалъ, къ отцу или къ русскимъ?..

— Отправилъ-бы тебя туда, гдѣ съ тобою долго-бы не разговаривали!

— Значитъ къ отцу. Спасибо... ты, видно, добра мнѣ желалъ, прямо подъ ножъ доставить хотѣлъ... погоди-же, подлая собака... Вы тамъ съ отцомъ принялись... лизать у русскихъ, когда хвосты вамъ прижали... Если-бъ не эти поганыя «акъ кульмакъ» (бѣлая рубаха, такъ называютъ по костюму нашихъ солдатъ), давно-бы всѣ такіе, какъ вы—со стѣнъ въ поле-бы смотрѣли (намекъ на обычай выставлять головы напоказъ). Такъ знай-же ты... — и Катта-тюра приподнялся и качнулся впередъ, опершись на руки,—что прежде я васъ по одиночкѣ своими руками перерѣжу, чѣмъ удастся вамъ тронуть меня хоть пальцемъ!

Злые глаза старшаго сына эмира запскрились, даже слезы выступили отъ злости, и онъ вдругъ, схватилъ голою рукою горсть горячихъ угольевъ, швырнулъ ими въ лицо Рахмедъ-инака. Зашипѣли волосы въ густой бородѣ бека, и смрадъ пошелъ по саклѣ. Платье тоже мѣстами затлѣло.

— Что-же ты глупости-то дѣлаешь?—заворчалъ Назаръ (онъ только-что вошелъ въ саклю).

— Я, наконецъ, отниму его у тебя и выпущу;—а ты чего же смотришь? — обратился онъ къ Садыку.

— А мнѣ что? Онъ мнѣ не родня... да отстаньте вы всѣ—некогда мнѣ съ вами... видишь, вонъ Али все съ рукою возится...

Послѣднія слова Садыкъ почти простоналъ: видно было, что роспухшая, какъ бревно, и почернѣвшая, какъ уголь, раненая

рука его сильно болѣла и безпокоила степного наѣзднка. Какъ нарочно, рану эту онъ получилъ именно въ той схваткѣ, гдѣ отрядомъ эмирскихъ войскъ командовалъ злополучный Рахмедъ. Мстительный киргизъ былъ сильно вооруженъ противъ бека, и послѣднему нечего было разсчитывать на поддержку съ этой стороны.

Опять послышался шумъ тревоги, только выстрѣловъ не было. Ворота цитадели визжали на немазанныхъ петляхъ, пропуская новыхъ посѣтителей.

— Что такое тамъ еще случилось?—произнесъ Назаръ и вышелъ, выразительно подмигнувъ глазами Садыку въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Катта-тюра.

IV.

Нашъ отрядъ подошелъ къ Зара-булаку, маленькой деревушкѣ, расположенной на самой дорогѣ. Казаки вздумали поить лошадей, да и пѣхотинцамъ не мѣшало немного поправиться. Отрядъ остановился въ большомъ караванъ-сараѣ, и ружья составили въ козлы.

Впереди дорога шла съ холма на холмъ, и наше вниманіе давно уже привлекали какія-то двѣ черныя точки, которыя то вырисовывались рѣзкимъ силуэтомъ на красной полоскѣ догасающей зари, то скрывались, чтобъ показаться вновь на вершинѣ слѣдующаго холма. Ближе и ближе, яснѣе и яснѣе остановились контуры этихъ точекъ, и уже можно было разобрать, что это были два всадника, которые вскачь приближались къ намъ, погоняя лошадей непрерывнымъ помахиваніемъ нагаекъ.

Вотъ всадники остановились и поговорили что-то съ казаками, стоящими ведетомъ на выѣздѣ изъ деревни, потомъ снова поскакали и осадили лошадей какъ разъ около навѣса, гдѣ ожидали мы ихъ съ капитаномъ. Обѣ лошади были измучены до нельзя и едва переводили бока; всадники тоже нѣсколько секундъ не могли начать говорить и прерывисто дышали, какъ дышатъ усталыя собаки.

Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло: разсказъ о хатырчинскихъ событіяхъ поразилъ насъ своею неожиданностью.

Одинъ изъ всадниковъ былъ конюхъ Рахмеда-ишака, и ему удалось прорваться какъ разъ въ ту минуту, когда онъ уви-

дѣлъ, что его хозяину не сдобровать; другой всадникъ пристроился къ нему на дорогѣ: оба они скакали въ Катта-Курганъ, чтобы извѣстить насъ о случившемся и попытаться спасти несчастнаго бека, ошибка котораго заключалась въ томъ, что онъ понадѣялся на свои силы и началъ атаку, не выждавъ прибытія русскихъ.

Дѣло совсѣмъ измѣнило характеръ, и весь планъ похода пришлось перемѣнить. Рѣшено было выждать часть ночи и тронуться съ такимъ разсчетомъ, чтобы за часъ до разсвѣта прибыть въ Хатырчи. Конюхъ Рахмеда брался провести насъ такъ, что мы совершенно неожиданно очутились-бы около цитадели хатырчинской, и, если Аллахъ еще не совсѣмъ разсердился на нашего друга, то мы-бы могли вырвать его еще живого изъ непріятельскихъ рукъ, незнающихъ помилованія.

Предстоялъ переходъ трудный, тѣмъ болѣе, что надо было идти въ непроницаемой темнотѣ, а при подобныхъ условіяхъ каждый шагъ стоитъ десяти пройденныхъ днемъ. Къ тому-же приходилось проходить по мѣстности, пересѣченной всевозможными препятствіями, такъ-какъ надо оставить гладкую степную дорогу и спуститься въ заравшанскую долину.

Съ ротной телѣги сняли гигантскій котелъ, устроили его надъ вырытой наскоро ямой и принялись за варку; бочепокъ со спиртомъ тоже выгрузили на болѣе видное мѣсто, и солдаты повеселѣли. Устроились и мы за походнымъ чайнымъ приборомъ, но оживленіе и веселость наша исчезли, какъ будто-бы ихъ и не бывало, и тяжелое чувство заставляло насъ задумываться надъ положеніемъ нашего несчастнаго сосѣда. Шансовъ на успѣхъ было слишкомъ мало, даже сами вѣстники этой катастрофы почти отчаявались въ успѣхѣ, и только слабая надежда просвѣчивала въ ихъ усталыхъ глазахъ, когда они наперерывъ строили свои предположенія—какъ удобнѣе подойти къ хатырчинской цитадели.

Опять къ худшему измѣнилась погода, опять заморосилъ несносный дождь, а пришло время уже трогаться. Телѣгу и вещи отправили назадъ въ Катта-Курганъ, подъ конвоемъ двадцати казаковъ, обрадовавшихся, что имъ не прійдется маяться на сѣдлахъ большую часть ночи, и отрядъ выступилъ.

Идти было очень тяжело, ноги скользили по жидкой грязи, покрывавшей каменистую дорогу; темнота была такая, что

можно было закрывать глаза:—зрѣніе было безполезно. Наши проводники поминутно окликали другъ друга, чтобъ не потеряться. Черезъ часъ пути мы замѣтили, что спускаемся въ долину. Твердая дорога замѣнилась вязкой, илистой, такъ-что нога вязла почти по-колѣно; раза два мы натыкались на какія-то стѣнки, приходилось искать чуть не ощупью обхода; къ довершенію несчастія, потерялся одинъ изъ проводниковъ. Это обстоятельство показалось подозрительнымъ, и приняты были кое-какія мѣры походной осторожности.

Долго шли мы такимъ образомъ: мы чувствовали, что весьма мало подвигаемся впередъ,—да впередъ-ли еще. Люди начали выбиваться изъ силъ; два раза пришлось переходить въ бродъ,—обувь намокла, и это страшно затрудняло шагъ.—Сырой холодъ пронизывалъ насквозь, и почти у всѣхъ зубы принялись выбивать судорожную дробь. Начало свѣтать, и въ бѣловатой мглѣ выдвинулись какія-то опредѣленныя массы. Это были строенія:—не Хатырчи-ли?!..

Конюхъ Рахмедъ-инака заплакалъ... Мы сбились съ дороги.

V.

— Русскіе идутъ!—пронесся крикъ по хатырчинскимъ улицамъ, а крикъ этотъ — синонимъ крику: «Спасайся, кто можетъ».

— Русскіе идутъ! — повторилось на разные голоса въ цитадели.

— А вотъ и они!—проворчалъ Катта-тюра и торопливо началъ одѣваться.

Къ Рахмеду и его товарищамъ подошли человѣкъ пять китай-кипчаковъ: ихъ можно было узнать по шапочкамъ особаго покроя. Участь плѣнниковъ была рѣшена заранѣе; тревожный крикъ ускорилъ только развязку.

Съ связанными за спиной руками посадили ихъ рядомъ другъ съ другомъ на плитахъ средняго двора. Три человѣка вынули кривые ножи съ острымъ концомъ и пробовали ихъ на кожѣ своихъ сапогъ.

Несчастные не думали ни о защитѣ, ни о помилованіи: первое было-бы безполезною нелѣпостью, послѣднее было-бы сверхъ-естественнымъ чудомъ; они покорились вполнѣ своей

участи и замерли въ какомъ-то нравственномъ окоченѣніи. Они, казалось, не чувствовали боли, когда остріе ножа прошло у нихъ между позвоночнымъ столбомъ и горломъ. Длинныя струи горячей крови съ шипѣніемъ вылетали изъ перехваченныхъ артерій, и посреди двора, черезъ секунду, барахтались три безобразныя массы, ерзая по камнямъ съ удушливымъ, замирающимъ хрипѣніемъ.

Рахмедъ-инакъ, бекъ-заадинскій, окончилъ свое существованіе.

Еще не разсвѣло, а уже въ Хатырчахъ не было ни одного непріятельскаго всадника. Въ безмолвіи ходили жители по улицамъ, не рѣшаясь заглянуть въ цитадель, предчувствуя, что тамъ они увидятъ.

СТАРЫЙ КАШКАРА *).

На большой бухарской дорогѣ, на полпути между Яны-Курганомъ и Каменнымъ Мостомъ (Ташъ-Купыръ), вырыта небольшая землянка, въ невысокомъ, но крутомъ обрывѣ, подступающемъ къ самой дорогѣ.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе простое и убогое, какъ это человѣческое жилище: небольшая комната, шаговъ пять длиною и три шириною, составляла все внутреннее помѣщеніе. Стѣны, полъ и потолокъ были тщательно выглажены и оштукатурены тою-же глинистую землею съ небольшою примѣсью рубленой соломы, отъ которой штукатурка эта держалась крѣпко и не отваливалась. Къ небольшому квадратному отверстію, служившему и дверью, и окномъ, и выходомъ для дыма, были прилажены деревянные бруски, къ которымъ прибивалась кошма, защищавшая отъ холода и непогоды въ ненастное время. По срединѣ вырыто было полукруглое углубленіе, въ которомъ разводился огонь, и почти постоянно тлѣли горячіе уголья, зимою—для тепла, а лѣтомъ—на разную хозяйственную потребу.

Никакой мебели не было вовсе На полу разостлана была старая, сбившаяся кошма, на ней два ватныя, крытыя пестрою набойкою, одѣяла и крошечная цилиндрическая подушка, набитая тою-же ватою. Въ стѣны вбито было нѣсколько деревянныхъ колковъ, а на нихъ развѣшены разныя хозяйскія мелочи: два чугунныхъ кунгана, стеклянная бутылка съ солью, вязка стручковаго перца, сальныя свѣчи и круто сворочен-

*) Кашкара—собственное имя.

ная, синяя бухарская чалма. Въ углу, у стѣны, тотчасъ-же за дверью, стояли два мѣшка: по-больше—съ листовымъ бухарскимъ табакомъ, по-меньше — съ кураминскимъ рисомъ. Если добавимъ къ этому плохое кожаное ведро съ привязанной къ нему длинной волосяной веревкой, да двѣ или три глиняныхъ зеленыхъ чашечки, то получимъ полное понятіе обо всемъ, что наполняло это незатѣйливое помѣщеніе.

А между тѣмъ въ землянкѣ жилось безбѣдно, если хотите, даже весело, крайняя нужда сюда не заглядывала вовсе, и обитатели ея были совершенно довольны своею обстановкою, не желая никакихъ перемѣнъ къ лучшему.

Въ землянкѣ этой обитало три живыхъ существа: старикъ лѣтъ восьмидесяти, а можетъ быть, и больше, котораго звали Кашкарою, дѣвочка лѣтъ шести, Тилля, что значитъ «золотая», и маленькая, кривоногая, короткошерстая собачка, откликающаяся на всѣ-возможныя клички.

Передъ входомъ въ землянку была очищена и тщательно утоптана гладкая площадка, на ней разостланъ коврикъ, и стоялъ длинный, постоянно готовый къ услугамъ кальянъ—главная статья дохода стараго Кашкары. Всѣ проѣзжающіе и проходящіе по бухарской дорогѣ непремѣнно остановятся, соблазнясь готовымъ куревомъ, и съ наслажденіемъ затянутся раза два крѣпкимъ табачнымъ дымомъ. Стоитъ это очень не дорого—всего только одна чека (четверть нашей копѣйки), а въ общей сложности, въ кассѣ хозяина, къ каждому вечеру наполняется изрядной капиталецъ, коканов въ пять и болѣе, слишкомъ достаточный на его неприхотливые обыденные расходы.

Подулъ вѣтеръ отъ Джизакскихъ горъ и донесъ какіе-то рѣзкіе, скрипучіе звуки. Собаченка засуетилась на крышѣ и затявкала, навостривъ свои надрѣзанныя уши. Старый Кашкара набилъ кальянъ свѣжимъ табакомъ и раздуваетъ уголья своими старческими губами; онъ знаетъ, что это за скрипъ слышится по дорогѣ: этотъ скрипъ предвѣщаетъ ему хорошую прибыль; въ его кожаный, вышитый краснымъ шелкомъ кошель посыплются сейчасъ мѣдныя чеки...

Изъ-за поросшаго высокимъ бурьяномъ косогора показываются одна за одною неуклюжія, высоко нагруженныя арбы. Усталыя лошади, понуривъ свои красивыя головы, медленнымъ шагомъ вытягиваются на горку; гривы и хвосты у

нихъ собраны въ пучки и перевязаны цвѣтными тесемками; уздечки пестрыя, съ мѣдными побрякушками и украшены бѣлыми раковинками. Арбакеши, помахивая короткими нагайками, скорчившись, сидятъ на плоскихъ сѣдлахъ. На арбахъ стоятъ по два большихъ зеленыхъ сундука, окованныхъ желѣзомъ, сверху лежатъ какіе-то мягкіе тюки, сзади привязаны мѣшки съ ячменемъ и чугунные котлы; все аккуратно перевязано арканами и прикручено къ плетеной арбяной платформѣ. Это везутъ изъ Ташкена въ Бухару красные товары нашей владимірской фабрикаціи, въ которые одѣвается и старый, и малый по всему необъятному пространству Средней Азіи.

Арбы, не останавливаясь, проходятъ мимо, но арбакеши, почти всѣ навѣрное, перебываютъ у Кашкары, посидятъ на корточкахъ на площадкѣ и покурятъ изъ общаго кальяна, выпуская съ хрипомъ густые клубы дыма изъ небольшого отверстія въ тыквенномъ водохранилищѣ.

Изъ Бухары тянутся безконечные караваны верблюдовъ, наполняя воздухъ мелодичнымъ звономъ бубенчиковъ; чудовищные тюки съ хлопкомъ мѣрно покачиваются по бокамъ громадныхъ, гладко остриженныхъ, темно-бурыхъ «паровъ» *); караванъ-баши и прочая караванная прислуга, сидя на крупныхъ ослахъ, семенятъ по сторонамъ дороги. Вереницы богомольцевъ пѣшкомъ, съ босыми, растрескавшимися отъ жара ногами, пробираются потихоньку къ Самарканду поклониться святымъ Тимуровой эпохи. У нихъ за плечами небольшія котомки; изорванные до нельзя халаты заплатаны латками всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ; на поясахъ болтаются разныя дорожныя мелочи и непремѣнно маленькая тыквянка съ нюхательнымъ табакомъ, который они поминутно закладываютъ себѣ за губу. Въ рукахъ у пилигримовъ короткія палки, узорчато выточенныя, съ острыми желѣзными наконечниками, а иногда ярко раскрашенныя красною и синею красками.

Пробѣгаютъ конные гонцы на запыленныхъ, вспотѣвшихъ лошадяхъ, съ добрыми и недобрыми вѣстями въ Бухару, къ эмиру Мозафару, и отъ него въ Ташкентъ, къ русскому губернатору. Проѣзжаютъ потихоньку партіи мирныхъ путешествен-

---

*) Наръ — одногорбый верблюдъ изъ Андкуи; славятся эти верблюды своимъ ростомъ и силою и цѣнятся много дороже киргизскихъ двухгорбыхъ.

никовъ: бухарскіе купцы, евреи, индійцы съ красными изображеніями пламени на смуглыхъ лбахъ...—все это хотя минутные, но непремѣнные гости стараго Кашкары, и у каждаго въ кошелькѣ или карманѣ найдется лишняя чека, которая и переходитъ въ кассу обладателя землянки съ неугасимымъ, вѣчно дымящимся кальяномъ.

Когда истощится запасъ табаку, рису и другихъ хозяйственныхъ запасовъ, а, въ свою очередь, накопится достаточная сумма, — Кашкара договаривается съ какимъ-нибудь арбакешемъ, усаживается на проѣзжающую арбу и отправляется въ Акъ-Тюбе или какую-нибудь другую деревню, верстъ за двадцать пять и болѣе, за покупками. Для этого выбираются обыкновенно базарные дни, потому что въ другое время въ этихъ деревняхъ трудно достать что-нибудь, даже самое необходимое. Въ подобное отсутствіе, которое рѣдко продолжается болѣе двухъ сутокъ, землянка со всѣмъ своимъ несложнымъ хозяйствомъ сдается на попеченіе маленькой Тилькѣ, уже умѣющей заправить кальянъ, подсыпать туда табаку и подмести площадку. Торговля шла очень успѣшно; не было случая, чтобы кто-нибудь рѣшился обмануть крошку-хозяйку, и скромная плата акуратно складывалась въ мѣшокъ до пріѣзда хозяина, который и сводилъ счеты барышамъ, накопившимся во время его отсутствія. Случалось, что результаты этихъ счетовъ превышали ожиданія Кашкары, и старикъ любовно гладилъ по головкѣ свою питомицу, называя ее «душкою, умницею, птичкою-скворчикомъ» и другими ласкательными именами.

Такъ изо дня въ день проводилась жизнь въ землянкѣ на большой бухарской дорогѣ.

Было прекрасное весеннее утро. Яркая зелень густо покрывала степь, желтые и ярко-голубые цвѣтки (ирисы) пестрѣли по косогору и прилежащимъ холмамъ; бухарская дорога, проложенная въ нѣсколько слѣдовъ, еще не просохшая отъ бывшаго наканунѣ дождя, стлалась по степи сѣрыми полосами, сверкая продолговатыми лужицами воды по колеямъ.

По степи то тамъ, то сямъ пронзительно свистали суслики: выскочитъ изъ норы крохотный звѣрекъ, станетъ на заднія лапки, поторчитъ нѣсколько секундъ, словно желтенькій колы-

шекъ, и, свистнувъ, снова юркнетъ въ свою норку. Кривоногая собачонка «хошайка» стрѣлой носилась за этими крысами, поминутно перебѣгая дорогу и перепрыгивая черезъ колеи. Этими эволюціями отъ души забавлялась крошка Тилля, усѣвшись на крышѣ и звонко хохоча надъ промахами хошайки. На дѣвочкѣ была надѣта одна только красная рубашка изъ крапчатаго кумача; черные, блестящіе волосы разбиты на множество тонкихъ косичекъ; на шейкѣ — ожерелье въ одну нитку изъ зеленыхъ граненыхъ стеклушекъ и въ правой ноздрѣ миніатюрная бирюзовая сережка. Самъ старый Кашкара тоже въ одной, только длинной, до самой земли, рубахѣ изъ бѣленаго холста, сидѣлъ у входа, прислонившись къ стѣнѣ спиною. Старикъ сидѣлъ и думалъ. Не веселыя мысли бѣжали по его суровому патріархальному лицу (такія лица часто встрѣчаются на библейскихъ картинахъ). Большая, въ полгрудь борода почти не отличались своимъ цвѣтомъ отъ бѣлой рубахи; на макушкѣ чисто обритой головы краснѣлась тюбетейка. Его темно-коричневое лицо, отъ бѣлизны одежды, казалось еще темнѣе, точно вылитое изъ античной бронзы; густыя сѣдыя брови угрюмо нависли надъ полузакрытыми глазами; старческія, тонкія губы шевелились, словно нашептывая что-то... Глубоко задумался старый Кашкара и не слыхалъ ни звонкаго смѣха Тилли, ни прерывистаго лая запыхавшейся хошайки, ни свиста сусликовъ, ни даже того, что большая, золотистая пчела жужжала у него передъ самымъ лицомъ, чуть не задѣвая за горбатый носъ своими легкими, прочными крылышками.

Старикъ думалъ о новѣйшихъ политическихъ событіяхъ. «Никто, какъ Богъ»! думаетъ старый Кашкара и покачиваетъ своею головою. «Кажется, все шло хорошо; русскіе сидѣли себѣ покойно въ своемъ Яны-Курганѣ, они насъ не трогали, мы ихъ тоже; что-же они теперь копошатся? Куда идутъ они? Что имъ нужно? Неужели они хотятъ весь свѣтъ забрать себѣ?!.. Экіе ненасытные!.. Да и наши хороши! Надо было затрогивать? Будто не знаютъ, чѣмъ это можетъ, да и не можетъ, а должно кончиться... Никто, какъ Богъ! Никто, какъ Богъ!.. А мы-то, мы чѣмъ виноваты?.. Вотъ торговля стала, дороги пусты; послѣдній караванъ прошелъ уже болѣе мѣсяца тому назадъ, а съ тѣхъ поръ хоть-бы одинъ купецъ проѣ-

халъ. Нынѣшнюю весну въ поляхъ почти никто и не работаетъ, всѣ боятся чего-то, прячутся и добро свое въ землю закапываютъ. Деревни опустѣли, базаровъ нѣтъ... хоть и не ѣзди... вовсе фунта табаку купить негдѣ... Никто, какъ Богъ! Никто!.. Вотъ слышно, что тамъ»...—и Кашкара угрюмо поглядѣлъ въ ту сторону, гдѣ за цѣпью синихъ горъ раскинулся въ садахъ Джюзакъ, а ближе, по сію сторону горъ, Яны-Курганъ съ грозными пушками и батальонами солдатъ Царя Бѣлаго,—«тамъ съ каждымъ днемъ войска все прибываютъ и прибываютъ; самъ большой губернаторъ изъ Ташкента пріѣхалъ, съ нимъ и Авганы съ своимъ сатаной-отступниковъ Искандеромъ и все на насъ, все на наши бѣдныя головы. Ну, что-жъ? Пускай идутъ. Никто, какъ Богъ, а мы только Его дѣти... Хоть-бы скорѣе все это кончилось,—продолжалъ думать старикъ,—а то тяжело смотрѣть на людское безумство. Много крови прольется совсѣмъ задаромъ. Виноватые цѣлы будутъ, виноватымъ ничего не сдѣлается, а погибнутъ только тѣ, кто ни въ чемъ къ этому черному дѣлу не причастны»... Тяжело было старику думать свою невеселую думу, и не одна слезинка, прокатившись по бронзовой щекѣ, заискрились отъ солнца на сѣдой бородѣ стараго Кашкары.

А между тѣмъ вдали, по дорогѣ отъ Яны-Кургана, виднѣлось нѣсколько всадниковъ. Всадники эти быстро приближались; они гнали лошадей своихъ во всю прыть, сверкая оружіемъ. Скоро они подъѣхали къ землянкѣ. Кашкара вышелъ изъ своей задумчивости и, не измѣняя позы, смотрѣлъ на прибывшихъ; Тилля сползла внизъ и прижалась къ старику, а хошайка, поджавъ хвостикъ, тявкнувъ нѣсколько разъ, забилась за мѣшокъ съ рисомъ и ворчала изъ своего убѣжища.

Лошади подъ всадниками были взмылены и тяжело дышали отъ скачки, за плечами у джигитовъ торчали фитильныя ружья, съ боку болтались кривыя бухарскія сабли, на поясахъ ножи, а у нѣкоторыхъ за поясами длинные турецкіе пистолеты. На одномъ надѣта была желѣзная проволочная кольчуга и сверхъ тюбетейки такая-же проволочная шапочка съ наушниками и назатыльникомъ. Это былъ сторожевой пикетъ бухарскихъ войскъ, давно уже стоявшій на барханахъ въ виду Яны-Кургана.

— Эй! Старикъ!—закричалъ тотъ, который былъ въ кольчугѣ.—Русскіе идутъ! Уходи, покуда цѣлъ!

— Да сбирайся проворнѣй,—добавилъ другой,—а то они еще до свѣта выступили: часа черезъ два здѣсь будутъ!

Кашкара отрицательно покачалъ головою и, раздувъ кальянъ, указалъ на него пріѣзжимъ; тѣ слѣзли съ лошадей и стали по-очередно затягиваться.

— Куда я пойду?—произнесъ старикъ.—Зачѣмъ? Что мнѣ сдѣлаютъ русскіе?.. Мнѣ ихъ нечего бояться!

— Какъ знаешь!—послышалось между джигитами, и они, сѣвъ снова на лошадей, погнали ихъ по дорогѣ къ Самарканду. Одинъ изъ нихъ, отъѣхавъ шаговъ двѣсти, быстро повернулъ свою лошадь и опять подскакалъ къ землянкѣ.

— Садись, старикъ, сзади!—сказалъ онъ.—Да и дѣвочку захватывай съ собою; у меня конь добрый, доскачетъ и съ двойною ношею.— Ну, какъ знаешь!—проворчалъ онъ, увидя, что Кашкара отрицательно покачалъ головою, и, щелкнувъ нагайкой гнѣдого аргамака, сталъ догонять товарищей.

Скоро всадники скрылись изъ виду, а старый Кашкара все сидѣлъ на своемъ насиженномъ мѣстѣ, только дѣвочкѣ не велѣлъ далеко отбѣгать и самъ частенько, съ небольшимъ безпокойствомъ, поглядывалъ налѣво, гдѣ, вынырнувъ изъ-за косогора, перегибаясь съ холма на холмъ, тянулась дорога изъ Яны-Кургана. Скоро вдали, на самомъ горизонтѣ, точно легкія облака, показались клубы пыли. Медленно подвигались эти пыльныя тучи. Солнце поднялось уже высоко, стало сильно припекать и живо высушило сыроватую дорогу; суслики также громко свистали (какое имъ дѣло до людскихъ недоразумѣній!); тысячи птицъ на разные голоса чирикали въ воздухѣ; въ травѣ шуршали ящерицы, и ползали другъ за дружкою степныя черепахи, а на душѣ у старика становилось все мрачнѣе и мрачнѣе; недовѣрчиво глядѣлъ онъ на эту зловѣщую пыль, и чаще блѣдныя губы шептали: «Никто, какъ Богъ, а мы только Его дѣти». Маленькая Тилля прижалась къ старику и собиралась плакать; Кашкара ласкалъ ее и, какъ могъ, успокаивалъ свою любимицу. Скоро можно было въ пыли различить стройно идущія массы. «Никто, какъ Богъ!» шепталъ Кашкара и машинально, по привычкѣ, подсыпалъ въ кальянъ свѣжаго табаку, раздувалъ уголья

и подкидывалъ на полупотухшій огонь нѣсколько сухихъ вѣточекъ.

— Все-же люди!—думалъ онъ.—И, вѣроятно, также курятъ, какъ и мы, правовѣрные!

Скоро передовыя колонны русскихъ поровнялись съ землянкою. Сначала шли все конные по сотнямъ, съ яркими значками надъ каждою сотнею, кое-гдѣ виднѣлись начальники, особенно одинъ былъ замѣтнѣе всѣхъ, — на вороной лошади, въ бѣлой, какъ снѣгъ, черкескѣ и высокой мохнатой шапкѣ. Потомъ пѣхота потянулась. Солдаты медленно брели по дорогѣ съ мѣшками на спинахъ, съ сѣрыми шинелями черезъ плечо, съ блестящими на солнцѣ ружьями; передъ пѣхотою шли музыканты съ закинутыми за спину барабанами, съ мѣдными рожками въ рукахъ. Кое-гдѣ ѣхали верхомъ офицеры; тамъ и сямъ колыхались значки всѣхъ цвѣтовъ, а въ одномъ мѣстѣ покачивалось большое знамя въ черномъ кожаномъ чехлѣ съ мѣдной оковою на концѣ. За пѣхотою, звеня и грохоча колесами, катились мѣдныя пушки; маленькія, но сильныя лошадки дружно натягивали крѣпкіе уносы; по бокамъ шли артиллеристы съ банниками и прочею принадлежностью; за пушками опять пѣхота, а потомъ долго никого не видно было по дорогѣ, только кое-гдѣ ѣхали шажкомъ отдѣльные всадники. Это прошелъ авангардъ русскихъ; главныя силы тянулись еще сзади. Нѣкоторые изъ проходившихъ мимо землянки русскихъ забѣгали на площадку и на-скоро затягивались кальяномъ, иные платили, иные такъ прохаживались, на даровщинку. Нѣкоторые пробовали заговаривать съ старикомъ или дѣвочкою, но Кашкара угрюмо отмалчивался, сидя неподвижно, словно статуя, а Тилля все дальше и дальше пряталась за спиною своего покровителя, пугливо выглядывая изъ-за плеча большими круглыми глазками. Надъ старикомъ подшучивали и подсмѣивались.

— Ишъ, ты, купецъ какой!—говорили одни.—Много-ли въ день-то наторгуешь?

— Это онъ, братцы, на дорогѣ «растирацыю» открылъ!

— Знамо «растирацыю». Эй, тамыръ, вали на грошъ курева!

— Ну, ну, чего остановились?! Ступай, ступай!—покрикивало начальство, и солдатики, оставивъ въ покоѣ старика, бѣгомъ догоняли своихъ.

А Кашкара хоть-бы слово, только изрѣдка подкидываетъ табаку да поддуваетъ уголья, даже не заглядывая на кошемку, куда сыпалась довольно щедрая выручка.

Вотъ еще показалась большая конная группа. Во главѣ этой густой толпы ѣхалъ шажкомъ на буланой лошади старикъ съ сѣдыми усами въ бѣлой фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, закрывавшемъ половину лица. Все окружающее относилось съ глубокимъ уваженіемъ къ старичку, ловя каждое его движеніе. На всѣхъ лицахъ такъ и сквозила полная готовность къ исполненію малѣйшихъ его приказаній, всякій протискивался впередъ, всякому хотѣлось какъ можно ближе держаться къ старику генералу, который, казалось, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Разнообразныя знамена вѣяли надъ конвоемъ; каждое изъ нихъ принадлежало какому-нибудь лицу, находившемуся въ свитѣ; виднѣй всего было свѣтло-голубое съ фіолетовой діагональной полосою и желтыми каймами; рядомъ съ нимъ колыхалось ярко-красное съ семью бѣлыми звѣздами, расположенными въ видѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы; позади этого полосатое, желтое съ чернымъ; немного по-дальше все бѣлое и на немъ черный черепъ съ двумя костями накрестъ внизу. Много еще разныхъ значковъ покачивались и щелкали по древкамъ; многое въ первый разъ, на старости лѣтъ, пришлось увидѣть старому Кашкарѣ, но, казалось, все это не производило на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, и его глаза совершенно спокойно, безучастно глядѣли на проходящій мимо него людъ, на диковинныя, невиданныя имъ съ роду вещи.

Много еще прошло русскихъ и конныхъ, и пѣшихъ, много провезено было пушекъ; потомъ потянулись обозы, которымъ, казалось, и конца не будетъ: куда ни хваталъ глазъ, все видѣлись ряды арбъ и русскихъ повозокъ. Наконецъ, снова показались войска; это были уже послѣднія; за ними, такъ, брели кое-гдѣ одиночные люди, и все скрылось вдали... Лишь издали доносился скрипъ и гулъ движенія, постепенно затихая все тише и тише, и затихъ совсѣмъ, а передъ Кашкарой опять протянулась пустая, безлюдная дорога...

— Ну, вотъ, — обратился старикъ къ своей питомицѣ,— русскіе и прошли, а ничего намъ дурнаго не сдѣлали!

— Посмотри, сколько денегъ!.. Много денегъ!—говорила

дѣвочка, указывая на цѣлую груду мелочи, накопившуюся на кошмѣ.

— Да, они платятъ такъ-же хорошо, какъ и наши!— пробормоталъ Кашкара.—И, вѣроятно, дѣла не будутъ у насъ въ худшемъ положеніи! — добавилъ онъ, сгребая въ кошель деньги, между которыми бѣлѣлось много серебряной мелочи.

День приходилъ къ вечеру, стало свѣжѣе, по дорогѣ давно уже улеглась пыль, и Кашкара, вытащилъ изъ угла чугунный котелъ, принялся за свою обычную стряпню. Проголодавшаяся Тилля грызла пшеничную лепешку, удѣляя кусочки хошайкѣ, которая, облизываясь, сидѣла тутъ-же, безпрестанно подымаясь на заднія лапки.

— Это кого еще несетъ?—проворчалъ старикъ, взглянувъ на яни-курганскую дорогу.

По дорогѣ еле шелъ отсталый русскій солдатъ. Онъ едва передвигалъ слабыя, подгибающіяся ноги. Онъ все бросилъ, и мѣшокъ, и шинель, и сухари; одно только ружье онъ держалъ въ своихъ усталыхъ рукахъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно его рубашки, почернѣлыя губы ссохлись отъ жажды, глаза глядѣли мутно, неопредѣленно. Онъ болѣе чѣмъ усталъ,— онъ былъ боленъ.

Какъ онъ могъ отстать такъ отъ своихъ, какъ забыли его на этой дорогѣ—неизвѣстно. Едва только онъ добрелъ до землянки, какъ повалился на землю, совершенно обезсиленный.

Старый Кашкара и не допрашивалъ прибывшаго; онъ видѣлъ, что ему нужно. Войдя въ землянку, онъ налилъ изъ глинянаго кувшина большую чашку воды и принесъ ее солдату; тотъ жадно припалъ къ краю и духомъ вытянулъ всю посудину, потомъ посмотрѣлъ на старика, процѣдилъ что-то сквозь зубы, легъ головою на землю и тотчасъ-же заснулъ, какъ убитый.

Скоро совсѣмъ стемнѣло. Пловъ, сваренный въ котлѣ, поспѣлъ. Кашкара пытался было разбудить спящаго, но это осталось одной только попыткой: русскій мычалъ только во снѣ и несвязно бредилъ; голова у него пылала; изо рта вылетало порывистое, горячечное дыханіе.

— Ауру *)!—сказалъ хозяинъ и принялся за ужинъ съ маленькой Тиллею.

---

*) Ауру—боленъ.

Скоро они поужинали и собирались уже ложиться; огонь почти потухъ и едва освѣщалъ на саженъ вокругъ себя... Вдругъ старый Кашкара сдѣлалъ нетерпѣливый знакъ рукою и сталъ прислушиваться.

— Да, это ѣдутъ!—шепталъ онъ.—А кто ѣдетъ!.. Русскіе?.. А можетъ быть и не русскіе... его надо спрятать... кто его знаетъ... можетъ быть, худое что-нибудь!

И старикъ снова принялся будить солдата; снова не было никакого успѣха. Тогда онъ приподнялъ его за плечи и поволокъ въ землянку; тамъ онъ положилъ его къ самой стѣнѣ, накрылъ халатомъ и загородилъ мѣшками съ табакомъ. «Все-же не сразу кинется въ глаза», подумалъ Кашкара и вышелъ на чистый воздухъ.

Топотъ нѣсколькихъ лошадей слышался все яснѣе и яснѣе, уже видны были темные силуэты верховыхъ; ихъ было четверо. Кашкара пристально приглядывался; ему хотѣлось узнать, кто-же это такіе. «Да, это не русскіе», сказалъ онъ про себя и сѣлъ у входа на своемъ обычномъ мѣстѣ.

— Эй, бабай *), живъ еще? —крикнулъ подъѣхавшій всадникъ.

Онъ былъ въ красномъ халатѣ и вооруженъ.

— Аллахъ великъ!—отвѣчалъ Кашкара. — Что мнѣ могли сдѣлать русскіе?

— Ну, твое счастіе... А давно прошли?

— Еще солнце высоко стояло, когда прошли послѣдніе!

Всадникъ пристально осматривался кругомъ и подозрительно поглядывалъ то на Кашкару, то куда-то въ сторону. Остальные трое, не слѣзая съ лошадей, держались въ темнотѣ.

— Ну, а за кальянъ тебѣ платили деньгами, или чѣмъ-нибудь другимъ?—продолжалъ спрашивать прибывшій.

— Платили деньгами... Да тебѣ что?

— А то, что вонъ тамъ штука такая стоитъ!—всадникъ показалъ рукою въ уголъ, гдѣ въ темнотѣ, красною черточкою, сверкалъ стволъ русскаго ружья.

— Мултукъ, уруссъ мултукъ **)! — проговорилъ другой всадникъ и слѣзъ съ лошади.

---

*) Бабай—старикъ.

**) Ружье, русское ружье.

— Мултукъ-то, мултукъ!.. —произнесъ первый.—А не забраться-ли въ берлогу къ этому старому чорту; можетъ, тамъ и еще что-нибудь отыщется?—И сойдя съ лошади, онъ направился ко входу въ землянку.

— Туда нельзя, туда тебѣ не за чѣмъ идти!—сказалъ Кашкара, отстраняя бухарскаго джигита.—Нельзя-же, говорятъ тебѣ!.. Да... ахъ, ты, разбойникъ!—простоналъ старикъ, падая на землю. Красный халатъ сильно оттолкнулъ его, и Кашкара не удержался на своихъ старческихъ ногахъ. Тилля громко плакала.

— Э, вонъ оно что! Урумбай, гей! Поди-ка сюда!

Высокій, широкоплечій Урумбай, согнувшись въ три погибели, тоже забрался въ землянку.

— Эге! Да что онъ издохъ, или спитъ?—сказалъ красный халатъ. — Постой; держи его такъ... выше голову... ну, такъ, якши!

Послышался звукъ, какъ будто разрѣзали арбузъ, потомъ, что-то похожее на стонъ и продолжительное хрипѣніе.

— Эй, тамъ на дорогѣ, лови!

И изъ землянки вылетѣло нѣчто круглое и, глухо стукнувшись объ землю, покатилось внизъ къ дорогѣ, оставляя за собою красныя брызги.

— Разбойники... разбойники...—шепталъ старый Кашкара;—тоже правовѣрными называетесь! Вы хуже послѣдняго русскаго!

— Молчи, старый шутъ!

— Что молчать! Вы звѣри, волки бѣшеные! Ну, бей, ну, чего-жъ ты?! Охъ, Тилля моя, Тилля!

И старикъ упалъ ничкомъ, схватившись руками за голову.

Урумбай со всего размаха хватилъ его въ високъ прикладомъ русскаго ружья.

— На лошадей и гайда!—крикнулъ красный халатъ, выходя изъ землянки.—А это что-жъ?—указалъ онъ на тѣло старика.—Зачѣмъ?

— А затѣмъ, что на старости лѣтъ русскимъ служить началъ!

— А дѣвочку съ собою взять надо!—сказалъ одинъ изъ джигитовъ, подходя къ обезумѣвшей отъ ужаса Тиллѣ. Та стала упираться; ее взяли на руки и поднесли къ лошади;

она вдругъ опомнилась, пронзительно закричала и начала рваться.

— Кусается, звѣренышъ! Ну, да ладно!—произнесъ джигитъ. Онъ снялъ съ себя чалму: размоталъ ее и спеленалъ бѣдную дѣвочку.

Скоро замеръ вдали топотъ удаляющихся всадниковъ. Тогда хошайка выбралась изъ своей засады—за мѣшкомъ, подбѣжала къ тѣлу старика, понюхала его, потомъ кинулась по угламъ, заметалась, какъ угорѣлая, и выбѣжала на крышу, жалобно воя.

Изъ степи донесся дѣтскій крикъ. Изъ-за косогора хрипло завылъ волкъ. Хошайка съежилась, быстро юркнула въ землянку и опять забилась за мѣшокъ.

Такъ кончилъ свою жизнь старый Кашкара.

Теперь его землянку занимаютъ другіе жильцы, занимаясь тѣмъ-же промысломъ. Противъ нея устроено еще такое-же жилище:—нашелся конкурентъ. Впрочемъ, дѣла и барышей хватаетъ на обоихъ. Давно уже успокоилось въ окрестностяхъ; караваны снова потянулись по дорогѣ, часто ѣздятъ русскіе офицеры въ своихъ тарантасахъ, а они хорошо платятъ. Въ одной изъ землянокъ завелся даже самоварчикъ, и держится запасъ ячменю и клеверу. Кругъ торговли значительно расширился.

ДЖИГИТСКАЯ ЧЕСТЬ.

Джигиты—это очень характерное явленіе въ Средней Азіи. На первый взглядъ—это какъ будто просто «продажныя шпаги», которымъ, положительно, нечѣмъ заниматься въ мирное время, какъ только воровствомъ и разбоемъ; военное же время служитъ имъ настоящимъ бенефисомъ.

Съ перваго боевого выстрѣла,—все то, что уцѣлѣло на свободѣ и не сдѣлалось добычею тюрьмы и палача, пристраивается около стороны, имѣющей большіе шансы на успѣхъ. Они служатъ побѣждающимъ въ высшей степени усердно и преданно, но эти два качества мгновенно испаряются, — едва только побѣдитель дѣлается побѣжденнымъ.

Во всякомъ случаѣ—джигиты — народъ весьма полезный, подчасъ даже необходимый. Никто, какъ они, не сумѣетъ сдѣлать нужную, опасную развѣдку, никто, какъ они, не проникнетъ въ самый станъ враговъ, ради сбора свѣдѣній, рискуя головою не только ради одной корысти, но и изъ молодечества,—ради почетной выслуги.

Они превосходные проводники, ибо до тонкости знаютъ страну, всѣ ходы и выходы, они превосходные переводчики, потому что, въ своей скитальческой жизни, научиваются бойко говорить на многочисленныхъ нарѣчіяхъ какъ горныхъ, такъ и долинныхъ обитателей Средней Азіи.

Джигиты превосходные лагерные и походные слуги: джигитъ и конюхъ, и оруженосецъ, и поваръ, и путевой интендантъ, онъ великолѣпный фуражиръ, однимъ словомъ—джигитъ носитель вашего комфорта.

Съ перваго же дня службы—онъ умѣетъ стать необходимостью, но его надо держать въ рукахъ и на рыцарскую пре-

данность его, какъ бы она ярко не проявлялась, полагаться не особенно.

Но опять-таки скажу:—побѣдителей джигитъ не продастъ, а такъ какъ, подвигаясь все впередъ да впередъ, забираясь въ самую глубину Азіи, мы стали, въ концѣ-концовъ, безспорными и постоянными побѣдителями, то все вольное, смышленое, смѣлое и предпріимчивое сгруппировалось плотно около нашихъ побѣдоносныхъ бѣлыхъ шапокъ и бѣлыхъ рубахъ; «акъ кульмакъ» и «акъ колпакъ» стали исключительными господами джигитовъ.

Это было въ началѣ нашихъ завоеваній въ Средней Азіи, а въ настоящее время джигитство получило опредѣленную организацію, принявшую даже правительственно-оффиціальный оттѣнокъ.

Отправляясь въ какое-нибудь отдаленное путешествіе, вы можете нанять джигита, а то и нѣсколькихъ — прямо на базарѣ, но гораздо удобнѣе нанимать присяжнаго джигита, черезъ коменданта или вообще черезъ полицію. Въ такіе присяжные джигиты попадаютъ молодцы болѣе опытные, уже зарекомендовавшіе себя многими путешествіями, собравшіе почетную связку рекомендацій и хвалебныхъ аттестатовъ; кромѣ того, такъ какъ джигитство — выгодное дѣло, даже очень, то бывалые, опытные джигиты—люди со средствами, пріобрѣтшіе и осѣдлость, даже ставшіе семейными, оставляютъ свое добро и семьи на мѣстѣ, какъ бы въ залогъ своей вѣрности и аккуратности въ службѣ.

Между джигитами выработались даже своеобразныя правила чести, и эти рыцарскія чувства заставляютъ наемнаго слугу смѣло и отважно рисковать своею головою въ защиту господина.

Сколько теперь между джигитами, особенно присяжными, списочными, найдется георгіевскихъ кавалеровъ, сколько красныхъ халатовъ украсилось золотыми медалями за усердіе и за спасеніе! Сколько прославилось истинныхъ героевъ, имена которыхъ разнеслись по всѣмъ городамъ и дебрямъ Средней Азіи и даже далеко за ея предѣлами!

Вторая половина марта. Весна въ полномъ ходу.

Почки стройныхъ тополовъ и развѣсистыхъ карагачей налились и готовятся лопнуть. Урюки, персики, сливы и вишни—

вся сладкая снѣдь густо усыпалась бѣлоснѣжными и розовыми цвѣтами, въ воздухѣ запахло смолою и медомъ, и въ густыхъ чинарахъ весело зачирикали воробьи и розовые скворцы... Жара наступитъ еще не скоро, и пока еще доброе солнце свѣтитъ яркимъ золотымъ свѣтомъ, стелетъ по землѣ прохладныя, причудливо-кружевныя тѣни.

Много праздничаго народа собралось на площади, передъ комендантскимъ домомъ; которые посмѣлѣе — во дворъ заглядываютъ. На парадномъ крыльцѣ два дежурныхъ джигита въ высокихъ, черныхъ шапкахъ, въ красныхъ халатахъ, зашароварепныхъ, то-есть, засунутыхъ въ замшевыя шаровары необычайной ширины, такъ что стали похожи уже не на халаты, а на куртки. За ихъ поясами, украшенными блестящими бляхами, цѣлый арсеналъ, а съ боку клынчи-шашки съ дорогими рукоятями. Въ джигитскихъ рукахъ хлесткія нагайки, не такъ для коней, какъ больше для черезчуръ уже назойливыхъ любопытныхъ.

Комендантскій дворъ тоже полонъ джигитами, свободными отъ службы,—кажется, со всего города собрались они сюда, — и все больше присяжные-привилегированные.

Всѣ ждутъ и на комендантское крыльцо приглядываютъ.

Говоръ и шумъ стоитъ на дворѣ, а на улицѣ такой, что и на большомъ базарѣ—легче.

Пріѣхалъ вчера иностранный человѣкъ, ученый путешественникъ, не старый еще, сильный, изъ себя видный и очень богатый. По всѣмъ джигитскимъ наблюденіямъ видно, что очень богатый, да и самъ комендантъ на то намекалъ, а ужъ онъ знаетъ, кто и зачѣмъ пріѣхалъ.

Надо этому иностранному человѣку большой кругъ сдѣлать, черезъ горы насквозь пройти на Байсунъ, Дербентъ, черезъ Желѣзныя ворота выбраться на ту сторону, чуть не до самыхъ верховъ, откуда Аму-Дарья начинается, къ самымъ верховымъ льдамъ заоблачнымъ; а потомъ окружнымъ путемъ по рѣкѣ внизъ, черезъ Бухару и опять назадъ вернуться сюда въ городъ—откуда выѣхалъ.

Какія у него ученыя дѣла, что онъ узнать хочетъ на своемъ пути—это его дѣло. У него изъ самаго Петербурга на то разрѣшеніе дано и даже министерскій приказъ «охранять и оказывать всякое содѣйствіе»... Путешественникъ, значитъ,

важный, и относиться къ такому надо, все равно, какъ къ генералу, то-есть, называть ваше превосходительство, такъ, по крайней мѣрѣ, комендантскій писарь совѣтовалъ джигитамъ.

Вотъ этому-то важному путешественнику и надо было выбрать надежнаго и вполнѣ тотъ путь знающаго и опытнаго джигита-провожающаго.

Комендантъ отобралъ уже лучшихъ изъ своихъ молодцовъ, шестерыхъ намѣтилъ, а такъ какъ нуженъ всего одинъ, то надо было между шестью избранными бросить жребій.

Сейчасъ все это должно рѣшиться,—и всѣ ждутъ, когда подъ тѣнистымъ навѣсомъ, выходящимъ во дворъ, появится самъ комендантъ съ иностраннымъ гостемъ. Тотъ уже самъ запуститъ руку въ комендантскую фуражку и вынетъ билетикъ съ именемъ избранника.

А богатъ гость! Всѣ уже знали, что, вмѣсто положенныхъ двадцати пяти монетъ въ мѣсяцъ, самъ пріѣзжій прибавилъ цѣлыхъ сорокъ, да еще обѣщалъ, по возвращеніи, прибавить за цѣлый мѣсяцъ, а уже халатъ съ лошадью навѣрное подаритъ своему джигиту, такъ этакому тароватому хозяину услужить лестно.

— Тихо!—гаркнулъ во все горло комендантскій урядникъ и звонко щелкнулъ нагайкою по своимъ же шароварамъ.

Говоръ смолкъ въ одну минуту, только народъ тѣснѣе сдвинулся къ крыльцу; посторонніе наклонились, почтительно скрестивъ руки на своихъ животахъ, а джигиты выпрямились и приложили руки къ шапкамъ по-военному.

Вышелъ на крыльцо комендантъ, а за нимъ вслѣдъ и гость иностранный. Комендантъ высокій, толстый, съ сѣдыми усами, краснощекій, здоровенный мужчина; а гость тоже ростомъ ему не уступитъ, только въ таліи тонокъ, стройный такой, взглядъ орлиный, веселый, глаза такъ по сторонамъ и бѣгаютъ. Идетъ просто — весь въ бѣломъ, даже сапоги изъ свѣтлой кожи, черезъ плечо двуглазая трубка на тонкомъ ремешкѣ, а на головѣ шлемовидная шапка бѣлая, какъ у англизовъ,—русскіе такихъ не носятъ.

Сталъ комендантъ выкликать шестерыхъ, намѣченныхъ заранѣе; вышли всѣ шестеро, стали полукругомъ, почтительно смотрятъ на коменданта и на чужого человѣка, которому судьба служить велитъ, и по глазамъ всѣхъ шестерыхъ видно, что каждому хочется.

Положилъ полковникъ шесть свернутыхъ билетиковъ въ свою шапку, тряхнулъ раза два и говоритъ гостю:

— За каждаго изъ нихъ честью ручаюсь, лучшіе люди! Тяните, ваше сіятельство, вы сами!

Такъ вотъ, значитъ, господинъ этотъ оказался «ваше сіятельство», а не «ваше превосходительство», какъ говорилъ писарь, а что это выше или ниже—этого джигиты не знали. Объяснили имъ потомъ, что путешественникъ — итальянскій графъ, чуть не дальній родственникъ самаго ихняго короля, и занимается по горной и по птичьей части, при немъ и человѣкъ есть особый, который умѣетъ изъ убитыхъ птицъ дѣлать легкія, сухія чучелка, укладистыя и удобныя для дальней перевозки; конечно, потомъ все разъяснилось, а пока, до жеребьевки, никто ничего не зналъ, только сотни живыхъ глазъ такъ и впились въ комендантскую шапку, сотни чуткихъ ушей насторожились, чтобы поймать прочитанное имя счастливца.

Улыбается графъ, смотритъ весело на джигитовъ, что замерли передъ нимъ, дыханія затаили, а самъ, не спѣша, въ шапкѣ тонкими своими пальцами пошариваетъ. Вытянулъ, наконецъ, развернулъ, даетъ прочитать полковнику.

— Керимъ-Бабай!—прочелъ комендантъ громко.

Съ этимъ именемъ по всей толпѣ пронесся одобрительный ропотъ, даже проигравшіе джигиты не выразили неудовольствія, а комендантъ, обращаясь къ гостю, добавилъ:

— Сердечно, графъ, васъ поздравляю!

Вышелъ Керимъ изъ толпы и, не спѣша, поднялся на ступеньки комендантскаго крыльца.

Былъ когда-то джигитъ Керимъ и высокъ, и статенъ, да глубокая старость и боевыя раны пригнули его къ землѣ, сгорбили. Видно, что и теперь еще не совсѣмъ ослабъ старикъ годится въ дѣло, а все-таки, кто не знаетъ, можетъ показаться не особенно надежнымъ.

На груди у Керима два бѣлыхъ креста, а медалей больше чѣмъ у другого пуговицъ; по борту протянулась толстая золотая цѣпь отъ жалованныхъ, почетныхъ часовъ, а поперекъ лица, черезъ носъ и обѣ щеки, старый зарубцеванный шрамъ отъ удара вражеской шашки.

— Ну, за этимъ львомъ,—заговорилъ комендантъ,—вы, графъ, какъ за каменной стѣною. Его одно слово стоитъ

больше, чѣмъ сотня ружей и шашекъ, и по всѣмъ тѣмъ краямъ, что вамъ предстоитъ проѣхать, онъ пользуется великимъ почетомъ и уваженіемъ. Это,—говоритъ полковникъ,—у насъ первый номеръ, краса и гордость всего джигитства!

Лестно было-бы слышать все это старику, да начальникъ говорилъ гостю на какомъ-то незнакомомъ ему языкѣ, потому что пріѣзжій графъ по-русски не говорилъ и не понималъ, а переводчикомъ между нимъ и джигитами долженъ былъ служить тотъ самый человѣкъ, что птичьи чучела умѣлъ дѣлать.

— Очень радъ познакомиться!—проговорилъ графъ и протянулъ Кериму свою руку, а Керимъ не смутился отъ такой чести и протянулъ тому тоже свою трехпалую, какъ равный равному.

— Только вотъ что,—говоритъ Керимъ, обращаясь больше къ коменданту,—очень я радъ, что Богу угодно было послать именно меня въ этотъ путь, только, можетъ, лучше для господина графа будетъ, если за меня пойдетъ мой сынъ Хафизъ? Я хочу ему передать мое счастье и мое право!

Легкій ропотъ послышался въ толпѣ, а у коменданта даже брови слегка сдвинулись.

Замѣтилъ это Керимъ, возвысилъ голосъ и сталъ продолжать:

— Что же,—вы знаете: моему Хафизу минуло двадцать лѣтъ, онъ силенъ, способенъ, лучшій наѣздникъ... Мнѣ, отцу, не приходится выхваливать свое дѣтище, да вы сами и самъ полковникъ его знаютъ. Я его съ десяти лѣтъ всюду за собою таскалъ,—натаскалъ знатно! Онъ прошлую зиму одинъ на одинъ на тигра ходилъ и какую приволокъ полосатую шкуру... Вотъ графу птицъ стрѣлять нужно, а Хафизъ пулею орла достаетъ съ поднебесья... Знаютъ всѣ отца на всемъ пути, хорошо знаютъ, это правда, и сына его всѣ уже давно запримѣтили, тоже знаютъ... Не все-же молодцу подъ отцовской рукою ѣздить, надо начинать и своею волею работать, на свой страхъ, на свою голову... Эй, Хафизъ, поди сюда! Вотъ пускай смотритъ графъ, его сіятельство, какого молодца я ему за себя ставлю!

Вышелъ изъ толпы Хафизъ на отцовскій призывъ,—ну, просто красота да и только!

Бешметъ на немъ бѣлый, шапка изъ свѣтло-сѣрой мерлушки, а черезъ плечо, на тонкомъ ремешкѣ, шашка не простая—адѣшная, а черкесская, вся въ серебрѣ съ чернью, и

бирюзою ободки на ножнахъ обозначены. Подарилъ ему эту шашку купецъ Хлудовъ, московскій, съ которымъ Хафизъ раза два на охоту въ горы ѣздилъ, да разъ отъ барантачей вдвоемъ отъ десятерыхъ отбивались и отбились.

Молодъ Хафизъ,—румянецъ во всю щеку, глаза огнемъ горятъ, усы чуть только зачернѣли, и борода чуть чуть пробивается.

— Небось, не плохого ставлю за себя... Много лучше будетъ меня стараго!

Когда все это перевели и растолковали иностранному нанимателю, тотъ задумался немного; видно, что ему и старика взять лестно, и молодой очень уже понравился... Подумалъ графъ еще съ минуту и говоритъ:

— Я обоихъ нанимаю. Пускай оба ѣдутъ, и отецъ, и сынъ. Я имъ обоимъ плачу одинаковое, обѣщанное содержаніе!

Загалдѣли на площади и на всемъ подворьѣ, радостно такъ заговорили, весело.

— Вотъ такъ настоящій господинъ! Вотъ такъ щедрый и справедливый!

А Керимъ отмахнулся рукой и говоритъ:

— Вы меня не поняли, да и графу, должно, перевели невѣрно. По такому дѣлу двоихъ не требуется, а задаромъ жалованья я получать не желаю. Старъ я сталъ, говорю вамъ, можетъ, дорогою сломитъ меня болѣзнь, только обузою буду, не бросать-же меня околѣвать въ горахъ, а главное, что вдвоемъ мы съ сыномъ уже до сыта наѣздились... Мое имя изъ шапки вынуто,—мое счастье, пусть съ моей легкой руки и начинаетъ Хафизъ свою самостоятельную службу. Вотъ чуетъ мое сердце, что другого случая Хафизу моему не дождаться, а впрочемъ воля хозяина:—велитъ мнѣ ѣхать, я поѣду и буду служить ему вѣрою и правдою, уважитъ просьбу старика, возьметъ сына, поклонюсь ему до земли, за доброе дѣло для себя сочту, а за такое доброе дѣло Аллахъ благословитъ его и пошлетъ ему на всемъ пути удачу и счатье. Рѣшайте теперь, какъ хотите!

Потолковали всѣ съ минуту на крыльцѣ, потомъ комендантъ съ графомъ въ комнаты пошли, на свободѣ чтобы потолковать—подумать, а джигиты на ступенькахъ крыльца разсѣлись, ждутъ чѣмъ все это кончится.

Четверти часа не прошло—позвали отца съ сыномъ тоже въ компаты.

Вышелъ потомъ комендантскій писарь, сообщилъ, что уже все порѣшили: графъ уступилъ просьбѣ старика, беретъ молодого и очень, очень доволенъ. Подносили, говоритъ писарь, имъ обоимъ по стакану самаго дорогого араку. Хафизъ упер-ся—говоритъ: закону нѣтъ, чтобы мусульманину вино пить, такъ и не выпилъ, а Керимъ оба выпилъ, потому что для молодого аракъ—вино, а для стараго—лекарство, а на лекар-ство въ законѣ запрету не положено.

Говорилъ писарь, что бумагу уже подписываютъ, все, какъ есть, по формѣ, и комендантъ старику третій стаканчикъ на-ливаетъ. То-то старый Керимъ-Бабай вышелъ, сильно нарумя-нившись, и на ногахъ сталъ полегче, чуть не приплясываетъ, не отъ араку, конечно, а отъ радости, что своего любимца сына такъ хорошо пристроилъ. Веселый сталъ и Хафиза по плечу одобрительно похлопываетъ.

Съ того-же дня и къ сборамъ приступили. Хафизъ всѣмъ долженъ былъ распорядиться и распорядился на славу.

Вотъ, говорили, молодъ, малоопытенъ, а на дѣлѣ такъ словно уже двадцатый походъ слаживаетъ. Графъ только на-мекаетъ, что ему желательно, а Хафизъ уже ему самому объ-ясняетъ толково, что въ дѣйствительности его сіятельству нужно. Отецъ въ сторонѣ держится, все глазомъ подмигиваетъ и одобрительно посмѣивается, а ничего не говоритъ, не под-сказываетъ.

— Ну, изъ этого большой прокъ выйдетъ!—порѣшилъ даже самъ комендантъ, и очень это командирское слово отцовскому сердцу было отрадно.

Сначала сладили все по конской части: подъ графское сѣдло Хафизъ, за двѣсти монетъ, добылъ у знакомаго пріѣзжаго изъ Шахри-Сябзя, такого воронаго горца, что цѣна ему настоящая мало-мало полтысячи; подъ жида-птичника (жидъ оказался) тоже здороваго чалаго, съ спокойнымъ хо-домъ, вьючковъ четырехъ, вали на каждую спину по восьми пудовъ—идутъ легко, только отряхиваются. Двѣ палатки,—одну поменьше, шелковую, для самого графа, ковровъ, кошемъ узорныхъ, всю походную амуницію, котелковъ да мѣдныхъ чайниковъ; ягтаны, коржумы вьючные для укладки и все-все до мелочи не забылъ бравый джигитъ путеводитель и за день до отъѣзда принялъ отъ графа на свою отвѣтственность

все личное имущество... Диковинныя, дорогія вещи, съ роду такихъ не приходилось видѣть Хафизу: были тутъ ящики съ хитрыми замками, съ разными инструментами, были и ящики съ гнѣздами, а въ гнѣздахъ все пузырьки съ разными снадобьями, да пакетики съ порошками; были часы особенные, въ отдѣльномъ футлярѣ, что даже во время ѣзды не должны были сильно колыхаться, особенно переворачиваться, сохрани Богъ!—такіе часы Хафизъ уже разъ видѣлъ и возилъ даже за своимъ сѣдломъ; но на что у молодого джигита особенно глаза разгорѣлись,—это когда графъ показалъ ему ящики съ разобранными ружьями, дробовиками и пульными... Вотъ такъ оружіе! Да за одно такое ружье можно годъ прослужить безъ копѣйки жалованья!

Вручилъ графъ на храненіе и всю свою одежду; много лишняго, по мнѣнію Хафиза, и даже совсѣмъ не подходящаго. Переданы были и ящики съ консервами, чего-чего тамъ не было!—Хафизъ увѣрялъ, что почти все надо дома оставить, не брать съ собою, потому что тоже не подходящее.—Чай хорошо, сахаръ тоже, сухарей немного взять не мѣшаетъ, ну, тамъ лимоннаго соку сухого, это тоже недурно, а прочее, все равно, ничего не стоитъ... Онъ, Хафизъ, это очень хорошо знаетъ, да и другіе подтвердятъ, а то понадѣятся на коробки, будто въ нихъ мясо вареное или рыба, откупорятъ, понюхаютъ и бросятъ, а отъ которой не дурно пахнетъ,—съѣдятъ съ голодухи, а потомъ дня три животами болѣютъ...

— Кормиться надо вотъ чѣмъ въ дорогѣ!—добавилъ джигитъ и щелкнулъ по прикладу своей винтовки.

Графу всѣ эти разсужденія очень понравились.

Потомъ, въ концѣ концовъ, позвалъ графъ джигита къ себѣ въ комнату и далъ ему поясъ широкій, изъ бѣлой замши, съ укладками и потайными карманами.

— Это,—говоритъ,—золото все... Богъ вѣдаетъ, куда насъ занесетъ, запасъ золота всегда не лишенъ... Тутъ,—говоритъ,—на три тысячи рублей ровно, его ты,—говоритъ,—обвяжи на голое тѣло, подъ одежду, и береги, а другой такой у меня будетъ...

Серебра же мелкаго, все бухарскими коканами, тоже взяли, на пятьсотъ рублей, въ двухъ кожанныхъ мѣшкахъ; эти просто уложили, вмѣстѣ съ одеждою.

Какъ вышелъ Хафизъ отъ графа, чувствуя пріятную тя-

жесть на своихъ бедрахъ, такъ невольно возгордился слегка такимъ довѣріемъ.

— Ого-го-го!—подумалъ,—чего ты теперь, Хафизка, стоишь!

Приказалъ графъ молчать о деньгахъ, ну, значитъ, молчать и надо; даже отцу не сказалъ, что у него на поясѣ вѣсу прибыло.

Въ недѣлю все для похода было слажено. «Малайки» къ вьючнымъ лошадямъ были договорены и явились на мѣсто... Всѣ бумаги, къ бухарскому эмиру, къ коканскому хану, къ горнымъ, полунезависимымъ бекамъ были написаны и подписаны, съ приложеніемъ печатей самого губернатора. Осталось только назначить день и часъ отъѣзда въ многотрудную и небезопасную экспедицію.

Воскресеніе,—обѣдъ большой давали, въ собраніи, отъзжающему графу... Много пили, много говорили... Всѣ генералы собрались и дамъ—много-много... Графа обнимали, цѣловали, а стрѣлковые пѣсенники даже качали, выше головъ подкидывали... Послѣ обѣда, часовъ въ семь вечера, по первому вечернему холодку—и тронулись въ путь.

Первый переходъ рѣшено было сдѣлать коротенькій, всего до Ташъ-Куприка, верстъ двѣнадцать, не больше... Много офицеровъ и штатскихъ выѣхало верхомъ провожать, много и дамъ въ коляскахъ и въ тарантасахъ, а то и верхомъ тоже. Всѣ любовались графомъ, какимъ онъ молодцомъ и красавцемъ ѣхалъ на своемъ ворономъ карабаирѣ...

Прибыли на первый ночлегъ, конечно, еще засвѣтло, однако, почти передъ самымъ заходомъ солнца, и всѣ любовались и удивлялись, какъ скоро и ловко распорядился Хафизъ съ своимъ вьючнымъ караваномъ. Ѣхали всѣ вмѣстѣ, джигитъ велъ своихъ людей сторонкою и только версты за двѣ погналъ пошибче, чтобы напередъ поспѣть... Подтянулись наши, а уже бивуакъ совсѣмъ готовъ: палатка поставлена, постели слажены, костеръ пылаетъ во всю, и чайники весело закипаютъ,—даже шашлыкъ на палочкахъ начинаетъ зарумяниваться... Ничего этого, положимъ, и не нужно было, потому что всѣ послѣ обѣда были сытехоньки, да это, такъ Хафизъ, для показа продѣлалъ...

Провожалъ, конечно, и старый Керимъ-Бабай своего сына. Онъ тоже былъ очень доволенъ расторопностью молодого джигита, однако хотѣлъ казаться строгимъ и скупымъ на похвалу... Нечего, молъ, ему зазнаваться!

Наступила ночь.

Провожавшіе гости давно вернулись въ городъ, заночевали на бивуакѣ только тѣ, что совсѣмъ уже не могли держаться въ сѣдлахъ. Съ наслажденіемъ растянулся на своей удобной походной кровати путешественникъ... Завтра, вѣдь, чуть свѣтъ выступать надо.

Отозвалъ старый Керимъ своего сына въ сторону, за стѣнку мазара, сталъ прощаться.

Крѣпко стиснулъ отецъ сына въ своихъ могучихъ объятіяхъ.

— Ну,—говоритъ,—благословитъ тебя Аллахъ, какъ я благословляю. Помни, что я тебѣ передаю теперь всю свою честь джигитскую. Смотри же, не осрами моей сѣдой бороды, да и свою голову береги тоже, зря не горячись, въ ненужную опасность не суйся, охраняй хозяина отъ всѣхъ бѣдъ, отъ звѣря лютаго, отъ лихого человѣка особенно. Будь здоровъ и подержи стремя моего жеребца, что-то подпруга разхлябалась... Вотъ такъ!

Старикъ ловко усѣлся въ сѣдло и разомъ скрылся въ густомъ, ночномъ мракѣ.

Ушла наша экспедиція... Поговорили, поговорили о ней, да и забыли. Каждый, вѣдь, день приносилъ все новыя и новыя заботы, и на разныя другія потребности нужны были джигиты. Случилось, вотъ, верстахъ въ сорока отъ города, большое воровство, не безъ разбоя даже, много коменданту хлопотъ доставило. Вспомнили объ итальянскомъ графѣ только черезъ мѣсяцъ, когда пришла отъ него съ дороги первая вѣсточка съ случайной оказіей.

Привезъ чужой человѣкъ письмо къ коменданту и большой пакетъ для дальнѣйшей отправки почтою, привезъ и отъ Хафиза къ отцу коротенькую цидулку: сынъ пишетъ, что здоровъ, а комендантъ сообщилъ Кериму, что графъ своимъ джигитомъ очень уже много доволенъ и старику кланяется... Ну, слава Богу! Значитъ, пока все благополучно.

Прошло еще съ мѣсяцъ, если не больше, не было больше ни слуху, ни духу—далеко забрались, значитъ... Въ половинѣ лѣта, такъ около начала іюля, по базару легкій слушекъ пробѣжалъ, что видѣли графа уже за Байсуномъ, около верховьевъ Сурбаха, въ соляныхъ горахъ... и опять все надолго затихло... По разсчету, вернуться они должны бы къ августу,

много къ половинѣ сентября... Такъ оно и выходитъ... Назадъ пойдутъ, можетъ, пошибче.

Ждетъ Керимъ терпѣливо, шевелится у него что-то недоброе на сердце, но старикъ упорно гонитъ черныя думы; однако, когда приходилось проѣзжать своего застоявшагося коня, Керимъ-Бабай все больше выбиралъ дорогу на Ташъ-Купырь, а то и за этотъ мостъ значительно дальше. Для кого время бѣжитъ неуловимо, а для стараго отца тянется, что лѣнивый ишакъ съ двойнымъ вьюкомъ, да еще по топкой грязи... Вотъ и августъ къ концу подходитъ. Вотъ ужъ четвертый разъ клеверъ косятъ, джугара налилась, поспѣваетъ... Конечно, вѣстей нѣтъ оттого, что назадъ повернули; зачѣмъ же посылать гонцевъ, когда тѣ, все равно, вмѣстѣ бы ѣхали... Тамъ, вѣдь, все мѣста дикія,—не только телеграфа, простой почты никакой не налажено...

Бродитъ Керимъ по базару, по улицамъ, заходитъ въ гости, сидитъ въ чай-ханѣ съ пріятелями, на комендантскій дворъ заглядываетъ, вида не подаетъ, что тоска его гложетъ. Похудѣлъ старикъ, еще болѣе согнулся въ поясницѣ... Самъ, вѣдь, хорошо понимаетъ, что въ такомъ пути нельзя всѣ дни разсчитывать: мало ли что задержать можетъ... Самъ вотъ онъ разъ провожалъ русскаго ученаго, что вмѣстѣ съ своею женою траву собирать, да звѣзды считать ѣздили. Думали—предполагали тогда въ три мѣсяца обернуться, а протаскались безъ малаго полгода... Точно вѣдь не разсчитаешь.

Прошелъ не только весь сентябрь, уже и октябрь на исходѣ... Въ предгорьяхъ стали заморозки землю бѣлить... Холоднымъ вѣтромъ съ востока потянуло... Прибѣжали разъ за Керимомъ Бабаемъ, зовутъ къ коменданту.

Снарядился старикъ по формѣ, опять кресты и медали нацѣпилъ.

— Честь имѣю явиться вашему высокоблагородію!

Не сразу взглянулъ полковникъ на джигита, бумагу будто какую-то дописывалъ, а потомъ, все-таки не глядя, проговорилъ:

— Болтаютъ на базарѣ не доброе!

У Керима ноги подкосились, и въ глазахъ потемнѣло, даже рукою прихватился старикъ за дверной косякъ. Онъ и самъ знаетъ, что снова пошелъ слухъ по базару, что слухъ

тотъ съ самой Бухары идетъ, смутный пока слухъ, однако, ничего добраго не предвѣщающій.

Слухъ этотъ уже третьи сутки не даетъ спать Кериму, а забудется немного, сейчасъ ему кровавое горло мерещиться начинаетъ, только разсмотрѣть не можетъ, чье это горло ножемъ перехвачено.

— Слухъ идетъ!—глухо повторилъ старый джигитъ.

На этотъ разъ комендантъ взглянулъ на него и глаза выпучилъ; онъ не узналъ голоса Керима, да что голоса—самого не узналъ, такъ старикъ въ лицѣ перемѣнился, однако, на ногахъ еще стоитъ, не валится.

— Думаю я,—говоритъ комендантъ,—послать бы кого на провѣдку: одного въ Бухару, а другого по слѣду, на Байсунъ... Дѣло серьезное!

— Зачѣмъ посылать чужого человѣка,—я самъ поѣду!

— Самъ!.. На зиму-то глядя?

— Что мнѣ зима!..

— Ступай!

— Счастливо оставаться!

Приложилъ Керимъ руку къ шапкѣ, повернулся и вышелъ изъ комендантской комнаты. Получаса не прошло, какъ видѣли стараго джигита, какъ онъ миновалъ базаръ и крупнымъ ходомъ своего любимаго чалаго прогналъ на Ташъ-Купрюкскую дорогу... Не долги были его сборы... А съ горъ, ему навстрѣчу, уже неслись первые налеты снѣжной метели, застилая предгорья бѣлою скатертью.

Уѣхалъ Керимъ, словно сквозь землю провалился, и всѣ, особенно сторонніе люди на базарѣ, удивлялись,—какъ это такой опытный комендантъ проворонилъ, упустилъ заложника. Пропадетъ, думали, отецъ вслѣдъ за сыномъ, только его и видѣли!

Не было тогда, по здѣшнимъ мѣстамъ, ни дорогъ желѣзныхъ, ни столбовъ съ натянутою проволокою, по которой слова бѣгаютъ, почты даже никакой не было, а ходилъ только «слухъ» и какимъ путемъ, какъ ходилъ—никто и не знаетъ. Случится что здѣсь, въ Келифѣ что ли, поговорятъ о случаѣ на мѣстномъ базарѣ, а базаръ—толчея,—со всѣхъ сторонъ туда сходятся и съѣзжаются разные люди и расходятся во всѣ стороны, а съ людьми и рѣчи. Идутъ, останавливаются отдыхать, поговорятъ, обмѣняются новостями, дальше

идутъ, а съ того мѣста опять во всѣ стороны слова поползли... Съ ночлега на ночлегъ, съ базара на базаръ... Къ однѣмъ вѣстямъ другія прилетаются... Встрѣтятся гдѣ, опять перекинутся и все съ надбавкою... Случится что не большое, пустякъ, съ рисовое зерно величиною, а станетъ расходиться молвою, что снѣжный комъ, выростетъ, и не узнаешь сразу, съ чего началось, гдѣ правда: а правда тамъ, въ серединѣ этого кома, надо только докопаться до этой середины. Съ одного мѣста вѣсть пойдетъ, а смотришь—эта самая вѣсть съ разныхъ концевъ опять къ тебѣ возвращается; поприслушаться надо только ко всему, ко всѣмъ перемѣнамъ, отдѣлить дѣло отъ болтовни,—вся правда такъ вотъ тебѣ на ладони и выяснится... Хочешь знать, что гдѣ творится, ступай на базаръ, сиди покойно, чай зеленый прихлебывай, уши насторожи и жди... Потому что базары эти и есть самое для вѣстей складочное мѣсто.

А здѣшній базаръ—всѣмъ базарамъ базаръ. По какимъ бы путямъ не летѣла молва, а на здѣшнемъ базарѣ осядется; не даромъ большой Саидъ-Азимовскій чай-хане на семи-путевомъ перекресткѣ раскинулъ свои гостепріимные навѣсы.

И вотъ какъ эта молва осѣдала, въ какія формы, были и небылицы она складывалась.

Покойно, весело и удачливо шла дорога нашихъ путешественниковъ. Работали много, всѣмъ было дѣла по горло. Графъ часто свои диковинные инструменты налаживалъ, на горные кряжи трубы наводилъ подзорныя, по ночамъ черезъ эти трубы все небо осматривалъ и все въ свои книжки чертилъ и записывалъ; много тоже разныхъ мухъ да гадинъ въ горахъ наловили, все засушивали и въ банки складывали, а птицы сколько въ три ружья настрѣляли! Чучельнику работы было съ утра и до ночи,—лошадь вьючную еще прикупить пришлось у проѣзжаго сарта. Отъ камней разныхъ кусочки отбивали и бумажные ярлычки наклеивали. Жилыхъ мѣстъ по дорогѣ пока мало попадалось, такъ—кишлачки незначущіе, графъ и туда заглядывалъ, да разспрашивалъ черезъпереводчиковъ; тотъ, который армяниномъ назывался,—жидъ оказался, ну, да это не большая разница, и на счетъ знанія мѣстныхъ говоровъ плохъ вышелъ, выручалъ больше Хафизъ-Джигитъ, и шелъ разговоръ такъ: графъ—жиду, жидъ—Ха-

физу, Хафизъ со встрѣчнымъ говоритъ и тѣмъ же порядкомъ обратно до графа доходитъ.

Очень графъ по душѣ съ своимъ джигитомъ сошелся, и Хафизъ очень полюбилъ графа, а жидъ-чучельникъ съ своей стороны къ Хафизу прилаживался, тоже лѣзъ въ дружбу и большую откровенность, все про бухарскую да афганскую сторону разспрашивалъ, а самъ ему про ту сторону, что за большими горами, подъ англійской рукою находилась, дивныя дѣла разсказывалъ, говорилъ, что самъ бывалъ тамъ часто, на службѣ будто у англійской королевы.

Пришли въ Дербентъ,—тамъ задержались немного; ужъ очень хорошо бекъ Сафаръ гостей встрѣчалъ. Пиры устраивалъ почетнымъ путешественникамъ на славу, «тамаши» съ пѣніемъ и танцами батчей, игры машкарабазовъ, скачки конныя, халаты подносилъ дорогіе, надо было и нашему графу отпочетиться... Пошли дальше, прошли диковинныя тимуровы желѣзныя ворота, такую узкую и длинную щель, что будто кто мечемъ разсѣкъ горный кряжъ, отъ снѣжныхъ вершинъ до самаго подножья... стали спускаться въ богатую долину Байсуна. Тутъ уже погуще жилье пошло, и народъ побогаче, и беки поважнѣе! Опять пиры да игры, и даже на этихъ играхъ женщины появились, не такія, что въ гаремахъ укрытыя сидятъ, а вольныя, что, въ обходъ закона, въ мужскомъ платьѣ, днемъ по базарамъ ѣздятъ, а по ночамъ, чуть что, безо всякой одежды, въ браслеткахъ на щиколоткахъ ногъ при гостяхъ танцуютъ, змѣями извиваются, змѣею и въ душу самую заползаютъ... Переводчикъ-жидъ очень старался, всю подноготную про такихъ женщинъ узнавалъ, особенно про тѣхъ, на которыхъ графъ попристальнѣй всматривался... Хафизъ тоже глядѣлъ, глаза выпучивъ, какъ баранъ на новыя ворота, молодъ, вѣдь, еще ничего такого и не видывалъ, ну, а чучельникъ человѣкъ бывалый!.. Захотѣлось графу одну изъ такихъ пѣвицъ да танцовщицъ для себя купить, чтобы съ собою увезти, какъ бы вродѣ особой птицы, только, конечно, чтобы живую, не набитую и засушенную, какъ тѣ чучела, что жидъ изготовлялъ,—сговорились, и самъ кази тамошній бумагу на свободный провозъ выдалъ...

Съ этихъ поръ и повѣяло «чернымъ вѣтромъ», тутъ-то и наступила пора неудачъ и невзгоды.

Словно эта плясунья, черноволосая Асаль, своими острыми взглядами да раскатистымъ смѣхомъ души нашихъ спутниковъ околдовала:

А время все шло и шло. Далеко зашли... ухъ, какъ далеко! Стало дѣло къ осени клониться, а впереди горы и холода на перевалахъ... Пора, значитъ, назадъ ворочаться... Повернули.

Затосковала новокупленная красавица: кому охота на вѣкъ уходить въ чужую, незнакомую сторону, а тутъ еще и другое горе, горше перваго; стала Асаль заглядываться на молодого красавца Хафиза — и полюбился ей Керимовъ сынъ болѣе самого хозяина ея, графа; да и то правда,—какая тамъ любовь черезъ жида переводчика, а тутъ дѣло живого языка.—Задумалась Асаль, задумался и Хафизъ, и въ душѣ вѣрнаго джигита закопошилось не доброе, ревнивое чувство къ своему господину...

Можетъ, и обошлось бы все по ладному, да жидъ чучельникъ, должно быть, тоже свою думу задумалъ, не охотно что-то онъ на обратный путь поглядывалъ. Сталъ онъ графу на ухо нашептывать, сталъ и Гафиза уму разуму учить, а тѣмъ временемъ къ русской границѣ все ближе да ближе подвигались...

Какъ тутъ дальше шло, молва пестрая совсѣмъ перепуталась,—только, говорятъ, что и Хафизъ сталъ на себя не похожъ, съ графомъ сталъ угрюмъ, не разговорчивъ... замѣтилъ это проклятый жидъ и принялся на молодого джигита...

Что же потомъ случилось, про то базарный слухъ былъ не одинаково, говорили, будто Хафизъ у Афганскаго эмира на службѣ очутился, говорили, что его въ тюрьму, въ кандалахъ, засадили, за то будто, что [illegible] перерѣзалъ, въ тоскѣ и въ отчаяніи; говорили, что этого жида живого за ноги повѣсили, на колъ потомъ посадили, говорили, что его за Афганскою границею видѣли, съ графскимъ добромъ и даже тѣмъ самымъ поясомъ съ золотомъ, что вѣрному джигиту самимъ графомъ былъ сданъ на храненіе, говорили, что Хафизъ самъ на себя руки наложилъ, когда Асаль его бросила—промѣняла на эмирскаго полковника, говорили, будто и до сихъ поръ живъ Керимовъ сынъ, только бродитъ въ Кабулѣ по базару, въ родѣ какъ бы помѣшанный... Разно говорили, только про участь графа всѣ слухи были одинаковы: «Въ горы въѣхали всѣ четверо; графъ, Хафизъ, жидъ чучельникъ и Асаль остроглазая, а назадъ, въ долину, вернулись только трое, да

и то, — какъ только къ мазаръ-Шерифу подходить стали, — жидъ въ первую темную ночь, будто сквозь землю провалился.

Вотъ какіе слухи заходили по базару: разбирайся, гдѣ тутъ правда, гдѣ неправда.

Вотъ почему и удивлялись въ чай-хане Саидъ-Азимъ-Бая, какъ это комендантъ такого маху далъ, самъ своими руками отпустилъ стараго Керима,—за сына своего заложника?..

Прошла хотя и короткая, но бурная и суровая зима, снова на солнечныхъ скатахъ горъ, на весеннемъ припекѣ, загорѣлись ярко-красные тюльпанчики, забѣлѣли первые подснѣжники, и забѣгали по нагрѣтымъ осыпямъ зоркія ящерки. По всѣмъ ущельямъ, по всѣмъ трещинамъ горъ забурлили пѣнистые потоки, заклектали орлы въ поднебесьи, стали аисты на свои гнѣзда возвращаться, а про старика Керима ни слуху, ни духу...

Описали его домъ, все имущество, печати вездѣ наложили, особому аксакалу подъ охрану сдали... Недоволенъ комендантъ, ходитъ туча тучею, на прочихъ джигитовъ и смотрѣть не хочетъ, а тѣ, точно чѣмъ виноваты, сами ходятъ, словно мухи отравленныя. Четверо изъ нихъ, не докладываясь по начальству, своею волею собрались и отправились на розыски... Вернулся, наконецъ, Керимъ уже въ концѣ лѣта и вернулся, когда его совсѣмъ и ждать перестали.

Никто и не узналъ сразу — почетнаго, заслуженнаго старшину джигитскаго Керима въ томъ жалкомъ всадникѣ, что въѣхалъ на комендантскій дворъ на запыленной, хромой, отощалой лошади: такъ, думали, какой-нибудь бродячій байгушъ, съ просьбою къ начальнику или, можетъ быть, съ жалобою. Дежурный джигитъ, Саркисъ, строго окликнулъ даже:

— Куда прешь? Сиди тамъ, за воротами!

Да потомъ, какъ вглядѣлся немного, такъ глаза вытаращилъ, ротъ разинулъ и руки растопырилъ.

— Керимъ-бай... Аллахъ милостивый!.. Вотъ не ждали!

— Не «ждали» уже?—словно усмѣхнулся пріѣзжій, тяжело слѣзая съ измученнаго коня...—Видно, и ждать перестали...

Другіе джигиты и изъ казаковъ, кто былъ поблизости, подошли, обступили Керима — оглядываютъ и его самого, и лошадь, и сѣдловку всю, — а разспрашивать будто не рѣшаются, ждутъ, когда самъ старикъ говорить начнетъ; а тотъ молча сталъ отвязывать ковровый, переметный коржумъ, что

былъ за сѣдломъ притороченъ—и тутъ только замѣтили джигиты, что и отъ коня, и отъ всадника, отъ сѣдла и сбруи, а пуще всего отъ этого ковроваго коржума потянуло тяжелымъ кладбищенскимъ духомъ...

— Коменданту доложите! Ну, что стоите, словно ошалѣлые? —захрипѣлъ на нихъ Керуимъ и закашлялся, и опустился на ступеньки комендантскаго крыльца, а коржумъ съ собою сволокъ и начинаетъ его, не спѣша, развязывать.

Побѣжали докладывать.

Минуты не прошло, вышелъ комендантъ, на ходу еще китель застегивалъ... началъ было строго такъ:

— Ну, говори!..

Даже не поздоровался, брови нахмурилъ, да приглядѣлся къ старику и тихонько проговорилъ, обращаясь къ ближайшимъ:

— Да поддержите его! Видите съ ногъ валится... Эй! Принеси скорѣе коньяку стаканъ!

А Керимъ на ногахъ стоять не можетъ; попытался было подняться передъ начальствомъ, да и опять осѣлъ грузно. Двое джигитовъ подскочили, поставили стараго на ноги, а двое стали коржумъ сѣдельный развязывать, отъ котораго не хорошимъ духомъ несло... Керимъ имъ глазами показывалъ, что надо—и чуть слышно пробормоталъ:

— Выкатите!

Выкатили.

Лицо почернѣло, раздулось, а узнать можно, — то есть, не узнать бы, не зная кто, — а, зная, признать вполнѣ возможно.

— Собственною рукою покончилъ,—хрипло, словно давясь своими словами, сказалъ Керимъ,—своею рукою благословилъ, своею и казнилъ, а добро мое, довольно его будетъ, а мало, такъ и мою голову добавьте, отдайте семьѣ графа убіеннаго,—за убытки—уплату...

Съ комендантскаго крыльца понесли джигитскаго старшину прямо въ военный госпиталь,—тамъ онъ и отдалъ Богу душу на другой же день, такъ и не приходя въ сознаніе.

Доктора порѣшили, что—съ переутомленія.

ТРИ ДНЯ ВЪ МАЗАРКѢ.

Безпокойное волненіе, охватившее киргизскую степь въ 1870 году, обильное кровавыми эпизодами, только-что кончилось... Оно еще не выяснилось совсѣмъ, но уже отовсюду неслись мрачныя вѣсти предзнаменованія болѣе или менѣе грозныхъ событій.

Я разсказываю теперь только одинъ изъ моихъ дорожныхъ эпизодовъ, относящихся къ этому времени, и потому считаю лишнимъ распространяться о причинахъ, вызвавшихъ возстаніе кочевниковъ средней орды, въ обыкновенное время очень миролюбивыхъ, давно уже отвыкшихъ отъ разбойничьей, хищнической жизни своихъ предковъ...

День былъ яркій, солнечный и довольно морозный. Буроватою лентою тянулась ровная, степная дорога... Справа и слѣва разлеглась безконечная бѣлая пелена снѣга, покрывавшаго степь... Синяя полоса окаймляла далекій горизонтъ.. Однообразная даль не пересѣкалась ни однимъ деревцомъ, ни однимъ холмикомъ.

Легкіе облака почти неподвижно плавали въ голубомъ воздухѣ... Рѣзкій крикъ орла несся откуда то сверху, съ невидимыхъ глазу высотъ, можетъ быть, даже изъ-за этихъ облаковъ... Однообразно звенѣлъ, захлебывался разбитый колокольчикъ подъ дугою, фыркали усталыя пристяжныя, и ровная топотня дружной тройки заглушала скрипъ полозьевъ моихъ саней, снабженныхъ войлочною будкою...

Сегодня я уже успѣлъ проѣхать двѣ станціи. Еще очень рано, и скоро я долженъ увидѣть вдали гостепріимный дымокъ третьей... Скоро, потому что мой ямщикъ киргизъ уже при-

глядывается, заслоняя рукою свои косопрорѣзанные глаза отъ солнца, уже веселѣй покрикиваетъ на лошадей, да и сами кони значительно прибавили шагу и бойко, въ прискочку, бѣгутъ по гладкой, легкой дорогѣ.

— Джакымъ (близко)!—говоритъ, махнувъ кнутомъ, ямщикъ.

— Джирайда — гайда джуръ (ладно—ступай скорѣе)!— отвѣчаю я закуривая новую сигару, разсчитывая докурить ее, какъ разъ къ пріѣзду на эту третью станцію...

Дорога незамѣтно стала подниматься, какъ будто въ гору... Теперь, ужь ясно видно... Вотъ она, эта станція! Маленькая сакля видна отчетливо... Ея черный, закоптѣлый четвероугольникъ такъ и рисуется на бѣломъ фонѣ окружающей степи. Вотъ и кибитки, двѣ по сторонамъ... Обѣ дымятся... Вотъ и люди ходятъ, словно точки черныя копошатся. Вотъ и лошади бродятъ по близости, добывая себѣ изъ подъ глубокаго снѣга сухіе осенніе стебельки... Вотъ и сани стоятъ... Одни, другія, третьи... Что-то много экипажей... Чего это они здѣсь съѣхались, именно на этой станціи? Это рѣдко случается... Чтобы это значило?

Вотъ ямщикъ обернулся и посмотрѣлъ на меня вопросительно.. Онъ тоже какъ будто удивленъ нѣсколько.

— Шюндъ копъ адамъ баръ (такъ много народу)!—говоритъ онъ, показывая кнутовищемъ и безпокойно ворочаясь на облучкѣ.

— Трогай скорѣй!—отвѣчалъ я.—Пріѣдемъ узнаемъ... погоняй!..

Лихо понеслись мы послѣднюю версту,—колокольчикъ даже звонить пересталъ и только позвякивалъ на своей привязи... Вся тройка въ карьеръ неслась, взметывая ногами комья грязнаго дорожнаго снѣга...

Вотъ мы спустились въ лощину, и станція пропала изъ виду, поднялись — показалась она вновь, чуть не передъ самымъ носомъ... Справа мелькнула желтоватая изгородь изъ камыша, какая-то лошадь на волѣ, брыкнувшая задними ногами, когда наша тройка чуть не сбила ее съ ногъ... Нѣсколько собакъ встрѣтило насъ оглушительнымъ лаемъ... Дымомъ пахнуло въ носъ...

— Якши (хорошо)! — даже крякнулъ мой киргизъ ямщикъ, когда мы подъѣхали и стали.

— Самоваръ есть?.. Готовьте лошадей пока... Я здѣсь съ полчаса побуду, а тамъ и въ путь!—распорядился я, вылѣзая изъ саней и съ удовольствіемъ расправляя занѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнья ноги...

Казакъ-смотритель выслушалъ мое распоряженіе, взялъ прогянутую ему подорожную, посмотрѣлъ ее, взглянулъ на меня, опять на подорожную... И нерѣшительно сталъ скрести свой широкій, мясистый затылокъ.

— Есть, что-ли, лошади?—спросилъ я.

— Лошади?—отвѣчалъ урядникъ.—Лошадей какъ не быть... Кони есть... Только ужъ я не знаю... Нашу, вотъ, станцію, пока Богъ миловалъ... Проѣзжіе вотъ тоже дожидаются... Сидятъ, не выѣзжаютъ... Ужъ я и не знаю, право...

— У меня «курьерская»!—пояснилъ я.—Тѣ могутъ ждать, сколько имъ угодно, а мнѣ давай сейчасъ... живо!..—Не дожидаясь отвѣта, я вышелъ въ сѣни, оттуда въ довольно просторную горницу для проѣзжающихъ...

У меня даже въ глазахъ потемнѣло отъ табачнаго дыму, облаками носившагося подъ низкимъ потолкомъ... Маленькія окошки, заклеенныя бумагою вмѣсто стеколъ, пропускали немного свѣта, однако довольно для того, чтобъ сразу замѣтить, что проѣзжающихъ скопилось тутъ таки достаточно...

Я отыскалъ свободное мѣсто, на скамьѣ, у самаго окна, и сѣлъ...

За столомъ, единственнымъ въ комнатѣ, сидѣли два господина, въ татарскихъ стеганыхъ бешметахъ, буквально обвѣшанные съ ногъ до головы оружіемъ: у каждаго за поясомъ было по два револьвера въ кобурахъ, спереди болтались длинные кавказскіе кинжалы... У одного такъ даже висѣла черезъ плечо какая-то сабля въ металическихъ ножнахъ, а около, на скамьѣ, лежали два ружья тульскихъ, двухствольныхъ, съ рѣзными, вычурными ложами...

Поодаль рылся въ дорожномъ сакѣ еще какой-то господинъ въ полушубкѣ, валеныхъ сапогахъ и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ... Изъ-за него виднѣлись длинныя ноги въ ботфортахъ со шпорами, растянувшіяся на лавкѣ, и въ самомъ углу сидѣла, поджавъ подъ себя ноги, женщина съ ребенкомъ на рукахъ, еще молодая, и, какъ показалось мнѣ съ перваго взгляда, довольно красивая. Въ противоположномъ углу, зани-

мая чуть не треть всей комнаты, бурою, закопченною массою, видна была печь съ лежанкою, заваленною узлами, чемоданами и мѣшками,—торчалъ пузатый уголъ подушки въ ситцевомъ чехлѣ, а на этой подушкѣ блестѣла лысина еще одного проѣзжаго... «Шесть человѣкъ, кромѣ меня, не считая ребенка», сосчиталъ я всѣхъ присутствующихъ и подумалъ о томъ, что не мѣшало-бы поскорѣй выбраться отсюда, изъ этой удушливой, пропитанной паромъ и табачнымъ дымомъ атмосферы.

— Въ Казалинскъ изволите ѣхать? — обратился ко мнѣ одинъ изъ вооруженныхъ.

— Въ Казалинскъ!

— Такъ-съ...

— Изъ Питера-съ или откуда изъ другого мѣста?—полюбопытствовалъ его товарищъ.

Я сказалъ.

— Пріѣхали сюда и довольно... Стопъ!—обернулся ко мнѣ рывшійся въ мѣшкахъ.—Здѣсь пожить придется день, или два, или три, а то и побольше...

— Почему такъ? Ба! Знакомый... Вотъ гдѣ встрѣтились!

— И то, батюшка, то-то я слышу голосъ вашъ на крыльцѣ... Не онъ-ли, думаю!

Я узналъ одного изъ знакомыхъ мнѣ чиновниковъ интендантскаго вѣдомства и, пожалуй, доволенъ былъ этою встрѣчею.

— Что теперь будетъ... что теперь будетъ, ужъ я и не знаю,—началъ этотъ господинъ, оставивъ свой мѣшокъ и разводя руками. Вотъ третьи сутки сидимъ и ждемъ, сидимъ и ждемъ, сидимъ и ждемъ...

— Да въ чемъ дѣло?

— А вы не знаете?.. Гм!.. Странно!..

— На дорогѣ, впереди, пошаливаютъ!—прокашлялся одинъ изъ вооруженныхъ.

— Орда бунтуетъ!—пояснилъ другой.—Мы вотъ приказчики, у Хлудова, Михайлы Иваныча, таперича намъ до зарѣзу надыть къ шестому числу на мѣсто поспѣть, а никакъ невозможно...

— Да что, развѣ слыхать что?

— То-то и есть, что ничего не слыхать. Оттого и бѣда

вся. Все-бы узнать лучше, а то вотъ—такъ сидимъ, ни взадъ, ни впередъ...

— Какъ тамъ, позади, ничего?

— Я проѣхалъ благополучно! Эй, смотритель!

На мой призывъ урядникъ показался въ дверяхъ, въ его рукахъ все еще была моя подорожная съ знаменательною подписью: «давать изъ курьерскихъ».

— Лошади готовы, ваше высокоблагородіе, только воля ваша...—началъ онъ.

— Что?

— Какъ-бы худо не было... Четвертые сутки съ той станціи вѣстей нѣтъ, и не пріѣзжаетъ никто... Третьяго дни, вотъ, одинъ тоже выѣхалъ отсюда—обратнаго ямщика съ лошадьми нѣту... Оно, положимъ, станція большущая, безъ малаго пятьдесятъ верстъ, а все-таки, надо-бы вернуться... Не ладно, должно, что случилось...

— Понятно,—отозвался лежащій на скамьѣ.—Понятно... та станція вырѣзана, дорога занята, и мы, въ нѣкоторомъ родѣ, состоимъ въ осадномъ, такъ сказать, положеніи... «Комъ онъ ма данъ ла сакъ», исковеркалъ онъ что-то по-французски и тутъ-же перевелъ: Какъ котъ въ мѣшкѣ!

— Ну, положимъ, что не «данъ ла сакъ»,—передразнилъ его чиновникъ,—а все-таки дѣло дрянь!

— Что-же мы тутъ,—такъ и сидѣть будемъ?

— А ужъ не знаю!

— Переждите малость, ваше высокоблагородіе, а тамъ, что Господь дастъ. Все-таки, на станціи людно: я, да двое казачишковъ со мною, ямщиковъ девять головъ, опять-же въ закрытіи!

— Господа, вѣдь, насъ теперь много, — началъ я,—если мы выѣдемъ всѣ вмѣстѣ...

— Я уже предлагалъ имъ! Такъ куда! — перебилъ меня чиновникъ.

— Тоже, своя голова на плечахъ, не купленная!—закурилъ папироску приказчикъ.

— Съ нами деньги хозяйскія...—поддержалъ его другой.

— Много? — приподнялся на локтѣ тотъ, кто приводилъ французское сравненіе.

— Да ужъ про то намъ знать...—струсилъ заявившій о хозяйскихъ деньгахъ.

— Экъ языкъ у тебя! — шепнулъ ему на ухо товарищъ его и даже въ бокъ толкнулъ.

— Хо-хо... Какая скука! Позвольте познакомиться: ротмистръ Колупаевъ, то-есть, былъ ротмистръ, а теперь въ пѣхтуру перешелъ, въ здѣшнія мѣста, на службу... Очень радъ, очень пріятно. Вы, милостивый государь, тоже изъ военныхъ?

Ротмистръ Колупаевъ, пошатнувшись немного, подошелъ ко мнѣ и сталъ прямо передъ моимъ носомъ, протягивая свою грязную руку, съ обмотаннымъ тряпицею указательнымъ пальцемъ.

Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю его движенія, и обернулся къ окну, хотя сквозь бумагу ровно ничего не было видно.

Колупаевъ презрительно скосилъ на меня свои воспаленные глаза, сплюнулъ и пошелъ будить спавшаго на лежанкѣ.

— Господа, — началъ опять я: — разъ, два, три, четыре, пять, я шестой... шесть мужчинъ, хорошо вооруженныхъ... Ну, чего намъ бояться! Велимъ запрягать лошадей и ѣдемъ!

— Конечно, господа, а еще мужчины! — раздался гармоническій контральто въ углу.

— Позвольте васъ познакомить: супруга моя, Надежда Васильевна Воробьева...—перебилъ ее чиновникъ.

— Очень пріятно!—улыбнулся я...—Видите, господа: дама, а храбрѣе васъ! Что-же, рѣшайтесь!

— Ты какъ думаешь, Паша?—посмотрѣлъ одинъ изъ приказчиковъ на другого.

— Да, ужъ я и не знаю...

— Ѣхать, что-ли?

— Столько оружія нацѣпили, а трусятъ... — заговорила опять Надежда Васильевна.

— Тоже, вѣдь, всяко случается... Не прождать-ли ужъ лучше еще денекъ!.. Ваше высокоблагородіе, прикажете стаканчикъ чаю? Пока что? А у насъ готово!

— Благодарю васъ, налейте... выпью съ удовольствіемъ...

— Амп, другъ, кошонъ! Вставай, боровъ заспанный!— будилъ ротмистръ Колупаевъ спавшаго на лежанкѣ.

— Брррр... отстань, — мычала лысина... — Кто... Чего... Кого... А?!..

— Разбойники... грабятъ! — заоралъ вдругъ во все горло ротмистръ.

Спавшій вскочилъ и сѣлъ — его толстое, заплывшее отъ жира и продолжительнаго спанья лицо, было противно — комично въ эту минуту.

Всѣ невольно расхохотались... ребенокъ на рукахъ у женщины испугался и заплакалъ. Мать начала его унимать и сердито посмотрѣла на ротмистра. Знакомый чиновникъ проговорилъ недовольнымъ голосомъ:—Ну, что за глупыя шутки!—и поспѣшилъ на помощь къ своей супругѣ.

— Веселый!..—покачалъ головою приказчикъ Паша.

— Шутникъ-съ!—кивнулъ головою приказчикъ Яша.

— Рѣшимъ-же, господа?—обратился я ко всему обществу, когда спокойствіе возстановилось.

— Доѣдемъ безъ нихъ, коли они трусу празднуютъ, ѣдемъ... что за вздоръ! Я человѣкъ женатый, со мною семейство, и то не боюсь, а эти...

Интендантскій чиновникъ начиналъ горячиться; видно, ему уже порядочно надоѣло трехсуточное сидѣнье на станціи...

— У меня тутъ Коля заболѣетъ отъ этого воздуха!—проговорила Надежда Васильевна...

— Если *ихъ* мало—*они* не страшны, если *ихъ* много—*они* и сюда придти могутъ... все равно...

Эта барыня, видимо, знала уже свойство степныхъ бродягъ и ихъ прирожденную трусость, въ словахъ ея слышалась рѣшимость... Логика была тоже на ея сторонѣ.

— Вотъ, погодите,—усмѣхнулся ея супругъ.—Мы уѣдемъ, а бунтовщики сюда нагрянутъ и прирѣжутъ они васъ, рабовъ Божьихъ, какъ куръ въ курятникѣ...

— Комъ энъ ша данъ ла сакъ!—повторилъ еще разъ ротмистръ Колупаевъ.

— Поѣдемъ, что-же... Паша, что-же, вѣдь, они-съ съ нами, люди военные-съ!

— Помолясь Богу, нѣшто, Яша... Только на ночь, вотъ, глядя, словно неловко!

— Да, скоро стемнѣетъ!

Мы еще посовѣщались немного, Надежда Васильевна, видимо, оживилась; возможность, наконецъ, вырваться отсюда, отрадно подѣйствовала на нее... она принимала самое горячее участіе въ нашихъ совѣщаніяхъ и выказала при этомъ мно[illegible] опытности и знанія мѣстныхъ нравовъ.

— Да вы старая степнячка?—обратился я къ ней...

— Не старая,—впрочемъ!—засмѣялась она,—Однако, уже пятый разъ проѣзжаю этою степью... привыкла!

— Съ мужемъ катаетесь?

— Все съ мужемъ, а разъ и одна. Вотъ, какъ есть, одна... Тогда еще у меня не было этого золота!

И Надежда Васильевна приподняла на рукахъ своего мальчугана, брыкнувшаго при этомъ своими крохотными ножками, обутыми въ красные шерстяные чулки.

— Она у меня лихая бабенка!—самодовольно улыбнулся супругъ и тронулъ ее за кругленькій подбородокъ.

— Ужъ вы, ваше высокоблагородіе, переночуйте лучше,—вмѣшался тутъ казакъ урядникъ.—Темнѣетъ, станція большая... Ночью оно, того, дѣйствительно, не ладно... Все едино, ужъ завтра утромъ... Я лошадей подъ всѣ экипажи изготовлю, у меня онѣ всѣ тутъ согнаны, и ямщики, кромѣ одного, въ сборѣ... Завтра лучше, пораньше!

Совѣтъ его былъ весьма основателенъ, а потому и былъ принятъ безъ возраженій, только Надежда Васильевна глубоко вздохнула, предвкушая, вѣроятно, всѣ прелести ночи въ этой душной саклѣ, на коврахъ, изобилующихъ всевозможными паразитами...

— Я бы лучше на дворѣ, въ саняхъ переночевала, боюсь только, Коля простудится!—проговорила она и принялась возиться у себя въ уголкѣ, устраивая постель для себя и своего сынишки.

У меня былъ крытый возокъ, я велѣлъ опустить передній войлокъ, допилъ чай и, такъ какъ уже стемнѣло, то, пожелавъ покойной ночи всѣмъ присутствующимъ, вышелъ на крыльцо.

Къ ночи начинало сильнѣе морозить. Темное небо сверкало міріадами звѣздъ. На западѣ еще догоралъ послѣдній красноватый отблескъ вечерней зари. Тихо, спокойно было въ степи,—ни звука, ни шелеста... только здѣсь, у самой станціи, въ загороди, темною массою виднѣлись, сбитыя въ кучку, почтовыя лошади. Ямщики въ кибиткѣ развели огонь и варили что-то въ большомъ, плоскомъ чугунномъ, котлѣ. Въ другой кибиткѣ слышался русскій говоръ, тамъ помѣстились два казака, живущихъ на станціи, и кони ихъ, на всякій случай осѣдланные, стояли особо отъ почтовыхъ, на привязи. На дру-

гомъ углу степной балки копошились, чернѣясь на снѣгу, какіе-то звѣрьки, не то собаки, не то волки, должно быть первыя, потому что ко мнѣ въ сани забралась еще одна собака и спокойно лежала, зарычавъ только при моемъ приближеніи.

Я погладилъ ее, и животное, видимо, успокоилось; собака боялась, что я сгоню ее съ нагрѣтаго мѣста, но, убѣдившись въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ, лизнуло меня въ руку и свернулось въ клубокъ, пріятно согрѣвая мои ноги...

Два четвероугольника оконъ засвѣтились... Въ саклѣ, значитъ, зажгли огонь... Оттуда слышался голосъ ротмистра Колупаева, предлагавшій хлудовскимъ приказчикамъ «срѣзаться по маленькой». Тѣ отказывались...

— Опять спать не дадутъ!—донесся до моихъ ушей голосъ Надежды Васильевны.

— Господа!—урезонивалъ шумливыхъ знакомый мой, чиновникъ Воробьевъ, Антипъ Михайловичъ,—Господа, да имѣйте хоть уваженіе къ дамамъ...

Почему онъ говорилъ «къ дамамъ», когда въ комнатѣ находилась всего одна дама, его супруга, я не знаю. Должно быть, для усиленія убѣдительности.

А славно засыпать въ морозную ночь въ саняхъ, закутавшись въ теплую шубу! Засыпать подъ фырканье пережевывающихъ свой кормъ лошадей, подъ меланхолическое бряканье уздечекъ. Крѣпко спится въ такія ночи, и сновидѣнья... Нѣтъ, никакихъ сновидѣній не бываетъ въ это время. Крѣпокъ сонъ, и, словно только что уснувши, вы, бодрый и свѣжій, просыпаетесь утромъ, съ возбужденнымъ аппетитомъ, такимъ аппетитомъ, которому позавидовали-бы отъ души петербургскіе гастрономы, превращающіе ночь въ день, не знающіе, чѣмъ-бы вызвать хоть каплю энергіи въ своихъ разслабленныхъ, ожирѣлыхъ желудкахъ. Я заснулъ, какъ убитый.

Солнце только что взошло, когда мы выѣхали со станціи.

Нашъ поѣздъ составляли всего только три тройки, вмѣсто предполагаемыхъ пяти: моя тройка, чиновника Воробьева и—хлудовскихъ приказчиковъ. Ротмистръ, любитель французскихъ поговорокъ, и его товарищъ наотрѣзъ отказались ѣхать, какъ мы ихъ ни уговаривали.

— Вы не подумайте, господа, и вы, мадамъ, что я изъ трусости... сет еппосибль! Сорокъ большихъ сраженій и восем-

надцать малыхъ... Я не трусъ... А есть другія, болѣе основательныя причины... И эти анафемскія причины, ма-пароль-донеръ, лишаютъ меня возможности быть вамъ полезнымъ въ предстоящихъ схваткахъ съ дикими, степными бандитами... ма-пароль-донеръ...

Такъ говорилъ ротмистръ Колупаевъ и, обращаясь къ Надеждѣ Васильевнѣ, безпрестанно прикладывалъ руку къ лѣвому боку своей засаленной венгерки.

— Да полноте, никакихъ схватокъ не предстоитъ... не говорите вздора!—возразила та. — Вы, просто, трусите, какъ вамъ не стыдно! Вотъ, посмотрите: приказчики, купцы; народъ смирный, и то не боятся...

— Воля Божья-съ... что-же-съ... Безъ Господней воли, сказано, волосъ съ головы...—бормоталъ приказчикъ Яша и самодовольно улыбался. Улыбался тоже и товарищъ его, приказчикъ Паша, укладывая что-то въ сѣно, въ передокъ саней.

Но у обоихъ улыбка была кислая, не совсѣмъ-то веселая. Видно было, что и они начинали слегка колебаться въ своемъ рѣшеніи, только совѣстились поступить такъ, какъ ротмистръ, особенно послѣ заключительной фразы Надежды Васильевны.

Какъ бы то ни было, однако, часу въ восьмомъ утра, наши три тройки тронулись со двора станціи, напутствуемыя пожеланіями благополучія и благословеніями урядника и смотрителя.

И долго еще я, оборачиваясь назадъ, видѣлъ его высокую фигуру, взобравшуюся на плоскую крышу и оттуда глядящую намъ вслѣдъ; долго еще, до самаго спуска въ логовину, видѣлъ я, какъ онъ махалъ намъ своею форменною фуражкою.

А наши тройки бойкою рысью бѣжали по мягкой, запорошенной дорогѣ, пересыпанной мѣстами наносными косыми сугробами. Слѣдъ, тянувшійся предъ нами, часто прерывался, погребенный подъ этими наносами; видно было, что, дѣйствительно, сутокъ трое тому назадъ, если не больше, прошли здѣсь послѣднія сани.

Впереди всѣхъ скакала моя тройка, за мною Воробьевъ со своимъ семействомъ, а сзади приказчики, взведшіе курки своихъ ружей и не сводившіе глазъ съ далекой, синѣющей полосы степного горизонта.

День былъ ясный и слегка морозный, хорошій, зимній, степной день, какіе рѣдко выпадаютъ здѣсь на долю путеше-

ственниковъ. Снѣжная равнина сверкала ослѣпительно на солнцѣ, и этотъ яркій блескъ не позволялъ хорошо разсмотрѣть окрестность, особенно съ восточной стороны. Кое-гдѣ чернѣлись проталины, свободныя отъ снѣга. Какое-то небольшое озерко, обрамленное желтыми, высохшими камышами, виднѣлось роговидною излучиною; поверхность этого озера, покрытая льдомъ, отражая въ себѣ небо, точно голубое зеркало, блестѣло посреди степи. Свободный вѣтеръ сдулъ съ него послѣднюю снѣжинку, и замерзло оно гладкое, спокойное, безъ зыби, безъ волненія. Вонъ правильные черные круги видны на его берегу, это слѣды недавно снятыхъ кибитокъ... вонъ изгородь видна, полуразвалившаяся... вонъ собака тамъ роется, ищетъ чего-то... нѣтъ, это опять волкъ... ишь, какъ удираетъ по степи бродяга трусливый, заслышавъ звонки нашихъ троекъ... вонъ пріостановился немного, поджалъ хвостъ и опять дуетъ безъ оглядки... вонъ онъ исчезъ, должно быть, въ логовину спустился, а вонъ опять показался, только ужъ теперь нельзя его разсмотрѣть... далеко! Чуть замѣтная, черная точка мелькаетъ вдали... ну, и Богъ съ нимъ!

— Гей, гей!—покрикиваетъ мой ямщикъ.

— Гей, гей!—вторитъ ему сзади звонкій голосокъ Надежды Васильевны.

— Надя, ну, что кричишь на морозѣ? Горло простудишь!—ворчитъ ея супругъ.

Паша и Яша вылѣзли совсѣмъ изъ подъ навѣса саней и сидятъ на облучкѣ, свѣсивъ ноги. Такъ-то, должно быть, виднѣе...

— Ѣхали мы, тоже разъ, съ хозяиномъ изъ Чимкента... Только, это, поровнялись съ лѣсочкомъ...—разсказывалъ что-то одинъ другому, но звонъ колокольчиковъ заглушалъ разсказъ, и до моихъ ушей долетали только отрывочныя фразы, да восклицанія:—помилуй Богъ,—тоже, вѣдь, они не шутятъ. Ахъ, ты, Господи!

Вдругъ мой ямщикъ началъ привставать на своемъ мѣстѣ и какъ-то подозрительно вглядываться впередъ. Затѣмъ даже руку приложилъ къ глазамъ.

— Что ты?—спросилъ я.

— Вонъ стоитъ,—отвѣчалъ киргизъ, не оборачиваясь,—ишь, стоитъ, гляди на дорогѣ...

— Да что стоитъ?

— Арба (повозка) наша, та самая...

Я тоже началъ всматриваться. Дѣйствительно, что-то чернѣлось впереди, на дорогѣ, верстахъ въ двухъ, по крайней мѣрѣ, но что это было—повозка или что другое, я не могъ разглядѣть, какъ ни напрягалъ своихъ глазъ...

— Гляди-ко, гляди, Паша! — послышался тревожный голосъ и на заднихъ саняхъ. Тамъ тоже, значитъ, замѣтили.

— Не вернуть-ли?

— А кто его знаетъ!

— Чего сталъ, трогай!—прикрикнулъ Воробьевъ на своего козницу.—Не отставай отъ переднихъ.—Ты, Надя, вотъ что, сядь-ко поглубже, я кошемку опущу. Боюсь, какъ-бы ребенокъ не испугался!

— Да ничего еще нѣтъ, чего ты? — бормотала Надежда Васильевна.

Однако, въ голосѣ ея дрогнула какая-то подозрительная нотка.

Мы продолжали подвигаться впередъ, не уменьшая рыси, и скоро предметъ, замѣченный моимъ ямщикомъ и уже надѣлавшій тревоги въ нашемъ караванѣ, былъ видѣнъ совершенно ясно. Еще минуту, и наши лошади стали испуганно храпѣть и слегка упираться на ходу. Мы подъѣхали, все-таки, вплотную и невольно остановились...

На дорогѣ—немного сбившись на сторону и завязнувъ въ сугробѣ, стояли распряженныя сани съ верхомъ; судя по обрывкамъ и обрѣзкамъ упряжи, можно было видѣть, что съ распряжкою не церемонились и торопились, пуская въ ходъ ножи, гдѣ трудно было развязать руками.

Снѣгъ кругомъ былъ сильно притоптанъ пѣшими и конными слѣдами... Около валялись распоротые чемоданы съ вывороченными тиковыми внутренностями, клочья сѣна, какое-то тряпье и забытая нагайка.

Я заглянулъ внутрь саней, тамъ было пусто, обошелъ кругомъ. У самаго праваго полоза ничкомъ лежалъ полузамерзшій трупъ, въ русскомъ тулупѣ, съ подбритымъ затылкомъ.

Тулупъ былъ настолько изорванъ въ борьбѣ, что разбойники не сочли нужнымъ брать его съ собою и оставили на убитомъ; за то сапоги были сняты, и босыя ноги, посинѣлыя,

окоченѣвшія, торчали врозь, запутанныя въ оборванныхъ постромкахъ.

Я попробовалъ тронуть убитаго и хотѣлъ перевернуть его лицомъ вверхъ, но не могъ; тѣло до такой степени примерзло, что не поддавалось моимъ усиліямъ. Должно быть, не менѣе сутокъ, если не болѣе, находилось оно въ такомъ положеніи. Преступленіе совершено не въ эту ночь, значитъ, а раньше.

— Это тотъ самый!—рѣшилъ одинъ изъ ямщиковъ.

— Кто?

— А тотъ, что послѣдній выѣхалъ, и ямщикъ обратный до сихъ поръ не возвращался. Вотъ его здѣсь «яу» разбойники убили, ограбили, лошадей увели и ямщика тоже, а его самого кинули!

— Они-бы и его не убили, а увели,—разсуждалъ другой ямщикъ,—да видно дрался очень шибко, взять нельзя живьемъ было... Ну, вотъ, съ нимъ и покончили... Ишь, ты, какое дѣло!

— Аллахъ, Аллахъ!

— Пресвятая Богородица! Что-же намъ дѣлать теперь?—воснѣющимъ языкомъ прошепталъ одинъ изъ приказчиковъ... Эхъ! Не надоть выѣзжать было... Поторопились!

— Ужъ я и не знаю,—лепеталъ другой.—Какъ вотъ, ихъ благородіе. Вертать, что-ли?

— Ну, садись и трогай дальше! — угрюмо произнесъ Воробьевъ. Ну, чего высунулась, Надя! Сиди смирно, есть на что смотрѣть. Коля спитъ, слава Богу!

— Садись и пошелъ! — крикнулъ и я своему ямщику.— Половину дороги проѣхали...

— Воля ваша, потому какъ «волосъ съ головы»... — твердили все свое приказчики и тоже полѣзли въ сани, боязливо оглядываясь на слѣды кровавой катастрофы.

Мы усѣлись и тронулись. Колокольчики снова загудѣли на всю степь.

— А не мѣшало-бы эти звонки, на всякій случай, отрѣзать!—промелькнуло у меня въ головѣ.

Вдругъ раздался сзади гнѣвный голосъ Воробьева.

— Подлецы, канальи, трусы! Чтобъ вамъ головы свои сломать! Чтобы вамъ...—кричалъ Антипъ Михайловичъ и, вставъ въ саняхъ во весь ростъ, грозилъ кулакомъ вслѣдъ удиравшимъ приказчикамъ.

Паша и Яша крѣпились еще, пока мы ѣхали, до роковой встрѣчи, но теперь видъ этого трупа, этихъ саней со слѣдами борьбы вокругъ произвелъ на нихъ полную реакцію. Они не выдержали, отдались всецѣло охватившей ихъ паникѣ и, повернувъ оглобли, что называется, во всѣ лопатки, неслись обратно, на прежнюю станцію.

Я видѣлъ, какъ они оба хлестали лошадей, чѣмъ попало. Не оглядываясь, не обращая вниманія на ругань и оскорбительные возгласы разсвирѣпѣвшаго Антипа Михайловича, они неслись впередъ и впередъ,— и разстояніе между ними и нашими санями быстро увеличивалось.

Трусы удирали, воротить ихъ не было уже никакой возможности. Да и стоило-ли? Вѣдь, тоже самое они сдѣлали-бы въ минуту дѣйствительной опасности, а тогда ихъ бѣгство надѣлало-бы намъ несравненно больше вреда, чѣмъ теперь.

Не знаю, выиграютъ-ли они что-нибудь своимъ бѣгствомъ, судя по времени, мы уже на половинѣ дороги, — опасность одинаковая и впереди, и назади... Почемъ знать, можетъ быть, назади даже большая... Я не желаю имъ зла, но признаюсь, въ данную минуту, не прочь-бы...

— Эхъ, съ какою охотою я бы имъ пулю пустилъ въ догонку, если-бы заряда не жалко было!—произнесъ, охрипшій даже отъ криковъ Воробьевъ, садясь, наконецъ, въ сани.

Наши желанія въ эту минуту почти сходились...

Прежде, чѣмъ продолжать путь, мы устроили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Насъ было теперь трое русскихъ и два ямщика киргиза. Въ числѣ первыхъ я считалъ и Надежду Васильевну. Она хоть и женщина, но... во всякомъ случаѣ, она стоитъ больше, чѣмъ храбрецы приказчики и оставшійся на станціи ротмистръ Колупаевъ со своимъ пьянымъ товарищемъ.

На ямщиковъ мы разсчитывать особенно не могли. Они, вѣдь, все-таки, киргизы. Впрочемъ, оба эти скуластые малые смотрѣли такъ просто и честно, что у меня ни на минуту не шевельнулось противъ нихъ никакого подозрѣнія.

Въ нашемъ маленькомъ совѣтѣ рѣшено было, что я пересяду въ сани Воробьевыхъ, а мои сани поѣдутъ сзади. Изъ саней, такъ сказать, пассажирскихъ, лишній багажъ былъ перенесенъ въ мои, чтобы облегчить первыя, на случай, если намъ будетъ предстоять продолжительная скачка.

Мы даже перепрягли съ этою цѣлью одну изъ пристяжныхъ, начинавшую уже уставать, и тщательно осмотрѣли свою упряжку. Боже сохрани, если въ критическую минуту что-нибудь порвется или развяжется.

Если придется жертвовать, то во всякомъ случаѣ этою жертвою послужатъ вторыя, багажныя сани.

Дорога, сколько я помню, ровная, овраговъ нѣтъ; тутъ, лѣвѣе, должны быть киргизскія мазарки, въ сторонѣ отъ дороги, отъ нихъ уже недалеко станція... Пока еще этихъ мазарокъ не видно, а странно: — эти сооруженія далеко видны въ степи, особенно въ такой ясный день... Вонъ, что-то синѣется вдали... какъ будто курганъ... не они-ли...

— Ну, съ Богомъ, трогай! Заднія сани, держись вплотную, не отставай... Не гони шибко, не мори лошадей... ровною рысью... Трогай...

Колокольчики мы оба сняли... зачѣмъ поднимать шумъ на всю степь... Впрочемъ, эта предосторожность почти излишня,— глазъ киргиза видитъ дальше, нежели слышитъ его ухо...

Антипъ Михайловичъ нахмурился что-то и косо смотритъ на свою Надежду Васильевну... онъ все прикрываетъ коврикомъ ребенка. Хорошо, что мальчикъ все время крѣпко спитъ... Дай Богъ ему покойно проснуться... уже на слѣдующей станціи... Надежда Васильевна тоже призадумалась и даже не отвѣтила на мою шутку, попытку развеселить общество, придать всему болѣе веселый характеръ...

— Еслибъ я зналъ, что такъ случится, — нагнувшись ко мнѣ, шепотомъ произнесъ Воробьевъ, — если бы я зналъ, что эта сволочь броситъ насъ, я-бы не выѣхалъ... Я одинъ не боялся-бы, но теперь... поймите...

И онъ опять покосился на свою жену, опять потянулъ коврикъ и совсѣмъ уже съ головою покрылъ имъ спавшаго мальчика.

— Э, пустяки, — бравировалъ я, — они были уже давно здѣсь... чего имъ тутъ рыскать... Эта шайка—теперь уже верстъ за двѣсти отсюда... пустяки!..

— Эта, можетъ быть,—а другая... Надя, выпей-ко рюмку хересу... у тебя губы дрожатъ; ты, кажется, озябла...

— Я-то?—отвѣчала Надежда Васильевна,—нисколько, напротивъ... Вотъ посмотри—какая горячая!..

И она освободила свою руку изъ-за пазухи и приложила ее къ лицу своего мужа.

— Для бодрости выпей...—улыбнулся тотъ.—Для куражу... хватимъ-ко вмѣстѣ!

Онъ досталъ свою дорожную бутылку, зашитую въ войлокъ, оловянный стаканчикъ и развернулъ бумажный свертокъ съ кусочками раскрошившагося полузамерзшаго сыра.

Не успѣли мы позавтракать, какъ услышали фразу ямщика, фразу, заставившую насъ встрепенуться и взяться за оружіе.

— Вонъ человѣкъ гуляетъ! — произнесъ киргизъ, не оборачиваясь къ намъ, словно про себя.

Черная точка двигалась въ степи, въ сторонѣ отъ дороги; эта точка двигалась съ одинаковой скоростью съ нами... она была еще очень далеко и направлялась, какъ будто на перерѣзъ нашего пути... по крайней мѣрѣ, разстояніе между нами и ею мало-по-малу уменьшалось.

Минутъ пять спустя, мы ясно могли уже разсмотрѣть, что это былъ всадникъ... Но этотъ всадникъ былъ одинъ... Кругомъ ничего другого подозрительнаго не было видно. Если онъ одинъ и не избѣгаетъ встрѣчи съ нами, значитъ, это не врагъ.

— Не нашъ, букеевецъ... — сообщилъ намъ ямщикъ. — У него ружье за плечами, и конь воровски осѣданъ... это «яу»!

Посмотримъ, что этотъ одинокій «яу» намѣренъ дѣлать дальше.

Опередивъ насъ, онъ подъѣхалъ почти къ самой дорогѣ, оглянулся, посмотрѣлъ на насъ и шагомъ поѣхалъ дальше... черезъ минуту мы его догнали... мы поровнялись...

Тогда киргизъ прибавилъ рыси и сталъ равняться съ передней тройкою, не отставая уже ни на шагъ.

Всадникъ держался теперь не болѣе, какъ въ двадцати шагахъ отъ насъ. Онъ былъ одѣтъ въ яргакъ—халатъ, сшитый изъ жеребячьихъ шкуръ мѣхомъ вверхъ, малахай на головѣ, подшитый рыжимъ лисьимъ мѣхомъ, закрывалъ почти все его лицо... за плечами у всадника было кремневое, старое ружье, и у пояса болталась туземная шашка (клычъ), съ разорванными ножнами, изъ которыхъ на свѣтъ Божій выглядывало заржавленное лезвее...

Крѣпкій, горбоносый конь шелъ, раскачиваясь, иноходью, вытянувъ впередъ свою косматую голову... Вьюкъ за сѣдломъ былъ самый умѣренный, двѣ переметныя сумки, тщательно притороченныя, плотно пригнанныя къ задней лукѣ сѣдла... это и назвалъ нашъ ямщикъ «воровскою сѣдловкою...»

Онъ ѣхалъ и только изрѣдка, словно украдкою, взглядывалъ на насъ изъ-подъ своего малахая.

Наши ямщики вступили съ нимъ въ переговоры.

— Эй, Божій человѣкъ!.. Куда путь твой лежитъ?—крикнулъ одинъ.

Тотъ не отвѣчалъ.

— Куда ѣдешь, эй? — крикнулъ въ свою очередь Антипъ Михайловичъ, привставъ на своемъ мѣстѣ.

Киргизъ молча протянулъ нагайку впередъ и лаконически отвѣчалъ, наконецъ:

— Туда!..

Мы оставили его, пока, съ разспросами и только слѣдили за его движеніями.

Мало-по-малу, мы замѣтили, однако, что разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ букеевца, стало увеличиваться... онъ взялъ наискосокъ, въ степь... затѣмъ съ мѣста погналъ свою лошадь въ карьеръ... и словно провалился разомъ... по крайней мѣрѣ, мы уже его болѣе не видали.

— Тамъ балка есть!— пояснилъ намъ ямщикъ его исчезновеніе.

Маневръ этотъ былъ совершенно понятенъ для насъ... По крайней мѣрѣ, въ немъ то хорошо, что мы были предувѣдомлены. Букеевецъ видѣлъ насъ, онъ хорошо высмотрѣлъ наше вооруженіе, онъ замѣтилъ полную готовность нашу къ отпору и увѣдомитъ объ этомъ своихъ товарищей. Если тѣхъ немного, они не рѣшатся атаковать... Если-же ихъ много—то...

— Онъ изъ барсуковскихъ ауловъ... а тѣ человѣкъ по двадцати высылаютъ и больше! — сообщилъ ямщикъ, словно угадывая наши мысли и соображенія...

Однако, мы подвигаемся и подвигаемся впередъ... До станціи теперь не должно быть далеко, верстъ десять, можетъ быть, одиннадцать, не болѣе... «До станціи» теперь... А что мы встрѣтимъ на той станціи?.. Если она цѣла, если тамъ есть люди, готовые оказать намъ помощь,—ну, тогда все еще

идетъ хорошо, а если нѣтъ, если эта станція уже разбита и занята бандитами?..

Мы старались отогнать отъ себя подальше это послѣднее предположеніе, оно рисовало намъ такую мрачную картину, что... теперь, только теперь, мы позавидовали въ душѣ— трусамъ, оставившимъ насъ... если только эти трусы выиграли что-нибудь своимъ бѣгствомъ...

Ба!.. Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности... Едва только мы поровнялись съ устьемъ балки, подходившимъ почти къ самой дорогѣ, какъ оттуда выѣхало человѣкъ десять вооруженныхъ всадниковъ и загородили намъ дорогу... Эти всадники не стали лицомъ противъ насъ... Они гурьбою ѣхали шагомъ впереди, мы видѣли ихъ спины въ яргакахъ и верблюжьихъ халатахъ, ружья, болтающіяся за плечами, и коренастые крупы лошадей, помахивающихъ своими подвязанными хвостами...

Намъ оставалось на выборъ: или ѣхать за ними шагомъ-же, или заставить ихъ разступиться и дать намъ дорогу...

Они не выказывали пока ничего враждебнаго, но могли выказать это каждую минуту... они словно заставляли насъ первыхъ *показать зубы*...

Такой способъ атаки показался бы намъ чрезвычайно оригинальнымъ, если бы мы не знали хорошо степныхъ, разбойничьихъ обычаевъ...

— Надо дать имъ замѣтить, что мы ихъ не боимся...— шепнулъ мнѣ Воробьевъ...

— Пошелъ рысью!..— крикнулъ я нашего ямщика... и, обернувшись, велѣлъ задн[illegible]мъ санямъ держаться совсѣмъ вплотную, чтобы между нами не могъ проскочить ни одинъ верховой...

Ямщикъ посмотрѣлъ на меня какъ то просительно и не сразу исполнилъ мое приказаніе... онъ сильно оробѣлъ, и его руки дрожали, сжимая войлочныя возжи.

— Пошелъ!..—крикнулъ я громко.—Эй, тамъ, впереди... дорогу...

Кое-кто изъ верховыхъ засмѣялся, заслышавъ мой крикъ,— кое-кто обернулся, однако, всѣ раздались вправо и влѣво и пропустили нашъ поѣздъ... Теперь они уже и сами прибавили рыси и не отставали ни на шагъ отъ саней.

— Поѣзжайте своею дорогою... а то стрѣлять будемъ!— крикнулъ имъ Воробьевъ.

— Мы этого и ждемъ!—отозвался одинъ изъ всадниковъ, въ которомъ мы узнали перваго, встрѣтившагося намъ четверть часа тому назадъ.

— Развѣ стрѣльнуть для страха?..—шепнулъ мнѣ на ухо Антипъ Михайловичъ.

— Погодите...—отвѣчалъ я...—ямщикъ, держи по дорогѣ!..

— Нельзя... они лошадей сбиваютъ... жмутъ справа... нельзя держать по дорогѣ...

Дѣйствительно, тутъ только мы замѣтили маневръ всадниковъ съ правой стороны... Они нажимали на правую пристяжную, помахивая ногайками у ея морды, и тѣмъ заставляли ее—сбивать всю тройку... Дорога осталась уже саженяхъ въ трехъ справа.

— А если такъ, такъ вотъ-же вамъ!..—неожиданно выстрѣлилъ Воробьевъ въ ближайшую спину...

Пѣгій конь брыкнулъ задомъ... верблюжій халатъ какъ-то перекинулся на сторону и тяжело рухнулъ на землю...

— Гони во весь махъ!..—крикнулъ я.—Дуй по всѣмъ!.. Ага!.

Пуля щелкнулась о верхъ нашей кибитки...

Минута—и мы отдѣлились сразу отъ нападавшихъ саженъ на десять... Тѣ гикнули и охватили насъ полукругомъ.

Въ это время сзади раздался стонъ и жалобные крики: я выглянулъ черезъ кибитку и увидѣлъ, что вторыя сани уже отрѣзаны.—Я не замѣтилъ, что сдѣлалось съ тѣмъ ямщикомъ, и только слышалъ его крики и мольбы о помощи...

Мы неслись во весь духъ... старались снова выбиться на дорогу, но это было положительно невозможно... Теперь уже за нами открыта была настоящая травля, и киргизы, словно волки, охватили насъ своею хищною стаею...

Вотъ еще что-то щелкнулось о кибитку.

— Господи!.. — простонала Надежда Васильевна!—Чуть было Колю не убили!..

Пуля пробила войлокъ кибитки и расплюснулась въ уголъ кованнаго погребца...

Я привсталъ на саняхъ, оперся локтемъ о верхъ и ловилъ на прицѣлъ ближайшаго всадника, того самаго, въ рукахъ котораго еще дымился его кремневый мултукъ... Сани

подпрыгивали на замерзшихъ кочкахъ... Эти дробные, неожиданные толчки мѣшали цѣлить.

Наконецъ, мнѣ удалось уловить мгновеніе. Еще одна лошадь зарыла мордою снѣгъ, еще одинъ халатъ перелетѣлъ ей черезъ голову.

Но въ ту же минуту и у насъ одна изъ пристяжныхъ упала на всемъ скаку и, дрыгая ногами, протащилась нѣсколько шаговъ на туго натянутыхъ постромкахъ...

Воробьевъ кинулся съ ножемъ обрѣзать эти веревки...

— Прямо на мазарку!.. Туда-туда!..—крикнулъ онъ во все горло.

Въ пылу схватки мы и не замѣтили, какъ очутились почти у самаго подножія кургана, вершину котораго занимала большая мазарка, съ фронтономъ съ передней стороны и полукруглымъ куполомъ.

Да, эта мазарка можетъ послужить намъ несравненно лучшимъ прикрытіемъ отъ пуль бандитовъ, чѣмъ войлочная кибитка нашихъ саней...

Ударивъ по лошадямъ, заставивъ ихъ собрать послѣднія свои усилія, — мы вскарабкались кое-какъ на холмъ и пустили еще по выстрѣлу въ преслѣдователей.

Въ десяти шагахъ отъ насъ, не болѣе, зіялъ черный четвероугольникъ, заваленный снизу до половины входа въ мазарку... Мѣшкать было нечего, я высадилъ Надежду Васильевну, выхватилъ Колю и бѣгомъ кинулся къ этому спасительному входу.

Замѣтивъ нашъ маневръ, преслѣдователи остановились у подножья холма; они этимъ дали намъ возможность перебраться изъ саней въ наше новое убѣжище... Ямщикъ только-что соскочилъ на землю,—какъ вдругъ схватился за бокъ и упалъ... Раненъ онъ или убитъ, я не замѣтилъ... не до того было... Порогъ, загораживающій входъ, былъ высокъ, съ трудомъ я пересадилъ черезъ него Надежду Васильевну и обернулся, чтобы еще разъ выстрѣлить... Смотрю, а Воробьевъ опустилъ ружье внизъ, страшно поблѣднѣлъ и держитъ себя рукою за голову...

— Задѣли, подлецы,—простопалъ онъ...—Кажется плечо!

Я кинулся къ нему на помощь—и помогъ ему тоже пролѣзть въ мазарку. Я забрался туда послѣднимъ...

Въ данную минуту мы были, относительно, въ безопасности...

Внутреннее помѣщеніе нашего убѣжища было не болѣе четырехъ квадратныхъ саженъ. Свѣтъ въ него проникалъ только изъ входного отверстія, но такъ какъ это отверстіе было довольно велико, то свѣта было совершенно достаточно, чтобы разсмотрѣть аляповатыя фрески, которыми испещрены были стѣны мазарки...

Въ своихъ прежнихъ этнографическихъ очеркахъ я часто описывалъ во всѣхъ подробностяхъ подобныя могильныя сооруженія номадовъ, а потому и пропускаю эти подробности теперь, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ настоящемъ положеніи не до того было, чтобы восхищаться наивными рисунками кочевыхъ художниковъ.

Да, наше положеніе,—когда мы осмотрѣлись, оказалось гораздо хуже, чѣмъ мы предполагали...

Антипъ Михайловичъ былъ раненъ серьезно... Едва только я помогъ ему спрятаться, правильнѣе, втащилъ его въ мазарку на рукахъ, какъ онъ впалъ въ безпамятство... Онъ только успѣлъ пробормотать:—Колю... Колю не забыли-ли...— и уже болѣе не произносилъ ни слова...

Несчастный отецъ, вѣроятно, думалъ, что его ребенокъ, впопыхахъ, оставленъ въ саняхъ. Надежда Васильевна нагнулась къ самому уху мужа и громко крикнула:

— Здѣсь... всѣ здѣсь... спасены...

Она не заплакала, она не потеряла нисколько присутствія духа и, закутавъ ребенка въ свой бурнусъ, уложила его на полъ, къ стѣнкѣ, выбравъ наиболѣе безопасное мѣсто отъ выстрѣловъ.

Пули хищниковъ могли только влетать въ этотъ четвероугольный входъ, заваленный снизу порогомъ... Стѣны-же мазарки настолько толсты, что ихъ не могла-бы пробить никакая пуля, даже изъ лучшаго оружія, чѣмъ мултуки и дрянныя ружья нападающихъ...

Подкравшись осторожно къ выходу, я взглянулъ, что дѣлается въ степи...

Наши сани стояли всего въ нѣсколькихъ шагахъ... Одна пристяжная, какъ я уже говорилъ, была раньше убита, другая успѣла-таки оторваться и ускакать, а коренная, запутав-

шись въ своей упряжи, упала и лежала на сломанной оглоблѣ, силясь подняться на ноги... Можетъ быть, и она была ранена... Я не знаю... Ямщикъ киргизъ лежалъ неподвижно, ничкомъ и, казалось, было убитъ на повалъ... Я не имѣлъ никакой возможности убѣдиться въ этомъ... Я его пробовалъ окликнуть, но мой призывный окликъ остался безъ всякаго отвѣта...

Въ мазаркѣ холодно и сыро... Надежда Васильевна дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ... Въ саняхъ есть запасное платье, но его нельзя достать... Зоркіе разбойники замѣтили, какъ я выглянулъ, и тотчасъ же нѣсколько пуль влетѣло въ мазарку и шлепнулось о стѣны... Въ саняхъ есть также вино и съѣстные припасы... Мы въ нихъ пока не нуждаемся, но скоро будемъ нуждаться... Все это для насъ тоже недосягаемо... Мы можемъ утѣшаться только тѣмъ, что и киргизы, въ свою очередь, не рискнутъ подступить близко къ санямъ, эта попытка была бы для нихъ слишкомъ рискованна...

Мы съ Надеждою Васильевною рѣшили дождаться ночи— темноты... Попытаемся тогда что-нибудь сдѣлать...

Я сижу и наблюдаю входъ; Надежда Васильевна возится около мужа, она ощупываетъ ему раненую голову и пробуетъ остановить кровь, медленно текущую, густою, темно-красною струею... Коля не плачетъ, онъ слишкомъ напуганъ, чтобы плакать, и робко смотритъ вокругъ своими серьезными, широко раскрытыми глазенками...

Разбойники держатся внѣ вѣрнаго выстрѣла; они съѣхались въ кучу и совѣщаются... Вотъ отъ этой кучи отдѣлился одинъ всадникъ и поскакалъ въ степь... Вотъ его окликнули, вернули... Тотъ махнулъ рукой и снова поскакалъ... Вдали чернѣетъ еще какая-то группа: это наши вторыя сани... Что тамъ дѣлается, разобрать невозможно...

Солнце уже спускается къ горизонту... Я его не могу видѣть и замѣчаю только розовые отблески, скользящіе по степи, голубыя тѣни на низкихъ мѣстахъ и впадинахъ... Этотъ отблескъ становится ярче, золотистѣй, тѣни темнѣе... Послѣднія все расширяются и расширяются, первый съуживается... Вотъ уже только на гребняхъ холмовъ вытягиваются чуть замѣтныя полоски... Вотъ и тѣ потухли... Въ мазаркѣ уже совершенно темно... Темнѣетъ и степь, охваченная покровомъ ночи...

Звѣзды высыпали на небѣ... Морозно... Воздухъ чистъ и прозраченъ... Завтра тоже хорошій день, что только онъ принесетъ намъ!..

— Рана не опасна,—произнесла въ эту минуту Надежда Васильевна, — вотъ пуля: она только кожу пробила, а кость, кажется, не тронула... Я помню, мнѣ говорилъ докторъ, въ прошломъ году, кажется... Онъ говорилъ, что если трогать руками черепъ и не слышно треска, значитъ, онъ цѣлъ... Попробуйте, пожалуйста, попробуйте... Я, можетъ быть, ошибаюсь... Попробуйте...

Я исполнилъ ея желаніе... Она была права...

— Ну, что... ну, что?—спросила она, схвативъ меня за плечо...—Ну, какъ вы нашли?..

Въ голосѣ ея слышалось столько тревоги, столько затаеннаго, мучительнаго страха, за жизнь мужа, что я бы рѣшился солгать ей, если бы это надо было... Но, къ счастью, мнѣ лгать не приходилось.

— Слава Богу!—произнесъ я.

— Слава Богу!—повторила она, чуть слышно, и нагнулась зачѣмъ-то къ ребенку...

Когда стемнѣло окончательно, мнѣ удалось ползкомъ добраться до саней и перетаскать оттуда все необходимое, я захватилъ коверъ, полушубокъ, мѣшки изъ волчьей шкуры, которыми обыкновенно проѣзжіе кутаютъ себѣ ноги, погребецъ съ чайными принадлежностями и кулекъ съ замороженнымъ хлѣбомъ...

— Тамъ у меня спиртовая кострюлька есть... Она сзади уложена, подъ сидѣньемъ. Вотъ бы ее хорошо теперь... Тамъ и спиртъ есть въ плетеной бутыли... Поищите...—просила меня Надежда Васильевна.

Все это было, дѣйствительно, хорошо въ настоящемъ нашемъ положеніи, на столько хорошо, что стоило рискнуть еще разъ и отправиться на вторичную экскурсію къ санямъ...

Эта вторая экскурсія была менѣе удачна: — едва только я отыскалъ все, что слѣдуетъ, какъ послышались разомъ два выстрѣла, и одна изъ пуль щелкнулась почти около моихъ ногъ, заставивъ меня, какъ лисицу въ нору, юркнуть поскорѣе въ спасительное убѣжище...

Сколько времени придется намъ просидѣть въ этой мазаркѣ—неизвѣстно... Можетъ быть, счастливый случай выве-

детъ насъ завтра-же отсюда, можетъ быть, еще не разъ придется намъ встрѣчать и привѣтствовать свѣтлую полосу утренней зари, ту самую, что мы ясно видимъ теперь, выглядывая украдкою изъ отверстія мазарки...

Кромѣ того, что киргизы могутъ долго держать насъ въ осадѣ, держать до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставитъ насъ добровольно сдаться, они могутъ даже и не трудиться рыскать вокругъ этого могильнаго холма и оставить насъ пока въ относительномъ покоѣ... Мы, вѣдь, все равно, не можемъ уйти... Мы должны сидѣть и ждать случая... Какъ мы уйдемъ отсюда?.. Пѣшкомъ? Да развѣ это возможно для Надежды Васильевны съ ея ребенкомъ! А несчастный Антипъ Михайловичъ... развѣ его можно бросить?.. Ну, а что если киргизы уйдутъ, чтобы дать намъ возможность выйдти и отойдти подальше отъ мазарокъ... Тогда имъ, конечно, ничего не будетъ стоить захватить насъ пѣшихъ въ открытой степи и поставить насъ сразу въ полную невозможность къ защитѣ...

Положимъ, станція должна быть близка... Но это-то и есть плохой признакъ. Если-бъ эта станція была цѣла и не занята бандитами,—эти не могли бы такъ безнаказанно рыскать въ ея окрестностяхъ... Значитъ, и съ той стороны нѣтъ никакой надежды на помощь...

Да, мы сдѣлали непростительную глупость, что рѣшились выѣхать... Впрочемъ, выѣзжай мы всѣ вмѣстѣ, никакой бы бѣды не случилось, мы были бы достаточно сильны, если-бы эти негодяи не остались, если-бы эти два труса не бѣжали отъ насъ, при первомъ намекѣ на опасность.

Соображая все это, я долженъ былъ придти къ тому убѣжденію, что намъ долго еще придется просидѣть въ пріютившей насъ мазаркѣ, а потому не мѣшаетъ счесть и провѣрить наши съѣстные, а отчасти и боевые запасы.

Провѣрка первыхъ дала намъ самые плачевные результаты! — Четверть фунта чаю, съ фунтъ, не больше, колотаго сахару, небольшой остатокъ промерзшей ветчины и два хлѣба, оба фунта въ четыре... Вотъ все, что я нашелъ въ саняхъ Антипа Михайловича. Спирта въ бутылкѣ тоже осталось немного; вина едва-бы хватило на нѣсколько добрыхъ глотковъ...

Тутъ только мы съ Надеждою Васильевною вспомнили, что перекладывая лишнія вещи изъ этихъ саней въ мои, мы пере-

ложили также и коробъ съ провизіей, коробъ, который, будь только теперь съ нами, заставилъ-бы насъ несравненно лучшими глазами смотрѣть на наше положеніе... Но этого короба не было...

Печально встрѣтили мы и провели этотъ второй день осады.

Киргизы уѣзжали и снова возвращались, часть ихъ бивакировала у подножья холма, раскладывая огни изъ сухой колючки, торчащей повсюду изъ подъ тонкаго, снѣжнаго покрова; другіе рыскали по окрестностямъ и, казалось, очень мало обращали на насъ вниманія...

Разъ я, вымѣривъ глазами отдѣляющее насъ разстояніе и разсчитавъ полетъ пули изъ моего карабина, захотѣлъ ихъ попугать и выстрѣлилъ... Пуля рикошетировала и пронеслась надъ головами группы, сидѣвшей у огня... Бандиты встревожились, вскочили на ноги и замахали руками, указывая въ нашу сторону... Они кричали что-то, но что именно, нельзя было разслышать, и кончили тѣмъ, что перемѣстили свой бивуакъ подальше, на такое разстояніе, что трата зарядовъ былабы для меня совершенно безполезна...

Въ этомъ отступленіи было, по крайней мѣрѣ, то хорошо, что теперь открылось безопасное сообщеніе съ санями, чѣмъ я и воспользовался для того, чтобы осмотрѣть нашего ямщика и перетащить его въ мазарку, если онъ только раненъ.

Но увы! Тѣло его успѣло уже окостенѣть... Несчастный уже не нуждался ни въ какихъ попеченіяхъ...

У коренной лошади тоже оказалась сломанною одна изъ переднихъ ногъ... Я распуталъ ее, заставилъ подняться на ноги, и бѣдное животное, жалобно заржавъ, заковыляло на трехъ ногахъ въ степь, скусывая на ходу торчащія изъ-подъ снѣга былинки...

Киргизы видѣли мои попытки и продѣлки, стрѣляли по мнѣ, но безуспѣшно... Ихъ пули теперь уже почти не достигали, и ихъ рикошеты едва достигали подножья холма, безполезно бороздя ни въ чемъ не повинную снѣжную поверхность.

Мы зажгли спиртъ, растопили снѣгу въ кострюлькѣ и сварили чай. Надежда Васильевна пила жадно и много... Она только очень умѣренно отнеслась къ хлѣбу и, взявъ одинъ,

незамѣтно отъ меня сунула его подъ коврикъ, на которомъ лежалъ маленькій Коля... Она, вѣроятно, думала, что я не замѣтилъ ея маневра... Бѣдная женщина, бѣдная, мать...

— Знаете что?—сказалъ я ей... Этотъ хлѣбъ—я ей протянулъ тотъ, который остался, — этотъ хлѣбъ вы берегите только для себя и для Коли... Мнѣ не нужно... Я, въ случаѣ чего, могу довольствоваться вонъ и тѣмъ...

Я указалъ ей глазами на убитую лошадь... Надежда Васильевна покраснѣла, слезы заблестѣли у нея на глазахъ, она протянула руку ко мнѣ...

— Я привыкъ къ конскому мясу, оно очень вкусно... Вотъ, погодите, когда стемнѣетъ, я проберусь туда и вырѣжу великолѣпный бифштексъ... Вы сами увидите, какъ это вкусно... Только-бы эти не воспользовались имъ раньше...

Моя шутка развеселила нѣсколько Надежду Васильевну, и она сквозь слезы улыбнулась...

— Еще чаю, мама!—настойчиво потребовалъ ребенокъ.— Съ булкою хочу...

Господи, что будетъ, когда мы снова услышимъ эту дѣтскую просьбу и не будемъ имѣть возможности ее удовлетворить!..

Съ Антипомъ Михайловичемъ дѣлается что-то странное... Онъ дышитъ покойно и ровно, онъ, видимо, не страдаетъ, — онъ спитъ... Но отъ этого сна ничѣмъ нельзя его разбудить... Онъ не вздрагиваетъ даже, когда своды мазарки гулко отражаютъ звукъ выстрѣловъ... Когда ему прикладываютъ къ головѣ компрессы изъ снѣга,—въ его лицѣ не дрогнетъ ни одна жилка... онъ не чувствуетъ холода...

Разжавъ крѣпко, судорожно стиснутыя губы, я влилъ ему въ ротъ немного чаю съ виномъ, не болѣе чайной ложки... Проглотилъ-ли онъ это, или нѣтъ, я не могъ замѣтить... Надежда Васильевна говоритъ, что будто проглотилъ...

Вотъ и второй день подходитъ къ концу:—положеніе дѣлъ не мѣняется... Только къ киргизамъ, осаждавшимъ нашъ холмъ, прибыла еще большая партія, человѣкъ до пятидесяти... Половина изъ нихъ осталась здѣсь, а другіе уѣхали и угнали съ собой большой смѣшанный косякъ лошадей и рогатаго скота, отбитый ими, вѣроятно, у не принявшихъ участія въ возстаніи мирныхъ киргизовъ...

Все это не предвѣщаетъ ничего хорошаго... Даже самое относительное бездѣйствіе осаждавшихъ доказывало только полную увѣренность ихъ въ успѣхѣ и безнаказанности... Они, значитъ, хорошо знали, что къ намъ ни откуда не можетъ придти никакая помощь...

Я не дѣлился, конечно, съ Надеждою Васильевною моими грустными выводами, но она сама была опытная степнячка, отлично понимала и отлично оцѣнила все происходящее...

Она быстро похудѣла, въ глазахъ ея я не разъ читалъ полную безнадежность. Она, повидимому, равнодушно относилась къ положенію мужа... Да и чѣмъ-же оно худо, чѣмъ оно хуже нашего... Онъ теперь покоенъ и не сознаетъ ничего, мы волнуемся и бѣдствуемъ; онъ, можетъ быть, не сегодня, завтра умретъ, а мы... Кто поручится намъ, что мы сами завтра будемъ живы!..

Только ребенокъ сильно смущалъ и огорчалъ Надежду Васильевну... Бѣдная мать, вѣроятно, себя обвиняла во всемъ случившемся и считала своего Колю жертвою ея ошибки...

Разъ даже это самое обвиненіе сорвалось съ ея языка въ видѣ фразы:

— Если-бы я была одна съ мужемъ, я могла-бы рисковать... а теперь...

Она не договорила, но мысль ея была совершенно понятна...

Я услышалъ легкій стонъ въ углу, гдѣ лежалъ Антипъ Михайловичъ; Надежда Васильевна стремительно бросилась въ ту сторону, я тоже. Больной раскрылъ до половины глаза и тотчасъ-же сомкнулъ ихъ снова... Онъ пошевелилъ губами... и теперь уже ясно, замѣтно проглотилъ еще одну ложку чаю. Пожалуй, онъ будетъ... виноватъ,—онъ могъ-бы быть живъ...

Провизія вся съѣдена... Осталось только нѣсколько крохъ... Надежда моя на убитую лошадь не сбылась: ее еще прежде заката солнечнаго утащили къ себѣ киргизы... Правда, это имъ стоило одного тяжело раненаго, но что значитъ этотъ одинъ, когда ихъ теперь человѣкъ сорокъ, если не больше...

И спиртъ нашъ приходитъ къ концу, какъ мы умѣренно ни употребляемъ его, грѣться нечѣмъ... Желудокъ пустъ... Меня трясетъ почти непрерывный, лихорадочный ознобъ. Надежда Васильевна съежилась въ углу, закутавшись ковромъ,

тамъ съ ней и ея Коля. Мнѣ остается только бѣгать по мазаркѣ изъ угла въ уголъ, чтобы согрѣть себя хоть движеніемъ.

Странно, когда я выходилъ на воздухъ, тамъ было несравненно теплѣй, чѣмъ подъ этимъ сырымъ, могильнымъ сводомъ... Какая тишина въ степи, какое безвѣтріе... Кругомъ заволакиваетъ густымъ туманомъ: морозъ смѣнился замѣтною оттепелью... Солнце, красное, багровое такое, спускается въ эту дымчатую, тяжелую мглу... Между киргизами замѣтно какое-то безпокойное волненіе... они сговариваются... уже не готовятся-ли они къ послѣдней, рѣшительной атакѣ?..

Между тѣмъ киргизы, сбившись въ кучу, поговорили, поговорили и вдругъ понеслись крупною рысью не къ намъ, а совсѣмъ въ противоположную сторону.

Вотъ они выбрались на дорогу, оглянулись на нашъ курганъ, пріостановились на минуту и снова тронулись въ путь..

Я вылѣзъ изъ мазарки и наблюдалъ за ихъ маневрами... Вотъ вся вереница скрылась за холмомъ... тамъ-ли она остановилась, или пошла дальше, я уже не могъ видѣть...

Заунывный гулъ несся по степи съ противоположной стороны. Тяжелая, молочно-свинцовая туча медленно поднималась изъ-за горизонта, расползаясь по всему небу... Солнце зашло за эту тучу, и багровый, кровавый свѣтъ заискрился на ея окраинахъ.

Гулъ и вой въ степи съ каждою минутою усиливался... Мелкіе хлопья снѣга замелькали и закружились въ воздухѣ... Вѣтеръ палеталъ съ порывами, но въ промежуткахъ между этими шквалами мгновенно водворялась полная тишина... Темнѣло быстро, и скоро уже было невозможно различать предметовъ... Даже тяжелыя очертанія мазарки сливались въ общемъ мракѣ... Только въ той сторонѣ, гдѣ опустилось солнце, чуть-чуть свѣтились, словно накаливались, менѣе сгущенные слои надвигающейся тучи... Да въ высотѣ, надъ самыми головами, одна за другою погасали чуть мерцающія звѣзды...

Я понялъ теперь причину внезапнаго бѣгства степныхъ бандитовъ... Они во время замѣтили приближеніе страшнаго бурана, снѣжнаго урагана, заметающаго иногда и срывающаго цѣлыя становища и аулы...

Я едва успѣлъ вскочить въ мазарку, какъ разразился

первый ударъ могучей мятели... Въ той сторонѣ, гдѣ находились наши сани, послышался трескъ... Жалобный волчій вой раздался у самаго входа... Эти бездомные бродяги, вѣроятно, сами разсчитывали спастись и укрыться въ мазаркѣ, они это часто дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ, но теперь, почуявъ тамъ присутствіе человѣка, они не рѣшились отбить себѣ силою занятое мѣсто и только невыносимымъ, то злобнымъ, то жалобнымъ, почти страдальческимъ вытьемъ, выражали свое огорченіе...

Намъ было не до волковъ, но на всякій случай я выстрѣлилъ, выставивъ ружье въ отверстіе.

Порывъ вѣтра словно у самаго дула оборвалъ звукъ выстрѣла... Я, по крайней мѣрѣ, его не слышалъ...

Всю ночь бушевалъ буранъ, и его удары глухо отражались подъ сводами мазарки... Въ страшной, непроницаемой темнотѣ сидѣли мы, прижавшись къ стѣнѣ, и прислушивались къ этимъ могучимъ ударамъ... Иногда намъ казалось, что стѣны мазарки не выдержатъ и рухнутъ, придавивъ насъ, расплющивъ своими развалинами, но это были напрасныя опасенія... Сколько десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ лѣтъ, стоитъ такое приземистое, самобытное сооруженіе... сколько десятковъ степныхъ бурь выдержало уже оно, выдержитъ и теперь... А кто знаетъ, можетъ быть, эта буря послана намъ для спасенія; можетъ быть, она далеко угонитъ разбойниковъ, можетъ быть, замететъ ихъ подъ своими сугробами и откроетъ намъ свободную и безопасную дорогу... будемъ-же ждать утра и надѣяться...

За часъ до разсвѣта ураганъ началъ замѣтно стихать... Дальше и дальше уносилось его завываніе... Снова замелькали на горизонтѣ разрозненныя звѣзды... Вотъ и разсвѣтъ начинаетъ золотить край неба... брр... какъ холодно стало... зубы у меня выбиваютъ дробь, я не въ силахъ удержать дрожанія своихъ челюстей... Коля плачетъ и тоскливо жалуется, что ему холодно... Надежда Васильевна закутала его всѣмъ, что только осталось у ней годнаго для этой цѣли... Антипъ Михайловичъ очнулся; должно быть, тоже отъ холода, и чуть слышно, едва внятно, произнесъ:

— Гдѣ мы?..

Разсвѣло.

Я снова вышелъ для осмотра окрестностей... Нигдѣ ни одной живой души не было видно. Наши сани стащило вѣтромъ къ подножью холма, и на нихъ навалило цѣлую гору снѣга; тамъ, гдѣ лежалъ трупъ нашего ямщика, тоже виднѣлось одно только незначительное возвышеніе... Я вернулся, чтобы вдвоемъ съ Надеждою Васильевною обсудить, что намъ предстоитъ дѣлать дальше?..

Надо было на что-нибудь рѣшиться... Если идти было опасно, если, оставляя наше убѣжище, мы рисковали своими головами, то оставаться въ немъ тоже не было ничего утѣшительнаго...

Смерть отъ голода и холода настолько ужасная смерть, что заставитъ предпочесть болѣе легкую смерть отъ ножа разбойника или плѣнъ... Значитъ, надо было идти...

Но Надежда Васильевна была настолько изнурена, что путешествіе пѣшкомъ было уже ей не подъ силу... Да она бы и не рѣшилась оставить своего мужа, какъ я уже говорилъ, значитъ, идти могъ только одинъ я.

На эту идею навела меня сама Надежда Васильевна.

— Вы идите,—сказала она,—кто знаетъ: можетъ быть, на той станціи еще есть люди, не враги; если вамъ удастся добраться туда и извѣстить ихъ о нашемъ положеніи... Ну, и слава Богу... Если-же нѣтъ, если васъ схватятъ и убьютъ, то...—Она не договорила, что именно, но ея мысль была совершенно ясна и убѣдительна...

— Я и одна останусь здѣсь, въ случаѣ чего!—попробовала она улыбнуться и взяла ружье своего мужа...—Идите-же...

Я пожалъ ей руку, поцѣловалъ ребенка и вышелъ...

Разговаривать болѣе не о чемъ... Всѣ великодушныя, величественныя фразы, такъ легко льющіяся съ пера писателя, описывающаго подобныя событія, не вяжутся на языкѣ, на самомъ дѣлѣ...

Я шелъ и шелъ впередъ, даже не оглядываясь на мазарку... Въ головѣ у меня стоялъ мучительный звонъ, уши заложило, ноги подкашивались, глаза не видѣли... Слава Богу! Дорога все подъ гору, снѣгъ не такъ глубокъ... По временамъ только я попадалъ въ наметанные сугробы и съ трудомъ выдѣзалъ оттуда... Мнѣ кажется, что я не шелъ по прямому направленію... Меня качало изъ стороны въ сторону,

руки мои ослабѣли, и я чуть-чуть не уронилъ ружья у себя, а если-бы я его уронилъ, я, очень можетъ быть, поднять его былъ бы не въ силахъ... Если-бы я упалъ самъ или присѣлъ отдохнуть, я бы уже болѣе не поднялся на ноги...

Вотъ что-то чернѣетъ впереди, что — разобрать не могу. да и не стараюсь вовсе... Мнѣ какъ будто рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до какихъ бы то ни было встрѣчъ... Я даже забываю цѣль своего движенія... Я уже двигаюсь безсознательно, машинально, словно въ силу разъ взятаго направленія... Я ничего больше не помню... Мнѣ показалось, что меня окликнули какіе-то голоса... Эти голоса говорили по-русски... Около меня ходили, хлопотали... Лили въ ротъ что-то теплое, что такъ пріятно расплывалось по моимъ внутренностямъ... Мнѣ самому было тепло, такъ хорошо...

Я пришелъ въ себя, вспомнилъ все разомъ и очнулся...

Смотрю: какое-то обгорѣлое строеніе... Закопченныя, полуразвалившіяся стѣны со сгорѣвшимъ потолкомъ, всѣ слѣды разрушенія и погрома... На дворѣ, въ коновязяхъ, стоитъ десятка три казачьихъ лошадей, бродятъ люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, въ фуражкахъ съ синими околышами...

— А ужъ мы думали, что вы не очнетесь... Капутъ. значитъ...—весело улыбаясь, говоритъ мнѣ казачій офицеръ и подноситъ стаканчикъ съ подогрѣтымъ ромомъ...—На-ко, хватите—чудесно будетъ, И какъ это вы очутились въ такомъ положеніи?..

Это была казачья сотня, которая выслана была изъ Казалинска, чтобы усилить станціонные гарнизоны... Она уже много израсходовала людей, идя по тракту, и только сегодня пришла на эту станцію, найдя ее разбитою и ограбленною...

Казаки подняли меня не болѣе, какъ въ ста шагахъ отъ станціоннаго дома и принесли... Такъ какъ я впалъ въ обморокъ единственно отъ голода и изнуренія, то, понятно, нѣсколько глотковъ рому сразу привели меня въ чувство, а стаканъ горячаго чая съ кускомъ холодной баранины развязалъ мнѣ языкъ и заставилъ энергично приняться за спасеніе оставшихся въ мазаркѣ.

Тотчасъ-же нѣсколько казаковъ отправились туда: мнѣ дали лошадь, и я ихъ повелъ, не забывъ захватить съ собою кое-чего съѣстного.

Часа черезъ три, къ вечеру того-же дня, мы, уже всѣ вмѣстѣ, весело толковали о прошедшихъ бѣдахъ, а на другой день, уложивъ въ сани тоже пришедшаго въ себя Антипа Михайловича, тронулись въ путь, подъ конвоемъ десяти казаковъ, до слѣдующей станціи, съ которой, какъ намъ сказали, путь до самаго Казалинска-совершенно свободенъ и безопасенъ.

Въ Казалинскѣ Антипъ Михайловичъ выздоровѣлъ окончательно отъ своей раны, и мы всѣ четверо, считая и маленькаго Колю, стали съ тѣхъ поръ большими друзьями и не разъ, за дружескою бесѣдою, вспоминали свои дорожныя бѣдствія, эти трое сутокъ въ мазаркѣ...

Послѣ мы узнали, что станція, съ которой мы выѣхали, была атакована въ тотъ-же день многочисленною партіею киргизовъ... Она была сожжена до тла, урядникъ, двое казаковъ и ротмистръ Колупаевъ убиты, и трупы ихъ найдены подъ обгорѣвшими развалинами. Что-же касается до храбрецовъ Яши и Паши, то оба они доскакали все-таки до станціи, но прибыли туда какъ разъ въ минуту погрома и катастрофы,— и оба были уведены въ Хиву, въ плѣнъ, вмѣстѣ съ полупьянымъ товарищемъ ротмистра Колупаева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Рискованный сеансъ	3
Портретъ	9
Страшное мгновеніе	19
Зара-Булакскія высоты	45
Ургутъ	78
Городъ мертвыхъ	112
Юнуска-головорѣзъ	119
Рахмедъ-Инакъ, бекъ Зааминскій	131
Старый Кашкара	164
Джигитская честь	177
Три дня въ мазаркѣ	195

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

ВЪ ПОРОХОВОМЪ ДЫМУ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежд.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 14 МАРТА 1905 г.

ТИПОГРАФІЯ И. Н. СКОРОПИНА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТРѢЛЯЧНАЯ, 12.

I.

Пароходъ „Діана".

— Мостки долой!

— Есть!..

— Свистокъ!.. ГеприхъБуцъ, разгони багромъ эту сволочь. Бей по рукамъ! Эй вы, оборвыши, отъ трапа прочь! Дорогу! Негодяй Кабріо опять пьянъ! Боцманъ, спрячьте эту каналью въ угольную яму! Pardon, madame!

Капитанъ Мюленгофъ, вѣжливо раскланиваясь съ прикладываніемъ указательнаго пальца къ козырьку фуражки, обратился къ какой-то дамѣ, растерявшейся между своими безчисленными саквояжами и картонами, и тяжелою, чисто-морскою походкою сталъ взбираться по рѣзнымъ желѣзнымъ ступенькамъ лѣстницы, ведущей на верхнюю площадку парохода, гдѣ было его, господствующее надъ всѣмъ остальнымъ, капитанское мѣсто.

Пронзительный свистокъ пронесся въ воздухѣ, покрывъ на минуту глухой гулъ и смѣшанный говоръ разноплеменной, пестрой толпы отъѣзжающихъ и провожающихъ; сильная струя бѣлаго пара взвилась высоко, спугнувъ десятокъ голубей, усѣвшихся было спокойно на рей фокъ-мачты. Безконечная палуба вздрогнула и колыхнулась подъ тысячами пассажирскихъ ногъ, колыхнулась тяжелая пристань на баркахъ, колыхнулись близъ стоящія суда—и пароходъ «Діана», медленно отдѣлившись отъ борта пристани, началъ свой трудный поворотъ, чтобы стать носомъ къ проходу, выводящему изъ этого лабиринта судовъ подъ всевозможными флагами, изъ этого лѣса рангоута и такелажа, въ свободныя для движенія воды Мраморнаго моря.

Пароходъ «Діана» — это одинъ изъ самыхъ большихъ австрійскихъ пароходовъ, тріэстской компаніи, совершающихъ рейсы между Тріэстомъ, Константинополемъ и Смирною. Въ безчисленныхъ каютахъ и на трехъярусныхъ палубахъ этого судна помѣщается до двухъ тысячъ пассажировъ. Колоссаль-

ная машина, если не ошибаюсь, въ четыреста восемьдесятъ лошадиныхъ силъ, приводитъ въ движеніе могучій винтъ за кормою; гигантскія трубы, кованныя изъ котельнаго двухлинейнаго желѣза, поддерживаемыя прочными цѣпями, протянутыми отъ верхнихъ обручей трубъ къ бортамъ судна крестообразно, изрыгаютъ цѣлыя облака чернаго дыма. «Діана» на своихъ желѣзныхъ мачтахъ носитъ и паруса, помогающіе ей въ эволюціяхъ въ открытомъ морѣ. Ея служебный персоналъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ полутораста человѣкъ, считая, впрочемъ, и кочегаровъ, и машинистовъ, и поваровъ, и даже ресторанную прислугу въ салонахъ перваго и второго классовъ. Судно это — мирное, занимается исключительно перевозкою пассажировъ съ ихъ кладью, а потому на немъ нѣтъ ничего сколько-нибудь напоминающаго артиллерію, кромѣ развѣ небольшой коронады на массивномъ лафетѣ, установленной на носовой части, въ помѣщеніи матросовъ. Это грозное орудіе предназначено только для сигналовъ и салютовъ при болѣе или менѣе знаменательныхъ встрѣчахъ.

Капитанъ парохода—нѣмецъ, его помощникъ—тоже нѣмецъ, старшій машинистъ, завѣдующій конторою, кассиръ, мэтрдотель и все сколько-нибудь чиновное—нѣмцы, матросы-же на половину итальянцы, на половину далматы и албанцы; есть даже два голландца и одинъ англичанинъ. Пестрота національностей экипажа совершенно соотвѣтствуетъ пестротѣ временного населенія судна, населенія, котораго съ избыткомъ хватило-бы на какой-нибудь маленькій городокъ, вродѣ тѣхъ, что пестрѣютъ справа и слѣва на этихъ роскошныхъ склонахъ горъ, покрытыхъ густою зеленью садовъ и виноградниковъ.

Внутреннее помѣщеніе судна состоитъ изъ трехъ ярусовъ; два верхнихъ предназначены для пассажировъ и экипажа, нижній для склада товаровъ, багажа и разныхъ хозяйственныхъ запасовъ. Вся средняя часть занята колоссальной машиною съ топками. Громадный люкъ надъ машиною, въ двадцать два метра длиною и восемнадцать шириною, прорѣзываетъ всѣ три палубы, и сообщеніе съ носовою частью парохода на кормовую производится посредствомъ изящныхъ, легкихъ, какъ кружево, желѣзныхъ, ажурныхъ мостковъ съ высокими предохранительными перилами. Пассажиры любятъ обыкновенно останавливаться на такихъ мосткахъ и съ нѣ-

которымъ страхомъ, а ужъ непремѣнно съ самымъ неудержимымъ любопытствомъ, наблюдать за всѣмъ, что дѣлается тамъ, внизу, гдѣ, какъ въ нѣдрахъ ада, господствуетъ красно-огненное освѣщеніе, гдѣ молчаливо двигаются какія-то черныя фигуры, откуда слышны звонъ и брязгъ желѣза, отрывистыя приказанія и еще болѣе отрывистые отвѣты, шорохъ ссыпаемаго угля и тяжелые, удушливые вздохи паровика-гиганта.

Ровно, плавно, отчетливо, мягко движется могучій механизмъ; не суетясь работаютъ тамъ, внизу, эти черные, съ виду похожіе на негровъ люди, изрѣдка взглядывая наверхъ, на эти вереницы любопытствующихъ лицъ на мосткахъ, и молчаливымъ, весьма выразительнымъ жестомъ приглашаютъ публику смотрѣть не даромъ, а заплатить за это брошенной внизъ папироскою или окуркомъ дорогой сигары, въ чемъ, конечно, пассажиры отказываютъ весьма рѣдко.

Помѣщенія въ кормовой части судна расположены такимъ образомъ: по верхней палубѣ тянется до самой кормы громадная рубка съ окружающимъ ее открытымъ корридоромъ, защищеннымъ отъ дождя и солнца полотнянымъ навѣсомъ; двѣ двери, отъ праваго и лѣваго бортовъ, ведутъ внутрь этой рубки; входя въ эти двери, пассажиръ попадаетъ въ изящно меблированный салонъ для чтенія и куренія; здѣсь же помѣщаются конторка кассира и массивные буфетные шкафы, прочно привинченные къ палубѣ; отсюда широкая рѣзная дверь со стеклами ведетъ въ роскошный салонъ, освѣщенный множествомъ небольшихъ четырехугольныхъ оконъ, расположенныхъ съ небольшими одно отъ другого промежутками; простѣнки между оконъ украшены пейзажами и зеркалами; вдоль стѣнъ тянутся мягкіе, комфортабельные диваны, крытые пунцовымъ бархатомъ; передъ диванами длинные обѣденные столы, уставленные вазами съ цвѣтами, экзотическими растеніями и золочеными канделябрами. Все это прочно прикрѣплено къ своимъ мѣстамъ, такъ какъ иначе все это полетѣло бы въ разныя стороны при морской качкѣ. Мягкіе узорные ковры съ протянутыми по нимъ бѣлыми узенькими половиками заглушаютъ топотъ ногъ пассажировъ; два большихъ вентилятора, выходя наверхъ ворочающимися, загнутыми раструбами, непрерывно работаютъ надъ перемѣною испорченнаго воздуха, а потому въ этомъ комфортабельномъ салонѣ, несмотря на многочисленность публики, дышится легко

и пріятно. На двухъ противоположныхъ концахъ салона расположено два люка съ лѣстницами, ведущими въ дамское и мужское помѣщенія, а также и отдѣльныя каюты. Спустившись по этимъ лѣстницамъ, вы попадете въ общія спальни, гдѣ койки расположены въ три яруса въ отдѣльныхъ купе, закрытыхъ со стороны прохода тяжелыми драпировками.

Надъ рубкою, т. е. на крышѣ верхняго помѣщенія, устроенъ еще сплошной навѣсъ, въ тѣни котораго разставлена болѣе легкая, деревянная и складная желѣзная мебель; этотъ навѣсъ предназначенъ для прогулокъ въ хорошую погоду. Онъ имѣетъ сообщеніе съ такимъ же навѣсомъ, устроеннымъ надъ верхнею рубкою въ носовой части, въ помѣщеніи пассажировъ второго класса. Расположеніе этого класса въ томъ же родѣ, какъ и перваго, такъ же комфортабельно, но гораздо проще, уже безъ всякихъ претензій на роскошь и изящество. Эта рубка гораздо короче, такъ какъ она значительно не доходитъ до носа судна, гдѣ на палубѣ отведено помѣщеніе для пассажировъ третьяго класса, о комфортѣ которыхъ никакихъ заботъ не полагается.

Нижнія части судна и, наконецъ, такъ называемый трюмъ вмѣщаютъ въ себѣ, какъ я уже сказалъ, склады багажа, товаровъ и хозяйственныхъ запасовъ; тамъ же находится и помѣщеніе для угля, «угольная яма» на морскомъ жаргонѣ, куда, по приказанію капитана Мюленгофа, два плечистыхъ матроса-албанца потащили пьяницу Кабріо, поощряя его внушительными пинками сзади.

Въ данную минуту «Діана» отходила отъ константинопольской пристани и шла на Тріестъ; это былъ ея второй рейсъ сезона 1876 года.

II.

Пассажиръ въ очень большой, тяжелой буркѣ и съ очень маленькимъ, легкимъ багажемъ.

— Этотъ мохнатый медвѣдь не далъ ничего заработать бѣдному носильщику.

— Да его багажъ по силамъ десятилѣтней дѣвочкѣ. Въ одну руку взять нечего.

— Не говори! Не знаю, что у него въ этомъ длинномъ сверткѣ, но, кажется, что-то тяжелое.

— Знаемъ, что!..

— Смотри, смотри, онъ въ своихъ сапожищахъ прямо въ первый классъ полѣзъ. Достанется тамъ коврамъ и бархатной мебели!

— Что-жъ, ничего—сапоги чистые! Ну, берись, Михель, за мостки; разъ, два!

«Мохнатый медвѣдь», о которомъ болтали убиравшіе мостки матросы, взошелъ послѣднимъ на палубу «Діаны» и, махнувъ на прощанье фуражкою кому-то изъ толпившейся на набережной и пристани публики, осторожно пробрался между наваленными въ безпорядкѣ, еще неубранными сундуками, саквояжами и чемоданами и юркнулъ въ дверь фойе перваго класса, предъявивъ при входѣ клочекъ зеленой бумажки.

Въ рукахъ у этого пассажира былъ только маленькій кожаный мѣшокъ и что-то продолговатое, обернутое темно-зеленою фланелью и обвязанное ремнями,—багажъ, который дѣйствительно не стоило передавать на руки носильщиковъ.

Одѣтъ этотъ пассажиръ былъ въ коротенькій черный сюртукъ, плотно застегнутый на всѣ пуговицы, по военной привычкѣ, и высокіе охотничьи сапоги, охваченные ниже колѣнъ ремнями съ пряжками. На его широкія плечи накинута была теплая кавказская бурка, на головѣ—маленькая черная шелковая фуражка.

Войдя въ фойе, «мохнатый медвѣдь» тотчасъ же спустился въ нижнее помѣщеніе, гдѣ и выбралъ себѣ одну изъ свободныхъ коекъ, поближе къ выходу.

— Gutten Morgen!—привѣтствовала его чья-то жирная, голая спина, вытаскивавшая изъ своего чемодана чистую рубашку на смѣну.

Пассажиръ въ буркѣ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ на это привѣтствіе и тотчасъ же перемѣнилъ выбранное имъ сначала мѣсто.

Здѣсь онъ тщательно уложилъ вдоль стѣнки свой продолговатый свертокъ, прикрылъ его буркою, небрежно бросилъ подъ койку дорожный мѣшокъ и, приведя свой костюмъ въ порядокъ, поднялся снова въ фойе, а оттуда тотчасъ же на верхнюю палубу—наблюдать за отплытіемъ «Діаны».

Широкая, пестрая, оживленная картина развернулась передъ его глазами.

Весь Константинополь раскинулся живописною панорамою, занимая оба берега Золотого Рога. Яркое мартовское солнце освѣщало эти сплошныя массы строеній то европейскаго, то азіятскаго, то какого-то смѣшаннаго, неопредѣленнаго стиля. Стройныя колоны минаретовъ и полукруглые куполы мечетей, блистая бѣлизною мрамора и золотомъ, отчетливо, словно вырѣзныя декораціи, рисовались на ярко-голубомъ небѣ. Темными, синеватыми трещинами виднѣлись изгибы и повороты узкихъ улицъ. Кое-гдѣ массы строеній красиво прорѣзывали зеленыя группы садовъ и стройные, поднимающіеся къ небу, словно конкурирующіе съ безчисленными минаретами султаны тополей и кипарисовъ. Мостъ, ведущій къ Галату, соединяющій оба берега Золотого Рога, тянулся прямою, красивою линіею, отражаясь въ прозрачныхъ водахъ залива со всѣмъ, что двигалось въ немъ и около. Тысячи каиковъ и лодокъ бороздили воду по всѣмъ направленіямъ. Тамъ, по ту сторону моста, гдѣ находилась военная гавань, виднѣлись ряды безмолвныхъ, безлюдныхъ турецкихъ мониторовъ, тамъ было тихо и неподвижно, зато здѣсь, по эту сторону моста, все кипѣло жизнью, все сливалось въ одно безконечное, пестрое, разнообразное движеніе.

Пароходъ «Діана» тихимъ ходомъ плавно рѣзалъ воду залива; двѣ широкія, волнистыя борозды далеко тянулись за нимъ, разбиваясь о бока тяжелыхъ судовъ, приводя въ движеніе все плывущее, что попадалось на пути. Весело посвистывая, словно перекликаясь между собою, бойко бѣжали легкіе пароходы; тяжело пыхтя, тянулись буксирные, волоча за собою вереницу парусныхъ судовъ и барокъ. Лавируя между всѣмъ этимъ, «Діана» скоро выбралась на свободу и дала «полный ходъ».

Долго еще стояли пассажиры, не спуская глазъ съ исчезающаго изъ виду, словно погружающагося въ море великаго историческаго города; сотни биноклей были устремлены въ ту сторону. Смотрѣлъ туда-же и «мохнатый медвѣдь», только простымъ, невооруженнымъ глазомъ, прикрывшись рукою отъ непривычнаго южнаго солнца.

Снизу послышался звонокъ, призывающій къ роскошно

сервированному завтраку, и нѣсколько минутъ спустя верхняя палуба опустѣла. Остался только одинъ «мохнатый медвѣдь», превратившійся, впрочемъ, послѣ того, какъ онъ снялъ бурку, въ очень стройнаго, даже изящнаго молодого человѣка.

Онъ, должно быть, ужъ плотно позавтракалъ еще передъ отъѣздомъ, а потому предпочелъ прогуляться по палубѣ и осмотрѣть пароходъ со всѣмъ, что на этотъ разъ помѣщалось на его палубахъ.

Пройдя раза два по платформѣ перваго класса, пассажиръ поднялся на капитанскій мостикъ, граціознымъ кивкомъ головы отвѣтилъ на вѣжливый поклонъ капитана (капитаны пароходовъ всегда очень вѣжливы относительно пассажировъ перваго класса) и спустился на платформу носовой рубки.

Здѣсь было довольно много всякаго пестраго люда: греки изъ Корфу въ своихъ бѣлыхъ юбкахъ и черныхъ жилетахъ; армяне съ откидными рукавами, въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ; евреи—все такіе-же, какъ и вездѣ; турки въ полуевропейскомъ, полуазіятскомъ костюмѣ; виднѣлись даже двѣ-три чалмы и коническая шапка дервиша-монаха; цивилизованные сюртуки, пальто и пиджаки съ дорожными сумочками черезъ плечо, пасторскій бѣлый нагрудникъ подъ гладковыбритымъ, голубоватымъ подбородкомъ и двѣ бороды съ просѣдью, въ длинныхъ черныхъ рясахъ и въ фіолетовыхъ шапочкахъ, напоминающихъ камилавки нашего духовенства.

Бѣгло осмотрѣлъ новый пассажиръ всѣ эти разноцвѣтныя группы, и глаза его, очень красивые каріе глаза, раскрылись нѣсколько шире, на молодомъ лицѣ выразилось нѣчто вродѣ удивленія. Онъ пристально смотрѣлъ теперь на трехъ пассажировъ, расположившихся въ тѣни навѣса, около столика съ приборомъ. Эти пассажиры были турецкіе офицеры въ регулярныхъ длинныхъ пальто съ красными воротниками и общлагами и въ темнокрасныхъ фескахъ, черныя шелковыя кисти которыхъ спускались ниже затылка. Офицеры эти пили «мастику», смѣсь водки, перекипяченной съ разными пряностями и сахаромъ, и тоже весьма внимательно всматривались въ проходящаго мимо нихъ молодого человѣка.

— Я *его* вчера встрѣтилъ въ рус...—Офицеръ постарше нагнулся и шепнулъ что-то на ухо рядомъ сидящему.

Тотъ, не поворачивая головы, прослѣдилъ глазами по указанному направленію.

— Гмъ!—промычалъ только третій и сталъ свертывать себѣ толстую папиросу, немилосердно мусля языкомъ тонкій листочекъ папиросной бумаги.

— Усмирители...—пробормоталъ съ легкой гримасой презрѣнія молодой человѣкъ и наклонился, облокотясь на перила и глядя внизъ, на палубу третьяго класса, сплошь занятую солдатами низама, въ темно-синихъ шинеляхъ съ бѣлыми перевязями амуниціи и въ полинялыхъ фескахъ съ отрепанными, размочалившимися кистями.

Молодой человѣкъ долго разсматривалъ фигуры солдатъ, вповалку расположившихся на палубѣ, ихъ оружіе, установленное рядами у стѣнокъ боковыхъ каютъ, обратилъ вниманіе даже на огромный барабанъ, украшенный позолотою, и, обратившись къ ближайшему, спросилъ по-турецки:

— Сколько васъ?

Смуглый солдатъ вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго вопроса, боязливо взглянулъ наверхъ и молча перемѣнилъ мѣсто: подальше, молъ, отъ этого любопытнаго иностранца.

— Много!—отвѣтилъ за него другой, съ унтеръ-офицерскою тесьмой на рукавѣ, и сердито сплюнулъ.

Получивъ такой лаконическій отвѣтъ, пассажиръ отошелъ отъ перилъ и направился по другой сторонѣ, миновавъ группу офицеровъ, которая все еще провожала его глазами, пока его фигура не скрылась за пароходною трубою.

— Да благословитъ Господь Богъ дорогу вашу и ваши благія намѣренія!—дотронулся кто-то до его плеча.

Вздрогнулъ, въ свою очередь, и пассажиръ, даже поблѣднѣлъ немного и обернулся.

Албанскій попъ, толстый, ражій дѣтина въ засаленномъ подрясникѣ, пріятно улыбался и, поглаживая длинную, волнистую бороду, стоялъ сзади и повторялъ:

— Да-съ... и ваши благія намѣренія...

— Я по-русски не понимаю,—холодно отвѣчалъ по-турецки молодой человѣкъ, оправившись немного отъ невольнаго смущенія.

— Въ первый разъ вижу русскаго, непонимающаго своего роднаго языка... Въ первый разъ привелъ Господь!—съ лукавою усмѣшкою удивился подрясникъ и пошелъ рядомъ.

— Въ Цетинье изволите ѣхать?

— А хоть-бы и туда!—сорвалось по-русски же съ языка допрашиваемаго.

— Вотъ такъ-то лучше! Такъ-то лучше!— вздохнулъ попъ.

— Да почему-же вы знаете?

— Сердце чувствуетъ... Господь невидимо глаголетъ... Отецъ Иларіонъ уже четвертаго такого же провожаетъ... Пожалуйте-съ!..

Онъ распахнулъ дверцу небольшой каюты, гдѣ на койкѣ, подобравъ ноги, крѣпко спалъ другой подрясникъ, и, почти втащивъ туда молодого человѣка, снова затворилъ дверь.

Пріятная, нѣсколько плутоватая улыбка исчезла съ лица албанскаго попа; онъ серьезно взглянулъ прямо въ глаза гостя и повелительно произнесъ:

— Преклонись! Да будетъ надъ тобою, сынъ мой, Божіе благословеніе... Да сохранитъ тебя Богъ въ бѣдахъ и напастяхъ, отъ меча вражескаго, отъ душевной и тѣлесной немочи... Во славу Божію, во славу честного креста... Аминь.

Старикъ сдѣлалъ рукою крестное знаменіе надъ головою своего гостя и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Иди съ миромъ!—кончилъ онъ и отворилъ дверь.

Съ чувствомъ какой-то непріятной боязливости вышелъ тотъ изъ душной каюты и полною грудью потянулъ свѣжій морской воздухъ.

«Однако, чортъ побери,—думалъ онъ,—мое инкогнито, кажется, открыто... Хорошо еще, если этотъ пропыра—честный человѣкъ, ну, а какъ...»

Онъ вспомнилъ, что между черными подрясниками, вѣчно бродящими по городамъ Турціи, появляющимися всюду, гдѣ ихъ вовсе и не ожидаешь встрѣтить, попадалось не мало турецкихъ шпіоновъ, особенно за послѣднее время. Что, если этотъ толстякъ изъ такихъ-же? Тогда, пожалуй, Господь и не благословитъ его путешествія, чего добраго!

Онъ такъ тщательно сохранялъ свое инкогнито и цѣль своей миссіи, а тутъ—на-поди, всѣ знаютъ! Мало-ли какія могутъ [illegible] непріятности. Такъ и есть! Подрясникъ разговариваетъ съ турецкими офицерами. Вотъ онъ подсѣлъ къ нимъ. На него показываютъ. Рѣчь идетъ, очевидно, о немъ.

Вотъ и этотъ матросъ—ну какое ему дѣло?—прошелъ и оглядѣлъ съ ногъ до головы.

— А вѣтерокъ свѣжѣетъ!—произнесъ, обращаясь къ нему, капитанъ.—Будетъ шквальцикъ... для многихъ пассажировъ это большая непріятность...

— Да, непріятность,—пробормоталъ въ отвѣтъ молодой человѣкъ: знаемъ, молъ, на какихъ пассажировъ ты это намекаешь.

Онъ почти перебѣжалъ мостикъ, спустился въ фойе, оттуда внизъ, прямо къ своей койкѣ, и, осмотрѣвшись кругомъ, первымъ долгомъ еще тщательнѣе припряталъ свой продолговатый свертокъ въ зеленой фланели.

Тутъ только онъ, хладнокровно обсудивъ дѣло и сообразивъ всѣ обстоятельства, мало-по-малу успокоился. Первое, что пришло ему на умъ, это то, что «Діана» идетъ подъ австрійскимъ флагомъ; турки, какъ и онъ, только временные гости—на сутки, не болѣе; они не хозяева здѣсь и ничего не могутъ ему сдѣлать, если-бы... Наконецъ, и бумаги въ порядкѣ, паспортъ и все остальное. Тамъ значится: швейцарскій подданный Лео... и проч., и проч.

«Швейцарскій подданный» даже улыбнулся, вспомня свой прыжокъ изъ каюты черныхъ подрясниковъ и стремительное бѣгство черезъ капитанскій мостикъ.

На всякій случай онъ рѣшилъ показываться въ помѣщеніи второго класса по возможности рѣже.

III.

Свѣжій вѣтеръ.

Пароходъ держалъ курсъ прямо на Галлиполи, перерѣзывая по прямой линіи Мраморное море. Европейскій берегъ Турціи съ своими прелестными городками, расположенными террасами на береговыхъ скатахъ, мало-по-малу исчезалъ изъ вида. Только голубоватая, волнистая полоска виднѣлась въ томъ направленіи; скоро и эта полоска исчезла и вокругъ судна колыхалась одна необозримая морская зыбь, ярко блиставшая на солнцѣ.

— Пассажиры просятъ сервировать обѣдъ на палубѣ,—

заявилъ мэтрдотель, подойдя къ капитану, уступившему уже свое мѣсто помощнику и спускавшемуся внизъ.

— Это будетъ неудобно... Посмотрите туда!

— Слушаю-съ!—почтительно согласился рыжій нѣмецъ во фракѣ и искоса взглянулъ по указанному направленію.

Въ головѣ мэтрдотеля почему-то тотчасъ-же мелькнула мысль о необходимости позаботиться приказать принести изъ кладовой и раскупорить ящикъ съ лимонами.

Высокая фигура, вся въ свѣтло-сѣромъ, клѣтчатомъ, съ гутаперчевымъ непромокаемымъ плащемъ въ рукахъ, поднялась на палубу. Черезъ плечо этого джентльмена висѣлъ на ремнѣ бинокль въ футлярѣ чудовищныхъ размѣровъ, изъ грудного кармана торчала сложенная вчетверо морская карта, а изъ бокового виднѣлся красный корешокъ книги съ застежками и карандашемъ въ металлической оправѣ. Фигура эта словно сорвалась съ какой-нибудь изъ страницъ «Journal Amusant», гдѣ парижскіе рисовальщики такъ мѣтко набрасываютъ каррикатуры на своихъ сѣверныхъ сосѣдей.

Англичанинъ обладалъ самою почтенною, чисто джентльменскою физіономіею: длинныя, аккуратно расчесанныя сѣдыя бакенбарды обрамляли его красивое лицо, голубые глаза смотрѣли спокойно и смѣло, ротъ безъ усовъ, съ слегка сморщенными старческими губами, складывался въ довольно добродушную улыбку, массивные золотые очки украшали его длинный, прямой носъ, и надъ всѣмъ этимъ возвышался открытый лобъ весьма почтенныхъ размѣровъ съ плотно прилегавшимъ къ нему околышемъ клѣтчатой-же шотландской шапочки.

Джентльменъ внимательно осмотрѣлъ горизонтъ, выбралъ себѣ мѣсто поближе къ кормѣ, попробовалъ сильною рукою, прочно-ли привинчена деревянная рѣшетчатая скамья съ откидною спинкою, и, еще разъ взглянувъ въ ту сторону, куда показывалъ мэтрдотелю капитанъ, покойно усѣлся наблюдать за событіями, «имѣющими, по его мнѣнію, совершиться въ природѣ».

А тамъ, на горизонтѣ, отъ азіятскаго берега, поднимались не то вершины какого-то снѣжнаго хребта, не то гряды бѣловатыхъ облаковъ; темно-синія линіи протянулись по морской поверхности, то мгновенно исчезая, то показываясь въ другомъ

мѣстѣ. Зыбь стала замѣтно крупнѣе и «Діана» измѣнила свой плавный ходъ, медленно, тяжело раскачиваясь съ одного борта на другой.

Десятка два матросовъ, шлепая босыми ногами по досчатымъ настилкамъ, стали убирать парусинный тентъ на обоихъ навѣсахъ; трель боцманскаго свистка раздавалась то тамъ, то сямъ; шитый золотомъ мундиръ капитана спрятался подъ неукложій резиновый плащъ съ капюшономъ; бѣлые гребешки запѣнились по верхушкамъ волнъ; туго натянутыя снасти издавали меланхолическій свистъ; какъ-то зловѣще, тяжело, словно надрываясь въ непосильной работѣ, пыхтѣли колоссальныя трубы; въ одной изъ каютъ что-то упало и зазвенѣло по полу своими осколками; нѣсколько дверей отворились сами собою и щелкнули, захлопнувшись снова.

Англичанинъ посмотрѣлъ на часы, вынулъ книгу изъ кармана, отмѣтилъ тамъ, что слѣдуетъ, и тоже надѣлъ плащъ, тщательно прикрывъ его полами свои колѣни.

Человѣкъ двадцать пассажировъ, мужчинъ и дамъ, закутавшись въ плащи и пледы, съ зонтиками въ рукахъ, поднялись тоже наверхъ—полюбоваться начинающеюся бурей.

— Цилиндры — весьма неудобныя шляпы при морскомъ вѣтрѣ,—произнесъ вслухъ, но такимъ тономъ, какъ-бы про себя, англичанинъ, замѣтивъ, какъ какія-то двѣ несчастныя шляпы, описавъ въ воздухѣ параболу, исчезли за бортомъ «Діаны».

— Мраморное море очень безпокойно въ мартѣ,—сообщалъ длинный, горбатый носъ своей дамѣ, упругія, округленныя формы которой ясно обрисовывались подъ плотно охватывавшей ее шалью.—Но вы не безпокойтесь, это скоро пройдетъ. Пять-шесть часовъ—и мы будемъ въ совершенно спокойныхъ водахъ.

— Я и не безпокоюсь нисколько,—отвѣчала дама,—даже напротивъ... Мой мужъ... Я говорила за завтракомъ, что масло было не совсѣмъ свѣжее. Я теперь это чувствую ясно. Ай!

Сильный порывъ вѣтра позволилъ себѣ маленькую нескромность и дама поспѣшила оправить свои безчисленныя юбки.

— Какъ это восхитительно, какъ это восхитительно! N'est ce pas, monsieur George? Этотъ мгновенный блескъ молніи, какъ онъ чудно скользнулъ по волнамъ... C'est charmant!

— Человѣкъ! эй! Нельзя-ли мнѣ принести сюда чашку чернаго горячаго кофе? Эй, послушайте, человѣкъ!—наклонился черезъ перила monsieur George, обращаясь къ какому-то фраку съ салфеткою въ рукахъ, мелькнувшему на мгновеніе въ проходѣ.

— Однако, вѣтеръ не шутитъ.

— Я не понимаю только одного: почему это стало такъ темно? Кажется, еще не такъ поздно.

— Во-первыхъ, половина седьмого, это разъ, а во-вторыхъ, взгляните на небо.

— Ого!

Глухой рокотъ пронесся въ воздухѣ, окончившись коротким, сухимъ ударомъ. «Діана» сильно поднялась носомъ, словно на дыбы встала, и снова нырнула внизъ. Пѣнистый гребень волны плеснулъ выше бугшприта, обдавъ брызгами и группу матросовъ на бакѣ, и турецкихъ солдатъ, прятавшихъ подъ плащи и скамьи свое оружіе, и сигнальную пушку, прикрытую теперь непромокаемымъ брезентомъ.

— Нѣтъ, довольно. Я пойду внизъ. Полюбовался и довольно!—рѣшилъ вслухъ толстякъ съ вывернутымъ зонтомъ.— Нашъ обѣдъ, по случаю качки, отложенъ на неопредѣленное время. Шарль, помоги мнѣ спуститься съ лѣстницы.

— Обопритесь, графъ, на мою руку. Осторожнѣе, здѣсь еще ступенька. Pardon, monsieur!

— Фу, ты, какъ кидаетъ. Такое большое судно, а... Извините, я, право, не виноватъ.

Однако, тошнитъ.

— Mesdames, осторожнѣе съ своими шлейфами. Послать матроса со шваброю, живо!

— Фу, какая гадость!

— Чашку горячаго кофе—это самое лучшее, и нажмите туда побольше лимона.

— Вы думаете?

— По опыту знаю, по личному опыту.

— Этотъ мартъ—невыносимый мѣсяцъ для плаванья. Ай, какъ я испугалась!

Косматая бурка появилась совершенно неожиданно передъ глазами пассажирки и произвела этотъ испугъ. Затѣмъ эта бурка поднялась по лѣстницѣ, осторожно проталкиваясь между

спускавшимися въ безпорядкѣ пассажирами, придерживаясь за перила, пробралась впередъ и усѣлась неподалеку отъ неподвижно сидящаго англичанина.

Минутъ черезъ пять только они двое и оставались наверху. Все остальное попряталось по каютамъ, куда, шатаясь, скользя и чуть не падая, безпрестанно шныряли черные фраки, едва успѣвавшіе удовлетворять безчисленнымъ требованіямъ кофе съ лимоннымъ сокомъ.

Налетѣвшій отъ азіятскаго берега штормъ разыгрывался все сильнѣе и сильнѣе. Солнце уже давно сѣло и сквозь разорванные клочья тучъ кое-гдѣ сверкали звѣзды; крупныя капли дождя звонко падали на палубу; туго натянутыя снасти гудѣли, какъ струны, подъ ударомъ вѣтра; изъ передней трубы, словно изъ жерла кратера, вылеталъ цѣлый огненный снопъ и далеко тянулся по вѣтру.

Далеко, справа, въ темнотѣ мелькнули двѣ свѣтлыя точки, одна ярко-красная, другая—изумрудно-зеленая; надъ ними, какъ разъ посрединѣ, значительно выше, третья—бѣлая. За этими точками тянулся такой же огненный хвостъ, какъ за и «Діаною». Эти точки двигались, не измѣняя своего относительнаго положенія; то красная поднималась выше зеленой, то наоборотъ.

— Мы испытываемъ килевую качку,—словно про себя замѣтилъ англичанинъ,—а *оно* боковую. Это гораздо хуже.

Лео тоже взглянулъ на приближающееся судно, взглянулъ на говорившаго и промолчалъ. Онъ даже не понялъ замѣчанія своего сосѣда, такъ какъ не зналъ по-англійски.

— Амплитуда дуги до сорока градусовъ—это достаточно,—снова замѣтилъ тотъ.

— Гмъ, гмъ,—откашлялся Лео.

Черная масса пронеслась мимо. Огни исчезли.

— «Аврора!»—громко произнесъ англичанинъ.

Лео счелъ долгомъ утвердительно кивнуть головой. Джентльменъ въ плащѣ приставилъ къ глазамъ бинокль, отыскалъ что-то впереди, на горизонтѣ, и, указавъ пальцемъ, произнесъ:

— Галлиполи! Десять часовъ и двадцать минутъ. Вы англичанинъ?

— Я не понимаю по-англійски,—отвѣчалъ Лео на французскомъ языкѣ.

— Французъ?

— Нѣтъ.

— Я не думаю, чтобы вы были нѣмецъ.

— Я—русскій,—не безъ досады въ голосѣ коротко отвѣчалъ Лео.

Ему хотѣлось или промолчать вовсе, или солгать, да почему-то стало совѣстно... Въ голосѣ спрашивавшаго чувствовалась какая-то симпатія, что-то располагающее на откровенность.

— Вы отлично переносите морскую качку. Это хорошо. Это показываетъ натуру здоровую, привычную къ путешествіямъ... Англичане всѣ хорошо переносятъ качку. Почему вы не идете спать?

— А вы почему не идете?

— Страдаю безсонницею... Я сплю днемъ отъ часу до трехъ.

— Куда вы?

— Въ Тріэстъ.

— Нѣтъ, вы не туда ѣдете. Иногда нужно говорить неправду—это бываетъ часто полезно! Со мною надо говорить правду. Вы ѣдете...

— На луну!—разсердился «швейцарскій подданный».

— *Противъ луны* вы хотѣли сказать,—хладнокровно возразилъ англичанинъ и протянулъ ему руку.

Лео не понялъ сначала этого движенія, онъ даже отшатнулся немного.

— Возьмите же. Это вамъ, навѣрное, пригодится.

Пальцы Лео ощупали глянцевитую поверхность визитной карточки съ загнутымъ угломъ.

«Что-за чортъ!» подумалъ онъ, принимая этотъ лоскутъ бумаги и пряча его въ боковой карманъ.—Извините, я не имѣю при себѣ своей...—замялся онъ.

— Не надо! — успокоилъ его англичанинъ. — Идите спать. Молодые люди должны спать по ночамъ. Вѣтеръ уже утихаетъ и скоро смотрѣть будетъ не на что. Идите спать.

Въ тонѣ, какимъ произнесено было это «идите спать», слышалось не то что-то повелительное, не допускающее возраженій, не то что-то ласковое, просящее. Любящій отецъ говорилъ бы такъ своему сыну; голосъ этотъ производилъ на душу Лео

какое-то успокаивающее ощущеніе. Онъ поднялся съ своего мѣста, крѣпко пожалъ протянутую ему руку и, также придерживаясь за перила, пошелъ въ нижнія каюты.

Тамъ уже большинство пассажировъ спало, убаюканное мало-по-малу стихающей качкою. Тусклый свѣтъ лампъ съ спущенными внизъ абажурами слабо освѣщалъ длинный, узкій корридоръ и тяжелыя складки драпировки; вдоль коврика стояли ряды разнообразнѣйшихъ сапогъ и ботинокъ, между которыми рѣзко выдѣлялись чьи-то желтые, мягкіе сапоги съ зелеными кожаными накладками на пяткахъ. Въ одномъ изъ купе кто-то усиленно полоскался, фыркалъ и отплевывался, совершая свое вечернее омовеніе. Струйки табачнаго дыма синеватыми линіями носились въ воздухѣ.

Лео вынулъ полученную карточку и при свѣтѣ лампы, висѣвшей какъ разъ противъ его купе, прочелъ:

«Henri Carleyl».

«London. Daily News».

IV.

„До свиданія“.

Ничто такъ не располагаетъ ко сну, какъ стихающая мало-по-малу морская качка и меланхолическій, глухой плескъ волны, разбивающейся и скользящей по бортамъ судна. Стянувъ съ себя свои тяжелые сапоги и плотно завернувшись въ теплую бурку, Лео спалъ, какъ убитый, и не чувствовалъ, какъ чья-то рука уже третій разъ осторожно поталкивала его въ бокъ. Эти толчки повторились снова и стали на этотъ разъ значительно энергичнѣе.

Лео открылъ глаза. При слабомъ свѣтѣ маленькаго, круглаго окошечка онъ замѣтилъ чью-то фигуру, наклонившуюся надъ нимъ и готовящуюся уже къ новому поталкиванію. Присмотрѣвшись, онъ узналъ албанскаго попа.

— Тише,—предупреждалъ тотъ.—Еще рано, трехъ часовъ нѣтъ. Мы стояли въ послѣднемъ портѣ недолго. Всѣ спятъ. Я пришелъ предупредить васъ на всякій случай.

— Что такое?

— Охота вамъ, право, таскать съ собою вашу бурку!

Обыкновенное пальто или даже простой пледъ гораздо лучше. Вы хорошо говорите по-турецки?

— Плохо. Я не понимаю, въ чемъ дѣло.

— Вы не русскій, а французъ изъ Гавра, ѣдете въ Тріэстъ по торговому дѣлу, зовутъ васъ Мишель Рено, а говорили мы, т. е. я съ вами, по-латыни. Вы этотъ языкъ знаете?

— Вовсе не знаю.

— Это все равно: здѣсь тоже никто этого языка не знаетъ. Ну, спите, спите, Богъ съ вами. Въ Корфу не сходите вовсе на берегъ. Тамъ стоятъ недолго, да и городъ не представляетъ собою ничего, рѣшительно ничего интереснаго. Ну, спите!

Черная ряса выпрямилась, насколько позволяла ей высота спальнаго купе, и скрылась за драпировкою.

Долго смотрѣлъ Лео на колыхавшіяся еще складки тяжелой матеріи, долго соображалъ онъ смыслъ всего сказаннаго. Ему тотчасъ-же представился цѣлый рядъ самыхъ мрачныхъ, зловѣщихъ предположеній. Молодая натура и убаюкивающая качка сдѣлали-таки свое, и онъ задремалъ снова, но эта дремота была тяжелая, тревожная: то ему грезилась какая-то высокая перекладина съ качающейся веревкою, весьма подозрительно связанной, то передъ нимъ, словно въ туманѣ, протягивался строй синихъ турецкихъ шинелей и рядъ штуцеровъ, медленно приподнимаемыхъ къ прицѣлу. Онъ даже почувствовалъ холодное прикосновеніе проклятаго варварскаго кола, спеціальное изобрѣтеніе Востока. Несчастнаго кинуло сразу и въ жаръ, и въ холодъ. Онъ вскочилъ на ноги, чуть не разбилъ себѣ лба о потолочную балку, сплюнулъ даже и не скоро еще оправился отъ скверная состоянія духа, навѣяннаго на него рядомъ тяжелыхъ сновидѣній.

— Проклятый подрясникъ!—чуть не вслухъ выругался «швейцарскій подданный».—И кто его разберетъ, кто онъ: другъ или предатель? Кажется, что скорѣе послѣднее.

Однако Лео, на всякій случай, твердо рѣшился хорошо запомнить все сказанное этимъ подрясникомъ и воспользоваться даннымъ ему совѣтомъ.

Въ спальныхъ каютахъ было совершенно свѣтло; на этотъ разъ въ кругленькія окна пробивался уже не слабый, сѣроватый лучъ разсвѣта, а яркіе лучи южнаго солнца, взошедшаго уже надъ синими, глубокими водами архипелага.

Пассажиры, въ одномъ бѣльѣ, безпрестанно сновали по корридору, сталкивались и извинялись, то пріятно улыбаясь, то сердито хмуря брови и даже съ нѣкоторымъ недовольнымъ ворчаніемъ. Безчисленныя требованія кельнера скрещивались въ воздухѣ, металлическіе, откидные краны умывальниковъ скрипѣли и щелкали въ каждомъ купе. Надъ головами, т. е. въ обѣденномъ залѣ, слышались уже топотня ногъ и пересдвиганье креселъ.

— Pardon!

Лео отшатнулся.

Съ верхней койки, расположенной какъ разъ надъ его головою, спустились чьи-то ноги въ красныхъ туфляхъ и повисли въ воздухѣ, прямо передъ его носомъ.

«Это еще откуда пассажиръ?— подумалъ Лео.—Вчера, когда я ложился спать, верхняя койка была свободна; когда-же ее успѣли занять? Странно! Развѣ ночью сѣлъ кто-нибудь?»

Лео поспѣшилъ встать, натянулъ на себя сапоги и, выходя изъ купе, искоса взглянулъ на своего неожиданнаго верхняго сосѣда.

Надъ жирною, расплывшеюся массою, прикрытою цвѣтнымъ канаусовымъ бѣльемъ, виднѣлось нѣчто круглое, съ толстымъ, краснымъ армянскимъ носомъ, съ черными, торчавшими впередъ усами, съ двойнымъ, гладко выбритымъ подбородкомъ цвѣта индиго, а поверхъ всего этого красная феска съ золотою кистью, висѣвшей вдоль раздвоившагося затылка.

«Красивъ», подумалъ Лео и, снявъ съ колка полотенце, пошелъ отыскивать свободный умывальникъ.

Приведя свой костюмъ и физіономію въ приличный видъ, онъ вышелъ наверхъ, поднялся на площадку и велѣлъ принести сюда кофе. Было чудное утро. Легкія бѣлыя облачка быстро неслись по голубому небу; тамъ и сямъ виднѣлись вздутые паруса кораблей и полосы пароходнаго дыма; на горизонтѣ свѣтло-лиловыми силуэтами очерчивались гористые островки съ своими подножьями, терявшимися въ золотистой дымкѣ утреннихъ испареній. Подали кофе.

Только что Лео хотѣлъ было сдѣлать первый глотокъ ароматическаго напитка, какъ замѣтилъ вчерашняго турецкаго капитана, разговаривающаго съ капитаномъ Мюленгофомъ неподалеку отъ рулевого колеса. «Швейцарскій подданный»

чуть не обжегъ себѣ губъ и, углубившись въ свое занятіе, повернулся спиною къ разговаривавшимъ, чтобъ не видѣть этой вдругъ почему-то ставшей ему ненавистною фигуры въ офицерскомъ длинноломъ пальто и фескѣ. Звукъ шпоръ, раздавшійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, заставилъ Лео поднять голову. Турецкій офицеръ, заложивъ руки за спину, слегка согнувшись, прошелъ мимо медленною походкою прогуливающагося человѣка. Онъ прошелъ такъ близко, что полою своего пальто коснулся столика, на которомъ стоялъ кофейный приборъ.

Лео собралъ все свое хладнокровіе и, откинувшись на спинку скамьи, спокойно любовался моремъ, прихлебывая изъ маленькой чашечки. Онъ даже запѣлъ что-то, тихонько, впрочемъ, сквозь зубы.

Пройдя раза два мимо, офицеръ сѣлъ неподалеку отъ Лео и началъ свертывать папиросу. Лео тоже полѣзъ въ карманъ за портсигаромъ и тотчасъ-же раскаялся въ этомъ движеніи. Турокъ поспѣшилъ черкнуть спичкою и любезно предложилъ ему огня.

— Недурное утро послалъ намъ Аллахъ сегодня,—произнесъ онъ плохимъ французскимъ языкомъ.—Хорошо, если эта погода будетъ стоять до конца нашего плаванія.

— Для меня это рѣшительно все равно,—пробормоталъ захваченный врасплохъ Лео.

— Для меня почти то-же, но люди мои страдаютъ отъ качки. Мы, солдаты, терпѣть не можемъ этихъ переѣздовъ на судахъ и предпочитаемъ чувствовать подъ ногами болѣе прочную почву. Вы куда держите путь?

Помня наставленія албанскаго попа, Лео отвѣчалъ:

— Въ Тріэстъ.

Офицеръ замолчалъ, и его лицо на минуту скрылось за голубоватымъ облакомъ табачнаго дыма. Замолчалъ и Лео. Оба собесѣдника сидѣли такимъ образомъ минутъ десять.

— Досадныя вѣсти получены были въ Галлиполи, — началъ турокъ, откашлявшись.

Лео взглянулъ на него вопросительно.

— Вѣсти изъ Герцеговины,—продолжалъ офицеръ и пристально посмотрѣлъ прямо въ лицо своего собесѣдника; тотъ отвѣтилъ ему тѣмъ-же и забарабанилъ по столу пальцами.

— Проклятая райя положительно не думаетъ скоро угомониться; опять начались безпорядки. Но наши хорошо ихъ отдѣлали, не скоро забудутъ! Вѣдь вотъ болѣе полугода, какъ мы ихъ бьемъ и бьемъ на каждомъ шагу, а все-таки не можемъ ихъ образумить. Подлые дикари — (офицеръ опять взглянулъ на Лео)—не могутъ понять, что не имъ поколебать могущественныя силы Турціи.

— Однако, вы сами говорите, — могущественная Турція возится съ этими дикарями болѣе полугода и все еще ничего не можетъ сдѣлать,—не вытерпѣлъ Лео.

— Излишнее человѣколюбіе вредитъ намъ тутъ,—вздохнувъ, произнесъ капитанъ;—мы щадимъ эту презрѣнную райю, щадимъ ее потому, что они все-таки наши подданные. Мы не теряемъ надежды усмирить возставшихъ, не проливая ужъ слишкомъ много крови, не принося ужъ слишкомъ много напрасныхъ жертвъ. Не звѣри-же мы, въ самомъ дѣлѣ!..

— Кажется, и такъ ея довольно пролито, крови-то этой.

— Ну, гдѣ-же!.. Да и не приходится. Эта сволочь бѣжитъ отъ перваго нашего выстрѣла.

— Будто?

— Имъ удается спасать свои глупыя головы только благодаря близости этого разбойничьяго притона, Черногоріи. Я удивляюсь только,—да и не одинъ я, такъ думаютъ почти всѣ,—отчего султанъ, да продлитъ Аллахъ его свѣтлые дни, не прикажетъ разомъ покончить съ этой занозой.

— Это съ Черногоріей-то?

— Да; стоитъ послать только десять-двадцать батальоновъ—и спокойствіе было-бы водворено на долго, если не навсегда. Чего намъ бояться? попробовать-бы—и покончить разомъ.

— Кажется, уже не разъ пробовали, и, если не ошибаюсь, дѣло было не такъ легко, какъ кажется,—не безъ ироніи и даже съ усмѣшкою на губахъ произнесъ Лео.

— Это были неудачи частныя, ничего недоказывающія. Если не ошибаюсь, французы тоже не были счастливѣе насъ, но это не доказываетъ, чтобы Франція была не въ силахъ,—спарировалъ офицеръ.

— Французы — такіе же...— чуть было не проврался Лео, но во-время спохватился и добавилъ, понизивъ тонъ:—Вы намекаете на пустяки, на простую рекогносцировку.

Пристально посмотрѣлъ ему въ глаза турокъ. Снова густой клубъ табачнаго дыма застлалъ его смуглое лицо съ желтоватыми бѣлками глазъ.

— Что это тамъ?—указалъ Лео рукою на какой-то скалистый выступъ, виднѣвшійся вправо,—выступъ, у подножія котораго чуть-чуть обозначалось что-то похожее на группу зданій.

— Не знаю,—сухо отвѣчалъ офицеръ.—Я плаваю здѣсь въ первый разъ, и то по милости проклятыхъ гяуровъ и тѣхъ, кто имъ помогаетъ, тысячу казней на ихъ голову!.. Вы французъ?

— Да.

— Ваше имя?

— А ваше?..—уклонился отъ прямого отвѣта Лео и вдругъ почему-то покраснѣлъ.

— Измаилъ-бей, капитанъ гвардіи его величества султана.

Случается, что то, что твердо помнилось минуту тому назадъ, моментально забывается подъ вліяніемъ какого-нибудь болѣе или менѣе сильнаго впечатлѣнія. Никакія усилія не могутъ воспроизвести въ памяти забытое; вертится вотъ въ головѣ, а на языкъ не попадаетъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ взволнованъ, чѣмъ болѣе ему нужно вспомнить, тѣмъ это становится труднѣе, даже совсѣмъ невозможно. Вотъ это-то обстоятельство и случилось теперь съ Лео.

Чтобы скрыть свое смущеніе, онъ наклонился внизъ поднимать выпавшую изъ рукъ папиросу и довольно долго ловилъ ее кончиками пальцевъ.

— Мишель Рено, если не ошибаюсь?—замѣтилъ капитанъ, улыбаясь самымъ подлѣйшимъ образомъ.

— Да. Вы знаете развѣ? — пробормоталъ окончательно растерявшійся Лео.

— Я слышалъ ваше имя, кажется, еще вчера, случайно слышалъ. Прекрасная погода, прекрасная. Если-бы такая была и тогда, когда намъ придется шляться по этимъ проклятымъ горамъ и оврагамъ. Прощайте!..

И капитанъ протянулъ ему свою руку въ перчаткѣ.

— До свиданія,—поспѣшилъ отвѣтить тѣмъ-же тономъ Лео, обрадованный окончаніемъ разговора, который сталъ производить на него впечатлѣніе полицейскаго допроса.

— Да,—протянулъ турокъ,—*до свиданія*, если будете въ Герцеговинѣ, гдѣ мы, дѣйствительно, можемъ увидѣться.

— Я тамъ не буду. Мнѣ тамъ дѣлать нечего!—рѣзко отчеканилъ Мишель Рено.

— Только въ рукахъ Аллаха будущее человѣка; никто изъ смертныхъ не знаетъ, что впередъ можетъ случиться, — зафилософствовалъ Измаилъ-бей и, раскланявшись, сталъ продолжать свою мѣрную, систематическую прогулку по верхней палубѣ.

— Что это не звонятъ къ завтраку?—слышался внизу, подъ лѣстницей, чей-то скорбный вздохъ.

— Ровно въ одиннадцать часовъ; еще немного, минутъ черезъ десять, я прикажу. Хорошая погода и морской воздухъ возбуждаютъ аппетитъ. не правда-ли, графъ?—раздавался тотъ же пріятный бархатный баритонъ нѣмца-мэтрдотеля.

— Корфу—это тамъ!—самъ себѣ указалъ Генри Карлейль, вглядываясь, съ помощью бинокля, въ трехугольный промежутокъ между трубою и правыми вантами фокъ-мачты.

Онъ сидѣлъ какъ разъ за спиною Лео; тотъ и не замѣтилъ его присутствія, несмотря на то, что англичанинъ давно уже занималъ это мѣсто и не проронилъ ни одного слова изъ разговора мнимаго француза, по разсѣянности забывшаго свое имя, съ турецкимъ офицеромъ, намѣревавшимся встрѣтиться съ своимъ собесѣдникомъ въ горахъ Герцеговины.

Генри Карлейль сдѣлалъ видъ, что даже и не узналъ Лео, и, услышавъ раздавшійся въ эту минуту призывной звонокъ, всталъ и не торопясь отправился къ трапу.

V.

Турецкій пароходъ съ славянскимъ экипажемъ.

Рѣшившись не выходить въ Корфу на берегъ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не показываться въ городѣ, Лео отправился къ капитану Мюленгофу спросить, какіе пароходы идутъ отсюда на Катаро, такъ какъ «Діана» идетъ прямо, не заходя въ эти мелкія, безчисленныя извилины западнаго, континентальнаго берега Турціи.

— Пароходы «Меджидіе», «Суллакъ», «Дервишъ-Али» и

паровая яхта «Валиде»,—скороговоркою отвѣчалъ капитанъ, не оборачивая головы и пристально наблюдая за ходомъ «Діаны».

— Всѣ турецкіе, чортъ-бы ихъ побралъ!—не безъ досады замѣтилъ про себя Лео, почесавъ затылокъ.

— Еще идетъ «Стамбулъ», если уже не ушелъ. Мы вѣдь немного запоздали.

— Часъ отъ часу не легче. Вотъ и выбирай!.. Тутъ, по крайней мѣрѣ, подъ покровительствомъ европейской державы, на нейтральной, такъ сказать, территоріи, а тамъ такъ прямо къ *нимъ* въ лапы!.. Опять этотъ подрясникъ!..

А подрясникъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, проходилъ внизу подъ мостикомъ, неся въ рукахъ полосатый тиковый мѣшокъ и, завидя Лео, дружески кивалъ ему головою, щуря на солнцѣ глаза, достаточно заплывшіе отъ продолжительной высыпки.

— «Стамбулъ» еще не ушелъ!—громко произнесъ капитанъ, указавъ на бѣлыя трубы какого-то парохода, виднѣвшіяся за цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, окаймлявшихъ берегъ.

Албанскій попъ тоже, должно быть, замѣтилъ это обстоятельство и тискался сквозь толпу съ явнымъ намѣреніемъ пробраться впередъ и первымъ перебѣжать мостки, какъ только ихъ установятъ на пристани. Тамъ, у самаго трапа, его спутникъ занялъ уже мѣсто и, привставъ на цыпочки, искалъ глазами запоздавшаго товарища.

Лео пошелъ внизъ за своими вещами. Ему пришлось проходить мимо открытаго трюмнаго люка, надъ которымъ былъ установленъ переносный трапъ, и человѣкъ десять матросовъ энергично таскали изъ этого чернаго зіяющаго четырехугольника сундуки и чемоданы пассажировъ, оставлявшихъ «Діану». Недалеко отъ люка, скрестивъ за спиною руки, съ сигарою въ зубахъ, стоялъ Генри Карлейль и наблюдалъ за выгрузкою своего багажа. Какъ только изъ трюмнаго мрака на свѣтъ Божій выглядывалъ какой-нибудь тюкъ съ крупно-намалеванными литерами—Н. С., англичанинъ лаконически произносилъ: «это» и матросы, чуя хорошую плату, усердствовали надъ тяжелыми ящиками, тщательно завинченными и обвязанными веревками.

— На «Стамбулѣ» капитаномъ служитъ, если не ошибаюсь, славянинъ; это хорошо; терпѣть не могу этихъ моряковъ-

турокъ: они никогда не могутъ выучиться, какъ слѣдуетъ, морскому дѣлу,—замѣтилъ Генри Карлейль въ ту самую минуту, когда Лео прошелъ мимо него.

Это замѣчаніе рѣшило выборъ послѣдняго. Захвативъ свой мѣшокъ и завѣтный свертокъ, Лео сталъ тоже протискиваться впередъ, шагая черезъ разбросанные въ безпорядкѣ по палубѣ чемоданы.

— Стопъ!.. задній ходъ!..—слышалось сверху,—къ мосткамъ!.. Господа, осторожнѣе, осторожнѣе. Всѣ поспѣете. Времени еще много. Господинъ Грюнъ, потрудитесь отбирать билеты повнимательнѣе.

— Вашъ билетъ, вашъ билетъ?—слышались у перилъ монотонныя повторенія сухощаваго господина Грюна, охраняемаго двумя вооруженными матросами.

Почти первыми вышли на пристань оба подрясника, за ними тотчасъ-же Лео; опустивъ глаза, изобразивъ на своемъ красивомъ лицѣ олицетворенную невинность, онъ проскользнулъ мимо какой-то фигуры въ рваномъ полицейскомъ мундирѣ.

— За мною, сынъ мой, я дорогу хорошо знаю, не въ первый разъ. Сюда!—произнесъ черный подрясникъ, даже не глядя на идущаго сзади Лео, которому не трудно было догадаться, къ кому относилось это приглашеніе.

— Была не была! Хуже не будетъ!—рѣшилъ Лео и пошелъ за подрясникомъ.

Пробираясь вдоль набережной, устланной крупными, неровными камнями, занятой густою, пестрою толпою зѣвакъ и походными палаточками торговцевъ фруктами, виноградомъ и разною снѣдью, всѣ трое добрались, наконецъ, до новой пристани, взошли на одно судно, съ него по перекинутымъ мосткамъ на другое, оттуда на третье и очутились, наконецъ, какъ разъ противъ громаднаго колеснаго кожуха, на которомъ крупнымъ шрифтомъ было написано «Стамбулъ». Надъ этою надписью, изображенною латинскими буквами, виднѣлась другая, турецкая, въ видѣ красиваго, причудливо-извивающагося золоченаго узора.

Минутъ черезъ десять явился сюда и Генри Карлейль, за которымъ человѣкъ пятнадцать полуголыхъ носильщиковъ-грековъ, обливаясь потомъ и тяжело дыша, тащили его багажъ. Черезъ полчаса «Стамбулъ» оставилъ Корфу. Опасная

стоянка миновала благополучно. Лео вздохнулъ свободно, ему даже стало весело и онъ не безъ удовольствія любовался роскошной панорамой города, мало-по-малу исчезавшаго на горизонтѣ.

Скоро Лео окончательно пришелъ въ себя и совершенно отдѣлался отъ того тревожнаго состоянія духа, какого-то тяжелаго предчувствія опасности, навѣяннаго на него таинственнымъ предостереженіемъ албанскаго попа и допросомъ турецкаго офицера. Вся обстановка парохода «Стамбулъ» способствовала этому успокоенію.

Въ противоположность «Діанѣ», здѣсь преобладалъ элементъ славянскій; капитанъ парохода, Нико Меленковичъ—славянинъ, да еще православный, уроженецъ приморскаго городка Валина; матросы—тоже береговые славяне и нѣсколько грековъ. Даже между пассажирами почти не было турокъ, кромѣ небольшой семьи, занявшей отдѣльную каюту и не показывавшейся оттуда во все время плаванія.

Отецъ Иларіонъ, албанскій попъ, оказался старымъ знакомымъ капитана и тотчасъ-же познакомилъ съ нимъ Лео, отъ котораго онъ не отходилъ, не прибѣгая уже здѣсь, на палубѣ «Стамбула», къ тѣмъ мѣрамъ предосторожности, которыя онъ считалъ нужнымъ соблюдать на «Діанѣ».

Проходя мимо безчисленныхъ приморскихъ мѣстечекъ, завозя почту во многія изъ нихъ, капитанъ Нико и отецъ Иларіонъ описывали Лео прелести этой береговой полосы, населенной въ большинствѣ славянами, и все православными. Попъ считалъ пальцемъ число церквей въ каждомъ мѣстечкѣ, произнося поминутно: «а вотъ еще одна, видите, видите!» и каждый разъ Лео, замѣтивъ золоченый крестикъ, сверкавшій на солнцѣ, утвердительно кивалъ головою и отвѣчалъ: «вижу!»

— И все это въ рукахъ этихъ проклятыхъ османовъ!— энергично негодовалъ капитанъ.

— Ну, да приведетъ Господь, скоро все перемѣнится къ лучшему,—вздыхая, вторилъ ему растроганный черный подрясникъ.—Настанетъ конецъ долготерпѣнію Твоему, о, Господи!

Громадный турецкій пароходъ, военный, что не трудно было замѣтить даже издали, обогналъ «Стамбулъ», держась отъ него не болѣе, какъ въ четырехъ кабельтовахъ.

— Хорошій ходокъ,—замѣтилъ капитанъ:—полчаса позже

насъ отплылъ изъ Корфу... съ войсками, въ Клекъ, должно быть... Подвозите, подвозите, другъ! Плачутъ по вашимъ головамъ черногорскіе ятаганы.

— И чего это княже Никола медлитъ!—недоумѣвалъ подрясникъ, разводя руками.

— Въ дужской щели, — разсказывалъ капитанъ, — славно герцеговинцы поохотились! Писалъ мнѣ объ этомъ зять Владанъ: четыреста тридцать турецкихъ головъ и столько-же носовъ юнакамъ досталось, а сами потеряли немного... Не пишетъ, сколько и кого, но только, говоритъ, немного...

— Такъ, такъ, великъ Богъ христіанскій!.. Велика сила и слава Божія! А пора-бы и обѣдать.

— Мы въ свое время затрезвонимъ... А вонъ Ашанкоранта, турецкая крѣпостца, видите?

Лео замѣтилъ по указанію капитана хорошенькое мѣстечко, окруженное густыми оливковыми рощами, и на гребнѣ холма что-то похожее на полуобвалившіяся крѣпостныя стѣны.

— Двѣнадцать младенцевъ, двѣнадцать ангеловъ Божіихъ значитъ это слово «ашанкоранта», — тяжело вздыхалъ отецъ Иларіонъ, намекая на кровавую легенду о зарѣзанныхъ на этомъ мѣстѣ турками двѣнадцати христіанскихъ дѣтяхъ.— Ихъ святая кровь оросила эту землю и дала ей силу и плодородіе.

— Въ прошломъ году, впрочемъ, урожаемъ нельзя было хвастаться, — скептически замѣтилъ Нико Меленковичъ;—справляться тяжело, за садами почти смотрѣть стало некому. Эхъ, трудное наступило время!

— Шутка-ли, въ какую даль, въ Ларису, сколько народу на крѣпостныя работы угнали, точно скотомъ вьючнымъ насъ, христіанъ, считаютъ!—сѣтовалъ отецъ Иларіонъ.

— Варвары!—не утерпѣлъ и выругался Лео, стиснувъ пальцами перила мостика.

— Собаки!— согласился съ нимъ черный подрясникъ.

Капитанъ Нико Меленковичъ выругался еще сильнѣе и даже сплюнулъ въ сторону.

А надъ ними развѣвался, трепляясь въ тепломъ воздухѣ, красный флагъ съ бѣлою луною и двумя звѣздами; на бокахъ кожуховъ, справа и слѣва, ярко блестѣли на солнцѣ кудреватыя турецкія надписи...

VI.

Подъ конвоемъ.

«Стамбулъ» подходилъ уже къ Кастельнуоскому заливу. Видъ на землю сталъ мало-по-малу измѣняться; за прелестною горною береговою полосою съ ея волнистыми, легкими скатами, отражающимися въ морѣ, поднимались другія горы, мрачныя, мертвыя, неприкрытыя почти никакою растительностью. Эти горы предвѣщали уже близость «разбойничьяго притона», по словамъ турокъ,—близость горнаго гнѣзда героевъ маленькой, независимой Черногоріи.

Жадными глазами смотрѣлъ Лео въ ту сторону, мысленно уже бродя по этимъ дикимъ, оголеннымъ утесамъ, даже не замѣчая ничего, что дѣлается вокругъ; не замѣчая даже пристальнаго взгляда, устремленнаго на него Карлейлемъ, вышедшимъ тоже на палубу и расположившимся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на скамейкѣ.

— Будва! — произнесъ довольно громко капитанъ, направляя свой пароходъ къ маленькому турецкому городку, надъ тѣсною группою домиковъ котораго торчали два-три тоненькихъ минарета.

Турецкій военный пароходъ уже стоялъ тамъ, выпуская запасные пары; даже невооруженнымъ глазомъ можно было видѣть вереницу солдатъ, пробиравшуюся по мосткамъ съ парохода на пристань.

Капитанъ Нико, слегка нахмуривъ брови, молча стоялъ на своемъ мѣстѣ, даже не глядя въ ту сторону, гдѣ находился Лео, съ которымъ онъ за минуту такъ оживленно бесѣдовалъ; оба подрялника скрылись невѣдомо куда... Даже матросы притихли и перебрасывались между собою сухими, отрывочными восклицаніями, относящимися исключительно къ ихъ настоящему дѣлу. На пароходѣ вдругъ настала какая-то томительная тишина, словно затишье передъ грозою, словно видъ этой безпорядочной кучи домовъ съ плоскими крышами, съ высокими колонками минаретовъ, увѣнчанныхъ круглыми балкончиками, подъ самою коническою крышею этого громаднаго парохода подъ турецкимъ военнымъ флагомъ, этихъ штыковъ, мелькавшихъ щетиною надъ бѣлыми чалмами скопившейся на берегу

толпы, разогналъ все живое, веселое настроеніе духа экипажа «Стамбула», навѣявъ на него эту мертвенную тишину, отразившись даже на состояніи духа пассажировъ.

Осторожно, малымъ ходомъ подошелъ къ пристани пароходъ... Тонкія бичевки съ грузомъ на концахъ взвились въ воздухѣ и щелкнулись о доски пристани; десятки рукъ ухватились за нихъ и потянули конецъ тяжелаго причальнаго каната.

Первые, кто вошли на палубу «Стамбула», были два турка-полицейскихъ, въ поношенныхъ, заплатанныхъ форменныхъ мундирахъ, въ широкихъ полотняныхъ штанахъ, въ туфляхъ на босую ногу, съ револьверами у пояса и форменными саблями, дребезжавшими въ своихъ заржавленныхъ металлическихъ ножнахъ, волочившихся по полу. За ними шла толстая фигура въ полосатомъ, стеганомъ на ватѣ, архалукѣ и въ круглой соломенной шляпѣ.

— Вотъ—этотъ!—указала эта фигура на Лео.

Въ толпѣ на пристани послышался глухой гулъ, нѣсколько бранныхъ, озлобленныхъ восклицаній выдѣлилось въ этомъ общемъ ропотѣ. Въ этихъ восклицаніяхъ не было для Лео ничего удивительнаго. Отъ той группы солдатъ, что высаживалась на берегъ съ военнаго парохода, отдѣлилось человѣкъ двадцать; предводимые полицейскимъ, они приближались къ мосткамъ «Стамбула», прокладывая себѣ дорогу въ толпѣ толчками ружейныхъ прикладовъ.

Холодный потъ выступилъ на лбу Лео. Онъ остолбенѣлъ и, не сопротивляясь, позволилъ скрутить себѣ за спиною руки. Онъ не чувствовалъ, какъ тонкая веревка стянула ему локти, крѣпко обвила кисти рукъ, врѣзавшись въ тѣло. Машинально взглянулъ онъ туда, гдѣ долженъ былъ находиться капитанъ. Нико стоялъ, отвернувшись къ нему спиною, словно не замѣчая всего, что творится на палубѣ его судна. Матросы тоже молча крѣпили мостки, занимались своимъ дѣломъ, избѣгая даже смотрѣть въ эту сторону; Генри Карлейль спокойно лорнировалъ въ бинокль берегъ, опершись локтями на перила мостика, искоса, изъ-подъ бинокля поглядывая, впрочемъ, и на арестованнаго, и на арестовавшихъ его полицейскихъ, и на бушующую на берегу озлобленную толпу, покусывая свои сухія, тонкія губы.

— А, это хорошо!—произнесъ онъ про себя, замѣтивъ сол-

датъ, пробиравшихся уже сквозь толпу и тѣснымъ кольцомъ окружавшихъ плѣнника.

Лео повели.

— А, вотъ онъ! Попалась русская собака! Тащи его, тащи!.. Гей, Юсуфъ! Иди сюда, Юсуфъ!

— На висѣлицу его!.. чего тутъ еще ждать!

— Камень на шею проклятому московиту. Съ живого шкуру содрать! Что ты говоришь?

— Судить еще будутъ, говорю. Нельзя-же сразу... Слѣдствіе... судъ по формѣ.

— Пустая трата времени... Эй, тамъ, мулла!.. Ты ближе... Толкни его хорошенько въ бокъ. Напирай на солдатъ... Эй, вы! уберите ружья... Развѣ ужъ вы перестали быть турками, правовѣрными мусульманами? Чего бережете!

— Дорогу давай, дорогу! Разступись! А, ты драться!.. Связать его, вонъ того, чернаго!..

— Ушелъ! Поди—свяжи! Камнями-бы его хорошенько... вотъ такъ! Хорошо, Джамиль, хорошо! ловко угодилъ .. а нука еще... вотъ такъ!..

Небольшой камень просвистѣлъ въ воздухѣ и ударился о спину Лео. Тотъ вздрогнулъ.

— Что, больно?

— Дорогу, дорогу!..—хрипло кричалъ одинъ изъ полицейскихъ, съ трудомъ проталкиваясь впередъ.—Дорогу, а то стрѣлять велю... Эй, товарищъ, зови еще солдатъ: съ ними не справишься!

— Новые порядки всему виною,— разсуждалъ громогласно длиннобородый дервишъ, неистово размахивая руками, потрясая своею длинною палкою съ заостреннымъ наконечникомъ.— Новые порядки, отъ проклятыхъ ференговъ заимствованные. Въ наше прежнее, старое, правовѣрное время было не то... Тогда-бы все сразу покончили... И хорошо!.. Нечистыя собаки не смѣли головы поднять, не смѣли слова лишняго промолвить... Велика была слава Аллаха и правовѣрнымъ жилось лучше, спокойнѣе...

— Правда, правда!—шумѣла толпа.

Пароходъ «Стамбулъ» уже отчалилъ и, шумя колесами, рѣзалъ воду къ выходу изъ бухты. Лео, связанный, окруженный густою цѣпью турецкихъ солдатъ, окруженный разсвирѣпѣвшею,

озлобленною толпою мусульманской черни, получивъ уже не одинъ толчекъ въ бокъ, не одинъ ударъ мѣтко пущеннымъ камнемъ, съ тоскою на сердцѣ замѣтилъ отплытіе «Стамбула», а съ нимъ всего сколько-нибудь сочувствующаго, дружескаго... Первое впечатлѣніе испуга и неожиданности прошло, и арестованнымъ овладѣло какое-то холодное спокойствіе, полное равнодушіе къ жизни и глубокая ненависть ко всему, что его окружало... Ему даже пришла въ голову такая оригинальная мысль: что, если-бы въ это мгновеніе онъ превратился въ фугасъ, начиненный зажигательнымъ, взрывнымъ составомъ? Съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ полетѣлъ на воздухъ и разметалъ, разнесъ-бы въ дребезги все вокругъ себя: и этихъ солдатъ, и эту пеструю ругающуюся сволочь, и этотъ городъ съ его минаретами,—все!

«Это капитанъ-турокъ, это онъ, негодяй, выдалъ меня,— соображалъ Лео:—не даромъ онъ такъ экзаменовалъ меня на «Діанѣ». Вотъ теперь воспользовался, прибылъ раньше и предупредилъ. Подлецъ, трусъ! Ты побоялся встрѣтиться со мною честно, лицомъ къ лицу, тамъ, въ горахъ! Напустить на одного цѣлую бѣшеную ватагу и избавить себя отъ противника—легче, безопаснѣе! И гдѣ это я видѣлъ этого армянина, жирнаго кабана? Лицо какъ-будто знакомое. Видалъ, положительно видалъ, а гдѣ—не припомню. Архалукъ даже этотъ полосатый узнаю, а не припомню».

Вся процессія вошла въ узкую базарную улицу, въ которую солдаты съ трудомъ проложили дорогу. Толпа съ боковъ сжалась и отхлынула назадъ, растянувшись вереницею, но отъ этого плѣннику стало нисколько не легче. На плоскихъ крышахъ, на гребняхъ навѣсовъ показались многочисленныя головы и оттуда, сверху, посыпались на бѣднаго Лео всякія невзгоды и напасти въ видѣ камней, комковъ грязи, черепковъ посуды и всевозможныхъ оскорбленій и ругательствъ, стономъ и гуломъ несшихся въ вонючемъ, спертомъ воздухѣ грязныхъ улицъ.

«Хоть-бы сразу прикончили,—грустно подумалъ Лео,— а то вѣдь, чай, забавляться прежде будутъ».

— Куда ведутъ?—спрашивалъ кто-то впереди, сидя верхомъ на лошади, возвышаясь надъ толпою и оглядываясь на арестованнаго.—Гдѣ взяли? куда ведутъ? Эй, кавасъ!

— А куда слѣдуетъ, туда и ведутъ,—отвѣчалъ кто-то.— Да дайте-же дорогу, говорятъ вамъ, экіе упрямые! Солдаты эй, тамъ, впереди! Бей ихъ прикладами прямо въ морды. Раздайся!

— Смотри, братъ, самому какъ-бы не досталось. Насъ вѣдь много, а тамъ, на базарѣ, еще больше будетъ. Эй, сзывай народъ, пускай идутъ смотрѣть на русскую собаку!

Добрались и до базара. Здѣсь шествіе замедлилось; чтобъ пробраться сквозь густую толпу, напиравшую со всѣхъ сторонъ, принуждены были послать еще за подкрѣпленіемъ. Минутъ десять до прибытія помощи арестованный и его конвой стояли на мѣстѣ, укрывшись подъ портикъ мечети. Были мгновенія, когда казалось, что конвой не выдержитъ бѣшенаго напора, особенно, когда одинъ изъ солдатъ, выйдя изъ себя отъ удара камнемъ по погѣ, выстрѣлилъ на воздухъ. Отъ звука выстрѣла, глухо раздавшагося подъ базарными сводами, толпа отхлынула, но тотчасъ-же съ крикомъ «бей ихъ!» ринулась впередъ... Конвойные сплотились локоть къ локтю и подставили штыки... Съ прибытіемъ новыхъ солдатъ кое-какъ удалось расчистить дорогу и снова тронуться въ путь. Наконецъ-таки выбрались изъ тѣсноты базарныхъ закоулковъ и, ускоривъ шагъ, чуть не бѣгомъ направились къ воротамъ цитадели.

Прибывшій на военномъ пароходѣ батальонъ низама уже былъ тамъ и, составивъ ружья въ козлы, расположился бивуакомъ на лужайкахъ по обѣимъ сторонамъ дурно мощеной дороги. Командиръ этого батальона находился у своей части. Лео его замѣтилъ сразу.

Когда его вели мимо, онъ прямо взглянулъ въ глаза офицеру и съ презрительною улыбкою произнесъ по-французски:

— Вы, храбрѣйшей капитанъ, поступили предусмотрительно и избавили себя отъ опасной встрѣчи со мною *тамъ*, на боевомъ полѣ... Желаю вамъ новыхъ, такихъ-же лестныхъ подвиговъ.

— Извиняю вамъ вашу дерзость и весьма сожалѣю обо всемъ случившемся,—сухо отвѣчалъ, также по-французски, турецкій офицеръ и подозвалъ къ себѣ одного изъ конвоирующихъ полицейскихъ.

Въ этомъ отвѣтѣ было столько прямоты и достоинства, что Лео стало стыдно за свою выходку.

За стѣнами цитадели арестованный вздохнулъ свободно. Сюда толпу не впустили. Какой жалкій видъ представлялъ собою несчастный! Лицо его было буквально залѣплено комками грязи, мѣстами даже виднѣлась кровь; волосы на головѣ и бородѣ слиплись отъ той-же грязи... Плечи, спина, грудь— все ныло и болѣло отъ побоевъ; ноги подкашивались и дрожали, связанныя назадъ руки окоченѣли,—Лео болѣе не чувствовалъ ихъ... Моральныя силы его стали замѣтно ослабѣвать и мало-по малу имъ овладѣло полное отчаяніе.

Явились еще какія-то оффиціальныя личности, мелькнула какая-то тощая, длинная фигура въ бѣломъ короткомъ мундирѣ и синихъ штанахъ въ обтяжку; въ отворенныхъ окнахъ веранды комендантскаго дома, уставленной кадками съ олеандрами, показалось нѣсколько мужскихъ и женскихъ головъ, выглянула даже черная, курчавая голова негра съ вытаращенными бѣлками глазъ...

— Его превосходительство приказали помѣстить пока въ седьмомъ нумерѣ!—сообщилъ сбѣгавшій уже куда слѣдуетъ и вернувшійся назадъ полицейскій.

— Гайда!—скомандовалъ другой, и Лео повели по назначенію.

Прошли черезъ площадь, на которой у двухъ полевыхъ орудій, стоявшихъ безъ запряжки, обучалось десятка три оборванцевъ, подъ надзоромъ тощей фигуры въ австрійскомъ мундирѣ; прошли дворикомъ, вдоль стѣнъ котораго стояло тоже десятка три муловъ въ хомутахъ и шлейкахъ, съ закинутыми на спину постромками; снова вышли на другую площадь, поменьше, гдѣ уже, кромѣ дюжины собакъ, обгладывавшихъ съ остервененіемъ конскую ногу, ничего не было; отсюда, узенькой щелью, ведущею зигзагомъ между двухъ высокихъ стѣнъ въ третій дворикъ, у входа въ который, сидя на корточкахъ, дремали двое часовыхъ, проснувшихся только послѣ изрядпаго толчка полицейскаго офицера.

Прибѣжалъ маленькій человѣчекъ, не то жидъ, не то армянинъ, одѣтый въ полувоенное платье, съ гремящею связкою ключей у пояса.

— Въ седьмой!—лаконически отнесся къ нему начальникъ конвоя.

— Занятъ,—гнусливо отвѣчалъ человѣчекъ съ ключами;—

тамъ куры бимъ-баши Эстафа и албанецъ безъ глаза, что привезли еще на прошлой недѣлѣ...

— И этому мѣсто будетъ... Сказано—въ седьмой, такъ и поворачивайся живо... Ну!..

Ключарь завозился съ своею связкою, ощупывая предварительно пальцемъ скважину массивнаго висячаго замка; наконецъ справился, дверь отворилась и Лео, не развязывая рукъ, не ввели, а скорѣе вталкнули въ назначенное для него помѣщеніе...

VII.

Въ казематѣ.

Въ первую минуту Лео казалось, что вокругъ него царствуетъ мракъ непроницаемый. Не разглядѣвъ еще одной ступеньки внизъ, онъ потерялъ равновѣсіе и упалъ; паденіе это, съ связанными назадъ руками, обошлось ему не совсѣмъ дешево. Съ трудомъ поднялся онъ снова на ноги и тогда только замѣтилъ небольшое четырехугольное отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ, на высотѣ человѣческаго роста, въ уровень съ наружнымъ тротуаромъ. Въ этомъ отверстіи безъ стекла, безъ всякой рѣшетки, виднѣлись камни, проросшіе по щелямъ травою, и босая нога часового въ туфлѣ. Какъ ни мало было это окошечко, однако оно пропускало достаточно свѣта, чтобы, оглядѣвшись и привыкнувъ къ темнотѣ, можно было разсмотрѣть все, что находилось въ этомъ подвалѣ.

Первое, что увидѣлъ плѣнникъ, были куры, спокойно бродившія по соломенной настилкѣ, впрочемъ, не особенно встревоженныя появленіемъ новаго сожителя. Затѣмъ Лео разглядѣлъ и человѣка, полулежавшаго въ углу и внимательно смотрѣвшаго на него своимъ единственнымъ глазомъ; на мѣстѣ другого глаза виднѣлось только что-то черное, запекшееся, расползшееся отъ самой сѣдой, щетинистой брови во всю щеку.

Дикій звукъ, похожій на мычаніе вола, заставилъ Лео вздрогнуть и отшатнуться. Этотъ звукъ тотчасъ-же повторился. Онъ сопровождался теперь манящимъ жестомъ костлявой руки старика. Лео понялъ, сдѣлалъ два шага по направленію къ углу и остановился. Костлявая рука, ударяя по соломѣ, при-

глашала его приблизиться совсѣмъ и сѣсть. Лео исполнилъ это желаніе албанца.

Тотъ снова замычалъ, какъ-то довольно, даже радостно отчасти, и сталъ ощупывать руками узлы связывавшихъ Лео веревокъ.

— Ты, другъ, нѣмой?—спросилъ его Лео по-сербски.

Старикъ замоталъ головою утвердительно, ловко и быстро распутывая узлы веревокъ. Черезъ минуту операція эта была кончена, и Лео почувствовалъ острую, щемящую боль во всѣхъ концахъ своихъ пальцевъ, свидѣтельствующую, что кровообращеніе стало возобновляться въ онѣмѣвшихъ членахъ.

— Спасибо, друже, спасибо!—произнесъ Лео, хотѣлъ было пожать руку старика, да не могъ: его собственныя руки пока еще не слушались и безжизненно висѣли, не ощущая ничего, къ чему прикасались.

— Тебя турки въ бою взяли? Ты дрался съ турками и въ плѣнъ попалъ, да?—спросилъ Лео.

Старикъ замоталъ отрицательно головою.

— Это они тебѣ глазъ выкололи?

Сѣдая голова мотнула сверху внизъ, утвердительно, и единственный глазъ злобно покосился на дверь.

— Звѣри!

Албанецъ показалъ пальцемъ на свой ротъ, запустивъ туда весь первый суставъ, потомъ вынулъ палецъ и сталъ водить по немъ другимъ, подражая рѣжущему дѣйствію ножа. Затѣмъ снова покосился на дверь и погрозилъ туда кулакомъ.

Лео понялъ, и холодный потъ проступилъ у него вдоль всей спины, производя нервную боль во всемъ тѣлѣ.

Вотъ и съ нимъ, можетъ, такъ-же поступятъ, можетъ быть и его начнутъ пытать и калѣчить; еще хуже, пожалуй, что-нибудь сдѣлаютъ. Подлецы, варвары! Чѣмъ бы просто убить человѣка, покончить разомъ, такъ нѣтъ, имъ мало: потѣху надо учинить надъ «ненавистною русскою собакою».

И вспомнились тутъ Лео всѣ разсказы, всѣ краснорѣчивыя описанія разнообразныхъ и многочисленныхъ турецкихъ звѣрствъ, совершенныхъ чуть не во всѣхъ углахъ несчастнаго Балканскаго полуострова. Да вѣдь какъ вспомнились! Со всею ужасающею, самою мелочною подробностью; живо, ярко нарисовались передъ нимъ эти кровавыя, дикія сцены, и страда-

тельнымъ лицомъ во всѣхъ нихъ былъ онъ, только онъ, не чаявшій ни откуда никакой помощи, никакого избавленія.

«Хорошо-бы покончить теперь съ собою и оставить ихъ съ носомъ, да съ какимъ!—пришло въ голову Лео.—А какъ покончить, чѣмъ? У него отобрали и его ящикъ въ зеленой фланели, и револьверъ изъ кармана вытащили, и все, все вытащили дорогою, пока вели. Развѣ веревка? да, веревка тоже вещь хорошая, но гдѣ она, эта веревка?»

А старикъ албанецъ свернулъ уже ее въ пучокъ, подложилъ подъ себя и сидитъ на этомъ сверткѣ, энергично замотавъ головою и дико замычавъ, когда Лео протянулъ руку, намѣреваясь завладѣть своею собственностью.

«Для себя, видно, бережешь, бѣдняга!—подумалъ Лео.—Ну, Богъ съ тобою!»

Онъ почувствовалъ приливъ необыкновеннаго великодушія. Онъ рѣшилъ оставить эту веревку у изуродованнаго старика, пожертвовать бѣднягѣ этою нитью спасенія.

Грустно, скверно было на душѣ плѣнника. Спертый воздухъ подвала давилъ ему грудь, стѣснялъ дыханіе и суживалъ все его нравственное существо. Кровь сильно била въ вискахъ, глаза застилало туманомъ.

Лео поднялся на ноги и, придерживаясь за стѣну, подошелъ къ окошку. Его глаза пришлись какъ разъ въ уровень съ нижнимъ краемъ этого отверстія. Онъ видѣлъ теперь почти все пространство внутренняго дворика вплоть до противоположной стѣны, видѣлъ извилистыя, косматыя гирлянды плюща, цѣплявшіяся вверхъ по шероховатой поверхности, видѣлъ темно-сѣрый крестецъ маленькаго осла магарца, стоявшаго на привязи, за водовозною бочкою о двухъ колесахъ; а прямо передъ его носомъ, совсѣмъ уже на первомъ планѣ, вплотную къ окну, видна была босая, грязная нога часового, обернутая тряпкою, и нижняя часть ружейнаго приклада, вставленнаго въ расщелину между двумя камнями.

Долго простоялъ Лео такимъ образомъ, слѣдя глазами, какъ треугольный клинъ освѣщеннаго солнцемъ пространства передвигался все лѣвѣе и лѣвѣе, уменьшаясь въ своемъ размѣрѣ, какъ этотъ клинъ совсѣмъ, наконецъ, исчезъ, какъ потемнѣла самая стѣна съ плющемъ, какъ эти причудливыя гирлянды мало-по-малу стали сливаться вмѣстѣ, стушевываться, пока

не исчезли совсѣмъ, сплотившись въ наступившемъ мракѣ въ одно цѣлое со стѣною.

Отъ долгаго стоянія ноги наблюдателя стали подгибаться и дрожать въ колѣняхъ, глаза заболѣли отъ сильнаго напряженія. Съ трудомъ опустился Лео на землю, тутъ же подъ окномъ, и погрузился въ какое-то тяжелое забытье, перенесшее его разомъ въ иной міръ, въ иную обстановку.

Но это забытье не имѣло ничего общаго со сномъ. Лео не спалъ, хотя и не слышалъ болѣе ничего, что творится кругомъ, не слышалъ, не чувствовалъ даже, какъ одна изъ бимъ-башевыхъ курицъ, испугавшись чего-то съ просонковъ, громко закудахтала, сорвалась съ мѣста и стремительно перелетѣла изъ угла въ уголъ, задѣвъ его по лицу своими мягкими крыльями.

Голова Лео усиленно работала и работала. Въ его мозгу группировался и проносился въ строгой послѣдовательности цѣлый рядъ воспоминаній, цѣлый рядъ картинъ далекаго и недалекаго прошлаго, разстилалась передъ нимъ словно гигантская рельефная, ярко раскрашенная карта a vol d'oiseau, начерченная въ самомъ крупномъ, подробномъ масштабѣ.

VIII.

„Эту способность, которую я называю „просвѣтлѣніемъ памяти", ощущаютъ почти всѣ приговоренные, наканунѣ ожидаемой смерти"...
Докторъ Лери (психіатръ).

Розовое, цвѣтущее дѣтство... Свѣтлый, добрый такой, ангельскій образъ женщины—матери... Вся прелесть, уютность крохотнаго уголка... Мимо, мимо всѣ эти новыя и вѣчно старыя явленія!..

Первые годы сознательной жизни ребенка,—ребенка съ двѣнадцати лѣтъ покинутаго, осиротѣлаго, оставленнаго на произволъ судьбы, на свои собственныя крохотныя силы.

Суровая, полная невзгодъ и лишеній, житейская школа, мелочная, кропотливая борьба изъ-за возможности хотя изрѣдка быть сытымъ, наполнить чѣмъ-нибудь свой отощалый

желудокъ... Та же борьба, но болѣе сознательная, съ болѣе широкими задачами, съ проблесками какихъ-то неопредѣленныхъ надеждъ впереди на что-то отдаленное, будущее... Энергія гиганта, напряженіе силъ непомѣрное, титаническое, все основанное на этихъ надеждахъ, питающееся только однимъ этимъ неопредѣленнымъ, свѣтлымъ будущимъ... Холодно, мрачно... Вотъ такъ, какъ и здѣсь, только грандіознѣе какъ-то, усовершенствованнѣе. Мѣрные звуки шаговъ за стѣною, заунывные куранты башенныхъ часовъ,—звуки, наводящіе тоску и уныніе... А тамъ—снова печальныя картины неудавшейся, надорванной жизни...

Глухой плескъ морской волны за бортомъ шведской шкуны, выпуклые, пузатые такіе бока покрытыхъ плѣсенью бочекъ, издающихъ сырой, острый соленый запахъ, мракъ и холодъ спять, а потомъ... Опять одинъ, безъ друзей, чужой для всѣхъ, чуждый всему окружающему. И снова непосильный трудъ, снова лишенія и нужда, снова борьба изъ-за куска хлѣба, едва хватающаго на поддержку молодыхъ, угасающихъ силъ.

Горитъ со всѣхъ концовъ чудный, гигантскій, міровой городъ. Бѣшенныя волны пламени уничтожаютъ на своемъ пути все безъ разбора: и блестящіе дворцы, полные роскоши и богатства, и музеи, сокровищницы науки и искусства, и величественные храмы, и бѣдныя мансарды съ ихъ убогимъ хламомъ... Все даетъ обильную пищу жадному, разсвирѣпѣвшему огненному потоку. Вывороченныя, изрытыя, взбудораженныя мостовыя, асфальтъ, покрытый кровью, груды труповъ и выстрѣлы, выстрѣлы безъ конца, безъ счета,—сумасбродныя выходки сумасброднаго человѣчества...

Странные скачки дѣлаетъ часто человѣческая мысль,—скачки отъ грандіознаго, великаго къ мелкому, пошлому, отъ печальнаго къ смѣшному, веселому... Такъ и теперь.

Лео вдругъ вспомнилъ, какъ шла къ его лицу шляпа съ перомъ и красная калабрійская рубашка гарибальдійца, какъ ласково, привѣтливо поглядывала на него не одна пара жгучихъ черныхъ глазокъ.

Пуля подъ лопаткою, хотя и во время выпутая, вещь все-таки весьма непріятная: она долго еще заставляетъ себя чувствовать, долго не даетъ работать самому и ставитъ въ необходимость пользоваться чужимъ заработкомъ, да еще,

пожалуй, заработкомъ существа слабѣйшаго, подъ вліяніемъ только одного порыва сердца, отдавшаго раненому и свой трудъ, и свою красоту, и молодость, и честь—все!

И все это миновало безвозвратно; все-то воспоминаніе сконцентрировалось въ одной плохенькой фотографической карточкѣ съ безграмотною, хотя чувствительною надписью на оборотѣ.

И много еще красивыхъ головокъ смѣняли одна другую, воскресая на мгновеніе въ памяти и снова исчезая. Одна только все передъ глазами упрямо выступаетъ впередъ, всецѣло занимая и умъ его, и сердце, и крѣпко держится эта головка на своихъ занятыхъ съ бою позиціяхъ, не уступая ихъ никому другому.

Дѣло было въ Швейцаріи. Онъ, одѣтый въ блузу посильщика, успѣлъ занять мѣсто впереди, у самой почти калитки дебаркадера. Онъ бы еще впередъ пробрался, да нельзя—не пускали. Тамъ стоялъ суровый и мрачный на видъ portier de la gare въ синей блузѣ; а на блузѣ у него былъ мѣдный значокъ, знакъ власти и нѣкоторыхъ правъ. Ну, вотъ этотъ то portier de la gare и не пускалъ, потому поѣздъ уже подходилъ, и даже близко, полукруглый съ фонарями по бокамъ и фонаремъ наверху лобъ локомотива уже показался изъ чернаго жерла тунеля; минута—и поѣздъ будетъ уже здѣсь, онъ сейчасъ остановится, остановится только для того, чтобы выпустить десятка два пассажировъ и идти тотчасъ-же дальше, огибать всю швейцарскую дугу чуднаго Женевскаго озера. Англичане платятъ хорошо, недурно платятъ русскіе, хуже всего платятъ нѣмцы. Но онъ вѣдь впереди, онъ имѣетъ все-таки возможность выбора; тѣмъ, кто остается сзади, останутся, должно быть, нѣмцы.

— Шарль, видишь, другъ, тутъ живой человѣкъ стоитъ, ну, что-же ты напираешь сзади? Осторожнѣе, пріятель, и тебѣ достанется, не захватишь-же всѣхъ чемодановъ.

— Bien!—кричитъ Шарль, дюжій такой, блуза съ растегнутымъ воротомъ, каскетка съ стриженой головы съѣхала на жирный затылокъ.—Смотрите, смотрите, тамъ наверху! Bravo! Bravo!

— Что, что такое?

— Аэростатъ!..

— Гдѣ, гдѣ?

— Вонъ, между тѣмъ облакомъ и птицею... Дамы тамъ, двѣ дамы! Bon voyage, mes petites!

И толстый Шарль задралъ кверху свое красное лицо, машетъ каскеткой, улыбается и посылаетъ воздушные поцѣлуи, а самъ все впередъ да впередъ подвигается.

Смотритъ кверху его товарищъ, взглянулъ даже и самъ portier de la gare; пристально отыскиваетъ Лео птицу въ воздухѣ; облако-то онъ нашелъ, а птицы, птицы все нѣтъ какъ нѣтъ въ воздушномъ пространствѣ. Ничего не видно! Чудная, безпредѣльная, темно-голубая высь, сверкающіе гребни заоблачныхъ горъ, бирюзовое озеро, отражающее, какъ въ зеркалѣ, всѣ эти красоты природы.

Фу, какъ запыпѣлъ остановившійся локомотивъ! Все рванулось впередъ. Тьфу! сплюнулъ энергичный portier de la gare. А Лео назади; какъ онъ потерялъ свое мѣсто, не понимаетъ, и этотъ Шарль, мошенникъ Шарль, уже тамъ, лѣзетъ къ окну купе впереди всѣхъ... да... такъ, такъ... что-то длинное, сѣрое, въ соломенной шляпѣ съ зеленымъ вуалемъ и со стекломъ въ глазу, даетъ Шарлю багажную квитанцію.

— Je vous prie!—не то жалостливо, не то ворчливо взываетъ толстая-претолстая фигура въ темномъ пальто, съ краснымъ шарфомъ на короткой шеѣ, съ двумя тяжеловѣсными саквояжами въ рукахъ.

— Ладно, любезный, тащи самъ,—злобно косится на него Лео и не трогается съ мѣста.—Ну, на этотъ разъ мои пятьдесятъ сантимовъ потеряны!—рѣшилъ онъ и, энергично скрестивъ на груди руки, стоялъ, прислонившись спиною къ желѣзной ажурной рѣшеткѣ.

Вереница новоприбывшихъ пассажировъ прошла уже мимо него, подъ контролемъ portier de la gare, пропускавшимъ въ калитку по-одиночкѣ. Пыхтя и сопя носомъ, прошмыгнули его товарищи, сгибаясь подъ тяжестью ноши, пропыхтѣлъ и хитрецъ Шарль, взваливъ на спину такой сундучище, что хоть бы и на повозку, такъ впору. Звонокъ подъ навѣсомъ возвѣстилъ объ отходѣ поѣзда.

А въ окно одного купе перваго класса спокойно смотрятъ двѣ женскія головки,—одна полная, ярко раскрашенная, хотя

и безъ того красивая, другая—такъ-себѣ, весьма миловидная, нераскрашенная, а между ними третья, мужская: брюнетъ отчаянный, усы и бородка какъ смоль, воротнички à l'enfant, свѣтло-розовый галстукъ и пенсне на носу въ золотой оправѣ.

— Вѣдь вы въ Монтре, господа?—изумленно обращается къ нимъ кондукторъ, приставившій уже къ губамъ свистокъ.—Что-же вы! Вѣдь это здѣсь Монтре-Верне. Пять минутъ!

— Ахъ, Боже мой! Иванъ Аполлоновичъ, князь, что-же вы? Это Монтре!—неистово взвизгнула раскрашенная.—Князь Иванъ Аполлоновичъ, берите мой мѣшокъ, скорѣе, скорѣе. Господа! господа! господинъ кондукторъ! monsieur!

И въ окно вагона на сосѣдніе рельсы полетѣли изъ окна пледы, зонтики, картонки, ящички, полетѣла даже шляпа князя Ивана Аполлоновича.

— Soyez tranquille, ma bonne!—шепелявитъ растерявшійся князь—Calmez-vous, Charlotte!

Нераскрашенная быстро выпрыгнула на платформу, оттуда по двумъ ступенькамъ внизъ, и расхохоталась. Она подняла шляпу и, передавая ее въ руки отчаяннаго брюнета, произнесла:

— Папа, надѣнь и выходи... Шарлотта Федоровна, выходите-же!

Потомъ она исторопливо достала маленькое портмоне, вынула оттуда багажную квитанцію, и осмотрѣлась.

Лео въ два скачка былъ уже около и, почтительно раскланиваясь, принялъ протянутый ему билетикъ.

— Пансіонъ Мозеръ!

— Отель Викторія!

— Отель Бельвю, Бориважъ, Дандемиди!—затрещали на перебой форменныя ливреи и фуражки съ кокардами и надписями.

Сѣла въ коляску раскрашенная и приняла шикарную, полунебрежную позу; сѣлъ и отчаянный брюнетъ и не безъ эффекта сверкнулъ стеклами своего пенснэ; сѣла и нераскрашенная и подала своему рара носовой платокъ, выпавшій у него изъ кармана. Коляска тронулась въ путь, огибая красивую, застроенную террасами гору... Лео остался съ массою всякихъ укладокъ въ ожиданіи повозки изъ отеля.

Черезъ полчаса онъ уже былъ во дворѣ большого отеля «Викторія». Путешественники уже заняли тамъ три номера съ балкономъ и окнами въ садъ, на озеро. Раскрашенная стояла на балконѣ и лорнировала мрачныя контуры Савойскихъ горъ на другомъ берегу, нераскрашенная бродила по садику, разсматривая отчетливые отпечатки своихъ миніатюрныхъ ботинокъ на крупномъ пескѣ дорожекъ. Князь Иванъ Аполлоновичъ мочилъ въ одеколонѣ кончикъ своего платка и теръ себѣ виски, условливаясь въ подробностяхъ съ хозяиномъ отеля. Лео вошелъ въ комнату въ ту минуту, когда князь освѣдомлялся о какой-то баронессѣ Ivanoff, по его разсчетамъ еще недѣлю тому назадъ пріѣхавшей сюда-же изъ Петербурга.

Пока Лео разматривалъ веревки, обвязывавшія сундуки, и устанавливалъ вещи по указаніямъ Ивана Аполлоновича, вернулась и дочка изъ садика, вернулась и Шарлотта Федоровна съ балкона, и обѣ разглядывали не безъ удовольствія красиваго молодого человѣка, такъ сильно и ловко справлявшагося съ своимъ дѣломъ.

Князь далъ Лео франкъ, Шарлотта Федоровна—два, произнеся при этомъ по-русски:

— Не правда-ли, князь, какой красивый мужчина?

— Какіе у васъ, ma petite, банальные вкусы!—съ презрительною гримасою процѣдилъ князь.

Лео покраснѣлъ, какъ ракъ, дочка раскрыла широко свои синіе глазки и удивилась какъ будто.

— Возьмите!—обратилась она къ носильщику и протянула какую-то монету.

Лео покраснѣлъ еще болѣе и взялъ. Ей-Богу взялъ!.. Пять франковъ! Маленькая золотая монета въ пять франковъ!.. Вѣдь этакъ никто не платитъ! Отчего-же не взять? И Шарль взялъ-бы, и Рено взялъ-бы, и Бенуа, и Пьеръ Риго, всѣ взяли-бы; отчего же ему не взять, что онъ за важная птица? Такой-же носильщикъ, какъ и они. Онъ вышелъ, довольный собою, довольный своимъ заработкомъ, а въ душѣ даже подсмѣиваясь надъ аэростатомъ Шарля, принесшимъ ему восемь франковъ чистаго дохода.

— Рара, онъ, кажется, понимаетъ по-русски,—смущеннымъ голосомъ замѣтила дочка.

Но рара не слышалъ ея замѣчанія: онъ весь углубился

въ важное занятіе раскладки по полкамъ гардероба, своихъ многочисленныхъ панталонъ, жилетовъ и галстуковъ.

Шарлотта Федоровна тотчасъ заперлась въ своей комнатѣ.

Этихъ послѣднихъ подробностей Лео, конечно, не могъ знать въ данную минуту, но онъ ихъ все равно узналъ послѣ. Онъ потомъ многое узналъ, что могъ бы и не знать скромный носильщикъ багажа. Прежде всего онъ узналъ, что Надя (mademoiselle Nadine, нераскрашенная)—большая любительница кататься въ лодкѣ. Это онъ узналъ слѣдующимъ образомъ: Шарлотта Федоровна и Надя, разряженныя въ пухъ и прахъ, съ безконечными шлейфами, подметавшими улицу, на удивленіе мирныхъ обитателей Монтре, шли по дорогѣ къ Шильону. Онѣ поровнялись съ маленькою пристанью, осѣненною стройными тополями, а у этой пристани на привязяхъ качались на водѣ съ дюжину лодокъ для катанья. Тутъ-же на скамьѣ, покуривая сигару и созерцая природу, сидѣлъ и Лео. Первая замѣтила его и узнала Шарлотта Федоровна и шепнула что-то дѣвушкѣ; та тоже взглянула, улыбнулась и кивнула головою. Простая, хотя-бы и кумачная рубашка невскаго яличника, конечно, не удостоилась-бы подобнаго вниманія, но здѣсь вѣдь была Швейцарія, страна свободы и равенства, а это совсѣмъ другое дѣло.

— Вотъ эту, бѣленькую, съ итальянскимъ флагомъ,—указала пальчикомъ Надя.

— Риго, дружище, я поѣду съ барынями,—скороговоркою произнесъ Лео, на ходу обращаясь къ отставному солдату, владѣльцу лодокъ, и, ловко отвязавъ «бѣленькую», вскочилъ въ нее, сильнымъ толчкомъ багра чуть не вышвырнувъ лодку на береговой песокъ.

— Мегсі!—томно протянула Шарлотта Федоровна, едва справляясь съ своими юбками.

— Я на руль!—весело крикнула Надя и граціозно прошмыгнула на кормовую трехугольную скамеечку.

Лодка понеслась, да какъ! Она просто скользила по водѣ, разсѣкая ея поверхность длинными волнообразными бороздами. Лео не жалѣлъ своихъ могучихъ рукъ и, откинувшись назадъ, широко закидывая весла, работалъ лихо, красиво, отчетливо. Дамы заговорили по-русски. Шарлотта Федоровна позволяла себѣ даже нѣкоторыя нескромности по поводу привлекательной на-

ружности гребца, она даже сравнила его съ Аполлономъ,— сравненіе вѣрное, еслибъ у Аполлона была эта красивая русая борода. Лео потому только не могъ краснѣть, что и безъ того усиленная гребля вызвала яркую краску на его щекахъ, а рѣчи Шарлотты Федоровны заставили его глаза заблистать нѣсколько болѣе и выразительнѣе, чѣмъ-бы слѣдовало. Лео кокетничалъ. Ему ужасно нравилось его положеніе. Онѣ между собою говорятъ о немъ, а онъ все слышитъ и понимаетъ, и онѣ не подозрѣваютъ этого, по крайней мѣрѣ, не подозрѣваетъ раскрашенная, а нераскрашенная больше молчитъ, отвѣчая своей собесѣдницѣ только: да и нѣтъ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Прогулка окончилась. Лео получилъ опять пять франковъ, только на этотъ разъ отъ Шарлотты Федоровны, опять заслужилъ благосклонное merci и улыбку уже отъ обѣихъ дамъ, и приказаніе всегда быть готовымъ къ ихъ услугамъ относительно водяныхъ прогулокъ.

«Придется ходить на станцію только по утрамъ», подумалъ Лео и подѣлился съ старикомъ своимъ заработкомъ, за что Риго толкнулъ его въ бокъ, назвалъ «bon garçon» и лукаво усмѣхнулся, косясь глазами на удаляющіеся дамскіе плейфы.

А съ тѣхъ поръ и пошло, и пошло...

Прогулки въ лодкѣ—Лео гребецъ, прогулки пѣшкомъ—Лео проводникъ. Сезонъ подходилъ уже къ концу. Лео захотѣлось подурачиться вволю. Онъ, видите-ли, успѣлъ узнать много интимныхъ, небезынтересныхъ подробностей, касающихся всего семейства князя Ивана Аполлоновича, и, конечно, обѣихъ дамъ. Прежде всего онъ постарался разсѣять тѣнь сомнѣнія у Нади въ пониманіи русскаго языка, что было весьма нетрудно. Какой эффектъ произведетъ, когда онъ... Лео приходилъ въ восторгъ отъ этого предполагаемаго эффекта и, наконецъ, его произвелъ. Это было такъ:

Разъ они плыли. Былъ чудный вечеръ; заходившее солнце освѣщало конусообразныя вершины уже почернѣвшихъ Савойскихъ горъ, и снѣжный пикъ «Дандемиди», словно гигантская, яркокрасная челюсть, выступалъ изъ туманныхъ тучъ, окутавшихъ его подножіе. На озерѣ стояла тишь и гладь; на берегу по всѣмъ террасамъ, разработаннымъ въ виноградники, видѣлся пестрый народъ, кончавшій свои работы; окна отеля

свѣтились огнями, гдѣ-то гремѣлъ хоръ трубачей и звуки музыки, скользя по водамъ, неслись навстрѣчу лодкѣ. Эти звуки скоро прекратились, должно быть, — одинъ изъ трубачей, по обыкновенію, пошелъ съ тарелочкой обходить слушателей, но эти звуки навѣяли на катающихся самое музыкальное настроеніе: Шарлотта Федоровна спѣла, не безъ манеры «Мнѣ разъ сказалъ гусаръ небрежно». Надя пріятнымъ контральто спѣла «По небу полуночи ангелъ летѣлъ». Спѣлъ и Лео какую-то шансонетку Беранже. Онъ и прежде часто пѣлъ дамамъ шансонетки, которыхъ онъ зналъ цѣлую массу, и пѣлъ мастерски.

— Bravo, bravo! —захлопала въ ладоши Шарлотта Федоровна и даже добавила bis!..

«Дай-ка удеру штуку!» мелькнуло въ головѣ Лео, и онъ, дѣйствительно, удралъ эту *штуку*.

Къ величайшему изумленію дамъ, надъ волнами Женевскаго озера раздалось громко, отчетливо, безукоризненно по-русски «Вьется ласточка сизокрылая».

Шарлотта Федоровна вспыхнула такъ, что даже естественная живая краска заставила поблѣднѣть искусственную. Надя стиснула зубки, сдвинула свои бровки и отвернулась, а Лео все-таки допѣлъ... допѣлъ до конца и внимательно взглянулъ на дамъ: какое, молъ, онъ произвелъ впечатлѣніе.

— Къ берегу! —сухо и гордо произнесла Надя.

Шарлотта Федоровна растерялась до того, что не замѣтила, какъ ея мантилья сползла за бортъ въ воду и тянулась за лодкою.

— Оставьте, оставьте!.. —чуть не завизжала она, когда Лео поспѣшилъ къ ней на помощь.

Она боялась теперь, какъ-бы онъ не дотронулся до нея, какъ-бы не очутился слишкомъ близко... На нее напала какая-то странная брезгливость.

Лодка причалила, Лео получилъ свои обычные пять франковъ, но какъ получилъ! Ужъ безъ всякихъ улыбокъ, безъ всякаго милостиваго «mercі»; ему просто швырнули деньги на песокъ. Онъ даже не нагнулся, чтобы поднять брошенное.

— Это стыдно и нечестно... —обратилась къ нему Надя и быстро пошла по горной тропинкѣ.

Подобравъ шлейфъ, стремительно пустилась за нею и Шарлотта Федоровна.

А Лео стоялъ и смотрѣлъ вслѣдъ, стоялъ сконфуженный, убитый, проклиная себя за свою пошлую выходку.

— Кто оставляетъ деньги на землѣ, тотъ не имѣетъ права владѣть ими,—улыбаясь произнесъ старикъ Риго и положилъ пять франковъ въ широкій карманъ своей блузы.

Цѣлую ночь не спалъ Лео и бродилъ подъ окнами отеля, скрываясь въ тѣни окутанной виноградным плющемъ ограды. Къ утру онъ пришелъ къ энергичному рѣшенію оправдаться, оправдаться во что-бы то ни стало.. не предъ княземъ Иваномъ Аполлоновичемъ, которому нѣтъ до всего этого никакого дѣла, который и не зналъ ничего, и не знаетъ, и не долженъ ничего знать; не передъ этою раскрашенною француженкой изъ Ревеля,—нѣтъ, но передъ Надей, единственно передъ Надей, которая одна имѣла смѣлость, нѣтъ, милость, величайшую милость, бросить ему свой тяжелый, грустный упрекъ: «это стыдно, это нечестно»...

Но времени было мало. Еще два-три дня—и онѣ уѣдутъ. Portier отеля сообщилъ ему, что разсчеты окончены и даже назначенъ день отъѣзда «monsieur le prince Jean Apollonovitch Pestroy-Covricoff avec sa famille». Лео пробродилъ еще цѣлыя сутки по близости отеля, разсчитывая увидать какъ-нибудь Надю, но дѣвушка не показывалась. Тогда онъ рѣшилъ писать къ ней—это все, что ему оставалось,—и онъ написалъ...

Чего-чего не было въ этомъ длинномъ письмѣ! Лео началъ съ извиненія въ своей дерзости,—извиненія, полнаго стыда и глубокаго раскаянія. Онъ написалъ Надѣ всѣ свои бѣдствія, всю свою прошедшую жизнь. Онъ старался тронуть ее своимъ положеніемъ, заинтересовать романтичностью обстановки. Онъ молилъ ее только объ одномъ: сказать ему, что она его прощаетъ и не уѣдетъ, не снявъ тяжелаго упрека съ его совѣсти,—бѣднаго, покинутаго всѣми изгнанника.

Князь Пестрый-Ковриковъ и его семейство уѣхали и Лео не получилъ никакого отвѣта, хотя письмо дошло по назначенію, въ чемъ клялась ему пріятельница его Роза Кларкъ, убиравшая княжескіе апартаменты. Обстоятельство это сильно огорчило Лео, что-бы не сказать болѣе. Онъ чувствовалъ себя оплеваннымъ, униженнымъ, убитымъ и повѣсилъ носъ, что возбудило рядъ остроумныхъ насмѣшекъ и эпиграммъ со стороны

его товарищей по ежедневнымъ занятіямъ, въ особенности со стороны толстяка Шарля, который положительно не давалъ ему покоя.

Прошло три дня, мучительныхъ, тревожныхъ, перемежавшихся безсонными ночами; на четвертый Лео получилъ-таки письмо, изъ Базеля уже, и дрожащими руками, затаивъ дыханіе, поблѣднѣвъ, какъ полотно, отъ внутренняго волненія, вскрылъ изящный конвертъ съ хитросплетенною монограммою. Это письмо было подписано: княжна Надежда Пестрая-Коврикова.

Холодомъ и равнодушіемъ полнѣйшимъ, даже нѣкоторымъ презрѣніемъ дышала каждая строка, каждое слово этой небольшой странички, единственной, только единственной, даже не особенно убористо написанной. Ему прощали его шалость, принимая въ разсчетъ его молодость и легкомысліе, ему намекали, что если-бъ онъ поступилъ иначе и откровеннѣе, то результаты вышли-бы для него болѣе пріятные и выгодные... да, да, выгодные (это слово, ударившее Лео въ голову, было даже подчеркнуто). Ему предлагали, впрочемъ, обратиться въ случаѣ нужды за помощью и даже покровительствомъ. для чего и сообщался петербургскій адресъ князя Ивана Аполлоновича. Затѣмъ подпись и больше ничего.

«Лучше было не писать вовсе, чѣмъ писать такимъ образомъ», подумалъ Лео, оскорбленный почему-то до глубины души. Насчетъ обращенія за помощью и покровительствомъ онъ рѣшилъ сначала отвѣтить просьбою не заниматься такими пустяками, какъ скромный швейцарскій поденщикъ, и предоставить этому поденщику право жить своимъ трудомъ и надѣяться на свои собственныя силы, а не обращаться къ помощи какой-нибудь петербургской барышни и ея сіятельнаго папеньки, но потомъ пораздумалъ и рѣшилъ не писать вовсе, и опять пораздумалъ, принялся за перо, да дѣло не клеилось: мысли въ головѣ не укладывались, не вязались. Въ этомъ лихорадочномъ состояніи прошло двѣ-три недѣли.

Лео самъ не сознавалъ хорошенько, что такое съ нимъ дѣлается, что за чувство волнуетъ всю его кровь и лишаетъ его всякаго спокойствія. Онъ даже не зналъ хорошенько, какъ это случилось, что онъ писалъ-таки и послалъ первое письмо; за этимъ первымъ, какъ вода въ прорвавшуюся плотину, хлы-

пули безчисленные конверты, отправляемые въ Петербургъ, по указанному адресу. Но въ этихъ конвертахъ не было просьбъ о помощи, въ нихъ мало-по-малу развернулась цѣлая длинная, подробная до мелочей жизненная исповѣдь, въ нихъ были мольбы, но мольбы о сочувствіи, мольбы хотя о какомъ-нибудь откликѣ, и тутъ-же полная увѣренность въ томъ, что этого сочувственнаго отклика онъ не заслуживаетъ и получить его не имѣетъ никакой надежды. Если-бы кто-нибудь посторонній прочелъ хотя одно изъ его писемъ, онъ-бы счелъ это письмо за бредъ сумасшедшаго. Лео дѣйствительно чуть не довелъ себя до такого плачевнаго состоянія.

А отвѣта все-таки не было. Прошелъ мѣсяцъ, другой; тридцать четвертый конвертъ снесъ уже Лео въ почтовое бюро. Онъ помнилъ, хорошо помнилъ содержаніе этихъ писемъ, даже теперь передъ его глазами словно чья-то невидимая рука держала эти жгучія, пламенныя страницы, и онъ ихъ читалъ, не пропуская мельчайшихъ подробностей.

Послѣ грозъ, послѣ сѣрыхъ, тоскливыхъ, туманныхъ дней, послѣ скучнаго непрерывнаго ненастья проглядываетъ лучезарное солнце и оживляетъ своими лучами утомленную, поблекшую природу. Послѣ горя, быть можетъ продолжительнаго, но не вѣчнаго, наступаютъ свѣтлыя, радостныя минуты. Какая борьба, какой рядъ психическихъ явленій происходилъ въ душѣ Нади, сперва не безъ интереса, а потомъ жадно читавшей письма Лео, — авторъ этихъ писемъ не зналъ. Онъ не могъ слѣдить за этой борьбою, за этимъ послѣдовательнымъ зарожденіемъ и ростомъ ея чувства, и узналъ объ этомъ только тогда, когда получилъ, наконецъ, отвѣтъ отъ нея. Но какой отвѣтъ! Если-бъ онъ разсчитывалъ получить сотую долю того, что получилъ, то считалъ-бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Письмо это было, впрочемъ, весьма лаконично и сдержанно: его могутъ полюбить, можетъ быть уже и любятъ; велятъ ждать и надѣяться. Кромѣ того былъ приложенъ не менѣе лаконичный совѣтъ: чѣмъ праздно сѣтовать и печалиться да тратить свои силы и молодость на скромныя поденныя работы, попытаться выйти на болѣе широкую, открытую дорогу.

«Вотъ и пробился, думалъ Лео, окидывая печальнымъ взглядомъ свое настоящее помѣщеніе.— Скоро разсвѣтъ, а тамъ позорный, унизительный допросъ, пытка, медленная, мучи-

тельная смерть. Дорогая моя, ангелъ мой свѣтлый! Судьба не такъ распорядилась, какъ-бы хотѣлось намъ. Что дѣлать? Безъ ропота, но съ мыслью о тебѣ одной, пойду я на казнь, и въ минуту смерти, если ты когда-нибудь узнаешь о ней, тебѣ, моя красавица, не придется краснѣть за твоего Лео!»

Сѣроватый лучъ разсвѣта пробрался въ окно и тускло освѣтилъ внутренность подземелья. Темная фигура албанца обрисовывалась на стѣнѣ неяснымъ силуэтомъ; старикъ сидѣлъ, плотно прислонившись къ стѣнѣ, въ самомъ углу. Спалъ-ли онъ или нѣтъ, но только былъ неподвиженъ, и эта мертвая окаменѣлая неподвижность невольно обратила на себя вниманіе Лео. Тотъ окликнулъ своего товарища по заключенію.

Глухо, непріятно раздался этотъ окликъ подъ низкими, сырыми сводами подвала. Старикъ не отвѣчалъ, ни одна складка его тряпья не шелохнулась. Лео повторилъ окликъ.

«Да что онъ, умеръ, что-ли?» подумалъ онъ, и, осторожно приблизившись, коснулся рукою до сухого, костляваго колѣна албанца.

Это прикосновеніе заставило его вздрогнуть и быстро отскочить назадъ. Пальцы Лео ощутили непріятный холодъ окоченѣлаго уже трупа.

Въ крѣпости замѣчалось движеніе. Гдѣ-то далеко слышалась мелкая дробь барабана, поближе уныло дребезжала мѣдная труба, еще ближе неистово ревѣлъ оселъ, котораго запрягали въ водовозную бочку. Куры бимъ-баши, мирно кудахтая, бродили по земляному полу подвала, роясь въ соломѣ, отыскивая себѣ тамъ что-нибудь на завтракъ.

По мощеному двору слышались шаги, звуки шпоръ и сабель въ металлическихъ ножнахъ, волочившихся по камнямъ. За дверью каземата загремѣли ключами, взвизгнулъ желѣзный засовъ. Тяжелая дверь уступила не сразу, растворилась медленно, и въ ея свѣтломъ четырехугольникѣ обрисовались нѣсколько человѣческихъ силуэтовъ.

Лео, скрестивъ руки на груди, ждалъ. О, какъ жалѣлъ онъ, что въ это мгновеніе въ его карманѣ не было револьвера! Съ какимъ-бы наслажденіемъ послалъ онъ въ эти силуэты нѣсколько пуль, безъ промаха, безъ содроганія въ рукѣ и безъ всякаго сомнѣнія, безъ всякаго укора совѣсти за это совершенно уже безполезное убійство. Бываютъ минуты, когда че-

ловѣкъ, не теряя разсудка, не омраченнаго мгновеннымъ порывомъ бѣшенства, съ полнымъ сознаніемъ превращается въ кровожаднаго звѣря.

Лео былъ убѣжденъ, что на него сейчасъ накинутся, схватятъ и поволокутъ, непремѣнно поволокутъ по острымъ камнямъ, по землѣ, прямо волокомъ, какъ какой-нибудь тюкъ, а не живого человѣка, и выволокутъ такимъ манеромъ на площадь или куда-нибудь за стѣны города, къ крѣпостному рву, заваленному всякими нечистотами и падалью; тамъ его опять встрѣтитъ и окружитъ со всѣхъ сторонъ вчерашняя бѣшеная толпа, опять начнутся толчки, плевки, ругань, всякія оскорбленія, а потомъ... потомъ уже извѣстно – петлю на шею и на перекладину, какъ собаку какую-нибудь. Хоть-бы зубами, что-ли, въ кого-нибудь вцѣпиться, глаза-бы ногтями выцарапать... А ну-ка!..

Хорошо, что Лео не успѣлъ привести въ исполненіе этого своего послѣдняго намѣренія. Къ великому его изумленію, на него не накинулись, не схватили и никуда не поволокли. Его, напротивъ того, очень вѣжливо попросили пожаловать вонъ изъ каземата и поспѣшили заявить, что комендантъ крѣпости Будва весьма сожалѣетъ о непріятности, постигшей господина путешественника, и проситъ этого послѣдняго считать это только небольшимъ недоразумѣніемъ, виновники котораго уже примѣрно наказаны.

Одинъ изъ солдатъ и маленькій человѣчекъ, сторожъ казематовъ и бимъ-башевскихъ куръ, подошелъ къ Лео, чтобы развязать ему руки, и сильно озадачился, замѣтивъ, что его уже предупредили. Онъ сообщилъ что-то шопотомъ сосѣду; тотъ передалъ дальше. Въ казематъ вошло уже тѣмъ временемъ нѣсколько человѣкъ, у входа показалась и вчерашняя длинная, сухая фигура въ австрійскомъ мундирѣ. Лео поспѣшилъ на воздухъ.

— Очень радъ видѣть васъ на свободѣ!—съ такимъ искреннимъ выраженіемъ въ голосѣ, такъ просто и честно глядя прямо въ глаза, подошелъ къ Лео командиръ батальона низамовъ, заподозрѣнный имъ въ предательствѣ.

Лео совсѣмъ растерялся. Онъ положительно не понималъ, что такое вокругъ него дѣлается, что за волшебныя превращенія совершаются. Ему даже пришло въ голову, что ужъ

*

не заснулъ-ли онъ крѣпко передъ утромъ и проснуться не можетъ. Сновидѣнія одолѣли, и сновидѣнія такія пріятныя, неожиданныя.

А изъ подвала одинъ за другимъ выскакивали солдаты, словно кто ихъ выгонялъ оттуда. Испугъ ясно выражался на ихъ смуглыхъ лицахъ, въ каждомъ ихъ движеніи. Выскочилъ стремительно и австріецъ, буркнувъ себѣ подъ носъ:

— Экая скотина!..

— Удавился, самъ, своими руками удавился; намоталъ на шею веревку и удавился. Чѣмъ я тутъ виноватъ, Аллахъ отдай дьяволу мою душу,—оправдывался казематный сторожъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ-то выгибаясь, словно песъ виноватый передъ замахнувшимся арапникомъ, подходя къ офицеру.

— Не мое дѣло!—равнодушно отвѣчалъ капитанъ и, обращаясь къ Лео, продолжалъ:—Ваши вещи будутъ вамъ возвращены на пароходѣ. День вы проведете здѣсь,—такъ приказано,—а къ ночи пароходъ «Самосъ» отвезетъ васъ въ Катаро. Идите за мной!

— Объясните, пожалуйста, въ чемъ дѣло?—допытывался Лео, придя, наконецъ, въ себя.

— Такъ приказано,—повторилъ офицеръ.—Я же могу вамъ только опять заявить, что очень, очень радъ видѣть васъ на свободѣ. Идите скорѣй!..

И они пошли по знакомой дорогѣ, дальше отъ этого мрачнаго каземата, дальше отъ этой перепуганной группы оборванныхъ, босоногихъ солдатъ, столпившихся у зіяющаго, чернаго отверстія растворенаго настежь казематнаго входа.

Длинная фигура въ австрійскомъ мундирѣ, широко шагая усиленными, журавлиными шагами, обогнала ихъ на площадкѣ. Лео и его провожатый направились къ комендантскому домику, изъ растворенныхъ оконъ котораго снова выглядывали знакомыя, вчерашнія лица.

IX.

Первыя сутки на свободѣ.

Весь этотъ день Лео провелъ въ маленькой комнаткѣ, окнами на какой-то задворокъ, отведенной для него въ одномъ изъ флигелей комендантскаго дома. Комнатка эта мало чѣмъ

отличалась отъ только что оставленнаго каземата: окна также защищены желѣзными рѣшетками, тотъ же неопредѣленный полусвѣтъ, та же поросшая виноградомъ и плющемъ стѣна передъ глазами, съ узенькою полоскою голубого неба наверху, та же дверь назаперти, съ тою только весьма немалозначущею разницею, что заперта она не снаружи, а изнутри, имъ самимъ, и Лео могъ по своей личной волѣ отпереть или не отпирать ея, могъ даже выйти изъ своего убѣжища, хотя ему и посовѣтовали лучше этого не дѣлать вовсе, а сидѣть себѣ смирно, терпѣливо дожидаясь назначеннаго вечерняго часа.

Лео былъ въ данную минуту совершенно спокоенъ; на душѣ его мало-по-малу становилось какъ то пріятно, радостно. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что опасность миновала, случилось что-то, неизвѣстное ему, но тѣмъ не менѣе весьма для него благопріятное, устранившее, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, всякую опасность. Если онъ и безпокоился немного, такъ только насчетъ своего миніатюрнаго багажа,—«отдадутъ-ли ему его весь, или только одну половину? Весь багажъ состоялъ изъ двухъ вещей: мѣшка и свертка въ зеленой фланели. Если что и удержатъ, такъ этотъ свертокъ. Обстоятельство это весьма смущало швейцарскаго подданнаго. Не можетъ быть, думалъ онъ и соображалъ, чтобы тѣ не посмотрѣли, что такое тамъ подъ фланелью? Навѣрняка полюбопытствовали, а, удовлетворивъ свое любопытство, не возвратятъ ему ни за что на свѣтѣ того, что тамъ окажется. Обстоятельство это еще болѣе должно усилить подозрѣніе турокъ, а между тѣмъ онъ свободенъ, то-есть ему сказали, что онъ свободенъ, хотя настоящею-то свободою будетъ пользоваться не скоро, только вечеромъ, когда стемнѣетъ, а до этого блаженнаго момента еще, ухъ, какъ далеко! Въ комендантскомъ домѣ только завтракать собираются, за стѣною, слышно, позвякиваютъ посудою. Вѣроятно, и его не забудутъ въ такомъ случаѣ; это было-бы весьма недурно! Аппетитъ у Лео разыгрывался страшный; шутка-ли: вчера весь день не ѣлъ, сегодня съ ранняго утра тоже. Вотъ уже сутки, значитъ, ровно. Опять-же и сильныя ощущенія, быстрые нравственные переходы изъ одного состоянія духа въ другое, діаметрально противоположное,—все это – обстоятельства, сильно возбуждающія аппетитъ, возбуждающія до того, что даже при видѣ живыхъ воробьевъ, вереницею засѣвшихъ по мшистому

гребню стѣны, у него сильно и безпокойно зашевелился тотъ самый червячекъ, *замариваніемъ* котораго вѣчно озабочено все, пользующееся жизнью.

Вотъ какая-то тѣнь загородила окно. Лео на противоположной стѣнѣ увидѣлъ ея отраженіе, обернулся. Фигура въ чадрѣ, съ лицомъ, закрытымъ снизу до самыхъ глазъ, быстро присѣла и спряталась подъ окошкомъ.

«Любопытствуютъ», сообразилъ Лео и хотѣлъ самъ заглянуть, да неудобно: выступъ подоконника мѣшаетъ; а снизу поднимается крошечная ручка, всѣ пальцы въ колечкахъ, ноготки чѣмъ-то краснымъ выпачканы; ручка эта слегка барабанитъ по зеленому раковистому стеклу окна. Отвѣтилъ онъ тѣмъ-же,— тамъ уже вмѣсто одной руки двѣ показались; пустилъ и Лео другую свою руку въ ходъ,—за окномъ втихомолку послышалось веселое хихиканье.

Долго ли продолжалось-бы это импровизированное упражненіе «à quatre mains» — неизвѣстно, если-бъ оно не было прервано стукомъ въ дверь и вѣжливымъ опросомъ: «Не угодно-ли господину позавтракать? Если, молъ, угодно, то сейчасъ принесутъ сюда, а въ общую залу къ столу комендантъ, проситъ извиненія, пригласить не можетъ»...

— Каковы тонкости!—подумалъ Лео, бросившись отъ окна къ двери и торопливо поворачивая ключъ въ замкѣ, торопливо настолько, что чуть не свернулъ самаго замка, въ излишнемъ усердіи къ такому простому дѣлу.

Вошелъ грекъ въ костюмѣ простого жандарма «заптія», безъ оружія, держа въ рукахъ мѣдное, луженое блюдо съ чѣмъ-то горячимъ, прикрытымъ сверху салфеткою; подъ мышкою у него были остальныя принадлежности незатѣйливой сервировки и продолговатый хлѣбъ изъ кукурузной муки. Поставивъ все принесенное на столъ, заптій пообѣщалъ принести еще воды, мастики и кофе, заявивъ, что онъ очень радъ служить почтеннѣйшему господину, чуть было не пострадавшему отъ *недоразумѣнія*, что онъ вообще любитъ служить иностраннымъ гостямъ, только не нѣмцамъ, то есть не австрійцамъ, которыхъ онъ, впрочемъ, и не считаетъ настоящими иностранцами, а такъ, скорѣе своими больше, чѣмъ даже сосѣдями, ибо здѣсь, въ пограничныхъ мѣстностяхъ, положительно не разберешь, гдѣ кончаются одни и гдѣ начинаются другіе. Да и

какіе-же они иностранцы, когда и двухъ піастровъ за услуги съ нихъ не получишь, между тѣмъ какъ всякій *хорошій иностранецъ*...

Лео не могъ не понять намека и утвердительно кивнулъ головою. Онъ вспомнилъ, впрочемъ, что по *недоразумѣнію* у него обшарили всѣ карманы, а потому онъ, хотя и *хорошій иностранецъ*, но положительно лишенъ возможности поддержать свое достоинство передъ услужливымъ заптіемъ.

Удовлетворивъ, какъ слѣдуетъ, первые порывы своего бѣшенаго аппетита, Лео попросилъ курить. Ему подали длинный чубукъ съ красной глиняной стамбулкой и деревянную коробку съ превосходнымъ, шелковистымъ, ароматическимъ табакомъ, подали кофе, кувшинъ съ водою, однимъ словомъ, обставили всѣмъ необходимымъ для пищеварительнаго періода кейфованія. Уходя, заптій попросилъ «*хорошаго иностранца*» запереть все-таки свою дверь извнутри, и когда надо будетъ позвать его или спросить что-нибудь,—то стучать не *въ окно*, а вотъ сюда. Онъ показалъ Лео мѣсто на стѣнѣ, обладающее, по его мнѣнію, должными акустическими свойствами.

Заперъ Лео дверь, взглянувъ мелькомъ на окно,—тамъ было тихо и ужъ никто въ стекло не барабанилъ,—прошелся по комнатѣ, присѣлъ, а потомъ прилегъ на жесткую кушетку съ круглыми валиками вмѣсто подушекъ, пустилъ къ потолку съ полдюжины колецъ табачнаго дыма, полюбовался ихъ полетомъ, и... проснулся только тогда, когда сильный, вѣроятно, не разъ повторенный стукъ въ дверь, заставилъ его вскочить на ноги. Было темно, до того темно, что онъ съ трудомъ могъ оріентироваться, добраться до двери и отпереть ее. Яркій красноватый свѣтъ лампы прямо ударилъ ему въ глаза. Онъ едва успѣлъ замѣтить, что передъ нимъ стоялъ тотъ же услужливый заптій и, кажется, капитанъ Измаилъ-бей. Да, такъ и есть, это онъ!...

— Пароходъ «Самосъ» отходитъ черезъ десять минутъ,—сообщилъ капитанъ.—Вы готовы?

— Готовъ,—лаконически отвѣчалъ Лео.

— Вещи ваши получите на пароходѣ,—напомнилъ капитанъ.

Сердце Лео забилось усиленно, тревожно. Неизвѣстность насчетъ участи зеленаго свертка мучила его сильно.

— Останься!—приказалъ капитанъ заптію и пригласилъ Лео, не теряя времени, идти за собою.

Они быстро прошли комендантскую площадку, спустились къ воротамъ крѣпости, гдѣ ихъ пропустили безпрепятственно, даже съ отданіемъ подобающей чести, прошли базаръ, опустѣлый, съ запертыми лавками, съ дремлющими сторожами и стаями воющихъ собакъ, и, наконецъ, выбрались на пристань. Изъ-за большой барки, съ выстроеннымъ на ея палубѣ домикомъ, торчалъ кончикъ дымящейся трубы маленькаго пароходика и слышалось посвистываньe и сопѣнье его слабосильнаго паровика. Тамъ-то и дожидалъ ихъ «Самосъ», дрянной побережный пароходикъ, развозящій по излучинамъ Кастельнуовскаго залива частную ежедневную почту. Послѣдній пунктъ, гдѣ онъ останавливается и потомъ поворачиваетъ назадъ, это Катаро, прелестный городокъ, о которомъ еще говорить придется послѣ, а такъ какъ Катаро вовсе не въ сторонѣ отъ дороги въ Трiестъ, то французу Мишелю Рено это будетъ довольно удобно, тѣмъ болѣе, что завтра, вѣроятно, въ Катаро будутъ суда, идущія далѣе къ сѣверу вдоль береговъ Адріатики. Всѣ эти соображенія капитанъ Измаилъ-бей высказалъ Лео дорогою,—высказалъ не безъ скрытаго смѣха, невольно слышавшагося въ каждой нотѣ его голоса...

«Погоди, другъ, посчитаемся еще когда-нибудь», думалъ про себя Лео, выслушивая терпѣливо подтруниванье капитана, нисколько, впрочемъ, не сердясь на него, а даже съ чувствомъ чего-то, весьма похожаго на дружескоe расположеніе.

— Вашъ дорожный мѣшокъ отправленъ на пароходъ,—говорилъ Измаилъ-бей,—и должно быть уже здѣсь. Что же касается оптическихъ инструментовъ, то они почему-то такъ понравились коменданту, что онъ оставилъ ихъ себѣ на память!...

— Какъ!..—чуть не вскрикнулъ Лео,—оптическіе инструменты!.. Какой чортъ тамъ видѣлъ оптическіе инструменты?

— Такъ надписано было на ящикѣ,—улыбался капитанъ. Сейчасъ третій свистокъ... Итакъ, еще разъ, до свиданья!.. Adieu!...

— Оптическіе инструменты,—бормоталъ Лео,—экая досада!...

Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что у него отберутъ этотъ ящикъ со всѣмъ, что въ немъ находилось; онъ зналъ, что

иначе не могли поступить, и если надѣялся, то такъ, развѣ потому только, что надѣяться никому и ни на что не возбраняется. Теперь, въ настоящую минуту, и эта слабая тѣнь надежды не существовала. Мѣшокъ, глупый мѣшокъ съ протертымъ немного бокомъ, съ попорченнымъ замкомъ, съ турецкою печатью, аляповато наклеенною сбоку, вотъ этотъ мѣшокъ: онъ передъ нимъ, ему его подали-тотчасъ же, какъ только нога его ступила на палубу парохода; но свертокъ въ зеленой фланели, свертокъ, такъ тщательно до сихъ поръ оберегаемый, лелѣянный во всю длинную дорогу, исчезъ безвозвратно, исчезъ въ то самое время, когда путь былъ уже почти оконченъ.

— Оптическіе инструменты,—опять забормоталъ Лео.—Еще трунить вздумалъ... ну что бы ему стоило, ну попросилъ-бы тамъ... Неужели-же нельзя было?.. И что имъ въ одномъ лишнемъ ружьишкѣ!..

— Удивляюсь, какъ это вижу васъ опять на свободѣ?— обратился къ нему сосѣдъ по скамьѣ, фигура вида весьма подозрительнаго.

— Что же тутъ удивительнаго?..—удивился въ свою очередь Лео, на всякій случай отодвинувшись подальше.

— Видѣлъ я вчера, какъ васъ повели... По всѣмъ признакамъ, я полагалъ, что вы должны были бы теперь сидѣть въ тюрьмѣ, или даже...

— Да что же, вамъ хотѣлось-бы, чтобы съ меня шкуру содрали, на колъ посадили?..

— О, нѣтъ, зачѣмъ-же?... Я только къ тому говорю, что странныя вещи совершаются въ это странное время,—спокойно разсуждала подозрительная фигура.—Кто за васъ хлопоталъ? осмѣлюсь спросить...

— Никому не было никакой надобности за меня хлопотать... Я просто себѣ ѣду по дѣламъ, я человѣкъ частный, свободный, и если меня по ошибкѣ задержали...

— Недѣлю тому назадъ тоже одного эдакъ-то по ошибкѣ задержали, тоже русскаго.

— Не можетъ быть... вы не знаете, кого?—забылся немного человѣкъ частный и свободный...

— Не знаю,—улыбнулся сосѣдъ, хлопнувъ по-пріятельски своею ладонью по колѣну Лео.—Только того человѣка уже нѣтъ теперь на свѣтѣ. Тамъ съ восточнаго фаса, за башней,—

видѣли, башня такая, выступомъ изъ-за стѣны видна?—Ну, такъ вотъ тамъ. Я слышалъ залпъ; это было, вотъ уже не припомню, въ которомъ часу, только очень рано утромъ; я еще спалъ и вдругъ слышу:—тррахъ! Я полагалъ, что сегодня утромъ тоже придется услышать; однако, нѣтъ, не пришлось! Вижу теперь васъ здѣсь и, признаться, удивленъ до крайности. Съ капитанбмъ Измаилъ-бесмъ вы давно знакомы?

— Нѣтъ, только дорогою на пароходѣ «Діана» познакомились, нѣсколько дней тому назадъ.

— Странно! Я слышалъ самъ, что капитанъ говорилъ, будто давно васъ знаетъ, чуть не десять лѣтъ знакомъ; вы вѣдь фотографъ? А если и было при васъ найдено оружіе, то вѣдь это весьма естественно. Въ такое смутное время, какое мы переживаемъ въ настоящую минуту, не мѣшаетъ имѣть при себѣ оружіе наготовѣ.

— О, конечно не мѣшаетъ!—согласился Лео, вдумываясь въ смыслъ этого новаго, страннаго допроса.

— Хотя разобранный карабинъ, уложенный въ ящикъ, да еще запертый ящикъ, никакъ нельзя назвать оружіемъ наготовѣ. А все-таки капитанъ Измаилъ-бей человѣкъ очень хорошій, хотя и плохой патріотъ. Прикажете?

Сосѣдъ протянулъ ему свой портсигаръ и самъ вынулъ сигару, откусилъ кончикъ, сплюнулъ и сталъ рыться зачѣмъ-то въ боковомъ карманѣ.

Лео поблагодарилъ и отказался. Онъ хотѣлъ-бы покончить съ этимъ разговоромъ, чувствуя, что онъ къ добру не поведетъ. Вставъ съ своего мѣста, прошелся раза два по палубѣ и снова сѣлъ на какой-то тюкъ, подальше отъ подозрительнаго собесѣдника.

А маленькій пароходикъ бойко бѣжалъ, разсѣкая спокойную воду Кастельнуовскаго залива Звѣздное небо опрокинутой чашей раскинулось надъ нимъ, отражаясь въ его глубинѣ. Тихо, беззвучно плыла навстрѣчу пароходу парусная шкуна, со слабо натянутыми, почти неподвижно висящими парусами; изъ-за ея высокихъ бортовъ мигали красноватыя точки матросскихъ трубокъ. Яркая полоса свѣта лучомъ вырывалась изъ каютнаго, кормового окна, освѣщая воду, вызывая въ это свѣтлое пространство всякую водяную тварь, какъ пламя свѣчи вызываетъ къ себѣ, изъ мрака ночного воздуха, безчисленъ-

ныхъ мошекъ, букашекъ и бабочекъ, съ тою только разницей, что эти послѣднія гибнутъ за свое любопытство, а первымъ это проходитъ безнаказанно. Всплыветъ какая-нибудь рыбина, привлеченная свѣтомъ, блеснетъ у самой поверхности своею чешуею, поглядитъ, выпуча большіе, круглые глаза, и снова нырнетъ вглубь, только оставитъ по себѣ кратковременный, расходящійся круглообразно слѣдъ рыбьяго всплеска.

Крутые горные берега темными, тяжелыми массами громоздились справа; у ихъ подножій почти непрерывною полосою искрились огоньки побережныхъ городковъ и селеній; пароходъ «Самосъ» чуть не каждые полчаса приставалъ къ берегу, кое-кого высаживалъ, кое-кого принималъ на свою палубу, сдавалъ, получалъ, и къ разсвѣту, когда черные кряжи выяснились отчетливо на посвѣтлѣвшемъ небѣ, когда одна за другою погасли звѣздочки, когда, наконецъ, золотистый лучъ, вырвавшись изъ за далекаго синяго уступа, скользнулъ и загорѣлся на поверхности залива,—«Самосъ» добрался, наконецъ, до пристани Катаро, красиваго городка, расположеннаго въ самой глубинѣ залива, въ его послѣднемъ углу, откуда пароходъ долженъ начать свое обратное плаваніе.

Въ городѣ было тихо и безлюдно: населеніе, должно быть, еще спало. Только вдоль набережной, обставленной сотнями разнокалиберныхъ судовъ и лодокъ, тяжелыми боками неуклюжихъ пристаней, цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, снастей, убранныхъ и неубранныхъ парусовъ, неподвижно висящихъ въ воздухѣ флаговъ всѣхъ цвѣтовъ и національностей,—только здѣсь было замѣтно небольшое движеніе, —однако съ каждою минутою усиливающееся все болѣе и болѣе.

«Самосъ» хрипло, отрывисто, словно поперхнулся, просвисталъ въ послѣдній разъ, позвонилъ въ свой надтреснутый колоколъ и неловко толкнулся правымъ кожухомъ о смоляной бокъ пристани.

— Ну-съ, вы въ Тріестъ отсюда, я полагаю, еще не скоро?—ядовито прошипѣлъ за спиною Лео все тотъ-же ночной допрашиватель.

Такъ какъ уже значительно посвѣтлѣло, то Лео могъ хорошо разсмотрѣть этого допрашивателя; высокая, сухая фигура, далеко не первой молодости, длинные тараканьи усы, подчерненные и сильно закрученные hongroise'мъ, круглыя синія

очки въ золотой оправѣ на ястребиномъ носу, изъ-подъ лакированнаго околышка видны сѣдые, коротко остриженные волосы, подбритые на раздвоенномъ жилистомъ затылкѣ. Все это, взятое вмѣстѣ, производило пренепріятное впечатлѣніе, настолько непріятное, что Лео торопливо шагнулъ съ мостика парохода на пристань и, не отвѣчая на заданный вопросъ, не кивнувъ даже головою, бѣгомъ пустился по вторымъ мосткамъ, соединяющимъ пристань съ плитнымъ тротуаромъ набережной.

— На этого человѣка надо обратить вниманіе, прослѣдить за нимъ!—обратился нѣмецъ къ жандарму, полудремавшему у каменнаго барьера.

Машинально поднялъ тотъ руку къ козырьку своего кепи, сонно взглянулъ въ ту сторону, куда показывалъ офицеръ, процѣдилъ сквозь зубы: «слушаю-съ!» и снова погрузился въ свое полудремотное состояніе.

X.

Катаро.

Положеніе, въ которомъ очутился Лео, ступивъ, наконецъ, на набережную, хотя и не враждебнаго, но тѣмъ не менѣе совершенно чуждаго, неизвѣстнаго ему города, было далеко не изъ привлекательныхъ.

Денегъ въ его карманахъ не было ни одной, даже самой микроскопической монетки; въ его дорожномъ мѣшкѣ оказалось только сѣно да два или три небольшихъ камня, положенныхъ для тяжести. Его платье, бѣлье, разныя болѣе или менѣе необходимыя вещи, составляли теперь уже не его собственность, а турецкихъ таможенныхъ. Письма, весьма нужныя письма, долженствующія открыть ему дорогу, исчезли, документы тоже. Кромѣ того, что́ было на немъ, не оставалось ровно ничего, что бы можно было путемъ продажи превратить хотя въ самую крохотную сумму, за исключеніемъ развѣ самаго мѣшка, да и тотъ, сильно подержанный, протертый, съ исковерканнымъ замкомъ и оборванными петлями, не представлялъ никакой цѣнности. Лео со злостью швырнулъ его черезъ перила набережной, прямо на дно какой-то рыбачьей лодки, гдѣ, свернувшись калачикомъ на сверткѣ сѣтей, мирно спала черная, косматая шавка. Собаченка шарахнулась, забп-

лась подъ скамью и оттуда принялась свирѣпо лаять наверхъ, въ отвѣтъ на такую неожиданную бомбардировку. Лео сталъ соображать.

«Что тутъ дѣлать теперь?—думалъ онъ.—Ни одного человѣка, къ которому можно бы было обратиться за помощью; писать развѣ? Куда? Ну, положимъ, онъ зналъ, куда писать, но для того, чтобы писать, не говоря уже телеграфировать, надо все таки имѣть листокъ бумаги, конвертъ, марку, за все это надо заплатить. А чѣмъ?.»

Развѣ къ консулу обратиться, къ русскому, конечно? Въ Катаро, онъ зналъ, такого консула нѣтъ; надо ѣхать для этого въ Рагузу. Опять деньги нужны, и деньги не малыя. Наконецъ, чортъ возьми, и ѣсть хочется! Вѣдь стаканъ кофе, кусокъ сыру и маленькій хлѣбъ, все это, положимъ, пустяки стоитъ, какіе-нибудь тридцать крейцеровъ, но все-таки стоитъ, даромъ никто не предложитъ.

Заработать развѣ?... Онъ покосился при этомъ на большое парусное судно изъ Генуи, стоящее вплотную у пристани, съ явными слѣдами только что начатой разгрузки. Дѣло привычное; жаль только, что вотъ костюмъ на немъ неподходящій для такого дѣла; и неудобно, и на смѣхъ поднимутъ *товарищи*.

Послѣднее соображеніе навело его на мысль, что верхнее платье, то-есть сюртукъ, можно-бы, пожалуй, и по боку. Тѣмъ болѣе, что погода стоитъ превосходная, тепло такъ, черезъ часъ даже жарко станетъ. Идея!..

Улыбка скользнула на лицѣ Лео при такой счастливой идеѣ, и онъ бодро зашагалъ по превосходной, гладкой, какъ асфальтъ, плитной мостовой набережной улицы.

Это единственная большая и широкая улица въ Катаро; отъ нея, подъ прямыми углами, идутъ узенькіе, тѣсные, вѣчно находящіеся въ тѣни переулки, выходя одними концами къ морю, т. е. на набережную, а другими упираясь вплотную въ крутыя подножія горъ, у подошвы которыхъ узкою береговою полосою растянулся красивый городъ, поражающій всякаго пріѣзжаго своею изысканною чистотою и опрятностью, доведенною до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

Высокія, сжатыя съ боковъ, —словно не дома, а какіе-то гигантскіе шкафы и комоды, —строенія весело смотрятъ на лазурныя воды залива безчисленными рядами оконъ, красиво

задрапированныхъ причудливыми маркизами и гирляндами живой зелени. Надъ балконами, легкими, какъ кружева, колышутся парусинные навѣсы, бѣлые, какъ снѣгъ, или яркіе, полосатые, отбрасывая голубыя, рѣзко очерченныя тѣни на желтовато-сѣрый фонъ опрятно содержимой штукатурки.

Все чисто, все подметено, вымыто; ни одного лоскутка бумаги не валяется на плитахъ мостовой и тротуаровъ. Экипажей не видно, да ихъ и нѣтъ почти, лошадей никто не держитъ, все и вся ходятъ пѣшкомъ: разстоянія не велики и ровныхъ, удобныхъ, даже возможныхъ для ѣзды улицъ нѣтъ. Все горы и горы кругомъ, съ узкими кривыми тропинками, зигзагами просѣченными въ каменистомъ грунтѣ.

Для поѣздокъ, болѣе отдаленныхъ, можно достать лошадь, но только верховую, а не съ экипажемъ; въ самомъ же городѣ верховой всадникъ вызвалъ-бы насмѣшливую улыбку и удивленный взглядъ на смугломъ лицѣ всякаго встрѣчнаго катарца.

На улицахъ Катаро, какъ вообще во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, пріютившихся по живописнымъ берегамъ Адріатическаго моря, толпится самое пестрое, разнонаціональное населеніе. Тутъ вы встрѣтите и сухія, антипатичныя, казенныя фигуры австрійцевъ, и итальянца-матроса въ красномъ шерстяномъ колпакѣ, загнутомъ къ лѣвому уху, съ голыми до самыхъ плечъ руками, на которыхъ ниже локтя видны татуированныя по кожѣ разныя эмблемы, — кресты, якоря, имена свои и своихъ дорогихъ сердцу красавицъ. Тамъ бросается въ глаза эффектный, совсѣмъ театральный костюмъ албанца, его бѣлая, какъ снѣгъ, сборчатая фустанелла (юбочка до колѣнъ) и цвѣтная, шитая золотымъ шелкомъ куртка съ длинными, откидными, развѣвающимися по вѣтру рукавами. Тутъ черная черногорская шапочка съ золотымъ полудонцемъ и скрещенными саблями, а рядомъ съ нею, ни съ того, ни съ сего, грязная, пестрая чалма мусульманина, навернутая вокругъ фески съ ощипанной шелковой кисточкой; темная, длинополая ряса православнаго попа и яркіе лохмотья Богъ-вѣсть зачѣмъ забредшаго сюда дервиша-фанатика; сербскія рубахи и черные жилеты съ двойнымъ рядомъ тѣсно насаженныхъ металлическихъ пуговокъ, парусинный полный костюмъ еврейскаго покроя, чадра турчанки, длинныя, черныя, какъ смоль, итальянскія косы и обтянутый до невозможности спереди, взбитый стогомъ сза-

ди костюмъ вѣнской кокотки съ подстриженными на лбу волосами. Босыя ноги, кожаныя опанки горца, блестящій сапогъ со шпорою, классическая сандалія, граціозный парижскій башмачекъ съ двухвершковымъ каблукомъ и жидовская туфля безъ задка,—все это вмѣстѣ смѣшалось, перепуталось и толчетъ одну и ту-же чисто выметенную мостовую. А въ воздухѣ, освѣженномъ близостью моря, несется смѣшанный гулъ разноплеменной рѣчи, подхваченный эхомъ горныхъ скатовъ, далеко слышный по водѣ, слышный даже вонъ до тѣхъ островковъ, что чуть видны впереди съ своими бѣленькими домиками, съ пріютившимися около нихъ десятками рыбачьихъ лодокъ.

Мало-по-малу просыпались обитатели города. На балконахъ, въ окнахъ, изъ за драпировокъ, всюду стали показываться заспанныя головки женщинъ, усатыя мужскія лица, полусонными глазами щурящіяся на голубой отблескъ залива. Движеніе на улицѣ все усиливалось и усиливалось, а вдоль набережной, на пристаняхъ, на палубѣ судовъ,—тамъ уже давно кипѣла суетливая, муравьиная работа.

Заложивъ руки за спину, Лео шелъ прямо, шелъ, куда глаза глядѣли, дошелъ до какого-то угла и остановился.

«Hôtel Montenegro!»—прочелъ онъ крупную надпись на стѣнкѣ углового дома, однимъ фасомъ выходящаго въ переулокъ, другимъ въ море.

— Ja, es ist hier!—любезно раскланиваясь, отвѣтилъ нѣмецъ привратникъ, вытирая суконкою рѣзную ручку дверного замка.—C'est ici!—перевелъ онъ на всякій случай, добавивъ кстати ужъ и по-сербски: овде (здѣсь).

Лео даже не сообразилъ сначала, что всѣ эти разноязычныя указанія относятся именно къ нему. Машинально разсматривалъ онъ большую доску съ написанными на ней номерами и фамиліями и вдругъ глаза его остановились на знакомомъ имени: «Генри Карлейль, № 27».

Слѣдилъ ли за его взглядомъ или нѣтъ проницательный portier, но только онъ, словно угадавъ въ чемъ дѣло, произнесъ:

— Господинъ полчаса только вышелъ. Господинъ всегда гуляетъ по утру, какъ только встанетъ съ постели. Вѣроятно, онъ скоро будетъ назадъ,—пить кофе.

— Пить кофе!..

Въ пересохшемъ рту Лео стало какъ будто влажнѣе; онъ даже облизнулся.

— Здѣсь ресторанъ и буфетъ, войдите и подождите здѣсь!

Привратникъ толкнулъ боковую дверь.

— Нѣтъ, не надо! - замялся Лео.—Нѣтъ ли здѣсь портного?—вспомнилъ онъ главнѣйшую цѣль своей прогулки.

— О, да, конечно! Въ Катаро есть много портныхъ и даже очень хорошихъ портныхъ. Сейчасъ вотъ за этимъ домомъ живетъ портной нѣмецъ, Шпикъ—Эдуардъ, мой родственникъ. Тутъ есть и французъ портной и два грека, но гдѣ же ихъ сравнить съ нѣмецкимъ портнымъ? Если прикажете, я васъ провожу.

— Я самъ, самъ... Здѣсь, за этимъ домомъ, вы говорите? Я самъ...

— Ба!

Изумленное и радостное, громогласно такъ раздавшееся сзади восклицаніе заставило Лео вздрогнуть и быстро обернуться. Тамъ стоялъ Генри Карлейль, протянувъ ему обѣ руки и веселыми глазами осматривая его съ ногъ до головы.

— А я думалъ...—началъ онъ,—я уже отчаявался... Писалъ, телеграфировалъ въ Константинополь, отвѣта не было. Я такъ безпокоился. Пойдемте-же ко мнѣ, пойдемте!

Корреспондентъ «Daily News», не давъ Лео времени опомниться и произнести хотя слово, взялъ его за руку и торопливо повелъ по лѣстницѣ къ дверямъ своего номера.

— Сюртукъ этого господина, дѣйствительно, требуетъ починки и потому я понимаю, зачѣмъ ему нуженъ портной,— соображалъ нѣмецъ-привратникъ, поглядывая на удаляющуюся фигуру Лео.

— Прежде всего,—началъ Карлейль, когда они оба вошли въ хорошенькую комнату, устланную мягкимъ бархатнымъ ковромъ, изящно и комфортабельно меблированную, окнами на море,— прежде всего будемъ завтракать. Вы здѣсь у меня въ комнатѣ, значитъ, совершенно на свободѣ, внѣ всякой опасности, а потому будемъ ѣсть и пить.

Карлейль сильно дернулъ за кисть сонетки; по корридору пронесся рѣзкій, громогласный ударъ изряднаго-таки по величинѣ колокола; въ дверяхъ одновременно съ замираніемъ это-

го звука появилась фигура во фракѣ, въ башмакахъ, въ зеленомъ фартукѣ, съ салфеткою подъ мышкой.

— Zwei Caffe, zwei Befsteacks, zwei Wein, zwei Salate!—распорядился англичанинъ, энергично потеръ руки, хлопнулъ Лео по колѣнямъ и, пристально смотря прямо ему въ глаза, произнесъ:

— Да, я радъ, я даже очень радъ, очень!

Меню завтрака, заказаннаго Карлейлемъ, произвело на душу Лео нѣчто вродѣ умиленія.

Все это было принесено, поставлено на столъ, кресла придвинуты поближе и собесѣдники припялись за дѣло. Корреспондентъ «Daily News» ѣлъ не торопясь, систематически, тщательно пережевывая. Лео обработалъ свою порцію чуть не въ одно мгновеніе.

— У васъ, во-первыхъ, нѣтъ ни копѣйки денегъ,—напрямикъ заявилъ Карлейль, наливая въ стаканы мѣстное вино.

— Нѣтъ, то-есть, да,—замялся Лео, озадаченный немного такимъ безцеремоннымъ заявленіемъ.—Почему вы знаете?

— Пароходъ «Самосъ»,—вы вѣдь на немъ должны были пріѣхать больше не на чемъ,—прибылъ два съ половиною часа тому назадъ,—слишкомъ достаточное время, чтобы голодный могъ позавтракать. Вы были голодны и не позавтракали; аппетитъ у васъ былъ отличный, значитъ, не было денегъ. Я вамъ еще денегъ не давалъ, привратникъ нашъ, надѣюсь, тоже, значитъ, у васъ и теперь нѣтъ денегъ. Это не хорошо.

— Что-же не хорошо?—покраснѣлъ Лео, выслушавъ всю эту неотразимую логику.—Я не виноватъ. Со мною случилось...

— Вы хотите еще кушать?

— Нѣтъ, благодарю: я уже сытъ.

— Ну, такъ теперь можете разсказывать все, что съ вами случилось. Интересный разговоръ послѣ завтрака—вещь весьма полезная. Я слушаю.

Англичанинъ закурилъ сигару, пододвинулъ ящикъ къ Лео, вытянулъ ноги, полузажмурилъ глаза и, пуская кверху ароматическую струю «Regalia Urman», приготовился слушать.

Лео, тоже взявъ сигару, подумалъ: «ишь ты какой сибаритъ; чѣмъ же я-то хуже», тоже протянулъ ноги и началъ свои повѣствованія.

А въ открытое окно врывался теплый потокъ весенняго воздуха, шевеля сѣдыми прядями волосъ Карлейля, путая бороду разскащика, шелестя листами бумаги на письменномъ, роскошно обставленномъ столѣ, донося до слуха собесѣдниковъ неясный, глухой гулъ уличнаго движенія и тихій, гармоническій плескъ моря о борты судовъ и о каменныя подножья длинной набережной.

Лео видѣлъ близко этого симпатичнаго, красиваго старика съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ только второй разъ въ своей жизни, и то первый разъ мелькомъ, при неясномъ, мгновенномъ отблескѣ молніи въ Мраморномъ морѣ. Онъ его совершенно не зналъ; онъ зналъ только, и то судя по карточкѣ, родъ занятій этого человѣка, и больше ничего. Но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя въ данную минуту въ самомъ близкомъ, дружественномъ обществѣ, словно встрѣчались два старыхъ, съ дѣтства еще знакомыхъ пріятеля, у которыхъ нѣтъ ничего скрытнаго другъ отъ друга, нѣтъ никакихъ тайнъ. Вываливай все, молъ, что только накопилось на душѣ и на сердцѣ, и вываливай смѣло, потому что убѣжденъ, что встрѣтишь въ отвѣтъ только полное сочувствіе, полную симпатію къ твоему дѣлу, къ идеямъ и стремленіямъ, а не равнодушную, холодную улыбку безучастія или рутинное замѣчаніе: «Конечно, это хорошо, но вѣдь все это только донъ-кихотство, несовременные рыцарскіе порывы, скорѣе способные возбудить смѣхъ, чѣмъ достичь какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ».

И Карлейль слушалъ разсказы Лео, давно уже окончившаго повѣствованіе о своихъ недавнихъ приключеніяхъ, давно уже исповѣдывавшагося въ своихъ будущихъ предположеніяхъ, планахъ и надеждахъ.

Воспользовавшись небольшимъ перерывомъ въ разсказѣ Лео, Карлейль отворилъ одинъ изъ ящиковъ бюро, вынулъ оттуда небольшой свертокъ и протянулъ его собесѣднику.

— Что это?—спросилъ Лео, догадался и вдругъ покраснѣлъ до ушей.

— Триста дукатовъ,—спокойно отвѣчалъ корреспондентъ «Daily News».—Не можете-же вы идти въ горы безъ копѣйки въ карманѣ.

— Я не знаю, могу-ли я .. буду-ли я въ состояніи возвратить вамъ впослѣдствіи... я не могу принять...

— Я даю ихъ не вамъ, а вашему дѣлу,—пожалъ плечами старикъ, досталъ записную книжку, отыскалъ въ ней извѣстную страницу, исписанную уже до половины цифрами, и отмѣтилъ тамъ число и выданную сумму.

Лео быстро поднялся, обнялъ Карлейля, да такъ обнялъ, что тотъ произнесъ: уфъ!, и поцѣловалъ, выбивъ при этомъ изъ его руки недокуренную сигару.

— Въ молодости я самъ отличался порывистостью своихъ движеній,—замѣтилъ англичанинъ, закуривая новую сигару.—Современемъ это пройдетъ. Однако, время!

Лео всталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшилъ Генри.—Мы пойдемъ сейчасъ вмѣстѣ. Сегодня долженъ разыграться въ Катаро одинъ весьма интересный эпизодъ. Я былъ еще третьяго дня извѣщенъ и подготовилъ все, что слѣдуетъ. Гдѣ ваше пальто?

— Мое пальто...

— Да, да, знаю... Ничего, впрочемъ, теперь тепло, можно идти и такъ.

Карлейль взялъ шляпу, хлыстъ съ массивнымъ металлическимъ набалдашникомъ, сунулъ въ карманъ маленькій револьверъ и пошелъ къ дверямъ.

— Приготовить для этого господина сосѣднюю комнату!—распорядился онъ въ корридорѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ и почтительно проводилъ до лѣстницы хозяинъ отеля.

— Приготовить комнату для господина, у котораго нѣтъ багажа и разорванный сюртукъ на плечахъ? Это довольно странно,—разсуждалъ хозяинъ.—Джульетта!—возвысилъ онъ свой густой басъ.—Приготовьте двадцать восьмой номеръ. Вы опять болтаете глупости съ осломъ Фрицемъ? Кончится тѣмъ, что я прогоню васъ и поколочу этого мерзавца!

Вся раскраснѣвшаяся, гремя рукомойникомъ и шлепая по ковру жирными босыми ногами, дебелая красавица Джульетта появилась на хозяйскій зовъ и, потупившись, произнесла:

— Это не Фрицъ былъ, а Станко; съ Фрицемъ я давно уже все покончила, а потому прошу на него больше не сердиться.

— Ухъ, ты!—толкнула ее въ бокъ хозяйская рука.

— Фрау Эрнестинѣ скажу,—лукаво улыбнулась Джульетта и погрозила своимъ толстымъ, краснымъ пальцемъ, украшеннымъ полдюжиною дешевыхъ колечекъ.

— Вода! Вотъ вода, вода-а!—доносились со двора неистовые вопли серба-водовоза, явившагося въ свой условный часъ съ двумя, навьюченными боченками, ослами крупной породы.

XI.

Двѣ съ половиною тысячи литровъ оливковаго масла второго сорта,

Дня два тому назадъ, по горной дорогѣ, ведущей изъ Негоша, спустились въ Катаро десятка три черногорцевъ и расположились бивакомъ въ самомъ концѣ набережной. Они пришли безъ ружей, съ пояснымъ оружіемъ только, то-есть съ ятаганами, малыми пушками (пистолетами), съ ножами великими и малыми, однимъ словомъ, со всѣмъ тѣмъ арсеналомъ, который носится въ кожаномъ каланѣ, прикрывающемъ привычный къ продолжительному посту и умѣренности желудокъ горца.

Юнаки привели съ собою и магарцевъ, маленькихъ, крѣпкихъ, выносливыхъ, какъ и сами ихъ хозяева, горныхъ осликовъ, и привели не мало: каждый по два; значитъ, они разсчитывали навьючить ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что всѣ магарцы были только подъ вьючными сѣдлами.

Весь вчерашній день черногорцы провели, лежа на сильно нагрѣтыхъ солнцемъ плитахъ набережной, покуривая свои трубочки, изрѣдка перебрасываясь лаконическими замѣчаніями, не вступая въ разговоръ съ посторонними, сухо отвѣчая: «за своимъ дѣломъ» на вопросы какого-нибудь любопытствующаго. Съ самаго ихъ прихода сюда, въ тѣни сосѣдняго переулка, былъ поставленъ австріецъ-полицейскій для наблюденія за гостями; только полицейскій этотъ былъ не настоящій австріецъ, а сербъ, и потому не слишкомъ-то ревностно исполнялъ свою обязанность, дремля на стулѣ подъ навѣсомъ крохотной «кафаны».

Все населеніе Катаро слишкомъ хорошо привыкло къ подобнымъ посѣщеніямъ, чтобы обращать особенно сильное вниманіе на этихъ атлетовъ, растянувшихся во весь ростъ на самомъ солнцепекѣ; вотъ только насчетъ такого количества магарцевъ брало нѣкоторое сомнѣніе. Длинноухіе ослики, связанные по два и по три вмѣстѣ, отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ

мухъ, заняли чуть не всю площадку, страшно насорили на ней объѣдками грубаго горнаго сѣна, совершенно игнорируя нѣмецкую чистоплотность города.

— А вы-бы поубрали за своею скотиною!—говорили бивакирующимъ сосѣдніе сторожа, тоскливо поглядывая на этотъ безпорядокъ.—Потомъ пройти нельзя будетъ.

— Тое дѣло не за юнаковъ *),—равнодушно, не пошевелившись даже, отвѣчали горцы, лѣниво, сонно поглядывая вдаль на синія воды залива.

Съ ними пришелъ, должно быть, старшій надъ ними, громаднаго роста, широкоплечій, смуглый, какъ дубленая кожа, усатый юнакъ, въ струкѣ, то-есть въ грубомъ шерстяномъ пледѣ, накинутомъ поверхъ темно-зеленой даламы. На груди у него, по золотому плотному шитью, висѣла цѣлая гирлянда разноцвѣтныхъ орденскихъ ленточекъ, между которыми на самомъ видномъ мѣстѣ красовалась наша георгіевская, полосатая, оранжевая съ чернымъ.

— Вуко ручать донесе **),—сказалъ, словно про себя, одинъ изъ юнаковъ, когда георгіевскій кавалеръ, тяжело поднявшись, волоча за собою по камнямъ отрепанную бахрому струка, побрелъ къ кафанѣ, къ той самой, гдѣ засѣдалъ полицейскій.

— Сторожишь?—взглянулъ онъ на блюстителя порядка и благочинія.

— Сторожу!—отозвался тотъ, мелькомъ взглянувъ на вошедшаго.

— Ну, и сторожи!

Вуко отобралъ съ прилавка два хлѣба, фунтовъ по десяти каждый, вытащилъ ножъ изъ-за пояса, отмѣрилъ глазомъ, сколько слѣдуетъ отрѣзать отъ полукруга заплѣсневѣлаго сыра, ловко, однимъ движеніемъ, отхватилъ кусокъ изрядныхъ размѣровъ, самъ прикинулъ все на вѣсы, бросилъ на прилавокъ деньги, произнесъ «фала» (благодарю) и пошелъ обратно.

— Слуга!—отвѣтилъ такъ-же лаконически сербъ, содержатель кафаны, сдвинувъ деньги въ ящикъ.

— Барутъ (порохъ) ждутъ, имъ теперь много его требуется,—замѣтилъ полицейскій.

---

*) Не мужское дѣло.
**) Вуко несетъ принесетъ.

— Тако-тако!—согласился хозяинъ и, запустивъ руку куда-то глубоко за пазуху, добавилъ не безъ досады въ голосѣ:— Опять ушла, проклятая!

А «старшій» принесъ уже купленное имъ съѣстное на набережную, передалъ все ближайшему юнаку, а самъ легъ, прислонившись головою къ плитному выступу. Получившій хлѣбъ и сыръ подержалъ все въ рукахъ немного, положилъ на колѣни, вынулъ свой ножъ и, отрѣзавъ себѣ отъ того и другого на свою долю, передалъ все товарищу; тотъ, повторивъ операцію, передалъ дальше. Такимъ образомъ, припасы переходили изъ рукъ въ руки, уменьшаясь послѣдовательно въ своемъ размѣрѣ. Послѣдній получилъ свою часть Вуко, и получилъ ровно столько-же, сколько удѣлилъ себѣ первый. Глазомѣръ у черногорцевъ въ подобныхъ случаяхъ замѣчательный.

Переночевали черногорцы на томъ же мѣстѣ, гдѣ и день провели. Взошедшее надъ горами солнце застало ихъ въ томъ-же положеніи, въ тѣхъ-же лѣнивыхъ позахъ, съ тѣми-же устремленными на море взглядами.

А изъ-за туманнаго острова, почти одновременно съ полосою дыма подходящаго «Самоса», показались легкія очертанія мачтъ подъ парусами, свѣтло-розовымъ пятномъ пересѣкающими лиловую полосу далекаго горизонта. Пароходъ шелъ прямо, а шкуна должна была лавировать. Пароходъ уже давно прибылъ на мѣсто, а шкуна только-что перемѣнила галсъ и, слегка накренившись, скользила куда-то въ сторону, словно и не думая приставать къ Катаро. Часа черезъ полтора она взяла опять новый галсъ, перемѣнивъ направленіе и накренившись теперь уже на другой бокъ. Пароходъ «Самосъ» успѣлъ давно уже высадить пассажировъ, выгрузился и готовился плыть обратно.

Черногорцы не сводили глазъ съ этой приближающейся шкуны. Сонная апатія въ ихъ взглядѣ исчезла, замѣнившись легкимъ лихорадочнымъ блескомъ. «Добре!» произнесли они почти въ одинъ голосъ, когда по тонкому флагштоку быстро взвился и распустился по вѣтру украшенный прямымъ крестомъ лоскутъ итальянскаго флага.

Въ ту-же минуту отъ другого конца набережной отдѣлилась гребная лодка подъ военнымъ австрійскимъ флагомъ и быстро рѣзала воду по направленію къ шкунѣ, убиравшей паруса, съ

носовой части которой слышались грохотанья перебпраемой въ рукахъ якорной цѣпи. Завидя приближеніе таможенной шлюпки, подходившей къ правому борту шкуны, откуда гостепріимно висѣлъ легкій веревочный трапъ, съ другого, лѣваго, борта шла самая кипучая, спѣшная работа. Должно быть, тамъ уже было все раньше подготовлено, потому что, совершенно одновременно съ подходомъ таможенныхъ къ трапу, изъ-за кормы шкупы вынеслись три шлюпки, по шести гребцовъ на каждой; эти гребцы не жалѣли ни рукъ, ни веселъ; легкія шлюпки чуть не прыгали надъ водою, волнистая, двойная борозда, искрясь на солнцѣ, все удлиннялась и удлиннялась. Съ таможенной лодки, откуда уже вылѣзли два чиновника и стали было подниматься по трапу, послышались свистки; этимъ свисткамъ отвѣтили другіе откуда-то съ берега.

Черногорцы поднялись и ловко сбѣжали внизъ, на какой-то бревенчатый плотъ, до половины зарывшійся въ рыхлый песокъ обмелѣвшей береговой полосы.

Какъ-разъ къ этому моменту Генри Карлейль и Лео, шагая черезъ концы канатовъ и причальныхъ цѣпей, подошли къ площадкѣ, занятой черногорскими магарцами.

Вся набережная, по всей своей длинѣ, ожила разомъ; сотни лодокъ забороздили воду залива и въ ихъ массѣ затерялись шлюпки, отчалившія отъ борта шкуны. Густая, сплошная толпа кольцомъ охватила площадку. Взводъ солдатъ, сверкая кончиками штыковъ, бѣгомъ вышелъ изъ переулка, съ трудомъ прокладывая себѣ дорогу. Впереди этого взвода горячилась высокая фигура, ругаясь во все горло, размахивая руками, энергично расталкивая и опрокидывая даже встрѣченныхъ на пути матросовъ. А тѣ нарочно путались между солдатами, нарочно забѣгали впередъ, подкатывая имъ подъ ноги пустые боченки. А все-таки, несмотря на всю путаницу, несмотря даже на блестящее оружіе, общій характеръ оживленной сцены былъ скорѣе комическаго характера. Громкій смѣхъ и замѣчанія, полныя юмора, неслись изъ толпы. Подсмѣивались даже и солдаты, только втихомолку; большая часть изъ нихъ были далматы и сербы, только въ парусинныхъ австрійскихъ курточкахъ - кителяхъ, знавшіе по-нѣмецки развѣ только однѣ командныя фразы да полный репертуаръ нѣмецкой ругани.

— Нѣтъ, на этотъ разъ не удастся! — кричалъ высокій

австріецъ.—Если прозѣвали тамъ, попадутся здѣсь. Эти безпорядки больше нетерпимы. Стой! Что это за боченки?

Лео взглянулъ по направленію, откуда слышался этотъ грозный запросъ: голосъ-то показался ему какъ-будто знакомымъ. Такъ и есть—ночной собесѣдникъ на палубѣ «Самоса».

«Такъ вотъ ты какая птица!» подумалъ онъ и тотчасъ-же его охватило самое жгучее, пламенное желаніе учинить нѣмцу какую-нибудь пакость. Онъ перескочилъ черезъ лежавшую поперекъ тротуара разснащенную мачту и подбѣжалъ къ разсвирѣпѣвшему таможенному, ухватившемуся одной рукой за узду магарца, а другою за воротъ даламы одного изъ черногорцевъ.

— Что здѣсь въ боченкѣ?—повторилъ онъ свой грозный вопросъ.

— Бого-ми не треба глядѣть, то истина, кажу тебѣ, олеумъ и ништо выше!—отвѣчалъ черногорецъ, освобождая свой воротъ отъ ненавистнаго прикосновенія.

— Посмотримъ. Стой, стой, стой! Эй, солдаты, занять переулокъ, занять выходъ! Не пропускать!

Между тѣмъ между стоявшей на якорѣ итальянской шкуной и берегомъ образовалась сплошная полоса лодокъ; все это сновало взадъ и впередъ, нѣкоторыя даже паруса поставили, длинные, трехъугольные, словно птичьи крылья. Въ этой сумятицѣ трудно было разобрать хоть что-нибудь; новыя и новыя лодки причаливали къ берегу и оттуда сотни рукъ вытаскивали небольшіе боченки, тщательно закупоренные, оклеенные даже сверху бумагою, и передавали въ руки черногорцамъ. Тѣ торопливо вьючили полученное на магарцевъ и сбивали ихъ въ плотный, сплошной караванъ. Солдаты, не имѣя возможности даже пробиться къ мѣсту вьючки, отошли къ выходу изъ переулка и выстроились тамъ поперекъ дороги. Дѣло грозило разыграться не совсѣмъ-то мирно; даже въ толпѣ, въ этомъ сплошномъ, веселомъ гулѣ, почувствовалось ожиданіе чего-то недобраго. Стало замѣтно тише, сдержаннѣе.

Съ одной стороны, молча стоялъ фронтъ солдатъ съ ружьями на-готовѣ, съ другой—приближался къ нему небольшой караванъ вьючныхъ ословъ; впереди каравана, съ боковъ и сзади—суровыя, мрачныя фигуры черногорцевъ, глядящихъ исподлобья, не отнимающихъ рукъ отъ эфесовъ своихъ ятагановъ.

Между тѣми и другими образовалось совершенно свободное пространство.

— Излишекъ служебнаго усердія можетъ имѣть весьма печальныя послѣдствія,—спокойно произнесъ Карлейль, подойдя къ австрійскому офицеру.—Я-бы вамъ совѣтовалъ...

— Я-бы вамъ совѣтовалъ не вмѣшиваться не въ ваше дѣло!—запальчиво отвѣтилъ тотъ.

— Свинья!—не утерпѣлъ Лео.

Карлейль нетерпѣливо передернулъ плечами и, вынувъ сигару, сталъ прохаживаться передъ фронтомъ. Если-бы солдаты дали залпъ, первымъ пасть долженъ былъ-бы корреспондентъ «Daily News».

Въ эту минуту ясно, отчетливо раздались слова Вуко, шедшаго впереди своихъ товарищей:

— Чуете, братики, но треба пуцать! Наиленше, какъ швабы дошлютъ до насъ зерно; а мы идемъ путовать своимъ друмомъ, то буде сигурно *).

— Вы слышите?—снова обратился Генри Карлейль къ австрійцу.—На сколько *они* обладаютъ большимъ тактомъ? Стыдитесь, вы ихъ называете дикарями...

— Пли!—крикнулъ тотъ, не обращая вниманія на это замѣчаніе.

Лео задыхался отъ волненія. Онъ даже поднялъ съ мостовой какой-то желѣзный крюкъ и рѣшилъ съ первымъ выстрѣломъ ринуться на «подлаго нѣмца» и раздробить ему голову. Замѣтилъ-ли нѣмецъ его движеніе или нѣтъ, но только онъ вынулъ изъ кармана револьверъ и пригрозилъ имъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Лео. Эта угроза, можетъ быть, относилась и не къ нему, но Лео принялъ ее на свой счетъ. Онъ почувствовалъ, какъ жгучая кровь ударила ему въ лицо, онъ уже ничего не сознавалъ, ни въ чемъ не отдавалъ отчета. Какъ кошка на мышь, такъ онъ ринулся къ австрійцу—и звонкая, громогласная пощечина отчетливо, звучно такъ раздалась въ воздухѣ.

— Вотъ это такъ!

---

*) Слушайте, братцы, стрѣлять не надо. Пусть лучше нѣмцы шлютъ намъ свои пули: а мы пойдемъ своею дорогою, не отвѣчая. Такъ будетъ ладнѣе.

— Браво...о...о!

— Ухъ, какъ онъ его смазалъ! Кто такой? Молодецъ, право, молодецъ! Что, больно? Ха, ха, ха!...

Всѣ эти возгласы раздались почти разомъ.

— Вы сдѣлали глупость, но глупость полезную,—произнесъ Карлейль.—Идите теперь съ *ними*, а здѣсь вамъ нельзя больше оставаться.

— Да, я пойду, я пойду... я...— Лео окончательно растерялся.

— Въ Негошѣ вы ждите, пока я вамъ не пришлю письма, и *все остальное* вы получите тамъ-же.

— Взять его!—опомнился, наконецъ, оглушенный пощечиною австріецъ. Но уже было поздно, моментъ былъ упущенъ, а иногда мгновеніе значитъ болѣе цѣлыхъ сутокъ. Такъ и теперь. Черногорцы успѣли пройти отдѣлявшее ихъ отъ солдатъ разстояніе; тѣ охотно и даже добродушно разступились. Хвостъ колонны втянулся уже въ узкій раструбъ переулка. Какой-то матросъ, итальянецъ, судя по костюму, толкнулъ Лео прямо въ послѣднюю группу горцевъ. Тотъ даже не успѣлъ пожать руки Карлейлю, который посмотрѣлъ ему вслѣдъ, улыбнулся, проговорилъ про себя: «экой горячка!» и затѣмъ пошелъ къ себѣ въ отель, замѣтивъ нѣмцу снова, что излишекъ усердія никогда не ведетъ ни къ чему доброму, и что на этотъ разъ, къ счастію, печальныя послѣдствія оказались слабѣе, чѣмъ онъ предполагалъ сначала.

— Я съ вами, милостивый государь, поговорю объ этомъ послѣ, подробнѣй!—запальчиво отвѣчалъ австріецъ.—Я буду жаловаться губернатору въ Рагузу! Я добьюсь, что васъ выплютъ отсюда... Я добьюсь...

— Я ѣду на-дняхъ самъ въ Рагузу и съ удовольствіемъ отвезу вашу жалобу лично,—спокойно улыбнувшись, отвѣчалъ корреспондентъ «Daily News».—Поймите-же вы, наконецъ, что если въ вашемъ распоряженіи находятся слабыя силы, съ которыми вы не можете бороться съ контрабандистами, то, вѣроятно, *такъ и нужно*, чтобы вы не боролись, иначе вамъ-бы прислали сюда еще батальонъ или болѣе. Вѣдь это такъ ясно, такъ ясно...

— Вы знаете имя этого человѣка?

— Кого?

— Того самаго, который...—Таможенный офицеръ взглянулъ по направленію дороги въ Негошъ.

— Знаю, но знаю также, что это имя вымышленное, и онъ его можетъ перемѣнить сто разъ; значитъ, знать его совершенно безполезно. До свиданія! А жаловаться на меня въ Рагузу можете сколько угодно. Кабріо, ты мнѣ нуженъ. Иди за мной!— обратился онъ къ тому самому матросу, что втолкнулъ Лео въ ряды черногорцевъ.

Кабріо снялъ съ себя красный колпакъ, подбросилъ его кверху, подхватилъ головою и, заложивъ свои голыя, мускулистыя руки за спину, зашагалъ за Карлейлемъ, шлепая по плитамъ босыми, мозолистыми подошвами.

Дѣло, начавшееся такъ шумно, разыгралось ничѣмъ... Толпа еще, впрочемъ, не расходилась, и лодки попрежнему бороздили воду залива. Другой таможенный офицеръ, что ѣздилъ на шлюпкѣ къ итальянской шкунѣ, распорядился гораздо умнѣе своего сухопутнаго товарища. Переговоривъ съ-глазу-на-глазъ съ капитаномъ, онъ припечаталъ представленныя имъ накладныя на двѣ съ половиною тысячи литровъ оливковаго масла второго сорта и мирно отчалилъ отъ борта торговаго судна.

Черезъ часъ, много полтора, все успокоилось, только ворчали два сторожа съ тачками и метлами, убиравшіе съ набережной слѣды черногорскаго бивака, да въ кафанѣ братьевъ Симоничъ веселый кружокъ матросовъ, а съ ними сербъ—полицейскій, толковали о случившемся, припоминая всѣ мельчайшіе эпизоды, особенно звонкую пощечину, полученную маіоромъ Гарнашъ, обошедшуюся безнаказанно для этого чудака, что ушелъ въ горы вмѣстѣ съ черногорцами.

— Слышу я: трахъ!... О, святая Богоматерь! Какъ онъ его ловко! ..—припоминалъ подгулявшій уже матросъ.

— Мадьяръ!—презрительно сплюнулъ сквозь зубы другой, намочивъ пальцы въ винѣ и натирая свѣже-наколотую татуировку на своей рукѣ.—Хорошо?

— Хорошо! Якори на-крестъ... Хорошо! А это что-же?

— Это?... Не видишь развѣ? Буква L. «Лючія», значитъ. Я ее прежде по свѣжему порохомъ натеръ, чтобы виднѣе и больнѣе было. Пусть она, каналья этакая, чувствуетъ, какъ объ ней Беппо старается, да, пусть знаетъ... Я для нея... Наливай еще... Я для нея хоть во все свое брюхо вензель выведу, по-

жемъ выведу, а не то что на рукѣ глупою булавкою... Но, какъ онъ его славно шлепнулъ!

— А вѣдь маіору это не въ первый разъ. Которую это онъ, не помнишь?

— Въ нынѣшнемъ году — третью, — сообщилъ полицейскій. — Я веду счетъ: первую далъ ему одинъ русскій, тотъ самый, что послѣ попался въ Будвѣ и былъ разстрѣлянъ; вторую — боцманъ, грекъ Каріаки, третью...

А тотъ, кто далъ третью, давно уже шелъ, взбираясь на крутые скаты перваго горнаго перевала. Въ одну вереницу вытянулись навьюченные магарцы съ боченками драгоцѣннаго, чуть-было не стоившаго крови, оливковаго масла, хотя и второго сорта. Катаро чуть виднѣлся внизу, подъ ногами; видны были только крыши города, испещренныя бѣлыми трубами, а за ними громадное синее пространство залива со всѣми своими изгибами и выступами, со всѣми отдѣльными скалами и камнями. Словно на картѣ все это было обозначено, но на картѣ живой, на которой зоркій глазъ черногорца видѣлъ жизнь и движеніе, видѣлъ каждую лодочку, каждую отдѣльно идущую фигуру, казавшуюся крохотной, едва замѣтной точкой.

— Ты зачѣмъ-же идешь съ нами?—спросилъ Лео Вуко, положивъ свою ладонь на его плечо.

— Такъ мнѣ велѣно... не знаю,—отвѣчалъ онъ на этотъ безцеремонный вопросъ.—Въ Негошѣ узнаю, а можетъ быть и раньше.

— Руссъ?

— Руссъ.

— Ну, иди съ Богомъ! Ты намъ, мы тебѣ—не мѣшаемъ.

И Лео шелъ, прихвативши рукою за сѣдло одного изъ магарцевъ. Онъ уже уставать началъ, и сильно уставать, да сознаться въ этомъ ему было совѣстно.

«И какъ это я успѣлъ отвыкнуть?—думалъ онъ.—Вѣдь по цѣлымъ суткамъ приходилось бродить по Альпамъ, и ничего, а тутъ какіе-нибудь два-три часа... Впрочемъ, тамъ на моихъ ногахъ были...

Онъ печально взглянулъ на свои сапоги съ каблуками, вовсе ужъ къ горной ходьбѣ неприспособленные, и сообразилъ причину своей несвоевременной усталости.

— На, возьми! — крикнулъ ему Вуко, отвязавъ что-то изъ-подъ своего калана сзади.

Новая пара кожаныхъ опанокъ шлепнулась какъ разъ передъ нимъ и подскочила даже, ударившись о камень.

Лео только взглянулъ на него, взглянулъ съ чувствомъ самой глубокой благодарности, при которомъ всякія слова становятся излишними, слова эти даже на языкъ не навертываются, и, присѣвъ на землю, поспѣшно сталъ переобуваться.

— Не умѣешь! — замѣтилъ ему послѣдній черногорецъ, проходя мимо, и, вытянувъ передъ нимъ свою ногу, добавилъ:— на, смотри, обувай, какъ эта обута... Ничего, скоро выучишься.

Съ подъемомъ на горы стало замѣтно холоднѣе: вѣтеръ изъ боковыхъ ущелій налеталъ порывистыми шквалами. Все, что до сихъ поръ было видно внизу такъ ясно, такъ отчетливо, теперь затянулось туманною пеленою. Суровая, дикая природа Черныхъ горъ давала уже себя чувствовать.

Лео въ одномъ сюртукѣ чувствовалъ себя не совсѣмъ-то ловко и глубоко вздохнулъ о своей косматой буркѣ, оставшейся въ Будвѣ вмѣстѣ съ его «оптическими инструментами».

XII.

Первый привалъ въ Черныхъ горахъ.

Маленькій отрядъ черногорцевъ, съ ихъ вьючными магарцами и новымъ спутникомъ, неловко шагавшимъ въ чужихъ опанкахъ, вовсе не пришедшихся ему по ногѣ, перевалилъ первый горный хребетъ и черезъ полчаса ходьбы, уже подъ гору, остановился надъ обрывомъ, почти отвѣсно спускавшимся въ бездну, откуда тянулись, медленно расползаясь по скатамъ, синеватыя полосы холоднаго, пронизывающаго насквозь тумана.

Какая дикая, безотрадная картина развернулась передъ глазами путниковъ! Отсюда уже не было видно ничего, что бы могло ласкать глазъ, напоминать человѣку объ уютности, о семьѣ, о домѣ, о поляхъ и садахъ, обо всемъ, что только составляетъ прелесть собственнаго угла, прелесть мирной, покойной жизни! Все это осталось тамъ, назади, за горами, а здѣсь... дикіе, островерхіе, причудливо рѣжущіе сѣрое небо силуэты скалъ какого-то мрачнаго, аспиднаго цвѣта, крутые скаты безъ всякаго признака растительности, усѣянные каменистыми обломками, зіяющія, глубокія трещины, мрачныя, молчаливыя, словно могилы, чуть-чуть намѣченная тропа, ведущая

то по самому краю бездонной пропасти, то зигзагами взбирающаяся куда-то высоко-высоко, исчезающая за грозно нависшимъ выступомъ и снова появляющаяся, но уже гдѣ-то внизу, тамъ, гдѣ безпорядочныя груды остраго, рѣжущаго ногу щебня, смоченныя сыростью горныхъ испареній, блестятъ и сверкаютъ, словно чешуя какого-то легендарнаго чудища, залегшаго на самомъ днѣ извилистой лощины.

Здѣсь дорога поворачиваетъ нѣсколько вправо ко второму перевалу; здѣсь уже вольныя горы Черногоріи; австрійская граница осталась позади. Всѣ члены маленькаго отряда чувствуютъ себя какъ дома, а потому въ отличномъ состояніи духа; даже магарцы повеселѣли и стали неистово ревѣть, когда ихъ снова сбили въ кучу и сняли съ ихъ сѣделъ драгоцѣнную ношу.

Вуко самъ лично перещупалъ каждый боченокъ, сложилъ ихъ въ порядокъ вдоль подножья нависшаго утеса, поставилъ двухъ часовыхъ на всякій случай, вынулъ красный платокъ изъ кармана, навязалъ его на рукоять своего ятагана и водрузилъ этотъ импровизированный флагъ рядомъ съ первымъ боченкомъ... Все-таки, молъ, дѣло казенное; пороховой транспортъ; во всякомъ порядочномъ войскѣ такъ, молъ, дѣлаютъ. Вуко своими глазами это и у швабовъ видѣлъ, и у турокъ;— чѣмъ-же они хуже?

Здѣсь предполагался первый привалъ, и привалъ довольно продолжительный; явилась необходимость вернуть нѣсколькихъ человѣкъ опять въ Катаро, кое-чего съѣстного купить для главнаго отряда, ибо, какъ разсказывали Лео дорогою его спутники, у нихъ давно уже вышло... Въ ожиданіи-же полученія *барута* (пороха), черногорцамъ некогда было думать о прочихъ мелочахъ... Теперь дѣло другое... Барутъ—вотъ онъ, въ безопасности, на ихъ собственной, вольной землѣ; теперь можно и о желудкѣ позаботиться. Хотѣлъ-было Вуко самъ съ посланными людьми идти, да раздумалъ; рѣшилъ послать другого какого-то старшаго, снабдивъ его нужною суммою, а самому сидѣть здѣсь, стеречь да любоваться этими аккуратненькими, вытянутыми въ рядъ боченками...

Вынули юнаки свои кошели съ табакомъ, набили трубочки, высѣкли огня, закурили; закурили свои трубочки и часовые, сидя по близости боченковъ. Подозрительно покосился Лео на искрящіеся огоньки изъ трубокъ. Ничего, вѣтру нѣтъ за усту-

помъ; прямо вверхъ вьются тонкія струйки голубоватаго дыма; изъ-подъ нависшихъ усовъ, медленно расходясь въ воздухѣ, вылетаютъ и кружатся фигурныя кольца.

— Какого дьявола несетъ по нашей дорогѣ?—сталъ прислушиваться Вуко.

— Одинъ верхомъ, а другой пѣшій бѣжитъ,—подтвердилъ одинъ изъ юнаковъ, сложивъ свои руки трубою надъ ухомъ.

— Далеко еще... не скоро будутъ сюда: Станкову могилу еще не миновали.

Ничего не слышалъ Лео, какъ ни прислушивался, кромѣ дробной топотни магарцевъ, никакъ еще неустроившихся на отведенномъ имъ пространствѣ, да сопѣнія черногорскихъ трубокъ.

Четверо человѣкъ съ тремя магарцами, такъ и не отдыхая, уже ушли обратно въ Катаро. Лео слышалъ ихъ шаги, мало-по-малу удаляющіеся и, наконецъ, стихшіе окончательно, а Вуко увѣряетъ, что онъ ихъ до сихъ поръ еще слышитъ; мало того дальше, кромѣ ихъ, разслышалъ какого-то коннаго и пѣшаго, гдѣ-то за Янковой могилою. Другіе тоже слышатъ, а Лео—нѣтъ. Вѣдь эка навострились въ горахъ! Ну, да придетъ время, онъ и самъ навострится, не хуже ихъ будетъ, только теперь вотъ пока между этими грандіозными, суровыми фигурами, въ шитыхъ даламахъ, съ арсеналомъ красиво отдѣланнаго оружія за поясами, его собственная фигура въ фуражкѣ и черномъ сюртучкѣ, вовсе уже безоружная, какъ-будто не совсѣмъ гармонируетъ; но вѣдь это пока: всему придетъ время. Такъ разсуждалъ про себя Лео, прижавшись къ скалѣ, заложивъ кисти рукъ въ обшлага рукавовъ, ежась отъ сырости и холода, ставшаго съ наступленіемъ сумерекъ довольно чувствительнымъ.

Кабріо, по приказанію Генри Карлейля, успѣлъ уже обѣгать чуть не весь городъ, разыскивая верховую лошадь съ проводникомъ. Наконецъ, въ одномъ изъ двориковъ предмѣстья ему посчастливилось найти и то, и другое.

Молодой, лѣтъ семнадцати, далматинецъ, стройный, мускулистый, въ короткихъ темнокрасныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ мягкихъ опанкахъ на ногахъ, въ грязной рубахѣ съ растегнутымъ воротомъ и въ красномъ итальянскомъ колпакѣ на курчавой головѣ, согласился за предложенную сумму въ четыре

дуката предоставить себя и свою лошадь въ полное трехдневное распоряженіе нанимателя.

Кабріо съ видомъ знатока осмотрѣлъ прежде всего лошадь; хотя онъ ровно ничего не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ, однако, зайдя въ конюшню, внимательно обошелъ вокругъ мирно пережевывающаго сѣно животнаго, пощупалъ худые бока, тронулъ босою ногою подъ переднимъ колѣномъ и даже зачѣмъ-то потянулъ за хвостъ.

— Во сколько силъ?—спросилъ онъ владѣльца коня съ самою серьезною миною.

— Загляни въ паровикъ—самъ увидишь!—такъ-же серьезно отвѣчалъ ему тотъ.

Шлепнули дружески одинъ другого по затылку. Далматинецъ полѣзъ за сѣдломъ, висѣвшимъ гдѣ-то въ темномъ чуланчикѣ, а Кабріо легъ на ворохъ сѣнныхъ объѣдковъ наблюдать въ подробности за сложнымъ процессомъ сѣдланія.

— Кто ѣдетъ?—спрашивалъ проводникъ, вытирая суконкою костлявую спину коня, отъ чего тотъ поджималъ хвостъ и злобно закидывалъ назадъ свои довольно длинныя, подвижныя уши.

— Одинъ синьоръ, и даже очень важный синьоръ. Сказалъ онъ мнѣ: «Другъ мой Кабріо,—такъ онъ мнѣ говорилъ,—другъ мой Кабріо, пойди, найди и приведи». И вотъ я пошелъ, нашелъ и привелъ. Это у тебя что за шкотъ болтается?..

— Не шкотъ, а подпруга. Подушку положить или своя есть?

— Подушку... а развѣ надо подушку? Положимъ, у важнаго синьора есть много своихъ подушекъ, а все-таки клади. Былъ ты сегодня утромъ на пристани?

— Былъ!..

— Ну, и ты все видѣлъ? Видѣлъ, какъ я все дѣло устроилъ. Не подвернись въ такую минуту Кабріо, негодяй и пьяница Кабріо, котораго капитанъ Мюленгофъ, подлый тедеско, держалъ по недѣлямъ въ угольной ямѣ, о, дѣло было-бы не такъ чисто обработано. Это ты что ей на голову путаешь?..

— По твоему—киверъ-шкотъ, по нашему—узда. Ну, поднимайся, дружище; у меня готово! Ты, кажется, тоже ужъ *готовъ*? Идемъ!.. Гдѣ живетъ твой важный синьоръ?

— Всякій порядочный человѣкъ долженъ жить въ порядоч-

номъ мѣстѣ; мой живетъ въ отелѣ Монтенегро, — сообщилъ Кабріо, лѣниво поднимаясь съ мягкаго ложа.—Подержи трапъ, я взойду на бортъ; что, она у тебя не брыкается?..

— Идемъ, идемъ; нечего тутъ время тратить. Если твой синьоръ думаетъ сегодня-же выѣхать въ горы, такъ ему и такъ немного придется уйти до наступленія ночи. Ну, старый Бирбоне, поворачивайся!..

Послѣднее воззваніе относилось уже не къ Кабріо, а къ вороному жеребцу мелкой турецкой породы, съ длинною, кровною головою, съ сухими, крѣпкими ногами, съ нѣсколько свислымъ задомъ и жидкимъ хвостомъ, связаннымъ въ пучокъ, украшенный цвѣтной ленточкой. Лошадь эта была осѣдлана по-турецки-же; цвѣтныя кисточки и металлическія погремушки уздечки бахромою болтались при каждомъ движеніи головы животнаго; широкія стремена башмакомъ, щелкаясь о ремни и пряжки подпругъ, издавали легкій серебристый звукъ.

Кабріо раздумалъ почему-то «всходить на бортъ»; можетъ быть, то обстоятельство, что, выскочивъ изъ темной конюшни, лошадь дала, что-называется, козла, то-есть взвилась на дыбы, а потомъ поддала задомъ, заставило матроса отказаться отъ своей мысли. Всѣ трое прошли дворикъ и направились къ подъѣзду гостиницы Монтенегро.

Подойдя къ отелю, Кабріо оставилъ лошадь съ проводникомъ-далматинцемъ дожидаться у воротъ, а самъ отправился доложить Генри Карлейлю о томъ, что трудная миссія добыванія верхового коня исполнена имъ безукоризненно.

— Жаль только, что ты долго копался съ этимъ порученіемъ,—замѣтилъ ему Генри Карлейль.

— Это мерзавецъ Даніель виноватъ. Онъ такъ медленно оснащалъ скотину, что за это время я бы одинъ успѣлъ поставить и гротъ, и стаксель, и все прочее, а не то, что какую-нибудь глупую коробку съ подушкой и двойнымъ трапомъ, который онъ почему-то называетъ стременами,—оправдывался Кабріо.

— Ты, Кабріо, сейчасъ ѣдешь,—сообщилъ ему корреспондентъ «Daily News»;—захвати плащъ и надѣнь что-нибудь на свои босыя ноги! Можешь взять вонъ тѣ резиновыя калоши, что стоятъ въ углу.

— Я!—чуть не вскрикнулъ матросъ отъ удивленія, но тутъ-же сообразилъ, какую глупую, изумленную рожу сдѣлалъ

мерзавецъ Даніель, когда увидитъ, что «важный синьоръ» — это онъ, Кабріо, платящій четыре дуката, и не могъ утерпѣть, чтобы не расхохотаться, хотя Карлейль пригласилъ его внимательно слушать все, что только онъ ему будетъ приказывать, не пропустить ни одного слова, все понять и аккуратно исполнить.

Порученіе Карлейля заключалось въ слѣдующемъ: во-первыхъ, три конверта, одинъ съ адресомъ въ Негошъ, другой — въ Цетинье, третій — самому Лео, — всѣ три передать лично тому иностранцу, котораго Кабріо нагонитъ на дорогѣ, въ черногорскомъ отрядѣ.

— Это тому самому, что...—матросъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою.

— Тому самому,—отвѣтилъ корреспондентъ «Daily News», утвердительно кивнувъ головой.

— Хорошо!..

Во-вторыхъ, отдать ему-же свертокъ съ пледомъ, теплое пальто съ капюшономъ и два ящика: одинъ небольшой, — по формѣ и по запаху Кабріо тотчасъ-же узналъ сигары,—другой—значительно больше, около аршина длиною, обтянутый кожей, съ замкомъ и ременными петлями. Всѣ эти предметы велѣно было везти бережно и сдать въ руки Лео аккуратно, получить отъ него записку въ полученіи, оставить ему лошадь и проводника, если Лео этого потребуетъ, а самому возвращаться назадъ. Времени, во всякомъ случаѣ, не терять и возвращаться тотчасъ-же.

— Хорошо!—еще разъ произнесъ Кабріо, получилъ какую-то мелочь, опустилъ ее въ карманъ своихъ панталонъ и спустился внизъ, чтобы поскорѣе вызвать на рожѣ мерзавца Даніеля глупую мину удивленія.

— Моему Бирбоне и не такую дрянь возить приходилось,—презрительно пожалъ плечами погонщикъ-далматинецъ, увязывая за сѣдломъ и сбоку одежду и ящики.—Садись!

Кабріо сѣлъ, не безъ труда поймалъ концами ступней стремена, одною рукою за гриву, другою прихватилъ поводья и крикнулъ:

— Готово, ставь паруса!..

— Ты не сердись, другъ мой,—философствовалъ матросъ дорогою, разсуждая съ идущимъ рядомъ проводникомъ,—и не

очень огорчайся моимъ преимуществомъ. Счастье всегда перемѣнчиво: сегодня Кабріо ѣдетъ, а Даніель идетъ пѣшкомъ, завтра Даніель ѣдетъ, а Кабріо мѣритъ дорогу собственными подошвами. Это бываетъ. Главное дѣло, чтобы человѣкъ, возносясь на высоту, хотя-бы эта высота была не выше турецкаго сѣдла на тощей спинѣ твоей клячи, не возгордился и, смотря съ высока, умѣлъ-бы при этомъ не смотрѣть свысока на своего бѣднаго собрата; понялъ-ли ты, двуногое существо, владѣлецъ четвероногаго, всю соль моего каламбура? Отвѣчай—понялъ?..

— Я понялъ только то, что если ты будешь распускать поводья и болтаться на сѣдлѣ, какъ райя на турецкой висѣлицѣ, то недолго и до грѣха: Бирбопе спотыкливъ, а дорога не матрацъ; сообрази, значитъ.

— И отчего это по горамъ нельзя путешествовать на шлюпкѣ? Для нашего брата моряка вода—первое дѣло.

— Да ты пилъ-ли когда-нибудь воду, послѣ того какъ тебя отъ груди отняли?

— А думаешь, нѣтъ?

— Сомнѣваюсь.

— Пилъ, и даже слишкомъ много пилъ; пусть святой Яковъ повернется ко мнѣ затылкомъ, если вру. Это было, когда нашъ бригъ,—я служилъ тогда на австрійскомъ бригѣ «Blutwurst»,—налетѣлъ противъ Санторино на камень. Туманъ былъ страшный, ни зги не видно, и ночь темная, темнѣй, чѣмъ у негра подъ мышкою. О, тогда я много пилъ, удивляюсь даже, какъ я живьемъ не проглотилъ какой-нибудь рыбины.

— Или какъ тебя самого не проглотили, это бываетъ. Такъ цѣликомъ, хапъ!..

— Я съумѣлъ-бы стать у ней въ горлѣ поперегъ; развѣ я устрица какая-нибудь? Послушай, другъ, однако, мы забираемся, кажется, на самое небо. Прелюбопытно, никогда не приходилось быть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Творцемъ вселенной.

— Счастье перемѣнчиво. Погоди: за переваломъ начнемъ спускаться, такъ покажется тебѣ, что въ самый адъ попалъ, въ лапы сатаны, которыхъ тебѣ не миновать, рано или поздно.

— Охъ, всѣ тамъ будемъ, всѣ будемъ. А ужъ что капитанъ Мюленгофъ и его долговязый подшкиперъ—это навѣрно!.. Долавируемъ къ ночи до гавани или нѣтъ?

— До Негоша-то? Ну, нѣтъ. Если-бы выѣхали мы рано утромъ, съ восходомъ солнца, тогда пожалуй.

— Ты усталъ?

— Нисколько.

— А меня такъ всего разломало. Вели своей скотинѣ не подкидывать такъ задомъ на ходу. Платя четыре дуката, имѣю-же я право на нѣкоторое спокойствіе. Стой, стой! Неужели же мы поѣдемъ по этой чортовой дорогѣ?

— А то какъ-же? Ну, другъ, теперь сиди смирно, если хочешь сберечь свою голову, готовься къ прыжку. Гопъ!..

— Дьяволъ тебя полюби. И это за собственные четыре дуката! А что если я пойду пѣшкомъ, твой Бирбоне не будетъ на это въ претензіи?

— Не думаю; а вотъ я недоумѣваю, неужто этотъ сѣдой англизъ во всемъ Катаро не нашелъ кого послать умнѣе, кромѣ тебя?

— Даніель, Даніель, какъ ты глупъ и непроницателенъ. Вотъ что значитъ находиться вѣчно въ обществѣ четвероногаго животнаго. Смотри, твой Бирбоне за тебя краснѣетъ.

Разговаривая такимъ дружескимъ манеромъ, путешественники подвигались все впередъ и впередъ, подвигались гораздо скорѣе, чѣмъ предшествовавшій имъ по той-же дорогѣ отрядъ черногорцевъ съ вьючными магарцами. Скоро они встрѣтились съ тѣми, что были посланы обратно въ Катаро, и черезъ часъ, не болѣе, завидѣли уже внизу, подъ обрывомъ, бивуакъ Вуко и его пороховой складъ, охраняемый двумя, дремлющими съ трубками въ зубахъ, закутанными въ струки юнаками.

Вуко лично окликнулъ приближавшагося всадника и его пѣшаго спутника.

— Друзья!..— во все горло, махая колпакомъ, отвѣтилъ Кабріо на этотъ суровый, лаконическій оклякъ.

Стемнѣло. Два человѣка и конь вступили въ слабоосвѣщенное костромъ пространство. Лео успѣлъ разглядѣть новоприбывшихъ и узналъ матроса, такъ безцеремонно указавшаго ему сегодня утромъ дорогу въ Негошъ... Узналъ его и Кабріо, должно быть, потому что, подойдя къ нему прямо и подавая письмо и посылки, произнесъ:

— Пледъ и пальто, положимъ, и не такъ удобны на походѣ, какъ ваша покойная бурка, но все-таки могутъ замѣнить ее съ успѣхомъ...

Лео не обратилъ вниманія на этотъ намекъ и при свѣтѣ костра пересматривалъ письма.

«Негошскому воеводѣ Метро Бѣлову въ Негошъ», прочелъ онъ на одномъ и спряталъ его въ боковой карманъ сюртука, повторивъ вслухъ это имя...

— Познаю,—кивнулъ головою Вуко, смотрѣвшій черезъ плечо Лео.

«Преосвященному Иларіону, митрополиту цетинскому и негошскому», прочелъ Лео на другомъ конвертѣ...

— Сваки познаетъ (всякій знаетъ),—снова кивнулъ головою начальникъ отряда.

— А это мнѣ!..

— Оваго не познаю (этого не знаю), бого-ми не познаю,— отрицательно потрясъ головою Вуко.

Пока Даніель возился съ своею лошадью, а Кабріо, лежа на брюхѣ, болталъ всякій вздоръ черногорцамъ, Лео занялся чтеніемъ полученнаго письма. Генри Карлейль писалъ:

«Начну, мой молодой другъ, съ повторенія совѣта быть хладнокровнѣе и не горячиться: это правило полезно всегда, особенно въ минуту опасности. Подобныхъ-же минутъ будетъ много на вашей прекрасной, честной дорогѣ. Посылаю вамъ письма къ хорошимъ людямъ: они будутъ вамъ полезны. Теплое платье въ горахъ также полезно, а потому, не медля ни минуты, потрудитесь имъ воспользоваться. Взамѣнъ отобраннаго у васъ оружія, посылаю другое, которое прошу принять въ подарокъ отъ вашего покорнаго слуги, старика, любящаго иногда дѣлать молодымъ людямъ замѣчанія. Это ужъ преимущество сѣдинъ. О томъ, какъ должны вы употребить въ дѣло это оружіе, я считаю лишнимъ распространяться: вашъ умъ и сердце дадутъ вамъ самую полную и лучшую инструкцію, особенно если вы будете отдавать небольшое преимущество послѣднему. Мой адресъ вамъ извѣстенъ; пишите, когда найдете для этого свободное время, и не забывайте, что въ трудную минуту я всегда готовъ къ услугамъ *вашего дѣла*».

«Генри Карлейль».

Слова «вашего дѣла» энергично подчеркнуты, имя и фамилія подписаны четко, безъ всякихъ росчерковъ.

Лео долго держалъ письмо это передъ глазами; онъ его

прочелъ по крайней мѣрѣ разъ десять, на его выразительныхъ глазахъ навернулась покойная, радостная слеза. Подобныя слезы не искажаютъ лица, не вызываютъ на немъ кисло-печальныхъ минъ, онѣ текутъ спокойно, незамѣтно даже для самого плачущаго, и не могутъ вызвать усмѣшки со стороны даже черногорцевъ, презирающихъ всякія слабонервности.

— Пушка? (ружье) — спросилъ его Вуко, тыкая пальцемъ въ крышку ящика.

Лео оправился, спряталъ письмо Карлейля и поспѣшно отстегнулъ ремни футляра. Всѣ юнаки, даже часовые, подошли поближе и окружили Лео; на всѣхъ лицахъ было написано самое жгучее любопытство. Когда Лео открылъ ящикъ, въ немъ оказался разобранный двухстволыный карабинъ-ланкастеръ, со всѣми мелочными принадлежностями, съ запасными стволами и даже инструменты для переснаряженія пустыхъ патронныхъ гильзъ. Дрожащими отъ волненія руками перебиралъ Лео каждую штучку. Окружающіе волновались не меньше его, лѣзли чуть не другъ на друга: имъ тоже очень хотѣлось перещупать все собственными руками... Осмотръ этотъ продолжался не менѣе часа, и если-бъ Лео не догадался захлопнуть, наконецъ, крышку ящика, то, вѣроятно, до самаго утра ни одинъ изъ юнаковъ не отошелъ-бы отъ него.

Съ разсвѣтомъ Кабріо долженъ былъ вернуться назадъ; Лео рѣшился воспользоваться лошадью и проводникомъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Надѣвъ пальто и завернувшись въ пледъ, онъ положилъ ящикъ къ себѣ подъ голову и заснулъ, какъ убитый, довольный, спокойный и счастливый.

XIII.

На пути къ Негошу.

Чуть разсвѣло, отрядъ уже былъ на ногахъ. Вуко самъ лично снова пересмотрѣлъ всѣ боченки, самъ наблюдалъ за вьючкою ихъ на костлявыя спины магарцевъ, перещупалъ каждый ремешекъ, каждую веревочку и, убѣдившись, что все въ должномъ и примѣрномъ порядкѣ, одобрительно произнесъ: «добре»!

Маленькая банда стала потихоньку вытягиваться по извилистой тропинкѣ, ведущей къ крутому, утесистому спуску. У каждаго магарца находилось по проводнику; эти маленькія

четвероногія и поддерживающія ихъ атлетическія фигуры черногорцевъ представляли довольно оригинальное зрѣлище. Вуко, закинувъ за плечи свой грубый струкъ, засунувъ руки въ пазы калана, занялъ мѣсто позади всѣхъ, въ арьергардѣ.

Даніель тоже привелъ въ порядокъ своего Бирбоне, почтительно пригласилъ Лео садиться и, ехидно подсмѣиваясь, косился въ ту сторону, гдѣ, позѣвывая и потягиваясь, стоялъ Кабріо, кисло поглядывая на все, что около него дѣлалось.

— Ну, другъ мой Кабріо, счастье перемѣнчиво,—произнесъ проводникъ, когда Лео сѣлъ и расправилъ поводья.

— Конечно,—отвѣчалъ матросъ.—Но только если счастье это повернулось ко мнѣ задомъ, то все-таки и не въ твою пользу: и ты пѣшкомъ, и *я*,—намъ завидовать другъ другу, кажется, нечего.

— Adio, mio carissimo.

— Adio, mio... чортъ-бы тебя побралъ, въ самомъ дѣлѣ! Adio, signor russo!..—Кабріо почтительно снялъ свой колпакъ.—Adio!.. Эй, Даніель, ты подольше не возвращайся въ Катаро! Смѣю тебя увѣрить, что въ обществѣ умнаго, любезнаго и ловкаго малаго Кабріо твоя поджарая Коломба о тебѣ не соскучится.

— Моя Коломба!?. Господинъ, вы мнѣ позволите вернуться на минуту проучить этого хвастуна?

— Э, полноте, что за обидчивость; это нехорошо,—успокоилъ Лео.—Идите своею дорогою. Кабріо, прощай!

— Считай за мной!

— Ого!.. Считать за тобою, это все равно, что за турецкимъ банкомъ: ничего не получишь!.. Это...

Кабріо еще что-то крикнулъ, даже руки приставилъ рупоромъ къ своему рту, но вѣтеръ, рванувшись изъ бокового ущелья, отнесъ куда-то въ сторону его остроту и фраза матроса не долетѣла по назначенію.

Отрядъ тянулся уже на половинѣ спуска, огибая второй поворотъ уступа. Утреннее облако дымчатою полосою выползло изъ-за горнаго ската, скользнуло поперекъ дороги и, словно вуалемъ, прикрыло переднія группы; другое крыло этого-же облака взвилось выше, и матросъ Кабріо, въ своей рубашкѣ и легкихъ панталонахъ, скоро почувствовалъ его холодныя объятія.

— Брррр!.. Какое, однако, свинство быть такъ близко къ небесамъ. Слушай послѣ этого нашего патера, который смѣетъ

увѣрять... О, santa Maria, прости мнѣ мое кощунство! Оно, положимъ, у кого есть теплый пледъ, цѣлыя на колѣняхъ и непротертыя сзади панталоны, кто находится поблизости доброй кафаны и у кого въ карманѣ есть нѣчто, дающее ему возможность воспользоваться тѣмъ, что можетъ предложить эта кафана порядочному человѣку, у кого есть... у кого есть... Фу, чортъ возьми! У кого есть то, чего нѣтъ у бѣдняка Кабріо,—тому хорошо проповѣдывать о прелестяхъ горныхъ странъ и ужасахъ ада. Что-же касается меня, то я охотно предпочелъ-бы въ данную минуту послѣдній... Брррр!.. Проклятое утро!.. Скорая ходьба согрѣваетъ члены...а ну!.. Разъ-два, разъ-два, разъ-два!.. Осторожно! Чуть не полетѣлъ! Нѣтъ, на вантахъ я-бы давно согрѣлся... Разъ-два, разъ-два!

И Кабріо отмѣривалъ широчайшіе шаги, торопясь выбраться поскорѣе изъ этихъ сырыхъ, пронизывающихъ насквозь облачныхъ объятій, туда, гдѣ на извилинахъ кремнистой тропинки, усѣявъ ее словно брызгами растопленнаго золота, скользнули первые лучи поднимающагося надъ горами утренняго солнца.

Лео, верхомъ на ворономъ жеребцѣ, скоро догналъ отрядъ. Тропинка была настолько узка, что ему поневолѣ пришлось держаться сзади. Бирбоне, раздувъ свои кровныя ноздри, навостривъ уши и вытянувъ шею, тревожно обнюхивалъ складки черногорскаго струка на плечахъ старшины отряда; тотъ шелъ, молча и не оборачиваясь. Даніель, придерживаясь почему-то за жидкій хвостъ лошади, замыкалъ все шествіе, пощелкивая концемъ бича по разслоившимся плитамъ чернаго аспидняка.

Спустились понемногу; дорога стала шире. Проводникъ предложилъ Лео обогнать отрядъ, увѣряя, что онъ, то-есть не отрядъ, а Даніель, хотя и пѣшкомъ, но отъ лошади не отстанетъ, и всѣ трое они гораздо скорѣе прибудутъ въ Негошъ, если пойдутъ отдѣльно, сами по себѣ, чѣмъ тянуться за хвостомъ этой молчаливой вереницы. Лео согласился и они уже готовы были привести свое намѣреніе въ исполненіе, да не позволилъ подозрительный Вуко.

— Какъ можно,—отрицательно закачалъ онъ головой.— Пока не приду въ Негошъ, не пущу. Транспортъ важный съ барутомъ, люди чужіе, особенно этотъ,—онъ кивнулъ на далматинца.—Не можно съ глазъ отпускать. Пошелъ съ нами—

и иди до мѣста съ нами. Если добрый человѣкъ и другъ нашъ, прятаться нечего, а что поздно прійдемъ—бѣды нѣту. Времени у Бога много.

Дѣлать было нечего, и Лео пришлось подчиниться требованію Вуко, на что онъ охотно согласился, безъ всякаго съ своей стороны неудовольствія на это маленькое насиліе.

Съ часъ времени шли молча. Слышны были только мягкое шлепанье опанокъ по камнямъ, дробная топотня ослиныхъ копытъ, осторожное пофыркиванье вороного жеребца и беззастѣнчивая зѣвота Даніеля, не разъ уже принимавшагося вполголоса затягивать со скуки свои родные напѣвы.

Солнце высоко уже поднялось надъ горами и освѣтило угрюмую, печальную панораму мертвой страны, обездоленной всѣми благами жизни, кромѣ лучшаго изъ этихъ благъ — свободы и независимости.

— Когда человѣкъ идетъ, онъ долженъ знать, гдѣ остановится,—началъ словно про себя Вуко.

— Вотъ, что вѣрно, то вѣрно,—подхватилъ Даніель.—Я вотъ только не знаю въ данную минуту, гдѣ придется мнѣ остановиться, хотя и иду.

— Говорю я не съ тобою,—тѣмъ-же тономъ, не поворачивая головы, произнесъ начальникъ отряда.

— А?.. Что такое?—словно проснулся Лео. Онъ задумался и не слышалъ вѣрнаго замѣчанія черногорца.

— Куда ты идешь?—напрямикъ спросилъ тотъ.

— Господинъ руссъ не идетъ, а ѣдетъ,—огрызнулся Даніель, оскорбленный нѣсколько тѣмъ, что къ нему отнеслись съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. — Идемъ-же мы съ тобою, мой Бирбоне, твои земляки и магарцы.

Вуко не удостоилъ даже отвѣтомъ эту тираду.

— Въ горы,—лаконически отвѣтилъ на его вопросъ ѣдущій господинъ руссъ.

— Горы велики!—также лаконически замѣтилъ Вуко, однимъ движеніемъ широкихъ плечъ поправивъ на себѣ струкъ.

Опять наступило чуть не получасовое молчаніе. Снизу, со дна лощины, доносилось легкое журчаніе какого-то потока, сверху раздалась легкая пѣсня мальчика-пастуха, забравшагося со своими козами на самый гребень чернаго уступа; еще выше прозвенѣлъ въ воздухѣ металлическій, скрипящій такой выкликъ

орла. Тотчасъ-же оборвалась пѣсня пастуха, орлиный выкликъ повторился, точь-въ-точь какъ первый, только теперь онъ вылетѣлъ изъ горла мальчика.

Тѣнь отъ чьихъ-то гигантскихъ крыльевъ черкнула по освѣщенному ребру скалы и скрылась. Бирбоне храпнулъ и затрясъ головою, звеня погремушками.

— Зачѣмъ-же ты идешь въ горы? — снова началъ свой допросъ начальникъ отряда.

— Биться,—отвѣчалъ Лео.

— Съ турками, значитъ... Добре! — кивнулъ шапочкою Вуко. — Въ Черныхъ горахъ еще не бьются, а скоро тоже будутъ. Ты къ герцеговинцамъ, значитъ?

— Къ кому придется.

— Тако, тако. Знаешь кого-нибудь или такъ идешь, къ кому попадешь, то и добре?

— Никого не знаю. Слыхалъ про Пеко Павловича—хорошій воевода, думаю къ нему.

— Тако, тако...

— Слыхалъ про Лазаря Сочицу, тоже, говорятъ, молодецъ. Думалъ у васъ остаться, да вы сидите пока смирно; должно быть, не хотите биться.

— Мы?— Вуко обратился къ нему лицомъ, нахмурилъ брови и пристально смѣрилъ его взглядомъ.

— Да, вы!—также посмотрѣвъ ему прямо въ глаза, подтвердилъ Лео.

— Мы бьемся, давно уже бьемся; не всѣ бьются, а много нашихъ; въ горахъ, коло Дуги, найдешь. Мы-бы и всѣ пошли, да княже Николо не велитъ; говоритъ: еще рано.

— А почему рано?

— Почему? Про то у князя Николы спроси, онъ знаетъ, у Пларіона владыки спроси, онъ тоже знаетъ.

— Спрошу.

— То и спроси.

— А ты бился съ турками?

Вуко только плечами пожалъ отъ такого страннаго и неумѣстнаго, по его мнѣнію, вопроса.

— Вонъ тотъ, что орломъ кричалъ, ему нынче одиннадцатая весна пошла, и тотъ уже бился.

Лео понялъ, что, кажется, спросилъ невпопадъ, и покра-

снѣлъ. Покраснѣлъ и главное дѣло, по той причинѣ, что какъ же это?—тутъ всѣ, значитъ, бились; одиннадцатилѣтній ребенокъ и тотъ бился, а онъ вотъ еще и въ глаза не видалъ настоящей битвы. Въ Парижѣ развѣ, да то что за битва. Городили-городили что-то поперекъ улицы, асфальтъ весь перепортили, два омнибуса сломали, красную скатерть какую-то на дышло навязали. Показались въ концѣ улицы солдаты, остановились. Разомъ ихъ синій фронтъ заволокло полосою дыма; что-то засвистѣло кругомъ. Все врозь бѣжитъ, прячется. Остались только развалины омнибусовъ посреди улицы, да красная скатерть на дышлѣ. Нѣтъ, это не битва, этого и считать нечего. Нечѣмъ, значитъ, и хвастаться передъ этими заправскими бойцами.

— А мнѣ Господь ни разу не привелъ,—на-чистоту, добросовѣстно сознался Лео.

Въ голосѣ его слышалась какая-то дѣтски-жалостливая нота, словно ребенокъ жаловался нянѣ, что вотъ, молъ, тамъ всѣ ѣли всякія сласти и лакомства, а ему ничего не попало, ни маленькаго кусочка даже.

— Чудно!—произнесъ Вуко.

— Что жъ тутъ чудного?.. Вы въ такой сторонѣ живете, что есть съ кѣмъ биться; я въ такой жилъ, что не съ кѣмъ.

— Не то чудно, а то, что вотъ перваго тебя изъ пріѣзжихъ вижу такого. До сихъ поръ все пріѣзжали, такъ разсказывали, что много бились. Такіе вояки все пріѣзжали, насъ учить даже хотѣли. Вотъ въ Цетиньѣ видѣлъ я одного; говоритъ про себя, что руссъ, а имя не русское: Монте-Азуро прозывается,—такъ тотъ сто боевъ большихъ себѣ насчитывалъ, да вдвое больше малыхъ.

— Можетъ быть, вралъ онъ?

— Самъ тако разуме, что лажилъ *).

— Зачѣмъ вы вотъ только носы рѣжете?—вмѣшался снова Даніель, выпутывая репейники изъ хвоста Бирбоне.

— Не твоего ума дѣло!

— У насъ въ Катаро, недавно,—продолжалъ проводникъ,—восемь человѣкъ турокъ привезли и всѣ безъ носовъ. Живые, а безъ носовъ, смотрѣть умора. О, Святая Богоматерь, какое безобразіе! Остановились у кафаны, наши тамъ сидѣли. Сколько

*) Лгалъ.

хохоту было! А грекъ одинъ, матросъ, смотрѣлъ-смотрѣлъ, мы и не замѣтили, что у него ножъ въ рукахъ, слышимъ вдругъ: ай-ай-ай! Что такое?.. Нѣмецъ, что противъ него сидѣлъ, за лицо держится, а кровь у него такъ и бьетъ между пальцами, а грекъ-разбойникъ носъ его показываетъ «Вотъ, говоритъ, какъ это дѣлается!»

— Тьфу!—сплюнулъ Вуко.

Его слухъ оскорбился не самымъ разсказомъ, а этою профанаціею искусства. Пьяный грекъ пьяному нѣмцу, въ кафанѣ, а не въ бою, и главное, что такъ, зря, совсѣмъ *не для счету*...

И на Лео разсказъ проводника подѣйствовалъ не совсѣмъ пріятно, только въ иномъ направленіи.

— А что, — спросилъ онъ, — турки тоже рѣжутъ носы? Есть у нихъ этотъ обычай?

Онъ было хотѣлъ добавить—варварскій обычай, но во-время воздержался отъ этого эпитета.

народу—Турки не только носы, турки все рѣжутъ,—вставилъ Даніель. — Да,—согласился и Вуко.—Турци много крещеного попортили. Великое число будетъ.

Разговаривая такимъ образомъ, подошли къ небольшому роднику, гдѣ предполагался часовой привалъ. Отрядъ расположился тѣмъ-же порядкомъ, какъ и на ночлегѣ.

Даніель предложилъ было Лео продолжать путь безостановочно, увѣряя, что ни онъ, ни его Бирбоне еще не устали, но Вуко опять попрепятствовалъ, повторивъ, и даже довольно строгимъ тономъ:

— До самаго мѣста идите съ нами!

Отдохнули—пошли.

— Есть у тебя кто знакомый въ Негошѣ?—снова началъ допросы начальникъ отряда.

— Никого нѣту.

— Тако, тако.

Замолчалъ Вуко, молчитъ и Лео, молча идетъ Даніель. Всѣ молчатъ, только шагаютъ. Жарко печетъ солнце, накаливаетъ голыя скалы, дремота одолѣваетъ. Сопитъ носомъ Вуко, даже будто прихрапываетъ на ходу, не разъ уже Лео весьма подозрительно кивнулъ головою, во весь ротъ зѣваетъ Даніель и Бирбоне повѣсилъ голову, спотыкаться началъ.

— Съ Богомъ!—доносится привѣтствіе слѣва. Съ Богомъ!..—слышится справа. Голоса всѣ дѣтскіе, звонкіе. На горахъ, гдѣ только чуть-чуть зеленѣетъ травка, видны движущіяся бѣлыя точки козъ; самихъ пастуховъ не видно; въ тѣни гдѣ-нибудь, за камнями попрятались...

— Негошъ близко,—замѣтилъ проводникъ.—Вонъ, какъ спустимся туда, да поднимемся на ту гору, обогнемъ еще одну, тогда и видно будетъ. Э, пріятель, не распускай ушей—иди бодро!..

Бирбоне подпрыгнулъ отъ удара хлыстомъ по крупу. Лео машинально схватился за луку сѣдла, проснулся, осмотрѣлся кругомъ и, доставъ принадлежности, принялся крутить себѣ папиросу.

— Въ Негошѣ остановись у воеводы Митро Бѣлова,—положилъ Вуко свою тяжелую ладонь на колѣно всадника.—Скажи ему, что Вукотичъ прислалъ—онъ уже знаетъ. Слышишь?!

— Слышу! Да у меня кстати и письмо къ нему.

— Тако, тако. Митро умный человѣкъ, ученый; онъ всю политику знаетъ; онъ тебѣ все разскажетъ. Ты его слушайся. Ты тамъ пока, въ Негошѣ, и останешься, потому изъ Негоша намъ дороги разныя. *Въ городъ*, дастъ Богъ, встрѣтимся. Ты мнѣ полюбился.

— Спасибо!

— Потому полюбился, что не хвасталъ, о бояхъ своихъ небывалыхъ не говорилъ. Хорошій на словахъ, всегда плохой въ полѣ. Ты будешь хорошій. Такъ-то. Эге-ге-ге, братики, растянулись!

Спустились, поднялись, обогнули, все сдѣлали, какъ говорилъ проводникъ. Внизу, въ небольшой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ пологоспускающимися горными скатами, показался Негошъ. Лео съ высоты своего сѣдла сразу замѣтилъ приземистыя мазанки, сложенныя изъ дикаго камня, низкій куполъ, просто крышу съ крестомъ, православной церкви, господствующей надъ всѣми зданіями, черепичную крышу локанды (гостинница) съ навѣсомъ, огибающимъ три стороны дома. Народу на узкихъ улицахъ было мало замѣтно, только у локанды виднѣлось что-то, напоминающее жизнь и движеніе.

Вуко остановилъ отрядъ, не входя въ городъ,—съ пороховымъ транспортомъ не полагается,—велѣлъ проводнику-далма-

типцу отвести Лео прямо къ дому воеводы Митро Бѣлова и, пожавъ руку будущему «хорошему» юнаку, произнесъ лаконически: «съ Богомъ»!

XIV.

Политикъ.

Минутъ черезъ пять Лео и далматинецъ приблизились къ городской заставѣ. Собственно говоря, здѣсь ничего похожаго на заставу не было: просто начиналась узенькая улица, обстроенная справа и слѣва крохотными «кучами» (домами). Большинство этихъ кучъ, казалось, были необитаемы, въ нѣкоторыхъ только изъ нихъ слышались голоса и надъ дымовыми отверстіями въ крышахъ взвивались голубоватые клубы, распространявшіе въ воздухѣ запахъ чего-то жаренаго. Два, три довольно красивыхъ женскихъ лица выглянули изъ оконъ, проводили глазами путешественниковъ и снова попрятались; тощая собака хрипло залаяла съ крыши, попыталась было соскочить, да, видно, высоко показалось, успокоилась и снова улеглась, поглядывая внизъ и наблюдая за куриною семьею, роющеюся въ навозныхъ кучахъ. У одного порога сидѣлъ дряхлый старикъ черногорецъ и слезящимися, воспаленными глазами приглядывался,—кого это Богъ несетъ по ихъ улицѣ? За поясомъ у старика торчали длинныя рукоятки турецкихъ пистолетовъ и ручка ятагана съ тяжелою шишкою на концѣ. Такъ только, для вида, по старой привычкѣ, таскалъ старикъ на себѣ допотопное оружіе; видно было, что теперь уже оно ему не подъ силу: даже чубукъ отъ глиняной трубки дрожалъ и подпрыгивалъ въ его костлявыхъ пальцахъ. Когда Лео поровнялся съ нимъ, старикъ пріосанился и, кивнувъ головою, что-то пробормоталъ. Нѣсколько развьюченныхъ магарцевъ кучкою стояли у забора, обгладывая молодые весенніе побѣги колючаго терновника; подпрыгивая и рѣзвясь, перебѣжалъ улицу пестрый козленокъ, а за нимъ — совсѣмъ голый мальчишка лѣтъ четырехъ, съ кнутомъ, смуглый такой, словно изъ обожженной глины вылѣпленный. Вереница женщинъ, высокихъ, мускулистыхъ, тяжело навьюченныхъ мѣшками съ мукою, пробиралась вдоль стѣны, а сзади, словно погонщикъ за вьючною скотиною, важно шагалъ молодой атлетъ, съ неизбѣжнымъ чу-

букомъ въ зубахъ, въ темнозеленой даламѣ, вышитой краснымъ шнуркомъ, въ черной, выгорѣвшей на солнцѣ шапочкѣ. Подъ навѣсомъ локанды, мимо которой проходили наши путники, расположилось цѣлое общество такихъ-же молодцовъ, занимавшихся въ данную минуту исключительно молчаливымъ созерцаніемъ груды накаленныхъ угольевъ и шипящей на нихъ кострюльки съ кофейною гущею. Неподалеку осѣдланная лошадь рылась въ торбѣ съ зерномъ, заложивъ уши, завидѣла Бирбоне и попыталась было лягнуть его въ бокъ, да Даніель помѣшалъ, стегнувъ ее бичемъ.

— Это Станкина кобыла «Роза», я знаю,—сообщилъ онъ Лео.—Тоже изъ Катаро. Забѣжать послѣ спросить, кого это онъ привезъ сюда?.. Направо, господинъ руссъ, дерните за поводъ Бирбоне и поверните на-право,—вонъ въ тотъ переулокъ.

Дернулъ Лео за поводъ Бирбоне, повернулъ направо въ переулокъ, дорога на подъемъ пошла. Показались дома немного побольше, два или три такъ двухъэтажные, крытые плитнымъ аспиднякомъ и черепицею. Около одного изъ такихъ и остановились путешественники; Лео слѣзъ съ Бирбоне, расправляя отекшія отъ продолжительнаго сидѣнья ноги. Даніель стукнулъ легонько въ окно, крикнувъ: «гости!», и принялся развьючивать своего жеребца, отведя его подъ навѣсъ, гдѣ несчастному Бирбоне пришлось неистово отмахиваться отъ цѣлаго роя зеленыхъ мухъ, поднявшихся съ навозныхъ кучъ и со всѣхъ сторонъ облѣпившихъ потное животное.

— Экія свиньи живутъ, экія неряхи!—ворчалъ довольно громко безцеремонный далматинецъ, выбирая глазами мѣсто по-чище, не такъ уже заваленное навозомъ и залитое всякими нечистотами.

— Добро пожаловать!—послышалось откуда-то изнутри.—Входи съ Богомъ!

Захвативъ ящикъ съ оружіемъ, Лео шагнулъ черезъ высокій каменный порогъ и очутился въ довольно просторной комнатѣ, посреди которой, на особо устроенномъ мѣстѣ, тлѣли уголья, остатки костра, и опять-таки шипѣла неизбѣжная кастрюлька съ кофейною гущею.

Лучъ свѣта, врываясь въ небольшое, задѣланное рѣшеткою окно, достаточно освѣщалъ внутренность помѣщенія, и Лео тотчасъ-же разглядѣлъ плотную, нѣсколько ожирѣлую фигуру

самого хозяина, важно засѣдавшую на приземистомъ, трехногомъ табуретѣ.

Воевода Митро Бѣловъ былъ уже пожилой мужчина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, полный, тяжелый на подъемъ, съ добродушнымъ выраженіемъ на усатомъ лицѣ. Одѣтъ онъ былъ въ домашній костюмъ, безъ оружія и въ мягкихъ туфляхъ на босую ногу. Смѣривъ Лео съ ногъ до головы, онъ началъ безъ обиняковъ съ вопроса:

— Кто такой?

Лео назвалъ свое имя.

— Гмъ!—кивнулъ головою Митро Бѣловъ, помолчалъ съ минуту и снова произнесъ тѣмъ-же тономъ:—За какимъ дѣломъ?

— Биться съ турками,—прямо и опредѣленно отвѣтилъ гость, также пристально смѣривъ хозяина глазами.

— Кто прислалъ?

— Никто не присылалъ; самъ, своею волею пріѣхалъ.

— Ко мнѣ кто прислалъ?

— Вуко, тотъ, кто съ отрядомъ изъ Катаро пришелъ, барутъ привезли. Стали тамъ за городомъ, на полѣ. Да письмо еще одно есть...

Лео передалъ хозяину письмо отъ Карлейля.

— А, таки привезли барутъ. Вотъ добре! Фала Господу! И всѣ цѣлы, съ нѣмцами не бились?

— Зачѣмъ биться? Такъ дѣло обошлось,—отвѣчалъ Лео и подумалъ при этомъ: «Что-же ты за свинья, право, въ самомъ дѣлѣ: держишь меня на ногахъ передъ собою, самъ сидишь, точно паша турецкій передъ райею, сѣсть не просишь, а только допрашиваешь».

Митро между тѣмъ пробѣжалъ письмо и спряталъ его въ карманъ, проговоривъ:

— Ну, добре, добре!

Извѣстіе о привозѣ барута видимо оживило и обрадовало хозяина; онъ даже выругался отъ радости, да такъ выругался, что у Лео даже краска на щекахъ выступила, особенно, когда онъ замѣтилъ въ дверяхъ сосѣдней комнаты красивую, дебелую женщину, судя по болѣе дорогому костюму, должно быть супругу воеводы.

— Садись, садись!—спохватился, наконецъ, хозяинъ.— Садись, гостемъ будешь... и гостемъ, и другомъ, потому кого

Вуко прислалъ ко мнѣ на домъ, тотъ другъ мой и моего дома. Садись!

Митро Бѣловъ хлопнулъ въ ладоши.

— А давай-ка намъ, баба, ракіи!—обратился онъ къ красивой женщинѣ, что стояла на порогѣ.—Вотъ это жена моя!—указалъ онъ на нее Лео.—Что-же ты не садишься?

Лео пододвинулъ къ себѣ такой-же трехногій табуретъ, какъ и тотъ, на которомъ сидѣлъ хозяинъ, и неловко усѣлся, не зная, куда дѣть свои длинныя ноги.

Подали ракію (водку), подали на жестяной тарелкѣ какую-то сухую, сильно прокопченую колбасу, коробку сардинъ, кусочекъ сыра и хлѣбъ.

— Ты-бы *яи* намъ дала, *чорбу* сварила *),—замѣтилъ хозяинъ, окинувъ взглядомъ все принесенное.

— На ужинъ будетъ; скоро вѣдь ужинать. А то, коли велишь, можно,—покорно отвѣчала хозяйка, косясь на красиваго гостя и слегка обдергивая на полной груди не совсѣмъ-то скромныя складки вышитой рубахи.

— Ну, добре, добре. Прошу! Что новаго слышно у васъ въ Европѣ? Подѣлись съ нами.

— У насъ въ Европѣ?—улыбнулся Лео.—Не знаю, право... я вѣдь давно оттуда. Что у васъ?

— Родные всѣ твои здоровы-ли?

— Спасибо! да у меня никого родныхъ нѣтъ.

— Тако, тако. Самъ здоровъ-ли?

— Спасибо, самъ здоровъ.

— Тако, тако. Молимъ! (просимъ).

Хозяинъ налилъ себѣ въ стаканчикъ ракіи, выпилъ и подвинулъ посудину къ гостю. Тотъ тоже не заставилъ себя дожидаться. Хозяйка отошла къ порогу и, стоя тамъ, красиво упершись кулакомъ въ упругое, выпуклое бедро, созерцала всю сцену угощенія, лукаво косясь то на мужа, то на Лео, словно сравнивая ихъ между собою.

— Что королева писала султану?

— Какая королева?

— Какая!?—Митро выпучилъ глаза на гостя.—Какая!? Англійская королева. Вѣсти есть такія: писала она къ турскому

*) Яи—яйца, чорба—похлебка.

султану—сто чертей ему въ животъ!—не хорошо она ему писала...

— Не слыхалъ. Это про что-же писала она ему?

— Не хорошо писала. Говоритъ: души ихъ всѣхъ поскорѣе, а если денегъ нужно, я дамъ. Только процентъ возьму большой и чтобъ въ залогъ тѣмъ процентамъ Царьградъ ей отдать. Султанъ отвѣчалъ ей: хорошо, только залогомъ не Царьградъ пойдетъ, а пусть возьметъ Черныя горы,—это про насъ. А можетъ, такого письма и не было?

— Должно быть, не было. Я, впрочемъ, ничего подобнаго не слыхалъ и въ газетахъ не читалъ.

— Газеты лажутъ только и ништо выше. Молимъ! Кавы давай и трубку набей новую!

И гость и хозяинъ еще разъ прошлись по стаканчику ракіи, закусили сардинками. Подали имъ обоимъ по трубкѣ; синія кольца дыма наперегонку закружились въ воздухѣ.

— Пора настоящую войну начинать,—рѣшилъ хозяинъ,— и княже Никола говоритъ, что пора; слыхали, что и Миланъ сербскій тако-же мыслитъ.

— Давно пора!—согласился и Лео, вытаскивая пальцами за хвостъ другую рыбку, изобразивъ при этомъ на столѣ дорожку масляныхъ капелекъ, да кстати и на бородѣ, слегка-напудренной дорожною пылью.

— Ну, а како руссы мыслятъ о томъ дѣлѣ?

— Да тоже думаютъ, что пора.

— Жаль, что только думаютъ. Теперь самое и для нихъ время; послѣ хуже будетъ. Я знаю, они нѣмцевъ боятся; думаютъ нѣмцы—германскій нѣмецъ и вѣнскій нѣмецъ—за турокъ станутъ.

— Признаться, думаютъ.

— Не вѣрно они думаютъ; когда германцы били французовъ, они не думали, что за тѣхъ руссы и влахи заступятся, — и добро для нихъ было; тако и теперь. Опять-же и дѣло *наше* правое, а за правое дѣло Богъ! Онъ не допуститъ. Это у самого владыки Иларіона спроси и тотъ тебѣ то-же скажетъ, а уже, что касается Бога—кому лучше знать, какъ не ему: на то онъ попъ и владыко. Ты самъ не изъ поповъ-ли?

— Почему такъ?

Лео озадачился такимъ страннымъ вопросомъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Митро Бѣлова.

— Бороду носишь, потому думаю. Попу бороду носить надлежитъ, а юнаку не надлежитъ.

— У насъ всѣ носятъ.

— Знаю, а ты лучше сбрѣй. Черногорскую одежду надѣнешь, не станешь-же въ своемъ платьѣ биться: всѣ за попа принимать тебя будутъ. Коли не попъ—сбрѣй.

— Понадобится, сбрѣю.

— Австріецъ вонъ Боснію хочетъ себѣ взять—это ты слышалъ? Герцеговину тоже!

— Слыхалъ, что такъ?

— Пускай беретъ, самъ послѣ выброситъ. Потому у него и такъ славянъ больше, чѣмъ мадьяръ да нѣмцевъ, а еще прихватитъ — ему съ тѣми славянами не справиться: «*не по магарцу вьюкъ,—ноги подломятся*».

«А вѣдь какъ будто и вѣрно!—подумалъ про себя Лео,—эге, братъ, да ты, видно, и вправду изъ знающихъ!»

— Ты къ кому-же ѣдешь теперь, къ князю Николѣ или въ горы къ усташамъ пробираешься?

— Да пока въ горы думаю, а какъ князь вашъ объявитъ войну, тогда, можетъ, и къ нему пойду на службу.

— Что у тебя тамъ, покажи-ка!

Митро Бѣловъ ткнулъ пальцемъ въ крышку ящика, который Лео поставилъ около себя, на землѣ.

— Пушка англійская,—отвѣчалъ Лео, растегивая ремни и приподнимая крышку.

Хозяинъ принялся въ подробностяхъ разсматривать оружіе; подошла хозяйка, перегнулась черезъ его плечо, да, должно быть, плохо было видно оттуда — обошла кругомъ и стала позади Лео, вѣрно, очень уже близко, потому что тотъ почувствовалъ сразу теплоту ея тѣла и горячее дыханіе на своемъ затылкѣ. Съ часъ разсматривали оружіе, забыли и про политику. Затѣмъ хозяинъ всталъ, ушелъ въ другую комнату и вынесъ оттуда чуть не цѣлый арсеналъ, хвастаясь имъ, въ свою очередь, передъ гостемъ. У Лео глаза разгорѣлись на эту массу самаго разнообразнаго вооруженія, оригинальнаго по своему рисунку, богато-украшеннаго серебромъ и перламутромъ. Особенно заняла его пара револьверовъ съ длинными стволами, съ прямыми турецкими ручками стариннаго образца, но съ превосходными новѣйшими казенниками системы *Смитъ-Вессена*.

Такое оружіе заготовляется итальянскими оружейниками спеціально для черногорцевъ. Сильно захотѣлось Лео имѣть такую-же парочку.

— Что стоитъ?—спросилъ онъ, прикидывая пистолетъ въ рукѣ и цѣлясь въ какую-то точку.

— Не-скупо (не дорого): за сорокъ дукатовъ купить можно. У турки отнять такіе, — дешевле придется.

— Само собою разумѣется! — Лео опять прицѣлился.—А не продашь мнѣ эти?

Не безъ усмѣшки поглядѣлъ на него Митро Бѣловъ и презрительно произнесъ:

— Здѣсь, друже, не оружейная лавка, и у меня продажнаго ничего не отыщешь.

Понялъ Лео, что сказалъ глупость, и покраснѣлъ, какъ ракъ, да слово не воробей—его за хвостъ не поймаешь.

— Пріѣзжалъ одинъ въ прошломъ мѣсяцѣ, — говорилъ Митро,—тоже у меня остановился, письмо отъ Васильчикова привезъ; такъ тотъ вотъ ей,—онъ кивнулъ на жену, —предлагалъ двадцать дукатовъ.

— Ну, ужъ ты!

Дебелая красавица вспыхнула въ свою очередь и отошла отъ Лео, задѣвъ колѣномъ за его табуретъ.

— Она ко мнѣ приходитъ,—продолжалъ беззастѣнчивый хозяинъ,—спрашиваетъ: можно-ли взять, а я говорю: погоди, дай прежде я самолично съ *нимъ* поторгуюсь, можетъ быть, и больше дастъ. Спрашиваю того, какъ-же, молъ, не прикинешь-ли еще десяточекъ?

— Ну?

— Такъ онъ и отвѣчать не сталъ; какъ кинется отъ меня да вонъ изъ дому; до самой локанды бѣжалъ козломъ, оттуда и за чемоданомъ прислалъ за своимъ. Такъ, не простясь, и уѣхалъ!

— Еще бы! Ты спрашиваешь, а самъ за ножъ рукою держишься, глаза выпучилъ,—чорта, не человѣка испугать можно.

— Нѣтъ, что-же—я ласково...

— Ты на меня не сердись,—понялъ Лео, къ чему ведетъ разсказъ хозяина;—я вполнѣ вашихъ обычаевъ еще не знаю.

— Не сержусь. А вотъ что: сегодня у насъ которое число будетъ? Что-то запамятовалъ...

— Семнадцатое.

— Ну, такъ вотъ: слѣдующаго мѣсяца, тоже семнадцатаго, приходи ко мнѣ, принеси полдюжины носовъ турецкихъ—твои пистолеты будутъ, а еще полдюжины принесешь, такъ и...

Онъ вскинулъ глаза на хозяйку, но та уже шмыгнула въ другую комнату, откуда слышалось громыханье посудою и веселое хихиканье красивой черногорки.

— Смотри, только отъ слова не отказывайся!—услышалъ Лео произнесенную сквозь смѣхъ ея фразу.

— Я въ шутку... Ты чего не подумай; что касается пистолетовъ, то правда: приноси носы—твои будутъ. Ну, подзакусили—пора ужинать.

Темнѣло; подкинули сухихъ дровъ въ огонь; по потолку, по стѣнамъ забѣгали красноватые отблески, заискрились блестки на развѣшенномъ оружіи, на закопченой, почернѣвшей металлической ризѣ какого-то образа. Хозяинъ приперъ наружную дверь и перешелъ съ гостемъ во внутреннее помѣщеніе, гдѣ стоялъ накрытый для ужина столъ, а вдоль стѣнъ двѣ постланныя кровати, одна широкая, двуспальная, а другая по-меньше, съ подставленнымъ подъ нее сундукомъ вмѣсто сломанной ножки. Поужинали, закурили трубки. Опять принялся Митро Бѣловъ за политику, а у Лео уже глаза слипались, такъ ко сну клонило; не разъ онъ уже взглядывалъ на постель и все недоумѣвалъ: неужто-же его здѣсь положатъ такъ-таки въ одной комнатѣ съ хозяйской четой...

— А что насчетъ француза, такъ у него теперь одно только на умѣ, какъ бы не упустить случая и съ берлинскимъ нѣмцемъ разсчитаться; ему теперь не до насъ, не до Турціи. Совсѣмъ уже не то, что прежде, въ пятьдесятъ третьемъ году было,—трактовалъ Митро Бѣловъ.

вины его разсказа.

Выждалъ онъ, когда хозяинъ на минуту замолчалъ, всталъ, прошелъ черезъ первую горницу, гдѣ ужъ чуть догорали остатки огня, ощупью отодвинулъ дверной засовъ и вышелъ на улицу, гдѣ его тотчасъ встрѣтилъ Даніель вопросомъ:

— А что, господинъ руссъ, завтра услуги мои и моего Бирбоне вамъ не понадобятся?

— Нѣтъ. Сколько тебѣ слѣдуетъ за проѣздъ?

— Четыре дуката. Но мнѣ уже заплатили впередъ, въ Катаро, и если господинъ руссъ будетъ такъ добръ...

Лео вынулъ свой свертокъ, досталъ дукатъ и протянулъ его далматинцу.

— Ого! — невольно вскрикнулъ онъ, не ожидая такого щедраго подарка на водку.—Signor il conte всегда можетъ разсчитывать на услуги его покорнѣйшаго слуги, Даніеля... Покойной ночи.

Вернулся Лео въ комнату, а хозяинъ уже совсѣмъ раздѣлся, легъ подъ одѣяло и указалъ гостю на одиночную постель. Стала и хозяйка снимать свою одежду.

«Экая простота нравовъ, хоть-бы огонь потушили!» подумалъ Лео, соображая, начать-ли и ему самому раздѣваться или ужъ лечь такъ, въ полномъ одѣяніи.

А красавица уже все съ себя поснимала, осталась въ одной сорочкѣ.

— Раздѣнься и ты; спокойнѣе спать будешь. Здѣсь вѣдь тепло,- -замѣтила она Лео.

— А и вправду раздѣнься; что сапогами бѣлье пачкать,— замѣтилъ съ своей стороны и хозяинъ.

— Ничего, я привыкъ по-походному, — не рѣшался Лео послѣдовать ихъ совѣту и, снявъ только опанки, натершіе ему чуть не до крови ноги, и разстегнувъ сюртукъ, повалился на постель, цѣломудренно повернулся къ стѣнѣ лицомъ, и черезъ минуту Митро Бѣловъ съ своей женой услышали ровное, здоровое сопѣнье уснувшаго гостя.

— Малый простой, добрый, и юнакъ будетъ хорошій,— сдѣлалъ свое заключеніе Митро Бѣловъ.

— Какой онъ красивый,—замѣтила и хозяйка.—Да, ну, что ты!—чуть не вскрикнула она, почувствовавъ изрядный-таки толчокъ мужнина кулака въ бокъ.

— Я его къ Лазарю Сочицѣ направлю, тамъ ему хорошо будетъ. Завтра отсюда нашихъ двое ѣдутъ къ нему—съ ними и отпущу,—рѣшилъ воевода, зѣвая во весь ротъ.—Туши лампу!

Въ спальнѣ воцарился непроницаемый мракъ, подъ потолкомъ загудѣли встревоженныя этою неожиданностью мухи.

XV.

Рагуза.

Рагуза, или старый славянскій Дубровникъ,—одинъ изъ самыхъ живописныхъ городовъ прибрежной полосы Далмаціи. Приближаясь къ городу съ моря, путешественники видятъ только горные склоны, идущіе уступами все выше и выше, покрытые бархатистою темною зеленью пихтовыхъ лѣсовъ. Кое-гдѣ только въ группахъ зелени разбросаны домики, ихъ цвѣтныя, оригинальныя крыши, украшенныя бельведерами, рѣшетками, шпилями и всякими дачными затѣями, красиво пестрятъ общій фонъ пейзажа, напоминая путешественнику, что здѣсь, на этихъ горныхъ склонахъ, въ тѣни садовъ, пріютилась жизнь довольная, счастливая, не блещущая особенною роскошью, но зато пользующаяся лучшимъ изъ благъ—превосходнымъ, здоровымъ климатомъ. Съ одной стороны отлогія горы, съ другой — море съ его тихими заливами, природными гаванями, въ которыхъ могли-бы пріютиться корабли всѣхъ націй удобнѣе, чѣмъ во всякомъ искусственномъ докѣ.

Лѣнивый и довольствующійся малымъ славянинъ, такой-же лѣнивый, хотя и вѣчно недовольный итальянецъ, сухой педантъ, формалистъ, вѣчно затянутый въ струнку австріецъ — вотъ главные элементы здѣшняго населенія. Духа предпріимчивости нѣтъ вовсе, жизнь сложилась, вошла въ свои опрятныя, разъ и навсегда очерченныя рамочки, сложилась уже давно, десятки лѣтъ тому назадъ, да такъ и замерла, изобразивъ изъ себя красиво скомпанованную, пестренькую такую, веселенькую, живую картинку, гдѣ все шероховатое, выдающееся, рѣзкое сглажено и приведено въ казарменный, казенный порядокъ костлявою рукою австрійскаго педанта.

Пристани, на которыхъ вы должны высадиться, желая попасть въ Рагузу, тянутся вдоль сѣвернаго берега залива Гравоза; здѣсь почти во всякое время года путешественникъ можетъ видѣть сотни пароходовъ и парусныхъ судовъ, тѣснящихся вдоль берега или плавно рѣжущихъ спокойныя, синія воды Адріатики; на площадкѣ, недалеко отъ пристани, гдѣ выстроены казенныя зданія — таможня съ ея канцеляріями и службами,—путешественниковъ окпдаютъ элегантныя легкія

коляски и фаэтоны, двухколесныя повозки, запряженныя мулами и ослами, для багажа, и десятки мускулистыхъ рукъ смуглыхъ, вѣчно суетящихся, свирѣпо атакующихъ ваши сундуки и чемоданы носильщиковъ.

Отъ пристани, поднимаясь полого въ гору, ведетъ превосходное, довольно широкое шоссе. Покойно катится по немъ нанятая вами коляска, поднимая облако тонкой, бѣловатой пыли. Справа и слѣва тянутся сады и пихтовыя рощи, изъ-за каменныхъ стѣнъ и легкихъ рѣшетокъ свѣшиваются обремененныя плодами вѣтви персиковъ, абрикосовъ, сливныхъ и черешневыхъ деревьевъ, преимущественно послѣднихъ, за ними мелькаютъ балконы и террассы загородныхъ домиковъ, откуда вы легко можете услышать безцеремонно обращенное къ вашей личности замѣчаніе и радушное привѣтствіе. Все это сразу производитъ на васъ пріятное впечатлѣніе, заставляющее васъ забывать о томъ, что вы имъ совершенно чужой, Богъвѣсть откуда занесенный сюда; вы скоро начинаете чувствовать себя какъ дома; вамъ становится тепло, отрадно, уютно, какъ-то по душѣ, и если что портитъ нѣсколько это общее впечатлѣніе, такъ это ненавистныя, приторно-казенныя, автоматическія фигуры «тедеско», являющіяся здѣсь въ видѣ какихъ-то рѣжущихъ глазъ и ухо диссонансовъ.

Минутъ десять, много четверть часа ѣзды по шоссе, и вы уже въ городѣ, т. е. это собственно еще не настоящій городъ, который, окруженный старою крѣпостною оградою, виденъ уже влѣво; но вамъ собственно еще туда и не надо, вся неоффиціальная жизнь сосредоточена не тамъ, а именно здѣсь, на площадкѣ «Пиль», обстроенной довольно высокими, живописными зданіями старинной архитектуры, съ высокими черепичными крышами, съ затѣйливыми дымовыми трубами, съ мансардами и безчисленными слуховыми окнами, съ фасадами, украшенными висячими балконами, террассами съ маленькими окнами, защищенными рѣшетчатыми зелеными жалюзи, съ вьющимся по обсыпавшейся, пятнистой штукатуркѣ стѣнъ плющемъ и виноградомъ, съ старыми развѣсистыми каштанами впереди, бросающими густую тѣнь на тротуары, заставленные скамейками и столиками. Большая часть времени проводится на улицахъ, въ тѣни этихъ каштановъ, а потому все здѣсь приспособлено къ той уличной, чисто-внѣшней жизни, которую

ведетъ житель юга на открытомъ воздухѣ, подъ раздольнымъ сводомъ своего вѣчно голубого неба.

Налѣво отъ въѣзда на площадку Пиль, нѣсколько въ сторонѣ, видна лучшая и популярнѣйшая гостинница города съ надписью на своемъ фронтонѣ «Мирамаръ», напоминающей о чудномъ островѣ Адріатики того-же имени и о его замкѣ, одномъ изъ лучшихъ дворцовъ міра, — о томъ замкѣ, коронованный владѣлецъ котораго палъ подъ пулями солдатъ Хуареса.

Гостинница съ этою надписью представляетъ собою довольно красивое двухъэтажное зданіе, почти въ современномъ стилѣ, съ мезониномъ и бельведеромъ, съ національнымъ флагомъ, развѣвающимся на высокомъ, гибкомъ флагштокѣ. Передъ гостинницей роскошная группа кудреватыхъ пихтъ, издающихъ пріятный смолистый запахъ; вдоль стѣнъ, по сторонамъ подъѣзда, живописно вырисовываются миртовыя деревца и черешни, охвативъ все зданіе тѣнистымъ садомъ, на дорожкахъ и площадкахъ котораго манятъ и возбуждаютъ аппетитъ путешественника покрытые пестрыми скатертями сервированные столики.

Рядомъ съ этой гостинницей, недалеко отъ нея,—помѣстилась другая, надъ самымъ берегомъ моря, защищеннымъ фортомъ «Рояль». Въ саду этой гостинницы, послѣ полудня, когда спадаетъ денной жаръ, ежедневно слышна военная музыка. Тамъ собираются для своего послѣобѣденнаго кейфованія, и вы можете въ какіе-нибудь два-три дня, сидя за чашкою чернаго кофе, ознакомиться чуть не со всѣмъ мѣстнымъ и наѣзжимъ обществомъ города. Гостинница эта служитъ чѣмъ-то вродѣ городского клуба, въ который сходятся граждане и ихъ семейства послушать недурную, а, главное, даровую музыку.

Съ площадки Пиль, нѣсколько влѣво, идетъ дорога, соединяющая эту часть города со старою, окруженною крѣпостными верками; въ эту часть, за тунель крѣпостныхъ воротъ, оберегаемыхъ австрійскимъ пѣхотнымъ карауломъ, въѣздъ въ экипажахъ и на лошадяхъ не дозволяется,—надо идти пѣшкомъ. Когда вы войдете въ ворота и минуете караульное зданіе, вы попадаете въ широкую и не длинную улицу, обстроенную высокими, тѣсно прижавшимися другъ къ другу зданіями. Странное впечатлѣніе производятъ на васъ эта улица и замыкающая ихъ площадь «Страдоне», особенно вечеромъ, когда всѣ эти

безконечные ряды оконъ ярко освѣщены и магазины нижнихъ этажей выставляютъ на-показъ всѣ свои произведенія. Вамъ кажется, что вы находитесь въ какомъ-то громадномъ залѣ, потолкомъ котораго служитъ темно-синее небо, ярко усѣянное сверкающими звѣздами; отсутствіе экипажей и лошадей, ровная плитная мостовая безъ тротуаровъ—все это еще болѣе усиливаетъ это сходство. Въ лѣвомъ первомъ углу Страдоне стоитъ древній соборъ безукоризненной готической архитектуры; подъ его высокими сводами глухо гудятъ трубы органа, слышно побрякиваніе священнаго колокольчика и гнусливое причитаніе ожирѣлаго патера, призывающее къ посту, къ молитвѣ, къ покаянію, причитаніе, обращенное къ пустымъ рядамъ темныхъ дубовыхъ скамеекъ съ аналоями и высокими готическими спинками; въ противоположномъ углу виденъ двубашенный фронтонъ іезуитской церкви, конкурирующей съ *соборомъ* и начинающей, къ великой досадѣ публики, свои вечерни именно въ ту самую минуту, когда у гостинницы Рояль раздаются первые звуки трубъ военной музыки.

За Страдоне, на противоположномъ къ входу фасадѣ, видно снова море, къ водамъ котораго ведутъ широкія ступени лодочной пристани... Видъ на эту пристань, съ торчащими изъ-за ея барьера мачтами, снастями и трубами пароходовъ, съ этою полоскою синяго моря на заднемъ фонѣ, обрамленной справа и слѣва фасадами высокихъ домовъ, чрезвычайно напоминаетъ обрамленный кулисами задній планъ театральной декораціи, только безъ верхнихъ потолочныхъ радугъ; такъ вотъ и кажется, что сейчасъ изъ-за угла этой іезуитской церкви появятся пѣвцы, станутъ позировать и услаждать слухъ зрителя самыми высоко-гимнастическими руладами.

Проѣхавъ отъ первой большой пристани залива Гравоза по шоссе, миновавъ Пиль съ его живописными улицами и двумя гостинницами, войдя въ крѣпостныя ворота и черезъ Страдоне приблизившись къ второй пристани, вы ознакомитесь уже со всѣмъ городомъ, по крайней мѣрѣ, съ его внѣшнею стороною, а потому, познакомивъ читателя, по моему мнѣнію, совершенно достаточно съ этимъ населеннымъ пунктомъ адріатическаго прибрежья, игравшимъ и играющимъ въ настоящую минуту такую важную роль въ современныхъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, я кончаю внѣшнее описаніе города и перехожу къ своему разсказу.

XVI.

«Враги».

Это былъ часъ прибытія почтово-пассажирскаго парохода «Дельфино», общества австрійскаго Ллойда, по преимуществу снабжающаго отели Рагузы пассажирами, любящими комфортъ и не жалѣющими денегъ ради этого комфорта.

Кучера на козлахъ фіакровъ, вытянувшихся въ линію вдоль набережной, встрепенулись, заслыша звонокъ причаливающаго судна, подобрали возжи и впились глазами въ промежутокъ между двумя тощими фигурами австрійскихъ полиціантовъ при выходѣ съ мостика, гдѣ должны были показаться элегантные головные уборы артистократическихъ пассажировъ и ихъ грузный багажъ на согнутыхъ спинахъ матросовъ-носильщиковъ.

Генри Карлейль ступилъ на сходни однимъ изъ первыхъ, изобразилъ въ воздухѣ какой-то сигналъ наконечникомъ своей палки и, спустивъ на лицо зеленый вуаль, обвязанный вокругъ тульи его соломенной шляпы, — необходимая предосторожность отъ тонкой шоссейной пыли, — покойно усѣлся въ коляску, не забывъ, конечно, вытянуть свои длинныя ноги чуть не на самыя козла къ кучеру.

Тощія, легкія, довольно красивыя, на-диво вычищенныя лошаденки горячо подхватили, и фіакръ понесся къ городу, ловко лавируя между экипажами.

На полъ-пути ему встрѣтилась небольшая кавалькада, два-три австрійскихъ офицера и амазонка, блондинка, типа вѣнскихъ камелій, графиня Монте-Азуро, какъ ее здѣсь величали, съ дежурною смѣною своихъ поклонниковъ.

Карлейль зналъ ихъ всѣхъ, они тоже хорошо его знали, а между тѣмъ ни та, ни другая сторона не обмѣнялись никакими знаками привѣтствій. Джентльменъ не измѣнилъ своей позы, не кивнулъ даже головой, кавалеристы приняли на сѣдлахъ страшно воинственныя, вызывающія позы, амазонка покраснѣла отчего-то и потупилась, ни за что, ни про что вытянувъ хлыстомъ разбитую, бракованную клячу.

Коляска, быстро миновавъ шоссе, неслась уже по городской

площади и, круто повернувъ влѣво, ловко остановилась передъ подъѣздомъ «Мирамара».

Хозяинъ гостинницы, сербъ Митровичъ, высокій, статный мужчина, съ бюрократическими подкрашенными бакенами, въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ европейскаго покроя, лично встрѣтилъ пріѣзжаго, даже помогъ ему выйти изъ экипажа и сообщилъ, что по первой телеграммѣ, полученной изъ Катаро, онъ распорядился очистить любимые апартаменты высокоуважаемаго посѣтителя, но не могъ предупредить одного обстоятельства, можетъ быть, для этого посѣтителя нѣсколько непріятнаго.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ его Карлейль, проходя аллею каштановъ, ведущую къ подъѣзду.

— Господинъ Квелли здѣсь, — отвѣчалъ Митровичъ;—онъ живетъ въ городѣ уже больше двухъ недѣль и помѣстился какъ-разъ рядомъ съ комнатами, приготовленными для васъ.

— Это все равно, — успокоилъ хозяина Генри Карлейль и, быстро поднявшись по лѣстницѣ, вошелъ въ отведенныя ему комнаты.

Хорошенькая горничная распахнула ему настежъ обѣ половинки дверей и стремглавъ кинулась вытирать со столовъ и зеркалъ пыль, существовавшую, впрочемъ, только въ ея воображеніи. Въ комнатѣ было такъ прохладно, уютно, чисто, что Генри не безъ удовольствія снялъ свою шляпу, распуталъ вуаль, постоялъ минуту передъ отвореннымъ окномъ, откуда несло смолистымъ запахомъ недавно распустившейся листвы, и потребовалъ одѣваться.

— Позволите мнѣ прислуживать или позвать мужчину?— лукаво улыбаясь, произнесла далматинка оправляя свои бѣлые, какъ горный снѣгъ, рукавчики.

— Позовите мужчину, — улыбнулся, въ свою очередь, старый джентльменъ.

— Я вамъ пошлю стараго урода Яна,—капризно проговорила дѣвушка и, будто недовольная чѣмъ-то, вышла изъ комнаты.

— Вчера были мои имянины, день святой Лукреціи, — сообщила она, пріостановившись на порогѣ.

— А!.. я и не зналъ.

Карлейль поспѣшно досталъ золотую монету и положилъ на столъ.

— Не надо, — покачала головой Лукреція или, какъ ее звали здѣсь сокращенно, «Лука». — Мнѣ вчера довольно далъ этотъ джентльменъ, что рядомъ съ вами,—Квелли.

— Ого!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! я не возьму отъ него ничего, я пошутила, я на него зла, очень зла, и знаете, за что?

— Не знаю.

— За то, что онъ не любитъ васъ... О, santa Maria! какъ онъ васъ не любитъ! Ахъ, какъ онъ васъ бранитъ! Что онъ еще вчера за обѣдомъ громко на весь столъ кричалъ! При всѣхъ кричалъ... И хозяинъ слышалъ, и синьоръ Морели, еще эта крашеная графиня, она тоже слышала и смѣялась. Я ей за это нарочно грязную тарелку подсунула... Ахъ, вы вѣдь не знаете еще, какая исторія случилась съ этою графинею... третьяго дня — нѣтъ, кажется, четвертаго — около большого собора лейтенантъ Мейенкранцъ, высокій, съ усиками...

— Ну, хорошо, хорошо, послѣ доскажешь. Ступай и позови своего грязнаго урода Яна!

— И позову!

Хорошенькое, полное личико Луки весело улыбнулось еще разъ въ темномъ промежуткѣ растворившихся дверей и скрылось. Сэръ Генри Карлейль занялся своей дорогой сигарою, тщательно обрѣзавъ ея кончикъ крохотною гильотиною-брелокомъ.

А самъ хозяинъ Митровичъ тѣмъ временемъ уже успѣлъ навѣдаться къ сосѣду.

— Я долженъ извиниться передъ вами, господинъ Квелли,— говорилъ онъ, понизивъ голосъ и косясь на запертую и заставленную даже зеркаломъ боковую дверь, — по поводу не совсѣмъ пріятнаго для васъ сосѣдства. Это случилось такъ неожиданно и совершенно противъ моей воли...

— Это все равно,—въ свою очередь успокоилъ его Квелли и тоже потребовалъ одѣваться.

И такъ, подъ одной и той-же крышею гостинницы Мирамара, раздѣленные другъ отъ друга только стѣною, даже не капитальною, въ данное время находились два человѣка, для которыхъ это взаимное сосѣдство было, по мнѣнію окружающихъ, *большою непріятностью*, хотя оба они отнеслись, пови-

димому, равнодушно къ факту случайнаго сосѣдства, оба сказали: *это все равно*, но, смѣю думать, оба они, говоря одну и ту-же фразу, были не совсѣмъ искренни.

Прошу позволенія у читателей отступить нѣсколько отъ нити разсказа и въ короткихъ словахъ очертить личности, характеръ воззрѣній и дѣятельности той и другой стороны.

Внѣшность сэра Генри Карлейля вамъ уже извѣстна; судьбѣ угодно было одарить м-ра Квелли наружностью совершенно противоположной: небольшого роста, нѣсколько ожирѣлый, съ толстою, короткою шеею, располагающею къ параличу, почти лысый, стекловидный, съ сильно выпученными глазами, съ гладко-обритымъ подбородкомъ и съ короткою щетиною рыжихъ усовъ, прикрывающихъ верхнюю губу,—онъ производилъ своимъ видомъ не совсѣмъ пріятное, даже нѣсколько отталкивающее впечатлѣніе.

Карлейль былъ корреспондентъ «Daily News», Квелли—газеты «Times». Оба они въ то-же время были главными агентами и уполномоченными отъ своихъ органовъ на Балканскомъ полуостровѣ, оба они были снабжены отъ своихъ редакцій весьма солидными средствами, но Карлейль имѣлъ свое собственное, весьма крупное состояніе и не жалѣлъ расходовъ; Квелли не могъ въ этомъ случаѣ съ нимъ конкуррировать и это подчасъ доставляло ему не мало непріятностей.

Оба они были страстно заинтересованы восточнымъ вопросомъ и тѣмъ острымъ направленіемъ, которое принялъ онъ въ настоящее время. Оба они разсматривали этотъ вопросъ исключительно со стороны британскихъ интересовъ, но... тутъ-то, отъ этой общей точки соприкосновенія, и начинался полный разладъ въ образѣ мыслей и дѣйствій той и другой стороны.

М-ръ Квелли думалъ и дѣйствовалъ такъ: онъ убѣжденъ былъ, что ради величія, спокойствія и силы Англіи *лакомый кусокъ* долженъ принадлежать ей одной и никому больше; онъ, впрочемъ, не мечталъ о завоеваніяхъ и новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ; онъ даже говорилъ, что на англійской шеѣ довольно уже сидитъ всякой полудикой сволочи (Квелли очень любилъ рѣзкія выраженія); по его мнѣнію, можно было царить и извлекать пользу и безпрепятственно, и безконтрольно, не принимая на себя никакихъ обязательствъ и

отвѣтственности; онъ былъ того мнѣнія, что можно выгребать каштаны изъ горячей золы чужими руками, и руки турокъ м-ръ Квелли находилъ чрезвычайно удобными для такого практическаго дѣла. Отстраненія или даже ослабленія этихъ полезныхъ рукъ м-ръ Квелли не допускалъ никоимъ образомъ; все, что могло дѣйствовать въ этомъ направленіи, онъ принималъ слишкомъ близко къ сердцу и считалъ какъ-бы личною для себя обидою.

Съ двухъ торговыхъ фирмъ м-ръ Квелли получалъ пять процентовъ съ общей суммы повышенія турецкихъ бумагъ, входящихъ въ оборотный капиталъ фирмъ, если таковое повышеніе окажется на лондонской биржѣ. Вотъ уже скоро годъ, какъ м-ръ Квелли не могъ ничего записать себѣ на приходъ въ эту графу; возстаніе бѣдной герцеговинской райи подорвало турецкія бумаги и онѣ стали все падать и падать; эти подлые, неспокойные христіане положительно обкрадывали м-ра Квелли; онъ ненавидѣлъ райю не менѣе самаго яраго мусульманскаго фанатика. Онъ уже писалъ не разъ въ Лондонъ и не разъ совѣтовалъ въ Константинополѣ припять самыя энергическія мѣры къ подавленію возстанія. Нѣсколько изъ его статей «Times» не рѣшился даже напечатать и даже однажды послалъ своему корреспонденту замѣчаніе, нѣсколько охлаждающее его ужъ слишкомъ пылкіе и рьяные туркофильскіе пріемы.

Сэръ Генри Карлейль былъ также ярый партизанъ англійскаго обладанія *лакомымъ кускомъ*, тоже не прочь былъ отъ выгребанія каштановъ чужими руками, но выгребанія облагороженнаго, которое отнюдь не шло-бы въ разладъ съ великими идеями человѣчности и нравственныхъ началъ. Турецкія руки для этой высокой цѣли онъ считалъ слишкомъ грязными, а поэтому вовсе не стоялъ за цѣлость и неприкосновенность этихъ рукъ. Руки славянскія онъ считалъ несравненно болѣе удобными, надо было только, по его мнѣнію, вызвать въ средѣ христіанъ полную симпатію и довѣріе къ Англіи, надо было убѣдить ихъ, что только отсюда балканскіе христіане могутъ получить всѣ желанныя блага, а не усиливать уже существующее нерасположеніе безтактной, близорукой туркофильской политикою, имѣющей въ скоромъ времени превратить это затаенное нерасположеніе въ открытую и непримиримую ненависть.

Генри Карлейль успѣлъ во-время изъять свои капиталы изъ турецкихъ фондовъ и не страдалъ нисколько отъ ихъ пониженія.

Мистеръ Квелли ненавидѣлъ Россію и все русское, ибо видѣлъ въ ней заклятаго, стараго врага всѣмъ своимъ завѣтнымъ мечтамъ и цѣлямъ. Онъ считалъ Россію страною самыхъ дикихъ варваровъ, сравнительно съ цивилизаціею которыхъ турецкая цивилизація стоитъ неизмѣримо высоко.

Сэръ Генри Карлейль относился къ Россіи гораздо спокойнѣе и снисходительнѣе и даже не отказывалъ ей въ будущемъ, но онъ считалъ ее страною добрыхъ, недальновидныхъ, крайне простоватыхъ аркадскихъ пастушковъ, вовсе не сознающихъ своей силы, не подозрѣвающихъ даже ея существованія, а потому вовсе неопасныхъ для англійскаго могущества на Востокѣ. Онъ даже симпатизировалъ нѣкоторымъ чертамъ русскаго характера и связь между ними и балканскими христіанами объяснялъ исключительно религіозной солидарностью.

Квелли, получая пособія для пострадавшихъ, собранныя въ конторахъ своей редакціи, исключительно спѣшилъ на помощь къ мусульманамъ и пособія эти частенько, *за отсутствіемъ страдальцевъ*, шли на улучшеніе пищи иррегулярныхъ турецкихъ бандъ и на подарки ихъ вождямъ, наиболѣе отличавшимся подвигами *усмиренія и подавленія*.

Карлейль организовалъ въ широкихъ размѣрахъ цѣлую систему пособій пострадавшимъ христіанамъ и очень ловко умѣлъ ставить тѣмъ на видъ источники этихъ пособій и умѣренность таковыхъ-же со стороны Россіи; но онъ никогда не ставилъ этого Россіи въ упрекъ; напротивъ, онъ говорилъ, что даже тому, что есть, крайне удивляется, и рисовалъ передъ слушателями картины бѣдной, забитой, полуголодной русской жизни, съ тактомъ оттѣняя при этомъ богатство, силу, вліяніе и неоспоримое превосходство Англіи. Онъ даже въ письмахъ къ Лео дѣлалъ не разъ довольно ясные намеки въ этомъ родѣ.

Если имъ обоимъ приходилось присутствовать при разборѣ какой-нибудь тяжбы между христіаниномъ и туркомъ, Карлейль обязательно принималъ сторону перваго; Квелли, конечно, принималъ сторону второго. Оба они при этомъ часто не считали нужнымъ справиться даже съ сущностью тяжебнаго дѣла.

Карлейль всегда готовъ былъ оказать покровительственную услугу всякому волонтеру, всякому искателю приключеній, направлявшемуся въ лагерь повстанцевъ; онъ имъ давалъ деньги, снабжалъ документами, рекомендательными письмами, не упуская при этомъ намекнуть на англійскій источникъ покровительства.

Квелли дѣлалъ то-же самое, но только для разныхъ польскихъ и венгерскихъ рыцарей, направляя ихъ для организаціи башп-бузукскихъ отрядовъ. Онъ тщательно разузнавалъ все, что дѣлается въ отрядахъ боснійскихъ и герцеговинскихъ усташей, и увѣдомлялъ обо всемъ узнанномъ Мухтара-пашу и его генераловъ.

Карлейль дѣлалъ то-же самое, но относительно воеводъ Лазаря Сочицы, Пеко Павловича и другихъ вождей народнаго воинства.

Квелли занимался этимъ открыто и потому терпимъ былъ на австрійской территоріи и имѣлъ свободный проѣздъ по турецкимъ владѣніямъ, гдѣ всегда встрѣчалъ радушный пріемъ и подобострастное вниманіе.

Карлейль тоже не особенно старался маскировать свои дѣйствія, и потому, хотя и былъ терпимъ на австрійской территоріи, но показать носъ за предѣлы этой территоріи, безъ особенно важныхъ причинъ, не рисковалъ, даже подъ прикрытіемъ своего, присланнаго изъ Константинополя, открытаго листа съ печатью Абдулъ-Азиса.

Оба они точно также тщательно слѣдили другъ за другомъ, но, къ чести корреспондента «Daily News», онъ только принималъ къ свѣдѣнію нѣкоторые неблаговидные поступки своего соотечественника. Квелли-же вѣчно надоѣдалъ съ жалобами на Карлейля всѣмъ мѣстнымъ крупнымъ властямъ и доносилъ о немъ въ Лондонъ, прося редакцію обратиться за содѣйствіемъ къ высшимъ правительственнымъ сферамъ.

Квелли бранилъ своего противника за глаза на каждомъ шагу и не разу не рискнулъ сдѣлать это въ его присутствіи; тогда онъ молча углублялся въ чтеніе, принимая видъ человѣка, занятаго дѣломъ и будто не замѣчающаго, кого судьба послала ему въ сосѣдство.

Карлейль ни разу не позволилъ собѣ бранить или неприлично выражаться о мистерѣ Квелли за глаза, щадя въ немъ

достоинство англійской націи; но разъ, по поводу одного, слишкомъ ужъ возмутительнаго случая, онъ просто подошелъ къ Квелли и спокойно, совершенно равнодушнымъ тономъ замѣтилъ ему, что онъ негодяй и мараетъ честь англійскаго имени.

Мистеръ Квелли такъ былъ пораженъ этою выходкой, что не нашелся ничего отвѣтить въ минуту сильнаго возбужденія.

Черезъ нѣсколько времени его пріятель, австрійскій полковникъ, видѣвшій Карлейля *разговаривающимъ* съ мистеромъ Квелли, но не слыхавшій предмета *разговора*, полюбопытствовалъ узнать, о чемъ шла рѣчь.

— Онъ сообщилъ мнѣ одно пренепріятное биржевое извѣстіе,—едва оправившись отъ душившаго его волненія, отвѣчалъ побагровѣвшій Квелли.

Долго соображалъ оскорбленный, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ, и кончилъ свои соображенія тѣмъ, что послалъ Карлейлю письмо, наполненное чуть не площадными ругательствами. Письмо это было получено имъ обратно нераспечатаннымъ.

Мистеръ Квелли, узнавъ о безпорядкахъ въ Катаро (провозъ пороха,—сцена, описанная мною въ одиннадцатой главѣ моего романа), тотчасъ-же полетѣлъ къ генералъ-губернатору Іовановичу и въ самыхъ яркихъ краскахъ изобразилъ тому всю безтактность и политическое неприличіе поведенія корреспондента газеты «Daily News».

— Я уже знаю обо всемъ этомъ изъ письма Карлейля,—спокойно отвѣчалъ ему сѣдой генералъ.—Повѣрьте мнѣ, дѣло не стоитъ выѣденнаго яйца и я совѣтую вамъ объ этомъ вовсе не безпокоиться.

Взбѣшенный вышелъ Квелли изъ пріемной генералъ-губернатора и цѣлый вечеръ скрипѣлъ перомъ для передачи по телеграфу безконечно-длинной корреспонденціи.

Сегодня, рано утромъ, онъ послалъ важную телеграмму въ Лондонъ, долженствующую, по его мнѣнію, непремѣнно поднять на биржѣ турецкія бумаги. Онъ не зналъ, что полякъ-телеграфистъ тотчасъ-же увѣдомилъ объ этомъ Карлейля, который не замедлилъ послать другую телеграмму, діаметрально-противоположнаго свойства.

Онъ видѣлъ, впрочемъ, какъ грязный уродъ Янъ бѣжалъ

по направленію телеграфной станціи съ клочкомъ бумаги въ рукахъ и черезъ четверть часа вернулся оттуда съ запискою, адресованною на имя Квелли, въ которой тотъ-же чиновникъ увѣдомлялъ его, въ свою очередь, о телеграммѣ Генри Карлейля.

Квелли недоумѣвалъ и выходилъ изъ себя, посылая мысленно тысячи проклятій на сѣдую голову почтеннаго джентльмена; онъ рѣшилъ не выходить на общую площадку къ обѣду, во избѣжаніе непріятной встрѣчи, и распорядился приказать принести ему обѣдъ въ комнату.

Сэръ Генри Карлейль былъ очень спокоенъ и даже находился въ довольно веселомъ настроеніи духа. Нисколько не смущаясь встрѣтиться съ своимъ сосѣдомъ за обѣденнымъ столомъ и надѣвъ безукоризненно-чистое бѣлье, напѣвая сквозь зубы отрывокъ изъ какой-то аріи, онъ солидно направился подъ каштаны, любезно раскланиваясь съ своими многочисленными знакомыми.

Оба они одновременно, незнакомые другъ съ другомъ, выѣхали изъ Лондона; оба они, и во время пути, и уже здѣсь, избѣгали тщательно взаимныхъ представленій другъ другу, не размѣнялись даже визитными карточками; оба не сказали другъ съ другомъ ни одного слова, за исключеніемъ, впрочемъ, *сообщенія непріятнаго биржевого извѣстія.*

Ихъ политическая рознь, превратившаяся скоро въ явную и безпощадную борьбу, замѣчена была всѣми, чуть не въ первую-же недѣлю; надо сказать, впрочемъ, что большинство симпатій было на сторонѣ сэра Генри Карлейля.

За обѣдомъ Генри получилъ письмо отъ Лео, въ которомъ тотъ яркими красками описывалъ своему другу и покровителю пріемъ, оказанный ему въ Цетиньи, и послѣдовавшую затѣмъ поѣздку въ станъ Лазаря Сочицы. Съ восторгомъ, доходящимъ до паѳоса, описывалъ онъ симпатичную наружность маститаго героя, съ неменьшимъ восторгомъ сообщалъ мельчайшія подробности своихъ приготовленій къ боевой жизни и просилъ справиться между прочимъ, нѣтъ-ли въ Рагузѣ или Катаро письма на его имя изъ Россіи.

Странное впечатлѣніе произвело это письмо на Генри Карлейля; оно по содержанію своему не было особенно интересно для корреспондента «Daily News», оно мало чѣмъ отличалось

и отъ двухъ предыдущихъ писемъ, а между тѣмъ джентльменъ пробѣжалъ это письмо нѣсколько разъ и, тщательно сложивъ бумагу, спряталъ въ грудной карманъ сюртука.

Грустная улыбка появлялась и исчезала на лицѣ старика во время чтенія письма Лео; послѣ чтенія онъ уже ни минуты не сидѣлъ подъ каштанами, всталъ, прошелся раза два по аллеѣ и отправился къ себѣ въ аппартаментъ, заперевъ за собою на ключъ массивныя орѣховыя двери.

Въ этотъ день и мистеръ Квелли получилъ письмо отъ одного изъ своихъ друзей. Ему писали изъ Мостара, что готовится экспедиція для доставки провіанта въ осажденный Никшичъ по дужскому ущелью; Хаки-паша, увѣдомляя своего друга—*англиса* объ этомъ походѣ, приглашалъ мистера Квелли сопутствовать, обѣщая ему массу разныхъ удовольствій: «я полагаю, писалъ турецкій генералъ,—что отъ *нашей прогулки* не поздоровится всей этой вооруженной шайкѣ собакъ, что засѣли въ горахъ», и что онъ самъ лично не будетъ особенно церемониться съ бунтовщиками и ихъ *пособниками*; слово «пособники» было подчеркнуто, да еще два раза.

Письмо это было написано по-французски однимъ изъ адъютантовъ генерала, но подъ его личную диктовку; внизу, подъ именемъ Хаки-паша, написанномъ французскими буквами такимъ образомъ: «Chaqi-pasha»—была оттиснута черная вензелевая печать генерала въ видѣ крайне замысловатаго арабеска.

Прочитавъ это письмо, м-ръ Квелли тотчасъ же отправилъ въ Лондонъ телеграмму, сообщавшую, что возстаніе въ Герцеговинѣ будетъ надняхъ подавлено окончательно, а осада Никшича *уже* снята, и сталъ собираться къ отъѣзду.

Онъ разсчитывалъ выѣхать завтра же съ первымъ отправляющимся въ Ризано пароходомъ.

XVII.

Вѣстовщики.

Здѣсь, наверху, день былъ ясный, довольно холодный. Солнечные лучи освѣщали ярко причудливыя, остроконечныя вершины «Черныхъ горъ»; угловатыя, иззубренныя временемъ и непогодами скалы отбрасывали рѣзкія, голубоватыя, прозрачныя тѣни. Далеко было видно кругомъ; вся чудная, необычайно

дикая панорама гигантской горной группы развертывалась передъ глазами, съ своими зіяющими разсѣлинами, сплошными залежами бѣлыхъ, блистающихъ на солнцѣ снѣговъ, съ темными, щетинистыми массами лѣсовъ, покрывающихъ юго-восточные склоны, съ узенькими, чуть замѣтными, змѣевидными тропинками, проложенными цѣпкими козами и не менѣе цѣпкими ногами пастуховъ-герцеговинцевъ. Прозрачный горный воздухъ позволялъ видѣть далеко вокругъ себя, такъ далеко, что житель долинъ не съумѣлъ бы приспособить своего непривычнаго глаза. Легко, привольно дышалось на такой высотѣ! Вѣдь это еще не была та высота, гдѣ разрѣженный воздухъ давитъ грудь, задерживаетъ дыханіе; снѣга, что залегли тамъ бѣлыми массами, не вѣчные снѣга; это еще остатки суроваго зимняго времени; они растаютъ скоро и слѣда мокраго по себѣ не оставятъ; они уже замѣтно начали таять подъ вліяніемъ весенняго солнца, образуя густые клубы паровъ, сползающихъ внизъ, нависшихъ надъ долинами сплошными тучами, заслонившими собою солнце. Тамъ, ниже этихъ тучъ, было сыро и пасмурно, моросилъ мелкій дождь, обливая голые камни, превращая почву въ топкую грязь, коверкая и безъ того трудно проходимыя, часто опасныя дороги, пробираясь струями сквозь худыя, продыравленныя кровли сакель и землянокъ бѣдняковъ горцевъ, смывая штукатурку съ бѣлыхъ колоннъ мусульманскихъ мечетей, съ этихъ островерхихъ минаретовъ, откуда такъ назойливо, враждебно рѣжутъ православное ухо полузамученнаго райи заунывные вопли муллы, деспота-мусульманина.

Тамъ внизу не на шутку разыгралось ненастье; все живое позагоняло подъ кровлю; а къ ненастью присоединилась еще и другая причина прятаться: слухи пошли по горамъ о приближеніи большихъ турецкихъ отрядовъ. Мухтаръ-паша прибылъ въ Мостаръ, велѣлъ со всѣхъ мѣстъ стягивать батальоны низама, собралъ не одну тысячу всякаго вооруженнаго сброда, многіе аги поднялись съ своими домочадцами, увеличивая собою шайки двуногихъ волковъ, что всегда готовы скалить зубы, какъ только кровью откуда-нибудь повѣетъ. Дружины Лазаря, попа Міялы, Пеко Павловича и другихъ крестовыхъ ратаевъ засѣли по черногорской грани, обложили тѣснымъ кольцомъ долину никшичскую и выходы въ Дугу заняли, заставивъ всѣхъ турокъ долины бросить свои поля и села и

попрятаться за стѣпами крѣпости, подъ защиту ея пушекъ. Не великъ гарнизонъ Никшича, не выстоять бы ему никогда передъ натискомъ вольныхъ дружинниковъ, да крѣпки и высоки его зубчатыя, старинныя стѣны съ башнями, глубоки рвы; хитро все это нагорожено и къ бою приспособлено; тутъ силою, натискомъ ничего не возьмешь, только много храбрыхъ даромъ погубишь. И хорошо это сознаютъ вожди народнаго возстанія; перехватили они только всѣ ходы и выходы, ждутъ себѣ сами надежнаго союзника, такого союзника, что всѣ преграды сами собой рушатся, ждутъ, когда голодъ проберется въ скученные ряды осажденныхъ и заставитъ ихъ сдаться самихъ и сдать свои неприступныя твердыни.

Ну, да это все внизу дѣлается, тамъ, куда теперь солнце не заглядываетъ; до всего этого дойдетъ еще очередь. Въ настоящую же минуту, наверху, наслаждаясь всѣми благами солнечнаго утра, на припекѣ у мшистаго камня спалъ мальчикъ-пастухъ, завернувшись съ головою въ бѣлую овчинную шкуру. Смотрѣть—сразу и не разберешь, что тамъ такое? Лежитъ себѣ спокойно бѣлый мохнатый комочекъ, только вѣтеръ легко шевелитъ курчавыми волосами, а внизу по скату, кое-гдѣ поросшему жиденькою весеннею травкою, бродятъ, цѣпляясь надъ кручами обрывовъ, прыгая черезъ глубокія трещины, такія-же бѣлыя, косматыя козы; мелодично позваниваетъ на одной изъ нихъ маленькій бубенчикъ; тощая сѣрая собака, на волка больше похожая, чѣмъ на пса, сидитъ, насторживъ уши, похлопываетъ своимъ отрепаннымъ хвостомъ, усаженнымъ колючками репейника, чуетъ кого-то приближающагося, но, должно быть, не врага, а друга, потому что не ворчитъ, и въ умныхъ глазахъ сторожевого пса такой добрый, ласковый огонекъ свѣтится.

По тропинкѣ, ловко карабкаясь вверхъ, мѣстами даже съ помощью рукъ, приближалась другая человѣческая фигура, тоже не изъ крупныхъ: худощавый, смуглый до черноты мальчикъ лѣтъ четырнадцати, въ рваной, старой черногорской даламѣ, видимо съ отцовскихъ плечъ, въ истоптанныхъ, но ловко подвязанныхъ опанкахъ, въ маленькой круглой шапочкѣ, изъ подъ которой вились и трепались по вѣтру длинныя, незнающія гребня пряди черныхъ, какъ уголь, волосъ. За плечами у мальчика висѣло длинное ружье съ тонкимъ граненымъ ство-

ломъ, съ оригинальной турецкой ложею, изъ которой давно уже повывалились перламутровыя и мѣдныя инкрустаціи; бѣлѣли только рейки и гнѣзда украшеній, сквозя черезъ переплетъ связывающихъ расщелившееся дерево ремешковъ и веревочекъ. Тонкую, нѣсколько длинноватую, гибкую талію молодого юнака обвивалъ полинялый турецкій пасъ, изъ-за складокъ котораго торчали шишкообразная рукоять и жестью окованный наконечникъ ятагана. Не малую дорогу, должно быть, сдѣлалъ мальчикъ и шелъ, надо полагать, скоро, времени не теряя; его смуглое лицо лоснилось отъ пота, губы пересохли, тощая грудь дышала учащенно, порывисто. Онъ подошелъ къ спавшему пастуху и безъ церемоніи толкнулъ его въ бокъ концомъ своего опанка.

— Встань, «Бѣлко»! Довольно спать!—проговорилъ онъ и съ помощью своего ружья полѣзъ на плоскую верхушку большого камня, гдѣ и расположился, прикрывъ глаза отъ солнца рукою и пристально всматриваясь вдаль, куда-то внизъ, по направленію Дужской долины.

Потянулся «Бѣлко» подъ своею овчиною, выглянули на свѣтъ божій его худенькія, босыя ноги, выглянуло и маленькое, заспанное лицо, изрытое оспою.

— Ты, Углякъ?!. Добре!.. произнесъ онъ, зѣвая во весь ротъ.

— Смотри въ ту сторону!—не оборачиваясь, не отрываясь отъ цѣли своихъ наблюденій, отвѣчалъ тотъ.—Вонъ *они*!.. Съ разсвѣтомъ видѣлъ... Ушли немного... растянулись, собаки!

— Смотрю и я!—зѣвнулъ еще Бѣлко и полѣзъ тоже на камень, хотя и отсюда ему очень хорошо было видно то, на что указывалъ его товарищъ-юнакъ.

Порывомъ вѣтра разорвало сплошную тучу; въ этой волнующейся завѣсѣ влажныхъ паровъ образовались просвѣты самыхъ причудливыхъ, быстро мѣняющихъ свои очертанія формъ, то открывая, то снова застилая синѣющую, глубоко лежащую долину Дуги. Трудно было на такомъ разстояніи разсмотрѣть, что такое дѣлается въ этой долинѣ, далеко внизу; только горцы могли видѣть то, чего не замѣтилъ-бы другой смертный невооруженнымъ глазомъ.

Углякъ—горецъ; онъ видѣлъ, и видѣлъ хорошо. Бѣлко тоже скоро нашелъ, что слѣдуетъ, и глаза мальчика заискрились живымъ огнемъ возбужденнаго до нельзя вниманія.

— Подожди! Пронесетъ тучу — видпѣе будетъ. Лѣвѣе поповой могилы, на холодную сторону гляди... Вонъ *они!*.. вонъ! Видишь?..

— Турки идутъ!

— То-то и есть турци! Да и не мало ихъ, проклятыхъ! Всю тропу заняли. За поповою могилою сворачиваютъ, до Брезня дойдутъ до ночи, а тамъ станутъ.

— Дальше не пройдутъ!

Углякъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, сѣлъ, вынулъ изъ-за паса кусокъ пшеничной галеты, произведеніе турецкаго военнаго интендантства, и съ аппетитомъ запустилъ въ нее свои молодые зубы.

— Табора два!—рѣшилъ Бѣлко.

— Можетъ больше... Хочешь?

— Свое есть!

— Это паша короткорослый, изъ Крстаца, съ своими Неджибъ!.. А то вонъ что?

— Топови *) тащатъ... Великія топови завелись нынче у турокъ, добре великія!

— А у *нашихъ* нема!

— Пришлютъ руссы — будутъ и у нашихъ... Смотри, смотри! то самъ паша съ арнаутами... Да и валитъ же ихъ! Чтобы ихъ *черная немочь* задавила!

— Надѣвай опанци!

— Добре!

Мальчикъ досталъ изъ разсѣлины свою обувь, присѣлъ и принялся за хитрую операцію опутыванія ногъ ремешками. Черезъ минуту было готово дѣло.

— Иди до Іуска, Іусекъ дойдетъ до Марко, Марко до Николы безрукаго, а ужъ тотъ до самаго Лазаря Сочицы. Въ ночь на мѣстѣ будетъ.

— А будетъ-же! Тамъ, вонъ за тѣмъ кустомъ, коза родитъ: стереги, чтобы орелъ не укралъ.

— Добре, съ Богомъ!

Сталъ мальчикъ спускаться съ горы; собака проводила его, только недалеко: ея дѣло здѣсь, при стадѣ оставаться, а не съ курьерами бѣгать; горный песъ-сторожъ свою службу знаетъ!

---

*) Пушки.

Углякъ на камнѣ остался и сталъ разуваться, чтобы дать ногамъ отдыхъ. Отошелъ Бѣлко шаговъ полтораста и назадъ вернулся.

— Чего тебѣ?!

— А ну, друже, пущи разъ съ своей пушки (ружья). Молю тебя—пущи разъ по турцамъ!..

Проситъ Бѣлко, а самъ съ такой завистью смотритъ на оружіе своего товарища, такъ и бѣгаютъ живые глазенки, сами собою маленькія руки къ обвязанному прикладу тянутся.

— Дурный!—ухмыльнулся Углякъ.—Не достигнетъ,—далеко!

— А може...

— Ну, иди, иди! гроза надвигается и время не терпитъ! Подростешь, будешь юнакомъ, у самого такое-же будетъ,—не безъ гордости произнесъ *юнакъ* и положилъ поперекъ колѣнъ свое допотопное оружіе.

Ушелъ Бѣлко.

А просидѣвъ съ полчаса неподвижно, оставшійся сталъ что-то соображать, измѣрять глазами, потомъ выбралъ камень, пуда въ два вѣсу, подкатилъ его къ обрыву и толкнулъ ногою. Глухо ударился камень о что-то пониже, подскочилъ, опять ударился, мелкіе осколки брызнули во всѣ стороны и тоже покатились внизъ; смяло по пути сухой кустъ, затрещали его надломленныя вѣтви... Внимательно всматривался *юнакъ* въ паденіе этого камня, дождался, когда тотъ совсѣмъ остановился, засѣвъ въ половинѣ горы, въ мягкій грунтъ марены, и рѣшилъ, что *не добре!*

Тогда онъ повторилъ свой опытъ, выбравъ другую точку отправленія, и снова остался недоволенъ результатами. Снова перемѣнилъ мѣсто Углякъ; съ помощью своего ружья, упираясь обѣими руками, обливаясь потомъ, сдвинулъ онъ довольно порядочную глыбу. Съ глухими раскатами покатилась глыба внизъ, увлекая за собою по пути мелкіе камни, поднимая пыль, ломая кусты, прокладывая замѣтный слѣдъ своимъ паденіемъ... Заволокло длинною, волнистою полосою тумана, не видно больше его, только трескъ и гулъ снизу, изъ-за этой полосы несутся. Выждалъ Углякъ, когда пораздуло вѣтромъ, порасчистило,—опять цѣлый рядъ соображеній... Десятое мѣсто перемѣнилъ *юнакъ* и, наконецъ, приноровился—упалъ камень какъ-

разъ на тропу, въ которую цѣлилъ Углякъ. Полагалъ онъ, что туркамъ не миновать въ свое время этой тропы, такъ надо было приноровиться на всякій случай...

Порѣшивъ свою задачу, онъ опять сталъ наблюдать турокъ и усѣлся неподвижно, подобравъ подъ себя ноги, невольно поддаваясь неотвязной, сладкой дремотѣ, вызванной усиленной ходьбою и вознею съ каменьями... Чутка была дремота этого маленькаго сторожа-вѣстовщика, такъ-же чутка и осторожна, какъ дремота того орла, что усѣлся неподалеку на самой острой верхушкѣ скалы, и усѣлся не спроста, а ради наблюденія, съ коварнымъ умысломъ, за козою, только-что объягнившеюся и облизывавшею своимъ материнскимъ языкомъ слабое, еще не вставшее на ножки дѣтище.

Шелъ Бѣлко тѣмъ временемъ ходко, то поднимаясь на горы, то спускаясь на дно глубокихъ овраговъ, гдѣ тропою, гдѣ напрямикъ,—шелъ онъ дорогою, хорошо ему извѣстной, мѣстами, вдоль и поперекъ достаточно имъ выхоженными. И тамъ, по ту сторону Дужской долины, по горамъ и оврагамъ, по еле-замѣтнымъ тропамъ, шли со всѣхъ сторонъ такіе же, какъ и онъ, мальчуганы - вѣстовщики вождей народной рати, давая знать этимъ вождямъ о всякомъ шагѣ турокъ, о всякой затѣѣ турецкихъ военачальниковъ. Всѣ вершины горъ усѣяны такими сторожевыми аванпостами, отовсюду своевременно доходятъ къ *главарямъ* нужныя вѣсти и ненужныя, все безъ разбора доносится, что видѣлъ, то и разсказывай; а тамъ ужъ воеводское дѣло разбирать, что подходящее, стоющее вниманія, а что пустякъ. Ни чиновъ, ни наградъ, ни жалованья этимъ мальчуганамъ не полагается. Всѣ они дѣти этихъ родныхъ горъ, отцы ихъ бьются съ турками, съ этимъ ненавистнымъ игомъ, ненавистнымъ отъ груди матери до самой могилы... Общее дѣло, близкое, кровное, общая дума и работа...

XVIII.

Въ турецкомъ станѣ, на хуторѣ Марко Бѣлаго.

Голова турецкой колонны, какъ только поравнялась съ *поповой могилою*, небольшимъ каменнымъ крестомъ, водруженнымъ въ скалистый уступъ, на самой дорогѣ, сейчасъ-же стала сворачивать влѣво.

Въ этомъ мѣстѣ въ долину Дуги выходило боковое ущелье, просторнымъ раструбомъ расширяясь къ своему выходу; здѣсь наносный слой тучной почвы проростилъ густую, сочную траву, пестрѣвшую весенними цвѣточками. Вплотную къ этой логовинѣ примыкало черное свѣже-вспаханное поле, только-что, можетъ быть, наканунѣ засѣянное пшеницею и обнесенное изгородью, сложенною изъ камней-валуновъ; на полѣ, рѣдкими рядами, стояли развѣсистыя фруктовыя деревья, покрытыя сплошь группами бѣло-розовыхъ цвѣтовъ, рѣдкими, яркими пятнами очерчиваясь на черномъ, лоснящемся фонѣ пашни. За полемъ тянулся сплошной рядъ деревьевъ, черешни по преимуществу; надъ ихъ низкими кудреватыми кронами стройно тянулись вверхъ два—три пирамидальныхъ тополя. За ними виднѣлся крутой скатъ красной черепичной крыши и начисто выбѣленныя стѣны дома, съ мелко-рѣшетчатыми окнами, запертыми тяжелыми желѣзными ставнями; высокія трубы, закоптѣлыя отъ дыму, въ настоящую минуту не дымили; обнесенный каменною же оградою дворикъ былъ пустъ; землянки-сакли, примыкавшія къ нему съ противоположной стороны, не выказывали и признака обитаемости; только нѣсколько забытыхъ куръ бѣгало по двору, роясь въ сорныхъ кучахъ, да надъ косматымъ гнѣздомъ, нагороженнымъ на самомъ высокомъ гребнѣ крыши, молчаливо вытянулась долговязая фигура аиста, съ недоумѣніемъ поглядывавшаго на весь этотъ пришлый людъ, мало-по-малу подвигавшійся изъ тѣснины и занявшій уже половину всего пространства этого привольнаго, жилого уголка. Вчера еще, передъ ночью, ушли отсюда хозяева, захвативъ съ собою все, что успѣли—шесть коровъ, которыя паслись на этомъ лугу, пару магарцевъ, рослаго мула, на которомъ ѣздилъ обыкновенно самъ хозяинъ, Марко Бѣлый... Магарцы едва переступали подъ тяжестью громадныхъ узловъ съ мягкою рухлядью, и коровьимъ спинамъ тоже досталось по вьюку... Да всего не заберешь... Большой скирдъ золотистой кукурузы, еще прошлогодняго запаса, горою виднѣлся не подалеку за садомъ. Хотѣлъ было его Марко своими руками подпалить, да рука не поднялась добро губить; можетъ быть, Господь еще смилуется—пронесетъ бѣду. Вѣдь онъ самъ жилъ осторожно, противъ султана не бунтовалъ; въ прошломъ году у него каймакамъ останавливался, да и не разъ его хлѣбъ-соль ѣлъ и спалъ

подъ его кровлею. Оно-бы теперь и ему самому уходить не слѣдовало, да кто его знаетъ, какъ случится? Вотъ зять его, два дня ѣзды отсюда, остался, встрѣтить даже *гостей* вышелъ, тоже думалъ ничего не будетъ, не за что... думалъ онъ. Пришлось послѣ Марко Бѣлому панихиду служить по своемъ зятѣ. Взяли его сперва вродѣ заложника, для безопасности, а тутъ бѣда стряслась надъ турками, побили ихъ усташи на ночлегѣ. «Это ты, говорятъ, собака, далъ имъ знать!.» Судить начали, таскали, таскали,—кончили тѣмъ, что съ писанною доскою на шеѣ повѣсили бѣднягу въ Требиньѣ на базарной площади. И семью его въ покоѣ не оставили... Слухъ только дошелъ до Марко, что злодѣи сдѣлали съ семьею его зятя; отъ одного этого слуха на-долго пропалъ сонъ у Марко Бѣлаго, а жена его старуха съ горя сама въ могилу отправилась... Много было такихъ случаевъ, что оставались хозяева, разсчитывая на свою правоту, да не всѣмъ это добромъ сходило. Понятно, что Марко, получивъ вчера послѣ полудня вѣсть о приближеніи турецкой колонны, собралъ семью и добро, что поцѣпиѣе, да и съ Богомъ въ горы, подъ защиту ихъ неприступныхъ тѣснинъ и переваловъ. Даже дверей не запиралъ, и только такъ притворилъ, снаружи: «запрешь—хуже будетъ, все равно, выломаютъ, только озлятся даромъ; пускай ихъ, «подави ихъ всѣхъ черная немочь», лѣзутъ, пускай отдыхаютъ подъ его крышею; отдохнутъ—дальше пойдутъ своею дорогою; хотя и попортятъ что, да въ конецъ не разорятъ, для себя же поберегутъ...» Такъ думалъ и раскидывалъ умомъ Марко Бѣлый, оставляя на произволъ врага свое родное, издавна насиженное жилище.

А турки все еще вытягивались изъ тѣснины; далеко растянулась ихъ пестрая, разнообразная колонна; здѣсь въ затишьи быстро развертывался, шумѣлъ оживленный бивуакъ, ставились коническіе шатры, раскладывались огоньки вдоль изрытыхъ береговъ бойко журчащаго горнаго ручья, замутившагося отъ ненастной погоды.

Первымъ въѣхалъ во дворъ Марко Бѣлаго ага Кара-Мехметъ съ своими конниками,—этотъ звѣрь, уже давшій знать о себѣ по всему околотку. До смутнаго времени держалъ онъ кофейню въ Мостарѣ, родомъ былъ не настоящій турокъ, хотя и мусульманинъ, не то грекъ, не то изъ сербовъ, говорилъ

по-турецки и по-сербски, и по-гречески, даже по-нѣмецки хорошо зналъ. Вотъ уже годъ, какъ закрылъ онъ свою городскую кофейню и въ баши-бузуки записался; должно быть, дѣло оказалось болѣе подходящее.

Не разъ ему приходилось бывать прежде въ этихъ мѣстахъ, теперь проводникомъ къ пашѣ Неджибу вызвался, благо превосходно зналъ всѣ ходы и выходы Дужскаго ущелья и его окрестностей.

Слѣзъ Кара-Мехметъ съ своей взмыленной вороной лошади, отряхнулъ съ плаща дождевую воду, толкнулъ ногою дверь, та со скрипомъ распахнулась настежъ, даже стукнулась тамъ обо что-то.

— А ну, иди кто нибудь туда, осмотри хорошенько. Мы здѣсь пашу помѣстимъ. Ну, иди же!

Слѣзъ одинъ съ лошади, другой слѣзъ, собралось человѣкъ шестеро у дверей; за пистолеты взялись, заглядываютъ внутрь, а черезъ порогъ шагнуть не рѣшаются.

— Эхъ вы, трусы!—гаркнулъ ага.—Пустого дома боятся. «А чортъ его знаетъ, въ самомъ дѣлѣ!» подумалъ онъ про себя и за рукоять ятагана потянулъ, на всякій случай. Кто-то зашелъ съ лицевой стороны, отворилъ оконные ставни, свѣтло стало въ горницѣ, выяснилась тиковая полосатая обивка мягкаго дивана, массивный уголъ тяжелаго стола, квадратики плитнаго пола и закопченное жерло громадной печи съ глубокими нишами и полочками, съ краснѣющею изъ-подъ слоя копоти размалевкою.

— Марко дома?!—крикнулъ ага Кара-Мехметъ.- Видишь, что удралъ, собака! Вѣдь какой подлый народъ сталъ нынче! Чѣмъ бы честью начальство встрѣтить, а онъ...

Покачалъ головой ага и сталъ распоряжаться устройствомъ помѣщенія для *высокочтимаго, побѣдоноснаго, правосуднаго* паши Неджиба короткорослаго.

А между тѣмъ люди Мехметовы уже расхозяйничались по двору и задворкамъ, куръ переловили, во всѣ саклюшки позаглянули; кто коверъ тащитъ, кто одежду оставленную. Злятся, что ничего путнаго подъ руки не попадается.

Съ злобнымъ визгомъ подрались жеребцы, оставленные безъ присмотра; суматоха поднялась на дворѣ Марко Бѣлаго; а тутъ и самъ паша подъѣзжаетъ къ воротамъ, надъ головою паши большое знамя колышется; намокло оно сильно отъ

дождя, тяжело виситъ по крашеному зеленому древку. Сзади паши народу человѣкъ двадцать, начальство съ слугами своими; стали всѣ слѣзать съ коней. Только и слышны повелительные возгласы начальства: Мустафа, чубукъ! — Шакиръ, огня! Кара-Мехметъ-ага съ поклономъ, приложивъ свою руку ко лбу, къ губамъ и къ сердцу, встрѣтилъ пашу на порогѣ, доложилъ о бѣгствѣ хозяина и его семьи и уже успѣлъ выразить свое личное мнѣніе, что таковой поступокъ со стороны неблагодарнаго райи не можетъ остаться безнаказаннымъ.

Кивнулъ паша своею круглою головой на короткой шеѣ въ знакъ согласія и благоволенія и, лѣниво шагая, вошелъ въ горницу, брякнувъ о порогъ ножнами своей сабли.

Паша былъ уже не молодой, съ густой просѣдью въ коротко-подстриженной бородѣ; усы тоже были подстрижены и не закрывали мясистыхъ губъ «его превосходительства». Подслѣповатые, заплывшіе жиромъ глаза смотрѣли сонно, апатично; широкій темно-синій плащъ, съ красною подкладкою, мѣшкомъ охватывалъ его низенькую, толстую фигуру; капюшонъ плаща былъ накинутъ на голову и спускался спереди ниже оторочки феса на самыя щетинистыя, густыя брови.

Вслѣдъ за пашею вошли въ горницу два его адъютанта: одинъ — статный молодецъ кавказскаго типа въ черкесской формѣ, съ серебрянымъ полумѣсяцемъ на папахѣ, другой—въ такомъ же плащѣ, какъ и паша; за ними мистеръ Квелли въ непромокаемомъ костюмѣ изъ каучука, съ двумя револьверами у пояса, съ биноклемъ черезъ плечо и спрятанною въ футлярѣ подробнѣйшею картою края, торчащею изъ бокового кармана; за мистеромъ Квелли—его слуга Джекъ, тоже на правахъ начальства, ибо онъ европеецъ и членъ дружественной націи; у Джека обѣ руки были заняты походными несессерами, которые онъ уже успѣлъ отцѣпить съ сѣдла, тоже съ двумя револьверами у пояса, съ запаснымъ биноклемъ и съ превосходнымъ двухствольнымъ ланкастеромъ за плечами. Сзади всѣхъ вошла еще полу-европейская, полуазіатская фигура, вся сплошь увѣшанная самымъ разнообразнымъ оружіемъ; это былъ еврей, австрійскій вице-консулъ изъ Требинье, рѣшившій, что въ данную минуту ему выгоднѣе и удобнѣе всего быть самымъ ярымъ туркофиломъ и заклятымъ врагомъ *неблагодарной* райи.

Вошелъ и Кара-Мехметъ, но, притворивъ за собою дверь, остался на порогѣ, почтительно выжидая приказаній, имѣющихъ послѣдовать изъ устъ его превосходительства.

А между тѣмъ уже вся турецкая колонна вытянулась на поляну.

Командиры таборовъ, не слѣзая съ коней, распоряжались разстановкою войскъ. Роты низама, въ своихъ темно-синихъ курткахъ, обшитыхъ красными басонами, выстроились по фасамъ большого, продолговатаго четырехугольника и составили ружья въ козлы; четыре орудія съ зарядными ящиками ввезены были въ середину этого каре, мулы выпряжены и привязаны въ общую коновязь, вдоль каменной изгороди. Вьючные магарцы,—сотни три ихъ было, если не больше,—освобождены изъ подъ своихъ тяжелыхъ вьюковъ, мѣшковъ съ мукою и ящиковъ съ галетами, связаны попарно и пущены по окраинамъ луга, на пастьбу; сюда-же согнали шедшее въ хвостѣ колонны большое стадо барановъ, набранное по пути, гдѣ что попадало, и разставили вокругъ часовыхъ стеречь скотину. На горы во всѣ стороны высланы были конные разъѣзды и пѣшій караулъ на высокомъ холмикѣ сталъ бивуакомъ вокругъ большого шатра паши Неджиба, раскинутаго для вида и порядка больше, ибо самъ паша, какъ извѣстно, занялъ болѣе удобное помѣщеніе, въ домѣ Марко Бѣлаго.

Баши-бузуки и арнауты, весь этотъ пестрый, разнохарактерный сбродъ, не вошли въ общее расположеніе бивуака, разбросались, гдѣ попало, развели огни, не жалѣя чужого топлива; нѣсколько черешенъ и сливныхъ деревьевъ уже рухнули подъ турецкими топорами, сочные пучки розовыхъ цвѣточковъ затрещали на огнѣ, испуская клубы смолистаго дыма. Отъ большого скирда кукурузы уже половина была отобрана: безъ толку бросались цѣлые золотистые снопы подъ ноги артиллерійскихъ муловъ, по брюхо топтались въ даровомъ корму баши-бузукскія клячи. Но боковымъ тропинкамъ, вдоль лощины, всюду разъѣхались на поиски небольшія партіи конныхъ, разбрелись и пѣхотинцы, оставивъ свои ружейные козлы, свобода баши-бузуковъ возбуждала въ нихъ зависть и желаніе подражать. Начальство, покончивъ дѣло съ распланировкою, попряталось отъ дождя, кто въ шатры, кто въ дома и сакли; остались люди безъ присмотра, на своей волѣ; скоро все перепуталось,

перемѣшалось, только правильные ряды ружейныхъ козелъ, эти неподвижныя рамы, указывали на присутствіе чего-то регулярнаго... А дождь усилился, густыя тучи нависли низко, чуть не надъ самыми головами, кутая своимъ плотнымъ покровомъ сосѣднія горы, застилая даль, посылая сюда внизъ, на этотъ полу-разбойничій станъ, цѣлые потоки холоднаго ливня.

Стало смеркаться.

Вытянулись ряды турокъ, собранные таборными муллами; кто подостлалъ коврикъ, кто попонку, кто верхнюю куртку, кто что попало. Уныло пронесся надъ присмирѣвшимъ станомъ гнусливый призывъ на молитву; сотни голосовъ завторили этимъ завываніямъ, сотни рукъ набожно сложились надъ желудкомъ и одновременно, подражая движеніямъ муллы-запѣвалы, вытягивались къ небу... Баши-бузуки, арнауты, албанцы, ренегаты, весь этотъ разнолицый, разноплеменный сбродъ, все это призатихло, остановилось на мѣстахъ, гдѣ кого засталъ молитвенный призывъ,—и молилось. Старый Ханъ-оглы, весь пожелтѣвшій даже подъ бременемъ своихъ восьми десятковъ лѣтъ, въ цвѣтномъ, полиняломъ тряпьѣ, въ высокой чалмѣ, повитой сверху когда-то золоченымъ пасомъ, словно ежъ ощетинившійся ножами и ятаганами, торчавшими за поясомъ, подостлалъ подъ колѣни снопъ кукурузный, зажалъ подъ мышкою только-что пойманную курицу, молится жарко, пламенно; течетъ, струится дождевая вода по его крючковатому носу, огибаетъ сухіе углы беззубаго, полу-раскрытаго рта, каплетъ съ кончиковъ клочковатой, сѣдой бороды, дрожащей отъ избытка чувствъ и умиленія. Молится и Ибрагимъ Вукъ—помакъ изъ Подгорицы, здоровый, рослый дѣтина, присѣвъ у забора около коновязей, поглядывая искоса то на двери дома, гдѣ его начальникъ Кара-Мехметъ съ самимъ пашею сидитъ, то на своего коня, осѣдланнаго вновь высоколукимъ азіатскимъ сѣдломъ, обвѣшаннымъ кистями и амулетами.

Велѣлъ Кара-Мехметъ Ибрагиму Вуку быть къ ночи готовымъ, да и не одному, а съ двадцатью товарищами, и здѣсь у стѣны дальнѣйшихъ приказаній дожидаться... Старый Ханъ-оглы тоже къ чему-то готовится, оттого такъ и молится жарко; одно только смущаетъ старика и между молитвенными словами святого Корана въ голову лѣзетъ: жеребецъ его чалый расковался и погу заднюю тащитъ, ступаетъ неладно.

«Пошли, Аллахъ, побѣду вѣрнымъ сынамъ, во славу твою свѣтлую, на позоръ и посрамленіе невѣрнымъ... Пошли силу и здоровье твоимъ войскамъ, силу рукъ, погамъ крѣпость, твоего дѣла святого ради!..» взываетъ мулла, ударяя въ свою тощую грудь костлявыми кулаками.

«И жеребцу моему тоже!» набожно бормочетъ про себя старый Ханъ-оглы, и даже слеза прошибаетъ его отъ этихъ жаркихъ моленій...

Покончили вечернiй «намазъ». Стали устраиваться на ночь. Послѣдніе остатки скирда Марко Бѣлаго пошли на шалаши да на подстилку турецкому нйзаму. Надѣвъ свои широкія шинели, нахлобучивъ капюшоны на головы, вытянулись неподвижныя цѣпи часовыхъ. Человѣкъ двадцать конныхъ собралось къ воротамъ двора на прпзывъ аги Кара-Мехмета.

— И некуда больше уйти ему, какъ въ то мѣсто,—говорилъ ага собравшимся.—Я здѣсь каждый закоулокъ знаю—некуда.

— А можетъ за грань черногорскую ушелъ. Тогда какъ же?—усомнился Ибрагимъ Вукъ.

— Чего ему здѣсь дожидаться?—подтвердилъ и Ханъ-оглы, подтягивая подпруги своего сѣдла.

— Времени не было, на дорогѣ перехватите. Вчера еще здѣсь былъ, я знаю.

— Тамъ вѣдь тоже усташи бродятъ; какъ бы на этихъ не нарваться.

— Съ какихъ поръ это правовѣрные стали собачьей породы бояться?.. Да много вы что-то стали разговаривать, какъ я погляжу. Обабились!... прикрикнулъ ага Кара-Мехметъ.

— Отчего самъ съ нами не ѣдешь?—словно про себя буркнулъ Ханъ-оглы.

Старикъ все еще съ сѣдловкою возился и, покачивая головою, подозрительно глядѣлъ на хромую ногу своей лошади, а жеребецъ его, предчувствуя работу, злобно прижималъ уши, храпѣлъ и косился на свѣтлую полосу, лучемъ бьющую изъ рѣшетчатаго окна, надвое рѣжущую туманную атмосферу двора съ двигающимися въ ней фигурами-силуэтами.

— По мнѣ какъ хотите, а чтобы утромъ живого его доставить!—порѣшилъ ага;—самъ паша приказалъ; мнѣ какое дѣло. Безъ этого заложника паша съ мѣста не сдвинется. Мѣ-

сяпъ тутъ простоитъ, аулы новые строить будетъ, а дальше ни шагу. Вамъ же хуже придется.

Совралъ ага въ этомъ случаѣ — самъ онъ назвался пашѣ Неджибу на эту услугу и имѣлъ свои собственные виды на Марко Бѣлаго, снаряжая шайку для его розысковъ. Кара-Мехметъ, зная мѣстность, сообразилъ, гдѣ могъ въ данную минуту находиться хозяинъ хутора, а что тотъ не рискнулъ эмигрировать въ Черногорію, въ этомъ тоже ага почти не сомнѣвался. Если-бы хотѣлъ совсѣмъ уйти, раньше-бы позаботился и добро-бы убралъ во-время, а то, по тщательному осмотру хутора, бывшій «кафеджи» объяснилъ причину отсутствія Марко Бѣлаго простою осторожностью, не болѣе. Опять-же Кара-Мехметъ зналъ хорошо и количество вьючныхъ спинъ, обладателемъ которыхъ былъ Марко, а на столькихъ спинахъ всего не увезешь; значитъ, что оставлено, хорошо припрятано, да такъ хорошо, что вотъ почти цѣлый день шарили и щупали его ищейки, а ничего путнаго не нашли: хитра оказалась «невѣрная собака»! Вотъ приведутъ самого,можетъ,—самъ и укажетъ, если пораспросятъ его хорошенько.

Такъ соображалъ бывшій кафеджи, ага Кара-Мехметъ, и соображалъ весьма основательно.

Минутъ десять прошло; уже всадники сговорились и другъ за дружкою потянулись вдоль каменной ограды, направляясь къ раструбу бокового ущелья. Одна за другою проходили во мракѣ ночи эти конныя фигуры; вотъ мелькнула, освѣщенная на мгновеніе свѣтомъ какого-то костра, сутуловатая спина Ханаоглы и крупъ его жеребца съ куцымъ хвостомъ... мелькнула и скрылась... Старый волкъ послѣднимъ ѣхалъ, коня берегъ, да и глаза его стали уже плохо вдаль вглядываться; все въ хвостѣ удобнѣе, чѣмъ въ головѣ. Послышались въ цѣпи часовыхъ тревожные оклики, отозвались на нихъ; опять окликнули, гораздо уже дальше... Потянуло вѣтромъ, поразорвало сплошныя дождевыя тучи, зазвѣздилось кое-гдѣ наверху; сталъ стихать неугомонный дождь, плотнѣе завернулись въ плащи спящіе, еще ниже спустили на глаза свои капюшоны продрогшіе часовые, съ нетерпѣніемъ дожидающіеся желаннаго часа общей смѣны.

А изъ дому въ отворенное дворовое окно неслись громкіе голоса начальства. Мистеръ Квелли горячо доказывалъ что-то,

хлопая всею ладонью по разостланной на столѣ картѣ; непонимавшіе его плохого французскаго языка офицеры смотрѣли внимательно, но думали совсѣмъ о другомъ. Понимавшій мистера Квелли Неджибъ окружилъ себя облакомъ табачнаго дыма и угвердительно кивалъ головою. Джекъ разставлялъ складную, походную кровать своего господина, не любившаго довѣрять свое тѣло подозрительнымъ тюфякамъ турецкихъ диванов. Статный черкесъ, адъютантъ, подбоченясь, стоялъ за спиною его превосходительства, а остальное большинство сидѣло молча и, по всей вѣроятности, дремало въ ожиданіи ужина, потому что стукъ двери, неожиданно отворенной вошедшимъ агою Кара-Мехметомъ, заставилъ ихъ всѣхъ вздрогнуть и приподнять свои опущенныя внизъ головы.

Осторожно, на ципочкахъ, пробрался Кара-Мехметъ черезъ горницу и занялъ свое мѣсто, въ самомъ отдаленномъ углу, за размалеванной печкою.

XIX.

Ночной поискъ.

Пролегая въ узкой ложбинѣ бокового ущелья, «Козья тропа» вела на старое село Гумиланъ. Эта крохотная деревушка, ничтожная и многими незнаемая вовсе, носитъ громкое названіе *села* потому только, что лѣтъ тридцать тому назадъ здѣсь на скалистомъ утесѣ стояла грубая, сложенная изъ дикаго камня, вся поросшая плющемъ и мохомъ часовня «Святого Николы». Разъ въ недѣлю, такой-же ветхій, еле двигающій свои старческія ноги попъ Милованъ служилъ здѣсь обѣдню, сбирая на молитву окружныхъ пастуховъ.

Давно уже, въ одно изъ первыхъ повстаній герцеговинцевъ, турки разрушили эту часовню, сорвали почернѣвшія отъ времени доски съ священными изображеніями, сложили изъ нихъ костеръ и на его раскаленныхъ угольяхъ замучили до смерти стараго «батьку» Милована.

Деревушка, потерявъ свой отличительный признакъ села— часовню — все еще, по привычкѣ, называлась селомъ, чаще впрочемъ «поповою могилою» или «Миловановой мукою».

Много «*поповыхъ могилъ*» развелось въ горахъ Герцеговины и въ долинахъ Босніи, не мало ихъ разбросано и по

другимъ мѣстамъ турецкой имперіи, гдѣ только скученно христіанское населеніе.

Гдѣ грубо отесанный каменный крестъ указываетъ такое мѣсто, гдѣ густо поросшіе остатки церковнаго фундамента, гдѣ и нѣтъ никакого внѣшняго признака, а только въ памяти народной сохранилась за мѣстомъ кровавая легенда... Всѣ эти печальные слѣды—нѣмые свидѣтели *тяжелыхъ временъ*, періодически наступавшихъ, черезъ большіе или меньшіе промежутки, пережитыхъ цѣлыми поколѣніями христіанъ, столько вѣковъ осужденныхъ выносить гнетъ мусульманскихъ завоевателей.

Деревушка Гумиланъ пріютилась въ такомъ мѣстѣ, что и заглядывать туда мало кому была охота, и жителей тамъ въ настоящее время было всего только два семейства. Если кому и случалось бывать тутъ, такъ развѣ проѣздомъ, мимоходомъ, потому что за деревнею тянулась маленькая тропа на перевалъ, и выводила эта тропа на большую, проѣзжую дорогу, по ту сторону горнаго кряжа, ту самую, что шла изъ Голіи, турецкой Куллы, на село Пудницу, а оттуда на богатую Пиву, родину воеводы вольнаго войска народнаго, извѣстнаго Лазаря Сочицы.

Вотъ только тѣ, кто хотѣлъ прямикомъ изъ Крстца попасть въ Пудницу, не заѣзжая въ Голію, направлялись на Гумиланъ, гдѣ и отдыхали послѣ тяжкаго пути по горамъ въ одной изъ *сакель* деревни, какъ говорятъ турки, или *кучъ*, какъ называютъ свои жилища босняки и герцеговинцы,—люди сербскаго языка и роду.

Марко Бѣлый, удирая *отъ грѣха подальше*, сюда-то и пришелъ, къ своему старому знакомому и даже дальнему родственнику, Саввѣ Лысому.

Размѣстилъ Марко семью въ *собѣ* (комнатѣ), скотину въ открытомъ загонѣ-дворикѣ, а самъ пошелъ на гору, версты двѣ отсюда, съ вершины которой виденъ и хуторъ его, и часть дужской дороги, наблюдать турецкое воинство, что, молъ, оно будетъ дѣлать на его личной территоріи, какъ будутъ хозяйничать, куда пойдутъ дальше?

Зорки глаза у Марко Бѣлаго и далеко видятъ, но какъ ни вглядываются они въ сѣрую даль, только и видно, какъ чуть-чуть краснѣетъ точка въ зелени, — это его крыша, его сады, а больше ничего... Заволокло все дождевыми тучами и крас-

ной точки не стало видно. Стоялъ долго Марко Бѣлый, вперивъ свои очи въ сплошную завѣсу сѣрой влажной мглы, махнулъ рукою, вернулся къ семьѣ, мальчишку, внука Саввы, послалъ на свое мѣсто, на всякій случай; пусть сторожитъ мальчуганъ. Самъ Савва козленка изжарилъ для гостей, обѣдъ приготовилъ, хлопочетъ, какъ и подобаетъ хозяину, только не веселъ что-то старикъ, не веселъ, не разговорчивъ и гость его Марко Бѣлый, сидятъ оба на высокомъ порогѣ, задумавшись; трубки курятъ и усы свои длинные крутятъ: Марко — черные, шелковистые, густые, Савва—жиденькіе, пожелтѣвшіе уже отъ старости.

Все населеніе Гумилана насторожилось; пожитки припрятали, позарыли въ землю что поцѣннѣе, скотъ подальше въ горы угнали, сторожей мальчишекъ выставили, сами изготовились съ минуты на минуту дать тягу въ такія мѣста, куда не проберется ни одна самая цѣпкая черкеская лошаденка.

При такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ не до веселья жителямъ «села Гумилана».

Жена Марко Бѣлаго, женщина лѣтъ за тридцать, худая, высокая, съ длиннымъ, крючковатымъ носомъ, съ тонкими, сжатыми, сухими губами, съ черными бровями, сдвинутыми къ переносью, сидитъ на коврѣ въ углу, держитъ ребенка полуторагодовалаго на рукахъ; около старшая дочь ея, красавица, четырнадцатилѣтняя Мара, вся въ отца, и лицомъ и нравомъ, у братишки своего маленькаго Владана въ курчавой головенкѣ ищетъ, а тотъ положилъ ей голову на колѣни, пригрѣлся и дремлетъ сладко.

Не дотрогиваются *бабы* до поставленной на столѣ чашки съ изрѣзаннымъ въ мелкіе куски козленкомъ, ждутъ, когда, по обычаю, мужчины поѣдятъ первые и имъ оставятъ, — а тѣмъ не до ѣды: Савва Лысый злится, что гостя ему нужда и несчастье загнали, а не добрая воля, а Марко сердцемъ за свое добро не спокоенъ, — мерещится ему все черный столбъ пожарнаго дыма въ той сторонѣ, чудится ему все глухой отзвукъ конскихъ копытъ по камнямъ горной тропинки.

Молчатъ-молчатъ оба, перекинутся словомъ-другимъ и опять угрюмо молчатъ.

— Однако!—произнесъ Савва, кивнувъ головою на столъ, гдѣ дымилось жаркое.

— Эге-жъ! — отозвался Марко, вглядываясь совсѣмъ въ

другую сторону, въ лоснящуюся отъ дождя навозную кучу, накопившуюся въ углу дворика.

— Молимъ!—помолчавъ, произнесъ Савва и опять повторилъ свой просительный кивокъ головы.

— Фала (благодарю), — словно озлился Марко и сердито сталъ выбивать трубочку.

Помолчали оба съ полчасика и опять пошло лаконическое—*молимъ* съ одной стороны и *фала* съ другой. Раза четыре принимались за такіе переговоры; накопецъ Марко словно опомнился, взглянулъ на семью, горько усмѣхнулся, всталъ, размашисто осѣнилъ себя крестомъ, отдѣлилъ руками большую часть давно остывшаго мяса и передалъ чашку женщинамъ.

Стали ѣсть теперь всѣ, да только не охотно. Аппетита настоящаго ни у кого на этотъ разъ не оказалось; только Владанъ, мальчуганъ, ретиво убиралъ за обѣ щеки, на всю собу щелкали его бѣлые, острые зубенки. Кое-какъ пообѣдали, и то больше для виду, чтобы гостепріимнаго хозяина не обидѣть.

Темнѣть стало. Началъ собираться Марко опять на свой сторожевой постъ.

— Иди сюда!—зоветъ его Савва и сталъ рыться подъ ковромъ у самой стѣнки, отворачивая плиты половыя.

— Что такое?

— Вотъ возьми съ собою, когда пойдешь... Не ровенъ часъ... Можетъ и ухлопаешь какую-нибудь собаку... Старъ я сталъ, глазъ не видитъ, рука, проклятая, дрожитъ, не могу теперь... а берегу, давно берегу, *оно* доброе, хоть и старое. Съ воеводою Вукомъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, я ходилъ съ этою *пушкою*... бери себѣ ее... э-эхъ, добрая была пушка!

Говоритъ это Савва, руки дрожатъ, доставая длинное ружье, кремневое, стволъ съ раструбомъ, ложа въ чеканенномъ серебрѣ, вся окованная, полка и кремневый зажимъ въ формѣ змія-дракона съ крыльями, на шейкѣ приклада кисть виситъ шелковая, не разберешь, какого цвѣта. Разгорѣлись глаза у старика, сверкнула молнія и въ глазахъ Марко Бѣлаго... Давно онъ не бралъ въ руки оружія, и дома-то у него, кромѣ хозяйственныхъ ножей, ничего не было: *не приказано* держать такового, султанъ закономъ запретилъ христіанамъ; неравно обыскъ сдѣлаютъ, найдутъ — зачѣмъ бѣду на голову и свою, и семьи своей накликать?

Подержалъ Марко *пушку*, вскинулъ къ плечу, заглянулъ въ раструбъ, дунулъ даже туда... маленькій Владанъ за шнурокъ съ кистью подержалъ, на курокъ заглядывался.

— Не надо!—словно отрѣзалъ Марко и положилъ ружье на лавку.—Не надо... отъ соблазна подальше... Я не бунт... Моя хата съ краю... Вотъ то-то и бѣда, что ужъ больно съ краю, на самой бойкой дорогѣ... Не время... Другимъ, можетъ, и время. Пошли Господь Всемилостивый всякой имъ удачи! Марко Бѣлому не время... Я иду.

— Иди!—невольно произнесъ Савва.—Не тронь,—крикнулъ онъ на Владана, положилъ ружье на прежнее мѣсто, заложилъ плитой, закрылъ сверху дырявымъ ковромъ войлочнымъ и усѣлся снова на порогѣ, закуривъ свою короткую трубку.

Широко шагая, пошелъ Марко на свой сторожевой постъ... Темно... опасно-скользкая обрывистая тропа—Марко идетъ вѣрно, смѣло, нога ступаетъ твердо, глаза глядятъ зорко.

— Курлы-курлы-крурру! — послышался дѣтскій возгласъ, подражаніе орлиному крику.

— Курлы!—отозвался Марко, да такъ вѣрно, что на его крикъ отозвалось далеко вверху изъ-за облака, изъ глухой впадины горной пещеры... То уже настоящіе пернатые хищники встрепенулись, разбуженные роднымъ для нихъ звукомъ.

Посвѣжѣло къ ночи... Звѣзды сквозь разорванныя тучи кое-гдѣ заискрились... Внизу, въ долинѣ, туманъ; ярко вспыхиваютъ багровыя пятна турецкихъ костровъ... Пуще прежняго щемитъ сердце Марко Бѣлаго. Сынишка Саввы продрогъ, дожидаясь смѣны, бѣгомъ пустился къ своему дому.

— Дай пройду дальше, можетъ подберусь къ самому стану,—мелькнуло въ головѣ Марко.

Задумано — сдѣлано. Сталъ Марко спускаться, уже безъ тропы, цѣликомъ пошелъ. Эта тропинка влѣво осталась... Чу! остановился, прислушивается... нѣтъ, ничего, все тихо; или это ему показалось? Опять прошелъ саженъ двѣсти, опять тотъ-же звукъ... опять напряженное прислушиваніе... Такъ и есть... Ѣдутъ конники, да и не мало ихъ... Турки, значитъ, кому-же больше быть на коняхъ. Здѣсь во всемъ округѣ и одной клячи нѣту.

Ѣдутъ турки какъ разъ по той тропѣ, что ведетъ въ Гумиланъ... Клиномъ промежутокъ между скалъ просвѣчиваетъ,

вонъ мелькнулъ въ этомъ трехугольникѣ одинъ силуэтъ всадника, за нимъ другой, тамъ третій... еще и еще. Осторожно пробираются, шагъ за шагомъ.

— Дадутъ-ли знать сторожа во время, успѣютъ-ли *тамъ* попрятаться?—засуетился Марко; въ груди его словно молоты куютъ. Кинулся онъ наперерѣзъ дороги, чуть не оборвался съ кручи, кое-какъ Господь помогъ удержаться... Эхъ, не поспѣетъ!...

Турки шибче погнали, должно быть, поглаже пошло... Загорѣлись яркіе огоньки на горахъ, такъ и замигали, точно звѣздочки. То сторожа знать даютъ. Закопошились въ Гумиланѣ, да поздно. Ибрагимъ Вукъ первый влетѣлъ въ деревню, а съ нимъ шестеро баши-бузуковъ... Сразу оцѣпили село, прочіе погнали коней что есть мочи... А вотъ и выстрѣлъ.

Это Савва Лысый не утерпѣлъ. По первому сигналу тревоги крикнулъ онъ Марковой семьѣ, чтобы бѣжали, куда имъ сынъ покажетъ, а самъ сталъ заряжать свою столько лѣтъ береженую пушку. Первый выстрѣлъ сдѣлалъ старикъ послѣ долгаго промежутка времени, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ уцѣлѣла его голова, чуть-ли не одна изъ цѣлой шайки Вука,—и былъ этотъ выстрѣлъ для него послѣднимъ... Схватился за поясницу одинъ изъ переднихъ баши-бузуковъ, взвылъ дико, выпустилъ поводья, конь его уперся въ стѣнку, съ разбѣга шарахнулся въ бокъ и вышибъ изъ сѣдла всадника.

— Бери его, собаку!—гаркнулъ Ибрагимъ.—Бери живьемъ, живьемъ непремѣнно.

Навалились на старика, смяли, мигомъ скрутили арканами... Еще одинъ изъ вязавшихъ крикнулъ отъ боли и сталъ корчиться, ножемъ его кто-то пырнулъ, а кто—не видали, у Саввы ножа не было, не нашли такового и, странное дѣло, ружье его тоже куда-то сгинуло.

— Да развѣ не этотъ стрѣлялъ? — изумился Ибрагимъ Вуко.—Обыскивай, обыскивай живо! Во всѣ норы собачьи заглядывай!

Разсыпались по деревнѣ баши-бузуки и стали хозяйничать. Встрѣтили ихъ огнемъ, двоихъ убили,—значитъ, бунтовщики и село вражеское.

А Марко Бѣлый выбѣжалъ на тропинку, какъ разъ за послѣднимъ всадникомъ, и сзади тихо, тихо крался все время. Вдругъ слышитъ онъ за спиною топотъ; только успѣлъ огля-

нуться—еще ѣдутъ, уже наѣхали на него совсѣмъ; то былъ Ханъ-оглы, отставшій на своемъ хромоногомъ жеребцѣ.

Такъ прямо съ сѣдла и обрушился старый волкъ на спину Марко; сцѣпились, стали бороться. Крѣпко сжалъ герцеговинецъ дряхлаго турка, задушилъ-бы его, да успѣлъ Ханъ-оглы крикнуть. Подскакали на выручку, захватили и Марко Бѣлаго.

Съ другой стороны темная группа приближается. Слышитъ Марко въ этой группѣ голосъ своей жены, молящій, плачущій, слышитъ и стоны своей красавицы Мары. Всѣ свои силы напрягъ Марко, обезумѣлъ отъ горя бѣдный отецъ, рванулся, выхватилъ даже ножъ у кого-то изъ-за пояса; какъ бѣшеный, махая оружіемъ, кинулся онъ къ своимъ на выручку, одинъ противъ столькихъ.

Снова нагнали его, снова схватили, били чѣмъ ни попало, только одно помнили: наказъ Кара-Мехмета — живымъ доставить хуторянина. Скоро все покончили. Попались только семья Маркова да старый Савва; прочимъ помогъ святой Никола уйти. Захватили коровъ съ хутора, захватили и магарца вьючнаго. Часть турокъ пошла назадъ къ лагерю и повела съ собою Марко и Савву, а другіе зачѣмъ-то въ селѣ остались.

Слышалъ Марко дорогою, какъ неистово, пронзительно кричала и ругалась его жена, слышалъ и другой вопль отчаянный, смертельный, разъ только пронесшійся въ воздухѣ и разомъ оборвавшійся.

— Мара! Мара!—простоналъ несчастный отецъ.

У него помутилось въ глазахъ, колѣни подогнулись, силы нѣтъ идти. Поволокли Марко Бѣлаго волокомъ.

XX.

Судъ скорый и праведный.

Разсвѣтало. Турецкій лагерь оживился. Продрогшіе, промокшіе отъ ночного дождя солдаты спѣшили къ кострамъ грѣться и высушивать свои синія шинели. Вьючныхъ магарцевъ погнали на водопой. Ночные караулы и цѣпь стали мало-по-малу стягиваться; все уже было давно на погахъ, только въ домѣ Марко было тихо и въ самомъ домѣ и около не было никакого движенія. Паша еще спалъ и его слуги уже не разъ выбѣгали за ворота отгонять подальше безпо-

койныя, шумныя группы, чтобы не потревожить утренняго сна его превосходительства.

Кара-Мехметъ даже по двору ходилъ на цыпочкахъ. Бывшій кафеджи волновался за успѣхъ посланной имъ экспедиціи; ни одинъ еще всадникъ не возвращался оттуда, и это начинало уже серьезно тревожить начальника баши-бузуковъ.

Часамъ къ восьми утра вернулась только часть посланныхъ, всего шесть человѣкъ, съ однимъ плѣнникомъ; они привели Марко Бѣлаго. Несчастнаго тащили между двухъ лошадей, привязавъ за кисти рукъ къ стременамъ; за спиною, подъ локти, было просунуто длинное ружье, концы котораго лежали на сѣдлахъ конвоирующихъ всадниковъ. Въ такомъ полувисячемъ положеніи доставленъ былъ *бунтовщикъ* въ турецкій лагерь, гдѣ надъ нимъ долженъ былъ состояться судъ правильный и безупречный, тѣмъ болѣе, что судъ этотъ не былъ закрытый, а имѣлъ происходить въ присутствіи, въ нѣкоторомъ родѣ, представителя европейскаго, мистера Квелли.

— А, будь здоровъ, пріятель, старый знакомый! Ну, какъ поживаешь?—подошелъ къ Марко Кара-Мехметъ, остановившій, на всякій случай, процессію, значительно не доходя воротъ дворика.

Тупо, почти безъ всякаго выраженія, взглянулъ бѣдняга на спрашивающаго и снова опустилъ голову. Его фигура съ подогнутыми колѣнями, съ высоко вздернутыми плечами, сильно стянутыми назадъ и вверхъ локтями, въ лохмотьяхъ, забрызганныхъ кровью и грязью, даже на не особенно нервнаго агу произвела непріятное впечатлѣніе.

— Развяжите его, положите тамъ на солому, пускай отдохнетъ!—распорядился Кара-Мехметъ;—только сторожите его крѣпко, а то вѣдь *они*, *эти самые*... живучи сильно; чуть отвернешься—и поминай, какъ звали. Не разъ уже такъ случалось. Вѣдь какой ты, право, съумасшедшій,—продолжалъ онъ, перемѣнивъ начальническій распорядительный тонъ на болѣе мягкій, нелишенный даже нѣкотораго участія, и обращаясь снова къ плѣнному.—Какой ты, право, безразсудный! Чѣмъ бы сидѣть дома и честь-честью встрѣтить начальство, осчастливившее твой домъ своимъ посѣщеніемъ, ты удралъ, словно отъ разбойниковъ удралъ. Теперь вотъ паша на тебя прогнѣвался и даже сильно прогнѣвался. Я ужъ какъ за тебя старался,

какъ упрашивалъ! Говорилъ ему, что тебя случайно не застали дома, только онъ мнѣ не повѣрилъ: — «знаю»—это говоритъ паша—«что ты» — это онъ про меня — «всегда этимъ псамъ мирволишь! Я, говоритъ, и тебя вмѣстѣ съ нимъ на одной висѣлицѣ повѣшу».—Что я могъ сдѣлать? Послалъ своихъ людишекъ тебя отыскивать... Да, кстати, а семья твоя гдѣ?

Спокойно слушалъ Марко рѣчь Кара-Мехметову; какъ бросили его кулькомъ на солому, такъ и лежалъ, не шевелясь, а какъ дошелъ ага до конца, только о семьѣ помянулъ, плѣнника всего передернуло, точно подкинуло съ соломы, такъ что два баши-бузука, ближе къ нему стоявшихъ, отскочили назадъ и за ятаганы схватились.

— Будь ты проклятъ, лживый языкъ!—не сказалъ, а завылъ Марко.—Убей меня, говорю тебѣ, убей, что мнѣ теперь жить! Не оставляй-же, смотри, живого, а то придетъ моя очередь. Попадешься ты—шкуру сдеру, живымъ на огнѣ спалю... Не оставлю!..

— Ладно, ладно!—усмѣхнулся ага, — а я еще тебя пожалѣть хотѣлъ, думалъ породниться даже. У меня для твоей Мары мѣстечко приготовлено... Она-то вѣдь какъ разъ подросла для такого дѣла. А гдѣ-же бабы? — обратился онъ къ баши-бузукамъ.

— Не нашли... убѣжали, — угрюмо отвѣчалъ Ибрагимъ Вукъ. — Двухъ вели, да одного дорогою прикончили, нестоющій былъ, скорѣе сказать, самъ издохъ путемъ, отъ старости...

Паша проснулся, два ординарца полѣзли на высокую приступку отворять наружные ставни. Джекъ, слуга Квелли, протиралъ мокрымъ полотенцемъ свою заспанную физіономію.

Деньщики понесли въ домъ сваренный уже ими для своихъ господъ кофе, конюхи вновь принялись за чистку кровныхъ жеребцовъ, уже и безъ того выхоленныхъ на славу. Кара-Мехметъ, оставивъ, наконецъ, въ покоѣ свою жертву, которую онъ не разъ принимался пытать своими сочувственными рѣчами и разспросами о семьѣ, явился къ пашѣ съ докладомъ обо всемъ происшедшемъ за ночь.

Докладъ былъ изложенъ и занесенъ м-ромъ Квелли въ записную книжку въ такомъ видѣ:

«Ночью, по распоряженію начальника баши-бузуковъ при отрядѣ, былъ посланъ усиленный разъѣздъ по направленію къ

селенію Гумиланъ, такъ какъ по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что оттуда можно было ожидать нечаяннаго нападенія со стороны какъ мятежныхъ жителей самаго селенія, такъ и банды усташей, укрытыхъ жителями селенія. Свѣдѣнія эти, полученныя проницательнымъ и осторожнымъ агою, не жалѣвшимъ ни трудовъ, ни здоровья, ни даже собственныхъ личныхъ расходовъ ради службы его величества падишаха—да продлитъ Аллахъ безъ конца его блистательное царствованіе!—оказались болѣе, чѣмъ основательными. Разъѣздъ при входѣ въ селеніе Гумиланъ былъ встрѣченъ выстрѣлами; мятежники оказали сильное сопротивленіе, но мужество и неустрашимость воиновъ его величества падишаха (снова: да продлитъ Аллахъ безъ конца его блистательное царствованіе!) одержали верхъ надъ врагомъ. Селеніе было взято штурмомъ, причемъ непріятель потерялъ убитыми и ранеными болѣе ста человѣкъ, наши-же потеряли только двухъ. Предводители бунтовщиковъ оба взяты въ плѣнъ,—одинъ доставленъ сюда, на судъ къ его превосходительству, другой скоропостижно умеръ дорогою, надо полагать, отъ огорченія и раскаянія».

— Благодарю, — промычалъ паша, апатично выслушавъ разсказъ и прихлебывая изъ маленькой чашечки черную кофейную гущу.

— Это жаль, что вы мнѣ не дали знать, я-бы непремѣнно поѣхалъ тоже съ вами,—недовольно замѣтилъ м-ръ Квелли.

— Я полагаю, что этотъ мерзавецъ все вретъ,—позволилъ себѣ, по-англійски, впрочемъ, вставить свое замѣчаніе мистеръ Джекъ, съ позволенія барина кушавшій утренній кофе вмѣстѣ съ турецкими офицерами.

— Такъ какъ прикажетъ его превосходительство: привести сюда плѣннаго предводителя или паша самъ выйдетъ на него взглянуть?—почтительно кланяясь, спросилъ Кара-Мехметъ.

— Повѣсить его,— тѣмъ-же апатичнымъ топомъ, какъ и свое первое «благодарю», процѣдилъ сквозь зубы паша.

Одинъ изъ его адъютантовъ, тотъ, что говорилъ по-французски, нагнулся ему черезъ плечо и началъ что-то шептать ему на ухо, искоса взглядывая на двухъ европейцевъ: мистера Квелли и его слугу.

— Ну, пожалуй, можно и судъ назначить, это все равно,— ляпнулъ паша.—Да, да,—добавилъ онъ, уже обращаясь къ кор-

респонденту газеты «Times»,—судъ, судъ по формѣ прежде всего; у насъ въ Турціи, безъ суда—ни-ни, у насъ все основано на строгомъ законѣ справедливости и...

— Такъ точно, ваше превосходительство,—наклонилъ свою красивую голову въ фескѣ адъютантъ.

— А что-же завтракъ?.. Мы выступаемъ ровно въ десять часовъ. А теперь...

Его превосходительство потащилъ изъ жилетнаго кармана свою массивную золотую луковицу.

— Командиры таборовъ уже приходили съ докладомъ. Люди поѣли и скотину вьючатъ; орудія уже въ запряжкѣ.

— А, хорошо. Что мнѣ дѣлать съ моею спиною? вотъ тутъ я чувствую иногда боль, даже сегодня ночью, и тутъ тоже... препепріятное ощущеніе,—обратился паша къ мистеру Квелли.

— Я не докторъ,—отвѣчалъ корреспондентъ газеты «Times», отыскивая что-то на картѣ.

— Это, ваше превосходительство, легкіе ревматическіе припадки, —любезно поспѣшилъ замѣтить мистеръ Джекъ; — послѣдствія военныхъ трудовъ и лишеній, испытанныхъ вами, а впрочемъ, это не опасно. Втиранія на ночь скипидаромъ съ розовымъ масломъ—и все пройдетъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Вы думаете?

— О, я въ этомъ увѣренъ. Если только,—продолжалъ импровизированный докторъ, уже снова по-англійски, — это не послѣдствія палочныхъ ударовъ, которые смолоду не разъ, вѣрно, доставались на долю этого животнаго.

— Ты забываешься, Джекъ, и я даю слово, что послѣдній разъ беру тебя съ собою,—строго замѣтилъ своему слугѣ мистеръ Квелли.

— Мистеръ, относительно васъ я исполняю свою обязанность вполнѣ совѣстливо: ваше платье вычищено, сапоги тоже, весь багажъ въ порядкѣ, кофе я вамъ подалъ и въ настоящую минуту держу наготовѣ вашъ плащъ и шляпу. Предоставьте-же мнѣ, мистеръ, имѣть свои собственныя политическія убѣжденія; я нисколько не виноватъ, если они расходятся съ вашими.

— Это отчасти вѣрно, — замѣтилъ мистеръ Квелли,—а все-таки я тебѣ совѣтовалъ бы съ твоими убѣжденіями по-

ступить на службу къ Карлейлю: изъ васъ была-бы болѣе подходящая пара.

— Вы знаете, что я служилъ у него, но мнѣ было отказано, какъ только сэръ Генри узналъ, что я состою корреспондентомъ этой вѣнской газеты, какъ бишь ее...

Поданный завтракъ прервалъ переговоры слуги съ господиномъ. Хаки-паша освободилъ крючки сюртука на желудкѣ при видѣ барашка, аппетитно зарумянившагося на угольяхъ. Сѣли есть.

А между тѣмъ отрядъ уже выстраивался въ порядокъ вдоль дороги. Вьючные ослы тройною цѣпью помѣстились между главными силами и арьергардомъ, часть кавалеріи отправилась уже впередъ, остальные всадники рыскали вразсыпную по опустѣлому, засоренному навозомъ, соломой и остатками тлѣющихъ костровъ становищу. На сегодня погода обѣщала быть довольно ясной; весеннее солнце то свѣтило ярко, согрѣвая все живое своими лучами, то пряталось на минуту за быстро-бѣгущими по небу, разорванными, бѣлыми облаками. Воробьи громко чирикали, шумными стаями перелетая съ куста на кустъ; вершины тополей чернѣли отъ крикливой стаи воронъ, слетавшихся въ ожиданіи скораго пиршества.

Послѣ завтрака, тянувшагося болѣе часа времени, Хаки-паша, окруженный своею свитою, объѣхалъ ряды войскъ и пожелалъ взглянуть на плѣннаго предводителя усташей; ему показали Марко Бѣлаго, заставивъ несчастнаго при этомъ стать на колѣни. Паша отдалъ приказаніе немедленно отправить его подъ надежнымъ конвоемъ въ Крстацъ. Мистеръ Квелли принялся черезъ переводчика разспрашивать Марко о подробностяхъ *боя*, но не добившись никакого отвѣта, выбранилъ его безсмысленнымъ скотомъ и кретиномъ и удивился необыкновенному мягкосердечію турокъ относительно людей подобнаго рода.

Авангардъ тронулся въ путь, за нимъ главныя силы, во главѣ которыхъ красиво выплясывалъ горячій жеребецъ его превосходительства; остались на хуторѣ только Кара-Мехметъ и десятка два его всадниковъ, долго слѣдившихъ за хвостомъ турецкой колонны, пока та, втянувшись въ лощину, не скрылась совсѣмъ за крутымъ поворотомъ горной дороги.

Мистеръ Квелли и Джекъ отправились, конечно, въ свитѣ его превосходительства.

XXI.

„Маленькій Владанъ“.

Нагнавши семью Маркову, баши-бузуки пріостановились. Эти двѣ женскія фигуры, въ ужасѣ припавшія къ землѣ, вьючные магарцы, съ пронзительнымъ ревомъ разметавшіеся во всѣ стороны, коровы и козы, сбившіяся въ кучу, — все это было слишкомъ заманчиво для наскакавшихъ турокъ, чтобы заставить ихъ остановиться и немедленно приняться за приведеніе въ порядокъ всей захваченной добычи. Они настолько удовлетворились первыми результатами погони, что уже болѣе преслѣдованія не продолжали.

Оно и спокойнѣе для нихъ было: здѣсь только женщины и мирная четвероногая скотина, а тамъ, пожалуй, и съ кѣмъ другимъ поопаснѣе можно встрѣтиться.

Жена Марко Бѣлаго, едва только коснулась до нея вражеская рука, выпрямилась, взвизгнула и, какъ разсвирѣпѣвшая кошка, ринулась на перваго попавшагося ей подъ руку. Ее тотчасъ-же связали и втянули на крупъ лошади. Красавица Мара обезпамятѣла отъ ужаса и не сопротивлялась. Съ остальными справились скоро, и черезъ двѣ-три минуты вся эта орава тронулась обратно къ селенію. Въ темнотѣ почи, въ общей сумятицѣ разбойники и не замѣтили ребенка, притаившагося за камнемъ.

Когда вся группа значительно уже удалилась отъ мѣста катастрофы, маленькій Владанъ выглянулъ изъ своего убѣжища и, гдѣ ползкомъ, гдѣ перебѣгая отъ одного закрытія къ другому, направился за нею слѣдомъ.

Быстро прошли для мальчика первыя минуты страха. Не сознавая вполнѣ размѣровъ опасности, онъ не безъ любопытства слѣдилъ шагъ за шагомъ за турками и почти одновременно съ ними пробрался въ селеніе.

Ночь темна; по всѣмъ направленіямъ тянутся и скрещиваются низенькія каменныя стѣнки, всюду груды мусора и навозныя кучи, глубокія рытвины, поросшія сухимъ, еще прошлогоднимъ бурьяномъ, масса всевозможныхъ закрытій; гдѣ тутъ замѣтить маленькое, такое юркое, живое существо, успѣв-

шее уже тѣмъ временемъ очутиться подъ самою стѣною сакли стараго пастуха Саввы?

Владанъ даже опередилъ нѣсколько партію баши-бузуковъ; онъ видѣлъ блескъ выстрѣла старинной винтовки, которою любовался еще такъ недавно, видѣлъ отчаянную рукопашную борьбу стрѣлявшаго съ врагами, видѣлъ, какъ это чудное, вызвавшее у него такой восторгъ и зависть оружіе выбито было изъ стариковскихъ рукъ, какъ оно звякнуло объ уголъ крыши, подскочило и безъ звука упало внизъ, застрявъ торчкомъ въ мягкой навозной кучѣ.

Ни мать, ни сестра, ни судьба отца не занимали его такъ въ эту минуту, какъ эта чудная пушка, которая можетъ достаться въ руки турокъ. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ вернулся сюда, но ужъ, конечно, не за тѣмъ, чтобы добыть себѣ вооруженіе.

Если вы убьете дикую козу-матку, ея козленокъ, испуганный звукомъ выстрѣла, въ первое мгновеніе отбѣжитъ далеко, но потомъ, когда вы, взваливъ на плечи добычу, понесете ее домой, онъ непремѣнно будетъ слѣдить за вами и даже безъ труда отдастся въ ваши руки; повинуясь этому-же инстинктивному, чисто-животному чувству, и Владанъ слѣдилъ за турками и вернулся въ селеніе, не размышляя о томъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ и что его можетъ ожидать, но теперь у него уже создалась цѣль, точная, опредѣленная. Онъ уже былъ *тамъ*, у этой цѣли, онъ уже прикасался къ своему сокровищу дрожащими отъ волненія рученками. Какъ змѣя, ползъ онъ черезъ дорогу, волоча за собою ружье; черезъ него, съ храпомъ, грозно звякнувъ копытами, перескочила какая-то лошадь со всадникомъ. Мальчикъ ползъ и ползъ дальше.

Не наткнись онъ случайно на мѣсто схватки баши-бузуковъ съ пастухомъ-герцеговинцемъ, не свались съ крыши эта чудная пушка прямо чуть не въ самыя его руки, онъ вѣрно не ушелъ-бы во-время, остался бродить по селенію и, можетъ быть, даже навѣрное, попался-бы, наконецъ, на глаза одного изъ расхозяйничавшихся на славу баши-бузуковъ.

Сюда онъ направлялся безъ особаго чувства страха, отсюда-же, — испытывая сильнѣйшую боязнь, но не за себя, нѣтъ,—за свое такъ неожиданно пріобрѣтенное сокровище.

Заговорятъ турки громче, рыская по задворкамъ и саклямъ

Гумилапа—мальчикъ поддастъ ходу, изо всѣхъ силъ работаетъ и руками, и ногами, даже зубами прихватываетъ за тесьму оружейной перевязки. Притихнутъ турки, а то просто порывомъ вѣтра отнесетъ гулъ ихъ голосовъ въ противоположную сторону—пріостановится и опъ, прижмется къ какому-нибудь камню и торопливо переноситъ духъ, сбираясь съ силами на новую угонку.

Круто вверхъ ползти приходится. Выбивается ребенокъ изъ силъ; и ружье *его*, вѣдь какое легкое было сначала, какъ перышко, а теперь страсть тяжелое стало. Добрался, наконецъ, Владанъ до козьей тропы, залегъ.

«Ну, думаетъ, здѣсь не отыщутъ, отсюда-то ужъ не достанутъ, проклятые!»

Холодно ночью, сыро. Ему ничего! Весь въ жару, мокрый отъ пота, штаны въ лохмотьяхъ, на колѣняхъ вовсе протерлись, весь бортъ его куртки наотмашь оторванъ, шапка потеряна, волосы растрепаны, ко лбу прилипли, все тѣло избито, покрыто ссадинами и царапинами. Залегъ онъ въ свое логово и слушаетъ оттуда, слушаетъ внимательно, какъ гдѣ-то далеко-далеко внизу галдятъ, перекликаются враги. Доносятся оттуда и другіе звуки, голоса какъ будто знакомые, да кто ихъ разберетъ, какіе! и смутно, какъ словно изъ-подъ земли, все тише и тише...

Огонь горитъ внизу, ярко такъ, и отъ него въ туманѣ свѣтлые длинные лучи тянутся. Вонъ и еще гдѣ-то новый огонь разгорѣлся, пламя высоко лизнуло воздухъ— еще новый снопъ лучей, ярче прежняго. Колокольчики зазвенѣли. Что это такое? А, это ихъ пѣгая корова домой возвращается. Матка молоко доить будетъ, согрѣетъ потомъ въ котелкѣ и ему дастъ пить; вкусное молоко такое, теплое! Мара рубатепку братишкину на огнѣ грѣетъ, просушиваетъ. Батько сидитъ угрюмый, трубку куритъ, надымилъ такъ, что и лица его не видать за дымомъ. «Ты, говоритъ, слушай, Владанъ, береги тоже эту пушку, не теперь, такъ послѣ пригодится». «Сберегу,—сквозь сладкую дремоту лепечетъ мальчикъ. — Я турка убью, я ему носъ отрѣжу и ухо... я убью...»

Еще крѣпче, судорожнѣе прижалъ ребенокъ къ груди свою драгоцѣнность и... и уже больше ничего не слышалъ и не видѣлъ, съ нимъ уже никто больше не разговаривалъ. Маленькій Владанъ заснулъ, какъ убитый.

Проснулся сынъ Марко Бѣлаго, холодно ему, продрогъ, зубъ на зубъ не попадаетъ. Солнце уже поднялось надъ горами, да до него еще не дошло; надъ нимъ тѣнь отъ высокой, почти отвѣсной скалы; сообразилъ это обстоятельство ребенокъ сразу и поспѣшилъ выбраться на согрѣтое мѣсто.

Въ Гумиланѣ тихо, никого не видно. Нѣсколько козъ бѣгаютъ по близости, одинокая курица бродитъ по задворку. Крыша надъ саклею проломлена, черная дыра тамъ зіяетъ и синеватый дымокъ оттуда поднимается. Дохлый конь лежитъ поперекъ узкой улицы, еще что-то лежитъ, длинное такое, синее, да не разберешь что, чуть только видать изъ-за стѣнки. Турокъ нѣтъ, словно ихъ не было тутъ никогда...

Сталъ Владанъ спускаться съ горы; ему ѣсть хочется страшно, а у Саввы вчера козленокъ былъ жареный и лепешки кукурузныя, онъ это очень хорошо помнилъ. Это именно обстоятельство и потянуло его въ селеніе.

Скоро добрался мальчикъ до мѣста. Осторожно вошелъ онъ въ деревню и первымъ дѣломъ заглянулъ черезъ стѣнку. Заглянулъ и обомлѣлъ отъ ужаса. Тамъ лежала ничкомъ его мать, лицомъ прямо въ почернѣвшей лужѣ густой крови; видъ этой страшной лужи испугалъ ребенка. Онъ видѣлъ не разъ, какъ рѣжутъ барановъ и козъ, ему и представилось именно подобное обстоятельство... Понялъ онъ, что сталось съ его матерью. «Пойти скорѣе, сказать батькѣ, мелькнуло у ребенка въ головѣ, какъ только прошла первая минута испуга.—А гдѣ-же теперь батька? Здѣсь нѣту, не видать нигдѣ... должно быть, *домой* пошелъ. Онъ вѣдь ушелъ вчера, когда стемнѣло, куда-же ему идти, какъ не домой? И Мара вѣрно съ нимъ ушла, и Янку унесли. Ахъ, нѣтъ, Мару турки взяли, и мать его взяли. Турки вѣдь всегда уводятъ женщинъ,— это онъ слышалъ, много разъ слышалъ;— отчего-же одну Мару увели, а мать оставили и зарѣзали? А домой все-таки идти надо; здѣсь какъ-то страшно. Ужъ очень тихо... да... пойду домой...»

Думаетъ, соображаетъ по-своему мальчикъ всѣ обстоятельства этой страшной ночи, а голодъ инстинктивно заставляетъ его ходить и шарить по саклѣ пастуха Саввы.

Какъ свѣтло теперь въ этой саклѣ! Солнце такъ прямо и свѣтитъ сквозь прогорѣвшую крышу, а внутри мусоръ, уголья, тряпье разное, крови сколько и здѣсь, Боже милостивый! и ничего такого, чтобы съѣсть можно было...

— Эхъ, пойду домой! тамъ отецъ накормитъ,—порѣшилъ, наконецъ, Владанъ, даже громко, вслухъ выразилъ свое рѣшеніе, энергично плюнулъ и рысью, въ припрыжку, пустился по тропинкѣ, ведущей къ отцовскому хутору.

Бѣжалъ, бѣжалъ мальчикъ, да вдругъ прыгнулъ въ сторону и присѣлъ къ землѣ,—опять испугался чего-то. Лежитъ человѣкъ на самой дорогѣ—ужъ не батько-ли?! Нѣтъ, этотъ старый. Сѣдые длинные волосы вѣтромъ пошевеливаетъ, да и одежда не та, хотя и не турецкая.

И тутъ не долго трусилъ ребенокъ; выждалъ, осмотрѣлся, подкрался поближе.

Лежитъ это Савва пастухъ, черепъ проломленъ... тоже цѣлая лужа крови подъ тѣломъ.

— Ишь вѣдь, *проклятые*, и его убили. Такъ и скажу отцу: матку зарѣзали, Савву зарѣзали, сестру увели, все скажу; а пушка Саввина—вотъ она, при мнѣ... такъ и скажу... А батько пушку не отниметъ!? А ну, какъ отниметъ? Не говорить ему лучше про пушку и спрятать ее куда подальше, или сказать?

Мучитъ ребенка сомнѣніе насчетъ этого послѣдняго обстоятельства, и шагъ его сталъ какъ-то замѣтно медленнѣй; однако идетъ, все впередъ идетъ. Далеко уже остался поворотъ тропы, гдѣ лежитъ бездыханный Савва, приконченный башибузуками за то, что больно барахтался дорогою... Еще немного пройти—опять поворотъ долженъ быть, а съ этого поворота уже хуторъ отцовскій хорошо виденъ, часъ пути, не больше, остается. Онъ-бы и скорѣе дошелъ, да ружье мѣшаетъ: какое оно длинное стало, словно выросло за ночь. Солнышко ярко такъ играетъ на граняхъ его ствола, на перламутровомъ наборѣ приклада; повернетъ его ребенокъ—на камняхъ свѣтлые зайчики бѣгаютъ, отражаются; сильно занимаютъ Владана эти веселые отблески, быстро заставляютъ забывать все остальное, сокращаютъ ему длинную дорогу, глушатъ даже острые приступы дѣтскаго голода.

«Эге! голоса слышны—много голосовъ. Не наши, то турецкій говоръ слышенъ!.. Дымомъ запахло, конь заржалъ звонко, другой ему откликнулся... это уже на хуторѣ».

Выбрался маленькій Владанъ на чело пригорка, какъ-разъ на послѣднемъ поворотѣ, и передъ его глазами раскинулась

вся панорама засореннаго, оставленнаго турками бивуака, отцовскій домъ, дворъ, осѣдланные кони, тамъ и сямъ стоящіе на приколахъ, толпа на дворѣ и одиночныя чужія фигуры, бродящія вокругъ двора, словно разыскивающія что-то.

Опять мальчику пришлось прятаться. Не стоять-же тутъ на юру, чтобы тѣ увидѣли,—убьютъ его, пожалуй. Только на этотъ разъ Владанъ не ушелъ далеко; онъ еще болѣе придвинулся, выждалъ удобную минуту, мячикомъ скатился по насыпи, прямо въ густую заросль горнаго терновника, и залегъ въ самой его гущинѣ.

Рыскаютъ турки, навозъ роютъ, ямы какія-то копаютъ, въ одномъ мѣстѣ стѣну домовую взломали, кричатъ, ругаются; потомъ бросили все, столпились въ углу, опять ругаться начали. Двое побѣжали за соломою, свернули пучки и запалили эти пучки. Такъ и идутъ въ толпу, помахивая въ воздухѣ своими факелами; разступились прочіе. Что это только хотятъ они дѣлать?

Дикій, отчаянный, вовсе не человѣческій крикъ раздался въ воздухѣ и замеръ; даже турки, громко говорившіе до этой минуты, притихли отъ этого ужасающаго крика и кони забились на своихъ привязяхъ, воронья стая съ шумомъ шарахнулась съ деревьевъ и закружилась въ синемъ воздухѣ черными крестиками.

Не узналъ въ этомъ воплѣ Владанъ голоса своего отца, да и гдѣ-же узнать?—въ первый разъ ему пришлось слышать подобные звуки.

Опять крикъ, въ этотъ разъ нѣсколько тише... Струя дыма вьется къ верху на томъ мѣстѣ... Ишь, какъ опять загорлапили проклятые, опять забѣгали по двору.

А вотъ двое полѣзли на крышу, добрались до самаго свѣса, на уголъ, и веревку какую-то приладили; кричатъ оттуда другимъ и руками машутъ.

Двинулась толпа изъ угла двора къ дому на призывъ, несутъ мѣшокъ какой-то тяжелый, а отъ того мѣшка двѣ ноги, словно плети по землѣ, волочатся. Донесли, наверхъ потащили.

Тамъ, отъ этого самаго, острымъ клиномъ выдающагося угла кирпичной крыши, вдоль по карнизу, Марко Бѣлый и его жена каждую осень вывѣшивали длинныя, красивыя такія гирлянды краснаго стручковаго перцу и золотисто-желтые пучки

сѣмянной кукурузы. Это Владанъ хорошо помнилъ, самъ лазалъ по крышѣ и помогалъ отцу въ развѣскѣ. Батько снизу подаетъ, а онъ сидитъ воробьемъ, ноженки свѣситъ и знай,— цѣпляетъ пучечки!

Вотъ на этомъ-то самомъ мѣстѣ турки и подвѣсили свой большой мѣшокъ съ длинными ногами, повѣсили и отбѣжали всѣ дальше, прямо къ своимъ конямъ кинулись и садиться начали, а садиться не ловко, высоко больно: чего-чего на сѣдла и за сѣдлами и по бокамъ не понавѣшено, просто и лошадей-то не видать подъ вьюкомъ.

Тихо потянулась вереница шакалья съ награбленнымъ добромъ, и какъ-разъ въ ту сторону, откуда вчера пришли турки, а не туда, куда ушли сегодня утромъ. Только человѣка четыре за колонною ускакали, тѣ были налегкѣ, безъ вьюковъ; между этими послѣдними былъ и старшій ага, что всѣмъ дѣломъ распоряжался; его-то ужъ, этого долговязаго, въ чалмѣ и синей, расшитой золотыми шнурками курткѣ, ребенокъ очень хорошо замѣтилъ.

Стихло все на хуторѣ Марко Бѣлаго. Воронье только каркаетъ, на крышу слетается, да недолго сидѣли эти крылатые баши-бузуки, разомъ всѣ прочь отхлынули.

Изъ оконъ, изъ дверей, изъ пробитыхъ дыръ въ стѣнѣ, изъ трубы печной даже, отовсюду повалили густые клубы чернаго дыма, въ этихъ клубахъ зловѣще мелькнули красные огненные языки. Рухнула скоро подгорѣвшая снизу крыша. Столбомъ высоко-высоко взлетѣли къ небу черныя, обугленныя головешки; затрещала затлѣвшая отъ жара молодая листва на тополяхъ. Смолистымъ запахомъ потянуло въ воздухѣ. За большимъ домомъ, словно сами собою, загорались крыши и на прочихъ строеніяхъ хутора.

Словно окаменѣлъ маленькій Владанъ, глядя на всю эту картину разрушенія; давно уже ушли турки, а онъ все сидитъ да смотритъ. Не плачетъ ребенокъ, молчитъ, только крѣпко, судорожно сжимаетъ обѣими ручонками тонкую, перевитую шелковою тесьмою шейку ружейнаго приклада.

XXII.

Военный совѣтъ.

Прямо на сѣверъ отъ Никшича, гдѣ заперлись голодающій гарнизонъ и присоединившіеся къ нему мусульмане, жители никшичской долины, близъ крутого поворота лощины, образуемой теченіемъ горной рѣки Луковицы, расположилось, почти рядомъ одно съ другимъ, три небольшихъ селенія: Орѣхъ, Врага и Ясенево-поле, всѣ три по дорогѣ въ Пиву, ведущей совершенно параллельно Дужскому ущелью. Здѣсь-то въ данное время и находились старшіе воеводы возставшихъ усташей, Лазарь Сочица и Пеко Павловичъ, съ своими штабами. Ставки воеводъ окружало весьма небольшое число вооруженныхъ людей, большая часть вольнаго народнаго воинства разбрелась по домамъ, особенно много ушло за черногорскую границу, благо та ужъ очень близко, всего въ получасовомъ разстояніи сзади тянулась.

Это ужъ такой обычай у здѣшнихъ юнаковъ—не сидѣть даромъ въ лагерѣ, а собираться въ него только передъ боемъ, когда воеводы измыслятъ что-нибудь «доброе» и разошлютъ гонцовъ-сборщиковъ. Опять-же, помимо скуки и бездѣйствія, и кормиться надо; при вольныхъ отрядахъ никакого организованнаго интендантства не полагается, всякъ съ собою носитъ все свое насущное продовольствіе, а хоть и неприхотливъ на этотъ счетъ юнакъ, малымъ довольствуется, все-таки болѣе, какъ на три дня провіанту взять нельзя, тяжело съ нимъ по горамъ таскаться. Коли есть у человѣка лишняя сила, то лучше фишековъ (патроновъ) набрать побольше, чѣмъ съѣстного. Такой ужъ здѣсь заведенъ обычай и порядокъ.

При Лазарѣ еще оставалось человѣкъ триста, все пивляне, съ одного съ нимъ города, земляки, а съ Пеко и трехъ десятковъ не насчитывалось, потому что у того больше сосѣдніе, съ Черныхъ горъ добровольцы служили; тѣ по домамъ разошлись, чиниться, кормиться, запасаться зерномъ, барутомъ (пулями и порохомъ), опанками новыми, взамѣнъ стоптанныхъ, изрѣзанныхъ острыми каменьями горныхъ тропъ, и чистыми кошулями, рубахами. Послѣднее обстоятельство тоже немаловажное, потому,—черногорецъ въ военное время бѣлья часто

мѣнять не любитъ, какъ надѣнетъ разъ кошулю, такъ и не снимаетъ, пока та сама клочьями съ плечъ не свалится.

Кромѣ этихъ двухъ старѣйшихъ воеводъ, были еще и другіе, маленькіе; у тѣхъ грамотнаго штаба вовсе не было; имъ и сидѣть на «сторожевомъ мѣстѣ» не приходилось, то-есть на боевыхъ позиціяхъ; они сами разбрелись съ своими крохотными отрядцами... Вотъ уже три недѣли, какъ ничего не слыхать, чтобъ въ Мостарѣ или Требиньѣ турки что либо затѣвали; не слыхать, чтобы и съ моря шло подкрѣпленіе къ туркамъ; затишье настало въ рядахъ турокъ, затишье и въ рядахъ ихъ противниковъ...

Всему бываетъ конецъ, насталъ конецъ и этому затишью. Еще третьяго дня пришелъ гонецъ отъ отца Иларіона къ Лазарю, принесъ его святое благословеніе «на бумагѣ» съ архипастырьскою печатью и съ кое-какими подробностями. Воевода, получивъ это благословеніе, сообщилъ его Пеко, а тотъ гонцовъ разослалъ сбирать честное юначество. Затѣмъ самъ князь прислалъ доктора въ отрядъ, русскаго доктора, который такъ въ своемъ мундирчикѣ и сѣромъ пальто и пріѣхалъ верхомъ на магарцѣ, а за этимъ докторомъ прибылъ еще транспортъ, штукъ двадцать вьючныхъ магарцевъ, — на двухъ аптека, а на остальныхъ фишеки изъ казеннаго склада въ Цетиньѣ. Въ ту-же ночь пришло еще письмо отъ благопріятеля, и шло это письмо долго, чуть не пятеро сутокъ, потому изъ далека, изъ самаго Катаро, а въ Катаро это письмо пришло на турецкомъ почтовомъ пароходѣ.

Письмо это Лазарь Сочица разъ десять про себя прочиталъ и секретарю своему велѣлъ раза три вслухъ прочесть, два раза при себѣ, а разъ въ присутствіи Пеко; только этотъ послѣдній не совсѣмъ остался доволенъ прочитаннымъ и, насупивъ брови, сильно натянувъ книзу кончики своихъ длинныхъ усовъ, произнесъ:

— Много писано, а добраго мало... Твой инглизъ пишетъ лучше; у того, что у рубаки добраго, слово написалъ—какъ ятаганомъ обрѣзалъ... И зачѣмъ это онъ пишетъ: «Его превосходительству воеводѣ» и пр.? Какого чорта-дьявола превосходительнаго ищетъ онъ тутъ?..

— Это я, — кивнулъ головою Лазарь и ухмыльнулся;— я-то и есть само превосходительство.

— Развѣ что ты!—ухмыльнулся тоже Пеко и, передернувъ плечами, послалъ всю свою правую пятерню за воротникъ даламы, на охоту за лютымъ звѣремъ, давно уже безпокоившимъ благородную шею воеводскую.

Слова Пеко «твой инглизъ» относились къ Лео, который находился тутъ-же, не безъ восторга прислушиваясь и присматриваясь ко всѣмъ этимъ признакамъ скорой боевой дѣятельности.

А признаки эти все росли и росли, съ каждымъ часомъ выясняясь и принося новыя данныя, самыя веселыя, радостныя для юнаковъ, соскучившихся уже отъ продолжительнаго бездѣйствія.

Турецкая, круглая, коническая палатка Лазаря Сочицы стояла на высокомъ пригоркѣ подъ самою кручею Луковицкаго оврага; отъ нея, спускаясь по склону оврага къ рѣкѣ, зигзагомъ шла узкая тропа, теряясь въ густомъ орѣшникѣ; по бокамъ этой тропы и на самомъ берегу у воды виднѣлись шалаши его пивлянъ, а тамъ и сямъ сквозь зелень кустовъ щетинились ружейные козлы, между ними тянулись веревки съ развѣшанными для просушки даламами и прочими частями юнацкаго костюма. Сами юнаки разбросались по откосу живописными группами: кто чистилъ оружіе, и безъ того вычищенное на славу, кто чинилъ, налаживалъ свои опанки, кто просто по цѣлымъ часамъ сидѣлъ неподвижно въ созерцательномъ состояніи, докуривая послѣдніе остатки турецкаго табаку, пуская въ воздухъ изъ своихъ трубокъ синія струйки табачнаго дыма. Два рослые герцеговинца-кашевара, чуть не совсѣмъ голые, возились у небольшого котла за варкою юнацкой чорбы; неподалеку, свѣсивъ ноги съ горбатаго, полуразрушеннаго моста турецкой постройки, соединявшаго оба берега рѣки, нѣсколько человѣкъ занимались безплоднымъ уженіемъ рыбы съ истинно-сербскою терпѣливостью; по скату противоположнаго берега, гдѣ видны были плоскія крыши сакель деревни Орѣхъ, цѣплялись и ползали козы и вьючные магарцы, съ которыхъ даже, по безпечности, не поснимали ихъ тяжелыя, неуклюжія сѣдла.

Ярко освѣщало весеннее солнце всю эту живую картину; рѣзкими пятнами выдѣлялись изъ зелени бѣлыя стѣны сакель, красныя черепицы на нѣкоторыхъ крышахъ; надломленная ко-

лонпа стараго турецкаго минарета, Богъ-вѣсть когда, Богъ-вѣсть зачѣмъ здѣсь выстроеннаго, отчетливо рисовалась на темно-синемъ фонѣ дальнихъ горъ; искрилась, дробясь о камни, бойко журчащая горная рѣка, отражая въ покойныхъ мѣстахъ и синее небо, и клочковатыя, бѣгущія по небу облака, и полетъ орловъ, плавно носившихся въ воздухѣ надъ бивуакомъ.

А дальше, на другомъ пригоркѣ, у деревни Ясенево-поле, виднѣлся другой, меньшій бивуакъ Пеко Павловича, гдѣ большинство юнаковъ, одолѣваемыхъ чистокровною черногорскою лѣнью, съ утра до ночи спало въ растяжку, набираясь въ богатырскомъ снѣ силъ на новые подвиги.

Весь день со всѣхъ сторонъ къ воеводскому стану сходились гонцы-вѣстовщики и дѣтскимъ голосомъ оживленно разсказывали воеводамъ все, что ими было замѣчено и вывѣдано.

Пеко слушаетъ, слушаетъ такого гонца, непремѣнно подъ конецъ выругаетъ, а то и шлепка дастъ, и добавитъ угрюмо, глядя не на докладчика, а куда-нибудь въ сторону или въ землю:

— Ну, дьяволу, батькѣ твоему, сто чертей въ душу! Коли усталъ—ступай спи, коли голоденъ—жри! Убирайся!

Лазарь выслушиваетъ внимательно, разъ десять переспроситъ, провѣритъ, не вретъ-ли, тоже выругаетъ подъ конецъ, хотя и ласково, и непремѣнно своему секретарю велитъ въ книгу записать и обозначить тамъ имя докладчика, годъ и число, и даже какого святого въ этотъ день празднуется. Любилъ воевода все дѣлать точно, какъ и слѣдуетъ во всякой благоустроенной канцеляріи.

Съ прибытіемъ гонцовъ закопошились юнаки; когда выступать и куда, они еще не знали, а догадывались; какъ только кто изъ воеводъ отпуститъ маленькаго докладчика, сейчасъ его примутся таскать по всему лагерю да переспрашивать и всякій непремѣнно кончитъ вопросомъ:

— А что, не слыхать ли чего новаго въ такой-то деревнѣ?

Назоветъ имя, откуда самъ родомъ. И знаетъ что гонецъ совсѣмъ изъ другого мѣста пришелъ, а все-таки освѣдомится.

Не мало тоже общаго вниманія привлекалъ на себя и пріѣзжій докторъ-руссъ, особенно, когда тотъ разложилъ для сушки и перетирки свои хирургическіе инструменты и открылъ для освидѣтельствованія вьючные аптечные ящики. Гу-

стая толпа собралась вокругъ человѣка въ форменномъ мундирѣ и сѣромъ пальто и его помощника въ бѣлой парусинѣ и въ резиновомъ плащѣ, къ великому удивленію которыхъ, моментально, чуть не изъ-подъ самыхъ хозяйскихъ рукъ, исчезла какая-то баночка съ краснымъ снадобьемъ и пара кривыхъ ножей изъ кожанаго походнаго футляра.

— Господа юнаки, воины почтенные, — упрашивалъ помощникъ, прихватывая обѣими руками за крышку ящика,— нельзя-ли васъ почтительнѣйше просить отойти подальше, нѣсколько подальше, и не мѣшать намъ заниматься дѣломъ.

— А это для чего?—тыкалъ пальцемъ въ отвѣтъ на приглашеніе широкоплечій горецъ, присѣвъ на корточки у соблазнительно игравшаго на солнцѣ хирургическаго добра.

— А вотъ подвернешься подъ турецкую пулю, увидишь— уклонился отъ прямого отвѣта резиновый плащъ. — Господа почтенные... Господа, господа, ради Бога, нельзя-ли не трогать руками!..

— Да пошли-же вы прочь, дьяволовы дѣти! — гаркнулъ во все горло проходившій мимо сотенный командиръ Іоко, слонъ по росту и силѣ. Разогналъ своимъ окликомъ публику, а самъ подсѣлъ къ ящикамъ.

— Это что?—ткнулъ и онъ своимъ пальцемъ.

— Тьфу ты, Господи! —даже сплюнулъ резиновый плащъ, волкомъ озираясь по сторонамъ.

— Это вотъ видите-ли... не безъ легкой тоски въ голосѣ началъ было объяснять человѣкъ въ мундирѣ, но только его объясненіе было прервано посланцемъ отъ Лазаря. Воеводa приглашалъ всѣхъ командировъ, и великихъ, и малыхъ, въ свою ставку, на общій военный совѣтъ, потому что, какъ сообщилъ секретарь, «безъ военнаго совѣта и общаго за симъ росписанія, что, кому, какъ и гдѣ, никогда въ благоустроенныхъ арміяхъ дѣло не начинается».

Вздохнули свободнѣе докторъ-руссъ и его помощникъ, оставшись одни съ своимъ скарбомъ, потому что большинство юнаковъ тоже устремилось къ ставкѣ старшаго воеводы, гдѣ и расположилось вокругъ шатра просторнымъ поясомъ. Хоть и не все слышно, зато видно, какъ воеводы руками размахиваютъ.

А въ палаткѣ Лазаря Сочицы, полы которой были подобраны кверху для прохлады, на пестромъ турецкомъ коврѣ уже собралось почти все чиновное юначество.

Пришли и тѣ, кто далеко въ сторонѣ бивуакировали, пришли съ Лукова, съ Завертца, съ Драговолина, съ Бара, съ Заграда, со всѣхъ окрестныхъ селеній, потому что и туда своевременно уже дошли тревожныя вѣсти, а сборный пунктъ у Орѣшнаго моста, въ ставкѣ Сочицы, былъ обусловленъ заранѣе.

Воеводы и старшее юначество сидѣли всѣ молча, нахмуривъ брови и потупившись въ землю, съ короткими, прямыми чубуками въ рукахъ; синій дымъ густо наслаивался подъ коническимъ сводомъ палатки. Засѣдали юнаки не просто, кто какъ попало, а соблюдался нѣкоторый порядокъ.

На самомъ главномъ мѣстѣ, въ глубинѣ шатра, лицомъ противъ входа, сидѣлъ Пеко Павловичъ: Лазарь, какъ хозяинъ, уступилъ ему почетнѣйшее мѣсто.

Воевода Пеко, высокаго роста и широкоплечій черногорецъ, сидѣлъ сильно сгорбившись; онъ и ходилъ всегда согнувшись, словно пошу носилъ на спинѣ тяжелую; темное, почти земляного цвѣта, худощавое лицо стараго предводителя съ длиннымъ, крючковатымъ носомъ, съ сѣдыми, прямо внизъ висящими усами, со впалыми, полупотухшими очами, въ которыхъ только во время боя вспыхивалъ, разгораясь, былой огонь молодости, выражало суровую, непреклонную волю и упрямую рѣшительность. Никто не помнитъ, чтобы это лицо когда-либо измѣняло свое вѣчное, обычное выраженіе; эти сухія губы, прикрытыя сѣдою щетиною усовъ, никогда не складывались въ улыбку веселья и привѣта; эти губы произносили только или богохульныя ругательства, безъ которыхъ ни одинъ черногорецъ не можетъ составить ни одной самой простой, обыденной фразы, или же короткія, отрывочныя приказанія, не допускавшія возраженій. Голосъ Пеко, всегда тихій, нѣсколько сиплый, во время боя имѣлъ какое-то странное свойство быть слышнымъ всюду, гдѣ это требовалось: въ минуту живой перестрѣлки, въ минуту рукопашной свалки, въ общемъ хаосѣ звуковъ его голосъ выдѣлялся особою характерною нотою, пронизывающею боевой гулъ и всегда достигающею цѣли.

Старая, полинялая далама, когда-то темнозеленаго цвѣта,

безъ всякихъ вышивокъ и украшеній, неуклюже сидѣла на сутуловатыхъ, приподнятыхъ кверху плечахъ старика, складками стягиваясь къ кожаному поясу; жилетъ и воротъ рубахи были растегнуты, открывая напоказъ впалую мохнатую грудь; старая-же турецкая шаль обвивала бедра, прикрывая собою весь боевой арсеналъ воеводы, въ видѣ ножей всѣхъ видовъ и величинъ, двухъ турскихъ пистолетовъ съ прямыми тонкими шейками и господствующаго надъ всѣмъ этимъ ятагана, составившаго себѣ по всей Черногоріи и Герцеговинѣ громкую, неувядаемую славу, попавшаго въ стихотворное произведеніе князя Николы, державнаго народнаго поэта свободолюбивыхъ горцевъ.

Вотъ уже третье возстаніе является Пеко предводителемъ отряда, а въ скольких возстаніяхъ служилъ онъ простымъ юнакомъ,—онъ и самъ забылъ счетъ; его знаніе мѣстности, боевая опытность, тонкое изученіе силъ и способностей противника вошли даже въ пословицы горцевъ; въ его отрядѣ введена была суровая дисциплина, малѣйшій проступокъ юнака не проходилъ не замѣченнымъ воеводою, не оставался безнаказаннымъ; на воровство, впрочемъ, онъ смотрѣлъ всегда сквозь пальцы и называлъ этотъ порокъ шалостью. «Плохой ты юнакъ, если тебя обокрали,—говорилъ онъ обыкновенно обиженному,—самъ себя усторожить не умѣешь». Женскій полъ онъ ненавидѣлъ и отплевывался, какъ отъ чего-нибудь крайне нечистаго, завидя даже издали женскую фигуру. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ родѣ была одна двухлѣтняя турецкая дѣвочка, которую горцы нашли брошенною на тропѣ, послѣ бѣгства изъ одной деревни ея мусульманскаго населенія; дѣвочка больно укусила за палецъ Пеко, когда тотъ взялъ ее за руки.

— Ото добра юначка буде,—даже не улыбнувшись и въ этомъ случаѣ, произнесъ старый левъ и всю дорогу несъ ее на рукахъ, кормя съ пальца жеваною турецкою галетою. Куда дѣлась эта дѣвочка впослѣдствіи, никто не знаетъ и не спрашивалъ объ этомъ у воеводы. Говорили только, что будто-бы онъ промѣнялъ ее на револьверъ какому-то заѣзжему итальянскому графу въ Катаро.

Таковъ былъ воевода луковицкаго отряда, Пеко Павловичъ, за голову котораго турецкій губернаторъ не разъ предлагалъ тысячу лиръ, и даже не бумажными каиме, а наличнымъ золотомъ.

Рядомъ съ Пеко сидѣлъ другой, не менѣе извѣстный юнакъ и хитроумный воевода, самъ хозяинъ ставки, Лазарь Сочица.

Средняго роста, плотно сложенный, даже нѣсколько ожирѣлый, онъ всѣми своими внѣшними чертами, равно какъ и характеромъ, рѣзко отличался отъ своего сотоварища. Онъ тоже былъ уже далеко не молодъ, но гораздо моложе своихъ лѣтъ на видъ; его веселое лицо, румяное, съ темно-сѣрыми, привѣтливо-глядящими, хотя и не безъ нѣкотораго лукавства, глазами, производило чрезвычайно пріятное впечатлѣніе съ перваго же знакомства; щеголевато одѣтый, обвѣшанный дорогимъ оружіемъ, онъ положительно выдѣлялся изъ общей группы.

Въ противоположность вѣчно молчаливому Пеко, Лазарь былъ крайне разговорчивъ, онъ даже любилъ разсказывать, особенно когда замѣчалъ, что его росказни интересуютъ слушателей; свои разсказы онъ пересыпалъ мѣткими замѣчаніями, всегда отыскивая смѣшную сторону во всякомъ серьезномъ дѣлѣ; онъ былъ авторомъ безчисленныхъ остротъ и каламбуровъ, ходившихъ въ народѣ. Если совѣты Пеко въ военномъ дѣлѣ поражали своею увѣренностью и рѣшимостью, то совѣты Лазаря Сочицы блистали тонкимъ разсчетомъ и всегда какою-то оригинальностью, являвшеюся крайне пріятною неожиданностью для тѣхъ, кому казалось данное положеніе окончательно безвыходнымъ.

Тамъ, гдѣ Пеко бралъ силою и храбростью, доходившей часто до наглости, тамъ Лазарь, какъ тонкій стратегъ, бралъ разсчетомъ и обдуманностью. Его находчивость не разъ спасала отъ великихъ бѣдъ зарвавшіеся малочисленные отряды вольныхъ юнаковъ, и эти юнаки, вѣря слѣпо въ своего командира, шли въ бой, всегда увѣренные въ побѣдѣ.

За Пеко шли только съ полною готовностью умереть, а это громадная разница!

Лазарь Сочица, бойко грамотный и по-турецки, и по-сербски, любилъ читать особенно политическія газеты, крайне интересовался всѣмъ, что дѣлается внутри и внѣ его отечества, мѣтко, однимъ словомъ, очерчивая какое-нибудь крайне замысловатое и запутанное дипломатическое положеніе.

Не знаю, да и другіе не знаютъ, былъ-ли грамотенъ Пеко, только никто не видалъ въ его рукахъ ни печатнаго, ни писаннаго клочка бумаги и никакого пишущаго инструмента.

Денежные разсчеты воевода велъ или въ умѣ про себя, или зарѣзывая ножемъ на притолокѣ дверей, во время похода—на прикладкѣ своего оружія.

И Лазарь любилъ въ своихъ войскахъ строгій порядокъ и дисциплину, но поддерживалъ то и другое не такими суровыми мѣрами, какъ его маститый товарищъ. Въ наказаніяхъ, изобрѣтаемыхъ Лазаремъ, преобладалъ элементъ, дѣйствующій на самолюбіе провинившагося, и часто этотъ элементъ достигалъ лучше своей цѣли, чѣмъ безпощадное пристрѣливаніе Пеко, нерѣдко собственноручное.

Лазарь не допускалъ даже духу женскаго въ военное время, особенно по близости его отряда, но во время отдыха и мира, бывая въ Катаро или какомъ-нибудь другомъ населенномъ пунктѣ, любилъ и даже очень женское общество, гдѣ являлся всегда въ нѣкоторомъ родѣ Донъ-Жуаномъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ.

Лазарь Сочица прежде, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, служилъ въ турецкой службѣ, занималъ довольно значительный постъ, ладилъ съ губернаторами и даже получилъ почетную саблю отъ самого султана, покойнаго Абдулъ-Азиса. Причины такого неподобающаго воеводѣ повстанцевъ обстоятельства были, должно быть, весьма основательны, потому что служба туркамъ нисколько не повредила Лазарю во мнѣніи его единовѣрцевъ-христіанъ и не подорвала авторитета великаго патріота своего угнетеннаго отечества.

Голова Лазаря была тоже оцѣнена турками, но гораздо дороже головы Пеко, и немудрено: губернаторъ Босніи и Герцеговины за одну голову вождя пивлянъ не взялъ-бы десяти головъ, равныхъ по достоинству съ головою Пеко.

Оригинально то, что эта разность въ оцѣнкѣ доводила Пеко до бѣшенства; и въ такія минуты Лазарь всегда являлся къ нему съ утѣшеніемъ, говоря, что турки никогда не умѣли цѣнить ничего по достоинству.

По лѣвую руку Лазаря сидѣлъ его секретарь Лука Джорджіевичъ, молодой, красивый парень, статный и, что составляетъ немалую рѣдкость, почти блондинъ, съ голубыми глазами. Передъ нимъ на коврѣ лежала большая книга воеводы и портфель, туго набитый газетами, особенно тѣми, гдѣ часто появлялось имя Лазаря Сочицы. Въ этихъ статьяхъ воеводскою рукою

краснымъ карандашемъ было помѣчено, что—правда, и синимъ, что—ложно. Не во гнѣвъ газетнымъ писателямъ, я долженъ сказать, что преобладающимъ цвѣтомъ въ отмѣткахъ Лазаря Сочицы былъ цвѣтъ синій и только изрѣдка мелькали передъ глазами читателя красные крестики.

Секретарь Лука Джорджіевичъ былъ правою рукою и довѣреннымъ лицомъ воеводы, за что и не допускался никогда къ бою. Воевода дорожилъ жизнью и здоровьемъ своего секретаря и утѣшалъ его тѣмъ, что громко, въ присутствіи всѣхъ юнаковъ не разъ говорилъ такую фразу:

— Вотъ добрый юнакъ, что однимъ почеркомъ своего пера побьетъ турокъ больше, чѣмъ Іоко своимъ ятаганомъ. Это вѣрно! Пускай меня турки на колъ посадятъ, если это неправда!...

Фраза эта, несмотря на то, что повторялась несчетное число разъ, всегда крайне удивляла глуповатаго колосса Іоко и заставляла того пристально всматриваться въ оба названные предмета, заставляла его сравнивать тотъ и другой по своимъ внѣшнимъ признакамъ. Понятно, что это сравненіе всегда склонялось въ очевидную пользу ятагана, но Іоко изъ уваженія къ начальству спорить и протестовать никогда не осмѣливался.

Рядомъ съ Пеко, по другую сторону, сидѣлъ тоже его личный секретарь Станко Іовановичъ; его роль ограничивалась исключительно писаніемъ оповѣстительныхъ записокъ, когда то, о чемъ сообщалось, было настолько секретно, что Пеко не рѣшался довѣрять на слово посланцу; записки эти отличались всегда крайнею лаконичностью, напримѣръ: «завтра съ восходомъ солнца бью турокъ у Брзны. Погоню на попа Богдана—онъ добьетъ»; подписано: «Пеко». Вотъ и все! Записка эта адресована въ руки самого же попа Богдана Зимонича.

За Станко Іовановичемъ, поджавъ подъ себя по-турецки ноги, сидѣлъ помощникъ Пеко по боевымъ распорядкамъ, командиръ Вуко Вукотичъ, выставивъ напоказъ длинную цѣпь орденовъ и медалей, отъ одного плеча до другого; тутъ были и итальянскіе, и австрійскіе, и какіе-то еще невѣдомые знаки, но доминирующее мѣсто, какъ-разъ посреди груди, нѣсколько выше остальныхъ, занимали два русскихъ георгіевскихъ креста, которые Вуко не считалъ удобнымъ нанизывать на общую проволоку, а прикалывалъ особыми булавками. Командиръ до-

стигъ своего высокаго военнаго званія не какими-либо выдающимися боевыми способностями, а счетомъ *посѣченныхъ* имъ собственноручно *турскихъ главъ*. Въ послѣднемъ бою въ Дугѣ онъ окончилъ первую сотню этихъ кровавыхъ трофеевъ.

Воеводѣ Вуко ввѣрялась обыкновенно послѣдняя, довершительная атака, въ которой чаще всего самъ воевода Пеко Павловичъ участія не принималъ, а сидя на высокомъ мѣстѣ, откуда все хорошо было видно, вполголоса, словно про себя, шепталъ свое одобрительное «Ото добре»!

Попъ Богданъ Зимоничъ запоздалъ немного къ началу военнаго совѣта, пришелъ, когда уже кончился разговоръ, и, благословивъ движеніемъ руки общество, скромно усѣлся у входа въ палатку.

Только густая, расчесанная на двое борода попа свидѣтельствовала о его духовномъ санѣ; костюмомъ онъ не отличался отъ прочихъ юнаковъ, маленькій крестъ носилъ за пазухой, а запасные дары въ патронташѣ. Въ своемъ единомъ лицѣ онъ соединялъ и духовника, и предводителя, и простого солдата.

Съ нимъ пришелъ мальчикъ четырнадцати лѣтъ, черногорецъ, и смѣло усѣлся рядомъ съ воеводами. Еще бы! несмотря на свои лѣта, онъ былъ уже капитанъ княжеской службы и любимецъ князя Николы. Турки убили у него отца, мать, брата и дядю; теперь онъ мстилъ за погибшихъ, и мстилъ жестоко. Смѣлые подвиги мальчика Милентича быстро разнеслись по городамъ, достигли княжескаго уха и Никола пожелалъ видѣть молодого героя; съ этого времени и началась его военная карьера, давшая ему теперь мѣсто въ совѣтѣ, на-ряду съ престарѣлыми борцами за свободу.

Тутъ-же въ совѣтѣ, но уже внѣ палатки, просунувъ только свою голову подъ приподнятую полу шатра, находился и кашеваръ пивлянскаго отряда, извѣстный Нешо. Главнѣйшая способность кашевара состояла въ томъ, что гдѣ-бы отрядъ ни находился, при какихъ-бы самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для своего довольствія, Нешо всетаки находилъ, что̀ положить въ котелъ... Въ его лицѣ соединялось все интендантство отряда, и къ чести его сказать, несмотря на то, что не тратилось ни одного лоскутка бумаги на переписку, ни одного динара на жалованья, подъемныя, комиссіонныя и суточныя, результаты интендантской дѣятельности Нешо были несравненно

блестящѣе и благотворнѣе, чѣмъ результаты кипучей дѣятельности болѣе другихъ, сложныхъ интендантствъ при другихъ, болѣе благоустроенныхъ арміяхъ.

Нешо, значитъ, былъ лицомъ немаловажнымъ, хотя и занимался при этомъ скромнымъ дѣломъ кашевара. О немъ Лазарь Сочица говорилъ такъ:

— Безъ Нешо, какъ безъ магарца, никакое возстаніе невозможно.

Но Нешо, при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, былъ скроменъ и въ кругъ воеводскій не затесывался.

Въ этой-же палаткѣ, присутствуя на военномъ совѣтѣ, находился и Лео, хотя и не занимая мѣста въ кругѣ, а почтительно помѣстившись за спиною своего покровителя, Лазаря Сочицы. Во второй-же линіи сидѣлъ еще другой иностранецъ, значительно возвышаясь надъ всѣмъ обществомъ, потому что всѣ сидѣли на коврѣ, а онъ одинъ на складномъ стулѣ. Онъ тоже, какъ и Лео, одѣтъ былъ въ черногорскій костюмъ, но на погахъ, вмѣсто неуклюжихъ опанокъ, красовались совершенно новенькіе, будто только-что изъ магазина, щегольскіе англійскіе штиблеты. Этотъ господинъ покручивалъ свои длинные рыжіе усы, обильно смазанные онгруазомъ; онъ прибылъ сюда вчера ночью и, явившись въ совѣтъ, первымъ дѣломъ роздалъ присутствующимъ свои визитныя карточки, на которыхъ подъ графскою короною значилось:

«Comte Monte-Azuro, Colonel».

Пока еще только собиралось общество и совѣтъ не начинался. Оба секретаря не занесли еще ни строчки въ свои записныя книги; засѣданіе долженъ былъ открыть хозяинъ, Лазарь Сочица, уже два раза начинавшій покашливать, и даже весьма знаменательно.

Лео волновался и чувствовалъ себя какъ на иголкахъ. «Вотъ,—думалъ онъ,—наслушаюсь хорошихъ словъ и рѣчей, вотъ сейчасъ передъ нами польется живымъ потокомъ вѣковая военная мудрость вѣковыхъ героевъ». Весенній вѣтеръ, врываясь изъ-подъ шатровыхъ полъ, сквозилъ изрядно, шевеля длинными волосами воеводъ, шелестя бумажными листами секретарскихъ книгъ, а Лео былъ весь въ жару и задыхался... Мертвая тишина царствовала здѣсь въ шатрѣ, тихо сидѣли и

наружныя группы многочисленныхъ слушателей. Только случайно залетѣвшій шмель гудѣлъ басомъ подъ сводомъ, глухо щелкалъ о туго натянутое узорчатое полотно турецкой палатки.

— Почтенные сотоварищи и друзья! — произнесъ Лазарь не громко, но внятно, отчетливо.

Лео даже вздрогнулъ.

— Почтенные сотоварищи!.. Получены вѣсти такого рода: турки идутъ выручать никшичанъ. Идутъ они тремя колоннами: въ одной два табора и четыре пушки, да двѣсти магарцевъ съ провіантомъ, въ другой колоннѣ—одинъ таборъ низама и конницы не великое число, въ третьей—два табора съ половиною, шесть пушекъ горныхъ, одна большая, и тоже много магарцевъ съ провіантомъ; паши—Хаки и Неджибъ, а Измаилъ-паша идетъ другою дорогою, еще съ полутора таборами, безъ конницы...

Помолчавъ нѣсколько, Лазарь, произнеся этотъ перечень вражескихъ силъ, далъ время прочимъ подумать и запомнить, потомъ продолжалъ:

— Сойтись всѣ три колонны должны завтра къ закату солнечному у Прос...

— Позвольте, — перебилъ графъ Монте-Азуро съ высоты своего складного стула.—Не можетъ-ли уважаемый ораторъ пояснить намъ, какимъ образомъ получены всѣ эти свѣдѣнія и насколько они могутъ служить болѣе или менѣе достовѣрными данными...

— Какъ онъ меня назвалъ?—переспросилъ Лазарь у своего секретаря, Луки Джорджіевича.

— «Уважаемый ораторъ»,—отвѣчалъ тотъ.

— Запиши!..

— Отмѣчено.

— Сойдутся они завтра къ вечеру у Просѣки, — продолжалъ Лазарь, не удостоивъ даже взглядомъ нѣсколько смущеннаго такою безцеремонностью графа,—и вѣрно тамъ будутъ ночевать...

— Мѣсто тамъ ничего, просторное, и вода близко,—подтвердилъ вѣроятность ночлега Богданъ Зимоничъ.

— Вода близко,—кивнулъ головою Вуко, тряхнувъ своею орденскою цѣпочкою.

— Сколько у насъ силы, господа воеводы, чтобы не дать

туркамъ дойти до Никшича? Потому теперь совсѣмъ не время пускать въ крѣпость хоть одну галету... еще не время...

— У *нихъ*, я знаю, — вмѣшался въ разговоръ Нешо (разговоръ коснулся съѣстного, а это по его части),—у нихъ (подразумѣваются осажденные никшичане) только дня на четыре провіанту хватитъ; не пустимъ еще—сдадутся; что тогда будемъ съ ними дѣлать?..

— Много пустить нельзя, немного можно, — согласился попъ Богданъ.

— Пустимъ Измаила-пашу, благо идетъ другою дорогою, а эти всѣ вмѣстѣ собрались, когда еще другого такого разу дождемся!..

— Богъ поможетъ, побьемъ турокъ; все заберемъ, сами дадимъ никшичанамъ, — уже отъ себя порѣшилъ Лазарь завязавшееся было преніе по вопросу о снабженіи продовольствіемъ Никшича.

Лео положительно недоумѣвалъ, что за странная заботливость со стороны осаждающихъ относительно ими-же самими осажденныхъ, но такъ говорилъ Лазарь, значитъ, такъ оно и быть слѣдуетъ. Обиженный нѣсколько графъ Монте-Азуро угрюмо молчалъ, теребя усы и любуясь бѣлизною рукояти своего ятагана.

— Такъ сколько-же насъ?—круто повернулъ Лазарь дѣло къ главному вопросу, уже имъ предложенному. — Богданъ, у тебя сколько?

— Триста человѣкъ будетъ; за ночь, можетъ, еще подойдутъ; не всѣ собрались,—отвѣчалъ тотъ.

— У тебя?

Пеко покосился; вопросъ относился теперь къ нему самому; молчаніемъ, значитъ, не отдѣлаешься.

— Семьсотъ двадцать ятагановъ...

— Семьсотъ десять, — осторожно, вполголоса поправилъ воеводу секретарь его Станко.

— Это онъ тебя, Вуко, за десятерыхъ считаетъ, — улыбнулся Лазарь.—Счетъ, значитъ, вѣренъ.

— Да и вѣрно-же!—произнесъ Пеко, плевкомъ потушивъ свою трубку.—Вуко за десять...

Нѣсколько минутъ продолжался счетъ силъ соединенныхъ отрядовъ; Лука Джорджіевичъ всѣ цифры помѣчалъ въ своей

книгѣ и свелъ итогъ, подчеркнувъ бойко перомъ всю цифровую колонну.

— Двѣ тысячи сто сорокъ,—провозгласилъ секретарь результатъ своихъ счетовъ.

— Довольно!? — не то порѣшилъ, не то спросилъ Лазарь Сочица и обвелъ своимъ взглядомъ общество.

— А то тебѣ мало?

— Съ умомъ и съ Богомъ, то, пожалуй, и довольно,— задумался Лазарь; — пожалуй, и довольно... Насколько рукъ поведемъ дѣло? Пеко, повѣдай прочимъ свое дѣло... Какъ укажешь?..

Не сразу старый воевода собрался отвѣчать на этотъ прямо поставленный вопросъ, долго ковырялъ проволокой свою потухшую трубку, долго кисетъ съ табакомъ развязывалъ, еще дольше того закуривалъ поданнымъ ему секретаремъ кусочкомъ тлѣющаго трута. Взглянулъ на Лео раза два, покосился и на графа Монте-Азуро, съ ногъ до головы смѣрилъ онъ его своимъ орлинымъ глазомъ и опять помолчалъ.

— На три руки поведемъ дѣло,—промолвилъ онъ, наконецъ, и далъ въ свои слова хорошенько вдуматься.

— Богданъ, ты да я, — пояснилъ его мысль Лазарь Сочица;—Измаилъ къ бою не поспѣетъ...

— Три руки, три головы,—вымолвилъ еще Пеко Павловичъ и опять покосился на графа.

Опять наступило довольно продолжительное молчаніе, къ немалому удивленію Лео, въ первый разъ присутствовавшаго на такомъ немногорѣчивомъ военномъ совѣтѣ. Это его начинало уже немного безпокоить, онъ даже чувствовалъ нѣчто вродѣ легкаго разочарованія.

— Великіе борцы за великое дѣло! — громко, чуть не вскрикнулъ графъ Монте-Азуро и приподнялся съ своего стула.

Воспользовавшись общимъ молчаніемъ, онъ рѣшилъ, что теперь самый удобный моментъ начать давно уже заготовленную рѣчь.

Статную фигуру графа со всѣхъ сторонъ измѣряли вопросительные, нѣсколько удивленные взгляды присутствующихъ.

— Великіе борцы... господа... — Ораторъ какъ будто замялся.—Не безъизвѣстно вамъ, какъ далеко впередъ за послѣднее время ушла военная наука...

— Не безъизвѣстно,—вставилъ Лазарь Сочица и добавилъ шепотомъ Лукѣ:—ты слушай; что хорошаго повѣдаетъ, запиши.

— Не безъизвѣстно вамъ, что цѣлый рядъ усовершенствованій оружія совершенно измѣнилъ не только тактическіе, но и стратегическіе законы войны, измѣнилъ характеръ веденія отдѣльнаго боя. Кромѣ непосредственнаго оружія, стрѣляющаго или, вѣрнѣе, поражающаго издали, и рѣжуще-колющаго, то-есть такъ-называемаго холоднаго оружія, поражающаго вблизи, наука открыла и изобрѣла много другихъ, не менѣе полезныхъ средствъ наносить существенный вредъ противнику.

— Не безъизвѣстны и такія средства,—согласился серьезнымъ тономъ Лазарь Сочица, повидимому, внимательно слушая оратора; только въ глазахъ воеводы блестѣлъ какой-то насмѣшливый огонекъ, разгораясь сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ развитія рѣчи.

— Къ числу такихъ средствъ принадлежатъ разныя взрывчатыя вещества, между которыми первое мѣсто занимаетъ динамитъ съ своею по-истинѣ чудовищною, титаническою силою.

— Динамитъ я знаю; это въ маленькихъ патронахъ, какъ *саламе* (колбаса), привозятъ въ жестяныхъ ящикахъ. Динамитъ я знаю, видѣлъ у князя Николы,—сообщилъ шопотомъ своему сосѣду четырнадцати-лѣтній капитанъ.

— О примѣненіи динамита къ настоящей войнѣ я и намѣренъ говорить вамъ, милостивые государи, великіе борцы за великое и святое дѣло!

Проговоривъ свое эффектное вступленіе, графъ пріостановился и сдѣлалъ привычный, должно быть, жестъ рукою. Онъ какъ будто-бы искалъ стакана воды освѣжить свое горло, но обстановка не такъ комфортабельна, стакана съ водою не оказалось, и ораторъ, откашлявшись, продолжалъ далѣе:

— Вы знаете, что на всѣхъ болѣе или менѣе удобныхъ пунктахъ въ горахъ разсѣяны небольшія турецкія укрѣпленія, такъ называемые по-здѣшнему кулы и блокгаузы; эти укрѣпленія, снабженныя достаточнымъ гарнизономъ, служатъ и сторожевыми, наблюдательными постами для турецкой арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ несокрушимыми оплотами, безконечными препятствіями для *нашихъ* отрядовъ. Атаковать эти крѣпостцы и брать ихъ открытымъ штурмомъ — дѣло, кромѣ того, что крайне рискованное, но и влекущее за собою неизбѣжныя, весьма

чувствительныя потери въ рядахъ нашихъ и безъ того немногочисленныхъ сподвижниковъ.

— *Нашихъ*, — подчеркнулъ это слово Лазарь Сочица и улыбнулся, замѣтивъ, какъ одинъ изъ слушателей сталъ клевать носомъ, усыпляемый плавно журчащею рѣчью графа Монте-Азуро.

— Держать въ долговременной осадѣ такіе форты тоже неудобно по многимъ соображеніямъ. Посмотримъ-же теперь, насколько въ данномъ случаѣ можетъ пригодиться динамитъ. За недостаткомъ опытныхъ инженеровъ, за трудностью производить тяжелыя земляныя работы въ этомъ каменистомъ грунтѣ и опять-же за недостаткомъ времени, мы вынуждены отказаться отъ такъ-называемыхъ минъ и подкоповъ. Согласны, господа?

Гробовое молчаніе царствовало въ шатрѣ, нарушаемое носовымъ сопѣніемъ командира Іока. Принявъ это молчаніе за согласіе, ораторъ продолжалъ:

— Я нашелъ средство, простое и при этомъ остроумное, примѣнять динамитъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ; я вамъ сообщу это средство. Попробуемъ сдѣлать слѣдующій опытъ: если взять магарца, навьючить его мѣшками съ хлѣбомъ или чѣмъ-нибудь другимъ и, проходя мимо турецкой кулы, пустить его на свободу, сдѣлать видъ, будто-бы этотъ магарецъ отсталъ случайно и забытъ, что тогда сдѣлаютъ турки? Какъ вы думаете?

— А заберутъ его, вотъ и все,—отвѣчалъ просто на этотъ простой вопросъ одинъ изъ слушателей.

— Ага! и прекрасно! Это только и требуется! Забравъ магарца, турки поведутъ его въ кулу и тамъ уже начнутъ осматривать вьюкъ. Это только и нужно. Если мы скроемъ подъ сѣдломъ магарца значительное количество динамита, скроемъ также небольшой часовой механизмъ, вродѣ тѣхъ, что не разъ практиковались въ Европѣ, съ преступною, положимъ, цѣлью, — я говорю про такъ-называемыя адскія машины,—то своевременно послѣдуетъ страшный взрывъ и этотъ взрывъ разрушитъ до основанія кулу и погребетъ подъ ея развалинами ея обитателей. Что вы, господа, на это скажете?

Въ отвѣтъ на это предположеніе ужаснаго взрыва раздался дѣйствительно взрывъ, но взрывъ общаго гомерическаго хо-

хота; не улыбнулся только Пеко, серьезное, внимательное выраженіе сохранилось и на лицѣ Лазаря Сочицы. Разбуженный смѣхомъ товарищей, Іоко проснулся и окидывалъ собраніе недоумѣвающимъ взглядомъ. Лео покраснѣлъ до ушей. Ему почему-то стало стыдно за оратора, о которомъ онъ хотя и слышалъ, но котораго видѣлъ въ первый разъ въ своей жизни. Графъ Монте-Азуро, не ожидавшій такого эффекта, растерялся окончательно и недоумѣвалъ, какъ объяснить этотъ смѣхъ: представляли ли смѣявшіеся смѣшное положеніе турокъ или смѣялись надъ его выдумкою. Графъ рѣшилъ выждать и устало опустился на свое сидѣнье.

— Вотъ добре,—вымолвилъ покойно и даже съ сочувствіемъ въ интонаціи голоса Лазарь, когда дружный смѣхъ нѣсколько стихъ и слышалось за палаткою только сдержанное фырканіе Нешо.—Вотъ добре! Такъ вотъ возьмите вы, господине колонель, того самаго динамиту и ту самую дьяволову забавку, да и ступайте въ какую-нибудь кулу... Тутъ есть одна, не такъ далеко отсюда, а мы посмотримъ, какъ это она лопнетъ: ступайте, господине колонель, ступайте, молимъ васъ добре, всѣмъ кругомъ!..

— Это и мое желаніе,—любезно улыбнувшись, отвѣчалъ «господине колонель»,—я и хочу просить васъ уступить мнѣ право перваго опыта.

— Добре,—согласился и Вуко Вукотичъ,—а то магарца посылать на такую пакость какъ будто-бы и жалко, скотина для другого, нужнаго дѣла пригодиться можетъ,—наивно пояснилъ онъ двусмысленность предложенія Лазаря Сочицы, непонятую сразу изобрѣтательнымъ графомъ Монте-Азуро.

Вдругъ Пеко, хмурившій до сихъ поръ свои сѣдыя, нависшія брови все грознѣе и грознѣе, выругался во все горло, да такъ замысловато, что даже привычное черногорское ухо не выдержало и въ собраніи послышалось удивленное «ого!» и всталъ съ своего мѣста, обнаруживая очевидное намѣреніе уйти изъ палатки.

— Ты-же это куда?—потянулъ его за полу даламы Лазарь Сочица.—Посиди еще съ нами.

— Ну васъ къ дьяволовой бабкѣ, къ чортову батькѣ! Этотъ вонъ, пожалуй, тоже говорить сейчасъ станетъ.

И воевода злобно покосился въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ покраснѣвшій до самыхъ ушей и загорѣлаго затылка Лео.

— Посиди и послушай, можетъ и скажетъ что намъ, неученымъ, — молвилъ Лазарь. — Друже Лео, мы твоего голосу нока въ совѣтѣ не слышали,—скажи, что у тебя на мысляхъ?.. Какъ турцевъ бить надо?..

— Не учить я сюда пришелъ, а самъ учиться,—отчеканивая каждое слово, произнесъ Лео.

— Ото добре!—крикнулъ свое любимое одобреніе Пеко, тяжело опускаясь на свое мѣсто,—ото добре!

— А и я-же говорю, что добре, — подтвердилъ Лазарь, окидывая собраніе торжествующимъ взглядомъ и дружелюбно толкая локтемъ «скромнаго ученика».

За мгновеніе передъ этимъ онъ сильно боялся, что его протеже скомпрометируетъ себя въ глазахъ старыхъ юнаковъ излишнею болтовнею. За этотъ отвѣтъ онъ рѣшилъ взять съ собою Лео въ первое-же дѣло, въ чемъ онъ до сихъ поръ непечительно отказывалъ новоприбывшему волонтеру.

Графъ Монте-Азуро незамѣтно вышелъ изъ палатки, не безъ шика пройдя мимо живописныхъ группъ слушателей, и направился внизъ по тропинкѣ, гдѣ стояла его маленькая вьючная палатка, а около верховая лошадь и слуга далматинецъ, нанятый имъ еще въ Катаро.

Черезъ полчаса совѣтъ разошелся.

XXIII.

«Три головы: Богданъ, ты да я».

Солнце сѣло. Ночной мракъ спустился въ Луковицкомъ оврагѣ; растопленнымъ жидкимъ золотомъ сверкала только внизу, на днѣ его, быстро бѣгущая рѣка, отражая въ себѣ послѣдніе отблески потухающаго заката. Сплошной шорохъ движенія и смѣшанный гулъ голосовъ оживлялъ чащу густого кустарника по обоимъ берегамъ; количество разложенныхъ огней все увеличивалось и увеличивалось... Тамъ, гдѣ еще сегодня не было видно ни души, тамъ теперь двигались многочисленныя группы; вьючные магарцы подняли отвратительный ревъ, предчувствуя, должно быть, скорую многотрудную дорогу. Со всѣхъ сторонъ все прибывали и прибывали юнаки, разбредшіеся по домамъ *за тихое время*, и Лео, бродя по кручѣ оврага, видѣлъ, какъ съ каждымъ часомъ все росъ и росъ

боевой лагерь Лазаря Сочицы, росли и смежные воеводскіе бивуаки.

Вотъ и мѣсяцъ поднялся изъ-за скалистаго кряжа, словно серебряною нитью обведя рѣзко очерченные контуры горъ. Засеребрились покрытые холодною почною росою, поросшіе зеленью склоны, длинныя тѣни легли отъ развалинъ бывшей турецкой кулы, отъ ея высокой сторожевой башни. Какъ ясно все стало видно вокругъ, какъ отчётливо змѣятся тонкіе зигзаги безчисленныхъ горныхъ тропинокъ, и всѣ эти тропинки ведутъ сюда, по всѣмъ этимъ тропинкамъ двигаются темныя точки, спускаясь въ лощину, — то все прибываютъ и прибываютъ новые воины, возстановившіе уже продолжительнымъ отдыхомъ свои силы, пополнившіе свои патронташи, запасшіеся дня на три, на четыре продовольствіемъ, съ наслажденіемъ ожидающіе, когда ихъ вновь поведутъ на кровавую расправу съ своимъ вѣковымъ, традиціоннымъ врагомъ.

У ставки Лазаря сидѣлъ его секретарь и помѣчалъ новоприбывшихъ. Подойдетъ къ нему такой, скажетъ: «будь здоровъ» и добавитъ непремѣнно: «запиши»! Необыкновенная память секретаря Луки Джорджіевича дѣлала почти излишнимъ спрашиваніе именъ: все вѣдь старые знакомые; рѣдко-рѣдко когда секретарь, пристально всматриваясь въ какое-нибудь представшее передъ нимъ усатое лицо, спроситъ:

— А ну, какъ тебя зовутъ, друже?

Записавшіеся отходятъ въ сторону и тутъ-же гдѣ-нибудь по близости заворачиваются въ струкъ и, не теряя времени, ложатся отдыхать съ дороги; кто знастъ, можетъ сейчасъ, сію минуту повелитъ воевода выступать? Такъ ужъ времени терять не приходится.

А вотъ внизу, у моста, собралась большая толпа. Тамъ яркимъ краснымъ столбомъ вьется кверху высокое пламя громаднаго костра, освѣщая поросшія мхомъ и плѣсенью сырыя мостовыя арки; оттуда слышно легкое бряцаніе какого-то струннаго инструмента и голосъ старческій, не то поющій что-то, не то разсказывающій: не видать самого пѣвца, плотнымъ рядомъ чернѣютъ юнацкія спины, молча слушаютъ пѣсню, только изрѣдка прерывается это молчаніе легкимъ рокотомъ общаго одобренія.

Не до сна Лео, хотя Лазарь и сказалъ ему мимоходомъ,

часъ тому назадъ: «Чего бродишь? Завтра находишься въ волю, спи!» Гдѣ тутъ спать! Все это такъ ново, такъ загадочно, такъ сильно волнуетъ кровь. Вѣдь вотъ и холодновата горная ночь, росистая влага смачиваетъ платье, насквозь пронизываетъ, а ему жарко, душно отъ волненія; растегнувъ воротъ рубахи, сдвинувъ на затылокъ свою черную шапочку съ вышитымъ верхомъ, ходитъ онъ по бивуаку, словно очарованный, а время такъ и летитъ, такъ и несется неудержимо впередъ... Вотъ луна только-что была надъ самымъ краемъ горы, а теперь уже высоко, надъ самою почти головою, и ярко такъ свѣтитъ оттуда, пронизываетъ своими фосфорическими потоками свѣта ночную мглу и эту ожившую, коношащуюся лощину.

Спустился Лео внизъ къ рѣкѣ, зачерпнулъ шапкою воды, выпилъ, незамѣтно подошелъ къ той толпѣ, что слушала пѣвца, и присѣлъ на мшистый камень.

„И связали турци злые воеводу Ранко“

допѣлъ пѣвецъ-разсказчикъ, дрожащими старческими пальцами перебирая по струнамъ бандуры.

— О, дьяволы, проклятые шакалы!..—загудѣло въ толпѣ, да такъ озлобленно, такъ живо, будто то, о чемъ пѣлось, тутъ-же и совершалось передъ ихъ глазами.

Чу! опять пѣть начинаетъ!.. Пересѣлъ Лео поближе. Передъ нимъ теперь вся, охваченная краснымъ костровымъ заревомъ, типичная фигура маститаго пѣвца-импровизатора.

Старый, потерявшій счетъ своимъ лѣтамъ, смуглый какъ горшокъ обожженный, бѣлыя брови, нависшія надъ глубокими глазными впадинами, бѣлые усы, длинные, окаймляющіе беззубый ротъ, рваная рубаха, сѣрая суконная далама, вся въ заплатахъ; съ одной стороны лежитъ его костыль, съ другой длинное, старинное ружье съ раструбомъ, съ кремневымъ замкомъ; ятаганъ за поясомъ, ножны протерты, стальное, заржавленное лезвіе сквозитъ оттуда. Не для боя носитъ старый свое старое оружіе, а такъ ужъ, по привычкѣ; всю жизнь таскалъ, всю жизнь, можетъ, бродилъ по горамъ, сперва могучимъ бойцомъ за волю, потомъ — возбуждая своими пѣснями другихъ, болѣе сильныхъ бойцовъ на великое дѣло,.. живая исторія всѣхъ возстаній, живой перечень всѣхъ прославленныхъ именъ, прославленныхъ героевъ и мучениковъ...

Кто въ горахъ не знаетъ стараго Стефана? Для всѣхъ онъ свой, для каждаго «дѣдко». И у самого князя Николы, и у послѣдняго пастуха—званый гость; и всѣ, и самъ князь Никола, и этотъ самый послѣдній пастухъ, равны передъ старымъ поэтомъ, ни передъ кѣмъ онъ никогда не кланялся, ни у кого ничего не просилъ. Самому пашѣ Дервишу въ глаза разъ правду молвилъ, и какую правду, отъ такой правды не поздоровится! Даже у этого звѣря, Дервиша-паши, не поднялась рука на сѣдую, вдохновенную голову стараго Стефана.

„Ночь темна, сплошныя тучи обложили небо...
„Старый попъ Данило держитъ своимъ дѣтямъ слово...“

говоритъ Стефанъ: скажетъ стихъ и зарокочетъ по струнамъ, думаетъ, припоминаетъ будто, что дальше.

„Будетъ спать вамъ, дѣти... Время! Поднимайтесь.
„Знаетъ попъ Данило близкую дорогу,
„И дорога эта, дастъ Богъ, до разсвѣта
„Приведетъ васъ къ туркамъ, Ранко на подмогу...“

— Да и приведетъ-же,—заговорили въ толпѣ.—У Бузлы турки были: обходомъ далеко, а прямо можно. Мы знаемъ. Добре, добре, старый...

„Какъ весною гуси, высоко подъ небомъ,
„Тянутъ вереницей,—тянутъ вереницей
„Длинной, другъ за другомъ, Божьи ратоборцы...
„Впереди Данило попъ со своею пушкой,
„За попомъ малютка, сынъ бѣдняги Ранко...“

— Всего десять лѣтъ мальцу, а уже добре пуцалъ, его самъ Данило училъ пуцать,—переговаривались юнаки, очевидно, хорошо знакомые съ содержаніемъ Стефановой пѣсни, не разъ уже ими слышанной...

„А разсвѣтъ ужъ близко!“

Вдругъ оборвалъ старый пѣвецъ, щелкнулъ въ послѣдній разъ по струнамъ, повелительнымъ жестомъ потребовалъ себѣ трубку; ближайшій юнакъ торопливо исполнилъ это требованіе.

— А разсвѣтъ ужъ близко,—словно про себя повторилъ Стефанъ и поднялъ къ небу свои темныя глазныя впадины, и всѣ остальные, будто по командѣ, взглянули на небо и произнесли:

— Да близко.

— Иди наверхъ, — легонько толкнулъ кто-то въ плечо Лео.—Лазарь приказалъ, чтобы шелъ наверхъ и у шатра его дожидался.

Пошелъ Лео наверхъ. Какъ только выбрался изъ кустовъ, навстрѣчу ему молодой Милентичъ—одѣтъ уже по-походному, струкъ за плечами, ружье въ рукахъ и бинокль въ футлярѣ на ремешкѣ у пояса болтается; этотъ бинокль ему сама княгиня подарила, на немъ и имя ея выцарапалъ шиломъ четырнадцати-лѣтній капитанъ.

Молча кивнулъ головою Милентичъ, столкнувшись носомъ къ носу съ Лео, и бѣгомъ пустился по тропинкѣ, шелестя въ кустахъ своимъ струкомъ.

— Гдѣ Лазарь? — спросилъ Лео, подойдя къ шатру, гдѣ сидѣли Нешо и секретарь Лука.

— А вонъ гдѣ!—махнулъ рукою послѣдній.—Да ты жди здѣсь, а *туда* не ходи теперь,—добавилъ онъ, замѣтивъ движеніе Лео по указанному направленію.

Нешо — кашеваръ навьючилъ уже четырехъ магарцевъ своимъ кухоннымъ добромъ, уже и отправилъ ихъ куда слѣдуетъ, самому теперь дѣлать нечего, онъ и зашелъ къ пріятелю Лукѣ Джорджіевичу скоротать часа два передъ походомъ, а Лука уже тоже готовъ, всю свою канцелярію въ поясъ увязалъ, книжку нужную за пазуху, чернильницу въ карманъ.

У ставки неподалеку лежатъ десятка два юнаковъ, каждый оружіе при себѣ держитъ, спятъ, повидиму, крѣпко сплошнымъ рядомъ. Это отборные, съ самимъ воеводою пойдутъ; тутъ съ ними и Іоко - командиръ—легко узнать по росту, длиннѣе всѣхъ протянулся, лежитъ словно колода, обернутая дырявымъ пледомъ.

— Ну, и приходилъ онъ жаловаться,—сдерживая смѣхъ, досказываетъ что-то секретарь кашевару.

— Да, можетъ, то не наши...—резонно замѣчаетъ кашеваръ.

— Кому быть другому!.

— И настоящія серебряныя, или такъ, что похожи только на серебро? Есть вѣдь такія, что ничего не стоютъ.

— Говоритъ,—серебряныя... Пять штукъ взяли, а одну оставили. Вѣдь вотъ собачьи дѣти!

— Въ чемъ дѣло?—полюбопытствовалъ Лео, подсѣвъ къ разговаривающимъ.

— Да вотъ этотъ, какъ бишь его, динамитчикъ-то, прислалъ своего слугу къ Лазарю жаловаться, будто наши у него ложки серебряныя стащили. Пять стащили, а одну оставили.

— А Лазарь велѣлъ сказать,—прервалъ Нешо,—что не можетъ то быть, чтобы наши одну оставили; если-бы наши были, всѣ-бы забрали. Такъ и велѣлъ сказать... То, говоритъ, вѣрно Пековы—къ нему-бы послалъ справиться...

— Іусокъ пришелъ часъ тому назадъ, ногу свихнулъ, бѣдняга, дорогою, чуть приполз сюда; говоритъ, турки сожгли хуторъ Марковъ и самого повѣсили... И какъ то было Лазарю горько слышать, а Пеко три четверти часа подъ-рядъ ругался.

— Добрый человѣкъ былъ...

— А ну, поди, друже, погляди, что они тамъ, скоро кончатъ?

— Кто они?—встрепенулся Лео. Вопросъ относился къ нему и сопровождался даже пригласительнымъ жестомъ.

— Воеводы. Какъ пройдешь вонъ до того мѣста, оттуда увидишь... Ты только издали посмотри, а близко не подходи, а то турнутъ; какъ начнутъ креститься да Богу молиться, такъ сейчасъ назадъ иди: значитъ, кончаютъ...

Всталъ Лео, пошелъ по указанію, добрелъ до того мѣста, оглядѣлся... Стоятъ три человѣка на самомъ пригоркѣ; такъ и обливаетъ ихъ сверху лунным блескомъ. Одинъ бородатый, прямо лицомъ сюда,—Богданъ Зимоничъ, никто другой; стоитъ, на ружье опершись, и бороду рукою поглаживаетъ; другой—Лазарь Сочица, говоритъ что-то тихо и рукою въ горы показываетъ, а третій — самъ Пеко, надѣлъ на себя токъ кольчужный, такъ и искрится онъ, словно ящерица на солнцѣ. А кругомъ ни души близко не видно.

Говорятъ воеводы тихо-тихо, не торопливо. Скажетъ одинъ слово—другіе два продумаютъ насквозь сказанное и сами свое слово скажутъ... Одинъ покажетъ рукою—другіе два въ ту-же сторону всматриваются, будто видятъ что на этихъ далекихъ черныхъ массахъ, подернутыхъ фосфорическою мглою лунной ночи...

И какіе они большіе кажутся отсюда, словно не люди обыкновенные, а тѣни богатырей былыхъ временъ сошлись на военный совѣтъ въ эту чудную ночь, на этомъ ярко-освѣщенномъ холмѣ.

Лео глазъ не сводилъ съ этой величественной группы и стоялъ, какъ очарованный, боясь проглядѣть хотя единое движеніе, напрасно напрягая слухъ, чтобы услышать хотя единое слово.

Въ его голосѣ промелькнули имена трехъ великихъ освободителей Швейцаріи... Такъ вотъ и они стояли, освѣщенные лунным свѣтомъ, такъ и вокругъ нихъ громоздились высокіе горные кряжи... «Три головы: Богданъ, ты да я», припомнились ему слова Лазаря въ совѣтѣ, что днемъ собирались воеводы, а вотъ онъ, настоящій совѣтъ, вотъ гдѣ, что ни слово, то и рѣшеніе...

Въ этомъ совѣтѣ не скрипятъ перьями секретари, не захлебываются рѣчами краснобаи-ораторы; здѣсь не слышно ни приторныхъ любезностей, ни почтительныхъ воззваній, ни перекрестныхъ колкостей, прикрытыхъ лоскомъ утонченныхъ выраженій. Ничего этого здѣсь нѣтъ и не надо. Громадный столъ не заваленъ картами и чертежами; всѣ такъ хорошо знаютъ мѣстность, у всякаго въ своей собственной головѣ наиподробнѣйшая карта, по которой лазать съ лупою и разыскивать мелко надписанныя названія не приходится. Здѣсь не прячутся, не запираютъ дверей, охраняемыхъ часовыми, что, впрочемъ, нисколько не защищаетъ отъ присутствія тутъ-же въ совѣтѣ лишняго уха: здѣсь гораздо проще достигается та-же цѣль. Вышли воеводы на открытое мѣсто, кругомъ чисто, спрятаться постороннему некуда, да и подойти незамѣтно невозможно, говорятъ тихо, о чемъ никто кромѣ ихъ самихъ не услышитъ. И не можетъ слышать. Вотъ вѣдь Лео какъ ни напрягаетъ слухъ, а все напрасно. Онъ было впередъ выдвинулся, да показалось ему, а можетъ и на самомъ дѣлѣ, воевода Пеко взглянулъ въ его сторону, такъ его назадъ отъ этого взгляда и откинуло...

— Ну, добре, Господу-Богу помолимся!—громко произнесъ попъ Богданъ Зимоничъ.

Сняли воеводы Лазарь и Пеко свои шапочки и размашисто перекрестились.

Вынулъ изъ-за пазухи свой походный крестъ попъ-воевода, самъ поцѣловалъ и другимъ далъ приложиться. Поцѣловались между собою всѣ трое, пожали руки и разошлись каждый въ свою сторону.

— Кончили! — запыхавшись произпесъ Лео, съ разбѣгу вскочивъ въ палатку оповѣстить Нешо и Луку Джорджіевича.

А бѣлѣть на востокѣ стало все замѣтнѣе и замѣтнѣе: заиндевѣла ночная роса на горахъ, легкій морозъ-утренникъ давалъ уже себя чувствовать, заставляя спящихъ плотнѣе кутаться въ свои рваные струки...

Сами собою погасали оставленные безъ присмотра бивуачные костры, и что за диковина! Опять уменьшился лагерь, да такъ уменьшился, что еще меньше сталъ, чѣмъ прежде, до сбора былъ. Вотъ здѣсь, у ставки Лазаря Сочицы, только и остались Іоко съ своими товарищами. Словно все остальное сквозь землю провалилось.

XXIV.

На переходѣ.

Яркое солнце высоко уже стояло на безоблачномъ небѣ, когда Лео проснулся, встревоженный и испуганный до нельзя своимъ продолжительнымъ сномъ. Передъ разсвѣтомъ, несмотря на внутреннее волненіе, усталость взяла свое, онъ заснулъ, какъ убитый, положивъ голову на колѣни Нешо. Не слышалъ онъ во снѣ, какъ тотъ безцеремонно всталъ, нисколько не заботясь о ввѣренной его попеченію такой благородной части тѣла, не слышалъ, какъ, уже утромъ, къ палаткѣ Лазаря проѣзжалъ верхомъ графъ—сдѣлать прощальный визитъ воеводѣ и сообщить ему между прочимъ, что, *„къ величайшему его сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства не позволяютъ ему участвовать въ настоящемъ походѣ»*, на что Лазарь отвѣчалъ: «Э, помилуйте, господине, на что безпокоиться»! Не слышалъ Лео, когда графъ доказывалъ Сочицѣ необходимость сформированія рекогносцировочнаго кавалерійскаго отряда для горной службы и даже сообщилъ подъ секретомъ, что онъ уже занялся организаціей такового въ Катаро, и современемъ, даже очень скоро... Многаго интереснаго не слышалъ Лео и проснулся только тогда, когда ему приснилось, будто-бы отрядъ, и самъ Лазарь, и Лука съ Нешо, всѣ ушли безъ него, а его здѣсь одного оставили. Это-то обстоятельство и испугало Лео, заставивъ его разомъ вскочить на ноги.

— Экъ ты! Легче, друже!—привѣтствовалъ его воеводскій голосъ,—чуть палатку не свернулъ... Будь здоровъ!

— Будьте здоровы, господа. А я думалъ...—И Лео сталъ осматриваться кругомъ.—Я думалъ...

Сидитъ Лазарь на коврѣ, на своемъ мѣстѣ, пьетъ кофе черный изъ маленькой чашечки. Нешо у входа по обыкновенію крошитъ холодное мясо ножемъ-*носорѣзомъ* и раскладываетъ его ломтиками на переплетѣ секретарской книги; Лука Джорджіевичъ папиросы крутитъ на дорогу — съ трубкою походомъ неудобно возиться. Юнаки по кустамъ, въ тѣни, гдѣ кому удобнѣе, пріютились, каждый своимъ дѣломъ занятъ, а Іоко на камнѣ сидитъ, прикрылъ глаза рукою отъ солнца и куда-то вдаль смотритъ.

Мало юнаковъ, совсѣмъ почти нигдѣ не видать народу, тихо все кругомъ и безлюдно.

— Что-же, всѣ ушли?... А мы развѣ... мы не пойдемъ?—робко полюбопытствовалъ новичекъ-волонтеръ.

— А мы конницу будемъ ждать, что приведетъ намъ графъ изъ Катаро; тутъ и будемъ сидѣть, пока онъ эту самую конницу не приведетъ,—улыбнулся Лазарь Сочица.

— Какую конницу?

— А ты вотъ спалъ и не слышалъ... Хорошія рѣчи проспалъ ты, друже,—произнесъ Лука Джорджіевичъ.

— Ужъ мы, пока ты спалъ, сколько турокъ побили,—добавилъ и Нешо отъ себя, чистя ножъ-посорѣзъ о кожаные ремни своихъ опанокъ.

Лео, видя, что надъ нимъ подшучиваютъ, улыбнулся самъ и рѣшилъ больше не спрашивать, а терпѣливо ждать хода событій; Лазарь тутъ, чего-же ему безпокоиться? Онъ былъ убѣжденъ, что весь интересъ долженъ сосредоточиваться именно здѣсь, около Лазаря, и нигдѣ болѣе.

— Пей кофе!—пригласилъ его воевода и, будто прозрѣвая сомнѣнія Лео, добавилъ: — Намъ идти недалеко, поспѣемъ вовремя куда слѣдуетъ; выступимъ еще часа черезъ два. Придутъ изъ Лукова люди княжіе, обѣщались, займутъ Верштаникъ, пока мы не вернемся; вотъ мы тогда и пойдемъ.

Верштаникъ — это и была та самая полуразрушенная бывшая турецкая кула, вблизи которой расположились воеводскіе бивуаки. Маленькій отрядъ Лазаря Сочицы принялъ всѣ предо-

сторожности на случай, если-бы, пользуясь уходомъ главныхъ силъ, никшичане выслали отрядъ на вылазку въ этомъ направленіи. Сторожевые посты были далеко выдвинуты впередъ и тщательно укрыты; сложенный изъ камней завалъ тянулся отъ самыхъ стѣнъ развалинъ по откосу оврага до самаго берега рѣки; этотъ валъ давно уже былъ сооруженъ, когда, мѣсяца два тому назадъ, такъ-же вотъ оставленному отряду усташей пришлось выдержать четырнадцать энергичныхъ атакъ двухъ таборовъ низама; тогда усташи удержались только благодаря во-время подоспѣвшему на выручку отряду изъ того-же Лукова.

За часъ до полудня показались люди на той сторонѣ; они шли вразбродъ по кустамъ, сверкая на солнцѣ оружіемъ. Это и было луковцы, княжіе люди, то-есть черногорцы, неоффиціально всегда являвшіеся на помощь сосѣдямъ. Ради этой неоффиціальности, такъ-какъ открытая война со стороны княжества не была еще объявлена, княжьи люди поспарывали съ шапокъ свои значки, — убьютъ ежели, улики нѣтъ, откуда человѣкъ родомъ... Лазарь самъ пошелъ навстрѣчу къ новоприбывшимъ, поздоровался съ командиромъ, приземистымъ, нѣсколько сутуловатымъ богатыремъ, прихрамывавшимъ на одну ногу, самъ показалъ ему, гдѣ у него что стоитъ въ цѣпи, предоставилъ въ полное распоряженіе хромоногому свою турецкую палатку съ коврами и велѣлъ своимъ готовиться въ дорогу. Не прошло и пятнадцати минутъ, какъ отрядъ Лазаря Сочицы уже вытянулся по тропѣ, выводящей длинною лощиною на господствующую надъ Дужскимъ ущельемъ возвышенность «Горнеполе».

Часа уже два, мирно, неторопливо, нога въ ногу шли вереницею юнаки, а все еще и конца не видно тѣснинѣ. Справа и слѣва поднимаются обрывистые, вывѣтрившіеся, изборожденные дождевыми потоками утесы. Все въ гору да въ гору дорога. Сзади на одномъ изъ поворотовъ чуть мелькнула затерянная въ синевѣ дали башенка сторожевой кулы. Лео такъ даже чуть не вскрикнулъ отъ удивленія, опредѣливъ на глазомѣръ, какъ далеко они ушли, какъ высоко поднялись надъ мѣстомъ прежней стоянки, а дорога все еще вверхъ тянется и теряется изъ виду впереди, заслоненная набѣгающими облаками, и какая отдора! Ведетъ тропа узкая, чуть намѣченная, а то и совсѣмъ

пропадаетъ; такія мѣста были, что и не влѣзешь безъ посторонней помощи; одинъ утесъ ползкомъ пришлось огибать, тутъ даже и карниза никакого не было, хватайся хоть зубами, чтобы не оборваться, а оборвешься—никто и не увидитъ, гдѣ упалъ, такъ глубоко, костей не сберешь! Лео всѣ руки уже до крови перецарапалъ, колѣно ссадилъ, голова разъ закружилась, чуть-чуть не сорвался, да спасибо—Нешо поддержалъ, прихвативъ за воротъ.

— Спасибо, друже, вѣкъ не забуду... — поблагодарилъ волонтеръ, едва переводя духъ отъ усталости.

— Ничего,—отвѣчалъ кашеваръ,—пріобыкнешь, самъ поможешь другому; а пріобыкнешь ты скоро; другой, изъ новыхъ, сдохъ-бы уже давно на этой дорогѣ.

— А и сдохъ-же-бы,—подтвердилъ и самъ воевода, пріостановившись закурить папироску.

Наткнулись на магарца: стоитъ бѣдное животное, прижавшись къ скалѣ, нога задняя сломана, вьюкъ снятъ и тутъ-же брошенъ. Нешо узналъ въ этомъ осликѣ одного изъ четырехъ своихъ, съ разсвѣтомъ еще выступившихъ съ первою половиною отряда, что повелъ командиръ Вуко.

— Я за твою ногу два носа турецкихъ отрѣжу!—обѣщалъ кашеваръ, погладивъ мимоходомъ искалѣченное животное.

И всякъ, проходя мимо, обѣщалъ то-же самое, только Лео не бралъ на себя обязанности мстителя, хотя тоже погладилъ рукою по вспотѣлой, понуренной мордѣ слезливо поглядывавшаго на проходящихъ магарца.

Прошли еще версты двѣ—юнакъ лежитъ, почти въ безпамятствѣ, «занедужилъ» дорогою. Скорчился бѣдняга въ три погибели и голосу не подаетъ, хотя дышетъ, замѣтно, какъ воротъ даламы на груди поднимается. Мимо шли юнаки вереницею. Магарецъ, повидимому, больше вызвалъ въ ихъ рядахъ участія, чѣмъ этотъ несчастный товарищъ.

Грустно стало на душѣ Лео: изнанка боевой жизни начала уже мало-по-малу показываться передъ его глазами. «Вотъ—подумалъ онъ,—и меня, пожалуй, также бросятъ одного въ дикомъ ущельи, на такой высотѣ, куда развѣ только орлы-могильщики залетаютъ... да, *могильщики*». И опять въ его головѣ промелькнули свѣтлыя картины, любимые образы недавняго прошлаго, все, что такъ далеко отсюда. Послѣдній разъ

писалъ онъ еще изъ Цетинье. Отвѣта не было, да и быть не могло. Просилъ отъ Карлейля справляться на почтѣ въ Катаро. Отъ Карлейля тоже нѣтъ никакихъ вѣстей, хотя ему-то Лео писалъ изъ лагеря. Случай такой представился, что переслать письмо было можно. «А что если-бы *она* могла увидать меня теперь, какъ я вотъ иду въ этомъ самомъ костюмѣ, съ ружьемъ на плечѣ, съ ятаганомъ за поясомъ, иду вмѣстѣ съ этими молодцами, какъ равный съ равными, что если-бы *она* вдругъ появилась, ну хотъ на этомъ утесѣ и увидала-бы»...

Лео даже пріободрился отъ такого предположенія и, преодолѣвъ усталость, молодцевато, съ легкостью и граціей горнаго козла перескочилъ довольно широкую трещинуперекъ дороги, да перескочивъ обернулся и услышалъ насмѣшливое «легче»!, произнесенное шедшимъ позади и просто шагнувшимъ черезъ ту-же трещину кашеваромъ. Обернулся Лео, смотритъ: вонъ и послѣдній въ хвостѣ вереницы обошелъ, отвернувшись даже, больного товарища. Оставили, значитъ, совсѣмъ оставили! А тотъ лежитъ, не шелохнувшись, не мѣняя позы, издали — ну совсѣмъ какъ убитый...

— Что-же это они?—сорвалось съ языка у Лео.

— А что?

— Да бросили... вонъ того больного бросили...

— Ну такъ что-же? Сюда турки не заберутся, тѣло не испакостятъ. Зачѣмъ его подбирать? Богъ дастъ отдохнетъ, очнется, самъ добредетъ до мѣста.

— А умретъ?

— А умретъ — что-же такое! Смерть хорошая, честная, не въ саклѣ съ бабою, не на висѣлицѣ... Смерть честная, юнацкая, все-равно, что въ бою, никакой нѣтъ разницы. Можетъ, сегодня-же много ляжетъ народа—одинъ не къ счету...

«Резонно и основательно», — подумалъ Лео.

— Ему за пазуху Нешо сунулъ что-то,—сказалъ Луко, шедшій человѣка за три сзади.

— Ломоть мяса да полъ-галеты,—отвѣчалъ Нешо,—а кошель вытянулъ — вотъ онъ! Въ немъ два дуката и мелкаго серебра на половину. Коли умретъ, кому отдать, знаю... Знакомый!..

Облако набѣжало, да такое холодное, такъ и смочило разомъ одежду... И голова, и хвостъ длинной вереницы пропали

въ туманѣ, человѣка по три, по четыре, больше и не видно кругомъ. Какая-то большая птица нанеслась съ размаха, испуганно крикнула и круто свернула, щелкнувъ крыломъ о камень.

— Къ добру,—рѣшилъ кашеваръ Нешо.

Онъ оказался самымъ болтливымъ въ отрядѣ, а прочіе всѣ шли молча, тяжело дыша на ходу, неслышно ступая по камнямъ своими мягкими, цѣпкими опанками; ружьемъ даже никто не брякнетъ дорогою.

Выбрались снова на ясное мѣсто. Сѣрое облако внизу клубится, словно его всасываетъ въ себя это черное, зіяющее ущелье, а дорога какъ-будто пошла отложе, легче ступается на ногу. Ниже, много ниже стали боковые утесы. Еще полчаса ходу — и выбрался отрядъ на возвышенность «Горнеполе»; растянувшіеся юнаки собрались къ головѣ и сразу легли отдыхать.

Лазарь далъ имъ здѣсь часъ добрый, чтобы выспаться и оправиться. Семь часовъ подъ-рядъ шли герцеговинцы-пивляне и на отдыхъ имѣли полнѣйшее право. Задремалъ даже самъ воевода Лазарь, сѣвъ на землю и опершись головою въ свои собственныя колѣни.

Быстро пролетѣлъ этотъ часъ заслуженнаго отдыха; какъ разбитый, еле передвигая отекшія ноги, поднялся Лео, не зналъ даже, какъ онъ дальше двинется въ такомъ положеніи, а ничего — прошли съ полверсты, размялся снова на ходу, да и дорога теперь была совсѣмъ легкая, преодолѣвать приходилось только самыя отлогія покатости, да и то гдѣ на гору, гдѣ подъ гору. А солнце уже сильно къ закату придвинулось; скоро, пожалуй, и смеркаться станетъ... внизу, то-есть, тамъ... а здѣсь еще не скоро. Смотритъ Лео кругомъ и кажется ему, что уже выше ихъ и взобраться нельзя; всѣ горы кругомъ, какъ на ладони, видны, и всѣ онѣ ниже кажутся, да только это такъ кажется. Лео хорошо уже былъ знакомъ съ оптическими обманами горныхъ странъ, карту мѣстности онъ тоже изучилъ хорошо и давно сообразилъ, куда они теперь направляются.

Бойко, ходко подвигался маленькій отрядъ по ровному мѣсту; дороги здѣсь никакой не было; только тамъ, гдѣ твердый каменистый грунтъ былъ одѣтъ легкимъ слоемъ образовавшагося отъ истлѣвшаго мха перегноя, тамъ только чуть виднѣлись

отпечатки опанокъ впереди шедшихъ. Болѣе чѣмъ прохладный вѣтеръ порывисто дулъ, развѣвая длинные волосы черногорцевъ, напрасно пытаясь сорвать съ этихъ головъ плотно сидящія, словно приросшія, черныя шапочки. Еще солнце не сѣло какъ слѣдуетъ, а отрядъ уже перевалилъ «Горнеполе» и началъ спускаться къ долинѣ Дуги.

Все яснѣе и яснѣе обрисовывались передъ глазами Лео теряющіяся вдали очертанія этой долины. Вонъ чуть мерещится что-то далеко впереди, разобрать нельзя: лѣсъ то или строенія? И то, и другое, кажется. Это Пресѣка должна быть, больше нечему быть въ той сторонѣ; только отсюда до нея верстъ двадцать пять, не менѣе; вотъ уступами поднимается и все растетъ и растетъ противоположный склонъ долины. Лазарь давно уже туда всматривается; онъ уже останавливался раза два и пользовался своимъ роскошнымъ биноклемъ, оперевъ руку на дуло своего штуцера; разъ только прошепталъ онъ «добре», а то все что-то сомнительно покачивалъ головою.

Нѣтъ, темнѣть начинаетъ, не здѣсь, положимъ, а тамъ, куда смотритъ воевода; тѣ склоны уже почти по самые гребни одѣлись тѣнью, ничего не видно! Только огонекъ какой-то чуть-чуть краснѣется, и то ужъ если очень долго и пристально всматриваться станешь. Положилъ воевода свой бинокль въ футляръ и, подгоняя юнаковъ, сказалъ:

— Иди, иди! что растягиваетесь! Не далеко ужъ осталось... Что, заморился?

— Не очень,—отвѣчалъ Лео, ибо послѣдній вопросъ относился именно къ нему.—Не такъ чтобы ужъ очень.

Сильно солгалъ волонтеръ! Только страхъ отстать, да надежда на скорый конецъ пути поддерживали его силы. Скажи ему кто-нибудь, что еще много дороги впереди осталось, такъ бы опустился сразу на землю, подкошенный полнымъ отчаяніемъ.

Рѣзкій свистъ послышался впереди; ему отвѣтили отсюда такимъ-же звукомъ.

— Это наши, — подсказалъ кашеваръ Нешо, прибавивъ шагу и обгоняя прочихъ.

Высокая фигура командира Вуко неожиданно появилась впереди и направилась навстрѣчу къ воеводѣ. Отрядъ тѣмъ временемъ развернулся цѣпью, смѣшиваясь съ своими прежде прибывшими товарищами.

Отсюда въ долину Дуги спускъ шелъ круто, пересѣченный безчисленными, горизонтально пробитыми козьими тропами. Дождевыя промоины, обрушившіеся сверху и засѣвшіе на полудорогѣ камни, колючій кустарникъ,—все это представляло массу закрытій, которыми мастерски воспользовались пивляне Лазаря Сочицы. Сверху можно было различить группы юнаковъ, пріютившихся за этими закрытіями, снизу-же весь скатъ представлялся мертвымъ, безлюднымъ. Штурмовать подобныя позиціи открытою силою съ фронта было-бы болѣе чѣмъ безуміемъ, обойти — почти невозможно, потому «почти», что для обхода понадобилось-бы пройти прежде такою-же дорогою, по какой пришелъ отрядъ Лазаря Сочицы, а такой походъ можетъ совершить только горецъ.

Всю ночь отрядъ, растянувшійся по возможности шире, пролежалъ тихо, не раскладывая огней; даже трубки курить запрещено было воеводою, покорившимся лично этому тяжелому лишенію.

XXV.

Бой у Пресѣки.

— Вставай!—легонько толкнулъ кашеваръ Нешо спящаго Лео-русса прикладомъ своего ружья.

— А, что такое?

— Турки у Пресѣки строятся; скоро выступятъ. Отъ попа Богдана гонецъ пришелъ.

Поднялся Лео на ноги. Дрожатъ колѣни отъ вчерашняго похода, спину ломитъ, будто сотни двѣ палочныхъ ударовъ выдержала эта спина. Лихорадка легкая треплетъ. Вчера заснулъ весь мокрый отъ пота, а ночь была холодная, росистая. Кофе бы теперь горячаго хорошо чашечку, а нѣту. Спасибо, Лазарь коньяку далъ маленькій серебряный стаканчикъ, словно кипяткомъ все внутри обожгло.

— Восвода самъ за тобою смотрѣть сегодня будетъ,— шепнулъ Нешо.—Ты ему за тихость свою да пехвастливость полюбился. Смотри-же, не осрамись, Богу помолись хорошенько; Богданъ пишетъ: много турокъ собралось у Пресѣки. Сила великая, насъ мало, знаешь самъ, а устоять надо... Я буду около тебя, помни это...

Крѣпко сжалъ Лео обѣими руками мозолистую руку каше-вара, такъ и бросился-бы ему на шею, да стыдно стало чего-то. .

— Спасибо, другъ, спасибо!.. Убьютъ ежели — все себѣ бери, что на мнѣ найдешь, а письмо найдешь за пазухою— передай Лазарю, тотъ ужъ знаетъ, что съ этимъ письмомъ надо сдѣлать, все тамъ, что слѣдуетъ, написано.

— Добре! — улыбнулся Пешо и осмотрѣлъ съ ногъ до головы Лео, осмотрѣлъ и его карабинъ, подарокъ сэра Карлейля, словно оцѣнивалъ этимъ взглядомъ, насколько велико великодушіе русскаго волонтера, стоитъ-ли еще имъ воспользоваться.

Должно быть, осмотръ убѣдилъ ихъ, что стоитъ, ибо онъ еще разъ повторилъ: добре! и добавилъ:

— Скажи ты мнѣ, сдѣлай милость, что платилъ за эти пистолеты, дукатовъ двадцать или больше?

— Подарено!—отвѣчалъ Лео.

— Двадцать дукатовъ если дать, не будетъ скупо (дорого). Бого-ми, не будетъ скупо. А вонъ и Пеко, теперь видно... Спорилъ-же со мною часъ тому назадъ воевода: «То, говоритъ, не Пеко», а я говорю: «онъ самый». Тогда еще темно было, нельзя хорошо видѣть, а теперь видно... Добре видно!.. Вонъ и *самъ* смотритъ туда, да улыбается, доволенъ, значитъ, батько...

А Лазарь дѣйствительно улыбался, не отнимая глазъ отъ установленнаго по данному направленію бинокля; сѣдые усы воеводы шевелились: должно быть, губы его твердили свое обыкновенное одобреніе. Пристально наблюдали тотъ-же предметъ и остальные юнаки, только этихъ мало было видно по близости. Всѣ попрятались, слова не вымолвятъ, не пошевелятся даже...

Солнце еще не взошло, а свѣтло; чуть только розоватый паръ стелется по противоположному скату, хорошо его разсмотрѣть можно, версты не будетъ разстоянія. Видны и кусты густые, и отдѣльныя каменныя глыбы, видна и тропа мѣстами, краснѣютъ размытыя водою глинистыя полосы, а больше ничего.

— Гдѣ-же Пеко?

— Такъ не увидишь, а посмотри въ свою трубку. Смотри въ ту сторону, какъ разъ между тѣмъ утесомъ, вонъ онъ, сѣрый такой, и зеленою вербою, что ниже. Смотри туда, можетъ и увидишь.

Поспѣшно выпулъ Лео бинокль изъ футляра, поставилъ его по глазамъ и навелъ по указанному направленію.

— Ну что?—пытаетъ его Нешо, а самъ сзади за плечами стоитъ и пальцемъ показываетъ.

— Да ничего не вижу...

— И птицы никакой не видишь?

— Птицу вижу.

— А какая то птица?

— А Богъ ее знаетъ, какая!

— То Станковъ кобчикъ... Помнишь, что Станко съ собою приносилъ, еще мы его мясомъ кормили?

— Помню ..

— Ну вотъ, это онъ самый.

— Вижу теперь.

— А, видишь? Ну, а видишь, что онъ подлетитъ немного кверху, затрепещется и назадъ вернется?

— Вижу!

— А зачѣмъ онъ совсѣмъ не улетитъ, зачѣмъ назадъ возвращается? Ну, скажи-ка, зачѣмъ?

— А почемъ я знаю.

— А потому, что на привязи. Пугнетъ его Станко, отпуститъ, онъ и полетитъ, дернетъ за веревочку Станко, онъ назадъ вернется, хоть и не хочетъ, а вернется, потому и трепещется крыльями.

— Станко тамъ, значитъ?

— Станко тамъ! А Станко тамъ — и Пеко тамъ, а Пеко тамъ—тамъ, значитъ, съ нимъ и вся его дружина... Понялъ?

— Какъ не понять!

— Ну, вотъ Лазарь туда и смотритъ; а ужъ очень смѣшно ему глядѣть на Станковы затѣи... Онъ разъ такъ зайца выпустилъ, да заяцъ оборвался и попалъ какъ-разъ въ середину турецкаго табора; сколько смѣху было!

— Зайца?

— Да, зайца; тогда мы шестьсотъ турокъ уложили, да сто двадцать два человѣка живьемъ сдались. Ну, Пеко велѣлъ ружья отобрать отъ тѣхъ и патроны отобрать, а самихъ пустилъ,—что съ ними дѣлать?

— А размѣнять на своихъ?

— Дурный!.. Турки не мѣняются. Изъ нашихъ ежели кто попадетъ, въ живыхъ не оставляютъ, не на кого, значитъ, мѣняться... Пеко еще вчера до ночи низомъ прошелъ на ту

сторону. А Богданъ — тотъ за Пресѣкой теперь... Мы прошли одну дорогу, а Богданъ—такихъ двѣ съ половиною. Много ему походу было, хуже, чѣмъ намъ.

«Хороша-же была дорога богдановцамъ!» только подумалъ про себя Лео; морозомъ подернуло у него между лопатками отъ представленія дороги, худшей, чѣмъ та, по которой пришли пивляне, да еще, больше чѣмъ вдвое, длиннѣйшей...

— А вонъ тамъ турки... Вонъ гдѣ тополи въ рядъ вытянулись... Ихъ еще не видно, а они тамъ, это вѣрно.

— Да ты почему же думаешь, что тамъ?..—усомнился было Лео, инстинктивно сжимая прикладъ ружья при словѣ «турки».

— А потому, что Богданъ писалъ, а если Богданъ писалъ, значитъ, самъ ихъ своими глазами видѣлъ,—это разъ! А другое... Опять-таки гляди, самъ увидишь...

— Турокъ увижу?

— Ты, друже, пушку-то не поднимай,— остановилъ рукою кашеваръ воинственное движеніе Лео. — Да помни, что у нашихъ такой порядокъ: пуднулъ не въ пору — мало, если у столба на привязи просидишь сутки, а то такъ и собственною воеводскою рукою тебя уложатъ; помни это, да хорошенько!..

— Это я буду помнить...

— Помни...

Помолчали. Лео. То на птицу Станкову смотритъ, то вдаль, гдѣ Пресѣка виднѣется съ своимъ насыпнымъ курганомъ да окрестными садами...

— Много еще времени пройдетъ. Солнце вонъ тамъ встанетъ высоко, когда по туркамъ пуцать можно будетъ; по ихъ погамъ, часа на три будетъ ходу до этого мѣста; съ ними, думаю, и топови есть, а дорога тутъ не очень хорошая... Есть одно мѣсто, къ Пеко поближе, тамъ они съ колесами повозятся... Ну, будемъ ждать...

Выложивъ передъ Лео всѣ свои военныя соображенія, кашеваръ спустился немного ниже, усѣлся за густымъ кустомъ съ подмытыми водою, оголенными корнями и жестомъ пригласилъ Лео послѣдовать своему примѣру. Казалось, что во всемъ отрядѣ только они двое и разговаривали; всѣ остальные сидѣли молча, положивъ свои длинныя ружья поперекъ колѣнъ и опустивъ головы. Юнаки дремали, пригрѣваемые лучами солнца

поднявшагося уже надъ горизонтомъ... Сады у Пресѣки подернулись еще болѣе густымъ, золотисто-фіолетовымъ цвѣтомъ; на этомъ тонѣ теперь ясно вырисовывались многочисленные бѣлые дымки, вертикально поднимающіеся кверху. Тамъ былъ турецкій бивуакъ, наблюдаемый, съ болѣе близкихъ позицій, отрядомъ попа Богдана.

И Лазарь Сочица тоже присѣлъ за большимъ камнемъ, прислонился къ откосу спиною, сложилъ руки на своемъ округленномъ желудкѣ и пальцами перебираетъ. Его красивое, нѣсколько оплывшее лицо совершенно спокойно, ротъ полураскрытъ и глаза прищурены; видно, тоже дремлетъ старый воевода. Если-бы не ятаганъ за поясомъ да наборные пистолеты, если-бъ не это длинное ружье около, ну точь-въ-точь хохолъ-помѣщикъ на крылечкѣ своего хуторянскаго домика.

Лео, который не разъ взглядывалъ въ ту сторону, гдѣ кейфовалъ воевода, остался даже не совсѣмъ доволенъ этимъ прозаическимъ видомъ «героя»: ему хотѣлось-бы видѣть Лазаря съ ятаганомъ въ зубахъ, съ ружьемъ на-готовѣ, тигромъ засѣвшаго въ засадѣ, а онъ, вишь ты, какимъ паномъ-халатникомъ разсѣлся; и эти прочіе тоже хороши: сидятъ, словно гусей караулятъ на выгонѣ!

— Ты что-же это?—замѣтилъ онъ Нешо, своему сосѣду, когда тотъ вытащилъ изъ-за пазухи какой-то маленькій свертокъ и отыскалъ тамъ иголку съ крупнымъ ушкомъ и моточекъ бѣлыхъ нитокъ.—Ты что-же это?

— А я штаны чинить буду. Видишь, какъ разодралъ ихъ дорогою, задѣлъ за что-то и разодралъ.

Для ясности кашеваръ приподнялся, повернулся спиною къ Лео, нагнулся и основательно показалъ ему поврежденное мѣсто своего нижняго костюма.

— Вотъ я ихъ зачиню,—добавилъ Нешо, снимая для починки то, что слѣдовало.—Такъ-то сидѣть, безъ дѣла, скучно.

— Ну, народъ!—только плечами передернулъ волонтеръ и приготовился *отъ скуки* наблюдать окрестности.

— Нешо, друже Нешо!—чуть не вскрикнулъ Лео, бросивъ бинокль и схватившись за карабинъ.—Вѣдь это они!

— Они... такъ что-же такое?—чуть удостоилъ взглядомъ кашеваръ, не оставляя своей прозаической работы.—Сиди смирно. Это дѣло не наше...

То, что такъ встревожило Лео-русса, была небольшая кавалькада, около десятка всадниковъ, вразсыпную показавшаяся на дужской дорогѣ. Черезъ пять минутъ они были такъ близко, что невооруженнымъ глазомъ можно было легко разсмотрѣть масть лошадей и костюмы кавалеристовъ. Да, это были дѣйствительно турки, — иррегулярные даже, то-есть ненавистные баши-бузуки, и остановились эти баши-бузуки какъ-разъ подъ выстрѣлами дружинниковъ Лазаря, а тѣ и не пошевельнутся ни одинъ, сидятъ, какъ-будто и нѣтъ ничего... На такую мелкую дичь стоитъ-ли обращать вниманіе, когда крупный звѣрь впереди!..

Постояли всадники, потолклись на одномъ мѣстѣ, двое дальше впередъ продвинулись, уже миновали пивлянскую засаду, и прочіе назадъ шагомъ поѣхали. Этотъ конный патруль, сдѣлавъ свою развѣдку, очевидно убѣдился, что все обстоитъ благополучно. Только одинъ что-то долго и пристально смотрѣлъ сюда, даже рукою показалъ своему товарищу.

Лео прижался вплотную къ землѣ и духъ затаилъ. Ему показалось, что именно его-то и замѣтили. Ну, да Богъ помиловалъ! Успокоился зоркій баши-бузукъ и прочь поѣхалъ, даже съ коня сходилъ на минуту, а конь не стоитъ спокойно, не даетъ садиться, за другими порывается и ржетъ звонко. Словно рожокъ звенитъ по ущелью его ржаніе и эхомъ въ горахъ отдается.

Кончилъ тѣмъ временемъ Нешо кашеваръ свою починку и сталъ одѣваться.

А турки шли уже по ущелью густыми колоннами. Лео видѣлъ ясно, даже безъ бинокля, темныя массы, медленно ползущія по дорогѣ; видѣлъ, какъ отъ этихъ массъ по временамъ отскакивали отдѣльныя черныя точки и снова сливались. Вонъ переднія колонны уже огибаютъ свѣтлый мысокъ обрыва. Вонъ заиграло солнце на безконечной щетинѣ штыковъ и заалѣлись красныя фески. Заволокло солнце налетѣвшимъ облачкомъ—потухли штыки, не видать и красныхъ фесокъ, все приняло снова общій темный тонъ; снова выглянуло солнышко — снова заискрились свѣтлыя черточки, точно иголки, мелькнулъ бѣлый конь, мелькнуло знамя, развѣвающееся на длинномъ древкѣ. Конца нѣтъ турецкимъ силамъ! Голова уже здѣсь близко, уже и бѣлыя перевязи видно на синихъ шинеляхъ, уже гомонъ го-

лосовъ доносится по вѣтру, а гдѣ кончается хвостъ,—и опредѣлить нельзя. Все ущелье до самой Пресѣки, гдѣ все еще вьются къ небу костровые дымки, все сверкаетъ и копошится.

Таборы шли ближе къ позиціямъ Пеко, на полъ-выстрѣла ружейнаго, не больше, а Пеко молчитъ, жизни не подаетъ; Лазарь Сочица такъ и впился глазами въ турокъ, брови сдвинулись у него и усъ закусилъ онъ. Посмотрѣлъ Лео на сосѣда кашевара—тотъ дуло ружья укладываетъ между двумя каменьями, прилаживается; взглянулъ на другого сосѣда—чуть видна его спина за кустомъ и локоть продранный приподнятъ; тоже, значитъ, цѣлится.

Впереди перваго табора ѣдутъ верхомъ шесть человѣкъ, двое въ бѣломъ, такъ и отличаются отъ прочихъ; по виду какъ будто и не турки; за ними идутъ, согнувшись, барабанщики съ инструментами на спинахъ, двѣ вьючныхъ лошади въ поводу; на одной изъ нихъ ярко-зеленый палаточный верхъ навьюченъ, качается этотъ свертокъ изъ стороны въ сторону.

И всадники, и музыканты, и вьючные кони, и почти уже весь таборъ давно миновалъ то мѣсто, гдѣ взлеталъ на привязи кобчикъ Станковъ, а все тихо въ той сторонѣ. «Ужъ не отступили-ли наши, чего добраго?»

Волнуется Лео страшно, сердце у него такъ и рвется изъ груди, руки дрожатъ, даже стволъ карабина пощелкиваетъ о камень, а въ глазахъ зарябило и запрыгало все. Какъ тутъ стрѣлять станешь?

— Добре, добре!—вполголоса бормочетъ Лазарь, не мѣняя позы, словно приросъ къ своему мѣсту.

Вдругъ Лео увидалъ, какъ весь противоположный скатъ задымился разомъ, черезъ мгновеніе донеслась сухая трескотня выстрѣловъ. Застонала долина Дуги отъ безчисленныхъ голосовъ. Таборы заволновались и стали. Тамъ и сямъ завыли сигнальные рожки; всадники въ бѣломъ въ карьеръ, во всю мочь лошадей, неслись назадъ; конь съ палаткою барахтался на землѣ, силясь подняться на ноги. Передніе таборы въ колоннахъ стройно отходили къ этому скату, какъ-разъ подъ выстрѣлы пивлянъ, и стали къ нимъ спиною, а на дорогѣ осталась густая цѣпь, завязавшая перестрѣлку съ отрядомъ Пеко. На дорогѣ, на этой сѣрой полосѣ, изгибавшейся по долинѣ, на пути отступленія сомкнутыхъ таборовъ, видѣлись

неподвижныя тѣла убитыхъ, ползли одинокіе раненые. Ползли и падали. А горы все дымятся, грохочетъ, подхваченная горнымъ эхомъ, живая перестрѣлка, словно обрѣзываютъ эту трескотню глухіе залпы турокъ. Опять сигнальные рожки... Подходятъ новые батальоны, развертываются густою цѣпью... и... Да, они лѣзутъ на горы, они уже добираются до самыхъ позицій Пеко. А оттуда, сверху, поднимая облака пыли, рушатся камни. Вотъ и тотъ, желтый, начинаетъ колыхаться. Вонъ онъ тихо, тихо гнется въ эту сторону. Вотъ рухнулъ разомъ. Выше и выше карабкаются черныя точки и отстрѣливаются. Да какъ ихъ много кажется! Это все дружинники Пеко. Они на минуту появились было и опять исчезли, попрятались, опять уже трещитъ ихъ безпорядочная пальба.

— Отступаютъ турки, — шепчетъ Нешо. — Смотри, они опять сюда прижмутся... Отступаютъ...

— Да не всѣ отходятъ... Смотри, смотри, тамъ еще много осталось,—шепчетъ ему въ отвѣтъ Лео. — Вонъ сколько ихъ залегло на низу... и выше цѣпь раскинули.

— То не живые... Тѣ ужъ больше ни впередъ, ни назадъ не подадутся. Смотри, Лазарь оба уса жуетъ уже, скоро наша очередь. Только-бы ихъ сюда къ намъ побольше прижалось.

Залпами стрѣляютъ турки по позиціямъ Пеко. По всѣмъ направленіямъ въ долинѣ носятся всадники. Послышался ударъ могучій, такъ и покрывшій все своимъ звукомъ; еще ударъ, еще. Бѣлое облако густого дыма поднялось и вытягивается по вѣтру.

— Топови заговорили, — шепчетъ кашеваръ Нешо.—Вотъ они гдѣ свои топови поставили!

Турки дѣйствительно жмутся къ этой сторонѣ, все вниманіе ихъ привлекаютъ растянутыя до-нельзя позиціи Пеко Павловича, откуда огонь не слабѣетъ, не умолкаетъ ни на минуту. Турецкіе резервы сгустились у подножія этого ската; и сюда даже, хотя изрѣдка, но долетаютъ пули герцеговинскихъ ружей. Лежатъ пивляне и признака своего существованія не подаютъ. Ждутъ перваго выстрѣла, а первый выстрѣлъ самъ воевода сдѣлаетъ.

Галдятъ турки, слышно каждое слово; приволокли раненыхъ, стонутъ бѣдняги. Мулла, верхомъ на гнѣдомъ конѣ, руками машетъ, непстово ругается; офицеры ряды строятъ опять, вѣрно,—атака готовится.

Снова завыли сигнальные рожки; на этотъ разъ сигналъ донесся оттуда, гдѣ гремѣла батарея. Здѣсь, внизу, подхватили этотъ призывный звукъ; призатихло въ турецкихъ рядахъ. Шелохнулись синія колонны.

— Помоги, Господи! — громко произнесъ Лазарь Сочица и припалъ головою къ прикладу...

Гулко раздался въ ушахъ Лео первый выстрѣлъ воеводскаго ружья. Адскій грохотъ прокатился по всему склону, пороховымъ дымомъ шибануло въ носъ и въ горло, заволокло все передъ глазами.

— Что-же ты изъ своей двухстволькой! — крикнулъ кашеваръ Нешо, торопливо роясь въ патронташѣ.

— Братики-пивляне, на юришь! — откинувшись назадъ, приставивъ руки рупоромъ ко рту, во всю мочь своей аршинной груди заоралъ Лазарь Сочица, и...

Совершилось что-то непонятное, что-то такое, чего Лео не ожидалъ никакъ, хотя и самолично участвовалъ въ этомъ, увлеченный общимъ примѣромъ.

Страшный, совсѣмъ не человѣческій крикъ вырвался разомъ изъ семисотъ грудей дружинниковъ Лазаря; закинувъ ружье за плечи, махая обнаженнымъ ятаганомъ, сорвались они съ своихъ мѣстъ и ринулись на оторопѣвшихъ, вовсе не ожидавшихъ этого нападенія турокъ... Началась рѣзня...

Лео даже не замѣтилъ, какъ онъ самъ очутился внизу, какъ вокругъ него заметались, охваченныя паническимъ страхомъ, темныя, совсѣмъ незнакомыя ему фигуры. Вотъ онъ наткнулся на какую-то лошадь, ударилъ ее прикладомъ карабина, та брыкнула и тутъ-же упала, не отъ этого удара упала она; что могъ сдѣлать животному толчокъ прикладомъ! Вотъ его обогналъ свой, въ даламѣ и волосы длинные... не турокъ значитъ, а голова въ красномъ рукою онъ за голову держится, а самъ бѣжитъ и бѣжитъ впередъ; споткнулся, упалъ и лежитъ теперь ничкомъ, неподвижно. Что-же это такое?

Кругомъ вой, стонъ... Голосъ Лазаря отчетливо слышится. «Бей, бей!» кричитъ воевода, а гдѣ кричитъ — не разберешь. Черное скуластое лицо, ворочая бѣлками, скаля бѣлые зубы, кидается на Лео, а тотъ только смотритъ на него и не бьетъ. Совсѣмъ ему ничего и не страшно, словно онъ и не подозрѣваетъ, зачѣмъ это онъ нуженъ этому черномазому.

— А ты зѣвай! этакъ живъ не останешься! — хрипло говоритъ Нешо надъ самымъ ухомъ. И лица чернаго уже нѣтъ подлѣ, пропало куда-то.

Гремя барабаномъ, бѣжитъ турокъ и кричитъ благимъ матомъ, и бѣжитъ онъ не туда, куда всѣ турки бѣгутъ, а совсѣмъ навстрѣчу. Хохочетъ кто-то неподалеку, только совсѣмъ не весело, морозомъ подираетъ отъ этого смѣха.

«Хоть-бы и мнѣ рѣзнуть кого-нибудь,—думаетъ Лео.— Именно рѣзнуть, чтобы рука чувствовала».

Это минутное, внезапно налетѣвшее желаніе разгорается все сильнѣе, оно получаетъ характеръ страстности.

«Ужъ что-бы тамъ ни было, хоть умереть сейчасъ, а рѣзну!.. Вонъ именно того рѣзну. Вонъ, что выше всѣхъ головою!..»

Бѣжитъ Лео, старается догнать намѣченную жертву, а та уходитъ! Все больше и больше увеличивается разстояніе между нимъ и этою широкою спиною подъ ранцемъ, съ привязанною къ нему жестяною флягою и лопатою. И эту флягу, и эту лопату очень хорошо замѣтилъ Лео, замѣтилъ даже, какъ послѣдняя оборвалась, да не совсѣмъ, а на ремнѣ сзади тащится и между ногами бѣглеца путается. Эти подробности ему видны отлично, а что кругомъ дѣлается, — ничего не видно. Такъ, хаосъ какой-то.

Бѣжитъ, бѣжитъ Лео, а въ груди колетъ, дышать не даетъ, во рту пересохло. Ужъ онъ теперь одинъ бѣжитъ, то-есть не совсѣмъ одинъ: много народу сзади, много съ боковъ, только тѣ лежатъ или сидятъ какъ-то страшно, скорчившись. И выстрѣловъ совсѣмъ не слышно. Тихо все.

— Иди сюда. Что здѣсь остался? Иди скорѣе за мною,— потянулъ его за руку кашеваръ Нешо, весь въ крови, какъ мясникъ.—Тамъ наши собираются. Слышишь, Лазарь кричитъ. Иди сюда.

— Гдѣ наши? — задыхаясь, чуть слышно произнесъ Лео и... и вдругъ заплакалъ, да навзрыдъ, истерично, и двинуться съ мѣста не можетъ, словно приросли ноги къ землѣ, не оторвешь никакъ.

— Раненъ, что-ли? Что-же ревешь, какъ баба? — сердито ворчитъ кашеваръ,—Лазарь увидитъ—осрамитъ. Иди!

Минуты не плакалъ Лео, выплакался и легче ему стало и

ясно такъ видно, что дѣлается кругомъ, и силы откуда взялись, и сознаніе. Видитъ онъ, что далеко уже позади чуть виденъ откосъ, гдѣ засѣла прежде дружина Лазаря. Видитъ, что вся долина тѣлами пестрѣетъ, гдѣ въ разбродъ, въ одиночку, гдѣ сплошными кучами; видитъ, что пушка стоитъ покачнувшись, объ одномъ колесѣ, видитъ, какъ другую герцеговинцы куда-то тащатъ. Около этихъ пушекъ тоже много тѣлъ. Значитъ, здѣсь была турецкая батарея, та самая, которую онъ издали еще, съ своихъ позицій, замѣтилъ по бѣлымъ клубамъ порохового дыма. Но тогда между этими клубами и ими было много турокъ. Густыми колоннами стояли они: гдѣ-же теперь турки? Куда дѣвались эти сплошные темные четырехугольники, неужели-же всѣ полегли?

— Много мы ихъ порѣзали, — говоритъ Нешо на ходу, а Лео за нимъ идетъ.—На Пеко опять ихъ опрокинули, а тотъ самъ принялъ «на юришь», его очередь пришла. Теперь Богдану работа, онъ ихъ тамъ за Пресѣкою добивать будетъ. Туда мы не поспѣемъ, а Лазарь хочетъ идти. Луку убили.

— Какъ убили?

— А какъ убиваютъ! Много пуль летаетъ, кому какая назначена, кто знаетъ? Лукѣ въ лобъ, прямо вотъ въ это мѣсто.

И Нешо указательнымъ пальцемъ ткнулъ въ лобъ Лео для болѣе точнаго опредѣленія, куда именно попала турецкая пуля, убившая секретаря Лазаря Сочицы.

— Лазарь цѣлъ?

— Богъ помогъ, цѣлъ. Да ты что-же ятаганъ свой не вложишь? Ужъ теперь некому главы посѣкать... Спрячь!

— Какой ятаганъ?

Смотритъ Лео—и впрямь, ятаганъ у него въ рукахъ, обнаженный, весь кровью перепачканный. Стыдно ему чего-то стало; началъ онъ совать въ ножны свое оружіе, да не попадаетъ... рука дрожитъ.

— Погоди,—остановилъ его Нешо;—такой клинокъ хорошій, а ты пакостишь... Оботри прежде о землю, а послѣ о полу... Да не такъ, а вотъ какъ! Давай его сюда!

Взялъ кашеваръ ятаганъ изъ рукъ Лео, воткнулъ его въ землю раза два, заблистало на солнцѣ очищенное лезвіе, обтеръ о полу даламы и самъ вложилъ въ ножны за поясъ Лео.

— Такъ то будетъ лучше! Что, друже, много посѣкъ турскихъ главъ?..

— Я не сѣкъ... я...

— Лажишь (лжешь), самъ видѣлъ... только ты не умѣешь: это такъ надо дѣлать: прихватилъ за голову и... А ты еще не умѣешь, бьешь какъ попало, я видѣлъ. Вотъ жаль не глядѣлъ ты, какъ Вуко чисто работалъ. Вотъ такъ чисто... Опять, слышь, Лазарь кричитъ .. Идемъ, друже, скорѣе, наши уже собрались всѣ.

— Стрѣляютъ, стрѣляютъ... Опять стрѣляютъ! — заволновался Лео.—Развѣ *не кончено* еще?

— А то и вправду... пуцаютъ... добре, добре! Да и тяжкоже теперь турцамъ приходится, тяжко!

Капеваръ пріостановился на минуту и прислушался къ чуть слышному грохоту перестрѣлки, далеко за Пресѣкою.

— Это богдановцы провожаютъ турокъ, добиваютъ—значитъ; съ насъ довольно, мы свое сдѣлали... А вонъ и Пеко съ горъ спускается; и ловко-же онъ принялъ *ихъ*, когда тѣ отъ насъ шарахнулись! У него еще больше, чѣмъ у насъ, порѣзано.

Собрались разбредшіеся юнаки на сборное мѣсто, не только раненыхъ, убитыхъ своихъ всѣхъ сюда посносили.

Лазарь шапку снялъ и Богу молится и между словъ его простой молитвы: «да и спасибо-же тебѣ, Господи, за подмогу», «добре, дѣтки, добре, юнаци»—слышится...

XXVI.

Нежданно, негаданно.

Къ ночи соединенные отряды Пеко Павловича и Лазаря Сочицы заняли оставленную турками Пресѣку. Курганъ съ блокгаузомъ былъ занятъ сильнымъ карауломъ, на всякій случай. Бивуакъ расположился подковою вокругъ селенія.

Здѣсь, вдоль каменной стѣнки фруктоваго сада, рядами уложили своихъ мертвецовъ; раненыхъ внесли въ пустую саклю, и докторъ-руссъ съ своимъ помощникомъ, находившіеся во время похода и боя при отрядѣ Пеко, занялись немедленно перевязкою. Десятка два юнаковъ кувшинами носили воду изъ родника къ перевязочному пункту. Имъ усердно помогала

какая-то высокая, тощая, какъ скелетъ, старуха, случайно захваченная въ селеньѣ; замѣчательно было то обстоятельство, что старуха эта была мусульманка, все время неистово ругалась съ юнаками, проклинала ихъ и усерднѣе всѣхъ таскала воду, хотя ее никто не принуждалъ къ этому занятію; она-же первая развела огонь, сварила горячее варево изъ кукурузы и, обхвативъ подоломъ своей рубахи горячій котелокъ, принесла его въ саклю, гдѣ лежали раненые.

Лазарь далъ ей дукатъ въ подарокъ, она взяла золото, посмотрѣла на него, плюнула и со злостью швырнула на землю, прямо къ ногамъ воеводы. Тотъ не обидѣлся нисколько и проговорилъ только свое обычное: «добре»!

Притащили сюда двѣ пушки, отнятыя у турокъ. Одна никуда не годилась больше: колесо турки изрубили и самый стволъ орудія испортили, заклинивъ его камнями и отвинтивъ замокъ, а другая—исправная. Первую усташи зарыли въ землю, а другую оставили, благо и запряжка нашлась муловая, хотя и не полная.

Вплоть до глубокой темноты бродили пивляне по долинѣ, собирая оружіе, обшаривая карманы убитыхъ, сгоняя со всѣхъ сторонъ разбѣжавшихся во время свалки вьючныхъ магарцевъ съ турецкимъ провіантомъ. Добыча оказалась богатая, даже не подъ силу малочисленнымъ побѣдителямъ.

Лазарь, хотя и былъ сильно огорченъ потерею своего секретаря, но крайне доволенъ результатами дѣла, ходилъ по бивуаку веселый и все трунилъ надъ Лео, что тотъ не принесъ ни одного турецкаго носа. Нешо уже возился съ своимъ дѣломъ, разложивъ чудовищный костеръ, вокругъ котораго тотчасъ-же собралось до сотни народу. Онъ, словно гордясь довѣреннымъ его попеченію новичкомъ-волонтеромъ, разсказывалъ слушателямъ чудеса о храбрости Лео, считая жертвы его ятагана уже даже не десятками, а цѣлыми сотнями. Хорошо, что самъ *храбрецъ* не слышалъ разсказовъ кашевара, а то-бы ему было крайне неловко. Объ одномъ только Нешо счелъ необходимымъ умолчать, это объ легкой истерикѣ, приличной бабѣ, но ужъ никакъ не воину.

Обстоятельство это, хотя и было истолковано кашеваромъ правильно и естественно, какъ результатъ сильнаго нервнаго возбужденія, но все-таки, по мнѣнію его, требовало сохраненія въ тайнѣ, какъ нѣчто неподобающее.

Опять собрался совѣтъ, порѣшили ночевать здѣсь и ждать прибытія Богдана Зимонича, которому поручено провожать разбитые остатки турецкихъ таборовъ огнемъ, но *на юришъ* не ходить, чтобы даромъ народу не тратить; дороги туркамъ не загораживать, — необходимая предосторожность, чтобы избавиться отъ плѣнныхъ, обузы тяжелой и безполезной.

Другой юнакъ, смуглый такой, невысокій, больше на жида похожій, чѣмъ на серба, сидѣлъ у огонька съ секретарскою книгою въ рукахъ и отмѣчалъ въ спискѣ юнаковъ наиболѣе отличившихся. На нѣкоторыхъ указывали ихъ командиры, другихъ самъ Лазарь замѣтилъ и запомнилъ, а то были и такіе, что сами подходили и разсказывали свои подвиги.

Подошелъ Лео къ этой группѣ—и его чуть не стошнило. Сначала было онъ и не замѣтилъ, какія это представлялись доказательства отличій, а какъ разглядѣлъ, такъ у него даже аппетитъ пропалъ, несмотря на то, что передъ этимъ острый запахъ, несшійся по вѣтру отъ костра Нешо, раздражалъ его аппетитъ весьма основательно, и онъ готовился оказать великую честь стряпнѣ своего друга.

Цѣлая груда головъ выросла уже передъ новымъ секретаремъ; тутъ-же рядами разложены было кончики носовъ, отхваченные ножемъ съ частью верхней губы и усами.

— Ты говоришь — семь, а гдѣ-же седьмой? Тутъ всего только шесть... Самъ видишь, шесть!—доносится до Лео.

— А тебѣ мало?—ворчитъ недовольнымъ голосомъ дюжій юнакъ и роется въ карманахъ.—Гдѣ-же онъ, проклятый, бѣсъ его батьку знаетъ... обронилъ, можетъ, дорогою какъ-нибудь. Бого-ми, семь было; пиши семь, я-же тебѣ говорю.

— Пиши семь, пиши семь! Это вѣрно будетъ,—подтверждаютъ нѣсколько голосовъ разомъ.

— Я видѣлъ, какъ его повалили, — разсказываетъ кто-то за стѣнкою, въ темнотѣ не видно, — четверо турокъ за него ухватились, а ужъ онъ раненъ былъ; одна рука висѣла, а другою бьетъ.. Божо и руссъ, тотъ, что лечитъ, подоспѣли на выручку, да поздно... Турки уже ему животъ пропороли штыками...

— Штыкомъ въ животъ—это ужъ скверно, тутъ ничего не подѣлаешь, живъ не останешься!

— А и добре-же руссъ изъ малой пушки стрѣляетъ (изъ пистолета). Пріостановится—бацъ! и готово!

*

— Да онъ чего-же въ свалку попалъ?

— Какъ чего?!. Съ нами былъ .. Какъ отъ Лазаря погнали турокъ, Неко самъ «*на юришъ*» велѣлъ идти. Ну, пошли мы и онъ съ нами. У него двѣ бутылки съ водкою было и тряпокъ цѣлый мѣшокъ; какъ кто повалится, онъ сейчасъ ему водки въ ротъ и тряпку броситъ, а самъ все впередъ да впередъ...

— И гналъ ихъ нашъ Вуко, какъ пастухъ барановъ; самъ ужъ и не бьетъ, а только покрикиваетъ,—слышится въ другомъ мѣстѣ. — Набѣжалъ онъ такъ, съ нимъ только двое, а турки стѣною стали, локоть къ локтю, штыки наставили. Вуко изъ пистолета разъ-разъ...

— А видѣли, какъ Коста бимъ-башу стащилъ съ коня за ноги? Вотъ смѣху-то было!

И удивляется Лео, прогуливаясь по бивуаку, отчего это всѣ видѣли такія интересныя вещи, а онъ ничего не видѣлъ и не помнитъ даже. Что за странность такая? Вѣдь онъ бѣжалъ со всѣми, вмѣстѣ, разомъ тогда бросились изъ засады. Правда, онъ выстрѣлить не успѣлъ и послѣ не стрѣлялъ. Стволы ружья не были закопчены дымомъ и патроны лежатъ въ казенникахъ,—а ятаганомъ рубилъ; самъ Нешо видѣлъ, что ятаганъ въ крови былъ; и затѣмъ Нешо его вытеръ, надо-бы, чтобы *всѣ* видѣли... а то вонъ про другихъ говорятъ, а про него никто ни слова; про доктора говорятъ... Неужели онъ струсилъ такъ, что память и сознаніе отшибло отъ страха? Нѣтъ, робости никакой онъ не чувствовалъ, онъ и теперь готовъ идти хоть одинъ на цѣлый таборъ. Что-же это съ нимъ случилось?

Лазарь—вотъ хорошее мѣрило! Объ Лазарѣ говорятъ, что онъ всѣхъ и все видитъ во время боя; Лазарь его хорошо встрѣтилъ, ласково и по плечу потрепалъ. Значитъ, онъ велъ себя хорошо. Только отчего это онъ ничего этого не помнитъ?

Хорошо, что Лео, потерявъ аппетитъ отъ вида юнацкихъ трофеевъ, не торопился къ костру, гдѣ ораторствовалъ кашеваръ Нешо, а то-бы могъ узнать много крайне интересныхъ подробностей...

Ярко вызвѣздило на небѣ. Здѣсь, въ долинѣ, ночь гораздо теплѣе, чѣмъ тамъ, на горахъ, сыровато даже немного. Вспомнилъ Лео, наконецъ, одно важное обстоятельство, только вовсе не воинственнаго характера: вспомнилъ онъ, что имѣлъ неосторожность снять съ себя пледъ и подостлать его подъ себя,

когда они еще на откосѣ за кустами сидѣли; тамъ этотъ пледъ и остался. Не идти-же за нимъ почью, вѣдь отсюда добрыхъ верстъ двадцать будетъ, если не больше. А вѣдь безъ пледа спать хоть и внизу, а все-таки холодновато будетъ.

Соображаетъ всѣ эти обстоятельства Лео, видитъ, идутъ на него четыре турка, у каждаго по два ружья со штыками... Что за чортъ такой, откуда это?

— Чего не спишь, руссъ? — спрашиваетъ его одинъ изъ этихъ турокъ.

«А, это наши, только шинели турецкія понадѣвали!»—понялъ тутъ Лео, въ чемъ дѣло, и спросилъ, откуда взяли себѣ это платье. Спросилъ-то спросилъ, и тутъ же сообразилъ, что вышла глупость. Конечно, откуда взяли! На полѣ ихъ много валяется, и въ шинеляхъ, и безъ шинелей. Пойди и забирай любую.

Только одному идти не хочется, не то, чтобы страшно, а непріятно какъ-то. Лучше-бы *они* живые тамъ были, а не мертвые. Позвать развѣ Нешо съ собою и еще кого нибудь!

Съ этою именно цѣлью и подошелъ Лео къ импровизированной кухнѣ, гдѣ его другъ, покончивъ, наконецъ, съ разсказами, усердно мѣшалъ палкою въ котлѣ, отвертываясь и закрываясь локтемъ отъ цѣлаго облака горячаго пара, поднимающагося надъ клокочущею поверхностью какого-то чрезмѣрно густого варева.

— Погоди, не время, темно очень,—отвѣчалъ ему Нешо на его предложеніе. — А вотъ черезъ часъ мѣсяцъ взойдетъ, тогда пойдемъ. Только Лазарю надо сказать, а то вѣдь онъ не любитъ, когда кто безъ спроса шатается.

Пошелъ Лео проситься у Лазаря, а тотъ и говоритъ:

— Не надо. Вотъ смотри, какая у меня куча этого добра натаскана; выбирай, которая меньше кровью запачкана.

Кровью запачкана! Покоробило немного Лео отъ этого слова, однако, дѣлать нечего, въ одной даламѣ нельзя остаться, горячку наживешь.

— Ты почуй здѣсь, у меня, тутъ для меня сакля приготовлена,—предложилъ ему воевода;—ступай спи, завтра, можетъ, чуть свѣтъ подниматься надо будетъ.

— А и то правда,—лучше спать, чѣмъ такъ шататься!—рѣшилъ Лео, начиная чувствовать уже сильнѣйшіе признаки полнаго утомленія.

Пошелъ онъ въ указанную саклю, тамъ фонарь горитъ, коврики постланы, кто-то уже спитъ въ углу, сюда спиною, тоже въ турецкой шинели, храпитъ носомъ въ стѣну; скоро и самъ воевода пришелъ сюда, сказалъ только: «что-же не спишь»? и легъ тотчасъ-же, не теряя времени; легъ и Лео.

Не спится, хоть и усталъ. Душно и все ему сегодняшній кровавый день мерещится; часа два промаялся Лео. То ему холодно было, такъ что въ шинель съ головою кутался, а теперь жарко стало, да и шинель, проклятая, хоть и на красной подкладкѣ, значитъ офицерская, а пахнетъ что-то скверно, не то масломъ деревяннымъ, не то чортъ знаетъ чѣмъ. Помаялся, помаялся Лео, — нѣтъ, думаетъ, пойду на воздухъ, тамъ, можетъ, засну скорѣе.

— Ты куда-же это? — спросилъ Лазарь и приподнялся на локоть.

А спалъ передъ этимъ восвода, повидимому, крѣпко. Лео шуму никакого не произвелъ своимъ движеніемъ. Такой ужъ чуткій сонъ у Лазаря, настоящій воеводскій сонъ: и спитъ, и все слышитъ.

— Да вотъ на воздухъ пойду, не спится что-то... жарко здѣсь. Я тутъ недалеко лягу.

— Это съ непривычки, — говоритъ сквозь дремоту воевода. — Раза два еще сходишь со мною *на битку*, привыкнешь и спать будешь добре!

— Ну! — улыбнулся Лео и шагнулъ черезъ каменный порогъ. Красная луна поднимается, словно пожарное зарево разгорается въ этой сторонѣ. Собаки воютъ далеко въ долинѣ, а, можетъ быть, и не собаки, а другое что... не стонъ-ли это слышится?.. Какъ тяжело, какъ жутко на душѣ становится отъ этого ноющаго, протяжнаго, жалобнаго такого звука, несущагося оттуда, изъ этой долины, усѣянной мертвецами. Хорошо еще, если только мертвецами, а если тамъ и живые есть, искалѣченные, обезображенные... Тутъ Лео про носы-трофеи вспомнилъ; отъ этого милаго воспоминанія у него и послѣдніе остатки желанія спать исчезли разомъ. Вѣдь и онъ-же могъ лежать тамъ, въ долинѣ, а не здѣсь. Вѣдь онъ билъ, хотя и безсознательно, а все-таки билъ, вотъ этими самыми руками билъ, а кто бьетъ, тотъ и самъ можетъ быть битымъ. Вотъ онъ пришелъ сюда воевать, пришелъ, положимъ, съ безкорыстною, даже, съ по-

зволенія сказать, высокою цѣлью—спасать угнетенныхъ и слабыхъ. Хороши, впрочемъ, эти *слабые*! Война войнѣ рознь. Война вообще вещь нехорошая; во-первыхъ, какъ ни вертись, а все-таки звѣрство выходитъ и беззаконіе; ну, эта, положимъ, война законная, это даже не война, а *самозащита*, геройская борьба за свободу, за право, за честь, за свой очагъ и семью... это совсѣмъ другое дѣло. Ну, а онъ-то самъ что здѣсь защищаетъ? Семьи у него нѣтъ, чести его никто не задѣвалъ, подданнымъ султана онъ не состоитъ,—изъ-за чего-же это онъ хлопочетъ? Изъ-за чего онъ былъ убійцею сегодня? Онъ уже разъ сдѣлалъ такую-же глупость, ну, да тогда онъ одинъ и пострадалъ, отъ него-же никто, и совѣсть его была тогда совершенно покойна. Да почему-же она не можетъ быть покойна и теперь? Вѣдь онъ не изъ-за угла бьетъ, а открыто, подвергая и себя въ жертву *за братьевъ*, для нихъ онъ и пришелъ сюда, а не съ какою другою цѣлью. Будто?.. А желаніе славы, жажда крупныхъ подвиговъ, ореолъ героя, съ которымъ такъ пріятно будетъ послѣ предстать предъ хорошенькіе глазки Нади? Вѣдь она-же требовала отъ него болѣе широкаго дѣла, чѣмъ скромное занятіе багажнаго носильщика. Не ради-ли этихъ хорошенькихъ глазокъ онъ и пришелъ сюда?

Съ этою мыслью Лео, впрочемъ, не согласился; онъ все стоялъ «на спасеніи братьевъ» и пр., и пр. А тутъ-же ему представилось и то, *что у этихъ, что тамъ лежатъ*, тоже могутъ быть свои Нади, и уже къ тѣмъ Надямъ *они* не явятся болѣе интересными героями, для тѣхъ уже все кончено, какъ, можетъ быть, кончено будетъ для него завтра—почемъ знать? Теперь ему посчастливилось, онъ уцѣлѣлъ, а тамъ, можетъ быть, и не уцѣлѣетъ. Не кончить-ли лучше сегодняшнимъ днемъ? Фу, какая гадость, какое низкое малодушіе! Да какъ онъ явится къ Лазарю сообщить ему, что вотъ, молъ, покорнѣйше благодарю за ласку и вниманіе. Вы себѣ продолжайте, если вамъ нравится, а съ меня довольно. Нѣтъ, это невозможно; если-бы еще какой-нибудь благовидный предлогъ, ну, тогда другое дѣло.

Ходитъ Лео вдоль стѣны, словно часовой, и все лѣзутъ ему въ голову эти соображенія, все ему именно такъ думается. Это сознаетъ Лео, злится на это и не можетъ дать своимъ мыслямъ иного, болѣе свѣтлаго, болѣе честнаго направленія.

А кругомъ, куда ни посмотришь, вездѣ спятъ юнаки, спятъ спокойно, крѣпко... Ничто-то ихъ не волнуетъ; спятъ, какъ *честные* работники послѣ *честной* работы. Почему-же онъ одинъ бродитъ, словно проклятый какой-то, отверженный?.. Неужели-же на него одного дѣйствуетъ такъ ночь и этотъ сырой, стонущій туманъ, пропитанный запахомъ крови и труповъ? Вѣдь вотъ до сихъ поръ, даже сегодня утромъ, онъ и думалъ иначе, и чувствовалъ себя иначе. Что-же это такое съ нимъ случилось?.. А скверная, проклятая ночь! Хоть-бы кончалась она поскорѣе...

Медленно поднимается луна, ничто не предвѣщаетъ скораго разсвѣта, нечѣмъ скоротать эту безконечную, безсонную ночь...

— И порохъ тутъ, я тебѣ скажу, самый лучшій, гораздо лучше того, что намъ въ боченкахъ привозятъ, — говоритъ кто-то вполголоса за стѣной.

— А какъ-же его достать отсюда?—говоритъ другой, тоже почти шопотомъ.

— Да вотъ то-то и горе, что не знаю. На княжьемъ дворѣ, я видѣлъ, клещи есть такія особенныя, тамъ всегда этими клещами отвинчиваютъ верхнюю головку, вотъ эту самую, а потомъ ужъ можно его просто, какъ изъ бутылки, высыпать.

— А ножемъ попробовать?

— Нѣтъ, сломаешь, пожалуй... Тише клади, не бросай! У тебя ихъ сколько, двѣ только?

— Двѣ здѣсь, да еще двѣ въ кустахъ спрятаны. Воевода узнаетъ, бѣда будетъ; онъ не велѣлъ и пальцемъ трогать... Держи такъ, я ножемъ попробую.

Нагнулся Лео черезъ стѣнку—видитъ, сидятъ двое, передъ ними лежитъ что-то круглое, продолговатое; около этого круглаго они и возятся... Вотъ ножъ вытащилъ одинъ, скрипнуло желѣзо о желѣзо и стихло все, говорить даже перестали и оба оглядываются, а Лео стоитъ неподалеку и его не видно за тѣнью отъ черешневаго дерева...

Опять чуть-чуть слышно заскрипѣлъ ножъ. Что это они тамъ дѣлаютъ?

Вдругъ раздался оглушительный выстрѣлъ... Краснымъ огнемъ такъ и блеснуло въ глаза, кто-то громко вскрикнулъ, кто-то застоналъ, протяжно, болѣзненно... Тревога мгновенно

охватила весь бивуакъ. Лазарь, какъ тигръ, выскочилъ изъ сакли и гаркнулъ:

— Смирно, чертовы дѣти! Слушай воеводу! Что случилось?

На него съ разбѣга наскочилъ Лео, блѣдный, какъ смерть, схватившись обѣими руками за грудь; споткнулся о порогъ сакли и безъ чувствъ повалился на коверъ, забрызгавъ его своею кровью.

Его черезъ стѣнку хватило осколкомъ разорвавшейся турецкой гранаты...

XXVII.

Которой я нахожу удобнымъ закончить первый томъ.

Двѣ недѣли спустя послѣ кровопролитнаго боя у Пресѣки, въ Дужскомъ ущельи, Генри Карлейль прибылъ въ Катаро и остановился въ извѣстномъ уже намъ отелѣ «Монте-Негро».

Нѣсколько дней тому назадъ онъ получилъ письмо, писанное почеркомъ совершенно ему незнакомымъ, и вдобавокъ по-русски. Письмо это, по всѣмъ внѣшнимъ своимъ признакамъ, немалое время странствовало по карманамъ и за пазухой носильщика, прежде чѣмъ попасть, наконецъ, въ официальный почтовый чемоданъ, а затѣмъ уже въ руки корреспондента «Daily News». Въ этомъ письмѣ русскій докторъ при отрядѣ Лазаря Сочицы увѣдомлялъ Генри Карлейля, «его высокоблагородіе» и «милостиваго государя», о несчастіи, постигшемъ Лео въ ночь съ такого-то на такое-то число; потомъ, что состояніе здоровья «сего вышеозначеннаго субъекта» весьма неудовлетворительно, хотя рана осколкомъ турецкой гранаты «самымъ днищемъ оной», въ правую половину грудной клѣтки, съ сильнымъ ушибомъ печени, сама по себѣ не смертельна, до что послѣдствія этой раны могутъ быть весьма серьезны, на и самое леченье требуетъ весьма продолжительнаго времени и хорошаго ухода. Вотъ почему онъ, пишущій эти строки, по личной просьбѣ пострадавшаго, увѣдомляетъ обо всемъ случившемся господина Карлейля, и что съ своей стороны онъ уже распорядился немедленной отправкою раненаго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми прочими, изъ района военныхъ дѣйствій въ мѣста болѣе покойныя и для излеченія благопріятныя, то-есть въ Катаро.

По разсчету времени, если раненый былъ отправленъ въ одинъ день съ письмомъ, что болѣе всего вѣроятно, онъ долженъ прибыть въ Катаро какъ-разъ днемъ раньше, чѣмъ въ Рагузѣ получено было докторское письмо.

Это обстоятельство заставило Генри Карлейля, не теряя ни минуты, поспѣшить выѣздомъ, и сегодня утромъ онъ уже занималъ свой постоянный номеръ въ отелѣ «Монте-Негро», распорядившись послать узнать, гдѣ помѣщены раненые, привезенные съ черногорской границы.

Эту справку ему дали очень скоро. Едва только транспортъ съ ранеными, въ числѣ четырехъ больныхъ и трехъ погонщиковъ, прибылъ въ Катаро, какъ тотчасъ-же онъ былъ арестованъ австрійской полиціей и помѣщенъ въ муниципальной больницѣ, у входа въ которую, по сему экстраординарному случаю, важно расхаживалъ часовой въ бѣломъ австрійскомъ пиджакѣ и въ синихъ рейтузахъ въ обтяжку.

Сэръ Генри Карлейль пріѣхалъ въ Катаро крайне разстроенный и огорченный несчастіемъ, случившимся съ русскимъ волонтеромъ; онъ даже утратилъ нѣсколько въ данномъ случаѣ свое самообладаніе и постоянную сдержанность. Онъ сильно волновался, что было замѣтно даже для посторонняго глаза, во все время плаванія изъ Рагузы, а теперь чуть не бѣгомъ направлялся къ муниципальной больницѣ.

Не мало хлопотъ и труда стоило корреспонденту «Daily News» освободить Лео изъ-подъ караула, взять его на поруки и свою личную отвѣтственность, особенно когда въ лицѣ раненаго полиція узнала главнѣйшаго руководителя уличныхъ безпорядковъ, со дня провоза пороха еще не забытыхъ нѣмецкими властями города.

Карлейлю, хотя не явно, но весьма энергично мѣшалъ въ его хлопотахъ м-ръ Квелли. Онъ тоже былъ въ настоящую минуту въ Катаро, съ своимъ легко раненымъ Джэкомъ. Въ роковой день боя у Пресѣки почтенный джентльменъ потерялъ верховую лошадь, съ вьюкомъ вмѣстѣ, натерпѣлся-таки до вольно страху и долженъ былъ сдѣлать пѣшкомъ около пяти десяти верстъ въ толпѣ бѣгущихъ, охваченныхъ паникою ут рецкихъ таборовъ. Но болѣе всего его бѣсила, конечно, не потеря коня, не лишнія мозоли на благородныхъ ногахъ, не этотъ даже ломъ въ колѣняхъ и поясницѣ, который онъ чув-

ствуетъ и по сіе время, а главнымъ образомъ пораженіе, да еще полное, турокъ и торжество проклятой райи, вопреки его планамъ, вопреки даже нѣсколько преждевременно посланной имъ депеши въ Лондонъ.

Онъ уже послалъ въ «Times» корреспонденцію о дѣлѣ подъ Пресѣкою; онъ въ этой корреспонденціи очень подробно и основательно изложилъ причины неуспѣха турокъ; онъ писалъ, что *видѣлъ своими собственными глазами* русскихъ офицеровъ, предводившихъ инсургентскими бандами, безцеремонно, не потрудившихся даже снять своихъ форменныхъ мундировъ; онъ видѣлъ на горахъ *двѣ русскія батареи,* открывшія перекрестный огонь по турецкимъ колоннамъ, ходившимъ въ атаку на неприступнѣйшія позиціи вчетверо многочисленнѣйшаго непріятеля съ безпримѣрною, истинно-геройскою храбростью. Но что можетъ сдѣлать одна храбрость передъ силою и коварствомъ? А главное, онъ обвинялъ турецкаго пашу въ томъ, что тотъ не послушался передъ боемъ совѣта его, именно его, мистера Квелли, что если-бы этотъ совѣтъ былъ во-время принятъ, то результаты боя были-бы иные и осада Никшича была-бы снята. Все это было изложено весьма подробно, со всѣми мелочами, пересыпано длиннѣйшими разсужденіями и заканчивалось увѣдомленіемъ о томъ, что въ Катаро привезены *плѣнные бунтовщики*, въ числѣ которыхъ одинъ *русскій агитаторъ,* и что на дняхъ, *вѣроятно,* эти лица будутъ преданы суду и разстрѣляны, конечно, или-же, что еще для нихъ хуже, выданы въ руки турецкаго правительства.

Понятно, что м-ръ Квелли, узнавъ о пріѣздѣ сюда Карлейля и о цѣли пріѣзда, изъ кожи лѣзъ, чтобы помѣшать корреспонденту «Daily News» достигнуть своей цѣли. Въ концѣ-концовъ, бѣготня и нашептыванія, даже попытки къ открытому протесту м-ра Квелли не повели ни къ чему.

Тогда въ Лондонъ полетѣла другая, добавочная депеша, въ которой Квелли уже прямо жаловался на подкупность и низость австрійской полиціи, дѣйствующей явно въ ущербъ Турціи, относительно дѣлъ которой Австрія должна соблюдать полнѣйшій нейтралитетъ, и также прямо называлъ по имени Генри Карлейля, какъ человѣка, присутствіе котораго здѣсь не должно быть даже терпимо, какъ человѣка, марающаго высокую честь англійскаго имени.

Эта вторая депеша была принята на телеграфной станціи, прочитана, квитанція въ отправленіи по адресу выдана отправителю, но это еще не значитъ, что она была отправлена дѣйствительно. Оригиналъ этой депеши, спустя часа три, спокойно лежалъ на столѣ Генри Карлейля, а въ расходной книжкѣ корреспондента «Daily News» прибавилась по сему случаю лишняя цифра, всего сорокъ франковъ,—обстоятельство, на австрійскихъ телеграфныхъ и почтовыхъ станціяхъ весьма обыкновенное.

Выхлопотавъ, какъ я уже говорилъ, съ большимъ трудомъ освобожденіе раненаго Лео, Генри Карлейль не счелъ удобнымъ оставлять его въ Катаро и въ тотъ-же вечеръ, когда солнце плавно погружалось въ синія воды залива, брызнувъ золотомъ по его чуть зыблющейся поверхности, мистеръ Квелли видѣлъ *«опаснаго русскаго агитатора»*, плавно покачивающагося на носилкахъ, несомыхъ двумя дюжими ребятами въ красныхъ колпачкахъ, нога въ ногу ступавшими по мосткамъ парохода своими босыми, мозолистыми ногами. Около носилокъ шелъ самъ Генри Карлейль, а за нимъ Кабріо съ двумя увѣсистыми саквояжами въ рукахъ и однимъ поменьше въ зубахъ, что не мѣшало ему цѣдить сквозь крѣпко стиснутые зубы свои обыкновенные остроты и каламбуры.

Эту ночь мистеръ Квелли провелъ очень безпокойно, почти такъ же томительно, какъ провелъ ее раненый, съ тою только разницей, что этотъ послѣдній, лежа на носилкахъ, метался въ жару и бредилъ совершенно безсознательно, а мистеръ Квелли, не ложась вовсе, метался по комнатѣ и не бредилъ, а сознательно ругался, посылая проклятія за проклятіями на голову своего соотечественника и даже собрата по занятію.

Генри Карлейль, съ чисто-отеческою заботливостью, во все время плаванія не отходилъ отъ переносной постели больного Лео и даже разъ,—это разсказывалъ потомъ самъ шкиперскій помощникъ, — у стараго англичанина глаза были заплаканы, «какъ у патера Антоніо, когда тотъ говоритъ по воскресеньямъ свои жалостливыя проповѣди».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

II.

Семейная обстановка и состояніе финансовъ князя Ивана Аполлоновича Пестраго-Коврикова.

Въ настоящее время и то, и другое сложилось не совсѣмъ удовлетворительно.

Князь Иванъ Аполлоновичъ женился довольно рано, хотя все-таки уже успѣлъ по горло насладиться холостою жизнью, о чемъ свидѣтельствовала легкая, лунообразная плѣшь, появившаяся на двадцати-восьмилѣтіе княжескаго возраста. Онъ женился на дѣвушкѣ некрасивой, богатой и значительно старше своихъ лѣтъ. Его жена была настолько умна, что позаботилась не смѣшивать своего собственнаго состоянія съ состояніемъ мужа, и отлично сдѣлала, потому что личныя средства Ивана Аполлоновича, несмотря на то, что эти средства выражались весьма солидною цифрою, быстро близились къ упадку. Князь обыкновенно жаловался всѣмъ, что, по несчастію, помѣщалъ свои капиталы въ очень дурныя руки и былъ вѣчно обманываемъ даже своими закадычными, вполнѣ испытанными друзьями; но тутъ онъ немного уклонялся отъ истины. Его деньги преспокойно лежали на текущемъ счету, только ежегодно вынимались по чекамъ суммами большими, чѣмъ они приносили процентовъ. Новгородское имѣніе князя было заложено по случаю двѣнадцати-тысячнаго карточнаго долга въ англійскомъ клубѣ и по разсѣянности не было во-время выкуплено. Нѣсколько заграничныхъ поѣздокъ, предпринятыхъ ради здоровья сперва

покойницы жены, потомъ его самого, потомъ ради развитія, умственнаго, конечно, княжны-дочери, докапали и послѣдніе остатки родового княжескаго состоянія и, наконецъ, въ годъ кончины княгини Ивану Аполлоновичу пришлось жить исключительно на средства дочери, унаслѣдовавшей материнское состояніе, но этой дочери было всего только пятнадцать лѣтъ, и князь, какъ отецъ, по праву сдѣлался ея опекуномъ, права котораго, впрочемъ, были весьма ограничены завѣщаніемъ предусмотрительной покойницы.

Черезъ годъ по смерти матери Надя вышла изъ пансіона «м-мъ Труба» и князь счелъ необходимымъ, не теряя времени, нанять ей компаньонку-француженку съ прелестными рыжеватыми волосами, съ темными зеленовато-сѣрыми глазами, съ самыми изысканными парижскими манерами и безупречнымъ выговоромъ. Положимъ, что черезъ недѣлю послѣ появленія этой француженки въ домѣ князя Ивана Аполлоновича, именно въ тотъ моментъ, когда въ четвертый разъ старшій дворникъ напомнилъ, черезъ посредство камердинера Ефрема, его сіятельству о необходимости прописки, француженка Лота Розъ оказалась русской подданной, уроженкой города Либавы, Шарлоттою Федоровною Мейеръ. Князь сперва былъ очень удивленъ этою метаморфозою, даже шокированъ нѣсколько, потомъ успокоился, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ узналъ, что большинство петербургскихъ француженокъ тоже родились въ Либавѣ, Ригѣ, Митавѣ, Гамбургѣ и Кенигсбергѣ, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, потому, что, на другой же день послѣ своего разоблаченія, рыжекудрая, хорошенькая Лота говорила ему при другихъ mon prince, а наединѣ просто «Jean», а это большая разница.

Князь Иванъ Аполлоновичъ остался очень доволенъ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что и его домъ, державшійся въ строгомъ порядкѣ при жизни жены, мало-по-малу началъ превращаться въ состояніе весьма безпорядочное,—не то квартира богатаго безалабернаго холостяка, не то logement кокотки не особенно высокаго полета. Шарлотта Федоровна скоро все разобрала, распутала и водворила порядокъ и внѣшній видъ, крайне благопристойный и княжескому званію приличный.

Князь, значитъ, былъ доволенъ, Шарлота Федоровна тоже, Надя больше всѣхъ, потому что нашла въ madame Мейеръ компаньонку веселую и отнюдь ни въ чемъ ее не стѣсняющую.

Въ такомъ именно положеніи вся семья отправилась еще разъ за границу, избравъ Монтре первымъ пунктомъ четырехъмѣсячнаго пребыванія внѣ предѣловъ своего отечества.

Этою поѣздкою заканчивался періодъ мира и взаимнаго расположенія семейства князя Ивана Аполлоновича Пестраго-Коврикова; по возвращеніи на родину начался второй періодъ — войны, сперва скрытой, маскированной, затѣмъ открытыхъ боевыхъ схватокъ, съ переходящей то на ту, то на другую сторону побѣдою.

III.

На военномъ положеніи.

Причиною перваго зародыша вражды Нади къ своей компаньонкѣ, самъ того, конечно, не подозрѣвая, былъ Лео. Получивъ наканунѣ своего отъѣзда изъ Монтре пламенное, полусумасшедшее посланіе скромнаго носильщика, пѣвца на Женевскомъ озерѣ, Надя сначала не придавала ему особеннаго значенія. Положимъ, она прочла его нѣсколько разъ, и даже не безъ удовольствія: письмо это пріятно щекотало ея самолюбіе. Вѣдь это былъ первый мужчина, заговорившій съ нею такимъ языкомъ, и притомъ мужчина молодой, красивый, въ романической обстановкѣ страдальца-изгнанника. Да, она прочла письмо не безъ удовольствія, но никакого чувства, кромѣ легкаго удовлетворенія самолюбія, она не испытывала, перечитывая пламенныя строки Лео. Она не показывала этого письма ни Шарлоттѣ Федоровнѣ, ни, само собою разумѣется, своему папашѣ.

Шарлотта Федоровна, ничего не подозрѣвая, отнеслась къ красавцу-лодочнику менѣе сдержанно и не считала нужнымъ скрывать передъ Надею своихъ впечатлѣній. Всю дорогу отъ Монтре до Базеля и отъ Базеля до Майнца, конечно, въ то только время, когда князь не могъ этого слышать, она безъ устали надоѣдала Надѣ воспоминаніями объ этомъ оригинальномъ знакомствѣ. Она припоминала чуть не каждое слово, чуть не каждое движеніе Лео, находя въ немъ все, все рѣшительно очаровательнымъ. Эти воспоминанія пересыпались довольно прозрачными намеками на чувства, якобы возбужденныя въ самомъ Лео относительно ея собственной персоны; Шарлотта Федоровна въ десятый разъ разсказывала, напримѣръ, какъ

тотъ, помогая ей разъ спуститься со скалы, дрожащею отъ волненія рукой поддерживалъ ея талію; какъ она слышала даже въ эту минуту лихорадочное, страстное біеніе его сердца. По словамъ Шарлотты Федоровны выходило, что Лео почти не спускалъ съ нея «такого взгляда, который говорилъ все и даже болѣе».

Особенно madame Мейеръ надоѣла Надѣ на пароходѣ «Кэйзеръ Вильгельмъ», во время прелестнаго плаванія между Майнцемъ и Кельномъ: здѣсь она положительно въ каждомъ маломальски красивомъ брюнетѣ видѣла Лео.

Сначала эти выходки забавляли Надю, затѣмъ начали сердить, а затѣмъ, сама того не замѣчая, какъ это случилось, она почувствовала нѣчто весьма похожее на чувство ревности.

А Шарлотта Федоровна все изливалась, она даже сочинила Надѣ цѣлую исторію о запискѣ, тайно переданной ей отъ красавца-лодочника.

— Покажите эту записку,—холодно сказала Надя, пытливо смотря ей прямо въ глаза.

— Ни за что, ни за что на свѣтѣ,—смѣшалась, вспыхнувъ, француженка изъ Либавы.

— Ну, такъ вы лжете, Шарлотта Федоровна,—произнесла Надя, сверкнувъ своими глазами.

До этого времени она ей говорила *ты* и называла ее «Лота», а часто и еще нѣжнѣе—«Лоточка».

— Я, княжна, никогда не лгала и лгать не намѣрена,—вздумала-было сердиться Шарлотта Федоровна.

— Такъ прочтите вотъ это.

Надя достала изъ своей красной сафьяновой сумочки письмо Лео и передала его для прочтенія мадамъ Мейеръ; та прочла, побагровѣвъ при этомъ до ушей, возвратила по принадлежности смятый листокъ почтовой бумаги и произнесла, закусивъ губы:

— Вамъ, молоденькой дѣвушкѣ, княжнѣ, не совсѣмъ прилично получать, а тѣмъ болѣе беречь подобныя письма. Я, какъ ваша... (Она хотѣла-было сказать: какъ ваша гувернантка, но передумала). Я, какъ ваша... я-бы не совѣтовала вамъ поступать впредь такъ-же опрометчиво.

Эта мораль была такъ непослѣдовательна, такъ странно было ее слышать изъ игривыхъ устъ Шарлотты Федоровны, что Надя, взглянувъ на нее удивленными до-нельзя глазами, молча отошла въ сторону.

Въ тотъ-же вечеръ въ комнатахъ «Hôtel d'Angleterre», въ Кельнѣ, madame Мейеръ разсказала Ивану Аполлоновичу про письмо. Тотъ вспылилъ и сдѣлалъ Надѣ сцену, требуя, чтобы ему показали тоже этотъ оскорбительный, компрометтирующій документъ, но Надя сказала, что она его уничтожила. Она солгала, и эта ложь, первая ложь въ ея жизни, до такой степени мучила дѣвушку, что она долго не могла забыть этотъ непріятный эпизодъ, не могла простить его виновницѣ.

Потомъ все это, можетъ быть, и забылось-бы, сгладилось-бы временемъ, новыми вчечатлѣніями, если-бы Шарлотта Федоровна вела себя съ большимъ тактомъ относительно Нади, но она, хотя и нѣмка, оказалась натурою весьма страстною и не упускала случая чѣмъ-нибудь да кольнуть Надю.

Княжна чаще и чаще оставалась одна, чаще и чаще думала о Лео; затѣмъ вся семья вернулась въ Петербургъ.

Теперь уже Шарлотта Федоровна быстро забрала весь домъ въ свои руки; она имѣла основаніе уже болѣе не бояться за прочность своего положенія въ семействѣ Ивана Аполлоновича, она памѣтила даже себѣ цѣль женить на себѣ быстро старѣющаго князя. Она оттѣснила Надю совершенно на второй планъ и та покорилась невольно своему унизительному положенію.

Къ тому же отношенія Ивана Аполлоновича къ красавицѣ-нѣмкѣ скоро перестали быть тайною не только для дома, но даже чуть не для цѣлаго города. Надя, положимъ, узнала объ этомъ позже всѣхъ. Въ семейную тайну, хотя и очень прозрачную, впервые посвятила княжну ея горничная Даша, принявшая, конечно, сторону *своей барышни*, а не *чужой барыни*.

Сыновья рѣдко, почти никогда, но дочери всегда ревнуютъ своихъ отцовъ къ памяти умершихъ матерей. Надя относилась къ Шарлоттѣ Федоровнѣ съ чувствомъ непримиримой ненависти.

Князь Иванъ Аполлоновичъ души не чаялъ въ своей Лотѣ, а та мастерски умѣла подогрѣвать это чувство. Шарлотта Федоровна была побѣдительницею, Надя—побѣжденной.

Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Нашелся m-r Краснобаевъ. Надя въ первый разъ познакомилась съ нимъ на одномъ изъ очередныхъ вечеровъ баронессы Куншткюкъ. М-г Краснобаевъ былъ ей представленъ хозяйкою дома, игралъ съ папашею въ вистъ, проигралъ тому въ три робера около двад-

цати рублей, въ продолженіе остальнаго времени не отходилъ отъ дочки и подъ конецъ получилъ приглашеніе «бывать».

Князь Пестрый-Ковриковъ и не подозрѣвалъ, какого злого змія онъ пригрѣваетъ въ лицѣ входившаго въ моду юриста, monsieur Краснобаева. Это онъ именно и посвятилъ Надю въ тайну ея финансоваго положенія, онъ даже навелъ справки въ банкѣ и преподнесъ княжнѣ въ видѣ пасхальнаго подарка прелестно переплетенный томикъ законовъ, сдѣлавъ въ немъ предварительно весьма интересныя отмѣтки.

Съ этихъ поръ военное счастье начало измѣнять Шарлоттѣ Федоровнѣ, побѣда стала колебаться. Надя была вооружена и вооружена оружіемъ, хотя и не особенно новой системы, но тѣмъ не менѣе весьма могучимъ.

О, какая это была сцена, когда Надя впервые разоблачила передъ отцомъ свои юридическія познанія!

Дѣло началось съ пустяковъ, съ весьма скромнаго желанія Нади абонировать ложу въ Михайловскомъ театрѣ. Сперва папаша отказалъ ей въ этомъ, подъ предлогомъ, что ей не съ кѣмъ будетъ туда ѣздить, да вдобавокъ еще такъ часто, на что Надя отвѣчала, что съ нею *должна* ѣздить Шарлотта Федоровна,—для чего-же, молъ, и въ домѣ эта особа, какъ не для того, чтобы быть ея компаньонкою? Не ожидавшій такого отвѣта папаша наотрѣзъ отказалъ ей, мотивируя свой отказъ нежеланіемъ деньгъ *на подобныя глупости*.

— Платье Шарлотты Федоровны, принесенное ей вчера отъ Андріе, стоитъ, мнѣ кажется, гораздо дороже, а деньги у тебя нашлись для этой прихоти m-me Мейеръ,— спокойно возразила Надя.

Иванъ Аполлоновичъ нахмурилъ свои жиденькія, подкрашенныя брови и холодно замѣтилъ, что честная и любящая дочь не должна судить поступки своего отца и чтобы и впредь подобныхъ выходокъ не было.

— Да вѣдь могу-же я распоряжаться своими собственными деньгами!

Надя такъ подчеркнула слова «своими собственными», что съ княземъ Иваномъ Аполлоновичемъ навѣрно сдѣлался-бы ударъ, если бы онъ былъ хотя немного полнокровнѣе.

Князь заболѣлъ отъ огорченія, Шарлотта Федоровна тоже. Для нея это открытіе также было неожиданно: она думала до сихъ поръ, что все принадлежитъ Ивану Аполлоновичу.

Съ этой минуты началось ея пламенное стремленіе къ обезпеченію себя во что-бы ни стало; не терять-же ей, въ самомъ дѣлѣ, даромъ столько потраченнаго уже времени. Вѣдь она почти шесть лѣтъ провела въ домѣ Пестраго-Коврикова, положимъ, она провела это время въ свое удовольствіе, но что-же предстояло ей въ будущемъ?

Шарлотта Федоровна тоже нашла себѣ свѣдущаго юриста, m-r Брехунковича, тоже весьма изящнаго джентльмена, тщательно скрывавшаго свое еврейское происхожденіе. Тотъ посовѣтовалъ ей не терять надежды, дѣйствовать больше на нервы Ивана Аполлоновича и, во всякомъ случаѣ, постараться примириться съ Надею. Послѣдній совѣтъ легче было предложить, чѣмъ исполнить.

А Надѣ между тѣмъ исполнилось совершеннолѣтіе; m-r Краснобаевъ поспѣшилъ позаботиться познакомить ее съ правомъ, сопряженнымъ съ этимъ возрастомъ, и затѣмъ сообщилъ ей свои собственные взгляды на семейную жизнь, рисуя идеалъ своей будущей подруги,—идеалъ, необыкновенно похожій на саму Надю.

Та его отлично понимала, ловко переходя каждый разъ на другую тему, когда адвокатскія словоизверженія грозили принять нежелательное для нея направленіе.

IV.

Иногда разстояніе ничего не значитъ.

А письма отъ Лео все накоплялись и накоплялись въ шкатулкѣ княжны. Эти письма получались внизу швейцаромъ Миронычемъ и передавались по назначенію собственноручно.

Скрытная по натурѣ, одинокая въ домѣ, Надя не дѣлилась ни съ кѣмъ своими мыслями и впечатлѣніями. Она рѣдко выѣзжала, раза два въ недѣлю, не болѣе, и то на скучнѣйшіе вечера вродѣ вечеровъ баронессы Кунштюкъ, большую-же часть времени она сидѣла дома, не выходя даже изъ своей комнаты; только за послѣднее время она ожила и расшевелилась. Баронесса пристроила ее къ одному изъ дамскихъ благотворительныхъ кружковъ въ Петербургѣ. Надя даже была на нѣсколькихъ оффиціальныхъ засѣданіяхъ этихъ кружковъ. Все это

ей не особенно нравилось, зато потомъ, когда началось общее движеніе, вызванное событіями въ Турціи, Надя отдалась ему всею душою.

Ей прежде всего приходило въ голову такое крайне щекотавшее ея самолюбіе сопоставленіе: тамъ, далеко, гдѣ-то въ горахъ, работаетъ *онъ*, работаетъ какъ мужчина, какъ герой, съ мечомъ въ рукѣ; здѣсь работаетъ она, работаетъ какъ женщина, призывая толпу къ благотворительности,—и работаютъ они оба для одной и той-же цѣли.

А Надя любила *его* уже и любила сильно, страстно; онъ теперь всецѣло занималъ своею особою ея сердце.

Процессъ этой любви развивался слѣдующимъ образомъ: сперва она часто вспоминала о Лео; въ этихъ воспоминаніяхъ онъ рисовался передъ нею молодымъ, стройнымъ, красивымъ человѣкомъ съ необыкновенно-добрыми, симпатичными глазами; за этимъ образнымъ представленіемъ слѣдовала его обстановка, оригинальная, романическая, такъ непохожая на общую обстановку прочихъ молодыхъ людей, встрѣчавшихся съ Надею чуть не на каждомъ шагу. Затѣмъ начался рядъ сравненій. Эти сравненія были въ пользу Лео... Затѣмъ его письма, пламенныя, безалаберныя, видимо не особенно продуманныя, писанныя сгоряча... Надѣ именно и нравилось это свойство писемъ Лео: она чувствовала, что въ этихъ строкахъ авторъ искренно выражаетъ то, что чувствуетъ... Затѣмъ въ этихъ письмахъ было что-то покорное, безотвѣтно отдающееся на ея волю, въ ея полное распоряженіе; это пріятно щекотало самолюбіе молодой дѣвушки. Затѣмъ въ этихъ письмахъ было такъ много страданія, что даже на глазахъ Нади, не любящей вообще плакать, навертывались слезы при чтеніи... Она жалѣла его, она сама начинала страдать его страданіями, а отъ этого сочувствія и сожалѣнія до любви разстояніе самое незначительное.

По одному ея намеку онъ поставилъ на карту свою голову, онъ пошелъ сражаться. Правда, что, совѣтуя Лео перемѣнить свое скромное ремесло на что-нибудь болѣе соотвѣтствующее его образованію, его энергіи и чувствамъ, она никакъ не предполагала именно такихъ результатовъ своего совѣта; она даже и не подозрѣвала существованія какихъ-то босняковъ и герцеговинцевъ; она купила себѣ отдѣльную карту Турціи, прочла и поразспросила кое-кого объ этомъ малоизвѣстномъ ей предметѣ

только по полученіи семнадцатаго письма отъ Лео, въ которомъ онъ описывалъ прибытіе свое въ Константинополь и свои дальнѣйшія намѣренія... Въ тотъ день, въ день полученія семнадцатаго письма, она была въ какомъ-то восторженномъ состояніи; не отличаясь особенною набожностью, она переплыла Неву на лодкѣ, въ суровую весеннюю распутицу, продрогла, отстояла на колѣняхъ цѣлый часъ въ часовнѣ Спасителя и поплатилась за все это легкою лихорадкою.

Восемнадцатое письмо принесло вѣсти о дальнѣйшемъ плаваніи Лео, о его приключеніи на пароходѣ, объ его арестѣ и чудесномъ избавленіи. Теперь Лео сталъ для нея идеальнымъ героемъ, чѣмъ-то вродѣ Гарибальди, даже гораздо выше, и выше потому, что итальянскаго народнаго героя она видѣла только гравированнымъ или фотографированнымъ, а Лео она видѣла во-очію, говорила съ нимъ, слышала его голосъ, — однимъ словомъ, въ болѣе воплощенномъ образѣ, чѣмъ какой-нибудь фотографическій снимокъ, и этотъ воплощенный образъ любилъ се, а Гарибальди даже и не подозрѣвалъ существованія на свѣтѣ княжны Надежды Ивановны Пестрой-Ковриковой.

Затѣмъ она прочла въ «Голосѣ» выдержку изъ нѣмецкихъ газетъ, въ которой разсказывалось о происшествіи въ Катаро, причемъ даже упоминалось имя Лео; она догадывалась, что дѣло идетъ именно объ ея Лео, а не о какомъ-нибудь другомъ. Онъ сталъ, значитъ, по ея мнѣнію, *европейской знаменитостью, о которой заговорила печать*,—и Надя была въ восторгѣ.

Сколько разъ она перечитывала его письма, она ихъ даже наизусть знала; она получила, наконецъ, и карточку Лео въ черногорскомъ костюмѣ, съ ятаганомъ у пояса, съ карабиномъ въ рукахъ; она даже хотѣла заказать для этой карточки маленькій медальонъ на шею, но за стекло медальона могло-бы помѣститься одно лицо *героя*, а прочіе аксессуары надо было-бы обрѣзать. Уничтожать эти воинственные аксессуары не хотѣлось Надѣ: они такъ шли къ лицу Лео, такъ гармонировали съ его орлинымъ взглядомъ,—и Надя оставила идею о медальонѣ.

Прежде, до перемѣны своихъ боевыхъ позицій въ семейной войнѣ, Надя представляла себѣ возможность соединенія съ своимъ героемъ какъ нѣчто крайне отдаленное, почти даже несбыточное. Онъ бѣденъ, она, значитъ, должна лечь тяжелымъ

бременемъ на его шею; онъ не можетъ придти сюда за нею, а какъ она попадетъ къ нему? Въ полной зависимости отъ своего папаши, могла-ли она сдѣлать хотя что-нибудь несогласное съ волею и желаніями этого папаши, а разсчитывать на его согласіе она не могла и думать.

Князь Иванъ Аполлоновичъ слишкомъ ревниво оберегалъ свое фамильное княжеское достоинство. Несмотря на свою страстную любовь въ Шарлоттѣ Федоровнѣ, несмотря на всѣ настойчивыя требованія красавицы, выражавшіяся въ самыхъ разнообразныхъ, соблазнительныхъ формахъ, онъ устоялъ ради чувства фамильной гордости; такъ поступился-ли-бы онъ этимъ чувствомъ ради дочери? И Надя это очень хорошо понимала.

Но теперь,—теперь совсѣмъ другое дѣло! Теперь она богата, самостоятельна! Теперь она можетъ сама распорядиться своею судьбою, теперь она можетъ дать своему герою все и взамѣнъ этого всего потребовать отъ него только вѣчной любви и счастія.

Въ головкѣ Нади стало созрѣвать смѣлое, энергичное рѣшеніе мучившихъ ее вопросовъ.

V.

Что въ это время особенно волновало и выводило изъ терпѣнія князя Ивана Аполлоновича Пестраго-Коврикова?

За послѣднюю недѣлю, даже менѣе, всего за какіе-нибудь пять дней, онъ бросилъ, такъ вотъ просто взялъ да и бросилъ на вѣтеръ почти двѣсти рублей,—а это вѣдь, какъ хотите, сумма, тѣмъ болѣе, что дѣла Ивана Аполлоновича въ настоящую минуту были далеко не въ блестящемъ состояніи.

И дернула-же его нелегкая тогда на обѣдѣ, и добро-бы на какомъ-нибудь оффиціальномъ обѣдѣ, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ, а то просто на случайномъ, въ ресторанѣ, да еще и безъ дамъ, произнести эту глупую рѣчь... Положимъ, онъ произнесъ эту рѣчь блистательно, онъ даже захлебывался отъ душившаго его волненія и сообщилъ таковое-же настроеніе присутствующимъ... Да, онъ говорилъ хорошо; онъ даже до сихъ поръ припоминаетъ это вдохновенное мѣсто: «и за этихъ вѣковыхъ страдальцевъ!...» О, это было и поэтично, и чувствительно... это стоило ему пятидесяти рублей... И что за дикость

нравовъ! Что за нелѣпое, не знающее мѣры увлеченіе!.. Мало-ли что можно говорить. Ну, слушайте, умиляйтесь, проливайте слезы,—а они сейчасъ «подписку!» Выложили листъ и вносятъ, вносятъ... Съ пьяныхъ глазъ расщедрились... Вали!.. Нельзя-же было и ему не внести, когда оффиціанты изъ другой комнаты слышали, и просятъ позволенія: «Ваше сіятельство, не побрезгайте для святого дѣла, позвольте и намъ при семъ случаѣ, что за недѣлю на чай пособрали... Имъ хорошо, мерзавцамъ: «на чаи пособрали», а мнѣ развѣ кто на чай... Тьфу, какая гадость лѣзетъ въ голову... Пятьдесятъ рублей!—шутка-ли.. Пришлось вынуть изъ бумажника, пришлось...

Потомъ опять... Ну, что за наглядность! Куда ни появишься, вездѣ платить приходится. Заѣхалъ къ графинѣ Огулъ-Болтаевой, корпію щиплютъ и подписной листъ на столѣ на самомъ видномъ мѣстѣ; тутъ и чернильница, и перо, и деньги на блюдѣ, такъ на виду вотъ и лежатъ, чтобы кто-нибудь не могъ рублишкомъ отдѣлаться... У баронессы Куншткъ тоже корпію щиплютъ *со всѣми аксессуарами*... Ну, тамъ все-таки лучше: тамъ кружка отъ Краснаго Креста, — это, значитъ, лишь-бы только зашелестило; все-таки вѣжливѣй... На улицу просто нельзя показаться, все кружки и кружки! Да и дома не спрячешься. Вчера вотъ—звонокъ! Двѣ дамы, и недурненькія, особенно одна... «Князь, зная ваше просвѣщенное сочувствіе къ нашимъ братьямъ по вѣрѣ, угнетеннымъ и проч., и проч.». Всѣ, значитъ, знаютъ о твоемъ просвѣщенномъ сочувствіи, всѣмъ разболталъ,—ну, и плати, и плати... Тамъ озлобляйся внутри самого себя, какъ хочешь, а плати съ улыбкою, съ полной готовностью... Грабежъ, одно слово! И какой утонченный грабежъ, изысканный, разнообразныхъ формъ и предлоговъ! Газету возьмешь—что ни нумеръ, то предложенія все удобнѣйшихъ и удобнѣйшихъ формъ сбора пожертвованій... Вѣдь этакъ и состоянія никакого не хватитъ..

«Дочь, родная дочь, и та гдѣ-то выцарапала себѣ кружку... И какіе сорванцы дѣвушки стали въ наше время! Ну, если-бы какая-нибудь нигилиствующая парвеню,—тѣмъ все-равно: тѣ и въ кабакъ ходятъ; а то княжна, воспитанница madame Труба, пошла по разнымъ канцеляріямъ, и у Краснаго Креста толкалась, и въ Славянскомъ Комитетѣ; — какъ это до сихъ поръ не закроютъ это возмутительное гнѣздо вербовщиковъ

поджигателей? Выпросила-таки себѣ кружку, а теперь и носится съ нею... Добро-бы, приставала къ чужимъ, а то первымъ дѣломъ къ отцу: «Папаша, я знаю, что ты разсердился-бы на свою Надю, если-бы она не съ тебя начала свое доброе дѣло»... Іезуитка этакая... Лота тоже хлопочетъ о кружкѣ, насилу удалось убѣдить ее, что ужъ ей-то это совсѣмъ неприлично...

«Просто хоть уѣзжай изъ Петербурга... А куда? Теперь и вся провинція ошалѣла: читаешь газеты—такъ просто наканунѣ крестоваго похода, даже съ разрѣшенія полиціи. Развѣ заграницу махнуть?! Курсъ, проклятый, падаетъ и падаетъ, «политическій горизонтъ, видите-ли, омрачается». Нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія!.. И какой счастливецъ этотъ Тузловъ, Петръ Ильичъ; тотъ — циникъ и кожа у него толще кожи бегемота, его ничѣмъ не пробережешь: прослылъ оригиналомъ и отдѣлывается своимъ *оригинализмомъ*... У насъ, говоритъ, и нашимъ славянамъ ѣсть нечего, а мы для чужихъ... Я, говоритъ, лучше вотъ извозчику на чай прибавлю... Оно, положимъ, Петръ Ильичъ отчасти правъ... Прежде надо свой домъ устроивать и уже потомъ отъ избытка, такъ сказать, стремиться на помощь неимущему сосѣду. Да, Петръ Ильичъ отчасти правъ!.. И почему-же только отчасти? Онъ правъ безусловно, онъ, можетъ быть, лучшій патріотъ, чѣмъ всѣ эти оглашенные жертвователи и печальники міра славянскаго... то-есть самъ-то лично онъ просто животное, потому что ни своимъ, ни чужимъ отъ него нѣтъ прибыли, въ свое только брюхо живетъ, но зато не безъ идеи, не безъ девиза! и девизъ его самый въ данную минуту удобный: «прежде своимъ, потомъ чужимъ»; *своимъ-то* пока еще никто не спрашиваетъ—ну, и отлично... чужимъ, значитъ, отказъ и отказъ мотивированный, а это главное дѣло!..

«Да, тысячу разъ правъ Тузловъ, Петръ Ильичъ! Вѣдь какъ посмотрѣть да вникнуть хорошенько, сколько наболѣло у насъ на Руси, такъ и дѣйствительно отпадетъ охота совать свой носъ въ чужое дѣло. Но вѣдь это все пустяки, долго-ли вникнуть, прочесть кое-что, повыслушать кое-кого, хотя-бы того-же Петра Ильича, запастись фактами и опереться на эти факты, а потомъ во всеоружіи добытыхъ знаній...»

— Баронесса Матильда Захарьевна Куншткъ!—басомъ доложилъ лакей Ефремъ, раздвинувъ тяжелыя портьеры и

появившись во всемъ блескѣ ливрейнаго фрака на порогѣ княжескаго кабинета.

— Проси въ гостиную! — заторопился Иванъ Аполлоновичъ, обдергивая свой бархатный пиджакъ и мелькомъ оглядывая свою фигуру въ зеркалѣ. — Проси въ гостиную и доложи княжнѣ, если она дома.

Полная дама, когда-то весьма красивая, сохранившая съ помощью косметиковъ остатки своей красоты, остзейскаго типа, вошла въ гостиную въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ, юноши лицеиста, не въ мѣру откормленнаго, и высокаго чахоточнаго брюнета съ артистическою внѣшностью, напоминающей итальянца-шарманщика, и остановилась какъ-разъ посрединѣ, бѣгло окинувъ взглядомъ булевскіе шкафики, жардиньерки, кушетки и кресла съ золоченымъ, полинялымъ деревомъ и шляпку съ необыкновеннымъ перомъ и большой зеленой птицей сбоку, головной уборъ Шарлотты Федоровны, случайно забытый ею при ея поспѣшномъ бѣгствѣ въ свой собственный апартаментъ.

При взглядѣ на шляпку баронесса двусмысленно улыбнулась и подмигнула лицеисту, тотъ тоже осклабился и Богъ-вѣсть зачѣмъ поспѣшилъ вооружить свой юный глазъ голубоватымъ стеклышкомъ; чахоточный брюнетъ, скрестивъ руки на груди, принялъ, тоже Богъ-вѣсть по какой причинѣ, вызывающую позу.

— Зная ваше просвѣщенное сочувствіе, князь...—начала баронесса, двинувшись навстрѣчу къ Ивану Аполлоновичу.

Того даже передернуло отъ этого стереотипнаго вступленія.

— Mercі, баронесса, за вашъ неожиданный визитъ... Садитесь... Вотъ кресло, сюда. Надя... гдѣ-же Надя?.. Я сейчасъ... извините, господа.

Князь растерялся и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на ассистентовъ, раздумывая: пригласить-ли и ихъ садиться или ужъ пусть постоятъ? Первое, на что онъ обратилъ вниманіе, это — есть-ли кружка? Оказалось—нѣтъ, ну, слава Богу.

— Не безпокойтесь, милѣйшій князь,—вкрадчиво говорила баронесса.—Ахъ, позвольте вамъ представить: monsieur Лапинъ и monsieur... monsieur... Ахъ! что со мною!.. какая я разсѣянная... Monsieur...

— Эрнестъ Бригановъ, баронесса! — подсказалъ ей чахоточный брюнетъ, нагнувшись нѣсколько впередъ.

— Да, monsieur Эрнестъ, — договорила баронесса.

— Очень радъ, очень пріятно, господа. Да гдѣ-же, въ самомъ дѣлѣ, Надя? Э... гмъ... это удивительно.

— Зная ваше просвѣщенное сочувствіе, князь... Ланинъ, милый мальчикъ, гдѣ-же ввѣренная вашимъ попеченіямъ кружка? Вы ее опять вѣрно забыли въ каретѣ? Ахъ, какой вы разсѣянный, ахъ какой вы...

— Pardon! я сію минуту,—шарахнулся съ мѣста лицеистъ, ринувшись изъ гостиной.

— Эти молодые люди, вы не повѣрите, князь, посвятили себя святому дѣлу; они отдаютъ этому дѣлу всѣ свои досуги. Они при мнѣ и помогаютъ мнѣ исполнять возложенную на меня миссію. Безъ нихъ я-бы какъ безъ рукъ была. Представьте: вчера, въ Казанскомъ соборѣ... Эти мужики и купцы тамъ, знаете, духота страшная, и все мѣдными, мѣдными. Тяжесть страшная, развѣ я могу сама?

— О, конечно, баронесса.

— Ахъ, какое интересное время мы переживаемъ!

— Трудное время, трудное время, баронесса — Иванъ Аполлоновичъ глубоко вздохнулъ.—Не то мы дѣлаемъ, не то. Конечно, это увлеченіе прекрасно, оно вѣрный признакъ идеала, не совсѣмъ еще заглохшаго въ нашъ вѣкъ, но это все же увлеченіе. Увлеченіе тѣмъ болѣе непростительное ..

— Князь!

— Если только вникнуть, что дѣлается у насъ. Да, у насъ!.. Я говорю: у насъ, то-есть въ самой Россіи, интересы которой, конечно, должны быть для насъ дороже всѣхъ прочихъ, если мы достаточно обладаемъ политическою зрѣлостью и не увлекаемся.

Князь отчетливо подчеркнулъ послѣднее слово и даже выдержалъ легкую паузу.

— Вотъ, напримѣръ, — продолжалъ онъ, — вы, конечно, читали, баронесса, это послѣднее извѣстіе въ газетахъ... О, это по-истинѣ ужасное положеніе!.. это...

Иванъ Аполлоновичъ замялся немного. Вотъ тутъ сейчасъ-бы какой-нибудь фактъ, а чортъ его знаетъ, откуда взять этотъ фактъ. Петръ Ильичъ въ такомъ случаѣ просто-на-просто соврался-бы что-нибудь, и совралъ авторитетно, съ апломбомъ, а вотъ онъ не можетъ, то-есть не то чтобы соврать не можетъ, а какъ-то чувствуется, что неловко выйдетъ.

За неимѣніемъ факта Иванъ Аполлоновичъ усиленно нажималъ пальцами по инкрустаціи булевскаго столика, но ничего похожаго на фактъ изъ-подъ этихъ узорныхъ, разноцвѣтныхъ кусочковъ перламутра не выжималось.

— Въ Рязанской губерніи,—бухнулъ онъ наудачу,—это крайнее истощеніе почвы, всеобщій упадокъ земледѣлія...

— Да, я читала,—тоже наудачу согласилась баронесса, принимая кружку изъ рукъ раскраснѣвшагося лицеиста и протягивая ее чуть не подъ самый носъ князя Ивана Аполлоновича.

— А намъ читали,—довольно бойко вмѣшался въ разговоръ упитанный юноша,—что Рязанская губернія лежитъ въ черноземной полосѣ и земледѣліе тамъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, вслѣдствіе чего оцѣночная стоимость десят...

— Э, mon cher, вамъ читали глупости,—перебила его баронесса.—Надѣюсь, князь, вы не откажитесь? Всякая лишняя копѣйка, всякій грошъ можетъ принести столько пользы *тамъ*, столько счастія для этихъ бѣдняковъ венгерцевъ (баронесса постоянно смѣшивала венгерцевъ съ герцеговинцами), этою лишнею копѣйкою мы можемъ утереть слезы несчастныхъ. Ахъ, князь! Ну, да вы все это отлично понимаете. Вы, такой патріотъ!

«Хорошо, матушка, если-бы ты удовольствовалась только копѣйками»,—подумалъ во время этой рѣчи князь, почувствовавъ внезапный приливъ злости, но не обнаруживая своего гнѣва, а даже сочувственно улыбаясь.—О, конечно,—добавилъ онъ вслухъ и сталъ рыться въ своемъ массивномъ, но не особенно туго набитомъ бумажникѣ.

— Если эта дама еще разъ пріѣдетъ и ты, болванъ, забудешь сказать, что меня нѣтъ дома,—со скрежетомъ вставныхъ зубовъ накипулся Иванъ Аполлоновичъ на неповинпаго Ефрема, когда коляска баронессы загремѣла по мостовой, увозя въ своихъ эластичныхъ нѣдрахъ назойливую сборщицу и ея ассистентовъ, и эту кружку съ краснымъ крестомъ на бѣломъ фонѣ,— то я тебя, идіота, минуты держать больше не стану — сейчасъ вонъ, и безъ всякихъ разговоровъ.

— Да помилуйте, ваше сіятельство, опѣ-съ не у меня, опѣ-съ у швейцара внизу спрашиваютъ, а потомъ уже прямо и проходятъ!.. Зимнее время, конечно,—пока это шубу-съ

позволятъ скидавать, все сказать можно; а теперь никакого задержанія нельзя оказать,—оправдывался Ефремъ.

— И швейцару, подлецу, скажи... Такъ и скажи: князь, молъ, не приказалъ принимать никого... Никого, кто только...

Князь хотѣлъ добавить: кто только пріѣдетъ съ кружкою; но сообразилъ, что это будетъ какъ будто не совсѣмъ тактично, и удержался.

— Слушаю-съ! — угрюмо буркнулъ Ефремъ, поправляя портьеру, сорвавшуюся съ подхвата въ минуту стремительнаго бѣга упитаннаго лицеиста за забытою кружкою.

— Да вѣдь это грабежъ, грабежъ, грабежъ!— волновался Иванъ Аполлоновичъ уже наединѣ.

— Jean! — томнымъ голосомъ окликнула его Шарлотта Федоровна, появившись въ гостиной и робко озираясь. — Jean, если у тебя есть свободная минута, я хотѣла-бы поговорить съ тобою... Nadine нѣтъ, она гдѣ-то носится съ своимъ адвокатомъ. О, эта дѣвушка окончательно разстроитъ мои нервы, она сведетъ меня въ могилу... Ты, Jean, отецъ ея, но ты долженъ быть справедливъ.

— Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло? Развѣ Надя...что-нибудь предосудительное... О, этого не можетъ быть.

Князь очень боялся всего предосудительнаго и намеки Шарлотты Федоровны встревожили его больше, чѣмъ-бы могло встревожить новое появленіе благотворительной кружки.

— Здѣсь неудобно, пойдемъ къ тебѣ въ кабинетъ, — не проговорила, а простонала рыжекудрая красавица.

Князь подалъ ей руку.

Въ кабинетѣ, для начала объясненія, съ Шарлоттою Федоровною сдѣлался легкій обморокъ, впрочемъ безъ громкихъ всхлипываній, чтобы не слышали тѣ, кому этого слышать не надлежитъ. Князь было взялся за сонетку и даже крикнулъ: воды! но больная остановила его, прошептавъ: о mercі, не безпокойтесь, это сейчасъ пройдетъ.

Иванъ Аполлоновичъ поцѣловалъ ея руку, потомъ въ лобъ, потомъ опять руку, но уже значительно выше кисти, и сѣлъ въ кресло, положивъ нога на ногу, причемъ рѣзко обнаружились острые углы его тощихъ колѣнъ. Шарлотта Федоровна осталась полулежать на кушеткѣ.

— Какая ты нервная стала, Лота, — ласково началъ князь; — отъ всякаго пустяка... Вѣрно опять вродѣ прошлаго, какой-нибудь капризъ, необдуманное слово Надн, въ которомъ ты подозрѣваешь оскорбительные намеки?

— Необдуманное слово... какъ это вамъ нравится! Необдуманное слово... Нѣтъ, ты ошибаешься, эта дѣвочка (Шарлотта Федоровна чуть не сказала *дѣвченка*)... эта дѣвочка,— повторила она,—гораздо болѣе обдумываетъ каждое свое слово и каждый свой шагъ, нежели мы съ тобою. Притомъ съ такимъ опытнымъ совѣтникомъ...

— Лучшій ея совѣтникъ—это я!—ткнулъ себя въ грудь пальцемъ Иванъ Аполлоновичъ.

— Со-о-мнѣваюсь!

— Послушайте, Шарл... послушай, Лота, это, parole d'honneur, становится, наконецъ, невыносимымъ. Послѣдній годъ я тебя положительно не узнаю. Впрочемъ немного раньше: *это*, какъ я замѣтилъ, началось съ послѣдней нашей поѣздки за границу,—ты положительно не можешь ужиться съ Надею, ты не могла сохранить ея дѣтскую къ тебѣ привязанность... ты...

— Продолжайте, князь, продолжайте.

Шарлотта Федоровна протянула свои изящно обутыя ножки, закинула руки назадъ, за голову, и лѣниво потянулась. Это движеніе имѣло двойной результатъ: ноги открылись много выше щиколотокъ, обрисовывая полныя икры, стянутыя шелковымъ чулкомъ блѣдно-розоваго цвѣта, округлости бюста и бедеръ красиво выгнулись на темномъ фонѣ бархата кушетки.

Князь Иванъ Аполлоновичъ всталъ, прошелся раза два по кабинету и сѣлъ снова, но уже гораздо ближе.

— Вѣдь вотъ и теперь, Лота,—произнесъ онъ вкрадчиво,— ты уже и теперь видишь въ моихъ словахъ что-то обидное. Ахъ, какая ты стала подозрительная!

— Въ моемъ положеніи, Jean, нельзя иначе.

— Какое тамъ *положеніе*, какое положеніе и въ чемъ оно измѣнилось теперь, именно теперь?

— Въ этомъ-то и дѣло, что оно не измѣнилось, а должно измѣниться, и даже скоро... иначе...

— Ну, что иначе, что?

— Гувернантка при взрослой, совершеннолѣтней дѣвушкѣ, да еще молодая и красивая гувернантка,—явленіе не совсѣмъ

*

обыкновенное, тѣмъ болѣе, если у этой дочери отецъ еще не старъ и недуренъ собой.

Князь улыбнулся, обдернулся и пересѣлъ на кушетку, слегка положивъ руку на изящную туфельку «гувернантки».

— Да, недуренъ собою,—улыбнулась и та въ свою очередь.—Если эта дочь никуда почти не показывается въ сопровожденіи гувернантки, а шляется вездѣ одна...

— Mais quelle expression... fi!.. шляется... Княжна Пестрая-Коврикова, моя дочь, не можетъ шляться.

— Шляется, шляется, шляется, шляется! — настойчиво затараторила Шарлотта Федоровна, энергично двинулась всѣмъ своимъ тѣломъ и очутилась чуть-что не въ объятіяхъ собесѣдника.

— Лота!—двинулся и съ своей стороны Иванъ Аполлоновичъ, покосившись почему-то на опущенную портьеру.

— Если, при всемъ этомъ, гувернантка остается вѣчно дома, одна, то-есть не совсѣмъ одна, а съ отцомъ этой дѣвушки, то согласись самъ, что это положеніе гувернантки можетъ сдѣлать ее подозрительной. Это положеніе должно измѣниться. Она должна или уйти изъ этого дома, или...

Князь безпокойно завозился на своемъ мѣстѣ и руки, протянутыя было для легкаго объятія, остановились на половинѣ дороги...

— Или?..—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Или она должна остаться въ домѣ, но уже не въ качествѣ *гувернантки*. Вѣдь это такъ ясно!..

Снова заволновался Иванъ Аполлоновичъ, снова вскочилъ и началъ мѣрять шагами діагонали своего кабинета. Погулявъ такимъ образомъ минуты двѣ, онъ остановился передъ красавицею, относившейся къ его волненіямъ довольно равнодушно.

— Вы вотъ уже чуть не въ десятый разъ начинаете этотъ разговоръ, и каждый разъ я долженъ говорить вамъ одно и то-же... Жениться на васъ я не могу... это значило-бы... это было-бы равносильно...

— Не горячитесь, князь. Въ одиннадцатый разъ я не начну этого непріятнаго для васъ разговора.

Шарлотта Федоровна встала тоже и привела свой костюмъ въ порядокъ.

— Но зато, — продолжала она,—я вамъ теперь доскажу,

что хотѣла сказать: содержанкою вашею я не буду тоже, и какой мнѣ разсчетъ? Вы--промотавшійся, прожившійся селадонъ, что вы мнѣ можете обѣщать въ будущемъ? Вы сами живете на счетъ вашей дочери.

— Мадамъ Мейеръ!

— Успокойтесь... Я не желаю вновь выслушивать отъ вашей скромницы, княжны Nadine Пестрый-Ковриковъ, что я ее обираю, какъ слышала сегодня утромъ, слышала даже въ присутствіи горничной Даши... До свиданья, князь!

Шарлотта Федоровна, красиво изгибаясь на ходу, распахнувъ ножкою портьеру, вышла изъ кабинета.

— Ну, полно, Лоточка, Лота! — пустился было ее преслѣдовать Иванъ Аполлоновичъ, но на порогѣ лицомъ къ лицу встрѣтился съ своею дочерью.

VI.

Между двухъ огней.

Надя все утро не была дома; она, въ сопровожденіи одного изъ своихъ довольно многочисленныхъ вздыхателей, тоже занималась сборомъ пожертвованій. Усталая, но веселая и довольная результатами своей дѣятельности, она раскланялась у подъѣзда съ своими ассистентами.

— Смотрите-же, Краснобаевъ,—крѣпко пожала она руку высокаго, плотнаго джентльмена въ модномъ лѣтнемъ костюмѣ,—такъ въ восемь часовъ ровно ожидать меня на Царскосельскомъ вокзалѣ. Мы сегодня ѣдемъ *работать* въ Павловскъ. Смотрите-же, не забудьте.

— О, помилуйте,—приподнялъ тотъ свою сѣрую шляпу-котелокъ, съ вентиляторомъ и игрушечнымъ термометромъ на лентѣ.—Мой поклонъ князю, вашему батюшкѣ.

— Merci!

Надя взбѣжала на первую площадку лѣстницы, гдѣ ее встрѣтилъ, почтительно улыбаясь, высокій, бѣлый, какъ лунь, швейцаръ въ длинномъ военномъ сюртукѣ, съ высокимъ, обшитымъ галуномъ воротникомъ и съ цѣлымъ рядомъ медалей, отъ одного плеча до другого.

— Здравствуй, Миронычъ! Ахъ, голубчикъ, какъ было

весело, какъ было весело! Знаешь, гдѣ я была все время сегодня?

— Не могу знать, ваше сіятельство, вотъ ужъ этого именно не могу знать,-- отвѣчалъ Миронычъ, принимая изъ рукъ Нади тяжеловѣсную кружку отъ Славянскаго Комитета.

— Я, Миронычъ, все время каталась по Литейной, въ желѣзно-конкѣ. Я все изъ вагона въ вагонъ перескакивала. Сколько я набрала! У меня тамъ два золотыхъ даже есть. Одинъ положилъ священникъ въ лиловой рясѣ, съ большимъ такимъ крестомъ, а другой--дама въ траурѣ. Ахъ, какая она была грустная, блѣдная, и ребенокъ съ нею, мальчикъ, прехорошенькій, въ кружевной рубашечкѣ. Дама дала золотой мальчику, а онъ своею ручонкою самъ и потянулся, да такой неловкій, уронилъ, потомъ искали долго. Ахъ, какъ я его цѣловала!..

— А васъ, Надежда Ивановна, ваше сіятельство, Господь Богъ наградитъ за ваши труды праведные, наградитъ! Пошлетъ вамъ счастія, мужа по сердцу-съ, да-съ! Не побрезгуйте и отъ меня полтинничекъ.

— Спасибо, Миронычъ, спасибо... только зачѣмъ же?.. У тебя, голубчикъ, у самого немного.

— А это ужъ, ваше сіятельство, до васъ некасающее дѣло, много-ли у меня или мало, опять-же мнѣ, старой собакѣ, помирать скоро, кому беречь? А коли Господь сподобилъ дожить до *такого времени*, такъ я вамъ доложу-съ, ваше сіятельство, благодарить Его, Всевышняго, надо-съ, а не токмо что съ... Во спасеніе души, во славу Божью!.. Деньги что! Эхъ, какія тутъ деньги! Голову свою сложить за такое дѣло очень и даже весьма-съ было-бы утѣшительно.

Старикъ не безъ пафоса произнесъ послѣднія слова и даже кулакомъ въ грудь ударилъ, да такъ, что всѣ медали зазвенѣли, и утеръ галуннымъ обшлагомъ рукава прокатившуюся по его сморщенно-впалой щекѣ слезинку.

— Какой ты хорошій человѣкъ, Миронычъ!—въ раздумьи остановилась Надя, поднявшись было уже нѣсколько ступенекъ вверхъ.

— А вотъ батюшка вашъ, его сіятельство князь Иванъ Аполлоновичъ, — это ужъ не хорошо-съ, это не годится...

— А что?

— Да скупы стали. То-есть, на что другое не скупы, а на такое дѣло скупиться начали. Таперича ихъ человѣкъ Ефремъ говоритъ: его сіятельство сердится, что я господъ съ кружками принимаю; приказалъ сказывать, что ихъ дома нѣтъ въ такомъ случаѣ. Да отсохни у меня языкъ, коли я сдѣлаю по-ихнему. Мнѣ что-же, я не у ихъ сіятельства въ услуженіи, а у своего домохозяина, у купца Тулубова, да ежели-бы у нихъ самихъ, такъ скорѣе-бы мѣста рѣшился, хоша-бы и съ помараніемъ аттестата даже, это вѣрно-съ...

— Неужели папаша?..

— Такъ точно-съ. Позвольте, Надежда Ивановна, я ужъ вамъ наверхъ снесу кружечку...

Тяжело подѣйствовали на Надю послѣднія слова Мироныча; этотъ старческій голосъ, горькимъ упрекомъ звучавшій противъ ея отца, разогналъ разомъ всю ея веселость и снова вернулъ ее къ прежнимъ думамъ, не разъ уже угнетавшимъ молоденькую голову княжны Пестрой-Ковриковой. Она было хотѣла, не показываясь Ивану Аполлоновичу, пройти прямо въ свою комнату и даже, если удастся, избѣжать выхода къ обѣду, но потомъ раздумала и, поставивъ кружку въ залѣ, на особомъ столикѣ, въ углу, гдѣ надъ карнизомъ чуть-чуть чернѣлся какой-то крохотный образокъ, направилась къ кабинету. Голосъ Шарлотты Федоровны доносился весьма явственно, голосъ Ивана Аполлоновича тоже. Не желая вовсе этого, Надя слышала весь конецъ сцены и вѣрно-бы вернулась къ себѣ, если-бы въ эту минуту не выскочила сама мадамъ Мейеръ, не произнесла-бы: «Гмъ, какъ это хорошо, вы подслушиваете, Nadine», и не бросила-бы этого нахальнаго, вызывающаго взгляда.

— Вы такъ кричите, что васъ не зачѣмъ и подслушивать,— произнесла ей вслѣдъ Надя,—да, наконецъ, и новаго ничего не услышишь, все старое и давно извѣстное... Камелія!..

— Нигилистка!..—спарировала Шарлотта Федоровна, передернувъ плечами и ускоряя на всякій случай шагъ.

Надя поблѣднѣла отъ злости, и передъ нею въ это мгновеніе предсталъ самъ папаша, взволнованный и начинающій даже издавать какіе-то звуки, похожіе на слезливое всхлипываніе.

— Лота!—схватилъ ее за руку Иванъ Аполлоновичъ.— Ахъ, это ты, Надя,—замѣтилъ онъ во-время свою ошибку.—

Очень кстати, очень. Я долженъ поблагодарить тебя за тѣ сцены, которыя ты доставляешь мнѣ чуть не ежедневно своимъ неумѣніемъ прилично и съ тактомъ относиться къ Шарлоттѣ Федоровнѣ.

— Къ чему тутъ Шарлотта Федоровна?—холодно произнесла Надя;—и какое мнѣ до нея дѣло?

— Ты—взрослая дѣвушка, Надя, ты теперь ужъ не эта... не пансіонерка, ребенокъ, ничего не понимающій; ты должна понимать...

— Перестаньте, папа, я отлично понимаю все... все!—чуть не вскрикнула Надя.

— Я напомню тебѣ, Надя, что со стороны дочери этотъ тонъ не совсѣмъ приличенъ въ разговорѣ съ отцомъ.

Надя закусила губки отъ злости и сѣла на ту самую кушетку, на которой только-что лежала Шарлотта Федоровна; Иванъ Аполлоновичъ сѣлъ передъ письменнымъ столомъ, отчаянно выламывая свои длинные пальцы. Нѣсколько минутъ царило полное молчаніе.

— Правда, что ты сказала ей сегодня утромъ, будто она живетъ здѣсь на *твой* счетъ?

Князь сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ *твой* и иронически улыбнулся.

— Да, это правда,—спокойно отвѣчала Надя.

— Вотъ какъ! Ну, а я, твой отецъ, по-твоему, тоже, значитъ, живу на твой счетъ и вдобавокъ разоряю тебя?

— И да, и нѣтъ, какъ хочешь.

Иванъ Аполлоновичъ не ожидалъ такого отвѣта; онъ думалъ, что Надя скажетъ совершенно противоположное. Онъ строилъ свой будущій монологъ на этомъ предполагаемомъ отвѣтѣ — и теперь нѣсколько растерялся.

— Желалъ-бы я знать, кто это тебѣ натолковалъ эти глупости. Я долженъ тебѣ, мой другъ, напомнить нѣчто изъ нашихъ основныхъ законовъ. Вся отвѣтственность за судьбу дочери лежитъ на ея отцѣ. Онъ ею распоряжается, онъ устраиваетъ ея будущее,—все онъ, отецъ, а никто другой и ни даже она сама, пока она не вышла замужъ... Это тебѣ, я полагаю, должно быть хорошо извѣстно. Ты знаешь,—желалъ-бы я также знать, откуда ты это знаешь,—что будто-бы твоя покойная мать, моя жена, умирая, завѣщала тебѣ, одной

тебѣ, свое состояніе; положимъ, это и такъ, я не утверждаю, что это не такъ,—что-же изъ этого? Пустая формальность, ничего не доказывающая, нисколько не ослабляющая моихъ правъ, какъ отца, а ты Богъ знаетъ что выдумала.

— Не совсѣмъ пустая формальность, папаша, — сухо и спокойно перебила Надя.—Вѣдь вотъ вы аккуратно получаете изъ банка проценты на мой капиталъ и тратите ихъ, а вынуть этотъ капиталъ, даже не весь, а часть его, безъ моей подписи, безъ моего согласія, вы не можете... значитъ, завѣщаніе мама не пустая формальность!

— Вотъ какъ! Вы уже и юридическими науками стали заниматься. Что-жъ! По нынѣшнимъ временамъ это, можетъ быть, и кстати. А не извѣстно-ли вамъ, что я, какъ отецъ, имѣю право нѣсколько смирить ваши необузданные порывы? Ваши пропаданія по цѣлымъ днямъ чортъ знаетъ гдѣ, это подозрительное знакомство,—все это даетъ мнѣ право думать...

— Фи, папаша, какъ это гадко, какъ вы перемѣнились, какъ вы падаете въ моихъ глазахъ!

Надя проговорила эту фразу, чувствуя, какъ ея грудь сжало точно клещами. Она отвернулась и прижалась лицомъ къ вышитой подушкѣ кушетки.

— Надя, другъ мой! — разомъ перемѣнилъ интонацію своего голоса Иванъ Аполлоновичъ.

— Оставьте, не троньте меня... Ахъ, какъ это все гадко!.. Я уйду, я не могу, я не хочу здѣсь оставаться больше...

Надя зарыдала, судорожно всхлипывая, силясь пальцами разорвать душившій ее воротничекъ. Иванъ Аполлоновичъ снова принялся ломать свои пальцы и зарыдалъ самъ. Это взаимное рыданіе продолжалось довольно долго, такъ что Шарлотта Федоровна, слышавшая всю сцену, успѣла распорядиться послать Ефрема въ кабинетъ съ графиномъ воды на подносѣ и двумя стаканами.

Появленіе слуги прекратило разомъ драматическую сцену. Иванъ Аполлоновичъ крикнулъ: «Пошелъ вонъ, болванъ! Кто тебя спрашиваетъ?» Надя вскочила и бросилась вонъ изъ кабинета.

Вечеромъ въ тотъ-же день, вернувшись съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ изъ Павловска и снова распростившись у подъѣзда съ Краснобаевымъ, Надя, узнавъ, что князь дома и

одинъ, прошла къ нему въ кабинетъ и, послѣ нѣсколькихъ взаимно-вступительныхъ фразъ, начала такъ:

— Я знаю, папаша, что ты *ее* любишь... то есть это не любовь, если хочешь, но все-таки чувство довольно сильное, бороться съ которымъ тебѣ очень трудно,—я знаю все это... Я никогда не была-бы противъ женитьбы твоей на *этой госпожѣ*, я-бы даже просила тебя скорѣе обвѣнчаться, если-бы была увѣрена, что она тебя тоже любитъ. Но я знаю, ты ей не вѣрь, она тебя обманывала и обманываетъ чуть не на каждомъ шагу; она не стоитъ тебя и потому моею матерью не будетъ. Выгони ее, развяжись съ нею и между нами тогда не будетъ никакого разговора о томъ, кому принадлежатъ средства, на которыя мы живемъ. Иначе, я не желаю, я не могу допустить, чтобы то, что оставила мнѣ моя мать, шло-бы на прихоти всякой кокотки. Состояніе мое вовсе не такъ велико, чтобы его нельзя было доканать, и даже очень скоро. Кто знаетъ, можетъ быть мнѣ придется, можетъ я уже выбрала себѣ мужа, человѣка безъ всякихъ средствъ; должна-же я заботиться о себѣ, о своей будущей семьѣ, наконецъ, о тебѣ-же самомъ, папаша, когда ты станешь совсѣмъ дряхлымъ старикомъ, дѣдушкою моихъ дѣтей... Да? Должна-же я обо всемъ этомъ заботиться или нѣтъ?

— Надя, Надя, добрая дочь моя!—всхлипывалъ Иванъ Аполлоновичъ, цѣлуя тонкіе пальчики дочери;—ты точно твоя мать, дорогой и вѣчной памяти княгиня Настасья Пестрая-Коврикова. Передо мною теперь такъ вотъ и воскресаетъ она, моя незабвенная...

— Такъ ты *это* сдѣлаешь, папа?

— О, да, конечно; только послушай, Надя, послушай, моя умница. Вѣдь можно все сдѣлать тихо, безъ огласки, безъ лишняго скандала; ну, потерпи мѣсяцъ, не болѣе; осенью, даже въ началѣ осени, мы *всѣ трое*...

— *Всѣ трое?*

— Да, всѣ трое поѣдемъ за границу, ну хоть въ Парижъ. Тамъ я ее уговорю, оставлю и вернемся сюда уже двое. Это будетъ неудобно, неловко, если я *откажу* ей здѣсь. Она будетъ звонить по всему Петербургу, разносить чортъ знаетъ что. Это будетъ компрометтировать и тебя, и меня. Между тѣмъ какъ съ нѣкоторою выдержкою, съ тактомъ, все можно сдѣлать прилично. Вѣдь ты понимаешь это?

— Понимаю,—задумалась Надя.—По ты мнѣ дашь слово, что не раздумаешь и не перемѣнишь своего намѣренія?

— О, охотно! Клянусь тебѣ, другъ мой, и моею честью, и памятью твоей усопшей матери!

Князь торжественно поднялъ обѣими руками стоявшій на письменномъ столѣ фотографическій портретъ красивой брюнетки бальзаковскихъ лѣтъ, въ черномъ бархатномъ платьѣ, сдѣлалъ этимъ портретомъ крестообразное движеніе въ воздухѣ и трижды поцѣловалъ толстое стекло, на которомъ матовыми пятнами обозначились слѣды увлажненныхъ розовою помадою старческихъ губъ Ивана Аполлоновича.

Шарлотта Федоровна въ эту минуту, расположившись въ своемъ будуарѣ, готовилась къ отраженію предполагавшейся на нее атаки, и готовилась мастерски, тщательно взвѣшивая и оцѣнивая свои оборонительныя и наступательныя средства.

VII.

Маневры Шарлотты Федоровны.

Здѣсь необходимы нѣкоторыя топографическія подробности. Спальня и будуаръ мадамъ Мейеръ были двѣ смежныя комнаты, раздѣленныя не дверью, а аркою, задрапированной голубымъ штофомъ; изъ будуара маленькая, заклеенная обоями дверь вела въ спальню князя, соединенную, въ свою очередь, съ его кабинетомъ. Эта дверь, запертая всегда на ключъ и даже задвижку со стороны владѣній Шарлотты Федоровны, Богъ-вѣсть зачѣмъ, была снабжена вверху продолговатымъ стекломъ, завѣшаннымъ зеленою саржею со стороны Ивана Аполлоновича. Будуаръ рыжекудрой красавицы былъ очень изященъ. Простѣнокъ между двумя окнами занимало громадное трюмо съ боковыми половинками, гдѣ владѣтельница могла разомъ созерцать всю свою фигуру; умывальный столъ, уставленный десятками флаконовъ, блистающій росписнымъ фарфоромъ, занималъ тоже довольно видное мѣсто; рядомъ съ нимъ, у стѣны, противоположной уже описанной мною двери, на деревянномъ возвышеніи стояла ванна, не всегда заставлявшаяся изящною китайской ширмочкою; затѣмъ остальная меблировка, шкафы съ платьями и комоды съ бѣльемъ, скромно ютились въ глубинѣ, внѣ сферы

наблюденій, если бъ эти наблюденія производились съ помощью стекла, случайно вставленнаго вверху заклеенной обоями двери. Изъ этой-же двери, если драпировки арки не были опущены, можно было видѣть и большую часть внутренности спальни: письменный столъ, жардиньерки, японскій шкафикъ для дорогихъ вещей и часть кисейнаго полога кровати съ золочеными львиными лапками. Такова была укрѣпленная позиція Шарлотты Федоровны.

Отправивъ спать свою горничную Эмму и сообщивъ нѣсколько удивленной нѣмкѣ, что она раздѣнется сегодня безъ ея помощи, Шарлотта Федоровна заперла дверь изъ своей спальни въ корридоръ и перешла въ уборную. Прежде всего она окинула взглядомъ маленькую дверь; занавѣска висѣла неподвижно, плотно закрывая собою весь продолговатый четырехугольникъ верхняго стекла; это обстоятельство ей не совсѣмъ понравилось, но она не теряла надежды и занялась приготовленіями къ преднощному омовенію, усердно громыхая фарфоромъ умывальника. Повозившись минутъ двадцать и передернувъ нѣсколько разъ своими округлыми, бѣлыми, какъ молоко, плечиками съ видомъ нѣкотораго раздраженія, она стала передъ трюмо и начала медленно, систематично раздѣваться. Спустивъ до половины бедръ шелковое платье, тяжелыми складками легшее у ея ногъ, и снимая изящный корсетъ, украшенный кружевомъ и голубыми бантиками, красавица самодовольно улыбнулась. Она замѣтила въ боковой половинкѣ трюмо, какъ дрогнула и заволновалась слегка зеленая занавѣсочка, какъ въ углу стекла образовался темный трехугольникъ...

Долго раздѣвалась Шарлотта Федоровна, снимая одну за другою безчисленныя принадлежности своего костюма: наконецъ, уже и снимать болѣе было нечего. Затѣмъ сирена перешла въ ванну, граціозно поднявшись па ея ступени и шагнувъ чрезъ бортъ... Затѣмъ послышался легкій ударъ въ стекло и робкій шопотъ: peut-on entrer? Но Шарлотта Федоровна не желала слышать этого просящаго, робкаго вопроса. Окончивъ ванну, она накинула на свои влажныя плечи бѣлый пеньюаръ, сунула свои розовыя ножки въ туфли и перешла въ спальню. Черезъ минуту она, закутавъ ноги пледомъ, принялась писать и писать, бойко водя перомъ по миніатюрнымъ листочкамъ бу-

маги, забывая даже тыкать этимъ перомъ въ чернильницу. Затѣмъ началась пантомима.

Шарлотта Федоровна начала перечитывать все написанное ею, часто прерывая чтеніе прикладываніемъ платка къ глазамъ. Ея тихій плачъ мало-по-малу перешелъ въ довольно громкое рыданіе, и даже съ истерическимъ загибаніемъ корпуса, что выходило, благодаря ея черезчуръ ужъ легкому костюму, необыкновенно красиво и трогательно. Послѣ этого красавица запечатала письмо, вывела куринымъ почеркомъ: «его сіятельству князю Ивану Аполлоновичу Пестрый-Ковриковъ» и положила конвертъ на видное мѣсто. Затѣмъ она перешла къ японскому шкафику, достала оттуда крохотный флакончикъ съ безцвѣтною жидкостью, приподняла его до рта между двухъ пальцевъ, глубоко и продолжительно вздохнула, бросила взглядъ по направленію апартаментовъ князя и начала молиться. О, какъ жарко, какъ усердно она молилась въ эту минуту! Стоя на колѣняхъ на пестромъ персидскомъ коврѣ, опершись обнаженными локтями на мягкій низенькій табуретъ, распустивъ золотистые, обильные волосы по спинѣ и плечамъ, закативъ кверху плачущіе глаза, тяжело дыша всѣмъ своимъ колоссальнымъ бюстомъ, она въ этомъ религіозномъ восторгѣ олицетворяла собою чудный типъ кающихся грѣшницъ...

— Peut-on entrer? — снова послышалось за маленькою дверью, но уже гораздо громче и настойчивѣе.

Шарлотта Федоровна въ жару молитвы не слышала и на этотъ разъ вопроса Ивана Аполлоновича. Окончивъ свое пламенное моленіе, она встала съ колѣнъ, еще разъ взглянула по направленію маленькой двери, смотрѣла долго, печально покачивая головою, и плавнымъ, граціознымъ жестомъ послала туда воздушный поцѣлуй, затѣмъ открыла пробочку флакона и приставила его къ своимъ пухленькимъ губкамъ.

— Лота, Лота, ангелъ мой, что ты дѣлаешь?—забарабанилъ Иванъ Аполлоновичъ въ дверь обоими кулаками.—Впусти меня, ради самого неба впусти! Впусти или я выломаю дверь... я прикажу...

— Ахъ!—вскрикнула Шарлотта Федоровна, — торопливо спрятала флаконъ, сунула подъ бюваръ запечатанный конвертъ и съ испугомъ заметалась по спальнѣ, отыскивая, чѣмъ-бы прикрыть свое обнаженное тѣло; пеньюаръ былъ, видите-ли, слишкомъ прозраченъ и притомъ надѣтъ въ накидку.

— Лота, да отвори-же! Все равно, останься такъ! Отвори ради Бога скорѣе, Лота! — неистовствовалъ князь, нажимая на дверь немощнымъ плечомъ и тщетно пытаясь выломить эту тонкую преграду.

Лота нашла, наконецъ, что ей было нужно, и, подойдя къ двери, повернула ключъ. Иванъ Аполлоновичъ какъ стоялъ, такъ и рухнулся къ ея ногамъ.

— Лота, это грѣхъ заставлять меня перенести то, что я испыталъ сейчасъ,—это безбожно! Лота, ты страдаешь, ты готова была... О, Боже мой! хорошо, что я случайно подошелъ и увидѣлъ... Лота, прости меня... Я вижу, я убѣжденъ теперь, что ты меня любишь; я на все готовъ, на все, милая моя страдалица!

Не безъ усилія подняла Шарлотта Федоровна окончательно размякшаго князя и увлекла къ себѣ. Иванъ Аполлоновичъ первымъ дѣломъ потребовалъ у нея письмо и этотъ *ужасный* флаконъ, но не получилъ ни того, ни другого.

— Зачѣмъ?—томно склонивъ головку на плечо князя, говорила Шарлотта Федоровна,—зачѣмъ? Все *это* можетъ еще понадобиться впослѣдствіи; женщина въ моемъ положеніи должна всегда имѣть наготовѣ средство избавленія отъ жизни, въ которой она ничего не можетъ встрѣтить, кромѣ позора и разочарованій...

— Ты безжалостна, Лота, — пылъ старый селадонъ,—ты безжалостна...

За стѣною корридора во время этой сцены нѣсколько разъ слышался какой-то подозрительный шорохъ; Иванъ Аполлоновичъ, увлеченный порывами нѣжности, положимъ, ничего не слышалъ, но Шарлотта Федоровна вздрагивала не разъ и безпокойно оборачивалась.

— Не надо говорить такъ громко... Мы такъ близки другъ къ другу, что можемъ объясняться даже шопотомъ.

Она обвила своими руками тонкую шею князя и съ чувствомъ поцѣловала его въ темя, какъ-разъ въ то мѣсто, гдѣ находилась артистически прикрѣпленная накладка работы Огюста.

Лишнія свѣчи были потушены, объясненія начались шопотомъ, вслѣдствіе чего Даша, горничная Надежды Ивановны, плюнула съ досады и на цыпочкахъ вышла изъ корридора, гдѣ она цѣлыхъ полтора часа сидѣла между шкафомъ съ столовымъ бѣльемъ и круглою желѣзною печкою.

VIII.

Въ Казанскомъ соборѣ.

Послѣ объясненія съ отцомъ Надя заснула веселая и довольная; благодаря усиленному дневному моціону, она спала крѣпко и проснулась поздно. Она была въ отличномъ настроеніи духа, взглянула на часы, вскрикнула: «Ой-ой!» и позвонила.

Даша явилась съ услугами и утреннимъ докладомъ: этотъ докладъ разстроилъ разомъ веселое настроеніе духа княжны и она, напившись кофе у *себя*, вышла изъ дому, не заходя къ *папашѣ*.

День былъ праздничный и ясный. У Казанскаго собора, куда направилась княжна, собралась густая толпа народа, почернѣвшаяся и на ступеняхъ средняго портала, и между двойныхъ рядовъ полукруглой колоннады. Вчера вечеромъ получена была телеграмма, извѣщавшая о смерти Николая Кирѣева, и члены Славянскаго Комитета собрались здѣсь служить панихиду по убитомъ. Быстро разнеслась эта вѣсть по городу, и въ этой сплошной массѣ народа изъ устъ въ уста передавалось имя убитаго.

Въ пестрой толпѣ тамъ и сямъ мелькали бѣлые листки телеграммъ и газетъ. Газетные разносчики сновали по всѣмъ направленіямъ съ туго-набитыми портфелями; въ одномъ мѣстѣ толпа сгустилась особенно плотно, обступивъ чтеца, барина въ длиннополомъ лѣтнемъ пальто-халатѣ и высокомъ цилиндрѣ; другая такая-же толпа образовалась около грамотнаго извозчика-лихача, оставившаго на присмотръ товарищей своего безногаго вороного. Все новые и новые экипажи подкатывались къ главному входу собора, выгружали свой пестро-одѣтый дамскій баластъ и шагомъ отъѣзжали на указанныя мѣста, подъ конвоемъ галонирующихъ жандармовъ. По временамъ, когда отворялись двери собора, пропуская новоприбывшихъ привилегированныхъ посѣтителей, оттуда чуть слышно доносилось стройное пѣніе соборнаго хора, обрывалось сразу, какъ только двери затворялись снова. Дробный грохотъ несшихся по Невскому экипажей боролся съ глухимъ гуломъ толпы, по большей части стоявшей съ обнаженными головами. Вообще, обстановка была праздничная и торжественная.

— «Въ селеніи Брюховацъ,—довольно бойко и отчетливо читалъ лихачъ-извозчикъ,—сего двадцатаго числа, въ ночь...»

— Постой, другъ, не наваливайся. Ну, чего лѣзете, право!? Столбъ своротите! Какъ ты сказывалъ: «въ ночь...»

— Ну-да, въ ночь, партія баши-бузуковъ...

— Баши-бузуковъ—батюшки!

— Ты это чего народъ сбираешь? Не можешь про себя читать?—вмѣшивается не въ мѣру усердный городовой.—Господа, господа, разойдитесь, сдѣлайте милость.

— Да вотъ онъ сейчасъ... Читай, голубчикъ, скорѣе!

— Чего скорѣе? Сказываютъ вамъ, не велѣно!

— Ну, братъ, ты это, милый человѣкъ, врешь... Гляди: «Правительственный»! Видѣлъ?—поднимаетъ газету кверху чтецъ и щелкаетъ всею пятернею по ея смятымъ листамъ; — значитъ, тутъ запрету не полагается. «Партія баши-бузуковъ, въ ночь, оцѣпивъ селеніе со всѣхъ сторонъ...»

— Это значитъ, чтобы никуда уходу не было,—замѣчаетъ заплатанная чуйка въ картузѣ и съ окуркомъ папиросы въ зубахъ;—вотъ какъ у насъ, въ домѣ Саламаткина, намедни тоже обыскъ дѣлали.

— Господа, господа, посторонитесь, что-ли, пропустите барина съ кружкою! — Ваше благородіе, проходите, извольте пожаловать!.. Вотъ сюда, тутъ посуше будетъ.—Эй, подайся ты, ломовой, не видишь развѣ—*кружка*!..

Нѣсколько кафтанныхъ полъ словно сами собою заворачиваются, нѣсколько рукъ тянутся къ кружкѣ.

— И какіе это господа ноне вѣжливые стали!—вздыхаетъ штукатуръ, съ головы до ногъ обрызганный известкою;—даешь ты ему копейку, а то и грошъ, и за всякимъ разомъ онъ шляпу скидаетъ, кланяется.

— А то барыня одна приходила къ намъ на биржу,—говоритъ извозчикъ,—такъ та всѣмъ намъ «мерси-боку» сказывала...

— Врешь!

— Ну вотъ, стану я врать! Пашка—работникъ, знаешь?—шельма парень! та ему «мерси», а онъ, шельмецъ, «бонжуръ за вниманье», говоритъ, мадамъ. Жаль, ноне, говоритъ, выручка плоха была, а придешь въ другой разъ—двугривеннаго не пожалѣю».

— И берутъ эти окаянные ребеночка, младенца Божія, за ножку, бацъ объ уголъ—и шабашъ...

— А правду сказывали, въ газетахъ было, что теперича съ троихъ живыхъ человѣкъ шкуру содрали?

— Да ну тебя... тьфу... Что мутишь!

— На построеніе храма святыя великомученицы Варвары, порадѣйте, православные,—гнуситъ засаленный подрясникъ съ книжкою въ дрожащей рукѣ и сумкою черезъ плечо на веревочкѣ;—порадѣйте, православные, на построеніе храма Господня.

— Ну, братъ, не время, опосля твое дѣло поспѣетъ; теперь у насъ особо такое идетъ храмопостроеніе...

— Вѣдь вотъ сглупа сболтнулъ: «храмопостроеніе»,—сурово произноситъ высокій, тощій купецъ, одѣтъ по-модному, а борода бѣлая, окладистая и брови бѣлыя, нависшія, опирается на палку съ золотымъ набалдашникомъ;—а слова его дурацкія вѣщими словами выходятъ... Во-истину, идетъ великое храмопостроеніе. Во славу Божію, на вѣчное посрамленіе врагу нечестивому... Вѣщее слово это сказано.

— Вишь ты!

— Да, братъ, оно не того...

— Въ самый разъ... Чего-же это она плачетъ?

— Гдѣ, гдѣ?

— Да вонъ, старушка эта, вонъ на тумбочку сѣла; она уже никакъ седьмой разъ плакать принимается.

— Поль, зайдемъ въ соборъ, тамъ теперь Соснина собираетъ, и княжну Коврикову увидимъ,—помнишь, эта брюнетка, что тебѣ такъ понравилась въ Павловскѣ.

— Да теперь не протолкаешься,—нерѣшительно отвѣчаетъ Поль, лорнируя кого-то въ толпѣ.

— Мы знаешь, какъ? Мы пройдемъ съ боковыхъ дверей, тамъ, вѣроятно, уже обошли съ блюдами, все-таки сбережемъ по три рубля... А должно быть ея еще нѣтъ... не пріѣхала еще.

— Кто?

— Да княжна... Вонъ ея адвокатъ стоитъ въ ожидательной позѣ и черезъ головы смотритъ: это онъ ее дожидается.

Говорившій указалъ на промежутокъ двухъ колоннъ, гдѣ виднѣлась плотная фигура Краснобаева, вдругъ сорвавшагося съ своего возвышеннаго мѣста и стремительно ринувшагося въ толпу, навстрѣчу Надѣ.

Съ помощью локтей своего могучаго кавалера, а главное своей кружки, княжнѣ удалось скоро пробраться чрезъ эту толпу и очутиться въ переднихъ рядахъ молящихся.

Обѣдня только что кончилась и духовенство собора облачалось въ траурныя ризы для панихиды.

— Посмотрите налѣво,—нагнулся къ Надѣ Краснобаевъ;— вонъ у лѣваго клироса — эти сегодня ѣдутъ въ Сербію.

Надя взглянула по указанному ей направленію; тамъ стояли на колѣняхъ двѣ женщины въ сѣрыхъ каленкоровыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ косынчкахъ на головахъ и съ санитарными перевязями на лѣвыхъ рукахъ выше локтя; стоя на колѣняхъ, склонивъ головы, сложивъ руки крестообразно на груди, онѣ точно окаменѣли, отдавшись своей жаркой, страстной молитвѣ. Имъ было просторно, толпа почтительно отодвинулась отъ нихъ, словно изъ боязни потревожить ихъ своимъ прикосновеніемъ. Тысячи глазъ смотрѣли съ благоговѣніемъ на эти двѣ скромныя, сѣрыя фигурки.

«Онѣ ѣдутъ *туда!*—промелькнуло въ головѣНади.—И какая одна изъ нихъ больная, слабенькая, она еще почти ребенокъ, и ѣдетъ на такую страшную, тяжелую работу... А я вотъ здѣсь съ кружкою бѣгаю, пожалуй, даже больше для своего удовольствія, чѣмъ ради дѣла...»

— А тамъ,—шепталъ ей на ухо Краснобаевъ, —ихъ отсюда не видать, —тамъ цѣлый отрядъ добровольцевъ, человѣкъ семьдесятъ будетъ; всѣхъ тоже сегодня вечеромъ отправляютъ, они потомъ будутъ по одиночкѣ проходить здѣсь къ кресту прикладываться.

Надя молчала и не сводила глазъ съ сестеръ милосердія.. Ей такъ хотѣлось подойти къ нимъ, обнять ихъ обѣихъ, расцѣловать, поплакать вмѣстѣ съ ними. Вѣдь вотъ онѣ-же плачутъ, и странно какъ-то плачутъ, совсѣмъ не грустно, лица веселыя, даже восторженныя, губы словно улыбаются, глаза блестятъ, а изъ этихъ глазъ такъ и льются чистыя такія, свѣтлыя слезы, и, глядя на нихъ, плакать хочется, и какъ еще хочется...

— Надежда Ивановна, что это вы?—безпокойно шепчетъ около Краснобаевъ;—принести вамъ стулъ?.. Я достану.

— Не надо, оставьте! — задыхаясь отъ подступившихъ къ ея горлу рыданій, говоритъ Надя.

— Какая вы нервная, Nadine!—подошла къ ней баронесса Купштюкъ.

— Такъ вотъ вы какъ-съ, барышня-съ,—подошелъ къ ней, вставивъ круглое, синее стекло въ глазъ и потягивая свои длинные, висящіе внизъ усы, секретарь Славянскаго Комитета, хозяйничающій даже здѣсь, въ соборѣ, какъ у себя дома.—А мы было хотѣли васъ просить ѣхать въ Бѣлградъ съ важною миссіею... Не хорошо-съ быть такою слабонервною.

«Слабонервною!—про себя повторила Надя и подумала:—хорошо-же, я вамъ покажу, господа, какая я слабонервная».

Кончилась панихида съ своими минорными, наводящими уныніе и тоску мотивами, съ тысячами красноватыхъ огоньковъ теплящихся въ толпѣ свѣчей. Начался молебенъ.

Вереницею, предводимые усатымъ секретаремъ Славянскаго Комитета, потянулись добровольцы, огибая правый клиросъ и поднимаясь на ступеньки амвона, гдѣ толстый протоіерей давалъ имъ цѣловать крестъ и кропилъ святою водой. Добровольцы проходили мимо Нади и она могла разсмотрѣть каждаго. Большинство были отставные и безсрочные солдаты, въ поношенныхъ сѣрыхъ шинеляхъ, съ заначканными, почернѣвшими орденскими ленточками на груди; было нѣсколько и штатскихъ, былъ даже одинъ чиновникъ, даже въ своемъ вицъ-мундирѣ съ пряжкою за двадцатипятилѣтіе. У всѣхъ на лицахъ было строгое, необыкновенно серьезное выраженіе; всѣ они благоговѣйно опускались на колѣни передъ протоіереемъ и горячо цѣловали протянутое имъ распятіе. Мертвая тишина царствовала въ соборѣ. Только извнѣ доносился глухой гулъ толпы, съ каждой минутою все росшей и росшей.

Начался выходъ.

Громкое «ура!» раздалось въ толпѣ по всей площади, какъ только появились между колоннами сѣрыя шинели добровольцевъ. Затѣмъ этотъ кликъ сталъ стихать. Тамъ и сямъ послышались сначала одиночные, довольно робкіе голоса, что-то запѣвшіе, затѣмъ это что-то обратилось въ напѣвъ опредѣленный, стройный; затѣмъ десятки тысячъ голосовъ присоединились дружно къ этому напѣву.

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое!..» торжественно гремѣло въ воздухѣ.

Всѣ сняли шляпы, народъ массами опускался на колѣни. Большинство мимо несущихся экипажей остановилось.

Добровольцы проходили черезъ площадь, за ними ринулся народъ, ихъ обступили кругомъ, отовсюду протягивались руки съ деньгами. Высокій, сѣдой купецъ, прозрѣвшій *вѣщее слово,* махалъ надъ головою сторублевой бумажкой и требовалъ «старшого».

Надя стояла на ступенькахъ собора и смотрѣла на всю эту живую сцену, какъ очарованная.

IX.

Письмо — по счету двадцать второе.

Когда Надя вернулась домой, старый инвалидъ Миронычъ вручилъ ей конвертъ, испещренный донельзя всевозможными клеймами, съ протершимися уголками, съ слѣдами австрійской подклейки. Это было письмо Лео.

— Заграничное-съ, ваше сіятельство, — доложилъ швейцаръ.—Добавочныхъ двадцать двѣ копейки доплачено.

— А я была, Миронычъ, въ Казанскомъ... Сколько народу было!.. Добровольцевъ провожали,—заговорила смущеннымъ голоскомъ Надя, вертя конвертъ въ своихъ пальчикахъ.

— Много теперь народу идетъ *туда*... много-съ,—вздохнулъ глубоко старикъ. — Эхъ, кабы мнѣ годковъ хоть-бы десяточекъ пособавить съ плечъ!.. Силою немощенъ становлюсь, чувствую я это, барышня, ваше сіятельство.

Надя уже поднималась наверхъ и не слышала сѣтованій стараго инвалида. Первое клеймо на конвертѣ, бросившееся ей въ глаза, было «Ragouza»,—это обстоятельство именно и заставило дѣвушку покраснѣть до ушей; она-было тутъ-же принялась рвать обложку, но остановилась на половинѣ и стала быстро подниматься по устланной ковромъ и бѣлою парусинною дорожкою лѣстницѣ.

Прежде, чѣмъ коснуться пальцемъ блестящей пуговки электрическаго звонка, Надя оглянулась и спрятала письмо въ карманъ своего пальто. Кончикъ конверта все-таки выглядывалъ. Она прикрыла его перчаткою.

— Дома папаша?—спросила княжна Ефрема, распахнувшаго передъ нею двери.

— Никакъ нѣтъ-съ. Ихъ сіятельство уѣхамши кататься. За коляскою посылали къ Ечкину.

— Одинъ уѣхалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Ихъ сіятельство съ Шарлоттою Федоровною уѣхать изволили. Шарлотта Федоровна приказали вамъ доложить, что они-съ къ обѣду вернутся безпремѣнно, а фриштыкать не будутъ-съ. Ихъ сіятельство приказали кучеру на острова везти, потому какъ погода теперь самая пріятная.

— Гмъ! Вотъ какъ!..

Надя пошла прямо въ свою комнату, гдѣ ее уже дожидалась Даша съ новымъ докладомъ.

— А папашенька домъ хотятъ купить для Шарлотты Федоровны,—затараторила бойкая горничная.

— Какой домъ?

— А ужъ этого не знаю, только пообѣщали домъ купить безпремѣнно, и даже очень скоро.

— Ну, ступай теперь!

Надя торопливо распечатала письмо и, не снимая шляпки, принялась за чтеніе. Вдругъ она поблѣднѣла, какъ полотно. У нея закружилась голова, подкосились ноги и она навѣрное-бы упала на полъ, если-бы ее во-время не подхватила Даша и не усадила въ кресло.

— Барышня, милая барышня... Господь съ вами!.. Надежда Ивановна, ваше сіятельство, что съ вами?—вскрикнула перепугавшаяся горничная и заметалась по комнатѣ, хватаясь то за склянки съ одеколономъ, то за пудреницу, то за графинъ съ водою. Она уже было бросилась къ двери и хотѣла кричать.

— Ничего, это такъ. Это я устала немного. Дай стаканъ воды и уходи отсюда; это сейчасъ пройдетъ.

Исполнивъ приказаніе барышни подать воды, Даша не особенно охотно повиновалась другому приказанію—идти; она еще долго стояла у дверей, прислушиваясь и присматриваясь въ щелку. Надя же, оправившись немного, продолжала чтеніе. Мелко исписанные листочки письма дрожали въ ея пальцахъ, на глаза навертывались слезы.

«Съ трудомъ принимаюсь за перо, моя радость, мой свѣтлый ангелъ, Надежда Ивановна,—писалъ Лео.—Я воспользовался минутнымъ облегченіемъ, чтобы поговорить съ вами, и, можетъ быть, даже навѣрное, въ послѣдній разъ въ своей жизни.

Я раненъ и раненъ тяжело. Я страдаю невыносимо!.. Я не знаю, переживу-ли я свою рану. Первый мой боевой дебютъ будетъ, кажется, и моимъ послѣднимъ дебютомъ. Я убѣжденъ, что я долженъ умереть. Холодная, безжалостная смерть уже вѣетъ надо мною своими крыльями.

«А какъ я хочу жить! Какъ я хочу васъ увидѣть, еще хоть разъ, на одно мгновеніе!

«Я хотѣлъ быть достойнымъ васъ. Я только и жилъ одною мечтою когда-нибудь назвать васъ *своею* (слово *своею* было два раза подчеркнуто). Жалкій, бездомный, неимущій своего угла бродяга, бѣдный носильщикъ, солдатъ-волонтеръ—могъ-ли я надѣяться на такое счастіе, но я надѣялся!

«Простите мнѣ эту дерзкую мысль, простите умирающему, который скоро перестанетъ оскорблять васъ своею любовью. Но благодарю васъ, благодарю горячо за тѣ теплыя строки ваши. Я не разстаюсь съ ними, онѣ и теперь со мною, на груди, больной, страдающей, исковерканной турецкою гранатою. Даже умереть съ мыслью о васъ пріятно, отрадно... Прощайте же прощайте, мой свѣтлый ангелъ, и помяните меня хоть разъ въ своихъ святыхъ молитвахъ».

Написавъ послѣднія строки, Лео почувствовалъ, что это какъ-будто-бы и *не его*, весьма знакомое даже что-то, гдѣ-то читалъ, или со сцены гдѣ-то слышалъ, а гдѣ именно и что такое, — не припомнишь никакъ. Впрочемъ, это *знакомое* такъ хорошо соотвѣтствовало его собственнымъ чувствамъ въ данную минуту, что онъ рѣшилъ не вычеркивать уже написаннаго.

Затѣмъ слѣдовали не такъ уже аккуратно выписанныя, менѣе патетическія подробности.

Лео описывалъ бой у Пресѣки, причемъ умолчалъ, что онъ раненъ не во время боя; онъ даже описывалъ свирѣпую физіономію турка, склонившагося надъ нимъ, упавшимъ, съ окровавленнымъ ятаганомъ въ рукахъ; добавилъ даже эпизодъ чудеснаго своего избавленія и прочія подробности кроваваго боя.

Потомъ онъ разсказывалъ о томъ, какъ его доставили въ Рагузу, обстоятельно описалъ квартиру Генри Карлейля и уходъ за собою со стороны этого почтеннаго джентльмена, уже знакомаго Надѣ изъ предыдущихъ писемъ Лео; затѣмъ на письмѣ обозначались нѣсколько расплывшихся, водянистыхъ капель;

затѣмъ двѣ строки, зачеркнутыя такъ старательно, что и разобрать въ нихъ ничего не было возможно, кромѣ одного перваго слога: «люб...» затѣмъ, конечно, подпись:

«Вашъ, вашъ и никогда ничей больше,

умирающій Лео».

Долго сидѣла Надя, понуривъ свою голову; она нѣсколько разъ перечла это письмо и теперь плакала.

— Ты меня хочешь видѣть, мой дорогой, желанный,— проговорила она тихо.—Да, ты меня увидишь.—Поживи еще, подожди меня... я скоро... Слышишь, мой милый!.. Этого хочетъ твоя Надя.

— Папаша пріѣхать изволили. Кушать просятъ внизъ,— скрипнула дверью Даша.—Такіе веселые-съ пріѣхали и Шарлотта Федоровна тоже веселыя-съ свертокъ большой пронесли къ себѣ въ комнаты.

Надя переодѣлась, освѣжила заплаканныя глаза холодною водою и спрятала въ шкатулку письмо къ общей пачкѣ. Предварительно она прикоснулась къ этому письму своими губами,— украдкою, впрочемъ, отъ Даши,—и, глубоко вздохнувъ, направилась въ столовую.

X.

Въ которой князь Иванъ Аполлоновичъ исключительно заботится о будущемъ благосостояніи своей дочери.

Иванъ Аполлоновичъ и Шарлотта Федоровна были сегодня, дѣйствительно, въ очень веселомъ расположеніи духа.

Еще за двѣ комнаты Надя слышала ихъ голоса; m-me Мейеръ что-то громко разсказывала, должно быть, очень смѣшное, потому что князь смѣялся отъ души и нѣсколько разъ повторилъ: «ну! не можетъ быть... однако!» на что Шарлотта Федоровна отвѣчала: «Ну вотъ, стану я выдумывать»...

Оба они сидѣли въ маленькой гостиной, когда вошла Надя. Иванъ Аполлоновичъ двинулся къ ней навстрѣчу.

— Ба! Дитя мое,—началъ князь, взявши дочь за плечи, и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.—Ба! А вѣдь я тебя сегодня весь день не видалъ! Ну что, какъ твои дѣла, моя милая подвижница?..

Рыжекудрая красавица скромно и почтительно поклонилась вошедшей, сдѣлала даже легкое движеніе, будто-бы хотѣла привстать съ своего мѣста. Надя отвѣтила ей на поклонъ поклономъ и отвернулась.

— Ты какъ будто-бы нездорова, дитя мое?—заботливо обратился къ ней Иванъ Аполлоновичъ.—Ты блѣдна, да еще, кажется, плакала. Послушай, Надя, ты меня, ну, право-же, огорчаешь... Если ты больна...

— О, нѣтъ, папаша, я совершенно здорова, не безпокойся, пожалуйста! Я была цѣлый день на воздухѣ и устала, вотъ и все.

— А! Ну, такъ идемъ обѣдать. Я тоже все время провелъ на воздухѣ, а воздухъ возбуждаетъ аппетитъ... Я голоденъ, какъ акула. Nadine, будь съ нею немного поласковѣе; этого требуетъ и тактъ... Да и кромѣ того... вообще, ну и я прошу, очень прошу тебя объ этомъ.

Князь договорилъ вторую половину фразы, какъ говорятъ на сценѣ «въ сторону»; онъ взялъ дочь подъ руку и повелъ къ столу. Шарлотта Федоровна пошла за ними и заняла свой приборъ у суповой чашки.

— Ну-съ, чѣмъ порадуетъ сегодня нашъ chef de la cuisine, m-r Кузьма Петровъ? Ба! славная идея! Отдать развѣ ему приказъ составлять ежедневно меню и преподносить оное передъ обѣдомъ... Воображаю, какъ онъ будетъ выводить перомъ «практамьеръ!» Ха-ха! Составится преоригинальная коллекція такихъ манускриптовъ.

Князь громко расхохотался. Онъ видимо хотѣлъ казаться передъ дочерью веселымъ, довольнымъ, все уже порѣшившимъ человѣкомъ, котораго уже не мучатъ болѣе никакіе сомнительные вопросы; онъ даже намекнулъ Надѣ объ этихъ рѣшенныхъ вопросахъ, наклонившись къ ней и тихо повторивъ свое желаніе, чтобы Надя была хотя немного ласковѣе съ Шарлоттою Федоровной.

— Мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы она *оставила* нашъ домъ съ какимъ-нибудь непріятнымъ чувствомъ, — добавилъ онъ, слегка коснувшись рукою колѣна дочери и многозначительно подчеркнувъ слово *оставила*.

Шарлотта Федоровна въ эту минуту пододвинула къ Надѣ поближе блюдо съ пирожками.

— Представь себѣ, кого я встрѣтилъ сегодня,—громко продолжалъ князь.—Ну, да ты себѣ этого и предсгавить не можешь. Ну, какъ ты думаешь? Завезъ я Лоту по ея дѣлу, а самъ ѣду по набережной и вдругъ... Ну, какъ ты думаешь?

— Не знаю, право, папаша!

— Александру Павловну Шатунину, съ прехорошенькимъ ребенкомъ; мальчикъ кудрявый, бѣлокурый—прелесть.

Надя не понимала, почему эта встрѣча казалась ея отцу такою неожиданной и экстраординарной. Шатунина—это одна изъ ихъ весьма многочисленныхъ знакомыхъ, съ которою Надя ничего общаго не имѣла, видѣлась всего раза три-четыре въ жизни. А князь продолжалъ тѣмъ временемъ:

— Да, умилительная картина, молодая мать съ своимъ первымъ дѣтищемъ. Ей всего семнадцать, а мужу семьдесятъ два—ха-ха!.. Молодецъ, молодецъ!.. Жаль только, что ребенокъ такъ еще малъ, что трудно опредѣлить сходство, въ отца-ли онъ вышелъ... или...

— Какой у васъ злой языкъ, князь,—вставила при этомъ Шарлотта Федоровна и потупилась.

— Pardon, pardon. Вы мнѣ не дали договорить, я хотѣлъ сказать: или—въ его мамашу. Pardon!

Иванъ Аполлоновичъ опять расхохотался и мигнулъ Ефрему, чтобы тотъ убралъ его даже не начатую тарелку супа.

Должно быть, пребываніе на открытомъ воздухѣ не особенно возбудило княжескій аппетитъ. Онъ положительно едва прикасался къ блюдамъ во время обѣда, Шарлотта Федоровна тоже ограничилась небольшимъ количествомъ спаржи, зато очень много пила воды, подкрашивая ее чутъ-чуть жидкимъ сенжюльеномъ. Князь неудачно сравнилъ себя передъ обѣдомъ съ голодною акулою. Да и не мудрено. Послѣ плотнаго завтрака въ отдѣльной комнатѣ одного изъ загородныхъ ресторановъ, стоившаго по счету около двадцати рублей на двухъ, трудно обѣдать съ особеннымъ аппетитомъ.

Надя отлично понимала это и сразу, съ перваго своего появленія въ столовой, оцѣнила по достоинству и эти красноватыя, блуждающія пятна на отцовскомъ лбу и эту томную поволоку на глазахъ Шарлотты Федоровны.

Иванъ Аполлоновичъ болталъ и болталъ безъ умолку. Онъ уже успѣлъ разсказать шестой анекдотъ пикантнаго свой-

ства, вставивъ разъ: «pardon, Nadine, вѣдь ты теперь совершеннолѣтняя». Шестой разъ Шарлотта Федоровна, стыдливо потупляя глазки, проговорила: «фи, князь, какой у васъ злой языкъ». Все это такъ не гармонировало съ состояніемъ духа Нади, что время обѣда тянулось для нея невыносимо долго.

— Нѣтъ, это аксіома,—говорилъ князь, откидываясь на спинку стула и оглядывая стѣны столовой.—Это аксіома: русскіе купцы, какъ-бы они тамъ ни нахватались образованности, никогда не будутъ обладать вкусомъ, это аксіома. Ну, напримѣръ, можно-ли оклеивать столовую этими ужасными, кроваво-красными обоями? Чортъ знаетъ, что такое! И дорого, и аляповато! По моему, столовая должна быть отдѣлана непремѣнно темнымъ дубомъ и рѣзьбою въ русскомъ стилѣ. Стрѣлками, пѣтушками, чѣмъ-нибудь, въ родѣ этакъ мавританскаго. Я-бы все это, конечно, передѣлалъ, но стоитъ-ли,—это не то, что въ своемъ домѣ, гдѣ каждый гвоздь, каждая мелочь... все это свое, потомственное. У меня въ Ковриковѣ (князь избѣгалъ выраженія; «въ бывшемъ Ковриковѣ»), у меня въ Ковриковѣ столовая была отдѣлана карельскою березою; это тоже не дурно. Помнишь, Надя, нашу деревенскую столовую?

Надя никакъ не могла помнить этого, потому что была въ Ковриковѣ всего одинъ разъ, да и то, когда ей едва минуло три года.

— Да,—продолжалъ Иванъ Аполлоновичъ,—встрѣтилъ я еще, между прочимъ, Тузлова, Петра Ильича; домъ онъ купилъ себѣ; представь себѣ, заплатилъ десять и пріобрѣлъ домъ въ полтораста, конечно, съ небольшимъ долгомъ въ кредитное общество, но все-таки мѣсто, положимъ, не Богъ-вѣсть какое, гдѣ-то у Пяти угловъ; я-бы тамъ жить не рѣшился; но доходъ зато, около двадцати тысячъ въ годъ валового дохода... Вообще, теперь чрезвычайно выгодно пріобрѣтать дома, особенно теперь, именно теперь, въ виду сильнаго пониженія нашего курса.

— Я тоже думаю, что покупка домовъ—одно изъ самыхъ выгодныхъ предпріятій,—замѣтила отъ себя Шарлотта Федоровна.

Надя нервно зѣвнула.

— Я-бы полагалъ,—зѣвнулъ тоже и Иванъ Аполлоновичъ.—Ба! Да зачѣмъ мы сидимъ здѣсь, намъ подадутъ кофе въ маленькую гостиную... Или, знаешь что? Лучше ко мнѣ въ кабинетъ, по-

сидимъ всѣ вмѣстѣ—твой старикъ (князь кокетливо улыбнулся) понѣжится въ креслахъ. Ну, воздадимъ Господу благодарственное моленіе за насыщеніе и двинемся. «Allons!»

Князь подалъ руку дочери и многознаменательно мигнулъ Шарлоттѣ Федоровнѣ; результаты этого сигнала были таковы, что, когда всѣ трое перешли въ кабинетъ, красавица-нѣмка, посидѣвъ минуты три, для соблюденія приличія, вышла, оставивъ Надю наединѣ съ отцомъ.

— Ахъ, кстати, Надичка,—вдругъ словно вспомнилъ что-то Иванъ Аполлоновичъ, даже привскочилъ на креслѣ и, уже Богъ вѣдаетъ зачѣмъ, посмотрѣлъ на часы.—Теперь мы вотъ разговорились, поболтали немного, можно обратиться и къ дѣламъ серьезнымъ.

Надя исподлобья, вопросительно взглянула на отца, тотъ — опять на свой золотой хронометръ и даже приложилъ его къ уху.

— Я рѣшилъ, то-есть, я хотѣлъ-бы не дѣлать никакого важнаго шага, не совѣтуясь съ тобою;—я уже не молодъ, все будущее принадлежитъ тебѣ, ты уже не ребенокъ и твой голосъ, твое, такъ сказать, самоличное мнѣніе должно быть необходимо въ подобномъ случаѣ; конечно то, что я хочу тебѣ сказать вещь не особенно важная, но все-таки...

— Въ чемъ дѣло, папаша?—бросила опять дѣвушка вопросительный взглядъ на отца и опять исподлобья.

— Видишь-ли? — Представляется замѣчательный случай купить домъ, здѣсь, конечно, въ Петербургѣ. Петръ Ильичъ Тузловъ, ты, знаешь, онъ мой старый другъ, товарищъ, такъ сказать, дѣтства, онъ уже воспользовался однимъ такимъ случаемъ, что я тебѣ, если не ошибаюсь, уже говорилъ за обѣдомъ; такъ вотъ Петръ Ильичъ обѣщаетъ мнѣ устроить это дѣло. Нужно всего наличными такъ отъ тридцати пяти до сорока тысячъ; надо, впрочемъ, имѣть эти деньги непремѣнно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; положимъ, это составляетъ почти треть твоего состоянія, но вѣдь это его нисколько не уменьшаетъ, а напротивъ даже значительно увеличиваетъ... Это я тебѣ поясню подробнѣе.

Князь принялся объяснять; объясненіе выходило у него необыкновенно длинно, путано; въ это объясненіе входили самыя

замысловатыя выраженія и биржевые термины. Тутъ были и дебеты, и кредиты, и балансы, и еще какіе-то дубль-кредиты, тутъ упоминалось и о курсахъ на Лондонъ, даже въ концѣ концовъ влетѣлъ «діаметрально-пропорціональный ажіотажъ».

Двѣ бутылки шампанскаго, выпитыя княземъ за завтракомъ, дѣйствовали еще и до сихъ поръ, несмотря на три сифона сельтерской воды, послѣдовательно являвшіеся по звонку изъ княжескаго кабинета.

Въ результатѣ объясненія выходило, что Надя, затрачивая или, какъ выражался Иванъ Аполлоновичъ, перемѣщая сорокъ тысячъ съ одного мѣста на другое, немедленно выигрывала отъ одного этого перемѣщенія домъ въ триста двѣ тысячи семьсотъ пятьдесятъ три рубля. Князь любилъ точность въ цифрахъ и предварительно сдѣлалъ разсчетъ карандашемъ на розовомъ листкѣ бумаги. Листокъ этотъ, испещренный цифрами, переданъ былъ для большей наглядности въ руки княжны, та повертѣла его и положила снова на столъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло, папаша?—снова переспросила она замолчавшаго, наконецъ, Ивана Аполлоновича.

— Какъ въ чемъ? Дѣло въ томъ, что если хочешь, то я тебѣ все это устрою... Я тутъ не о себѣ, конечно, забочусь; я уже старъ, моя пѣсня спѣта. Но, какъ отецъ, заботящійся о судьбѣ своей единственной дочери, о ея будущемъ и настоящемъ или, правильнѣе, о ея настоящемъ и затѣмъ будущемъ состояніи...

— Тебѣ очень нужны деньги, папаша?

— Да; то-есть, опять-же тебѣ говорю, не мнѣ... Мнѣ зачѣмъ? Повѣрь мнѣ, дитя мое, если-бы была жива твоя мать...

Надя глубоко-глубоко вздохнула.

— Однимъ словомъ, я тебѣ дамъ сегодня вечеромъ, а можетъ быть завтра утромъ, это рѣшительно все равно, подписать кос-какія бумаги, необходимыя для начала дѣла; я хочу, что бы все дѣлалось отъ твоего имени, твоимъ именемъ и на твое имя... Ну, на сегодняшній разъ довольно, а завтра... Есть прекрасная русская пословица—основная народная мудрость говоритъ ея словами—«утро вечера мудренѣе». Я немного отдохну, а ты... Знаешь, мнѣ пришла въ голову идея: не съѣздить-ли намъ сегодня вечеромъ къ графинѣ Огулъ-Болтаевой?..

— Нѣтъ, папаша, я сегодня никуда не поѣду,—отвѣчала Надя, замѣчая, что ей пора уже уходить изъ кабинета.

— Ну, какъ хочешь, я не стѣсняю—мой принципъ никого и ни-ко-гда-а-а не стѣснять.

Князь протяжно зѣвнулъ, понажалъ пружины у креселъ, спинка, вслѣдствіе этого нажатія, приняла болѣе наклонное положеніе. Надя встала и вышла изъ кабинета, а князь немедленно-же задремалъ, съ легкимъ носовымъ посвистываньемъ.

А Шарлотта Федоровна въ это время диктовала своей Эммѣ нѣмецкую записку, въ которой убѣдительно просила monsieur Брехунковича заѣхать сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, къ мадамъ Андріе-модисткѣ, гдѣ будетъ ожидать его особа, ему хорошо извѣстная и гдѣ онъ можетъ дать этой особѣ полезный совѣтъ, какъ опытный юристъ, а затѣмъ отъ его любезности будетъ зависѣть,куда они, вдвоемъ съ этою особою, направятся провести остальную часть вечера.

Мадамъ Мейеръ никогда не писала сама и не подписывала подобныхъ записокъ: она по личному опыту знала уже хорошо, какія могутъ быть послѣдствія подобной неосторожности.

XI.

Сцена примиренія и послѣдовавшее затѣмъ дѣловое утро.

Послѣобѣденная дремота князя продолжалась часа два, затѣмъ онъ вышелъ изъ дома «pour prendre l'air», какъ онъ обыкновенно объяснялъ встрѣчнымъ знакомымъ свое безцѣльное шатаніе по улицамъ, затѣмъ часа черезъ три вернулся домой и на лѣстницѣ встрѣтился съ Краснобаевымъ, спускавшимся уже внизъ.

— А, князь, добрый вечеръ!—привѣтствовалъ его адвокатъ.—Я заходилъ къ вамъ, не засталъ васъ и просидѣлъ нѣсколько минутъ съ княжною;—я ей говорилъ, что это просто грѣхъ, въ такую погоду сидѣть дома, тѣмъ болѣе, что, по нашему питерскому климату, такіе вечера выдаются рѣдко.

— Да, да, mon cher; я вотъ и самъ, чтобы немного освѣжиться, знаете «pour prendre l'air...» А, что!?. Прощайте!

Князь не вынималъ руки изъ кармана своего пальто, юристъ тоже постарался уклониться отъ рукопожатій, и оба

пріостановились только на одно мгновеніе на площадкѣ лѣстницы и разошлись каждый своей дорогой.

— Долго тутъ сидѣлъ *этотъ*?— спросилъ Иванъ Аполлоновичъ у Ефрема, снимая пальто.

— Съ часъ мѣста будетъ-съ,—отвѣчалъ тотъ,—посидѣли въ гостиной; ихъ сіятельство Надежда Ивановна принять приказали и выходили-съ, а барыни дома нѣтъ, то есть Шарлотты Федоровны, приказали доложить вашему сіятельству, что тетенька у нихъ захворали внезапнымъ случаемъ, такъ чтобы не изволили безпокоиться, если запоздаетъ.

— Какая тамъ еще тетенька нашлась, — недовольнымъ тономъ проворчалъ князь.

Встрѣча съ Краснобаевымъ подѣйствовала на него не совсѣмъ пріятно: онъ его инстинктивно уже не долюбливалъ и путнаго для себя изъ этихъ адвокатскихъ совѣщаній дочери ничего не предвидѣлъ. Лота тоже куда-то къ тетенькѣ запропастилась, будетъ не скоро; дочь сверху тоже, вѣроятно, не спустится, къ этому онъ уже привыкъ хорошо. Перспектива провести весь остатокъ вечера одному, въ своемъ кабинетѣ, не особенно улыбалась князю, а опять уйти изъ дома неловко какъ-то передъ прислугой. Онъ было попытался на всякій случай послать за дочерью, но та отказалась спуститься, приславъ отвѣтъ, что она уже въ постели. Дѣлать нечего, приходилось запереться одному въ кабинетѣ и отъ скуки начать пересматривать свои стереоскопическія коллекціи, любимое занятіе Ивана Аполлоновича.

Надя посылала за Краснобаевымъ, сообщила ему о предполагаемой покупкѣ дома, заручилась нѣкоторыми на сей предметъ юридическими наставленіями, выслушала еще разъ взгляды адвоката на семейную жизнь, дала даже позволеніе monsieur Краснобаеву прикоснуться толстыми губами къ ея пальчикамъ и пообѣщала поѣхать завтра, къ отъѣзду пассажирскаго поѣзда, на Варшавскій вокзалъ, гдѣ, какъ говорилъ юристъ, должна разыграться, по случаю проводъ громадной партіи добровольцевъ, одна изъ этихъ «потрясающе-грандіозныхъ сценъ пробужденія чувства высокаго народнаго патріотизма».

Пріѣдя къ себѣ, Надя занялась писаніемъ къ Лео; она писала долго, долго, перепачкала даже всѣ пальцы чернилами, раза два задумывалась, даже какъ будто-бы плакала, затѣмъ

разорвала на мелкіе клочки все написанное и почему-то вспомнила вдругъ о двухъ прехорошенькихъ совершенно парныхъ сакъ-вояжахъ, видѣнныхъ ею недавно на Морской, въ окнѣ магазина чемоданныхъ и прочихъ дорожно-предметныхъ дѣлъ мастера Ниссена.

Затѣмъ Надежда Ивановна раздѣлась, отпустила Дашу, хотѣла было уже потушить свѣчу, какъ услышала по лѣстницѣ, ведущей въ ея комнату, легкій шелестъ шелковаго платья... Было ровно три часа ночи...

— Что еще это такое?—промелькнуло въ головѣ княжны; она даже приподнялась на постели.

Въ ея комнату, внеся съ собою сильный запахъ резеды, смѣшанный съ легкимъ букетомъ «Силлери-сэкъ», скромно опустивъ глаза, почему-то заплаканныя, тихо и плавно не вошла, а вплыла какъ-то Шарлотта Федоровна.

Этого посѣщенія, да еще такъ поздно, Надя никакъ уже не ожидала.

— Nadine!..

Рыжекудрая красавица моментально очутилась у постели княжны и сѣла у ногъ Нади.

— Что вамъ угодно, Шарлотта Федоровна?—съ недоумѣніемъ смотрѣла на нее дѣвушка.

— «Шарлотта Федоровна»... что *вамъ* угодно,—укоризненно повторила та вопросъ Нади.—А вѣдь было время, когда вы говорили мнѣ «ты» и называли просто «Лота», а не Шарлотта Федоровна.

Красавица вдругъ принялась рыдать, опустилась на колѣни на коврикъ и прижалась лицомъ къ постели.

— Да что съ вами?.. Богъ съ вами!.. Что вы дѣлаете?!.. Шарл...

Надя попыталась было приподнять эту полновѣсную, плачущую даму, но это оказалось не по ея силамъ.

— Что съ вами?—повторила она свой вопросъ.—Да успокойтесь-же ради Бога и объяснитесь.

У нея проснулось что-то вродѣ участія къ рыдающей истерически, значитъ, чѣмъ-нибудь да страдающей-же женщинѣ. Она даже хотѣла позвать Дашу на помощь, протянула было руку къ колокольчику.

— Не надо, не надо!—простонала Шарлотта Федоровна.—

Зачѣмъ? . Вотъ я и спокойна, вотъ и прошло... Это просто... Это, видите-ли... Я не выдержала, я шла сюда, чтобы проститься съ вами, мой дорогой другъ (Шарлотта Федоровна сдѣлала движеніе, будто-бы хотѣла поцѣловать руку Нади, та поспѣшила избѣжать этого поцѣлуя). —Я вспомнила все прошлое, все то время, когда мы такъ дружески относились одна къ другой... Вашъ холодный, сухой вопросъ огорчилъ меня, я и не выдержала. Простите-же, княжна, мнѣ эту слабость, она была невольнымъ порывомъ моего сердца.

— Я не хотѣла оскорбить васъ, Шарлотта Федоровна, повѣрьте мнѣ,—перебила ее Надя.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ это. Вы правы, вы тысячу разъ правы. Я виновата во всемъ, я и пришла къ вамъ первая.

Надя инстинктивно протянула ей руку.

— Не такъ, не такъ!..—ринулась на нее Шарлотта Федоровна и крѣпко сжала ее въ своихъ горячихъ, ароматическихъ объятіяхъ.

Она цѣловала дѣвушку долго-долго, привела своими порывистыми движеніями въ полный безпорядокъ ея уютную постельку, сбила подушки, стянула одѣяло на полъ, и затѣмъ, рванувшись къ зеркалу, освѣжила себя пудрою, прыснула на руки одеколономъ, потерла виски и тяжело опустилась на стулъ недалеко отъ взбудораженной кровати.

— Я пришла сюда, Nadine, чтобы проститься съ вами и вѣроятно навсегда... Не своею волею, не по своей винѣ, я ворвалась въ вашу семью. Я не интриганка бездушная... Я... я любила вашего отца .. Я... я... (Шарлотта Федоровна опять-было захотѣла плакать, но раздумала). —Теперь я оставляю вашъ домъ, а мнѣ было-бы такъ больно разстаться съ вами, мой другъ, не примирившись. Не думайте обо мнѣ дурно... Я вовсе не такая негодная, злая, какъ, можетъ быть, кажусь съ виду. Ну, такъ помиримтесь-же и разстанемся друзьями.

— Я очень рада...—начала-было Надя.—«То-есть чему-же это рада?—задала она себѣ мысленно этотъ вопросъ;— тому-ли, что madame Мейеръ оставляетъ ихъ домъ,— такъ высказывать это въ данный моментъ какъ-будто-бы не совсѣмъ удобно».

— Такъ мы теперь друзья?.. Да, да? – просіяла Шарлотта Федоровна.— Друзья, попрежнему?

— Я очень рада,—повторила Надя, обрадовавшись, что это выраженіе не принято въ дурную сторону.

— А какъ будетъ радъ Jean, ватъ папаша!.. Я сейчасъ-же, сейчасъ пойду объявить ему о нашемъ примиреніи.

— Какъ сейчасъ? Теперь уже пятый часъ. Онъ, вѣроятно, раздѣтъ и спитъ,—удивилась Надя.

— О, ничего, это ничего... Ахъ, да, вы правы,—спохватилась Шарлотта Федоровна,—ну, завтра утромъ, завтра непремѣнно. Я вамъ помѣшала спать, другъ мой, я *тебя*... Вѣдь можно мнѣ опять назвать васъ—ты?.. Я тебя разбудила. Ну, прости. Спи покойно... до завтра. Спи, мой милый, дорогой другъ, спи, моя прежняя Надя!

Шарлотта Федоровна опять поцѣловала дѣвушку нѣсколько разъ, послала, уже въ дверяхъ, воздушный поцѣлуй и зашелестѣла платьемъ по лѣстницѣ.

— Что-бы все это значило?— подумала Надя.

Сначала она было искренно повѣрила рыжекудрой красавицѣ, оставившей въ ея комнатѣ пряный, возбуждающій запахъ резеды и шампанскаго, затѣмъ все это стало казаться ей очень подозрительнымъ, затѣмъ Даша просунула свое курносое личико въ дверь и шопотомъ произнесла:

— Барышня, а Шарлотта Федоровна такъ и промчались прямо къ папашѣ въ спальню. Онѣ затѣваютъ что-то недоброе. Послѣ обѣда съ онѣ нѣмку свою къ воздахтору своему посылали, а потомъ и сами туда-же ѣздили. Потомъ-съ вернулись, не совсѣмъ ладно-съ, и бумагу какую-то передали Ивану Аполлоновичу...

— Ступай спать!—крикнула на нее Надя и поспѣшила дунуть на свѣчку.

На другой день они всѣ трое пили утренній кофе вмѣстѣ; этого давно уже не случалось въ домѣ Ивана Аполлоновича; князь имѣлъ крайне серьезный, дѣловой видъ, у Шарлотты Федоровны болѣла голова; она была нѣсколько блѣднѣе, чѣмъ всегда, и пила кофе безъ сливокъ, нажавъ въ чашку лимоннаго соку...

За Надей оба они ухаживали, какъ за ребенкомъ, услуживая ей наперерывъ, предупреждая малѣйшее ея желаніе.

Послѣ завтрака князь съ дочерью заперлись въ кабинетѣ. Тамъ Иванъ Аполлоновичъ далъ ей прочесть какую-то бумагу, которую слѣдовало подписать немедленно по прочтеніи.

Это была довѣренность на имя князя на выпутіе изъ банка изъ капитала, оставшагося по завѣщанію покойной княгини-матери дочери ея, то-есть самой Надѣ, части сего капитала въ размѣрѣ...

— Почему-же пятьдесятъ тысячъ, папаша? — удивилась Надя, прочтя цифру, выписанную словами и, кромѣ того, каллиграфически выведенную цифровыми знаками. — Вѣдь ты вчера говорилъ, что надо всего только сорокъ?..

— Какъ пятьдесятъ?! Не можетъ быть?!—удивился-было немного Иванъ Аполлоновичъ, пристально присмотрѣлся, даже зачѣмъ-то на свѣтъ прикинулъ.—Да, да,—продолжалъ онъ,—такъ пятьдесятъ, такъ и нужно, впрочемъ... вѣдь это все равно; вѣдь это не обязательно, разъ вынувъ, такъ и тратить все; это на всякій случай... Знаешь-ли, могутъ выйти какія-нибудь экстренныя надобности...

— Экстренныя надобности,—въ раздумьи повторила Надя,—да, это очень можетъ быть...

— Ну, вотъ, ну, вотъ... Однако, уже поздновато... Ого-го!.. Первый часъ, терять времени нельзя. Ну, подпиши, Надя!.. Вотъ тутъ, съ этого мѣста... Я тебѣ продиктую... вотъ тутъ: «Къ сему...

Черезъ минуту довѣренность уже была подписана Надей, и они оба вмѣстѣ поѣхали въ банкъ а передъ обѣдомъ князь уже ощущалъ въ боковомъ карманѣ сюртука тяжелую, плотно, крестообразно оклеенную бандеролями пачку новенькихъ сторублевыхъ, изъ которой Надя собственноручно тамъ-же, въ банкѣ, вынула десять тысячъ и спрятала ихъ къ себѣ особо. По ея мнѣнію, эти десять тысячъ были излишними для покупки дома, а лежатъ-ли онѣ у нея или въ бюро отца, это все равно. Князь Иванъ Аполлоновичъ хотя и былъ весьма озадаченъ такимъ, въ нѣкоторомъ родѣ, самоуправствомъ со стороны дочери, но счелъ за лучшее въ данное время ей этого не высказывать и въ желаніи сохранять эти деньги въ ея шкатулкѣ не препятствовать.

Шарлотта Федоровна ликовала и отдала приказаніе Эммѣ готовить ей на ночь теплую ванну.

А спустя дня два послѣдовало событіе, для князя Ивана Аполлоновича уже совершенно неожиданное.

XII.

День безпокойствъ и волненій.

Событію этому предшествовалъ день волненій и безпокойствъ для нѣкоторыхъ лицъ моего разсказа.

Во-первыхъ, безпокоился и волновался m-sieur Краснобаевъ. Онъ забрался на вокзалъ Варшавской желѣзной дороги чуть не за два часа до отхода поѣзда и все это время акуратно простоялъ подъ навѣсомъ подъѣзда, несмотря на то, что погода нѣсколько поиспортилась, шелъ мелкій дождь и вдобавокъ поднялся препепріятный вѣтеръ, пронизывавшій насквозь плотную адвокатскую фигуру.

Краснобаевъ наблюдалъ всю перспективу широкой дороги, ведущей отъ поворота съ канала къ подъѣзду; онъ не спускалъ глазъ именно съ этого поворота, пристально всматриваясь въ экипажи и ихъ пассажировъ.

То и дѣло, покачиваясь и подозрительно поскрипывая на своихъ размякшихъ рессорахъ, къ подъѣзду двигались тяжеловѣсныя извощичьи кареты, въ нѣдрахъ которыхъ, за массою всевозможныхъ саквояжей, картонокъ, узловъ и подушекъ, чуть-чуть выглядывали головы пассажировъ; не безъ европейскаго шика подкатывались дилижансы отелей съ ливрейными кучерами и комиссіонерами на козлахъ и съ одинокимъ пассажиромъ внутри. Пассажиръ такой непремѣнно имѣлъ видъ крайне серьезный и въ каждомъ движеніи своемъ соблюдалъ достоинство, доходящее даже до нѣкоторой величественности... Во всю прыть неслись коляски и собственныя кареты, запряженныя кровными парами. Скромно, даже нѣсколько не доѣзжая, останавливались извозчики-одиночки, высаживая на мокрую отъ дождя панель своихъ всегда при этомъ торопящихся разсчитаться пассажировъ. Подходили и пѣшіе путешественники съ багажемъ и безъ багажа, подошла даже цѣлая артель въ лаптяхъ и съ сапогами за спиною, навьюченною громаднѣйшими мѣшками съ харчами, одеждою и *струментомъ*. Артель эта сунулась было въ поѣздъ, да ее заворотили и направили куда-то въ обходъ, вдоль безконечнаго каменнаго забора, выкрашеннаго желтою краскою. Все это было такъ обыкновенно, такъ обыденно и, понятно, не могло интересовать адво-

ката, а онъ все стоялъ и ждалъ; онъ только на минуту, рысью, сбивая съ ногъ и толкая встрѣчныхъ, сбѣгалъ къ буфету и пропустилъ рюмку коньяку, да и то раскаявался уже въ этомъ поступкѣ.

— А ну, какъ *она* въ этотъ-то самый моментъ и подъѣхала?—думалъ онъ, сильно обезпокоившись такимъ предположеніемъ, и даже обратился съ вопросомъ къ жандарму:

— А что, братецъ, не подъѣзжала сюда сейчасъ дама, такая, не очень полная, въ черной шляпкѣ съ бѣлымъ перышкомъ?

Жандармъ плечами только передернулъ, тряхнувъ въ отрицательномъ смыслѣ своими красными наплечниками.

— Вотъ сичасъ прошла одна такая,—подвернулся парень въ фартукѣ и съ номерованною бляхою на рукавѣ;—вотъ сей минутъ шмыгнула, съ перомъ, такъ точно...

— Гдѣ, гдѣ? Куда прошла?

— Да никуда не прошла, а вонъ сидитъ, третья скамейка за дверью, съ купцомъ разговариваетъ...

Кинулся по указанному направленію m-sieur Краснобаевъ, совсѣмъ не то, хотя дѣйствительно не безъ пера, плюнулъ съ досады и вернулся на свой наблюдательный пунктъ.

А экипажи уже подъѣзжаютъ все рѣже и рѣже. Кто-то подскакалъ во весь карьеръ, подгоняя извозчика кулакомъ въ шею. Второй звонокъ чуть слышно донесся съ желѣзнодорожной платформы.

— Не можетъ быть, чтобы она опоздала! —мучился m-sieur Краснобаевъ и снова направился въ залы, гдѣ уже было довольно пусто, ибо все ринулось занимать мѣста въ вагонахъ, и только около буфетныхъ столиковъ двѣ-три группы ѣдущихъ и провожающихъ наскоро допивали *посошки*, съ акомпанементомъ звучныхъ поцѣлуевъ...

Обѣгавъ залы, пролетя стрѣлою по всей платформѣ, да еще два раза отъ самаго локомотива до послѣдняго вагона, адвокатъ снова появился на подъѣздѣ, даже рискнулъ выйти изъ подъ навѣса на жертву дождю. До него доносились теперь посвистываніе локомотива, послѣдній перезвонъ, отголоски не особенно дружнаго ура! «Потрясающая грандіозная сцена пробужденія высокаго чувства народнаго патріотизма» была имъ пропущена, но это его не особенно огорчало. Не сегодня, такъ завтра—вѣдь это теперь каждый день повторяется. Отчего-же

не пріѣхала Надя? Поѣхать развѣ справиться, узнать. Неловко какъ-будто, а впрочемъ...

Краснобаевъ рѣшился, наконецъ, ѣхать и крикнулъ своему извозчику: подавай!

— Дома нѣтъ-съ,—отвѣчалъ на вопросъ адвоката швейцаръ Миронычъ,—и князь уѣхали, и эта барыня—тоже-съ, а когда будутъ, не знаю. Потрудитесь наверхъ подняться, тамъ, можетъ, знаютъ-съ.

— Всѣ трое вмѣстѣ уѣхали?—полюбопытствовалъ Краснобаевъ.

— Князь съ барынею вмѣстѣ, а княжна еще съ утра, особо,—докладывалъ швейцаръ.—Да пожалуйте наверхъ!

Но адвокатъ наверхъ подниматься не заблагоразсудилъ, постоялъ съ минуту въ дверяхъ, изобразилъ на своемъ лицѣ крайнее недоумѣніе, сѣлъ въ дрожки и на вопросъ, куда прикажете, сердито крикнулъ:

— Пошелъ прямо!

Во-вторыхъ, волновался самъ князь Иванъ Аполлоновичъ, но княжескія волненія были совсѣмъ иного рода. «Дипломатическая побѣда», какъ онъ шутливо выразился, сообщая обо всемъ случившемся Шарлоттѣ Федоровнѣ, сперва было вызвала въ немъ нѣкоторую радость и самодовольство, но зато потомъ, когда князь вникнулъ хорошенько въ самую суть этой побѣды и ея результаты, княжеское самодовольство смѣнилось пренепріятнымъ чувствомъ сознанія сдѣланнаго имъ... Князь долго подбиралъ подходящее слово, опредѣляющее значеніе его подвига, и все-таки эти подбиранія сводились на одно—пресквернное слово—«мошенничество».

— То есть, какое-же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, мошенничество?—думалъ и передумывалъ Иванъ Аполлоновичъ.—Вѣдь это, если разсмотрѣть съ другой стороны, это просто... «и все-таки мошенничество», твердилъ въ немъ внутренній голосъ, вотъ уже болѣе сутокъ волновавшій его мозги, лишившій его аппетита и даже сна, однимъ словомъ, терзавшій нравственную натуру Ивана Аполлоновича невыносимо.

Сознаніе это не замедлило явиться почти въ первыя-же минуты совершенія факта. Когда князь, не пересчитывая пачекъ, укладывалъ ихъ въ свое бюро, эти аккуратныя, чи-

стенькія пачки словно жгли его руки... Ему даже непріятно было смотрѣть на эти деньги и онъ торопливо захлопнулъ ящикъ бюро и энергичнѣе, чѣмъ слѣдовало, два раза повернулъ ключомъ.

Весь этотъ день князь провелъ очень дурно и былъ не въ духѣ. Онъ нѣсколько разъ посылалъ узнать, дома-ли княжна, и если дома, то просить ее *потолковать къ папашѣ*. Каждый разъ Ефремъ докладывалъ его сіятельству, что ея сіятельство, княжна Надежда Ивановна, дома не находятся. И странно, такой отвѣтъ Ефрема доставлялъ князю нѣкоторое даже удовольствіе. Иванъ Аполлоновичъ какъ-будто боялся ея взгляда, серьезнаго, покойнаго, какъ будто все понимающаго, устремленнаго на него не строго, а какъ-то не то съ легкимъ презрѣніемъ, не то съ жалостью, однимъ словомъ, такого взгляда, который заставлялъ его, князя, смотрѣть нѣсколько въ сторону, какъ смотритъ на строгаго, но любимаго учителя провинившійся школьникъ.

Затѣмъ Иванъ Аполлоновичъ, одинокій, сидя въ своемъ кабинетѣ, почувствовалъ даже что-то вродѣ суевѣрнаго ужаса; этотъ ужасъ вселилъ въ него портретъ его жены: глаза этого портрета смотрѣли, ну точь въ точь, какъ глаза его дочери; куда-бы князь ни двинулся, какъ ни отворачивался, эти глаза упорно слѣдили за каждымъ его движеніемъ и довели, наконецъ, до того, что князь рѣшился уѣхать и нѣсколько освѣжиться.

Предпринятая имъ прогулка и посѣщеніе нѣкоторыхъ знакомыхъ, даже небольшая партія любимаго имъ виста съ назначеніемъ не привели къ желаннымъ результатамъ, и когда князь вернулся домой, то въ головѣ его созрѣлъ новый планъ,— а именно, бросить всю эту исторію, снова положить деньги въ банкъ и сказать дочери, что покупка дома не состоялась и дѣло это откладывается до болѣе удобнаго случая.

Съ этимъ благимъ рѣшеніемъ, разомъ облегчившимъ душу Ивана Аполлоновича, онъ снова послалъ за дочерью и снова получилъ отвѣтъ, что княжна домой еще не возвращалась. Князь съ безпокойствомъ взглянулъ на часы, было уже четверть перваго—странно!.. Надя такъ поздно нигдѣ не засиживалась, особенно когда была гдѣ-нибудь безъ него.

Отдавъ приказаніе просить дочь зайти къ нему тотчасъ-

же по возвращеніи домой, Иванъ Аполлоновичъ расположился комфортабельно на кушеткѣ, перелистывая первую попавшуюся ему на глаза книгу, внимательно прислушиваясь, не раздастся-ли изъ передней желанный звонокъ, но прошелъ часъ, прошелъ другой, звонка не было слышно...

— Не вернулась-ли она по другой лѣстницѣ?—мелькнуло въ головѣ князя.

— Княжна еще не возвращались,—снова доложилъ Ефремъ, четвертый уже разъ посланный княземъ съ однимъ и тѣмъ-же порученіемъ.

— А Шарлотта Федоровна?—спросилъ Иванъ Аполлоновичъ своего камердинера.

— Горничная ихъ сказала, что легли почивать, должно быть, значитъ дома!—отвѣчалъ тотъ.

— Почивать легла,—повторилъ князь.

Его воображеніе тотчасъ-же набросало ему всю обстановку почиванія рыжекудрой красавицы, и его сіятельство изволили улыбнуться, сказавъ Ефрему:

— Ну, ступай.

— Даша говорила, что княжна къ баронессѣ изволили уѣхать, засидятся тамъ можетъ поздно и започуютъ,—сообщилъ Ефремъ, остановившись на порогѣ.—Дашѣ княжна приказали до часу ждать, а тамъ спать ложиться.

— А, ну, хорошо...—замѣтилъ, нѣсколько успокоившись, Иванъ Аполлоновичъ,—иди и ты спать.

Князь переодѣлся въ шлафрокъ и туфли и снова сѣлъ въ кресло, выжидая, когда его камердинеръ уберется, забравъ съ собою для чистки всѣ доспѣхи княжескаго костюма.

Нѣсколько минутъ спустя, Иванъ Аполлоновичъ вздрогнулъ, какъ вздрагиваетъ боевой конь, заслышавъ отдаленный звукъ призывной трубы... Гдѣ-то легко щелкнула задвижка дверей, въ спальнѣ князя послышался мягкій шелестъ юбокъ, и голосъ Шарлотты Федоровны чуть слышно прошепталъ:

— Jean! ты еще не спишь?..

Весь этотъ день волновалась такъ-же и Шарлотта Федоровна.

Она очень хорошо знала натуру Ивана Аполлоновича и отлично понимала, что, пока деньги не въ ея собственныхъ

рукахъ, до тѣхъ поръ ея цѣль еще не достигнута. Она также посылала справляться, дома-ли княжна, она боялась могущаго произойти объясненія отца съ дочерью и рѣшила во что-бы то ни стало воспрепятствовать этому объясненію. Отсутствіе Нади ее радовало; она, впрочемъ, не пыталась разузнавать о причинѣ этого отсутствія.

Волненіе madame Мейеръ отчасти раздѣлялъ и m-sieur Брехунковичъ, проведшій съ рыжекудрой красавицей нѣсколько часовъ въ излюбленномъ ими, для подобныхъ совѣщаній, пунктѣ.

Но болѣе всѣхъ волновалась горничная Даша: ей ввѣрена была тайна, которую она должна была хранить ровно двое сутокъ. Шутка-ли, сорокъ восемь часовъ знать такія интересныя и важныя вещи и не смѣть проболтаться объ этомъ ни однимъ словомъ, ни даже однимъ намекомъ. Къ чести Даши,—она безукоризненно выполнила до конца свой многотрудный подвигъ и выдержала искусъ блистательно.

XIII.

Семейная катастрофа.

На другой день утромъ обѣ горничныя, Эмма и Даша, хотя и не сговариваясь другъ съ другомъ, даже подозрительно косясь одна на другую, вышли вмѣстѣ изъ дома и долго маневрировали, стараясь незамѣтно одна отъ другой приблизиться къ одному и тому-же пункту; этотъ пунктъ былъ зеленый почтовый ящикъ, повѣшенный на углу большого желтаго дома казарменной архитектуры. Обѣ дѣвушки, размѣнявшись при сей оказіи нѣсколькими колкостями, сунули въ щель ящика каждая по письму и бѣгомъ пустились обратно, игнорировавъ замѣчаніе извозчика, назвавшаго ихъ почему-то «козами мокрохвостыми».

Письмо, опущенное въ ящикъ Эммою, было отъ Шарлотты Федоровны къ Брехунковичу, въ которомъ та сообщала своему повѣренному, что дѣло ихъ отчасти и удалось, но не совсѣмъ, ибо князь положимъ что обѣщалъ отдать ей деньги въ руки, не менѣе даже тридцати тысячъ, но деньги эти пока еще лежатъ въ бюро князя. А достать эти деньги какимъ-нибудь другимъ способомъ она не рѣшалась, и потому

рѣшила ждать, когда князь исполнитъ свое обѣщаніе, скрѣпленное его честнымъ словомъ.

Второе письмо, опущенное въ ящикъ Дашею, спустя какой-нибудь часъ времени, было вынуто оттуда дежурнымъ почтальономъ и, послѣ обыденныхъ формальностей, помѣтки и припечатанія въ почтовомъ отдѣленіи, было тѣмъ-же почтальономъ доставлено обратно, ибо на конвертѣ крупнымъ почеркомъ написано было: «Его сіятельству, князю Ивану Аполлоновичу Пестрому-Коврикову», а затѣмъ значились соотвѣтствующіе—названіе улицы и нумеръ дома.

Съ перваго взгляда на конвертъ, Иванъ Аполлоновичъ узналъ почеркъ дочери; предчувствіе чего-то недобраго выразилось и въ этомъ нервномъ дрожаніи княжескихъ рукъ, неловко разрывавшихъ обложку письма, и въ блѣдности его лица, и въ звукѣ его голоса, когда онъ обращаясь къ Ефрему, стоявшему передъ нимъ въ выжидательной позѣ, съ серебрянымъ подносикомъ въ рукѣ крикнулъ:

— Ну, чего ты стоишь? Ступай... Постой... да, что я хотѣлъ сказать? Кто принесъ?

— Почтальонъ принесъ, кому-же больше?.. По городской, значитъ,—отвѣчалъ Ефремъ.

— Какой почтальонъ?

Князь, тупо взглянувъ на слугу, положилъ полураспечатанное письмо на столъ и сталъ закуривать сигару, позабывъ даже предварительно ее обрѣзать, затѣмъ бросилъ ее на полъ, взялъ другую и снова уставился глазами на Ефрема; тотъ почтительно попятился, раздвинувъ спиною портьеру, и вышелъ, осторожно притворяя за собою дверь.

— Зачѣмъ-же письмо? что это такое?—бормоталъ про себя Иванъ Аполлоновичъ, косясь на этотъ лежавшій на столѣ бѣлый, надорванный четвероугольникъ... Ему вдругъ страшно стало, онъ даже перекрестился и нѣсколько минутъ нервно ходилъ по кабинету, изъ угла въ уголъ, каждый разъ задѣвая о спинку своего кресла, отодвинутаго отъ стола почти на самую средину комнаты.

— Что-жъ это она мнѣ пишетъ, почему не просто говоритъ со мною; зачѣмъ это по почтѣ, откуда-же это?

Онъ взялся за колокольчикъ, хотѣлъ позвонить и послать узнать, дома-ли княжна, да нѣтъ, должно быть, нѣтъ—иначе зачѣмъ-же?

— Прочтемъ, прочтемъ,—бодрилъ себя Иванъ Аполлоновичъ; ему вдругъ ни съ того, ни съ сего припомнилась вѣчная поговорка Тузлова за вистомъ, когда тотъ въ ожиданіи хода своего партнера произносилъ обыкновенно: «а что намъ пишутъ изъ провинціи?«..

Иванъ Аполлоновичъ наконецъ рѣшился, перекрестился еще разъ и осторожно развернулъ большой листъ крупно исписанной голубоватой бумаги, Богъ вѣсть какъ умѣстившейся въ такомъ сравнительно маленькомъ конвертикѣ.

Письмо начиналось отдѣльно и выше стоящимъ словомъ «отецъ»; за этимъ словомъ слѣдовалъ энергичный, даже сопровождаемый чернильною кляксою, восклицательный знакъ. Это начало, этотъ знакъ съ кляксою еще болѣе смутили Ивана Аполлоновича.

— Зачѣмъ это «отецъ!», что такое «отецъ!» почему не папаша? Ну, тамъ—добрый папаша, уважаемый папаша, ну, что-нибудь въ этомъ родѣ, какъ всегда. А тутъ—отецъ! Прочтемъ, прочтемъ,—недоумѣвалъ князь.

Руки у него дрожали такъ сильно, въ глазахъ помутилось, читать не было никакой возможности, надо успокоиться,—а какъ?

Снова началось нервное шаганье по кабинету съ задѣваньемъ кресла. Иванъ Аполлоновичъ обмахивался письмомъ какъ вѣеромъ и, наконецъ, подойдя къ окну и облокотившись обоими локтями на эластичную подушку, покрывавшую мраморный подоконникъ, продолжалъ чтеніе.

Вотъ что писала своему отцу Надя:

«Отецъ!

«Я пишу тебѣ потому, что желала-бы и себя и тебя самого избавить отъ личныхъ объясненій. Эти объясненія были-бы мнѣ въ тягость; я не думаю, чтобы и тебѣ они доставили особенное удовольствіе, развѣ только заставили-бы тебя еще разъ прибѣгнуть къ какой-нибудь лжи, еще разъ показаться передъ глазами дочери въ такомъ не особенно привлекательномъ видѣ, какъ... ну, хоть, напримѣръ, въ такомъ, въ какомъ ты былъ за обѣдомъ, когда говорилъ мнѣ о небывалой покупкѣ фантастическаго дома.

«Какъ дочь, я должна любить и уважать своего отца; я

тебя и люблю, то есть, если правильно опредѣлить, что я къ тебѣ чувствую, то это скорѣе жалость, нежели дѣйствительная любовь. Эта жалость во мнѣ такъ сильна, что я Богъ-вѣсть на что-бы ни рѣшилась, чтобы видѣть тебя инымъ, лучшимъ, не такимъ, какимъ ты сталъ въ послѣднее время. Уважать тебя я не въ состояніи; и ты самъ виноватъ, кругомъ виноватъ въ этомъ...

«Я тебѣ не судья. Я не берусь, я не могу имѣть на тебя то сильное вліяніе, которое имѣла моя покойная мать, но я еще не отчаяваюсь, что когда-нибудь увижу тебя совсѣмъ въ иномъ, лучшемъ свѣтѣ; я полагаюсь на твою собственную, нравственную работу надъ самимъ собою; тебѣ только нуженъ толчокъ, и толчокъ сильный.

«Не стану лгать, не ради только одного этого толчка я уѣзжаю отъ тебя совсѣмъ; нѣтъ, тутъ причиною и другія, болѣе близкія для меня обстоятельства. Если я тебѣ ихъ не сообщу, то потому только, что ты давно уже потерялъ право на мою откровенность. Но все-таки я надѣюсь, что и этотъ мой отъѣздъ, и это письмо, написанное передъ отъѣздомъ, послужатъ чѣмъ-нибудь вродѣ этого желаннаго нравственнаго толчка,—дай Богъ!

«Я должна тебя предупредить, что куда я ѣду, зачѣмъ, объ этомъ никто не знаетъ, значитъ, мой отъѣздъ можетъ и не надѣлать никакого скандала и тебѣ предоставляется полное право объяснить мой поступокъ какъ хочешь.

«Ты долженъ быть только увѣренъ, что твоя дочь не сдѣлаетъ ничего, что-бы могло заставить тебя краснѣть за нее; она не сдѣлаетъ ничего, несогласнаго съ чувствомъ чести и долга.

«Подписывая довѣренность, отдавая тебѣ деньги, я желала только подѣлиться съ тобою тѣмъ, что я сама имѣю; я тебѣ отдала значительную часть моего состоянія и этого тебѣ довольно, чтобы устроить твои дѣла и жить прилично и безъ нужды, конечно, если ты будешь жить одинъ, а не съ *этою*... Кстати и о ней. Мой совѣтъ — прогони ее немедленно; это лучшее, что ты можешь теперь сдѣлать.

«Я-бы тебѣ могла представить цѣлый рядъ доказательствъ ея притворства, обмановъ и всякихъ гадостей, зачѣмъ поднимать всю эту грязь, ты долженъ на слово повѣрить своей дочери, которая никому еще не солгала ни разу, а тебѣ тѣмъ болѣе.

«Если ты думаешь передать эти деньги ей или, можетъ быть, уже передалъ, тѣмъ для тебя хуже.

«Если хочешь писать мнѣ, пиши въ Бѣлградъ, Сербія, poste restante; я тебѣ не говорю этимъ, что я ѣду именно туда, я тебѣ скажу болѣе, что тамъ, хотя я и буду, но еще не скоро, никакого-же другого адреса я тебѣ не сообщу, находя это совершенно безполезнымъ».

«Я распорядилась такъ, что въ минуту, когда ты получишь это письмо, я буду уже далеко, даже за границею; а потому не дѣлай глупостей въ видѣ попытокъ догнать меня и остановить, это будетъ совершенно безполезно.

. . . . . .

... Въ эту минуту за портьерой кабинета послышался легкій шорохъ шелковаго шлейфа и крахмальныхъ юбокъ и серебристый, веселый голосокъ, спрашивающій:

— Jean, peut on entrer?

Иванъ Аполлоновичъ вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго удара; онъ сразу даже не узналъ этого хорошо знакомаго ему голоса, и когда, вслѣдъ за вопросомъ, въ трехугольникѣ тяжелыхъ драпировокъ появилось розовое, полное лицо красавицы, съ сверкающими бѣлизною зубками, съ роскошнымъ ореоломъ золотистыхъ волосъ, князь только испуганно замахалъ на нее руками и взглянулъ такъ, что madame Мейеръ поспѣшила отступить и спрятаться за портьерой.

Тяжело переводя дыханіе, дрожа, какъ въ лихорадочномъ пароксизмѣ, Иванъ Аполлоновичъ продолжалъ чтеніе:

«Если съ тобою случится что-нибудь непріятное, если ты не сумѣешь и теперь устроить свою жизнь или, правильнѣе, остатокъ этой жизни, то помни, что твоя дочь вовсе для тебя не потеряна, помни также, что *въ ея семьѣ* (слова «въ ея семьѣ» были подведены волнистою черточкою) ты всегда найдешь покой, теплый уголъ и кусокъ хлѣба. Мое-же къ тебѣ уваженіе и полное забвеніе прошлаго зависятъ отъ тебя самого.

«Считаю нужнымъ добавить, что слѣдить за тобою и увѣдомлять меня обо всемъ, что ты дѣлаешь и какъ живешь, я никому не поручила. Я желаю знать о тебѣ только изъ твоихъ собственныхъ писемъ, а отличить въ этихъ письмахъ ложь отъ правды я постараюсь. Ты самъ хорошо долженъ понять всю сущность этого намека.

«Я не взяла съ собою никакого багажа, онъ-бы меня только стѣснилъ. Прикажи Дашѣ привести все въ моей комнатѣ въ порядокъ и уложить въ комоды. Я не желаю, чтобы какая-нибудь бездѣлушка, какая-нибудь ненужная тряпка попала въ *ея* руки. Въ *ея* спальнѣ есть фотографія. Мы обѣ съ нею въ одной группѣ, уничтожь немедленно, это можетъ меня компрометтировать...

«Проценты съ оставшагося въ банкѣ моего капитала ты пока можешь получать, я уже распорядилась объ этомъ. Жалованье Дашѣ выдавать аккуратно, хотя-бы она и захотѣла поступить на другое мѣсто. Образъ Георгія Побѣдоносца, въ ризѣ складной, что стоитъ справа отъ Спасителя, на угловомъ столикѣ и золотой стаканчикъ съ головкою бульдога подари отъ моего имени старику Миронычу, швейцару, на память... Кажется, теперь все...

«Доканчиваю это письмо, съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы ты былъ сильно огорченъ, но не самымъ письмомъ, а обстоятельствами, его вызвавшими. Если это письмо вызоветъ какую-нибудь безобразную вспышку гнѣва на писавшую его, то-есть—на меня, мнѣ будетъ это очень жаль, и ты будешь совершенно неправъ, обвиняя меня въ чемъ-бы то ни было.

«Искренно желаю также снова увидаться съ тобою, но только не такимъ, какимъ я тебя оставляю... Не говорю тебѣ: ни прощай, ни до свиданья,— и то, и другое зависитъ также отъ тебя самого.

Дочь твоя Надежда».

Несмотря на то, что письмо было написано ясно и толково, князю показалось, что онъ какъ будто-бы не понялъ смысла этого письма. Онъ перечелъ его раза два; подробности второй половины письма особенно заняли его вниманіе, онъ даже старался припомнить, какой это такой золотой стаканчикъ съ головкою бульдога, о которомъ шла рѣчь. Нѣсколько разъ онъ поднималъ обѣ руки кверху и сжималъ ими свою голову. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ творится что-то неладное, въ головѣ пренепріятное ощущеніе пустоты и холода, дыханіе затруднилось. Онъ дышалъ усиленно, полною грудью, а воздуха мало, не хватаетъ... Тяжело давитъ въ груди и ноги подкашиваются. Дойти-бы до кресла скорѣе и сѣсть, — трудно, ужасно трудно, словно притянула какая-то сила къ этому

подоконнику и держитъ, не даетъ шагу ступить. И съ окномъ тоже что-то случилось, стекла позеленѣли и стали какія-то матовыя, чуть-чуть только пропускаютъ свѣтъ и совсѣмъ сквозь нихъ ничего не видно, а прежде было хорошо видно; князь это очень хорошо помнилъ: прямо бѣлый карнизъ съ капителями колоннъ; подъ нимъ орнаменты оконъ, въ видѣ какихъ-то трехугольныхъ фронтончиковъ и на этихъ фронтончикахъ вѣчно голуби сизые и бѣлые, всѣ съ головками бульдоговъ—это совсѣмъ не тамъ, это стаканчики на карнизѣ и гоняетъ ихъ оттуда швейцаръ Мироныч, солидный швейцаръ на угольномъ столикѣ...

. . . . . .

Первая вбѣжала въ кабинетъ Шарлотта Федоровна. Она все время стояла за дверью, она даже подсматривала изъ-за портьеры и рванулась къ упавшему на коверъ ничкомъ Ивану Аполлоновичу. Она даже крикнула: «эй, люди, Ефремъ!» Потомъ оглянулась, схватила письмо, зажатое между холодными пальцами все еще державшей его руки, спрятала это письмо къ себѣ за лифъ, потрогала пальцами бронзовыя украшенія въ видѣ какихъ-то сердечекъ съ крылышками подъ каждымъ замкомъ ящиковъ бюро, безплодно потянула даже за какое-то колечко и, заслышавъ шаги Ефрема, усиленно принялась звонить колокольчикомъ и кричать:

— Ефремъ! Люди!—Сюда скорѣе... Воды! Доктора, доктора!..

Вслѣдъ за Ефремомъ, влетѣвшимъ какъ бомба въ кабинетъ, прибѣжали и обѣ горничныя. Всѣ трое принялись возиться около князя, перетащили его на кушетку, разстегнули пуговицы жилета, обильно полили его водою съ ногъ до головы, совали къ носу поочередно всѣ флакончики и баночки, какіе только нашлись на княжескомъ туалетѣ... Эмма совѣтовала натереть грудь и животъ теплымъ молокомъ съ перцемъ, Даша настаивала на жженыхъ перьяхъ. Ефремъ, наконецъ, догадался, выругалъ обѣихъ сороками, приказалъ отворить окошко и держать «головку ихъ сіятельства повыше» и полетѣлъ за докторомъ, благо напротивъ—черезъ улицу только—жилъ нѣкій эскулапъ, награвировавшій на своей мѣдной, дверной доскѣ и свое имя, и спеціальность, и даже часы пріема... Шарлотта Федоровна болѣе всего заинтересовалась письмомъ, надѣлавшимъ всю эту кутерьму, и, спрятавшись въ угловой

гостиной за жардиньеркою, жадно перечитывала писаніе Надежды Ивановны.

Злость, ненависть къ дѣвушкѣ исказили красивое лицо madame Мейеръ; губы ея сжались и вздрагивали. Она даже позеленѣла отъ злости, особенно, когда дошла до второй половины, до распорядковъ Нади по хозяйству. Она тотчасъ-же сбѣгала къ себѣ и спрятала указанную въ письмѣ фотографическую группу, затѣмъ устремилась наверхъ къ Надѣ, съ пламеннымъ желаніемъ исковеркать тамъ все, что только попадется подъ руку, но, къ несчастію для нея, дверь оказалась запертою на ключъ предусмотрительной Дашей и набѣгъ рыжекудрой красавицы остался безъ желанныхъ результатовъ.

Тѣмъ временемъ «держаніе головки его сіятельства повыше», а главное, открытое настежь окно и хлынувшая въ него волна живительнаго свѣжаго воздуха начали уже оказывать свое благотворное дѣйствіе. Князь открылъ глаза и потянулся. Когда Ефремъ возвратился съ докторомъ, юркимъ жидкомъ во фракѣ съ металлическими пуговицами, то князь уже сидѣлъ въ креслахъ и Даша вытирала его смоченную голову сухимъ полотенцемъ. Жидокъ пощупалъ пульсъ, выслушалъ біеніе сердца, выстукалъ, гдѣ слѣдуетъ, приподнялъ пальцемъ вѣки, пристально посмотрѣлъ зрачки, произнесъ глубокомысленное «гмъ» и сообщилъ, что это былъ легкій истерическій припадокъ, сопровождавшійся обморокомъ и нервнымъ шокомъ, перевелъ даже это по-латыни, затѣмъ по-французски, пощупалъ еще разъ виски и кисти рукъ, присѣлъ къ столу, исписалъ цѣлый, изрѣзанный на узенькія ленточки, листъ бумаги, посовѣтовалъ чашку горячаго бульона и рюмку портвейна, получилъ десять рублей и скрылся, пообѣщавъ навѣдаться еще разъ попозже.

XIV.

Нѣсколько словъ о томъ, что послѣдовало далѣе.

Первымъ движеніемъ Ивана Аполлоновича, когда онъ пришелъ въ сознаніе, было письмо Нади. Его въ кабинетѣ, несмотря на всѣ старанія Даши и Ефрема отыскать это письмо, не оказалось. Камердинеръ сообщилъ свое предположеніе, «что, молъ, не взяли-ли съ собою Шарлотта Федоровна», и самъ

испугался того дѣйствія, которое произвело на князя произнесенное имъ имя.

— Развѣ здѣсь была эта?..—крикнулъ Иванъ Аполлоновичъ, произнося при этомъ такое слово, что Даша вспыхнула и отвернулась, а Ефремъ боязливо оглянулся на портьеру.

По нѣкоторымъ соображеніямъ рѣшено было, что похитительницею письма не могъ быть никто другой, какъ именно это заподозренное Ефремомъ лицо. Послали за Шарлоттою Федоровною. Та заперлась у себя и объявила, что она такъ больна, такъ больна, что положительно не можетъ встать съ постели. Эмма уже донесла ей обо всемъ, сообщивъ и выраженіе Ивана Аполлоновича. Князь послалъ сказать, что онъ самъ пожалуетъ и тогда будетъ хуже. Дѣлать нечего, пришлось объясняться. Люди были удалены, что не мѣшало имъ слышать всю сцену объясненія, что сопровождалось разными замѣчаніями и подбадриваніями вполголоса вродѣ: «Валяй ее, валяй... Ого! Ишь какъ ловко огрызнулась. Ну, тоже бой-баба!..» «Однако и нашъ крѣпко держится. Ай, страсти какія!» и тому подобное.

Въ кабинетѣ даже раздавались вопли Шарлотты Федоровны, кричавшей:— «вы подлецъ, подлецъ... Ваша дочь!..» затѣмъ звукъ полновѣсной пощечины, звукъ, отъ котораго Ефремъ только вздохнулъ и схватился почему-то за свою собственную щеку, а Даша отбѣжала съ своего наблюдательнаго поста на середину комнаты. Затѣмъ все на минуту стихло и слышались только рыданіе мадамъ Мейеръ и шаги Ивана Аполлоновича, измѣрявшаго по діагонали свой кабинетъ.

Минутъ черезъ десять князь вышелъ и распорядился послать за коляскою; вышла и Шарлотта Федоровна вся красная, съ приведенной въ полнѣйшій безпорядокъ шевелюрой и величественно направилась въ свои апартаменты. Иванъ Аполлоновичъ одѣлся съ помощью Ефрема и поѣхалъ на Елагинскую стрѣлку. Ему нуженъ былъ воздухъ, просторъ. Онъ страшно усталъ, ослабѣлъ, но, несмотря на это, былъ крайне доволенъ собою; спускаясь съ лѣстницы, онъ привѣтствовалъ почтительно рипувшагося отворять двери Мироныча благосклонно-величественными словами: «спасибо другъ!», сопровождаемыми даже трехрублевою бумажкой.

Часамъ къ десяти вечера князь вернулся съ прогулки и

заперся у себя въ кабинетѣ. Шарлотта Федоровна тоже заперлась у себя.

Княжескій домъ раздѣлился на два военныхъ лагеря, между которыми началась дипломатическая переписка и продолжалась ровно до четырехъ часовъ ночи. Результаты этой переписки были слѣдующіе:

Шарлотта Федоровна должна въ трехдневный срокъ очистить занимаемое ею помѣщеніе въ квартирѣ князя и выѣхать куда ей угодно.

Оффиціальные мотивы ея внезапнаго отъѣзда: такъ какъ княжна Надежда Ивановна Пестрая-Коврикова достигла, даже перешла уже совершеннолѣтній возрастъ и уѣхала на неопредѣленный срокъ за границу, то она болѣе не нуждается въ компаньонкѣ. О всемъ-же происшедшемъ Шарлотта Федоровна обязуется хранить молчаніе.

Князь тоже съ своей стороны долженъ не разглашать ничего, что бы могло вредно повліять на репутацію m-me Мейеръ, и выдать даже ей похвальный аттестатъ, какъ способной, нравственно и безукоризненно столько лѣтъ въ его домѣ жившей воспитательницы и компаньонки.

Шарлотта Федоровна обязуется возвратить князю послѣднее письмо его дочери, не показывая его никому предварительно и не списывая съ него копіи, даже и просто на память, уже не говоря о какихъ-либо другихъ, болѣе предосудительныхъ цѣляхъ.

За это князь обязуется уплатить десять тысячъ, для чего они оба сойдутся на нейтральномъ пунктѣ, то-есть завтра утромъ въ столовой за кофе.

Размѣнъ письма на деньги долженъ послѣдовать изъ рукъ въ руки, безъ постороннихъ свидѣтелей.

Фотографія, «группа», должна быть возвращена также Шарлоттою Федоровною, равно какъ и всѣ портреты самого князя Ивана Аполлоновича, которому, между прочимъ, сохраняется право удержать у себя всѣ портреты m-me Мейеръ, за исключеніемъ только одного медальона, синяго эмалеваго съ сѣрой жемчужиной посерединѣ; этотъ медальонъ долженъ быть возвращенъ Шарлоттѣ Федоровнѣ.

M-me Мейеръ имѣетъ право взять съ собою всю мебель, находящуюся въ данный моментъ въ ея спальнѣ и будуарѣ, и пару булевскихъ столиковъ изъ гостинной.

Этимъ послѣднимъ пунктомъ дипломатическая переписка заканчивалась. Черезъ два дня, за день даже до установленнаго срока, отъ подъѣзда дома тяжело тронулась парная фура общества перевозки движимостей, увозя на новую квартиру и зеркала, и пружинную парижскую постель, и булевскіе столики, все, составляющее по договору собственность рыжекудрой красавицы. Сама она уже толковала съ новою квартирною хозяйкою, осматривая, насколько удобно расположенъ двойной выходъ изъ ея будущей спальни.

Впрочемъ, наканунѣ своего выѣзда, Шарлотта Федоровна дѣлала попытки возстановить свое прежнее положеніе въ домѣ Ивана Аполлоновича; она опять маневрировала въ уборной, но сколько ни позировала передъ трюмо, какъ ни грохотала посудою, какъ ни плескалась, граціозно позируя въ ваннѣ,— зеленая занавѣсочка надъ маленькою дверью не поднималась. Она, впрочемъ, не отчаявалась въ успѣхѣ и рѣшила положиться на всепримиряющее, всякіе недуги излечивающее, всесильное время.

А Иванъ Аполлоновичъ держался крѣпко на своихъ позиціяхъ. Для бодрости духа онъ по нѣсколько разъ въ день перечитывалъ выкупленное письмо дочери и часто, стоя передъ портретомъ своей умершей жены, ломая почему-то руки и пристально вглядываясь въ фотографію, шепталъ:

— Вся въ мать, вся въ мать... живая покойница...

XV.

Князь Иванъ Аполлоновичъ приходитъ къ убѣжденію, что ему необходимо совершить высокій, героическій подвигъ.

Тяжело было переносить Ивану Аполлоновичу первое время своего полнаго одиночества.

Въ опустѣлыхъ апартаментахъ княжеской квартиры было тихо, какъ въ могилѣ. Повару не пришлось привести въ исполненіе идею Ивана Аполлоновича — ежедневнаго писанія обѣденнаго меню; онъ былъ разсчитанъ за ненадобностью. Князь не могъ обѣдать одинъ и уѣзжалъ для этого или къ кому-либо изъ знакомыхъ, или въ рестораны. Изъ всей прислуги оставлены были только Ефремъ и Даша, къ которой

Иванъ Аполлоновичъ, въ память дочери, питалъ нѣчто вродѣ покровительственно-отеческаго чувства. Порядокъ домашней жизни измѣнился совершенно; вся обстановка получила видъ квартиры стараго холостяка, рѣдко бывающаго дома; на столахъ, на шифоньерахъ, на всемъ, даже на высыхающихъ листьяхъ тропическихъ растеній, залегла толстымъ слоемъ пыль, на коврахъ валялись неубранные окурки сигаръ... Ефремъ сталъ появляться въ комнатахъ уже не во фракѣ, а въ какой-то засаленной курточкѣ и безъ перчатокъ; онъ даже утреннія газеты сталъ подавать не на подносѣ, какъ прежде было заведено, а по-просту, въ рукахъ... Всѣхъ подобныхъ безпорядковъ Иванъ Аполлоновичъ не потерпѣлъ-бы въ прежнее время, а теперь онъ смотрѣлъ на все равнодушно, какъ будто даже не замѣчая всего, что вокругъ него происходило.

Онъ скучалъ и скучалъ невыносимо. Онъ часто поднимался наверхъ въ комнаты дочери. Въ противоположность нижнимъ апартаментамъ здѣсь все дышало чистотою и уютностью; онъ просиживалъ по часу на мягкомъ голубомъ табуретѣ съ золоченымъ деревомъ,—на этомъ табуретѣ всегда сидѣла Надя,—съ любопытстомъ разсматривалъ всѣ бездѣлушки убранства, всѣ детали меблировки этой комнаты; прежде вѣдь онъ и не заглядывалъ сюда, и все здѣсь имѣло для него прелесть чего-то новаго, все это напоминало ему его дочь, все это... Впрочемъ, все это не мѣшало ему спускаться внизъ и заходить также въ бывшіе апартаменты Шарлотты Федоровны. Тамъ онъ обыкновенно глубоко вздыхалъ и, стоя посреди комнаты (сѣсть было уже не на чѣмъ), унылымъ взглядомъ окидывалъ эти оголенныя стѣны съ обоями, попорченными гвоздями, съ темноватыми пятнами сырости, обозначавшими мѣсто, гдѣ стояли роскошный умывальникъ рыжекудрой красавицы и прочія принадлежности ея омовеній. Воображеніе не разъ рисовало ему красивыя, полныя нѣги и граціи формы прежней обитательницы этихъ покоевъ, но князь упорно гналъ отъ себя дальше прочь эти соблазнительные образы, хотя однажды, послѣ многословныхъ дипломатическихъ предисловій, поручилъ Ефрему навести справки: «Что, молъ, какъ *эта*... Какъ тамъ живетъ, кто бываетъ у нея»... и прочее, и прочее..

Ефремъ передалъ это благосклонное, хотя нѣсколько щекотливое порученіе Дашѣ. Та узнала все, что нужно, даже болѣе

того. Любопытство Ивана Аполлоновича было вполнѣ удовлетворено, хотя докладъ камердинера не особенно утѣшилъ князя и даже заставилъ его разсердиться, ибо Ефремъ, польщенный нѣкоторою фамильярностью, неизбѣжною при исполненіи такихъ порученій, далъ волю своему языку и сообщилъ разныя пикантныя подробности, современныя даже пребыванію Шарлотты Федоровны въ княжескомъ домѣ, заставивъ этимъ Ивана Аполлоновича почувствовать заднимъ числомъ угрызенія ревности и оскорбленнаго самолюбія.

Спустя нѣсколько дней послѣ катастрофы, когда все улеглось и устроилось уже по новому, Иванъ Аполлоновичъ предпринялъ рядъ визитовъ по всѣмъ своимъ семейнымъ знакомымъ, составивъ предварительно подробный списокъ и маршрутъ. Въ каждомъ домѣ князь, начиная съ погоды и переходя «*къ современному патріотическому движенію, разгоравшемуся по поводу событій на Балканскомъ полуостровѣ въ русскомъ обществѣ*», кончалъ однимъ и тѣмъ-же, даже почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, только съ небольшими варіаціями.

Онъ разсказывалъ о томъ высокомъ христіанскомъ подвигѣ, который взяла на себя его дочь, и разсказывалъ такимъ образомъ:

— Вы не повѣрите, графъ или баронесса, или что-нибудь другое, смотря по обстоятельствамъ,—говорилъ Иванъ Аполлоновичъ,—какая возвышенная душа, какая энергія сказалась въ моей Надѣ; мнѣ, какъ отцу, конечно, не слѣдуетъ говорить такъ о дочери, но я не могу, я не въ состояніи умолчать... Я безпристрастно сужу обо всемъ и всегда... Да, что ни говорите, а кровь, порода—великое дѣло.—Ну, конечно, и воспитаніе тоже, примѣръ покойницы матери...

Князь при этихъ словахъ обыкновенно дѣлалъ легкую паузу и глубоко вздыхалъ, а то такъ даже вынималъ платокъ и, нѣсколько отвернувшись отъ собесѣдника, прикладывалъ этотъ платокъ къ глазамъ...

— Вѣдь какъ ни говорите, а здѣсь уже не слова,—нѣтъ, здѣсь уже дѣло. Дѣвушка молодая, красавица, прекрасно обставленная въ свѣтѣ, и вдругъ оставляетъ все и идетъ туда, повинуясь единственно чистому голосу своего сердца, и куда идетъ, на что рѣшается?!. Лишенія, опасности, кругомъ одни страданія. страшныя сцены смерти и отчаянія... Она не боится

всего этого, безъ страха идетъ она туда и несетъ съ собою утѣшеніе страдальцамъ, помощь безпомощнымъ... Это уже не слова,—нѣтъ, это дѣло!..

Большинство знакомыхъ, слушая разсказъ Ивана Аполлоновича, упрекало Надю, въ его лицѣ, за то, что она уѣхала, не сказавъ никому ни слова, не простившись, и тѣмъ лишила ея друзей возможности засвидѣтельствовать ей свое глубокое уваженіе, почествовать, какъ подобаетъ, отъѣздъ подвижницы...

— Нѣтъ, вы неправы,—возражалъ на это Иванъ Аполлоновичъ.—Она именно и боялась всего этого, она такъ скромна: проводы ее-бы только смутили...

Тутъ князь принимался жестоко уклоняться отъ истины и давалъ полную волю своему воображенію. Онъ разсказывалъ, какъ Надя, наканунѣ отъѣзда, замѣтьте—только наканунѣ своего отъѣзда,—открылась во всемъ ему, своему отцу, какъ онъ самъ уговаривалъ ее сперва оставить свою идею, но потомъ не могъ, не въ силахъ былъ возражать на ея честные, полные святого энтузіазма доводы и самъ благословилъ ее на великое дѣло; какъ онъ уговаривалъ ее, между прочимъ, отложить отъѣздъ дня на два, предлагалъ устроить парадный прощальный вечеръ и даже молебствіе на дому, но что Надя и слышать обо всемъ не хотѣла и онъ покорился. Какъ потомъ они оба поѣхали на желѣзную дорогу совершенно инкогнито, подъ предлогомъ поѣздки до Гатчины, не далѣе, какъ онъ провожалъ ее до этой станціи, какъ она рыдала на его груди, какъ онъ самъ рыдалъ, какъ ихъ слезы сливались вмѣстѣ, какъ, наконецъ, онъ вернулся въ Петербургъ уже одинъ безъ своей дорогой Нади, какъ, даже по дорогѣ, заходилъ въ Исаакіевскій соборъ и тамъ, часа два, стоя на колѣняхъ въ самомъ отдаленномъ, темномъ углу этого колоссальнаго созданія Монферана, горячо молился, призывая на дочь благословеніе Всевышняго.

Князь все это разсказывалъ съ такимъ непритворнымъ чувствомъ, съ такимъ неподдѣльнымъ жаромъ, что вызывалъ слезы на глазахъ у слушателей, особенно слушательницъ, а съ графинею Огулъ-Болтаевой сдѣлался даже легкій истерическій припадокъ.

Одного дня не хватило Ивану Аполлоновичу на его визиты;

онъ и къ концу второго дня еще не кончилъ своего объѣзда и все говорилъ и говорилъ... Кончилось тѣмъ, что на тридцать седьмомъ визитѣ онъ уже самъ искренно вѣрилъ своимъ собственнымъ разсказамъ и такъ былъ наэкзальтированъ, что, забывъ свое мудрое рѣшеніе слѣдовать примѣру Петра Ильича Тузлова—«думать прежде о своихъ, а потомъ о чужихъ», не пропускалъ ни одной кружки, ни одного сборнаго блюда, ни одного подписного листа безъ щедраго вклада съ своей стороны. Разъ только нѣсколько смутился, именно въ ту минуту, когда по ошибкѣ опустилъ вмѣсто пяти пятидесяти-рублевку;—сдѣлай онъ эту ошибку передъ открытымъ блюдомъ или подписнымъ листомъ, онъ-бы не такъ огорчился, а то въ темную кружку, и еще предложенную ему не дамой изъ порядочнаго общества, а какимъ-то старичкомъ, отставнымъ военнымъ, съ костылемъ и подвязаннымъ чернымъ шелковымъ платкомъ вѣчнымъ флюсомъ...

Объѣзжая по списку своихъ знакомыхъ, князь, между прочимъ, узналъ много новаго и интереснаго; въ послѣднее время онъ вѣдь больше сидѣлъ дома или выѣзжалъ съ Шарлоттою Федоровною, съ которой мало приходилось разговаривать о политикѣ и обо всемъ, что съ нею связывалось... Теперь-же онъ узналъ, во-первыхъ, какая масса пожертвованій скопляется для отсылки славянамъ, узналъ, что даже лица оффиціальныя, высоко-поставленныя въ административномъ мірѣ, занялись этимъ дѣломъ и оказываютъ общему движенію свое покровительство; узналъ также, какое множество «*даже порядочныхъ людей*» собираются *туда* ѣхать или уже вправду уѣхали...

Доброволецъ рисовался сначала въ представленіи Ивана Аполлоновича чѣмъ-то бездомнымъ, существомъ, которому и терять было нечего, авантюристомъ, наемною шпагою или сумасбродомъ фанатикомъ, которому здѣсь, дома, препятствуетъ начальство проявлять свои разрушительные инстинкты, такъ онъ туда стремится, гдѣ этимъ милымъ инстинктамъ никто препятствовать не будетъ, а даже окажутъ покровительство и поощреніе. Теперь-же, когда князь увидѣлъ этотъ длинный списокъ титулованныхъ именъ, когда узналъ въ этомъ спискѣ массу людей своего круга, даже очень хорошихъ своихъ зна-

комыхъ, то перемѣнилъ мнѣніе о добровольцахъ вообще и о петербургскихъ въ особенности; онъ даже и не называлъ ихъ теперь добровольцами, а не иначе, какъ крестоносцами. Это второе выраженіе онъ находилъ болѣе возвышеннымъ, а потому и болѣе соотвѣтствующимъ предмету.

Что особенно поразило Ивана Аполлоновича, такъ это то, что въ числѣ этихъ крестоносцевъ оказались многіе, не проявлявшіе до сихъ поръ никакой воинственности, даже никогда не служившіе въ военной службѣ, а комфортабельно засѣдавшіе въ разныхъ министерскихъ департаментахъ. Онъ былъ положительно озадаченъ, когда узналъ, что даже Петръ Ильичъ, почтенный Петръ Ильичъ Тузловъ, человѣкъ сырой, въ лѣтахъ и практикъ, вопреки даже своей теоріи невмѣшательства въ чужое дѣло, и тотъ двинулся... Правда, говорили, что онъ двинулся только по направленію къ Балканскому полуострову и въ предвидѣніи чего-то жаренаго въ воздухѣ, въ Одессѣ и даже въ Галацѣ на Дунаѣ, законтрактовалъ подъ будущіе склады по два большихъ хлѣбныхъ магазина, законтрактовалъ пока на годъ, но съ правомъ возобновить еще контрактъ на таковой-же срокъ, даже болѣе—значитъ, Петръ Ильичъ, если двинулся, то съ практическою цѣлью, однако, все-таки двинулся, не усидѣлъ на мѣстѣ, и на него, значитъ, подѣйствовало общее возбужденіе, этотъ пороховой дымъ, поднимающійся надъ Балканами, потянувшійся на сѣверъ, волною охватившій изъ конца въ конецъ весь русскій воздухъ, нервно щекотавшій патріотическіе носы всего люда русскаго. Въ добрый часъ!

Результатомъ всѣхъ этихъ свѣдѣній вышло то, что Иванъ Аполлоновичъ вдругъ вспомнилъ, что и онъ тоже когда-то служилъ въ военной службѣ, воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, вышелъ оттуда корнетомъ въ голубые кирасиры, отбылъ два кампамента въ Красномъ селѣ, собирался даже подъѣзжать ординарцемъ къ покойнику императору... Правда, все это было давно, даже очень давно, но все-таки было.

. . . . . .

Кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро князь долго просматривалъ свои бумаги, перечиталъ изъ конца въ конецъ свой коротенькій послужной списокъ, внесенный въ него указъ

объ отставкѣ, поморщился немного передъ словами: «предъявитель сего отставной поручикъ»...—и, одѣвшись, поѣхалъ лично въ литографію, гдѣ на особенно-заказанныхъ бланкахъ съ княжескою короной заказалъ напечатать сотню пригласительныхъ записокъ, въ которыхъ значилось, что «Князь Иванъ Аполлоновичъ Пестрый-Ковриковъ, отъѣзжая за границу, въ Сербію, для поступленія въ ряды борцовъ за свободу», приглашаетъ такого-то (здѣсь былъ пробѣлъ для собственноручнаго вписанія имени), пожаловать къ нему на прощальный обѣдъ, имѣющій быть такого-то числа въ шесть съ половиною часовъ вечера.

Весь слѣдующій день Иванъ Аполлоновичъ провелъ, каллиграфически выводя на еще сырыхъ, только что принесенныхъ изъ литографіи бланкахъ имена приглашаемыхъ и бойко, министерски расчеркивалъ внизу свою собственную фамилію.

Ефрему поручено было закупить два большихъ чемодана, сундукъ съ переплетами для запаса крахмальныхъ рубахъ и ручные саквояжи четырехъ размѣровъ. Портному были тоже сдѣланы подходящіе заказы, но прежде всего куплена у Скосырева бѣлая военная фуражка съ голубымъ околышемъ, въ которой князь и выѣхалъ изъ магазина, оставивъ тамъ свою соломенную шляпу.

XVI.

Прощальный обѣдъ.

Прежде всѣхъ о рѣшеніи Ивана Аполлоновича ѣхать узналъ, конечно, приказчикъ въ магазинѣ Скосырева, примѣрявшій военную фуражку на княжескую голову, затѣмъ швейцаръ Миронычъ, и все по случаю той же фуражки.

— Ваше сіятельство?—вопросительно взглянулъ старикъ, высаживая князя изъ коляски.

— Да, братъ, ѣду,—молодцовато произнесъ князь,—намъ, старымъ солдатамъ, нельзя сидѣть дома въ такое время.... нельзя, братъ. Сердце заговорило... Былъ кто-нибудь?..

— Никого не было... то бишь, господинъ Сапуновъ... или нѣтъ-съ, господинъ, эхъ, фамилью забылъ, они карточку оставили, а то больше никого не было. Ваше сіятельство?..

— Что ты, братецъ?

Князь удивленно взглянулъ на старика; тотъ смотрѣлъ на него такъ ласково, такъ любовно; сѣдая голова его тряслась на своемъ высокомъ красномъ воротникѣ, слезы на глазахъ навертывались.

— Ваше сіятельство... Господь Богъ сподобилъ... Онъ, Творецъ милостивый... Ваше сіятельство!

Не договорилъ старикъ, совсѣмъ заплакалъ и, всхлипывая, принялся цѣловать замшевыя перчатки Ивана Аполлоновича. Тотъ тоже расчувствовался и чмокнулъ Мироныча въ его морщинистый лобъ.

— Да, братецъ, ѣду,—повторилъ онъ и въ отличномъ настроеніи духа, шагая черезъ двѣ ступеньки съ прыткостью не по лѣтамъ, сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Вѣсть объ отъѣздѣ князя быстро облетѣла весь домъ и произвела даже нѣкоторое волненіе. Управляющій домомъ даже приказалъ справиться: какъ-же, молъ, насчетъ квартиры? Камердинеръ Ефремъ мучился сомнѣніемъ, какое на его счетъ выйдетъ опредѣленіе: возьмутъ-ли ихъ сіятельство его съ собою, или также какъ и повару воспослѣдуетъ разсчетъ за ненадобностью. Эти мучительныя сомнѣнія были разсѣяны разомъ словами его сіятельства:—«приготовься къ отъѣзду, далеко и надолго». Ефремъ торжествовалъ и, по случаю сего торжества, угостилъ Дашу вѣнскимъ пивомъ въ портерной, напротивъ, гдѣ разсказывалъ чудеса о Сербіи и что тамъ такія душки—сербянки, что на — вотъ, отдай все, да и мало...

— Удивительно,—презрительно пожимала плечиками Даша, тщательно подбирая свои крахмальныя юбочки.—Удивительно! черныя всѣ, какъ головешки, цыганки все единственно и табакъ за щеку кладутъ.

— Это точно, что онѣ брупетки, эти самыя сербовки, однако, не цыганки, потому одной вѣры съ нами, православныя,—замѣтилъ камердинеръ сосѣдняго графа изъ собственнаго дома.—Опять-же, насчетъ кладки табаку за щеку; этого что-то въ газетахъ нигдѣ не было писано,—въ газетахъ даже и въ иностранныхъ.

— Да уже тамъ какія ни на есть, а все лучше нашихъ... хе, хе!..—подталкивалъ локтемъ въ бокъ Дашу расходившійся Ефремъ.—Нашимъ далеко, все равно, какъ, значитъ, квасъ пиву не пара, «люблимъ», первый сортъ!

— Свинья ты, право, и съ сюблимомъ своимъ,—порѣшила хорошенькая горничная.—Сербовки тоже, глядя на такое овечье рыло, пальчика своего, мизинца вотъ этакого, лизнуть тебѣ не дадутъ, не то что-либо другое.

— Ну, это мы посмотримъ, это мы увидимъ. Первое дѣло я буду на линіи офицера и при револьверѣ, а это что-нибудь да значитъ тоже.

— А вы, Дарья Семеновна, вотъ что, — совѣтовалъ знакомый почтальонъ, зашедшій тоже на минуточку въ портерную, —вы купите, въ аптекѣ есть такая трава и называется трава вѣрности, вы ему этой самой травы...

— Стану я всякую траву жрать, что я лошадь что-ли?— огрызнулся Ефремъ, — а что, господинъ почтальонъ, вы-бы, вмѣсто травы, да сообщили-бы намъ, какія телеграмости есть изъ Алексинаца, или съ Зайчара? Нѣтъ-ли чего-нибудь съ города Дрины? Вотъ вы намъ что разскажите.

Ефремъ успѣлъ уже позапастись кое-какими свѣдѣніями и даже заучилъ для шика, чтобы при разговорѣ блеснуть знаніемъ, нѣкоторые заголовки телеграммъ и имена дѣятелей современныхъ событій. Онъ тоже послѣдовалъ примѣру своего барина и купилъ себѣ военную фуражку, только чисто бѣлую безъ кокарды; ему ужасно хотѣлось красную, гусарскую, но Иванъ Аполлоновичъ не разрѣшилъ такой вольности; высокіе сапоги и сумку черезъ плечо носить Ефрему было дозволено; въ такомъ нарядѣ онъ даже служилъ князю и распоряжался оффиціантами во время торжественнаго прощальнаго обѣда.

А обѣдъ готовился на славу. Иванъ Аполлоновичъ забылъ, какъ онъ восторгался такъ недавно скромностью своей дочери, уѣхавшей инкогнито и безъ всякой помпы, и поступалъ совершенно въ противоположномъ духѣ.

Обѣдъ былъ заказанъ Борелю. Повара изъ этого ресторана съ утра забрались на опустѣлую кухню княжеской квартиры. Роскошный столъ былъ сервированъ въ залѣ, декорированъ канделябрами, хотя въ нихъ никакой надобности и не предвидѣлось, вазами съ живыми цвѣтами, серебряными бадьями для шампанскаго и тропическими растеніями; въ двухъ простѣнкахъ между окнами, также въ цвѣтахъ и зелени, поста-

влены были столы съ водками и ордевромъ и какимъ ордевромъ! Тутъ были и окорока изъ Вестфаліи, артистически нарѣзанные ломтиками тоньше почтовой бумаги, и какъ кораллъ красные омары чудовищныхъ размѣровъ, страсбургскіе пироги, стеклянныя вазы съ икрою, тончайшіе сыры, начиная отъ самыхъ сухихъ, подернутыхъ насквозь зеленою плѣсенью, до самыхъ жидкихъ, расползающихся на своихъ соломенныхъ подстилкахъ. Иванъ Аполлоновичъ зналъ-таки толкъ въ этихъ вещахъ, и каждая мелочь прошла черезъ его строгую и проницательную цензуру.

Князь разослалъ пригласительныя записки только мужчинамъ; находясь въ настоящее время на правахъ одинокаго холостяка, онъ не рѣшился просить дамъ: если-бы еще его Надя была тутъ, ну, другое дѣло, а то какъ будто неловко. Вслѣдствіе этого обстоятельства онъ позволилъ себѣ маленькую вольность и къ обѣду не надѣлъ фрака, а костюмировался въ длинный, наглухо застегнутый черный сюртукъ, въ петлицу котораго была вдѣта пестрая бутоньерка, нарочно самая пестрая, какую только можно было найти у Арндта, чтобы нельзя было разобрать, какимъ именно регаліямъ она соотвѣтствуетъ. Князь въ продолженіе своей кратковременной службы не успѣлъ декорироваться чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, и это обстоятельство его крайне огорчало. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, ѣхать туда и безъ ничего, такъ-таки положительно безъ ничего въ петлицѣ. Иванъ Аполлоновичъ даже на своемъ заграничномъ паспортѣ не велѣлъ обозначать своего чина, а просто написать: «князь такой-то» и только.

Въ данную минуту онъ ходилъ вокругъ сервированнаго стола, внимательно ревизуя обстановку и дѣлая кое-какія замѣчанія французу мэтръ-д,отелю, пріѣхавшему за часъ до обѣда изъ ресторана.

— Mon prince! будьте покойны!—успокоивалъ его французъ съ окладистыми бюрократическими бакенбардами. — Будьте покойны! Въ Парижѣ я сервировалъ столъ для покойнаго императора Максимиліана, когда онъ еще собирался ѣхать въ Мексику. Покойный императоръ говорилъ мнѣ: «Жеромъ, я предчувствую, что послѣдній разъ обѣдаю вполнѣ по-европейски. Его предчувствіе сбылось».

— Можетъ быть и мнѣ приходится въ послѣдній разъ,— меланхолически вздохнулъ Иванъ Аполлоновичъ.

— O, mon prince, къ чему эти мрачныя мысли? Я надѣюсь, что когда вы вернетесь съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, comme un libérateur des peuples, comme un héros, тогда я сервирую вамъ обѣдъ, передъ которымъ падетъ ницъ самъ Лукуллъ и даже m-sieur Сарданапалъ.

— Браво, Жеромъ, браво! А что бы, если сюда поставить вазу съ нарѣзанными ананасами и залить ихъ заблаговременно шампанскимъ, какъ вы думаете? Какъ на сей предметъ ваше просвѣщенное мнѣніе?

— Можно,—снисходительно пожималъ плечами monsieur Жеромъ,—но, знаете, это будетъ не совсѣмъ, немного, какъ-будто... Вы меня понимаете, князь?

— Да, да, это правда, это правда, немного не совсѣмъ... Ну, хорошо, хорошо. Я вѣдь, только такъ. Можно и не ставить... Ахъ, Боже мой, Боже мой! А гдѣ-же?..

Князь не договорилъ, а опытный французъ уже понялъ, въ чемъ дѣло, и съ возгласомъ «Sacre nom!» стремглавъ пустился сдѣлать распоряженіе о пополненіи открывшагося пробѣла.

Бронзовые часы на каминѣ, изображающіе Леду съ лебедемъ, отчетливо, серебристо пробили шесть. Князь Иванъ Аполлоновичъ началъ уже слегка волноваться и посматривать на двери. Онъ было хотѣлъ приказать покурить, но monsieur Жеромъ отсовѣтывалъ это дѣлать. По его мнѣнію, это могло убить тотъ нѣжный, острый, возбуждающій аппетитъ ароматъ, распространявшійся по комнатамъ отъ столовъ съ гастрономическимъ ордевромъ...

Первыми явились четыре офицера—кирасира, настолько мало знакомые князю, что тотъ постоянно путалъ ихъ фамиліи. Иванъ Аполлоновичъ привѣтствовалъ радушно, по товарищески этихъ представителей золотой молодежи и повелъ ихъ въ свой кабинетъ, гдѣ они тотчасъ-же занялись осмотромъ всѣхъ новокупленныхъ предметовъ дороги и вооруженія.

Поручикъ Юнгербокъ замѣтилъ при этомъ осмотрѣ, что князь позабылъ запастись сѣдломъ, а этотъ предметъ, по мнѣнію поручика, былъ крайне необходимъ, ибо въ Сербіи, какъ ему писалъ его двоюродный братъ, который тамъ формируетъ «безсмертный легіонъ черныхъ гусаровъ», положительно нельзя достать порядочнаго сѣдла ни за какія деньги.

Другой офицеръ, безусый, бѣлокурый юноша, принялся разсматривать револьверы, но князь предупредилъ его, что они уже заряжены, и тотъ, вслѣдствіе такого предупрежденія, осторожно положилъ оружіе на прежнее мѣсто.

Затѣмъ пріѣхали два штатскихъ господина—директоръ какого-то департамента, личность вида солиднаго со звѣздою на форменномъ фракѣ, и съ нимъ другой директоръ другого департамента, тоже солиднаго вида и тоже со звѣздою, но только не на форменномъ, а черномъ, обыкновенномъ фракѣ.

Князь тотчасъ-же представилъ новопришедшимъ молодыхъ офицеровъ, причемъ они уже сами назвали свои фамиліи, ибо Ивану Аполлоновичу это было не совсѣмъ легко сдѣлать.

Затѣмъ еще съ площадки лѣстницы донесся громкій, веселый басъ генерала Подоконникова, бѣлый жилетъ котораго князь немедленно прижалъ къ своему сердцу и, вводя новаго гостя въ залъ, прихватилъ легонько за плотную талію.

Затѣмъ пошли и пошли, и спустя какихъ-нибудь минутъ двадцать, гостинная, кабинетъ, всѣ смежныя комнаты, все было наполнено разнообразными мундирами, сюртуками и фраками.

Князь пригласилъ закусить и выпить.

— Наоборотъ, наоборотъ!—поправилъ общій «гулъ толпы» громкій басъ Подоконникова,—прежде выпить, а потомъ закусить. Ну, молодежь, маршъ на рекогносцировку!

Вокругъ столовъ съ ордевромъ виднѣлись теперь только спины и затылки, затылки и спины. Иванъ Аполлоновичъ, приподнявшись на цыпочки и глядя черезъ плечо впереди стоявшаго, совѣтывалъ кому-то попробовать вонъ того, что съ краю, влѣво отъ ветчины. M-sieur Jérome, съ салфеткою въ рукѣ, стоялъ у камина въ отдаленіи, въ позѣ фельдмаршала, наблюдающаго самый рѣшительный моментъ генеральнаго сраженія.

Первая половина обѣда прошла не особенно оживленно; въ общемъ умѣренномъ гулѣ голосовъ выдѣлялся только голосъ Подоконникова, заявлявшаго, что турокъ бить слѣдуетъ, и даже давно пора, по-александровски, мечомъ разсѣчь всю эту путаницу дипломатическихъ узловъ. Генералъ начиналъ уже горячиться, ибо его сосѣдъ изъ молодыхъ, но раннихъ, доказывалъ, что въ данную минуту шовинизмъ не только безполезенъ, но даже вреденъ, принимая въ соображеніе, что Россія далеко не приготовлена къ европейской войнѣ, а что если война возго-

рится, то это непремѣнно будетъ европейская война, чему доказательствомъ можетъ служить... Но генералъ не слушалъ никакихъ доказательствъ и, позабывъ даже о кускѣ разварной стерляди на своей тарелкѣ, кричалъ:

— А кто виноватъ, что мы не готовы, кто виноватъ? Осмѣлюсь васъ спросить, милостивый государь.

— Это вопросъ другой,—снисходительно улыбался на генеральскую запальчивость «милостивый государь», а самъ въ это время насторожилъ ухо по другому направленію, откуда слышался старческій теноръ, увѣрявшій, что такихъ колѣнъ, какъ у Мокуръ, онъ въ жизни никогда не видѣлъ, и что, если къ этимъ колѣнамъ да икры какой-то Эрнестинъ-Бланшъ, то вышло-бы нѣчто весьма близкое къ совершенству...

— Да вы посудите, ваше превосходительство!—сказалъ одинъ директоръ департамента другому.—Вы посудите, ну есть-ли возможность принять эти поводы къ кассаціи во вниманіе?..

— Я и не говорю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ другой.—Я и не говорю, но, согласитесь также и сами, если въ сенатскихъ постановленіяхъ уже есть подобный примѣръ, то на основаніи этого примѣра...

— Это вы насчетъ примѣровъ,—перебилъ генералъ Подоконниковъ,—вотъ то-то и бѣда, что у насъ все дѣлается на основаніи примѣра. Нѣтъ примѣра подходящаго—и шагу ступить не рѣшаются, а чтобы самимъ показать примѣръ, такъ нѣтъ, «что молъ скажетъ Европа»! Чортъ-бы побралъ эту Европу... pardon, mesdames!..

Генеральская разсѣянность вызвала легкій, но почтительный смѣхъ. Громадный, облитый кровью, окруженный облакомъ ароматическаго пара ростбифъ, на колесномъ столикѣ, плавно съ пріятнымъ стукомъ покатился по паркету, совершая свое кругостольное путешествіе.

— Мой двоюродный братъ, который теперь въ Сербіи формируетъ безсмертный легіонъ черн...

— Отчего, скажите вы мнѣ,—перебилъ молодого офицера генералъ, — отчего Пруссія не ждетъ примѣровъ, никого не боится, а распоряжается по своему, бацъ, бацъ! и дѣло въ шляпѣ! иди, молъ, вмѣшивайся, кому своя шея не дорога. Отчего Пруссія не боится этихъ непрошенныхъ вмѣшательствъ?

— Германія,—подчеркнулъ слово «Германія» оппонентъ изъ

молодыхъ, да раннихъ,—Германія находится совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ; недавно я говорилъ по этому поводу съ Г...

— Ну-съ?

— Баронъ!..—крикнулъ, привставъ, Иванъ Аполлоновичъ, замѣтивъ что-то на противоположномъ концѣ стола!—Баронъ, вы ведете себя очень дурно; всѣ рюмки передъ вами до сихъ поръ еще полны.

— Нѣтъ, я пью.

— Мой двоюродный братъ...

M-sieur Жеромъ подошелъ къ князю и что-то шепнулъ ему на ухо; тотъ утвердительно кивнулъ головою.

Время подходило къ тостамъ. Донышки артишоковъ, колоссальная спаржа, чуть не въ руку толщиною, и микроскопическій, малахитово-зеленый горошекъ уже принесены были въ жертву богу обжорства, въ воздухѣ повѣяло тонкимъ запахомъ дичи, въ рукахъ офиціантовъ появились бутылки, обернутыя салфетками.

Иванъ Аполлоновичъ отодвинулъ стулъ, положилъ руку на его спинку, въ другой приподнялъ бокалъ.

— Милостивые государи!—началъ онъ.

Тамъ и сямъ послышались призывающіе ко вниманію тс! тс!, кто-то легко позвонилъ о стаканъ кончикомъ ножа... Десятки глазъ, подернутыхъ уже поволокою, вопросительно уставились на оратора; старичекъ, повѣствовавшій о колѣняхъ Мокуръ, смотрѣлъ съ выраженіемъ даже нѣкотораго испуга.

— Милостивые государи! Позвольте отъ души, отъ всей глубины моего признательнаго сердца поблагодарить васъ, мои добрые друзья; вы мнѣ позволите назвать васъ всѣхъ моими друзьями?

— Конечно, князь, конечно...

Иванъ Аполлоновичъ раскланялся.

— Поблагодарить васъ за ту честь, которую вы мнѣ сдѣлали своимъ посѣщеніемъ. Пью за здоровье всѣхъ, здѣсь присутствующихъ, ура!

— Ура, такъ ура!—рѣшилъ генералъ Подокопниковъ.

Офицеры подхватили этотъ крикъ громко, отъ души и вдругъ покраснѣли до ушей—ихъ не поддержали. Впрочемъ, Ивана Аполлоновича не смутило это молчаніе, вѣдь не мальчишки-же, въ самомъ дѣлѣ, собрались, чтобы надрывать свое

горло. Десятки рукъ тянулись къ нему съ бокалами и самыми любезными улыбками.

— Наливай!—распорядился m-sieur Жеромъ и самъ даже выхватилъ бутылку изъ рукъ официанта.

— Позвольте, князь, выпить прежде всего за здоровье вашей героини-дочери,—провозгласилъ баронъ, тотъ самый, что, по мнѣнію Ивана Аполлоновича, такъ дурно велъ себя въ продолженіе обѣда.

Этотъ тостъ былъ подхваченъ дружно... Нѣсколько стульевъ было такъ энергично отодвинуто, что даже щелкнулись спинками о паркетъ. Старичекъ, любитель колѣнъ и икръ, путаясь своими ослабѣвшими ногами въ упавшей на полъ салфеткѣ, двигался къ князю съ заранѣе распростертыми объятіями.

— Благодарю, благодарю,—съ чувствомъ отвѣчалъ Иванъ Аполлоновичъ и поперхнулся, поторопившись глотнуть изъ своего бокала.—Благодарю, нѣтъ слова выразить вамъ то, что чувствуетъ теперь мое сердце.

— Прошу вниманія, милостивые государи, а васъ, князь, прошу позволенія сказать нѣсколько словъ...

Теперь поднялся господинъ во фракѣ, съ итальянскою бородкою и длинными растрепанными волосами.

— Кто это?—обратился къ своему сосѣду генералъ Подоконниковъ,—этотъ косматый?

Сосѣдъ пожалъ отрицательно плечами.

— Это, если не ошибаюсь, я гдѣ-то видѣлъ. Ахъ, да! кажется тотъ, что всегда сопутствуетъ баронессѣ Кунштюкъ, фамиліи его не помню, бри... бри... бри... что-то въ этомъ родѣ.

Князь смотрѣлъ на оратора вопросительно; это, дѣйствительно, былъ m-sieur Эрнестъ Бригановъ, но только Иванъ Аполлоновичъ не могъ припомнить, посылалъ-ли онъ ему пригласительную записку или нѣтъ. Должно быть нѣтъ, потому что поэтъ не значился въ спискѣ знакомыхъ князя. Какъ-же это онъ сюда попалъ?.. Попалъ, такъ попалъ—все равно, не гнать-же; только, какъ-бы онъ не наговорилъ въ своей рѣчи чего-нибудь этакого, цензурою недозволеннаго, чего-нибудь вродѣ «allons, enfants», вообще какихъ-нибудь шероховатостей... авось не скажетъ!

Князь Иванъ Аполлоновичъ почувствовалъ себя, однако, не совсѣмъ ловко и смотрѣлъ на оратора не особенно благосклонно.

— Исторія представляетъ намъ на своихъ страницахъ, начертанныхъ вѣковыми перьями лѣтописцевъ,—началъ Эрнестъ Бригановъ,—цѣлый рядъ грандіозныхъ моментовъ, пережитыхъ человѣчествомъ. Настоящій моментъ, переживаемый нами, принадлежитъ къ числу этихъ грандіозныхъ моментовъ...

Ораторъ на минуту пріостановился, далъ хорошенько вникнуть слушателямъ въ смыслъ своего предисловія, провелъ рукою по волосамъ, отъ корней къ концамъ и, отхлебнувъ изъ стакана, продолжалъ:

— Вся Русь откликнулась на призывъ своихъ угнетенныхъ, изстрадавшихся братьевъ. Вся Русь—отъ полярныхъ льдовъ до южнаго берега Крыма, отъ береговъ Вислы до полуострова Камчатки откликнулась, мало того, двинулась, повинуясь великому внутреннему голосу, говорившему ей: «иди, иди!» Она и пошла! Но что-же мы видимъ? Что? Я васъ спрашиваю, что-же мы видимъ?

Снова пріостановился ораторъ и смотрѣлъ на слушающихъ вопросительно, хмуря свои черныя брови, и слушатели смотрѣли на него также вопросительно, переглядываясь между собою, даже назадъ оглядываясь, какъ будто-бы отыскивая глазами отвѣта на предложенный вопросъ... Генералъ Подоконниковъ похлопывалъ себя рукою по своей упругой ляжкѣ въ синихъ рейтузахъ, съ видомъ полнѣйшей готовности, если понадобится, немедленно распечь и водворить порядокъ.

— Мы видимъ,—самъ рѣшилъ, наконецъ, свой вопросъ Эрнестъ Бригановъ, — что двинулась пока одна темная масса, черный, такъ сказать, народъ, грубая, невѣжественная сила...

— Мой братъ, который формируетъ въ Сербіи лег...

— Она двинулась, повинуясь только одному, если хотите, чисто пока только животному инстинкту «идти на выручку нашимъ»; эта грубая сила есть сырой матеріалъ,—матеріалъ необходимый, могучій въ рукахъ опытныхъ руководителей, ничтожный безъ этихъ руководителей, безъ лицъ, могущихъ шире обнять необъятную идею...

— Мой братъ...

— Тс! тс!

— Но когда мы видимъ также, что люди, принадлежащіе къ кругу высшему, принадлежащіе по праву къ интеллигенціи, идутъ туда-же, мы уже не можемъ сомнѣваться въ успѣхѣ

дѣла—эта толпа будетъ имѣть руководителей изъ этой высшей среды, она перестанетъ быть только слѣпою, неподвижною силою, она организуется въ нѣчто стройное, разумно-могучее, она формируется...

— Мой братъ, который формируетъ...

— Вотъ почему,—заключилъ ораторъ,—мы привѣтствуемъ отъѣздъ нашего высокоуважаемаго хозяина, вотъ почему мы, патріоты, должны радоваться этому отъѣзду, благодарить за это нашего доблестнаго соотечественника и пожелать ему счастливой дороги. Итакъ, выпьемъ-же этотъ бокалъ и скажемъ ему: князь, скатертью вамъ ваша славная, честная дорога... ура!..

— Недурно,—рѣшилъ вполголоса одинъ изъ директоровъ департамента.

«Ура!» было подхвачено нѣсколько оживленнѣе, чѣмъ послѣ перваго тоста. Иванъ Аполлоновичъ инстинктивно чувствовалъ, что вышло какъ-будто неладно, но все-таки былъ доволенъ. Онъ разсчитывалъ на худшее и теперь почувствовалъ къ оратору даже нѣчто вродѣ благодарности.

Ефремъ, въ своемъ дорожномъ костюмѣ, подалъ на подносѣ нѣсколько телеграммъ. Князь распечаталъ первую и услышалъ приглашеніе читать вслухъ, «если, конечно, князь ничего противъ гласности не имѣетъ въ данномъ случаѣ».

Ивану Аполлоновичу было даже пріятно отчасти это общее желаніе. Телеграммы были съ пожеланіемъ счастливаго пути отъ дамъ, не участвовавшихъ въ обѣдѣ; были телеграммы и отъ баронессы Кунштюкъ, и отъ старушки графини Огулъ-Болтаевой, и отъ какой-то Нины Шпехтъ, и отъ другихъ. Иванъ Аполлоновичъ громогласно читалъ, повторяя, конечно, одну и ту-же стереотипную фразу: «не имѣя возможности лично» и пр. Взглянувъ на подпись послѣдней телеграммы, онъ вдругъ замялся, покраснѣлъ до ушей и смялъ въ кулакѣ клейменый, сложенный вчетверо листокъ, что, конечно, вызвало цѣлый рядъ шутокъ и упрековъ въ неоткровенности. Подвыпившій старичекъ даже назвалъ имя madame Мейеръ, чѣмъ заставилъ еще болѣе смутиться Ивана Аполлоновича, такъ какъ телеграмма была подписана въ дѣйствительности словами: «твоя Лота».

Жеромъ распорядился подать свѣчи. Тамъ и сямъ задымились тонкими голубоватыми струйками ароматическія сигары. Общество двинулось въ гостиныя и кабинетъ, гдѣ мебель была

мягче и болѣе располагала къ послѣобѣденному кейфу. Директоры департаментовъ незамѣтно удалились, забравъ свои шляпы. Эрнестъ Бригановъ сѣлъ поближе къ запасному ящику сигаръ, генералъ Подоконниковъ разстегнулъ даже свой жилетъ и показалъ всѣмъ тянувшуюся, черезъ всю его полную, ожирѣлую грудь, красную ленту шпажной перевязи. Разговоръ принялъ характеръ болѣе частный и направленіе легко пикантное. Молодые офицеры сговаривались ѣхать отсюда куда-то вмѣстѣ и окружили старичка, знатока женскихъ колѣнъ, обѣщавшаго показать имъ такой перлъ, такой бутонъ, что навѣрное черезъ два-три года займетъ доминирующее мѣсто между первыми звѣздами петербургскаго полусвѣта.

Поручикъ Юнгербокъ даже воды сельтерской потребовалъ по этому случаю и оглаживалъ пальцами серебряную рукоятку ножа для разрѣза книгъ, изображающую перевитую гроздями винограда обнаженную вакханку.

Ефремъ доложилъ князю, что пришелъ швейцаръ Миронычъ и очень уже желаетъ видѣть лично самого Ивана Аполлоновича.

XVII.

Ветеранъ.

— Что тамъ ему нужно?—недовольнымъ голосомъ спросилъ князь, порываясь встать съ кушетки.

— Да позови его, mon cher, сюда,—прибавилъ генералъ, потирая ладонью свой желудокъ.

Послѣ сытнаго обѣда съ возліяніями генералъ имѣлъ привычку иногда переходить въ дружественный тонъ и говорить *ты* людямъ и не особенно коротко знакомымъ.

— А люблю я, mon cher, твоего старика,—продолжалъ Подоконниковъ,—славный такой, бодрый и почтительный, хорошій старикъ. Это послѣдній изъ могиканъ, отживающій типъ прежняго русскаго солдата; зови его сюда.

— Онъ намъ про Бородино разскажетъ,—замѣтилъ кто-то, протянувъ слово Бор-р-родино.

— Ну, батенька, это ты ужъ очень далеко хватилъ, твое Бор-р-родино. Человѣкъ, огня!

— Прикажете, ваше сіятельство, позвать?

*

Князь утвердительно кивнулъ головою. Жеромъ распорядился тѣмъ временемъ подать сюда въ кабинетъ громадную стеклянную болу съ шампанскимъ и нарѣзанными ананасами, придавленными сверху сверкающимъ кускомъ прозрачнаго льда.

На порогѣ появилась высокая, согнутая фигура Мироныча, въ новомъ, длиннополомъ сюртукѣ со всѣми своими крестами и медалями, тщательно выровненными на жестяной, окрашенной подъ цвѣтъ орденскихъ лентъ, полочкѣ. Свои сѣдые, щетинистые усы старикъ озаботился подфабрить, бакенбарды тоже, но видно и глаза, и руки уже стали измѣнять ветерану, черная краска пятнами неравномѣрно подернула серебристую щетину и придавала всей физіономіи что-то странное, отчасти даже комическое. Старикъ довольно бодро вошелъ въ кабинетъ и, завидѣвъ генерала и военные мундиры, въ струнку вытянулся передъ начальствомъ, прижавъ руки ко швамъ, видимо съ трудомъ сохраняя свою воинственную, дисциплинарную позу.

— Здорово, братецъ!—привѣтствовалъ его генералъ.

— Здравія желаю, ваше превосходительство! — гаркнулъ было Миронычъ, да голосъ оборвался и перешелъ въ дискантную ноту старческой фистулы, что вызвало легкій смѣхъ въ публикѣ.

Старикъ смутился и тоскливымъ взоромъ окинулъ собраніе. Онъ шелъ сюда, думая, что князь выйдетъ къ нему въ переднюю и тогда онъ уже скажетъ, что ему нужно, а тутъ вотъ сюда его—потребовали объясненія, значитъ, при всей публикѣ — непривычное дѣло... развѣ уже послѣ, въ другой разъ? Да когда-же въ другой? Завтра князь уѣзжаетъ, когда-же объясниться?.. А надо, то есть какъ надо, и высказать даже невозможно.

— Ну, Миронычъ, что скажешь?—потянулъ его къ отвѣту Иванъ Аполлоновичъ.

— Ваше сіятельство...

Старикъ еще разъ окинулъ глазами все общество и остановилъ этотъ молодецкій взглядъ прямо на Иванѣ Аполлоновичѣ, двинувшись впередъ всѣмъ своимъ корпусомъ.

— Вали, старикъ, по солдатски—напрямикъ!—подбодрилъ его генералъ Подоконниковъ.

— Ваше сіятельство... такъ какъ, значитъ, вы теперь, виноватъ, ваше сіятельство, теперь изволите въ отъѣздъ соби-

раться и такъ какъ значитъ, то есть, на войну... за вѣру Христову... ваше сіятельство, явите Божескую милость, ваше сіятельство.

Миронычъ вдругъ захлипалъ, затрясъ головою и, позабывъ дисциплиною предписанное держаніе рукъ по швамъ, сталъ обшлагомъ рукава утирать слезы.

— Ну, чего, старый, разрюмился, стыдно! Ну, подбодрись, молодцомъ говори, слушай команды!

— Возьмите меня съ собою, ваше сіятельство... я тоже поѣду. Я, ваше сіятельство, еще могу.

Въ кабинетѣ послышался дружный хохотъ. Старикъ вздрогнулъ и испуганно попятился назадъ, генералъ грозно нахмурился и всталъ съ дивана. По мягкому ковру раздалось звяканіе его шпоръ. Онъ прошелся раза два по кабинету и затѣмъ сталъ передъ Миронычемъ, засунувъ обѣ руки въ карманы своихъ панталонъ.

Князь не сообразилъ еще, что ему надо сказать, какъ принять эту просьбу; онъ рѣшилъ выждать.

— А вотъ я его допрошу, я его допрошу...—строго произнесъ генералъ.—Сколько тебѣ лѣтъ?

— Восемьдесятъ четвертый пошелъ, ваше превосходительство,—чуть слышно прошепталъ старикъ.

— Ну, куда-же тебѣ, старому чорту, лѣзть въ такое дѣло,—внушительно отчеканивалъ генералъ. — Куда ты къ дьяволу годишься... Ты свое отбылъ, съ тебя довольно, ружья въ рукахъ не удержишь... пяти верстъ пѣшкомъ не пройдешь... обузою только лишней будешь... эй, не дури, оставь глупую затѣю, а сторожи подъѣздъ, да грѣйся на солнцѣ.

— Ваше превосходительство...

— Да что «ваше превосходительство», что «ваше превосходительство»,—начиналъ горячиться генералъ Подоконниковъ.

Несмотря на то, что въ головахъ всего общества накопилось-таки довольное количество винныхъ паровъ, всѣ чувствовали неловкость отъ этой сцены. Иванъ Аполлоновичъ уже хотѣлъ было произнести успокоительное обращеніе къ его превосходительству: «mais calmez vous, mon général, laissez-le»!

— Ну, на что ты годишься, на что? Что такое можешь ты, старая развалина, сдѣлать?—настойчиво допрашивалъ генералъ.

Лицо старика оживилось. Инстинктивно старый солдатъ лучше, чѣмъ всѣ слушатели, понималъ странную выходку генерала; помимо грозно насупленныхъ бровей и строгаго, почти звѣрски рычащаго тона, онъ видѣлъ другое, нѣчто болѣе дружеское, даже товарищеское, что крылось подъ этими грозными признаками...

— Умереть могу!—спокойно произнесъ старый инвалидъ.— За этимъ и ѣду только. Я уже обдумалъ все, я и порѣшилъ,— продолжалъ онъ, позабывъ свое минутное смущеніе и оживляясь съ каждымъ словомъ.—*Тамъ* все народъ молодой, непривычный... отъ сохи, говорятъ, да съ огороду взятый; коли я покажу имъ, какъ умираютъ въ сраженіи... такъ и это имъ на пользу будетъ... Затѣмъ только и ѣду. Ваше превосходительство, неужли-же за мою службу и помереть мнѣ нельзя христіанскою, воинскою смертью, неужли въ гошпиталѣ околѣвать, либо въ богадѣльнѣ? Такой случай выходитъ, да чтобы я... ваше превосходительство...

— Вотъ это по нашему!—во все горло крикнулъ генералъ.— Люблю!.. спасибо, товарищъ, спасибо... дай я тебя расцѣлую по-просту, по-товарищески. Вотъ тебѣ мое командирское благословеніе!

И Подоконниковъ крѣпко сжалъ старика въ своихъ могучихъ объятіяхъ, звонко поцѣловавъ его троекратно въ губы.

— Mais c'est très touchant, — двусмысленно улыбнулся дипломатъ.

— Тушанъ не тушанъ, а къ дѣлу, господа! Пожалуйте въ складчину на дорогу русскому солдату.

Генералъ вытащилъ изъ бокового кармана сюртука полновѣсный бумажникъ, вытащилъ оттуда не считая нѣсколько бумажекъ и положилъ на столъ. Князь Иванъ Аполлоновичъ поспѣшно сунулъ туда-же что-то и отъ себя, нѣсколько рукъ тоже потянулись за своими бумажниками. Черезъ минуту на мраморной плитѣ стола съ кольцеобразными, свѣжими пятнами отъ бокаловъ, накопилась довольно порядочная кучка денегъ.

— Это тебѣ на дорогу,—сгребъ все набранное въ горсть генералъ и протянулъ деньги Миронычу,—получай!

— Не слѣдуетъ,—отрицательно покачалъ головою старикъ,—не подобаетъ мнѣ брать это—свои есть, накопленныя, а ужъ это, если милость ваша будетъ другому кому, у кого

есть тоже охота идти, да капиталу не имѣется съ чѣмъ подняться, а мнѣ не требуется, много благодаренъ, ваше превосходительство.

— Дѣло! Вѣрно твое слово!—согласился генералъ.—Бери его, князь, съ собою, бери!

— О, конечно!..—началъ было Иванъ Аполлоновичъ.

— Вѣкъ Господа Бога молить за васъ буду, ваше сіятельство, у меня какіе сборы, у меня все готово—должность моя въ исправности, жалованье впередъ не забрано, мнѣ хоть сейчасъ. Прикажете завтра на вокзалъ явиться?

— Постой, давай сюда шампанскаго, выпьемъ вмѣстѣ. На вотъ тебѣ мой бокалъ...

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство; двадцать седьмой годъ окромя чаю и воды ничего не потребляю...

— Оттого и живешь долго... Вѣрно, и это вѣрно, а мы пьемъ, мы, братъ...

Ваза съ настоемъ шампанскаго на ананасахъ опустѣла. Жеромъ распорядился подать еще. Генералъ Подоконниковъ заявлялъ, что самъ намѣренъ подать въ отставку и идти драться съ турками. Князь Иванъ Аполлоновичъ усердно благодарилъ всѣхъ и каждаго порознь и нѣсколько разъ принимался даже плакать. Ефремъ, шатаясь на ногахъ, подбиралъ осколки нечаянно разбитыхъ бокаловъ. Старикъ Миронычъ, довольный и счастливый, сошелъ со сцены и копошился внизу, въ своей каморкѣ. Эрнестъ Бригановъ, ощущавшій въ своемъ карманѣ болѣе дюжины хорошихъ сигаръ, два раза продекламировалъ экспромтъ по поводу даннаго эпизода, начинавшійся словами:

Сей ветеранъ
Безъ страха ранъ,
Безъ страха смерти
Идетъ на славный бой
Пожертвовать собой
Онъ истинный герой,—
Вы мнѣ повѣрьте...

Ему охотно вѣрили на-слово и пили... Періодъ развязности языковъ уже миновалъ, наступилъ періодъ путанья этихъ благородныхъ органовъ. Генералъ приглашалъ публику пѣть хоромъ и затягивалъ:

„Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить!.."

Кто-то почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и, опрокидывая стулья на пути, стремительно ринулся въ спальню князя къ его умывальнику. Блестящій пиръ въ квартирѣ Ивана Аполлоновича началъ уже принимать характеръ оргіи.

XVIII.

На галацской пристани.

Сегодня на большой пристани Галаца, между домомъ главнаго агентства общества пароходства и торговли и рестораномъ «Dacia», устроилось импровизированное гулянье.

Даже перваго мая на «казарменной» горѣ не было такого стеченія пестрой публики, не тянулись такія вереницы колясокъ и фаэтоновъ, какъ здѣсь въ данную минуту... Вся полиція даже поднялась на ноги и всюду вдоль набережной торчали безобразныя мѣховыя шапки доробанцевъ съ индюшечьими перьями, тамъ и сямъ, граціозно покручивая усики, расхаживали щеголеватые городскіе сержанты, затянутые въ рюмочку, съ австрійскимъ шикомъ, и рыскали конные «каларашы» въ бѣлыхъ рейтузахъ и синихъ венгеркахъ, исполосованныхъ красными шнурами.

Сегодня отсюда, ровно въ два часа пополудни, долженъ былъ отчалить большой пароходъ интернаціональной компаніи, «Кейзеръ Максъ», который принялъ на свой бортъ исключительныхъ пассажировъ, каковыхъ еще воды Дуная не носили за все многовѣковое время своего теченія.

Отправлялись къ Бѣлграду, въ Сербію, двѣ большія партіи русскихъ добровольцевъ, по четыреста человѣкъ каждая, такъ что на самомъ пароходѣ даже палубныхъ мѣстъ не хватило, и «Кейзеръ Максъ» долженъ былъ прицѣпить на буксиръ запасную баржу.

Это была первая крупная отправка изъ Галаца, куда пассажиры «Кейзеръ Макса» прибыли по желѣзной дорогѣ и даже на своихъ собственныхъ ногахъ, черезъ Кубей, прямо съ бессарабской границы. Такой толпы новаго люда, оригинальнаго и по своимъ костюмамъ и типамъ, и по цѣли путешествія, и по тому оживленному виду и говору, удалымъ пѣснямъ давно, а то и вовсе никогда не видали обитатели Галаца, этого не-

удачнаго porto-franco Румыніи. Какъ-же упустить случай и не собраться на набережную позѣвать на «чудной народъ», на этихъ «варваровъ-крестоносцевъ», а главное, по сему поводу не потолковать публично о политикѣ и даже, такъ-таки громко, на открытой площади, въ виду жандармовъ и доробанцевъ, въ виду самого начальника полиціи, не пожурить правительство, посмѣяться надъ министрами и высказать свои личные взгляды и предсказанія.

По верхней набережной, мимо фронта разноцвѣтныхъ, крашеныхъ фасадовъ домовъ, облѣпленныхъ безчисленными полосатыми маркизами и балкончиками, увѣшанныхъ торговыми вывѣсками, эластично подскакивая по камнямъ безобразнѣйшей въ мірѣ мостовой, катились изящныя коляски и извозчичьи парные фаэтоны съ галацкимъ monde'омъ; на нижней площади толпились синія блузы, бѣлыя войлочныя, расшитыя по швамъ цвѣтною шерстью куртки и накидки, армянскіе архалуки, греческія фустанелы, красныя фески и даже мусульманскія чалмы; подъ тѣнистымъ навѣсомъ ресторана «Dacia» чернѣлись европейскія пальто и шляпы негоціантовъ и мундиры каптейновъ; у самой воды, гдѣ привалило глинистыми волнами Дуная массу бревенъ, щепы и всякихъ плавучихъ нечистотъ, гдѣ такъ пахло свѣжей окраской и смолою, гдѣ плотными рядами, давя одна другую, сжались безконечно-длинныя грузовыя баржи, сверкая на солнцѣ своими крашеными боками,—тамъ копошились бронзовые, загорѣлые, полуголые, босые, вѣчные труженики пристаней, сбродъ безъ роду и племени, всю свою жизнь промышляющій на пристаняхъ грузовою работою, не имѣющій даже жилища иного, кромѣ каменныхъ плитъ набережной и опрокинутыхъ для окраски и конопатки лодокъ, Богъ-вѣсть чѣмъ и когда питающійся, зарабатывающій лѣтомъ, въ «бойкое время», не болѣе полутора франковъ за шестнадцать и даже болѣе часовъ тяжелой и грязной работы, живущій впроголодь зимою, «во время мертвое», безъ призора, безъ пріюта, безъ работы, но зато не безъ заявляющихъ настойчиво свои права желудковъ, заставляющихъ этотъ сбродъ идти на всевозможныя мошенничества и уголовныя преступленія.

Самыя густыя массы зѣвакъ сгруппировались, конечно, у мостика на сваяхъ и козлахъ, ведущаго къ пристани «Кейзеръ Макса», на самомъ этомъ мостикѣ и на всѣхъ свобод-

ныхъ мѣстахъ пристани, надъ зеленою крышею которой красовались двѣ толстыя трубы парохода и торчали его тонкія мачты съ проволочными вантами и еле-еле полощущимся въ жаркомъ воздухѣ трехцвѣтнымъ флагомъ. Затѣмъ, давя другъ друга, чуть не сворачивая своимъ напоромъ барьера набережной, толпа тянулась вдоль этого барьера, за кормою парохода, параллельно баржѣ, уже принявшей на свою открытую, ничѣмъ незащищенную отъ солнца палубу диковинныхъ пассажировъ.

А изъ-за бортовъ этой палубы на эту шумную, ругающуюся и подсмѣивающуюся толпу зѣвакъ молча выглядывали суровыя, загорѣлыя лица, все больше усатыя, съ бакенбардами, съ густою просѣдью, а то и совсѣмъ сѣдыя, въ военныхъ фуражкахъ, въ старыхъ, покрытыхъ заплатками, протертыхъ, изношенныхъ до невозможности «отставныхъ» солдатскихъ шинеляхъ, непремѣнно украшенныхъ по борту линялыми орденскими ленточками. Между отставными кавалерами видѣлись и крестьянскіе зипуны, поддевки, мелькали кумачевыя и ситцевыя рубахи; съ баржи на берегъ несло характернымъ запахомъ казармы и дубленой шкуры, дешевой махорки и острымъ ароматомъ зеленаго лука, которымъ подзакусывали пассажиры, запасшіеся этимъ добромъ спозаранку въ торговыхъ яткахъ и запивавшіе свою неприхотливую закуску мѣстнымъ дешевымъ виномъ, цѣлый бочепокъ котораго поднесъ имъ въ даръ, хотя и секретно почему-то, мѣстный виноторговецъ, болгаринъ Стефо Юровъ, изъ Мачина родомъ.

Особенное вниманіе публики привлекали четыре казака-донца, добравшіеся-таки сюда изъ своей станицы у Новочеркасска, вмѣстѣ съ своими конями и оружіемъ; даже пики и тѣ притащили донцы съ собою и составили ихъ козломъ на кормѣ баржи, развѣсивъ на нихъ для просушки шинели и трепаную, порыжѣлую бурку. Горбоносые, тощіе за длинный походъ, поджарые степняки стояли тѣсно на привязи у борта, понуривъ свои морды; за ними свалены были вьюки и аккуратно сложенныя винтовки; шашки оставались на казакахъ, и тѣ, молодцевато подбоченясь, взобрались наверхъ и разсѣлись рядышкомъ у рулевого правила...

Прочіе пассажиры баржи выносили насмѣшки и задиранія галацкой черни молча, даже стараясь дѣлать видъ, что и не глядятъ вовсе на этихъ ругателей, а казаки, тѣ слово за слово

грызлись съ толпою, только безъ особаго озлобленія, а такъ, по части юмора больше, никому необиднаго.

Какой-то не то грекъ, не то жидъ, въ фескѣ, въ черномъ жилетѣ съ мелкими бронзовыми пуговками, съ громаднымъ синебагровымъ носомъ и съ бровями, будто надъ глазами наклеены были у него кусочки чернаго мѣха, ломанымъ русскимъ языкомъ потѣшалъ толпу и кричалъ:

— Эй вы! зачимъ носъ берошъ съ сабой? оставляй, пожалиста, носъ тутъ. Се равно турка отрѣзилъ, назадъ не отдавалъ, оставляй тутъ носъ, пожалиста!..

Толпа хохотала, «восточный человѣкъ» оглядывался, торжествуя, и снова повторялъ то-же самое.

— Ты свой носъ береги лучше,—отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ, — потому тебѣ и въ Турцію ходить незачѣмъ; носъ-то твой отселева до турецкаго берега хватитъ, такъ вотъ подъ башибузуцкій ножъ и напрашивается...

Кто понялъ—захохотали еще громче, кто не понялъ —тому перевели другіе. Хохотъ усилился; «восточный человѣкъ» побагровѣлъ и пустилъ камнемъ, звякнувшимъ о бортъ баржи.

— А ты, любезный, не балуй. А то я вотъ чѣмъ отвѣчу,— серьезно произнесъ казакъ и потянулся за винтовкою.

Толпа инстинктивно подалась назадъ, задирало спрятался, замѣтивъ приближеніе зоркаго полицейскаго.

— Дай, Господи, вернуться вамъ, землячки, по-добру, поздорову!—раздалось привѣтствіе на чисто-русскомъ языкѣ.

То произнесъ извозчикъ-скопецъ съ высоты козелъ своего фаэтона.

— Спасибо, землякъ,—глухо хоромъ отозвались съ баржи.

— Казакъ, казакъ! ведро водка пивалъ, два сальна свѣчка закушалъ...—снова начинаетъ «носъ до того берега», вынырнувъ изъ толпы въ другомъ мѣстѣ.

Снова смѣхъ, снова острое словцо съ кормы.

— Господи, Господи... вѣдь эка народъ-то какой въ этой сторонѣ завистливый!..—вздыхаетъ кто-то на палубѣ.

— Weg, Weg! Russen Schweine!.. Weg!..

Два матроса разматываютъ толстый канатъ и тащатъ громадный свертокъ серединою баржи, безцеремонно расталкивая ногами ея сѣрыхъ, смиренныхъ пассажировъ.

— А вы, какъ васъ звать, полегче...—ворчитъ вслѣдъ

сѣдой унтеръ, разбуженный толчкомъ матросской ноги и съ просонья озираючись: «что это, молъ, такое кругомъ дѣлается?..»

— А я чаялъ, землячки, что мы уже тронулись, анъ замѣсто того стоимъ еще на мѣстѣ,—сообщаетъ онъ своимъ товарищамъ;—и что это, право, сказывали до полудня пойдемъ, анъ оно къ вечеру дѣло подходитъ.

— Бумаги еще выправляютъ, сказывали,—отвѣчаетъ другой добровольцъ, крестьянинъ въ лаптяхъ и въ полушубкѣ въ накидку, несмотря на тридцати-пяти-градусную жару.

— Какія тамъ бумаги! Господа все задерживаютъ, въ трактирѣ шампанское пьютъ, проклажаются.

— Звонить уже какой разъ принимались... Пары, значитъ, разводятъ, потому безъ пару невозможно.

— Съ утра, вишь ты, пыхтитъ онъ, разведено значитъ.

— А ты понимаешь тоже?..

— По-моему, такъ: коли идти, такъ идти!.. Ей-Богу, пѣшкомъ скорѣе подъ черняевскій стапъ приперли-бы, а то волокутъ насъ, волокутъ, только издѣвка одна надъ нами, одно слово!..

— Сказывалъ мнѣ, братцы, — таинственно произноситъ отставной солдатъ,—чиновникъ...

— Какой чиновникъ?

— А тотъ, что въ рубахѣ красной и въ шапкѣ съ кокардою, что съ нами отъ Яссъ города ѣхалъ, полковничье мѣсто занимать *тамъ* хочетъ... Такъ вотъ этотъ чиновникъ сказывалъ мнѣ: «Они, — говоритъ,— Еремѣевъ, пароходные начальники, корабельщики эти, все изъ нѣмцевъ австрійскихъ будутъ, а нѣмцы у турка на откупу... вотъ что...» Такъ вотъ она настоящая всему дѣлу причина, а не токма что. Тутъ, братъ, нечего глаза отводить—«пары, молъ, разводятъ»; знаемъ мы тоже, какіе тамъ пары, тоже смекаемъ дѣло...

— Да вѣдь командный начальникъ...

— Да что командный начальникъ! Командный начальникъ тоже человѣкъ темный, онъ, окромя какъ по-русски, по-здѣшнему ничего не можетъ; я вѣдь видѣлъ, какъ онъ съ нѣмцемъ говорилъ, только руками больше объясненіе дѣлалъ, а изъ словъ—«вуй» да «мерси», ничего больше; а ты говоришь: «командный начальникъ!..»

— Оно точно, одначе, командный начальникъ, вѣдь онъ отъ комитета къ намъ приставленъ...

— Стой, ребята, гляди, это кто-же такіе будутъ? Никакъ тоже наши?.. Ей-Богу, наши...

Съ лѣваго борта, отъ турецкаго берега, гдѣ чуть краснѣлась крыша надъ кафаною берегового селенія Затокъ и виднѣлась сѣрая группа домиковъ самаго селенія, наискось рѣзали воду четыре небольшія, остроносыя лодки съ сильно загнутыми кверху концами, съ маленькими мачтами и съ косыми латинскими парусами, въ формѣ крыла чайки... Лодки шли бойко, сильно накренившись, и держали курсъ съ очевиднымъ разсчетомъ пристать какъ-разъ къ наружному борту баржи.

Лодки подошли уже совсѣмъ близко, *отданные* паруса падали словно подкошенные, рулевые клали «лѣво на бортъ», передняя лодка уже приготовила багоръ для причала.

Въ этихъ лодкахъ сидѣли, по трое въ каждой, наши русскіе мужички, ну, совершенно такіе точно, какихъ можно встрѣтить всюду въ нашихъ среднерусскихъ губерніяхъ; тѣ же картузы, тѣ же поддевки и армяки, та-же бородка и подстриженные въ скобку русые волосы... Земляки—одно слово!

Пассажиры баржи сдвинулись къ лѣвому борту и наблюдали прибывшихъ не безъ любопытства.

— Это «некрасовцы»,—пронеслось въ толпѣ на палубѣ баржи.

Полицейская шлюпка съ таможенными обогнула уголъ зданія агентства и направлялась сюда-же. Вѣдь съ того берега лодки, можетъ, контрабанда есть. Эти «гирловые рыболовы», истые православные, фиктивные подданные турецкаго султана, слывутъ первыми контрабандистами всего нижняго теченія Дуная; не мало они ежегодно дѣлаютъ хлопотъ рѣчной таможенной полиціи.

Одинъ изъ «некрасовцевъ», завидя *непріятельскую* шлюпку, привсталъ, схватившись рукою за мачту, и громко окрикнулъ по-румынски:

— Не бойтесь, безъ товару, табаку нѣтъ! Мы за своимъ дѣломъ, къ берегу не причалимъ!..

Полицейская лодка, повинуясь этому успокоительному окрику, остановилась въ наблюдательномъ положеніи.

Другой некрасовецъ, старикъ съ бѣлою, окладистою бородою, въ черномъ длиннополомъ кафтанѣ, сидѣвшій на рулѣ передней лодки, далъ окрикъ на баржу съ добровольцами.

— Крещенье! — произнесъ онъ, — до васъ дѣло имѣемъ. Спустите-ка лѣсенку!..

Эта лѣсенка лежала на свертках канатовъ посреди баржи, у средняго люка; нѣсколько рукъ взялось было за нее, да подскочилъ матросъ-нѣмецъ и не далъ, даже ударилъ по затылку одного изъ добровольцевъ.

— Не даютъ, братцы, лѣсенку-то!

— Бери, наплюй на нихъ! — крикнули съ лодокъ.

Два казака поднялись лѣниво и пошли на выручку.

— Котору лѣсенку? Эту, што-ли?

— Эту самую, да не даютъ.

— Желѣзновъ, бери да волоки-ко ее сюда... Кое мѣсто спущать надо?

— Weg!..—крикнулъ было снова матросъ и бросился съ двумя другими на нарушителей порядка.

— А я тебѣ, пріятель, такую вегу пропишу, что ты у меня до новыхъ вѣниковъ не забудешь.

Раздалась оглушительная затрещина. Матросъ отшатнулся, оступился на что-то и упалъ. На палубѣ захохотали, съ набережной послышались крики.

— Эй, смотри, смотри! Матросовъ бьютъ эти казаки! Полицію сюда!.. Оставьте, эй, вы! Не трогайте нашихъ матросовъ... Полицію сюда!..

Но полиція благоразумно воздержалась отъ всякаго вмѣшательства. На палубѣ не ея дѣло, да и не безопасно было вмѣшиваться. А тѣмъ временемъ трапъ самовольно спущенъ, пассажиры изъ лодокъ взобрались на палубу баржи и смѣшались съ ея пассажирами. Старикъ съ бѣлою бородою рѣчь держалъ и икону вынулъ изъ-за пазухи, маленькій складень изъ потемнѣвшей, старой мѣди... Большинство добровольцевъ шапки поснимали и стояли съ открытыми головами, слушая слова, произносимыя ровнымъ, тихимъ старческимъ голосомъ:

— Бьемъ вамъ земно челомъ, Христовы ратники, вѣры истинной поборники,—говорилъ старикъ, сдѣлавъ на три стороны земной поклонъ.—Да благословитъ васъ Богъ удачею, пошлетъ вамъ побѣду на враги и одолѣніе нечестивыхъ, вѣнецъ мученическій павшимъ... Примите хлѣбъ-соль нашу на дорогу, не побрезгуйте. Эй, дѣтушки, выгружай, что-ли!

Послѣднія слова относились уже не къ добровольцамъ, а

къ тѣмъ некрасовцамъ, что внизу на лодкахъ оставались; оттуда потащили на палубу баржи штукъ десять осетровъ, боченокъ икры, большую корзину мелкой рыбки, два мѣшка съ печенымъ полубѣлымъ хлѣбомъ и объемистую рѣзную деревянную солонку...

— Пригодится на дорожку; землячки, берите, кушайте на здоровье. Дастъ Богъ, вернетесь со славою, не такъ встрѣтимъ: всѣмъ соборомъ участвуемъ... А это вотъ нáбольшему... Кто у васъ тутъ за старосту будетъ?—говорилъ старикъ, перемѣнивъ торжественный, даже нѣсколько нараспѣвъ, тонъ своей оффиціальной рѣчи на обыденный, суетливый, добродушный говоръ.—Собрали это мы вамъ на всю дружину пятьдесятъ «лировъ» турецкихъ... Такъ вотъ отдать кому деньги? Кто-же у васъ, землячки, за старосту будетъ?

Старикъ потряхивалъ въ рукѣ мѣшечекъ съ золотомъ и вопросительно поглядывалъ на толпу.

— Командный начальникъ, таперича!..—нерѣшительно произнесъ кто-то.

— Да что твой командный начальникъ? мало онъ, командный-то начальникъ, нашихъ комитетскихъ денегъ въ Яссахъ просадилъ... Убирайся къ дьяволу ты съ своимъ командным начальникомъ!..

— Не заругали-бы насъ...

— Такъ кому-же икону, благословеніе Божіе, и капиталъ сдать? Скажите-же, землячки?—снова повторилъ свой вопросъ старикъ-некрасовецъ.

— Миколаевъ унтеръ, Сѣвскаго полка, пущай онъ приметъ. Вотъ кто за старосту будетъ,—рѣшительнымъ тономъ произнесъ одинъ изъ солдатъ.

Выборъ, должно быть, былъ очень удаченъ, потому что протестующихъ не нашлось, а, напротивъ, вся толпа радостно и дружно загудѣла:

— И точно, что кому другому, какъ не Миколаеву унтеру! Иванъ Миколаевъ, выходи, что-ли!

Вышелъ Иванъ Миколаевъ, маленькаго роста, худощавый солдатикъ, съ сѣдыми, коротко-подстриженными усиками, съ серебрянымъ крестомъ въ петлицѣ, снялъ фуражку, блеснулъ на солнышкѣ почтенною лысиною во все темя, перекрестился набожно, принялъ икону-складень, поцѣловалъ эти мѣдныя,

грубо-тисненныя дощечки и, принимая кошелекъ другою рукою, спросилъ у некрасовца:

— Много-ли?

— Пятьдесятъ лировъ турецкихъ; это, значитъ, ежели въ рубли, такъ будетъ...

Некрасовецъ сталъ соображать, сколько это будетъ, если перевести лиры на франки, а франки на рубли.

— Сами знаемъ, — бойко тряхнувъ головою, отчеканилъ Иванъ Миколаевъ, присѣлъ на палубу, разостлалъ полу своей шинели, высыпалъ золото, пересчиталъ и объявилъ: «что, молъ, вѣрно!..» Затѣмъ, словно оправдываясь передъ старикомъ, добавилъ:

— Нельзя-же, другъ, не твои деньги, не мои тоже,— общественныя, великаго счета и порядка требуютъ.

— Говоришь ты дѣло,—отвѣтилъ ему бѣлобородый некрасовецъ.

— Не заругали-бы,—тоскливо проговорилъ въ толпѣ тотъ-же голосъ, что все о командномъ начальникѣ напоминалъ.

Разговорились некрасовцы съ добровольцами, всякъ свое разспрашиваетъ другъ друга. Наши у тѣхъ про ихъ житье въ турецкой землѣ, тѣ у нашихъ: все-ли по-новому въ *Рассеи* али что и изъ стараго осталось? Осетрину-то больше соленую да вяленую доставили, значитъ, хоть сейчасъ рѣжь ломтями да закусывай, дѣло готовое!

Косо посматривали матросы-нѣмцы на «великіе безпорядки», но уже не вмѣшивались послѣ казацкой затрещины, хотя самъ пострадавшій, погрозивъ обидчику издали кулакомъ, даже за рукоятку ножа подержавшись при этомъ, ушелъ въ пароходную контору занести свою жалобу и требовать удовлетворенія черезъ русское консульство.

Пока «сѣряки-добровольцы» скромно пировали съ некрасовцами на палубѣ баржи, въ каютахъ второго класса, на самомъ пароходѣ, менѣе скромно пировали «добровольцы привиллегированные».

Здѣсь царило необычайное разнообразіе типовъ и костюмовъ: здѣсь были и юноши, едва-ли миновавшіе пятнадцатилѣтній возрастъ, и лысые, сѣдоволосые старцы, здѣсь были и отставные офицерскіе пальто и сюртуки, и чиновничьи мундиры, и стат-

скіе костюмы, начиная отъ фрака до легкаго лѣтняго пиджака изъ парусины, и такъ называемыя славянофилки-безрукавки и черкески съ нашитыми на груди патронташами; были даже два ватныхъ халата, съ подстегнутыми къ поясу стеганными полами; здѣсь даже большинство, сознавая свое пребываніе въ данную минуту «въ нѣкоторомъ родѣ за границею», блистало знаніемъ иностранныхъ языковъ и переговаривалось между собою французскими фразами. Упаси, Господи, только какія это выходили фразы!..

Всѣ эти привилегированные добровольцы отправлялись съ тайными и явно высказываемыми надеждами на блестящую военную карьеру,— все это были будущіе полковники и генералы сербской арміи. Замѣчательно, что даже тѣ, кто не стяжалъ себѣ въ отечествѣ никакого чина, ни военнаго, ни статскаго, всѣ величали себя не иначе, какъ «господинъ капитанъ», никакъ не менѣе.

Всѣ они добрались до Галаца, тщательно скрывая свои арсеналы, пряча разобранныя ружья въ панталонахъ и за спинами, револьверы за пазухой, кинжалы за рукавами. Изобрѣтательность въ способахъ храненія оружія втайнѣ достигала у нихъ до изысканности, до совершенства. Они были напуганы предупредительными разсказами о подозрительности австрійскихъ таможенъ, особенно пограничныхъ румынскихъ, по таможенные, посмѣиваясь въ свои эспаньолки, поглядывали только на эти неестественно оттопыривающіеся пиджаки и пальто, на эту натянутость походки обремененныхъ оружіемъ, на ихъ неудобныя до-нельзя позы во время сидѣнья въ буфетахъ, преспокойно оставляли безъ вниманія таковые признаки подозрительности и не лишали добровольцевъ удовольствія «торжествовать надъ мнимою простоволосостью заграничныхъ таможенныхъ чиновниковъ».

Здѣсь же, на пароходѣ «Кейзеръ Максъ», отданномъ компаніею въ распоряженіе агента по передвиженіямъ партій, добровольцы почувствовали себя какъ дома, полными хозяевами парохода. Вѣдь «Кейзеръ Максъ» долженъ былъ везти ихъ прямо въ Бѣлградъ, останавливаясь только у дунайскихъ пристаней для нагрузки угля; попавъ на его палубу, пассажиры до самаго Бѣлграда избавлялись отъ всякихъ соприкосновеній съ полиціей и таможнями, а въ Бѣлградѣ—тамъ ужъ свои

«*братья*», тамъ ихъ ждутъ съ распростертыми объятіями, тамъ они желанные, давно жданные гости; нельзя-же этимъ гостямъ явиться кое-какъ, не принявъ предварительно приличнаго, полнаго воинственности, вида.

И вотъ все это, такъ тщательно скрываемое до сихъ поръ оружіе появилось, наконецъ, на свѣтъ божій. Всѣ, и старъ, и младъ, вооружились, обвѣшались кинжалами, двустволками, пистолетами, саблями и, громыхая по доскамъ палубы, задѣвая за борта, за рубки люковъ, за все встрѣчное, прогуливались на площадкѣ «*на страхъ врагамъ, на предостереженіе коварнымъ молдаванамъ*».

Пароходный буфетъ торговалъ бойко, необычно даже бойко, такъ-что это даже стало, наконецъ, смущать нѣмца, содержателя буфета, и тотъ ходилъ уже справляться у капитана парохода Недельбома, что *въ случаѣ*, если пассажиры потребуютъ кредита, то можно ли будетъ открыть таковой и за чью отвѣтственностью.

— Не мое дѣло! — недовольнымъ тономъ отвѣчалъ своему соотечественнику капитанъ Недельбомъ.

— Я говорю къ тому,—настаивалъ буфетчикъ,—что если *они потребуютъ* кредита, то будетъ рискованно для парохода имъ въ этомъ отказать...

— Для парохода нисколько не рискованно; онъ желѣзный и застрахованъ въ двухъ компаніяхъ,—тѣмъ-же тономъ отвѣчалъ капитанъ.

Содержатель буфета только пожалъ плечами и съ унылымъ видомъ поспѣшилъ на свой постъ, гдѣ его помощникъ и вспотѣвшіе, красные, какъ раки, кельнеры въ зеленыхъ фартучкахъ едва успѣвали исполнять разнообразныя требованія пассажировъ.

Однако, опасеніе буфетчика было пока неосновательно; пассажиры расплачивались наличнымъ серебромъ и золотомъ и не провѣряли его двойныхъ мошенническихъ счетовъ. Только одинъ пассажиръ, стуча кулакомъ, неистово требовалъ, чтобы у него приняли русскую рублевку за четыре франка, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что онъ со школьной скамьи знаетъ, что франкъ есть четвертакъ и ему дѣла нѣтъ ни до какого курса, «ибо курсъ, провалъ его возьми, самъ по себѣ, а маіоръ Дупловъ, кавказецъ маіоръ Дупловъ, самъ по себѣ...»

Уступчивый нѣмецъ поспѣшилъ удовлетворить даже и это

требованіе, взявъ, впрочемъ, съ кавказца-маіора три франка за то, что едва-ли стоило одинъ франкъ, и маіоръ Дупловъ торжествовалъ.

— Учить ихъ надо, мерррзавцевъ, учить!—самодовольно твердилъ онъ.—Ишь что выдумали, подддлецы, курсъ какой-то... Шалишь, старрра штука! Врешь, не прроведешь!..

— Я въ «Текучѣ», въ гостиницѣ, кельнеру этикетку отъ мармеладнаго ящика отдалъ замѣсто рублевой бумажки,—хвастался юный гимназистъ съ жандармскою саблею у пояса.

— Смошенничалъ, значитъ, молокососъ; убирайся вонъ, мальчишка, мундирръ порррочишь...—обрѣзалъ его кавказецъ вмѣсто ожидаемаго съ его стороны одобренія.

На палубу «Кейзеръ Максъ» явились и два джентльмена, изящно костюмированные, съ биноклями и записными книжками въ карманахъ. Это были корреспонденты вѣнской «Presse», новой или старой—Аллахъ вѣдаетъ, и бухарестскаго журнала «Telegrafull». Оба эти джентльмена пробрались прямо на капитанскій мостикъ и оттуда наблюдали «*факты возмутительнаго до наглости* вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи», занося отмѣтки за отмѣтками въ свои записныя книжечки.

Они теперь разговаривали съ капитаномъ Недельбомомъ, находя съ его стороны полнѣйшее сочувствіе и солидарность во взглядахъ.

Капитанъ Недельбомъ былъ очень недоволенъ, что его пароходъ, служившій всегда только цивилизованнымъ европейскимъ пассажирамъ, несъ теперь, по милости нелѣпаго распоряженія компаніи, такую «*постыдную службу*».

— Я положительно не понимаю,—говорилъ онъ,—этого распоряженія; представьте себѣ, даже понижена цѣна за проѣздъ; положительно не понимаю... Я человѣкъ подначальный, я долженъ покоряться но, согласитесь сами, вѣдь это какъ хотите...

Корреспонденты соглашались и высказывали таинственно свои подозрѣнія, въ темныхъ, тайныхъ сдѣлкахъ «эмиссаровъ русскаго правительства съ членами компаніи».

— Чего не сдѣластъ русское золото!—вздыхалъ одинъ изъ нихъ, записывая, что онъ видитъ между русскими добровольцами одного, ростомъ не менѣе трехъ метровъ, и что этотъ гигантъ, на его глазахъ, въ пять минутъ времени, ни болѣе,

ни менѣе, какъ въ пять минутъ, съѣдаетъ четырнадцатую порцію телячьихъ котлетъ и выпиваетъ восьмую бутылку рому...

— Положимъ, это все (капитанъ Недельбомъ презрительно ткнулъ пальцемъ въ кучку *привилегированныхъ*)... это все—сволочь, сбродъ, о которомъ не стоитъ и говорить. Всякое государство съ удовольствіемъ воспользуется случаемъ, чтобы извергнуть изъ себя эти элементы, благо находится помойная яма, которая все принимаетъ; но вотъ тамъ—(и капитанъ показалъ, на баржу) — тамъ другое дѣло: то вѣдь войска регулярныя все ветераны—это хорошіе кадры для сербовъ и отправка такихъ въ Бѣлградъ плохая услуга обще-европейскому миру. Они еще не вооружены,—продолжалъ капитанъ,—но кто знаетъ, мало-ли подозрительнаго груза отправляется въ Сербію; вотъ, напримѣръ, хоть эти длинные, тяжелые ящики, что ушли еще третьяго дня на «Аріаднѣ». Въ этихъ ящикахъ, я голову даю порукою, оружіе... Нельзя явно вести баталіоны войска; люди идутъ отдѣльно, какъ пассажиры, путешественники, оружіе отдѣльно, какъ товаръ,—и арміи готовы. Это просто веденіе войны съ Турціей, но не явно, открыто, а исподтишка. Не понимаю, какъ это терпитъ до сихъ поръ наше правительство!?

Говоря «наше правительство», капитанъ Недельбомъ предполагалъ австрійское, а не румынское.

— Это еще что!—также огорчался безцеремонностью Россіи корреспондентъ «Telegraful'a».—Вы посмотрите, вонъ казаки съ лошадьми и оружіемъ: это уже совсѣмъ войско, это уже совершенно прямое нарушеніе трактатовъ; сегодня четыре, завтра тоже четыре, черезъ недѣлю эскадронъ, а тамъ и цѣлые кавалерійскіе полки, съ обозами и артиллеріею. И это все дѣлается силою русскаго золота!

Капитанъ Недельбомъ наклонился къ самому уху одного изъ собесѣдниковъ и что-то сообщилъ.

— Не можетъ быть,—привскочилъ даже тотъ на мѣстѣ и побагровѣлъ отъ волненія.

— Въ чемъ дѣло, что такое?—завистливо засуетился другой корреспондентъ.—Ради Бога!

— Я вамъ говорю, что это правда—новый русскій главнокомандующій. Онъ здѣсь, въ каютахъ перваго класса, такой сановитый старикъ, и съ нимъ камердинеръ и оруженосецъ,—оригинальная личность, весь въ орденахъ, старый левъ по

наружности. Они всѣ здѣсь въ каютахъ перваго класса. Генералъ ничего не пьетъ, кромѣ шампанскаго со льдомъ, пріѣхалъ на пароходъ въ коляскѣ русскаго консула... Еще есть подозрительное обстоятельство, очень подозрительное...

— Въ чемъ дѣло? какое обстоятельство?—обступили вплотную разсказчика оба корреспондента.

— Мой помощникъ ясно слышалъ, какъ господинъ консулъ говорилъ генералу «mon prince». Вы понимаете: «mon prince», а это тоже что-нибудь да значитъ! И это ясно слышалъ мой помощникъ Рюдель.

Корреспонденты уже борзо строчили, быстро перелистывая странички записныхъ книжекъ; одинъ изъ нихъ, ловко маневрируя, приблизился къ сходцамъ и сталъ-было спускаться, другой во-время замѣтилъ лукавство товарища и поспѣшилъ проститься съ обязательнымъ капитаномъ парохода «Кейзеръ Максъ».

Черезъ минуту они оба уже неслись на телеграфную станцію сообщать своимъ «органамъ» о ѣдущемъ изъ Россіи новомъ главнокомандующемъ сербской арміи; описаніе наружности этого генерала и его путевая обстановка, его камердинера и оруженосца, «стараго льва въ орденахъ», даже питье генерала, — ничто не, было забыто въ этихъ корреспонденціяхъ.

Репортеры сегодня торжествовали: давно уже не имѣли они такого богатаго матеріала.

Черезъ полчаса всѣ формальности, задерживающія отплытіе «Кейзеръ Макса» изъ Галаца, окончились благополучно; на пристани въ седьмой разъ уже раздавался первый звонокъ, на пароходѣ прозвучалъ колоколъ и съ пронзительнымъ визгомъ выпущена была струя бѣлаго пара... Горластыя трубы глухо запыхтѣли, испуская черные клубы вонючаго коксоваго дыма.

Некрасовцы сошли съ баржи и уже разсѣлись по своимъ лодкамъ, чтобы не много, хоть до Браилова, проводить земляковъ, «христовыхъ ратничковъ»... На палубѣ обнажились сотни головъ и замелькали загорѣлыя руки, творящія крестное знаменіе.

Еще разъ усиленно пыхнули трубы, еще разъ прозвенѣлъ въ воздухѣ паровой свистокъ; мостки были давно сняты и убраны... Между бортомъ парохода и массивнымъ выпуклымъ

бокомъ пристани незамѣтно образовался промежутокъ, быстро расширяющійся; подъ кормою, взбивая грязную пѣну, заклокотали лопасти винта. «Кейзеръ Максъ» тронулся въ плаваніе.

Въ каютахъ второго класса заревѣло отчаянное «ура!!!»

На мостикъ къ капитану, съ растерянным видомъ, вбѣжалъ одинъ изъ добровольцевъ съ требованіемъ остановиться и вернуться, такъ какъ два его товарища пошли закупить табаку и еще на пароходъ не возвращались...

— Это не мое дѣло!—лаконически отвѣчалъ капитанъ Недельбомъ, заставивъ предварительно растерявшагося добровольца вволю поломать нѣмецкій языкъ.

— Аберъ, я-же прошу васъ, капитанъ, геръ каптейнъ: загенъ зи стопъ... Цвей мейнъ камарадъ... Я вамъ говорю: загенъ зи стопъ, ихъ бите ..

Но капитанъ не слушалъ просьбы, разъ сказавъ: «это не мое дѣло», и, отвернувшись, лорнировалъ въ бинокль какую-то черную точку впереди, надъ которою вилась и далеко тянулась въ воздухѣ такая-же черная, длинная полоса дыма, какъ и надъ трубами «Кейзеръ Максъ».

— Эка скотина!—выругался, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія добровольцъ и, плюнувъ, сталъ спускаться съ мостика.

XIX.

Инкогнито по недоразумѣнію.

Таинственная личность, такъ взбудоражившая корреспондентовъ, «mon prince», прибывшій на пароходъ въ коляскѣ русскаго консула, сопутствуемый даже самимъ господиномъ консуломъ, сановитый старикъ, непьющій ничего, кромѣ шампанскаго со льдомъ, ѣдущій въ сопровожденіи камердинера и увѣшаннаго орденами «стараго льва» оруженосца, единственный пассажиръ перваго класса «Кейзеръ Макса», будущій новый главнокомандующій сербскихъ армій, былъ никто иной, какъ князь Иванъ Аполлоновичъ Пестрый-Ковриковъ, а его спутники—камердинеръ Ефремъ и бывшій швейцаръ Миронычъ.

Послѣ торжественныхъ проводовъ и при выѣздѣ изъ дому, и на вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги въ Петербургѣ, князь выѣхалъ съ намѣреніемъ держать путь на Варшаву и Вѣну, а

ужъ оттуда по Дунаю на Пештъ и Бѣлградъ; но судьба распорядилась нѣсколько иначе, и князь очутился въ Галацѣ.

Въ данномъ случаѣ судьба явилась въ образѣ очень недурной собою и притомъ необыкновенно пикантной польки-блондинки съ живыми, сѣрыми глазами...

Дама эта впервые была замѣчена княземъ въ Вильнѣ, гдѣ смѣнялись поѣзда, и пассажиры, ѣдущіе не на прусскую границу, должны томиться полутора часовымъ ожиданіемъ своей очереди.

Блондинка въ виленскомъ вокзалѣ кушала котлетку; Иванъ Аполлоновичъ совершенно случайно расположился завтракать какъ-разъ противъ нея и, съ свойственной ему смѣлостью въ обращеніи съ незнакомыми дамами, предложилъ ей краснаго вина изъ своей бутылки, а та не отказалась и даже наградила предлагающаго бархатнымъ, гортаннымъ «merci» и самою обворожительною улыбкою, въ которой высказалась и ея признательность за оказанное ей вниманіе, и даже нѣчто вродѣ молчаливой просьбы о дальнѣйшемъ покровительствѣ.

Блондинка ѣхала во второмъ классѣ, а князь, конечно, въ первомъ, и случайно попалъ въ отдѣльное купе, въ которое никто изъ постороннихъ и не вторгался за все время переѣзда изъ Вильны въ Варшаву.

Не доѣзжая еще Бѣлостока, хорошенькая полька очутилась въ томъ-же купе, глазъ на глазъ съ княземъ. Это перемѣщеніе случилось слѣдующимъ образомъ. Выйдя на одной изъ станцій на платформу, князь тотчасъ-же встрѣтился съ этою дамою и не могъ не обратить вниманія на ея необыкновенно усталый, измученный видъ, на эту истомленную позу, въ которой она стояла, прислонившись къ колоннѣ навѣса, на эту жадность, съ которой она усиленно вдыхала воздухъ, открывая свой прелестный ротикъ, какъ рыбка, вытащенная на берегъ.

По праву знакомства Иванъ Аполлоновичъ съ соболѣзнованіемъ въ голосѣ освѣдомился о причинѣ такого утомленнаго вида; полька отвѣчала, что, по несчастію, она попала въ вагонъ, биткомъ набитый пассажирами, что эти пассажиры немилосердно курятъ скверныя сигары, что она уже двѣ ночи какъ не спала... Она при этомъ добавила о неудобствахъ ѣздить одной... и проч., и проч.

Конечно, князь немедленно пригласилъ пересѣсть эту уто-

мленную красавицу въ свое купе и даже устроилъ ея перемѣщеніе, сообщивъ кондуктору, что онъ доплачиваетъ разницу.

Покойныя, эластичныя подушки перваго класса, просторъ, возможность протянуть свои ножки,—все это скоро разогнало усталость новой спутницы Ивана Аполлоновича; она оживилась, болтала безъ умолку, съ любопытствомъ разсматривала изящные дорожные предметы, разложенные по сѣткамъ, просила князя не стѣсняться ея присутствіемъ и курить, иначе, молъ, она должна будетъ снова уйти на свое прежнее мѣсто, даже сама закурила папироску и безъ пощады уничтожала конфекты и всякія сласти, подносимыя ей Иваномъ Аполлоновичемъ при каждой остановкѣ поѣзда.

Она кое-что понимала по-русски, прекрасно болтала по-французски и по-нѣмецки; беззастѣнчивость ея дошла даже до того, что она, доставъ изъ своего мѣшка пару изящныхъ свѣтло-лиловыхъ туфелекъ, переобулась при своемъ спутникѣ, показавъ ему полненькія въ икрахъ и тонкія въ щиколоткѣ ножки съ высокимъ, пухлымъ, какъ подушечки, подъемомъ.

Князь былъ очень доволенъ спутницею, развеселился тоже; предлагая ей закурить и держа горящую восковую спичку, ухитрился даже коснуться своимъ пальцемъ ея пальчиковъ, а вскорѣ они уже очень мило играли вмѣстѣ и игра заключалась въ томъ, что князь долженъ былъ вытянуть руки ладонями внизъ, а та должна была тоже вытянуть свои и держать ладонями кверху, затѣмъ князь долженъ былъ успѣть отдернуть свои руки прежде, чѣмъ она успѣетъ хлопнуть по нимъ сверху. Очень забавная игра!

Въ купе то-и-дѣло раздавалось теперь—хлопъ да хлопъ, звонкій смѣхъ блондинки и ласкательно-нѣжные протесты Ивана Аполлоновича.

Въ Гродно они обѣдали вмѣстѣ и выпили бутылку шампанскаго; послѣ обѣда спутницѣ захотѣлось спать, она легла и князь прикрылъ ее своимъ пледомъ, причемъ даже прикоснулся губами къ ея виску, на что протеста не послѣдовало.

Одно только, что немного смущало князя, — это обиліе дешевой пудры въ волосахъ, усѣявшей бѣлымъ налетомъ спину и плечи блондинки, и траурныя полоски на оконечностяхъ ногтей.

Эти недостатки охотно, впрочемъ, извинялись Иваномъ Аполлоновичемъ и объяснялись длинною дорогою.

Дорогою князь узналъ, что хорошенькая полька ѣдетъ за границу, но не въ Вѣну, а въ Черновицы, чрезъ Краковъ и Лембергъ, а потому и за Варшавою они могутъ ѣхать вмѣстѣ почти цѣлыя сутки. Князь былъ очень доволенъ этимъ открытіемъ и, по настоянію спутницы, далъ слово не слѣдить за нею въ Варшавѣ, ибо это могло-бы навлечь на нее большія семейныя непріятности, а та, въ свою очередь, дала ему слово выѣхать изъ Варшавы въ назначенный день и часъ,—что и исполнила, отчасти вопреки даже ожиданію Ивана Аполлоновича, взявшаго уже теперь спеціально отдѣльное купе для большихъ удобствъ во время дальнѣйшаго путешествія.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ свою новую знакомую на дебаркадерѣ вѣнской дороги и издали еще замѣтилъ ее въ фіакрѣ, подъѣзжающую къ дебаркадеру въ сопровожденіи отвратительно ожирѣвшей старухи еврейскаго типа.

Князь измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе ѣхать на Вѣну. Онъ расчелъ, что въ Вѣнѣ онъ уже бывалъ не разъ и что врядъ-ли что найдетъ тамъ интереснаго, а ѣхать на Черновицы и Яссы, прямо въ Галацъ, пожалуй, гораздо интереснѣй и даже немного ближе... Билетъ былъ взятъ потому на Черновицы.

Онъ даже не говорилъ объ этомъ заранѣе своей спутницѣ и приберегъ сюрпризъ до станціи *Границы* на австрійской границѣ... Сюрпризъ этотъ былъ встрѣченъ, однако, съ меньшимъ восторгомъ, чѣмъ то предполагалъ Иванъ Аполлоновичъ.

Однако, въ душѣ полька была очень довольна: она дѣлала большое путешествіе съ большимъ комфортомъ и даромъ; князь даже взялся размѣнять ей на гульдены русскую сторублевую бумажку и по разсѣянности возвратилъ ее обратно ей-же вмѣстѣ съ размѣненными деньгами; хорошенькая блондинка, тоже по разсѣянности, не замѣтила этой *разсѣянности*.

Опять всю дорогу слышались — хлопъ да хлопъ, опять въ купе звенѣлъ бархатный голосокъ; князь теперь называлъ свою спутницу «ma petite».

— Новую мамзель завелъ,—подмигивая глазомъ, заявилъ камердинеръ Ефремъ.

— Не гоже, на такое святое дѣло ѣдучи,—недовольнымъ тономъ отвѣчалъ старикъ Миронычъ.

Оба они хотя и ѣхали въ вагонѣ третьяго класса, совсѣмъ

на другомъ концѣ поѣзда, но зорко слѣдили за всѣми дорожными похожденіями «его сіятельства».

Но всему бываетъ конецъ. Въ Черновицахъ этотъ конецъ наступилъ и амурнымъ похожденіямъ князя: за станцію до названнаго пункта блондинка стала обнаруживать признаки сильнѣйшаго безпокойства и даже пересѣла, къ великому огорченію своего спутника и дорожнаго покровителя, въ другой вагонъ... Князь видѣлъ ее только еще разъ, когда она торопливо пробиралась черезъ толпу на черновицкомъ вокзалѣ, сопровождаемая двумя геркулесами въ австрійскихъ пѣхотныхъ мундирахъ и багровымъ, усатымъ толстякомъ въ венгеркѣ, тащившимъ сзади нея дорожный ковровый мѣшокъ; князю даже показалось, что одинъ изъ геркулесовъ подозрительно взглянулъ на окно его купе и сдѣлалъ какую-то неприличную мину...

— И прекрасно, и слава Богу!—утѣшалъ себя князь.— Не увлекаться-же въ серьезъ всякою встрѣчною авантюристкою. Пошалилъ—и баста!

Онъ вынулъ хорошую сигару, снялъ пальто и вытянулся одинокій на диванѣ купе, припоминая, какія у этой авантюристки округленныя плечики, какая гибкая, вертлявая, какъ змѣй вьющаяся и изгибающаяся талія и прочія прелести. Жаль только вотъ что: эти неопрятныя каемки траура на ногтяхъ и эта манера никогда не обдернуть себѣ платья иначе, какъ показавъ почти всю ногу, даже до подвязки, выше колѣна.

Такимъ образомъ, князь Иванъ Аполлоновичъ Пестрый-Ковриковъ прибылъ вмѣстѣ «съ своимъ штабомъ» въ Галацъ и остановился тамъ, ради дальнѣйшей ориентировки, въ гостиницѣ «Конкордія».

Пріѣздъ князя и пребываніе его въ Галацѣ съ внѣшней стороны афишировалось живописною фигурою старика Мироныча, его орденами, его золотыми галунами, обильно обшитыми и на рукавахъ, и на высокомъ красномъ воротникѣ чернаго, долгополаго сюртука. Въ свою очередь, болтливость камердинера Ефрема не знала границъ; онъ вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, разсказывалъ про своего господина и про цѣль его поѣздки чудеса. По его словамъ выходило, что самъ князь Миланъ сербскій ждетъ не дождется пріѣзда князя Пестраго-Коврикова, что турки, узнавъ объ этомъ пріѣздѣ, новыхъ сто тысячъ подкрѣпленія изъ Цареграда выслали, что «мы, молъ,

съ кнлземъ самое важное генеральское мѣсто занимать ѣдемъ...» Ефремъ теперь далъ полную волю своей фантазіи. Дорогою, за незнаніемъ языка, онъ молчалъ какъ рыба, а здѣсь, въ Молдавіи, вишь ты, его почти всякій понимаетъ, въ гостиницѣ каждый кельперъ по нашему маракуетъ, извозчики, такъ тѣ даже «не прокатить-ли, ваше степенство», ему говорятъ. Чудесная страна! И всѣ-то его, простого камердинера, за княжескаго секретаря почитаютъ, а обѣдомъ не въ людской кормятъ, а карту подаютъ и спрашиваютъ: что, молъ, выбрать себѣ покушать изволите и какого вина подать, краснаго аль бѣлаго? Какъ-же ему тутъ не разовраться?

Это было время самаго разгара таинственной путаницы движенія добровольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи къ Дунаю. Вотъ теперь прибыли двѣ громадныхъ партіи, толкутся по Галацу. Одни разбрелись по гостиницамъ, ну, съ тѣми пусть полиція пока возится, а другіе, большая, такъ сказать, масса— та выстроилась рядами на дебаркадерѣ и спокойно ждетъ, пока имъ не скомандуютъ: рота, справа рядами, шагомъ маршъ! Не скомандуютъ этого—все будутъ стоять фронтомъ и ждать,— хоть вѣкъ простоятъ, не тронутся, потому нельзя безъ начальства. Вотъ съ этими много возни—и устрой ихъ по квартирамъ, и накорми, провіантъ давай. Они, положимъ, хоть и не скандалятъ, не бьютъ стеколъ въ канцеляріи консульства, они терпѣливо ждутъ, да у кого-же душа не тронется этимъ молчаливымъ, всевыносящимъ, угрюмымъ, покорнымъ судьбѣ и волѣ начальства терпѣніемъ?

Компанія, не только не дружественная славянскому движенію, а, напротивъ, даже явно еще враждебная, выручаетъ изъ бѣды; она даетъ въ распоряженіе добровольцевъ свой лучшій пароходъ. Это что-нибудь да значитъ! Компанія эта, значитъ, дѣйствуетъ вопреки своимъ взглядамъ и интересамъ, въ силу иного, болѣе сильнаго давленія.—Опять загадка, опять таинственность...

Вотъ еще кто-то пріѣхалъ и остановился въ Конкордіи; содержатель гостиницы и вся прислуга не вѣсть что разносятъ по городу о «высокомъ» посѣтителѣ. На паспортѣ значится только: князь Пестрый-Ковриковъ—ничего больше, а кто его знаетъ, кто онъ таковъ на самомъ дѣлѣ? Подозрительно! Секретная справка по телеграфу въ Петербургъ: «выѣхалъ-ли

изъ Петербурга князь Пестрый-Ковриковъ и куда именно?...» Отвѣтъ: «точно, таковой выѣхалъ въ Сербію, какъ навела справки полиція, въ армію тимокско-моравскую». Гмъ! Вотъ оно что!

Самъ проѣзжій въ консульство не является,—не съѣздить-ли къ нему самому консулу съ визитомъ? Къ чему тутъ лишній страхъ объ утратѣ яко-бы консульскаго престижа? Еще, пожалуй, лучше выйдетъ, если съѣздить.

Ѣдетъ консулъ съ визитомъ, представляются другъ другу: «такой-то и такой-то», начинается разговоръ.

— Партіи уже прибыли, ваше сіятельство, и пароходъ назначенъ для дальнѣйшаго слѣдованія,— сообщаетъ консулъ.

— А, уже прибыли?—удивляется почему-то князь.

«Ага, вотъ оно, вотъ оно, высказался-таки,—смекаетъ консулъ,—значитъ, ему извѣстно и о партіяхъ, и о пароходѣ, это, значитъ, изъ *посвященныхъ*».

А посвященный не знаетъ, о чемъ дальше говорить, не понимаетъ вовсе значенія этого консульскаго визита.

— Ваше сіятельство намѣрены ѣхать на этомъ же пароходѣ? Отплытіе предполагается завтра, если позволите.

— Благодарю, благодарю. Вы очень любезны, господинъ консулъ. Да, да, завтра! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я уже приказалъ.

Князь не договорилъ, что онъ именно приказалъ, а приказалъ онъ Ефрему просто-на-просто справиться на пристани, какіе пароходы и когда идутъ отсюда вверхъ по Дунаю.

«*Уже приказалъ*», думаетъ и соображаетъ консулъ и торопится, чтобы дѣйствительно завтра пароходъ былъ готовъ къ отплытію; онъ даже распоряжается сообщить капитану, чтобы тотъ, въ свою очередь, распорядился устройствомъ приличнаго и отдѣльнаго помѣщенія.

Уѣхалъ консулъ. На всякій случай тоже заѣхалъ съ визитомъ мэръ города; начальникъ полиціи, почета ради больше, распорядился поставить у подъѣзда гостиницы двухъ сержантовъ. Догадки содержателя отеля и его прислуги оправдываются, онѣ, такъ сказать, санкціонируются свыше оффиціальною властью.

Вечеромъ къ князю ввалились два добровольца изъ привилегированныхъ, рапортуются какъ начальнику и заявляютъ

претензіи на недостатокъ средствъ къ дальнѣйшему походу, требуютъ денегъ.

Иванъ Аполлоновичъ былъ сначала удивленъ этимъ тономъ требованія, однако, далъ, тоже на всякій случай, по два дуката каждому. Часу не прошло, еще пожаловало шестеро, надо и этимъ дать хоть по одному дукату.

— Такъ и сыпетъ золотомъ направо и налѣво!—перешептывается прислуга отеля «Конкордіи».

Вслѣдствіе этого хозяинъ отеля проставленную уже въ счетѣ цифру за помѣщеніе, шесть франковъ въ сутки, перемарываетъ и ставитъ десять.

Камердинеръ Ефремъ гордо расхаживаетъ по садику гостиницы съ нѣмецкою газетою въ рукахъ и протекторски относится къ добровольцамъ, сидящимъ за столикомъ на открытомъ воздухѣ; даже смиренный Миронычъ проникается духомъ особой почтительности къ особѣ его сіятельства и стремительно вытягиваетъ руки по швамъ, какъ только скрипнетъ дверь княжескихъ апартаментовъ или продребезжитъ электрическій звонокъ и отщелкнется на показателѣ квадратикъ съ соотвѣтствующимъ нумеромъ.

На другой день утромъ Иванъ Аполлоновичъ, почти помимо своей воли, самъ не ясно сознавая, какъ все это случилось, попалъ на палубу парохода «Кейзеръ Максъ» единственнымъ пассажиромъ перваго класса. Капитанъ Недельбомъ встрѣтилъ его почтительно, даже мундиръ надѣлъ для сей встрѣчи, и проводилъ лично въ каюты.

Къ чести князя Ивана Аполлоновича надо сказать, что онъ съ своей стороны не сказалъ и не сдѣлалъ ничего такого, что-бы могло поддерживать дальнѣйшее заблужденіе всѣхъ окружающихъ, но онъ такъ-же не сказалъ и не сдѣлалъ ничего такого, что-бы могло это заблужденіе разсѣять.

Настоящее заблужденіе даже нравилось ему отчасти: онъ считалъ это за доброе предзнаменованіе его блестящей будущей исторической карьеры и, опираясь на свои слабыя познанія въ классической литературѣ, припоминалъ, какъ это вѣдьмы передъ походомъ привѣтствовали Макбета таномъ кавдорскимъ.

XX.

На палубѣ «Кейзеръ Макса».

Остался сзади красиво разметавшійся по обрывамъ берега Галацъ, миновали и «казарменную» гору съ чахоточнымъ увеселительнымъ садикомъ «Баварія» (желалъ-бы я знать, въ какомъ городѣ нѣтъ пивного увеселительнаго садика «Баварія»), прошли и разлившееся болотами широкое устье Серета съ виднѣющимися издали пологими, легкими арками знаменитаго Варбошскаго моста. Пароходъ «Кейзеръ Максъ» пыхтѣлъ, словно страдающій одышкою, и довольно ходко плылъ, волоча за собою тяжелую, безконечно длинную баржу съ добровольцами-сѣряками. Легкія лодки некрасовцевъ, словно чайки, шныряли по сторонамъ, то обгоняя пароходъ, то равняясь съ бортами баржи почти вплотную, перекликаясь съ ея пассажирами.

Внимательный къ высокому пассажиру, капитанъ Недельбомъ распорядился запереть барьерами переходы съ палубы и мостковъ носовой части, гдѣ помѣщались второй и третій классы, въ кормовую, занимаемую первымъ. Такимъ образомъ, Иванъ Аполлоновичъ очутился съ своимъ штабомъ совершенно изолированнымъ отъ прочихъ пассажировъ «Кейзеръ Макса». Эти пассажиры съ отчала парохода почувствовали себя уже вполнѣ хозяевами своего положенія, высыпали изъ душныхъ каютъ и приказали вынести сюда на вольный воздухъ складные стулья и столики. Капитанъ Недельбомъ и его помощникъ Рюдель сочли почему-то нелишнимъ спрятать въ карманы своихъ пальто по револьверу.

Часа два спустя «Кейзеръ Максъ» миновалъ Браиловъ, не останавливаясь у пристани, ограничившись только показаніемъ своего трехцвѣтнаго флага и свисткомъ-салютомъ, что вызвало легкое неудовольствіе между пассажирами.

— Что-же это за путешествіе, провалъ его возьми! Этакій важный историческій пунктъ, памятникъ, такъ сказать, Суворовскихъ побѣдъ, и фью-фью, дуй мимо! Даже ознакомиться не дадутъ, какъ слѣдуетъ!..—послышались недовольные голоса.

Но тѣмъ не менѣе историческій пунктъ, памятникъ славныхъ русскихъ побѣдъ былыхъ временъ, остался уже сзади, мелькнувъ только своими желтыми, глинистыми обрывами и

тѣсными группами судовъ, прижавшимися вплотную къ этому обрывистому берегу.

На противоположномъ берегу виднѣлось турецкое селеніе, у самаго устья Мачинскаго рукава; далѣе, на горахъ, даже простымъ глазомъ можно было замѣтить очертаніе стѣнъ крѣпости Мачина и два его минарета. На самомъ берегу, надъ какимъ-то зданіемъ, торчала покрившаяся мачта съ краснымъ флагомъ, съ бѣлою луною и тремя-же звѣздами; около мачты скромно прохаживался солдатъ-часовой въ фескѣ и синей шинели...

— Турокъ, турокъ! — заволновались добровольцы.—Господа, смотрите, вонъ турокъ торчитъ! Вонъ еще двое!

— Ишь, подлецы!

— А что, хватитъ отсюда изъ штуцера или нѣтъ?.. Не попробовать-ли въ самомъ дѣлѣ?!

— Изъ моего хватитъ.

— Не балуй, ребята, что ихъ задирать до времени!.. Эндосовъ, ну, ихъ къ... Да брось-же, говорятъ тебѣ!..

Тотъ, кого называли Эндосовымъ, сталъ-было уже выкидывать подозрительные артикулы своимъ ружьемъ, да его вовремя остановили. Капитанъ Недельбомъ, отъ внимательнаго взора котораго не ускользнуло это обстоятельство, поспѣшилъ послать своего помощника къ пассажиру перваго класса, просить его оказать содѣйствіе, иначе могутъ выйти большія непріятности.

— Я, право, не знаю... это не мое дѣло... Я, впрочемъ, буду просить...—растерялся Иванъ Аполлоновичъ, понявъ, наконецъ, въ какое онъ влетѣлъ неловкое, щекотливое положеніе.

Рюдель сообщилъ этотъ отвѣтъ Недельбому, тотъ поморщился, подумалъ и, замѣтивъ одного изъ пассажировъ, знающаго нѣмецкій языкъ, просилъ его передать товарищамъ, что если еще повторится что-нибудь подобное, вродѣ попытки стрѣлять по турецкому часовому, то онъ пристанетъ къ берегу и будетъ стоять, пока пассажиры не сдадутъ всего оружія, а то и просто съ помощью мѣстной полиціи высадитъ ихъ всѣхъ на берегъ.

— Видишь ты, животное, что было надѣлалъ!—укоризненно замѣтили нѣкоторые изъ добровольцевъ Эндосову.

— Удивительно! Стоитъ, право, изъ-за такого вздора подымать исторію,—презрительно пожалъ тотъ плечами и, поло-

живъ карабинъ на скамью, подошелъ къ столику, гдѣ группа его товарищей расположилась перекинуться направо и налѣво.

У этого столика, на предсѣдательствующемъ мѣстѣ, засѣдалъ съ грязною колодою въ рукахъ «командный начальникъ», подпоручикъ въ отставкѣ Дульцинкевичъ, юркій блондинъ съ парикмахерской наружностью, съ перстнями на всѣхъ десяти пальцахъ, въ довольно изящномъ дорожномъ костюмѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ, въ военной фуражкѣ, съ сумкою черезъ плечо. Онъ засучилъ рукава, будто показывалъ фокусы «безъ всякихъ приготовленій», и какъ-то хитро тасовалъ карты, вѣеромъ летающія между его тонкими, гибкими пальцами.

— Господа! — провозглашалъ онъ въ десятый разъ. — Двадцать пять золотыхъ въ банкѣ! Неугодно-ли кому собственноручно срѣзать? Пожалуйте. Кельнеръ! Эйнъ померанишъ шнапсъ ундъ ейнъ сельтеръ вассеръ!

— Вѣдь ты меня опять объегоришь?..—въ упоръ глядя на банкомета, опершись обоими кулаками ради равновѣсія, говорилъ старый, протертый мундиръ неопредѣленнаго вѣдомства, распространявшій вокругъ себя, даже на довольно значительное разстояніе, спиртуозные ароматы.

— Дѣло счастья, дѣло счастья... Сегодня я тебя, завтра ты меня. Колесо фортуны въ нѣкоторомъ родѣ,—улыбался Дульцинкевичъ, поглядывая во всѣ стороны на обступившихъ столикъ партнеровъ.

— Только, братъ, чуръ, безъ *пальчиковъ*! А то я шутить не люблю,—слышишь!

— Поди проспись... Самъ не понимаешь, что говоришь... Господа, вѣдь это чортъ знаетъ что такое, въ самомъ дѣлѣ, это вѣдь просто оскорбленіе!..

— Ну, тамъ ужъ какъ хочешь понимай, а я нынче слѣдить буду въ оба. По франку очко, два сбоку...

— Готово!

— Его вѣдь изъ полка выгнали за то, что мошенничалъ въ картахъ. Въ Ромнахъ на ярмаркѣ попался,—вполголоса сообщалъ кто-то за плечами банкомета.— И какъ это такому общественную сумму довѣрили?

— Васъ вотъ, жаль, не спросили,—иронически замѣтилъ банкометъ.—Готово, господа!.. Открывайте. Темныхъ не бью!

— А слышали, господа, телеграмма? Опять раскатали ту-

рокъ на-голову! Двадцать два орудія у нихъ взяли, да бросили,—увезти не на чемъ было. Говорятъ, будто сербы оробѣли и не пошли за нашими.

— Народъ непривычный... Кадры имъ хорошіе надо, офицеровъ, а то ничего, они молодцами пойдутъ. Вотъ увидите, что *теперь* совсѣмъ иначе дѣло пойдетъ.

— Говорятъ, будто Миланъ миръ хочетъ заключить. Послалъ Ристича въ Вѣну ходатайствовать...

— Ну, тебя къ лѣшему! Типунъ тебѣ на языкъ... Миръ!.. Этой еще пакости недоставало!..

— Семерка бита. Валетъ... извольте получить; тройка бита. Вы уголъ изволили ставить?..

— Атанде!.. Нижнюю запись мазу...

— Стопъ! Я рѣзалъ девяткою: отчего-же внизу очутилась дама пикъ?

— Господа, вѣдь это невозможно, право, уймите-же его, иначе я оставлю метать... Вѣдь это чортъ знаетъ до чего дойдетъ, наконецъ,—жаловался банкометъ, нѣсколько смущенно посматривая по сторонамъ, тщетно ища сочувствія въ этихъ окружающихъ его, раскраснѣвшихся и отъ вина, и отъ вызваннаго игрою волненія лицахъ.

А у гротъ-мачты, въ тѣневой сторонѣ рубки, раздавался, прерываемый сухимъ кашлемъ, симпатичный, болѣзненно-звучащій голосъ. Тамъ сидѣлъ еще не старый, худой, какъ скелетъ, добровольцъ, обзаведшійся уже сербскою формою и таковою-же темносинею шапочкою. Его большіе сѣрые глаза, провалившіеся въ своихъ глубокихъ впадинахъ, блестѣли какимъ-то кроткимъ, слезливымъ блескомъ; обрамленный короткими, нависшими усами, ротъ добродушно улыбался, хотя тема его разсказа была далеко не изъ веселыхъ.

Его слушали со вниманіемъ и не безъ сочувствія; только одинъ изъ слушателей уже успѣлъ заснуть подъ говоръ разсказа и сопѣлъ носомъ, что-называется во всю ивановскую, пригрѣтый лучами южнаго солнца, убаюканный мѣрною качкою парохода.

— Затянули меня въ это дѣло,—разсказывалъ чахоточный добровольцъ.—Я тогда не понялъ, чѣмъ оно пахнетъ, дѣло-то, а говорятъ, выгодно: тысячъ пять перепадетъ за него, и никому отъ этого вреда не будетъ, ни ущербу... Ну, я и того...

А тутъ, какъ нарочно, невѣсту присваталъ себѣ... Давно уже мы сговорившись были. Уже у насъ и ребеночекъ былъ, сынишко шестимѣсячный; старуха-мать та на нашей сторонѣ была, а отецъ не поддавался сначала, а тутъ, наконецъ, согласился... Жду я только денегъ, вотъ думаю, какъ разъ кстати, къ свадьбѣ, то только слышу: Лютова арестовали, за нимъ и купца этого, анафему; то да се... допросы пошли. Схватились и за меня, какъ за причастнаго къ дѣлу, а все мое «причастіе» только и было, что эта проклятая росписка. Подъ судъ сейчасъ... Дядя Лютова, человѣкъ сильный, богатый, съ самимъ губернаторомъ знакомъ, у корпуснаго командира по вечерамъ въ вистъ играетъ, тотъ обѣщалъ прежде, что горой, молъ, стану, не дамъ въ обиду... Вѣдь и все дѣло-то для него больше сдѣлано было. А тутъ, какъ пришлось на дѣлѣ-то доказать свою заступу, онъ и на попятный... Безъ моего вѣдома, говоритъ, и вопреки моей волѣ; хоть онъ и племянникъ мнѣ, говоритъ, а все равно—пусть мошенникъ получитъ по заслугамъ... Подвигъ еще патріотическаго безпристрастія показалъ, этотъ дядя-то...

«Держатъ меня подъ арестомъ мѣсяцъ, держатъ другой. Полкъ выступилъ на новую стоянку, а меня здѣсь оставили, только перевели на гауптвахту губернскаго батальона... Полтора года слѣдствіе тянулось. Судить, наконецъ, начали.

«Признали меня виновнымъ, но, въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, молодыхъ лѣтъ, «ничтожности и даже бездоказанности» самаго прикосновенія моего къ дѣлу, оставить безъ всякаго взысканія, вмѣнивъ время нахожденія подъ арестомъ... и прочая, и прочая, и прочая. Выпустили:

«Я въ полкъ; говорятъ: исключенъ изъ списковъ и впредь не принимать. Это ужъ, молъ, особое, отдѣльно отъ суда распоряженіе. Я къ будущему тестю.—«Пошелъ вонъ, говоритъ, чтобы я да за подсуднаго человѣка дочь свою выдалъ—ни за что!...»—«Да вѣдь у меня сынишко отъ нея есть, уже онъ меня папою называлъ... Господи!.. За что же!..»

«Анюта выбѣжала ко мнѣ въ сѣни, на минуту.—«Ты, говоритъ, ужъ не взыщи, а за меня новый женихъ, и съ состояніемъ, сватается, онъ и сына моего беретъ. Погоди, замужъ выйду—все равно видаться будемъ, оно еще лучше».

«Лучше, да не совсѣмъ. Нѣтъ, говорю я ей, Анна Алек-

сѣвпа, отъ этого увольте. Когда замужъ выйдете, вы себѣ хоть дюжину любовниковъ подбирайте, а меня ужъ прошу отъ этой чести избавить. Такъ-то.

«Какъ я ее не выругалъ, какъ по лицу не ударилъ, ужъ и не понимаю, потому у меня въ то время въ глазахъ все потемнѣло; помню только, что дверью такъ махнулъ, уходя, что даже посуда какая-то сверху слетѣла и въ дребезги.

«Пришелъ домой, хотѣлъ было повѣситься, да посовѣстился.— Неужели-же, думаю, пропадать надо, неужели-же не выдержу бѣду! Что-же я за человѣкъ послѣ этого буду? Подалъ въ гражданскую—не принимаютъ: «штрафная графа», говорятъ, въ указѣ замарана. Туда-сюда метнулся—нѣтъ нигдѣ ходу, да и только. Виситъ у меня тяжелымъ камнемъ на шеѣ волчій билетъ; спалилъ я его со злости въ печкѣ—и началась тогда жизнь самая каторжная, безпаспортная; да оно и лучше, что безпаспортная: никто на меня, какъ на барина, какъ на благороднаго человѣка не смотрѣлъ, за бѣглаго дворового считали, отъ черной работы, по крайней мѣрѣ, не гоняли... Дрова нанимали пилить, гдѣ прачкамъ бѣлье таскать на рѣчку, гдѣ другое что, поденное... такъ и пробивался съ зимы на лѣто, съ лѣта на зиму, пока не взяли снова за безпаспортность.

«Опять годъ въ острогѣ, пока справки наводили, опять выпустили, новый указъ выслали изъ полка, опять съ тою-же помѣткою проклятою!..

«Это вотъ прошлымъ мѣсяцемъ случилось, а тутъ слышу— комитетъ какой-то вызываетъ желающихъ. Я туда. Сердце такъ и бьется, такъ и рвется наружу, колѣнки подкашиваются... А ну, думаю, какъ и здѣсь откажутъ, посмотрѣвъ по документу, что, молъ, я за птица?

«Господинъ какой-то штатскій держитъ въ рукахъ мой паспортъ волчій, а самъ на меня черезъ очки поглядываетъ. Стою я ни живъ, ни мертвъ, жду... Какъ сказалъ онъ: «гмъ»... такъ я чуть не упалъ, въ голову что-то ударило. Передалъ онъ мою бумагу другому старику съ крестомъ на шеѣ, что за столомъ сидѣлъ, и указалъ ему пальцемъ въ этой бумагѣ какое-то мѣсто, должно быть то самое. Тотъ тоже взглянулъ на меня, тоже «гмъ!» сказалъ и передалъ бумагу третьему.

«Попятился я къ стѣнѣ, чувствую стулъ сзади—сѣлъ я... стоять уже не могъ больше... Слышу голосъ старика: «дайте

ему воды стаканъ... Василій Ивановичъ, у васъ всегда спиртъ нашатырный въ карманѣ, дайте ему понюхать»...

«На другой день приказали зайти освѣдомиться; прихожу— говорятъ: принятъ!.. Тотъ, что за столомъ сидѣлъ, старый, высокій такой, какъ назвали мою фамилію, къ себѣ въ особое помѣщеніе позвалъ. Тамъ и секретарь усатый, со стеклышкомъ, находился. Вошелъ я—опять у меня въ головѣ мутиться начало.

«—Вы, говоритъ старикъ-то, успокойтесь... Мало-ли что бываетъ въ молодости, да заглаживается съ честью впослѣдствіи. Вотъ вамъ прекрасный случай искупить и вашъ грѣхъ... Благословляю-же васъ, съ Богомъ!

«Заревѣлъ я какъ дуракъ во все горло, въ ноги упалъ, за полы сюртука хватаю и цѣлую, ничего не помню — просто изступленіе нашло какое-то... Пришелъ въ себя, уже старика-то нѣтъ, секретарь одинъ.

«—Вы, говоритъ, очень ужъ нервничать изволите, на войнѣ это не годится... (Самъ подсмѣивается)... Вы получите, говоритъ, семьдесятъ пять рублей и паспортъ заграничный, и черезъ два дня явитесь сюда за полученіемъ, потому какъ разъ въ среду мы и партію отправляемъ, такъ вмѣстѣ отправитесь; билетъ вамъ даже до границы выдадимъ, а указикъ ашъ ужъ мы здѣсь оставимъ, чтобы онъ вамъ *тамъ* какънибудь не напортилъ, а его превосходительство на васъ надѣется, что вы уже того, понимаете, то-есть насчетъ оправданія его довѣрія и проч., и проч. Изъ назначенной суммы вамъ, говоритъ, сейчасъ, вонъ въ зеленой комнатѣ, казначей четвертную выдастъ, потому вамъ насчетъ какой ни на есть экипировки позаботиться надо. Тутъ онъ просто прожегъ меня глазомъ сквозь стеклышко, всѣ заплаты, всѣ дырья на пальтишкѣ проинспектировалъ. До свиданья, говоритъ, пока.

«Получилъ я четвертную, вышелъ на улицу, и не понимаю, что это со мною, на яву-ли все это или заснулъ гдѣ и сновидѣніе мнѣ такое прекрасное представляется? Перемахнулъ я Невскій, и Екатерины не замѣтилъ, добѣжалъ до Невы да прямо въ...»

— Ну тебя къ чорту!.. Съ чего-же это топиться-то вздумалъ?—перебилъ разсказчика стеганный халатъ.

— Въ яликъ; зачѣмъ топиться? Я сейчасъ въ часовню,

къ Спасителю... Топиться!.. Зачѣмъ топиться? Отъ счастья никто въ воду съ камушкомъ на шеѣ не ныряетъ.

— И весьма глупо! Даже, можно сказать, непростительно глупо!—хрипло пробасилъ маіоръ Дупловъ, кавказецъ.—У человѣка двадцать пять рублей въ карманѣ, а онъ по часовнямъ, шляться вздумалъ. Да я бы ногу себѣ велѣлъ отнять, колибы пронесла она меня, съ двадцатью пятью ррррублями, да мимо Палкина. Вѣдь ты какъ-разъ мимо самаго сего вервртепа соблазна прокатилъ, а посему—свинья!..

— Нѣтъ, не говорите, маіоръ, не говорите,—вмѣшался тутъ еще одинъ изъ слушателей.—Бываютъ у человѣка такія высокія минуты душевнаго восторга и умиленія... бываютъ... Вотъ со мною разъ, напримѣръ...

— Это не тогда ли, когда тебя въ Одессѣ гусаръ за воротникъ изъ-за кулисъ выволокъ!? — полюбопытствовалъ третій.

— Я вамъ уже говорилъ, милостивѣйшій государь, что не намѣренъ съ вами даже разговаривать... То-есть до чего можетъ доходить нахальство! Я не понимаю.

— Что таккое?!

— Господа, господа, ну, полноте, ну, что за охота! Такой воздухъ пріятный, плаваніе, можно сказать, поэтическое и съ возвышенной цѣлью, а они ссорятся. Стыдно, господа, право, ей-Богу-же стыдно...

— Ну, да и жара-же!

По палубѣ пронесся звонкій трескъ пощечины и взбудоражилъ пассажировъ. Всѣ стремительно кинулись туда, гдѣ играли въ карты. Банкометъ смущенно собиралъ со стола деньги и наивно бормоталъ:

— Нѣтъ, здѣсь невозможно играть, этакъ можно чортъ знаетъ до чего дойти, наконецъ, это невозможно... Господа, я прошу васъ быть свидѣтелями...

— Ужъ ты не судиться-ли со мною хочешь?—презрительно спрашивалъ его господинъ, недоумѣвавшій, почему дама пикъ очутилась не на своемъ законномъ мѣстѣ.

Капитанъ Недельбомъ и его помощникъ язвительно улыбались съ высоты рулевого мостика, матросы на бакѣ хохотали во все горло... Скандалъ вышелъ хотя и привычный для банкомета, получившаго пощечину, но все-таки экстраординарный

для большинства остальныхъ присутствующихъ; даже кавказецъ вознегодовалъ.

— Хоть бы дрались, мерзавцы, гдѣ-нибудь въ закрытомъ помѣщеніи, ну, въ каютѣ что-ли, а то расположились, подлецы, на тычкѣ, да еще при чужихъ, при иностранцахъ, дьяволъ ихъ побери! Ишь вѣдь скалятъ зубы.

И маіоръ сердито покосился на капитанскій мостикъ.

Добровольцъ, разсказывавшій свою печальную исторію, покраснѣлъ, словно онъ-то именно самъ и получилъ эту скандальную пощечину, и поспѣшилъ спуститься въ каюту. Только самъ банкометъ, заявивъ свой протестъ и приглашеніе въ свидѣтели, какъ ни въ чемъ не бывало, спросилъ себѣ еще— «ейнъ померанишъ шнапсъ ундъ ейнъ сельтеръ вассеръ».

XXI.

Пассажиры перваго класса.

Иванъ Аполлоновичъ, съ перваго-же дня путешествія на пароходѣ, почувствовалъ всю неловкость своего «по недоразумѣнію» привилегированнаго положенія. Во-первыхъ, самое изысканное вниманіе пароходнаго начальства, приторная любезность, предупредительность, доходящая до навязчивости,—все это дѣйствовало на него крайне тягостно, хотя сначала пріятно ласкало его самолюбіе, все это какъ будто обязывало и его самого къ чему-то, а къ чему именно, онъ не зналъ; онъ догадывался только. Когда встревоженный капитанъ парохода прислалъ Рюделя доложить о безпорядкѣ и поползновеніи на стрѣльбу по турецкому часовому, онъ искренно пожалѣлъ, что не можетъ на дѣлѣ разыграть роль начальника; онъ бы рискнулъ на этотъ подвигъ, да, признаться, побоялся, и побоялся не того, что ему надо будетъ предстать передъ этою буйною толпою въ грозномъ образѣ самозваннаго начальства, а того, что его власть можетъ быть ими не признана и скомпрометирована какою-нибудь непристойною выходкою. Разъ онъ вышелъ было на свою площадку, но тотчасъ-же около барьеровъ, предупредительно воздвигнутыхъ капитаномъ Недельбомомъ, образовалась густая толпа любопытныхъ, слишкомъ ужъ безцеремонно вслухъ высказывавшихъ свои замѣчанія по поводу наблюдаемаго субъ-

екта, а этотъ наблюдаемый субъектъ былъ онъ самъ; вотъ онъ и поспѣшилъ снова юркнуть внизъ и теперь далъ уже слово себѣ не появляться наверху иначе, какъ ночью, когда должна-же, наконецъ, *завалиться дрыхнуть вся эта пьяная орава,* — такъ вотъ именно и выразился, конечно, про себя, Иванъ Аполлоновичъ про своихъ «мнимоподначальныхъ» спутниковъ.

Разъ ему пришла въ голову такая идея: за что и зачѣмъ онъ испытываетъ такую непріятность, когда можетъ тоже невозбранно пользоваться «поэтическимъ, съ возвышенною цѣлью плаваніемъ?» Вѣдь стоитъ только выйти на берегъ на первой же пристани, дождаться слѣдующаго парохода съ обыкновенными пассажирами и продолжать путь далѣе покойно, такъ-же комфортабельно, въ пріятномъ обществѣ образованныхъ иностранцевъ, а можетъ быть и какого-нибудь соотечественника изъ высшаго круга, путешествовать незамѣтно, не обращая на себя особаго всеобщаго вниманія, не мозоля глазъ никому своею персоною. Теперь только князь Пестрый-Ковриковъ началъ понимать цѣну «незамѣтности»... Вѣдь это все такъ легко устроить, не жаль-же ему этихъ лишне-истраченныхъ ста двадцати франковъ; сказать только Ефрему: бери чемоданы и выноси, а самому выйти на берегъ, можно даже и не объясняясь съ капитаномъ, какъ-будто-бы такъ, для прогулки... А чемоданы, а тюки въ багажѣ? Надо предварить заранѣе; капитанъ пристанетъ съ разспросами: «Какъ, mon général, вы оставляете свой отрядъ? Вы... такъ, можетъ быть, вы и не»... Пожалуй, еще дерзость какую-нибудь скажетъ: отъ этихъ капитановъ всего можно ожидать. Пока вотъ лебезитъ, кланяется, кромѣ mon prince да mon général'e ничего отъ него и не слышишь, только чуть что—сейчасъ, пожалуй, и imbécile въ догонку хватитъ. А потомъ, смотришь, и на страницы «Кладерадача» или «Флоу» попалъ.

Иванъ Аполлоновичъ только вотъ сейчасъ разсматривалъ нумеръ «Флоу», гдѣ помѣщены были каррикатуры, изображающія всю сербскую кавалерію на свиньяхъ, и князя Милана, въ видѣ маленькаго мальчика съ деревянною саблею и на палочкѣ верхомъ, а въ «Кладарадачѣ»—какого-то господина въ каскѣ, эполетахъ, съ усами, съ страшно выпученными глазами, предводительствующаго толпою совершенно пьяныхъ, звѣро-

образныхъ личностей, съ сальными свѣчками въ рукахъ и бутылками съ надписью «вудка», а внизу подпись «DoBrovolci» и еще что-то. Князь даже принялъ эту карикатуру слишкомъ близко къ сердцу и это имѣло вредное вліяніе на его утренній аппетитъ.

Нѣтъ ужъ, кажется, придется терпѣть и оставаться на «Кейзеръ Максѣ» до самыхъ стѣнъ «Београда».

Недоволенъ своимъ положеніемъ былъ и унтеръ Миронычъ, «оруженосецъ». Старикъ просто скучалъ въ непривычной и чуждой обстановкѣ. Какъ только устроился онъ съ господскимъ багажемъ въ одной изъ роскошныхъ каютъ перваго класса, онъ отъ скуки принялся за чистку и переборку ввѣреннаго его попеченіямъ добра. Развязалъ старый ветеранъ свой собственный мѣшокъ, досталъ оттуда дратвы и шильце, кусочекъ воску, толченаго кирпичика, завернутаго въ сахарную бумагу, и принялся за работу, не взирая на масаковый трипъ обивки мебели. Ужъ онъ все перечинилъ, не только оборвавшееся, но даже и то, что еще могло, по его мнѣнію, современемъ оборваться, перечистилъ всѣ пряжки, всѣ наконечники ремешковъ, всю даже позолоту посодралъ съ нихъ кирпичемъ, а все скучно... Подфабрилъ старина усы, надѣлъ сюртукъ, руки вымылъ, вышелъ на палубу прогуляться и подышать чистымъ воздухомъ,— еще того скучнѣе стало. Послѣ этой прогулки даже тоска примѣшалась къ скукѣ. Миронычъ-то вѣдь не смѣлъ «проклажаться» на мостикѣ перваго класса: можетъ, самъ его сіятельство выйти изволитъ, непригоже будетъ ему тутъ, значитъ... Пробрался старикъ во второй классъ, на носовую часть, и шибко ему здѣшнее общество не понравилось. Съ завистью онъ на заднюю баржу поглядывалъ, откуда неслись по временамъ родныя, солдатскія пѣсни, *своя* говоръ, виднѣлись эти усатыя, простыя лица «своего брата». Шибко туда захотѣлось старику. Улучилъ онъ минуту, когда князь почивать изволилъ, а пароходъ углемъ набирался у пристани, побывалъ тамъ, на баржѣ, полчасика, пока стояли, назадъ по свистку вернулся— и еще тошнѣе стало старику на пароходѣ послѣ своей побывочки...

Подъ вечеръ онъ такъ изливалъ свою тоску другу Ефрему, камердинеру и личному секретарю Ивана Аполлоновича:

— Ходили мы это походомъ, не мало тоже всего видали, а этакого зазору ни въ жизнь! И все изъ благороднаго званія...

Кабакъ кабакомъ — одно слово, да еще хуже того. Тамъ я видалъ,—тьфу ты, прости Господи, пакость какая! —изъ женскаго сословія есть тоже, и въ мущинскихъ формахъ, штаны и все какъ слѣдуетъ. Одна такъ,—и что это, право, начальство смотритъ?—при саблѣ и ружье все съ собою таскаетъ, на смѣхъ людямъ артикулъ выкидываетъ и совсѣмъ не по уставу. Сама, значитъ, командуетъ: «на плечо!» а за мѣсто того буркомъ напередъ и обѣими-то руками супротивъ брюха... Гдѣ такое ученье видѣли?.. Тьфу!..

— Изъ амазонскаго званія,—замѣтилъ знающій уже кое-что Ефремъ.—Теперь много ихъ, для виду какъ будто сестры милосердія, а больше для букету дамскаго... Да ты гдѣ-же видалъ? я былъ, такъ не замѣтилъ

— Можетъ, не показывались при тебѣ, а я какъ вышелъ— одна мнѣ сейчасъ пырь въ глаза: «А вотъ онъ старый товарищъ, служивый, онъ, говоритъ, судьею будетъ. Старикъ, старикъ, такъ я дѣлаю: разъ, два! такъ, что-ли?» А я ей отбрилъ, ужъ не вытерпѣлъ, отбрилъ... я ей говорю: оно, можетъ, по-вашему, у мадамы въ заведеніи, оно и такъ, а по нашему иначе... Такъ и сказалъ.

— Ха-ха!.. А какъ изъ себя?

— Это, братъ, ужъ самъ иди разглядывай... Поспрошай ты, сдѣлай милость, у его сіятельства, ты ближе состоишь при ихъ особѣ... поспрошай ты, пожалуйста: неужели этакой-то народъ, какъ вонъ тамъ на баржѣ, да подъ такое начальство попадетъ?.. Вѣдь вишь ты, все капитанами да полковниками называются...

— А вотъ я съ княземъ поговорю... я поговорю. Вечеромъ, какъ съ докладомъ пойду, и поговорю.

— Поговори, сдѣлай милость.

Со времени прибытія въ Галацъ Ефремъ сталъ называть ежевечерній процессъ сниманія сапогъ съ ногъ Ивана Аполлоновича громкимъ именемъ «доклада».

— За...а....зорно!—тоскливо вздохнулъ и зѣвнулъ во весь ротъ притомъ-же Миронычъ.

— Ничего особенно зазорнаго нѣтъ, а просто люди развлеченіе себѣ даютъ, потому, можетъ, иному въ послѣдній разъ, можетъ, передъ смертью, — замѣтилъ Ефремъ, — а зазорнаго тутъ я ничего не вижу.

— Потому, что передъ смертью, и смертью праведною, мученическою, потому и зазорно, — строго перебилъ его старикъ.—Къ такой смерти готовятся, съ постомъ да съ молитвою, честный солдатъ рубаху чистую надѣваетъ, нѣтъ попа близко—ротному али капральному унтеру отъисповѣдуется, языка своего нехорошимъ словомъ не опоганитъ... Вотъ онъ и идетъ, не боясь смерти, потому готовъ хошь сейчасъ на смотръ къ Господу Богу, — все въ должномъ порядкѣ и по формѣ... Великій, тяжкій грѣхъ дьяному да нечистому въ бой идти... Бой — что храмъ Божій, туда съ кабацкимъ рыломъ не суйся. Святотатство одно, дьяволу на потѣху. Вотъ оно что, а не токмо что...

Нахмуривъ свои сѣдыя брови, старый ветеранъ и задумался, прислушиваясь къ рокоту дунайской волны, монотонно, усыпительно плещущейся и разбивающейся о бока парохода.

Доволенъ своимъ положеніемъ былъ только Ефремъ. Онъ усердно пожиралъ «господскія харчи», пилъ, какъ воду, бѣлое и красное мѣстное вино, ходилъ тоже на прогулки къ «товарищамъ-сосѣдямъ», какъ онъ говорилъ, вралъ тамъ съ три короба, разсказывалъ, какъ онъ видалъ большой листъ, гдѣ всѣ государства были разрисованы, рѣки и города показаны, что онъ на этомъ листѣ самъ видѣлъ и Сербію, и Россію, и что Сербія супротивъ Россіи все равно, что собачья конура супротивъ большого пяти этажнаго дома, а потому на службу въ Сербію меньше, чѣмъ на адъютантское мѣсто, поступать не согласенъ. Онъ уже тамъ съ нѣкоторыми изъ пассажировъ на *ты* сошелся, пилъ брудершафтъ и заврался даже до того, что началъ увѣрять, будто три года служилъ въ лейбъ-гусарахъ, да не стоитъ, бросилъ, перешелъ въ кавалергарды... Обидѣлся только, когда маіоръ-кавказецъ строго замѣтилъ ему:—«Однако, ты, халуй, ври, да не завирайся, а то видалъ вотъ это?!. Сокрушу рракалью!» Но эта обидчивость скоро уступила мѣсто покровительственному снисхожденію, когда тотъ-же маіоръ попросилъ у него до завтра одолжить *пол-наполсошки*.

— Вотъ вы такъ-то всегда,—снисходительно произнесъ Ефремъ.—Выругаете зря порядочнаго человѣка, а того не понимаете, что у него тоже своя есть амбиція... Извольте получить...

И княжескій камердинеръ, нравственно вполнѣ удовлетворенный, заблагоразсудилъ убраться во-свояси.

XXII.

«Ж у к ъ».

Наступила ночь, теплая, свѣтлая. Полная луна золотистымъ столбомъ отражалась на зыби Дуная; по берегамъ мигали огоньки румынскихъ деревень, краснѣлись костры, разложенные у турецкихъ береговыхъ блокгаузовъ, цѣпью вытянувшихся у самой воды, съ версту одинъ отъ другого; загорѣлись красныя и зеленыя точки на мачтахъ и носовыхъ частяхъ шедшихъ навстрѣчу пароходовъ, этихъ мрачныхъ чудовищъ съ безконечными огненными хвостами... Все, и трезвое, и пьяное, завалилось спать... Выбрался князь Пестрый-Ковриковъ на палубу подышать ароматическимъ, влажнымъ ночнымъ воздухомъ.

Изъ-подъ тента второго класса слышался говоръ вполголоса и щелкотня орѣховъ. Когда говорилъ женскій голосъ, щелкотня орѣховой скорлупы прекращалась, начиналъ мужской—щелкотня усиливалась.

— И вамъ, скажите пожалуйста, удобно въ этомъ костюмѣ?—допрашивалъ мужской.

— Ничего, дѣло привычки; сначала какъ-будто рѣзало и жало, а теперь ничего, даже удобнѣе,—отвѣчалъ женскій.

— А это очень красиво... и такъ пріятно, знаете, обрисовываетъ формы... Гм... да, очень пріятно...

— Руки прочь!..

— Какія вы, Марья Павловна, нынче строгія стали... Вы все своего маіора боитесь... Повѣрьте мнѣ, спитъ онъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ.

У князя Ивана Аполлоновича стали усиленно раздуваться ноздри и онъ подошелъ ближе.

— Да, говорите, спитъ. Въ Кишиневѣ онъ такъ тоже спалъ, а потомъ бить меня началъ.

— Я-бы на вашемъ мѣстѣ давно бросилъ этого башибузука, а не то, чтобы еще вниманіе ему свое оказывать.

— Надо знать, для кого бросить!—кокетливо захихикалъ женскій голосъ.—Да ну-же... Ей-Богу, еще кто-нибудь увидитъ! Вонъ кто-то торчитъ тамъ... Я сейчасъ тѣнь видала.

— А вотъ я погляжу, кого это чортъ по ночамъ таскаетъ. Я вотъ сейчасъ погляжу...

Князь поспѣшилъ отретироваться. Изъ-подъ тента на минуту показалась голова въ кепи, повертѣлась, проворчала что-то, пыхнула раза два папироскою и снова спряталась.

Вспомнилъ князь тутъ о Шарлоттѣ Федоровнѣ, безъ злобы вспомнилъ, а этакъ съ тихою, меланхолическою, умѣренною, впрочемъ, тоскою. «Въ эту чудную, южную ночь, вдвоемъ...» подумалъ онъ и со вздохомъ посмотрѣлъ на широкій рѣшетчатый диванъ съ покойною, отлого-изгибающеюся спинкою. Вздохнулъ онъ еще разъ, еще глубже и продолжительнѣе, сѣлъ на этотъ диванъ и закурилъ сигару.

Онъ сидѣлъ какъ-разъ лицомъ по направленію движенія парохода; онъ видѣлъ его трубы, его мачты съ тугонатянутыми проволочными вантами, видѣлъ закутанную въ клеенчатый плащъ молчаливую фигуру помощника Рюделя на своемъ посту, видѣлъ широкую спину рулевого, поворачивающаго рукоятки колеса, видѣлъ и еще одну незнакомую фигуру, также вышедшую подышать свѣжимъ воздухомъ. Фигура эта прохаживалась взадъ и впередъ по мостику второго класса, на одной высотѣ съ нимъ, мѣрно, словно отсчитывая свои шаги. Когда этотъ прогуливающійся шелъ къ носу парохода, князь видѣлъ только его спину въ хохлацкой свиткѣ изъ грубаго домашняго сукна, съ мѣшкомъ сзади; когда онъ поворачивался и шелъ лицомъ къ кормѣ, князь видѣлъ его смуглое, худощавое лицо, съ черными, внизъ висящими усами, видѣлъ эти спокойные, пристально устремленные впередъ глаза. Человѣкъ этотъ нервно кутался въ свою свитку, изъ-подъ которой выглядывалъ бѣлый холщевый воротникъ рубахи съ тонкою каемкою малороссійской вышивки... Князю даже показалось, что отъ высокихъ сапогъ незнакомца попахиваетъ не то деготкомъ, не то сальцемъ, чѣмъ-то этакимъ чумацкимъ.

Кромѣ помощника Рюделя и рулевого, только они вдвоемъ и находились на мосткахъ «Кейзеръ Макса»; ихъ отдѣлялъ только легкій барьеръ и три ступеньки, такъ какъ мостикъ второго класса былъ нѣсколько ниже.

Ивану Аполлоновичу почему-то захотѣлось разговориться съ этимъ прогуливающимся, онъ только не зналъ, какъ это приступить ловчѣе къ знакомству.

— Какая славная ночь! — произнесъ онъ, когда незнакомецъ въ свиткѣ дошелъ до той точки, гдѣ поворачивалъ.

— Погода хорошая!—отвѣчалъ тотъ, повернулся и пошелъ дальше.

«Вотъ вѣдь медвѣдь, въ самомъ дѣлѣ», подумалъ Иванъ Аполлоновичъ и сталъ напѣвать вполголоса.

— Что это тамъ горитъ?.. Пожаръ, должно быть?—указалъ онъ влѣво, какъ только «медвѣдь» приблизился снова.

— Пожаръ!—произнесъ тотъ и теперь ужъ остановился и самъ началъ глядѣть на красное, мерцающее пятно все усиливающагося съ минуты на минуту зарева.

— Вотъ мы уже мимо третьяго пожара проѣзжаемъ,—замѣтилъ князь.—Днемъ я тоже видѣлъ дымъ.

— Мало-ли теперь добра горитъ въ Болгаріи,—проворчалъ человѣкъ въ свиткѣ.

— Тамъ Болгарія?—переспросилъ Иванъ Аполлоновичъ и самому ему неловко стало отъ такого вопроса.

— А то что-же?—пожалъ плечами незнакомецъ.—Черниговская губернія, по-вашему, что-ли?..

«И впрямь медвѣдь, и еще грубый какой», подумалъ снова князь и рѣшилъ-было прекратить разговоръ.

— Вы это тоже въ Сербію ѣдете?—спросилъ его, въ свою очередь, пассажиръ съ мостика второго класса.

— Да!

— Зачѣмъ Богъ несетъ?

— Странный вопросъ!

— Ничего не странный. Потому, если вы затѣмъ же ѣдете, зачѣмъ большинство тѣхъ, что тутъ съ нами, такъ совсѣмъ напрасно. У васъ вотъ огонекъ есть, а у меня носогрѣечка потухла; дайте-ка закурить.

Человѣкъ въ свиткѣ шагнулъ на ступеньки и одною рукою, какъ перышко, отодвинулъ барьерную рѣшетку. Князь протянулъ ему свою сигару.

— Спасибо!—кивнулъ головою тотъ и хотѣлъ-было удалиться на свое мѣсто, да князь остановилъ и пригласилъ его присѣсть.

— Вы меня заинтересовали,—началъ онъ.—Вы такъ просто и рѣзко высказали свое мнѣніе о безполезности поѣздки этихъ господъ... Видите, я еще совершенно незнакомъ съ этимъ вопросомъ, я, знаете-ли, повинуясь чувству внутренняго голоса, и не отозваться на призывъ... я поѣхалъ...

— Вы военный, что-ли?

— Да, я служилъ въ лейбъ-гвард...

— Я не то васъ спрашиваю... Знакомы вы съ военнымъ дѣломъ?.. Нюхали порохъ, запросто сказать?

— То-есть, пороху не нюхалъ... Я вышелъ въ отставку въ... году.

— Давненько... Что-же вы тамъ будете дѣлать, въ Сербіи? Вѣдь тамъ теперь война, тамъ военные не по одному мундиру, тамъ боевые ребята нужны.

— Присмотрюсь, попривыкну.

— То-то «присмотрюсь». А сами, небось, норовите въ генералы, а то въ полковники, бригаду получить, полки вести въ огонь, сотнями народъ губить, съ дуру да съ незнанія, ради пріобрѣтенія личной опытности,—такъ, что-ли?

Князю даже неловко стало,—такъ пристально, такъ упорно пронизывалъ его незнакомецъ своими глазами, дѣлая этотъ странный допросъ.

— Я ни на что не разсчитываю. Я ничего не знаю. Я даже вовсе не спеціально драться; конечно, если представится случай, я охотно пойду въ огонь, пойду хоть простымъ солдатомъ. Я не честолюбивъ и вовсе не ради славы или...

— То-то! — подозрительно остановилъ его рѣчь незнакомецъ.—То-то... А тутъ про васъ говорятъ: «генералъ, особый отрядъ принимать ѣдетъ»; я ужъ вижу, что привираютъ, не похоже какъ-будто... Я васъ видѣлъ, когда вы только на пароходъ пріѣхали... Ишь ты, еще загорѣлось... это уже около «Зеленаго долу». Эка сторона ты, несчастливая!..

— Вы знаете, кажется, эту сторону?—спросилъ князь, обративъ вниманіе на слово «Зеленый долъ».

— Да, знаю!..

— Давно путешествовали?

— Давно и недавно, какъ хотите...

Человѣкъ въ свиткѣ помолчалъ съ минуту, разсматривая новое пожарное зарево, затѣмъ продолжалъ:

— Горитъ, вездѣ горитъ, а крови что льется... Владыко милостивый! Ждутъ горемыки, когда это изъ Россіи полки имъ на выручку двинутся, а вонъ оно что замѣсто этихъ полковъ идетъ... сбродъ полупьяный!..

— Не всѣ-же! — обидѣлся-было князь, принявъ немного и на свою долю нелестный эпитетъ.

— Конечно, не всѣ. Тамъ баржа за ними тянется, на такихъ баржахъ открытыхъ по Дунаю скотину сплавляютъ гуртовщики; вонъ тамъ люди ѣдутъ теперь, настоящій боевой народъ, честное воинство. Я вотъ между тѣми весь день провелъ, все присматривался. Да, тамъ люди нужные. Вотъ и у васъ тутъ есть старичекъ одинъ, шибко старъ, а годится, примѣра ради годится, *„знамя-человѣкъ“*, одно слово!.. А это все (и онъ презрительно сплюнулъ),—это все, что тутъ пьяное, задравъ ноги, дрыхнетъ, это, и прорубивъ днище пароходное, ко дну пустить не жалко...

— Вы очень рѣзко судите,—заступился-было князь за своихъ случайныхъ спутниковъ, хотя въ душѣ и раздѣлялъ мнѣніе собесѣдника.—Война требуетъ много народу, все-таки замѣстятъ ряды...

— Да въ ряды-то они, поговорите съ ними, никто становиться не имѣетъ охоты; все вѣдь начальство! Вотъ въ чемъ бѣда! А въ Бѣлградѣ церемонятся съ этимъ сбродомъ, все боятся, дескать, русское общество обидѣть... Я-бы ихъ... Эхъ, да что говорить! Они не виноваты, всякій жрать хочетъ, разпузданная душа простору требуетъ! Драть тѣхъ надо, кто безъ разбору, безъ толку сюда ихъ направляетъ да деньги, святыя деньги, жертву народную, имъ раздаетъ... Вотъ кого драть слѣдуетъ! Есть тутъ и между ними,—продолжалъ, немного помолчавъ, незнакомецъ,—два, три добрыхъ хлопца, наберется, можетъ, еще съ десятокъ такихъ, что протрезвятся подъ пулями, на людей станутъ похожи, а большинство ужъ безповоротные... такіе, что, помяните мое слово, изъ Бѣлграда и не выѣдутъ, по кафанамъ воевать будутъ и имя русское позорить... Обидно!..

Энергично, искренно звучалъ голосъ незнакомца. Князь почувствовалъ къ своему собесѣднику нѣчто вродѣ уваженія, заглушавшаго даже дегтярный запахъ его сапогъ, отъ котораго брезгливо коробило сначала его сіятельство.

— Позвольте узнать,—произнесъ онъ,—съ кѣмъ имѣю удовольствіе разговаривать?

— Со мною, голубчикъ, со мною, съ кѣмъ-же больше!—отвѣчалъ собесѣдникъ, ткнувъ даже себя пальцемъ въ грудь при этомъ.

— Моя фамилія—князь Пестрый-Ковриковъ.

Иванъ Аполлоновичъ сталъ торопливо рыться въ боковомъ карманѣ, доставая оттуда книжку съ карточками.

— «Князь Иванъ Аполлоновичъ Пестрый-Ковриковъ»,— повторилъ онъ, протягивая свою карточку.

— Ну, извините, ваше сіятельство,—отодвинулся немного собесѣдникъ.—У меня писаннаго прозвища нѣтъ, ужъ такъ прошу запомнить, а забудете—ничего, бѣды съ того никому не станется. Меня зовутъ «Жукъ» *).

— Какъ вы сказали?..

— «Жукъ»,—повторилъ онъ, поднимаясь во весь ростъ и обнаруживая намѣреніе удалиться.

Въ эту минуту князь соображалъ, пожать-ли ему руку, если тотъ вздумаетъ ее протянуть, или нѣтъ, такъ только ограничиться прикосновеніемъ, но тотъ руки своей не протягивалъ, а сказавъ: «бувайте-жъ здоровеньки: спать пора!» — зѣвнулъ и пошелъ на свою половину.

«Оригиналъ»—подумалъ Иванъ Аполлоновичъ, глядя вслѣдъ удаляющагося «Жука», и, зѣвнувъ тоже, направился къ себѣ, гдѣ уже давно ожидалъ его Ефремъ съ «докладомъ».

XXIII.

«Фальшивая тревога».

Капитанъ Недельбомъ очень хорошо поступалъ, соблюдая во время плаванія нѣкоторыя предосторожности «дипломатическо-предупредительнаго характера», какъ онъ выражался, постоянно совѣщаясь съ своимъ помощникомъ Рюделемъ и еще однимъ нѣмцемъ, агентомъ «интернаціональнаго общества пароходства по Дунаю», явившимся на бортъ «Кейзеръ Макса» на одной изъ первыхъ пристаней.

Больше всего пугала капитана возможность натолкнуться на какой-нибудь крупный скандалъ, могущій скомпрометтировать флагъ компаніи. Положимъ, что у всѣхъ его пассажировъ были законные, обыкновенные пассажирскіе билеты; оффиціально эти пассажиры признаны путешественниками, не болѣе. Въ нелѣпомъ, ничѣмъ, по мнѣнію капитана, неоправдываемомъ распоряженіи

*) См. разсказъ мой: „Милепка“, „Нива“. 1876 г.

управленія компаніи не было, значитъ, никакого вмѣшательства въ турецко-славянскую распрю; да, но это только, такъ сказать, оффиціально не было, а въ дѣйствительности-то иначе выходитъ: онъ, честный капитанъ Недельбомъ, членъ національнаго клуба «старо-венгровъ» въ Пештѣ, ярый туркофилъ и славянофобъ, везетъ на пароходѣ, подъ флагомъ своего общества, болѣе тысячи вооруженныхъ и невооруженныхъ людей, русскихъ *кондотьери*,—везетъ на пополненіе рядовъ сербскихъ инсургентовъ. Это вѣдь ужъ фактъ, и фактъ на лицо! Не надо вовсе быть особо проницательнымъ человѣкомъ, чтобы съ перваго-же взгляда по достоинству оцѣнить значеніе этихъ мирныхъ путешественниковъ, не только не скрывающихъ цѣли своей поѣздки, а еще бравирующихъ этою цѣлью, афиширующихъ эту *незаконную* цѣль каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ; и онъ принужденъ все это видѣть и молчать, прикрывать своимъ флагомъ даже и на этотъ флагъ возлагать всю отвѣтственность за совершаемое пассажирами «Кейзеръ Макса».

Это было болѣе, чѣмъ непріятно для капитана Недельбома, для его помощника Рюделя, а также и для агента компаніи Шиля, увѣрявшаго капитана, что компанія обманута, введена въ заблужденіе, что дѣло представлено было ей совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и что если-бы онъ, Шиль, раньше увидалъ, кого именно придется везти въ Бѣлградъ, то онъ протестовалъ-бы своевременно еще въ Галацѣ и не допустилъ-бы ни подъ какимъ видомъ принятія всѣхъ этихъ... на пароходъ, дѣйствовалъ-бы на свой страхъ, на свою голову, и увѣренъ, что компанія не возложила-бы на него, Шиля, никакой отвѣтственности за превышеніе власти, а, напротивъ, даже выразила-бы ему полнѣйшую признательность впослѣдствіи. Совѣтникъ Шиль былъ совершенно убѣжденъ въ этомъ, какъ убѣжденъ въ томъ, что теперь уже поздно и дѣло поправить нельзя, а надо заботиться только о томъ, чтобы скорѣе и спокойнѣе довезти этотъ непріятный грузъ, свалить его въ Бѣлградѣ, а дорогою предупредить всякую случайность, могущую еще болѣе скомпрометтировать флагъ компаніи въ глазахъ дружественной Турціи, въ глазахъ даже, если хотите, всей Европы. И вотъ они всѣ трое, ежечасно и ежеминутно, только и думали, только и занимались однимъ «предупрежденіемъ».

Ради этого «предупрежденія» рѣшено было, во-первыхъ,

на пристаняхъ останавливаться какъ можно кратковременнѣе, избирать для остановокъ пристани исключительно лѣваго, то-есть румынскаго берега, отнюдь не турецкаго, представлявшаго полную возможность столкновенія «Кейзеръ Макса» съ турецкимъ населеніемъ; проходя мимо населенныхъ турецкихъ пунктовъ, вовсе не показывать своего флага; двухъ матросовъ, знающихъ немного по-русски, заставить поочередно дежурить на палубѣ и присматриваться, прислушиваться ко всему, что болтаютъ между собою добровольцы, и обо всемъ доносить начальству... Совѣтникъ Шиль проэктировалъ даже такую мѣру: прибывъ къ пристани у какого-нибудь города или селенія, хоть, напримѣръ, у Ольтеницы или Журжева, объявить пассажирамъ, что пароходъ идетъ далѣе черезъ три часа, а сняться съ причаловъ черезъ два; такимъ образомъ, много пассажировъ, вѣроятно, *запоздаютъ* прибытіемъ на пароходъ, а такъ какъ деньги за проѣздъ уплачены впередъ, то компанія отъ такихъ запозданій ничего не потеряетъ; мѣру эту повторять періодически у каждой послѣдующей пристани и сокращать этимъ составъ враждебныхъ Турціи силъ... Совѣтникъ Шиль находилъ, что это очень остроумная идея, Рюдель молчалъ, а капитанъ Недельбомъ нашелъ, что это немножко нечестно, а потому на такую мѣру онъ, какъ хозяинъ парохода, не согласенъ.

Сегодня вечеромъ пароходная администрація испытала тяжелыя минуты тревоги и опасеній. Одинъ изъ матросовъ-шпіоновъ донесъ, что слышалъ разговоръ двухъ добровольцевъ, въ которомъ одинъ изъ нихъ увѣрялъ другого, что въ Силистріи, въ данное время, едва-ли наберется полтора баталіона всего гарнизона, а потому очень легко заставить капитана пристать къ турецкой крѣпости, шутя взять ее приступомъ, взорвать «верки», испортить орудія, перестрѣлять гарнизонъ, сжечь городъ, конфисковать казначейство и затѣмъ спокойно продолжать путь далѣе. Другой матросъ донесъ, что онъ тоже слышалъ про этотъ грандіозный планъ, что планъ этотъ одобренъ даже большинствомъ русскихъ и что исполненіе этого плана должно было послѣдовать въ эту ночь, такъ какъ они какъ-разъ проходятъ мимо Силистріи въ половинѣ одиннадцатаго вечера.

Капитанъ Недельбомъ, выслушавъ докладъ матросовъ, произнесъ недовѣрчивымъ тономъ, а все-таки глубокомысленно нахмуривъ брови:

— О! это, кажется, нѣсколько преувеличено и мало правдоподобно...

— Напротивъ, весьма правдоподобно,—горячо принялъ близко къ сердцу совѣтникъ Шиль.

— Въ Силистріи теперь и баталіона солдатъ не будетъ, я знаю!—сообщилъ помощникъ Рюдель и тоже только подлилъ масла въ огонь, въ общую тревогу.

— Но что-же мы должны теперь дѣлать?—задалъ вопросъ легковѣрный агентъ интернаціональной компаніи.

— Принять къ свѣдѣнію и быть на-готовѣ!—уклончиво отвѣчалъ капитанъ Недельбомъ.

— Остановиться и послать въ Силистрію предупредительную телеграмму!—посовѣтовалъ Рюдель.

— Это можетъ быть принято комендантомъ Силистріи за фарсъ и насмѣшку, если телеграмма не подтвердится фактомъ,—резонно замѣтилъ Недельбомъ и добавилъ:—я подъ этою телеграммою не подпишусь.

Подумали еще и рѣшили идти къ *генералу*, сказать ему, что затѣваютъ его подчиненные, и выразить при этомъ, объяснить его превосходительству всю дипломатическую безтактность такого поступка, всѣ могущія произойти отъ того печальныя послѣдствія.

Такъ было рѣшено, такъ было и исполнено. Совѣтникъ Шиль, надѣвъ мундиръ, отправился въ каюту перваго класса.

Иванъ Аполлоновичъ въ эту минуту только-что переодѣлся въ новую, щегольскую пару лѣтняго платья и, подвязавъ бантомъ блѣдно-лиловый галстухъ, собирался выйти на мостикъ подышать воздухомъ и не безъ надежды взглянуть при дневномъ свѣтѣ на этого добровольца, не стѣснявшагося мужскимъ костюмомъ. «A la guerre comme à la guerre,—думалъ онъ въ данную минуту,—можетъ быть, и что-нибудь, въ самомъ дѣлѣ, небезъинтересное»?

— Очень пріятно! — раскланялся онъ совѣтнику Шилю, когда тотъ вошелъ въ салонъ, расшаркался и назвалъ свой чинъ, фамилію и положеніе свое на пароходѣ въ качествѣ лица, оффиціально представляющаго правленіе компаніи.

— Ваше сіятельство, уважаемый генералъ,—началъ совѣтникъ Шиль —я пришелъ предупредить васъ объ очень важномъ дѣлѣ, затѣваемомъ, смѣю надѣяться, безъ вѣдома вашего

превосходительства. Я убѣжденъ, что вы, выслушавъ мой докладъ, окажете просвѣщенное, облеченное властью содѣйствіе ради предупрежденія этого дѣла, не допускаемаго ни честью, ни международными отношеніями, ни законами, однимъ словомъ, ничѣмъ такимъ, на чемъ зиждется право человѣчества вообще и нашей компаніи въ особенности.

— Очень пріятно!—повторилъ князь, выслушавъ вступленіе Шиля, недоумѣвающимъ взглядомъ посматривая на говорившаго, но еще сохраняя на своемъ лицѣ выраженіе любезно-улыбающееся.

— Ничего нѣтъ пріятнаго, а даже напротивъ, совсѣмъ напротивъ,—горячо перебилъ совѣтникъ;—дѣло въ томъ, что на пароходѣ затѣвается бунтъ!

— Бу-у-нтъ?—испуганно произнесъ Иванъ Аполлоновичъ.—Но я не желаю, я вовсе не желаю бунтовать! Это не мое дѣло. Я ѣду просто... Почему вы обращаетесь ко мнѣ?.. Я буду жаловаться нашему посольству...

Недоумѣвающее выраженіе, въ свою очередь, отразилось на лицѣ совѣтника Шиля.

— Я обращаюсь къ вамъ, генералъ, какъ къ начальнику этого отряда!—заявилъ онъ, чуть-чуть не бухнувъ вмѣсто слова «отряда» слово «банда».

— Это вовсе не мой отрядъ!—замоталъ головою и даже руками отрицательно Иванъ Аполлоновичъ и ужъ совсѣмъ нечаянно совралъ, что его отрядъ идетъ особо, а этимъ отрядомъ командуетъ другой генералъ, который тоже ѣдетъ особо...

— Странное распоряженіе!—пожалъ плечами агентъ интернаціональной компаніи и презрительно улыбнулся.

Этотъ тонъ, эта презрительная улыбка взорвали князя. Онъ возвысилъ голосъ такъ, что даже Ефремъ выскочилъ изъ своей каюты и появилась высокая фигура Мироныча, касающаяся головою рѣзного, украшеннаго позолотою, потолка каюты-салона.

— Я не понимаю!—кричалъ князь,—что это за дурацкое обыкновеніе лѣзть къ пассажирамъ, къ свободнымъ пассажирамъ, со всякою глупостью. Я путешествовалъ много разъ по Европѣ, но это только въ первый разъ со мною... Я заплатилъ вамъ деньги, я требую покоя, я имѣю права этого требовать, я свободный путешественникъ... Я буду жаловаться консулу,

самому послу въ Вѣнѣ, князю Карлу... Я долженъ буду оставить, наконецъ, этотъ безпокойный пароходъ, какой-то ловучій «Бэдламъ», и требовать возврата уплаченныхъ денегъ!..

Сравненіе парохода компаніи съ «Бэдламомъ» въ свою очередь взорвало запальчиваго Шиля. Тотъ тоже возвысилъ голосъ и началъ размахивать руками. Теперь уже кричали они оба.

— Мой пароходъ не «Бэдламъ»! Мой пароходъ честный. Если теперь онъ везетъ шайку разбойниковъ, то компанія не виновата.

— Шайку разбойниковъ! Что та е?!..—подступилъ къ нему вилотную Иванъ Аполлоновичъ, начиная забываться.

— Я не позволю говорить «Бэдламъ», я представитель компаніи.

Начался положительный гвалтъ, гдѣ слышались и княжескія восклицанія, и бѣшеные, съ пѣною у рта, наскоки разъяреннаго представителя интернаціональной компаніи.

— Я не позволю оскорблять! Я не допущу взятія Силистріи!

— Это что еще за вздоръ! Господи! что они со мною дѣлаютъ?!..

— Я совѣтникъ Шиль, кавалеръ ордена Людвига Баварскаго...

— Молчать! Негодяй! Что, что вы сказали?!!

Наконецъ, весь этотъ гвалтъ оборвался разомъ повелительнымъ возгласомъ Ивана Аполлоновича, не забывшаго своихъ барскихъ привычекъ:

— Эй, люди! вывести вонъ эту ска-а-а-тину!...

Колоссальная фигура Мироныча колыхнулась впередъ, Ефремъ подступилъ тоже съ предложеніемъ: «не послать-ли, молъ, за господами офицерами, что во второмъ классѣ? Они-съ его живо уберутъ...»

Совѣтникъ Шиль, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ злости, сжимая кулаки, отступилъ къ дверямъ и, наконецъ, скрылся, крикнувъ изъ-за дверей, что они еще увидятся и поговорятъ...

— Экой мерзавецъ...—въ изнеможеніи опустился на диванъ его сіятельство.

Между тѣмъ пароходъ «Кейзеръ Максъ» подходилъ уже къ Силистріи и на правомъ берегу, за большимъ, лунообразно изгибающимся островомъ, показались крутые скаты, увѣнчанные

старою цитаделью, а ниже террасами запестрѣли безчисленныя плоскія и крутыя черепичныя крыши и минареты турецкой части города. Капитанъ Недельбомъ велѣлъ уменьшить ходъ и всѣмъ быть на своихъ постахъ, на-готовѣ; онъ не то, чтобы былъ убѣжденъ въ непремѣнномъ свершеніи катастрофы, но все-таки разсчитывалъ на попытку, «съ пьяныхъ глазъ», по его мнѣнію, весьма вѣроятную.

Тихимъ ходомъ шелъ «Кейзеръ Максъ», близко держась лѣваго, противоположнаго берега, гдѣ виднѣлось береговое селеніе Каларашъ, съ давно обросшими, изглаживающимися временемъ, когда-то грозными насыпями русскихъ батарей прошедшей кампаніи.

Капитанъ не зналъ, остановиться-ли ему у Калараша за углемъ или, на всѣхъ парахъ обогнувъ островъ, драть скорѣе далѣе, мимо этой соблазнительной для добровольцевъ, защищаемой только однимъ батальономъ, турецкой твердыни.

XXIV.

Охота на дикихъ звѣрей у острова Парапана.

Крупная непріятность для пароходнаго начальства, компрометтирующая честь интернаціональнаго флага на мачтѣ «Кейзера Макса», дѣйствительно случилась, но только не подъ стѣнами Силистріи, а гораздо далѣе; и случилась эта непріятность безъ всякой предварительной подготовки и нелѣпаго заговора, а просто сама собою, въ силу стеченія обстоятельствъ, которыя не могли быть предвидѣны зоркимъ начальствомъ судна, а словно съ неба свалились, совершенно неожиданно и для начальства, и для пассажировъ, и для тѣхъ даже, кто послужилъ невольною причиною всего случившагося.

На каларашской пристани совѣтникъ Шиль отправилъ два конверта съ описаніемъ нанесеннаго якобы ему, агенту общества, оскорбленія со стороны русскаго генерала и даже князя; одинъ конвертъ былъ адресованъ австрійскому консулу въ Бухарестѣ, а другой—въ Пестъ, въ правленіе компаніи. Капитанъ Недельбомъ торопливо набрался углемъ и, дѣйствительно, на всѣхъ парахъ продралъ мимо Силистріи, не показавъ своего флага. Къ его удивленію, добровольцы спокойно ужинали, пили,

играли, пѣли хоромъ и ничѣмъ не обнаруживали своихъ завоевательныхъ наклонностей.

Капитанъ Недельбомъ далъ по здоровому тычку въ зубы обоимъ матросамъ-шпіонамъ, благо они были чехи родомъ, а потому жаловаться на нѣмца-начальника не смѣли, и подсмѣивался надъ горячностью «гера Шиля». Рюдель увѣрялъ, что онъ заранѣе думалъ, что все это однѣ глупости и что ничего серьезнаго и быть не могло... Пароходъ благополучно шелъ всю ночь, миновалъ къ утру Туртукай и въ полдень долженъ былъ по разсчету миновать Рущукъ, этотъ лѣвый флангъ грознаго «болгарскаго четыреугольника»...

Въ часъ пополудни прибыли въ Журжево, простояли тамъ часъ и тронулись далѣе, высадивъ на берегъ четырехъ пассажировъ съ баржи, объѣвшихся чѣмъ-то дорогою и заболѣвшихъ дисентеріею.

Печальную картину представляли эти четыре страдальца, когда ихъ подъ-руки вывели на берегъ; они плакали навзрыдъ, разставаясь съ товарищами, съ тоскою глядя на бортъ оставленной ими баржи. Когда они теперь попадутъ туда, куда рвались всѣмъ сердцемъ? да и попадутъ-ли еще? Можетъ быть, помрутъ здѣсь, въ чужомъ городѣ, въ госпиталѣ, и не увидятъ никогда ни своей родины, ничего, съ чѣмъ только связаны ихъ добрыя воспоминанія.

Товарищи сложились и снабдили ихъ деньгами, порѣшивъ даже, чтобы унтеръ Иванъ Николаевъ, «импровизированный староста», выдалъ бѣднягамъ по червонцу изъ суммы, пожертвованной на «обчество» «некрасовцами». Иванъ Аполлоновичъ отъ себя послалъ съ Ефремомъ пять золотыхъ. Маіоръ-кавказецъ самолично обошелъ публику второго класса съ шапкою въ рукахъ, сбирая пожертвованія и — о, чудо! — капитанъ Недельбомъ, тихонько впрочемъ, бросилъ въ эту шапку тоже десяти-франковую монету.

— Прощайте, братцы... — жалобно кричали съ берега оставшіеся, — *стойте тамъ и за насъ крѣпко!*

— Выздоравливайте, ребятки, выздоравливайте, голубчики, поправляйтесь! — кричали съ баржи.

— Какъ кто поправится, приходи сичасъ на пристань, сиди и жди. Пойдетъ еще пароходъ съ нашими, голосъ подай, объявись, значитъ; безпремѣнно захватить должны. Люди

казенные, какъ же иначе, — распорядился унтеръ Иванъ Николаевъ.

Только «командный начальникъ» не принималъ въ этомъ случаѣ никакого участія. Блондинъ-банкометъ сидѣлъ внизу и все примачивалъ себѣ одеколономъ лѣвый глазъ, вокругъ котораго образовался громадный темно-синій подтекъ — послѣдствіе тоже, должно быть, какой-нибуь дамы пикъ, очутившейся не на своемъ мѣстѣ.

Отъ Журжева, какъ разъ противъ Рущука, тянется цѣпь острововъ, раздѣляя теченіе Дуная на два рукава; лѣвый рукавъ, омывающій румынскую сторону, очень мелокъ и мѣстами сплошь заросъ непролазными камышами; пароходы идутъ обыкновенно правымъ рукавомъ, главнымъ русломъ, какъ-разъ мимо длинныхъ двухъярусныхъ набережныхъ турецкаго города, мимо его старыхъ бастіоновъ и казенныхъ зданій адмиралтейства военно-рѣчной эскадры. Все это крайне интересовало публику «Кейзера Макса», и пассажиры высыпали на палубу, поглядѣть на турецкую крѣпость, на эти вереницы судовъ у пристаней, на военную канонерку, стоящую на якорѣ почти-что на самомъ фарватерѣ, и на эти пестрыя толпы народа, какъ сѣяный макъ унизывающія своими красными фесками набережную и береговую песчаную полосу, заваленную бревнами, старыми полусгнившими лодками, грудами навоза и мусора, вывозимыми изъ города, кулями частнаго и казеннаго добра, оживленно копошащуюся словно разрытая муравьиная куча.

Вышелъ и Иванъ Аполлоновичъ, избѣгая смотрѣть на мостикъ, гдѣ стоялъ вмѣстѣ съ капитаномъ его врагъ, совѣтникъ Шиль; вышелъ и его ночной собесѣдникъ въ хохлацкой свиткѣ и, безъ церемоніи, произнеся только: «добрый день»! пожаловалъ къ нему за рѣшетку, объяснивъ потомъ, что отсюда, молъ, гораздо виднѣе, да и воздухъ тутъ какъ-будто-бы почище, не такъ ужъ горѣлкою разитъ...

Иванъ Аполлоновичъ тономъ любезнаго хозяина привѣтствовалъ его словами: — «милости просимъ»!

У этого просто-одѣтаго малоросса оказался, однако, подъ свиткою большой превосходный бинокль въ футлярѣ, гораздо лучшій, чѣмъ у самого Ивана Аполлоновича, и пара револьверовъ, подмѣченныхъ княземъ только въ ту минуту, когда «Жукъ», доставая бинокль, распахнулъ немного полу своей одежды.

Помощникъ Рюдель просилъ только господъ пассажировъ второго класса оказать ему и капитану тоже большую любезность и спрятать эти груды оружія на палубѣ; онъ предлагалъ: не позволятъ-ли господа путешественники распорядиться ему, Рюделю, прикрыть весь этотъ арсеналъ парусными брезентами?

Господа путешественники позволили и капитанъ былъ очень доволенъ: все-таки не такъ въ глаза бросалось, особенно когда пришлось проходить почти вплотную мимо военной турецкой канонерки, на палубѣ которой, какъ-разъ въ эту минуту, производилось артиллерійское ученье съ примѣрнымъ заряжаньемъ и наводкою колоссальнаго, пузатаго орудія, грозно поглядывающаго на частный пароходъ своимъ чернымъ, пока еще безмолвнымъ жерломъ.

— Вотъ, братъ, если изъ этакого да въ глазъ, хуже чѣмъ кулакомъ будетъ,—замѣтилъ по сему поводу маіоръ-кавказецъ блондину-банкомету, тоже вышедшему полюбопытствовать, подвязавшему свой больной глазъ черною косынкою.

— Глядите сюда, какъ бишь васъ, ваше сіятельство,— обратился Жукъ къ князю;—вонъ на ту гору... Видите?

— Вижу!—отвѣчалъ «его сіятельство», подвинчивая свой бинокль, дрожащій въ его старческихъ рукахъ.

— Ну вотъ, на томъ холмѣ, на горѣ-то, башенку изволите видѣть? Краснѣется она на самомъ пупу.

— Вижу!

«Какія выраженія у этого *насѣкомаго*!—подумалъ Иванъ Аполлоновичъ;—«на пупу». Оригиналъ»!

— Башня эта—наплевать, я ее руками щупалъ; дрянь дѣло! плечомъ поналегъ—развалится,—продолжало «насѣкомое».—А вотъ *они* теперь за умъ взялись... Ишь ты, новый фортъ строятъ; Левантъ-табія теперь за себя постоитъ, весь Рущукъ прикроетъ. Ишь вѣдь, не теряютъ времени османы... къ дѣлу въ серьезъ готовиться начали.

— Левантъ-табія,—повторилъ Иванъ Аполлоновичъ, разсматривая въ бинокль, какъ какія-то темныя точки суетливо копошились около башенки и тянулись гуськомъ по скатамъ горы, смѣняя одну уставшую партію рабочихъ другою, отдохнувшею...

— Тамъ имъ англичанинъ одинъ, Смайльсъ, инженеръ, указываетъ, какъ и что надо дѣлать; я ему этому англича-

нину, говорю разъ, —встрѣтились мы въ одномъ мѣстѣ,—ради кого, спрашиваю, вы это, почтенный джентльменъ, стараетесь? А онъ отвѣчаетъ: «ради кого, для меня нѣтъ никакого дѣла, я и знать не хочу, а вотъ противъ кого—это мнѣ досконально извѣстно и энергію мою возбуждаетъ».

— Вы это по-русски или, можетъ быть, по-мало-россійски разговаривали съ этимъ англійскимъ инженеромъ?—усмѣхнулся князь, думая поставить въ тупикъ, по его мнѣнію, не много завравшагося болтуна.

— Зачѣмъ по малороссійски?—спокойно замѣтилъ тотъ.—Англичане малороссійскаго языка не знаютъ.

— Да вы зачѣмъ-же были въ Рущукѣ?—полюбопытствовалъ Иванъ Аполлоновичъ, теперь уже подозрительно глядя на собесѣдника.

— А надо было, я и поступилъ къ итальянскому консулу, здѣсь, переводчикомъ на языки турецкій и англійскій.

— Вотъ какъ!

— Вонъ они и еще одинъ фортикъ заложили, это уже новость! Ахъ, подлецы! вонъ, вонъ, смотрите, чуть-чуть черточки желтѣютъ. Вѣдь это насыпь новая, вонъ, на самомъ берегу рѣчки! Видите?!

Князь поспѣшно сталъ протирать батистовымъ платкомъ съ короною стекла своего бинокля.

— Эта рѣченка, что сюда течетъ, это Ломъ называется; тамъ дальше будутъ двѣ деревни, хорошія болгарскія деревни—Мечка да Трестеникъ, Мечку-то отсюда видно немного. Молодцы, молодцы, не зѣваютъ, времени не теряютъ.

— Это вы турокъ-то такъ восхваляете?—окончательно подозрительно, даже попятившись назадъ спросилъ князь.

— Отчего-же и не хвалить, коли путемъ дѣло дѣлаютъ?..

Миновалъ пароходъ Рущукъ и его грозные, старые и новостроющіеся форты. Цѣпь острововъ, то голыхъ, песчаныхъ отмелей, то густо поросшихъ ивнякомъ и камышами, все еще тянулась справа. Слѣва-же виднѣлся крутой берегъ, мало-помалу переходя въ болотистую долину, прорѣзанную отдѣльными глинистыми возвышенностями.

Жукъ не отнималъ бинокля отъ глазъ и пересталъ разговаривать съ сосѣдомъ. Онъ внимательно смотрѣлъ въ одну и ту же точку, его смуглое лицо замѣтно блѣднѣло, онъ даже

нетерпѣливо отмахнулся рукою, когда князь спросилъ его о какой-то бѣлой черточкѣ, виднѣвшейся по ту сторону Лома.

Пароходъ шелъ быстро, городъ оставался далеко сзади, справа и слѣва теперь разстилались почти ненаселенныя мѣстности.

— Горемыки, горемыки! — вздохнулъ малороссъ - лингвистъ. — Вонъ сколько этихъ «бѣгунцовъ» собралось!

Иванъ Аполлоновичъ тоже взглянулъ по указанному направленію. Туда-же устремились и три бинокля съ капитанскаго мостика и тотчасъ-же раздалась глухая, направленная въ говорную трубу команда Нѣдельбома: «полный ходъ!»

Съ малороссомъ случилось что-то странное. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, бросилъ бинокль, въ два прыжка очутился рядомъ съ капитаномъ и отчетливо, чисто сказалъ ему понѣмецки:

— Капитанъ, я васъ прошу приказать остановиться и немедленно спустить лодки.

— Я васъ прошу, господинъ пассажиръ, не вмѣшиваться не въ свое дѣло,—такъ-же спокойно отвѣчалъ капитанъ.

Оба они стояли лицомъ другъ къ другу, оба были блѣдны, оба даже, словно инстинктивно, потянулись за своими револьверами, капитанъ Недельбомъ—въ карманъ своихъ форменныхъ бѣлыхъ панталонъ, Жукъ—за пазуху свитки. Пассажиры внизу волновались и толпились къ лѣвому борту. Всѣ матросы были на ногахъ и даже выстроились на бакѣ; ихъ было только девять человѣкъ. Совѣтникъ Шиль дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и что-то бормоталъ, обращаясь къ помощнику Рюделю, а тотъ пожималъ плечами и говорилъ, что, по его мнѣнію, непріятность неминуема.

Иванъ Аполлоновичъ положительно недоумѣвалъ, что такое совершается передъ его глазами.

— Именемъ Бога я заклинаю васъ, капитанъ, прикажите остановиться и спустить лодки,—повторилъ Жукъ.

— Не мое дѣло... Полный ходъ!

Пароходъ «Кейзеръ-Максъ» несся съ наибольшею скоростью, за винтомъ образовался широкій слѣдъ бѣлой пѣны, вся палуба судна содрогалась отъ бѣшеныхъ поворотовъ винта.

— Капитанъ, я васъ арестую!—спокойно произнесъ человѣкъ въ свиткѣ и, отстранивъ Недельбома, сталъ на его мѣсто.

Раздался пистолетный выстрѣлъ. Это совѣтникъ Шиль разрядилъ свое оружіе по малороссу. Пуля визгнула въ воздухѣ, щелкнулась о рѣшетку барьера, оставила на ней расщепленный слѣдъ и улетѣла въ пространство.

— А, это другое дѣло,—спокойное произнесъ капитанъ Недельбомъ, сошелъ съ мостика и заперся въ своей каютѣ.

— Если вы еще повторите выстрѣлъ, я васъ велю выбросить за бортъ!—обратился Жукъ къ агенту компаніи.

— Я не допущу, я не допущу...—захлебывался тотъ и поднялъ было снова револьверъ, но на него наскочили двое пассажировъ второго класса и повалили на веревочные маты.

Пока они барахтались, помощникъ Рюдель пожалъ плечами и также поспѣшилъ въ свою каюту.

— Матросы, сюда!—кричалъ Шиль. Его не слушали.

Эти матросы, всего девять человѣкъ, были отрѣзаны отъ капитанскаго мостика густою толпою пассажировъ, тоже еще не вполнѣ сообразившихъ, въ чемъ дѣло...

А по командѣ малоросса пароходъ остановился. Теченіемъ навстрѣчу его сносило къ турецкому берегу.

— Къ шлюпкамъ!—командовалъ Жукъ.

Слыша этотъ повелительный, энергичный голосъ, видя свое прямое начальство, уступившее мѣсто новому командиру, видя совѣтника Шиля, уже связаннаго, безсильно барахтающагося между рулевымъ колесомъ и сходцами,—матросы повиновались командѣ...

А Жукъ уже распоряжался, торопливо, но спокойно и послѣдовательно.

— По три человѣка съ ружьями въ шлюпку, кромѣ гребцовъ, къ берегу греби изо всей мочи! Забрать тѣхъ, кто тамъ. По *коннымъ* не стрѣлять, пока тѣ сами не начнутъ! Ну, благослови васъ Господи!.. Успѣете, дастъ Богъ, тотчасъ же назадъ. По три человѣка въ шлюпку!

Первымъ вскочилъ въ спущенную лодку добровольцъ, разсказывавшій свою невеселую исторію подсудности. Съ нимъ оба стеганые халата. Маіоръ-кавказецъ сунулся-было тоже, да проговорилъ: «эхъ, нализался я не въ добрый часъ, только дѣло портить буду», и остался. На баржѣ громко гудѣли голоса «сѣряковъ»; оттуда тоже, понявъ, въ чемъ дѣло, спустили кормовую лодку, и эта лодка съ четырьмя невооруженными греб-

пами въ солдатскихъ шинеляхъ неслась уже къ лѣвому берегу. Менѣе, чѣмъ черезъ минуту, и обѣ пароходныя лодки отчалили. Гребли матросы, а потому лодки шли къ цѣли быстро, ловко справляясь съ теченіемъ.

Жукъ стоялъ на капитанскомъ мѣстѣ и наблюдалъ все происходящее. Онъ былъ все еще блѣденъ, губы его были закушены. Теченіемъ сносило пароходъ назадъ, онъ скомандовалъ «*ходъ!*» и держалъ судно на одной высотѣ.

Теперь только сильно растерявшійся, особенно послѣ выстрѣла Шиля, Иванъ Аполлоновичъ началъ понимать, что-же это, наконецъ, творится...

У берега, не то что около воды, даже по поясъ въ водѣ, столпилась небольшая кучка людей, подававшихъ пароходу какіе-то знаки; оттуда даже доносились жалобные, стонущіе голоса; дальше, по направленію къ водѣ, еще двигались точки, пробираясь въ бродъ по разливамъ, бѣгомъ переходя сухія мѣста. Арба, запряженная парою воловъ, завязла въ грязи; около нея копошились люди, отчаянно пытаясь вытащить этотъ возъ изъ грязи, наконецъ бросившіе это дѣло и тоже побѣжавшіе къ берегу... Еще дальше, за косогоромъ, переваливая черезъ его гребень, двигались еще точки. Движеніе этихъ послѣднихъ точекъ было гораздо быстрѣе—это были *конные*, очевидно догонявшіе *пѣшихъ*; эти конные по временамъ останавливались и стрѣляли... Бѣлыя дымки ихъ ружей отчетливо вспыхивали и оттуда до самаго парохода доносился сухой, запоздалый стукъ выстрѣловъ. Иногда конная точка нагоняла отставшую пѣшую и скакала дальше, только пѣшая послѣ такого столкновенія падала и уже не двигалась съ мѣста.

Князь понялъ, что это баши-бузуки гонятся за бѣгунцами-болгарами. То, о чемъ онъ читалъ въ газетахъ подъ рубрикою «турецкія звѣрства», то, что онъ слышалъ много разъ и отъ якобы очевидцевъ, и изъ сотыхъ устъ разсказчиковъ, то, отъ чего у него послѣ чтенія терялся аппетитъ, разстраивались нервы и снились по ночамъ разные ужасы,—все это онъ! теперь видѣлъ на дѣлѣ, своими собственными глазами. Странно! Теперь это вовсе не казалось ему такъ страшно... Скачутъ точки, бѣгутъ точки, падаютъ, бѣлые клубочки дыма вспыхиваютъ... Три лодки быстро приближаются къ берегу, пароходъ чуть-чуть шевелитъ своимъ винтомъ и мѣрно покачивается.

День солнечный, чайки носятся надъ водою, вдали, далеко впереди, дышетъ буксирный пароходъ и тянетъ за собою три длинныя баржи. Справа, на островѣ, бараны мирно пасутся и спокойно сидитъ какая-то фигура въ черной шапкѣ и бѣлой рубахѣ. Что-же тутъ страшнаго?

Такъ казалось Ивану Аполлоновичу издали; его только смущала немного эта конвульсивно пытающаяся освободиться отъ веревокъ, ползающая на подмосткахъ, обвалявшаяся пылью фигура совѣтника Шиля. Только эта фигура и напоминала о чемъ-то экстренномъ, насиліи.

Бинокль князя не былъ такъ силенъ, чтобы за полторы версты видѣть эти расколотые черкесскими шашками черепа, эти окровавленные трупы, эти искаженныя ужасомъ черты несчастныхъ, глядящихъ съ чувствомъ тупого страха на приближающуюся съ суши смерть, съ чувствомъ тоскливой надежды на идущее съ воды избавленіе.

Гребцы надсаживались. Тяжелыя шлюпки, борясь съ сильнымъ теченіемъ, казалось, никогда не доберутся до цѣли плаванья.

Весь вопросъ теперь заключался въ томъ, кто подойдетъ прежде къ несчастнымъ бѣглецамъ: конные черкесы и башибузуки или лодки съ парохода и баржи «Кейзера-Макса»?..

Жукъ нагнулся къ говорной трубѣ, винтъ забурлилъ живѣе. Пароходъ повернулъ влѣво и шелъ ближе къ берегу. Рулевой повиновался новому капитану, какъ повинуется исправная машина опытной рукѣ машиниста. Дисциплинированный нѣмецъ зналъ хорошо свой фарватеръ; онъ зналъ, что безпрекословно надо повиноваться голосу, исходящему съ капитанскаго поста. Какое ему дѣло, кто въ данную минуту этотъ постъ занимаетъ?

— Эхъ, жаль; лодочекъ у насъ мало!—вздохнулъ кто-то между пассажирами.

— Только-бы подскакали эти подлецы къ берегу, мы-бы ихъ и отсюда достали,—послышался другой голосъ.—Вотъ молодцы! вотъ лихо! Валяй ихъ, ребята!

На баржѣ раздалось громкое радостное: уррра!.. Сѣрыя шинели стали набожно креститься.

Первая лодка съ баржи подошла и торопливо принялась забирать несчастныхъ, поплывшихъ-было ей навстрѣчу. Вторая

лодка тоже подходила; только третья сильно отстала: она даже взяла влѣво, въ сторону, и шла наперерѣзъ того направленія, по которому двигалась конная банда.

— Молодецъ! понимаетъ дѣло!—одобрительно слѣдилъ глазами за этою третьею лодкою малороссъ.

Цѣль этого движенія въ сторону объяснилась очень скоро лодка, выйдя изъ теченія, повернула снова къ берегу и вошла въ камышевыя заросли. Это движеніе было смѣлое, рискованное до-нельзя. Пассажиры этой лодки должны были принять на себя огонь магазинныхъ винтовокъ турецкихъ кавалеристовъ. Движеніе это давало возможность и другимъ, еще не добѣжавшимъ до мѣста посадки, бѣднякамъ спасти свои головы.

Черкесы тоже двинулись къ зарослямъ и открыли учащенный огонь; съ лодки отвѣчали тоже выстрѣлами... Снова оглушительное «ура!» загремѣло на баржѣ и на пароходѣ. Этимъ вторымъ «ура!» оставшіеся словно ободряли своихъ смѣльчаковъ... Уррра!.. чуть слышно долетало и съ берега.

— Одинъ упалъ!!

Иванъ Аполлоновичъ только въ эту минуту почувствовалъ нѣчто вродѣ страха. Этотъ возгласъ: «одинъ упалъ!» кольнулъ его въ сердце.

— Ваше сіятельство, я вамъ ррружье принесъ!—пробормоталъ блѣдный отъ страха, дрожащій всѣмъ своимъ тѣломъ камердинеръ Ефремъ, издали, изъ-за каютной рубки, протягивая князю ящикъ съ разобраннымъ карабиномъ.—Ваше сіятельство, уйдите лучше... неравно убьютъ-съ, что хорошаго-съ... Ваше сіят...

— Пошелъ вонъ!—крикнулъ Иванъ Аполлоновичъ и вдругъ засуетился. Онъ почувствовалъ теперь непреодолимое желаніе дѣйствовать тоже; онъ даже забѣгалъ по мостику, бормоча: ахъ, Боже мой... какъ же это...

— Послушайте... послушайте,—обратился онъ къ малороссу:—нельзя-ли еще ближе подойти?.. Я думаю...

— Не ваше дѣло!—строго, тономъ, чрезвычайно похожимъ на тонъ капитана Недельбома, обрѣзалъ его малороссъ.

Иванъ Аполлоновичъ не обидѣлся на этотъ тонъ, а, напротивъ, даже призналъ себя въ чемъ-то виноватымъ и началъ извиняться. Онъ теперь ужасно сожалѣлъ, что не поѣхалъ самъ въ лодкѣ на берегъ.

А между тѣмъ огонь съ третьей лодки сдѣлалъ свое дѣло: конные бросили преслѣдованіе и даже стали отступать за откосъ. Первая лодка уже возвращалась къ пароходу, но самые борта сѣвши въ воду отъ избытка груза; вторая тоже готовилась къ отплытію... Изъ камышей, гдѣ спряталась третья, доносились еще отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы; синій дымъ нитями стлался надъ зеленою зарослью; вереницы встревоженныхъ утокъ съ крикомъ носились надъ камышами. «Ура!» съ парохода и баржи гремѣло безостановочно. Подъ тентомъ первой рыдалъ доброволецъ, привыкшій къ мужскому костюму. Маіоръ Дуповъ оралъ во все горло: «шампанскаго сюда!» покрывая своимъ голосомъ даже общее «ура!..»

Все это разсказывается гораздо дольше, чѣмъ происходило въ дѣйствительности. Не прошло и получасу съ начала всего дѣла, какъ лодки уже вернулись, привезя на палубу «Кейзера Макса» до тридцати человѣкъ вымокшихъ, изнемогающихъ отъ усталости, оборванныхъ бѣглецовъ, между которыми только треть была мужчинъ, а то все женщины и дѣти. Вернулась и третья лодка; на ней распоряжался доброволецъ, обладатель «волчьяго билета»; его сербская шапочка была пробита пулею; на этой-же лодкѣ оказался и одинъ раненый съ перебитою рукою. Бѣдняга молча, только кривясь отъ боли, взобрался по веревочной лѣстницѣ и тутъ-же отъ потери крови упалъ въ обморокъ.

Когда всѣ лодки подняты были на свои мѣста, малороссъ спустился съ мостика и постучался въ дверь капитанской каюты.

— Войдите,—послышался голосъ капитана Недельбома.

Онъ спокойно лежалъ на своей койкѣ, курилъ сигару и читалъ газету. Когда вошелъ къ нему «Жукъ», онъ протянулъ ему по-пріятельски руку и произнесъ:

— Ну, что скажете мнѣ, господинъ русскій корсаръ, хорошаго?

Онъ даже улыбнулся, произнося слова: «господинъ русскій корсаръ».

— Капитанъ, вы теперь свободны и можете идти на свое мѣсто. Вашъ арестъ кончился.

— О, я зналъ, что буду своевременно свободенъ. Я иду на свое мѣсто. Вы молодецъ, вы поступили, какъ венгерецъ. Я самъ-бы такъ поступилъ на вашемъ мѣстѣ. Но вы мнѣ должны составить протоколъ. Такъ требуетъ законъ и порядокъ.

— Вы совершенно правы. Протоколъ будетъ составленъ,— отвѣчалъ малороссъ.

Черезъ минуту пароходъ уже шелъ своимъ прежнимъ курсомъ. Все было приведено въ порядокъ. Новые пассажиры размѣщены на расчищенной площадкѣ между бакомъ и фокъ-мачтою; совѣтникъ Шиль развязанъ, съ должнымъ внушеніемъ за выстрѣлъ не кстати. Запальчивый агентъ компаніи даже заболѣлъ отъ огорченія. Болгары были накормлены, снабжены деньгами и высажены на первой-же пристани у румынскаго берега; остались только двое изъ нихъ, мальчикъ дѣтъ двѣнадцати и уже пожилой гигантъ, съ свѣжимъ шрамомъ вдоль лба, побывавшій уже въ турецкихъ тюрьмахъ, два раза бѣгавшій отъ висѣлицы, по его разсказамъ. Оба они заявили, что никуда не хотятъ идти, кромѣ какъ вмѣстѣ съ русскими «братушками». «Братушки идутъ съ турками драться и они будутъ тоже драться съ турками»...

Тутъ случилось одно обстоятельство, заинтересовавшее всѣхъ пассажировъ, а Ивана Аполлоновича въ особенности: когда гигантъ-болгаринъ увидалъ малоросса, онъ вдругъ порывисто сорвалъ съ себя шапку, бросилъ ее объ земь и, почтительно поцѣловавъ полу хохлацкой свитки, сказалъ:

— Здравствуй, воевода, привелъ Господь еще разъ свидѣться!

— Воевода, воевода!—передавалось въ толпѣ пассажировъ.

— Ишь ты, «воевода»,—произнесъ и старикъ Миронычъ, восторженно глядя на малоросса.—Вотъ ужъ истинно, что воевода,—командиръ, одно слово!

Иванъ Аполлоновичъ, проникнувшись необыкновенною почтительностью къ человѣку въ свиткѣ и смазныхъ сапогахъ, соображалъ, какъ-бы это пригласить его къ *себѣ* обѣдать, ловко ли это будетъ и не обидится-ли онъ этимъ приглашеніемъ.

А самъ *воевода* уже утратилъ свой строгій, не допускающій возраженія и ослушанія, деспотически-повелительный видъ и, смущенный обращеніемъ къ нему проболтавшагося по невѣдѣнію болгарина, растерянно пробирался черезъ толпу къ люку каюты, не отвѣчая даже на поздравленія и восторженныя овація пассажировъ.

Протоколъ, требуемый капитаномъ Недельбомомъ, былъ составленъ. Въ этомъ протоколѣ обозначено было, что такого-то

числа, въ такомъ-то часу, въ такой-то мѣстности, именно у острова Парапана, капитанъ Недельбомъ и его помощникъ Рюдель были арестованы пассажирами парохода «Кейзеръ Максъ»; причиною ареста было *строгое исполненіе капитаномъ Недельбомомъ своихъ обязанностей, неудобное, въ данное время, для пассажировъ*. Освобождены были арестованные въ такомъ-то часу, а посему не могутъ подлежать никакой отвѣтственности за все, что случилось во время нахожденія ихъ подъ арестомъ. Агентъ компаніи, совѣтникъ Шиль, былъ арестованъ и связанъ за сопротивленіе, оказанное имъ, съ оружіемъ въ рукахъ, пассажирамъ парохода; связаніе это хотя и прискорбно для господъ пассажировъ, но тѣмъ не менѣе вынуждено самимъ потерпѣвшимъ. Пассажиры дѣйствовали исключительно во имя человѣколюбія (слѣдовалъ подробный отчетъ о совершившемся); экипажъ парохода и его власти дѣйствовали на основаніи закона и порядка, строго наблюдая принципъ «невмѣшательства».

Затѣмъ слѣдовали подписи:

Князь Пестрый-Ковриковъ (заграничный паспортъ, выданный въ Спб., за № 000).

Маіоръ Иванъ Дупловъ (заграничный паспортъ, выданный въ Одессѣ, за № 000).

Поручикъ Распутовъ (свидѣтельство о свободномъ выѣздѣ за границу, № 000).

Михаилъ Жукъ, русской службы отставной капитанъ (безъ документа).

Капитанъ парохода «Кейзеръ Максъ», Недельбомъ, Карлъ-Людвигъ.

Шкиперъ Рюдель, Іоганнъ-Францъ-Готлибъ.

Брюнъ, Найдело } матросы.

Совѣтникъ Шиль отказался вовсе подписать этотъ протоколъ.

Князь Пестрый-Ковриковъ былъ очень доволенъ, что ему первому предложили подписать протоколъ; онъ былъ въ восторгѣ, что его имя будетъ красоваться подъ такимъ *историческимъ документомъ*.

Пароходъ «Кейзеръ Максъ» благополучно продолжалъ свое плаваніе.

XXV.

Романическіе мотивы и предположенія сэра Генри Карлейля.

Уютно, комфортабельно, съ истинно-отеческою заботливостью сэръ Генри Карлейль помѣстилъ въ своихъ апартаментахъ раненаго Лео.

Докторъ-австріецъ, военный хирургъ, послѣ тщательнаго осмотра больного, нашелъ, что нѣтъ повода опасаться печальнаго исхода болѣзни, но во всякомъ случаѣ нуженъ уходъ внимательный и методъ леченія основательный, такъ какъ могутъ послѣдовать неожиданныя осложненія, противъ которыхъ наука безсильна.

Карлейль тотчасъ-же попросилъ почтеннаго хирурга заняться паціентомъ *внимательно* и *основательно* и тутъ-же добавилъ, что за каждое посѣщеніе онъ будетъ платить доктору по наполеондору.

— О, я не думаю, чтобы мнѣ надо было навѣщать «этого молодого героя» болѣе одного раза въ сутки! — поспѣшилъ заявить безкорыстный врачъ, но потомъ подумалъ немного и ужъ будто про себя, но вслухъ добавилъ:

— Развѣ первое время, недѣлю, не больше.

— Хотя по десяти разъ въ день!..—рѣзко замѣтилъ Генри Карлейль, брезгливо вкладывая палецъ между двухъ протянутыхъ по его направленію широкихъ ладоней военнаго хирурга.

Въ первый-же день къ нему явились двѣ дамы, заявившія готовность, конечно, безъ всякаго вознагражденія, быть при больномъ сидѣлками: одна дама въ костюмѣ сестры милосердія, лѣтъ сорока особа не то итальянскаго, не то еврейскаго типа, набожно вздыхающая, вѣчно берегущая по дрожащей слезинкѣ въ каждомъ глазѣ, и съ ридикюлемъ въ рукахъ, туго набитымъ крохотными экземплярами всякихъ печатныхъ святостей... Другая дама—типа совсѣмъ противоположнаго, еще не старая, даже недурная собою, бойкая, развязная, въ костюмѣ далеко не траурномъ и скромномъ. Она внесла съ собою въ комнату больного пряный запахъ гвоздики и два ящика какого-то презамысловатаго кастета изъ цвѣтныхъ геометрическихъ фигуръ, всѣхъ образцовъ и наименованій. Кромѣ того, едва только она отрекомендовалась сэру Генри Карлейлю и безцеремонно

сѣла у постели Лео, въ ея карманѣ мелодично заиграла миніатюрная табакерка.

Первая дама явилась отъ общества іезуитовъ и принесла Карлейлю въ конвертѣ благословеніе «патера Антонія». Вторая рекомендована была отъ муниципалитета города и явилась съ карточкою инспектора полиціи.

Тогда-же, тотчасъ по явленіи этихъ почтенныхъ дамъ, хозяинъ гостинницы Митровичъ просилъ у Карлейля тайной аудіенціи и, получивъ таковую, посовѣтовалъ корреспонденту «Daily News» немедленно прогнать обѣихъ, такъ какъ онѣ подъ видомъ сестеръ милосердія явились исключительно въ качествѣ шпіоновъ патера Антонія и австрійской полиціи.

Понятно, что Генри Карлейль не замедлилъ привести въ исполненіе совѣтъ честнаго серба.

Сидѣлкою къ раненому охотно вызвалась хорошенькая Лука и за то была избавлена отъ всѣхъ прочихъ обязанностей по дому.

Въ первую минуту, какъ только Лео на носилкахъ внесли въ спальню корреспондента, Лука вскрикнула отъ удивленія и вопросительно, долго смотрѣла на Карлейля, затѣмъ засуетилась, забѣгала по гостинницѣ съ необычайною подвижностью, шныряя по корридору съ чистыми полотенцами и постельнымъ бѣльемъ, затѣмъ нетерпѣливо дождалась, когда, наконецъ, уйдутъ отсюда всѣ эти несносные посторонніе люди, затѣмъ, улучивъ, наконецъ, свободную и удобную минуту, тронула Карлейля за руку и спросила:

— Вѣдь это онъ? Вашъ сынъ Эдди? Какъ-же вы мнѣ говорили, что онъ умеръ?!

Генри улыбнулся, грустно вздохнулъ, взглянулъ на портретъ на столѣ, на раненаго и, еще разъ вздохнувъ, отвѣчалъ:

— Онъ очень похожъ, необыкновенное, поразительное сходство, но только это не Эдди.

Дѣвушка тоже вздохнула, тоже забѣгала глазами отъ портрета къ постели и обратно, но, замѣтивъ, что сэръ Карлейль какъ-то усиленно заморгалъ глазами и потянулся за носовымъ платкомъ, пріостановила свой язычекъ, готовый разразиться новымъ потокомъ вопросовъ, и занялась своимъ прямымъ дѣломъ.

Дѣйствительно, сходство между Лео и молодымъ человѣкомъ, изображеннымъ на этомъ портретѣ, было поразительное.

Сэръ Генри Карлейль овдовѣлъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. На его попеченіи остались два юныхъ существа: его собственный сынъ, бойкій, красивый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и десятилѣтняя племянница, дочь его родного брата, опекуномъ и воспитателемъ которой онъ былъ назначенъ по завѣщанію ея покойнаго отца.

Положа руку на сердце, сэръ Генри не могъ-бы дать отвѣта, кого изъ своихъ питомцевъ онъ любитъ болѣе. Оба, сынъ и племянница, были одинаково дороги его сердцу...

Оба они воспитывались въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ Эдинбурга и всю зиму вслѣдствіе этого сэръ Генри проводилъ тамъ-же; оба они лѣтомъ проводили каникулы въ маленькомъ помѣстьѣ Карлейля на берегу моря, куда, конечно, переѣзжалъ изъ города къ окончанію годового курса и самъ владѣлецъ коттеджа. Такимъ образомъ, дѣти росли вмѣстѣ и вмѣстѣ проводили всѣ свои досуги...

Они любили другъ друга, какъ братъ и сестра, и ничего нѣтъ удивительнаго, что такъ какъ они въ дѣйствительности братомъ и сестрою не были, то со временемъ это чувство развилось и въ другую, болѣе нѣжную форму, заканчивающуюся обыкновенно въ такихъ случаяхъ самымъ удобнымъ и пріятнымъ бракомъ, въ которомъ и взаимному чувству отведено обширное мѣсто, и финансовымъ и фамильнымъ отношеніямъ тоже...

Казалось-бы, такъ именно и должно все случиться... Сэръ Генри Карлейль былъ счастливъ и доволенъ, сынъ его Эдуардъ—тоже; красавица, вся въ покойную мать, смуглая, стройная, какъ тополь, Кетти — болѣе всѣхъ, конечно. Ожидался только тотъ счастливый моментъ, когда оба они кончатъ свое образованіе и станутъ твердою ногою на скользкіе рельсы жизненной дороги...

Я вовсе не намѣренъ писать романа изъ англійской жизни вообще и изъ жизни семьи Карлейля въ частности; я беру изъ послѣдней только тѣ факты, которые совершенно случайно получили прямую связь съ моимъ разсказомъ, а потому и извиняюсь передъ читателями въ необходимости быть сжатымъ и краткимъ относительно всего, что касается юнаго Эдди Карлейля и Кетти, его возлюбленной невѣсты и кузины.

Я никогда не имѣлъ чести быть знакомымъ ни съ тѣмъ,

ни съ другою; я сообщу только то, что узналъ самъ о нихъ, а узналъ я, признаться, весьма немногое.

Во-первыхъ, я узналъ, что племянница сэра Генри Карлейля была воспитана въ строгихъ правилахъ постоянства и строгой нравственности. Ея темпераментъ былъ меланхолическій. Она любила шумъ морского прибоя и классическую музыку; она была очень набожна и въ политику не вмѣшивалась вовсе. Она была очень красива собою, но молодые люди скучали въ ея обществѣ, чувствуя себя въ неловкомъ положеніи человѣка, надѣвшаго нечаянно платье не по росту, слишкомъ узкое и стѣснительное. Миссъ Кетти сильно, спокойно, увѣренно любила своего кузена. Въ этой любви для нея было нѣчто фатальное: она не промѣняла-бы своего Эдди ни на кого, но если-бы наканунѣ вѣнца почему-либо надо было отложить бракъ лѣтъ на пять, она-бы спокойно подчинилась этому ожиданію. И также точно, если-бы ей кто-либо сказалъ, что она можетъ быть когда-нибудь женою другого, она-бы посмотрѣла на того, какъ на человѣка, позволяющаго себѣ говорить самыя дикія, самыя безсмысленныя и неправдоподобныя вещи...

То, что мнѣ извѣстно о молодомъ сынѣ сэра Карлейля, значительно разнится отъ только-что мною сказаннаго. Между нимъ и его невѣстою была масса всякихъ противоположностей.

Физіономія Эдди... Впрочемъ, я описывалъ наружность Лео,—это совершенно одно и то-же. Темпераментъ Эдди былъ чисто-сангвиническій; онъ хотя и любилъ шумъ морского прибоя, но въ мірѣ музыкальномъ предпочиталъ «Янки-дудль» и мотивы Оффенбаха. Впрочемъ, морскую волну онъ любилъ слушать, но не съ вершины скалы, окутанный въ клѣтчатый пледъ, какъ его кузина, а не иначе, какъ со скамьи шлюпки, когда пѣна прибоя переливаетъ черезъ бортъ и обдаетъ ея съ головы до ногъ своими брызгами, когда порывъ вѣтра вырываетъ грота-шкотъ изъ рукъ, когда приходится грудь съ грудью и рука съ рукою бороться съ разгулявшимся моремъ,—только въ такомъ случаѣ... Набожностью Эдди нисколько не отличался, хотя и считалъ въ числѣ своихъ друзей одного аббата, но только за то, что тотъ былъ страстный любитель рыбной ловли. Въ политику вмѣшаться Эдуардъ Карлейль не пропускалъ случая и даже по поводу феніевъ вступалъ съ отцомъ въ самые горячіе споры. Политика и погубила его...

Онъ былъ вѣчно душою и мужского, и дамскаго кружковъ: въ первомъ онъ вѣчно ссорился, но за ссорами моментально наставали минуты самаго искренняго, веселаго примиренія; во второмъ онъ заставлялъ нѣжно биться не одно сердце подъ косточками корсета, но, какъ уже оффиціально признанный женихъ миссъ Кетти, былъ подъ строгимъ наблюденіемъ мамепекъ, не допускавшихъ его слишкомъ ужъ близко подбираться къ ихъ дочерямъ.

Свою кузину-невѣсту онъ любилъ сильно, страстно, порывисто и проклиналъ эти томительные два года, которые надо было ему еще провести въ Лондонѣ ради окончательнаго образованія.

Изъ Лондона ему уже не суждено было возвращаться на родину въ объятія отца и невѣсты.

За два мѣсяца до окончанія курса сэръ Карлейль получилъ письмо изъ Брюсселя и, конечно, узналъ сразу почеркъ сына. Онъ писалъ ему, что попалъ въ непріятную политическую исторію: замѣшанъ въ дѣла тайнаго феніанскаго клуба и потому долженъ былъ бѣжать, дабы не попасть подъ арестъ и на скамью подсудимыхъ.

Отецъ, конечно, тотчасъ-же уѣхалъ въ Лондонъ, узналъ подробно, въ чемъ дѣло. Оказалось довольно серьезно, но не безповоротно... Надо было выждать года три, по крайней мѣрѣ, пока вліятельные друзья его съумѣютъ поправить ошибку увлекшагося юноши...

Сэръ Генри списался кое съ кѣмъ изъ своихъ американскихъ друзей, — у него вѣдь друзья были разсѣяны по всему свѣту и дюжинами проживали подъ всевозможными градусами долготы и широты. Молодому Карлейлю устроили весьма недурное положеніе въ Америкѣ, куда онъ и отправился немедленно, а наказаніемъ ему служила отсрочка еще на три года его брака съ любимою невѣстою.

Эдди плакалъ, какъ женщина, прощаясь съ Кетти (та тоже пріѣхала его проводить); онъ клялся, что не переживетъ разлуки. Кетти простилась нѣжно, но спокойно, и просила только не забывать ее, а она, конечно, ужъ не забудетъ его, даже если-бы эта разлука продолжалась не три, а хотя-бы тридцать три года.

На другой-же годъ послѣ отъѣзда сына отецъ былъ пора-

женъ новымъ ударомъ, новымъ горемъ, такимъ тяжкимъ и безповоротнымъ, что никакіе друзья не могли уже его исправить.

Его Эдди Богъ-вѣсть какимъ случаемъ очутился на Кубѣ въ качествѣ предводителя одной изъ бандъ возставшихъ противъ испанскаго правительства инсургентовъ, былъ при Ріо-Вакко раненъ, взятъ въ плѣнъ и... разстрѣлянъ.

Убитый горемъ отецъ думалъ, что не переживетъ такого удара... Пораженная не менѣе его, миссъ Кетти выдержала ударъ наружно спокойно и сказала только: «Такъ угодно Богу... Я больше не буду ничьею невѣстою»...

Время, всесильное время залечиваетъ и не такія раны; примѣръ этого видѣли всѣ на Генри Карлейлѣ: онъ успокоился, наконецъ, и всю свою любовь сосредоточилъ на племянницѣ, но та словно окаменѣла; она рѣшилась остаться дѣвушкою, не принадлежать никому, если Богу не угодно было, чтобы она принадлежала Эдди, и изъ этой рѣшимости, видимо подкашивающей всю ея жизнь, готовящей ей печальную, безотрадную будущность, не могли ее выбить никакія увѣщанія отца, ни его друзей, даже рѣчь аббата-духовника, обѣщавшаго дядѣ поколебать упорство племянницы путемъ религіи.

Время шло и шло... Затѣмъ сэръ Генри очутился на Балканскомъ полуостровѣ (Кетти въ это время гостила у одной изъ своихъ богатыхъ тетушекъ въ Англіи). Затѣмъ на пароходѣ «Діана» старый джентльменъ увидѣлъ Лео, поразившаго его сразу не только внѣшнимъ сходствомъ съ его сыномъ, но даже звукомъ голоса; затѣмъ — все остальное, мною разсказанное, затѣмъ — мало-по-малу развитіе романическаго плана, засѣвшаго въ голову Генри, тщательно имъ лелѣяннаго; затѣмъ... затѣмъ я продолжаю мой прерванный разсказъ и снова подхожу къ постели больного, около котораго, чутко прислушиваясь къ дыханію Лео, сидитъ полненькая дѣвушка, напустившая необыкновенную серьезность на свое вѣчно веселое личико, изрѣдка только поглядывающая на отворенную дверь, въ которой виднѣется за столомъ широкая спина Генри Карлейля, его сѣдые волосы и локоть руки, бойко скользящей перомъ по листамъ лиловой бумаги.

XXVI.

Первая перегородка.

Продолжительная, утомительная перевозка дурно повліяла на здоровье раненаго. Онъ все время былъ въ состояніи тяжелаго забытья, метался въ жару и безпрестанно разстраивалъ свои перевязки. Присутствіе опытнаго хирурга дѣйствительно требовалось довольно часто, хотя способныя на все руки сидѣлки скоро пріучились накладывать бинты и компрессы не хуже самого доктора. Больной потерялъ много крови и былъ очень слабъ, онъ безпрестанно бредилъ съ открытыми глазами, смотрѣлъ на Карлейля и не узнавалъ его... Когда къ нему подходила Лука, когда она близко наклонялась къ постели, когда она нѣжно шептала ему успокоительныя слова, онъ инстинктивно узнавалъ въ ней женщину и его бредъ тогда усиливался, — въ этихъ несвязныхъ, неразборчивыхъ бормотаніяхъ и стонахъ больного чаще и чаще прорывалось женское имя, но, конечно, это не было имя усердной сидѣлки.

Тогда Генри Карлейль хмурилъ брови и на его лицѣ выражалось даже что-то похожее на огорченіе. Онъ особенно внимательно прислушивался въ такія минуты къ бреду Лео и потомъ, выйдя на веранду, долго ходилъ взадъ и впередъ, усиленно втягивая въ себя освѣжающій, пропитанный растительнымъ ароматомъ воздухъ.

Нравственно онъ уже успѣлъ овладѣть имъ и привязать къ себѣ молодого человѣка. Письма Лео къ нему были проникнуты этою теплою привязанностью. Сирота, эмигрантъ, онъ не могъ имѣть какихъ-нибудь прочныхъ связей съ своимъ отечествомъ, онъ легко могъ найти себѣ другое отечество тамъ, гдѣ его приласкаютъ, пригрѣютъ... Онъ энергиченъ, смѣлъ, экзальтированъ, впечатлителенъ, — все это явные признаки «хорошей породы» или, какъ онъ выражался, «высокой расы». Онъ такъ похожъ на его Эдди, что могъ бы ему вполнѣ замѣнить утраченнаго сына. Можетъ быть, это сходство подѣйствуетъ и на непреклонную волю его племянницы, можетъ быть, дастъ и ей нравственный толчекъ. Личная опытность Генри Карлейля, тактъ, постепенность, естественное чувство, которое нельзя же совсѣмъ задавить въ молодомъ организмѣ, а главное—время,—

все это можетъ повести совсѣмъ къ иной развязкѣ дѣла, и тогда... Тогда Генри усыновитъ Лео и дождется, наконецъ, той счастливой минуты, когда, окруженный своею семьею, покачивая на своихъ рукахъ малютокъ-внучатъ, все маленькихъ Карлейлей, броситъ все и посвятитъ свои послѣдніе дни семьѣ и отдыху.

Понятно, что, создавая и развивая такой планъ, основанный, конечно, и на томъ, что его племянница тоже дѣвушка, способная заставить полюбить себя, сэръ Генри безъ особеннаго удовольствія слышалъ безпрестанно прорывающееся въ бреду больного имя какой-то «Нади».

Это имя его положительно смущало, особенно, когда въ его руки попало одно изъ писемъ Нестрой - Ковриковой. Изъ этого письма Карлейль убѣдился, что тутъ играетъ роль не легкое увлеченіе, не какая-нибудь интрижка, случайно оставившая по себѣ слѣдъ въ воспаленномъ мозгу больного, а нѣчто весьма серьезное, прочное, создавшее себѣ уже опредѣленную будущность...

Генри не падалъ духомъ, не терялъ надежды... Онъ только хотѣлъ основательно изучить то, съ чѣмъ ему надо было бороться, и не отчаявался въ успѣшномъ окончаніи борьбы.

Онъ даже подумывалъ, не увезти-ли Лео совсѣмъ отсюда, такъ чтобы и слѣдъ его былъ потерянъ, а тамъ... Но послѣ зрѣлаго обсужденія нашелъ, что этотъ планъ не удаченъ и можетъ быть впослѣдствіи истолкованъ Лео какъ нѣчто вродѣ насилія, и планъ этотъ былъ оставленъ.

Потомъ онъ думалъ, не выписать - ли свою племянницу, но это было-бы неосторожнымъ шагомъ относительно ея самой, могло-бы послужить ей намекомъ на его затѣи и тѣмъ заставить ее еще прочнѣе укрыться въ свои укрѣпленныя позиціи. Бываютъ случаи, когда именно надо тщательно дѣлать видъ, что скрываешь данный предметъ, для того, чтобы на немъ-то и сосредоточилось все вниманіе тѣхъ, отъ кого скрываютъ.

Наконецъ, что такое Надя, кто эта Надя? Какая-то русская барышня, гдѣ-то очень далеко въ Петербургѣ (Генри обратилъ вниманіе на штемпель конверта). Лео уже давно ее не видѣлъ и она его также; для того, чтобы вновь увидѣться, надо или ему ѣхать въ Россію, но это невозможно, или ей ѣхать сюда, но для этого надо много энергіи и силы воли для русской ба-

рышни. Если-бы это была англичанка — ну, другое дѣло, а русская...

О русскихъ женщинахъ Генри Карлейль былъ не очень высокаго мнѣнія...

— Бредъ опять начинается... У него губы пересохли... дыханіе такое жаркое... я лимонадъ даю съ ложечки, — докладывала Лука, шопотомъ говоря даже въ сосѣдней комнатѣ, изъ опасенія потревожить больного...

— Лимонадъ... это хорошо... Ты говоришь, бредъ начинается? Это хорошо... то-есть совсѣмъ не хорошо, даже очень не хорошо. Что же онъ бредитъ такое?

И Генри Карлейль на цыпочкахъ подкрадывался къ постели, тихонько пододвигалъ кресла, осторожно опускался въ нихъ и слушалъ, слушалъ внимательно, слушалъ, боясь проронить малѣйшее слово, малѣйшій звукъ этого безсвязнаго, горячечнаго лепета...

День проходилъ за днемъ, принося перемѣны въ общемъ состояніи здоровья больного. Всѣ эти перемѣны, конечно, были не къ худшему. Лео уже разговаривалъ съ Генри Карлейлемъ, горячо благодарилъ его за участіе, съ которымъ благородный джентльменъ относился къ *чужому* для него человѣку, даже не его соотечественнику.

— Всѣ люди — соотечественники, всѣ — жители одной планеты,— замѣтилъ при этомъ Генри Карлейль и, надо признаться, замѣтилъ не совсѣмъ искренно, такъ какъ чѣмъ угодно, но только космополитомъ онъ никакъ не могъ быть признанъ.

Лео могъ уже сидѣть на постели, облокотившись на подушки, массу которыхъ заботливо сбивала и укладывала Лука, безпрестанно мѣняя чистыя наволочки.

Докторъ позволилъ Лео читать; Генри устроилъ ему удобный пюпитръ надъ постелью, на который ставилась книга, а такъ какъ больной еще не владѣлъ рукою, съ раздробленной ключицы которой еще не сняты были гипсовыя перевязки, то хорошенькая сидѣлка сама переворачивала страницы книги, отличаясь при этомъ необычайнымъ, вовсе несвойственнымъ ей терпѣніемъ... Лео былъ довольно-таки раздражителенъ, разъ даже назвалъ бѣдную дѣвушку «неуклюжей тумбою», но когда та, обиженная, втихомолку отерла рукавомъ слезинку, обидчикъ

взглянулъ такъ ласково, такъ просительно, что Лука тотчасъ-же засмѣялась и согласилась сама, что дѣйствительно похожа на тумбу, если только Лео видѣлъ у тумбы такіе глазки и такія...

Лео долженъ былъ сознаться, что не правъ, ибо тумбы съ такими прелестными украшеніями ему видѣть еще ни разу не приходилось...

Далматинка успѣла уже перессориться со всѣми поварами и поварёнками отеля, она разъ по десяти бѣгала на кухню посмотрѣть, какъ варится бульонъ, спеціально предназначенный для больного. Въ такихъ случаяхъ она была невыносимо требовательна и все находила, что бульонъ или очень жидокъ, или черезчуръ ужъ крѣпокъ, или подозрительно мутенъ, однимъ словомъ, неудаченъ. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, метръ-д'отель энергично выругался, помянувъ при этомъ и «санта-Марію», и «санте-Бонифаціо», и предложилъ Лукѣ самой варить супъ для «своего»...

Онъ не договорилъ, для кого именно *своего*, но Лука вспыхнула, какъ піонъ, нервно задрожала, заплакала навзрыдъ на всю кухню, однако отъ предложенія не отказалась и тотчасъ-же, накинувъ передникъ, принялась за стряпню.

Когда докторъ разрѣшилъ больному цыпленка, Лука сама выбрала изъ корзины самаго красиваго и полненькаго, заставила при себѣ зарѣзать птицу и связала ей лапки какимъ-то замысловатымъ, ей одной доступнымъ бантикомъ, чтобы повара при жареньи не подмѣнили какъ-нибудь ея избранника.

Однимъ словомъ, красавица повела себя такъ неосторожно, что скоро весь отель перешептывался по поводу нѣжныхъ чувствъ «этой вертушки», особенно, когда Генри Карлейль подарилъ ей прелестные дамскіе часики съ цѣпочкою, какъ скромное вознагражденіе за ея неутомимое усердіе и преданность взятому ею на себя тяжелому дѣлу ухода за раненымъ.

Сегодня утромъ Генри Карлейль былъ въ необыкновенно счастливомъ настроеніи духа. Вся его фигура выражала полнѣйшее довольство, красивое лицо сіяло счастьемъ.

Онъ очень поздно легъ спать наканунѣ, больной тоже не спалъ почему-то, и они вдвоемъ провели большую половину ночи. Карлейль разсказывалъ Лео о жизни въ Шотландіи, опи-

сывалъ тамошніе горы, лѣса и озера, обиліе дичи, богатыя охоты, удовольствіе подстерегать на скалахъ большого оленя. Потомъ онъ перешелъ къ устройству общественной и семейной жизни въ своемъ отечествѣ; здѣсь онъ положительно не находилъ недостатковъ; все и вся было идеально хорошо и вполнѣ удовлетворяло наивысшимъ потребностямъ человѣческаго ума и сердца... Генри на этотъ разъ не упомянулъ ничего о своемъ собственномъ семействѣ, но не по разсѣянности, конечно, а съ умышленнымъ разсчетомъ. Незамѣтно перешелъ онъ къ жизни въ Россіи, провелъ нѣкоторыя невыгодныя для послѣдней параллели, но за то разсыпался въ любезностяхъ русскому народу и его чистымъ, непопорченнымъ еще здравымъ отношеніямъ къ дѣлу, коснулся и современныхъ событій, ловко зондируя, насколько остылъ у Лео его партизанскій, освободительный задоръ. Лео слушалъ и слушалъ внимательно.

— Однако, я утомляю васъ, мой другъ,—кончилъ, наконецъ, корреспондентъ «Daily News»;—пора и спать.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ Лео въ голову и тотчасъ-же почувствовалъ, какъ къ его рукѣ прикоснулись горячія, сухія губы...

— Ну, спи-же спокойно, мой дорогой... — взволнованно проговорилъ Карлейль, въ первый разъ измѣнивъ мѣстоименіе *вы* на *ты*, и вышелъ, соображая, удобно-ли будетъ продолжать и на завтра это *ты* или отложить такой важный сближающій шагъ до болѣе удобнаго случая.

И вотъ сегодня утромъ онъ словно нечаянно опять привѣтствовалъ его тѣмъ-же родственнымъ, теплымъ, задушевнымъ *ты* и, конечно, замѣтилъ, что Лео отнесся къ этой короткости не только съ удовольствіемъ, но даже съ чувствомъ признательности.

Но не все-же время проводилъ больной съ своимъ покровителемъ; большая часть его подневольныхъ досуговъ раздѣлялась съ сидѣлкою.

Здоровая, красивая, кокетливо-опрятная, веселая дѣвушка производила на Лео, видимо, пріятное впечатлѣніе. Конечно, тутъ, принимая во вниманіе уже созрѣвшее, возвышенное, облагороженное чувство, питаемое нашимъ героемъ къ княжнѣ Пестрой-Ковриковой, ничего не могло быть серьезнаго, но все-таки для Лео было гораздо пріятнѣе видѣть около себя эту

свѣженькую, добрую Луку, чѣмъ... ну, хоть чѣмъ одну изъ тѣхъ дамъ, что такъ усердно рекомендованы были іезуитами и австрійской полиціей...

Далматинка разсказывала больному преглупыя, наивныя до-нельзя сказки. Больной заинтересовывался этою болтовнею, входилъ даже въ драматизмъ положенія какого-нибудь «короля съ пѣтушиною головою» или «святого подвижника Игнаціо», котораго чортъ никакъ не могъ соблазнить, являясь къ нему даже въ образѣ четырехъ дѣвицъ... Отъ сказокъ Лука переходила къ пѣснямъ... Она пѣла пріятнымъ контральто, непремѣнно почему-то начиная концертъ извѣстною баркаролою «Santa Lucia» и кончая какой-то безконечно-длинною жалобою дѣвушки, потерявшей жениха и отъ тоски заговорившей со всѣми мимолетящими птицами. Для каждой изъ этихъ птицъ былъ особый куплетъ и Лука ихъ пѣла всѣ, безъ пропуска.

Сперва Лео только слушалъ, даже иногда дремалъ подъ напѣвы своей неутомимой сидѣлки, потомъ сталъ слегка подтягивать, особенно когда основательно ознакомился съ ея репертуаромъ. Разъ даже самъ спѣлъ что-то, не громко, конечно (сэра Генри Карлейля въ то время не было дома), но все-таки и отъ этого небольшого напряженія ему сдѣлалось дурно, онъ поблѣднѣлъ и закрылъ глаза. Боже мой, какъ засуетилась бѣдная сидѣлка, увидѣвъ его въ такомъ положеніи! Прежде всего она бросилась его цѣловать и цѣловала его довольно долго. Обморокъ Лео былъ не настолько силенъ, чтобы не могъ онъ чувствовать этихъ поцѣлуевъ, но, однако, и не настолько легокъ, чтобы онъ могъ имъ сопротивляться. Бываютъ такіе обмороки, средняго размѣра.

Видя, что поцѣлуи не помогаютъ, Лука опомнилась, наконецъ, и кинулась къ сонеткѣ, но тутъ, слава Богу, Лео пришелъ въ себя и, замѣтивъ движеніе сидѣлки, слабымъ голосомъ проговорилъ:

— Нѣтъ, не надо... Мнѣ ужъ лучше... Это такъ, ничего... Вотъ и прошло совсѣмъ, не надо!

Хорошенькая Лука снова очутилась у постели и, инстинктивно сообразивъ, что именно помогло Лео, съ меньшею пылкостью, но зато съ большею почтительностью продолжала ее снова...

Теперь и Лео, назвавъ ее «милой моей тумбочкой», по нѣ-

ловалъ ее въ лобъ да кстати ужъ и въ оба довольные, веселые, ласково такъ поглядывающіе глазки.

Случайно Карлейль вошелъ въ комнату именно въ эту самую минуту, улыбнулся, сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, поздравилъ больного съ видимымъ успѣхомъ хода ранъ, съ этимъ здоровымъ, прекраснымъ цвѣтомъ лица, погладилъ по головкѣ Луку, назвалъ ее «умницею» и подарилъ ей наполеондоръ съ правомъ употребить деньги какъ ей заблагоразсудится, но только не на конфекты, отъ которыхъ портятся зубы, а такіе славные, бѣлые, ровные зубки, какъ у нея, грѣшно подвергать опасности...

Сэръ Генри Карлейль, какъ опытный психологъ, очень хорошо понималъ, что если между его будущимъ сыномъ и какою-то русскою княжною Пестрой-Ковриковой и существуетъ прочная духовная связь, то это не значитъ, что такая связь окончательно непоколебима. Если между нимъ и ею ставить легкія перегородки, сами по себѣ ничего серьезнаго не имѣющія, то все-таки эти перегородки, хотя немного, но отдалятъ ихъ другъ отъ друга, исподволь ослабляя связывающія нити. Сами-же по себѣ эти перегородки своевременно легко устранимы, а посему, чѣмъ больше ихъ нагораживать, тѣмъ лучше; затѣмъ... затѣмъ послѣдуетъ то, что происходитъ съ зданіемъ, которое хотятъ перестроить на новый ладъ: сперва вся архитектура этого зданія, всѣ его линіи и формы закрываются легкими лѣсами; подъ этими лѣсами совершается метаморфоза, и затѣмъ лѣса долой — и зданіе является глазамъ въ совершенно иномъ стилѣ, ничего уже и общаго не имѣющемъ со старымъ, найденнымъ неудобнымъ.

Хорошенькая, веселая кокетка Лука могла служить превосходнымъ матеріаломъ для первой перегородки, первымъ бревномъ для застановки зданія лѣсами.

XXVII.

Письмо, содержаніе котораго читателямъ уже извѣстно.

Лео настолько поправился, что могъ двигаться и ворочаться на постели безъ посторонней помощи; онъ даже иногда совсѣмъ поднимался на ноги. Придерживаясь за мебель или

опираясь на полныя плечики далматинки, онъ подходилъ къ окну, любовался этою чудною зеленью, пестротою и затѣйливостью крышъ города, голубою полосою моря и дальнею синевою горъ. Эти горы, эти зеркальныя водныя глади всегда напоминали ему о *ней*, о первой ихъ встрѣчѣ, обо всемъ, за симъ послѣдовавшемъ.

Лука его поддерживала, ловко охвативъ рукою за талію, плотно, для большей устойчивости, конечно, прижимаясь къ его плечу своею головкою. У нея вѣдь была такая славная, толстая, длинная, черная, какъ уголь, коса, вѣнкомъ лежащая вокругъ головы; въ этой косѣ всегда было вплетено нѣсколько свѣжихъ розъ, эти розы очень хорошо пахли, а Лео любилъ ихъ ароматъ. Итакъ, съ помощью Луки Лео стоялъ у окна, вспоминалъ и вздыхалъ, и на каждый его вздохъ тотчасъ-же слышался другой, сочувственный, только нѣсколько болѣе протяжный.

Затѣмъ Лео обратно шелъ или къ постели, или къ покойному раскидному креслу. Лука усаживала его, расправляла складки халата, отступала немного, оглядывала и снова кидалась что-либо измѣнить или поправить. Прежде сидѣлка уходила въ другую комнату, когда входилъ сэръ Генри Карлейль, конечно, когда при томъ ея непосредственныхъ услугъ не требовалось. Теперь уже она позволяла себѣ оставаться тутъ-же, такъ какъ замѣтила, что ея близость къ больному вовсе не непріятна старому джентльмену.

Когда Карлейль уходилъ на нѣсколько часовъ или уѣзжалъ на день или два по своимъ дѣламъ, Лео обыкновенно сильно скучалъ, и это, въ свою очередь, сильно огорчало Луку; дѣвушка позволила себѣ даже разъ замѣтить джентльмену, что съ его стороны не хорошо такъ надолго оставлять ихъ и огорчать тѣмъ больного.

Конечно, Карлейль не обидѣлся этимъ замѣчаніемъ, оно даже было принято имъ съ удовольствіемъ, особенно когда на вопросъ его: правда? Лео, протянувъ руку, отвѣчалъ: конечно, правда!

Теперь уже продолжительная, необходимая отлучка Генри какъ-будто-бы меньше стала смущать обоихъ. Время разлуки шло какъ-будто быстрѣе какъ для больного, такъ и для его сидѣлки.

Разъ такъ даже Лука просто-таки недовольна была случайно ускореннымъ прибытіемъ корреспондента, а Лео почувствовалъ себя въ положеніи школьника, котораго застали съ запрещенною книгою въ рукахъ.

Но несмотря на все это, бывшій носильщикъ станціи Монтре-Верне, пѣвецъ Женевскаго озера, все-таки задумывался, подходя къ окну, изъ котораго виднѣлись и далекія синія горы, и бирюзовыя водяныя глади.

Разъ, проведя около получаса въ такомъ задумчиво-созерцательномъ положеніи, онъ почувствовалъ необходимость писать, потребовалъ бумаги и перо, попросилъ Луку оставить его одного и, устроившись передъ пюпитромъ, началъ...

Далматинка, огорченная этимъ удаленіемъ, затворила за собою дверь, но не очень плотно, и сквозь слезы наблюдала въ щелку за пишущимъ.

Лео писалъ прерывисто, напряженно, по временамъ онъ оставлялъ перо, откидывался головою на спинку кресла, вздыхалъ и даже плакалъ. Лука за дверью тоже начала потихоньку хныкать, но войти до зову не рѣшалась. Лео заговорилъ даже вслухъ, Лука напряженно прислушивалась, но ничего не поняла. Лео взглянулъ на дверь, дѣвушка приняла это движеніе за призывъ, стремительно, какъ бомба, ворвалась въ комнату, но ей навстрѣчу отчаянно, не безъ досады за прерванный экстазъ, замахала рука пищущаго, и бѣдняжка, совсѣмъ уже расплакавшись, отправилась снова на свой наблюдательный постъ.

Представьте-же себѣ ея досаду и огорченіе, когда Лео счелъ нужнымъ вновь переписать свое длинное письмо, даже вновь смочить его своими слезами.

Знала-бы, ни за что не дала бы ему ни бумаги, ни перьевъ, и синьора Генри упросила-бы не давать. Вредно такъ волноваться, — бормотала за дверью Лука, кусая съ досады свои малиновыя губки.

Это начисто написанное и смоченное слезами письмо было, наконецъ, запечатано и конвертъ надписанъ. Лука должна была собственноручно отнести его на почту.

О, съ какою ненавистью взяла онъ этотъ толстенькій, бѣлый квадратикъ, такъ тщательно заклеенный со всѣхъ сторонъ! Вѣдь этотъ конвертъ заставилъ ее плакать, заставилъ *его* плакать и волноваться.

«Къ кому могло быть это письмо?—подумала она;—о, я узнаю, я непремѣнно прежде узнаю, а уже потомъ»...

И она тотчасъ-же отправилась въ лавку табачника Кристаки, рядомъ, гдѣ ей и прочли первую половину адреса: «Russie, St.-Petersbourg, a madame Princesse Nadine Pestroy-Kovricoff»...

— Значитъ, это письмо къ женщинѣ! А, такъ вотъ оно что! Хорошо-же, я его отправлю!

Дѣвушка рѣшила было немедленно бросить конвертъ въ печь, но подумала и нашла это нечестнымъ, не оправдывающимъ *его* къ ней довѣрія. Она, впрочемъ, подождала опускать письмо въ ящикъ, спрятала его подъ лифъ корсажа и вернулась домой.

Здѣсь она въ корридорѣ встрѣтилась съ Генри Карлейлемъ и молча протянула ему конвертъ. Тотъ удивился немного, взялъ, прочелъ адресъ и, спокойно глядя на дѣвушку, произнесъ:

— Это письмо надо опустить въ ящикъ.

— Я знаю,—тоскливо заговорила Лука,—развѣ я не знаю, что письма идутъ по почтѣ... я знаю, что письма идутъ по почтѣ... я знаю... а не то совсѣмъ.

Въ голосѣ дѣвушки, въ ея глазахъ, наполненныхъ слезами, было столько тоски, мольбы о чемъ-то, что старый джентльменъ, пристально посмотрѣвъ на нее, улыбнулся и поспѣшилъ освѣдомиться, что за причины вызвали въ ней такое несвойственное ей вовсе состояніе духа.

— Это онъ писалъ, синьоръ Лео... Это онъ писалъ... — говорила Лука.

— Ну, такъ что-жъ? — немного только сдвинулъ брови Генри Карлейль.

— Вѣдь это онъ женщинѣ пишетъ... да?

— Да!

— И я должна сама, вотъ самыми этими руками, опустить письмо въ ящикъ?.. да, тоже да?

— Можно поручить кому-нибудь другому. Яну хоть или просто разсыльному.

— Вы меня понять не хотите... Вы смѣетесь надо мною!— говорила Лука, всхлипывая. — Хорошо, я отнесу это письмо, я отнесу... сама, сама... Онъ сказалъ: Лука, возьми и отнеси! Я отнесу... я сдѣлаю все, что-бы онъ мнѣ ни приказалъ сдѣ-

лать. Хотя-бы онъ велѣлъ мнѣ самую себя рѣзать..... сдѣлаю.

Слезы и всхлипываніе дѣвушки мало-по-малу превратились въ глухія рыданія, она выбѣжала изъ корридора, заперлась на своей вышкѣ, а... А черезъ четверть часа вышла оттуда уже успокоившаяся, съ улыбкою на лицѣ, только съ красноватыми припухлостями подъ обоими глазами.

Письмо къ княжнѣ Пестрой-Ковриковой все-таки пока, но только пока, осталось за корсажемъ ревнивой далматинки.

Вечеромъ сэръ Генри Карлейль получилъ приглашеніе пожаловать къ губернатору на предполагавшуюся прогулку по лагунамъ, на гребныхъ шлюпкахъ съ музыкою, а послѣ прогулки на партію виста. Старый джентльменъ принялъ это предложеніе и въ девятомъ часу отправился, по обыкновенію пѣшкомъ, въ губернаторскій палаццо.

Лео и его сидѣлка остались вдвоемъ.

А какъ хорошъ, какъ чуденъ былъ этотъ вечеръ, какая славная ночь за нимъ наступила!

Полная луна, ея серебристый столбъ на чуть зыблющихся водахъ залива, ароматъ цвѣтовъ, романическая тишина, пѣніе соловья... нѣтъ, виноватъ,—соловьевъ здѣсь нѣтъ, но вѣдь и не одни соловьи съ своими трескучими перекатами и трелями способны заставить усиленно биться молодыя сердца.

Лео думалъ о *ней* и былъ потому необыкновенно нѣженъ и расположенъ къ воспринятію ласкъ, Лука думала о *немъ* и млѣла.

— Милый, дорогой мой красавецъ!—шептала она, кошечкою усѣвшись въ ногахъ, у самыхъ креселъ.—Полюби твою Луку, хоть немножечко, хоть вотъ столько!

И она весьма умѣренно показывала на своемъ мизинцѣ, насколько именно она проситъ у него любви.

— Птичка моя!—ласкалъ ее Лео, мягко поглаживая рукою по ея усердно напомаженной головкѣ.

— Птичка?!... Ты сказалъ: птичка! Вѣдь я тумбочка, по твоему... да, тумбочка?

Лука, припавъ головкою къ его колѣнямъ, лукаво и нѣжно поглядывала на него изъ подлобья.

— Ну, тумбочка,—соглашался Лео.

– Я тебя такъ люблю, такъ люблю!... Я никого еще никогда такъ не любила... ни-ко-го!

— Дитяшка ты моя, добрая!

— Я—дитяшка, да?

Лео почувствовалъ, что ему теперь вовсе уже не надо наклоняться, чтобы поцѣловать свою собесѣдницу въ губки.

«А вѣдь она мятныя лепешки ѣла!»—чортъ знаетъ, почему пришло ему въ голову.

Онъ даже вспомнилъ, что сэръ Генри Карлейль имѣетъ привычку всегда держать на своемъ ночномъ столикѣ коробочку съ мятными лепешками.

— Я тебя такъ люблю, такъ люблю!— все свое твердитъ шопотомъ Лука. — Мой красавецъ, мой голубокъ... люблю, люблю, люблю!...

«Скоро, можетъ быть, очень скоро и Надя будетъ мнѣ говорить то-же самое», мечталъ Лео, отвѣчая, вслѣдствіе только этихъ мечтаній, на поцѣлуй—поцѣлуемъ, на ласку—лаской.

На другой день рано утромъ Лука, спокойно уже и безъ мучительныхъ сомнѣній, отнесла, наконецъ, на почту ввѣренное ей письмо. Она вѣдь теперь знала, что это письмо не къ соперницѣ, а просто къ старушкѣ-тетушкѣ писавшаго, тетушкѣ, горячо имъ любимой, замѣнявшей ему его покойную маменьку.

XXVIII.

Кольцо.

Быстрыми шагами шло выздоровленіе: перевязки сняты, сращеніе ключицы совершилось блистательно.

Лео уже выходилъ, могъ даже владѣть, хотя не совсѣмъ еще развязно, лѣвою рукою, даже попробовалъ разъ сыграть партію на бильярдѣ, но неудачно, порвалъ сукно, и—о, чудо! разсчетливый хозяинъ отеля Митровичъ не взялъ съ него за это ни полусантима. Онъ вѣдь былъ патріотъ и пролитую героемъ кровь за свободу отчизны цѣнилъ выше стоимости зеленаго сукна.

Лео появлялся и у столиковъ ресторана «vis-à-vis», и на площади Страдоне по вечерамъ, катался съ Генри Карлейлемъ въ коляскѣ по окрестностямъ, плавалъ съ нимъ же на парусной

яхтѣ губернатора, изучая подъ руководствомъ опытнаго шотландца всѣ малѣйшія части и названія рангоута и такелажа. Карлейль говорилъ, что эти знанія необходимы всякому джентльмену, и разсказалъ своему другу, какъ замѣчательно владѣлъ искусствомъ управлять рулемъ и парусами его несчастный сынъ Эдди.

Генри уже исподволь познакомилъ Лео съ своею семейною исторіей. Лео отнесся къ судьбѣ бѣднаго отца очень сочувственно.

Съ тѣхъ поръ, какъ больной сталъ на ноги, Лука чаще и чаще оставалась одна, — вѣдь не брать-же ее съ собою всюду! Кромѣ того, она и не могла ихъ сопровождать: у ней не было времени на это, она имѣла свои прямыя обязанности и отношенія къ отелю. Съ упраздненіемъ должности сидѣлки ея льготный періодъ миновалъ.

Она скучала и тосковала невыносимо, она съ лихорадочною торопливостью кончала уборку прочихъ комнатъ отеля для того только, чтобы имѣть какъ можно болѣе времени для уборки апартаментовъ Генри Карлейля. Она стала замѣчательно кокетливо одѣваться, съ истинно-артистическою изобрѣтательностью разнообразя свой національный костюмъ, она теперь уже не отвѣчала на любезности и заигрыванія прочихъ посѣтителей и прислуги отеля, какъ бывало прежде, малѣйшій двусмысленный намекъ, ничтожное ласкательное прикосновеніе чужого обижали ее до слезъ... Она даже дала здоровенную пощечину какому-то австрійскому юнкеру, осмѣлившемуся поймать ее за талію на площадкѣ лѣстницы. Эта пощечина, нанесенная простою горничною австрійскому воину, чуть-было не надѣлала ей большой бѣды, и ее выручило изъ непріятности только энергическое заступничество самого Карлейля, а также и участіе въ этомъ заступничествѣ Лео, убѣдившихъ оскорбленнаго, что чѣмъ жаловаться на обиду хозяину гостинницы и посредствомъ его искать удовлетворенія, достойнѣе и приличнѣе будетъ обратиться прямо къ обидчицѣ и вызвать ее на барьеръ, а что онъ, Лео, съ удовольствіемъ явится на поединокъ въ качествѣ ея секунданта.

Это предложеніе охладило нѣсколько мстительный духъ юнкера и онъ, поразмумавъ за полдюжиной кружекъ пива, рѣшилъ, что получить пощечину отъ хорошенькой дѣвушки,

хотя бы даже и горничной, вовсе не особенно тяжелое оскорбленіе.

Каждый день Лука съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидалась того счастливаго момента, когда стрѣлка башенныхъ часовъ показывала ровно десять. Въ этотъ часъ кончались ея прямыя обязанности по дому и до шести часовъ утра она была совершенно свободна.

Лео посвящалъ ей иногда тоже часа два-три этого счастливаго независимаго времени. Подъ покровомъ наступавшей темноты они гуляли вдвоемъ, прохаживались по гладкимъ плитамъ Страдоне, заглядывали въ окна ярко-освѣщенныхъ магазиновъ, слушали музыку, даже, случалось, ужинали «en deux».

Этимъ прогулкамъ Генри Карлейль не препятствовалъ, онъ находилъ ихъ *пока* еще весьма полезными. Онъ даже подарилъ дѣвушкѣ какую-то темную, модную ротонду и шляпу съ перомъ. Лука была въ восторгѣ, надѣвая эти вещи, хотя она вовсе не выигрывала отъ того, даже много теряла и изъ граціозной дѣвушки превращалась въ какой-то комичный, неуклюжій мѣшокъ, но зато она такъ похожа была издали на благородную даму и уже нисколько не могла компрометтировать передъ обществомъ своего кавалера.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ Лео купилъ ей хорошенькій перстень съ краснымъ рубиномъ и самъ надѣлъ ей на палецъ...

О, какъ счастлива была бѣдная дѣвушка! Она не спала всю ночь, она, запершись въ своей комнатѣ, плакала и смѣялась, молилась Богу и прыгала по коврику своими босыми ножками... Она цѣловала кольцо, посылала въ пространство воздушные поцѣлуи... Ей уже мерещился и алтарь, и бѣлый вѣнокъ на головѣ, и...

Бѣдная Лука слишкомъ ужъ серьезно поняла значеніе этого подарка.

XXIX.

Новопріѣзжая дама загадочной національности.

На площадкѣ передъ подъѣздомъ «Мирамара», за столикомъ, въ тѣни темно-зеленыхъ пихтъ, поручикъ Ганъ, лейтенантъ Шютцъ и содержатель банкирской конторы, синьоръ Бонди

истребляя втроемъ умѣренную порцію жареной рыбы и запивая ее неумѣреннымъ количествомъ пива, вели споръ, весьма оживленный, настолько оживленный, что синьоръ Бонди разбилъ даже кружку, неосторожно поставивъ ее мимо стола, а лейтенантъ Шютцъ портилъ уже третью сигару, закуривая ее не съ того конца, съ какого слѣдуетъ...

Къ этому спору мало-по-малу присоединились и остальные посѣтители, не вмѣшиваясь вдругъ въ разговоръ названныхъ мною собесѣдниковъ, а заведя свой, но на ту-же самую тему.

— Что это англичанка, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,— говорилъ поручикъ Ганъ.— Онѣ теперь носятся съ своими благотворительными цѣлями...

— Благотворительно - политическими! — замѣтилъ синьоръ Бонди,—благотворительно-политическими...

Содержатель банкирской конторы для большей выразительности раздѣлилъ по слогамъ послѣднія слова.

— Это все равно. Вы говорите, брюнетка,—развѣ это что-нибудь значитъ? Развѣ нельзя найти массу брюнетовъ и брюнетокъ между англичанами и нѣмцами, такъ-же какъ блондиновъ между итальянцами, испанцами и чортъ знаетъ чѣмъ?

— Вы начинаете не кстати горячиться,—нахмуривъ брови, замѣтилъ синьоръ Бонди.

— Pardon!.. Ну, какъ-же не англичанка! Во-первыхъ, она сошла съ парохода одна, безъ провожатыхъ; во-вторыхъ, безъ словъ, однимъ знакомъ подозвала фіакръ, сказала кучеру только «Ми-ра-маръ» — и больше ничего; пріѣхавъ сюда, она опять сказала Митровичу только «за-пла-ти-те» — и больше ничего; затѣмъ она тоже лаконично произнесла: «ком-на-ту» — и больше ничего; затѣмъ... Затѣмъ, я ужъ не знаю, что дальше было, я ее больше не видѣлъ, но и этого совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, что она англичанка, а не что-нибудь другое... Помилуйте, въ продолженіе болѣе получаса времени одинъ кивокъ пальцемъ и всего три слова,—надо быть... надо быть...

Онъ не договорилъ, чѣмъ и кѣмъ надо быть, чтобы еще сомнѣваться въ національности пріѣзжей дамы.

— Я только знаю, что она не нѣмка, — сдувая съ пивной пѣны муху, проговорилъ лейтенантъ Шютцъ.

— Это потому, что она ничего не отвѣтила на вашу любезность... только потому...

— Не говорите, г. поручикъ, глупостей! — энергично отставивъ кружку, чуть не вскрикнулъ лейтенантъ.

— Господа, господа! — укоризненно покачалъ головою синьоръ Бонди и оглянулся на прочіе столики.

— И чего они горячатся? Это такъ легко узнать, стоитъ только пойти и справиться, — произнесъ кто-то за сосѣднимъ столомъ; — спросить самого Митровича, вотъ и все.

— Да, но въ томъ-то и дѣло, что и самъ Митровичъ пока этого не знаетъ, — отвѣчалъ его собесѣдникъ. — Дама эта пошла въ свою комнату, заперлась и даже до сихъ поръ прислуги къ себѣ не требовала.

— Вы слышали?! — внушительно уперъ палецъ въ столъ поручикъ Ганъ. — Вы слышали: и при-слу-ги даже къ себѣ не тре-бо-ва-ла!..

— Это ровно ничего не значитъ... Кельнеръ, пива!

— Что она также и не француженка, — заговорилъ теперь серьезно Бонди, — это тоже вѣроятно; во-первыхъ, порядочнымъ француженкамъ сюда ѣхать не зачѣмъ, онѣ здѣсь положительно составляютъ явленіе рѣдкое, а искательница приключеній...

— Кокотка! — перевелъ на болѣе удобный языкъ лейтенантъ Шютцъ.

— Хоть и кокотка — это все равно, она слишкомъ скромно одѣта, чтобы ее можно было принять за что-либо въ этомъ родѣ.

Кто-то изъ спорящихъ по сосѣдству внесъ предложеніе о томъ, не признать-ли въ ней русскую даму, но тутъ уже всѣ трое разразились гомерическимъ хохотомъ и синьоръ Бонди изложилъ цѣлую теорію, по которой очень легко узнавать путешествующихъ русскихъ барынь.

По этой теоріи выходило, что русскія дамы путешествуютъ всегда или съ мужьями, хранящими въ присутствіи своихъ половинъ необыкновенно сонливое, апатичное выраженіе лица, или съ любовниками, которыхъ, пользуясь невозможностью провѣрки, выдаютъ за своихъ мужей; что русскія путешественницы, какъ съ тѣми, такъ и съ другими, съ первыми ссорятся и перебраниваются, со вторыми нѣжничаютъ слишкомъ ужъ откровенно, хотя и по-русски, въ чаяніи, что около не найдется никого, знающаго этотъ языкъ; что русскія дамы также ѣздятъ съ массою дѣтей, и тогда всегда съ своею соб-

ственной прислугою, которую никогда не сажаютъ съ собою за табльдотъ, хотя и позволяютъ ей обѣдать въ той же залѣ, но только за отдѣльнымъ столомъ; что русскія дамы шагу не могутъ ступить безъ постороннихъ услугъ, что за какимъ-нибудь вздоромъ обращаются всегда съ тысячью вопросовъ къ первому встрѣчному и, наконецъ, что русскія дамы таскаютъ съ собою массу всякой поклажи и ужъ никакъ не могутъ ограничиться однимъ умѣренной величины кофромъ и крохотнымъ ручнымъ сакъ-вояжемъ.

Ни одинъ изъ этихъ признаковъ не могъ быть примѣненъ къ пріѣзжей иностранкѣ.

Предоставимъ теперь спорящимъ собесѣдникамъ кончать ихъ споръ, какъ имъ будетъ угодно, и обратимся къ самой виновницѣ этого спора, слѣдъ фіакра которой до сихъ поръ еще свѣжо отпечатлѣвался на красномъ песку площадки.

Эта дама дѣйствительно была одѣта очень скромно, вся въ темно-сѣромъ. Темно-сѣрая шляпка съ небольшимъ чернымъ перомъ, охваченная дымчатой вуалеткой, опущенной до половины лица, темно-сѣрая накидка съ черными матовыми застежками, темно-сѣрая юбка, такія-же перчатки; только ея воротнички и нарукавники рѣзко выдѣлялись своею безукоризненною бѣлизною въ этой сплошной, монотонной массѣ костюма. Она дѣйствительно одна-одинехонька, сошла съ парохода, прибывшаго изъ Тріеста, одна сѣла въ экипажъ, одна явилась въ «Мирамаръ»; у нея дѣйствительно былъ только одинъ ручной сакъ-вояжъ, и уже полчаса спустя носильщикъ принесъ въ гостинницу остальной ея багажъ — умѣренной величины кофръ, уложенный такъ аккуратно, что какъ ни встряхивалъ его дорогою любознательный полуголый атлетъ, ни одна вещь въ немъ не обнаружила своего присутствія.

Эта дама дѣйствительно не отличалась разговорчивостью и не требовала вовсе къ своимъ услугамъ ни кельнера, ни горничной. Звонокъ, идущій изъ ея комнаты, пока безмолвствовалъ.

Эту даму видѣлъ и сэръ Генри Карлейль. Онъ видѣлъ ее въ ту минуту, когда та выходила изъ экипажа. Она прошла мимо него и пристально на него посмотрѣла; она будто-бы узнала въ немъ кого-то знакомаго, на губахъ ея

скользнуло нѣчто весьма похожее на улыбку, а въ глазахъ засвѣтилось другое, нѣчто похожее на радость.

Она дѣйствительно узнала его или, по крайней мѣрѣ, догадывалась, что, судя по описаніямъ, это долженъ быть именно онъ, добрый и благородный старикъ сэръ Генри Карлейль, корреспондентъ «Daily News».

Лео совершенно случайно не присутствовалъ при ея появленіи; онъ только десять минутъ спустя услыхалъ отъ Луки, что пріѣхала какая-то очень важная и прехорошенькая синьора.

— Красивѣе тебя?—заигрывая, спросилъ онъ, пощекотавъ пальцами пухленькій подбородокъ далматинки.

— Не знаю, — кокетливо покачала та головкой и, оглянувшись на дверь, успѣла-таки звучно чмокнуть своего красавца прямо въ губы.

XXX.

Передъ встрѣчею.

Запершись въ отведенной ей комнатѣ, Надя,—для читателей, конечно, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что пріѣзжая особа никто другая, какъ княжна Пестрая-Коврикова, — такъ вотъ, запершись въ своей комнатѣ, Надя торопливо откинула вуаль, торопливо сбросила шляпу и тальму, сдернула перчатки и подошла къ окну, наслаждаясь прохладою комнаты, чисто убранной руками Луки, и свѣжею зеленью вѣтвей, врывающихся въ отворенныя оконныя рамы.

Она была сильно взволнована и утомлена. Для нея безконечно тянулись часы переѣзда на пароходѣ изъ Тріеста въ Рагузу; ей казалось, что шагомъ, еле-еле плететься несносный извозчичій фіакръ, доставившій ее съ пристани; лѣстница, всего въ четырнадцать ступеней, и та показалась ей безконечной, чѣмъ-то вродѣ входа въ четвертый ярусъ Большого театра. Ей такъ хотѣлось поскорѣе увидѣть его, поскорѣе разрѣшить томящіе ее вопросы.

А теперь, здѣсь, у самой цѣли, на нее напалъ паническій ужасъ неизвѣстности; ее пугала эта самая встрѣча.

Она себѣ представляла его больнымъ, окровавленнымъ, умирающимъ; она иначе и не могла себѣ его представить; таковъ именно и былъ онъ всегда передъ ея глазами послѣ того отчаян-

наго призывнаго письма. Ей казалось, что каждая минута дорога, что каждая минута промедленія можетъ лишить ее возможности увидѣть его еще живымъ.

И она медлила. Ей стоило только позвонить, спросить кельнера, гдѣ комната Генри Карлейля, пойти къ нему и... А что, если она такъ и сдѣлаетъ, войдетъ, назоветъ себя, спроситъ?.. И вдругъ, на ея вопросъ, тотъ отвѣтитъ:

— Сударыня, покоритесь волѣ Провидѣнія, *онъ* теперь тамъ, откуда назадъ не возвращаются.

О, нѣтъ, ни за что!.. зачѣмъ торопиться, я лучше подожду... я такъ какъ-нибудь, исподволь. Что за поспѣшность! Конечно, вздоръ! Что такое это «откуда назадъ не возвращаются»? Это вѣдь значитъ попросту — умеръ. Какой вздоръ! развѣ онъ можетъ умереть? Ну развѣ-же это возможно... развѣ Тотъ, Который велитъ намъ любить другъ друга, быть справедливымъ и милостивымъ.—развѣ Тотъ можетъ быть такимъ злымъ относительно нея, Нади, развѣ Онъ можетъ допустить такую вопіющую, безсмысленную несправедливость?!

Онъ живъ, онъ даже, можетъ быть, теперь уже почти здоровъ; ея присутствіе ускоритъ это окончательное выздоровленіе... Счастіе!.. Вѣдь счастіе живитъ человѣка, оно умирающаго на ноги ставитъ. Счастіе—это и есть сама жизнь. Къ чему-же тутъ эти недостойныя, мрачныя мысли о смерти, о чемъ-то такомъ, «откуда никто не возвращается»?

Такъ думала Надя, то улыбаясь отъ счастья, то вдругъ тоскливо сжимая свои пальчики, чувствуя, какъ истерическія рыданія скопляются у нея въ груди, какъ навертывающіяся слезы туманятъ ея зрѣніе.

Въ ея дверь осторожно постучались; она едва собралась съ силами, чтобы подойти и отпереть ее.

Это кельнеръ Янъ и Лука внесли ея чемоданъ и поставили на спеціально для этой цѣли приспособленный табуретъ. Янъ глупо вытянулся, въ ожиданіи двадцати сантимовъ на водку, Лука, внимательно разсматривая пріѣзжую, полюбопытствовала, не угодно-ли будетъ синьорѣ переодѣваться и мыться, и заявила, что она къ ея услугамъ.

— Скажите, пожалуйста, вѣдь въ этой гостинницѣ живетъ...— заговорила Надя совсѣмъ не своимъ голосомъ, сама даже вздрогнувъ отъ этого чуждаго звука, но, не докончивъ вопроса, чуть не

вскрикнула:— Не надо, не надо! ничего не надо!—и замахала рукою.

Вышелъ Янъ, ворча на скупость путешественницы, вышла Лука, безпрестанно оглядываясь, пока за нею не захлопнулась дверь.

А Надя, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, разразилась истерическимъ плачемъ, упавъ лицомъ на подушки, стараясь заглушить въ ихъ свѣжей, упругой массѣ свои неудержимыя рыданія.

Этотъ припадокъ первичанья продолжался, однако, не долго; стаканъ залпомъ выпитой холодной воды изгладилъ всѣ его послѣдствія. Надя рѣшила выйти изъ своего томительно-выжидательнаго положенія.

Прежде всего она остановилась передъ зеркаломъ и внимательно осмотрѣла свой костюмъ. Она недавно, на пароходѣ ужъ, позаботилась о своей внѣшности: любящая дѣвушка не можетъ не быть немного кокеткою; она уже успѣла смять рукавники и даже испортить что-то въ костюмѣ,—нельзя-же нервничать совершенно безнаказанно. Отпереть чемоданъ и достать оттуда себѣ другія вещи было дѣломъ одной минуты, а четверть часа спустя Надя окончательно преобразилась изъ темно - сѣрой въ свѣтло-палевую, хотѣла было приколоть къ прическѣ вѣточку душистаго жасмина, потянулась изъ окошка рукою за цвѣткомъ, да не дотянулась и оставила эту затѣю.

Затѣмъ она побѣгала по комнатѣ, постояла еще съ минуту передъ окномъ, поволновалась снова и, наконецъ, съ полною, неотразимою рѣшимостью, выразившейся въ стиснутыхъ зубахъ и слегка сдвинутыхъ бровяхъ, подошла къ двери и тронула за ручку.

Передъ ея глазами тянулся длинный, прохладный такой корридоръ, устланный ковромъ; въ концѣ этого корридора — открытая площадка балкона, вся обставленная растеніями, ярко освѣщенная солнцемъ; на этой площадкѣ — нѣсколько сервированныхъ столиковъ, а на каждомъ изъ нихъ — роскошные букеты изъ розъ.

На этой площадкѣ никого не было, виднѣлась только спина мальчика-кельнера, перевѣсившагося черезъ перила и наблюдавшаго, что дѣлается тамъ, внизу. А внизу слышенъ звонъ посуды, говоръ, смѣхъ, бѣготня прислуги по гладко утрам-

бованному песку, настраиваніе какого-то струннаго инструмента, однимъ словомъ, звуки, ясно дающіе понять, что отель переживаетъ въ данную минуту обѣденную эпоху дневной жизни.

Въ концѣ корридора мелькнула на мгновеніе вышитая юбка и бѣлые рукава рубахи Луки и скрылись; изъ ближайшаго номера вышелъ какой-то усачъ со шпорами, окинулъ глазами княжну, произнесъ почему-то «гмъ!» и, еще разъ оглянувшись, зазвенѣлъ шпорами по ступенькамъ лѣстницы.

Надя шла впередъ по этому безконечному корридору, дошла до поворота и остановилась, заглянувъ внизъ. Тамъ ея глазамъ представились въ планѣ все столики и столики и около нихъ, также въ планѣ, конечно, шляпы и спины обѣдающихъ. У куста черешней, въ сторонѣ, маленькій бродячій оркестръ въ составѣ арфы, скрипки и контрбаса, собирался начать свой концертъ ради услажденія слуха обѣдающихъ. Хозяинъ отеля Митровичъ, важно, какъ и подобаетъ радушному хозяину, расхаживалъ между столиками, замѣнивъ, по этикету, свою соломенную шляпу бѣлымъ поварскимъ колпакомъ.

Надя, скрытая столбомъ, поддерживающимъ навѣсъ веранды, невидимая за этою массою вьющейся зелени, стояла и смотрѣла. Ея глазки проворно перебѣгали отъ одного столика къ другому и, наконецъ, остановились. Лицо Нади моментально вспыхнуло, она крѣпко схватилась за перила руками, она чуть не вскрикнула: Лео! струсила почему-то, хотѣла было даже бѣжать назадъ, въ свою комнату, да одумалась и продолжала свои интересныя наблюденія.

Да, это сидѣлъ Лео, въ новенькомъ черногорскомъ костюмѣ, бѣломъ съ ногъ до головы, богато расшитомъ золотомъ по всей груди. Онъ сидѣлъ и теребилъ цыпленка, помогая пальцами тамъ, гдѣ ножъ и вилка оказывались несостоятельными. У него, видимо, аппетитъ былъ превосходный, его щеки горѣли здоровымъ румянцемъ.

Передъ глазами Нади онъ, спустя столько времени, явился совсѣмъ не такимъ, какимъ она предполагала его встрѣтить; но это нисколько не огорчило княжну: она настолько была разсудительна, что понимала разницу между поэтически-больнымъ и хотя менѣе поэтически, но безусловно здоровымъ видомъ любимаго существа. Она, какъ больному и слабому, при-

несла ему сюда нравственную и физическую помощь. Она его видитъ здоровымъ — тѣмъ лучше, тѣмъ меньше облачковъ, затемняющихъ ихъ будущее счастье.

А какой онъ красивый, какъ ловко охватываетъ талію его воинственный костюмъ, какъ онъ весело улыбается, отвѣчая на какое-то замѣчаніе собесѣдника, какъ вкусно обгладываетъ онъ ножку цыпленка! Надя даже сама почувствовала аппетитъ.

Она разсматривала Лео изъ своей засады съ тончайшимъ вниманіемъ; отъ этого вниманія не ускользнулъ даже листочекъ зеленаго салата, приставшій къ его бородѣ. Она соображала: вотъ было-бы оригинально подойти этакъ неожиданно и сѣсть тоже за этотъ самый столъ, кликнуть кельнера и потребовать себѣ тоже цыпленка. Какъ-бы онъ былъ пораженъ! Какъ-бы, чѣмъ-бы выразилъ свой восторгъ, какъ-бы отозвалась въ немъ эта неожиданность? Развѣ подойти, въ самомъ дѣлѣ? А ну, смѣлѣе!

Но эти чужіе... такъ много чужихъ; наконецъ, онъ вѣдь не одинъ, съ нимъ вмѣстѣ обѣдаетъ и сей благородный старецъ, и еще вонъ какой-то жидъ съ длиннымъ носомъ и темно-синими щеками. Ахъ, какъ всѣ они не кстати при этой обстановкѣ счастливой, неожиданной встрѣчи! Они еще смѣяться будутъ, вслухъ замѣчанія дѣлать. Вѣдь они не поймутъ, они не могутъ понимать даже сотой доли того, что творится въ ея сердцѣ въ это мгновеніе, что совершится въ его сердцѣ, когда она вдругъ подойдетъ и спроситъ цыпленка.

Надя теперь уже узнала главное: она лично убѣдилась, что опасности найти его «тамъ, откуда и проч.» нѣтъ и тѣни: онъ здоровъ, онъ здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Отъ нея теперь, только отъ нея одной зависитъ обнять его сейчасъ-же, сію минуту, подождать, продлить, насколько угодно, это сладостное ожиданіе, — все въ ея рукахъ!.. Она даже весьма разсудительно сообразила, что неожиданное требованіе цыпленка Богъ вѣсть какъ еще можетъ разыграться. Вѣдь онъ ее любитъ, не такъ, какъ любятъ большинство смертныхъ; онъ боготворитъ ее, онъ питаетъ къ ней демоническую страсть. Хотя онъ и здоровъ съ виду, но вѣдь надо вспомнить, какую онъ вынесъ болѣзнь. А что, если его нервы не выдержатъ этого потока внезапно нахлынувшей страсти?

Что, если?.. Нѣтъ, «требовать цыпленка» — это неосторожно, это даже непростительно глупо. Лучше какъ-нибудь исподволь подготовить его къ воспринятію счастливой неожиданности... Сперва этакъ послать анонимную записочку: «ѣдетъ, молъ, такая-то, прибудетъ на мѣсто завтра», или хоть днемъ позже; потомъ опять другую записочку, въ томъ же родѣ, но съ сокращеніемъ времени. Познакомиться прежде съ сэромъ Карлейлемъ тоже хорошо, онъ пойметъ ее, онъ, какъ другъ, съумѣетъ подготовить и Лео.

Кромѣ того, развѣ не интересно немного времени понаблюдать за нимъ лично, невидимо для него самого, когда онъ и не подозрѣваетъ ея присутствія? Вотъ какъ теперь, напримѣръ... Ахъ, какъ это интересно!.. Посмотрю, напримѣръ, что онъ будетъ ѣсть послѣ цыпленка... Вотъ передъ нимъ стоитъ вазочка съ фруктами: тамъ особенно выдается бархатный бочекъ персика, тамъ такія сладкія сливы; у насъ въ Петербургѣ эти сливы у Елисѣева по три рубля десятокъ, а здѣсь онѣ вѣрно ничего не стоятъ... Посмотрю, что онъ возьметъ, персикъ или сливу, погадаю... Ну, ну... персикъ...

Словно угадывая, словно инстинктивно чувствуя ея желаніе, Лео дѣйствительно взялъ персикъ и разомъ охватилъ зубами его пушистую половину... Надя чуть не расхохоталась.

Только зачѣмъ онъ такъ много пьетъ коньяку? Вѣдь это коньякъ въ графинѣ... Вотъ онъ при ней уже проглатываетъ четвертую рюмку; это не хорошо такъ пить. Она непремѣнно отучитъ его отъ этой дурной привычки... Ему вѣрно вредно такъ пить, а этотъ старый сидитъ и позволяетъ, гадкій!.. Чѣмъ бы дать молодому человѣку добрый совѣтъ, а онъ, кажется, самъ съ нимъ тянетъ. Вонъ этотъ противный, синецкій, еще какую-то бутылку потребовалъ и три стакана. Пилъ-бы себѣ одинъ, а то и... Лео, Лео... другъ мой, не довольно-ли?.. Ахъ, пьетъ... Хорошо-же!..

Вонъ къ нему подходитъ дѣвочка изъ оркестра съ тарелочкой, онъ ей монетку серебряную бросилъ, по головкѣ гладитъ ребенка... Ахъ, Боже мой, да вѣдь этому ребенку лѣтъ пятнадцать, смотрите, какъ она уже развилась... Ишь вѣдь какія фамильярности! По головкѣ гладитъ!.. Тоже не позволю... Мы знаемъ, что значатъ эти поглаживанія: сперва по головкѣ, тамъ за подбородочекъ, тамъ... тамъ... ни за что не позволю!..

Такъ наблюдала княжна Надежда Ивановна за любимымъ существомъ, не замѣчая, что, въ свою очередь, сама служитъ предметомъ наблюденія Луки. А та, словно угадывая, въ чемъ дѣло, не особенно ласково поглядывала изъ-за угла корридора на эту такъ пышно одѣтую, благородную даму, предпочитающую почему-то лучше наблюдать за обѣдающими, чѣмъ обѣдать самой.

«Въ первый разъ вижу,—думала хорошенькая далматинка,—особу, которая ѣстъ не ртомъ, какъ всѣ мы, смертные, а глазами... Въ первый разъ вижу такую страную особу».

Обѣдъ кончился. Звуки шпоръ снова послышались на лѣстницѣ... Надя видѣла даже, что и Лео поднялся и обнаруживаетъ явное намѣреніе идти тоже сюда... Она чуть не бѣгомъ бросилась назадъ, въ свою комнату, и хотя потребовала-таки себѣ цыпленка, но менѣе экстраординарнымъ образомъ, а просто распорядившись, чтобы ей сюда, въ ея комнату, принесли обѣдъ и фруктовъ.

Надя поступала теперь такъ точно, какъ поступаетъ ребенокъ, вступившій въ полное владѣніе красивою и вкусною конфеткою... Онъ носится съ нею, разглядываетъ ее, нюхаетъ, пробуетъ даже язычкомъ, но приступить къ настоящему дѣлу еще не рѣшается... Зачѣмъ? Вѣдь онъ всегда можетъ ее скушать, никто у него не отниметъ этого сокровища,—отчего же и не продлить наслажденіе?

XXXI.

Соперница.

Надя пообѣдала съ большимъ аппетитомъ, нисколько не меньшимъ, съ какимъ обѣдалъ и Лео, затѣмъ разложила бѣлье и платье по комодамъ, затѣмъ сдѣлала еще нѣсколько экскурсій на веранду, изъ которыхъ одна только увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: она снова видѣла его, даже теперь гораздо ближе, она даже чуть не столкнулась съ нимъ носомъ къ носу, потому что Лео самъ прогуливался тоже по корридору. И въ этотъ разъ, какъ и во время обѣда, за нею слѣдилъ изъ-за угла зоркій, ревнивый взоръ далматинки.

Отъ Луки не скрылось то обстоятельство, что все вниманіе

пріѣзжей дамы обращено было на ея друга; наблюдая за продѣлками княжны, она скоро поняла ихъ истинное значеніе; любящіе обладаютъ въ подобныхъ случаяхъ необычайно тонкою прозорливостью.

Она успѣла даже сдѣлать Лео маленькую сценку ревности, намекнувъ тому о заѣзжей, по ея мнѣнію, авантюристкѣ, которая съ него вотъ уже цѣлый день глазъ не спускаетъ, и, конечно, этимъ намекомъ невольно возбудила любопытство Лео.

Успокоивъ ревнивицу ласками и всевозможными, обыкновенно легко дающимися клятвами, Лео улучивъ свободную минуту, когда далматинка уходила изъ дома, забрелъ прогуляться именно въ ту часть сада, куда выходили окна комнаты, занятой пріѣзжей, и тѣмъ доставилъ ей еще разъ возможность любоваться собою, а самъ не видѣлъ ничего, кромѣ какой-то неопредѣленной тѣни за драпировками окна.

И на этой попыткѣ его поймала и уличила Лука, неожиданно вернувшаяся раньше, чѣмъ слѣдуетъ.

Надя рѣшила, между прочимъ, не откладывать дольше и завтра же «перейти Рубиконъ»; она теперь обдумывала только приличную форму и обстановку.

Не видавшись такъ долго, разставшіеся при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, незнакомые или очень мало знакомые другъ съ другомъ лично, дошедшіе, однако, до настоящаго положенія двухъ взаимною любовью бьющихся сердецъ путемъ исключительно переписки, не могли-же они прямо, сразу такъ и броситься другъ другу на шею. Эти объятія, конечно, своевременно послѣдуютъ, завершатся вѣнцомъ, съ благословенія церкви; но пока сразу?!..

Вотъ для этого-то начала и нужно было придумать подходящую форму.

Эта форма, наконецъ, была найдена.

Зная очень хорошо отношенія сэра Карлейля къ Лео, Надя рѣшила его-то именно и избрать своимъ посредникомъ. Она написала ему записочку на изящномъ французскомъ языкѣ, въ которой увѣдомила его о своемъ желаніи увидѣться и переговорить съ почтеннымъ джентльменомъ, для чего просила того быть любезнымъ и пожаловать къ ней въ комнату въ назначенный часъ, если только этотъ часъ самъ сэръ Генри Карлейль найдетъ удобнымъ посвятить исполненію ея почтительной просьбы.

Эта записочка была уже готова и княжна намѣревалась отдать ее съ вечера горничной для передачи по назначенію, ибо назначенный часъ былъ завтра, между одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ часами.

Эта записка и подлила масла на пылающій очагъ ревниваго сердца Луки.

Вечеромъ та явилась по звонку на призывъ княжны... Надя была въ отличномъ состояніи духа, даже напѣвала что-то. Надѣ пріятно было видѣть около себя веселыя, довольныя лица, а тутъ входитъ эта дикарка, смотритъ на нее изподлобья, будто укусить хочетъ или, еще того хуже, ножемъ пырнуть изъ-за угла, подозрительно оглядываетъ комнату, не отвѣчаетъ даже на ея привѣтствіе.

Надя даже не сразу узнала въ ней ту самую дѣвушку, что входила утромъ.

— Что съ вами, моя милая? — невольно сорвалось у ней съ языка.

— Это до васъ нисколько не касается! — грубо отвѣтила Лука, звякнувъ рукомойникомъ.

«Однако, странные нравы у здѣшней прислуги»,—подумала Надя, поблѣднѣвъ немного отъ негодованія. Она не привыкла къ подобнымъ отвѣтамъ прислуги.

— Вотъ эту записку вы завтра утромъ потрудитесь передать Генри Карлейлю. Вѣдь онъ живетъ въ этой гостинницѣ?— холодно произнесла княжна, повелительно указавъ пальцемъ на лежащій на столѣ конвертикъ.

Лука какъ-то странно выпрямилась, въ ея глазахъ загорѣлись зловѣщіе огоньки... Въ упоръ глядя на княжну, она проговорила:

— Можетъ быть, прикажете эту записку передать молодому человѣку, живущему вмѣстѣ съ синьоромъ Генри?

Надя вспыхнула отъ этого вопроса, вся кровь бросилась ей въ лицо, она растерялась, она не могла сообразить, что ей надо дѣлать: позвонить еще разъ, позвать людей, выгнать вонъ эту дерзкую, наглую женщину?.. Она заплакала отъ такого неожиданнаго оскорбленія.

— Простите меня, простите...—рванулась къ ней Лука.— Милая, добрая барыня, простите... Я сама не понимаю, что говорю, что дѣлаю... Я сама страдаю... простите!..

И далматинка была уже около ея кресла, она даже на колѣни стала и цѣловала ея руки.

Страшное подозрѣніе промелькнуло въ головѣ княжны. Она овладѣла собою; ея врожденная сдержанность взяла верхъ. Вся ея нервная система, возбужденная, разстроенная отъ избытка счастья, моментально окрѣпла въ виду грозящей опасности.

— Объясните мнѣ, въ чемъ дѣло,—спокойно произнесла она, освободивъ рѣзкимъ движеніемъ свои руки отъ поцѣлуевъ ползающей у ея ногъ дѣвушки.

— Я люблю его... О, какъ я люблю его!—говорила она;— онъ меня любитъ... онъ... Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Кто вы такая?.. Вы красавица, вы знатная, богатая дама!.. Бѣдная, простая дѣвушка не можетъ съ вами равняться... Вы его знаете... Вы пріѣхали отнять его у меня и отнимете... Вѣдь вы его тоже любите?.. Я знаю, я видѣла это по вашимъ глазамъ, тогда, за обѣдомъ... я и послѣ видѣла... О, та, которая любитъ сама, та не можетъ ошибаться... Да, да?.. Да говорите-же... скажите что-нибудь...

Дѣвушка говорила прерывистымъ шопотомъ, но каждое ея слово, каждый звукъ ея проникнутаго отчаяніемъ голоса такъ и рѣзали слухъ княжны Пестрой-Ковриковой.

— Увидя васъ, онъ пойдетъ за вами, онъ броситъ свою бѣдную Луку, онъ броситъ ту, которая такъ нѣжно цѣловала, которая такъ любила, для которой онъ все на свѣтѣ... Луку, у которой отъ него...

Бѣдняжка скрыла свое лицо въ складкахъ платья Нади.

— Вѣдь вы еще много, много можете найти себѣ жениховъ... За вами всякій пойдетъ. Вы царицею смотрите, а я... Не отнимайте-же у бѣдной дѣвушки послѣдняго... Грѣхъ большой... Вы не будете счастливы, какъ не можетъ быть счастливъ тотъ, кто разбогатѣлъ, ограбя нищихъ. Богъ не благословитъ такого.

Холодная рука Нади опустилась на ея голову, та приняла этотъ жестъ за признакъ «помилованія».

— Благодарю васъ, благодарю!—возвысила она голосъ.— О, теперь я ваша, теперь я за васъ жизнь отдамъ. Благодарю васъ. Такая красавица не можетъ быть злой. Въ вашемъ сердцѣ нашлось мѣстечко состраданія ко мнѣ... Благодарю васъ!

— Мнѣ нужно доказательство,—холодно произнесла Надя.— Она встала и подошла къ окну.

— Доказательство?—повторила далматинка.—Какія доказательства, я не понимаю.

Она поднялась съ колѣнъ, растерянно глядя вокругъ себя, словно отыскивая глазами поясненія требованія этой знатной, богатой красавицы.

— Доказательство не вашей любви, конечно,—я убѣдилась въ этомъ достаточно,—доказательство того, что онъ васъ любитъ, что онъ... Да не могу же я высказать все словами,—вы сами должны, наконецъ, понять, чего я отъ васъ требую!

— Я поняла... я дамъ вамъ эти доказательства,—проговорила Лука.—Простите меня.

— Довольно!—остановила новый потокъ просьбъ княжна.—Оставьте эту записку, не надо! Я васъ позову завтра.

Дѣвушка тихо отступила къ дверямъ, затворила ихъ за собою и долго еще стояла неподвижно въ корридорѣ, прислушиваясь къ малѣйшему звуку за этою роковою дверью, но тамъ было тихо. Узкая полоска свѣта, пробивающаяся въ щель замка, такъ и не погасла.

Лука уже ушла къ себѣ, заперлась и молилась, жарко молилась передъ крохотною иконою Богоматери, обложенной цвѣтной фольгою, а Надя все стояла у окна и стояла. И такъ до разсвѣта, до восхода солнца, не чувствуя усталости отекшихъ ногъ, не чувствуя, какъ тысячи мотыльковъ, вылетая на свѣтъ изъ темнаго сада, кружились у самаго ея лица, садились на этотъ разгоряченный, покрытый потомъ лобъ, путались въ ея локонахъ.

На другой день требуемыя княжной доказательства ей были даны. Въ этомъ, весьма даже энергично, участвовалъ и самъ Лео, не подозрѣвая, конечно, о тайномъ заговорѣ.

XXXII.

Глава, послѣ которой возвращаться въ Рагузу нѣтъ ужъ никакой надобности.

— «Аквилло» отходитъ въ половинѣ третьяго утра. Дама желаетъ ѣхать именно на этомъ пароходѣ, — говорила Лука хозяину отеля, почтительно стоя передъ рѣшеткой его оффиціальной конторки.

— Не понимаю этого страннаго желанія,—пожималъ плечами вовсе недовольный тѣмъ, что слышитъ, Митровичъ.— Не понимаю! Пріѣзжать въ Рагузу на два дня, просидѣть въ комнатѣ, никуда не выходя, за тѣмъ только, чтобы ѣхать обратно въ такой неудобный часъ да еще на такомъ скверномъ пароходѣ...

— Такъ желаетъ дама и приказала мнѣ просить васъ распорядиться насчетъ экипажа,—сказала дѣвушка.

— Гмъ! странно, очень странно... Зачѣмъ ты говорила ей объ этомъ «Аквилло?» Ты вѣчно...

— У дамы есть маленькая книжечка, въ которой все напечатано. Она сама прочла и велѣла мнѣ...

— Ты говорила, что въ Рагузѣ есть замѣчательные памятники древностей? Рѣшетка, напримѣръ, соборъ іезуитовъ...

— Дама этимъ не интересуется.

— Да, желалъ-бы я знать, чѣмъ интересуется эта странная особа. Желалъ-бы я знать.

— Не знаю.

— Гмъ! Двадцать восемь франковъ... Всего двадцать восемь франковъ. Я разсчитывалъ...

— Дама просила васъ распорядиться насчетъ экипажа. Непремѣнно.

— Ты скажи, что «Аквилло»—дрянной, грязный товарный пароходъ; хотя онъ и значится товаро-пассажирскимъ, но на немъ, кромѣ жидовъ и мошенниковъ, никто больше не ѣздитъ.

— Это все равно для нея,—она беретъ отдѣльную каюту.

— Да почему ты знаешь, что все равно? Можетъ быть, и не все равно. Ты какъ будто сама хочешь, чтобы она убралась скорѣе. Поди и скажи ей, что послѣзавтра въ полдень отходитъ «Марія-Терезія», что это самое фешенебельное судно, изящное, опрятное, съ превосходнымъ буфетомъ, съ оркестромъ, съ ваннами и всякими удобствами, и идетъ безъ остановки прямо въ Тріестъ. Отправляясь на «Маріи-Терезіи», хотя и сутками позже, дама будетъ въ Тріестѣ часомъ ранѣе, чѣмъ она прибыла-бы на «Аквилло». Пойди и разскажи ей все это.

Лука пошла. Постояла минутъ двадцать въ корридорѣ и вернулась, объявивъ, что упрямая иностранка стоитъ на своемъ намѣреніи ѣхать сегодня ночью, въ два съ половиною часа, и требуетъ экипажа.

— Пу, чортъ-бы ее взялъ! Экипажъ будетъ готовъ, но онъ стоитъ шесть франковъ. Теперь ночь, кучеръ—человѣкъ и имѣетъ полное право спать по ночамъ; кто лишаетъ его этого права, тотъ долженъ платить тройную цѣну. Такъ и скажи ей.

А черезъ часъ послѣ этого разговора Надя, закутанная вуалью, завернувшись въ пледъ, шмыгнула по корридору, сбѣжала съ лѣстницы и прижалась въ уголъ стараго, развинтившагося фіакра. Сильныя руки далматинки безъ посторонней помощи притащили ея чемоданъ. Митровичъ вышелъ проводить, но далеко не съ тою почтительностью, какъ встрѣчалъ. Лѣнивый Янъ проспалъ отъѣздъ и на другой день былъ въ претензіи на Луку, якобы отбившую отъ него его законный заработокъ.

Надя уѣхала на пристань, а въ два съ половиною часа дѣйствительно грязный «Аквилло» тронулся въ путь, подозрительно, чахоточно сопя и покашливая своею машиною преклоннаго возраста.

Крѣпко, сладко спалъ Лео, утомленный «доказательствами» и продолжительнымъ разговоромъ съ Генри Карлейлемъ, доказывавшимъ ему, какъ высокіе порывы самопожертвованія должны всегда имѣть свой предѣлъ, какъ надо умѣть различать истинные, отчаянные порывы угнетенныхъ народовъ отъ демонстративныхъ, направленныхъ исключительно для вызова силъ извнѣ; какъ и гдѣ надо останавливаться, чтобы демонстрація достигла вполнѣ своей силы, не перешла предѣла благоразумія и не стоила совершенно излишнихъ потоковъ благородной крови. Много хорошихъ и вполнѣ доказательныхъ вещей говорилъ сэръ Генри Карлейль и настолько заинтересовалъ своего слушателя, что тотъ заснулъ только въ два съ половиною часа пополуночи, а передъ сномъ слышалъ шуршаніе колесъ отъѣзжающаго экипажа.

Лука не спала эту ночь вовсе. Ее жгла и томила эта записка, которую она должна передать *ему* завтра, не ранѣе полудня. Она была увѣрена, что въ этой запискѣ не было ничего ей лично враждебнаго. Она наблюдала выраженіе глазъ писавшей. Отъ той, кто такъ смотритъ, ничего пріятнаго, утѣшительнаго ждать нельзя. Лука понимала, что, подавая эту записку, она наноситъ своему возлюбленному большую непріят-

ность. Она была вовсе недовольна, что дама поручила ей, именно ей, а никому другому, передачу письма. Но если-бы на это дѣло вызвался кто-нибудь другой, она навѣрное не уступила-бы тому своего права.

— Однако, ты заспался, мой другъ!—привѣтствовалъ лѣниво потягивающагося въ постели Лео сэръ Генри.

— Ого!—невольно вскрикнулъ тотъ, обратя должное вниманіе на стрѣлки своихъ часовъ.

— Сегодня предстоитъ намъ очень интересная прогулка верхомъ. Давно уже надо старому спортсмену расправить немного свои ноги. Одѣвайся, я жду завтракать.

Долго дожидаться старому спортсмену не пришлось. Лео въ превосходномъ настроеніи духа вышелъ въ корридоръ, словно нечаянно прошелся мимо интересовавшей его двери, чѣмъ вызвалъ злую, торжествующую улыбку на алыхъ губахъ далматинки, и, спустившись въ садикъ, сѣлъ за свой приборъ.

— А сербы проиграли дѣло! — сообщилъ Карлейль, тщательно укладывая въ боковой карманъ пальто прочитанныя газеты.—Россія и не помышляетъ серьезно двинуться имъ на помощь. Вотъ тебѣ еще примѣръ, блестящій примѣръ демонстраціи, плохо разсчитанной и во-время остановленной.

— Однако, князь Никола дерется успѣшно. Отъ его «демонстраціи» туркамъ не поздоровится,—замѣтилъ Лео, подвязывая салфетку.

Онъ берегъ золотое шитье на своей щегольской далмѣ.

— О князѣ Николѣ рѣчь впереди. Кончивъ съ сербами, турки всею массою бросятся на него, и тогда...

— Тогда?..

Но сэръ Карлейль не отвѣчалъ, что будетъ тогда. Передъ нимъ стояло уже блюдо съ превосходнымъ ростбифомъ и цѣлая гора салата. Добрый утренній аппетитъ собесѣдниковъ заставилъ ихъ пока позабыть политику.

Послѣ завтрака, когда верховыя лошади уже стояли у подъѣзда, Генри зашелъ снова въ комнату Лео. Онъ засталъ своего молодого друга въ странномъ положеніи.

Блѣдный, какъ полотно, съ осунувшимся лицомъ, растерянно блуждая взорами по сторонамъ, не то всхлипывая, не

то задыхаясь, онъ молча протянулъ ему какое-то письмо, разорванный конвертъ котораго валялся на коврѣ, у стула.

Лука стояла въ углу у постели, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, а по движеніямъ ея плечъ замѣтно было, что дѣвушка плакала.

Кардейль, конечно, немедленно прочелъ записку.

«Я не пріѣхала сюда для того, чтобы конкуррировать и отбивать жениховъ у прислужницъ отелей».

И только. Передъ словомъ «жениховъ» было прежде написано другое слово: «любовниковъ», но это слово было весьма прозрачно зачеркнуто.

Записка подписана была только начальными буквами Н. П. и К., но почеркъ этой записки былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ Лео, чтобы тотъ могъ хоть мгновеніе сомнѣваться въ ея авторѣ.

Сэръ Генри Карлейль, конечно, сразу понялъ и оцѣнилъ по достоинству событіе. Прогулка верхомъ разстроилась, но джентльменъ не былъ этимъ недоволенъ. Выславъ «умницу» Луку, онъ немедленно занялся успокоеніемъ, утѣшеніемъ, обращеніемъ къ здравому смыслу и прочимъ отрезвленіямъ своего страдающаго юнаго друга. Началъ онъ съ того, что, удачно найдя сочувственный тонъ, вызвалъ у Лео обильный потокъ слезъ и далъ ему вволю выплакаться

«Умница» Лука получила отъ него въ тотъ-же день кусокъ прелестной турецкой ткани на платье, но бѣдняжка, видя страданія своего возлюбленнаго, сама страдала не меньше его и приняла подарокъ безъ особеннаго удовольствія.

Она была инстинктивно настолько тактична, что нѣсколько дней подъ-рядъ вовсе не приставала къ Лео съ своими ласками.

А время, всеисцѣляющее время, работало и работало.

XXXIII.

Періодъ сомнительнаго ликованія или, правильнѣе, ликованія, допускающаго сомнѣніе.

Бѣлградъ ликовалъ.

Вчера, поздно ночью, пришли телеграммы изъ Делиграда, изъ тимокско-моравскаго войска.

Генералъ Комаровъ извѣщалъ князя Милана, а черезъ него и весь сербскій народъ, о совершившемся, на этотъ разъ уже окончательно, «посаженіи всей арміи Абдулъ-Керима въ мѣшокъ». Кромѣ этой новости «en grand», сообщались еще мелкія, но тѣмъ не менѣе славныя новости: о сожженіи разомъ восьми турецкихъ мостовъ на Моравѣ, о гибели цѣлой колонны турокъ, нарвавшихся на динамитную мину, и объ общемъ уныніи, овладѣвшемъ по сему случаю турками, заунывные вопли которыхъ доносились съ той стороны даже до главной квартиры.

Все это были вѣсти жданныя, желанныя, никому не было охоты ихъ провѣрять, докапываться, насколько вѣрно изображена въ нихъ истина... Добрыя, хорошія вѣсти, а хорошимъ вѣстямъ всегда охотно вѣрится... И наболѣвшія сердца измученнаго тяжелою, непосильною войною сербскаго люда съ вѣрою ликовали.

На черепичныхъ крышахъ домовъ, на высокой колокольнѣ стараго собора, на всѣхъ оффиціальныхъ зданіяхъ и надъ террасами отелей, даже надъ козлами извозчичьихъ фіакровъ, на вѣтвяхъ высокихъ тополей и развѣсистыхъ каштановъ—всюду полоскались въ тепломъ, пыльномъ вечернемъ воздухѣ національные трехцвѣтные флаги, успѣвшіе уже достаточно полинять и обтрепаться за время цѣлаго ряда торжествъ и ликованій, предшествовавшихъ настоящему.

Обѣдали-пировали съ тостами и криками «ура» и «живіо» въ конакѣ князя Милана, обѣдали-пировали въ гостинницахъ, тоже съ тостами и криками, обѣдали въ каждомъ городскомъ сербскомъ домикѣ, въ каждой семьѣ, и все это, торжественно обѣдающее, поднимало стаканъ вина въ честь побѣды и во славу славянства.

Въ самомъ воздухѣ чувствовалось торжество.

Это торжество, съ утра начавшееся въ центрѣ города, волнообразно расходилось по всѣмъ его самымъ отдаленнымъ кварталамъ, и за черту города расплывались эти кругообразныя торжественныя волны ликованія и медленно осѣдали, успокаивались, разбиваясь о скромныя группы деревенскихъ *кучъ*, гдѣ уже некому было торжествовать и нечему радоваться

Въ этихъ кучахъ, на этихъ золотящихся созрѣвшею кукурузою поляхъ, въ этихъ густыхъ, наземь полегшихъ отъ тя-

жести гроздей виноградникахъ, на черныхъ пашняхъ будущихъ посѣвовъ остались только женщины, дѣти да такіе работники, которымъ уже не только боевое ружье, но и мирный цѣпъ были уже не по силамъ.

Въ рѣдкой изъ этихъ *кучъ* не было траура, въ рѣдкую изъ этихъ кучъ возвращались на короткую побывку ушедшіе въ войско милиціонеры. Относительно счастливыми считали себя тѣ семьи, среди которыхъ лежали ихъ раненые, съ надеждою на выздоровленіе; но выздоровленіе—Боже сохрани, скорое—было-бы не на радость, а на новое горе: поднявшагося на ноги снова-бы угнали *туда*, и, Богъ-вѣсть, вернулся ли-бы тотъ живымъ въ свое семейство.

Въ городъ приходили вѣсти на бумагѣ, и все хорошія вѣсти; въ городъ пріѣзжали курьеры изъ арміи и тоже чудеса разсказывали... Въ кучи деревенскія бумагъ и курьеровъ не посылали; сюда приходили побывочники и калѣки и говорили совсѣмъ не то, что на бумагѣ писалось, совсѣмъ не въ томъ духѣ, въ какомъ говорили украшенные орденомъ «Такова» курьеры.

И тѣхъ, и другихъ не будемъ обвинять въ умышленномъ искаженіи истины; они искренно говорили то, что имъ казалось, а казалось имъ разно, ибо и смотрѣли они съ совсѣмъ различныхъ точекъ зрѣнія. Одни—съ высокаго далека, наблюдая въ общемъ движеніе массъ, переставляя эти массы по своему произволу, не замѣчая того, что творится тамъ въ самой глубинѣ этихъ массъ, въ этихъ тѣсныхъ темносинихъ рядахъ; другіе—именно только и видя не дальше своего ряда, слѣпо повинующіеся только ближайшему голосу «*четовода*», не уясняющіе себѣ, почему это ихъ привели вотъ, напримѣръ, сюда, на это проклятое мѣсто, куда безпрестанно попадаютъ турецкіе снаряды и валятъ ихъ сотнями, а не держатъ ихъ тамъ, хотя-бы за тѣмъ лѣсомъ, куда ни одинъ вражескій снарядъ даже и не долетаетъ.

Одни имѣли возможность и право забѣгать впередъ, предупреждать событія, соображать, что, молъ, отъ такого-то, положимъ, печальнаго для сербовъ факта, на основаніи непреложныхъ законовъ стратегіи, долженъ непремѣнно послѣдовать болѣе печальный, даже роковой фактъ для турокъ, а потому данный случай, хотя и носящій на себѣ всѣ признаки пораженія, дол-

женъ быть сочтенъ за побѣду; другіе, конечно, не могли смотрѣть на дѣло такъ-же, и оно, то-есть дѣло, представлялось ихъ глазамъ въ самомъ страшномъ видѣ, нисколько не подкрашенномъ никакими стратегическими ожиданіями розовыхъ послѣдствій. Эти другіе, понятно, не могли не удивляться, чего это, молъ, начальство радуется и ликуетъ, когда, по ихъ мнѣнію, дѣло—дрянь, послѣдняя минута настаетъ... удирать во всѣ лопатки такъ впору.

Били ихъ турки, били. Съ ранняго утра до поздней ночи шли они назадъ, пушку бросили, раненыхъ своихъ забрать не успѣли, на злую муку черкесамъ да баши-бузукамъ отдали. Турокъ въ свои-же деревни пустили... Деревни были чаши полныя, а теперь одно пепелище да трупы на томъ мѣстѣ... Считалось у нихъ въ дружинѣ тысяча человѣкъ, а теперь и половины не насчитывается... Смилостивились турки, гнать да пущать перестали, дали имъ духъ перевести... Валится на землю усталая, унылая дружина, ужасами кроваваго дня бредитъ во снѣ. Четоводы ихъ прикладами расталкиваютъ спящихъ, на ноги ставятъ... Начальство ряды объѣзжаетъ, поздравляетъ съ славною побѣдою и «живіо» кричать велитъ.

И не вяжется у серба-милиціонера со старыми преданіями эта новая манера побѣждать, и совсѣмъ непохоже выходитъ на тѣ лубочныя картины, что развѣшаны по стѣнкамъ въ ихъ кучахъ; тамъ князь Милошъ и Георгій Черный турокъ конями топчутъ, сѣкирами рубятъ, отъ одного маха могучей сѣкиры побѣдителя десятки чалмоносныхъ головъ валятся... А они, сегодняшніе побѣдители, и въ лицо-то турокъ путемъ не видали, издали только глядѣли, какъ сквозь волны порохового дыма движутся, маневрируя, ихъ безконечныя колонны.

Знаетъ сербъ по преданіямъ, какъ надо *кучу* свою боронить отъ турокъ; люба, дорога ему эта куча, другу гостепріимная, врагу—могила; знаетъ сербъ, какъ семью свою защищать надо... Защита кучи и семьи—это и есть война настоящая, и онъ этой самой войны хорошій воинъ; а теперь не то, непохожее что-то на войну творится. Говорятъ ему: стой крѣпко за семью и кучу, а семья-то и куча, можетъ, за двѣсти верстъ отсюда и никто на нее прямо пока не нападаетъ. Вотъ и нѣтъ мотивовъ для настоящей стойкости. Война теперь представляется ему чѣмъ-то чудовищнымъ, смер-

тельнымъ, но вовсе не необходимымъ и не неизбѣжнымъ. Всѣ настоящія событія складываются для него, какъ чье-то роковое недоразумѣніе.

Дисциплина—дѣло сознанія и привычки; первому не изъ чего было выработаться, на второе—времени не хватило: вчера только за плугомъ шелъ человѣкъ, сегодня—съ ружьемъ, и съ механизмомъ котораго онъ еще не освоился. Всю жизнь умѣренное довольство, ласки жены, лепетъ ребенка, теплая куча, сытое брюхо, а тутъ вдругъ словно на голову съ неба обрушилось—холодъ по ночамъ, безъ крыши, жаръ до истомы днемъ; проголодь, сбитыя, ноющія отъ непосильныхъ перегоновъ ноги, кровь, кровь, и вмѣсто ласкъ жены — палка суроваго четовода, вмѣсто радушнаго сосѣдскаго привѣта — грозный окликъ чуждаго начальства.

Не выдерживаетъ непривычное къ боевымъ лишеніямъ тѣло, падаетъ духъ; съ упадкомъ духа теряется значеніе сознательной единицы, воцаряются животныя, стадныя свойства, а эти свойства—дѣло опасное. Тутъ начальникъ держи ухо востро: малѣйшая ошибка, малѣйшій промахъ, не въ тонъ сказанное слово могутъ разыграться повальнымъ бѣгствомъ, повальною, неудержимою паникою.

Стадныя арміи дѣлаютъ чудеса, стадныя арміи гибнутъ, какъ овцы, загнанныя ураганомъ въ море.

А тимокско-моравскимъ войскомъ уже овладѣвала эта фатальная стадность.

Оно еще держалось въ своихъ рамкахъ, сохраняло еще способность правильно двигаться, сохраняло еще видъ цѣльнаго живого тѣла исключительно силою маленькаго ядра постоянныхъ кадровъ и чуждаго, пришлаго элемента, но первая связь была малочисленна, непропорціональна остальнымъ силамъ, второй суждено было дѣлать ошибки за ошибками.

Эти ошибки имѣли еще то, свойственное преимущественно ошибкамъ качество, что онѣ словно цѣплялись одна за другую, являясь вторая неизбѣжнымъ послѣдствіемъ первой; устранить ихъ не было уже никакой возможности, опредѣлить первую изъ нихъ, мать всѣхъ остальныхъ, послѣдующихъ,—тоже. А тутъ еще вкралось и другое зло — поколебалось взаимное довѣріе арміи и народа сербскаго къ пришлому элементу, а къ возстановленію этого поколебленнаго довѣрія ни съ той, ни съ дру-

гой стороны не было сдѣлано ни шагу. Можетъ быть, потому только, что это зло не выражалось еще ни въ какой рѣзкой, опредѣленной формѣ, оно инстинктивно чувствовалось въ воздухѣ и лежало тяжелымъ нравственнымъ гнетомъ на всѣхъ тѣхъ, и той, и другой стороны, кому только дорого и свято было общее дѣло...

И вотъ это-то войско третій мѣсяцъ боролось съ арміей турокъ, втрое сильнѣйшей, истинно-боевой, опытной, обстрѣленной, это войско все-таки щитомъ стояло, загораживая свою сторону, и если не могло истинно похвалиться успѣхами, то и врагу не давало права кичиться своими побѣдами.

Въ депешахъ и донесеніяхъ Абдулъ-Керима было, во всякомъ случаѣ, болѣе сознательной лжи, чѣмъ въ побѣдныхъ бюллетеняхъ, вывѣшиваемыхъ на бѣлградскихъ улицахъ.

XXXIV.

Первыя свѣдѣнія.

Гостинница «Сербска-Крона» стоитъ и понынѣ на самомъ бойкомъ и видномъ мѣстѣ Бѣлграда. Въ настоящую минуту эта гостинница была переполнена самымъ разнообразнымъ людомъ. Въ ея столовыхъ, на панеляхъ, обсаженныхъ тѣнистыми каштанами, въ взбудораженныхъ, по недѣлямъ неубираемыхъ номерахъ, въ корридорахъ, даже на дворѣ, въ тѣни повозокъ и экипажей, не оставалось уже свободнаго мѣста. Измученная прислуга положительно сбилась съ ногъ, даже разсчетливый хозяинъ и тотъ не успѣвалъ уже писать и провѣрять счеты и такъ уже, «на вѣру», ссыпалъ золото и серебряные рубли въ свою бездонную конторку. «Сербска-Крона» въ десять разъ увеличила, за это бойкое, невиданное время, свой хозяйственный бюджетъ; въ ея кладовыхъ заготовлялись запасы, достаточные для прокормленія цѣлой маленькой арміи, въ ея кухняхъ стряпня не прекращалась ни днемъ, ни ночью; ежедневно къ темному люку погребовъ подвозились бочки мѣстнаго вина, газеты и журналы истрепывались до невозможности чтенія въ нѣсколько минутъ. Требованія посѣтителей все возрастали и возрастали, и, къ чести доблестнаго хозяина, удовлетворявшаго эти требованія съ изумительною поспѣшностью, онъ ни одного

«леи» *) не набавилъ на обыкновенныя, существовавшія прежде цѣны.

Еще-бы! Онъ былъ патріотъ, а большинство его посѣтителей были «освободители его отечества».

Князя Ивана Аполлоновича и нѣсколькихъ изъ его спутниковъ на «Кейзеръ-Максѣ» прямо съ пароходной пристани привели въ «Сербску-Крону» и депутатъ отъ города, со значкомъ Краснаго Креста на рукавѣ и на груди, указывавшій имъ дорогу, собственноручно отворилъ имъ двери одного изъ номеровъ и провозгласилъ: «добро пожаловать!»

Первое, что нѣсколько озадачило князя, было то, что онъ сразу замѣтилъ въ комнатѣ двѣ постели, изъ которыхъ одна уже была занята; на этой занятой постели лежала длинная человѣческая фигура, прикрытая синею шинелью; на грязной ситцевой наволокѣ виднѣлись растрепанныя пряди черныхъ съ просѣдью волосъ; сапоги, Богъ-вѣсть когда чищенные, снабженные колоссальными шпорами, стояли около: на стѣнѣ висѣла сабля и сербская шапочка, на окнѣ револьверъ, въ углу ружье Либоди, на полу раскрытый чемоданъ и на всѣхъ стульяхъ разбросанное грязное бѣлье и опустѣлыя папиросныя коробки.

— Pardon!—попятился было Иванъ Аполлоновичъ и съ недоумѣніемъ оглянулся на проводника-депутата.

— Добро пожаловать!—повторилъ тотъ.—Вотъ для васъ есть свободная кровать,—вотъ эта.

— Да... но...

На князя въ эту минуту апатично смотрѣло желтое, истомленное лихорадкою лицо. Лежавшій на постели приподнялся на локоть, машинально крутя папироску.

— Я васъ не стѣсню,—хрипло заговорилъ лежавшій.— Я только вотъ пока жарко очень валяюсь, а къ вечеру, какъ похолодѣетъ, я себя лучше чувствую и ухожу... Располагайтесь, пожалуйста, какъ дома, безъ церемоніи: «a la guerre comme à la guerre!»

«Что дѣлать!» подумалъ Иванъ Аполлоновичъ, мирясь съ обстоятельствами, и приказалъ Ефрему стлать бѣлье на свою постель и привести въ порядокъ «свою» половину помѣщенія.

---

*) Мелкая мѣдная монета.

На него, главнымъ образомъ, успокоительно подѣйствовало французское окончаніе фразы.

— Должно быть, кто-нибудь изъ «порядочныхъ»,—сообразилъ онъ,—раненый, что-ли, тамъ, пострадавшій, такъ-сказать...

— Не треба!—озадачилъ его вторично депутатъ, возвращая сунутый ему въ руку полуимперіалъ на водку.

— Ахъ, извините... почему-же? Ефремъ, умываться! Вы позволите?

— Сдѣлайте одолженіе. Вы вѣдь у себя,—произнесъ «пострадавшій» и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ, потянувъ воротникъ шинели на голову.

— Вотъ оно какъ здѣсь... дѣйствительно: à la guerre comme à la guerre! bravo!

На князя нашелъ какой-то припадокъ необыкновенной развязности и полнѣйшей готовности къ примиренію со всевозможными, и настоящими, и имѣющими быть впредь, неудобствами военной жизни. Онъ посвисталъ, закурилъ сигару, даже не обрѣзалъ кончика тщательно, какъ всегда, а просто откусилъ и сплюнулъ, и молодцовато сѣлъ на подонникъ.

— «Тамъ», я думаю, и того не найдешь, — на боевыхъ то-есть позиціяхъ. Намъ, конечно, *старымъ* солдатамъ, это все ничего. Видали тоже виды. Ефремъ, ботфорты!

Съ сосѣдней постели послышалось носовое похрапываніе. Иванъ Аполлоновичъ спохватился и даже самъ себѣ произнесъ: тсъ!..

Черезъ полчаса времени, одѣвшись теперь уже сообразно требованіямъ и условіямъ боевыхъ позицій, хотя отъ Бѣлграда до этихъ позицій еще было далеко, князь вышелъ въ корридоръ, а оттуда спустился въ садикъ «*подъ каштаны*».

Разница между его обыкновеннымъ, фешенебельно-вояжерскимъ костюмомъ и теперешнимъ позиціоннымъ заключалась исключительно въ высокихъ сапогахъ, привязанныхъ шпорахъ и револьверѣ у пояса. Все это крайне стѣсняло Ивана Аполлоновича, особенно привязанныя шпоры, чуть было не стоившія ему паденія кувыркомъ съ лѣстницы.

Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ въ Бѣлградъ князь еще раньше рѣшилъ розыскать слѣды своей дочери, если не удастся сразу найти ее лично. Онъ послалъ Ефрема взять коляску «попри-

личнѣй» и готовился начать свои поиски прямо съ почты, куда онъ писалъ: poste restante, на имя княжны Пестрой-Ковриковой.

— Ваше сіятельство, «кола» готова-съ,—доложилъ Ефремъ.

— Что такое?

— «Кола-съ»,—это по-здѣшнему-съ, а по-нашему-съ будетъ—коляска-съ. Я ужъ, ваше сіятельство, совсѣмъ выучился по-сербовскому, очень легко-съ. «Молимо, лютый ракіи»-съ, это значитъ: давай водки, а обѣдъ—«ручекъ», виноградъ—«грозди», какъ въ писаніи: «отъ гроздія винограднаго». Легко-съ!

Грязная коляска, запряженная парою измученныхъ, худыхъ, какъ скелеты, клячъ, стояла у подъѣзда. На козлахъ сидѣла усатая фигура въ длинной бѣлой рубахѣ, въ красной фескѣ и крутила папиросу, разложивъ мѣшечекъ съ табакомъ и пачку папиросной бумаги у себя на колѣняхъ.

— Пожалуйте-съ!.. закончилъ Ефремъ свой сербско-русскій лексиконъ.—Гайда на почту!—добавилъ онъ, повелительно обращаясь къ возницѣ, а тотъ, кивнувъ головою въ знакъ привѣтствія пассажиру, не торопясь, доверпѣлъ свою папиросу, не торопясь разобралъ возжи и, такъ-же не торопясь, задребезжалъ колесами своего экипажа по камнямъ невозможной мостовой бѣлградскихъ улицъ.

Когда князь подъѣхалъ къ почтамту, тамъ царствовалъ хаосъ невообразимый. Весь полъ заваленъ былъ грудами пакетовъ и посылокъ; отъ этихъ посылокъ несло кислымъ запахомъ полушубковъ и смазныхъ сапогъ; у столовъ «съ выдачею» стояла сплошная толпа добровольцевъ, съ ранняго утра дожидавшихся давно желанныхъ вѣстей съ родины; у пріемныхъ столовъ такая-же толпа болѣе подвижная, не застаивающаяся; сюда поминутно прибывали все новыя и новыя лица и прямо черезъ головы переднихъ бросали свои конверты: два-три чиновника-серба, съ выраженіемъ полнѣйшаго отчаянія на вспотѣвшихъ лицахъ, мужественно выдерживали эту бумажную бомбардировку. Своевременно клеймить, взвѣшивать и распредѣлять эти тысячи конвертовъ не было никакой возможности...

— О, Боже мой милостивый!—вздыхали только эти почтовые чиновники, отвѣчая на прекрасные вопросы: «А когда это дойдетъ въ Калугу или Казань, Москву, Касимовъ?» и т. д. Съ однимъ такъ даже чуть дурно не сдѣлалось, когда къ нему

лично обратились съ вопросомъ: «А позвольте узнать, во сколько дней доходятъ письма отсюда до Стерлитамака, если писать прямо на имя стерлитамакскаго уѣзднаго управленія»?

Тутъ-же, уже безъ всякой церемоніи, здоровый сербинъ въ туфляхъ на босую ногу, сметалъ метлою въ уголъ все то, что при своемъ полетѣ миновало столъ и валялось на полу... Облака синяго табачнаго дыма носились въ воздухѣ, въ носъ било пряными, чаднымъ запахомъ жаренаго луку, чесноку и паприкаша; міріады мухъ черными, подвижнымъ роемъ усѣвали грязныя стекла оконъ...

Князь Иванъ Аполлоновичъ положительно не зналъ, къ кому обратиться съ вопросомъ, куда сунуться. .

Онъ уже сотый разъ начиналъ фразу словами: «Будьте такъ добры, не могу-ли я узнать...» и каждый разъ заканчивалъ на этомъ началѣ, тоскливо поглядывая по сторонамъ.

— Да вамъ что именно нужно?.. — сжалился надъ нимъ какой-то добровольцъ, усѣвшійся на тюкъ съ полушубками.

— Видите-ли,—началъ Иванъ Аполлоновичъ, — мнѣ надо отдѣленіе «до востребованія», узнать, получались-ли мои письма poste restante на имя княжны Нестрой-Ковриковой, Надежды Ивановны. Это моя дочь, я хотѣлъ-бы узнать.

— Она теперь въ Парачинѣ!—неожиданно крикнулъ изъ толпы другой добровольцъ.

Князь стремительно метнулся къ нему.

— Вы ее знаете, вы видѣли ее? Это моя дочь. Какъ вы сказали? Гдѣ-съ? Ради Бога! Это Надя моя, Надежда Ивановна. То-есть...

— Да, знаю, знаю; то-есть, что вы ея отецъ, это почемъ-же я могъ знать, а ее самую знаю, ее уже всѣ знаютъ. Она теперь въ Парачинѣ. Душа-женщина,—знаемъ!

— Она третьяго дня пріѣзжала сюда,—вмѣшался другой;— я видѣлъ, какъ она съ княгинею Натальей изъ Топчидера въ коляскѣ ѣхала. Она, можетъ, здѣсь еще.

— Нѣтъ, уѣхала,—подошелъ третій.—Вчера еще уѣхала. Привезли изъ Одессы партію штановъ холщевыхъ. Она принимала и говорила мнѣ: «поглядите-ка, подлецы, гнили какой прислали. Солдатъ и недѣли не протаскаетъ...» Точно, что нехороша партія была, съ подмочкою. А вотъ тулупчики—прелесть, романовскіе! Да жаль мало, всего двѣсти штукъ. Я за-

хватилъ одинъ изъ собственныхъ ея ручекъ, а сегодня, жалость,—украли его у меня!

У Ивана Аполлоновича даже голова закружилась отъ этихъ неожиданныхъ свѣдѣній. Его дочь, княжна Нестрая-Коврикова... холщевые штаны... романовскіе полушубки... тутъ-же въ одной коляскѣ съ княжною Натальею... «подлецы, гнили прислали...» Что-же это-такое? Въ Парачинѣ теперь,—это еще что за мѣсто? Да, помнится что-то: Па-ра-чинъ, гмъ!.. А позвольте узнать...

Но уже узнавать болѣе было не у кого, сообщившіе ему такія интересныя новости уже исчезли и на ихъ мѣстахъ толклись другіе, съ такими не внушающими уваженія физіономіями, что князь поспѣшилъ отретироваться подальше, особенно, когда одинъ изъ нихъ ни съ того, ни съ сего выругалъ его, даже еще непечатнымъ словомъ.

— Въ Парачинъ!—крикнулъ Иванъ Аполлоновичъ, опять-таки, благодаря шпорамъ, споткнувшись на ступенькѣ коляски.

— Не можно!—улыбнулся возница-сербъ.

Толпа на панели захохотала.

— Домой,—проговорилъ князь, вспыхнувъ до ушей.

— Это можно!—равнодушно произнесъ кучеръ и тронулъ возжами клячъ, энергично отмахивавшихся своими куцыми хвостами отъ мухъ, густо усѣявшихъ ихъ сбитыя, наболѣвшія спины.

XXXV.

«Папенька».

Пріѣхалъ Иванъ Аполлоновичъ домой, то-есть въ свою половину номера «Сербской Кроны», и первымъ дѣломъ послалъ Ефрема за почтовыми лошадьми, чтобы ѣхать въ Парачинъ, но не успѣлъ онъ докончить своего внушительнаго приказанія, не успѣлъ договорить: «Но смотри у меня, чтобы въ одинъ митъ! Лучшую тройку! Живо!» какъ все еще лежавшій на постели сожитель озадачилъ его замѣчаніемъ:

— А вы изволите полагать, что вамъ такъ и дадутъ лошадей?.. Напрасно безпокоитесь...

— А какъ же... я... я... Вѣдь...

— Для того, чтобы выѣхать изъ Бѣлграда, а тѣмъ болѣе по дорогѣ въ армію, надо получить «объяву»... Безъ этой

объявы вамъ никто не дастъ и одного ишака, не то что коней, да еще тройку...

— Но моя дочь... Nadine Пестрой-Коврикова, она въ Парачинѣ. Я къ ней. Я, какъ отецъ, согласитесь сами...

«Одинъ изъ пострадавшихъ» при этихъ словахъ приподнялся съ постели, пристально посмотрѣлъ на Ивана Аполлоновича и почему-то торопливо сталъ надѣвать сапоги.

— Вотъ какъ?—проговорилъ онъ.—Такъ вы такъ и скажите тамъ, въ министерствѣ, что вы, молъ, батюшка княжны Надежды Ивановны, такъ и скажите... Вамъ и рекомендаціи никакой больше не нужно. Да вотъ, чего-жъ лучше: здѣсь теперь Хмуровъ, черезъ два номера... Онъ вамъ все живо устроитъ. Вы сейчасъ, что ли, хотите ѣхать?

— Да, я бы хотѣлъ, — произнесъ князь, чувствуя, какъ по всѣмъ его жиламъ особенно живо, весело такъ заструилось нѣчто похожее на масло по ощущенію... «Что же это, право, моя Надя... Каковъ молодецъ! Ахъ, Боже мой... дитя мое, гордость моя!»... промелькнуло у него въ головѣ и чуть было даже не сорвалось вслухъ съ языка.

А больной тѣмъ временемъ, тяжело покачнувшись всѣмъ тѣломъ при первомъ шагѣ отъ кровати, поправилъ всею пятернею сбившіеся на лобъ волосы, вышелъ въ корридоръ и князь тотчасъ же услыхалъ его голосъ, кричавшій:

— Эй, Хмуровъ! Михайло Алексѣевичъ, ты дома, что ли?

Затѣмъ послышалось женское хихиканье, топотня по ковру корридора чьихъ-то босыхъ ногъ, визгливое: «Та уйдить!» внушительное: «Экая ты дура!» и сиплый, откуда-то изъ глубины, словно недовольный чѣмъ-то голосъ:

— Что тамъ такое? Кто меня спрашиваетъ? А! Поднялся пріятель, аль полегчало?..

Въ корридорѣ заговорили, нѣсколько дверей щелкнуло замками; князь чувствовалъ, что рѣчь идетъ о немъ, и ему стало какъ будто неловко; онъ слышалъ отрывочныя фразы:

— «Не можетъ быть! Такъ это, значитъ, папенька... Волоки его сюда!.. А, что такое? На кой тамъ чортъ «неловко»... Аристократъ, ты говоришь? Наплевать! Волоки за шиворотъ, коли честью не пойдетъ... Да онъ тутъ, что ли? А вотъ я самъ до него доберусь»... «Шу, полно, оставь!»... «Да что «полно»... Я не съ дурнымъ намѣреніемъ»... «Брось!»... «Я

чествовать хочу! Душкинъ, распорядись шампанскаго полдюжины... Тащи цѣлую!.. Качать не надо? Развѣ послѣ. Ну, господа, идемъ!»

— Ужъ не бить ли меня собираются? — чуть было не испугался, да и не на шутку, Иванъ Аполлоновичъ, слыша приближающуюся къ его дверямъ тяжелую топотню сапогъ со шпорами и безъ оныхъ.

Дверь распахнулась настежь, на обѣ половинки. Между ея косякомъ, какъ въ рамѣ, обрисовалась массивная, дышущая веселостью, добродушіемъ и какою-то распущенною, безшабашною, самодурствующею удалью фигура Хмурова, Михайла Алексѣевича *); за нимъ виднѣлось еще нѣсколько лицъ, раскраснѣвшихся и возбужденныхъ нѣсколько болѣе, чѣмъ бы слѣдовало по нормальному состоянію.

Не успѣлъ Иванъ Аполлоновичъ опомниться и сообразить, въ чемъ дѣло, какъ уже попалъ въ могучія объятія геркулеса, ощутилъ на своихъ губахъ сочное, троекратное лобызаніе, а затѣмъ уже началось взаимное представленіе другъ другу...

. . . . . .

Чадъ и сумбуръ страшный царили въ головѣ Ивана Аполлоновича, когда его доставили, уже въ третьемъ часу ночи, на свою собственную постель.

Весь остатокъ ночи его осаждали самыя разнообразныя фантастическія сновидѣнія и, конечно, въ этихъ хмельныхъ грезахъ доминирующее, лучезарное мѣсто занимала его дочь, его Надя...

— О, я постараюсь... Я буду достойнымъ своей дочери,— коснѣющимъ языкомъ твердилъ онъ въ послѣднее время импровизированнаго пира, твердилъ и кстати, и некстати... Онъ и засыпая бормоталъ все ту же фразу, и теперь сновидѣнія его вертѣлись все на одномъ и томъ же—на желаніи быть вполнѣ достойнымъ своей дочери. Во снѣ, конечно, эти благія желанія воплотились уже въ цѣлый рядъ совершившихся фактовъ. Тѣло князя Пестраго-Коврикова пластомъ лежало на кровати, мычало, сопѣло и даже пыталось жестикулировать. Опытный въ этихъ случаяхъ Ефремъ усердно выжималъ и прикладывалъ куда слѣдуетъ освѣжительно-успокоительные компрессы. Душа княжеская ликовала и бодрствовала...

*) См. романъ «На далекихъ окраинахъ».

И вотъ, въ силу этихъ ликованій, Иванъ Аполлоновичъ стоитъ во главѣ всѣхъ сербскихъ армій; кругомъ дымъ, пламя и грохотъ орудій, лязгъ сабель, торжествующіе клики побѣдителей, вопли унынія побѣжденныхъ, кровь, кровь, кровь... Ефремъ и Миронычъ ведутъ къ нему пойманнаго Абдулъ-Керима, тотъ опускается на колѣни, склоняетъ голову и обѣими руками протягиваетъ ему свою саблю... (Иванъ Аполлоновичъ видѣлъ когда-то взятіе Хивы на Крестовскомъ островѣ)... Князь тронутъ, глубоко тронутъ этою молчаливою покорностью, его глаза полны слезъ, онъ хочетъ, онъ долженъ быть великодушенъ... «Въ уваженіе вашей личной храбрости»... начинаетъ онъ рѣчь...—«Да охота тебѣ, моншѐръ, разговаривать съ этою свиньею?—говоритъ ему Хмуровъ,—вели повѣсить, да и шабашъ! А мы выпьемъ»!.. «Нѣтъ, нѣтъ, я не могу,—возражаетъ князь,—по долгу побѣдителя... не могу»... «Ну, для меня, для друга-то».—«Ей-Богу не могу, parole d'honneur, а впрочемъ, какъ скажетъ Надя, какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ»... Начинается невидимая музыка, мелодичная, тихая, отдаленная, свѣтъ какой-то особенный, не то розоватый, не то гри-де-перль. А вотъ и она сама... Все ницъ!.. «Папаша, я съ княземъ Миланомъ паковала полушубки»... Урррра! — ревѣтъ во все горло Хмуровъ, ура!—подхватываютъ всѣ окружающіе. «Качать его, качать!»—и его качаютъ, его высоко подбрасываютъ въ воздухъ, ему дурно отъ этой качки, онъ боится быть неприличнымъ. Такой особенный, торжественный случай, всемірно-историческій фактъ, а онъ...

— Эй, ты, «молимо», тазъ поскорѣе да полотенчиковъ пару,—распоряжался тѣмъ временемъ Ефремъ, обращаясь къ растрепанному, босоногому сербу, корридорному служителю, и недружелюбно косился на товарища по комнатѣ, храпящаго во всю ивановскую послѣ доброй выпивки.

— Ихъ сіятельство здоровья деликатнаго, а они,вишь ты, обрадовались, а вотъ теперича бросили... Возись съ нимъ, какъ знаешь...—бормочетъ секретарь-камердинеръ.—Да говорятъ же тебѣ, молимо, чортъ тебя дери, тазъ и полотенце!..

А на Бѣлградской площади, на той самой, что князь видѣлъ, ѣздивши на почту, уже воздвигаютъ тріумфальную арку и даже монументъ... Надя сидитъ на самой вершинѣ этого монумента... Его, папашу, тоже ведутъ туда... Тамъ такъ хорошо и видъ

чудесный на Босфоръ... Море синее, минареты все бѣлые, кипарисы зеленые, мягкій диванъ и гаремъ... и какой гаремъ!.. Это все у султана отняли... Тутъ и графиня Огулъ-Болтаева, и баронесса Кунштюкъ, и всѣ петербургскія знакомыя; тутъ и попутчица до Черновицъ; всѣ онѣ въ чалмахъ и красныхъ шароварахъ. Посрединѣ сидитъ въ ваннѣ она... «Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же она здѣсь?.. Этого нельзя... Я далъ слово Надѣ, я не могу... Господа, посудите сами... я не могу... я не хочу»...

— Ну, плакать начинаетъ... захлипалъ... это, значитъ, къ концу,—соображаетъ знающій свое дѣло Ефремъ. — Теперича развѣ къ вечеру проснутся и сейчасъ сельтерской потребуютъ...

А солнце уже взошло и косымъ лучемъ пробралось въ комнату... Движеніе въ отелѣ развивалось съ минуты на минуту; уже и Хмуровъ раза два навѣдывался справиться о здоровьѣ друга. Въ туфляхъ на босую ногу, въ нижнемъ бѣльѣ и короткомъ пиджакѣ въ накидку, стоя, подбоченясь, передъ постелью, лукаво подмигивая глазомъ, онъ замѣчалъ, что «паренекъ-то хорошъ, малый—простота, да слабенекъ, имъ не подъ пару... А, впрочемъ, Господь пошлетъ—пріобыкнетъ».

— Да, если не убьютъ до того времени,—замѣчалъ, въ свою очередь, красавецъ-брюнетъ съ подкрученными усиками, совершеннѣйшій типъ подрумяненнаго наѣздника въ циркѣ, monsieur Муслинъ-Душкинъ, прославившійся сожиганіемъ турецкихъ мостовъ на Моравѣ, а еще болѣе сожиганіемъ сердецъ всѣхъ прислужницъ по всѣмъ сербскимъ и попутнымъ отелямъ.

— Убьютъ?—возражалъ Хмуровъ.—Это съ чего же убивать-то станутъ?.. Кто его пуститъ туда, гдѣ убьютъ-то, кой съ него ирокъ?.. Проваландается такъ-себѣ, при штабѣ... *Дадимъ ему* «Такова»...—ну, и пускай-себѣ живетъ... И удивительно, право...

— Что?

— Да вотъ, какъ это отъ такой кислятины да такая дочь молодчина... У-ди-ви-тель-но!..

А «кислятина» все отсыпалась и отсыпалась, и, дѣйствительно, какъ предсказывалъ Ефремъ, только къ вечеру очнулась и немедленно потребовала «сельтерской».

XXXVI.

Первый день пути въ „великой колѣ".

Поѣздку въ Делиградъ взялся устроить Хмуровъ; ему кстати и самому «пора была туда ѣхать;—такъ, значитъ, за компанію веселѣе», какъ онъ выразился. Иванъ Аполлоновичъ посвятилъ цѣлый день визитамъ, по указанію того-же Хмурова; князю Милану не представлялся, такъ какъ тотъ уѣхалъ куда-то охотиться на фазановъ, но зато объѣздилъ всѣ министерства и получилъ просфору отъ самого митрополита Михаила. Князь былъ очень пораженъ простотою нравовъ и обычаевъ высшей сербской администраціи. Онъ не могъ придти въ себя отъ изумленія послѣ того, какъ полчаса толковалъ съ какимъ-то старичкомъ въ пріемной министерства внутреннихъ дѣлъ, принимая этого старичка за скромнаго просителя, а оказалось, что это и есть самый министръ Стефичъ... Иванъ Аполлоновичъ еще болѣе удивился, когда увидѣлъ, что министръ, провожая его на крыльцо, пожалъ руку его возницѣ на козлахъ, оказавшемуся, въ свою очередь, близкимъ его родственникомъ, чуть не дядею даже.

«Объявы» были получены, снабжены печатями,—оставалось только ѣхать, но Хмуровъ почему-что опять оттянулъ поѣздку на день и для препровожденія времени устроилъ загородный пикникъ на берегу Дуная, гдѣ варилъ собственноручно уху изъ только-что пойманныхъ дунайскихъ стерлядокъ.

— Вѣдь вотъ тоже,—говорилъ онъ при этомъ, — родная славянская рыбица радуется теперь и торжествуетъ, что наконецъ-таки дождалась праздника, въ русскій желудокъ попала, а не въ поганое турецкое брюхо.

— Австрійцы тоже ѣдятъ стерлядей,—замѣтилъ Муслинъ-Душкинъ.—Въ Пештѣ, напримѣръ...

— Господа, господа, а уговоръ: политику по боку! — остановилъ ихъ третій собесѣдникъ, усачъ въ фуражкѣ гродненскаго гусарскаго полка, личность замѣчательная тѣмъ, что всю кампанію занималась формированіемъ особаго кавалерійскаго легіона, съ которымъ такъ и не выступила въ поле до самаго окончанія военныхъ дѣйствій...

Только на пятый день пребыванія Ивана Аполлоновича въ

Бѣлградѣ удалось ему, наконецъ, выѣхать дальше, и то уже значительно послѣ полудня, хотя поѣздка проектирована была съ разсвѣтомъ, даже до солнечнаго восхода

Сопутствуемая благими пожеланіями всѣхъ обывателей отеля, высыпавшихъ на площадки ради проводовъ, «великая кола», дребезжа развинтившимися гайками, подозрительно присѣдая на своихъ ослабшихъ, обмотанныхъ веревками рессорахъ, еще того подозрительнѣе виляя однимъ колесомъ, тронулась въ путь, увозя въ своихъ нѣдрахъ князя Ивана Аполлоновича, Хмурова и Муслина-Душкина по направленію къ боевымъ позиціямъ...

На главномъ мѣстѣ въ экипажѣ возсѣдалъ, конечно, Иванъ Аполлоновичъ, рядомъ съ нимъ Хмуровъ, напротивъ Муслинъ-Душкинъ и ящикъ съ бутылками; въ ногахъ и подъ сидѣньями масса коробокъ съ консервами, кулекъ съ мѣстною ветчиною и другія съѣдобности; на козлахъ Миронычъ, сзади на запяткахъ примостились Ефремъ съ почтальономъ, такъ какъ кола везла, между прочимъ, и оффиціальную почту.

День былъ прохладный, хорошій, осенній; заморенный четверикъ рысилъ неторопливо, предоставляя пассажирамъ возможность вкушать всю прелесть окрестныхъ пейзажей, а вкушать было дѣйствительно что: дорога шла съ горы на гору и съ каждымъ подъемомъ влѣво открывался чудный видъ на прибрежную низовину съ бѣленькими церквами, съ красными черепичными и соломенными крышами селеній, съ желтѣющими уже садами и перелѣсками и свѣтлою водною полосою Дуная на горизонтѣ.

Не успѣли отъѣхать версты отъ города, какъ Иванъ Аполлоновичъ началъ уже обнаруживать всѣ признаки величайшаго нетерпѣнія: онъ поминутно высовывался изъ экипажа, искалъ чего-то глазами, переводя бинокль съ одной точки на другую. Ему все казалось, что вотъ-вотъ замѣтитъ онъ гдѣ-нибудь дымъ выстрѣловъ или бѣлые ряды шатровъ, бивачные костры, вообще что-нибудь такое, что должно-же напомнить имъ путешествіе по странѣ, переживающей роковую эпоху войны и разоренія, но, къ его сожалѣнію, никакихъ такихъ интересныхъ признаковъ пока не появлялось.

— Э, батенька, еще не скоро! — утѣшалъ его Михайло

Алексѣевичъ.—А вотъ пока лучше мы выпьемъ! Это, знаете, необходимо въ виду предупрежденія разныхъ этихъ эпидемій, дисентерій и прочаго.

— О, конечно, въ виду эпидемій, — соглашался, хотя и морщился каждый разъ, Иванъ Аполлоновичъ, не опредѣлившій еще совершенно точно, что ему непріятнѣе въ данную минуту, возможность ли подвергнуться эпидеміи въ будущемъ, или же глотокъ этого мерзѣйшаго коньяку въ настоящемъ.

Должность виночерпія въ такихъ случаяхъ блистательно исполнялъ Муслинъ-Душкинъ: онъ замѣчательно ловко ухитрялся во время ѣзды, даже при толчкахъ, и откупорить бутылку, и налить серебряные стаканчики, не потерявъ ни капли драгоцѣнной влаги.

Часа черезъ два съ половиною ѣзды взмыленный, тяжело поводящій боками четверикъ остановился передъ подъѣздомъ гостинницы въ Семендріи.

Здѣсь князю пришлось впервые видѣть признаки военнаго времени. Большинство посѣтителей большой общей столовой, во всю длину которой стоялъ узкій сервированный столъ, были теперь уже дѣйствительно пострадавшіе: подвязанныя скулы, какія-то чалмообразныя повязки на головахъ, руки на подвѣсахъ, у каждаго почти стула торчащіе костыли и особенный запахъ госпиталя и карболовой кислоты, заглушавшій даже острый ароматъ обильно приправленнаго перцемъ кушанья.

Все это не особенно возбуждало аппетитъ пріѣзжихъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Михаила Алексѣевича, немедленно потребовавшаго себѣ одному пару «ручековъ» *). Пострадавшіе оказались въ большинствѣ его знакомцами. Появленіе Хмурова вызвало общій взрывъ удовольствія, нѣсколько человѣкъ даже ура закричали и непечатно выругались въ знакъ своего полнаго восторга.

За отдѣльнымъ столомъ у окна сидѣлъ высокій, красивый докторъ и нѣсколько скромно одѣтыхъ дамъ съ повязками Краснаго Креста. Докторъ медленно допивалъ чашку чернаго кофе и протекторски окидывалъ взглядомъ своихъ паціентовъ, «свою паству», какъ онъ выражался. Онъ тоже оказался добрымъ знакомымъ Хмурова и даже облобызался съ нимъ при этой встрѣчѣ, сказавъ:

*) Ручекъ—обѣдъ.

— А засидѣлись вы въ Бѣлградѣ долгонько! Я третьяго дня только оттуда. Михаилъ Григорьевичъ уже спрашивалъ о васъ. Ну, что, какъ дѣла?

— Да ничего,—отвѣчалъ Хмуровъ,—гроши получили; изъ комитета питерцы прислали триста тысячъ, да москвичи тоже раскошелились. Я писалъ туда благопріятелю, чтобы выслалъ тулуповъ да валенокъ партію; обѣщались.

— Это хорошо... холодновато тоже становится по ночамъ. Видѣли повозки?

— Это токаревскія-то?

— Да! Вотъ вѣдь пакость-то поставили... я не принялъ ни одной... По совѣсти, не могу; я ужъ лучше простыя мужичьи колы приспособлю... Это чортъ знаетъ, что такое!

— Лупить бы ихъ по зубамъ, прррохвостовъ!.. Pardon, madame! Расп...

— А какъ мы турокъ вздули!—прихрамывая, съ помощью палки, подошелъ тутъ офицеръ-доброволецъ въ русскомъ пальто безъ погоновъ и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.—До новыхъ вѣниковъ не забудутъ. Подошли мы на сто шаговъ, да какъ двинемъ!

— Да, двинули, — вмѣшался черезъ столъ другой, — изъ трехсотъ человѣкъ только семьдесятъ осталось... Двинули!..

— Да вѣдь они бѣжали, не мы, мы до самой темноты держались, а потомъ отступили... Патроновъ нѣтъ, отъ воды далеко, во рту пересохло... а тутъ еще раненыхъ убрать надо было, всю ночь таскали...

— Они не только раненыхъ, они и убитыхъ своихъ вынесли,—замѣтилъ докторъ.—Мнѣ Дворяшинъ говоритъ: «смотрю, потащили на перевязочный пунктъ и безголовыхъ, и такихъ, что уже окоченѣть успѣли. Я спрашиваю: «зачѣмъ?» а они: «да кто ихъ знаетъ, можетъ,—очнутся еще какъ нибудь»... Чудаки!

— Не то, что очнутся, гдѣ ужъ тутъ очнуться, когда полчерепа снесено гранатою, а тѣла чтобы не пакостили,—вотъ почему.

— Вѣрррно!

— Савельевцы-то на послѣдней развѣдкѣ попятились, — наклонившись къ самому уху Хмурова, съ соболѣзнованіемъ въ шопотѣ, сообщилъ какой-то совершенно скелетъ, обтянутый сухою, желтоватою кожею.

— А вы опять пришли въ общую?—строго замѣтилъ ему

докторъ;—я вамъ велѣлъ лежать и даже не двигаться, а вы... Вѣдь это нельзя же... вѣдь это ..

— Скучно очень, тоска одному... Тянетъ, ну и поползъ... Тутъ лучше, а потомъ уйду, я уйду.

— Не хотите поскучать немного, а потомъ опять хуже будетъ; такъ вѣдь нельзя лечиться, нельзя-съ!

— Да и что лечиться, все одно умру, не сегодня, такъ завтра, дѣло рѣшеное... я вѣдь знаю.

— Положимъ, что такъ, а все-таки...—въ свою очередь, немного смутился атлетъ-докторъ.—У него двѣ пули въ почкахъ, а одна за правымъ легкимъ засѣла,—шепнулъ онъ Ивану Аполлоновичу.

— Vraiment? — пробормоталъ тотъ и началъ усиленно сморкаться, маскируя этимъ свои невольныя слезы.

А Хмуровъ теперь обходилъ вокругъ стола и все разспрашивалъ, называя то ту, то другую фамилію; ему отвѣчали. Въ этихъ отвѣтахъ, сказанныхъ, повидимому, совершенно спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ, безпрестанно слышалось: «убитъ, померъ, искалѣченъ». Иногда отвѣтъ замѣнялся выразительнымъ жестомъ, тоже не имѣвшимъ ничего отраднаго. Даже вѣчно-веселый Михайло Алексѣевичъ—и тотъ не выдержалъ.

— Да вѣдь это просто поголовная бойня какая-то!—вскрикнулъ онъ и съ ожесточеніемъ черпнулъ ложкою супу съ лапшою изъ общей чашки, сунувъ предварительно въ тарелку стручекъ краснаго перцу.

— Это Марконетъ, — сообщилъ онъ Ивану Аполлоновичу на его вопросъ: «кто этотъ докторъ, съ которымъ онъ сейчасъ разговаривалъ?»

— Ахъ, слышалъ. Какъ это все интересно! — нашелъ почему-то князь, недоумѣвая, приняться ли ему за это снадобье, что стоитъ передъ его приборомъ, или ужъ лучше и не пробовать.

Муслинъ-Душкинъ, какъ только вошелъ въ гостинницу, такъ сейчасъ же направился къ прилавку буфета и, красиво позируя, велъ все время самую оживленную бесѣду съ двумя бойкими сербками-буфетчицами, хохотавшими безъ умолку, несмотря на то, что вся обстановка столовой вовсе не располагала къ веселью.

Часа три провели въ Семендріи.

Хмуровъ уходилъ наверхъ, въ номера, навѣстить тамъ лежащихъ своихъ знакомыхъ, ходилъ въ городъ зачѣмъ-то,

былъ на пристани, раздавалъ деньги, совѣщался съ Маркопстомъ, получилъ отъ одной изъ сестеръ милосердія въ презентъ бисерный башмачекъ для часовъ и, наконецъ, уже совсѣмъ въ сумерки объявилъ, что, «однако, пора бы и ѣхать!»

Поѣхали.

Темнѣло... Тамъ и сямъ засвѣтились огоньки въ окнахъ чистенькихъ, уютныхъ деревенскихъ кучъ. Почти безъ промежутковъ справа и слѣва отъ дороги тѣснились отдѣльныя селенія—полныя чаши; темные силуэты скирдъ убранной кукурузы, печныхъ трубъ, прикрытыхъ чугунными горшками, приземистыхъ колоколенъ, а мѣстами изрѣдка и тонкихъ мусульманскихъ минаретовъ отчетливо такъ рисовались на красно-багровомъ фонѣ потухающей вечерней зари. Длинныя вереницы журавлей и дикихъ гусей летѣли куда-то къ югу; у колодцевъ и прудовъ толпился рабочій скотъ на водопоѣ; возы, нагруженные хлѣбомъ, медленно двигались по боковымъ дорожкамъ. Все еще пока вѣяло миромъ и довольствомъ, только на шоссе теперь уже стали появляться картины и сцены совершенно противоположнаго свойства. Уже нѣсколько разъ «великая кола», несмотря на представительный, воинственный видъ Мироныча и звонъ оффиціальнаго колокольчика на кончикѣ дышла, все-таки должна была покорно сворачивать въ сторону, а иногда и терпѣливо пережидать двигавшіеся навстрѣчу обозы. На простыхъ повозкахъ, часто даже безъ навѣса отъ дождя и солнца, везли больныхъ и раненыхъ съ позицій. Медленно шагали волы и буйволы, уныло скрипѣли немазанныя оси, флегматично, ну, точь-въ-точь наши степные чумаки, брели усатые погонщики... Пассажиры этихъ повозокъ рѣдко, развѣ на очень ужъ усердномъ толчкѣ, издавали болѣзненные стоны, а въ большинствѣ пластомъ лежали молчаливо-покорные, безропотные...

Во главѣ одного изъ такихъ обозовъ ѣхалъ санитаръ въ статскомъ платьѣ, резиновомъ плащѣ и въ русской военной фуражкѣ съ кокардою. На вопросъ Хмурова, обращенный къ нему: «кто такіе?» онъ угрюмо отвѣчалъ, подозрительно почему-то косясь на прочихъ пассажировъ колы:

— Все наши.

— Наши!—вздохнулъ Хмуровъ.

— То есть русскіе? — переспросилъ Иванъ Аполлоновичъ, не безъ ужаса глядя на эти ряды печальныхъ экипажей.

— Конечно, изъ сербовъ мало кого казеннымъ порядкомъ волокутъ, тѣхъ больше свои родственники по деревнямъ къ себѣ развозятъ, тѣмъ лучше.

— Тамъ подальше и сербы вамъ встрѣтятся, — добавилъ санитаръ, — они пѣшкомъ идутъ. Тоже не мало такихъ, только все больше «самопалы».

— Это съ пальчиками-то?—замѣтилъ Михайло Алексѣевичъ.—Такъ-съ... дѣло знакомое!

— Вы не повѣрите, князь, какая это сволочь! Они сами себѣ пальцы отстрѣливаютъ, чтобы только изъ строя уйти,— поспѣшилъ объяснить, въ чемъ дѣло, Муслинъ-Душкинъ.—Вѣдь вотъ какія канальи, трусы!

— А ты не ругайся зря.. Тоже и на то, чтобы себѣ самому палецъ отстрѣлить, надо не мало отваги и рѣшимости,— прервалъ его Хмуровъ.—На-ка тебѣ револьверъ, стрѣльни, попробуй!

— Съ какой же стати?

— То-то. Надо, значитъ, имѣть сильную побудительную причину, чтобы рѣшиться на самопораненіе. Вотъ и разсматривай эту причину, устраняй коли можно!

— Я слышалъ, я читалъ даже объ этомъ въ газетахъ,— произнесъ князь.—Вѣдь они рискуютъ быть разстрѣляными, если не ошибаюсь.

— Рискуютъ, а все-таки уклоняются отъ службы. То-есть, ни одного дѣла не проходитъ, чтобы не оказалось десятка, а то и больше «самопаловъ». Разъ приводятъ одного такого къ генералу, показываютъ руку,—два среднихъ пальца на лѣвой отстрѣлены начисто, вся кисть почернѣла отъ пороховой копоти, обжоги видны—видимое дѣло, въ упоръ стрѣлялъ; улики на лицо—разстрѣлять его, каналью, прочимъ для примѣра. Вотъ какъ теперь помню этого «воинника»,—молодой еще, совсѣмъ безусый, глаза такіе добрые, не плачетъ, не проситъ, только смотритъ кругомъ на всѣхъ этакъ уныло, словно насъ всѣхъ жалѣетъ, и головою даже покачиваетъ. Говорю я шопотомъ: «Михайло Григорьичъ, ну его къ чорту, отпусти». Гмъ!.. На душѣ-то неладно какъ-то стало. Поставили хлопца передъ фронтомъ, скомандовали, а тотъ «погоди!» говоритъ и сталъ рыться за пазухою. Копался онъ, копался, четыре дуката вытащилъ въ тряпочкѣ, къ генералу подошелъ.— «На, говоритъ, отдай

жинкѣ». Положилъ деньги на землю и сталъ опять на «свое» мѣсто.

— Ну, ну?

— Да что «ну»? Ужъ я и не знаю, какъ тамъ дальше случилось. Генералъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, мы всѣ тоже поразбрелись, кто куда; смотрѣть-то другъ другу въ глаза было какъ будто совѣстно; взводъ тоже повернулся да пошелъ справа рядами, и *тотъ* пошелъ, прямо домой пошелъ, его нагнали уже за часъ ходу, деньги-то отдать надо было, что на землѣ остались,—вотъ и все!

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ разсказъ на слушателей. Даже Миронычъ, прислушиваясь съ козелъ, вздохнулъ и перекрестился, а сербъ-возница пробормоталъ себѣ въ усы:—а тако-жъ!..

— Говорятъ, есть болѣзнь такая,—продолжалъ Хмуровъ,—зовется та болѣзнь тоскою по родинѣ,—скверная болѣзнь. Отъ этой болѣзни сплошь да рядомъ въ верхній чердакъ себѣ пулю засаживаютъ, а не то что въ пальцы. Полагаю я такъ, что это тоже болѣзнь—«тоска по кучѣ». Вѣдь вотъ «стоячее» войско, то успѣло поотвыкнуть отъ дому, казарма обработала ихъ по своему, вотъ и бьются молодцами, не хуже нашихъ, особенно артиллеристы, тѣ хоть куда народъ, смотрѣть любо! О-о-о-охъ! Душкинъ, скрути папироску!..

Свернула кола съ шоссе и мягко, спокойно покатилась по грунтовой дорогѣ. Сыростью дубоваго лѣса повѣяло. Хмуровъ бурку натянулъ на себя, Муслинъ-Душкинъ заботливо прикрылъ толстымъ пледомъ тощія колѣни Ивана Аполлоновича, тотъ зѣвнулъ ему въ отвѣтъ на эту любезность: «Ахъ, что вы безпо-ко-о-ои-тесь!» Сожигатель сердецъ тоже зѣвнулъ: «помилуйте, какое же тутъ безпокоо-о-йство!» и, минутъ десять спустя, въ нѣдрахъ колы водворилось общее молчаніе.

Сонная кола, прогремѣвъ по жидкому, новостроющемуся мосту, прибыла въ сонный «Ягодинъ».

XXXVII.

Теплое гнѣздышко.

Въ Парачинѣ, въ одной изъ боковыхъ улицъ, нѣсколько на отлетѣ отъ прочихъ строеній, пріятно ласкаетъ глазъ проѣзжаго красивая группа опрятно выбѣленныхъ домиковъ, кры-

тыхъ желѣзняковою черепицею. Эти домики только лицевыми фасадами выглядываютъ на улицу, все остальное прячется въ густую зелень фруктовыхъ садовъ и кудреватыхъ каштановыхъ деревьевъ. Лѣтомъ, кромѣ того, высаживаются передъ фронтомъ кадки съ роскошными олеандрами и миртами, душистая бѣлая акація причудливо лѣпится по стѣнамъ между окопъ, скромно закрытыхъ рѣшетчатыми жалузи и парусинными маркизами; зимою, конечно, всѣ эти нѣжныя, любящія свѣтъ и тепло декораціи прячутся въ крытые сараи. Въ этихъ домикахъ до «тяжкаго времени» жилось тихо, уютно, мирно. Въ часы досуга слышался звукъ рояля, а то и пѣніе, въ часы обыденнаго труда шорханье рубанка, стукъ молотка, шипящій свистъ пилы, прокладывающей себѣ дорогу въ здоровомъ смолистомъ тѣлѣ сосны и кипариса. Теперь эти звуки смѣнились иными. Теперь отсюда несется на улицу грубый говоръ солдатскихъ голосовъ, стоны и жалобы страдающихъ, суетливая докторская рѣчь... шипить иногда пила, даже часто бываетъ, но только не дерево она пилитъ, а нѣчто другое, что и радо бы крикнуть отъ боли, да замерло временно, удушенное парами хлороформа.

Теперь надъ этими домиками плавно колышется въ воздухѣ большой лоскутъ бѣлаго полотна съ краснымъ, прямоугольнымъ крестомъ посерединѣ.

Здѣсь госпиталь и перевязочный пунктъ, созданный исключительно частною благотворительною дѣятельностью. Попасть на излеченіе въ этотъ госпиталь—завѣтная мечта каждаго страдальца съ боевого поля. Здѣсь тепло и уютно, здѣсь нѣтъ и тѣни гнетущей душу, тормазящей дѣло оффиціальной формальности; расходная графа на пресловутыя «канцелярскія принадлежности» краснорѣчиво гласитъ о семъ своими бѣлыми полосами. Здѣсь для больного всегда есть хина, и въ такомъ количествѣ, въ какомъ она требуется, корпія и бинты лежатъ здѣсь наготовѣ, прежде чѣмъ привезутъ раненыхъ. Здѣсь не пытаютъ полубезпамятнаго, искалѣченнаго бѣдняка разспросами, сколько ему лѣтъ, да какъ его зовутъ, да гдѣ родился, да въ какой бригадѣ и «четѣ» служилъ. Здѣсь только берутъ, лечатъ и выпускаютъ здоровыхъ... Рабочіе этого благотворительнаго гнѣзда не считаются работою, всякъ несетъ свою долю труда по силамъ и знанію; здѣсь не наблюдается ревниво

чиновная іерархія, здѣсь нѣтъ ни старшаго, ни младшаго, — здѣсь только товарищи... Нѣтъ здѣсь и крупно-жертвующихъ благотворителей, вѣчно не кстати сующихъ свой носъ въ дѣло въ почетной роли попечителей. Дѣятельность этого мѣста создалась безымянными мѣдными грошами, силою любви къ человѣчеству сплавившимися въ золотое дѣло.

Душою этого теплаго гнѣздышка была Надежда Ивановна Пестрая-Коврикова.

Много врачей, чиновныхъ и нечиновныхъ, молодыхъ и старыхъ, недоучившихся и переучившихся, заявили о своемъ желаніи ѣхать на театръ военныхъ дѣйствій; эти заявленія шли разными путями и обставлены были также различными условіями и требованіями; и, странно, чѣмъ эти требованія были скромнѣе, тѣмъ меньше имѣли шансовъ на успѣхъ, можетъ быть потому, что широкія требованія зависѣли и отъ широкихъ знакомствъ и связей, можетъ быть, и потому, почему часто бываетъ легче учителю найти уроки по десяти рублей за часъ, чѣмъ по полтиннику, легче распродать концертанту свои кресла по двадцати пяти рублей, чѣмъ по рублю. Какъ-бы то ни было, но только скромнымъ въ своихъ желаніяхъ пришлось или бросить свои затѣи, или-же отправляться на свой счетъ, идти работать ради самой работы, а не ради содержанія.

Чиновныя, оффиціализированныя лица медицинскаго персонала свысока смотрѣли на своихъ неоплачиваемыхъ волонтеровъ-собратовъ, «врачей-добровольцевъ», какъ ихъ называли, и оттирали ихъ отъ дѣла. Безпокойный народъ, молъ, суютъ носъ куда не слѣдуетъ, одни безпорядки производятъ, опять-же и болтливы очень. Зато эти безпокойные элементы находили себѣ работу тамъ, гдѣ уже оттирать ихъ было некому, то-есть въ районѣ, обстрѣливаемомъ вражескими снарядами, или въ близкомъ сосѣдствѣ съ этимъ райономъ; не мало такихъ уже поплатилось головами за свое самоотверженіе. Разбросанныя единицы такихъ дѣятелей, случалось, за неимѣніемъ никакихъ перевязочныхъ средствъ, съ отчаяніемъ глядя на ряды искалѣченныхъ, безпомощныхъ героевъ, брали въ руки ружье и шли въ бой, увеличивая потомъ своимъ собственнымъ тѣломъ эти печальные ряды.

Натуры покрѣпче, посдержаннѣй, изумляли своею находчивостью; по пословицѣ «голь на выдумки хитра», они безъ

гроша иногда создавали то, до чего часто не достигало оплачиваемое тысячами.

Они не всегда пользовались дружелюбіемъ высшей администраціи, за то завладѣли всецѣло общею симпатіею солдатъ боевого строя.

Здѣсь тѣ самые прославленно-лѣнивые, безсердечные сербы-санитары, вяло и даже *непочтительно* исполняющіе свою обязанность подъ присмотромъ оффиціально-чиновнаго взгляда и сухого приказанія, живо сновали то туда, то сюда, поражали даже своею неутомимостью и энергіей въ работѣ. Сербъ, болгаринъ, боснякъ, черногорецъ, плѣнный баши-бузукъ, даже одинъ англійскій шпіонъ, попавши разъ на койку этого госпиталя, равно заслуживали ухода и участія въ своемъ горѣ. Національность здѣсь не имѣла никакого значенія. Здѣсь были только больные и врачующіе.

Начался этотъ госпиталь съ самаго малаго зернышка, съ одной палатки, растянутой между двумя телѣгами; мѣсяца въ два онъ развился до настоящаго положенія, и главною виновницею этого развитія была Надя, давшая свои собственныя средства, а главное, умѣвшая сюда-то именно привлечь добрую часть народной грошевой лепты. Ей довѣрили. А народная лепта, идущая въ искренно «довѣренныя» руки, неистощима.

Надеждѣ Ивановнѣ Пестрой-Ковриковой помогло, между прочимъ, и личное знакомство со многими членами и главными дѣятелями славянскихъ комитетовъ. Ея письма въ Петербургъ и Москву не оставались безъ отвѣта.

Надъ этимъ гнѣздомъ, какъ я уже сказалъ, развѣвался флагъ Краснаго Креста; этотъ флагъ выражалъ собою широкую идею благотворительности и не имѣлъ никакого другого, болѣе частнаго значенія.

XXXVIII.

Въ Парачинѣ.

Стефо Сумичъ, столяръ, хозяинъ и собственникъ большей половины занятаго подъ госпиталь помѣщенія, безвозмездно стѣснившій себя и свою семью для патріотическаго дѣла, сосредоточенно разсматривалъ свое новое произведеніе. Онъ до сихъ поръ находилъ его превосходнымъ, безупречнымъ, чуть

не послѣднимъ словомъ механики и столярнаго ремесла, а вотъ «они» находятъ недостатки, и даже очень важные, и самъ-то онъ, мастеръ, тоже находитъ теперь эти недостатки, а прежде не замѣчалъ. И какъ это онъ могъ не замѣтить? Удивительно!

— Вотъ и некуда *ему* будетъ ноги протянуть... Какъ только подъ гору пойдетъ, такъ сейчасъ и неладно,—говорилъ, тыча толстымъ, краснымъ пальцемъ, аптекарь Гезонъ, онъ же и начальникъ перевязочныхъ средствъ госпиталя.

— Та, разуме, разуме, — пожималъ плечами Сумичъ. — Бого-ми, никакъ не можно... Овакимъ образомъ?

— То-то «овакимъ образомъ!» А вы, господине, вотъ тутъ подрубите, а тутъ поднилите...

— Гмъ! тай надо подрубить, тай тоже и поднилить надо; све разуме, све...

Подошелъ тутъ еще одинъ юноша, чуть не косая сажень въ плечахъ, обошелъ вокругъ новенькой повозки, подвигалъ ее взадъ и впередъ одною рукою и рѣшилъ, что легонька-то легонька, только поскрипываетъ.

— Не мазана еще,—сказалъ сербъ Сумичъ.

Вышла и Надежда Ивановна изъ сосѣдняго домика, накинувъ теплый шерстяной платокъ на свои вздернутыя, какъ-то ежившіяся плечики, и подошла къ группѣ.

— Ну, какъ вы находите?—обратился къ ней аптекарь.— Я, видите ли, говорю ему...

— Ну, право же, ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ,— проговорила она.—А вотъ что, господа: у насъ вино все почти на исходѣ... Привезли вчера бутлю, да, кажется, кислое очень...

— Ахъ, канальи!.. Хмуровъ обѣщался изъ Бѣлграда, какъ поѣдетъ, да вотъ что-то замѣшкался...

Изъ другого домика, побольше, четыре санитара выносили какіе-то длинные свертки на носилкахъ. Надя поблѣднѣла немного и отвернулась.

— Стыдно плакать, — неожиданно появился около нея лѣтній пиджакъ съ докторскими погонами.—И когда это вы, хорошая моя, попривыкнете?

— Жаль... совсѣмъ вѣдь дѣти... старшему и восемнадцати лѣтъ не было,—дрогнувшимъ голосомъ проговорила она.—Онъ вчера еще былъ въ памяти, говорилъ со мною... Все просилъ вылечить его поскорѣе... Бѣдный!..

— Тяжелое время!.. вздохнулъ сербъ-столяръ Сумичъ.

— А, говорятъ, насъ ревизовать хотятъ... отчетность требовать. Листы скорбные, говорятъ, не въ порядкѣ,—улыбнулся докторъ.—Упрекаютъ, между прочимъ, что мы выздоравливающихъ отпускаемъ на всѣ четыре стороны, а не на позиціи. Чудаки, право... Что вамъ писалъ генералъ?

— Ничего, благодаритъ за своего конвойца,—помните, что руку отняли?—и за то, что послѣдней партіи добровольцевъ рубашекъ дали... Денегъ предлагалъ.

— Это хорошо!

— Ничего нѣтъ хорошаго... Какія у него деньги!.. Тамъ вѣдь тоже нужда, а у насъ пока всего достаточно... А, наконецъ-то!

Лицо Нади, нѣсколько печальное до сихъ поръ, вдругъ прояснилось; сдвинутыя, по обыкновенію, къ переносью брови приподнялись, глазки заискрились и ротъ сложился въ веселую, привѣтливую улыбку.

Въ ворота дворика косолапо шагала массивная фигура Михайла Алексѣевича, и его сиповатый голосъ еще издали обратилъ на себя вниманіе всѣхъ, здѣсь присутствующихъ.

— Наше вамъ почтеніе, здравія желаемъ, почтенной матери игуменьи съ братіей... Здравствуйте, матушка Надежда Ивановна, здравствуйте, ангелъ Божій, сестрица наша милая... Что ваша лихорадочка?

— Вина привезъ?—спросилъ докторъ, облобызавшись троекратно съ новоприбывшимъ.

— Вина привезли?—добавилъ и аптекарь, обтирая свои губы, ради тоже предстоявшаго лобзанія.

— А привезли вина?—повторила вопросъ и Надя, протянувъ Хмурову обѣ ручки и терпѣливо выжидая, пока тотъ измуслитъ достаточно ея нервные, тонкіе пальчики съ прозрачными, розовыми ноготками.

— Папеньку приволокъ! — шепнулъ ей на ухо Михайло Алексѣевичъ, да такъ, что всѣ слышали, кто только ни былъ здѣсь во дворикѣ;—въ районѣ десяти саженъ разстоянія.

Надя широко раскрыла глаза и ея веселое, довольное лицо снова приняло свое прежнее, озабоченно-растерянное выраженіе.

— Аль не рады?—спросилъ Хмуровъ, тотчасъ же замѣтя эту перемѣну.—Прикажите—я назадъ его отвезу... Мнѣ вѣдь

все равно... Ей-Богу, отвезу... Сейчасъ пойду и скажу: налѣво кругомъ—маршъ!..

— Когда вы шутить перестанете?.. Гдѣ онъ?.. Да вы, вѣрно, соврали... Что за шутки, право!..

— Здѣсь, здѣсь... Тамъ его Душкинъ,—вы помните Душкина?—его Душкинъ водою отливаетъ; волненіе съ нимъ сильное... Послѣднія десять верстъ въ колѣ не могли усидѣть... Говоритъ, пѣшкомъ скорѣе дойдетъ; бѣжать собирался. Онъ добрый такой, славный старичекъ... А любитъ васъ... ну, такъ ужъ любитъ! намъ даже надоѣлъ своею любовью... Да вы куда же? Онъ самъ сейчасъ придетъ, его Душкинъ приведетъ. Постойте же!.. Ну, чего, право... ну, ну... Ахъ, вы, горячка. . Ахъ!..

И Хмуровъ поспѣшно пустился догонять Надю, чуть не бѣгомъ бросившуюся къ декорированной олеандрами входной калиткѣ.

Душкинъ, успѣвши какъ-то незамѣтно отъ нея самой приложиться къ рукѣ Нади, отошелъ почтительно въ сторону и позировалъ у забора. Хмуровъ теръ себѣ желудокъ и чувствовалъ себя какъ будто бы не совсѣмъ ловко. Докторъ и санитары черезчуръ ужь пристально разсматривали новую повозку, чуть что не обнюхивая ее со всѣхъ сторонъ; они тоже были нѣсколько смущены. Сербъ Сумичъ всхлипывалъ и утиралъ концомъ пояса глаза. Князь Иванъ Аполлоновичъ не замѣчалъ, не чувствовалъ даже всего окружающаго, его грудь душили истерическія рыданія... Онъ даже не успѣлъ разглядѣть свою Надю, онъ чувствовалъ только, что это она, никто другая, въ его объятіяхъ... А та улыбалась такъ ясно, такъ весело, бормотала: «папа, папочка, да успокойся, папа... да пойдемъ же ко мнѣ, папочка»... и тщетно силилась приподнять, поддержать это размякшее отъ избытка чувствъ, опустившееся на колѣни старческое тѣло.

Душкинъ поспѣшилъ къ ней на выручку.

— Ахъ, князь, будьте мужественны. . Calmez vos, prince. Mais qu'est ce que vous faites devant celle... Посмотрите, сколько тутъ посторонняго народа. Вонъ и эти тоже... Ну, чего стали? пошли вонъ, скоты!.. Чего не видѣли?..

Послѣднее относилось къ кучкѣ сербовъ-комордкіевъ, запрудившей весь просвѣтъ калитки.

— Раскисъ папаша!—произнесъ и Михайло Алексѣевичъ.—

Падежда Ивановна, да ведите его къ себѣ. Душкинъ, бери подъ руки!..

Подошелъ тутъ и докторъ.

— Нервное потрясеніе,—говоритъ.—Опять и безъ шапки на солнцѣ не слѣдуетъ стоять.

Взяли всѣ трое Ивана Аполлоновича подъ руки и повели въ домикъ. Надя впередъ порхнула, растворила широкое итальянское окно и кричитъ оттуда:

— Сюда, сюда!..

— Это, значитъ, ейный родитель! — объяснялъ, сидя на лазаретномъ порогѣ, солдатикъ съ обвязанною головою другому, на деревяшкахъ.

— Не видались давно, надо полагать,—отвѣчалъ тотъ.— Надысь тоже эдакъ-то мать къ одному пріѣхала. Сказывали, пѣшкомъ дошла изъ Костромы... Приходитъ это она въ лазаретъ, а сынъ-то, вишь, помираетъ... Что тогда было и что только тогда было!..

Минутъ черезъ десять пассажиры «великой колы» уже сидѣли въ уютной, комфортабельно-меблированной комнаткѣ Нади. Пришелъ и Миронычъ и на вытяжкѣ стоялъ у порога, никакъ не соглашаясь сѣсть и быть гостемъ, какъ этого настойчиво требовала сама хозяйка... А еще минутъ черезъ десять всѣ посторонніе, подъ разными благовидными предлогами, вышли и оставили наединѣ папеньку съ его дочкою...

Хмуровъ, уходя, сообщилъ Ивану Аполлоновичу, что останется въ Парачинѣ до ночи, а можетъ и ночевать здѣсь будетъ; во всякомъ-же случаѣ, заблаговременно предупредитъ о своемъ отъѣздѣ, если папашѣ желательно будетъ, и пр., и пр., и пр. Душкинъ, уходя, продлилъ поцѣлуй руки Нади долѣе, чѣмъ-бы слѣдовало, и испустилъ глубокій вздохъ. Докторъ пообѣщалъ приготовить яичницу съ ветчиною, а сербъ-столяръ принесъ уже на подносикѣ синихъ гроздовъ, айвы и какихъ-то грушъ, жесткихъ, какъ дерево, зато размѣровъ необычайныхъ. Надя звала сегодня къ себѣ всѣхъ обѣдать.

— Ну, что *она?*—улыбнувшись не безъ лукавства, спросила Надя, когда они уже успѣли переговорить обо всемъ, составлявшемъ интересъ дня и обстановки.

— Другъ мой! ради Бога не отравляй этихъ чудныхъ, свѣтлыхъ минутъ напоминаніемъ объ этой...

— Не буду, не буду... затараторила Надя, разглаживая руками рѣденькіе сѣдые волосы на отцовской лысинѣ.

— А что онъ... тотъ?.. сорвался вопросъ у Ивана Аполлоновича и вызвалъ краску на его впалыхъ щекахъ.

Легкая тѣнь набѣжала на довольное, веселое личико княжны, между бровей обрисовались характерныя складочки.

— Не буду, не буду!—въ свою очередь засуетился князь, замѣтивъ эти всегда пугавшіе его признаки.

На этотъ разъ признаки эти были поняты имъ и истолкованы въ самомъ успокоительномъ, желанномъ смыслѣ.

— Я зналъ, дитя мое,—началъ онъ;—я былъ увѣренъ, что княжна Пестрая-Коврикова никогда не сдѣлаетъ ничего противнаго...

— Да будетъ-же, папа, будетъ. Ахъ, Боже мой, что я, въ самомъ дѣлѣ! Хочешь кофе? Какъ я научилась здѣсь варить кофе, настоящій турецкій кофе, въ крошечныхъ чашечкахъ, съ гущею,—превкусно, право!.. Я сейчасъ.

И она захлопотала около буфетнаго шкафика, извлекая оттуда на свѣтъ Божій различные металлическіе приборы для кофеварительнаго процесса и бѣленькія, съ наперстокъ величиною, фарфоровыя чашечки.

За обѣдомъ всѣ сообща постановили дальнѣйшее рѣшеніе. Надя разрѣшила папашѣ ѣхать на боевыя позиціи, посмотрѣть все, что онъ найдетъ тамъ интереснымъ, но чтобы онъ и не думалъ рисковать собою. Она мотивировала свое требованіе тѣмъ, что преклонный возрастъ, физическая слабость и полная боевая неопытность Ивана Аполлоновича не могутъ принести дѣлу никакой пользы, а оставаясь въ тылу арміи, она найдетъ ему не менѣе почетную работу. Надя изложила свои взгляды въ такой мягкой, деликатной формѣ, что Иванъ Аполлоновичъ не чувствовалъ никакого укола своему самолюбію.

— Да, да,—согласился и Хмуровъ.—Пускай его поѣдетъ съ нами, поглядитъ. Это интересно и недалеко.

— Повѣрьте,—заявилъ и Муслинъ-Душкинъ,—мы его сбережемъ, Надежда Ивановна. Я вамъ ручаюсь честью и головою за его безопасность.

— Mercі!.. протянула ему руку Надя.

— Я ему такихъ тѣлохранителей двухъ предоставлю... началъ-было Хмуровъ.

— И не надо... никакихъ тѣлохранителей не надо,—заговорила Надежда Ивановна.—Я вѣдь васъ знаю!.. Вы вѣдь сейчасъ... Вы его, смотрите, не вздумайте въ ночныя экспедиціи посылать... Вотъ только смѣйте!..

— Не пошлю... ну его!.. Онъ и пить-то не умѣетъ по нашему... куда его въ ночную!

— То-то...

Хмуровъ досталъ бутылки двѣ шампанскаго. Выпили за дочку, за папашу, за успѣхъ тимокско-моравскаго войска, за скорый и почетный миръ. Разошлись уже, когда стемнѣло, а на другой день утромъ «великая кола» снова появилась передъ воротами госпиталя и послѣдовала не менѣе трогательная сцена разставанья, съ маханіемъ платками и изъ окошка Нади, и изъ обоихъ пролетовъ навѣса экипажа,—маханія, прекратившагося только тогда, когда кола свернула на главную улицу и скрылась, лавируя между безчисленными, нагруженными сѣномъ и сухарями возами загромождавшихъ всю дорогу обозовъ.

— Да, батенька, воевать-то мы васъ не пустимъ!—подмигивалъ Хмуровъ, усаживаясь поспокойнѣе.

— Да-съ,—говорилъ Муслинъ-Душкинъ.—Я далъ слово, и вы меня, князь, ужъ извините... Я честно сдержу это слово.

— Ахъ, господа! — вздыхалъ Иванъ Аполлоновичъ. — Я счастливъ, я безмѣрно счастливъ... Повѣрьте, я старъ, да, но я бы съумѣлъ умереть съ честью... Повѣрьте, съумѣлъ бы лечь костьми... да-съ!..

— Да на кой чортъ умирать-то зря?—неудомѣвалъ Михайло Алексѣевичъ.—Я понимаю...

— Вы будете, князь, жить для вашей дочери, для насъ, для счастья...

— Да ты, братъ, Душкинъ, что-же? Ты это никакъ «съ мѣста въ карьеръ» начинаешь!—захохоталъ Хмуровъ.

— И что тутъ смѣшного!—пожалъ плечами тотъ.

На дорогѣ послышались десятки дѣтскихъ голосовъ. Босыя, полуголыя дѣти въ припрыжку бѣжали, равняясь съ экипажемъ. Въ сторонѣ виднѣлись шалаши и землянки несчастныхъ бѣгле-

цовъ изъ разоренпаго края. У Хмурова на этотъ случай всегда были заготовлены полные карманы серебряной монеты.

— А золото бросать не годится!—замѣтилъ Михайло Алексѣевичъ князю, швырнувшему въ толпу просящихъ милостыню дѣтей нѣсколько новенькихъ дукатовъ.

XXXIX.

Первые звуки боя.

Моросившій весь день пренепріятный, мелкій, напоминающій близкую осень дождь мало-по-малу прекратился, каменистая дорога уже успѣла просохнуть мѣстами, на западѣ зазолотились свѣтлыя полосы разъясняющагося неба... Веселѣе какъ-будто бѣжали усталыя, загнанныя непомѣрною работою почтовыя клячи, веселѣе тянулись по боковымъ тропинкамъ группы солдатъ, возвращавшихся въ боевой лагерь съ временной побывки, веселѣе поскрипывали немазанныя оси тяжело нагруженныхъ провіантскихъ телѣгъ, запряженныхъ косматыми буйволами, веселѣе даже шли другіе, печальные обозы навстрѣчу, не такъ уже уныло, безнадежно выглядывали блѣдныя, обвязанныя грязными, окровавленными тряпками лица раненыхъ. Даже по временамъ шутка и что-то похожее на веселый смѣхъ прорывались въ этихъ тяжелыхъ стонахъ, усиливавшихся, когда полотно дороги попадалось болѣе изрытое, кочковатое, и стихавшихъ, когда это полотно шло поглаже...

И Хмуровъ пересталъ дремать съ подхрапываніемъ, и его спутникъ Муслинъ-Душкинъ фальшивымъ теноромъ затянулъ пикантные мотивы Оффенбаха, позабывъ свою сдержанность и чувство сыновней почтительности, и самъ Иванъ Аполлоновичъ молодцевато подбоченился, освободившись уже отъ слезливо-умиленнаго состоянія, навѣяннаго на него послѣднею сценою разставанія, хотя и временнаго, съ дочерью.

Хмуровъ теперь не обращался къ нему иначе, какъ съ словомъ «папаша», объясняя это тѣмъ, что если Надя признана по праву ихъ общею сестрою, то отецъ ея, понятно, ихъ общій папаша.

Ивану Аполлоновичу это льстило и даже очень; онъ даже чувствовалъ въ своемъ сердцѣ нѣчто вродѣ зародыша чисто-

отеческаго чувства ко всѣмъ этимъ, что сначала нѣсколько шокировали его своими разнузданными манерами, усиленно-ухарскою рѣчью, а главное—вонючими смазными сапогами и отсутствіемъ носовыхъ платковъ, даже безъ помощи перчатокъ.

«Великая кола» поднялась на довольно высокую гору, обогнула ея лѣсистый кряжъ и передъ глазами путешественниковъ, какъ на ладони, запестрѣли черепичныя крыши и сверкающія заревомъ заката окна селенія... Печенымъ хлѣбомъ потянуло оттуда снизу, столбы чернаго дыма поднимались надъ какими-то странными сооруженіями въ видѣ колоссальныхъ муравьиныхъ кучъ, глухое мычанье рогатаго скота, рѣзкій крикъ ословъ, ржаніе коней, чуящихъ вечернюю торбу, гулъ смѣшанной русско сербской рѣчи и надтреснутые звуки военнаго рожка...

— А вотъ и Рожанъ!—высунулъ Хмуровъ до половины свое грузное туловище.—Теперь пять верстъ всего *до мѣста* осталось... Душкинъ, достань-ка коньячку!.. Папаша, прикажете?

Папашѣ вовсе не хотѣлось пить этотъ скверный, хотя очень дорогой коньякъ, его даже передернуло слегка отъ такого предстоящаго удовольствія. Однако, онъ счелъ долгомъ немедленно отвѣтить на приглашеніе:

— А что же, недурно! Это не мѣшастъ!

И со страхомъ покосился на слишкомъ ужъ большой стаканъ, не дрогнувшій даже въ мощной десницѣ Михайлы Алексѣевича, несмотря на толчки колы при спускѣ.

— За вашу дочь!—чокнулся, обращаясь къ князю, Муслинъ-Душкинъ, испустивъ при этомъ глубокій вздохъ, и безъ передышки выцѣдилъ весь стаканъ сквозь зубы.

— И куда это, лѣшій его побери, сунулъ я кусокъ честеру? Ты, кажется, усѣлся на него... Ну, такъ и есть! Привстань-ка немного... Не прикажете-ли, папаша, кусочекъ? Ишь ты, какъ нагрѣлся! Пожалуйте...

Но князь закусить отказался и незамѣтно сунулъ себѣ въ ротъ мятную лепешечку, — незамѣтно потому, что онъ счелъ такой деликатный способъ закусыванія, въ виду боевыхъ позицій, нѣсколько предосудительнымъ.

— Гудько! Здравствуй, братъ! Ты куда?—замахалъ руками Хмуровъ.—Эй, Гудько!..

Къ колѣ подъѣхалъ плотный, маленькаго роста, доброволецъ

съ офицерскими звѣздочками на воротникѣ, съ громаднымъ палашемъ сбоку и черкесскою, добытою съ бою магазинкою за плечами. Онъ остановилъ у экипажа свою лошадку, облобызался, не сходя съ сѣдла, съ Михайломъ Алексѣевичемъ, протянулъ руку Душкину и вопросительно посмотрѣлъ на Ивана Аполлоновича.

— А вотъ къ намъ ѣдетъ, турку стращать!—объяснилъ ему Хмуровъ.—Куда несетъ?

— Въ Парачинъ... Насилу отпросился, и то, чтобы завтра къ обѣду непремѣнно вернуться. Штаны совсѣмъ износились, новые раздобыть.

И Гудько безцеремонно показалъ остатки своего нижняго костюма, отъ котораго буквально сохранились въ цѣлости одни только лампасы.

— Отецъ *ея*,—кивнулъ Хмуровъ въ сторону Ивана Аполлоновича.—Папаша!

Гудько поспѣшно снялъ шапочку.

— А вы знакомы съ моею дочерью? — покровительственнымъ тономъ спросилъ Иванъ Аполлоновичъ.

Молодой добровольцъ только широко раскрылъ свои большіе каріе глаза, въ которыхъ высказалось наивное удивленіе такому странному вопросу.

— Было что-нибудь?—полюбопытствовалъ Муслинъ-Душкинъ, протягивая ему стаканъ.

— Было, да все мелочь!.. Охотники-астраханцы за Мораву у Бобовиште ходили, двухъ турокъ живьемъ притащили. Щуповъ и Лукошковъ купаться пошли, пристрѣлили ихъ черкесы; лазутчика вчера у насъ вѣшали. Въ четвергъ общее наступленіе было хотѣли наши сдѣлать, да не разберешь, кто на кого наступалъ; мы ли на турокъ, они ли на насъ, народу много побили, пушку взяли...

— Нашу?

— А чортъ ее знастъ, чью! Говорятъ, будто пушку взяли, а толку не доберешься. Генералъ на рекогносцировку поѣхалъ. Медвѣдовскій съ бригадою съ дороги вернулся; его въ Княжевацъ послали, а потомъ вернули. Плесовъ двѣсти дукатовъ выигралъ. Штабный баракъ сгорѣлъ... Къ туркамъ, говорятъ, двадцати-четырехфунтовки подвезли...

— Плохо!

— Да, будутъ безпокоить... Слушай, Хмуровъ, есть деньги?

— А сколько нужно?

— Да дай пять дукатовъ до жалованья... Мнѣ за три мѣсяца должны; получу—отдамъ...

— Бери!

Хмуровъ полѣзъ въ карманъ.

— Позвольте...

Иванъ Аполлоновичъ тоже поспѣшилъ въ свой карманъ за кошелькомъ.

— Спасибо! Нѣтъ, ужъ я у него... Къ Надеждѣ Ивановнѣ у меня письмо есть, забѣгу на минуточку... Вотъ скажу, что встрѣтилъ батюшку ихняго... Кланяться, что ли?

— Ахъ, пожалуйста!—засуетился Иванъ Аполлоновичъ.— Позвольте познакомиться кстати: князь Пестрый-Ковриковъ...

— Поручикъ Гудько!

— Очень пріятно...

— Ну, до свиданія! Хмуровъ, везешь коньячище?

— Есть!

— То-то, у насъ уже нехватки... Ну, прощайте! А смотри, какого я турка за два дуката раздобылъ!

Юноша молодцевато повернулъ кровную, рыжую лошадку на заднихъ ногахъ, хлестко вытянулъ ее нагайкою по боку, приложилъ руку къ околышу шапочки и сталъ пробираться между возами и неподвижно лежавшими посреди улицы отдыхающими буйволами.

Хмуровъ вылѣзъ изъ колы и пошелъ провѣдать знакомаго почтмейстера-серба. Муслинъ-Душкинъ, пользуясь тѣмъ, что Иванъ Аполлоновичъ тоже обнаружилъ намѣреніе поразмяться, заботливо оправлялъ ему сидѣнье, разглаживая складки косматой бурки и хитро улаживая ребромъ подушку въ ситцевой наволочкѣ.

Какія-то двѣ дамы, одѣтыя хотя и грязно, какъ и слѣдуетъ сообразно съ условіями военнаго времени, но слишкомъ пестро и затѣйливо для сестеръ милосердія, звонко хохотали, перевѣсившись черезъ перила невысокаго балкончика, и на всю улицу кричали: «Душкинъ, голубчикъ Душкинъ! идите сюда, что мы вамъ покажемъ»!..

Но Муслинъ-Душкинъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ и не замѣчаетъ этихъ приглашеній. Въ присутствіи отца Надежды Ивановны Пестрой-Ковриковой онъ счелъ это почему-то не

только предосудительнымъ, но даже нѣсколько его компрометтирующимъ, за что и дождался громкаго, отчетливаго возгласа: «Хорошо же, свинья эдакая!» — возгласа, отъ котораго его бросило-было въ жаръ и въ холодъ, да, спасибо, Иванъ Аполлоновичъ отошелъ куда-то за уголъ и, какъ кажется, не слыхалъ такого скандальнаго финала.

Минутъ черезъ двадцать «великая кола» снова тронулась въ путь.

Пришлось подниматься круто въ гору; дорога была узкая, сильно сжатая съ боковъ глинистыми обрывами. Корявые, покрытые пожелтѣлою листвою дубы громоздились на этихъ обрывахъ; чуть не подъ каждымъ деревомъ бивуакировали разнохарактерныя группы, придавая всей мѣстности оживленный видъ сплошного лагеря. Тамъ, въ шалашахъ изъ вѣтвей, ютились семьи бѣженцевъ, высылая на дорогу, по обыкновенію, чумазыхъ ребятъ за подаяніемъ. Тамъ, вокругъ котелка, видѣлись пестрыя, ярко расшитыя рубахи сербянокъ, женъ, матерей и всякихъ родственницъ, побывавшихъ уже у своихъ въ войскѣ или только идущихъ на эти свиданія; тамъ собрались погонцы отъ приставшей скотины, пасущейся тутъ же, по близости... Партіи новобранцевъ-милиціонеровъ подъ конвоемъ стараго служилаго изъ «стоячаго» (постояннаго) войска, группы легко раненыхъ, но больше всего—это группы и одиночки тѣхъ неопредѣленныхъ личностей, что словно изъподъ земли выростаютъ въ смутныя времена и шакальими стаями тянутся за хвостомъ арміи... На полуподъемѣ горы колу задержалъ уже сплошной, правильный бивуакъ, растянувшійся какъ разъ по дорогѣ... Въ линію стояли ряды солдатскихъ ружей, а около все сѣрыя русскія шинели, накинутыя на плечи, прикрывающія собою синіе сербскіе казакины и большею частью потертые, заплатанные отставные мундиры нашихъ солдатиковъ.

Это шелъ уже седьмой батальонъ русскихъ добровольцевъ и пріостановился здѣсь, чтобы немного отдохнуть, подчиститься, а затѣмъ молодцами явиться въ лагерь на Моравѣ, лихо пропарадировать передъ излюбленнымъ генераломъ и такъ же лихо, можетъ быть, въ ту-же ночь идти на вѣрную смерть, на турецкіе редуты, *«примѣра ради юному сербскому воинству»*.

Хмуровъ было началъ ругаться за эту неожиданную остановку, собирался уже было кому-то чистить зубы, да увидѣлъ, кто такіе, засуетился, захватилъ пару бутылокъ и торопливо полѣзъ изъ экипажа.

А Миронычъ давно уже, съ прыткостью не по лѣтамъ, соскочилъ съ козелъ, узналъ своихъ и уже разговаривалъ о чемъ-то важномъ съ унтеромъ Николаевымъ.

— Ребятушки, молодцы, разбирай ружья, живо! Пропусти начальство... Четвертое капральство... Селифанъ Петровъ, не слышишь, что-ли! Расчисти дорогу! — суетился унтеръ. — Эй, ямщикъ, трогай!! Ничего, не робѣй! Трогай впередъ! Проѣдешь!

Но разъ остановившіяся на скатѣ усталыя клячи замялись и не трогались съ мѣста, тяжелая кола даже обнаружила было намѣреніе ползти назадъ.

— Эй, подсоби, подхвати братцы, за колеса!—крикнулъ кто-то въ рядахъ бивуакирующихъ.

— Ну, дружно, ну, разомъ! Тише, дьяволы! ружья поломаешь! Трогай!

Съ посторонней помощью клячи чуть не вскачь выхватили на гору, гдѣ кола и остановилась поджидать своихъ оставшихся съ земляками пассажировъ.

Первымъ явился князь подъ руку съ Муслинымъ-Душкинымъ, за ними Хмуровъ, сопя и пыхтя отъ усталости, происшедшей не столько отъ крутого подъема пѣшкомъ на гору, сколько отъ дружнаго подкидыванія его особы кверху, чѣмъ солдаты выразили свое полное удовольствіе и оказали, такъ сказать, почетъ и вниманіе. Затѣмъ явился Миронычъ, но не полѣзъ на козла, а подошелъ къ дверцамъ и, приложивъ руку къ козырьку, доложилъ его сіятельству, не дозволятъ-ли ему, старому фельдфебелю, пройти эти послѣднія пять верстъ съ товарищами и представиться на генеральскій смотръ не въ качествѣ якобы служителя на козлахъ, а какъ и подобаетъ, въ строю, значитъ, со всѣми прочими...

Его сіятельство на эту просьбу изъявилъ свое полное согласіе, хотя это согласіе и послѣдовало уже послѣ того, какъ Хмуровъ сказалъ просителю: «Ладно, братъ, оставайся, это вѣрррно!»..

Разсѣлись по своимъ мѣстамъ, тронулись.

Вдругъ откуда-то, очень издалека, до слуха нашихъ путниковъ донесся глухой ударъ.

Этотъ звукъ вызвалъ у Ивана Аполлоновича совершенно рефлективное движеніе: онъ поспѣшно выхватилъ свои массивные золотые часы изъ кармана.

Этотъ знакомый звукъ былъ тотъ самый, что въ Петербургѣ возвѣщаетъ полдень,—звукъ, по которому вся пестрая, движущаяся по Невскому толпа моментально задерживается на ходу и провѣряетъ свои хронометры.

Это былъ пушечный выстрѣлъ, первый боевой звукъ, услышанный Иваномъ Аполлоновичемъ; отъ этого звука, конечно, мгновеніе спустя, когда часы князя заняли снова свое обычное мѣсто въ карманѣ, у него вся кровь прилила къ сердцу, онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и вопросительно смотрѣлъ на своихъ спутниковъ. А тѣ молчатъ и, казалось, никакого вниманія не обращаютъ на то, что донеслось до нихъ глухими перекатами «оттуда».

— Стрѣляютъ! — почти задыхаясь, проговорилъ Иванъ Аполлоновичъ.

— Пуцаютъ, точно! —зѣвнулъ Хмуровъ и повернулся на другой бокъ, да такъ, что даже рессоры издали крайне подозрительное поскрипываніе.

— Это у Хорватовича, — авторитетно кивнулъ головою Муслинъ-Душкинъ.

Кола уже поднялась на послѣднюю гору, и отсюда какъ на ладони виднѣлась долина Моравы и расположенная вокругъ нея боевая позиція сербовъ.

XL.

Долина Моравы.

Генерала въ Делиградѣ не было, онъ еще вчера вечеромъ уѣхалъ со своими адъютантами и ординарцами на позиціи Мезанинова, на дьюнишскихъ высотахъ, тамъ и ночевалъ, тамъ и теперь находится, какъ предполагали оставшіеся штабные; являться немедленно, значитъ, было не къ кому. Хмуровъ привезъ Ивана Аполлоновича прямо къ своему шалашу, гдѣ и пріютилъ его «на первое время».

Пеловко, даже жутко отчасти чувствовалось князю въ этой новой, совершенно непривычной ему обстановкѣ На него всѣ смотрѣли чуть не въ упоръ, о немъ говорили при немъ-же, даже почти не понижая голоса, и Иванъ Аполлоновичъ успѣлъ уже услышать нѣсколько не особенно пріятно щекотавшихъ его самолюбіе замѣчаній... Къ довершенію непріятности положенія, князь счелъ нужнымъ почему-то не отказываться отъ нѣсколькихъ приглашеній выпить, когда ему этого вовсе не хотѣлось. У него разболѣлась голова и слабый желудокъ пришелъ въ безпорядокъ, что тоже не мало вліяло на расположеніе духа.

Неаккуратно такъ въ шалашѣ, виномъ воняетъ, чаднымъ самоваромъ, гамъ, возгласы, хохотъ, безцеремонное толканіе проходящихъ и опять эти ужасные смазные сапожищи... Хмуровъ царитъ, дышитъ, дышитъ жизнью и весельемъ въ центрѣ этого хаоса, его голосъ покрываетъ все собою. Покосился онъ раза два въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Иванъ Аполлоновичъ.

— А вы, папенька, прогулялись-бы немножко, вотъ я Сумочкина пошлю проводить васъ и показать кое-что,—замѣтилъ онъ князю, понявъ, что тому уже мочи нѣтъ сидѣть здѣсь долѣе.

— Не привыкъ еще, — съ соболѣзнованіемъ въ голосѣ кивнулъ головою сосѣду воинствующій негоціантъ.—Эй, Миша, Сумочкинъ! Покажи папашѣ боевыя позиціи, какъ у насъ здѣсь и что. Ты вѣдь штабный прохвостъ, всякую это ему диспозицію, дислокацію, субординацію, экзальтацію, конституцію, проституцію — все покажи, какъ вы тамъ съ Комаровымъ пишете. Прогуляйтесь, папаша!.. Онъ вамъ покажетъ, онъ у насъ ученый.

Тѣ, которые были въ шалашѣ, захохотали въ отвѣтъ на тираду Хмурова, захохоталъ и Миша Сумочкинъ, добавивъ:— я съ удовольствіемъ!

— Если, князь, васъ не стѣсняетъ мое общество, я тоже предложилъ-бы вамъ мои услуги въ качествѣ чичероне, — приподнялся Муслинъ-Душкинъ.—Знаете, отсюда, съ горы, очень близко отсюда, можно видѣть мѣсто, гдѣ былъ турецкій мостъ на Моравѣ, знаете...

— Да, какже, читалъ и слышалъ,—поспѣшилъ замѣтить Иванъ Аполлоновичъ.—У насъ въ Петербургѣ...

— Ну, господа, гуляйте!—порѣшилъ Хмуровъ.—А я велю

вамъ свѣжаго сѣна накрасть для логова, а то въ здѣшнемъ столько блохъ развелось, страсть! Съ непривычки не уснуть.

— Да ужъ насчетъ этихъ скакуновъ у насъ достаточно, что твоихъ штабныхъ развелось... вздохнулъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ темномъ уголкѣ.

Князь и оба его чичероне вышли изъ душной атмосферы боевого хмуровскаго обиталища. Свѣжій, прохладный воздухъ такъ и обдалъ ихъ съ ногъ до головы. А ночь была чудная, ясная, лунная, слегка даже морозная.

— Сюда, князь!—меланхолически пригласилъ его Муслинъ-Душкинъ,—вотъ въ эту сторону...

— Нѣтъ, позвольте,—перебилъ Сумочкинъ,—мы начнемъ съ точки А, на операціонной базѣ... Позвольте, я сейчасъ ориентируюсь... Это должно быть...

Но пока Миша Сумочкинъ, поднявъ кверху свой курносый профиль, разыскивалъ эту точку А между группами возовъ съ мирно почивающими около буйволами, коновязями комордіевъ, одиночными фигурками солдатъ, отбѣжавшихъ на минутку въ сторону отъ своихъ бивуаковъ, Муслинъ-Душкинъ нѣжно, но энергично взялъ князя подъ руку и, овладѣвъ имъ такимъ образомъ, повлекъ въ гору, гдѣ на вершинѣ виднѣлась темная линія земляной насыпи и два силуэта грозно глядящихъ черезъ банкъ орудій.

— А вы думаете, лучше начать съ точки С?—язвительно улыбнулся штабный Миша и, бросивъ свои розыски за точкой А, послѣдовалъ за ними.

Пришли на гору. Тутъ былъ редутъ, доминирующій надъ всею мѣстностью центральнаго лагеря. Дремавшій сербъ-часовой встрепенулся при звукѣ офицерскихъ сабель и выкинулъ какой-то артикулъ ружьемъ. Всѣ трое отвѣтили приложеніемъ пальцевъ къ околышамъ шапокъ и прошли къ укрѣпленіямъ. Съ помощью спутниковъ Иванъ Аполлоновичъ взобрался на брустверъ, Муслинъ-Душкинъ разостлалъ свою шинель; князь сказалъ по этому поводу:—«Ахъ, что вы безпокоитесь»!

Сѣли. Полная луна высоко поднялась надъ долиною Моравы. Словно серебряная лента, рѣка, причудливо извиваясь, прорѣзывала вдоль эту долину. Отсюда, съ горы, берега шли отлогимъ скатомъ: сѣроватая полоса шоссейной дороги въ Алексинацъ раздѣляла собою бивуачное расположеніе обозовъ

и войскъ. Несмотря на позднее время, по этой дорогѣ непрерывно тянулись обозы и шли медленнымъ, лѣнивымъ шагомъ сверкающія штыками колонны пѣхотинцевъ... Прямо видна была высокая крыша домика бывшаго училища, теперь главной квартиры; тамъ, за оградою, горятъ яркіе костры, слышенъ хоръ пѣсенниковъ, окна горятъ огнями, въ окнахъ движутся тѣни, звенитъ посуда; это ужинаетъ штабъ, то-есть та его половина, которая, обыкновенно, подъ разными благовидными предлогами уклоняется отъ сопровожденія генерала въ его боевыхъ рекогносцировкахъ и разъѣздахъ. Тамъ кто-то, должно быть, рѣчь произноситъ, потому что періодически сюда доносятся взрывы громогласнаго ура... Дальше коническіе, островерхіе шалаши-землянки, безконечно длинные навѣсы коновязей, опять ряды шалашей поменьше и ряды ружейныхъ козелъ; тамъ тихо, тамъ рѣчей не произносятъ и ура не кричатъ... Небольшой промежутокъ — и опять шалаши, опять ружейные козлы, и такъ все дальше и дальше, съ перерывами и сплошь, безъ конца, безъ начала... Вправо еще группа домиковъ, а около все возы и возы; это—перевязочный пунктъ и аптека, нѣчто вродѣ гостиницы и маркитантскаго депо; здѣсь опять пѣсни и веселье, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жалобные стоны, озлобленная ругань... Какой-то обозъ вытянулся у подъѣзда большаго изъ этихъ домиковъ,—это раненыхъ кладутъ на повозки, для отправки дальше, во вторую линію... Везутъ этихъ раненыхъ прямо въ тріумфальную арку, что была построена для торжественнаго въѣзда «короля сербскаго» послѣ провозглашенія его въ королевскомъ званіи. Арка эта съ тѣхъ поръ пообтрепалась, зелень, ее украшавшая, засохла и виситъ хлопьями, флаги оборвались, вылиняли, а громкія надписи еще цѣлы, держатся, и четко такъ онѣ написаны по черному бѣлымъ, ночью даже читать можно. Неизвѣстно, прочитывали-ли ихъ тѣ, которыхъ теперь везли распластанными на тряскихъ телѣгахъ по этому тріумфаторскому пути...

Костры и костры кругомъ, куда ни взглянешь, костры здѣсь, костры за тѣмъ лѣсомъ, вонъ опять мигаютъ красныя точки за черными силуэтами дубовъ и сосенъ, и внизу, по долинѣ, тоже огни, огни и по ту сторону, только рѣже... Отсюда видна поросшая лѣсомъ сѣдловина креветская, мѣсто недавняго кроваваго побоища, чуть не поголовнаго истребленія

цѣлой бригады; правѣй этой сѣдловины высокая гора, тоже вся заросшая; тамъ тихо и, кажется, безлюдно, тамъ и огней даже нѣтъ. Это Дьюнишъ, межаниновская позиція, ключъ всему, единственное звено, соединяющее правый флангъ Хорватовича съ лѣвымъ и главными силами, самое днище пресловутаго мѣшка. А противъ этой позиціи, клиномъ упершись въ *днище*, цѣпь отдѣльныхъ горъ и на гребняхъ сплошныя линіи ярко пылающихъ костровъ; это позиціи турокъ...

Делиградъ отдѣленъ отъ этихъ позицій только Моравою и ея низкими берегами. Съ горы смотрѣть отсюда — рукою подать... У самой воды нѣтъ-нѣтъ да и ружейный выстрѣлъ слышится; это и день, и почь такъ. Рѣкою одинаково и сербы, и турки пользуются; ея берега — арена постоянныхъ единичныхъ схватокъ. Съ одной стороны, залегли или рыщутъ баши-бузуки и черкесы, съ другой — охотники изъ русскихъ добровольцевъ, — ну, и попугиваютъ другъ друга... Прежде здѣсь у самой воды сербы стояли, такъ тѣ спѣлись съ турками: пойдутъ сербы купаться или бѣлье мыть, турки имъ не мѣшаютъ, подальше держатся; настанетъ туркамъ очередь, сербы ихъ не безпокоятъ, перекрикиваются только съ берега на берегъ; ну, а теперь не такъ просто стало, теперь тоже купаться бѣгаютъ наши, только штуцеровъ не забываютъ: раздѣнется любитель купанья, лѣзетъ въ воду, а ружье въ рукахъ, и высматриваетъ онъ, не мелькнетъ-ли въ береговыхъ зарослях зазѣвавшаяся красная феска...

— Вонъ Бобовиште, видите ли-съ?—указываетъ Муслинъ-Душкинъ пальцемъ.—Вонъ чуть-чуть деревья чернѣютъ, тамъ обрывъ, а за обрывомъ видны... я ихъ не вижу теперь, а днемъ въ бинокль видны обгорѣлыя сваи *бывшаго* моста... это тамъ...

Чичероне особенно подчеркнулъ слово «бывшаго».

— И вовсе не тамъ,—пожалъ плечами Миша Сумочкинъ.—Это гораздо лѣвѣе...

— Можетъ быть, вамъ лучше знать. Но я думаю, что ежели я самъ лично...

— Да вѣдь это еще не доказано... Что такое «лично?» Кто видалъ? Никто, да и моста не было совсѣмъ никакого...

— То-есть что же вы хотите этимъ сказать?.. По вашему, значитъ, я лгу, я сдѣлалъ ложное донесеніе?

— Ну, вотъ... вовсе нѣтъ... Вотъ позвольте, князь, я вамъ разскажу, какъ собственно происходило дѣло...

— Ахъ, пѣтъ.. я знаю... Не надо... — засуетился Иванъ Аполлоновичъ, неловко чувствуя себя при этомъ спорѣ двухъ знающихъ, но только не одинаково знающихъ офицеровъ.

— Жаль, что вы не пріѣхали мѣсяцемъ раньше, князь,— рѣзко перемѣнилъ тему разговора Муслинъ-Душкинъ.—Какъ мы тогда раскатали Абдулъ-Керима на шуматовскомъ редутѣ!.. Славная была работа!..

— То-есть вы хотите сказать—двумя мѣсяцами раньше?..— поправилъ и тутъ Сумочкинъ.

Иванъ Аполлоновичъ пригрѣлся, лежа на шинели, да и усталъ за день дороги и сталъ дремать; онъ уже зѣвнулъ раза два, а тѣ двое все спорятъ, не унимаются... Вотъ уже Миша что-то новое разсказываетъ, начала-то самаго и не слышалъ тотъ, къ кому обращались съ повѣствованіями.

— А не пора ли вернуться?—предложилъ Муслинъ-Душкинъ, поднимаясь на ноги.—Я думаю, наши уже разошлись.

— Здѣсь такъ прекрасно, а впрочемъ...

Князь тоже поднялся на ноги и запахнулся плащемъ.

— ...Генералъ дастъ мнѣ это порученіе,—продолжаетъ Сумочкинъ.—Вы понимаете, какое порученіе?! Отъ этого зависѣла вся участь кампаніи... Что же, мы вѣдь сюда не на балъ ѣхали,—умирать, такъ умирать!.. Я ѣду... Лѣсъ кишитъ черкесами... Со мною только два конника, и оба трусы страшные... вдругъ...

Серебристый, мелкій такой, лихой, душу радующій звукъ родного русскаго колокольчика послышался за лѣсомъ... все ближе и ближе... Впереди по шоссе замелькали всадники и надъ ихъ головами развѣвающееся на длинномъ древкѣ знамя; за ними на свѣтлой полосѣ дороги ясно обрисовалась тройка, самая типичная русская тройка, какъ ее Гоголь описываетъ: «голова направо, голова налѣво, голова посрединѣ»; вокругъ тройки снова толпа джигитующихъ кавалеристовъ... Что-то кричатъ, щелкаютъ нагайками; дребезгъ сабельныхъ ноженъ сюда доносится, усталый храпъ коней, легкая тревога по всему бивуаку, но мѣрѣ проѣзда кортежа. У штабнаго домика закопошилась спящая группа, поспѣшно разобрала ружья, вдоль забора образовалось нѣчто похожее даже на фронтъ... Раздалась команда: «Слушай! на пле....чо!»...

— Генералъ вернулся!—почему то шепотомъ сообщилъ Су-

*

мочкинъ и ринулся бѣгомъ къ воротамъ дворика главной квартиры.

— Вамъ сегодня уже поздно являться,—сообщилъ Душкинъ тоже заволновавшемуся, растерянному Ивану Аполлоновичу;— генералъ, вѣроятно, сейчасъ запрется съ Комаровымъ и никого не приметъ... уже половина перваго. Пойдемъ спать!..

— Да, да, какъ хотите. Вы думаете, что сейчасъ неловко? Да, конечно, онъ занятъ... да, да.

— Пойдемте къ Хмурову, онъ все знаетъ, тамъ и мы все, что нужно, услышимъ.

— Го-го-го ство!..—донеслось со стороны караула. Потомъ легкая пауза, абсолютная тишина, потомъ чей-то рѣзкій голосъ: «ординарцевъ къ его превосходительству!» затѣмъ опять пауза.

— Тяжкое время... о, Бого-ми, тяжкое!—послышался глубокій вздохъ около, на днѣ рва, подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ бруствера, гдѣ сидѣли созерцатели и истолкователи боевыхъ позицій.

Тамъ вытянулась тощая, высокая фигура серба-милиціонера, не замѣчавшая вовсе близости начальства, занятая исключительно приведеніемъ въ порядокъ своего рваного костюма.

— Ты, свинья, не нашелъ другого мѣста!.. Животное!..— накинулся было на него Муслинъ-Душкинъ.

— Ахъ, оставьте его,—вступился князь Иванъ Аполлоновичъ и вынулъ изъ кармана платокъ, надушенный кисмиквикомъ.

Оба, черезъ нѣсколько минутъ, вернулись уже къ шалашу Хмурова, изъ котораго генеральскій пріѣздъ тоже разогналъ большинство посѣтителей.

XLI.

Зловѣщіе признаки.

Какое скверное, тяжелое время наступило! Веселаго лица не встрѣтишь; всюду физіономіи недовольныя, то сердитыя, нервно-раздраженныя, то лѣниво-апатичныя, то отупѣло-пьяныя; ни пѣсенъ, ни музыки нигдѣ не слышно.

Лихорадка опустошаетъ ряды сербскихъ войскъ... Рѣдѣютъ отъ боевыхъ потерь и безъ того немногочисленные ряды дружинъ русскихъ добровольцевъ. Межъ тѣми и другими словно черная кошка пробѣжала, часу не проходитъ безъ ссоры. И

тѣмъ, и другимъ тяжело, и тѣ, и другіе сваливаютъ вину другъ на друга.

Сербы—трусы, они бѣгутъ и оставляютъ на полѣ одинокихъ русскихъ, тѣ гибнутъ напрасно и безъ пользы — «примѣръ плохо дѣйствуетъ». Сербы недовольны своими добровольными товарищами: офицеры русскіе, молъ, слишкомъ строги, многаго требуютъ. Не спѣлись, значитъ, надо ихъ подѣлить. Собрали всѣхъ русскихъ, сформировали отдѣльные роты и батальоны,— это оплотъ и единственная прочная сила тимокско-моравскаго войска. Этотъ оплотъ уже два раза смѣнился своимъ составомъ... Вотъ уже мѣсяцъ, какъ наши не выходятъ изъ линіи огня. Они голодаютъ на своихъ позиціяхъ; больные, въ лихорадочномъ жару и бреду, они идутъ на турецкія позиціи, берутъ и гибнутъ на нихъ... Старая, избитая пѣсня: «сербы, молъ, не поддержали»... Это идетъ какое-то эпидемическое, повальное самоистребленіе.

Меньшинство убѣждено уже въ полномъ проигрышѣ дѣла, но зато это меньшинство проникнуто рѣшимостью умереть, но не попятиться; большинство тоже давно уже потеряло вѣру въ успѣхъ и держится только, подчиняясь чуть-чуть еще тлѣющимъ остаткамъ духа дисциплины. Это большинство, можетъ быть, и еще продержится; но въ его рядахъ можетъ съ электрическою быстротою развиться полная паника и сигналомъ начала этой паники можетъ послужить одинъ неосторожный крикъ, одно необдуманное слово.

И въ штабѣ неурядица: частыя смѣны и отмѣны приказаній, таинственное перешептываніе посвященныхъ, безпокойное снованіе непосвященныхъ съ мѣста на мѣсто... Ободрительно-побѣдные бюллетени въ Бѣлградъ, подозрительность, развившаяся до болѣзненнаго состоянія, болязнь шпіонства, ежедневная ловля шпіоновъ, и мнимыхъ, и дѣйствительныхъ. Строгія, суровыя мѣры рядомъ съ полною распущенностью и послабленіемъ.

Недобрые патологическіе признаки недоброй болѣзни человѣчества, именуемой «войною!»

И погода стоитъ какъ разъ въ тонъ общему состоянію духа. День и ночь дожди и дожди... Тяжело нависли сѣрыя тучи надъ станомъ и нашихъ, и турокъ, разбухли дороги отъ невылазной грязи, промокли и не просыхаютъ, вотъ уже мѣсяцъ скоро, рваныя солдатскія шинели... Въ грязи просыпаются люди послѣ

тревожнаго сна, въ грязи сидятъ на позиціяхъ, въ грязи умираютъ... И холодно, и голодно.

Сплошнымъ туманомъ дождя заволокло турецкія горы; что тамъ дѣлается, не видно, чуется только недоброе. Кровавымъ заревомъ мерцаютъ тамъ пятна ночныхъ костровъ, глухіе отзвуки выстрѣловъ слышатся, не видно за туманомъ дыма пушекъ, а только такъ, словно сами по себѣ, сверлятъ воздухъ, воютъ и несутъ сюда смерть пушечные снаряды.

А вѣсти приходятъ одна другой безотраднѣе. Вчера вошъ еще свѣжаго подкрѣпленія подошло къ тѣмъ двадцать тысячъ, сегодня пушекъ большихъ ждутъ какихъ-то. Говорятъ, турки атаковывать скоро будутъ, «изъ мѣшка-то прорываться». Только худо! Хорошо, если назадъ, во-свояси, а какъ впередъ? Удержатъ ли?! А вѣдь это послѣдній оплотъ Сербіи, вѣдь за спиною этого оплота открытая дорога къ самому Бѣлграду. Тамъ мѣстами хоть и настроили по горкамъ разныхъ хитрыхъ редутовъ, да кто ихъ защищать будетъ? Не тѣ ли, что бѣгутъ отсюда?

Открытая дорога! Да вѣдь по этой дорогѣ сотни тысячъ женъ и дѣтей, тамъ сплошь все мирныя, деревенскія кучи, тамъ поля, виноградники, тамъ храмы Божіи. Не устоятъ, пропустятъ — вѣдь сплошной пожаръ все это доброе и мирное охватитъ, вѣдь рѣки крови, совсѣмъ ужъ неповинной, не зальютъ этого пожара.

И всѣ понимаютъ это, отлично понимаютъ, только высказать боятся; и томитъ всѣхъ эта тяжелая мысль, смертельное предчувствіе могилы.

— Если насъ отсюда турнутъ,—говоритъ вполголоса одинъ изъ штабныхъ юнцевъ,—я брошу все и уѣду. Чортъ съ ними, право!.. Надоѣло!..

Душа изныла по „Боре-е-е-е-лю!“

— Какъ-бы только намъ перехватить пока дукатовъ по триста, забла-го-вре-менно,—резонно замѣчаетъ другой.

Тамъ, въ первыхъ рядахъ, гдѣ нашихъ отъ турокъ отдѣляетъ только узкая полоса, и день, и ночь обстрѣливаемая пулями,— тамъ разговоровъ такихъ не услышишь; сюда-же, въ штабъ, пока турецкія пули не долетаютъ, даже ни одного дальнеполетнаго ядра пушечнаго не пожаловало. Тамъ не у всякаго и мѣдныя деньги найдутся въ карманѣ, здѣсь повенькое золото позванивастъ.

Тамъ на отрепанныхъ бортахъ полусгнившихъ шинелей чуть замѣтно пестрѣютъ только старыя, за давно-минувшіе подвиги полученныя георгіевскія ленточки; здѣсь на всякомъ-то лацканѣ, на всякой шеѣ ярко сверкаютъ новенькіе, только-что вышедшіе изъ рукъ ювелировъ кресты «Такова» и серебряныя медали «за храбрость».

Пѣсня старая, обычная!

Вѣдь сложилась-же еще издавна такая по сему поводу математическая формула: «Количество получаемыхъ боевыхъ наградъ обратно пропорціонально квадратамъ разстояній награждаемыхъ отъ полей сраженій».

Тамъ девизомъ дня служитъ: «стоять и умереть»; здѣсь: «урвать и удрать».

Но удрать тоже надо съ толкомъ: во-первыхъ, и невинность соблюсти, и славу пріобрѣсти, а во-вторыхъ, «заблаговременно», то-есть пока не нагнали черкесы или тамъ зейбеки какіе-то и не учинили съ ними какой-либо неблагопристойности, могущей помѣшать когда-либо похваляться своими подвигами въ теплыхъ, свѣтлыхъ, комфортабельныхъ салонахъ и ресторанахъ.

И тяготитъ эта забота, страсть какъ тяготитъ до сихъ поръ безшабашныя, вѣчно самонадѣянно-веселыя, гладко чесанныя, слегка даже надушенныя штабныя головы.

— Вы куда это, князь?

— А я,—отвѣчаетъ тотъ съ важнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, садясь на лошадь,—тутъ не далеко, генералъ приказалъ мнѣ въ Чупрію поѣхать, распорядиться тамъ и осмотрѣть вторую линію, приготовиться, такъ-сказать, на всякій случай къ оборонѣ.

— Такъ. А оттуда, чай, въ Бѣлградъ прокатите, въ «Сербскую кроиу», а то и?..

— О, пѣтъ, я дня на два, на три развѣ... Только боюсь, какъ-бы здѣсь *не прозьвать дьла*; послѣ обидно будетъ... Да я, во всякомъ случаѣ, *успѣю* еще вернуться. Тутъ *у насъ* получены свѣдѣнія, что *еще не скоро*... Я вернусь.

«Ладно, братъ,—думаютъ провожающіе;—вернешься, какъ же! Тебя теперь и на арканѣ сюда не притянешь... Ликуешь, что удирашь за-бла-го-вре-мен-но, да еще подъ благо-видным предлогомъ.

И завидуютъ ему, шибко завидуютъ, и даже не скрываютъ уже своей зависти... Вкупѣ и порознь измышляютъ и для себя такіе-же благовидные предлоги. Изобрѣтательность развилась въ этомъ направленіи.

У одного старыя контузіи Богъ вѣсть отчего разболѣлись, да такъ, что ни ходить, ни ѣздить не можетъ, бѣдняга!. И откуда только у него получились эти контузіи? Говоритъ, что будто-бы еще съ польской кампаніи.

Завидовали даже раненымъ, особенно если не очень тяжело и безъ увѣчья; и сами-бы не прочь попасть въ число такихъ-же раненыхъ, да рискованно! А ну, какъ вмѣсто того, чтобы невинно въ мякоть, да съ раздробленіемъ кости, — тоже не вкусно!.. Тификъ-бы развѣ захватить гдѣ легонькій?

Хмуровъ невеселъ, пить пересталъ. Только и бормочетъ себѣ подъ носъ: «Ахъ, подлецы, подлецы!» Оскудѣлъ матеріалъ для его ночныхъ экспедицій.

— Мы,—говоритъ,—съ Михаиломъ Григорьевичемъ свое дѣло сдѣлали и будетъ съ того дѣла прокъ.

Самъ генералъ тоже невеселъ, безнадежно рукою махнулъ на штабную челядь. Лично съ утра и до ночи на передовыхъ позиціяхъ, и почуетъ тамъ даже зачастую. И все въ центрѣ, въ самомъ *днищѣ мышка*. Тамъ собраны послѣдніе остатки сѣряковъ-дружинниковъ. Отдыхаетъ генералъ сердцемъ, глядя на простыя, серьезныя, честныя такія лица чернорабочихъ боевого дѣла, и болитъ, шибко болитъ за нихъ это отдыхающее сердце.

Эти дружины были теперь единымъ живымъ пульсомъ громаднаго, но уже разлагающагося тѣла тимокско-моравскаго войска.

Подозрительныя личности тамъ и сямъ стали появляться въ районѣ лагернаго расположенія. Ристичъ телеграмму прислалъ, увѣдомляетъ о какомъ-то важномъ шпіонѣ, якобы уже пробравшемся въ лагерь. Разносятся слухи о какой-то адской машинѣ, изобрѣтенной англичанами по константинопольскому заказу. Вотъ, думаютъ, здѣсь, въ одинъ прекрасный мигъ: «трахъ»! и полетѣли всѣ кувыркомъ на воздухъ.

Вчера повѣсили на всякій случай грека-маркитанта, сегодня попа переодѣтаго собираются вѣшать.

Некрасива, страшна даже образина у этого попа; бѣшенымъ волкомъ озирается; на допросѣ мычитъ и слова человѣческаго

отъ него не добьешься. Да и что тутъ допрашивать: улики на лицо, съ поличнымъ и пойманъ; самъ говоритъ, что читать и писать «не разуме», а подъ рубашкою у него и въ опанкахъ клочки бумаги нашлись, мелко исписанные и исчерченные карандашемъ, и на этихъ клочкахъ всѣ подробности боевого расположенія обозначены, да такъ точно, такъ вѣрно, что и въ самомъ штабѣ не сдѣлали-бы лучше.

Повели вѣшать.

Повалила толпа за печальной процессіей, изъ солдатъ только кто по наряду, а господъ довольно-таки собралось по доброй волѣ... Все-таки какое ни на есть развлеченіе!

Подъ горою, спустившись къ самой Савѣ, у понтоннаго моста растетъ дуплистая ива, старая, листья всѣ облетѣли, воронье гнѣздо черпымъ косматымъ пятномъ издалека на ней видпѣется,—сюда и привели. Только-что *совершили*, какъ слѣдуетъ, все по положенію, бѣда случилась: и полминуты шпіонъ не провисѣлъ на деревѣ, лопнула веревка, полетѣлъ попъ на землю. Шлепнулся въ грязь какъ куль, приподнялся, сидитъ и руками петлю съ шеи оттягиваетъ.

Съ румынскимъ князькомъ однимъ, Гикою, дурно даже сдѣлалось отъ такого неожиданнаго пассажа, только и успѣлъ промолвить: «экая вѣдь скотина!» и упалъ въ обморокъ.

— Не къ добру! — глухо гудитъ въ рядахъ суевѣрныхъ сербовъ. Это «не къ добру», часу не прошло, облетѣло по всему бивуаку, съ праваго фланга на лѣвый...

Фраза Хорватовича: «Теперь только Богъ да русскій царь могутъ спасти Сербію» тоже изъ устъ въ уста передается, дошла и до Бѣлграда. Не вяжется эта зловѣщая фраза съ оффиціальными побѣдными бюллетенями, разгоняетъ въ столицѣ ликующее настроеніе.

Князь Миланъ, слышно, самъ къ войску собирается. Давно пора-бы!..

XLII.

„Изъ цѣпи".

Ночь съ восьмого на девятое октября выдалась нехорошая, особенно темная, зги не видно, земли отъ неба не отличишь, какъ ни приглядывайся. Черныя, тяжелыя тучи весь день ви-

сѣли въ воздухѣ, къ почи еще сгустились, низко стелятся: даже вершины сосѣднихъ холмовъ затянули и окутали молчаливый Дьюпишъ. Дождь такъ и лилъ, не переставая,—ни огня развести, ни шагу ступить толкомъ.

Только миновала полночь, гдѣ-то далеко-далеко хватило орудіе, за нимъ, погодя немного, второе, тамъ третье. Тамъ чаще и чаще... Чуть видно, какъ на турецкихъ горахъ вспыхиваютъ красныя пятна пушечныхъ выстрѣловъ, канонада у нихъ все сильнѣе и сильнѣе разгорается. Отдѣльныхъ выстрѣловъ уже не слышно, а ревъ сплошной и гулъ отзвука. А въ воздухѣ адъ цѣлый: визжатъ, стонутъ, фыркаютъ летящіе надъ головами невидимые снаряды. Съ трескомъ лопается гдѣ-то высоко шрапнель, съ какимъ-то всхлипывающимъ свистомъ разносится картечь и осколки, колетъ на-двое деревья, ломаетъ сучья, и все это надъ южнымъ скатомъ Дьюпиша, да надъ креветскою сѣдловиною разразилось. Тамъ двѣ бригады стояли; послали убрать ихъ оттуда, но кого послали—Аллахъ вѣдаетъ, исполнилъ-ли посланный порученіе, никто не знаетъ... Сами сербы догадались и отодвинулись назадъ за гору, очистивъ передовые ложементы.

А передъ этими передовыми ложементами были еще самые передовые. Далеко они выдвинулись, наполовину ружейнаго выстрѣла всего отъ турецкой цѣпи. Тамъ вырыли себѣ ровики и засѣли наши, всего одна рота, и сидятъ, и не знаютъ, что они только одни и оберегаютъ отъ всей арміи турецкой опасное мѣсто.

Никто не спалъ на позиціяхъ въ эту адскую ночь съ восьмого на девятое... Генералъ опять уѣхалъ впередъ, приказалъ и всѣмъ ординарцамъ, всему штабу съ собою ѣхать, да темно, посбивалось большинство съ дороги, трудно, почти невозможно оріентироваться въ такомъ непроницаемомъ мракѣ. Самому генералу и очень немногимъ посчастливилось, они какъразъ прибыли куда слѣдуетъ, а прочіе, нечаянно, чуть не за Рожанъ, верстъ за восемь назадъ, попали.

Сербскія батареи стали было отвѣчать на турецкій вызовъ, да замолчали, берегли снаряды, а турки—тѣ всю ночь упражнялись... Всѣ увѣрены были, что съ разсвѣтомъ начнетъ Абдулъ-Керимъ общее наступленіе, вотъ и подготовляетъ пушками себѣ дорогу. Ждутъ наши...

Къ утру пересталъ ливень, вѣтеръ поднялся, холодный, рѣзкій, льдистый такой. Живо корою покрылись всѣ размокшія тропинки, коломъ стали шинели, зубъ на зубъ у людей не попадаетъ, руки закоченѣли. Вѣтеръ отсюда, прямо въ лицо туркамъ. Стало проясняться; видно, какъ на ихъ лысыхъ горахъ рветъ и волочитъ по глинѣ вихремъ коническія палатки, разметываетъ крыши шалашей... Выслали охотниковъ поразвѣдать. Пробрались тѣ, унтеръ Николаевъ съ семнадцатью товарищами, кусточками да рытвинками къ самымъ почти ложементамъ турецкимъ, видѣли тѣла своихъ, что еще съ прошлаго боя остались неубранными, захватили даже низама одного зазѣвавшагося, своихъ троихъ потеряли и назадъ благополучно вернулись. Нѣтъ, говорятъ, никакого признака, чтобы турки атаку начали. И вѣрно вышло ихъ показаніе.

Дня два возились на позиціяхъ, пока привели въ порядокъ да убрали всѣ слѣды этой скверной ночи съ дождемъ, холоднымъ ураганомъ и турецкою канонадою.

Разсказы пошли сейчасъ, все для слуха очень пріятные: то говорили, что въ ту ночь, гдѣ-то на правомъ флангѣ, Маша Врбица съ своими черногорцами цѣлый батальонъ низама вырѣзалъ и обезносилъ; то будто наши охотники пушку турецкую съ кручи спустили. Одинъ изъ штабныхъ, конечно, клялся и божился, какъ онъ ѣздилъ провѣрить посты и на него наскочили три черкеса верхомъ, но онъ ихъ всѣхъ троихъ уложилъ изъ револьвера. Мѣсто даже послѣ показывалъ, гдѣ тѣла ихъ должны-бы валяться теперь, да, вѣрно, товарищи унесли.

Пришло приказаніе привести передовые лазареты и перевязочные пункты въ возможность двинуться съ мѣста по первому-же приказанію.

— Хмуровъ, голубчикъ, не слыхали чего?.. — прибѣжалъ за справкою офицерикъ изъ скромныхъ, строевыхъ, прибѣжалъ откуда-то съ позиціи поѣсть чего-нибудь наскоро и товарищамъ отнести. Вторыя сутки вѣдь ничего не ѣли.

Вошелъ онъ въ шатеръ Хмурова, одна нога, пожалуй-что, и въ сапогѣ, а другая войлочкомъ обернута, шинелишка вся въ грязи, лицо и не отличишь отъ грязи, дрожитъ отъ озноба; увидалъ коробку сардинокъ—глаза заискрились.

— А вы это какъ, па-а-звольте васъ спросить, изъ цѣпи-то безъ спросу?..—остановилъ было его стройный, щеголеватый

адъютантъ съ двумя нашивками на шапочкѣ.—Па-а-атрудитесь явиться въ орд...

— Эхъ, не дури, баронъ!—остановилъ его Хмуровъ,—ну, что ты это на него набросился? Видишь, взалкалъ еси человѣкъ.

— Я поѣсть немного. Товарищи тоже просили, я сейчасъ... ваше...—сконфузился офицерикъ.

Снабдилъ его Хмуровъ провіантомъ, далъ коньяку бутылку на передовую братію.

— Да погоди, говоритъ, голубчикъ, я тебѣ лошадь велю осѣдлать. Неужели-же опять пѣшкомъ одиннадцать верстъ пролупишь?

— Вотъ, спасибо. Вотъ, родной! Ахъ, Боже мой! Товарищи ждутъ, оно, конечно, верхомъ скорѣе. Нѣтъ-ли хинки порошка четыре? Морозова, капитана, у насъ шестой день лихорадка треплетъ, а въ больницу не хочетъ, каждую ночь изъ цѣпи не выходитъ.

— Дамъ и хины... У меня все запасено. Я вѣдь здѣсь за неоффиціальнаго интенданта состою.

— Говорятъ, будто приказано санитарамъ, какъ что, такъ чтобы сейчасъ...

— Да-съ, мобилизируютъ,—кивнулъ утвердительно баронъ, подмигивая товарищамъ, какъ голодный офицеръ таскалъ изъ жестянки сардинки въ ротъ одну за другою, глотая чуть не цѣликомъ.

— Неужели отступаютъ, да? Господа, не знаетъ-ли кто здѣсь въ штабѣ? Господа, неужели-же отступаютъ?!..

— Движенье предстоитъ и даже очень скоро,—авторитетно замѣтилъ другой изъ штабныхъ.

— Назадъ?

Въ голосѣ спрашивающаго прозвучала тоскливая, полная отчаянья и грусти нота.

— Нѣтъ, впередъ,—озлобленно чуть не заоралъ во все горло Хмуровъ.—Впередъ! Въ самый Константинополь!

И въ уголкахъ его заплывшихъ отъ жира и перепоя глазъ засвѣтились не то капельки коньяку, не то, пожалуй, и что-то, похожее на слезы.

— Ахъ да, кстати: что Коробкинъ, корнетъ, съ вами еще? Я ему «Такова» еще выхлопоталъ, съ большимъ трудомъ, но однако выхлопоталъ,—заговорилъ тотъ, кого Хмуровъ назвалъ барономъ.—Корнетъ Ко-роб-ковъ?

— Его убили третьяго дня еще. Пошли это охотники турокъ выбить изъ кусточковъ, съ флангу; тѣ зашли и безпокоить начали. Выбить-то выбили турокъ, да и сами чуть не попались. Вотъ тутъ и убили Коробкова.

— Жаль!..

— Дуплову обѣ ноги оторвало, маіору... этого еще на прошлой недѣлѣ свезли на пунктъ, не знаю, живъ-ли.

— Да вы и сами-то никакъ прихрамываете?—полюбопытствовалъ кто-то еще изъ штабныхъ.

— Пустяки, колѣно немного ссадило осколочкомъ. Больно-то больно, а ничего. Хмуровъ, отецъ родной, что-же лошадку-то обѣщанную? Тамъ товарищи дожидаются.

Хмуровъ выглянулъ изъ шатра, кивнулъ кому-то шапочкою и крикнулъ:—«Бонжуръ, принцъ!»

— Да вотъ, говоритъ, уже и лошадка готова... Садись и съ Богомъ! Я съ тобою конника пошлю лошадь назадъ привести, а то, неровенъ часъ, еще убьютъ ее у васъ на позиціяхъ...

Уѣхалъ офицеръ.

Ловкіе щеголи-кавалеристы, все штабники, посмѣивались ему вслѣдъ, глядя на его неумѣлую посадку въ сѣдлѣ.

— Regardez donc! Какъ онъ локтями работаетъ,—замѣтилъ одинъ, звякнувъ шпорами. — Въ манежѣ-бы ихъ прогонять года два, а они воевать!.. Чудаки!

— Сколько, однако, этого хламу наслалъ намъ комитетъ,—замѣтилъ другой,—удивительно!

— Да, таки-многонько,—согласился съ послѣднимъ замѣчаніемъ и Хмуровъ и безцеремонно окинулъ взглядомъ все собраніе, словно опредѣляя приблизительно численность этого «многонько»...

XLIII.

Шестнадцатое октября.

Весь южный скатъ возвышенности Дьюнишъ и широкая сѣдловина, отдѣляющая этотъ скатъ отъ подъемовъ на сосѣдніе холмы, изрытые турецкими ложементами, увѣнчанные контурами редутовъ, густо, безпорядочно поросли лѣсомъ, все дубы и буки... Невидимо для турокъ за этою гущею раститель-

ности ни бивуачное расположеніе сербскихъ бригадъ, ни ихъ батареи уступами, ни узкія тропинки путей сообщенія... Слышенъ туркамъ въ этомъ лѣсу только гулъ какой-то характерный, особенный, и голоса человѣческіе, ржаніе коней и стукъ топора, трескъ разгорающагося сухолому, скрипъ осей телѣжныхъ, каркапье встревоженныхъ воронъ... Кипучею жизнью кишатъ эти пожелтѣлые, разукрашенные осеннимъ золотомъ лѣсистые склоны; то примолкнутъ на время, затаятся, то снова заговорятъ, снова стихнутъ. Отдѣльный, тяжелый ударъ орудійнаго выстрѣла нарушитъ разомъ это молчаніе, думаешь, тамъ хватило, а совсѣмъ въ другой сторонѣ. Сквозь путаницу дубовыхъ кронъ клубами выбивается бѣлое облако порохового дыма.

Ждутъ турки такого облака, на него разомъ чуть не со всѣхъ батарей отвѣчаютъ: въ воздухѣ слышенъ визгливый ревъ летящихъ снарядовъ; рветъ ихъ и надъ деревьями, рветъ ихъ невидимо въ самой чащѣ лѣса, и долго еще послѣ такого залпа слышится глухой трескъ по лѣсу, перекатами эхо разносится во всѣ стороны.

Съ каждымъ днемъ все растутъ и растутъ въ сербскихъ рядахъ безполезныя потери. Замѣтили это, замолчалъ Дьюнишъ, замолчали и турки. Велѣно было не задирать враговъ, беречь огонь для болѣе важнаго случая, неравно атаку поведутъ.

Надолго замолкъ Дьюнишъ; только у подножья его, въ самой котловинѣ, и день и ночь трещитъ ружейная перестрѣлка; тамъ забавляются передовыя цѣпи, тамъ ужъ глазъ-на-глазъ сторожатъ другъ друга, съ одной стороны, красныя фески низама, съ другой—шапочки русскихъ добровольцевъ. Турокъ спущено въ цѣпи батальоновъ пять, если не больше, у нихъ сплошь чернѣютъ свѣжія насыпи ровиковъ; у насъ человѣкъ четыреста всего, и тѣ разбились по кучкамъ; у турокъ что ни день, то смѣна, наши вотъ ужъ третью недѣлю лежатъ все тѣ-же и смѣнить ихъ некому. Не сербовъ-же послать въ такое опасное мѣсто!.. Къ туркамъ самъ Эюбъ-паша частенько навѣдывается и все высматриваетъ что-то на Дьюнишѣ; къ нашимъ наѣзжаетъ Межаниновъ, начальникъ позиціи, и генералъ тоже. Я не знаю, съ какимъ чувствомъ уѣзжалъ съ передовыхъ постовъ, послѣ своихъ посѣщеній, турецкій начальникъ штаба; наши уѣзжали отсюда безъ особо-утѣшительныхъ чувствъ и ихъ всегдашнее: «Ну, ребята, постойте-же здѣсь, какъ слѣдуетъ,

покажите сербамъ, какъ надо...»—звучало не весело, такъ-же не весело, какъ и глухой отвѣтъ изъ ложементовъ: «Постараемся, ваше п—ство-о-о!..»

Понимали люди, что дѣло-то «не того», трудненько выходитъ, на свои плечи все взять придется. Подорвалась вѣра въ резервы, не ждутъ должной поддержки отъ сербовъ-милиціонеровъ. Лучшее-то стоячее войско—у Хорватовича, на правомъ флангѣ, далеко, а здѣсь все «второклассники»...

А ну, какъ дрогнутъ *раньше времени!*..

Наступило утро шестнадцатаго октября, роковой день для тимокско-моравскаго войска.

Сырой разсвѣтный туманъ неподвижною стѣною стоялъ въ воздухѣ; покрыло этимъ тумапомъ всѣ горы «турецкія». Тихо тамъ, ни голоса, ни выстрѣла не слышно, замерли, словно опустѣли ложементы, даже часовые всѣ куда-то попрятались.

Пробрались наши охотники въ одиночку туда,—что за диковина?! Пусты передніе ровики турецкихъ стрѣлковъ. Подвинулись наши аванпосты впередъ, опять выслали на развѣдку, опять тоже самое.

Подумали было, ужъ не отступать-ли вздумали турки, что потихоньку посты снимаютъ; дали знать Межанинову, тотъ поморщился, велѣлъ резервамъ придвинуться поближе...

На батареяхъ уши насторожили. Злятся всѣ на туманъ, ждутъ, не разсѣется-ли.

Вотъ уже часъ скоро, какъ всѣ находятся въ такомъ томительномъ выжиданіи.

Получили записку на аванпостахъ. Долженъ былъ эту записку привезти лично ординарецъ, а попала она сюда чуть-ли не черезъ десятыя руки; сказано въ пей: «генералъ приказалъ»..., а что дальше—разобрать невозможно, размазано, размочено и подписи нѣтъ...

Повертѣлъ бумажку въ рукахъ поручикъ Распутовъ, передалъ сосѣду, тотъ тоже поглядѣлъ, перевернулъ, дальше передалъ...

— Ну, братцы, смотри! Приказалъ генералъ зубами держаться, а назадъ—ни-ни, потому тутъ самый предѣлъ!—ухитрился какъ-то докопаться смысла какой-то солдатикъ ингермапландскаго полка.

— Миколаевъ-унтеръ видѣлъ тоже эту записку, говоритъ: «вѣрно!»

А туманъ такъ и лѣзетъ со всѣхъ сторонъ своими сырыми стѣнами; маячитъ въ немъ что-то внизу, словно изгородь черная; растетъ эта изгородь, все ближе и ближе движется.

Согнувшись, словно котъ у мышиной щели, обѣжалъ ближайшія кучки Распутовъ и скомандовалъ:

— На мой голосъ всѣ сбирайся, не стрѣлять до команды... Боже сохрани!

Люди крестятся, сжались, къ землѣ совсѣмъ припали.

— Идутъ!—прошепталъ кто-то.—Идутъ, идутъ!—пронесся по рядамъ этотъ тревожный шепотъ.

Турки дѣйствительно шли. Въ этомъ туманѣ дѣйствительно двигались ихъ необозримыя, сплошныя колонны.

Они шли молча, безъ выстрѣла... Слышенъ былъ только мѣрный, тяжелый шагъ, шорохъ и трескъ кустовъ подъ безчисленными ногами.

— Ребята, близко! Бери мушки мельче. Пли!..

— Алаа-а-а-а!—застонали невидимые пока голоса, покрывая своимъ воемъ ружейные залпы.

— Въ кучу! Сбивайся всѣ въ кучу. Держись!..

— Алла-а-а!

— Смерть моя пришла... ба-атюшки... Въ ку-у-чу!.. Пли!..

— Держись!.. резервы подходятъ...

— Алла-а-а-а!—слышится тамъ, откуда ожидаютъ этихъ желанныхъ резервовъ.

Словно живая лавина, двигались впередъ и впередъ турецкія колонны, туманъ закраснѣлъ отъ ихъ фесокъ, обходятъ справа, обходятъ слѣва.

— Я убитъ!—шепчетъ поручикъ Распутовъ, не падая, а присѣдая какъ-то на землю,—въ грудь... вотъ сюда... Дитцъ... Сомовъ... кто тутъ?.. выводите людей... я уб...

И Сомовъ лежитъ уже ничкомъ и не отвѣчаетъ, и Дитцъ стынетъ уже, проколотый разомъ двумя штыками... Крохотная фигурка Миколаева-унтера мелькаетъ въ кустахъ, съ нимъ десятка два нашихъ, плечо къ плечу, прокладываютъ себѣ дорогу... Рядомъ слышенъ револьверный выстрѣлъ—это молоденькій офицерикъ самъ себѣ въ високъ пустилъ пулю. Слава Богу, вовремя!..

«Алла, Алла, Алла!» — гудитъ ужъ на подъемахъ самаго Дьюниша, а тотъ молчитъ... Тамъ сербы уже снимаютъ орудія

съ позицій... Почему, кто приказалъ, никто не знаетъ, и до сихъ поръ не знаютъ.

Справа, далеко, у Хорватовича гремитъ канонада. Тамъ тоже бьются. Тамъ турки демонстрируютъ, а сюда ломятъ всѣми силами. И ждали ихъ, и неожиданно какъ-то вышло. Легко достаются туркамъ грозныя позиціи.

Чуть не со всею арміею Абдулъ-Керима бьется упорно, стойко горсть русскихъ добровольцевъ и гибнетъ.

Тяжелый день, тяжелый, безсмысленный кошмаръ. Въ результатѣ хаосъ, паника, пораженіе...

. . . . . .

— Вы ужъ останьтесь здѣсь, чего вамъ туда-то соваться,— сказалъ Гудько Ивану Аполлоновичу и ускакалъ, пахлестывая своего рыжаго турка.

Остался князь. Кругомъ все возы и возы, около суетятся сербы, впрягаютъ воловъ, кричатъ, путаются, мечутся, какъ ошалѣлые. Снимаютъ палатки, повалили большой шатеръ, подъ холстомъ шевелятся и стонутъ раненые.

— Да тише вы, черти!—неистово кричитъ докторъ.—Носилки всѣ сюда, санитары, сюда!..

— Попадетесь вы со всѣмъ лазаретомъ башп-бузукамъ въ руки,—словно подсмѣивается кто-то, сидя на землѣ, спиною къ дереву прислонившись. Нога у него только что отнята, а перевязка не докончена. Сидитъ онъ, блѣднѣетъ съ минуты на минуту и револьверъ въ рукахъ держитъ.

Бѣгутъ мимо вразсыпную сербы - милиціонеры, кричатъ: «на тракъ, на тракъ!.. Турци!..»

— Да вы-то что-же?.. Вы-бы хоть помогли! — накинулся докторъ на Ивана Аполлоновича.

— Я, я готовъ, я...—засуетился князь, не зная, за что взяться, какъ приступить къ дѣлу.

Надъ самою головою грохнуло что-то въ воздухѣ, засвистала картечь, брызнула и по живымъ, и по мертвымъ, что лежали рядомъ, прикрытые древесными вѣтками... Суматоха усилилась.

— Черкесы, черкесы!—доносится чей-то отчаянный вопль.

Конныя фигуры, дѣйствительно, замелькали внизу, въ кустахъ; по самому берегу Моравы рысятъ, пробираются. Бѣгутъ всѣ теперь... Остановить невозможно.

Да опомнитесь, дьяволы! Бога въ васъ нѣту. Стой, подлецы!.. Стрѣлять буду.

Всѣ раненые, кто только сохранилъ еще какую-нибудь возможность хотя ползкомъ двигаться, поднимаются, слабыя руки нервно стиснули оружіе.

— Ваше сіятельство, выручка подходитъ!.. Помиловалъ Господь... Ваше сіятельство!

Это Миронычъ тронулъ за плечо Ивана Аполлоновича. Старый инвалидъ смотритъ бодро, выпрямился даже какъ-то не по лѣтамъ.

— Сейчасъ на уру пойдемъ, съ нами Богъ!.. — говоритъ старикъ и широко, размашисто крестится.

— Съ нами Богъ! — безсознательно повторяетъ князь и идетъ, идетъ самъ.

А около него, съ боковъ, даже впереди люди какіе-то идутъ. Шапки мѣховыя, лица такія черныя, усатыя, свитки разныя. Идутъ они не то строемъ, не то въ разбродъ. Ведетъ ихъ...

— Кто это ихъ ведетъ? Видѣлъ гдѣ-то, а не могу припомнить—соображаетъ Иванъ Аполлоновичъ.

— *Воевода* съ нами,—шепчетъ Миронычъ-швейцаръ.

Ноги вязнутъ въ болотѣ, мокрою вѣткою хлестнуло по лицу. Кто-то подъ ноги къ нему бросился. Прямо такъ и кинулся, съ ногъ сбилъ. Поднялся князь снова... Ружье.. у него вѣдь ружье было, а теперь нѣтъ. Гдѣ же оно?..

— Воевода, да, воевода. Теперь помню. Вонъ онъ! Я его по плечамъ узнаю. Какъ онъ скоро идетъ, какъ скоро! Я догнать не могу... я...

И все идетъ кругомъ: и кусты идутъ, и вотъ этотъ дуплистый дубъ, свѣже-расколотый, тоже идетъ впередъ, а онъ, Иванъ Аполлоновичъ, стоитъ на мѣстѣ. То-есть онъ идетъ, а все-таки... какъ будто бы на одномъ и томъ же мѣстѣ топчется... Отсталъ совсѣмъ и ничего не видитъ впереди.

Прямо передъ его глазами кочка какая-то моховая. Черный жукъ ползетъ и подъ сухой листъ прячется... да, жукъ...

Ахъ, какая усталость, какъ спать хочется, такъ бы и сомкнулъ глаза и... только зачѣмъ это такъ жжетъ въ самомъ сердцѣ и мокро? Пальцы липнутъ, а голова какая стала тяжелая! «Ефремъ, компрессы! Нѣтъ, не надо, не надо... по-ослѣ»...

Покончилъ свое земное странствованіе князь Иванъ Аполлоновичъ Пестрый-Ковриковъ.

Три табора турецкихъ обошли Дьюнишъ справа, лощиною. Тѣ мѣста, гдѣ стояли сербскія батареи, совсѣмъ ужъ отъ нихъ влѣво остались. Съ таборами сброду конпаго не мало. Какъ волки рыщутъ по сторонамъ, разсыпались по мелкимъ хуторамъ долины, жгутъ постройки, скирды хлѣбные. Густой желтый дымъ клубится надъ пожарищемъ. Все живое, что на пути встрѣчается, гибнетъ и уйти некуда. Бѣжитъ кучка сербовъ-милиціоперовъ; только что изъ чащи высыпала, а противъ нихъ прямо фески красныя... Метнулись бѣглецы влѣво—тамъ тоже... Опять «Алла, Алла!» опять «живіо», трескотня ружей... Несется конь со всадникомъ, всадникъ-то еле держится въ сѣдлѣ, за гриву коня ухватился слабѣющими руками. За нимъ, словно стая гончихъ, увязались черкесы... Тотъ съ разбѣгу въ Мораву и тѣ туда же... Конь на другой берегъ уже одинъ выплылъ, безъ сѣдока. Нашли семью цѣлую, въ осокѣ береговой притаилась, обступили несчастныхъ... Въ узкой калиткѣ задворка засѣлъ за высокимъ порогомъ сербъ-селякъ, положилъ на порожину свое ружье и отлеживается, не стрѣляетъ, а противъ него, тоже попрятавшись за стѣнками да за вишневыми кустами, низамы... Осада пока идетъ правильная... Холодной рѣшимостью блещутъ глаза старика, знаетъ онъ, что все равно не отсидится, знаетъ, что помретъ, да хоть бы не даромъ, подороже продать свою голову; опять же и семья его только что задами прошла, хоть бы подальше пока уйти успѣла... Возъ съ добромъ опрокинулся на самой дорогѣ... Хрюкаютъ перепуганные буйволы, бьются, не могутъ освободиться отъ крѣпкаго ярма, свернувшаго имъ шеи, а у воза уже баши-бузуки хозяйничаютъ, тонконогіе такіе, чалмы высокія, лица черныя, руки цѣпкія...

А таборы густою цѣпью все впередъ и впередъ ломятъ... Завидѣли они сквозь чащу дубовыхъ стволовъ палатки бѣлыя, знамя съ краснымъ крестомъ, лазаретную суматоху... Рванулись... А навстрѣчу имъ, безъ выстрѣла, грозно уставивъ штыки, движется, развертываясь, кучка черныхъ свитокъ... Ведетъ эту кучку богатырь-воевода, трубочку въ зубахъ крѣпко стиснулъ... Дрогнули таборы, затоптались на мѣстѣ, безпорядочной пальбою встрѣчаютъ атакующихъ... А тѣ уже вотъ вплотную подошли...

— Руссы, руссы!—проносится по турецкимъ рядамъ

— Бей ихъ, проклятыхъ!—слышенъ громкій воеводскій голосъ.

Бѣгутъ, въ свою очередь, низамы, не любятъ штыковой работы... Словно метлою сметаетъ враговъ со склоновъ Дьюниша болгарская дружина воеводы «Жука»; далеко онъ уже отбросилъ ихъ отъ перевязочнаго пункта и прикрылъ своими дружинниками опасное мѣсто.

А тутъ къ нему бѣгутъ сербы-артиллеристы, плачутъ, за полы хватаютъ.

— Топове, топове наши спаси, господине!

Какая смертная тоска, какое отчаяніе слышится въ этихъ мольбахъ! Мать за ребенка такъ проситъ.

Бѣжали до времени милиціонеры, не дали пушкарямъ даже снять свои пушки съ позиціи. Турки насѣдаютъ, гдѣ-же горсти артиллеристовъ отстоять свои орудія, а орудія эти сама княгиня Наталья дала имъ, говоря: «храните добре!» Заберутъ турки эту святыню.

— Топове, топове наши спаси!—навзрыдъ плачутъ сербы.—Вотъ тутъ онѣ, сейчасъ за горою.

Повернулъ Жукъ свою дружину; порѣдѣли сильно ея ряды, половины не осталось... Только успѣлъ перевалить лѣсную балочку, а уже турки на самыхъ пушкахъ сербскихъ бьются... Выше всѣхъ видна фигура серба съ банникомъ въ рукахъ; какъ отъ собачьей стаи наотмашь отбивается.

Только бросились на выручку жуковцы, отсадили немного турокъ, изъ лѣса еще дружина спускается, самъ Межаниповъ ведетъ ее, а за тою дружиною тянется безконечная вереница носилокъ... Тянутся кони комордіевъ и черезъ каждое сѣдло по тѣлу, а то и по два переброшено...

Въ Делиградѣ смятеніе... Штабные заметались... Далъ имъ сюда знать генералъ, чтобы не трогались съ мѣста, что нѣтъ опасности, успѣлъ онъ прикрыть рожанскую дорогу, отбросилъ турокъ отсюда, да не получили этого приказанія въ Делиградѣ, говорили, будто-бы черкесы проволоку телеграфную перервали,—можетъ быть...

Возы нагружаютъ, по двое на одну лошадь садятся, подожгли шалаши даже кое-кто, чтобы туркамъ не доставались... Запрудили сплошь всю дорогу. Подъ тріумфальною аркою нельзя

уже и двигаться... Паника растетъ и растетъ. Всякому уже черкесы въ глазахъ мерещатся... Сколько смѣху было потомъ, когда вернулся генералъ и только головою покачалъ, глядя на все это штабное безобразіе...

Заняли турки Дьюнишъ, прорвали днище мѣшка; передъ ними теперь была открытая, свободная дорога въ сердце Сербіи... То, что бѣжало, смѣшавшись съ обозами, перепутавъ свои части и роды оружія, то уже не было войскомъ и не могло служить преградою къ дальнѣйшему наступленію... А турки сами стали и впередъ не пошли; ихъ самихъ словно ошеломила эта легкая, неожиданная для нихъ побѣда.

Робко толклись побѣдители на занятыхъ горахъ и сейчасъ-же, по обыкновенію, окапываться начали: все имъ казалось, что вотъ-вотъ вернутся, изъ земли вынырнутъ сербскія бригады съ кучками руссовъ въ головахъ и сметутъ ихъ снова внизъ, снова на свои голыя, изрытыя, запакощенныя долгою стоянкою, голодныя, холодныя прежнія позиціи.

XLIV.

На другой день утромъ Надя получила записку отъ Хмурова. Записку эту привезъ сербъ-конникъ и лично передалъ по назначенію.

Надя прочла съ начала до конца внимательно и, повидимому, спокойно, только аптекарь Герзонъ, слѣдя за процессомъ чтенія, поспѣшилъ подвинуть читавшей стулъ и шепнулъ служителю, чтобы тотъ на всякій случай позвалъ доктора.

Его смутила эта смертельная блѣдность, разомъ покрывшая щеки Нади, этотъ ледяной холодъ въ пальцахъ княжны, когда онъ взялъ ее за руку.

— Да вы успокойтесь, Господь съ вами!.. Такъ вѣдь нельзя... Такъ вѣдь и первый ударъ случится, голубушка! Да заплачьте-же; ну, ради Бога, ну, пожалуйста, ну, закричите... Ахъ, Боже мой!.. Тсъ!..

— Что такое?—показалась на порогѣ толстенькая докторская фигурка.

Аптекарь молча показалъ глазами на Надю, а самъ, бережно вынувъ изъ ея руки письмо, пробѣжалъ его содержаніе.

«Сообщаю вамъ печальное извѣстіе, дорогая Надежда Ива-

новна,—писалъ ей Хмуровъ карандашемъ на клочкѣ оберточной бумаги.—Наше дѣло не выгорѣло. Турки насъ побили. Оправиться будетъ трудновато, да авось, съ Божіею помощью, еще подержимся... Папенька вашъ, царство ему небесное,—и какъ это его нелегкая дернула?—убитъ наповалъ двумя пулями, въ черепъ и въ сердце. Умеръ онъ героемъ, дай Богъ всякому, шелъ во главѣ колонны молодцемъ. Мнѣ очевидцы лично разсказывали. Миронычъ тоже убитъ. Нашли сюртукъ его у плѣннаго черкеса, а тѣла самого не отыскали. Тѣло-же папеньки вашего болгары успѣли вынести изъ боя, вмѣстѣ съ своимъ тяжелораненымъ воеводою.

«Будьте мужественны и постарайтесь по-христіански, съ покорностью волѣ Господней, перенести это горе и сохранить драгоцѣнное здоровье ваше на пользу намъ и утѣшеніе.

«Къ вечеру, надо полагать, доставятъ вамъ одного раненаго, того самаго воеводу, въ дружинѣ котораго убитъ вашъ батюшка; приложите свое особенное усердіе и вниманіе къ сему бѣдняку,—человѣкъ-то онъ больно хорошій и дѣлу нужный, одно слово—голова. А выжить онъ долженъ, развѣ только, что калѣкою останется... Ну, да мы на васъ надѣемся.

«Насчетъ папенькинаго тѣла ждемъ вашего распоряженія: хоронить-ли его здѣсь на мѣстѣ или доставить на ваше благоусмотрѣніе? Впрочемъ, я уже сдѣлалъ распоряженіе къ перевозкѣ, а завтра къ ночи, позднее самое—послѣзавтра утромъ, представлюсь лично.

Подписано: М. Хмуровъ».

Долго, долѣе полугода тянулось выздоровленіе болгарскаго воеводы, но такъ какъ тотъ былъ сложенія крѣпкаго, да вдобавокъ былъ обставленъ такимъ уходомъ, что дай Богъ всякому, то, конечно, выздоровленіе послѣдовало самое полное, если не считать за большую непріятность необходимость въ сырую погоду опираться на палку при передвиженіи съ мѣста на мѣсто.

Надя передъ отъѣздомъ изъ Сербіи прислала въ консульство визировать свой паспортъ, а въ этомъ паспортѣ совершилась тѣмъ временемъ нѣкоторая метаморфоза: тамъ вмѣсто прежняго, аристократическаго «Княжна Надежда Ивановна

Пестрая-Коврикова», значилась теперь самая скромная надпись «Надежда Ивановна Жукъ».

Надя, впрочемъ, увѣрена, что даже и самъ Иванъ Аполлоновичъ, такъ дорожившій при жизни своимъ аристократическимъ титуломъ, ничего не имѣлъ-бы противъ этой перемѣны;— я-же, какъ повѣствователь событій, завѣряю положительно, что ничего бы лучшаго не могъ пожелать моей героинѣ.

КОНЕЦЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

У КОСТРА.

Очерки и разсказы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 98, уг. Надежд.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 іюня 1905 г.

Типографія П. П. Сойкина, С.-Петербургъ. Стремянная, 12.

КАТАСТРОФА НА КАСТЕКСКОМЪ ПЕРЕВАЛѢ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

Въ половинѣ декабря 1867 года, мнѣ и многимъ товарищамъ по экскурсіи пришлось перебраться съ южныхъ склоновъ Александровскаго хребта на сѣверные.

Въ Токмакѣ мы оставили свои экипажи, обыкновенные казанскіе тарантасы, чуть-ли не единственный родъ экипажей, укатывающихъ наши безконечные азіатскіе тракты. Дорога предстояла горная, съ страшными косогористыми подъемами и еще болѣе опасными спусками. Надо было подняться на высоту почти девяти тысячъ футовъ и оттуда спускаться въ тѣснины Кастекскаго ущелья. Тогда еще только начата была разработка этой дороги, единственной соединяющей двѣ области: Семирѣчинскую и Сыръ-Дарьинскую; разработка эта была самая поверхностная: кое-гдѣ взорваны порохомъ загораживающія путь глыбы гранита и чернаго аспидника... Еще конный могъ пробраться кое-какъ по этой исковерканной дорогѣ; съ трудомъ проходили вьючныя лошади; верблюжьи караваны не рѣшались идти здѣсь и огибали на Боамское ущелье... Только чудомъ и затратою самыхъ невѣроятныхъ усилій, съ помощью десятковъ верховыхъ,—почти на рукахъ и веревкахъ могъ быть перетащенъ колесный экипажъ, и понятно, что всякій предпочиталъ бросить свой тарантасъ при началѣ подъема, чѣмъ рисковать и экипажемъ, и багажемъ, а подъ часъ даже и жизнью.

— Повозочки ваши, будьте благонадежны, сохранимъ въ полнѣйшей неприкосновенности!

— Пожалуйста!.. вы видите—экипажъ совершенно новый,—кожи, ремешки, сундуки, все это такъ легко можетъ затеряться!..

— Помилуйте! у насъ много уже ихъ стоитъ на комендантскомъ дворѣ. Извольте посмотрѣть!...

— Что касается до вознагражденія, то будьте увѣрены; на возвратномъ пути...

— Покорнѣйше благодаримъ... сочтемся!

Такъ я переговаривался за себя и товарищей съ смотрителемъ токмакской почтовой станціи, сибирскимъ казакомъ, урядникомъ Мохнаткинымъ, явившимся къ намъ спросить: много-ли намъ понадобится верховыхъ лошадей и для себя, и для нашихъ вьюковъ.

Мы сидѣли въ небольшой комнаткѣ станціоннаго дома, довольно темной, потому что сѣренькій свѣтъ декабрьскаго дня едва проникалъ сквозь бумагу, замѣняющую стекла въ окнахъ. Передъ нами, на концѣ кривоногаго стола, стояли дорожныя фляги и разныя закуски, разложенныя на листахъ синей сахарной бумаги. Татаринъ слуга возился надъ самоваромъ въ углу, у желѣзной печки, и уже успѣлъ напустить дыму на всю комнату. По стѣнамъ, едва побѣленнымъ известью, чернѣлись казачьи винтовки, сбруя, хомуты, сѣдла и пучки аркановъ; а въ одномъ изъ угловъ навалена была перемятая солома съ навозомъ, и тамъ копошилось какое-то живое существо—маленькій, только что появившійся на свѣтъ жеребенокъ, какъ оказалось впослѣдствіи, котораго татаринъ внесъ въ комнату, боясь, что тотъ не выдержитъ на первыхъ порахъ декабрьскаго мороза, въ открытыхъ загонахъ, гдѣ помѣщались почтовыя лошади.

— Не прикажете-ли?!—пододвинулъ я уряднику флягу съ полынною водкою, замѣтивъ умильный взглядъ казака, вскользь брошенный на оплетенную посудину.

— Не употребляемъ... а впрочемъ...

И Мохнаткинъ началъ наливать изъ фляги въ чайную чашку, выбравъ предварительно ту, которая побольше.

— Такъ вы полагаете, что иначе какъ верхомъ...

— Никакой нѣтъ возможности—еще лѣтомъ-бы ничего, а теперь ни Боже мой, склизко—особливо на козьемъ косогорѣ...

— Придется ѣхать верхомъ...

— Придется-съ...

— А у васъ хороши лошади?

— Обыкновенно, привычные кони,—вчера только кованы. Вѣрите-ли, по этой самой гололедкѣ въ мѣсяцъ разъ восемь ковать приходится...

— Чай пить будете?

— Оченно прекрасно...

Урядникъ Мохнаткинъ, гремя своею аммуниціею, усѣлся на опрокинутомъ боченкѣ изъ подъ спирта, и уже не дожидаясь приглашенія, налилъ себѣ еще чашку полынной.

— Да вамъ что,—началъ онъ, помолчавъ,—вамъ полъ-горя... Люди молодые, къ сѣдлу привычные—что вамъ? Сѣли себѣ, перевалили; на третьи сутки въ Вѣрномъ. А вотъ купецъ одинъ съ семействомъ—жена, двое маленькихъ, нянька... Этихъ на сѣдла не посадишь... Вотъ тутъ и вой волкомъ...

— Какой это купецъ?

— А изъ Вѣрнаго, забылъ фамилію, какъ-то не по-нашему... Онъ теперь у магазейнаго смотрителя со всею семьею сидитъ... Холодно здѣсь и душно, а жена у него хворая, да ребенокъ одинъ пищитъ что-то...

— Что-же онъ?

— Хлопочетъ все, чтобы его безпремѣнно въ тарантасѣ перевезли; а какъ тутъ его перевезешь?!

— Опасно?

— Смерть—одно слово...

— Что-же это онъ задумалъ, что на такую опасность лѣзетъ?

— Стало-быть, спѣшно. Да его больше подмываетъ, что вчера полковника изъ Аулы-та переправили въ тарантасѣ—«ну, говоритъ, значитъ, можно—вези и меня—а я никакихъ денегъ не пожалѣю».

— А вы не беретесь?

— Да намъ что? Казаки, пожалуй, возьмутся, коли комендантъ позволитъ. Народу много надо будетъ, человѣкъ пятнадцать. Да вонъ онъ самый: на дворѣ съ ребятами разговариваетъ, должно, отъ коменданта вернулся...

— Кто?

— Купецъ этотъ. Ну, что, ваше степенство, какъ дѣла?—поднялся урядникъ съ боченка...

Въ дверяхъ показался человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій, плотный, съ густою черною бородою, подстриженною по аме-

рикански. Онъ былъ въ бараньемъ кафтанѣ, перетянутомъ ремнемъ, въ дорогой бобровой шапкѣ и въ высокихъ сапогахъ, отороченныхъ какимъ-то мѣхомъ.

Вошедшій окинулъ глазами комнату и, замѣтивъ наше общество, подошелъ къ столу.

— Павелъ Ниссенъ, сибирскій купецъ; позвольте представиться!—произнесъ онъ симпатичнымъ густымъ голосомъ.

Мы назвали ему свои фамиліи и предложили мѣсто за столомъ.

— Я ѣду въ Вѣрный и пока въ настоящую минуту нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи... Дорога, говорятъ, такъ опасна...

— Очень даже!—замѣтилъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Я знаю, я это хорошо знаю, я не первый разъ здѣсь ѣзжу; вотъ только семейство мое въ первый разъ испытываетъ это удовольствіе!

Въ голосѣ Ниссена слышалось раздраженіе, которое онъ никакъ не могъ скрыть, какъ ни старался объ этомъ.

— Развѣ нельзя какъ-нибудь верхомъ устроить нашу поѣздку?..—сказалъ я.—Я говорю нашу, потому что, вѣроятно, мы завтра отправимся всѣ вмѣстѣ!

— Это было-бы очень хорошо!..—обрадовался сибирскій кузнецъ,—Но верхомъ... моя жена... дѣти...

— Мы разберемъ вашихъ малютокъ себѣ на сѣдла, закутаемъ ихъ,—ваша супруга...

— Нѣтъ, это невозможно; она совсѣмъ больна, да она и не отдастъ дѣтей; она никому ихъ даже на минуту не повѣритъ. Да, наконецъ, вздоръ! Можно и въ экипажѣ. Трудно, очень трудно, но «невозможно». Я не понимаю этого слова «невозможно», что такое, въ самомъ дѣлѣ, «невозможно?»—Вздоръ!

— Вы немножко взволнованы, кажется?

— Еще-бы: я здѣсь сижу вторые сутки: мои дѣла требуютъ непремѣнно моего присутствія въ Вѣрномъ, и жена заболѣла...

— Попытаться можно,—вмѣшался урядникъ,—только если ребята согласятся. Они давеча сказывали: «пусть дастъ по пяти рублей на брата; выйдетъ десять человѣкъ; можетъ, какъ-нибудь на арканахъ и можно проѣхать!

— Давно-ли проѣхалъ одинъ... стало-быть, можно-же...

— Можно, конечно, но только трудно... Опять-же то полковникъ, по казенному дѣлу...

— А я дамъ вашимъ казакамъ не только по пяти,—по десяти на брата, и это будетъ гораздо дѣйствительнѣе... чѣмъ...

— Коли комендантъ позволитъ, то отчего-же...

— Комендантъ позволитъ, сегодня-же...

Ниссенъ всталъ и направился къ дверямъ.

— Куда-же вы?

— Къ коменданту. А вы пока...

— Да помилуйте, за нами дѣло не станетъ!

— Пожалуйста. До свиданія!

— Горячая голова!—замѣтилъ мой товарищъ по уходѣ сибирскаго купца.

— Десять на брата—шутка-ли!—соображалъ урядникъ.—А какъ съ кручи, да внизъ головой!.. Вѣдь безъ мала три версты внизъ летѣть—страсть!..

— Ничего, Богъ милостивъ!

— Да уже только на него одного и надежда!

Къ вечеру мы узнали, что Ниссенъ добился отъ коменданта разрѣшенія нанять казаковъ изъ мѣстнаго гарнизона для переѣзда черезъ Кастекскій перевалъ въ экипажѣ.

Онъ сіялъ. Онъ самъ лично договорился съ казаками, далъ имъ задатокъ и, торжествующій, ушелъ къ «магазейному смотрителю» ночевать, гдѣ его ожидало семейство.

Отъѣздъ былъ назначенъ на другой день рано утромъ, и мы уговорились ѣхать непремѣнно вмѣстѣ—общею кавалькадою.

День былъ пасмурный. Горы заволокло сизыми густыми облаками, пошелъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ.

— Коли и завтра такъ-же, такъ еще ничего, а вотъ коли подморозитъ, такъ это будетъ просто бѣда!—сообщилъ одинъ изъ казаковъ, искоса поглядывая на довольно объемистый тарантасъ Ниссена, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей и совершенно готовый къ отъѣзду.

— Ну, не каркай!—замѣтилъ ему урядникъ.—Ворона!

— Чего «не каркай»! Я такъ, къ слову!

— Ладно—не въ добрый часъ скажешь слово... оно...

Урядникъ замолчалъ и, снявъ свою папаху, набожно перекрестился.

Мы тронулись.

Впереди ѣхало наше общество, къ которому пристроился и Ниссенъ, верхомъ на казачьей лошади; за нами вели вьючныхъ лошадей, дробно перебирающихъ своими мохнатыми ногами подъ тяжестью нашихъ чемодановъ и узловъ, затѣмъ нашъ тарантасъ, а сзади всѣхъ, растянувшись чуть не на полверсты, шли сибирскіе казаки и человѣка два вооруженныхъ мѣстныхъ киргизовъ.

Мы ѣхали не торопясь и только къ сумеркамъ добрались до первой станціи въ семи верстахъ отъ Кастекскаго перевала, или правильнѣе сказать, начала подъема. Здѣсь, на Кара-булакѣ (названіе станціи), мы остановились на ночлегъ, что хотя и довольно рановато было, но принимая во вниманіе, что намъ пришлось-бы въ потемкахъ подниматься на горы, иначе поступить было-бы довольно рискованно.

Станція состояла изъ двухъ кошемныхъ кибитокъ: одной по-больше, доставшейся намъ, путешественникамъ, другой— крохотной желомейки, занятой нашими казаками.

Госпожа Ниссенъ, довольно красивая, молодая, но сильно болѣзненная и нервная женщина, — угостила насъ превосходнымъ чаемъ съ ромомъ. Мужъ былъ необыкновенно веселъ, разговорчивъ, болталъ за десятерыхъ, острилъ, разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ; въ немъ не замѣтно было и тѣни вчерашней раздражительности. Онъ поставилъ на своемъ, а это для подобныхъ натуръ самое главное.

Мы не знали, насколько храбро смотрѣла его жена на это путешествіе, но, зная, что это уже неизбѣжно, мы скрывали настоящіе размѣры опасности и на ея разспросы отвѣчали нѣсколько уклончиво, впрочемъ, въ успокоительномъ тонѣ.

Нигдѣ знакомства не сводятся такъ скоро, какъ вообще въ дорогѣ; здѣсь-же, на полудикихъ путяхъ нашихъ окраинъ, это правило достигаетъ самыхъ крайнихъ размѣровъ. Къ вечеру мы были уже совершенно знакомы со всею семьей, нянчили и ласкали двухъ прелестныхъ малютокъ Ниссена, пѣли хоромъ и по одиночкѣ, а я, вырвавъ листки изъ своего походнаго альбома, рисовалъ дѣтямъ разныхъ звѣрковъ, преимущественно лошадокъ, и привелъ этихъ крохотныхъ цѣнителей искусства въ полнѣйшее восхищеніе своими работами.

Веселые и довольные, легли мы спать, завернувшись въ

свои шубы и только съ восходомъ солнца поднялись на ноги и стали готовиться къ перевалу.

Сегодняшній день былъ полною противоположностью вчерашнему. Солнце такъ и сверкало на ясно-голубомъ морозномъ небѣ; вершины горнаго хребта бѣлѣли чудною зубчатою линіею; правѣе тянулась безконечная равнина рѣки «Чу», голубоватой извилиной пересѣкающей скалистую пустыню. Не болѣе какъ черезъ полчаса мы достигли подошвы горъ и начали подниматься. Впрочемъ, мы не замѣтили самаго начала подъема; онъ начинается такъ отлого, что намъ казалось, будто гора еще далеко впереди, и мы все еще ѣдемъ по ровной дорогѣ. Только обернувшись назадъ, мы увидали равнину внизу, какъ-бы съ птичьяго полета, и какъ красива показалась намъ эта снѣжная степь, испещренная кое-гдѣ пространствами, заросшими желтымъ, высохшимъ камышемъ и изрѣдка разбросанными дымящимися кочевками кара-киргизовъ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо! — поминутно восклицала madame Ниссенъ, высовываясь изъ экипажа.

— Страсти какія—ничего нѣтъ хорошаго!—ворчала старушка-няня...

— Склизко, чортъ-те дери! — шепталъ какъ-бы про себя старый казакъ и, обратясь къ подобравшемуся конвою, добавилъ.—Осмотри арканы, скоро путать будемъ!

Упряжная тройка, вся въ мылѣ, дружно натягивала постромки и ходко взбиралась все выше, останавливаясь на минуту, гдѣ было удобнѣй, и переводя духъ.

— Къ верху-то ничего, самая страсть какъ внизъ спускаться станешь!

Человѣкъ пять казаковъ подхватили уже веревками за задокъ тарантаса и помогали упряжнымъ лошадямъ.

— Пустяки! отлично перевалимъ!... — говорилъ Ниссенъ, гарцуя вокругъ экипажа.—Ну, вотъ говорили «невозможно»!—а дѣло все въ томъ, что рѣшительности не хватаетъ!

Часу къ двѣнадцатому мы взобрались на самую высокую точку перевала и остановились.

— Съ подъемомъ имѣю честь поздравить!—провозгласилъ Ниссенъ, поднимая оловянный стаканчикъ съ виномъ.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ я, — но еще будетъ пріятнѣе поздравить васъ съ благополучнымъ спускомъ!

Казакамъ тоже дали по стакапчику водки; выпили даже и киргизы, которые хотя сначала и отнѣкивались, ссылаясь на указанія корана, но потомъ соблазнились, глядя на казаковъ, и выпили, — да выпили такъ, что сразу дали замѣтить, что это далеко не первый шагъ къ нарушенію корана.

— Ну, помоги Господи, пошли Владычица Небесная! — крестились и причитывали сибирцы, когда поѣздъ тронулся.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, передъ нашими глазами начали развертываться самыя грандіозныя картины. Самыми непредвидѣнными зигзагами изгибалась опасная дорога — пропасти безъ дна, затянутыя голубоватою дымкою тумана, зіяли то съ правой, то съ лѣвой стороны... Притупились острые шипы подковъ по этимъ камнямъ, покрытымъ мѣстами корою льда... Иногда путь шелъ карнизомъ, лѣпясь къ почти отвѣсной скалѣ. Эти мѣста особенно были страшны на заворотахъ: косогоромъ сползала дорога, и горе тому, кто-бы поскользнулся на этомъ страшномъ косогорѣ... Груды камней, положенныя мѣстами, какъ барьеры, на окраинѣ обвала, могли-бы еще удержать отдѣльнаго всадника.... но...

— Осторожнѣй, братцы! крѣпче сдерживай! береги! — покрикивалъ урядникъ.

— Царица небесная, не выдай! — шептали казаки, натягивая веревки отъ экипажа.

Упряжная тройка теперь играла самую незначительную роль. Коренникъ, сильно упираясь и почти сползая назадъ, только направлялъ ходъ экипажа — оба тормаза глухо шуршали и пронзительно взвизгивали, когда колесо надвигалось на гладкую поверхность камня. Какъ туго натянутая струна, протягивались веревки отъ задка экипажа къ сѣдламъ верховыхъ, осторожно спускающихся за тарантасомъ. Дорога не позволяла ѣхать рядомъ съ экипажемъ, и потому наше общество ѣхало впереди, поминутно оглядываясь назадъ при каждомъ подозрительномъ шумѣ. Намъ такъ и казалось, что вотъ-вотъ раздастся грохотъ и трескъ оборвавшихся веревокъ — и *все это* полетитъ *туда*...

А тамъ, далеко внизу, какъ точки, виднѣлись, совершенно въ планѣ, нѣсколько киргизскихъ кибитокъ, и бродило какое-то стадо, но за дальностью нельзя было разсмотрѣть, что именно.

Блѣдный, весь сосредоточившись на одной мысли, ѣхалъ Ниссенъ передъ самою коренною лошадью.

— Да, я не предполагалъ, чтобы это было дѣйствительно такъ страшно! — чуть прошепталъ онъ и не рѣшился оглянуться назадъ, на эту красивую женщину, оцѣпенѣвшую въ какомъ-то нѣмомъ ужасѣ стиснувшую въ своихъ объятіяхъ двухъ малютокъ, наивно выглядывающихъ изъ мѣховыхъ воротниковъ и совершенно недоумѣвающихъ:—да въ чемъ-же, наконецъ, дѣло?

Это была страшная минута!

— Скоро внизу будемъ, — ломанымъ русскимъ языкомъ произнесъ кара-киргизъ, ѣхавшій впереди, — вонъ за этимъ камнемъ (онъ протянулъ впередъ руку съ нагайкою) — тамъ еще немного, и хорошо пойдетъ тамъ...

Металлическій звукъ... звукъ страшный, потому что мы его боялись, такъ и рѣзнулъ нашъ слухъ...

Мы не рѣшались оглянуться... это было мгновеніе тяжелаго, невыносимаго колебанія.

Мы помнили, что каждый разъ, когда намъ приходилось оглядываться, мы не видали казаковъ—ихъ загораживала масса экипажа... Теперь мы видѣли этихъ казаковъ, стоящихъ неподвижно, блѣдныхъ, съ раскрытыми ртами, съ дико вытаращенными взглядами.

На темно-сѣромъ фонѣ каменистой дороги виднѣлась волнистая линія оборванныхъ веревокъ; какой-то красный лоскутъ такъ и лѣзъ въ глаза; мѣдный бубенчикъ, отскочившій, должно быть, отъ уздечки пристяжной лошади, со звономъ катился по дорогѣ, зацѣпилъ за камень, звякнулъ послѣдній разъ и остановился, засѣвъ въ разсѣлинѣ.

— Помяни, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ!.. — тихо шепталъ урядникъ.

Мы взглянули на Ниссена.

Онъ улыбнулся и, ловко избоченясь, всматривался куда-то вдаль, точно видѣлъ тамъ что-нибудь интересное.

— Видите...—обернулся онъ ко мнѣ, и голосъ его не былъ тотъ, который мы слышали прежде. Это говорилъ человѣкъ, совершенно намъ незнакомый.

— Видите,—говорилъ онъ,—вонъ облачко, за облакомъ правѣе орелъ... ха-ха-ха!.. вотъ штука!.. я первый разъ вижу орла съ гитарою въ рукахъ...

„Dis moi, Venus, quel plaisir trouves tu“.

Завылъ онъ дикимъ голосомъ, и это вытье обдало насъ смертельнымъ холодомъ.

Несчастный не выдержалъ этой потери. Несчастіе было слишкомъ велико.

Больного мы привезли въ Вѣрный. Онъ такъ и не приходилъ въ себя. Страшная горячка окончилась смертью.

Черезъ недѣлю привезли киргизы печальные останки madame Ниссенъ, ея дѣтей и няни. Трудно было узнать въ этой массѣ раздробленныхъ костей и мяса что-либо похожее на человѣческія формы.

Вѣдь паденіе было «почитай, три версты внизъ, безъ малаго»,—какъ сказалъ казакъ, передъ отъѣздомъ изъ Токмака.

БАЙГА.

У серкера Годай-Аггалыка, послѣ восьмилѣтняго безплоднаго супружества, родился сынъ. Аллахъ услышалъ молитвы стараго Годая и ниспослалъ свою благодать на молодую жену его Ассаль, которая сообщила объ этомъ своему повелителю.

Ласки, заботливость, всевозможныя угожденія и исключенія изъ суровыхъ правилъ гаремной жизни посыпались на счастливую Ассаль. Она была полная властительница въ богатомъ домѣ Годая-Аггалыка: все окружающее завидывало ей и заискивало въ ея расположеніи.

Одна только мысль сильно безпокоила любимую жену: эта мысль была боязнь, что ея беременность разрѣшится дѣвочкой, и тогда прощай ея власть, ея обаяніе на мужа: все могло обратиться въ противоположность; а чѣмъ виновата была-бы бѣдная женщина?

Но, какъ я уже говорилъ, «Аллахъ великъ и милостивъ», и новый обитатель нашей планеты оказался мальчикомъ, да еще какимъ! — здоровымъ, толстымъ, горластымъ, — короче, обѣщающимъ быть вторымъ экземпляромъ Годая.

Радости и пированіямъ не было конца. Всѣ женщины города потянулись поздравлять родильницу. По узенькимъ переулкамъ, ведущимъ къ дому серкера, то и дѣло виднѣлись группы женщинъ въ синихъ бумажныхъ халатахъ, накинутыхъ на голову, такъ что рукава, связанные цвѣтными завязками, спускаясь съ затылка и вдоль спины, доходили до самыхъ пятокъ. Лица этихъ женщинъ были завѣшаны черными вуалями (Дѣвушки носятъ бѣлые вуали и не имѣютъ права посѣщать въ первое время родильницъ).

Не съ пустыми руками шли поздравлять счастливую Ассаль: на мѣдныхъ подносахъ несли разныя сласти, фрукты и, кромѣ того, другіе подарки: бумажные платки, адрасса *), а кто побогаче, то и яркіе канаусы (шаи) бухарскаго издѣлія.

На дворѣ шли безконечныя пированія. Всякій, кто хотѣлъ могъ смѣло заходить въ растворенныя настежь узорчатыя ворота и садиться на разостланные ковры передъ горячими блюдами жирнаго плова и смѣло запускать туда свои руки.

Бубны и рожки гремѣли съ утра и до глубокой ночи. Такъ Годай-Аггалыкъ пировалъ рожденіе своего сына, которому, въ присутствіи самого казы и всѣхъ муллъ города, дали имя — «Искандеръ».

Нынѣшнимъ днемъ должны были окончиться ликованія. Большая «байга» должна была достойно завершить великое семейное торжество.

Байга—это нѣчто въ родѣ коннаго ристалища. Здѣсь испытывается удаль и молодечество въ верховой ѣздѣ, ловкость и поворотливость коней, быстрота скачки и т. д. Въ короткихъ словахъ, это дѣлается такимъ образомъ: одинъ изъ конныхъ беретъ на сѣдло только-что зарѣзаннаго козла и скачетъ съ нимъ въ поле; всѣ остальные кидаются за нимъ и стараются отнять у него эту добычу. Такимъ образомъ, обскакиваютъ они указанный кругъ, и счастливецъ, которому удастся удержать за собою изодранное чуть не въ клочья животное, получаетъ его въ награду за свою удаль. Иногда, кромѣ козловъ, назначаются и другіе, болѣе цѣнные призы: тогда рвеніе удвоивается, наѣздники доходятъ до полнаго самозабвенія, и дѣло не обходится безъ нѣсколькихъ вывихнутыхъ ногъ, сломанныхъ рукъ или иныхъ, болѣе или менѣе сильныхъ ушибовъ. Киргизы, сарты, узбеки, наймапы, — короче, всѣ средне-азіатскіе народы — страстные любители этого удовольствія, не пропускаютъ случая, если не самому участвовать, то хоть поглядѣть на байгу, пріѣзжая для этого за пятьдесятъ и болѣе верстъ.

Еще съ ранняго утра, на ровномъ полѣ, въ полуверстѣ отъ города, сталъ собираться народъ на лошадяхъ, на ишакахъ, по одному и по два, и просто пѣшкомъ. По главной

*) Полосатыя ткани изъ шелка пополамъ съ бумагою.

базарной улицѣ, изъ городскихъ воротъ съ двумя зубчатыми башнями и по широкой аллеѣ, ведущей на большую бухарскую дорогу, тянулись конныя и пѣшія толпы. Четыре джигита изъ дворни Годай-Аггалыка прогнали цѣлое стадо, головъ въ двадцать, черныхъ и пестрыхъ козловъ, предназначенныхъ для праздника. По сторонамъ улицъ шли женщины и дѣти, разсчитывая тоже поглядѣть издали, съ крышъ и заборовъ ближнихъ сакель, какъ будутъ отличаться ихъ мужья, отцы и братья. Погода стояла великолѣпная, день былъ солнечный, ясный, хотя, по случаю уже начавшихся осеннихъ ночныхъ морозовъ, и довольно прохладный; но это еще болѣе увеличивало удобство байги: лошади не такъ скоро приходили въ изнеможеніе, и всадники чувствовали себя гораздо бодрѣе, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ, въ которомъ пахло сыроватой землей и опавшими, пожелтѣвшими листьями тополей и карагачей.

Начались обычныя приготовленія. Скоро ожидали въ полѣ самого Аггалыка и другихъ почетнѣйшихъ акъ-сакаловъ города.

На байгу пріѣхалъ также джигитъ Достъ-Магометъ. Во всемъ околоткѣ знали его свѣтло-рыжую лошадь; такого скакуна давно уже не помнили въ окрестностяхъ: голова большая, слегка горбоносая, переднія ноги много короче заднихъ, крѣпкія, какъ желѣзо; грудь не широкая, но сильно развитая; крестецъ такой, что на немъ хоть выспись; а когда скакала эта лошадь, то дѣлала прыжки сажени по полторы и болѣе, и не было стѣны или канавы, которая могла-бы остановить разскакавшагося бѣгуна.

Скачка-ли усгроится, просто-ли примутся козла рвать, Достъ-Магометъ непремѣнно являлся на своемъ рыжемъ, а гдѣ онъ показывался, тамъ напередъ уже знали, что лучшая добыча не уйдетъ изъ рукъ лихого джигита. Откуда досталъ онъ этого коня—никто не зналъ; говорили только, что попалась ему эта лошадь не совсѣмъ чистымъ образомъ, но кому какое до этого дѣло? Извѣстно было только то, что Достъ ни за какія деньги не разстался-бы съ нею, а ему уже не разъ предлагали изрядную сумму, но джигитъ и слушать не хотѣлъ и говорилъ, что, покуда онъ живъ, этотъ конь въ чужихъ рукахъ не будетъ.

Достъ-Магомета вообще недолюбливали. Хитрая, пронырливая, скуластая физіономія его не внушала довѣрія; да и

самый образъ его жизни былъ какъ-то подозрителенъ. Онъ не любилъ жить на одномъ мѣстѣ и часто мѣнялъ свою службу и другія занятія. То онъ поступитъ къ русскимъ и возитъ бумаги изъ одного города въ другой, то наймется къ какому-нибудь богатому купцу и ѣздитъ въ Бухару и Коканъ по его порученіямъ, то просто живетъ, ничего не дѣлая, мѣсяцъ другой, и живетъ не бѣдно, въ довольствѣ, не отказывая себѣ въ разныхъ прихотяхъ. Случалось, что онъ пропадалъ, неизвѣстно куда, на пять или на шесть мѣсяцевъ и потомъ снова показывался, щеголяя дорогими уздечками, попонами, обложеннымъ серебромъ оружіемъ и соря коканами *).

— Достъ-Магометъ пріѣхалъ-таки!—говорили сарты, указывая на джигита.

— Опять не дастъ никому хода на байгѣ!—говорили другіе.

— Чего не дастъ?.. Нѣтъ, теперь не то; теперь Аллаяръ тоже досталъ себѣ хорошаго карабаира; посмотримъ, чья возьметъ!

— Тысячу двѣсти кокановъ заплатилъ за своего вороного!

— Кто это?

— Аллаяръ. Я еще такого коня и не видывалъ!

— Тысячу двѣсти... Хорошо богатымъ людямъ! Шутка-ли, за лошадь тысячу двѣсти: другому на всю жизнь хватило-бы этихъ денегъ!

— Отецъ богатъ: накралъ, бывши серкеромъ!

— А ты говори, да тише!

— Эхъ, лошадь! Смотри, смотри!—кричали одинъ другому.

Достъ-Магометъ горячилъ своего рыжаго; тотъ переступалъ съ ноги на ногу, отдѣливъ стрѣлою хвостъ и слегка похрапывая, и вдругъ, почувствовавъ ослабленные поводья, вытянулся, какъ стрѣла, и пошелъ махать по разрыхленному осенней пашнею полю. На всемъ скаку послушный конь поворачивалъ вправо и влѣво, описывалъ широкіе круги и потомъ, уменьшая ихъ мало-по-малу, какъ вкопанный, останавливался въ самомъ центрѣ. Достъ-Магометъ показывалъ лихія штуки высокаго наѣздничества, а онъ былъ мастеръ своего дѣла.

Наконецъ, собрались всѣ, кому слѣдуетъ, и байга началась.

Первый выѣхалъ съ козломъ самъ старый Годай-Аггалыкъ: подъ нимъ была сѣрая, такая же старая, какъ самъ хозяинъ,

---

*) Мелкая серебряная монета въ двадцать коп. сер.

лошадь, вся покрытая отъ старости мелкими, красноватыми пятнышками, что называется гречькою. Годай сильно перегнулся направо и держалъ за заднія ноги зарѣзаннаго козла; изъ перерѣзаннаго горла струилась кровь и пачкала узорныя серебряныя стремена. Старикъ полкруга шелъ легкимъ галопомъ; за нимъ, не слишкомъ нагоняя, тѣснымъ полукругомъ скакало человѣкъ пятьдесятъ, жадно слѣдя глазами за козломъ и ожидая момента, когда Годай броситъ его на растерзаніе. Наконецъ, серкеръ выпустилъ изъ рукъ трупъ животнаго и вынесся изъ круга на свое мѣсто, на небольшомъ курганчикѣ. Съ гикомъ кинулись всадники на добычу, сбились и перепутались въ густой кучѣ; сѣрое облако пыли поднялось надъ свалкой, закрывъ собою и коней, и всадниковъ. Съ минуту эта страшная толкотня происходила на одномъ мѣстѣ. Центромъ служилъ несчастный козелъ, за котораго десятки рукъ уцѣпились съ остервенѣніемъ.

Первый вырвался изъ толпы на чистый воздухъ Юсупка-джигитъ; черно-пѣгій жеребецъ вынесъ его изъ свалки и помчалъ по степи. Не дешево достался ему этотъ козелъ, котораго онъ перекинулъ черезъ сѣдло, прихвативъ свободною рукою: пестрый халатъ его былъ разорванъ отъ воротника вплоть до пояса, тюбетейка невѣсть куда пропала, и недавно обритая голова его лоснилась, лишенная покрышки.

Юсупа замѣтилъ Достъ-Магометъ, который не принималъ сразу участія въ погонѣ: ему не хотѣлось смѣшиваться съ толпою, онъ желалъ побѣждать побѣдившихъ. Онъ вытянулъ плетью рыжаго и пошелъ на перерѣзъ черно-пѣгому жеребцу, проскочивъ сквозь несущуюся, сломя голову, толпу. Замѣтилъ и Юсупъ опаснаго соперника, неожиданно вильнулъ вправо и перекинулъ козла Каримкѣ-татарину, съ которымъ еще наканунѣ условились быть на байгѣ товарищами. Достъ-Магометъ не замѣтилъ сначала этой продѣлки и налетѣлъ на Юсупа, а Каримка съ козломъ успѣлъ уже удрать и чуть-чуть не доскакалъ до назначеннаго круга. Поворотилъ коня раздосадованный Достъ-Магометъ и погналъ за татариномъ. Трудно было нагнать добычу: много разстоянія выигралъ Каримъ, благодаря ошибкѣ опаснаго врага, да случай помогъ и отдалъ побѣду въ руки Магомета. Лошадь Каримки попала ногою въ сурочью нору, споткнулась на всемъ скаку и раза два перевернулась

черезъ голову; козелъ полетѣлъ въ сторону, Каримъ въ другую, а Достъ-Магометъ, подхвативъ съ земли призовое животное, едва сдержалъ своего коня у завѣтнаго круга.

— Опять всѣхъ козловъ оберетъ! — заговорили въ толпѣ.

— Да что, его пускать не слѣдуетъ, а то другимъ и ходу не будетъ!

— Конечно, не пускать! Силы не равны. Пусть тутъ стоитъ и смотритъ, коли охота есть, а съ другими не мѣшается!

Но противъ этого рѣшенія возсталъ самъ Годай, сказавъ, что «не пускать Достъ-Магомета на кругъ нельзя, что скачки и байга и устроены для того, чтобы отличать лучшихъ скакуновъ и наѣздниковъ, а что пусть лучше наши заводятъ себѣ хорошихъ лошадей, тогда имъ не придется краснѣть и завидывать, что чужіе берутъ у нихъ добычу изъ-подъ носа и кладутъ имъ грязь на голову».

Достъ-Магометъ презрительно посмотрѣлъ на толпу, подумавъ: «эхъ, вы, сволочь! Вамъ-бы только на ишакахъ бурянъ возить, чѣмъ выѣзжать въ поле на своихъ заморенныхъ клячахъ».

Съ четверть часа дали передохнуть и оправиться. Не совсѣмъ благополучно обошлась первая свалка: двоихъ отнесли въ сторонку, къ водѣ, подъ деревья, а не далеко вели чью-то лошадь, которая, опустивъ голову, прыгала на трехъ ногахъ, а четвертую тащила по землѣ, сломанную въ самой щиколкѣ.

Достъ-Магометъ поглаживалъ своего коня и гордо поглядывалъ направо и налѣво; онъ зналъ, что опять нѣтъ ему равнаго. Вдругъ онъ какъ-то смутился и пристально посмотрѣлъ въ одно мѣсто. Странное волненіе пробѣжало по его красивому лицу; онъ поблѣднѣлъ, то-есть, правильнѣе, лицо его изъ мѣдно-краснаго стало пепельнымъ. Что-же такое онъ увидѣлъ?..

Прямо черезъ поле, отъ городского мостика, ѣхалъ къ той толпѣ, что стояла около Годая, новый наѣздникъ. Онъ ѣхалъ шагомъ на вороной безъ отмѣтинки лошади, едва сдерживая горячую удаль своего легкаго коня. Этого джигита звали Аллаяромъ; ему было едва-ли болѣе шестнадцати лѣтъ; на видъ онъ смотрѣлъ совершенно ребенкомъ.

Аллаяръ подъѣхалъ и сталъ рядомъ съ Годаемъ-Аггалыкомъ. Раздалась толпа и молча глядѣла на вновь купленнаго

скакуна. Аллаяръ чувствовалъ, что тысячи глазъ устремлены на него; густой румянецъ вспыхнулъ на его красивомъ лицѣ; у него духъ захватывало отъ волненія; онъ торжествовалъ.

А вороной конь какъ-будто понялъ свое значеніе: онъ стоялъ спокойно, красиво изогнувъ черную, какъ-будто покрытую атласомъ, тонкую шею. А между прочимъ, несмотря на эту монументальную неподвижность, каждая жилка, каждый нервъ кровнаго коня дрожали подъ тонкою кожею. Большіе черные глаза искрились, бѣлые зубы звучно грызли желѣзныя удила, и густая пѣна клочьями падала на землю.

И всадникъ, и конь какъ-будто приготовились къ состязанію: ничего лишняго, мѣшающаго скачкѣ, не было ни на томъ, ни на другомъ. Тонкая ременная уздечка безъ всякихъ украшеній опутывала сухую головку; узорныя попонки были сняты, и подъ всадникомъ было только одно легкое деревянное сѣдло, выкрашенное яркою красною краскою и отдѣланное узорною позолотою.

Пріостановилась гонка, и всѣ стали съѣзжаться, чтобы поглядѣть на Аллаяра на его новомъ конѣ. Громкія похвалы посыпались градомъ, а Достъ-Магометъ, какъ увидѣлъ вороного жеребца, такъ и замеръ, вперивъ въ него свои нехорошіе глаза.

Сжалось сердце завистливаго джигита, и скрытая, задавленная злоба стиснула его блѣдныя губы. Въ эту минуту до него долетѣло нѣсколько насмѣшекъ, направленныхъ насчетъ его рыжаго. Онъ перегнулся въ сѣдлѣ и глухо застоналъ отъ внутренней боли. Но стонъ его былъ заглушенъ громкимъ крикомъ... Юсупъ несся съ новымъ козломъ, джигиты ринулись въ новую схватку.

Замутилось передъ глазами Достъ-Магомета, онъ хлестко вытянулъ плетью своего коня. Непривычный къ побоямъ скакунъ сдѣлалъ съ мѣста громадный прыжокъ и врѣзался въ середину толпы.

Случалось вамъ видѣть, какъ стая воронъ, каркая, облѣпитъ издохшую лошадь, а высоко въ воздухѣ, не шевеля своими крыльями, большими кругами спускается громадный ястребъ. Вотъ онъ наискось, какъ стрѣла, летитъ на добычу, и, издавъ пронзительный крикъ, падаетъ на перепуганную стаю воронъ. Все врозь, а онъ одинъ усѣлся на обглоданныхъ ре-

брахъ и дико смотритъ вокругъ своими злыми, горящими, какъ уголья, глазами.

То-же самое сдѣлалъ и Достъ-Магометъ.

Не выдержали натиска дюжинные кони, нѣсколько всадниковъ вылетѣло изъ сѣделъ. Косматые пальцы Достъ-Магомета вцѣпились въ мохнатую козлиную шкуру и вырвали добычу изъ рукъ перваго обладателя, у котораго осталась цѣлая задняя нога, оторванная, какъ есть, у самаго бедра, съ обрывками жилъ и клочьми окровавленной шерсти.

Выскакалъ джигитъ на чистое мѣсто и дико махалъ надъ головой козлиною тушею. Его и не преслѣдовали. Кому охота гоняться за вѣтромъ въ степи?

Но не такъ думалъ Аллаяръ; не для того онъ заплатилъ за коня послѣднія деньги, чтобы смотрѣть, какъ скачутъ и гарцуютъ другіе. Тронулъ онъ съ мѣста своего вороного, тотъ заржалъ и взвился на дыбы отъ нетерпѣнія. Опустилъ ему поводья Аллаяръ, далъ волю и помчался въ догонку за Достъ-Магометомъ.

Во время замѣтилъ джигитъ погоню, посмотрѣлъ черезъ плечо на скачущаго Аллаяра и сразу оцѣнилъ достоинство скачки. Опытный глазъ не могъ обмануть его; онъ видѣлъ, что его рыжему не уйти въ простой скачкѣ отъ вороного: надо хитрить, и Достъ, укоротивъ поводья, началъ сдерживать бѣгъ лошади. Аллаяръ нагонялъ, искрились молодые глазенки, предчувствуя побѣду; онъ видѣлъ, что еще одинъ мигъ, и его вороной будетъ на хвостѣ противника; онъ наддалъ коня—и пронесся... Достъ-Магометъ исчезъ, словно сквозь землю провалился.

Не сразу остановилъ своего коня Аллаяръ, и когда оглянулся, то увидѣлъ Достъ-Магомета далеко назади, во всю прыть скачущаго къ кургану. Хитрый джигитъ надулъ горячаго Аллаяра, и въ ту самую минуту, когда вороной долженъ былъ палетѣть на него, онъ, заранѣе приготовивъ своего коня къ крутому повороту, повернулъ на заднихъ ногахъ и понесся въ противоположную сторону.

Дѣло приняло совершенно иной оборотъ; смѣтливые наѣздники сразу поняли выгоды и невыгоды своихъ положеній: разстояніе между ними было очень велико, но разстоянія обоихъ отъ цѣли скачки — кургана, гдѣ стоялъ Годай-Агга-

лыкъ,—были болѣе или менѣе равны. Теперь они оба неслись къ одной и той-же точкѣ; все дѣло заключалось въ томъ, кто успѣетъ перерѣзать дорогу или-же съ разгона ударить въ бокъ противнику.

Все, что было въ полѣ, остановилось и, не трогаясь съ мѣста, разинувъ рты, смотрѣло на эту отчаянную скачку. Для обоихъ соперниковъ въ этой скачкѣ заключалось «быть или не быть». Для Достъ-Магомета это была послѣдняя ставка ва-банкъ. Его ненавидѣли, но его боялись; изъ громадной толпы, собравшейся въ полѣ, не было никого, кто-бы хотя сколько-нибудь сочувствовалъ Магомету, но всѣ невольно уважали въ немъ перваго наѣздника, которому нѣтъ равнаго въ цѣлой окрестности. Проиграй онъ дѣло, и что-же останется? Исчезнетъ обаяніе непобѣдимости, оборвется послѣдняя нить, удерживающая общее презрѣніе, и градъ насмѣшекъ обрушится на голову джигита, привыкшаго отвѣчать вызывающимъ взглядомъ и нахальнымъ смѣхомъ на каждое двусмысленное слово.

А Аллаяръ?!.. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, его трясла жгучая лихорадка, онъ пригнулся къ шеѣ коня и впился глазами въ Достъ-Магомета.

Обѣ лошади не скакали... Развѣ можно назвать скачкою этотъ полетъ, съ которымъ и вѣтеръ не осмѣлится поспорить? Сильныя ноги почти не касались земли; казалось, что въ воздухѣ стелятся чудные кони, не поднимая пыли, вытянувшись въ одну стройную линію. Близка минута сшибки... Сцѣпились.

Столбъ пыли взвился на этомъ мѣстѣ. У всѣхъ захватило дыханіе...

Вороной конь лежалъ на боку, хрипя и судорожно дрыгая задними ногами. Онъ, казалось, продолжалъ скакать въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Шагахъ въ трехъ лежалъ навзничь Аллаяръ, запыленный, съ окровавленнымъ лицомъ. Онъ былъ безъ чувствъ, а можетъ быть, и мертвъ. Тутъ-же рядомъ лежалъ и призовый козелъ, въ шерсть котораго вцѣпились руки Аллаяра.

Верхомъ на дымящемся и дрожавшемъ на ногахъ рыжемъ стоялъ Достъ-Магометъ и пристально смотрѣлъ на конвульсіи издыхавшаго коня.

Съ крикомъ ринулись всѣ къ мѣсту происшествія, послѣзали съ лошадей и окружили Аллаяра; другіе кинулись къ лошади. Подъ лѣвой передней лопаткой вороного, какъ разъ противъ сердца, торчала костяная рукоятка ножа; на ней были серебромъ и бирюзой выложены хитрые узоры. Всѣ узнали, кому принадлежалъ ножъ, и глаза всѣхъ поднялись на Достъ-Магомета. Гдѣ-же онъ?!.. Онъ былъ тутъ сію минуту... Далеко въ степи, быстро удаляясь, бѣжало бѣловатое облачко пыли...

Рыжая лошадь Достъ-Магомета оказалась все-таки «единственною» въ окрестности.

КОЧЕВЬЯ ПО ИССЫКЪ-КУЛЮ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря, я со своимъ слугою каракиргизомъ выѣхалъ изъ г. Вѣрнаго. Цѣлью нашей поѣздки былъ аулъ Джиргаллы и, если позволитъ время, другія зимовки горныхъ киргизовъ по Тупу, Джиргаллѣ, Каскыръ-Дарьѣ и другимъ маленькимъ горнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ озеро Иссыкъ-Куль съ юго-восточной стороны.

Дорога намъ предстояла трудная, въ мѣстностяхъ дикихъ и совершенно ненаселенныхъ; до ближайшаго аула было, по крайней мѣрѣ, три дня пути, и то если въ одинъ день дѣлать не менѣе сорока или даже пятидесяти верстъ. Все необходимое для дороги надо было везти съ собою, а такъ-какъ мы ѣхали верхомъ, то пришлось значительно сократить кое-какія прихоти.

Прежде всего надо было запастись хорошими лошадьми; въ этомъ случаѣ — купленная пара вполнѣ удовлетворяла всѣмъ условіямъ горной, утомительной дороги. Кони эти были сибирской мохнатой породы, никогда незнавшіе теплой конюшни, вовсе незнакомые съ попоной, значитъ, такіе, которыхъ не удивишь никакой вьюгой, никакими морозами, никакими дорожными лишеніями. Впослѣдствіи эти лошади блистательно поддержали заслуженную славу своей превосходной породы.

Костюмъ нашъ состоялъ изъ теплыхъ полушубковъ, превосходно выдубленныхъ, настоящихъ романовскихъ, высокихъ сапогъ, надѣтыхъ сверхъ толстыхъ суконныхъ чулокъ, и мѣховыхъ высокихъ шапокъ; кромѣ того, были еще приторочены къ сѣдламъ по парѣ мягкихъ, валеныхъ сапоговъ для ночлеговъ и большія теплыя одѣяла изъ верблюжей, грубо

выдѣланной, шерсти. За сѣдломъ у моего киргиза былъ привязанъ мѣшокъ съ провизіей, заключавшейся въ пудѣ изрѣзаннаго ломтями свѣжаго мяса, нѣсколькихъ фунтовъ сахару, небольшого количества чаю и двухъ или трехъ хлѣбовъ; спиртъ и двѣ бутылки рому, тщательно зашитыя въ кошму, я взялъ къ себѣ на сѣдло, не рѣшившись довѣрить слугѣ такую драгоцѣнность. Дѣйствительно, натура моего спутника была такова, что онъ совершенно покойно прошелъ-бы мимо цѣлой кучи разбросаннаго золота, но не пропустилъ-бы случая воспользоваться плохо стоящей бутылкой.

Этого киргиза я нанялъ недѣли за двѣ еще до поѣздки; ему было семнадцать лѣтъ отъ роду; онъ былъ силенъ, превосходно сложенъ, хотя нѣсколько сутуловатъ, широко-скулый, съ черными, такъ и бѣгающими, живыми глазами и ярко-бѣлыми зубами, которые онъ показывалъ при каждой улыбкѣ и которыми онъ могъ-бы безъ затрудненія жевать олово. Онъ, видимо, гордился, что находится на службѣ у русскаго, при которомъ состоитъ въ качествѣ джигита (я никогда не называлъ его иначе), и съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ примѣривалъ онъ купленное мною для него полу-русское, полу-киргизское платье. Прошедшее этого господина, несмотря на то, что онъ былъ такъ молодъ, было не совсѣмъ безукоризненно; онъ, какъ оказалось впослѣдствіи, съ двѣнадцати лѣтъ бродилъ съ шайками горныхъ *барантачей* и только годъ тому назадъ оставилъ свой промыселъ. Что побудило его оставить прежнюю жизнь — неизвѣстно; кажется, какія-то недоразумѣнія въ компаніи; онъ никогда не говорилъ объ этомъ и, видимо, избѣгалъ даже намековъ на прежнее, благодаря которому, онъ превосходно зналъ всѣ окрестности, всѣ изгибы и тайны горныхъ тропинокъ и былъ незамѣнимъ для меня въ моихъ экскурсіяхъ. Звали его Байтакъ; онъ очень плохо говорилъ по-русски, впрочемъ, все-таки говорилъ, а это между киргизами рѣдкость.

У обоихъ насъ были за плечами двухстволки, кромѣ того, пара небольшихъ, карманныхъ револьверовъ, топоръ и длинные охотничьи ножи въ кожаной оправѣ.

Было ясное, зимнее утро. По дорогѣ, ведущей въ казачью станицу Софьино, попадалось на встрѣчу много ѣдущаго и идущаго народу; но мы скоро свернули направо и поѣхали цѣликомъ по неглубокому, не болѣе какъ въ четверть, снѣгу.

Мой Байтакъ велъ меня прямою, по его мнѣнію, ближайшею дорогою. Впереди ярко бѣлѣли покрытые снѣгомъ отроги Алматинскихъ горъ, къ которымъ и направлялись мы, придерживаясь лѣваго берега бѣгущаго къ намъ на встрѣчу ручья. Въ этихъ горахъ очень много теплыхъ и даже горячихъ ключей, которые не даютъ замерзать многимъ горнымъ рѣчкамъ, вливая въ нихъ свои воды. Часто, даже въ очень сильные морозы, не замерзаютъ эти ручьи, и голубоватый легкій паръ, подымаясь надъ водою, издали указываетъ ихъ теченіе.

Скоро мы подъѣхали къ подошвѣ горъ. Сытые кони почти незамѣтно сдѣлали около двадцати верстъ. Мы выбрали небольшое, свободное отъ снѣга, мѣсто и расположились приваломъ. Байтакъ говорилъ мнѣ, что верстахъ въ двадцатипяти отсюда живутъ въ горахъ сибирскіе казаки дроворубы; туда онъ хотѣлъ добраться, если возможно, засвѣтло и тамъ провести ночь. Мы недолго отдыхали, ровно столько, сколько нужно для того, чтобы сварить и выпить по нѣсколько чашекъ чая, и тронулись дальше, не теряя напрасно времени.

Дорога сначала шла узкимъ ущельемъ, постепенно подымаясь въ гору; буроватыя, причудливой формы, скалы тѣснились съ обѣихъ сторонъ, напирая на безъ того узенькую, елезамѣтную тропинку. Поминутно приходилось переѣзжать черезъ ручей, который бѣжалъ извилинами по дну ущелья, ворочая съ шумомъ усѣявшіе его дно мелкіе пестрые камни. Здѣсь почти не было снѣгу, кое-гдѣ только бѣлѣлъ онъ, затаившись въ глубокихъ трещинахъ; на немъ виднѣлись отпечатки маленькихъ лапокъ каменныхъ куропатокъ, которыхъ здѣсь вообще очень много, и поминутно слышалось ихъ звучное *кеклуканье*. Киргизы, ради этого звука, и называютъ ихъ кеклукъ, и пойманныхъ маленькихъ приручаютъ и держатъ, какъ домашнюю птицу. Эти куропатки ростомъ съ небольшую курицу, прелестнаго пепельнаго цвѣта, съ черными продольными полосками на головѣ и ярко-красными, какъ сургучъ, клювомъ и лапками. Онѣ очень жирны, особенно глубокой осенью, вкусны и могутъ сдѣлать честь любому гастрономическому обѣду.

Непривѣтливо смотрѣло это ущелье; сѣрый, зеленоватый мохъ, какъ старая плесень, покрывалъ угрюмые камни, изрѣдка между ними виднѣлись прошлогодніе тощіе кустарники; но вотъ дорога пошла какъ будто-бы шире, просторнѣй раздвинулись

стѣны ущелья, далеко показались туманныя, синеватыя массы, это громадные пихтовые лѣса, которые густо покрываютъ склоны Алматинскихъ горъ. Лошади, утомленныя хотя не крутымъ, но постояннымъ подъемомъ, пошли тише, и ременные поводья запѣнились на вспотѣвшей шеѣ.

Скоро довольно ясно видны были отдѣльныя темнозеленыя пихтовыя группы, красноватые стволы деревьевъ то тамъ, то сямъ показывались изъ-за зелени; сѣрыя облака, туманными полосами, тихо скользили по горнымъ склонамъ, и какую чудную, волшебную картину представляли въ эту минуту ряды заоблачныхъ, курчавыхъ, хвойныхъ вершинъ. Глухо шумѣли эти вѣковые лѣса. Чу! Вдали какъ-будто звякнулъ топоръ. Вотъ еще. Теперь ясно слышенъ знакомый металлическій звукъ. вотъ онъ замолкъ, вотъ опять; въ отвѣтъ ему звучно вторитъ горное эхо. И сюда, въ такую глушь, забрался *ты*, вѣчный труженникъ; въ эти далекіе, заоблачные лѣса загнала тебя или корысть, или нужда.

День вечерѣлъ; въ воздухѣ пріятно пахло смолою. Дорога исчезла вовсе. Мой Байтакъ осторожно ѣхалъ впереди, руководясь какими-то невидимыми, одному ему извѣстными, признаками. Лошади робко жались, навостривши уши, и вздрагивали при каждомъ неопредѣленномъ звукѣ. Иногда приходилось останавливаться, слѣзать и пѣшкомъ пробираться впередъ; то вдругъ, большое, старое дерево, вывороченное съ корнемъ, то раща въ разныя стороны свои давно обезхвоенныя вѣтви, упрямо загораживало дорогу; надо было обходить его, что не всегда доставалось легко, нѣсколько разъ мы пускали въ дѣло свой топоръ, а между тѣмъ, темнѣло — и темнѣло довольно быстро. Мой киргизъ упрямо держался одного и того-же направленія, иногда онъ затягивалъ свою заунывную, безконечную пѣсню и изрѣдка оглядывался на меня, какъ-бы приглашая взглядомъ слѣдовать за нимъ, не сомнѣваясь въ его знаніи мѣстности; но очевидно было, что самъ онъ шелъ только по какому-то непонятному инстинкту, можетъ быть, по тому самому, по какому собака, завезенная на нѣсколько сотъ верстъ, безошибочно находитъ дорогу къ дому своего хозяина.

Съ полчаса еще двигались мы; наконецъ, стало совершенно темно. Тамъ, высоко-высоко, гораздо выше насъ, краснѣла еще какая-то скалистая вершина, выглядывая изъ-за сизой

широко распахнувшейся тучи: но скоро и она начала темнѣть и темнѣть, а минутъ черезъ пять потухла вовсе, и даже самыя очертанія ея исчезли, слившись съ далекими, неяснымп облаками. Наступила ночь.

А мы все двигались и двигались, спотыкались о камни, задѣвали головами о мокрыя иглистыя вѣтви и тащили въ поводу храпящихъ, осторожно переступающихъ коней. Вотъ чалый конь, котораго велъ Байтакъ, вдругъ шарахнулся въ сторону, натянувъ, какъ струну, ременный поводъ, мой сѣрый тоже вздрогнулъ и попятился. Саженяхъ въ десяти отъ насъ затрещали сучья подъ чьими-то тяжелыми ногами, что-то торопливо удалялось отъ насъ; вотъ впереди въ темнотѣ блеснули двѣ красноватыя точки, послышалось сдержанное, испуганное ворчаніе, и трусливое животное тоже бросилось удирать, догоняя своего товарища.

Байтакъ увѣрялъ меня, что это были медвѣди. Правда, въ этихъ лѣсахъ во множествѣ водится не крупная, чернобурая порода, но теперь было время спячекъ, и появленіе этихъ прогуливающихся звѣрей чрезвычайно меня удивило; развѣ что эта пара была потревожена въ своихъ логовищахъ неопытнымъ промышленникомъ и не успѣла еще отыскать себѣ другой, болѣе покойной залежки.

Казалось, конца не будетъ нашему странствованію, мы просто играли въ жмурки въ этой непролазной глуши. Уже мнѣ не разъ приходила въ голову мысль о томъ, чтобы остановиться, разложить огонь, благо матеріаловъ для этого кругомъ было достаточно, и расположиться на ночлегъ, отложивъ до завтра надежду добраться до зимовки казаковъ дроворубовъ.

— Хозяинъ, эй! хозяинъ!—раздался голосъ моего киргиза и прервалъ нить моихъ размышленій объ остановкѣ.

— Что новаго?—спросилъ я.

— Тамъ, вотъ туда, казакъ кибитка,—говорилъ Байтакъ, подойдя ко мнѣ и тыкая рукою нѣсколько влѣво.—Баранъ жарилъ, собака кричалъ. Эй, гайда! дорога кончалъ!

Я прислушался; дѣйствительно, далеко-далеко едва доносился до слуха отрывистый собачій лай, но чтобы пахло жареным бараномъ, этого я рѣшительно не могъ услышать. На это способенъ одинъ только, да и то сильно проголодавшійся, киргизъ.

Мы тронулись дальше, измѣнивъ немного направленіе. Надо было спуститься на дно неглубокаго оврага. Громадная скала, выступая изъ лѣсныхъ массъ, едва рисовалась въ ночномъ туманѣ; мы шли прямо на нее.

Лѣсъ сталъ по-немногу рѣдѣть, идти было гораздо удобнѣе, мы даже могли сѣсть на лошадей; мнѣ показалось, что подъ ногами нашихъ усталыхъ коней тянется что-то похожее на тропинку. Черезъ четверть часа мы были уже у подножья большого, скалистаго уступа и едва только обогнули его, то ясно увидѣли, сквозь черные силуэты неподвижныхъ деревьевъ, небольшое красное зарево. Мы добрались-таки до казачьей стоянки и скоро сидѣли около цѣлой груды раскаленныхъ угольевъ, отогрѣвая свои измученные члены, въ ожиданіи стакана горячаго ароматическаго чая.

Жилище, пріютившее насъ, или, вѣрнѣе сказать, логовище, потому что оно мало чѣмъ отличалось отъ медвѣжьихъ сооруженій, едва могло помѣстить пять человѣкъ. Въ пологомъ каменистомъ скатѣ была вырыта четыреугольная землянка, на нее накатанъ былъ рядъ толстыхъ смолистыхъ бревенъ, щели между ними были плотно задѣланы мохомъ, и сверху насыпанъ слой земли въ полъ-аршина толщиною; передняя стѣна состояла изъ неотесанныхъ стоекъ, вбитыхъ одна подлѣ другой и тоже законопаченныхъ мохомъ; въ этой стѣнѣ была сдѣлана узкая дверь, ходившая на кожаныхъ, прибитыхъ гвоздями, петляхъ. Все внутреннее убранство этой землянки состояло изъ досчатыхъ наръ, двухъ или трехъ полокъ и разнаго, форменнаго и не форменнаго, оружія, очень красиво развѣшаннаго по стѣнамъ на вбитыхъ колышкахъ. Въ противоположной отъ двери стѣнѣ было вырыто полукруглое углубленіе, служащее печью, дымъ изъ которой выходилъ въ пробитое въ потолкѣ не широкое отверстіе. Когда мы пріѣхали сюда, то огня не было въ этой незатѣйливой печкѣ, а роскошные остатки громаднаго дарового костра искрились и пылали саженяхъ въ десяти передъ входомъ.

Здѣсь жила компанія, состоящая изъ шести казаковъ Надеждинской станицы. Они, въ продолженіе всего лѣта и части зимы, занимаются рубкою лѣса и стаскиваніемъ его къ берегамъ горныхъ потоковъ. Сучья тщательно обчищаются, и оголенныя пихтовыя бревна складываются по берегамъ, въ ожи-

даніи весенняго таянія снѣговъ на далекихъ вершинахъ. Съ половины мая начинается это таяніе, и тогда каждый, до сихъ поръ едва замѣтный, ручей становится шумящимъ, неудержимо стремящимся внизъ потокомъ. Въ это время, заготовленныя заранѣе, бревна сталкиваются въ воду и сплавляются внизъ, гдѣ и перехватываются на пунктахъ, съ которыхъ удобна уже дальнѣйшая перевозка на лошадяхъ или волахъ. Всѣ бревна переклеймены заранѣе, во избѣжаніе какихъ-нибудь недоразумѣній при разборкѣ. Видъ горнаго потока во время сплавки восхитителенъ. Мнѣ разъ удалось присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. Громадныя деревья, увлекаемыя грязной, пѣнящейся волною, стремятся внизъ, сталкиваясь между собою; стукъ этотъ съ ревомъ и плескомъ воды, отражаясь въ скалистыхъ горахъ, слышенъ почти за десять верстъ, словно далекіе, глухіе раскаты грома. Впрочемъ, если вода беретъ на себя главную массу труда, то все-таки не мало остается его и на долю человѣка. Часто какая-нибудь совершенно непредвидѣнная сила задержитъ два или три бревна, къ нимъ пристраиваются еще и еще, и какія усилія нужны, чтобы снова дать ходъ задержанной массѣ и затѣмъ слѣдить, чтобы подобныя задержки случались, по-возможности, рѣже. Между тѣмъ, далеко небезопасно бороться горсти людей съ силою потоковъ, съ тяжестью бревенъ, съ неудобными, почти непроходимыми береговыми тропинками. Ни одной весны не проходитъ, чтобы не случилось нѣсколькихъ несчастій. Недавно мнѣ разсказывали послѣдній несчастный случай. Два калмыка возились съ баграми надъ нагромоздившимся въ узкомъ мѣстѣ лѣсомъ; вдругъ одинъ изъ нихъ поскользнулся, оборвался и въ страхѣ ухватился за одежду товарища, тотъ тоже не удержался на мокромъ, скользкомъ бревнѣ, и оба полетѣли въ воду. Не успѣли они выбраться на берегъ, какъ силою воды прорвало случайную плотину, масса бревенъ хлынула и совершенно измолола несчастныхъ рабочихъ; только черезъ два дня отыскали ихъ обезображенные, утратившіе всякій человѣческій образъ трупы.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда край этотъ былъ совсѣмъ дикій, когда не знали еще многаго, что въ немъ находится, новые поселенцы безотчетно пользовались этимъ лѣснымъ богатствомъ: самыя незначительныя постройки созидались изъ

превосходныхъ строевыхъ бревенъ. Я самъ видѣлъ въ Вѣрномъ и Любовномъ (Кескеленѣ) простые заборы, сбитые изъ аршинныхъ бревенъ. Теперь стали заботиться о прекращеніи такого вовсе не экономическаго порядка и значительно ограничили истребленіе этой чудной горной растительности. Между прочимъ, строго запрещена топка печей строевыми бревнами, что прежде было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, благо удобнѣе перевозить ихъ, чѣмъ корявые, извилистые, но, тѣмъ не менѣе, очень толстые сучья. Все-таки каждое лѣто сотни сильныхъ, широкорогихъ воловъ тащатъ по дорогамъ въ Вѣрный и другія станицы семирѣченскаго казачьяго войска массивные, телѣжные передки, нагруженные сплавленнымъ лѣсомъ. Велика на него потребность, но велики также и его запасы, въ продолженіе десятковъ вѣковъ выросшіе въ недоступныхъ, горныхъ мѣстностяхъ.

Когда мы слѣзли съ лошадей передъ описанной мною землянкой, то не все населеніе ея было дома; мы застали только двухъ человѣкъ: одинъ, казакъ, хлопоталъ около огня, на которомъ въ плоскомъ котлѣ жарилось въ салѣ нарѣзанное мясо (острое обоняніе киргиза не обмануло его), другой, маленькій, грязный калмыкъ-китаецъ сидѣлъ по-одаль на корточкахъ, такъ-что его черная щетинистая коса касалась земли, уныло смотрѣлъ своими туповатыми, косыми глазками и жадно втягивалъ носомъ запахъ жарившагося сала. Около него лежали связанныя вмѣстѣ шкурки превосходныхъ пушистыхъ куницъ, которыя онъ принесъ къ казакамъ мѣнять на муку, порохъ и свинецъ. Я потомъ пріобрѣлъ эти шкурки у казаковъ по два рубля за штуку: вѣроятно, дешево достались они казакамъ, когда изъ вторыхъ рукъ я купилъ ихъ за четверть ихъ настоящей стоимости.

Однимъ изъ достоинствъ моего киргиза было умѣнье чрезвычайно скоро и комфортабельно устраиваться на привалахъ, ночлегахъ и всевозможныхъ отдыхахъ. Менѣе чѣмъ въ четверть часа лошади наши были разнузданы и привязаны къ приколамъ; на землѣ, по близости къ огню, разложены были наши одѣяла, и брошены сѣдельныя подушки; походный мѣдный чайникъ, подвѣшенный къ треногѣ, закипалъ, и Байтакъ подсѣлъ уже къ огню и самодовольно поглядывалъ то на меня, то на казака, то къ нему въ котелъ, то удостои-

валъ своего вниманія жалкаго, сидящаго съ просительной миною калмыка.

— Вы изъ Вѣрнаго, что-ли?—спросилъ меня казакъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— А далеко-ли?—продолжалъ онъ допрашивать.

Я сказалъ.

— А, въ Джиргаллы: знаю. Изъ нашихъ не былъ никто, а слыхивали. Что-жь, за дѣломъ, али такъ?..

Я отвѣчалъ, что за дѣломъ.

— Должно, купцы!—подумалъ онъ вслухъ.

— А гдѣ твои товарищи?—сталъ я его допрашивать, въ свою очередь.

— Шляются,—отвѣчалъ онъ,—медвѣдей, слышь ты, поднимать ходили. Надо быть, скоро назадъ придутъ!

— Ты давно живешь здѣсь?

— Я-то? Нѣтъ я недавно, шесть мѣсяцевъ всего, а вотъ у насъ Головинъ урядникъ, такъ тотъ пятый годъ здѣсь, въ лѣсу, треплется!

Мы скоро разговорились съ словоохотливымъ сибирякомъ; онъ охотно пускался въ разныя подробности о своемъ промыслѣ, о жизни вообще въ новомъ краѣ, о прежнихъ порядкахъ, короче о всемъ, что было для меня чрезвычайно интересно, и не прошло часу, какъ онъ сдѣлался большимъ моимъ пріятелемъ, особенно послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю съ подлитымъ ромомъ, что было очень полезно на свѣжемъ, ночномъ воздухѣ.

Скоро вернулась остальная компанія: народъ все молодой, краснолицый и здоровый; одинъ только былъ значительно старше прочихъ, съ темною посѣдѣвшей бородой и съ худощавымъ, не совсѣмъ русскимъ лицомъ. Это-то и былъ урядникъ Головинъ, большой любитель лѣсной полудикой охотничьей жизни. Съ пришедшими прибѣжало нѣсколько разношерстныхъ собакъ-сибирокъ, которыя не ласково посмотрѣли на насъ, поворчали, потомъ недовѣрчиво понюхали наши вьюки и улеглись неподалеку, грѣясь и помахивая пушистыми, бѣлыми хвостами.

Казаки стали ужинать, бросивъ большую, съ достаточнымъ еще количествомъ мяса, кость несчастному калмыку, который съ жадностью принялся обгладывать эту подачку. Видно было, что бѣднякъ былъ до крайности голоденъ.

Черезъ полчаса всѣ отправились спать. Я съ Байтакомъ предпочелъ почевать на открытомъ воздухѣ, чѣмъ идти въ душную, да и не совсѣмъ опрятную, землянку. Киргизъ распорядился такимъ образомъ: онъ натаскалъ мелкихъ пихтовыхъ вѣтвей, сдѣлалъ изъ нихъ родъ очень удобной постели и покрылъ ее нашими толстыми одѣялами: вышло очень тепло и спокойно. Сдѣлавъ это, онъ убралъ лошадей, осмотрѣлъ прочность приколовъ, потрепалъ мимоходомъ собаку и, свернувшись, улегся около огня, покрывшись съ головою своимъ полушубкомъ. Скоро все спало, какъ въ самой землянкѣ, такъ и внѣ ея.

Какая чудная, торжественная тишина царствовала въ окрестностяхъ; изрѣдка только какіе-то неопредѣленные звуки пронесутся въ воздухѣ, разбудивъ горные отголоски, и снова тихо, сново всеобщее, строгое безмолвіе. Славно спится въ подобныя ночи...

Когда я проснулся, то всѣ вокругъ меня были уже на ногахъ, хотя едва только разсвѣтало. Байтакъ уже успѣлъ сварить чай и посѣдлать лошадей. Съ восходомъ солнца надо было отправиться далѣе. Я распрощался съ казаками, которые пожелали намъ счастливаго пути, а двое изъ нихъ вызвались даже проводить насъ верстъ за пять, чтобы показать ближайшую, по ихъ мнѣнію, дорогу въ Чиликскую долину.

Солнце еще не всходило, но сквозь утренній, голубоватый туманъ краснѣлись уже отдаленныя вершины, захваченныя первыми лучами.

Мы сѣли на лошадей и тронулись въ путь. Теперь было гораздо удобнѣе ѣхать лѣсомъ, нежели почью, по крайней мѣрѣ, не испытывались разныя, чрезвычайно непріятныя и совершенно неожиданныя случайности. Лошади шли вѣрнымъ шагомъ, не спотыкаясь, не скользя, не смотря на изрытыя, едва замѣтныя, тропинки; къ тому-же большею частію приходилось идти подъ гору, и скоро мы начали выбираться изъ лѣсныхъ чащъ въ открытыя, каменистыя, снова лишенныя всякой растительности, лощины. Здѣсь разстались съ нами провожавшіе насъ казаки, оставивъ насъ вдвоемъ съ Байтакомъ продолжать наше путешествіе.

Дорога пошла гораздо шире; можно было даже ѣхать рядомъ, а мѣстами и ускорять шагъ. Справа и слѣва пошли

отлогіе, покрытые снѣгомъ, скаты; волчьи слѣды часто пересѣкали дорогу; видно было, что ихъ довольно водилось въ этой глухой, пустынной мѣстности. Довольно холодный вѣтеръ заставилъ насъ плотнѣе запахиваться и туже подтянуть наши ременные кушаки. Скоро мы совсѣмъ спустились съ Алматинскихъ горъ, впереди насъ растянулась Чиликская долина, а за нею снова синеватая горная цѣпь, снова причудливые, тяжелые горные подъемы.

Къ полудню мы подъѣхали къ берегамъ Чилика. Эту небольшую рѣчку мы нашли совершенно замерзшею. Жалкій желтоватый камышъ изрѣдка виднѣлся на ея пустынныхъ берегахъ, а по другую сторону круто подымались голые скаты хребта Мергенъ-Шера.

Мы повернули вдоль берега. Вѣтеръ дулъ намъ въ спину и загибалъ между ногъ пушистые хвосты нашихъ коней. По неглубокому снѣгу было очень удобно ѣхать, кое-когда только кованный копытъ звякалъ о черные куски плитняка, тамъ и сямъ виднѣвшіеся изъ-подъ снѣга. Ледяная кора, покрывшая собою Чиликъ, кое-гдѣ была какъ-бы разорвана, надъ синими извилистыми трещинами вился легкій паръ. Становилось морозно.

Часа черезъ полтора мы пріѣхали въ небольшую калмыцкую зимовку. Мы еще издали видѣли какую-то черную массу, лѣпившуюся по самому берегу. Малорослыя, грязныя существа копошились около своихъ жилищъ и при нашемъ приближеніи, какъ-будто испугавшись, попрятались въ свои норы; человѣкъ шесть осталось на дворѣ и вышли намъ на встрѣчу. Это были мужчины, а попрятавшіяся—ихъ жены и дѣти. Штукъ двадцать разномастныхъ, худыхъ собакъ, свирѣпо лая и прыгая, окружили нашихъ лошадей. Байтакъ пустилъ въ дѣло длинную киргизскую плеть, которою и удерживалъ въ почтительномъ отдаленіи собачью стаю.

Эта зимовка состояла изъ одной кошменной желомейки, чрезвычайно широко разставленной и обнесенной кругомъ камышевымъ заборомъ, двухъ или трехъ землянокъ съ маленькими отверстіями для входа и полуразвалившейся глиняной стѣнки, за которой стояли нѣсколько, довольно крупныхъ, ишаковъ и одинъ высокій тощій верблюдъ, обвѣшанный какими-то грязными тряпками. Здѣсь мы расположились немного

отдохнуть. Войти въ желомейку или землянку мы не рѣшились,—такой смрадъ, вмѣстѣ съ чернымъ ѣдкимъ дымомъ, несся изъ дверей этихъ грязныхъ логовищъ. Мы выбрали неподалеку мѣсто, довольно сухое и свободное отъ снѣга, гдѣ и привязали нашихъ коней и разостлали коврики. Байтакъ распоряжался, какъ у себя дома; онъ повелительно кричалъ, посылая то за тѣмъ, то за другимъ, заглянулъ во всѣ землянки, далъ подзатыльникъ одному длинноносому джентльмену. Результатами его дѣятельности было то, что черезъ четверть часа мы пили горячій, ароматическій чай, а шагахъ въ трехъ весело трещалъ небольшой огонекъ, на которомъ жарились, нанизанные на желѣзный шомполъ, кусочки жирной баранины.

Населеніе этой зимовки, встрѣтившее насъ сначала недовѣрчиво и съ боязнью, скоро ободрилось и, мало-по-малу, окружило нашъ лагерь, съ любопытствомъ слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ. Оно состояло изъ семи взрослыхъ мужчинъ, считая сюда-же и двухъ дряхлыхъ стариковъ съ какими-то сѣдыми огрызками вмѣсто косъ, одиннадцати женщинъ и цѣлой кучи ребятишекъ разныхъ возрастовъ. Одежда на нихъ была самая жалкая, если только можно назвать одеждой то, что прикрывало ихъ наготу; на одной только дѣвушкѣ было что-то въ родѣ полосатаго халатика, сохранившее еще свой цвѣтъ и покрой. Некрасиво, шибко некрасиво это племя; плоское лицо, книзу шире, чѣмъ во лбу, узкія щели вмѣсто глазъ, наискось идущія къ приплюснутому, широкому носу, безцвѣтныя узкія губы, вѣчно сложенныя въ какую-то странную, почти идіотическую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыразимо грустную улыбку, широкіе, ярко-бѣлые зубы, у женщинъ окрашенные въ черную краску, низкій ростъ, короткія, какъ-будто искривленныя ноги и длинныя руки, лѣниво болтающіяся по бокамъ, вотъ наружные признаки этого племени; если къ этому мы прибавимъ характеристичную, жесткую косу на обритой головѣ и отвратительный букетъ чеснока, пота, нюхательнаго табаку и еще чего-то сквернаго, то получимъ вѣрный портретъ любого экземпляра изъ сидѣвшей вокругъ насъ публики. Женщины не отличались отъ мужчинъ своимъ костюмомъ, ихъ можно было отличать только по подбородкамъ, непокрытымъ черноватой шерстью (я рѣшительно не могу назвать это громкимъ именемъ волоса), какъ у мужчинъ, и по удивительной округлости

нѣкоторыхъ формъ, что очень интересовало моего Байтака, который не пропускалъ случая дѣлать свои физіологическія наблюденія, энергично хлопоча о нашемъ бивачномъ благоустройствѣ. Между дѣтьми попадались субъекты положительно безъ всякихъ признаковъ одежды, несмотря на довольно сильный холодъ; были и грудные ребятишки, которые, изъ-за пазухъ матерей, выставили свои черныя, кошачьи мордочки.

Киргизы называютъ это бѣдное племя калмукъ, мы-же, официально, китайскими калмыками, вѣроятно, потому китайскими, что большинство ихъ—подданные небесной имперіи. На зиму они группируются обыкновенно по-близости большихъ русскихъ селеній, гдѣ нанимаются на разныя домашнія и общественныя работы, большею частію самаго незавиднаго свойства. Рѣдко нѣсколько семей, группируясь, проводятъ время холодовъ и непогоды въ самостоятельныхъ зимовкахъ, въ родѣ той, въ которой мы находились въ эту минуту. Отличительная черта характера этихъ дикарей лѣнь и тупое равнодушіе къ нищетѣ и совмѣстнымъ съ нею лишеніямъ.

У одной изъ женщинъ на шеѣ, вмѣстѣ съ другими амулетами, висѣла маленькая фигурка изъ олова, величиной съ обыкновенныя шахматныя фигуры, что-то въ родѣ пузатаго человѣка, сидящаго съ поджатыми ножками; фигурка эта была просверлена посрединѣ и нанизана на мѣдную проволоку. Я попросилъ продать этого идольчика и тотчасъ-же получилъ его за двѣ серебрянныя монетки, по двадцати копеекъ каждая; не слишкомъ-то дорого цѣнятся здѣсь оловянные представители божествъ; впрочемъ, двухъ амулетовъ, зашитыхъ въ зеленыя тряпочки, я не могъ купить вовсе: серебрянная мелочь оказалась безсильна. Я узналъ, что въ этихъ таинственныхъ мѣшочкахъ заключалось средство побѣждать непокорныя женскія сердца. Еще-бы продать такую драгоцѣнность?!

Недолго мы гостили у нашихъ новыхъ знакомыхъ и, щедро расплатившись за сожженный нами камышъ и услуги, тронулись далѣе.

По хрупкому, тонкому льду мы перебрались черезъ Чиликъ и направились въ горы. Снова потянулись голыя, растрескавшіяся скалы; снова неудобныя, скользкія тропинки. Сырой, холодный туманъ охватывалъ насъ со всѣхъ сторонъ; наши бараньи шапки, волосы, платье, лошади — все было мокро;

*

пронзительный вѣтеръ свисталъ и стоналъ, вырываясь изъ боковыхъ ущелій; Мергенъ-Шера сурово встрѣчалъ своихъ гостей. Ни одно растеніе не пробивалось сквозь грязноватый снѣгъ; все кругомъ камни и камни, черные, сѣрые, зеленоватые, красные, то въ грозныхъ, рѣзко очерченныхъ скалахъ, то раздробленными массами, жались съ боковъ, толпились спереди, нависли съ верху и звучно, металлически звенѣли подъ кованнымъ копытомъ.

Начало уже темнѣть, когда мы, измучивши нашихъ лошадей и утомившись до-нельзя сами, расположились на ночлегъ. Мѣсто, выбранное нами для ночлега, не было случайной находкой; Байтакъ еще прежде бывалъ здѣсь, да и не онъ одинъ, что видно было по кучкамъ золы. Это была довольно просторная пещера съ пологою площадкою передъ входомъ. Входъ въ это убѣжище былъ не очень широкъ, навьюченная лошадь входила въ него съ трудомъ, но за то далѣе, съ каждымъ шагомъ эта пещера, или правильнѣй сказать, разсѣлина, расширялась, и шагахъ въ двѣнадцати отъ входа была настолько просторна, что въ нее смѣло могло помѣститься человѣкъ десять вмѣстѣ съ своими лошадьми. Далѣе и вверхъ она съуживалась: впереди она сливалась въ узкую трещину и совершенно исчезала во мракѣ, вверху-же виднѣлось высокое природное окно, узкой, зубчатой трещиной выходя на поверхность горы. Полъ покатый ко входу, скользкій и усѣянный мелкими черными плитками.

Густой мракъ царствовалъ въ этомъ убѣжищѣ, когда мы съ Байтакомъ забрались въ него и втащили за собою, слегка упиравшихся и похрапывающихъ, чалаго и сѣраго, но опытный киргизъ скоро разогналъ тьму. Онъ еще заранѣе, на стоянкѣ у калмыковъ захватилъ нѣсколько пучковъ заготовленнаго камыша, который и пригодился намъ здѣсь и какъ освѣщеніе, и какъ отопленіе, впрочемъ, правильнѣе сказать, средство для варки чая.

Ярко вспыхнулъ пучекъ зажженнаго камыша, и кровавымъ свѣтомъ, сверкая тысячами искръ, озарились мокрыя, фантастическія стѣны разсѣлины. Голубоватое, туманное очертаніе окна тотчасъ-же исчезло, уничтоженное сильнѣйшимъ свѣтомъ, а вверху, въ самыхъ темныхъ углахъ, словно бѣлая паутина, протянулись серебристыя кружева сталактитовъ. Крупныя летучія мыши, разбуженныя нашимъ приходомъ, зачертили въ

воздухѣ, шелестя своими мягкими крыльями; по мокрому полу шлепали крупныя и мелкія жабы, удаляясь въ глубину пещеры отъ безпокойныхъ посѣтителей.

Мы выбрали мѣстечко по-суше, расчистили накопившійся здѣсь конскій навозъ и разостлали свои одѣяла. Байтакъ, пріютивъ лошадей, отправился за водою къ небольшому горному ручью, шумъ котораго ясно доносился до нашего уха, а я, сбросивъ съ плечъ мокрое верхнее платье, занялся огнемъ, не давая ему потухать и экономничая нашимъ скуднымъ запасомъ топлива. Скоро вернулся Байтакъ; онъ принесъ, между прочимъ, порядочную охапку сухой прошлогодней колючки, которую нашелъ въ лощинѣ у береговъ потока, что было очень кстати, и занялся приготовленіемъ ужина.

Незамысловатъ былъ нашъ походный ужинъ, онъ состоялъ изъ одного только блюда: маленькими кусочками изрѣзанная баранина апетитно подрумянилась, нанизанная на шомполъ, и издавала пріятный, раздражающій апетитъ запахъ. На Кавказѣ это блюдо называется шашлыкъ, здѣсь-же оно носитъ болѣе характеристичное названіе бешь-бармакъ, что значитъ пять пальцевъ. Впрочемъ, киргизы могли-бы всѣ свои кушанья назвать бешь-бармакомъ, потому что они вовсе незнакомы съ употребленіемъ вилокъ, да и ложки встрѣчаются у нихъ далеко не за всякимъ обѣдомъ. Скоро мы поужинали, напились чаю и залегли отдыхать. Полная тишина наступила въ пещерѣ. Наши кони медленно пережевывали ячмень, навѣшанный въ торбахъ. Откуда-то сверху просачивалась вода и крупными каплями звонко щелкала о каменный полъ. До самаго разсвѣта ничто не потревожило нашего спокойствія.

Со свѣтомъ мы посѣдлали коней и выбрались снова на свѣтъ божій. День обѣщалъ быть хорошимъ. Ночной порывистый вѣтеръ разогналъ тяжелыя тучи, и небо было чисто, внизу, по ущельямъ ползали еще туманныя облака, но и они становились рѣже и рѣже, разсѣеваясь въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

Часа черезъ четыре, мы, съ высокаго каменнаго уступа, на которомъ расположились отдохнуть, увидѣли Иссыкъ-Куль. Темносиняя, слегка туманная полоса тянулась по южному горизонту. Потомъ мы потеряли его изъ виду и снова увидѣли это озеро уже вблизи, когда совершенно спустились къ рѣкѣ Тупу. Мергенъ-Шера круто, почти обрывисто, спускается

къ водамъ Иссыкъ-Куля; влѣво-же, къ низовьямъ Туна и Джиргаллы, этотъ хребетъ сливается съ низменностями постепенными, пологими скатами.

Недолго длился нашъ отдыхъ, и часа въ два пополудни мы спустились въ низовья, заросшія тальникомъ, камышами и жидкимъ верескомъ. Снова моему Байтаку вздумалось бросить довольно ясную тропинку и отыскивать прямую, кратчайшую дорогу; я уже не противорѣчилъ ему, положившись вполнѣ на опытность и знаніе моего вожатаго, да къ тому-же я зналъ, что вообще люди его породы чувствуютъ какую-то ненависть къ дорогамъ вообще и къ торнымъ въ особенности. Большею частью намъ приходилось пробираться черезъ камыши, почва здѣсь была солонцеватая, но, скрѣпленная небольшимъ морозомъ, довольно хорошо выдерживала тяжесть лошадей. Иногда мы огибали маленькія, неправильной формы, болотца, затянутыя тонкою корою льда, иногда-же намъ встрѣчались довольно значительныя топкія пространства, усѣянныя торфяными, кое-гдѣ изрытыми, кочками; лошади вязли по колѣна, случалось, что и болѣе; тогда Байтакъ останавливался, привставъ на стременахъ, внимательно осматривался, словно нюхалъ воздухъ: не пахнетъ-ли гдѣ-нибудь болѣе удобнымъ путемъ—и потомъ внезапно, какъ будто по вдохновенію, сворачивалъ въ сторону и дѣйствительно находилъ или протоптанную дикими свиньями тропинку, или-же недалекій объѣздъ, неотклонявшій насъ слишкомъ отъ даннаго направленія. Какое приволье здѣсь для отвергнутыхъ Магометомъ животныхъ, и какое множество плодится ихъ въ этихъ ненаселенныхъ низменностяхъ! Молодые побѣги камыша, гнѣзда водяныхъ птицъ, безчисленные земноводные—все служитъ имъ обильнымъ и сытнымъ кормомъ. Въ лѣтнія жары есть гдѣ спрятаться отъ палящихъ лучей солнца: заберется звѣрь въ прохладную болотную грязь, и нѣтъ ему дѣла до тридцати-пяти-градуснаго жара; одна только щетинистая, вооруженная бѣлыми клыками морда виднѣется на поверхности и тяжело сопитъ и хрюкаетъ, отфыркиваясь отъ мріадъ комаровъ и разныхъ болотныхъ мошекъ. Самый опасный врагъ — человѣкъ, проникнутый религіознымъ фанатизмомъ, оставляетъ въ покоѣ этихъ животныхъ; не нужно ему это вкусное мясо, отъ запаха котораго онъ отворачивается съ омерзѣніемъ.

Прежде китайцы не пренебрегали охотой на свиней, но давно уже отошли къ востоку сыны небесной имперіи, оттѣсненные мусульманскими кочевниками. Большіе, приземистые волки (каскыръ, по-киргизски), которыхъ тоже довольно водится въ окрестностяхъ, подавливаютъ молодыхъ поросятъ, и частенько въ камышахъ раздается пронзительное, жалобное взвизгиваніе; но плодлива эта щетинистая порода, и на убылыя мѣста является по нѣсколько кандидатовъ разомъ, не давая рѣдѣть этому толстокожему населенію. Есть еще одинъ врагъ, ну, да это уже рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ; я говорю о тиграхъ. Значительно южнѣе, въ Тянь-Шаню, довольно часто встрѣчается эта кровожадная порода, сюда-же рѣдко заходятъ ея представители: раза два-три въ годъ заберется въ эти стороны полосатый красавецъ и заляжетъ въ камышахъ, прильнувши къ землѣ, положивъ на-переднія, когтистыя лапы свирѣпую морду съ прищуренными, какъ будто дремлющими, глазами, и едва шевеля вытянутымъ, кольчатымъ хвостомъ, подстерегаетъ или безпечную свиную семью, или-же робкаго джигитая, который осторожно, едва щелкая своими копытцами и навостривъ длинныя уши, пробирается къ водопою.

Нашу дорогу пересѣкла большая компанія свиней: шумя камышомъ и сопя, онѣ пробирались по одиночкѣ, медленно вытаскивая изъ грязи свои ноги; ихъ было, по крайней мѣрѣ, штукъ десять: три или четыре большихъ, остальныя подростки. Завидѣвъ насъ, онѣ пугливо хрюкнули, подняли свои клыкастыя морды и со всѣхъ ногъ бросились въ сторону, чрезвычайно легко и смѣло прыгая черезъ кочки. Меня поразила эта легкость въ такихъ, повидимому, нелегкихъ животныхъ.

Въ этой мѣстности водятся также въ большомъ количествѣ куланы и джигитаи. Сразу неопытный взглядъ не найдетъ разницы въ наружности того и другого животнаго. Я помню, что еще ребенкомъ я читалъ въ какомъ-то руководствѣ зоологіи, что *куланъ*, или *джигитай* такое-то, молъ, животное и водится тамъ-то. Разница между ними существуетъ, и если вы ошибетесь, видѣвши по-очередно того и другого, то уже ни какимъ образомъ не впадете въ ту-же ошибку, увидѣвши ихъ вмѣстѣ. Опытный взглядъ кара-киргиза за версту отличитъ одинъ табунъ отъ другого — это мнѣ самому приходилось не разъ видѣть впослѣдствіи.

Маленькое однокопытное животное, немного по-больше и стройнѣе обыкновеннаго осла, желтовато-сѣраго цвѣта, съ черною полосою по хребту и черными-же кончиками ушей— вотъ описаніе, годящееся какъ для джигитая, такъ и для кулана. Если-же вы поставите ихъ рядомъ, то увидите, что джигитай немного выше, уши у него покороче, взглядъ поживѣе, да и вообще въ немъ какъ-то болѣе конскаго, чѣмъ въ куланѣ, въ которомъ ужъ слишкомъ много ослинаго. Эти троюродные братья, если можно такъ выразиться, не сходятся въ общіе табуны, держатся порознь и, видимо, чуждаются другъ друга. Въ иссыкъ-кульскихъ окрестностяхъ преимущественно водится куланъ; джигитай-же встрѣчается нѣсколько рѣже.

Къ сумеркамъ мы перебрались вбродъ черезъ полузамерзшій Тупъ и приблизились почти къ самому берегу Иссыкъ-Куля. Наша надежда добраться къ ночи въ Джиргаллы рушилась; мы наткнулись на небольшую зимовку кара-киргизъ, версты за двѣ отъ лѣваго берега Тупа, и рѣшились здѣсь провести ночь, не рискуя продолжать дорогу въ такой быстро наступающей темнотѣ.

Зимовка состояла изъ шести просторныхъ желомеекъ, тростниковой загороди для лошадей, чисто выбитой площадки передъ входами и вообще носила на себѣ видъ достатка, даже небольшой роскоши. Желомейки были акуратно поставлены, кошмы на нихъ, хотя и закоптѣлыя, но тщательно вычиненныя и прихваченныя широкой красной тесьмой; ребятишки, съ визгомъ бросившіеся по домамъ при нашемъ появленіи, были хотя и на половину голые, но это отсутствіе костюма—уже больше сила привычки, чѣмъ слѣдствіе нужды и бѣдности; да, наконецъ, и собаки, а ихъ было очень много, лаяли на насъ не съ такимъ дикимъ озлобленіемъ, какъ голодные псы калмыцкой кочевки.

Не въ веселую минуту подъѣхали мы къ этому маленькому аулу. Еще издали слышали мы какой-то заунывный гулъ, чрезвычайно похожій на наше причитанье; когда мы приблизились, то ясно могли различить женскій плачъ и всхлипыванье, шумный говоръ мужчинъ и однообразное, точно дьячковское, чтеніе. Мы попали на похороны, обрядъ которыхъ начался часа за два до нашего прибытія и былъ нами прер-

ванъ, впрочемъ, не на долго. Не доѣзжая шаговъ на двѣсти до ближайшей изгороди, Байтакъ попросилъ меня подождать на мѣстѣ, а самъ слѣзъ съ коня и пошелъ пѣшкомъ въ аулъ. Онъ недолго говорилъ съ окружившими его киргизами, и тотчасъ два, уже пожилые, человѣка подошли ко мнѣ, очень любезно помогли мнѣ слѣзть съ лошади, взяли у меня изъ рукъ поводья и, добродушно улыбаясь, пригласили въ лучшую, принадлежавшую, какъ видно, старшинѣ желомейку.

Просторно, правильнымъ кругомъ, были разставлены боковыя рѣшетки желомейки; новая бѣлая кошма, вышитая вырѣзанными изъ цвѣтного сукна узорами, обтягивала внутренность рѣшетокъ, полъ тоже устланъ кошмою, а по-ближе къ стѣнамъ—яркими ковриками; посрединѣ, въ вырытомъ углубленіи, тлѣли уголья, и на треногомъ, кругломъ таганѣ стоялъ плоскій, закоптѣлый котелъ, покрытый кускомъ довольно чистаго полотна. По стѣнамъ, на тонкихъ ремешкахъ, висѣла разная домашняя утварь, деревянная балалайка, совершенно такая-же, какъ и наши россійскія балалайки, и довольно красиво отдѣланная киргизская кривая сабля; болѣе я не замѣтилъ никакого оружія.

Едва только я подошелъ ко входу въ эту желомейку, какъ меня встрѣтилъ высокій, еще довольно молодой каракиргизъ, въ верблюжьемъ халатѣ и въ красной, подбитой лисьимъ мѣхомъ и вышитой золотымъ шнуркомъ шапкѣ. Это и былъ старшина аула, мирза Алаяръ, не изъ очень важныхъ, какъ я узналъ отъ него тутъ-же, и находящійся въ подчиненіи у Аблая-бія Джиргаллинскаго.

Онъ сказалъ мнѣ, что «гости Аблая-бія (Байтакъ уже успѣлъ сообщить ему о цѣли нашей поѣздки) всегда найдутъ у него дружбу, привѣтъ и достаточно бараньяго мяса, и что онъ надѣется, что такой важный гость (польстилъ, разбойникъ-номадъ!) не откажется провести въ его жилищѣ ночь, чтобы завтра съ свѣжими силами представиться великомудрому и великодушному Аблаю-бію». Я, съ своей стороны, сказалъ, что считаю за честь воспользоваться его гостепріимствомъ и очень радъ познакомиться съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, каковъ мирза Алаяръ, о которомъ я очень много слышалъ хорошаго въ Вѣрномъ, отъ русскаго начальства. Послѣдняя фраза, видимо, понравилась киргизу, и онъ, опустивъ глаза, съ

скромной улыбкой произнесъ:—«я рабъ Акъ-Паши, онъ мой повелитель» *). Потомъ онъ сообщилъ мнѣ, чтобы я, не стѣсняясь, располагался въ его желомейкѣ, а что онъ долженъ идти въ сосѣднюю кибитку, гдѣ собрался народъ для похоронъ одного стараго и тоже очень хорошаго человѣка; онъ сообщилъ мнѣ даже имя покойнаго, очень длинное и замысловатое, которое уже испарилось изъ моей памяти. Черезъ пять минутъ плачъ и вой снова усилились.

Оправившись и приведя въ порядокъ свой костюмъ, я пошелъ тоже отдать долгъ покойнику, а главное, посмотрѣть, что тамъ такое дѣлается. При моемъ появленіи толпа разступилась, и я, согнувшись, взошелъ въ желомейку. Страшная духота, несмотря на откинутый верхъ, наполняла эту горницу; женщины, молодыя и старыя, нѣкоторыя очень красивыя, окружали покойника и жалобно причитали что-то непонятное; по временамъ онѣ затихали и потомъ вдругъ, какъ-будто по сигналу, взвизгивали всѣмъ горломъ. Мирза Алаяръ находился тутъ-же и, замѣтивъ меня, улыбнулся и кивнулъ головой, какъ-будто говоря: «а! и вы здѣсь? Это хорошо». На самой срединѣ, на небольшомъ, продолговатомъ возвышеніи, лежалъ самъ покойникъ — длинный, худой, покрытый съ головою бѣлымъ полотномъ, изъ-подъ котораго рѣзко очерчивались угловатыя линіи старческаго тѣла. Между женщинами тѣснились ребятишки, толкаясь и ссорясь между собою, а около стѣнокъ чинно сидѣли мужчины, передавали изъ рукъ въ руки сдѣланный изъ тыквы горлянки и украшенный мѣдью кальянъ и громко разговаривали о разныхъ, какъ видно, постороннихъ предметахъ. Запахъ мускуса, которымъ обыкновенно душатся азіатскія красавицы, дымъ кальяна, наконецъ, запахъ, собственно принадлежащій мертвому тѣлу, — все это составляло тяжелую смѣсь, непріятно дѣйствующую на нервы. Изъ любопытства я подавилъ въ себѣ это отвращеніе и, занявъ мѣсто между мужчинами, рѣшился дождаться конца этой обрядности.

У ногъ покойника, на низенькомъ табуретѣ, стояла большая деревянная миска, до краевъ наполненная варенымъ ри-

*) Акъ-Паша—бѣлый царь—имя, которымъ всѣ среднеазіатцы называютъ нашего императора.

сомъ, и другая, глиняная, съ кислымъ молокомъ. То тотъ, то другой изъ присутствовавшихъ подходили къ этимъ блюдамъ и, забравъ горстью рису, отходили на свои мѣста, жуя и облизываясь. Мнѣ это напомнило нашу похоронную кутью— недоставало только блиновъ и восковыхъ свѣчекъ.

Черезъ часъ покойнаго вынесли, положили на дворѣ на пучки камыша и приставили двухъ караульныхъ съ палками, дабы собака не оскорбила, во время всеобщаго сна, памяти умершаго.

Для меня, въ углу жилища Алаяра, настлали одно на другое нѣсколько ватныхъ, узорчатыхъ одѣялъ, положили двѣ круглыя, цилиндрическія подушки и поставили около, на кругломъ мѣдномъ подносѣ, кувшинъ съ кислымъ молокомъ и плоскую чашку. Чѣмъ не комфортабельно?

Я хотѣлъ выѣхать какъ можно раньше, но меня положительно задержалъ старшина, упрашивая раздѣлить обѣдъ съ его семействомъ. Мнѣ не хотѣлось отказать ему въ этомъ, къ тому-же до зимовокъ Джиргаллы было, какъ увѣрялъ меня Алаяръ, всего только четыре часа пути.

Часовъ въ одиннадцать утра, плотно наѣвшись жирной баранины, я выѣхалъ въ сопровожденіи сына мирзы Алаяра, мальчика лѣтъ четырнадцати, и четырехъ киргизъ, вооруженныхъ саблями. Эта свита почтительно держалась сзади, предупредительно слѣдя за каждымъ моихъ движеніемъ, что было очень непріятно для меня, непривыкшаго ѣздить съ такимъ церемоніаломъ; это очень непріятное, скажу болѣе, тяжелое чувство знать, что сзади васъ нѣсколько паръ глазъ внимательно слѣдятъ за каждымъ вашимъ движеніемъ; впрочемъ, къ этому, какъ кажется, скоро привыкаютъ: вѣдь прогуливаются же великосвѣтскія барыни съ ливрейными лакеями сзади, и ничего себѣ. Мирза Алаяръ, въ этомъ случаѣ, пересолилъ свою любезность къ русскому гостю.

Мы направились сперва по теченію Тупа къ самому его устью, а потомъ вдоль иссыкъ-кульскаго берега повернули налѣво. Дорога все время шла береговой низменностью, была почти суха и усѣяна мелкими, пестрыми гальками, правѣе, по самому берегу, тянулись камыши, то изрѣдка, то сгущаясь въ плотныя массы, которыя скрывали за собою синюю полосу озера. Крупныя бѣлыя чайки съ крикомъ носились надъ озе-

ромъ, спускаясь вплоть до воды и чертя крыльями ея зыбчатую поверхность. Лѣвѣе, у подножья невысокаго скалистаго вряжа, виднѣлись далекіе дымки, и бродили большія стада овецъ. Снѣгъ грязными массами лежалъ въ камышахъ, и сквозь него, несмотря на декабрь мѣсяцъ, кое-гдѣ пробивались тонкіе зеленые побѣги.

Мирза Алаяръ не уклонился отъ истины, говоря, что до зимовокъ Аблай-бія не болѣе четырехъ часовъ пути. Дѣйствительно, часа въ три пополудни мы увидѣли конусообразныя группы джиргаллинскихъ кибитокъ.

Вообще киргизы не любятъ тѣсниться въ своихъ аулахъ; рѣдко вы можете встрѣтить болѣе десяти кибитокъ вмѣстѣ, большею же частью, по три, по четыре кибитки; они раскидываются на громадномъ пространствѣ, придерживаясь береговъ рѣкъ. Да и къ чему имъ стѣснять себя въ своихъ привольныхъ кочевьяхъ? Въ большихъ маловодныхъ степяхъ можно еще увидѣть большіе улусы по триста и болѣе кибитокъ, но тутъ это уже необходимость: часто цѣлому племени приходится довольствоваться пятью, шестью степными колодцами; и вотъ громадное общество разбиваетъ свои кибитки и желомейки, непрерывнымъ кольцомъ охватывая единственной источникъ воды.

Подъѣзжая къ ближайшимъ жильямъ, я невольно обратилъ вниманіе на большія камышевыя загороди, въ которыхъ жались другъ къ другу и блеяли многочисленныя овцы превосходной киргизской породы. Крупныя, съ длинною волнистою шерстью, съ тяжелыми хвостами курдюками, изъ которыхъ, самое меньшее, можно вытопить изъ каждаго по полупуду превосходнаго сала, онѣ составляютъ главный источникъ богатства всѣхъ номадовъ Азіи вообще, и киргизовъ въ особенности.

Ряды верблюдовъ, вѣчно подъ сѣдлами, лежали, плотно прижавшись другъ къ другу, и пережевывали свою пѣнящуюся, зеленоватую жвачку. Кое-гдѣ виднѣлись небольшія группы ишаковъ, между которыми попадались экземпляры необыкновенно крупнаго роста и какого-то страннаго желтоватаго цвѣта. Я узналъ отъ киргизъ, что эта была случайная помѣсь ослицы съ джигатаемъ. Вообще эти дѣти мирной матери и дикаго, непокорнаго отца сохраняютъ нравъ первой и пріобрѣтаютъ

немного энергіи и выносливости второго; киргизы очень любятъ эту помѣсь, но, несмотря на всѣ старанія, не могутъ завести это скрещиванье въ большихъ размѣрахъ, потому-что пойманный джигатай становится въ неволѣ скучнымъ, непокорнымъ, видимо, груститъ о своей кочевой свободѣ, теряетъ свою врожденную энергію, вотъ почему я назвалъ это случайной помѣсью.

Намъ часто попадались на встрѣчу ѣдущіе и идущіе пѣшкомъ кара-киргизы; они останавливались, съ любопытствомъ смотрѣли на пріѣзжихъ гостей и потомъ долго провожали глазами нашъ поѣздъ. Нѣкоторые поворачивали и пристраивались къ сопровождавшимъ меня киргизамъ мирзы Алаяра, и скоро свита моя достигла довольно значительныхъ размѣровъ. Скоро мы подъѣхали къ ставкамъ Аблая-бія. Я еще издали замѣтилъ группу кибитокъ значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ остальныя, покрытыхъ снаружи превосходными бѣлыми кошмами. Тутъ-же стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, а шагахъ въ тридцати, на четыреугольной грудѣ камней, торчалъ наклонно длинный деревянный шестъ съ желѣзнымъ трезубцемъ на концѣ и бѣлымъ конскимъ хвостомъ. Здѣсь мы слѣзли съ лошадей, и насъ пригласили войти въ кибитку Аблая-бія, сказавъ, «что мирзѣ Алаяру уже далъ знать о нашемъ прибытіи, и что достопочтенный бій съ нетерпѣніемъ желаетъ съ нами увидѣться».

Высокій, атлетически сложенный старикъ съ бѣлою, какъ снѣгъ, бородой, коротко подстриженной, какъ на портретахъ Генриха IV, съ веселыми энергичными глазами и умнымъ лицомъ, встрѣтилъ насъ при входѣ въ кибитку. Это и былъ самъ Аблай, популярнѣйшій изъ всѣхъ біевъ въ окрестностяхъ Иссыкъ-Куля.

Въ его жилищѣ собралась уже довольно значительная публика. Верхнія кошмы были широко раскинуты, и въ кибиткѣ было чрезвычайно свѣтло, тѣмъ болѣе, что вся внутренность была подбита ярко-бѣлыми кошмами. Здѣсь, такъ-же, какъ и у Алаяра, весь полъ былъ устланъ коврами, только богаче нѣсколько; цилиндрическія шелковыя подушки лежали у самыхъ стѣнокъ, на ярко красныхъ рѣшеткахъ было развѣшано множество довольно красиваго туземнаго оружія, преимущественно сабель; голубой дымокъ отъ кальяновъ вился въ воздухѣ.

Въ кибиткѣ мы застали также нѣсколькихъ женщинъ: онѣ занимались хозяйствомъ и толпились преимущественно около очага, расположеннаго на самой срединѣ кибитки.

Когда окончены были церемоніи, соблюдаемыя при встрѣчѣ гостей, какъ-то: размѣнъ любезностей, пожатіе рукъ, легкое прижиманіе къ сердцу и т. д., то я попросилъ бія указать мнѣ отдѣльное помѣщеніе, сказавъ, что я намѣренъ провести здѣсь дня два или три и не желалъ-бы стѣснять такого почтеннаго старца: бій сначала упрашивалъ занять его кибитку, впрочемъ, тотчасъ-же сдѣлалъ распоряженія, согласныя съ моимъ желаніемъ. Черезъ полчаса мы сѣли обѣдать; за обѣдомъ я познакомился съ остальными членами семейства Аблая-бія.

Самому Аблаю было девяносто восемь лѣтъ, но если-бъ онъ немного подчернилъ свою снѣжную бороду, то никто-бы, глядя на его молодецкую фигуру, не далъ-бы и половины этого. Онъ въ настоящее время имѣлъ только двухъ женъ: одну старушку лѣтъ восьмидесяти, которая была настоящей хозяйкой дома, и другую красивую краснощекую женщину лѣтъ 20, на которой старый бій женился только годъ тому назадъ. Впрочемъ, въ своей жизни онъ имѣлъ болѣе шестнадцати женъ, которыя частью умерли, частью получили полную свободу и вышли за другихъ: здѣсь это самое обыкновенное явленіе, а одна была казнена самимъ Аблаемъ за невѣрность. Дѣтей у Аблая было множество, все больше сыновья; старикъ говорилъ, что *Аллахъ, видимо, милостивъ къ нему и не наказываетъ его дочерьми.* Въ настоящее время съ нами обѣдало одиннадцать сыновей бія, изъ которыхъ младшему было двадцать восемь лѣтъ, кромѣ того, въ небольшомъ узорчатомъ ящикѣ-колыбелькѣ, оралъ на всю кибитку еще одинъ изъ наслѣдниковъ, уже отъ послѣдней красавицы. Впрочемъ, послѣдней-ли?...

Такъ-какъ общество, собравшееся къ обѣду, было довольно многочисленное, то оказалось, что нельзя было ограничиться одною общею мискою, и для удобства кушанья раздавались въ нѣсколькихъ плоскихъ чашкахъ меньшихъ размѣровъ, и къ этимъ дымящимся, наполненнымъ жирнымъ ароматическимъ мясомъ сосудамъ тянулось не болѣе трехъ паръ мускулистыхъ рукъ съ пальцами, почернѣвшими отъ постояннаго держанія просаленныхъ ременныхъ поводовъ.

Мнѣ пришлось ѣсть съ самимъ хозяиномъ, который нисколько не смутился, увидавъ, что я вооружился ложкою и складнымъ ножемъ съ вилкою; онъ уже видалъ эти виды и даже старался не запускать своихъ пальцевъ въ ту часть миски, которая находилась въ моемъ распоряженіи. По временамъ онъ подбрасывалъ въ мою сторону болѣе апетитные куски, весьма пріятно улыбаясь при этомъ.

Обѣдъ или, правильнѣе сказать, ужинъ, потому-что солнце уже садилось, состоялъ преимущественно изъ баранины; одно только блюдо напоминало малороссійскія галушки: въ мучнистой, бѣловатой жидкости плавали катышки тѣста и распространяли по всей кибиткѣ запахъ перестоявшагося клейстера. Я его не рѣшился попробовать. Впрочемъ, мнѣ впослѣдствіи часто приходилось питаться этимъ кушаньемъ, за неимѣніемъ другого, конечно, въ моей бродячей жизни въ центральной Азіи.

Послѣ обѣда женщины принесли намъ кумысъ въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, оплетенныхъ камышомъ для прочности, такъ какъ напитокъ этотъ во время броженія рветъ посуду не хуже любого шампанскаго. Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ послѣ тяжелаго, жирнаго стола освѣжиться этимъ напиткомъ. Надо привыкнуть къ кумысу, чтобы понять его достоинства—киргизы пьютъ его въ ужасающемъ количествѣ: ни одинъ московскій купецъ въ цѣлые сутки не выпьетъ столько чаю, сколько усталый номадъ вытянетъ кумысу за одинъ разъ, не отнимая отъ краевъ сосуда своихъ жадныхъ, засаленныхъ губъ.

Мы вышли изъ душной кибитки на свѣжій воздухъ. Намъ разостлали кошмы, и мы комфортабельно усѣлись вблизи разложенныхъ огней; сюда-же подали намъ кальяны.

Весь аулъ кипѣлъ самою шумною, оживленною жизнью. Нѣсколько въ сторонѣ доили кобылъ; привычныя матки стояли смирно, поглядывая на загородь, гдѣ толпились ихъ жеребята, въ ожиданіи той минуты, когда ихъ пустятъ досасывать то, что оставилъ имъ человѣкъ.

Съ лѣвой стороны къ намъ приближался большой конскій табунъ: это Аблай-бій хотѣлъ похвастать передо мною лучшимъ своимъ достояніемъ—лошадьми. Глухой топотъ тысячъ копытъ все усиливался по мѣрѣ приближенія; самое разнообразное ржаніе носилось въ воздухѣ. Пастухи-табунщики,

полуобнаженные, въ бараньихъ шкурахъ, болтающихся за плечами, гикали и звонко хлопали по землѣ своими длинными кнутами. Впереди всего табуна, значительно отдѣлившись отъ массы, бѣжалъ небольшого роста статный жеребчикъ золотисто-буланой масти; формами своими онъ сильно напоминалъ извѣстную типичную породу шотландскихъ пони. Лошадь эта особенно обратила на себя мое вниманіе своею густою, черною, какъ смоль, гривою и такимъ-же густымъ, почти достигающимъ до земли хвостомъ, что производило необыкновенно красивый контрастъ съ золотистою шерстью туловища, вдоль спины тянулся узкій черный ремень, ноги ниже колѣна были тоже совершенно черныя. Жеребецъ шелъ свободно, сильною поступью, настороживъ уши и поминутно громко отфыркивался, втягивая ноздрями дымъ нашихъ костровъ. Я не удержался и вслухъ похвалилъ красивое животное; Аблай-бій замѣтилъ это, многозначительно крякнулъ и важно произнесъ, какъ-бы про себя:

— Да, очень хорошая лошадь!

Передъ моими глазами, волнуясь, обгоняя другъ друга, то сплошными кучами, то въ разбродъ проходили тысячи лошадей—сѣрыхъ, гнѣдыхъ, вороныхъ, рыжихъ—всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ и возрастовъ. Черномазые табунщики положительно бѣсновались, стараясь выказать усердіе передъ своимъ повелителемъ; и долго еще въ моихъ ушахъ стоялъ смѣшанный гулъ, весьма (я убѣжденъ въ этомъ) похожій на тѣ звуки, которые потрясали воздухъ у подножья Арарата, когда Ной выпустилъ на свободу изъ ковчега все живое, до той поры въ немъ запертое.

Черезъ часъ все успокоилось. Чистое небо усѣялось звѣздами. Къ ночи начало слегка морозить. Яркое созвѣздіе Ріона медленно подымалось надъ горизонтомъ. Всѣ звуки стали сливаться и путаться между собою: сонъ одерживалъ побѣду надъ утомленнымъ слухомъ, и черезъ минуту я спалъ, какъ убитый, свернувшись подъ своимъ одѣяломъ, на покойномъ, войлочномъ ложѣ, съ сѣдельной подушкою подъ головою.

Еще не начало разсвѣтать, какъ слѣдуетъ, какъ уже къ ставкѣ Аблая-бія начали съѣзжаться всадники. Не болѣе какъ черезъ полчаса ихъ собралось человѣкъ тридцать; всѣ они были вооружены длинными пиками, и у каждаго висѣлъ на

сѣдлѣ свернутый кольцомъ волосяной арканъ. Только у одного было ружье, и какое ружье! длинный граненный стволъ кончался раструбомъ, какъ у фагота, тонкая деревянная ложа была хитро изогнута и украшена узорами красными, синими и золоченными; курокъ замѣнялся длиннымъ крючкомъ, въ видѣ французскаго S, одинъ конецъ котораго, расщепленный вилкою, зажималъ кончикъ тлѣющагося фитиля, а другой— служилъ спусковымъ крючкомъ, и всадникъ, нажимая послѣдній, заставлялъ кончикъ фитиля клюнуть прямо въ довольно просторную затравку, въ которую подсыпался каждый разъ свѣжій порохъ.

Осѣдланная лошадь Аблая-бія стояла у кибитки: это былъ коренастый, приземистый иноходецъ какой-то неопредѣленной масти. Животное это, какъ мнѣ сказали, отличалось необыкновенно быстрымъ бѣгомъ, конечно, по ровному мѣсту, и до такой степени покойнымъ, что, по словамъ хозяина, можно было на полномъ ходу держать въ рукахъ плоскую чашку съ водою и не расплескать ни капли.

Байгазъ привелъ откуда-то и нашихъ лошадей, осѣданныхъ только одними сѣдлами, безъ вьюковъ, потому что въ виду имѣлась болѣе легкая и кратковремепная экскурсія.

Хозяинъ не заставилъ себя долго ждать, и весь сіяющій, въ ярко-красномъ халатѣ на лисьемъ мѣху, въ остроконечной шапкѣ съ золотымъ верхомъ, безъ всякаго оружія кромѣ неизбѣжнаго ножа (псякъ) за поясомъ и ременной нагайки, занялъ свое мѣсто въ главѣ всей группы. Онъ покойно и красиво сидѣлъ на своемъ высокомъ сѣдлѣ, и поздоровавшись со мною, съ оживленіемъ объяснялъ мнѣ цѣль и весь механизмъ нашей поѣздки. Это онъ, собственно для меня, устроилъ большую охоту на кулановъ, а къ счастію, наканунѣ пастухи замѣтили, верстахъ въ двадцати отъ стоянки, подкочевавшій табунъ этихъ дикихъ степняковъ. Послѣднее обстоятельство старый киргизъ прямо приписывалъ моей счастливой звѣздѣ и видимому покровительству пророка.

Женщины, дѣти и весь оставшійся людъ сопровождали насъ возгласами, низкими поклонами и всевозможными попеченіями. Полуголые киргизята провожали насъ дальше всѣхъ, кривляясь и прыгая между нашихъ лошадей.

Планъ предполагаемой охоты былъ слѣдующій. Еще съ

вечера человѣкъ двадцать верховыхъ были посланы въ объѣздъ къ тому мѣсту, гдѣ замѣчены были кулапы. Принимая во вниманіе необыкновенную чуткость этихъ дикихъ лошадокъ, объѣздъ этотъ долженъ быть сдѣланъ со всевозможною осторожностью. По словамъ Аблая, посланные только къ утру могли окончить свой маневръ, а зная скорый шагъ кара-киргизскихъ лошадей можно безошибочно предположить, что они прошли въ ночь не менѣе шестидесяти верстъ. Затѣмъ они должны были приближаться мало-по-малу къ куланамъ и гнать ихъ назадъ къ лощинѣ, гдѣ ихъ предполагала встрѣтить вторая группа охотниковъ, къ которой принадлежали и мы, и этимъ поставить животныхъ въ самое невыгодное положеніе, что называется, между двухъ огней, и тутъ-то при входѣ въ лощину, на довольно ровной мѣстности, должна была начаться настоящая травля, гдѣ наѣздники могли вполнѣ выказать ловкость и поворотливость какъ свою, такъ и своихъ коней. Такимъ образомъ, спектакль предполагался замѣчательный, и я отъ души благодарилъ Аблая-бія за его идею; конечно, благодарность эту я скрылъ въ своей душѣ, постаравшись выразить ее въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, иначе это могло скомпрометировать меня въ глазахъ кочевого населенія.

День былъ пасмурный, и вдали, надъ озеромъ, стояла густая стѣна бѣловатаго тумана. Всѣ окрестности были покрыты словно дымкою; изъ горъ тянулъ довольно холодный вѣтеръ. Киргизы вообще не любятъ ѣздить большими обществами, и скоро наша группа состояла только изъ пяти человѣкъ: Аблая-бія, меня, Байтака и двухъ сыновей старика, все остальное, мало-по-малу, отдѣлилось отъ насъ то въ сторону, то отставъ, то ускакавъ впередъ.

Послѣ двухчасовой, скорой ѣзды, во время которой мы едва поспѣвали на своихъ лошадяхъ за иноходцемъ Аблая-бія, мы прибыли на назначенный заранѣе пунктъ. Здѣсь дожидалась насъ большая часть общества, а скоро съѣхались и всѣ остальные.

Съ востока мѣстность была ровная, постепенно понижающаяся къ намъ, съ запада насъ защищала отъ вѣтра невысокая цѣпь скалистыхъ холмовъ, между которыми, прерываясь, тянулась полосою поверхность Иссыкъ-Куля. Кое-гдѣ прорѣ-

зывали равнину рытвины, промытыя весеннею водою; издали рытвины эти обозначались рядами пожелтѣлаго камыша, который разросся здѣсь, пользуясь скопившвеюся на днѣ ихъ влажностью. Общій видъ мѣстности былъ чрезвычайно унылый и пустынный и только оживлялся пестротою костюмовъ и движеніемъ охотниковъ.

Охотники не старались наблюдать особенной тишины: они слѣзали съ лошадей, громко разговаривали и смѣялись, поправляли сѣдла и подтягивали очкуры своихъ широкихъ кожанныхъ шароваръ; полы халатовъ были запрятаны въ шаровары, что имѣло видъ куртокъ и давало возможность всаднику быть болѣе свободнымъ въ своихъ движеніяхъ. Разставленная на далекихъ разстояніяхъ цѣпь конныхъ часовыхъ должна была во время дать знать о приближеніи табуна, и потому всякій свободно занимался своимъ дѣломъ, казалось, вовсе не обращая вниманія на окружающихъ. Меня такъ и подмывало; я съ трудомъ сдерживалъ волненіе и вымещалъ его на своемъ конѣ, стискивая ногами его крутыя ребра.

Не болѣе какъ черезъ часъ прискакалъ одинъ всадникъ, за нимъ другой, потомъ еще нѣсколько: это были часовые. Все общество отъѣхало въ сторону, подъ защиту пологаго холма, и положительно замерло на мѣстѣ; лошади наши, казалось, понимали всю необходимость сохранять тишину и неподвижно стояли, поводя своими надрѣзанными мѣтками ушами. Байгакъ слегка толкалъ меня колѣномъ и движеніемъ головы указывалъ въ даль, гдѣ я, какъ ни старался, ничего не могъ замѣтить кромѣ отдѣльныхъ группъ камыша и волнующагося тумана.

Скоро до моихъ ушей началъ доноситься какой-то неопредѣленный шумъ, казалось, что вѣтеръ перемѣнилъ свое направленіе и дулъ прямо на насъ. Далеко, далеко стукнуло что-то весьма похожее на выстрѣлъ; зубчатая полоса камыша на горизонтѣ заколыхалась оживленнѣе; внезапно, словно изъ земли, выросло, показалось отдѣльное животное, другое, третье, разомъ нѣсколько, — и цѣлый табунъ, головъ въ пятьдесятъ, вылетѣлъ изъ камышей и несся къ намъ, немного уклоняясь въ сторону отъ того холма, гдѣ скрылась наша группа. По моему разсчету, куланы должны были промчаться мимо насъ не болѣе какъ въ полутораста шагахъ. Раздался отвратитель-

пый, печеловѣческій визгъ, и киргизы, пригнувшись къ шеямъ лошадей, расправляя въ воздухѣ свистящіе арканы, съ мѣста въ карьеръ рпнулись на опѣломленныхъ растянувшихся животныхъ. Началась бѣшенная, дикая скачка. Я вслѣдъ за Аблаемъ-біемъ выскакалъ на вершину холма, и мы остановились зрителями охоты; Байгакъ смѣшался съ охотниками.

Никакія европейскія скачки не могутъ дать понятія о томъ, что происходило передъ моими глазами. Глубокія рытвины, колючій кустарникъ, отдѣльные камни—ничто не задерживало скачущихъ; дикіе наѣздники, казалось, не знали препятствій. Ревъ, визгъ, стонъ, ржаніе лошадей, то замирая, то усиливаясь, носились въ воздухѣ.

Ухъ! какая своеобразная, живая, полная удали картина!

Трудно описать подробности этой схватки дикихъ, полныхъ энергіи, быстрыхъ, какъ мысль, животныхъ съ такими-же дикими наѣздниками. Мы съ Аблаемъ біемъ спустились съ холма и направились вслѣдъ за скачущими. Скоро мы обогнали киргиза, который шелъ пѣшкомъ, ведя въ поводу свою лошадь, ковылявшую на трехъ ногахъ: одна задняя была сломана въ щиколоткѣ. Какое тяжелое уныніе было написано на лицѣ пострадавшаго, какими жадными глазами онъ смотрѣлъ вслѣдъ удаляющимся товарищамъ! Потомъ намъ попалась куланъ-кобыла, которая билась на землѣ въ предсмертныхъ судорогахъ, пытаясь вскочить при нашемъ приближеніи—кровь бойко сочилась изъ-подъ ея передней лопатки: она угодила подъ остріе гибкой пики расходившагося наѣздника. Намъ еще попадались куланы, то совершенно мертвые, то еще съ признаками жизни, усиленно дрыгающіе въ воздухѣ своими мускулистыми, сильными ногами. Маленькій, недѣльный жеребенокъ жалобно жался къ своей погибшей матери; при видѣ насъ отпрыгнулъ немного въ сторону и усиленно заморгалъ своими испуганными, черными глазками. Попался и киргизъ, лежащій навзничь, безъ чувствъ, раскинувъ крестомъ руки, еще сжимающія волосяную веревку аркана. Аблай-бій, замѣтивъ мое движеніе къ лежавшему, строго сказалъ: «оставь! если живъ, то самъ очнется и пріѣдетъ, а если умеръ, то подберутъ безъ тебя». Помня пословицу, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суются, я проѣхалъ мимо. Мы обогнали трехъ всадниковъ, которые едва сдерживали, всѣ

вмѣстѣ, бившагося на трехъ туго натянутыхъ арканахъ кулана. Скоро мы остановились почти у самаго берега, гдѣ нашли большинство охотниковъ, проваживающихъ своихъ измученныхъ, покрытыхъ пѣною коней. Какъ ни сильна и неутомима киргизская лошадь, но ей трудно тягаться съ своимъ дикимъ родичемъ, и весь табунъ скрылся въ горахъ, далеко оставивъ за тобою послѣдователей. Осталось отдыхать и собирать разбросанную по всему пути, добычу, что мы и сдѣлали.

Вся прибыль дня заключалась въ девяти убитыхъ и тяжело раненыхъ куланахъ и четырехъ живыхъ, да еще двухъ жеребятахъ. Убыль—изъ одного убитаго (какъ оказалось) киргиза и искалѣченной лошади, а такъ-какъ человѣческая жизнь въ этихъ краяхъ не имѣетъ особенной цѣнности, то въ общемъ итогѣ—день оказался весьма барышный.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы вернулись въ аулъ.

Часамъ къ десяти вечера поспѣлъ, зажаренный въ бараньемъ салѣ, маленькій куланчикъ. Мясо это было очень вкусно; оно не могло сравниться нѣжностью и мягкостью съ мясомъ хорошо откормленнаго домашняго жеребенка, но за то имѣло свой собственный ароматъ и вкусъ, напоминающій нѣсколько мясо дикой козы. Проголодавшись до нельзя, я ѣлъ его съ большимъ удовольствіемъ.

Послѣ ужина, передъ кибиткою Аблая-бія собрался почти весь аулъ: явились музыканты съ балалайками, бубнами и котлами, затянутыми бараньимъ пузыремъ, по которому били деревянными палочками; нашлись плясуны, и начался сперва медленный, монотонный, а потомъ все живѣй и живѣй разгорающійся танецъ...

Между прочимъ, готовился спектакль болѣе интересный, чѣмъ прыганье танцоровъ. Толпа разступилась и дала дорогу высокому, хотя и сильно сгорбленному старику съ жидкою, длинною бородой, уже не сѣдой даже, а пожелтѣвшей отъ старости; верблюжій халатъ былъ накинутъ на сухое мускулистое тѣло, почернѣвшее, какъ мумія. Старикъ былъ слѣпъ, изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей темнѣли глубокія ямы съ опущенными вѣками, длинный горбатый носъ свѣшивался надъ беззубымъ ртомъ; высокій лобъ былъ совершенно изборожденъ безчисленными морщинами.

Старикъ медленно опустился на подостланную подъ него баранью шкуру, взялъ длинную балалайку и началъ перебирать струны своими костлявыми пальцами.

Всѣ присутствовавшіе съ почтеніемъ относились къ старику; молчаніе воцарилось повсюду, только слышалось тихое дребезжаніе струнъ и глухой шелестъ сдвигающейся плотнѣе толпы.

Это былъ извѣстный по всему кочевому міру—пѣвецъ импровизаторъ—Гассанъ, о которомъ я слышалъ много еще прежде, и котораго, наконецъ, удалось мнѣ видѣть вблизи и слушать его импровизаціи.

Я жадно слушалъ этого степного Гомера и старался вникнуть въ содержаніе и смыслъ его пѣсни; и какъ я жалѣлъ, что не настолько зналъ этотъ языкъ, чтобы подсрочно записать все слышанное.

Онъ пѣлъ объ извѣстномъ агитаторѣ тридцатыхъ годовъ—Кенисарѣ; о его войнахъ съ русскими, о его бѣгствѣ; о его несчастной любви, объ измѣнѣ его друзей и, наконецъ, о его геройской смерти...

Аблай-бій шепнулъ мнѣ: «Онъ самъ былъ все время съ Кенисарой, и тогда уже онъ былъ сѣдой старикъ».

А слушатели молча стояли и сидѣли вокругъ, покачивая головами въ тактъ пѣнія, и не одинъ тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ груди, сливаясь съ однообразнымъ напѣвомъ старца.

Вообще, у киргизовъ женщины далеко не находятся въ такомъ рабскомъ униженіи и забитости, какъ у прочихъ мусульманскихъ народовъ. Одного изъ самыхъ тяжелыхъ стѣсненій—именно: ходить вѣчно съ покрытымъ лицомъ и не смѣть показываться никому кромѣ своего мужа, здѣсь не существуетъ вовсе; женщина, особенно незамужняя, можетъ, сколько ей угодно, кокетничать и пользоваться тѣми благами, которыми ее одарила природа. Женщины здѣсь являются прямыми участницами во всѣхъ общественныхъ празднествахъ и обрядахъ, на нѣкоторыхъ ей принадлежатъ даже лучшія роли, и все это замѣтно отражается на ея характерѣ. Въ киргизскомъ аулѣ — женщина не убѣжитъ при нашемъ приближеніи; она смѣло подойдетъ къ вамъ, бойко разговариваетъ съ вами и громко и весело смѣется, показывая при этомъ ослѣпительно-бѣлые, ровные, какъ на подборъ, зубы.

Кара-киргизки довольно красивы, насколько красота можетъ выражаться въ прекрасномъ сложеніи, въ здоровомъ коричневомъ цвѣтѣ лица съ густымъ малиновымъ румянцемъ, въ веселомъ привѣтливомъ взглядѣ, и смотря на эти положительныя достоинства типа, забываются, или, по крайней мѣрѣ, остаются незамѣченными широкія скулы, косо прорѣзанные глаза и жесткіе, прямые, какъ конскіе — волосы. А когда вы увидите кара-киргизку въ полномъ блескѣ праздничнаго костюма, верхомъ на огненной лошадкѣ, несущеюся впереди толпы преслѣдующей ее молодежи, то какъ блѣдны покажутся въ сравненіи съ ней наши лимфатическія свѣтскія дамы, кривляющіяся на разбитыхъ клячахъ по аллеямъ нашихъ загородныхъ парковъ.

Обыкновенный костюмъ киргизокъ состоитъ, кромѣ длинной рубахи, изъ широкихъ шароваръ, халата и тюрбана на головѣ, все это изъ синей бумажной тканн, кромѣ тюрбана, который всегда бѣлый. Въ холодное время халатъ бумажный замѣняется такимъ-же костюмомъ изъ верблюжьяго сукна. Но въ торжественномъ случаѣ весь костюмъ женщинъ поражаетъ своей яркостью и оригинальностью. Преобладающій цвѣтъ — красный; вмѣсто тюрбана надѣвается на голову высокая повязка, въ родѣ нашихъ павловскихъ киверовъ, только еще выше, вся унизанная монетами и обшитая галуномъ. Заплетенные въ безчисленныя косы волосы перевиты цвѣтными бусами, вся шея унизана всевозможными побрякушками, преимущественно золотыми и серебряными монетами, и все это при движеніи производитъ весьма оригинальный и мелодическій звукъ.

Впрочемъ, самыя трудныя и непривлекательныя работы лежатъ на женщинахъ-же: онѣ разставляютъ кибитки, доятъ кобылъ и коровъ, заботятся о верблюдахъ, шьютъ, бьютъ войлоки и плетутъ ковры, приготовляютъ кумысъ и проч.; на долю мужчины остаются пастушество и охота, да и то скорѣе послѣднее, потому что мнѣ часто случалось видѣть громадныя стада (аттары) овецъ и табуны лошадей подъ присмотромъ однихъ мальчиковъ, изъ которыхъ старшему едва-ли было пятнадцать лѣтъ.

Грамотности нѣтъ и въ помннѣ, и потому, если случайно встрѣтится личность, могущая съ трудомъ разобрать только

заголовокъ къ первой страницѣ корана, то ее считаютъ ученѣйшей изъ ученѣйшихъ міра сего. За то способность къ сохраненію преданій развита до необыкновенной степени; легенды и факты, относящіеся чуть-ли не къ временамъ Тамерлана, передаются съ необыкновенной точностью, точно событія, совершившіяся не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. А живыми хранителями и распространителями преданій служатъ такіе-же странствующіе пѣвцы-импровизаторы, какъ Гассанъ, который пилъ кумысъ въ кибиткѣ Аблая-бія, послѣ своихъ вдохновенныхъ импровизацій.

Ночью, когда всѣ уже спали, поднялась отчаянная тревога по всему аулу: киргизы скакали на лошадяхъ, прыгая черезъ остатки огней, черезъ загороди, задѣвая и опрокидывая все, что имъ попадалось на дорогѣ, лошади ржали, верблюды, задравъ хвосты, вскакивали на ноги и метались въ темнотѣ, какъ гигантскія тѣни. Я нащупалъ въ потьмахъ свою двухстволку и выскочилъ изъ кибитки... Дѣло скоро разъяснилось: всю тревогу надѣлалъ одинъ куланъ, изъ пойманныхъ на послѣдней охотѣ, которому удалось сорваться съ крѣпкихъ аркановъ и перескочить камышевую загородь. Всѣ хлопоты поймать его снова оказались безуспѣшными: куланъ удралъ-таки изъ аула въ свои родныя пастбища.

Погода стала мѣняться къ утру, и перемѣна эта не была къ лучшему: сперва сталъ моросить мелкій дождь, потомъ къ нему примѣшались крупинки льда, и, наконецъ, повалилъ снѣгъ густыми хлопьями. Это обстоятельство было мнѣ особенно непріятно, потому что я предполагалъ утромъ оставить гостепріимный аулъ, а откладывать отъѣздъ, по многимъ причинамъ, было мнѣ, болѣе или менѣе, неудобно.

На другой день, рано утромъ я распростился съ Аблаемъбіемъ и выѣхалъ изъ Джиргаллы. Выходя изъ кибитки, чтобы сѣсть на лошадь, я замѣтилъ, что моимъ сѣдломъ осѣдланъ не мой сѣрый, а другая какая-то лошадь; разсмотрѣвъ поближе, я узналъ того золотистаго жеребца, который мнѣ такъ понравился третьяго дня, и котораго я такъ неосторожно похвалилъ вслухъ. Эта была любезность Аблая-бія. Я, къ несчастью, не могъ достойно въ данную минуту отблагодарить хозяина и сдѣлалъ это уже впослѣдствіи, подаривъ ему двухстволный карабинъ со всѣми принадлежностями. Вьюки съ обѣихъ ло-

шадей перешли на спину моего сѣраго и, такимъ образомъ, мы тронулись въ путь тою-же дорогою.

На возвратномъ пути мы не заѣзжали къ мирзѣ Алаяру; Байтакъ, все выгадывая прямую дорогу, провелъ меня верстахъ въ двадцати отъ его стоянки, и первый ночлегъ нашъ былъ въ горахъ, подъ открытымъ небомъ. Ко второй ночи мы попали въ знакомую уже намъ пещеру, гдѣ уже нашли общество изъ четырехъ киргизъ, изъ которыхъ одинъ оказался старымъ знакомымъ моего слуги, и оба они взаимно обрадовались другъ другу. Мнѣ эти четыре личности показались весьма подозрительными, и я не ошибся въ этомъ предположеніи, когда на другой день Байтакъ сказалъ мнѣ уже на пути, что между ними находился одинъ изъ самыхъ опытныхъ горныхъ барантачей, Шарикъ, о которомъ мнѣ прежде случалось слышать въ пограничныхъ казачьихъ станицахъ, гдѣ онъ пріобрѣлъ себѣ довольно громкую извѣстность своими смѣлыми воровствами въ казачьихъ табунахъ.

Къ казакамъ-дроворубамъ мы тоже не попали: Байтакъ велъ меня совершенно новою дорогою, еще менѣе удобной, чѣмъ прежняя, но, по его мнѣнію, значительно кратчайшей. Правда, намъ не приходилось продираться черезъ густыя чащи горныхъ лѣсовъ, но за то мы переваливались черезъ такіе кряжи, спускались по такимъ скользкимъ и узкимъ тропинкамъ, что мнѣ на каждомъ шагу приходилось удивляться цѣпкости и вѣрности ногъ нашихъ лошадей.

Часовъ въ одиннадцать утра ты спустились съ Алматинскихъ горъ. День былъ ясный и довольно морозный, хотя сзади насъ, въ горахъ, ползали тяжелыя, свинцовыя тучи, спускаясь все ниже и ниже. Сырой вѣтеръ налеталъ порывами и назойливо путалъ косматыя гривы нашихъ лошадей и загибалъ почти подъ самое брюхо заиндевѣвшіе пушистые хвосты.

Байтакъ рысилъ впереди меня, нахлобучивъ свою остроконечную шапку-малахай; казачья винтовка плотно прижалась къ широкой спинѣ кара-киргиза.

Разсчитывая засвѣтло добраться до казачьихъ станицъ, джигитъ совѣтовалъ взять напрямки степью: снѣгъ былъ не болѣе двухъ вершковъ глубины, и лошадямъ бѣжать было очень удобно.

Тихо и мертво было кругомъ, только вдали, на бѣлой равнинѣ двигались тамъ и сямъ черныя точки: это были мелкіе степные волки, слѣды которыхъ поминутно пересѣкали нашу дорогу. Штукъ десять этихъ вороватыхъ звѣрей копошились на полуобъѣденномъ трупѣ верблюда, шагахъ въ трехстахъ отъ насъ. Байтанъ пронзительно крикнулъ, перепуганные хищники бросились въ разныя стороны, безпокойно и завистливо оглядываясь на брошенный ими завтракъ.

А тучи надвигались все болѣе и болѣе, вѣтеръ дулъ тише и ровнѣе, въ воздухѣ замелькали миріады бѣлыхъ точекъ, которыя становились все крупнѣе и крупнѣе и, словно пудрою, обсыпали наши косматыя бурки.

— Буранъ будетъ!—проворчалъ Байтакъ и погналъ плетью своего коня.

— А что, доберемся мы до дороги? — спросилъ я своего вожатаго.

— А Аллахъ на что! — отвѣчалъ онъ, видимо, уклоняясь отъ прямого отвѣта. Ему не хотѣлось ошибиться, а какъ человѣкъ опытный, онъ хорошо зналъ, что такое здѣшніе бураны.

Массы крупныхъ снѣговыхъ хлопьевъ винтомъ падали на землю; вѣтеръ ежеминутно измѣнялъ направленіе, что окончательно сбивалъ съ толку. Усталыя лошади жались на ходу, отворачивали головы отъ вѣтра и уменьшали шагъ, несмотря на наши усиленныя понуканія.

Часа четыре ѣхали мы такимъ образомъ. Начинало темнѣть. Несмотря на то, что я старался держаться тотчасъ-же за Байтакомъ, я едва различалъ неясный очеркъ его массивной фигуры. Раза три мы принуждены были останавливаться и отряхиваться: снѣгъ билъ въ лицо и залѣплялъ глаза намъ и нашимъ лошадямъ. Мой джигитъ ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, и я разслышалъ слова «тулаймъ джаманъ», что значитъ—совсѣмъ скверно, фраза, смыслъ которой не имѣлъ для меня ничего утѣшительнаго.

Немного спустя, киргизъ затянулъ протяжную, монотонную пѣсню-импровизацію на тему нашего положенія. Заунывные, воющіе звуки этой пѣсни сливались съ голосами мятели: пѣвцу удалось попасть въ тонъ непогоды.

Вдругъ пѣвецъ замолкъ. Влѣво отъ насъ послышался другой звукъ, чрезвычайно похожій на пѣніе моего спутника.

Протяжно застонало какое-то живое существо, и стонъ этотъ оборвался хриплою, болѣзненною нотою.

Киргизъ прислушался немного и засмѣялся сквозь зубы.

— Что это?—спросилъ я его, показавъ рукой въ ту сторону, гдѣ слышенъ былъ стонъ.

— Джуль-барсъ *)!—отвѣчалъ киргизъ и, замѣтивъ мое движеніе къ винтовкѣ, добавилъ:

— Ну, теперь ему, бѣдному, такъ-же хорошо, какъ и намъ; если-бы онъ и встрѣтился съ нами, такъ онъ насъ не тронетъ, лишь-бы мы его оставили въ покоѣ!

На всякій случай я попробовалъ-таки, удобно-ли вынимается изъ чехла мое оружіе, и отстегнулъ конецъ замерзшаго у пряжки ремня.

Съ большимъ трудомъ подвигались мы впередъ, мы, видимо, плутали: намъ казалось, что мы кружимъ на одномъ мѣстѣ.

Стемнѣло окончательно. Ровно ничего не было видно. Для того, чтобы не потерять другъ друга, я передалъ Байтаку чумбуръ отъ моей лошади; такимъ образомъ, я слѣдовалъ за своимъ джигитомъ, какъ на буксирѣ.

Завываніе вѣтра было такъ сильно, что, несмотря на такое близкое разстояніе, надо было кричать во все горло, если являлась надобность сообщить что-нибудь другъ другу.

Становилось невыносимо холодно; зубы неудержимо стучали. Спирта уже не было ни капли; мы съ Байтакомъ немного не разочли на послѣднемъ привалѣ; а между тѣмъ холодная, непріятная дрожь забиралась подъ бурки и пробѣгала по членамъ. Мы пробовали сойти съ лошадей и пройти пѣшкомъ, для того, чтобы согрѣться немного въ движеніи, но сильные порывы вѣтра сбивали съ ногъ, и, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, мы едва переводили духъ отъ усталости и снова принуждены были садиться на лошадей, чтобъ черезъ десять минутъ почувствовать сильнѣйшій приступъ холода.

Лошади сильныя, привычныя къ непогодамъ и всевозможнымъ лишеніямъ, положительно выбились изъ силъ. Положеніе наше было отчаянное, тѣмъ болѣе, что мы знали, что до ближайшаго человѣческаго жилья, если-бъ мы не сбились

*) По-киргизски тигръ.

съ дороги и находились на должномъ направленіи, было по крайней мѣрѣ, тридцать верстъ.

А впереди предстояла длинная, безотрадная ночь, и, Богъ вѣсть, прійдется-ли намъ еще разъ увидать разсвѣтъ! Послѣднее предположеніе, съ каждымъ шагомъ, становилось сомнительнѣе и сомнительнѣе, и сомнѣніе это ощущали не только мы съ Байтакомъ, но, кажется, и наши бѣдныя лошади: такъ лѣниво, какъ-бы нехотя, вытаскивали онѣ свои косматыя ноги изъ мокраго, уже глубокаго снѣга.

Меня начало клонить ко сну; и въ эти минуты какъ-то тепло становилось внутри, словно подогрѣтое вино переливалось по моимъ жиламъ. Съ большимъ трудомъ боролся я съ этой неотвязной сонливостью.

Вдругъ Байтакъ наткнулся на что-то и вскрикнулъ; въ ту же минуту и я почувствовалъ, что передъ нами было что-то непреодолимое, плотное, весьма похожее на стѣну; ощупалъ руками: подъ пальцами ясно чувствовалась грубая штукатурка.

— Мазаркъ... Адлье!—произнесъ Байтакъ и этимъ вывелъ меня изъ недоумѣнія.

Въ азіатскихъ пустыняхъ изрѣдка попадаются уединенныя постройки, въ которыхъ покоится прахъ усопшихъ правовѣрныхъ. Постройки эти, смотря по богатству умершихъ, достигаютъ иногда довольно значительныхъ размѣровъ; преобладающій типъ ихъ: квадратное зданіе съ фронтономъ на одномъ, именно, восточномъ фасѣ и куполомъ, въ видѣ опрокинутой чаши; стиль близко подходящій къ индійскому. Судя по мѣстностямъ, встрѣчаются и разныя уклоненія отъ этого типа, болѣе или менѣе значительныя.

Ощупывая стѣнки, мы добрались до угла строенія, потомъ повернули по другому фасу и нашли-таки входъ.

Взойдя въ мазаркъ, мы попытались втащить туда и лошадей, но сѣдла и вьюки не пускали, упираясь въ бока входнаго отверстія. Пришлось разсѣдлывать ихъ, а это была мучительная операція для нашихъ окостенѣлыхъ пальцевъ. Наконецъ, мы кое-какъ справились, и всѣ пятеро (съ лошадьми считая) очутились въ полномъ затишьѣ, ощущая пріятную, относительную теплоту. Осталось добыть огня, тогда-бы наше положеніе было-бы почти блистательно. Въ карманѣ моихъ шароваръ находилась жестяная коробочка съ сѣрными спич-

ками, но этого было слишкомъ недостаточно; надо было добыть матерьяловъ, способныхъ загораться.

Байтакъ собирался идти добывать изъ-подъ снѣга прошлогоднюю колючку. Я считалъ подобное предпріятіе положительно неосуществимымъ, но принявъ разъ навсегда за правило, никогда не возражать моему спутнику ни въ чемъ, касающемся до практической стороны путевой, бродячей жизни, не возражалъ ему и въ этомъ случаѣ, и только одобрительно произнесъ: «хорошо-бы!»

Кара-киргизъ скрылся. Въ ожиданіи его возвращенія, я оставался въ темнотѣ, не позволяя себѣ тратить спички, которыхъ, какъ я сосчиталъ, было не болѣе десятка.

Прошло четверть часа. Байтакъ не возвращался. Прошло еще немного времени. Ничего, кромѣ яростныхъ завываній мятели, не было слышно кругомъ. Я подошелъ ко входу и громко крикнулъ... Отвѣта не послѣдовало,—я еще закричалъ, собравъ всю силу своего голоса, тоже безуспѣшно: казалось, что вѣтеръ обрывалъ звуки, едва они вылетали изо рта. Я взвелъ курки двухстволки и выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, одинъ за другимъ. Прислушался... вдали, далеко, далеко послышалось что-то похожее на крикъ. Я понялъ, что слуга мой заблудился и потерялъ направленіе. Лучшимъ сигналомъ могъ служить свѣтъ, и я началъ жечь спички, соблюдая при этомъ всевозможную экономію.

Синяя искорка затрещала, вспыхнуло красноватое пламя и освѣтило внутренность нашего убѣжища. При неожиданномъ свѣтѣ, лошади фыркнули и навострили уши; на стѣнахъ и сводѣ заблистали морозныя точки, какіе-то фантастическіе рисунки поползли по сырому фону. Потомъ все снова стало темнѣть; спичка догорѣла и погасла.

Я выждалъ нѣсколько минутъ. Опять услышалъ голосъ Байтака, далеко, но все-таки ближе прежняго. Я еще сжегъ одну спичку, повторяя спасительный сигналъ. Послышалось шуршаніе вязанки топлива въ узкомъ входѣ. Байтакъ вернулся съ добычею.

Онъ сообщилъ мнѣ, что думалъ совсѣмъ пропасть, когда услышалъ выстрѣлы (голоса моего онъ не слышалъ вовсе). Но выстрѣлы ему мало-бы помогли, потому что кара-киргизъ не могъ опредѣлить, гдѣ стрѣляютъ, и только свѣтлая точка ука-

зала ему, гдѣ мазаркъ, и то совсѣмъ не въ томъ направленіи, куда онъ шелъ.

Мы вдвоемъ принялись за трудную работу добыванія огня изъ мокраго, добытаго изъ-подъ снѣга матерьяла.

Опытность и ловкость Байтака преодолѣли всѣ препятствія. Послѣ получасовой возни и пыхтѣнья, по стеблямъ сухихъ растеній пробѣжало пламя, струйки дыма потянулись къ сводчатому потолку, веселый трескъ пріятно дѣйствовалъ на наши измученные нервы.

Входъ въ мазаркъ мы завѣсили байковымъ одѣяломъ и разостлали по-ближе къ огню наши бурки.

Лошади, понуривъ головы, стояли смирно, прижавшись другъ къ другу; даже жеребецъ, подаренный мнѣ Аблай-біемъ, и тотъ лѣниво полузакрылъ свои огненные глаза.

Подбросивъ послѣднюю щепоть травы, мы заснули и когда, проснувшись, отдернули одѣяло отъ входа, намъ въ глаза ударилъ лучъ ослѣпительнаго дневного свѣта. Мятель улеглась, горизонтъ очистился.

Байтакъ сообразилъ мѣстность, на которой мы находились, и мы тронулись въ путь.

Еще за свѣтло выбрались мы на большую вѣрнинскую дорогу, а къ ночи мы были уже въ Вѣрномъ, гдѣ за стаканомъ ароматнаго чая, послѣ горячей русской бани, такъ скоро забылись ужасы и тревоги недавняго путешествія.

БОГАТЫЙ КУПЕЦЪ БАЙ МИРЗА-КУДЛАЙ.

I. Шакалы ждутъ.

Городъ былъ взятъ.

Выстрѣлы, слышанные до сихъ поръ почти непрерывно, то громче, то тише, то одиночные, то вдругъ разражающіеся перекатною дробью, то сухіе, отрывистые, то глухо гудящіе, подхваченные эхомъ, — совершенно прекратились. Даже тамъ, гдѣ за массами зелени виднѣлся сѣрый уголъ цитадельной башни, и тамъ все стихло.

Бѣлыя волнистыя облака порохового дыма тянулись надъ городомъ. Гдѣ-то лѣвѣе, у подножья обвалившейся зубчатой стѣны, словно облизывая ея шероховатую поверхность, змѣились красные языки пламени. Съ центральныхъ базаровъ доносился трескъ разбиваемыхъ дверей и воротъ, смутный говоръ, оклики. Нѣсколько барабановъ и трубъ изо всей силы отхватывали сборъ; на гребняхъ цитадели мелькали цвѣтныя тряпки ротныхъ значковъ.

По дорогамъ, ведущимъ въ городъ, по тѣмъ самымъ таинственнымъ, грязнымъ тропинкамъ, по которымъ, часа три тому назадъ, тревожно всматриваясь въ даль, тронулись штурмовыя колонны,—теперь безпечно рыскали одинокіе люди, конные и пѣшіе. Тѣ, которые направлялись въ городъ, тѣ торопливо спѣшили: пѣшіе бѣгомъ, спотыкаясь о камни и обгорѣлыя бревна баррикадъ, конные вскачь, безъ разбора дороги, безъ жалости нахлестывая своихъ поджарыхъ скакуновъ. Обезображенные трупы, попадавшіеся на каждомъ шагу, нисколько не останавливали ихъ вниманія. Дѣло привычное! Только развѣ, когда

между цвѣтныхъ халатовъ и красныхъ шитыхъ золотомъ куртокъ забѣлѣетъ окрававленная русская рубаха,—ну, тогда, пожалуй, на секунду натянутся задерживающіе поводья, наклонится всадникъ къ погибшему, освѣдомится:

— Эге, нашъ линеецъ, второй роты, никакъ...

— А тамъ казаковъ трое валяется и одинъ обозный,— сообщилъ другой всадникъ. — Понаклали и нашимъ въ загривокъ!

И оба еще прытче понесутся впередъ, словно наверстывая лишними ударами плети потерянное время.

Всякому интересно узнать и увидать своими глазами, что и какъ, а пуще всего —что творится на центральномъ городскомъ базарѣ.

Тѣ-же, которые идутъ изъ города въ лагерь, составляютъ полнѣйшую противоположность съ первыми.

Тихо, шагъ за шагомъ, тащутся навьюченные всякимъ добромъ верблюды, ослы и лошади. Еле бредутъ, спотыкаясь, не меньше того навьюченные люди.

Сомнѣваться въ томъ, что штурмъ города окончился и окончился благополучно, было невозможно. Всѣ признаки удачнаго дѣла были на лицо, и глаза, и уши наблюдающихъ убѣждались въ этомъ все болѣе и болѣе. Всѣ такъ и рвались изъ лагеря; всякому хотѣлось поскорѣе *туда*, да не всякій могъ идти, согласно своему влеченію: кого удерживалъ на мѣстѣ долгъ службы, кого болѣзнь и перевязки, кого другія, побочныя причины.

И не въ одномъ лагерѣ находились такіе несчастливцы. Въ скалистой рытвинѣ, шагахъ въ двухстахъ отъ крайнихъ повозокъ вагенбурга, съежившись и притаившись на самомъ ея днѣ лежали три живыхъ существа.

Эти существа приглядывались, прислушивались и ждали— ждали терпѣливо, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько терпѣливо ждетъ собака, скоро-ли доѣстъ свой кусокъ ея хозяинъ и, насытившись, броситъ въ ея распоряженіе обглоданную на-чисто кость.

Эти существа были одѣты во что-то очень рваное, грязное, неопредѣленное; впрочемъ, ихъ тряпки мало прикрывали собою исхудалыя, покрытыя рубцами и ссадинами, тѣла; на двухъ бритыхъ головахъ, словно вплотную наклеенныя, виднѣлись

маленькія тюбетейки, на третьей трепался и свѣшивался на бокъ старый малахай киргизскаго покроя.

Всѣ трое дрожали отъ нетерпѣнія, а можетъ быть, и отъ холода, потому что, несмотря на жаркій день, въ этихъ предгорныхъ полосахъ стоятъ довольно холодныя, росистыя ночи, а время склонялось уже къ вечеру, и солнечный дискъ, спустившись за темно-синюю гряду горъ, словно растопленнымъ золотомъ заливалъ отдѣльныя, болѣе возвышенныя вершины, а понизу все гуще и гуще расползался сумрачный мракъ, и бѣлѣлись колеблющіяся полосы росистаго тумана.

Всѣ трое были очень голодны. Въ послѣдній разъ они поѣли еще вчера, около полудня, и поѣли не совсѣмъ сытно. На походѣ спотыкнулся отъ усталости и упалъ верблюдъ съ солдатскими сухарями и придавилъ одинъ мѣшокъ своимъ паденіемъ. Верблюда подняли, сухари подобрали, — подобрали, да не совсѣмъ до-чиста. Отрядъ прошелъ. На разсыпанные сухари налетѣли птицы. Птицъ прогнали тѣ, которые, вѣроятно, считали себя болѣе законными обладателями всего брошеннаго по пути.

И они были совершенно правы. Что такое птицы? Птицы— и больше ничего! А они...

Когда левъ идетъ на добычу, онъ глухо рычитъ особымъ призывнымъ рычаніемъ; на этотъ могучій окликъ со всѣхъ сторонъ сбѣгаются мелкіе бродяги—воры-шакалы. Они бредутъ въ почтительномъ отдаленіи за крупнымъ разбойникомъ, и все, что остается послѣ его роскошнаго стола, принадлежитъ имъ,— именно только имъ однимъ, иначе зачѣмъ-же было льву созывать ихъ своимъ рычаніемъ?

Три существа на днѣ рытвины были тѣ-же шакалы. Хотя они и похожи были немного на людей, но это только такъ казалось съ перваго взгляда. Ихъ положительно никто не признавалъ людьми. Они даже не имѣли именъ человѣческихъ, а только простыя клички. Одного звали Сары-Таукъ (что значитъ желтая курица), другого—Кызылъ-Псякъ (красный ножикъ), а третьяго—просто Кудлай, и потому только, что въ одной изъ ротъ отряда была косматая собака Кудлай. Солдаты замѣтили какъ-то разъ сходство между своимъ псомъ и отряднымъ шакаломъ и надѣлили послѣдняго этою кличкою. Было это давно уже, да такъ съ тѣхъ поръ и осталось. Даже самъ Кудлай забылъ уже, что у него было когда-то другое имя.

Итакъ, этихъ несчастныхъ, проголодавшихся, прозябшихъ бродягъ никто не считалъ за людей. Согласны-ли они сами были съ этимъ мнѣніемъ, или-же считали его почему-либо нѣсколько пристрастнымъ—объ этомъ никто не заботился.

Шакалы между собою перешептывались и сопровождали это перешептываніе толчками локтей въ исхудалые бока одинъ другого. Если кому-нибудь и приходила фантазія издать какое либо болѣе громкое восклицаніе, то двое другихъ тотчасъ-же произносили успокоивающее:

— Не ори!

— Э, да пойдемъ, пора!—тоскливо говорилъ Кызылъ-Псякъ.

— Пойдемъ!—нерѣшительно соглашался Кудлай.

— Погоди до ночи... Скоро, вѣдь, не долго ждать! Вотъ стемнѣетъ... эти изъ города повыберутся. Тамъ ночевать не станутъ. Мы тогда и пойдемъ!—резонно замѣчалъ Сары-Таукъ.

— Тогда ургутцы вернутся... Какъ русскіе выйдутъ, они сейчасъ и вернутся по домамъ-то...

— Нынѣшнюю ночь не вернутся: они со страха, можетъ, и не одинъ день еще просидятъ на горахъ... Видишь, вонъ въ туманѣ огоньки мигаютъ—то они сидятъ...

И Сары-Таукъ кивнулъ въ ту сторону, гдѣ на полускатѣ горнаго хребта, дѣйствительно, мало-по-малу начали загораться свѣтлыя точки огней, разложенныхъ несчастными бѣглецами изъ Ургута, съ высоты своихъ печальныхъ бивуаковъ наблюдающими, что за погромъ творится въ ихъ родныхъ жилищахъ, въ ихъ до сихъ поръ сильномъ, неприступномъ городѣ.

— Вотъ такъ-то... Кугай-балта не дождался времени, пошелъ...—сталъ припоминать Кудлай.

— Ну, и сдохъ!—подсказалъ Кызылъ-Псякъ.

— Не сдохъ. Голову проломили прикладомъ и подъ мостокъ запихали, а не то, что самъ по себѣ сдохъ!

— Меня вчера собаками травили. Вотъ тутъ прокусили, проклятыя, и тутъ... Теперь ходить больно!—ощупывалъ свои израненныя ноги Сары-Таукъ.

— Не ходи къ солдатскимъ котламъ!

— Пожрать хотѣлось!

— Пожрать!—повторилъ Кызылъ-Псякъ.

— Пожрать!—вздохнулъ Кудлай.

И всѣ трое на минуту замолкли и задумались.

— Много, должно быть, ихняго народу побили,—началъ Кудлай.—Нашихъ мало... нашихъ всегда мало... Отчего это нашихъ всегда мало?

— Мултукъ (ружье) хорошъ, и чортъ помогаетъ... Его шайтаново дѣло!

Наивные шакалы называли «нашими» солдатъ русскаго отряда, по слѣдамъ котораго бродили. Они какъ-бы чувствовали себя нѣсколько солидарными съ этими бѣлыми рубахами, у которыхъ мултукъ хорошъ, и которымъ шайтанъ помогаетъ.

— Уже совсѣмъ стемнѣло!

— Погоди, еще немного погоди! Вонъ скоро послѣдніе выйдутъ. Погоди!

— Да мы ползкомъ, стороною, вонъ за тѣми стѣнками, а тамъ въ бродъ черезъ воду!

— Лежи смирно!

Терпѣливо, съ истиннымъ терпѣніемъ своихъ четвероногихъ собратовъ, выжидали двуногіе шакалы своей поры.

А левъ тѣмъ временемъ, дѣйствительно, уже началъ обнаруживать намѣреніе оставить имъ на расхищеніе свою роскошную добычу.

Ярко загорѣлось пожарное зарево надъ городомъ, словно раскаленныя нависли надъ нимъ волны багроваго тумана. Изъ темныхъ садовъ потянулись вереницами бѣлыя рубахи. Звеня кованными копытами по кремнистому руслу ручья, въ разсыпную рыскали казаки. Глухо гремѣли или звякали пушечныя колеса. И все это изъ всѣхъ городскихъ выходовъ стягивалось къ освѣщенному бивуачными огнями русскому лагерю.

Словно замирающій звукъ струны, словно слабый крикъ какой-то заоблачной птицы, оттуда, дѣйствительно, съ заоблачныхъ горныхъ вершинъ, неслись заунывные, протяжные вопли. Собаки въ русскомъ лагерѣ, заслышавъ ихъ, подняли свое отвѣтное вытье. Дежурный барабанъ зарокоталъ «на молитву».

— Пора!—тронулся ползкомъ Кудлай.

— Пора!—оживился Сары-Таукъ.

Даже всѣмъ тѣломъ задрожалъ Кызылъ-Псякъ и не утерпѣлъ, чтобы не оглянуться,—такъ ужъ хорошо пахло оттуда, гдѣ на красныхъ массахъ раскаленныхъ углей чернѣлись закопченые, облитые саломъ и пѣною солдатскіе котлы.

*

II. Шакалы за работой.

Выползли шакалы изъ своего убѣжища. Кругомъ темно. Сзади, въ лагерѣ — говоръ, крики. У маркитантскихъ палатокъ волнуются толпами бѣлыя рубахи. Конные рыщутъ межъ пѣшихъ; все никакъ угомониться не могутъ. Мѣрно прошагалъ патруль мимо костровъ, заслонилъ ихъ черными тѣнями и скрылся во мракѣ. Еще засверкали штыки другого патруля. Въ темнотѣ, гдѣ-то неподалеку, перешептываются часовые. Собака рычитъ и сторожитъ подозрительную темь. А впереди — тихо, безлюдно; пылаютъ горящіе кварталы, красное пламя сквозитъ сквозь черную листву деревьевъ. Слышенъ трескъ сухого дерева, глухой гулъ обваливающихся стѣнъ и сводовъ. Жалобно блеетъ забытая коза и мечется межъ горящими саклями, путаясь въ узкихъ, загроможденныхъ всякимъ хламомъ улицахъ.

Мельничныя колеса гудятъ и пѣнятъ воду горнаго ручья: Богъ вѣсть, кто пустилъ ихъ въ ходъ, а остановить некому. Куры съ тревожнымъ кудахтаньемъ перелетаютъ съ одной плоской крыши на другую.

А вонъ еще кто-то ползетъ. Идти на ногахъ онъ не можетъ: мертво, словно тряпки какія-то, волочатся по землѣ раздавленные члены и бороздятъ глубокую пыль, оставляя кровавые слѣды; сѣдая борода мететъ дорогу, усталыя руки судорожно цѣпляются за всякій встрѣчный камень, за всякій уступъ, чтобы только, хотя на одинъ шагъ, подтянуть искалѣченное тѣло поближе къ водѣ. Мучитъ, жжетъ его предсмертная жажда. Аллахъ, Аллахъ, скоро-ли?

И завистливо, съ злостью, косятся потухающіе глаза въ ту сторону, гдѣ неподвижными сплетшимися группами лежатъ уже мертвые счастливцы!

— Тсъ! — остановился Кызылъ-Псякъ и плашмя растянулся межъ кампями.

— Тсъ! — присѣлъ Сары-Таукъ.

— Правѣе, правѣе, лѣзь въ самую воду. Не бойся! — ободрительно шепчетъ сзади Кудлай и тащитъ за собой передняго, ухвативъ его за оборванную полу халата.

— ... Сидитъ это она, братцы мои, за семью замками, и

кажинный замокъ припечатанъ семью печатями...—сказочнымъ тономъ слышится русскій шопотъ.

— Для прочности, значитъ!—поддакиваетъ другой.

— Вотъ, братцы мои, это онъ сейчасъ по первому звонку хлысть!

— Кто?

— Да онъ самый.

— Васюкъ не перебивай! Валяй дальше...

— Замокъ-это на двѣ стороны,—пожалуй-те, значитъ, съ нашимъ почтеніемъ... Молчи, дуракъ! чего рычишь... Поглядывай, Матвѣичъ!

— Ладно!—раздается голосъ чуть не надъ самымъ ухомъ передняго шакала.

Такъ всѣ трое и замерли. Еле духъ перевели. Поползли дальше.

— Это они, по-своему, секретъ поставили... я знаю!—объяснилъ своимъ товарищамъ Кудлай, когда миновала опасность.

— Теперь уже прямо!

— Въ тѣни только держись; не лѣзь на свѣтъ, пока въ сакли не заберемся. Эко свѣтло какъ, эко свѣтло... Вѣдь этакъ, пожалуй, къ утру половина города выгоритъ!

— Много народу побито, много—Что тащишь?

— Халатъ, новый совсѣмъ, только сбоку штыкомъ пропоротъ...

— Берегись, идетъ кто-то... Тсъ!..

И всѣ трое прижались къ какой-то высокой стѣнѣ,—прижались такъ сильно, что вотъ-вотъ, казалось, продавятъ ее своими костлявыми спинами. Но крѣпка была глинобитная стѣна; а сверху черезъ нее, низко-низко свѣсились сѣрыя, дышащія свѣжестью древесныя вѣтви и прикрыли собою шакаловъ отъ всякаго опаснаго взгляда.

Тихо, робко ползутъ вдоль противоположной стѣны еще какія-то тѣни, доползли до угла, страшно!—Ярко освѣщена пожаромъ широкая площадка, прямо посреди нея лежитъ красный, весь зашитый золотомъ халатъ, никакъ еще рукою шевелитъ немного,—ожилъ, должно быть.

— Наши,—шепнулъ Кудлай и легонько окликнулъ:—Джантакъ, Курлубай, черти!..

Словно кошки отъ неожиданнаго «брысь!», разомъ метнулись и Джантакъ, и Курлубай, и еще кто-то съ ними, да такъ и сгинули.

— Намъ-же лучше,—рѣшилъ Кудлай и, кивнувъ на красный халатъ, добавилъ:—этого пока не трогай!

— Меня-было разъ такъ ухватилъ за руку одинъ!—говорилъ опытный шакалъ.—Я думалъ сдохъ, а онъ вдругъ и ожилъ... Это бываетъ!... Чего жуешь?

— Чурекъ (хлѣбъ), у меня немножко, сейчасъ нашелъ!

— Дай и мнѣ!

— Немножко только... половинка!—попятился Сары-Таукъ, а самъ за пазуху что-то поскорѣе задвинулъ.

— Эй, Кызылъ-Псякъ, да гдѣ же ты?

— Ушелъ въ сторону... О, жадная собака!

— А что кучею дѣлать-то?

— Вѣрно!

Разбрелись и эти двое. Сары-Таукъ полѣзъ въ какую-то темную калитку, сорванную съ петель и валявшуюся на порогѣ. Кудлай ухватился за ближайшій сукъ и полѣзъ на стѣну.

Бѣгомъ, неслышно, совсѣмъ уже по-кашачьи, перебѣжала площадку другая шайка шакаловъ; сзади всѣхъ ковылялъ хромой, высокій Курлубай, совсѣмъ уже голый, только обмотанный какимъ-то тряпьемъ вокругъ бедеръ. Остановился на секунду около краснаго халата, нагнулся-было и отпрыгнулъ назадъ. Ужъ очень страшно зашевелились крючковатые пальцы. Подозрительно дрогнулъ конецъ заостреннаго, помертвѣлаго носа.

Перелѣзъ Кудлай черезъ стѣну; оборвался прямо въ колючій терновникъ; выбрался — пусто.

Съ той стороны въ стѣнѣ большой проломъ былъ, и пожарный свѣтъ проникалъ черезъ этотъ проломъ, захватывая большую половину дворика.

Вонъ сундукъ, большой такой, цвѣтами расписанный и золотомъ. Дно проломлено, бока тоже развороченъ. Кувшинъ глиняный стоитъ, наклонившись; тоже дно выбито. Масло кунжутное черными лужами расползлось по плитному полу и все заглушаетъ своею вонью. Словно сѣрый улей для пчелъ, виднѣется въ дальнемъ углу небольшое куполовидное возвышеніе.

Знаетъ хорошо Кудлай, что это такое, — печка это хлѣбная. Часто бываетъ, что напекутъ лепешекъ и опять сложатъ ихъ въ печку, когда она совсѣмъ остынетъ, такъ-что она, кстати, замѣняетъ и кладовую.

Въ два прыжка подскочилъ къ ней Кудлай, засунулъ одну руку, засунулъ другую — пусто! Самъ залѣзъ до пояса, всѣ уголки вынюхалъ — и пошелъ дальше голодный шакалъ, еще кислѣе посматривая по сторонамъ, ощупывая на ходу все, что только попадалось подъ-руку.

— Не везетъ!—ворчалъ онъ и своротилъ въ другой дворикъ.

Сюда можно было попасть или черезъ улицу, или прямо, проползя въ узкую дыру водосточнаго арыка, что подрытъ былъ подъ стѣну. Шакалъ избралъ второй путь,—безопаснѣе.

Прямо изъ дверей торчатъ окоченѣлыя ноги, сами ноги босы, а штаны новые, кожаные, желтые, и шелками вышиты. Нащупалъ Кудлай, гдѣ на поясѣ ремень стянутъ, распустилъ и поволокъ.

— Ну, теперь я въ штанахъ! да еще въ какихъ! у самого курбаши самаркандскаго такіе... Только-бы не отняли!— прибодрился Кудлай.

— Рису сколько просыпано, урюку сушенаго! Эге, да тутъ, должно быть, лавка была. Вотъ его здѣсь въ капы насыпали... Нѣтъ-ли гдѣ сала курдючнаго?

Набилъ себѣ Кудлай полонъ ротъ урюкомъ, набилъ, сколько влѣзло за пазуху, такъ, въ горсть, набралъ; оглядывается...

Изъ-за стѣны жадно глядитъ Курлубаева голова; такъ и бѣгаютъ желтые бѣлки, такъ вотъ и щелкаютъ голодные зубы.

— Подсоби,—хрипитъ онъ,—нога больная, не перелѣзу!— и костлявыми пальцами за гребень стѣны хватается.

— Ладно,—ухмыляется Кудлай,—ищи, гдѣ по зубамъ тебѣ лучше придется!.. Го-го-го! маханъ-баръ-мясо! И какъ это его не забрали, тутъ оставили?

— Подѣлись!—хрипитъ за стѣной.

— Такъ вотъ сейчасъ!—обхватываетъ баранью тушу Кудлай!—Ой, оставь... Дьяволы, брось!..

Двѣ тѣни мелькнули изъ-за угла, навалились на Кудлая, душатъ.

— Что, что, что?..—надсаживается Курлубай и уже до половины поднялся надъ гребнемъ забора.

Свирѣпо отбивался голодный Кудлай, защищая свою добычу; свирѣпо нападали на него не менѣе голодные шакалы.

«Ихъ двое, я—одинъ. Аллахъ всегда за сильнаго!»

Такъ, по крайней мѣрѣ, утѣшалъ себя разобиженный шакалъ, уступая врагамъ и мѣсто, и добычу.

— Что, что, что!—скалитъ за стѣною зубы хромоногій.

— На же, вотъ тебѣ!—совсѣмъ уже озлился Кудлай, сгребъ камень по-тяжелѣе и махнулъ имъ прямо въ эти оскаленные, клыкастые зубы.

Пыль поднялась надъ стѣною, во всѣ стороны брызнули кремнистые осколки, исчезла жадная голова Курлубая.

Полѣзъ Кудлай въ третій дворъ—и тамъ уже занято.

— А ну-ка!—сообразилъ шакалъ и приставилъ глаза къ расщелинамъ, Богъ-вѣсть почему, уцѣлѣвшей двери.

Хитрый Кызылъ-Псякъ раньше другихъ своротилъ въ сторону и оставилъ своихъ товарищей. Уже не одну саклю осмотрѣлъ онъ и поѣсть успѣлъ вплотную, такъ-что даже боль чувствовалъ въ непривыкшемъ къ черезчуръ обильному столу брюхѣ. Онъ уже и базаръ миновалъ,—мѣсто, болѣе всего пострадавшее отъ дневного штурма, — и теперь ужъ такъ прогуливался, больше изъ любознательности, копаясь только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почему-либо разсчитывалъ найти болѣе цѣнную добычу.

Теперь его и узнать-то можно было не скоро: вмѣсто прежняго тряпья на плечахъ у него былъ хорошій, совсѣмъ новый верблюжій халатъ, — какая нужда, что весь бокъ его былъ забрызганъ кровью, уже совершенно присохшей и измѣнившей своей красный цвѣтъ на буровато-черный; на ногахъ его, изъподъ разрѣзовъ новыхъ шароваръ, виднѣлись желтые сапоги съ острыми каблуками; только на головѣ шакала трепался все тотъ же малахай — постоянный предметъ зависти остальныхъ его двухъ товарищей.

Многаго набирать шакаламъ вообще не приходится — таскать на себѣ неудобно, а на какую-нибудь вьючную скотину и не разсчитывай. Та другимъ тоже требуется, и если бѣжавшіе жители и оставятъ въ попыхахъ десятка два ишаковъ, то эти длинноухія въ руки шакаламъ не попадаются. Развѣ-развѣ когда, ну, да это ужъ совсѣмъ особая милость Аллаха.

Вотъ если-бы цѣнность какая-нибудь: деньги-бы или вещи какія дорогія, сбруя конская,—такъ и это все такое, что либо жители съ собою прежде всего уносятъ, либо тоже попадаетъ къ тѣмъ, которые навѣдываются первые на разгромленное пепелище.

Вотъ на основаніи такихъ-то соображеній всякій шакалъ и считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если напрется досыта, заберетъ себѣ дня на три, на четыре, про запасъ, съѣстного, да смѣнитъ свое тряпье на новую одежду.

А всего этого шакалъ Кызылъ-Псякъ достигъ въ совершенствѣ.

Правда, онъ насобиралъ поштучно пригоршню мѣдныхъ чекъ передъ дверью разбитой чайной лавочки, да и то не радъ былъ этой находкѣ, потому что предательскія чеки то-и-дѣло позвякивали въ его широкомъ карманѣ, а это звяканье ему крайне не нравилось. Онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ весьма основательныя причины бояться этого подозрительнаго звука.

Онъ видѣлъ и свалку изъ-за бараньей туши, но отнесся къ ней съ полнымъ равнодушіемъ, хотя и узналъ въ слабой сторонѣ своего товарища. Другое дѣло, если-бъ онъ самъ былъ голоденъ, а то...

Посидѣлъ Кызылъ-Псякъ, отдохнулъ, помялъ себѣ желудокъ кулаками и побрелъ дальше.

— Вотъ опять лазить надо, усталъ!.. не хотѣлось-бы,— остановился шакалъ.—Развѣ сюда?..

Перешагнулъ Кызылъ-Псякъ черезъ обгорѣлое бревно, попридержалъ рукою урюковыя вѣтви, да такъ и замеръ, сосредоточившись весь на одной точкѣ.

Шакалъ уставился глазами, — какъ собака, завидѣвшая между сырыхъ кочекъ сухой болотины притаившагося зайца.

Въ центръ одного и того-же дворика, съ двухъ противоположныхъ концовъ, глядѣли Кызылъ-Псякъ и Кудлай, и оба было крайне заинтересованы тѣмъ, что дѣлается посреди этого дворника, у самаго того мѣста, гдѣ раскладываютъ огонь подъ общимъ котломъ, — мѣста, обыкновенно выложеннаго плитнякомъ и сдѣланнаго въ видѣ четырехугольнаго углубленія.

Тамъ было два человѣка: одинъ лежалъ совсѣмъ навзничь, раскинувъ руки и ноги, другой сидѣлъ на корточкахъ и дро-

жащими руками обматывалъ вокругъ своего тѣла длинную чалму, очень старую, очень полинялую и потертую, но, кажется, очень тяжелую, потому-что свободный конецъ ея какъ-то неловко волочился по землѣ и даже постукивалъ по плитамъ четырехугольника.

Вѣроятно, сидящій наматывалъ на свою поясницу то, что снялъ съ поясницы лежащаго; иначе зачѣмъ-бы послѣднему быть въ такомъ совершенно истерзанномъ, полуобнаженномъ видѣ?

А Сары-Таукъ сильно торопился подпоясаться этою странною чалмою. Оттого, что онъ такъ торопился, и тянулось дѣло дольше, чѣмъ-бы слѣдовало. Дрожащія руки не слушались, конецъ чалмы все задѣвалъ и путался; то, что было намотано, опять сползало съ бедеръ и разматывалось.

Лихорадочнымъ блескомъ сверкали глаза шакала. Злость видна была въ этихъ узкихъ, прищуренныхъ глазахъ, и паническій ужасъ туманилъ ихъ при каждомъ звукѣ со стороны, при всякомъ шумѣ имъ-же самимъ произведеннымъ.

— Дай, я помогу! — произнесъ съ одной стороны голосъ Кызылъ-Псяка.

— А не помочь-ли?—словно сговорившись, одновременно произнесъ Кудлай.

Какъ громомъ пораженный, еще ниже присѣлъ Сары-Таукъ; обѣ руки у него опустились; чалма, звякнувъ, упала на плиты.

— Ошалѣлъ совсѣмъ съ хорошей добычи!—полѣзъ сквозь урюковую чащу Кызылъ-Псякъ.

— Непривычное дѣло!—произнесъ Кудлай, высаживая плечомъ кое-какъ прилаженную, ветхую, расщелявшуюся дверь.

— Не трогай! оставь!.. — зашипѣлъ Сары-Таукъ и ножъ изъ-за шароваровъ вытащилъ.—Не тронь! своей дорогой иди... Кой...

— Мы самъ съ ножами. А ты не дури, будемъ дѣлиться!

— Будемъ дѣлиться!—согласился Кызылъ-Псякъ.

А Сары-Таукъ ничего не отвѣчалъ: языкъ у него во рту присохъ и не ворочался. Онъ только поглядывалъ безсмысленно то на одного, то на другого и даже не поднималъ съ земли этой чалмы, обладавшей такимъ приманивающимъ свойствомъ.

Люди, проѣзжіе, путешествующіе купцы, не желая возбуждать алчности у встрѣчныхъ на пути, не всегда возятъ свое золото въ переметныхъ коржумахъ или сумкахъ; часто они зашиваютъ его въ чалму, раскладывая монеты по-штучно, рядами, и простегивая между рядами нитками, и, свернувъ эту чалму вдвое, опоясываютъ ею нижнее платье. Вотъ такая-то драгоцѣнная чалма и попалась въ руки шакалу Сары-Тауку.

III. Между двухъ огней.

Чуть забрезжилъ разсвѣтъ на вершинахъ Кашгаръ-Давана, какъ со стороны горъ, въ густомъ туманѣ, стали появляться неопредѣленныя тѣни. Эти тѣни то сгруппировывались въ сплошныя массы, то раздѣлялись на меньшія группы, еще мельче дробились, отдѣляя отъ себя маленькія точки, и все спускались ниже и ниже, подвигаясь къ разгромленному городу.

Это возвращались изъ своихъ горныхъ убѣжищъ ургутцы, не рѣшаясь еще совсѣмъ спуститься внизъ, не рѣшаясь прямо взглянуть на вражьи слѣды, и робко толпились они на полускатахъ сосѣднихъ холмовъ, прислушиваясь къ неопредѣленному шуму и вознѣ на ихъ пепелищахъ и къ далекому грохоту русскихъ барабановъ, выбивающихъ въ лагерѣ «утреннюю зорю».

Были смѣльчаки, которые подползали къ самымъ стѣнкамъ пригородныхъ садовъ. Они видѣли, что городъ пустъ; видѣли, что русскіе такъ и не ночевали въ ихъ домахъ, еще съ вечера выбравшись на свои бивуаки, видѣли также, какъ бродили по исковерканнымъ улицамъ какія-то тѣни.

— Эхъ, хоть-бы на этихъ собакахъ выместить!—шептали они одинъ другому.—Вотъ тѣхъ двухъ можно поймать. Ужъ обработали-бы мы ихъ! А ну-ка!

А бродяги шакалы и не подозрѣвали, какая гроза скопляется надъ ихъ головами.

«Э! еще рано, еще успѣемъ пошарить! жители развѣ съ восходомъ солнца вернутся!—думалъ каждый изъ нихъ.—Поспѣемъ удрать! поспѣемъ!»

Хромой Курлубай завязалъ обрывкомъ рубахи свою разбитую камнемъ голову; какъ опьянѣлый, идетъ, покачиваясь, ру-

ками за стѣнку хватается, звонъ стоитъ въ ушахъ, зелено передъ глазами, мутитъ съ голоду; злая лихорадка треплетъ и корчитъ всю его согнутую фигуру, и не слышитъ онъ, какъ спереди двое другихъ загородили дорогу.

— Затягивай горло... къ тому дереву тащи... волоки... волоки!

И безъ борьбы, безъ всякой попытки къ сопротивленію падаетъ старый шакалъ. Даже выраженіе его отупѣлаго, старческаго лица нисколько не мѣняется, словно не его, а чье-нибудь чужое горло стягиваетъ волосяной арканъ, словно не по его отощалымъ ребрамъ гуляютъ, надсаживаются озлобленные, безпощадные кулаки ургутцевъ.

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ-то за садомъ, слышится отчаянный вопль; еще откуда-то несутся раздирающіе, предсмертные крики.

Безъ памяти, безъ оглядки шарахнулись шакалы изъ города. Скорѣе, поближе къ русскому лагерю, подъ защитой котораго, гдѣ-нибудь въ оврагѣ, за кустами, можно свободно осмотрѣться и подѣлить свою ночную добычу.

Солнце взошло и освѣтило ярко-зеленое ожерелье ургутскихъ садовъ, освѣтило эти бѣлыя каменныя стѣны, освѣтило черные остовы пожарищъ, заалѣлись въ зелени садовъ и въ грязи улицъ красныя куртки и полосатые халаты убитыхъ во вчерашнемъ бою, а на высокой стѣнѣ большой мечети, словно нарисованная, отчетливо, рѣзко протянулась длинная, вытянутая въ струну тѣнь повѣшеннаго Курлубая.

Звонко ржали лошади въ лагерѣ, чуя утреннія торбы съ ячменемъ, заскрипѣли колеса арбъ вытягивающагося на дорогу обоза. Бѣлыя рубахи строились рядами; рожки сигнальные такъ и рѣзали чистый утренній воздухъ.

А наши три шакала давно уже выбрались изъ Ургута и сидѣли теперь въ своей прежней лощинѣ, поджидая, когда тронется левъ обратно въ свою берлогу, чтобъ и имъ самимъ, по его слѣдамъ, пробраться въ болѣе безопасное, покойное мѣсто.

Вотъ и тронулись.

Впередъ пошли конные и съ ними пѣшихъ немного— значка три, не больше. Потомъ пушки повезли. Такъ и свер-

кали на солнцѣ ихъ мѣдныя, гладко-отполированныя тѣла, особенно на поворотѣ, при крутомъ спускѣ въ поперечную балку. За пушками опять бѣлыя рубахи, за рубахами арбы двухколесныя со всякимъ добромъ и припасами, боевыми и дорожными. Верблюды вьючные, ишаки, разный сбродъ! А сзади всего опять бѣлыя рубахи и съ ними еще одна пушка да полсотни человѣкъ конныхъ.

Долго все это вытягивалось на дорогу. Версты полторы сплошь запяли. Передніе стали поджидать, пока хвостъ вытянется. Тронулись всѣ разомъ.

Шакалы на все это смотрѣли съ нетерпѣніемъ. Близко-то они подходить не рѣшались, а эдакъ издали. Пошелъ отрядъ, пошли и они полегоньку.

День стоялъ хорошій. Къ полудню жаръ большой обѣщало чистое, безоблачное небо. Спѣшили до самаго сильнаго припека дойти до мѣста перваго привала на Джугаръ-данъ арыкѣ.

Все пока шло хорошо, и наши шакалы чувствовали себя въ самомъ веселомъ, безмятежномъ настроеніи духа.

Они теперь были сыты.

Они даже подшучивали другъ надъ другомъ. Кудлай на ходу приплясывать пустился, да скоро пересталъ изъ боязни, что ротныя собаки обратятъ на него свое вниманіе, замѣтивъ издали разпахивающіяся полы его новаго халата; а это могло для всѣхъ троихъ имѣть самыя непріятныя послѣдствія.

— Вотъ еще немного попріодѣнусь, мултукъ заведу, лошадь гдѣ-нибудь украду — пойду къ русскимъ въ джигиты!— мечталъ вслухъ Кызылъ-Псякъ.

— А въ сарбазы?—освѣдомился Кудлай и присѣлъ на землю вынуть изъ-подъ ногтя на ногѣ засѣвшую туда занозу-колючку.

— Въ сарбазы не пойду. Тѣ все пѣшкомъ ходятъ, пѣшкомъ не люблю!

А Сары-Таукъ ничего не говорилъ. Ужъ очень его разобидѣла вчерашняя дѣлежка. Шелъ онъ все время молча, въ землю потупившись, и ничто его не занимало. Не занимали его даже солдатскія походныя пѣсни, долетавшія изъ облаковъ дорожной пыли.

Прошли еще съ версту. Вдругъ надъ головами шакаловъ тонко-тонко просвистало что-то въ воздухѣ, да близко такъ:

каждому показалось даже, что это свистнуло у него надъ самымъ ухомъ. Вслѣдъ за этимъ звукомъ долетѣлъ по вѣтру короткій стукъ отдаленнаго выстрѣла. Еще стукнуло, еще! Закопошились бѣлыя рубахи въ отрядѣ, особенно тѣ, что шли сзади. Конныхъ человѣка три выскакали на ближній курганчикъ, въ трубки двуглазыя посмотрѣли, поговорили между собою немного, руками помахали и назадъ понеслись къ отряду.

А со стороны Ургута, изъ-за цѣпи пройденныхъ уже холмовъ, словно муравьи высыпали красные халаты; заклубились дымки чаще и чаще, завизжали пульки. Скверно! совсѣмъ «дѣло—яманъ» пришлось нашимъ шакаламъ.

И въ отрядъ бѣжать страшно, и къ *тѣмъ* совсѣмъ уже плохо, а по срединѣ оставаться и того хуже.

Вотъ и бѣлыя рубашки отвѣчать начали.

Хохотъ поднялся въ русской цѣпи, глядя, какъ заметались по рытвинамъ Кудлай и его товарищи. Ближе и ближе подъѣзжали красные халаты. Одинъ батырь чуть-чуть не поддалъ пикою Сары-Таука, да тотъ вывернулся. По всему видно было, что проводы предполагались жаркіе!

А тутъ, черезъ дорогу, узбеки, друзья ургутцевъ, воду изъ своихъ арыковъ выпустили. Грязь и топь болотистая стали на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде пыль столбомъ кружилась. Одна за другою начали вязнуть и останавливаться русскія повозки, стали падать тяжело навьюченные верблюды.

Замѣтилъ это болѣе опытный Кудлай,—дѣло свое сообразилъ тотчасъ.

— Бѣги всѣ за мною скорѣе, бѣги за мною. Пропадешь совсѣмъ, иначе!—кричалъ онъ Сары-Тауку и Кызылъ-Псяку... Самъ съ головою накрылся полою халата и, ничего не разбирая, не замѣчая даже собакъ, злыхъ враговъ шакала, очертя голову, рванулся, мимо бѣлыхъ рубахъ, мимо снявшихся съ передковъ пушекъ, прямо къ обозу.

Да и не они одни. Съ разныхъ сторонъ, изъ-за каждаго куста, изъ-за каждаго камня, изъ всякой ямы и рытвины высыпали шакалы. Подъ обозныя колеса лѣзутъ, грязь руками изъ-подъ колесъ завязшихъ отгребаютъ, къ лошадямъ припрягаются, подсаживаютъ, подталкиваютъ, изъ кожи лѣзутъ, усердствуютъ, надрываются.

И смягчились этимъ зрѣлищемъ сердца подъ бѣлыми рубашками.

— Экъ ихъ! экъ ихъ! Ишь, татарва, волчье мясо, надсаживается!—не безъ ласки поглядывали на нихъ русскіе солдаты.

— Валяй, ребята, валяй... Подсобляй, подсобляй!—покрикиваютъ обозные унтера.

— Не трогай, братцы, не замай ихъ! пусть себѣ со страха покуражутся!

— Валекта, Шарикъ! шалишь, брось!

И, виляя хвостами, недоумѣвали ротныя собаки, отчего-же это, дескать, имъ теперь трепать не дозволяется этихъ оборванцевъ?

И при видѣ этихъ нечеловѣческихъ усилій, при видѣ этихъ покрытыхъ потомъ и грязью, побагровѣвшихъ отъ напряженія смуглыхъ лицъ, при видѣ этихъ суетливыхъ фигуръ, шныряющихъ между колесами тяжелыхъ арбъ, ни у одного солдата не могло вырваться злой насмѣшки, не могло явиться желанія подразнить несчастныхъ шакаловъ, натравить на нихъ, для потѣхи, своихъ на-диво выдрессированныхъ псовъ.

Выбрался обозъ изъ топи. Вышелъ отрядъ на вольное мѣсто, успокоился; затихла перестрѣлка; отстали враги. Миновала страдная пора и для шакаловъ.

Вонъ Джугаръ-данъ-арыкъ тянется между зеленыхъ береговъ свѣтлою полосою. Пришли; стали бивакомъ. И тѣни много, и вода свѣжая подъ бокомъ,—приволье!

Кудлай, Сары-Таукъ и Кызылъ-Псякъ тоже нашли себѣ удобное мѣсто и пластами лежали на боку, еле переводя духъ отъ чрезмѣрной усталости.

IV. Сны, какъ у людей, только концы шакальи.

Къ ночи еще переходъ сдѣлали. Еще за-свѣтло пришли на новую стоянку, раскинулись теперь уже лагеремъ, тамъ и сямъ палатки поставили, ужинъ варить принялись изъ некупленнаго мяса.

Развели и шакалы себѣ небольшой огонекъ въ укромномъ мѣстечкѣ; сѣли вокругъ, руки грѣютъ и никакъ не могутъ одолѣть тяжелой, неотвязной дремоты.

Вотъ Кудлай носомъ клюнулъ, чуть-чуть не прямо въ уголья, назадъ откинулся и руками за землю ухватился; Сары-Таукъ въ дугу согнулся и сопитъ такъ, что за полверсты слышно, Кызылъ-Псякъ тоже заморгалъ глазами чаще, чѣмъ слѣдуетъ, и его ротъ беззубый до ушей зѣвота растягиваетъ.

Спать, такъ спать!—порѣшили всѣ сообща; ощупали свои пояса, все-ли обстоитъ благополучно, покосились немного другъ на друга, не то, чтобы совсѣмъ ласково, а эдакъ, какъ и слѣдуетъ, по-шакальи, еще разъ пояса пощупали и прилегли на землю, — головами врозь, ногами къ потухающему костру; на которомъ, корчась и извиваясь, потрескивала послѣдняя горсть сухого бурьяна.

Тихо стало кругомъ, прохладно. Все успокоилось, только на самой вершинѣ высокаго стараго тополя все еще возилась и похлопывала крыльями какая-то неугомонная большая птица.

Крѣпко спитъ усталый шакалъ Кызылъ-Псякъ и сонъ такой ужъ очень хорошій видитъ.

«Саклю онъ себѣ купилъ новую; строена съ деревомъ, не изъ одной глины, какъ у байгушей *). И стоитъ эта сакля сейчасъ-же подлѣ города, на выѣздѣ. Дворъ при этой саклѣ огороженъ просторный; съ одной стороны навѣсъ, съ другой — насыпь сдѣлана глинобитная повыше, глиною съ рубленнымъ самакомъ ровно смазана, и на ней коверъ большой, пестрый, настоящій кызылъ-тырнакъ хивинскій разостланъ. Надъ ковромъ карагачъ стоитъ, кудрявый такой, тѣнистый, и на этомъ коврѣ кызылъ-тырнакѣ, въ прохладной тѣни карагача, самъ Кызылъ-Псякъ прохлаждается.

Подъ навѣсомъ четыре ишака стоятъ, лопухи жуютъ да репейникъ. Хорошіе такіе ишаки, крупные, сытые, самой хорошей породы. На этихъ четырехъ ишакахъ Кызылъ-Псякъ бурьянъ изъ степи возитъ въ городъ продавать на топливо. Привезетъ — продастъ; опять въ степь поѣдетъ, нарѣжетъ бурьяну этого много-много, — благо не сѣяный, — и опять привезетъ, продастъ. И столько онъ денегъ за этотъ самый бурьянъ зарабатываетъ, что и на дынп хватаетъ, и на виноградъ, и на чай, и на пловъ по пятницамъ, и на обнову къ базарному дню для себя и для своей бабы.

---

*) Байгушъ—бѣднякъ.

«А бабу онъ себѣ купилъ въ жены славную: жирную такую, краснощекую. И ужъ что за житье такое Кызылъ-Псяку съ его новокупленной бабою!

«Только вотъ скверно: коли съ четырьмя ишаками столько наработаешь, что-же если прикупить пятаго? А гдѣ денегъ взять на него? Мало, мало того, что по дѣлежу на его долю досталось. Вотъ если-бы и тѣ двѣ части—ну, тогда-бы другое дѣло! А то мало, мало! А что, если?..»

И рука сонпаго шакала инстинктивно потянулась къ поясу, только ужъ не затѣмъ, зачѣмъ прежде, а немного пониже, гдѣ висѣлъ его ножъ—тезка, хотя и тупой, ржавый, поганый ножикъ, а все еще годный для того, чтобы съ маху перехватить горло, кому это понадобится...

Крѣпко спитъ Сары-Таукъ и тоже недурной сонъ видитъ.

«Купилъ себѣ Сары-Таукъ разомъ четыре бабы. На четыре калыма денегъ хватило и на прокормъ еще осталось.

«Свадьбы всѣ четыре отпраздновалъ за-разъ и теперь лежитъ себѣ да прохлаждается, съ бабами потѣшается.

«Одна жена ему пловъ варитъ съ бараниной, съ кониной, съ верблюжатиной и еще курицу поймала, ощипала и тоже въ котелъ суетъ, для сытости и вкуса. Другая жена штаны ему широкіе шелками цвѣтными и золотомъ вышиваетъ, пѣсни поетъ длинныя, голосомъ такимъ тонкимъ, распретонкимъ, Третья жена ему кальянъ высокій изъ желтой тыквы, съ серебряною насѣчкою и сѣткою, раздуваетъ. Табаку настоящаго бухарскаго, по кокану фунтъ, цѣлую пригоршню засыпала и расписной, камышевой чубукъ къ самому его рылу подноситъ. Важно! кури себѣ, знай, покуривай... тяни хотя до одышки, пока въ горлѣ не заскребутъ кошки!..

«Четвертая жена, самая хорошая, сидитъ съ нимъ рядомъ, въ плотную прижалась и руками его по бритой головѣ поскребываетъ. А пальцы у нея скребутъ такъ ласково, щекотно. Ногти на этихъ пальцахъ въ сурикѣ съ охрою окрашены. Кольца бирюзовыя отъ самыхъ ногтей идутъ вплоть по корня.

«Вотъ тутъ-бы съ другого бока пятую бабу,—думаетъ во снѣ Сары-Таукъ,—да капиталовъ не хватаетъ на пятый калымъ. Мало досталось при дѣлежѣ-то! Вотъ если-бы всѣ три части! Вѣдь мои они. Я нашелъ, никто другой — ну, значитъ, мое счастье, а тѣ отняли, собаки проклятыя, ограбили...

«Вотъ развѣ теперь, пока спятъ!..»

И у этого шакала сонная рука потянулась, куда ей слѣдуетъ.

И шакалъ Кудлай спитъ крѣпко и такой сонъ видитъ, что лучшаго ему и не требуется.

«Купилъ себѣ Кудлай четырехъ вьючныхъ верблюдовъ, не тѣхъ киргизскихъ, двугорбыхъ, а настоящихъ наровъ изъ Андкуи. Верблюды эти высокіе, шерстью темные, почти-что черные; на головахъ у нихъ узды индійскія, съ кистями и амулетами, промежъ ушей шишки изъ шелку съ перьями качаются, бубенцы подъ шеями подвязаны, и гулъ отъ нихъ подобранъ—отъ тонкаго къ самому басистому.

«Навьючилъ онъ этихъ верблюдовъ разнымъ товаромъ: ситцы русскіе, шали и канаусы бухарскіе, кисея индійская для чалмъ, одѣяла стеганныя цвѣтныя, халаты золотомъ шитые, — много всякихъ хорошихъ вещей понавьючилъ. Самъ на переднемъ верблюдѣ ѣдетъ, два работника сзади пѣшкомъ идутъ.

«Ведетъ Кудлай свой караванъ мимо городовъ и кишлаковъ разныхъ. Всякъ спрашиваетъ: что за купецъ такой новый, богатый, должно быть? а работники за него отвѣчаютъ самъ мирза Кудлай, въ дальній городъ товаръ везетъ на продажу и мѣну.

«И всюду почетъ богатому купцу мирзѣ Кудлаю, всюду поклонъ, большой кулдукъ и за дастарханомъ первое мѣсто.

«И вотъ приводитъ Кудлай свой караванъ въ дальній городъ, раскинулся базаромъ, по людямъ кличъ торговый крикнулъ и пошелъ торговать, да какъ! Что купилъ самъ на мѣстѣ за коканъ серебряный—здѣсь, въ дальнемъ городѣ, продаетъ за тиля золотое. Живо весь товаръ распродалъ и самому хану послалъ хорошіе подарки.

«Зоветъ къ себѣ ханъ купца богатаго мирзу Кудлая. Пришелъ мирза Кудлай, въ поясъ согнулся, руки сложилъ, какъ слѣдуетъ, почтительно, на брюхѣ, большой кулдукъ отвѣсилъ, ждетъ, что ханъ скажетъ.

— А отчего ты...—Тутъ ханъ сказалъ очень нехорошее слово. — Отчего ты только четырехъ верблюдовъ привелъ съ товаромъ, а не пять, не шесть, не больше, а? отчего это? ну-ка, говори!

«И не знаетъ, какъ отвѣчать хану мирза Кудлай. То-есть, онъ и знаетъ, да какъ сказать? соврать—пожалуй, бѣда бу-

детъ, а сказать правду, такъ-молъ и такъ, — пожалуй, еще хуже.

«Молчитъ стоитъ мирза Кудлай и только про себя думаетъ, лѣзетъ ему въ голову такая дума:

«Отчего? извѣстно отчего, все отъ дѣлежа этого проклятаго. Вотъ если-бъ не этотъ дѣлежъ, а все-бы сразу одному мнѣ, тогда-бы можно и пять верблюдовъ товаромъ навьючить, и шесть, и семь, и больше, а то мало... да, мало...

«А чего я жду, ишакъ я этакой? Вотъ пока эти дрыхнутъ двое, встать поскорѣе да обоихъ...»

И поднялся на локоть Кудлай-шакалъ, смотритъ: и Кызылъ-Псякъ поднялся, и Сары-Таукъ тоже, поглядываютъ другъ на друга, и очень хорошо знаютъ, зачѣмъ каждый изъ нихъ, словно по одному знаку, разомъ приподнялся на локтѣ.

— А-а!—зѣвнулъ Кызылъ-Псякъ первый.

— О-охъ!—затянулъ Сары-Таукъ.

Глубоко вздохнулъ Кудлай.

И всѣ трое снова повалились на землю и заснули такъ, что уже больше никакихъ сновъ не видѣли.

V. Шакалъ Кудлай всѣхъ трехъ частей обладатель.

Таджикъ «Палаутъ», самый опытный табачный огородникъ по всему предмѣстью «Джюгутъ-хане», давно уже привыкъ къ русскимъ и нисколько не тревожился, когда ихъ отряды проходили мимо самыхъ его засѣвовъ и огородовъ. У него даже много пріятелей-тамыровъ было между «бѣлыми рубахами», даже между ихъ старшими, чего-же ему было бояться?

Вотъ и теперь онъ спокойно обошелъ съ вечера свои новые сѣянцы, посмотрѣлъ, не довольно-ли держать воду между грядами, рѣшилъ, что пусть ихъ еще часа четыре помокнутъ, и съ этимъ рѣшеніемъ пошелъ спать къ себѣ въ саклю, прислушиваясь въ дремотѣ къ замирающимъ отголоскамъ русскихъ пѣсенъ.

Спустя часа два по полуночи проснулся таджикъ Палаутъ и опять пошелъ по своимъ огородамъ.

— Эге, довольно!—сообразилъ онъ, ощупавъ руками влажную, разрыхленную землю своихъ на диво вскопанныхъ грядокъ, взялъ кетмень въ руки и нѣсколькими ударами запру-

дилъ входную вѣтвь арыка, потомъ прошелъ на другой конецъ и принялся разрывать входную дыру, чтобы выпустить изъ огорода, застоявшуюся позеленѣлую воду.

Минуты черезъ три грязная струя запѣнилась, забурлила и пошла прокладывать себѣ дорогу по своему старому, высохшему руслу.

Потекла струя мимо грядъ сосѣда палаутова, обогнула мечеть старую загородную, перебралась въ приземистый виноградникъ, взбудоражила всѣхъ маленькихъ лягушекъ, притаившихся у его расползшихся, перепутанныхъ корней, спугнула ящерицъ, бѣгавшихъ въ запуски подъ глиняными стѣнками, и дальше поползла, захватывая на своемъ пути сухія былинки, павшіе листочки, пауковъ земляныхъ, вмѣстѣ съ ихъ паутиною,—однимъ словомъ, все то, что было ей подъ силу.

Таджикъ Палаутъ кончилъ свое дѣло и снова пошелъ досыпать въ свою саклю. Ему и въ голову не могло придти, какихъ дѣлъ могла надѣлать эта струя, съ виду такая невинная, такая невзрачная.

Цѣлый часъ прошелъ уже съ тѣхъ поръ, какъ ее выпустили изъ плаутова сада, и въ это время струя успѣла добраться и до того мѣста, гдѣ спали наши шакалы.

Здѣсь струя пріостановилась: ее задержали кучи сухого бурьяна, сложенныя у самой стѣнки. Потомъ вода сладила и съ этимъ препятствіемъ и, ничего не разбирая, потекла прямо подъ спину мертвымъ сномъ спящаго шакала Кудлая.

Какъ ни крѣпокъ былъ шакалій сонъ, но прикосновеніе холодной воды, разомъ промочившей его отъ пятъ до затылка, подняло его на ноги.

Не понялъ сразу шакалъ, въ чемъ дѣло, да потомъ сообразилъ и принялся стаскивать съ себя намокшую одежду.

— Экъ ее, хоть выжми!—покачивалъ онъ головою.—Вѣдь вотъ тѣмъ счастье, тѣ на сухомъ мѣстѣ остались!

Тутъ шакалъ Кудлай пристально посмотрѣлъ на Сары-Таука и Кызылъ-Псяка, посмотрѣлъ и на свою часть дорогого пояса и пересталъ раздѣваться, не обращая уже болѣе вниманія на то непріятное чувство холода, которое ощущалъ онъ отъ воды, забравшейся даже за его кожанные шаровары.

Притихъ шакалъ Кудлай, совсѣмъ притаился, и его косые глаза забѣгали то къ Сары-Тауку, то къ Кызылъ-Псяку, то

такъ по сторонамъ, словно осматривая, не видать-ли гдѣ-нибудь посторонняго глаза.

Но ничего подозрительнаго не видѣли глаза Кудлая, ничего тревожнаго не слышали его настороженныя уши.

И Кызылъ-Псякъ, и Сары-Таукъ спали крѣпко, такъ крѣпко, что уже больше и не просыпались.

Вѣдь посчастливилось-же имъ попасть на сухое мѣсто

VI. Караванъ-сарай муллы Саидъ-Басмана.

Не доѣзжая до Намангана версты полторы, у самой торговой большой дороги, стоялъ громадный караванъ - сарай муллы Саидъ-Басмана, притонъ всѣхъ каравановъ, идущихъ на Коканъ и Кашгаръ изъ Ташкента и другихъ мѣстъ, занятыхъ въ послѣднее время русскими.

Просторные дворы этого караванъ-сарая, обнесенные высокими глиняными стѣнами, могли вмѣщать одновременно по нѣсколько сотъ верблюдовъ. Подъ навѣсами могли свободно помѣститься какъ товарные вьюки, такъ и вся прислуга караванная—лаучи (верблюдовожатые) и караванъ-баши... Въ сторонѣ, у самыхъ стѣнъ, закопченныхъ чернымъ дымомъ, устроены были очаги съ вмазанными въ печи плоскими котлами, въ которыхъ пріѣзжіе варили свой пловъ и шурпу. Арыкъ съ проточною водою проходилъ, какъ-разъ срединою двора, и вырытый посреди небольшой прудикъ (хаузъ) сбиралъ въ себѣ такое значительное количество воды, что всѣ верблюды могли быть напоены вдосталь, не выходя для этого изъ караванъ-сарая.

Для того, чтобы попасть въ эти дворы, надо было пройти черезъ довольно широкіе крытые ворота, на ночь запирающіеся толстыми поперечными жердями съ цѣпнымъ замкомъ, а по бокамъ этихъ воротъ, съ обѣихъ сторонъ, устроены были помѣщенія для самихъ хозяевъ, богатыхъ купцовъ, а также находилось жилище хозяина караванъ-сарая, ученаго, достопочтеннаго муллы Саидъ-Басмана, одного изъ самыхъ чтимыхъ и извѣстныхъ по всему округу узбековъ.

На самомъ видномъ мѣстѣ расположено было чай-хане караванъ-сарая. Это была просторная, возвышенная площадка, устланная сплошь мягкими цыновками и поверхъ ихъ — ков-

рами. Громадные, развѣсистые карагачи бросали густую, прохладную тѣнь на эту площадку, и солнечные лучи даже съ боку не могли пробраться туда и потревожить усталыхъ гостей, наслаждающихся кальяномъ, зеленымъ чаемъ, умною бесѣдою муллы Саидъ-Басмана и веселой болтовнею батчей—бойко-глазыхъ мальчиковъ въ красныхъ халатикахъ, прислуживавшихъ въ чай-ханѣ.

Тутъ-же находилась и небольшая лавочка, гдѣ можно было за дешевую цѣну, немного только дороже, чѣмъ въ городѣ, купить все необходимое: рисъ, баранину, сало, ячмень для лошадей, клеверъ сушеный, въ снопахъ, саманъ для верблюдовъ, а также ремни и веревки для починки пострадавшей въ дорогѣ вьючной сбруи.

Всѣ болѣе извѣстные въ окрестности купцы знали хорошо муллу Саидъ-Басмана и никогда не миновали его караванъ-сарая. Зачѣмъ было имъ находить другія мѣста отдыха, когда здѣсь они положительно чувствовали себя, какъ дома, и кромѣ всего необходимаго, вдобавокъ еще узнавали отъ словоохотливаго хозяина всѣ могущія ихъ, болѣе или менѣе, интересовать новости?

А это послѣднее обстоятельство значило даже болѣе, чѣмъ первое: азіаты народъ, вообще крайне интересующійся всѣмъ, что дѣлается кругомъ, особенно въ области политики, и свѣдущій мулла, зная до тонкости свое дѣло, ни разу не могъ пожаловаться на малочисленность слушателей въ своемъ чай-ханѣ и старался, на сколько только можно, удовлетворить любознательность каждаго посѣтителя.

Въ окрестностяхъ Намангана, особенно близъ главной кокандской дороги, были и другіе караванъ-сараи, кромѣ караванъ-сарая муллы Саидъ-Басмана, но большинство путешественниковъ все-таки предпочитали послѣдній всѣмъ остальнымъ. Самъ-же мулла, зная себѣ цѣну, весьма равнодушно относился къ своимъ конкурентамъ,—на-столько равнодушно, что когда, въ прошломъ еще году, Мухамедъ-Гулъ, купецъ изъ Андижана пріобрѣлъ себѣ участокъ земли какъ-разъ напротивъ него и затѣялъ строить новый караванъ-сарай, то мулла даже помогъ ему, незнакомому еще съ окрестными жителями, выгодно нанять рабочихъ, землекоповъ и плотниковъ, для сооруженія новыхъ построекъ.

Мухамедъ-Гуллъ строилъ, а мулла Саидъ посматривалъ сквозь дымъ своего кальяна, добродушно улыбался и награждалъ новаго сосѣда дѣльными совѣтами.

— Да вѣдь онъ тебя, смотри, подорветъ, — нашептывали муллѣ его пріятели.—А не подорветъ совсѣмъ, все-таки большой кушъ барышей къ себѣ перетянетъ!

— Значитъ, такова воля Аллаха!—смиренно пожималъ плечами мулла Саидъ-Басманъ.—Всякому ѣсть хочется, каждому Богъ далъ и зубы, и животъ, и никто никому хлѣбъ добывать мѣшать не долженъ!

— Такъ-то такъ, да вѣдь своя рубашка ближе къ тѣлу!— приставали пріятели.

— Гмъ!—не безъ намека, самымъ двусмысленнымъ образомъ ухмылялся мулла Саидъ-Басманъ и прекращалъ всегда подобные разговоры.

Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что новый конкурентъ и четырехъ лунъ не продержится съ своимъ караванъ-сараемъ и ему-же самому продастъ всѣ свои постройки за полцѣны, лишьбы выручить хотя половину своего капитала, затраченнаго на плохо разсчитанное дѣло.

Разсчетъ муллы Саида былъ вѣренъ, на-столько вѣренъ, что даже ранѣе предположеннаго срока Мухамедъ-Гулъ приходилъ къ нему и довольно ясно намекалъ ему, что онъ-бы, пожалуй, и не прочь бросить свое дѣло, лишь-бы покупатель нашелся подходящій, чтобы уже очень цѣною не обидно было.

Да, дѣла достопочтеннаго муллы Саидъ-Басмана были прочны, такъ прочны, что скоро никакому Мухамедъ-Гулу не приходила уже въ голову мысль пытаться «рѣзать отъ того куска, за который мулла зубами ухватился».

Дѣло было къ вечеру. Густая пыль на большой дорогѣ, поднятая не задолго проходившимъ наманганскимъ стадомъ, мало-по-малу улеглась, и далеко-далеко видна была гладкая, широкая дорога, окаймленная тутовыми деревьями и стройными тополями придорожныхъ садовъ.

Румяный свѣтъ вечерней зари все слабѣлъ и слабѣлъ. Давно уже онъ боролся съ свѣтомъ костра, разложеннаго подъ тагаромъ, и эта борьба замѣтно склонялась уже на сторону послѣдняго.

Со двора гудѣли и звякали разнообразные бубенцы верблюдовъ, согнанныхъ къ хаузу для вечерняго водопоя, и слышались хриплые крики черномазыхъ лаучей и плесканіе воды, выливаемой изъ кожаныхъ черпаковъ въ глинобитныя корыта. Въ дальнемъ углу двора десятка три длинноухихъ ишаковъ дико завывали; это они исполняли свою обычную пѣсню заходящему солнцу. Нѣсколько поджарыхъ жеребцовъ, осѣдланныхъ полнымъ вьюкомъ, покрытыхъ вплоть до ушей теплыми попонами, грызлись и лягались подъ навѣсомъ на своихъ привязяхъ. Большая, совсѣмъ одичалая, полосатая кошка неслышно пробиралась по жерди, подъ самою крышею, добираясь до безмятежно дремлющихъ тамъ куръ и голубей хозяйскихъ.

Мулла Саидъ-Басманъ не разсчитывалъ уже больше на новыхъ гостей и распорядился, чтобъ запирали ворота, то-есть, по-просту, задвинули ихъ толстыми жердями.

Громадный самоваръ, ведеръ въ пять вмѣстимостью, такъ вотъ и лѣзъ въ глаза своими сверкавшими, мѣдными боками; онъ сопѣлъ, пыхтѣлъ, высвистывалъ и испускалъ изъ всѣхъ своихъ отверстій густые клубы бѣлаго пара. Мальчики-прислужники бойко шныряли между гостями, разнося чашки и кунганчики съ зеленымъ чаемъ и безцеремонно шагая черезъ ноги и даже головы дремлющихъ подъ говоръ и бряцанье «сааза» посѣтителей.

Зажгли большой, шестигранный фонарь изъ бѣлой промасленной бумаги и повѣсили его на косомъ шестѣ, повыше. Этотъ фонарь освѣтилъ группы красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ, желтыхъ и полосатыхъ халатовъ, живописно расположившихся на коврахъ и циновкахъ просторнаго «чай-хане».

Мулла Саидъ ровнымъ, солиднымъ голосомъ объяснялъ внимательнымъ слушателямъ, какая хитрая, прехитрая бестія этотъ Мозофаръ, эмиръ бухарскій, выславшій къ русскимъ на встрѣчу посольство свое для переговоровъ, чтобы только позатянуть дѣло и выиграть время для своихъ приготовленій къ войнѣ, такъ неожиданно обрушившейся на его лживую голову.

— Такъ это онъ все хитри-и-илъ!?—удивлялся одинъ изъ гостей, купецъ изъ окрестностей Ташкента, тотъ, что везъ табакъ и кошмы въ Коканъ для продажи или-же для промѣна ихъ на шелкъ сырецъ и шали тамошняго производства.

— Ну, понятно, пока русскіе будутъ стоять да слушать этого стараго говоруна, у него все тамъ сейчасъ и того... живо дѣло обработаютъ! Понятное дѣло, понятное!—затараторилъ вертлявый караванъ-башъ Насыръ, протискиваясь въ передніе ряды собесѣдниковъ.

— Э-эхъ!—крякнулъ, должно быть, по какому-нибудь сочувствію совсѣмъ бѣлый старичекъ въ дорогомъ кашемировомъ халатѣ.

— Чаю еще подай, — маленькій кунганъ, вонъ тотъ, что стоитъ съ краю!

— Такъ вотъ ихъ на этотъ крюкъ и поймаютъ, какъ-же! Травленые волки!—рѣшилъ рыжій купецъ изъ Чимкента, аксакалъ съ бронзовою медалью на халатѣ.

— Прежде ловили!—замѣтилъ, словно про себя, кто-то изъ дальнихъ.

— И не одинъ разъ! — подтвердилъ кто-то другой, изъ того-же угла.

— А теперь—шабашъ!

— Ничего не шабашъ; он...

— Не перебивай! Ну, такъ нашъ-то ханъ теперь что будетъ дѣлать?

— Худояръ-то? — пожалъ плечомъ мулла Саидъ. — Тотъ, какъ только получилъ письмо Мозофара, посмотрѣлъ, совѣтъ собралъ и на этомъ-то совѣтѣ порѣшили...

Тутъ голосъ разсказчика нѣсколько понизился; слушатели сдвинулись плотнѣе.

— Тише вы тамъ, у самовара: не брякай посудою ты, козленокъ глазастый!

— Тсъ! подвинься немножко!

— А тебѣ тѣсно?

— И рѣшили на этомъ совѣтѣ, чтобы печатей съ этого письма не снимать и отослать его такъ, какъ есть, обратно, безъ всякаго отвѣта. «Потому, говоритъ ханъ, что мнѣ съ русскими нѣтъ никакого разсчета ссориться,—значитъ, и всякихъ подговорныхъ писемъ читать не слѣдуетъ, потому что тамъ не добро написано». Такъ-то вотъ!

— А что-же тамъ написано?—полюбопытствовалъ купецъ изъ Ташкента.

— А я читалъ?—поднялъ голову мулла Саидъ и началъ прислушиваться.—Кто-то ѣдетъ никакъ!—произнесъ онъ.

— Правда-ли это теперь,—началъ кто-то изъ того-же темнаго угла, — правда-ли, что когда русскіе еще за Арысь не переходили, на небѣ, надъ самою Бухарою, красные волки бѣгали?

— А ты отъ кого это слышалъ?

— Говорили въ ту пору. Мнѣ одинъ изъ тамошнихъ сказывалъ!

— Ха, ха, ха!

— Зря народъ болтаетъ, по людямъ много всякихъ глупыхъ разговоровъ ходитъ, много. Вотъ какъ и теперь!

— Да мнѣ-то что? Я отъ другихъ слышалъ, не свое говорю...

— А кто-то и взаправду ѣдетъ!

. . . . . .

— Подать новую на желѣзный товаръ наложили и тапанный сборъ на одну седьмую часть прибавили!—вздохнулъ мѣстный купецъ, сосѣдъ муллы Саида, да такъ вздохнулъ, что даже зола разлетѣлась изъ-подъ самовара.

— Къ намъ, сюда!—рѣшилъ мулла Саидъ и велѣлъ одному изъ мальчиковъ отодвинуть запорныя жерди.

— Верблюды идутъ, верблюды... я вижу,—засуетился караванъ-башъ Насыръ, — вонъ чернѣютъ около самой стѣнки; отсюда вотъ хорошо видно! разъ, два, три, четыре, пять... нѣтъ, пятаго нѣтъ, только четыре.

— А колоколовъ-то сколько навѣшено, страсть!—замѣтилъ купецъ изъ Чимкента;—эко гудятъ, эко гудятъ! Идетъ всего-навсего четыре верблюда, а звону дѣлаютъ, словно цѣлый караванъ сотенный!

Дѣйствительно, маленькій караванъ давалъ-таки довольно шумно знать о своемъ приближеніи. Тутъ гудѣли самые разнообразные звонки, подвѣшанные на шеяхъ и головахъ верблюдовъ, ихъ, должно быть, было по нѣсколько на каждомъ животномъ, и это обстоятельство показалось довольно страннымъ для всѣхъ, привыкшихъ уже къ обыкновенію вѣшать звонки только по одному, и то черезъ четыре верблюда на пятаго.

Этотъ звонкій караванчикъ приблизился уже на-столько, что можно было различить толстую фигуру въ необъятной чалмѣ, раскачивающуюся на вершинѣ вьюка передняго верблюда. Можно было также различить и трехъ человѣкъ пѣ-

тихъ, бредущихъ усталою поступью по сторонамъ маленькаго каравана.

Проѣзжіе обнаружили явное намѣреніе остановиться на ночлегъ, именно въ караванъ-сараѣ муллы Сапда, и свернули съ большой дороги, огибая осторожно широкую, топкую лужу черной, вонючей грязи.

— Не знаю!—словно про себя недоумѣвалъ мулла Сандъ.— Мнѣ-ли не знать всѣхъ купцовъ ханства, а не узнаю. И кто-бы это такой могъ быть?

— Аманъ! будетъ мѣсто для моего каравана?—послышался голосъ съ вершины передняго верблюда.

— Аллахъ благословилъ твой путь, благословитъ и отдыхъ. Входи!—отвѣтилъ мулла Сандъ.

— «Тохта»! (остановись)—рѣшилъ голосъ сверху.

Прибывшіе верблюды остановились какъ-разъ противъ воротъ караванъ-сарая.

VII. Мирза Кудлай-бай, богатый купецъ, удивляется, какъ это его еще никто не знаетъ?

Послышался обычный хрипящій звукъ, какимъ обыкновенно, съ помощью подергиванія за поводъ, кладутъ на землю верблюдовъ. Высокое животное мотнуло косматою головою и тяжело опустилось на переднія колѣна. Колыхнулись громадные вьюки, колыхнулась и клюнула носомъ толстая фигура на ихъ вершинѣ и неловко полѣзла внизъ, еле ворочаясь въ своихъ шести халатахъ, одѣтыхъ одинъ на другой.

— Ого, сколько народу!—важно произнесъ прибывшій;— не будетъ-ли для насъ тѣсно? Я вѣдь люблю, чтобы было просторно! Слышишь ты, хозяинъ! Алай, Базарга, Чахлымъ, люди! проводи караванъ во дворъ, раскладывайтесь живо. Фу-ухъ! А я-таки немного усталъ!..

— Эка важная птица!

— Покрикиваетъ, что твой курбаша!

— Кто такой? Откуда?

Послышались сдержанные замѣчанія и вопросы въ толпѣ гостей муллы Сандъ-Басмана. Да и самъ хозяинъ немного растерялся отъ такого шумнаго начала; онъ не привыкъ къ этому, а главное, его смущало то обстоятельство, что передъ

нимъ, передъ все и всѣхъ знающимъ, стояло совершенно незнакомое лицо, надменно поглядывающее вокругъ изъ-подъ своей чалмы такихъ размѣровъ, что если-бы ее разрѣзать на куски, то ея хватило-бы, по крайней мѣрѣ, на десять мусульманскихъ головъ и еще съ небольшимъ остаткомъ.

— Крыша моего дома будетъ надъ твоею головою,—началъ мулла Саидъ.—А ты скажи мнѣ, кого это судьба привела подъ мою крышу въ такое позднее время?

— А ты посмотри хорошенько! — надменно произнесъ обладатель гигантской чалмы. — Посмотри-ка, можетъ, и узнаешь!

И прибывшій сталъ въ самомъ центрѣ чай-хане, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходился свѣтъ отъ четырехъ бумажныхъ фонарей, такъ что каждый могъ вдосталь налюбоваться его верхнимъ халатомъ, зеленымъ съ ярко-оранжевыми полосами, лоснящимся и шелестящимъ при каждомъ движеніи своего обладателя.

Тутъ всѣ замѣтили, что тучность и сановитость незнакомца были только кажущимися. Вольно же было напялить столько одежды! Замѣтили, наконецъ, въ тѣни чалмы и лицо его, немного сморщенное, надменно улыбающееся, щурящееся по сторонамъ своими покраснѣвшими отъ пыли, свиными глазками; замѣтили и жидкую бородку, какую-то бляху мѣдную подъ этою бородою: замѣтили и поясъ, на которомъ чего-то только не было навѣшано, — и все-таки никто изъ присутствующихъ не могъ припомнить, гдѣ и когда видѣлъ онъ эту смѣшную фигуру, да и видѣлъ-ли еще ее хоть когда-нибудь. Новоприбывшее лицо оказалось совершенно незнакомое.

— Не узнаю!—пожалъ плечами мулла Саидъ-Басманъ.

— Ха, ха, ха!—натянуто усмѣхнулся пріѣзжій.—Такъ ты и не слыхалъ обо мнѣ? Не слыхалъ?

— Да кто ты такой?—повторилъ вопросъ хозяинъ, котораго начиналъ уже сердить нахальный видъ и ломанье маленькаго человѣка подъ огромной чалмой и закутаннаго въ шести халатахъ.

— Я? кто я? ну, слушай же! Я—мирза Кудлай-бай, изъ самыхъ богатыхъ купцовъ по всѣмъ землямъ, что отошли подъ «бѣлаго царя» въ послѣднее время. Вотъ кто я!..

И мирза Кудлай-бай началъ поглядывать на ковры, гдѣ-бы ему удобнѣе опуститься, чтобы и покойно было, и для дру-

гихъ замѣтно, не такъ вотъ, какъ тамъ, у стѣнокъ, гдѣ въ потьмахъ не видно даже, что за халаты надѣты на человѣкѣ.

— Не слыхалъ про такого!—сказалъ мулла Саидъ.

— Не слыхали и мы. А ты не слыхалъ?

— Нѣтъ, не довелось...

— Въ первой вижу, а слышать тоже не приводилось!

Пошелъ говоръ въ толпѣ.

— Ха, ха, ха, ха!..—раскатился самый богатый купецъ.— И гдѣ только твои глаза были, что меня не видѣли, гдѣ уши твои были, до которыхъ не дошло мое имя? Эй, вы, люди! Алай, Базарга, Чахлымъ! смотрите на этихъ наманганцевъ, которые ничего не видятъ, не слышатъ и ни о чемъ не знаютъ. И въ какую только землю мы заѣхали?! Ну, народъ...

— Дуракъ какой-то!—послышалось въ толпѣ.

— Шутъ полосатый!..

— Дивона (юродивый), — рѣшилъ какъ-бы про себя, однако, довольно громко, мулла Саидъ-Басманъ.—Видна птица по полету!

— Слушай, надо его того, поразспросить немного!—шепнулъ купецъ изъ Чимкента Насыру, караванъ-башу.

— Начнемъ, погоди, дай угомониться,—подтолкнулъ его локтемъ Насыръ.—Я теперь припоминаю: кое-что слышалъ на ташкентскомъ базарѣ, на прошлой недѣлѣ. Эй ты, юркій, тащи сюда еще кунганъ чаю!

— Кальянъ!—произнесъ мирза Кудлай, протянулъ руку и нетерпѣливо зашевелилъ въ воздухѣ своими крючковатыми, грязными пальцами.—Да, такъ вотъ,—выпустилъ онъ изо-рта клубъ дыму.—Такъ вотъ, какъ это пройдешь съ караваномъ ташей десять, такъ оно и пріятно отдохнуть, хотя-бы даже и въ этомъ скверномъ чай-хане. Что у васъ тутъ такой воздухъ нехорошій?..

— А это вотъ отъ твоихъ халатовъ, должно быть!—замѣтилъ кто-то;—до твоего пріѣзда дышать хорошо было!

— Ишакъ!—лаконически огрызнулся мирза Кудлай.

— Тебѣ не сродни!

— А кто это тамъ говоритъ?

— Не надо ссоры, не надо! — предупредилъ схватку хозяинъ;—видимое дѣло—въ головѣ у него угаръ; что съ нимъ связываться!

Слышалъ-ли, или нѣтъ это замѣчаніе мирза Кудлай, но онъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ видъ, что хозяйская любезность не коснулась его уха.

— А откуда дорога твоя идетъ, мирза? — полюбопытствовалъ караванъ-башъ Насыръ.

— Откуда? А-а-а!—зѣвнулъ мирза.—А съ разныхъ мѣстъ; теперь вотъ изъ Ташкента, не того поганаго Ташкента, что прежде былъ, а изъ настоящаго, русскаго Ташкента, изъ того, что на весь «саларъ» раскинулся. Вотъ откуда!

— Хорошее мѣсто, богатое; я знаю...

— Да ты развѣ тамъ былъ? Сдается мнѣ, что тебя туда бы не пустили. Тамъ вѣдь только особо знаменитые и богатые купцы бываютъ!

— Нѣтъ, случилось и мнѣ!

— Ну, твое счастье!

— Куда же теперь ѣдешь? въ Коканъ, что-ли?

— И въ Коканъ. А оттуда, можетъ, куда и по-дальше. Торговать, такъ торговать, какъ слѣдуетъ, съ цѣлымъ свѣтомъ; не то, что вы, мелкота!

— Гдѣ уже намъ! — смиренно согласился Насыръ, караванъ-башъ.

— Томаша (зрѣлище, комедія)! — послышался шопотъ въ толпѣ.

— Съ какимъ товаромъ?—спросилъ опять Насыръ.

— Да ужъ не такая дрянь, какъ ваши, ситцы русскіе, красные кумачи, сахаръ, зеркала, румяна, духи разные. Тысячъ на двѣсти кокановъ товару везу. Да пожалуй-что, и побольше!

— Это на четырехъ-то верблюдахъ? Должно быть, товаръ твой легокъ или ужъ очень верблюды сильные. Гдѣ покупалъ такихъ?

— Какъ на четырехъ?—смутился немного мирза Кудлай-бай.—Это того... это только передніе четыре. Легконосы портальные, а за ними еще пятьдесятъ головъ идетъ, а потомъ, черезъ день, еще пятьдесятъ, а тамъ еще сто, а тамъ...

— Ого!—крикнуло нѣсколько голосовъ разомъ.

А люди богатаго купца уже убрали своихъ верблюдовъ, всѣ трое подошли къ чай-хане и слышали, какъ бахвалился ихъ хозяинъ.

— Это что же онъ вретъ-то? — толкнулъ локтемъ Алай Чахлыма.

— Пусть повретъ!—толкнулъ Чахлымъ Базаргу.

— На свою только голову бѣду накликаетъ! — шепнулъ Базарга.

— Да вы не вѣрите, что-ли?—вскипятился мирза Кудла.— Такъ вотъ у людей моихъ спросите. Эй, вы, мои люди, гдѣ вы тамъ? Сколько нашихъ верблюдовъ идетъ сзади?

— Говори!—толкнулъ опять Аллай Чахлыма.

— Говори самъ!—попятился тотъ.

— Мы что, мы люди темные, — произнесъ Базарга. — Мы такого и счету не знаемъ; тебѣ, хозяину, это лучше знать!

— Ну, вотъ видите: что?—самодовольно потянулся мирза Кудлай, обладатель такого безконечнаго каравана. — Эй, ты, убери свои ноги: видишь, я прилечь хочу по-удобнѣе!

— Для всѣхъ мѣста хватитъ! — недовольно огрызнулся тотъ, къ кому относилось это замѣчаніе; однако, убралъ-таки свои ноги и отодвинулся.

— Проходили мы тутъ однимъ кишлакомъ,—разсказывалъ мирза Кудлай:—вышли ко мнѣ навстрѣчу всѣ старшины, дастарханъ разложили, кланяются. Только задержали даромъ! Далъ я имъ по халату—сейчасъ въ ноги. Сказалъ я имъ, что русскій губернаторъ ими очень доволенъ, и дальше поѣхалъ!

— А ты видалъ-ли русскаго губернатора?

— Кто, я? Тамыры съ нимъ. Онъ у меня въ кибиткѣ бывалъ, я у него. Хорошій человѣкъ русскій губернаторъ. Я имъ очень доволенъ!

— Вотъ такъ мягкій языкъ — во всѣ стороны такъ и гнется. Ну, послалъ Аллахъ человѣка на нашу потѣху! — шепнулъ сѣдой старикъ муллѣ Саиду.

— Что дальше будетъ, погоди. Что это у тебя на шеѣ повѣшено?—спросилъ онъ у мирзы Кудлая.

— Ты этого не знаешь; это медаль, отъ самого бѣлаго царя медаль; больше этой медали нѣтъ: эта самая изъ всѣхъ важная!

— А ну, покажи!

— Гляди, коли есть охота!

И мирза небрежно раздвинулъ пальцами свою щетинистую бородку и открылъ какой-то овальный мѣдный кружокъ, повѣшенный на красной тесемкѣ подъ самымъ горломъ.

— Что-же это такое за медаль, я такой еще и не видалъ ни разу!

— Мало-ли чего ты не видалъ!

— Нѣтъ, вотъ тутъ есть одна.—Эй, пріятель, покажи свою!—обратился мулла Саидъ къ купцу изъ Ташкента.

Тотъ показалъ.

— Гмъ!—нѣсколько смутился Кудлай.—Да, ну, это маленькая медаль, эдакую всякій имѣть можетъ. У насъ и лаучамъ простымъ даютъ такія...

— Есть въ русскихъ товарахъ,—говорилъ вполголоса купецъ изъ Чимкента своему сосѣду,—такіе ящички изъ жести, и въ нихъ, плотно-плотно, маленькія рыбки наложены; масломъ онѣ залиты, а чтобы это масло не вытекло, ящички по краямъ оловомъ запаяны. И на этихъ самыхъ ящичкахъ все вотъ такія точно медали понаклеены!

— Ну!—фыркнулъ сосѣдъ.

Пошли смѣшки и пофыркиванія по всей толпѣ, вызванные объясненіемъ купца изъ Чимкента.

— Ишаки безмозглые!—опять выругался мирза Кудлай-бай, ободренный безнаказанностью первой своей выходки.

— А вотъ мы тебѣ дадимъ «ишаки»! Что за шайтанъ такой, право, злоязычный!..

— Плюнь ему въ бороду, да и на его медаль также!

— Ну-ну, ну-ну,—поспѣшилъ успокоить гостей мулла Саидъ.—Что съ него взять? оставь ужь его, пускай!...

Мальчикъ-прислужникъ принесъ дымящееся блюдо съ пловомъ и поставилъ его передъ сановнымъ, богатымъ купцомъ мирзою Кудлаемъ; тотъ плеснулъ изъ чашки воды себѣ на руки и вытеръ ихъ объ полы своего халата.

— Кушайте и вы!—благосклонно произнесъ онъ и запустилъ въ жирный, горячій рисъ всѣ свои десять пальцевъ.

Свѣтлая полоса протянулась на востокѣ, запѣли пѣтухи; во всемъ Намаганѣ тамъ и сямъ стали подниматься и потягиваться съ просонья спавшіе на своихъ плоскихъ крышахъ горожане. Ночные сторожа собирали свои погремушки и сторожевые бубни и думали уже расходиться по домамъ; у хлѣбопековъ дымовыя дыры задымились и замигало красноватое пламя въ ихъ приземистыхъ глинобитныхъ печкахъ; закопошился народъ и въ караванъ-сараѣ муллы Саида.

Верблюдовъ поили, вьючили и укладывали рядами, чтобы потомъ поднять всѣхъ разомъ и вереницами вывести ихъ на дорогу. Лошади подъ навѣсомъ фыркали и звучно жевали ячмень въ торбахъ. На всѣ лады храпѣлъ и сопѣлъ мирза Кудлай-бай, купецъ богатый, развалившись на цѣлой горѣ ковровъ и стеганыхъ одѣялъ, въ своей, особо для него отведенной, саклѣ.

Ярче и ярче разгоралась утренняя заря, уже озолотились вершины тополей и карагачей, вспыхнулъ зубчатый гребень стѣны городской цитадели. Золотистыми крестами потянулись въ воздухѣ взлетѣвшіе съ своихъ гнѣздъ длинноногіе аисты, а мирза Кудлай-бай, купецъ богатый, все еще сопѣлъ и храпѣлъ, только на другой бокъ повернулся.

Вотъ мало-по-малу стали вытягиваться на дорогу торговые караваны; пошелъ и Насыръ, караванъ-башъ, пошелъ и сѣдой купецъ, и чимкентецъ уже садился верхомъ на своего пѣгаго аргамака; мулла Саидъ уже изъ мечети вернулся. Солнце поднялось изъ-за садовъ.

— Буди, поди, его; что онъ, въ самомъ дѣлѣ, до полудня дрыхнуть, что-ли, будетъ?— говорилъ Алай, вытягивая на веревкѣ кожаное ведро изъ хауза.—Всегда вотъ такъ, послѣ всѣхъ людей съ ночлега поднимаемся!

— Ну, пожалуй, разбудимъ!—рѣшили въ одинъ голосъ Базарга и Чахлымъ и пошли къ дверямъ, откуда слышался храпъ ихъ хозяина.

VIII. Первая коканская таможня.

Пройдя за Наманганъ версты двѣ, дорога съуживается между двухъ скалистыхъ обрывовъ; и это ущелье тянется шаговъ на триста, разомъ расширяясь въ обширную площадь, съ которой и развѣтвляются караванные пути на сѣверъ, на востокъ и на югъ, въ горные полукочевые аулы.

Миновать эту лощину невозможно, особенно съ тяжело навьюченными верблюдами или арбами, а потому коканскій ханъ и устроилъ на площади-перекресткѣ свою первую таможню, удачно воспользовавшись словно нарочно съ этою цѣлью приготовленнымъ природою мѣстомъ.

Вся площадь была обнесена невысокою стѣною. У широ-

кихъ воротъ, между двухъ круглыхъ башень съ зубчатыми гребнями, въ просторныхъ сакляхъ, открытыхъ съ одной стороны, сидѣли ханскіе чиновники, «зякетчи», таможенные сборщики, и находился небольшой военный караулъ изъ десятка черномазыхъ сарбазовъ въ красныхъ куртках съ высокими зелеными воротниками, босыхъ и вооруженныхъ ружьями самаго жалкаго вида. Нѣсколько человѣкъ конныхъ ханскихъ джигитовъ тоже расположились неподалеку и, сидя у стѣны, дремали въ самыхъ живописныхъ позахъ, яркими, блестящими пятнами рисуясь на свѣтломъ фонѣ стѣны.

Маленькій базаръ съ фруктами, дынями, арбузами тянулся вдоль лѣвой стороны зякетнаго двора; желтые зонтики изъ циновокъ, распяленныхъ на тонкихъ жердяхъ, словно громадные грибы, виднѣлись надъ лавочкою хлѣбника и пельменьщика, гдѣ, кромѣ своего обычнаго товара, на большихъ желѣзныхъ листахъ жарилась рыба, распластанная, обсыпанная перцемъ, шипящая и ворочающаяся въ кипящемъ кунжутномъ маслѣ.

Верблюды съ ночи еще пришедшихъ каравановъ лежали, какъ попало, въ ожиданіи своей очереди осмотра; лаучи толпились у лавокъ; хозяева караванные, въ почтительныхъ, полусогнутыхъ позахъ, сидѣли полукругомъ передъ главнымъ сборщикомъ и вели переговоры; два джигита съ самымъ спокойнымъ, невозмутимымъ видомъ вязали руки назадъ какому-то желтому халату, боязливо поглядывающему кругомъ, словно волкъ, захваченный капканомъ.

— Выше руки держи, вязать неловко!—говорилъ одинъ джигитъ.

— Влѣво подай, стисни крѣпче!—говорилъ другой.

И выше подымалъ, и влѣво подавалъ, и стискивалъ крѣпче свои руки желтый халатъ, и только кряхтѣлъ, когда уже слишкомъ плохо приходилось ему отъ этого подлаго волосянаго аркана, такъ и врѣзывающагося въ его вывороченныя за спину руки.

Рядомъ двумъ верблюдамъ кровь пускали, и по землѣ ползли и извивались цѣлые потоки темно-красной жидкости, всасываясь и пѣнясь въ навозной пыли и золѣ прежнихъ, уже потухшихъ костровъ.

Въ дальнемъ углѣ въ суматохѣ бѣгало нѣсколько лаучей;

они размахивали руками, кричали другъ на друга, звали кого-то и кончили тѣмъ, что угомонились, наконецъ, и, столпившись въ тѣсный кружокъ, молча уже смотрѣли всѣ въ одно мѣсто, покачивая головами и дѣлая другъ другу различныя замѣчанія. Тамъ, весь почернѣлый, съ закатившимися желтыми бѣлками глазъ, корчился и скрипѣлъ зубами одинъ изъ ихъ товарищей—лауча, котораго вдругъ разомъ схватилъ припадокъ злѣйшей холеры.

Новые караваны прибывали со стороны Намангана. Становилось тѣсно, и купцы ворчали, съ недовольнымъ видомъ поглядывая на сановитыя чалмы сборщиковъ; а тѣ, съ самымъ полнымъ равнодушіемъ, еле процѣживали сквозь зубы короткія фразы, часто даже вовсе неотносящіяся къ ихъ настоящему дѣлу.

— Такъ что-же? отпускайте, что-ли... Я, пожалуй, по чекѣ на каждый коканъ надбавлю!—рѣшается произнести одинъ изъ купцовъ.

— А... тотъ орѣшникъ, что посреди моего двора росъ, я велѣлъ срубить!—говорилъ одинъ сборщикъ другому.

— Жаль: хорошее дерево!—замѣтилъ тотъ.

— Сыро отъ него было... Что дочь твоя? выздоровѣла?—А... двѣ не дашь?

— По одной чекѣ; помилуй, и то много выйдетъ, ты сосчитай!

— Считать умѣемъ — это наше дѣло; не даромъ седьмой годъ въ зякетчахъ служимъ... Такъ двѣ?

— Э-эхъ!

— Посмотри ужъ моихъ верблюдовъ: мнѣ до полудня выбраться надо. Я и такъ здѣсь со вчерашняго дня сижу. Сдѣлай такую милость!

— Поспѣешь. Куда торопишься?—время терпитъ!

— Да, для тебя—пожалуй, а не для насъ!

— Поворчи еще... видишь?

Зякетчи кивнулъ на желтый халатъ, съ которымъ уже покончили операцію скручиванія рукъ назадъ, и который теперь сидитъ одинъ у кола, на самомъ солнцепекѣ.

— Слышь! Поди сюда!

Зякетчи обернулся. За нимъ стоялъ Насыръ караванъ-башъ и пальцемъ кивалъ ему.

*

— А, и ты пріѣхалъ? Аманъ, другъ здорово! что новаго?

— Вонъ мои семнадцать головъ подходятъ. Красныя узды. Вели писать пропускъ. Да поди сюда—слово есть!

— Говори, что?

— Да погодите тутъ, я сейчасъ!—поднялся ханскій сборщикъ.

— А вотъ и нашъ мирза Кудлай прибылъ!—указалъ купецъ изъ Чимкента на громадную чалму, кивавшую изъ-за верблюдовъ.

— Кто здѣсь сборы беретъ, а? гдѣ они тутъ? Мнѣ некогда. Чтобъ сейчасъ!.. Эй, люди: Алай, Базарга, Чахлымъ!—ведите караванъ къ воротамъ. Здѣсь, что-ли?—на весь зякетный дворъ кричалъ мирза Кудлай и поглядывалъ кругомъ: каковъ, молъ, эфектъ произвелъ онъ своимъ появленіемъ.

— А вотъ погоди — замажутъ тебѣ ротъ; заткнутъ крикливую глотку!—усмѣхнулись купцы, ночевавшіе въ караванъ-сараѣ муллы Саидъ-Басмана.

— Веди моихъ напередъ, веди напередъ! Эй, Базарга! у тебя моя бумага отъ пріятеля моего, русскаго губернатора?—кричалъ, надрываясь, Кудлай.

— О какой бумагѣ онъ спрашиваетъ?—недоумѣвалъ лаучи Базарга.

— Которые верблюды съ краснымъ товаромъ—тѣхъ сюда; съ сахаромъ — сюда! Эй, отпирай ворота!.. Вы, ханскіе сарбазы! мнѣ дальше идти надо!

Даже всѣ невозмутимые зякетчи подняли головы и съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли на чудака, поднявшаго такой необычный гвалтъ въ ихъ таможнѣ. Джигиты взяли плети въ руки; они инстинктивно готовились исполнить начальническое приказаніе. Они никакъ не могли себѣ представить, чтобы не послѣдовало этого приказанія тотчасъ-же вслѣдъ за выходками неизвѣстнаго купца-крикуна, сидящаго на вершинѣ верблюжьяго вьюка.

Однако, этого приказанія не послѣдовало.

Старшій зякетчи вышелъ изъ сакли вмѣстѣ съ Насыромъ, караванъ-башемъ, видимо только-что оправившимся отъ припадка самаго веселаго смѣха, и, обращаясь къ новоприбывшему купцу, вѣжливо произнесъ:

— Добро пожаловать!

Крякнули всѣ отъ такой неожиданности. Самъ мирза Кудлай вытаращилъ глаза и заморгалъ учащенно. Кубаремъ скатился онъ съ своего верблюда и, путаясь въ халатахъ, зашагалъ къ таможенному навѣсу.

— Миръ да будетъ надъ твоей головой!—привѣтствовалъ его старшій зякетчи.

— Это я уже разсказалъ ему, кто ты такой; оттого и почетъ тебѣ такой оказываютъ!—шепнулъ на ухо Кудлаю Насыръ, караванъ-башъ. — Смотри-же, не ударь лицомъ въ грязь!

— Съумѣемъ!—самодовольно усмѣхнулся тотъ и важно протянулъ ханскому чиновнику свою руку.

— Какъ гладокъ путь твой былъ отъ русскаго губернатора, изъ русскаго города; здоровъ-ли самъ «ярымъ-паша», и стоитъ-ли благоденствіе надъ его домомъ?

— Онъ вами всѣми доволенъ и благодаритъ, — бухнулъ мирза Кудлай.—Хорошая сегодня погода!

— Милостью Аллаха!.. Сколько верблюдовъ въ твоемъ караванѣ?

— Въ моемъ-то? теперь—пока четыре, а тамъ еще пять десятъ и еще пятьдесятъ!

— Сто, значитъ?.. Эй, записывайте тамъ!

— А можетъ, и больше! — самодовольно пожалъ плечами мурза Кудлай. Онъ, кажется, самъ начиналъ вѣрить, что у него еще есть верблюды, кромѣ тѣхъ, которые идутъ съ нимъ.—Можетъ, и больше, ха-ха! Стоитъ съ какой-нибудь сотней верблюдовъ торговлю начинать!

— Сколько-же?—спросилъ зякетчи и покосился на Насыра, караванъ-быша.

— За ними еще сто; тѣ подальше будутъ!

— Значитъ, двѣсти; двѣсти, да этихъ четыре — записывай: двѣсти-четыре!

Тѣ, кто не зналъ сидящаго на коврѣ богатаго купца, стали на него глядѣть съ особымъ уваженіемъ. Улыбки, вызванныя сначала комичностью фигуры въ большой чалмѣ и его выходками, стали мало-по-малу сглаживаться на ихъ лицахъ. Только вчерашніе гости муллы Саида подталкивали другъ друга локтями, переглядывались, догадываясь объ исходѣ разыгрывающейся передъ ними сцены.

— А можетъ, и больше!—словно про себя, еще разъ произнесъ мирза Кудлай.

— Сколько-же?—поднялъ голову ханскій чиновникъ.

— Довольно съ него, а то вѣдь у него и конца не будетъ!—шепнулъ ему Насыръ, караванъ-башъ.

— Что-же, на всѣ двѣсти-четыре верблюда разомъ кагазъ (бумагу) выдать?—спросилъ зякетчи.

— Давай на всѣ разомъ!—рѣшилъ богатый купецъ, обладатель такого длиннаго каравана.

— Сдѣлай разсчетъ!

— Готово!

Одинъ изъ писцовъ вытащилъ изъ-за пазухи продолговатый футляръ съ письменными принадлежностями, попробовалъ у себя на ногтѣ камышевое перо поправилъ его зубами и обмакнулъ въ густую, черную массу, разведенную въ роговой кругленькой чашечкѣ.

На небольшомъ кусочкѣ проклеенной, прозрачной бумаги скоро появилось нѣсколько узорныхъ знаковъ, расположенныхъ столбцами. Взглянувъ на эти каракули, Насыръ, караванъ-башъ, прикрылъ ротъ рукавомъ своего халата.

— «Ике минъ коканъ» *),—произнесъ старшій зякетчи,—а за приложеніе печатей особо!

— Какъ?

У мирза Кудлая все лицо вытянулось, и лихорадочно затрясся его щетинистый подбородокъ.

— Вотъ разсчетъ, сейчасъ и платить надо! — протянулъ ему бумагу зякетчи и сталъ перебирать связку своихъ сердцеобразныхъ, квадратныхъ и круглыхъ печатей.

— Это за четырехъ верблюдовъ ике минъ коканъ?!—коснѣющимъ языкомъ пролепеталъ мирза.

— За двѣсти четыре,—поправилъ его зякетчи;—за этихъ вотъ и за тѣхъ, что идутъ сзади: за всѣхъ разомъ!

Насыръ, караванъ-башъ, не выдержалъ, наконецъ, фыркнулъ на всю саклю и пошелъ куда-то за уголъ.

Тамъ и сямъ, тоже послышались пофыркиванія. Прочіе переглядывались съ выраженіемъ полнаго недоумѣнія.

— Вой-вой! это не надо! зачѣмъ такъ много! не надо

---

*) Двѣ тысячи коканцевъ.

такъ много!—попытался было протестовать мирза Кудлай.—Я только за этихъ четырехъ плачу; а тѣ, что сзади идутъ,—тѣ пускай, сами за себя платятъ!

— Да вѣдь ты-же настоящій хозяинъ; вѣдь то все твой-же товаръ идетъ, тебѣ и платить за него слѣдуетъ!

— Все мой товаръ... зачѣмъ мой товаръ?..—лепеталъ мирза.

— Общій тебѣ кагасъ выдадимъ,—пояснялъ ему ханскій чиновникъ. — Ты себѣ пойдешь своею дорогою, а ужъ тѣхъ верблюдовъ, что сзади идутъ, мы и осматривать не станемъ—такъ, безъ всякой задержки, пропустимъ. Ну, вынимай деньги!

— Не хочу! Не буду платить!—попятился богатый купецъ и ухватился руками за поясъ.

— А, не хочешь, такъ на это у насъ тоже есть особый законъ. Эй, подите вы сюда!

Джигиты, которые такъ усердно крутили руки желтому халату, стали проталкиваться сквозь толпу. По всему двору пошли оживленные толки и переговоры.

— Постой, постой! Ну, хорошій человѣкъ! постой, пожалуйста! Зачѣмъ джигитовъ? Не надо джигитовъ!

— Будешь платить?

— Охъ, охъ!

— Ну!

— Да у меня и денегъ такихъ нѣтъ... У меня мало денегъ...

— Все равно! товаромъ возьмемъ. Тутъ, на этихъ четырехъ верблюдахъ, хватитъ на всю уплату съ излишкомъ!

— Аллахъ, Аллахъ!—вздохнулъ мирза Кудлай-бай, купецъ богатый, да такъ тяжело вздохнулъ, что даже самому Насыру стало его жалко.

А старикъ-купецъ изъ Чимкента, тотъ усиленно высморкался и произнесъ вслухъ:

— И пошлетъ-же Аллахъ человѣку, на его-же собственную голову, такой языкъ мягкій!

IX. Особая, вольная таможня.

Далеко сзади осталась наманганская таможня, а въ ушахъ злополучнаго хвастуна все еще раздавались насмѣшки и злыя шутки, со всѣхъ сторонъ сыпавшіяся на него, когда онъ съ

своимъ караваномъ выходилъ изъ зякетнаго двора. Насупился мирза Кудлай, носъ повѣсилъ и совсѣмъ ушелъ въ свои халаты; казалось, что прямо изъ-подъ громадной чалмы тянутся желтыя и зеленыя полосы его одежды.

Толпа рабочихъ землекоповъ, полуголыхъ, босыхъ, съ тяжелыми кипменями въ рукахъ, попалась навстрѣчу нашему каравану.

— Смотри, смотри! Это просто дыня какая-то лежитъ, тамъ, между двумя тюками, а не человѣкъ!—замѣтилъ одинъ рабочій другому.

— Совсѣмъ арбузъ!—согласился тотъ.

— Подавиться-бы тебѣ этимъ арбузомъ,—огрызнулся богатый купецъ.

— Ну, ну! я вотъ тебя сшибу оттуда камнемъ; полетишь торчкомъ, разсыплешься!—пригрозилъ широкоплечій дѣтина.

— Яу! (разбойникъ)—пустилъ себѣ подъ носъ мирза Кудлай.

„Родила моя жена семерыхъ дѣвокъ,
Билъ я ее за это семью плетями...“

тянулъ и подсвистывалъ лауча Алай.

...семью плетя-ями...

подтягивалъ ему Базарга.

А Чахлымъ сломилъ по дорогѣ большую вѣтку тутовника, прикрылся ею, какъ зонтикомъ, и знай только чавкаетъ, обгладывая сочныя бѣлыя ягоды, сплошь усѣявшія сорванную вѣтку.

Всѣмъ тремъ работникамъ мирзы Кудлая-бая, купца богатаго, было почему-то очень весело, гораздо веселѣе, чѣмъ въ первые дни ихъ дороги до Намангана. Теперь они, по крайней мѣрѣ, всѣ трое ѣхали на верблюдахъ, благодаря таможенному окладу, значительно облегчившему ихъ вьюки. Два верблюда—такъ тѣ совсѣмъ шли безъ вьюковъ; только такъ, для виду, качались на ихъ горбахъ ковровые коржуны, и висѣли свернутые въ пучки вьючные арканы, теперь уже оказавшіеся совершенно излишними.

— Чего разорались? обрадовались, собаки!—буркнулъ имъ черезъ плечо мирза Кудлай.

— А тебѣ, хозяинъ, что до этого? Развѣ мы тебѣ мѣшаемъ?—прервалъ свою пѣсню Алай.

— Осердился очень, —замѣтилъ въ полголоса Базарга. — А кто виноватъ? раскваkался, словно жаба передъ дождемъ. Ну, тѣ и рады придраться. «Не пеняй на другихъ, баранъ, коли самъ волку въ зубы лѣзешь».

„Билъ я ее за это семью плетя-ями!“

— Эй, купцы, куда верблюдовъ гоните?—крикнулъ таджикъ въ красной тюбетейкѣ, выглядывая изъ пролома огородной стѣнки, за которой виднѣлись правильныя полоски табачныхъ грядокъ, а дальше, за ними, частая щетина виноградныхъ рогатокъ.

— Не верблюдовъ гонимъ, а караванъ ведемъ!—возразилъ Базарга и важно кулакомъ подбоченился, не хуже самого хозяина.

— Караванъ ведемъ!—встрепенулся мирза Кудлай и тоже подбоченился, да тотчасъ-же опомнился, вздрогнулъ, съежился и назадъ оглянулся: не идутъ-ли за ними лихіе обидчики.

Но никого не было сзади. Ровною, гладкою, пепельно-сѣрою полосою тянулась совершенно пустая дорога. Чуть-чуть, словно въ туманѣ, виднѣлись вдали высокія башни зякетнаго двора, да и тѣ скоро скрылись за садами, когда дорога свернула влѣво и пошла подъ гору, къ дребезжащему жидкому мостику, у котораго шумѣла и бурлила, хотя и маленькая, но за то чрезвычайно бойкая мельница.

Два-три легкихъ облачка, словно клочки ваты, бѣжали по сѣровато-синему знойному небу; вмѣстѣ сбѣжались, слились въ небольшую плотную тучку и заслонили на нѣсколько минутъ жгучій дискъ солнца. Тѣнь пробѣжала по дорогѣ; темнѣе стали листья на деревьяхъ, почернѣли кудрявые карагачи. Все кругомъ словно нахмурилось, но подулъ изъ горнаго ущелья вѣтеръ и разнесъ, разметалъ скопившуюся тучу. И опять все засверкало кругомъ, опять все обдало яркимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ, заставившимъ Алая ниже, на самыя глаза, надвинуть свою войлочную шапку, а Базаргу прищуриться и прикрыться рукою, когда тому вздумалось присмотрѣться въ даль: что это тамъ за дымки вьются синими столбиками почти-что подъ самыми горами?

Такъ и тоскливое настроеніе мирзы Кудлая разсѣялось мало-по-малу, должно быть, тоже подъ вліяніемъ горнаго

вѣтра, и онъ сталъ веселѣе поглядывать кругомъ и даже прикрикнулъ на своихъ людей, чтобы они не слишкомъ растягивались по дорогѣ, а то, молъ, присматривать за такимъ караваномъ трудно.

— Ну, другой разъ не проврусь!—рѣшилъ богатый купецъ мирза Кудлай. — Развѣ насчетъ губернатора и прочаго... ну, это еще, пожалуй... а на счетъ числа верблюдовъ — нѣтъ, ужъ это баста. Довольно! А то, пожалуй, все безъ торга по таможнямъ проторгуешь!

И съ этимъ рѣшеніемъ мирза съ своимъ маленькимъ караваномъ сталъ подниматься въ гору, чтобы, перевалившись черезъ нее, вступить въ горную область, волнистою, ломаною линіей разстилавшуюся передъ глазами путешественниковъ.

Какъ ни близко казались горы, а добраться до нихъ пришлось только къ ночи. Пусто, безлюдно было кругомъ. Отчетливо шлепали по кремнистой твердой дорогѣ мозолистыя ступни верблюдовъ, звонко гудѣли колокольчиги на ихъ шеяхъ, и этотъ звонъ далеко разносился по ущелью, подхваченный горнымъ эхомъ.

Стемнѣло. Верблюды притомились, хозяина и его рабочихъ стала одолѣвать дремота; никакого жилья, никакой загороди не виднѣлось кругомъ, ни откуда не слышался привѣтливый лай дворовой собаки.

— Здѣсь, хозяинъ, почевать будемъ. Вотъ тутъ, въ сторонкѣ,— окрикнулъ Алай (онъ уже хаживалъ по этой дорогѣ прежде, съ другими караванами, и взялъ на себя обязанность чего-то въ родѣ путеводителя). — Мнѣ здѣсь знакомо хорошее мѣсто: тутъ вотъ сейчасъ, за этою горою, ключи будутъ, мы тутъ и станемъ!

— Сворачивай!—крикнулъ мирза Кудлай.

— Сворачивай, Базарга!—передалъ Алай дремавшему товарищу хозяйское приказаніе.

Свернули.

Небольшое, гладко утрамбованное пространство, защищенное со всѣхъ сторонъ скалистыми уступами, разстилалось передъ ними, все усѣянное высохшимъ верблюжьимъ и конскимъ пометомъ. На одной скалѣ, отвѣсною стѣною поднимающейся съ вѣтренной стороны, виднѣлись закопченныя пятна и около нихъ кучи золы и обгорѣлаго хвороста; кое-гдѣ

разбросаны были почернѣвшіе отъ огня и дыма камни, видимо служившіе таганами подъ походными котлами и кунганами. Обрывки веревокъ, лоскутки бумаги и разнаго тряпья тоже видпѣлись на темно-красномъ фонѣ гранита, — всѣ эти предметы ясно свидѣтельствовали, что это мѣсто давно уже служило пріютомъ для запоздалыхъ путешественниковъ.

— А вотъ тутъ сейчасъ и ключъ... хорошая вода, холодная!—указалъ на разщелину Алай.—Давай ведра, Чахлымъ, я принесу сейчасъ, а ужь вы съ вербюдами возжайтесь!

— Сними меня, ей, люди!—крикнулъ мирза Кудлай;—разстилай кошмы и огня разложите, живо!

— Очнулся!—произнесъ Базарга и снова затянулъ:

„И билъ я ее семью плетями!“

Живо расположились на покой привычные лаучи. Для хозяина разложены были кошмы, а поверхъ нихъ большой коверъ. Огонь весело затрещалъ, и красное пламя принялось лизать скалистый выступъ, накладывая новыя слои копоти; кунганы съ водою поставлены были въ самый жаръ и уже начинали шипѣть и брызгаться; Чахлымъ уже налилъ въ чашку воды, положилъ туда горсти двѣ рису и принялся его промывать, пропуская сквозь пальцы. Базарга вытряхивалъ сѣмяна изъ торбы и сыпалъ прямо подъ морды положенныхъ рядкомъ верблюдовъ.

— Кальянъ!—важно, совсѣмъ по-хозяйски, покрикивалъ мирза Кудлай, потягиваясь на мягкомъ, узорномъ коврѣ и расправляя свои закоченѣвшія отъ долгаго сидѣнья ноги.

— Смотри, тутъ нельзя всѣмъ дрыхнуть: одинъ кто-нибудь пусть на сторожѣ стоитъ,—говорилъ Алай, раздувая кальянъ.—Въ прошломъ году этакъ заснули всѣ разомъ, къ утру проснулись, а двухъ скотинъ какъ и не бывало—вмѣстѣ съ вьюками угнали. Тутъ это живо!

— Воръ народъ!—произнесъ Базарга.

— Пускай сунутся!—пожалъ плечомъ мирза Кудлай.—Разъ мы съ русскимъ губернаторомъ...

— Да уже ты лучше молчи,—оборвалъ его Алай.—Вѣдь свои все, чужихъ нѣту, кого морочишь хочешь?

И замолчалъ хозяинъ мирза Кудлай, потому вспомнилъ, что, дѣйствительно, все свои и морочить некого.

Поѣли, чаю напились, спать залегли. Чахлыма сторожить заставили.

— Эй вы, купцы, вставайте! чего разоспались!..—разомъ поднялъ всѣхъ на ноги громкій окрикъ.

Вскочилъ Алай, поднялся Базарга, встрепенулся и дремавшій сторожъ Чахлымъ. Самъ хозяинъ мирза Кудлай тоже очнулся, сѣлъ и кругомъ озирается заспанными, ошалѣлыми глазами.

Совсѣмъ разсвѣло, и все бы видно было кругомъ, если бы не этотъ бѣловатый, жиденькій туманъ, пеленою застлавшій всѣ окрестности. Человѣкъ шесть конныхъ окружили караванъ и вьюки пересматриваютъ. Были тутъ и кольчуги, и верблюжьи халаты горныхъ каракиргизовъ; даже красный халатъ былъ одинъ, тотъ самый, что всѣхъ на ноги поднялъ своимъ богатырскимъ крикомъ. У всѣхъ клынчи были за поясами, мултуки за спинами, а у одного даже пика длинная, съ повязанною на концѣ бѣлою тряпкою.

Не съ разу поняли въ чемъ дѣло растерявшіеся лаучи, и хозяинъ мирза даже и слова не могъ вымолвить; сидитъ да во всѣ стороны поглядываетъ.

— Кто такіе, куда идете и откуда? — спросилъ красный халатъ.

— А тебѣ что?—отозвался, наконецъ, прежде всѣхъ опомнившійся Алай.

— Кто хозяинъ? ты, что-ли?—допрашивалъ красный халатъ и началъ слѣзать съ своей пѣгой лошади.

— Отстань! Не я хозяинъ,—отшатнулся Алай.—Вонъ видишь, хозяинъ сидитъ; а мы простые работники!

И онъ указалъ на мирзу Кудлая, тоже поднявшагося на ноги.

— А, ты? ну, отвѣчай! Эй, тамъ, не трогайте тюковъ пока, до времени!

— Откуда?

— Изъ Ташкента, вотъ откуда!—рѣшился, наконецъ, вымолвить слово Кудлай.

— Какой товаръ?

— Разный.

— Красная мата есть?

— Есть!

— Давай на каждаго красной маты на халатъ и сахару по тычку на человѣка *). На шесть человѣкъ; живо отпускай, не задерживай! Намъ некогда!

— За что я давать буду? Ничего не дамъ. Кто ты самъ такой? говори! чего на людей по ночамъ нападаешь?—разхрабрился мирза Кудлай.

— И деньгами по четыре кокана на человѣка. ну, скорѣе!—продолжалъ красный халатъ, не обращая никакого вниманія на возраженіе несчастнаго купца-хозяина.

— Да за что ты это берешь?.. За что?..

— Ты куда идешь?

— За горы!

— Ну, такъ здѣсь настоящая таможня и есть. Это съ тебя зякетъ берутъ; нельзя же безъ зякета. Гдѣ ты слышалъ, чтобы безъ зякета кому торговать позволялось?

— Платилъ я, все заплатилъ... Много заплатилъ! у меня и кагасъ есть изъ наманганскаго зякетнаго двора; отъ самаго старшаго зякетчи кагасъ есть...

И мирза Кудлай сталъ торопливо рыться за пазухою, отыскивая выданную ему квитанцію.

«Хорошо, что я ее взялъ!—думалъ Кудлай.—Вотъ я ее сейчасъ покажу и замажу ротъ этому горластому дьяволу. А вотъ она, вотъ!»

И онъ съ важнымъ видомъ протянулъ тщательно сложенную припечатанную зеленымъ воскомъ бумагу.

— Покажи!—протянулъ руку красный халатъ.—Эй, ты, Байтанъ, ты разбираешь писанное. Ну-ка, посмотри!

Одна изъ кольчугъ тоже слѣзла съ лошади и, прихрамывая, подошла къ мирзѣ Кудлаю.

Долго ворочала кольчуга Кудлаеву квитанцію, заглядывала и на другую сторону и, наконецъ, возвратила ее по принадлежности, сказавъ:

— А шайтанъ знаетъ, что тутъ написано!

— То-то вотъ!—ободрился Кудлай,—а тоже сборщиками называетесь... дайте развѣ ужъ я самъ вамъ прочту...

И онъ, важно откашлявшись, сталъ водить пальцемъ по бумагѣ.

---

*) Тычкомъ называютъ сахарныя головы маленькаго формата.

— Да ты когда-же читать-то научился? — покосился на него Алай:—брось!

— А вотъ слушай, слушайте и вы! Гмъ, гмъ.. «Высокоименитый купецъ, мирза Кудлай, самый богатый во всемъ Ташкентѣ, нѣтъ ему равнаго по всѣмъ землямъ, что отошли гмъ... гмъ...—фантазировалъ Кудлай.

— Э-эхъ, совсѣмъ заврался!—махнулъ рукою Алай и отошелъ въ сторону.

«... По всѣмъ землямъ, что отошли къ бѣлому царю,—вошелъ окончательно въ роль несчастный Кудлай:—ведетъ въ Кашгаръ и дальше большой караванъ и счетомъ этотъ караванъ въ двѣсти-четыре головы. Всѣ пошлины зякетныя онъ заплатилъ сполна, и никто его трогать больше не долженъ, потому что, если кто его тронетъ, то тому и отъ главнаго зякетчи, и отъ хана кокандскаго Худояра, и отъ русскаго губернатора, и отъ самого Аллаха такая бѣда будетъ, что...»

Мирза Кудлай окончательно заврался и не зналъ, что и сказать больше. Онъ поднялъ голову и съ торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ кругомъ.

Одного его верблюда совсѣмъ разъвьючили и товаръ изъ тюковъ вытащили; Алай, Базарга и Чахлымъ отошли въ сторону, сѣли на корточки и смотрятъ издали, чѣмъ все это кончится. Красный халатъ стоитъ передъ нимъ и пристально его съ ногъ до головы оглядываетъ.

— Кончилъ?—произнесъ онъ.

— Кончилъ.

— Такъ двѣсти-четыре верблюда? гдѣ-же остальные?

— Сзади! Эй-эй тамъ! Зачѣмъ трогаютъ? Вы, воры, оставьте!

— Слушай!—остановилъ его за плечо красный халатъ.— Намъ твоихъ карамановъ дожидаться некогда, ты уже теперь за всѣхъ плати. Понялъ?

Тутъ уже Алай не выдержалъ, подошелъ къ красному халату и началъ:

— Знаю я, вашего брата, что ты тутъ за сборщикъ такой Грѣхъ обижать людей мирныхъ. Получилъ по халату, сахаръ и безъ того весь забрали, чего-же тебѣ! Ну, и ступай своею дорогою, другихъ такихъ-же ищи, а то съ одного барана семь шкуръ драть не приходится!

— Вѣрно!—произнесъ красный халатъ, во весь ротъ осклабился и хлопнулъ по плечу смѣлаго лауча.—Эй! сбирайся въ дорогу!—крикнулъ онъ своей шайкѣ. — А верблюдовъ двухъ все-таки заберите, потому они имъ теперь совсѣмъ лишніе!—отдалъ онъ совершенно уже неожиданное распоряженіе.

— Эка шельма ненасытная!—выругался Алай и тотчасъ-же получилъ по затылку кожаными ножнами отъ шашки.

— Не трогай!—вцѣпился обѣими руками мирза Кудлай за поводъ и турманомъ отлетѣлъ въ сторону, и покатился по землѣ, разметавъ своимъ халатомъ остатки ночного костра.

Живо распорядились сборщики и погнали по дорогѣ, оставивъ нашего купца съ двумя только верблюдами и съ разодранными, приведенными въ совершенный безпорядокъ товарными тюками.

Солнце поднялось надъ горами. Ослѣпительно блистали вѣчные льды далекаго кряжа. Туманъ разсѣялся, и долго еще могъ видѣть Кудлай съ своими лаучами удаляющуюся шайку, въ которой между лошадьми раскачивались и переваливались со стороны на сторону двѣ большія бурыя массы, подгоняемыя усердными нагайками удиравшихъ безъ оглядки «яу».

X. Мирза Кудлай покончилъ свою торговлю.

Долго возились лаучи, пока уладили и привели все въ порядокъ. Мало добра осталось у Кудлая, просто и везти не стоитъ; и рѣшили назадъ въ Наманганъ возвратиться, чтобы продать тамъ остатки, продать верблюдовъ и покончить неудачно начатое торговое дѣло.

«Если продать все,—думалъ Кудлай, — выручить можно тысченку кокановъ; заберу деньги, вернусь домой, другую торговлю затѣю. Лавку найму, кунганы заведу, самоваръ и чайхане на русскомъ базарѣ открою; пущу по-дешевле, покупатели ко мнѣ повалятъ со всѣхъ сторонъ; у всѣхъ другихъ перебью торговлю, а у себя еще открою. Прислуги наберу человѣкъ двадцать, не то, что теперь — какихъ-нибудь трое оборвышей. Русскіе вотъ аракъ пить любятъ, я и аракъ продавать буду. Музыкантовъ найму, томаша каждую ночь будетъ, и всѣ «тюра» будутъ ко мнѣ съѣзжаться. Разбогатѣю живо, домъ большой куплю въ самомъ городѣ, у базара,

Нѣтъ, лучше на большой улицѣ, у самаго губернаторскаго дома. Русскую повозку куплю, такую, что на четырехъ колесахъ ходитъ, и желѣзныя качалки внизу подстроены, и по ихъ каменной дорогѣ цѣлый день ѣздить буду. Джигиты впереди, джигиты сзади, джигиты по бокамъ; всѣ въ красныхъ халатахъ и пушки мѣдныя съ ними. Народъ повалитъ смотрѣть, всѣ ничкомъ лягутъ, а я ихъ въ плети, а я ихъ въ плети... Го-го!.. Бацъ, бацъ, бацъ!..

— Ты чего это? Ошалѣлъ на радостяхъ?—окликнулъ его Алай.

—А?—опомнился размечтавшійся мирза Кудлай и сразу, словно въ воду, окунулся въ грустную дѣйствительность.

— А въ Наманганѣ всѣ знаютъ, всѣ меня видѣли—какъ я теперь покажусь? Мимо караванъ-сарая муллы Саида идти придется! Засмѣютъ! оплюютъ всего. О, Аллахъ, Аллахъ! цѣлый турецкъ горя и бѣдъ вылилъ ты на мою несчастную голову. Поворачивай верблюдовъ опять по прежней дорогѣ, — эй, вы, люди! Не поѣду я назадъ въ Наманганъ. Тамъ, за горами, я продамъ свой товаръ выгоднѣе... Ну, заворачивай.

— Ну?—поглядѣлъ Алай на Базаргу.

— Ну?—поглядѣлъ Базарга на Алая.

— Да намъ-то что за дѣло! Какъ знаетъ, такъ пускай и дѣлаетъ, а намъ все равно!—рѣшилъ за всѣхъ Чахлымъ.

И верблюдовъ завернули опять къ горамъ, и опять поплелись по той-же знакомой, кремнистой дорогѣ, приведшей ихъ на мѣсто злополучнаго ночлега.

Прошли мимо то проклятое мѣсто; къ полудню еще къ однимъ родникамъ поспѣли, отдохнули и тронулись дальше.

— Впереди народъ! — оглянулся шедшій въ головѣ Алай.

— Такъ что-же?—спросилъ мирза Кудлай, и душа у него ушла куда-то далеко-далеко, почти-что въ самые концы его острыхъ каблуковъ, упершихся въ косматую верблюжью шею.

— Красный шайтанъ опять съ ними!—сказалъ Алай.

— Ну, такъ не тронутъ!—замѣтилъ Базарга.

— Эти больше не тронутъ!—согласился Чахлымъ.

— Не тронутъ! — машинально повторилъ за ними мирза Кудлай.

— Аллахъ благословилъ путь вашъ,—привѣтствовалъ своихъ знакомыхъ красный халатъ, подъѣзжая къ каравану.—

Вотъ вы и до второго зякета благополучно доѣхали... съ какимъ товаромъ?

— Знаешь вѣдь!—угрюмо произнесъ Алай.

— Знаю, да это такъ, для порядку, спрашивается!—усмѣхнулся халатъ.

— Взялъ съ насъ, пропускай!

— Такъ вотъ сейчасъ; развѣ безъ зякету торговать можно?

— Дьяволъ ты эдакій, вѣдь взялъ уже на «ключахъ» съ насъ, за что-же теперь трогать? эдакъ кромѣ тебя еще много охотниковъ до зякету найдется!

— Кромѣ меня нѣту! я здѣсь по всѣмъ горамъ первый сборщикъ!

— «Яу» ты, простой «яу», больше ничего! *Кола* тебѣ мало за твои сборы!

— Гляжу я на тебя,—пристально посмотрѣлъ на Алая красный халатъ,—и дивлюсь только: борода съ просѣдью, а совсѣмъ дуракъ! Сколько насъ, гляди! а сколько васъ? Что-же ты артачишься? Видишь, самъ хозяинъ умнѣе тебя: сидитъ, знай, молча и глазами хлопаетъ. Эй, мирза, слѣзай скорѣе, что-ли!

— И впрямь дуракъ я!—согласился совершенно спокойно Алай и сѣлъ на ближайшій камень.

Только одного верблюда оставили сборщики мирзѣ Кудлаю и его людямъ; все разобрали до послѣдней нитки, сняли даже чалму его необъятную и его халатъ полосатый.

— Что-же, хозяинъ, какъ-же теперь?—подперся въ бокъ Алай.

Молчалъ богатый купецъ, уперся въ землю, и по бородѣ его что-то заструилось и капнуло на камень.

— Какъ-же мы теперь? Насъ трое, нанялъ ты насъ, денегъ намъ еще не платилъ и платить не будешь, потому ихъ нѣтъ; съ чѣмъ-же мы теперь останемся. Ну, говори. Стой, стой, стой! куда вы, черти?

Смотритъ Алай, а Базарга съ Чахлымомъ вдвоемъ на остальномъ верблюдѣ дуютъ себѣ назадъ по наманганской дорогѣ. Они сразу порѣшили, что дѣлать. Не стали, какъ Алай, хозяина спрашивать.

— Нѣтъ ужъ этого не будетъ!—рѣшилъ Алай.—Дѣлиться верблюдомъ, такъ ужъ всѣмъ тремъ, не на двѣ только части.

И, ничего не сказавъ хозяину на прощанье, пустился лауча бѣгомъ догонять своихъ товарищей.

Одинъ-одинешенекъ остался на камнѣ мирза Кудлай-бай купецъ богатый и не утиралъ даже слезъ своихъ, щекотавшихъ у него подъ носомъ, пробиравшихся по бородѣ и съ тихимъ звукомъ падавшихъ на кремнистую дорогу.

Вплоть до самой ночи сидѣлъ такъ мирза Кудлай. Вотъ стемнѣло кругомъ. Холодно стало безъ чалмы и халата. Продрогъ купецъ. Чу! прислушивается.

— Хи-хи-хи!—тихо смѣется кто-то справа.

— Хи-хи-хи!—такъ-же тихо и зло подсмѣивается слѣва.

Поднялъ голову Кудлай, поглядѣлъ — и сразу пожелтѣлъ весь отъ ужаса. Зубы у него застучали, ноги подкашиваться начали, морозомъ насквозь всего прохватило.

Справа сидитъ на карточкахъ Сары-Таукъ, слѣва Кизылъ Псякъ; одной рукою на горла свои перерѣзанныя показываютъ, другою кулакомъ ему грозятся и оба длинные-предлинные языки высовываютъ.

Вскочилъ на ноги несчастный шакалъ, дико на всѣ горы вскрикнулъ—и понесся этотъ нечеловѣческій вопль по ущельямъ, будя заснувшихъ тамъ орловъ, поднимая на ноги встревоженныхъ необычайнымъ звукомъ горныхъ барановъ.

ОХОТА НА ТИГРА.

I.

Тигръ—слово, при которомъ невольно рисуются роскошныя картины полуденной природы.

Мы не можемъ себѣ представить хорошо знакомую, характеристическую фигуру полосатаго хищника иначе, какъ окруженную блескомъ и грандіозностью тропической флоры: намъ подавай сейчасъ темныя, непроницаемыя трущобы индійскихъ лѣсовъ, яркую зелень пальмъ, змѣевидныя сѣти перепутанныхъ джопголовъ, или же плоскія низменности, поросшія густымъ тростникомъ,—такимъ тростникомъ, росту котораго позавидовали-бы наши скромные дубы и липы; а надъ всѣмъ этимъ богатствомъ растительной жизни—яркое экваторіальное солнце, вызывающее изъ сырыхъ, болотистыхъ равнинъ густыя облака тумана, пропитанныя міазмами всевозможныхъ видовъ лихорадки.

Вотъ при такой-то обстановкѣ наше воображеніе рисуетъ намъ тигра, то неподвижно залегшаго въ тростникахъ, то идущаго тихою, воровскою походкою, подъ густыми кронами перистыхъ, словно кружевныхъ папортниковъ.

А между тѣмъ, и при другой, совершенно противоположной обстановкѣ вы можете лицомъ къ лицу встрѣтиться съ неподвижнымъ, горящимъ, какъ зеленый фонарь, взглядомъ этого животнаго,—и въ глубокихъ снѣгахъ, у корней заиндевѣвшихъ сосенъ и елей сибирскихъ лѣсовъ, на льду озеръ и рѣкъ вы найдете отпечатки могучихъ, когтистыхъ лапъ,—и въ завываніяхъ ночной мятели, когда снѣгъ крутитъ и бьетъ вамъ въ глаза и уши, вы можете слышать глухой, задавленный ревъ колоссальной кошки.

*

Съ полунагимъ малайцемъ, вооруженнымъ жалкимъ копьемъ и крисомъ, и съ нарѣзною винтовкою сибирскаго звѣропромышленника, защитаго въ теплые мѣха, сталкивается въ неровномъ бою животное одной и той-же семьи: и животное это не временной гость нашего суроваго климата, не любознательный туристъ, забравшійся посмотрѣть: какіе такіе бараны и лошади, которые роются въ снѣгу, откапывая себѣ для пропитанія промерзлые стебельки прошлогодней травки,—или-же попробовать: такъ-ли вкусно мясо жирнаго сибиряка, какъ сухое мясо шафраннаго малайца? Нѣтъ, этотъ звѣрь и здѣсь равноправный гражданинъ, который здѣсь-же родился, живетъ, производитъ потомство, разбойничаетъ и умираетъ—или подъ пулей сибирской винтовки, или-же отъ старости, одряхлѣвъ и обезсилѣвъ, лежа въ густыхъ камышахъ, въ такомъ укромномъ мѣстечкѣ, что и самый любопытный кабанъ не забредетъ къ нему въ гости и не потревожитъ послѣднія минуты стараго разбойника.

Въ европейскихъ звѣринцахъ экземпляры бенгальскаго тигра живутъ долго и даже плодятся довольно успѣшно, хотя молодые рѣдко доживаютъ до своего полнаго развитія; но это потому, мнѣ кажется, что привозимые къ намъ тигры—гости изъ жаркаго пояса, которымъ гораздо удобнѣе проѣхаться въ Европу въ каютахъ и на палубахъ пароходовъ, чѣмъ трястись многія тысячи верстъ на перекладныхъ сибирскихъ дорогъ, или тянуться съ киргизскими караванами, еле ползущими по безконечнымъ степямъ Азіи.

Очень можетъ быть, что животныя, вывезенныя изъ Амурской области, южной Сибири и средней Азіи, знакомыя уже съ трехъ-мѣсячной зимою и двадцати-градуснымъ морозомъ, гораздо лучше обживались-бы въ европейскихъ звѣринцахъ и не требовали-бы вовсе такой бережной и предупредительной обстановки.

II.

Длинный рядъ эпитетовъ, которыми тигра наградилъ изобрѣтательный на все человѣкъ, указываетъ ясно на его разбойничій характеръ: «хищный, коварный, злобный, свирѣпый, кровожадный, бѣшеный»... и т. д. въ этомъ же направленіи; и ни одной гражданской доблести. Да и самыя условія жизни этого хищника таковы, что зародись въ немъ хотя одна искра

добродѣтели, ему придется тотчасъ-же положить зубы на полку и отказаться отъ удовольствія существовать на бѣломъ свѣтѣ.

Вся жизнь тигра, отъ самой минуты, когда его оближетъ своимъ шершавымъ языкомъ нѣжная маменька, и до самой смерти, есть непрерывный походъ съ перемѣннымъ счастьемъ, съ удачами и неудачами,—съ блестящими побѣдами, за которыми слѣдуетъ роскошное пиршество,—и съ пораженіями, послѣ которыхъ приходится нѣсколько дней зализывать кровавые рубцы и царапины и поститься съ пустымъ желудкомъ неопредѣленное время.

Самый непримиримый и заклятый врагъ тигра—человѣкъ; во-первыхъ, самыя доходныя статьи: овцы, телята, лошади и разная домашность зорко оберегаются человѣкомъ—и для того, чтобы до нихъ добраться, надо или очень ловко умѣть красть, или-же покончить предварительно съ сторожами; а во-вторыхъ, самые «цари природы» составляютъ довольно лакомое блюдо,—и тигры, которымъ нѣсколько разъ удалось попробовать человѣческаго мяса, до такой степени входятъ во вкусъ, что предпочитаютъ ему всякое остальное и всю свою жизнь посвящаютъ нераздѣльно этому, совсѣмъ уже не гуманному, промыслу.

Итакъ, между человѣкомъ и тигромъ идетъ непрерывная борьба «не на животъ, а на смертъ»; эпизоды этой въ высшей степени разнообразной и интересной борьбы съ ея особенностями, обусловленными мѣстностью и степенью развитости одной изъ борющихся сторонъ—человѣка, составляютъ задачу моего разсказа, списаннаго прямо съ натуры, безъ прикрасъ и романтическихъ вымысловъ, такъ любимыхъ большинствомъ туристовъ и охотниковъ.

Мѣсто, занимаемое тигромъ въ разныхъ научныхъ класификаціяхъ, анатомическія особенности и проч. и проч. читатель можетъ найти въ любомъ учебникѣ зоологіи, а потому я пропускаю ихъ глубокимъ молчаніемъ и прямо начинаю съ отдѣльныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ всякому представляется право дѣлать, какіе угодно, выводы.

III.

Дѣло было подъ вечеръ. Сибирскіе казаки подогнали уже табунъ съ пастбища, къ самому лагерю на Чирчикѣ, разобрали коней на приколы и торбы съ ячменемъ навѣсили.

Къ ночи начинало морозить.

Съ краю у дороги лежали и тлѣли кучи сухого навозу, и бѣлый, тяжелый дымъ стлался наискось, по-надъ плетеными камышевыми кибитками, надъ залитыми весенней водою берегами Чирчика, и тянулся далеко—вплоть до самой крѣпости, гдѣ стояло надъ рѣкою красное зарево отъ горѣвшаго тростника на ротныхъ солдатскихъ кухняхъ.

Днемъ еще было очень тепло: хоть въ одной рубашкѣ, такъ въ пору; а къ ночи, особенно къ утру, когда вся окрестность бѣлѣла отъ утренняго мороза, и, словно высеребренный, колыхался камышъ надъ лиманами (заливами),—жутко приходилось сибирякамъ въ ихъ холодныхъ кибиткахъ; плотно жались они другъ къ другу, подъ войлочныя кошмы, или выползали грѣться у костровъ, тамъ и сямъ разложенныхъ подъ кручею.

Старый киргизъ, пастухъ изъ Джулдамы, пріѣхалъ верхомъ на своемъ тощемъ карабаярѣ, потянулъ носомъ воздухъ и прищурилъ свои косые глаза; гдѣ-то мясное варилось, и на морозѣ попахивало сальцемъ... Задребезжала труба сигнальная: зовутъ къ водопою... Прислушался киргизъ: больно хорошо,— и побрелъ къ лагернымъ воротамъ, гдѣ было полуднѣе, и казаки толпились у возовъ съ артельнымъ ячменемъ.

Пастухъ новость привезъ сибирякамъ, и новость занятную.

— А вы поглядывайте,—говорилъ онъ,—зимою не слыхать было, а вотъ вчера самъ видѣлъ двоихъ; на эту сторону изъ-за Дарій перебрались, и отъ нашихъ косяковъ (табуновъ) недалеко ходятъ!

— А мы нѣшто безъ глазъ,— говорили казаки,—чай, тоже, свои мерена—не казенные!

А другіе добавляли:

— Хоть-бы поглядѣть, братцы, что за штука такая джульбарсъ *); говорятъ, страшенная!

Потолковали, посмѣялись, пастуха «латыкку» накормили, а потомъ и говорить перестали; однако, на пастьбу стали выѣзжать съ оглядкою; ружья заряжали каждый разъ; а коли приходилось соснуть—то не всѣ вдругъ, какъ прежде, а тоже стали соблюдать очередь, потому—кто знаетъ, что можетъ случиться.

---

*) Джульбарсъ—по киргизски тигръ.

Дня черезъ три, рано утромъ, чуть только стало свѣтать, два сибиряка изъ молодыхъ: Ерошка и Данило Мамлѣевъ на неосѣдланныхъ коняхъ погнали изъ косяка въ лагерь. Невзнузданныя лошаденки бойко рысили рядышкомъ, махая всклокоченными гривами. Скоро они поравнялись съ бархаломъ, который видѣнъ съ чиназской дороги; тамъ уже не болѣе версты осталось до лагеря: длинные ряды кибитокъ чуть виднѣлись въ утреннемъ туманѣ, и по вѣтру еле-еле доносило людскіе голоса и собачье тявканье.

Оба коня шарахнулись и громко захрапѣли. Ерошка чуть-чуть удержался на своемъ, а Мамлѣевъ такъ и загремѣлъ на мерзлую землю.

Что-то длинное, полосатое лежало шагахъ въ двадцати въ канавѣ, вытянувшись во всю длину и спрятавъ широкую, круглую морду между переднихъ лапъ.

Поднялся Мамлѣевъ на ноги, поглядѣлъ, куда ему Ерошка указывалъ, и снялъ изъ-за плечъ винтовку.

— Пали, дядя, что-ли... я опосля!—шепталъ ему Ерошка, едва сдерживая своего «буланку»; а «лысый» Мамлѣева, задравъ хвостъ къ верху, давно уже вынесся на дорогу и скакалъ уже почти-что у самаго лагеря.

Пѣшій казакъ раза два прицѣливался; приложится и посмотритъ черезъ прицѣлъ: что за диковина? а диковина лежитъ и не пошевелится, только кончикъ хвоста чуть вздрагиваетъ, да у самаго носа сухая трава колышится отъ сдержаннаго дыханія.

Гулко загудѣла винтовка. Тигръ рявкнулъ, подпрыгнулъ аршина на два въ верхъ и закружился на мѣстѣ.

— Стрѣляй, братъ, стрѣляй!—кричалъ Мамлѣевъ, не поподая въ дуло новымъ патрономъ.

Буланка вертится, какъ дьяволъ, трещитъ веревочный поводъ въ сильной казачьей рукѣ—какъ тутъ стрѣлять?... Соскочилъ Ерошка на землю: его буланный подралъ вслѣдъ за лысымъ. Близко подобрался сибирякъ и выстрѣлилъ... Свалился тигръ на бокъ, всадилъ въ землю вершковые когти и замеръ.

Стали швырять въ него комьями: не шелохнется. Ну, надо полагать, что издохъ.

Данило еще разъ выстрѣлилъ для вѣрности, только клокъ красноватой шерсти взлетѣлъ на воздухъ.

Оставили казаки на мѣстѣ свою добычу, а сами пошли въ лагерь за лошадьми и телѣгою.

Весь лагерь собрался къ 5-й сотнѣ смотрѣть на убитаго звѣря. Шестеро дюжихъ казаковъ едва сволокли его съ телѣги. Завыли собаки по лагерю, и лошади уши насторожили; потому—чуютъ.

Ну, ужъ хвастались Ерошка съ Мамлѣвымъ: мы не мы... Просто, хоть на десять такихъ тигровъ—то это все намъ наплевать!..

Пришелъ изъ слободки безсрочно-отпускной солдатикъ; давно онъ уже живетъ въ отпуску, съ самаго взятія Ташкента Черняевымъ, и рыбною ловлею промышляетъ, а то и охотою забавляется, что заработаетъ, то и пропьетъ, благо кабаковъ въ Чиназѣ больше, чѣмъ остальныхъ домовъ, и вездѣ торговля идетъ безъ задержки—нельзя пожаловаться.

Пришелъ солдатъ и посмѣивается.

— А вы не больно храбритесь,—говоритъ,—это васъ Господь пронесъ милостиво,—потому, тигра-то брюхата, а въ такомъ случаѣ, все равно, что человѣкъ, что звѣрь, отъ драки норовитъ по-дальше. А коли-бъ,—говоритъ,—не было этого положенія, онъ вамъ лохматку-то встрепалъ-бы!

— Ладно! мы еще поглядимъ, какъ встреплетъ-то,—проворчалъ Мамлѣевъ, а самъ на брюхо тигру поглядываетъ.— То-то,—думаетъ,—его какъ будто маленько раздуло!

Стали взрѣзывать. Смотрятъ: парочка маленькихъ, словно котята, желтенькіе такіе, головастые, а поперекъ, уже черныя полоски оказываются.

Вынули тигрятъ и всякій потрохъ, набили брюхо полынемъ и клеверомъ (хотѣли къ губернатору цѣликомъ въ Ташкентъ везти, такъ чтобы не протухъ дорогою) и на арбу коканскую взвалили.

— Ну, теперь, ребята, вы берегитесь,—говорилъ безсрочный,—по одному они никогда не ходятъ. Таперича вы хозяйку ухлопали, хозяинъ вамъ спуску тоже не дастъ: либо на васъ, либо на вашихъ коняхъ, а онъ зло свое сорветъ-таки!

Сказалъ это слово солдатъ, подсвисталъ своего Полкашку съ оторваннымъ ухомъ и заковылялъ по дорогѣ въ слободку, къ теткѣ Бородихѣ въ гости.

Ну, и зорко же берегли казаки, послѣ этого случая, и

себя, и добро свое; сторожа всѣ ночи глазъ не смыкали, а въ цѣпи вокругъ косяковъ огни раскладывали;—и ничего, Богъ миловалъ. Недѣли двѣ все было покойно. Слыхали раза два въ камышахъ, на островѣ, глухое рычанье на утренней зорькѣ, но на эту сторону самъ-то не показывался: тоже понималъ, что не просто живутъ, а съ оглядкою.

Прошло недѣли три. Мамлѣевъ и Ерошка давно уже пропили ту пятидесяти-рублевую бумажку, что отъ губернатора за шкуру получили, и все пошло, какъ по старому. Былъ, правда, одинъ случай, который напомнилъ казакамъ, что плошать не слѣдуетъ,—да и объ немъ скоро забыли; не до того было. У сотеннаго одиннадцатой сотни славная была кобыла, рыжая, изъ орды: походомъ она жеребеночка принесла, такого шустренькаго, и ходилъ этотъ жеребеночекъ съ маткою въ общемъ косякѣ. Разъ вечеромъ пропала кобыла. Искали всю ночь, такъ и не нашли ничего, хотя кругомъ все изъѣздили. Къ обѣду только пришла лошадь въ лагерь, одна, безъ жеребенка, и весь задъ въ тряпки ободранъ, такъ что смотрѣть даже страшно: значитъ, въ хорошихъ рукахъ побывала, въ такихъ, что шутить не любятъ.

Рано утромъ, шестеро казаковъ переправились вплавь черезъ Чирчикъ и поѣхали, захвативъ съ собою арканы, высмотрѣть, гдѣ-бы удобнѣе было жать камышъ на казачьи кухни; поблизости-то, еще за зиму, все пообчистили, и до густыхъ зарослей пришлось проѣхать верстъ пять, если не больше.

Дорога пошла узенькая, только-что конному пробраться; по сторонамъ можно было по брюхо провалиться, потому—топко. Заѣхали казаки въ камыши, такіе камыши, что словно лѣсъ стоятъ справа и слѣва. Шажкомъ другъ за дружкою тянутся, посвистываютъ, трубочки покуриваютъ, а ружья только у двухъ заряжены, а у остальныхъ такъ только, для важности, за спинами болтаются, и патроновъ не захватилъ никто, кромѣ тѣхъ, что въ ружьяхъ.

Сзади всѣхъ ѣхалъ здоровенный казакъ, Трифонъ Козаковъ; поотсталъ онъ немного, подкову киргизскую нашелъ на тропинкѣ, такъ слѣзъ поднять, пригодится. Не успѣлъ онъ снова сѣсть на своего коня, какъ около него вдругъ заревѣло что-то въ камышахъ, и передъ самымъ лицомъ показа-

лась громадная морда съ краснымъ, какъ огонь, языкомъ и съ бѣлыми, острыми зубищами.

— Батюшки, онъ самый!—взвылъ Трофимъ, стараясь высвободиться изъ-подъ тяжести звѣря. Крѣпко налегъ на него тигръ, поваливъ его поперегъ дороги. Зубами онъ схватилъ казака за лѣвую руку, по-выше локтя, и не разжимая челюстей, мялъ ея во рту, такъ что кости трещали, а когтями впился въ бокъ и за шею.

Не отпуская ни на одну секунду своей добычи, страшная кошка зорко слѣдила за каждымъ движеніемъ остальныхъ казаковъ и безпокойно била длиннымъ хвостомъ по сухимъ стеблямъ измятаго камыша.

Сильно оробѣли земляки съ перваго раза; у лошадей шерсть поднялась дыбомъ, а конь Трофима стоитъ тутъ-же рядышкомъ, смотритъ мутными глазами на звѣря и трясется, какъ въ лихорадкѣ. Часто случается, что на лошадей, при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ, нападаетъ такая паника, что онѣ останавливаются, какъ вкопанныя, и какъ будто совсѣмъ забываютъ о томъ, что у нихъ есть двѣ пары сильныхъ ногъ, которыя могли-бы спасти ихъ отъ безпощаднаго, страшнаго прожоры.

Наконецъ, оправились сибиряки,—и тѣ, что были съ заряженными ружьями, взвели курки и потихоньку стали подъѣзжать къ тигру.

Шагахъ въ трехъ оба выстрѣлили разомъ.

Дико завылъ раненый звѣрь, подпрыгнулъ вверхъ, выше камыша и рухнулся въ самую чащу; черезъ нѣсколько секундъ казаки снова увидѣли его, уже шаговъ во ста отъ себя, когда онъ, сдѣлавъ громадный прыжокъ, показался надъ камышами.

Не рѣшились казаки преслѣдовать тигра, да и не съ чѣмъ было; подобрали израненнаго, окровавленнаго Трофима и тихонько поѣхали въ лагерь, приговаривая:

— Вотъ тѣ грѣхъ. Экая притча случилась!

Закопошились сибиряки, когда узнали, какая бѣда случилась съ Трофимомъ—и порѣшили промежь себя, что этого дѣла такъ оставлять нельзя. Отпросились у полковника—и въ тотъ-же день восемь человѣкъ, что ни на есть лучшихъ стрѣлковъ, отправились въ камыши.

Часа черезъ полтора пришли на то мѣсто, гдѣ звѣрь мялъ ихъ товарища; бурыя пятна отъ крови виднѣлись на тропинкѣ, и камыши, въ той сторонѣ, куда ушелъ тигръ, были мѣстами обрызганы.

Шагахъ въ двадцати нашли слѣдъ когтистыхъ лапъ, отпечатки задней пары были сильно углублены; здѣсь тигръ сдѣлалъ свой вторичный прыжокъ, здѣсь-же казаки остановились и стали совѣщаться, какъ имъ поступать далѣе.

Поговорили малость самую и рѣшили идти цѣпью, по два человѣка, звено отъ звена не такъ, чтобы очень близко, но и не далеко, чтобы голосомъ впору хватало. Пошли. Придерживались больше къ среднимъ, къ тѣмъ, что шли по самымъ слѣдамъ.

Все время имъ попадался камышъ, обрызганный кровью на полъ аршина отъ земли; подъ однимъ изъ густыхъ кустовъ тигръ ложился не надолго, тутъ и крови было по-больше; потомъ опять шаговъ на десять виднѣлись слѣды круглыхъ лапъ съ подобранными когтями, — здѣсь, видно, еще былъ сдѣланъ громадный прыжокъ, потому-что слѣдъ обрывался, и казаки никакъ не могли отыскать его продолженія.

Снова собрались казаки, обошли кругомъ раза два, не нашли слѣда да и только, словно сквозь землю провалился. Промаялись вплоть до то той поры, что уже къ самому низу солнышко спустилось, и потянулись по камышамъ длинныя тѣни, озолотился пушистые метелки, и засвѣжѣло по лиманамъ.

— Ну, знать, неудача, не въ добрый часъ вышли! — рѣшили охотники и всѣ толпою побрели обратно на дорогу.

— А энто что, братцы?—сказалъ молодой казакъ, шедшій впереди всѣхъ, и голосъ у него дрогнулъ и оборвался.

До той поры казаки шли молча, и этотъ тревожный окликъ кольнулъ всякаго въ сердце, и по тѣлу мурашки забѣгали. Подняли глаза охотники — и всѣ разомъ увидѣли то, что цѣлый день искали такъ неудачно.

Широко шагая, далеко оттягивая назадъ заднія лапы, тигръ шелъ, почти касаясь земли своимъ грязно-бѣлымъ брюхомъ; казалось, что длинное, полосатое тѣло ползло по сухимъ камышамъ. Безъ звука, безъ малѣйшаго шелеста скользилъ звѣрь по зарослямъ, опустивъ къ самой землѣ голову, обрам-

ленную густыми бѣлыми бакенбардами и волоча за собою длинный, кольчатый хвостъ. Онъ, казалось, не замѣчалъ охотниковъ, хотя зеленые глаза его въ сумеркахъ горѣли, какъ свѣтляки, и каждому казаку чудилось, что свирѣпый взглядъ обращенъ именно на него. Восемь человѣкъ, каждый съ винтовкою въ рукахъ, стояли неподвижно, словно очарованные.

Тигръ шелъ наискось, разстояніе между нимъ и казаками становилось все меньше. Вотъ онъ перешелъ черезъ тропинку, ни одинъ прутикъ не заслонялъ его отъ пуль, а охотники все стояли да глядѣли. Пріостановился страшный звѣрь, прилегъ на землю и глухо зарычалъ, какъ-бы раздумывая: начинать-ли ему схватку, или не стоитъ связываться; вѣроятно, послѣдняя мысль пересилила, потому что тигръ тихонько, не оглядываясь, началъ удаляться отъ стрѣлковъ.

Двѣ пули, одна за одной, глухо стукнули въ живое тѣло. Заревѣло раненое животное и только хвостомъ мелькнуло въ густой чашѣ.

— Врешь, не уйдешь! — закричалъ одинъ изъ казаковъ, Трофимовъ племянникъ, и бросился вслѣдъ за уходящимъ звѣремъ, за нимъ кинулись остальные.

Никто не разобралъ, какъ и что такое случилось въ такой гущинѣ, что повернуться было трудно. Нѣсколько выстрѣловъ блеснули въ темнотѣ, послышался тяжелый человѣческій стонъ и хрипѣніе на смерть раненнаго тигра.

Вытащили казаки на чистое мѣсто своего мертваго врага, потускнѣли страшные глаза, и оскаленные зубы прикусили конецъ высунутаго на бокъ языка.

Вынесли и казака, что попалъ въ недобрыя лапы; цѣлое бедро у него было вырвано, и горячая кровь хлестала аршина на три. Перевязали раненаго кое-какъ рубашками и понесли домой на ружьяхъ, такъ и не приходилъ въ себя бѣдный казакъ; померъ часа черезъ три въ судорогахъ.

Дешево досталось казакамъ хозяйка: да не такъ легко поладили они съ хозяиномъ: одинъ казакъ на тотъ свѣтъ отправился, а другому руку у самаго плеча отрѣзали.

Однако, за шкуру пятьдесятъ рублей все-таки получили отъ губернатора: зачѣмъ пропадать, годится дѣтишкамъ на молочишко.

IV.

Не знаю, чѣмъ руководствуется тигръ при выборѣ жертвъ, когда нѣсколько живыхъ существъ, да еще разнообразныхъ, представляютъ ему одновременно одинакія условія для нападенія, — но только выборъ этотъ бываетъ чрезвычайно оригиналенъ.

Разъ подъ вечеръ, между Джульдамой и Чиназомъ, когда русскіе не успѣли еще вырубить и сжечь всѣхъ камышей въ окрестности — и по обѣимъ сторонамъ узкой дороги, много выше всадника, колыхались пустые бѣловатыя метелки, — шажкомъ, какъ вообще ѣздятъ сановитые азіаты, пробиралась небольшая группа всадниковъ.

Это былъ сборщикъ податей кураминскаго района съ своими помощниками и слугами джигитами

Сарты ѣхали гуськомъ, другъ за другомъ; самъ сборщикъ важно покачивался на сѣдлѣ, сурово поглядывая изъ-подъ необъятной чалмы. Всѣхъ путешественниковъ было человѣкъ восемь, и поѣздъ этотъ тянулся довольно длинною вереницею.

Впереди всѣхъ, задравъ пушистый хвостъ на спину, бѣжала небольшая дворовая собака, съ бубенчикомъ на косматой шеѣ.

Вдругъ, громадный, старый тигръ, перепрыгнувъ ближайшіе къ дорогѣ кусты молодой джиды, показался на тропѣ, между послѣднимъ и предпослѣднимъ всадниками. Размашисто шагая, почти скользя по землѣ, хищникъ въ нѣсколько мгновеній обогналъ всю кавалькаду, схватилъ бѣдную собаку, прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ опомниться,—и скрылся. Жалобный собачій визгъ раздался, по крайней мѣрѣ, шагахъ въ трехстахъ отъ мѣста нападенія.

Это случилось почти въ виду киргизскихъ ауловъ, расположенныхъ по близости дороги, такъ что легко слышны были человѣческіе голоса, и въ вечерномъ воздухѣ пахло дымомъ горѣвшаго камыша.

V.

Съ большимъ трудомъ перебрались мы черезъ Чирчикъ между Ташкентомъ и Той-тюбе, — рѣка эта, развѣтвляясь на нѣсколько рукавовъ, широко разливается по каменистому руслу, и переправа тянется, по крайней мѣрѣ, съ версту.

Небольшой слой мокраго снѣга выпалъ на глубокую грязь, и колеса нашего легкаго казанскаго тарантаса вязли почти по ступицу. Измученная тройка едва вытаскивала экипажъ, натягивая, какъ струны, веревочныя постромки.

Холодный вѣтеръ билъ въ лицо, по небу неслись разорванныя темныя тучи. На тощихъ деревьяхъ, по сторонамъ дороги, сидѣли печальные грачи, прижавъ свои мокрыя головы, такъ что только длинные, толстые клювы торчали на виду. Поминутно слышалось вытье волковъ или тревожное хлопанье мокрыхъ крыльевъ спугнутой нашимъ приближеніемъ пары утокъ.

Чуть-чуть разсвѣтало.

Нѣсколько конвойныхъ казаковъ, завернувшись въ верблюжьи башлыки, плелись по сторонамъ и сзади экипажа, и у всѣхъ была одна завѣтная дума: «когда же, наконецъ, кончится эта проклятая дорога»?..

Вдругъ вся тройка замялась на совершенно ровномъ мѣстѣ и остановилась. Коренная попятилась назадъ, пристяжныя жались къ оглоблямъ. Лошади храпѣли и насторожили уши; верховые казачьи кони тоже обнаружили небольшое безпокойство.

Послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнута и криковъ, не принесшихъ желанныхъ результатовъ, мы вышли изъ тарантаса, съ намѣреніемъ изслѣдовать причину страха. Первый открылъ ея джигитъ-киргизъ, ѣхавшій съ нами на козлахъ, и указалъ намъ.

Завѣтною чертою, которую не рѣшались перешагнуть наши кони, былъ свѣжій слѣдъ тигра, перерѣзывающій дорогу; рядомъ съ отпечатками лапъ виднѣлась широкая полоса, будтобы животное волочило за собою довольно громадную тяжесть.

Судя по свѣжести слѣда, звѣрь прошелъ не болѣе какъ за нѣсколько секундъ передъ нами; если бы было немного свѣтлѣе, мы, вѣроятно, видѣли бы его въ то время, когда онъ переходилъ дорогу. Глубокія впадины слѣдовъ, на нашихъ глазахъ, засасывались топкою солонцоватою грязью.

Повозившись немного съ лошадьми, мы одолѣли таки овладѣвшую ими панику, и тронулись дальше.

Скоро зачернѣлось передъ нами длинное строеніе. Это былъ караванъ-сарай (постоялый дворъ), стоящій вдали отъ всякаго жилья на полъ-дорогѣ между переправою и Той-тюбе.

Передній фасадъ этого зданія составляли двѣ небольшія сакли, сложенныя изъ глины, и между ними ворота съ навѣсомъ, запирающіеся двумя довольно толстыми жердями.

Просторный открытый дворъ былъ обнесенъ высокою глинобитною стѣною. Съ одной стороны двора, вдоль стѣны, тянулся легкій навѣсъ, съ нагроможденными на немъ запасами топлива и клевера. Нѣсколько тощихъ коровъ и десятка три овецъ и козъ жались отъ холода по угламъ двора; двѣ осѣдланныхъ лошади стояли подъ навѣсомъ, покрытыя съ головами теплыми, ковровыми попонами. Въ саклѣ горѣли уголья, около которыхъ грѣли окоченѣлыя руки какіе-то проѣзжіе сарты.

Первое извѣстіе, которымъ встрѣтилъ насъ пожилой таджикъ, хозяинъ двора, было то, что за часъ, передъ нашимъ пріѣздомъ, у него былъ непрошенный гость, надѣлавшій хозяину много убытковъ.

Старикъ взялъ фонарь, повелъ насъ въ глубину двора и указалъ намъ тигровые слѣды, одинаковой величины съ видѣнными нами на дорогѣ.

Тигръ перескочилъ черезъ стѣну—аршина четыре вышиною, несмотря на крики и шумъ перепуганныхъ обитателей, нахально побѣгалъ по двору, какъ бы выбирая: чѣмъ бы получше поживиться,—и, наконецъ, схвативъ большой шерстяной капъ (батманъ) съ бараньимъ саломъ, стянулъ его съ арбы, и прежнимъ путемъ отправился во-свояси. Въ капѣ было болѣе восьми пудовъ сала, накопленнаго хозяиномъ для ташкентскаго базара.

Такъ вотъ, что волокъ полосатый воръ, напугавшій такъ нашу усталую тройку.

VI.

Разъ какъ-то мнѣ особенно везло счастье: моя Альфа вела себя очень хорошо: не порола горячки, по обыкновенію, и твердо выдерживала стойку. Паръ шесть красивыхъ фазановъ висѣло у меня на поясѣ, и я, увлекшись удачной стрѣльбой, довольно далеко забрелъ отъ форта.

Волнистая мѣстность, густо заросшая джидою и саксауломъ, прорѣзывалась тамъ и сямъ узенькими тропинками, проложенными верблюдами, которые очень любятъ лакомиться мо-

лодыми побѣгами этой, чисто степной, флоры. По-мимо этихъ тропинокъ почти невозможно было пробраться, да и не дѣлая подобныхъ попытокъ, вы рисковали возвратиться домой въ костюмѣ Адама, оставивъ на колючихъ шипахъ степного терновника бренные остатки своего костюма. Только несокрушимые, кожаные киргизскіе шаровары—чамбары, да армячинныя сѣрыя рубахи могли съ успѣхомъ выдержать борьбу съ этою колючей растительностью.

У меня была короткоствольная, горластая ижемская двустволка, которая била превосходно только мелкими номерами дроби и съ очень небольшихъ разстояній: такія ружья особенно хороши для стрѣльбы фазановъ—птицы нѣжной, не требующей большой силы удара, а между тѣмъ вылетающей изъ чащи быстро и неожиданно.

Послѣдній, убитый мною фазанъ перекувырнулся въ воздухѣ и наискосокъ упалъ въ кусты, шагахъ, по крайней мѣрѣ, въ тридцати отъ дороги. Альфа кинулась за нимъ и нѣсколько минутъ не возвращалась. Вдругъ, я услышалъ боязливое повизгиваніе моей собаки, и, вслѣдъ за этимъ, мой добрый спутникъ выбѣжалъ изъ чащи, со всѣми признаками сильнаго испуга.

— Чтобы это могло значить?—подумалъ я и рѣшился изслѣдовать причину страха.

Осторожно раздвигая колючія вѣтви, я началъ пробираться между кустами, пристально всматриваясь впередъ. Едва я прошелъ шаговъ двадцать, какъ меня поразилъ острый спиртуозный запамъ, похожій на тотъ, который всякому удавалось слышать въ бродячихъ звѣринцахъ. Я тронулся еще шага четыре впередъ и ясно разслышалъ тихое, но уже сердитое мурлыканье.

Благоразуміе подсказывало мнѣ начать немедленно отступленіе, а любопытство заставило меня раздвинуть стволами ружья ближайшія вѣтви саксаула.

— А, вотъ оно что!.. На небольшой, плотно умятой площадкѣ, не болѣе сажени въ діаметрѣ, лежала пара недѣльныхъ тигрятъ. Они были ростомъ съ обыкновенную кошку, только гораздо массивнѣе сложены, и съ большими, совсѣмъ уже не по росту, головами.

Братцы, а можетъ быть и сестрицы, усердно теребили именно моего фазана, ссорясь между собою уморительнѣйшимъ

образомъ. Увидя мою бороду и стволы, молодые звѣрки примолкли и, не выпуская изъ зубовъ птицы, попятились назадъ, моргая со страху глазенками; залѣпленныя пухомъ, рыльца тигрятъ были очень комичны.

Однако, долго наблюдать эту картину было не совсѣмъ удобно: съ минуты на минуту могла вернуться маменька, — и съ чѣмъ я могъ ее встрѣтить? съ моимъ ружьемъ, страшнымъ только для фазановъ, а уже никакъ не для такой крупной дичи.

Это теперь, внѣ всякой опасности, я припоминаю подробности моей встрѣчи,—а въ ту минуту сердце прыгало у меня въ груди, и душа ушла, если не совсѣмъ въ пятки, то навѣрное очень не подалеку отъ нихъ.

Тихонько, задомъ, я сталъ отступать на тропинку. За всякимъ кустомъ мнѣ чудился страшный шорохъ... Я начиналъ проклинать свое любопытство.

Едва я выбрался на чистое мѣсто и немного перевелъ духъ, какъ, подобравъ лѣвою рукою свой тяжелый ягташъ, чуть не бѣгомъ пустился улепетывать, подальше отъ страшнаго сосѣдства. Альфа держалась у самыхъ ногъ: она была напугана больше своего господина.

Заунывный ревъ долетѣлъ до моего слуха; я поддалъ ходу. Черезъ минуту этотъ ревъ повторился не болѣе какъ въ полуверстѣ за мною; потомъ еще ближе. Звѣрь меня преслѣдовалъ... это было ясно.

Какое-то внутреннее чувство заставило меня обернуться; я обернулся и остолбенѣлъ...

Тигрица находилась отъ меня не болѣе какъ во ста шагахъ; съ глухимъ, сердитымъ рычаніемъ она бѣжала по моимъ слѣдамъ.

Спасаться бѣгствомъ—нечего было и думать, а ужъ если и приходилось погибать, такъ лучше не даромъ: надо было сдѣлать все, что только возможно съ такимъ слабымъ оружіемъ, какое было у меня; со мною даже ножа не было: подобная неряшливость болѣе, нежели непростительна; приходилось за нее дорого раздѣлываться.

Я взвелъ курки и присѣлъ на одно колѣно. Тигрица пріостановилась въ восьми шагахъ отъ меня и прилегла на тропинку. Мы смотрѣли въ глаза другъ другу. Страшная минута,

о которой даже теперь я не могу вспомнить безъ внутренняго холода.

Минуты двѣ мы находились въ такомъ положеніи. Звѣрь началъ заигрывать со мною: то прищуритъ свои свирѣпые глаза, то подвинется ползкомъ еще на шагъ впередъ, и все это сопровождалось зловѣщимъ рычаніемъ, вылетающимъ изъза страшныхъ, оскаленныхъ зубовъ.

Я цѣлилъ какъ разъ въ глаза звѣря. Я рѣшилъ не дожидаться прыжка, — момента, въ который я легко могъ-бы промахнуться,—и выстрѣлилъ...

Съ ужаснымъ ревомъ тигрица поднялась на дыбы. Боже!.. какъ громадна она показалась мнѣ въ это мгновеніе!

Ломая вокругъ себя сучья, звѣрь метался и прыгалъ, обтирая свою морду передними лапами; эти бѣшеные скачки были безсознательны—тигрица была слѣпа: я выбилъ ей разомъ оба глаза.

Что есть духу, бѣгомъ, бросивъ на дорогѣ оборвавшійся ягташъ и фазановъ, я пустился по тропинкѣ и уже на берегу Дарья, въ виду глиняныхъ укрѣпленій форта, упалъ на землю, въ полномъ изнеможеніи.

Моя Альфа улеглась рядомъ со мною, держа въ зубахъ одного изъ растерянныхъ мною фазановъ, котораго она успѣла подобрать во время нашего позорнаго бѣгства.

Черезъ недѣлю, киргизы, пасшіе верблюдовъ въ саксаулѣ, набрели на полу-обглоданный волками трупъ тигрицы. Безчисленные муравьи доканчивали работу четвероногихъ падальщиковъ, кишя черными толпами около разлагающагося трупа.

Тигрятъ, несмотря на всѣ старанія, не могли отыскать вовсе, хотя цѣлая недѣля употреблена была именно на это предпріятіе.

СТАРЫЙ ДЖУЛДАШЪ И ЕГО СЫНЪ МАМЕТЪ.

I.

Воды Аму-Дарьи широко разлились въ этотъ годъ.

Такого обилія воды давно уже не запомнятъ здѣшніе старики, не запомнитъ и сѣдобородый Джулдашъ, чуть было не потонувшій вмѣстѣ съ своими рыболовными снастями и зимовою землянкою...

Дней девять назадъ—шибко, нежданно пошла вода на прибыль;—солнце садилось,—уже обѣ косыя отмели, что противъ острова тянулись, затопило, а у самаго острова всю песчаную полосу залило; смыло съ нея десятками лѣтъ накопившіяся выкидки, груды рыбьей чешуи, слои черновато-бѣлаго птичьяго помета; подхватило и унесло каичекъ одинъ, старый, съ прогнившимъ днищемъ, что безъ дѣла на пескѣ валялся, унесло съ нимъ и плетеныя верши Джулдаша... За этою береговою, низкою полосою мокраго, усѣяннаго ракушками песку, словно ступень — поднималась середина острова, поросшая джидою и гребенщикомъ, широколистою кугою, камышемъ и иною тугайною растительностью, тутъ же виднѣлся издали, надъ кудреватыми кустами, камышевый желтокрасный конусъ шалаша Джулдашева, прикрывающаго четвероугольную яму землянку, глубиною всего только въ аршинъ, защищенную вокругъ небольшимъ песчанымъ валикомъ... Къ тому времени какъ солнце сѣло, и наступила непроглядная темь, вода подошла какъ разъ къ уступу этой возвышенной части острова,—Джулдашъ глядѣлъ, не дремалъ, — оба свои каика, покрѣпче которые были, привязалъ надежнымъ арканомъ, вмѣстѣ спарилъ ихъ баграми, а концы аркана протянулъ далеко, до самыхъ кустовъ, и за-

крѣпилъ ихъ здѣсь, обвивъ вокругъ корневища старой джиды... Изъ мелочей хозяйственныхъ, что успѣлъ, перетаскалъ Джулдашъ съ берега, на болѣе надежное мѣсто, къ шалашу, что не успѣлъ, то вода у него чуть не изъ рукъ выхватила... Часъ, два еще въ темнотѣ, выше колѣнъ, бродилъ по берегу старый рыбакъ... и пошелъ къ своему шалашу.

— Ну,—подумалъ,—сюда то ужъ не доберется—и то-экъ ее вспучило! Сроду въ первый разъ видѣть доводится такое!

Пожалѣлъ старый, что сына его, «Мамета» какъ на бѣду, дома не было;—на тотъ берегъ отлучился, рыбу повезъ пастухамъ мѣнять на баранину... былъ бы сынъ дома—меньше бы вода бѣдъ натворила,—скорѣе бы со всѣмъ вдвоемъ отецъ съ сыномъ управились бы.

Залегъ тогда спать старый Джулдашъ. Крѣпко спится подъ гулъ вѣтра, шелестъ тугайной заросли, плескъ волнъ и глухіе раскаты береговыхъ обваловъ... Не слыхалъ Джулдашъ, какъ вода подобралась уже вплотную къ его шалашу, какъ размыла песчаный валикъ и холодными струями ворвалась въ землянку.

Еле выскочилъ бѣдняга оттуда... Глядитъ: а уже кругомъ вода, всѣ кусты затоплены ею, ему самому до пояса подходитъ; колки сорвало и далеко въ кусты забило; къ нимъ не добраться; до берега матераго далеко,—не доплывешь, утонешь; да и здѣсь оставаться бѣда! все выше и выше подступаетъ разгулявшаяся волна... А кругомъ темь непроглядная... холодно! Смыло шалашъ. Захватилъ старикъ два-три пука камышевокъ, что подъ руку попались, подвязалъ себѣ ихъ очкуромъ подъ мышки, помолился и остался на мѣстѣ ждать разсвѣта, вполнѣ отдавшись въ руки Аллаха, на его благую волю. Съ солнечнымъ восходомъ еще пуще разыгралась Аму-Дарья, къ полудню еще воды ея прибыли... Таскало, таскало водою старика, всего въ колючихъ кустахъ исцарапало, да еще, спасибо кустамъ этимъ, а то далеко бы внизъ занесло; захлебнулся-бы. Только къ вечеру другого дня пошла вода на убыль, и вновь оголились возвышенныя мѣста острова. Къ тому-же времени и сынъ Маметъ вернулся; отыскалъ отца, перехватилъ каики, отвезъ Джулдаша на матерой берегъ, гдѣ въ сухомъ, горячемъ пескѣ согрѣлъ старикъ свои тощія, наболѣвшія кости. Сегодня они оба опять на свой островъ вер-

нулись и занялись приведеніемъ въ порядокъ своего разоренаго хозяйства.

Хозяйство было убогое, незатѣйливое. Отецъ съ сыномъ занимались рыбною ловлею, а промыселъ этотъ въ здѣшнихъ мѣстахъ еще въ самомъ плохомъ состояніи.

Снасть рыбачья вся состояла изъ небольшой, почти квадратной сѣти съ глубокою мотнею. Сѣть такую пялятъ у самаго берега, въ угловыхъ мѣстахъ, куда сильнѣе бьетъ теченіе, образуя воронку,—пучину, такъ называемый «забой»; сѣть въ забоѣ натягиваютъ на шестахъ, наклонно укрѣпленныхъ съ берега надъ водою; нижній край сѣти грузятъ привязными камешками, а мотню тоже грузятъ, — теченіемъ ее и оттягиваетъ и расправляетъ... Отъ конца шеста, на которомъ вся снасть держится, идетъ длинная веревка и крѣпится эта веревка къ колу, вбитому на берегу, выше эта веревка не даетъ валиться снасти, противодѣйствуя силѣ теченія. Рыба любитъ веселую, бойкую струю, идетъ какъ разъ въ жерло мотни; которая догадается, толкнувшись головою въ сѣть, что въ западню попала, та назадъ уходитъ, если поспѣетъ, а поглупѣе какая,—та тамъ и бьется—пока ее люди на берегъ не вытащатъ... Сторожатъ такую сѣть рыбаки, сидя на берегу и держа въ рукахъ бичевки отъ нижняго края; какъ заколыхалась снасть — сейчасъ и тянутъ кверху. Большіе «усачи» до пяти четвертей длины попадаются; иной разъ и самъ толстоголовый, усатый пожалуетъ.

Плетутъ еще рыбаки верши изъ камыша съ двойною пастью; туда-то есть ходъ свободный, а назадъ нѣту — эти верши особо вдоль берега, на приколахъ, ставятъ, а то на отмеляхъ, посреди рѣки, и обираютъ ихъ, плавая на маленькихъ каичкахъ или на «гуксарахъ», т. е. на двухъ козьихъ шкурахъ, сшитыхъ одна съ другою и наполненныхъ воздухомъ.

Такія-то незатѣйливыя рыболовныя снасти были у стараго Джулдаша съ сыномъ... порастаскало ихъ прибылою водою по всему острову, кое что, Богъ вѣсть, куда снесло; да и какъ не снести, когда даже чугунный котелъ ихъ, въ чемъ они пищу варили и сало самовье топили,—и тотъ,—на что тяжелъ, а вымыло его изъ камней очажныхъ и оттащило сажень за сто, иломъ и пескомъ затянуло... Насилу, и то случайно, ра-

зыскалъ его Мамстъ, а то бы совсѣмъ разореніе! На такую цѣнную посудину—годъ работай,—не наработаешь.

Вся эта мѣстность дикая, пустынная, безлюдная, называется Кіеклы—здѣсь и на правомъ берегу, и на лѣвомъ все сплошь сыпучіе пески, дней на пять коннаго пути въ обѣ стороны, тянутся широкою, мертвою полосою, отдѣляя рѣку Аму отъ жилыхъ, осѣдлыхъ мѣстъ. На рѣкѣ, межъ частыми отмелями, то покрытыми водою, то чуть-чуть выступающими надъ ея поверхностью, образовались временемъ три острова, тоже бывшіе прежде подводными, наносными мелями—начинается первый островъ за день пути, ниже Кабаклы, бухарской ссыльной крѣпости на лѣвомъ берегу, и тянется изгибомъ версты на три; этотъ первый островъ совсѣмъ безплодный, пустой; онъ еще очень недавно, на памяти Джулдаша, выглянулъ изъ подъ воды; на немъ только «куга» поросла, да и то мѣстами... На покрытыхъ то жидкимъ, сверкающимъ на солнцѣ, то сухимъ, причудливо растрескавшимся иломъ, во время птичьяго перелета собираются милліоны всякой водной, преимущественно голенастой птицы; цѣлыми полками, чинно выстроившись въ ряды, стоятъ краснокрылы, бродятъ по грязи и смѣшно вытанцовываютъ долговязые журавли, сѣрыя цапли хохлатыя, забившись въ кучу и спрятавъ шеи въ покрытыя мягкимъ пухомъ плечи, зорко сторожатъ добычу. Иной разъ налетитъ стая пеликановъ, шумно опускаясь на воду, словно снѣжная льдина скатится, мелкимъ серебромъ брызнутъ во всѣ стороны кулички и чайки, крикъ, гамъ поднимутъ... крикъ и гамъ откликнется съ другой стороны... рѣзко, словно ножемъ объ ножъ, заскрипятъ краснокрылы, затрубятъ, залопочутъ плоскіе ложкообразные клювы бѣлыхъ колпиковъ, гуси загогочутъ и зашипятъ и заплещутся крыльями въ лужахъ застойной воды, закрякаютъ на разные голоса безчисленно разнообразныя утиныя семьи... Гулъ и стонъ, смѣшанный хаосъ птичьихъ голосовъ долго стоитъ въ воздухѣ, пока не успокоится, не уляжется, не займется вновь всякъ своимъ прерваннымъ дѣломъ это разноплеменное, безконечно громадное, пернатое общество... Но кончится время перелетовъ, и мертво, уныло на этихъ опустѣлыхъ отмеляхъ; только и слышенъ вѣчный, монотонный плескъ прибоя, тихій характерный такой шумъ теченія мутноглинистыхъ водъ Аму, да изрѣдка гулъ и всплескъ берегового

обвала... За этимъ островомъ ниже начинается другой повыше—этотъ мѣстами поросъ уже болѣе прочною тугайною растительностью, сюда вѣтеръ доноситъ съ праваго берега мелкія песчинки материка и образовываетъ кое-гдѣ наносные барханы, желтыми подковами рѣзко выдѣляющіеся въ массахъ сѣрозеленыхъ зарослей. На этомъ островѣ идетъ вѣчная борьба мертвыхъ, но неудержимо подвижныхъ сыпучихъ песковъ матераго берега съ живою силою воды, развивающей густую растительную преграду. Здѣсь видны остатки древняго величія, когда, по легендамъ, густо еще были населены берега Аму. На островѣ издалека видны высокія, полуразвалившіяся, источенныя вѣтрами и дождями, глинобитныя стѣны древней крѣпости со слѣдами угловыхъ башень и бойницъ. Развалины эти называются «Джигитъ-кала», а противъ нихъ, на правомъ крутомъ берегу видны другія развалины, большія, и прямо на воду чернымъ проваломъ зіяютъ входныя ворота, между двухъ полукруглыхъ, сверху до низу растрескавшихся башень—это «Кызъ-Кала» (дѣвичья крѣпость), выстроенная въ давніе года цѣломудренною царицею амазонокъ. Вѣка за вѣками проходили, когда опустѣли эти стѣны, свидѣтели сѣдой древности; теперь даже орлы не вьютъ гнѣздъ на зубцахъ этихъ полуразрушенныхъ башень, только фаланги и скорпіоны гнѣздятся въ зіяющихъ трещинахъ, ведя между собою вѣчную, ожесточенную ядовитую войну.

Третій островъ, самый большой, гуще всѣхъ поросшій, начинается вслѣдъ за вторымъ—и тянется на два часа ходкаго пути. На этомъ островѣ, вотъ уже пятый десятокъ лѣтъ, и жилъ старый Джулдашъ, занимаясь, какъ и въ былые годы, такъ и теперь, все тою же рыбною ловлею.

Никто не зналъ точно, когда именно въ первый разъ пришелъ сюда рыбачить Джулдашъ и откуда—самъ старикъ не говорилъ ничего про это никому, да и сказать бы не могъ, такъ какъ у него всѣ года перепутались, слились въ сплошной, непросвѣтный туманъ, потерялась нить и связь событій... Другіе старики, что всю жизнь разъ въ годъ ходятъ снизу вверхъ, съ хивинскими каиками по Аму, тѣ помнятъ его еще не такимъ старымъ, когда у него въ полгруди вилась густая, спутанная, рыжая борода, когда онъ одною рукою подтягивалъ къ берегу большой грузовой каикъ, когда, бывало, при

грузкѣ барановъ съ берега, онъ, стоя на борту, словно цыплятъ перемѣщивалъ пятипудовыхъ овецъ. Помнятъ его, хотя уже не молодымъ, но богатыремъ, вошедшимъ даже въ поговорки. Теперь не то уже стало! не похожъ вовсе на богатыря старый Джулдашъ. И слѣдовъ нѣтъ густой рыжей бороды; подъ беззубымъ, высохшимъ, сжавшимся ртомъ, на костистомъ подбородкѣ треплются по вѣтру клочья сѣдой щетины, потухъ огонь въ когда-то зелено-сѣрыхъ глазахъ, выкрошились рѣсницы, вытерло временемъ жидкія сѣдыя брови, ввалилась широкая, косматая грудь, подогнулись въ колѣняхъ могучія ноги, нѣтъ уже и сотой доли той силы въ худыхъ, отощалыхъ рукахъ; до колѣнъ достаютъ своими сухими, мозолистыми пальцами.

Словно не живой человѣкъ, словно не отъ міра сего видѣніе—кажется издали этотъ старикъ, когда сидитъ на корточкахъ, на самомъ краю берега, надъ водою, и держитъ въ рукѣ конецъ веревки отъ снасти... Сидитъ неподвижно старый Джулдашъ головою къ верху,—сидитъ неподвижно другой, такой-же точно старый Джулдашъ въ водѣ, головою къ низу... Комары несмѣтными роями окутали, словно дымкою, это темно-бронзовое, высохшее тѣло. Плоха имъ тутъ добыча!.. сидитъ, не дрогнетъ старый Джулдашъ. Чайки, кулички вокругъ него носятся, чуть не на плечи костлявыя садятся, стараго рыбака не пугаются, привыкли уже, чуть не изъ подъ него самого мелкую рыбу, береговыя выкидки выхватываютъ... Сидитъ, не дрогнетъ старый Джулдашъ, и глаза его подслѣповатые, воспаленные, словно и не глядятъ на воду, а такъ только на сверкающую брилліантовыми переливами зыбь рѣчную щурятся... Но вотъ колыхнулась сѣть, дрогнулъ опорный шестъ, хлестнула по водѣ и заполоскалась отводная веревка, колыхнулось и это окаменѣлое, старческое тѣло...

Бойко заработали привычныя руки, гибкій багоръ съ крюкомъ на готовѣ, гнется шестъ, складка за складкою выбирается сѣть... глядь! А на днѣ ея, въ самой глубинѣ предательской мотни тяжело бьется пара свѣтлостальныхъ, чешуйчатыхъ усачей, бьютъ по водѣ своими сильными плесами, дугою выгибаются, подскакиваютъ... красною струею сочится кровь изъ подъ впившагося багорнаго крюка... мгновеніе... и добыча уже на берегу, бьется на пескѣ въ послѣдней агоніи, зіяя своими вздутыми распоротыми ножемъ брюхами.

Былъ-ли женатъ, нѣтъ-ли старый Джулдашъ, того тоже никто не зналъ. Когда сыномъ, крохотнымъ мальчишкою, обзавелся—и того не вѣдали.

Помнили проѣзжіе, караванные люди—бойкаго мальчика, ребенка еще,—черномазаго такого, вѣчно плещущагося въ береговыхъ лужахъ-застояхъ, помнили и подростка, лихого пловца, что съ связкою камыша всю ширь Аму-Дарьи, даже въ погодное время, шутя переплывалъ, помнили и высокаго, статнаго, здороваго парня, о которомъ разсказывали, будто разъ онъ одинъ на одинъ съ саженнымъ сомомъ въ водѣ схватился, ножъ подъ жабры ему засадилъ и на берегъ выволокъ... Нелюдимый былъ этотъ парень, сынъ Джулдаша стараго, золъ, что джулъ барсъ (тигръ) въ низовыхъ камышахъ и—говорятъ, а, можетъ быть, и врутъ—будто тишкомъ съ дурными людьми съ того берега, съ лѣваго,—знался.

Носились и про самаго Джулдаша прежде въ томъ же родѣ слухи, да на дѣлѣ ничего такого не замѣчалось, а и замѣтить трудно было—некому...

Когда, когда проплывутъ, бывало, торговые каики изъ Хивы въ Чарджуй и обратно, тогда только, мимоѣздомъ, и видѣли сторонніе люди Джулдаша съ сыномъ, тогда только и рыбаки наши стороннихъ людей видѣли...

Лѣто проводили и зиму—Джулдашъ съ Маметомъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ.—На весеннее время, обильное комарами и мошками, у нихъ палаты были на кольяхъ огорожены, а поверхъ пологъ натягивался изъ грубой маты, къ зимѣ они въ землянку перебирались сюда и котелъ свой перетаскивали—пойманую рыбу пластовали и на шестахъ, на веревкахъ, скрученныхъ изъ куги—вялить развѣшивали,—сало сомовье, когда мало было, въ котлѣ топили, а когда попадутъ крупные голованы, да не одинъ, не два, а съ десятокъ, тогда рыли яму въ пескѣ, на солнцепекѣ, туда сомовину и валили запросто, пригрѣетъ ее солнцемъ, разопрѣютъ сомовьи туши, гнить начнутъ... вонь такая поднимется, что за три версты, кто подъ вѣтеръ на струю попадетъ, отворачивается, а имъ ничего,—носы привычные. Зато, безъ хлопотъ всякихъ, снимаютъ отстоявшійся сверху жиръ черпаками и сливаютъ его въ козьи шкуры—на смазку оружія, да на «жирники» тюркмены покупаютъ это добро, и на каикахъ выманиваютъ тоже—проѣзжіе хивинскіе и бухарскіе люди.

Кромѣ какъ по близости, по своему дѣлу, никуда ни старый, ни молодой не отлучались—молодой такъ думалъ, что и свѣту всего, что ихъ острова, да песчаные бугры на матерыхъ берегахъ, хотя и слыхалъ не разъ отъ проѣзжихъ людей, что гдѣ то далеко иныя чудныя, людныя—цвѣтущія страны, иныя заботы, иныя печали и радости.

Зналъ онъ, тоже по слухамъ только, что есть на свѣтѣ и женщины—матери, что дѣтей рожаютъ... инстинктиво чуя, что женщины эти и на усладу, на радость человѣку, на все то, что такъ неясно, тускло рисовалось въ его воображеніи, тревожило его сонъ по временамъ, заставляло кровь бурнымъ потокомъ приливать къ сердцу—и ни разу еще не являлось ему осязательно, не въ одномъ только снѣ и молодыхъ, жгучихъ сладко мучительныхъ грезахъ.

Бродятъ по острову старый Джулдашъ и сынъ его Маметъ, разнесенныя волною пожитки свои разыскиваютъ да собираютъ... Вода въ землянкѣ сама собою пропала, всосалась,—илу только что туда натащило, дряни всякой! Дня на три хватило имъ работы, пока все вновь наладили и за дѣло могли приняться... За ворчаніе вѣчное старикъ не сердился на сына, зналъ его характеръ угрюмый, озлобленный; только посмѣивался себѣ изподтишка...

II.

На другой день пошелъ бродить по острову Маметъ, гдѣ ни завидитъ сухую валежину, все въ одно мѣсто сталъ стаскивать... солнце высоко поднялось, а онъ все таскаетъ да таскаетъ. Гору цѣлую наворотилъ, а все ему мало.

— Ты чего это?—спросилъ его старый Джулдашъ, когда тотъ, случайно, прошелъ мимо, искоса смѣривъ старика своимъ непривѣтливымъ взглядомъ.

Промолчалъ Маметъ, будто и не слышалъ вопроса.

— Ты это зачѣмъ?—повторилъ старикъ,—эй — слышишь что-ли?

— А тебѣ что!—буркнулъ въ отвѣтъ Маметъ, бросилъ о земь суковатую карягу и присѣлъ у огонька на корточки, ткнувъ, ради пробы, пальцемъ доваривающійся кусокъ сомовины.

— Скоро гости къ намъ будутъ!—проговорилъ Маметъ, помолчавъ съ минуту.

— Какіе гости? Откуда?

— Оттуда!—указалъ сынъ рукою вверхъ по теченію рѣки, на востокъ.

— Это одна дорога... здѣсь всегда люди ходятъ,—замѣтилъ старикъ—что мудренаго!

Хотѣлъ было спросить опять—зачѣмъ онъ дровъ натаскалъ столько? да отдумалъ: «Ну, его, еще разсердится, малый. Что его сердить-то»!

Больше и не говорили ничего отецъ съ сыномъ во весь день—одинъ, по обыкновенію, на берегъ засѣлъ, снасти сторожить, другой на маленькомъ каикѣ поѣхалъ верши на отмеляхъ обыскивать. Вернулся Маметъ черезъ часъ; молча рыбу выпотрошилъ, молча поѣли изъ котла, молча и вечера дождались... А къ вечеру, чуть стало солнце садиться, багровымъ свѣтомъ покрывая высокіе гребни песчанаго берега, глубокими, темносиними тѣнями одѣвая кудрявыя полосы береговыхъ тугаевъ, рѣзко обозначивъ каждую разсѣлину, каждую мелкую трещину утесовъ, дымкою вечерняго тумана подернувъ мутножелтую водную поверхность. Смотрятъ рыбаки и видятъ, какъ изъ-за острова, гдѣ чуть виднѣлась розовымъ пятномъ «Джигитъ кала»,—выдвинулся каикъ,—а за нимъ другой, на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи;—и идутъ эти каики сюда... Только зоркому, привычному глазу и замѣтны эти точки вдали, въ розовой дымкѣ заката.

Растутъ эти темныя точки, близятся,—все яснѣе и яснѣе становятся.

Вотъ уже первая лодка съ песчаною косою ихъ острова поравнялась, огибаетъ, совсѣмъ уже близко подходитъ, вотъ и другая, за нею слѣдомъ, пѣнитъ мутную воду гордо поднятымъ носомъ, съ желѣзнымъ кольцомъ и висячею волосяною кистью. На первой лодкѣ—бѣлый навѣсъ полотняный; люди на ней сидятъ въ бѣлыхъ шапкахъ, въ одежѣ не здѣшней, невиданной; только одинъ съ бритою бородою, съ рыжими щетинистыми усами, въ красномъ шелковомъ халатѣ съ разводами, а прочіе всѣ въ короткихъ рубахахъ, да въ курткахъ какихъ-то. Съ этими людьми и настоящіе, хивинскіе люди есть, семь человѣкъ. Эти, какъ слѣдуетъ, въ халатахъ и шапкахъ бараньихъ. Эти люди дружно веслами работаютъ, изо всѣхъ силъ надсаживаются, очевидно, засвѣтло на ночлегъ скорѣй поспѣшаютъ.

На берегу стоитъ человѣкъ, въ черномъ весь, въ широкой шляпѣ, и въ трубку сюда смотритъ... такъ и блестятъ, словно глаза живые,—круглыя двойныя стекла этой проклятой трубки; ничего нигдѣ отъ нихъ не спрячется... Страшно даже стало Мамету, невольно прищурилъ онъ свои глаза и въ землю потупился. Около чернаго человѣка другой стоитъ, бѣлый, только у этого большая борода черная... Тотъ, что съ трубкою, рукою сюда показываетъ. Надъ каикомъ,—надъ самою носовою частью голубоватый дымокъ вьется: тамъ на очагѣ огонекъ разведенъ, и стоитъ на огнѣ диковинная, словно золоченая, посудина мѣдная.

Подтянулся каикъ къ ихъ берегу, хивинскіе люди на землю повыскакали, бичевой подтянули, и прямо къ ихъ снастямъ, прямо сюда, гдѣ сидятъ — старый Джулдашъ съ своимъ сыномъ Маметомъ.

Вотъ и изъ «чужихъ людей» красный халатникъ вылѣзъ, прихрамываетъ, все за поясницу руками хватается: должно быть, боленъ... вонъ и еще остроносый съ маленькою бородкою изъ-за борта выглянулъ, лѣниво щурится заспанными глазами, зѣваетъ во весь ротъ... Тамъ, подъ ковромъ кто-то, на кровати лежа, потягивается, приподнялъ рукою повисшее полотно, спрашиваетъ что-то у черно-бородаго, а тотъ отвѣчаетъ:

— Да, пріѣхали—здѣсь и остановимся! Мѣсто чудесное!

Этихъ словъ хотя и не понялъ Маметъ, да по движенію руки бородатаго сообразилъ, что такъ, должно быть, и выходитъ!

Сталъ чудной каикъ съ своими чудными пассажирами, а тутъ и другой уже берегомъ бичевою подтягивается. На томъ каикѣ тоже чужіе люди, пять человѣкъ, въ одинаковой только одежѣ, съ ними тоже рабочіе, хивинцы каикчи, и лошадей нагружено на каикъ — штукъ десять... Храпятъ застоявшіеся кони, бьются, толкаются; такъ и затоптались на мѣстѣ, когда каикъ, остановившись, толкнулся выпуклымъ бокомъ о берегъ, отваливъ плотъ, или слой земли, чуть не въ два шага шириною.

Справились каикчи; вплотную носомъ къ носу оба каика— у берега закрѣпили — старшій каикчи, рулевой подошелъ къ рыбакамъ.

— Аманъ, — говоритъ, — добрые люди, — «судакъ-баръма?» *). Тащи дровъ побольше, да скорѣе! русскіе тюра ѣдутъ, важные!.. все ученый народъ!—добавилъ онъ вполголоса, на такой же тихій вопросъ стараго Джулдаша.

— Тащи дровъ,—ладно!—огрызнулся Маметъ — у самого есть руки...

Самъ покосился въ ту сторону, гдѣ его куча была сложена.

Отсюда не видать ея, изъ-подъ берега островнаго, а съ лѣваго, матерого берега, должно быть, хорошо видно; такое уже мѣсто намѣтилъ Маметъ... Пока старикъ съ главнымъ каикчи толковали, да рыбу цѣнили, торговались—Маметъ въ каики заглянулъ: чего только тамъ нѣтъ,—глаза просто разбѣгаются! ружья лежатъ въ чехлахъ, должно быть, куда хорошія! пистолеты у каждаго около подушекъ виднѣются... якгановъ, сундуковъ, тюковъ ковровыхъ груды навалены, посуда всякая!..

— Вотъ бы скрасть что!—невольно промелькнуло въ головѣ юнаго рыбака. Да страшно... Русскіе зорко глядятъ. Кто на берегъ вышелъ, такъ въ каждый кустъ и всматривается...

Съ другаго каика люди тоже дровъ наломали, костеръ запалили; лошадей стали выводить на берегъ, кошмы разостлали. Должно быть, спать собираются...

— Вотъ развѣ тогда, когда улягутся?—тревожитъ недобрая мысль Маметову голову, покоя не даетъ, силою у каиковъ чужихъ держитъ.

Русскій, что въ черной, кожаной одеждѣ былъ, съ распросами все пристаетъ къ рыбакамъ, черезъ юркаго киргизика, переводчика: «какъ вонъ тотъ берегъ, да какъ другой называется? Что за берегомъ находится, да когда вода прибывать начинаетъ, когда на убыль идетъ?»...

Отвѣчаетъ старикъ коротко, уклончиво, все больше невѣдѣніемъ, да «волею Аллаха» отдѣлывается; угрюмо молчитъ Маметъ, глазъ съ одного ружья, да мѣднаго чайника не спускаетъ... все думаетъ, ждетъ, не дождется...

— Да скоро ли вы, проклятые, уляжетесь?!

---

*) Рыба есть?

Стало темно, хоть глазъ выколи. Наѣлись русскіе, чаю напились и стараго Джулдаша напоили; Мамету не дали. Вотъ и спать, наконецъ, завалились.

Да и спятъ-то они зорко, осторожно. У коней, привязанныхъ на берегу, бродитъ одинъ взадъ и впередъ, съ ружьемъ въ рукахъ, на борту у передняго каика торчитъ тоже другой русскій и тоже ружье на колѣняхъ держитъ... «Поди-ка сунься!»

Въ это время луна поздно всходитъ, за часъ всего до разсвѣта... Всю ночь не спалъ, не ложился даже Маметъ и видѣлъ, какъ только что поднялся на краю неба красный серпъ луны, такъ сейчасъ же закопошились русскіе, установили коней на каикъ, сами убрались, дали Джулдашу монетъ пару серебряныхъ и дружно отчалили, продолжая свое далекое плаваніе, внизъ по теченію, домой — по чужой, для нихъ совсѣмъ еще невѣдомой, величавой рѣкѣ, изъ конца въ конецъ прорѣзывающей обширнѣйшія пустыни Средней Азіи.

Не успѣли каики съ «русскими важными, учеными людьми» скрыться изъ виду, какъ надъ островомъ, высоко-высоко поднялся густой столбъ сизаго дыму... Восходящее солнце озолотило кудреватую, расползающуюся въ воздухѣ крону этого столба, утреннимъ вѣтромъ нагнуло его въ ту самую сторону, куда ушли русскіе, словно поклонъ отдало отплывающимъ. Это Маметъ запалилъ свою кучу, набросавъ сверху всякаго зеленаго сырья, чтобы больше дымило, и не сразу сгоралъ сухой валежникъ. Чуть станетъ опадать дымъ, Маметъ опять валитъ поверхъ костра зеленую сырую «кучу»; разгорѣлся весь отъ бойкой работы... Подошелъ къ нему Джулдашъ, дернулъ за рукавъ рубахи...

— Ты, говоритъ, кому вѣсть даешь: Гайнулѣ собакѣ, или Хакимъ-Мурату?

— Хакимъ-Мурату. Кому же больше?!—отвѣтилъ Маметъ. Я съ нимъ на прошлой недѣлѣ, когда рыбу возилъ, видѣлся... Онъ у текинскаго «лаза» съ своими людьми сидѣлъ, меня увидалъ, говоритъ: «Слыхали мы отъ «кабаклынскихъ» людей, что скоро большой тюра русскій, царскій будто бы племянникъ, по рѣкѣ на каикахъ пойдетъ, такъ вотъ для этого и «паказалъ» мнѣ, чтобы я стерегъ здѣсь на островѣ, а пойдутъ какъ — дымомъ знать бы далъ имъ на «лазъ»... Ишь, какой дымище! Слѣпой не замѣтитъ, хоть и далеко...

— Идутъ «они» не просто!—словно про себя замѣтилъ старый Джулдашъ.

— Съ Хакимъ-Муратомъ народу много, больше ста человѣкъ!—также словно про себя пробормоталъ и Маметъ...

— Не доброе дѣло они затѣяли!

— Туда собакамъ и дорога!

— Ты это про кого говоришь?

Старикъ пытливо поглядѣлъ на сына и опять взялъ его за рукавъ рубахи.

— Про кого? Не про Хакима-Мурата, конечно!..

— Глядѣлъ я,—началъ Джулдашъ,—что у нихъ на плечахъ нашито, у казаковъ-то... всѣ уральскіе... съ «Яика»!..—добавилъ онъ и еще слово одно сказалъ, да такъ тихо, что и Маметъ, на что близко стоялъ, а не дослышалъ.

Послѣ того по раздумьѣ, ему показалось, что слово это, послѣднее, словно будто бы на «земляки» походило.

Часу не прошло съ отхода русскихъ... чу! стукнуло что-то далеко далеко, чуть-чуть до слуха рыбаковъ докатилось, а по водѣ вѣдь куда далеко слышно... Опять какъ будто стукнуло, опять повторилось...

Большой орелъ, черный, съ бѣлымъ подгрудкомъ и желтоватымъ ошейникомъ, что неподалеку на косѣ сидѣлъ, тоже повернулъ на западъ свою голову, встрепенулся, прислушался, взмахнулъ крыльями полутора-аршинными и тяжело, съ разбѣга поднявшись, плавно взмылъ кверху, остановился на мгновеніе и направилъ свой полетъ въ ту сторону, откуда доносились эти глухіе, неясные удары...

— Кровь почуяла птица вѣщая!—замѣтилъ старый Джулдашъ.

Проворчалъ что-то Маметъ и подкинулъ на огонь, на эти красные, внезапно прорвавшіеся въ серединѣ костра языки, послѣднюю охапку сырой, влажной отъ утренней росы зелени.

III.

Не терпится Мамету.... работа у него изъ рукъ валится... все «туда», на эти загадочные звуки тянетъ его....

Захватилъ Маметъ большой косматый «гуксаръ»—онъ, вѣдь, съ виду только великъ кажется, а легкій—взвалилъ его

на плечи и пустился бѣгомъ по окраинѣ острова. Пробѣжавъ съ версту, онъ вошелъ въ воду, долго брелъ по колѣно въ водѣ, пока все глубже и глубже становилась рѣка, кинулъ гуксаръ, легъ на него брюхомъ и ретиво заработалъ руками и ногами, такъ что брызги полетѣли во всѣ стороны. Онъ держалъ теперь на перекоски лѣваго фарватера, прямо на выдающуюся точку тугая, на эти синѣющіеся вдали кудреватые кусты цвѣтущаго гребенника и джида....

Выбрался онъ на тугай.... здѣсь чаща непролазная, колючая... рветъ трава рубаху, колетъ мускулистое тѣло «не бѣда! гуксаръ бы только цѣлъ остался. Высоко держитъ надъ своею головою Маметъ свой косматый вздутый плавательный снарядъ... чудно глядѣть со стороны, какъ надъ чащею, словно чудище какое-то, раздвигая кусты, ползетъ что-то черное, пузатое, кто несетъ его,—не видно совсѣмъ.

— О-о-о-о! будто тихій стонъ слышенъ — неподалеку, будто человѣкъ лежитъ вонъ тамъ, въ той зеленой «кугѣ», нога будто сквозь траву виднѣется,—судорожно изогнутая....

Припалъ къ землѣ Маметъ—такая уже у него повадка была, совсѣмъ шакалья, подползъ къ самому мосту—глядитъ.

И точно человѣкъ... Въ конвульсивно стиснутыхъ зубахъ—ножъ кровавый торчитъ, въ рукѣ обнаженный клычъ; рядомъ гуксаръ лежитъ, пробитый пулею—эта же пуля, что гуксаръ пробила, подъ лѣвымъ ребромъ человѣка черный глубокій ходъ себѣ сдѣлала, черная кровь оттуда уже перестала сочиться.... запеклась, а сквозь зубы, по стальному клинку ножа идетъ кровавая пѣна—въ горлѣ хрипъ слышенъ...

— А вѣдь это изъ Муратовыхъ людей—я помню!—и нагнулся надъ убитымъ Маметъ.—Никакъ Половань Ашикъ, долговязый. Онъ самый... вонъ и старый шрамъ на вискѣ... онъ, конечно!

Толкнулъ Маметъ трупъ ногою—не дрогнулъ тотъ, не шевельнулся.

— Ну, значитъ, совсѣмъ... чего же они его тутъ бросили?

Сталъ Маметъ ножъ изъ зубовъ мертвеца тащить... Разсматриваетъ добытый ножикъ Маметъ и не слышитъ, что сзади къ нему кто-то побирается.

— А, ты что это здѣсь дѣлаешь, собака?—раздалось у него за спиною.

Вздрогнулъ «двуногій шакалъ», — прыснулъ въ сторону, точь въ точь,—какъ «тотъ» четвероногій, да уйти только некуда.

Сзади стоитъ Даудъ текинецъ, а въ кустахъ еще четыре черныя, бараньи шапки видны... вотъ и самъ Хакимъ-Муратъ—борода клиномъ съ просѣдью.

— Э... да это ты самъ, другъ любезный?

Пристально, подозрительно такъ уставились на него глаза Хакимъ-Мурата, такъ и пронизываютъ насквозь... жгутъ—не глядятъ...

— А вѣдь ты продалъ насъ русскимъ?—пытливо спрашиваетъ вождь текинской шайки.

Тутъ и Маметъ оправился отъ невольнаго испуга, сообразилъ, въ чемъ дѣло, самъ окрысился... Ужь очень подозрѣніе это обидно ему показалось.

— Продалъ... несъ! Я не изъ такихъ, что своихъ продаютъ собакамъ невѣрнымъ, я не продавалъ васъ, сами не умѣли справиться... эдакую-то добычу упустили а еще «батырями» по всей степи заветесь... Овецъ вамъ пасти, а не каики забирать...

— Ты! легче!—остановилъ его Хакимъ-Муратъ—это мурза кабаклинскій виноватъ, это его рукъ дѣло—писалъ намъ, что народъ идетъ зрящій, что и оружія-то нѣтъ у нихъ съ собою никакого, что, молъ, голыми руками иди, да забирай; писалъ, что всего десять человѣкъ... а пальбу подняли, такъ больше сотни, пожалуй, оказалось!

— Всего и было десять русскихъ. Хивинскихъ людей нечего считать,—вступился за Кабаклынскаго мирзу Маметъ.— Я вѣдь самъ сосчиталъ, когда они у насъ ночевали... Дымъ-то чай видѣли?

— Дымъ-то во время замѣтили... Наши раздѣлись, залегли въ «кугѣ»—глядимъ, и каики идутъ... совсѣмъ народу не видать, подъ палаткою сидѣли—этимъ самымъ мѣстомъ шли, а наши вотъ тутъ сидѣли—только это передній каикъ поровнялся—мы поднялись, да изо всѣхъ мултуковъ разомъ ударили... Загалдѣли на каикахъ, замотались хивинцы, ницъ полегли... Глядимъ, а русскіе уже стоятъ на бортахъ, и ружье у каждаго въ рукахъ....

— Хороши ружья... я видѣлъ, какъ одинъ вынималъ при мнѣ изъ чехла,—замѣтилъ Маметъ.

— Наши, что съ гуксарами были, уже поплыли... Мало по малу, — вотъ такъ какъ до того куста къ каику подошли... Тѣ палить стали...

— Ну!..

— Чего ну... свѣту не взвидѣли... И по гуксарщикамъ бьютъ, и по нашимъ, что на тугаѣ, тоже... Одинъ валится, другой, вишь, реветъ: «убили убили»! наши прятаться стали—тѣхъ вонъ—на гуксарахъ внизъ водою потащило... стали на косу вылѣзать, а каики-то тоже идутъ, не стоятъ,—поровнялись, да опять бьютъ нашихъ, уже на пескѣ...

— Много набили?..

— Много... Вотъ теперь собираемъ, ходимъ. Бикетай убитъ, Шарину бедро выворотило... Вотъ и Палаванъ нашъ валяется... много народу. Еще не посчитались...

Подобрали текинцы убитаго—тамъ еще изъ кустовъ одно тѣло вытащили, тамъ ведутъ съ ногою перебитою... Тяжело изъ тугая на кугу выбираться, осыпается песокъ подъ ногами, пластами цѣлыми оползаетъ... ухватится кто за кустъ, помоги ради,—трещатъ корневища, отдираются изъ сыпучаго грунта... А—тутъ раненые стонутъ, молятъ бросить ихъ съ куга лучше, чѣмъ тащить, мучить... Кое-гдѣ добрались до «становаго» моста. Верстахъ въ двухъ отъ берега, за крутымъ, подковообразнымъ, песчанымъ барханомъ расположили текинцы свой лагерь—видно было, что издалека они пришли сюда, не однимъ днемъ путь свой сдѣлали. Усталые кони, все долгоногіе жеребцы, съ подведенными отъ похода боками, разставлены были просторно, на прочныхъ приколахъ, за щиколотку передней ноги, — на жеребцахъ попоны ковровыя, на ушахъ и шеяхъ яркоцвѣтные капоры. Въ сторонкѣ вьючныхъ муловъ стоитъ нѣсколько штукъ (разсчитывали, знать, на большую, богатую добычу)... Изъ за бархана верблюдъ выглядываетъ, облѣзлый весь, тамъ дальше еще пара горбатыхъ «наровъ» — тощую колючку огладываетъ... Кое-гдѣ зола видна отъ костровъ, похолодѣвшая уже; надъ одною кучкою еще теплится, и дымокъ вьется; тамъ кунганъ стоитъ тонкій, высокій, выкипѣлъ уже до половины... Стали подходить наши неудачники: ихъ еще издали встрѣтили, оставшіеся при коняхъ, товарищи — встрѣчаютъ не радостно; и безъ доклада видятъ, что дѣло не выгорѣло.

Споры поднялись, да пересуды, взаимные укоры... до драки дошло... за ножи было брались, погорячѣе кто. Видитъ Маметъ, что здѣсь нечего оставаться—лучше домой уходить, по добру, по здорову—«силлау» — то (подарка) обѣщаннаго ждать нечего... Какъ только темнѣть начало, отошелъ онъ тихонько за барханъ, да лощинкою, незамѣтно крадучись, направился назадъ къ рѣкѣ, гдѣ, въ тугаѣ, кромѣ своего, уже стараго, почти негоднаго гуксара, нашелъ пару новыхъ, не считая третьяго, русскою пулею пробитаго.

IV.

Какъ ни усталъ Маметъ, бѣжавши сюда за обѣщанной, желанной такой наградой, своей «дуванной частью», а сна нѣту къ ночи... чѣмъ валяться такъ, на пескѣ, лучше идти потихоньку, до дому добираться.

Туда шелъ,—томила его надежда сладкая, духъ захватывала,—назадъ идетъ, злость, досада его мучатъ... Свѣтъ ему не милъ, все только сердитъ, желчь все вынѣживаетъ: тамъ вонъ, на островкѣ заросшемъ, шакалы собрались, далеко въ ночной тишинѣ лай да визгъ, да вытье слышатся...

Пришелъ домой, солнце высоко стояло, — разбитый весь, глаза, какъ у бѣшеннаго, помутились. А ѣсть не сталъ, хоть и было что, припалъ только къ водѣ, ничкомъ, на песокъ, пьетъ холодную воду, не оторвется... Потомъ сѣлъ на корточки, лицо въ колѣни спряталъ, руками голову сжалъ, и видно по плечамъ и лопаткамъ его, судорожно вздрагивающимъ, что плачетъ бѣдняга, плачетъ горько, не слышно, сердцемъ, грудью наболѣвшею плачетъ, не по-бабьи, глазами мокрыми.

— Маметка... голубь, милый,—тронулъ его старый Джулдашъ,—а Маметъ!..

Не слышитъ парень отцовскаго, ласковаго призыва, а, можетъ, не хочетъ слышать; не отзывается,—только зубы у него заскрипѣли...

— Пущай отойдетъ, выплачется!—рѣшилъ старикъ и сталъ терпѣливо дожидаться исхода этого припадка горя и потерянной надежды...

И долго еще сидѣлъ, не мѣняя положенія, Маметъ, долго сидѣлъ у снасти старый Джулдашъ, больше искоса на сына

взглядывая, чѣмъ снасть сторожа.—Не одинъ вертлявый усачъ ушелъ у него изъ западни, чуть было большая рыбина какая то мотню не прорвала: ничего не замѣчалъ старикъ, печалясь о сынѣ, шевеля своими старческими, отживающими свой долгій вѣкъ мозгами...

— Вѣдь вотъ, подумаешь, горе какое!—думалъ, соображалъ старый Джулдашъ.—Давно бы надо на калымъ копить, можетъ, ему честнымъ пиркомъ да и за свадебку. Накопилось бы—за восемнадцать лѣтъ, ему, бѣднягѣ, пора бы ужъ теперь, а вотъ не накопилъ... Все думалъ: малъ мальчишка растетъ, все ребеночкомъ считалъ... самъ бы пошелъ куда на персидскую границу добывать—старъ, не гожусь въ батыри; не то, что прежде бывало... Прежде... Э-эхъ!.. Русская грань тоже куда отошла—«наши»—позабыли про ту дорогу, десятый годъ какъ послѣднюю шайку казаки выловили... на русскіе пути никто за добычею уже не хочетъ идти... Повезло бы счастіе, дешево, можетъ, пришлась *какая*. Идти ему въ Хиву, либо въ Кабаклы, въ работники закабалиться къ кому, у кого дѣвочекъ много расплодилось, исподволь зарабатывать жену, спиною калымъ уплачивать... норовъ-то у него неподходящій на такое дѣло, да и мнѣ безъ него не жить... помру тутъ на островѣ, пока внучатъ дождусь. Эхъ, ты, бездольный сынокъ! Вѣрно ужь весь вѣкъ свой доведется прожить безъ жены... Вотъ «люди добрые» нашлись—пообѣщали въ долю взять за «послугу»... Дѣло было бойкое, клетое, — не задалось, сами влопались... Тяжело-тяжело мнѣ разставаться съ тобою, дитятко, а придется... Лучше уже я тутъ одинъ промаюсь, а пущу тебя къ Хакимъ-Мурату или къ другому кому... Иди, добывай самъ, гдѣ знаешь... Вѣдь вотъ батька твой добылъ же себѣ, въ свое время, хоть и не въ прокъ пошло, да ты иное дѣло... это мнѣ, проклятому отступнику, чужія слезы отзываются, Господь наказалъ... на тебѣ, юнецъ, не лежитъ проклятія... Ты иди съ Богомъ... иди... иди...

Пробѣгаютъ огнемъ эти мысли въ головѣ стараго Джулдаша, и сухія губы его шевелятся, вторятъ мыслямъ... слово: «иди» даже ясно слышится...

— Маметъ, а Маметъ!

— Что—те-бѣ—отецъ — на-до?—съ разстановкою цѣдилъ сынъ сквозь зубы.

— Ты, голубь, иди... право, иди!.. Брось тутъ меня, старика, брось!.. Иди ты къ Хакимъ-Мурату... а то, слышь, ступай же въ Матуръ *) самый, понавѣдайся у муллы Зафира: не живъ ли молъ Уллуханъ «Берды»? коли живъ, разыщи его и напомни ему про «Ивана-волка»...

— Это кто же такой, Иванъ-волкъ то?— поднялъ голову Маметъ.

— Это... видишь, братъ... это...

Старикъ смутился.

— А это знакомый одинъ... Да тебѣ, все равно... его нѣтъ уже... померъ... да... померъ... этотъ самый Иванъ-волкъ, померъ старикъ... его уже нѣтъ на свѣтѣ...

— Ладно!

— Такъ вотъ иди ты къ Уллуханкѣ, напомни про того, что я сказывалъ, скажи, молъ, что, коли не забылъ Уллуханъ-Берды старыя услуги волчьи, такъ чтобы пріютилъ тебя, взялъ бы съ собою въ набѣгъ на кызылбашскую грань, что ли, въ другое какое мѣсто... Ты малый шустрый, изъ тебя знатный батырь выйдетъ; такимъ молодцемъ Уллуханъ не побрезгуетъ... ты иди... А ужъ я...

Старикъ затрясся, лицо у него сморщилось... маленькое какое-то стало; воспаленные глаза совсѣмъ сомкнулись, еще глубже ушли темныя глазныя впадины, и оттуда заструились слезы, пробираясь по извилистымъ старческимъ морщинамъ.

— И пойду!—холодно сказалъ Маметъ, только въ сторону отвернулся...

— И пойду!—повторилъ онъ...

Крикнулъ онъ это: «и пойду!» да такъ крикнулъ, что на томъ берегу услыхать можно бы было, — всталъ, потянулся, искоса кинулъ взглядъ на отца и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, новая верша рыболовная ему понадобилась... Лежалъ здѣсь камышъ нарѣзанный, Маметъ къ нему подсѣлъ, да какъ принялся гнуть, да крутить, да подвязывать, заплетать да подрѣзывать... всегда работать такъ, денную работу въ часъ покончить можно...

— Ступай, голубь чистый, ступай!—заладили одно Джулдашевы губы.

— И пойду!—твердилъ свое Маметъ, подрѣзывая, да подплетая, да подвязывая.

---

*) Мервъ.

V.

Недѣля уже прошла послѣ этого обоюднаго рѣшенія, а сборы въ походъ что то не подвигаются... Молчитъ отецъ, молчитъ и сынъ... По старому жизнь ихъ идетъ... Ловятъ рыбу, вялятъ, сало сомовье топятъ... Пуста рѣка Аму—не видать на ней ни одного каика проходнаго, ни снизу, ни сверху; пусты и безжизненны эти песчаные берега, пусты и безжизненны разстилающіяся за ними равнины... И Богъ знаетъ, долго ли бы все такъ и тянулось, если бы не случилось тутъ нѣчто, совсѣмъ уже нежданное и негаданное...

Разъ, утромъ рано, на солнечномъ восходѣ, когда золотистая дымка утренняго тумана затянула всѣ окрестности и далеко сливаясь въ этомъ туманѣ, словно не рѣка, а море безконечное, сверкала брилліантами рѣчная зыбь... Съ западной стороны, какъ разъ съ середины рѣки, не съ берега, послышались странные звуки... Казалось, будто кто коней погонялъ, слышалось даже усталое фырканье плывущей лошади... фырканье совсѣмъ не такое, какъ на сушѣ, особое, характерное... Крикъ какой-то донесся разъ, не то ребенокъ, не то овца заблеяла... Опять понукающій голосъ, звучный всплескъ воды... что за диковина?!

Не видать ничего въ туманѣ, а слышно... и слышно, что вотъ какъ будто сюда подходило, а теперь вотъ опять удаляться стало... Тихо въ воздухѣ, неподвижною нѣмою стѣною стоитъ этотъ золотисто-розовый туманъ—ухо не обманываетъ... не чудятся же имъ эти непонятные звуки, не во снѣ грезятся, на яву слышатъ ихъ отецъ съ сыномъ и спѣшно каикъ готовятъ поѣхать, посмотрѣть, молъ, поближе...

Усѣлись—поплыли.

— Гляди, гляди!—шепчетъ старикъ—только на стремнину выбрались, съ полверсты не отъѣхали, и того меньше.

У стараго глаза, даромъ что какъ у мертваго, а зорче молодыхъ видятъ.

— Гляди,—говоритъ онъ Мамету,—вонъ плывутъ, съ того берега переправляются... четверо на шести коняхъ плывутъ... кони то, гляди, навьючены...

Видитъ теперь и Маметъ, что плывутъ, съ русскаго берега путь держатъ—по бокамъ коней большіе пуки камыша подвя-

заны, чтобы на водѣ поддерживало скотину. Люди такъ, сами по себѣ плывутъ и за хвосты лошадей держатся, на спинахъ конскихъ точно что выюки—и не малые... Вотъ что-то живое копошится, вонъ рогатина торчитъ какая-то... Вотъ блеснуло что-то мѣдное, бряхнуло даже, да такъ звонко, сладко такъ, будто въ серебряный колоколъ ударило.

Сопятъ, фыркаютъ кони, разбивая грудью пѣнистую борозду, свистятъ, покрикиваютъ эти головы человѣческія, что надъ водою движутся... Словно тѣни скользятъ надъ рѣкою, силуэтами обозначаясь въ туманѣ...

Тронуться было хотѣли наши рыбаки поближе, да страшно: кто ихъ знаетъ — какіе такіе люди и за какимъ дѣломъ... Главная бѣда, что съ русскаго берега.

Выждали малость... тѣ дальше да дальше уходятъ, вотъ уже къ берегу противоположному подбираются, слышно, какъ передній конь, дно подъ собою почуялъ, высоко колѣни вскидываетъ, брызги летятъ во всѣ стороны.

— Ого-го-го! — доносится и опять — не то плачъ, не то овца заблеяла...

— Пойдемъ отъ грѣха домой, ну, ихъ!..—говоритъ старый Джулдашъ...

Молчитъ по своему обыкновенію Маметъ, только глаза у него свѣтятся; грудь тяжело дышитъ, такъ и уставился онъ въ ту сторону, куда скрылись эти чудныя, загадочныя тѣни.

Вернулись однако домой, къ себѣ на островъ.

День прошелъ своимъ порядкомъ, своимъ порядкомъ, и ночь миновала, а на другое утро явились къ нимъ гости незванные..

Приплыли двое конныхъ, опять такимъ же порядкомъ, съ подвязнымъ камышемъ, опросили рыбаковъ, говорятъ, что будто на караванный путь русскій, что между Шураханомъ и Казалою выѣзжали, поживились тамъ, чѣмъ Богъ послалъ, и назадъ домой возвращались... Все благополучно шло, да вотъ бѣда: стали ночевать здѣсь близь берега, кони совсѣмъ молъ изъ силъ выбились, да и сами заморились... женщина была у нихъ изъ захваченныхъ, русская, думали: куда ей уйти, особенно послѣ того, какъ Аму-Дарья за спиною осталось, оставили на ночь безъ призора, да еще руки распутали; она вотъ, женщина эта самая, и ушла—ночью ушла.—Такъ вотъ—не видали-ли такую?

— А вы искали, что-ли, по берегу?—спросилъ старый Джулдашъ.

— Какъ не искать. Мы въ обѣ стороны гоняли—больше проѣхали, чѣмъ пѣшій человѣкъ за ночь уйти можетъ...

— Не утопилась-ли, чего добраго?..

— Да и сами такъ тоже думаемъ.—А все сюда навѣдались—не здѣсь ли гдѣ схоронилась бѣглянка?

— Нѣтъ, здѣсь не была. Мы бы видѣли; какъ не увидать!—говоритъ старикъ, а самъ на сына косится.

Нахмурилъ тотъ брови грозно; такъ вотъ и ѣстъ глазами гостей, отрепанныхъ, ледащихъ такихъ съ виду, измокшихъ.

— Это что у васъ—рыба, что-ли? — говоритъ одинъ изъ нихъ.

— А ты не видишь, что-ли?—ворчитъ Маметъ... Багоръ съ крюкомъ желѣзнымъ крѣпко сжалъ въ кулакѣ. Видъ такой, что вотъ-вотъ на ножи лѣзть собирается.

Другой оборвышъ, и не спрашиваясь, съ шеста вяленую рыбицу тащитъ да къ сѣдлу вяжетъ.

Джулдашъ успѣлъ во время шепнуть сыну:

— Не замай, пущай ихъ берутъ... насъ бы только въ покоѣ оставили!

Не шепни этого отецъ сыну, тотъ бы навѣрное пустилъ въ ходъ свой багоръ, скулы уже у него отъ злости задергались...

— Эко, вѣдь, бѣда какая!—вздохнулъ тюркменъ, а самъ на котелъ поглядываетъ воровскимъ глазомъ, не годится-ли..

— Былъ бы мѣдный отчего не захватить, а то, вишь ты, чугунный, лошадь только заморишь подъ нимъ, себѣ дороже обойдется...

— Да, другъ, не видали мы вашей бѣглянки!—вымолвилъ Джулдашъ.

— Э, да дьяволъ съ нею... Все равно бы подохла дорогою, совсѣмъ тощая да слабосильная была. Въ Маурѣ и пары тиллей никто не далъ бы!

Посидѣли у нашихъ рыбаковъ незванные гости, рыбы набрали, безъ денегъ, конечно, утащили кошемку одну рваную, что плохо лежала, не была припрятана; вмѣсто потника, подъ сѣдло, говорятъ, годится; спина, вишь ты, у одного жеребца дорогою сбилась...

Ушли, какъ и пришли, вплавь, а все-таки весь островъ, изъ конца въ конецъ изъѣздили.

— Ата-ата!—кинулся Маметъ къ Джулдашу и за плечи его трясетъ.—А вѣдь я зналъ... я... сердце мое чуяло тогда, вотъ въ самомъ этомъ мѣстѣ отзывалось... чуяло... Голосъ когда слышали, это *она* и кричала... Много ли ихъ было—пустое дѣло! Мы бы ихъ съ каика, вдвоемъ... Одинъ бы я со всѣми управился... А ты—«назадъ»—говоришь... Эхъ—Ата-ата!..

— Что ты, шальной, опомнись!—отцѣпилъ сыновнія руки Джулдашъ... — Наше мѣсто жгучее, огневое, на немъ сиди смирно... Мы вѣдь на грани самой живемъ, въ обѣ стороны хвосты беречь должны... Степь-то хошь и пуста, безлюдна, да по ней вѣсть всякую вѣтромъ далеко разноситъ. Не зажмешь рта у крови—она-то, кровь эта, криклива... Годъ пройдетъ, два,—больше бываетъ, не подаетъ голосу, а тамъ, гляди, и выдалось дѣло... Не жить мнѣ послѣ этого... Да мнѣ что, а тебѣ бы тогда не миновать смерти тоже... Нѣтъ это не ладно задумалъ, не ладно слово вымолвилъ... Слава Аллаху, что хоть поздно: слово—дѣломъ не станетъ...

— Да поздно!

— И какъ это они на русскій путь прошли?..—Сталъ тутъ старый рыбакъ соображать въ слухъ, больше для того, чтобы сына отвлечь отъ недоброй мысли...—Какъ это они туда попали? Полагать надо, выше гдѣ, за Джигитъ Калою перешли, а то ниже-то негдѣ... Ниже по тому берегу пройти трудно, безводно, безходно, да и въ казачьи лапы легко влопаться... И откуда они добро выхватили? Думаю такъ, что съ колодцевъ Бай-Муратъ, либо съ Таджи-Кызгана, больше не откуда... Далеконько-таки забрались, не легокъ путь отломали... Ну, и батыри-же!..

— Ата!..

— А глядѣть, такъ плоховатъ народъ... Не таковы, какъ наши, въ старое время. Этотъ, что на чаломъ жеребчикѣ, этотъ совсѣмъ съ виду подростокъ...

— Ата!—повторилъ Мамедъ, прерывая соображенія стараго Джулдаша.

— Что ты, голубь милый, что родимый мой?

— Какъ ты сказалъ: «Улуханъ-Берды» что ли? Это про кого у Мирзы Зафира, въ Маурѣ спросить?

Екнуло сердце у стараго рыбака, защемило больно; взглядъ старческій испуганно на сына вскинулся.

Помолчали оба съ минуту. Маметъ въ сторону отвернулся, не видитъ, а чувствуетъ на себѣ отцовскіе взгляды.

— Да, про Улухана-Берды спросить надо—про него самого,—чуть слышно промолвилъ наконецъ Джулдашъ...—Однако крѣпко же ты, сынокъ, это имя запомнилъ!

Всталъ на ноги Маметъ, пошелъ куда-то въ кусты, далеко отошелъ, чуть видна надъ зеленою кучею его голова. Самъ въ другую сторону глядитъ, а рѣчь сюда держитъ...

— Ты,—говоритъ,—завтра же, батько, собирай меня въ дорогу. Слышишь!.. Завтра... завтра... завтра!..

И несетъ это «завтра» далеко черезъ рѣку, несетъ вплоть до крутаго берега противуположнаго, въ песокъ ударяетъ и назадъ оттуда, другимъ голосомъ отдается, надъ водою стелется, цаплю хохлатую тревожитъ...

Бродила было птица долгоногая по отмели покойно, а тутъ вздрогнула, голову подняла и на крикуна горластаго подозрительнаго взглядываетъ.

А на томъ берегу, густымъ тугаемъ, цѣпью въ разсыпку, крадется трусливая шакалья стая и зубами щелкаетъ. Чуть-чуть впередъ подаются голодные звѣри, а все-таки впередъ, не на мѣстѣ сидятъ. Хвосты поджали, уши насторожили, носами острыми поводятъ, крадучись, пробираются сквозь колючую чащу. Не треснетъ подъ ихъ мягкими лапами ни одна былинка сухая, листокъ сухой, палый не зашелеститъ, кудрявая, цвѣтущая вѣтка гребенника не шелохнется... и не слыхать бы совсѣмъ было вороватое сборище, еслибы только зубы голодные не выдавали...

Вотъ уже часъ скоро слѣдятъ шакалы намѣченную добычу, шагъ за шагомъ, не отстаютъ... какъ собрались, такъ въ одномъ разстояніи и держатся, цѣпью, полукругомъ, впередъ не забѣгаютъ.

Чуютъ, что добыча слаба, по ихъ силамъ, да все-таки живая пока, ну, значитъ, куда какая страшная...

Бредетъ эта добыча тоже тугаемъ, зря ломитъ, не разбирая дороги, безъ смысла, безъ разума въ колючіе кусты ле-

зетъ; рветъ на клочья одежду, нѣжную кожу царапаетъ, кровь на вѣтвятъ оставляетъ...

Бредетъ такъ, пока ноги несутъ, пока еще силы въ слабомъ тѣлѣ ея держатся... послѣднія силы, съ каждымъ шагомъ догорающія.

Вотъ и ждетъ шакалья стая того момента, когда погаснетъ эта послѣдняя жизненная искра, пока безмолвнымъ, неподвижнымъ трупомъ рухнетъ на землю это тощее, больное, слабое женское тѣло...

Густые рои комаровъ и мошекъ туманнымъ пятномъ охватили бѣглянку. Не жгутъ, не колятъ бѣглянку ихъ тонкія жальца, хоть и вздулось пузырями отекшее, блѣдное лицо женщины...

Идетъ она все впередъ и впередъ, голову наклонивши, руки впередъ, словно съ мольбою вытянуты, идетъ, спотыкается, на колѣни падаетъ и опять поднимается... идетъ безъ стона, безъ вздоха...

Рѣдѣетъ колючій тугай, свободная дорога впереди; сквозь кусты желтая полоса песку виднѣется... пѣнистая волна на нее набѣгаетъ и назадъ отходитъ, глухо плещется, наносныя ракушки, рыбокъ выкидышей смываетъ...

Просторнѣе стала дорога, дальше держаться стали голодные преслѣдователи, шагъ задерживали, словно имъ на этомъ вольномъ, открытомъ мѣстѣ неловко какъ-то.

Шаговъ трехъ не дошла бѣглянка до воды—сѣла. Ноги у ней подкосились, руки въ мокрый песокъ уперлись и въ локтяхъ дрожатъ, голова низко на грудь свѣсилась, и растрепались по ея исхудалымъ плечамъ, по спинѣ, гдѣ каждый позвонокъ сосчитать глазомъ можно было, длинные, спутанные колтуномъ, усаженные колючками и репьями, свѣтлорусые волосы.

Сидитъ бѣглянка лицомъ къ водѣ, а за нею полукругомъ сидитъ и вся шайка шакалья.

Глаза у звѣрей искрятся, зубы дробь выбиваютъ...

— Экая,—думаютъ воры,—она живучая!..

Въ этомъ положеніи и засталъ ее Маметъ, отправившись послѣ полудня, въ послѣдній разъ передъ уходомъ, помочь старику, на прощаніе, обобрать, третьи сутки уже ставленныя, верши.

VI.

Весь вечеръ продождалъ отецъ сына. Пустое дѣло обобрать верши, въ часъ управиться можно, а вотъ уже и солнце сѣло, и ночь холодная, росистая, наступила, все нѣтъ, какъ нѣтъ, рыбака!

— Это ему на меня глядѣть чудно,—соображаетъ старый Джулдашъ...—Уходитъ, вишь, завтра, бросаетъ меня, старую падаль, на, молъ, околѣвай тутъ одинъ. Вотъ и совѣстно тоже... И чего уже тутъ совѣститься!.. Мое дѣло кончается, его начинается, не рука, стало быть, въ одномъ ярмѣ ходить... Иди, иди, голубь, пошли тебѣ Господь удачи да счастія... Иди!..

Чу! весло плеснуло,—а можетъ, и рыба какая... Да, нѣтъ, не похоже на рыбій всплескъ... вотъ опять какъ будто... эка темень—глазъ выколи... На водѣ, и то ничего не видать... А тутъ отъ костра свѣтъ красный мѣшаетъ—гляди, не гляди—какъ ни щурься, все толку не будетъ...

Отошелъ Джулдашъ въ сторону, тюбетейку сдвинулъ на лѣвое ухо, щиткомъ отъ огня заслонился... Молчатъ что-то далеко, похоже и на лодку какъ будто...

— Ишь, ты—ворочается голубь... Такъ, онъ и есть! да и работаетъ же здорово, не плыветъ лодка, наскользь несется—что не ударъ весломъ, ровно изъ воды выскочить хочетъ... Э—гей Маметъ!..

— Э... э... гей!—стелется надъ водою...

— Ого-го-го!..—приставилъ Джулдашъ обѣ руки ко рту трубою.

— Го-го!—отозвался Маметъ.

Посвистъ пустилъ, да такой, что сонная стая куличковъ встрепенулась и снялась съ ночлега.

— И чего онъ такой веселый?

Ворвалась лодка въ свѣтлый кругъ отъ костра, такъ и врѣзалась въ песокъ, съ разбѣга до половины на сухое мѣсто вползла. Маметъ багромъ уперся, вскочилъ.

— Это что же у тебя, голубь, такое?

— Она самая... она самая, эта. Ступай сюда... помогай тащить... осторожнѣе... легче!.. Она самая... та, что давишніе искали, да не нашли... А я вотъ нашелъ... Мнѣ Аллахъ по-

слалъ. Да куда суешься, чертъ! Бери за ноги... Эхъ ты, право. Вотъ такъ... Ханымъ ауру *), да ничего... у насъ выходится, поправится...

— Гляди,—жива ли еще... экая охолодѣлая!.. Охъ, жива ли—а ну какъ...

Самому Джулдашу страшно стало отъ такого предположенія, а Маметъ словно взбѣсился; оттолкнулъ отца такъ, что тотъ и на ногахъ еле удержался; руками тѣло ощупываетъ, головою припадаетъ. Въ охапку сгребъ, вытащилъ изъ лодки и къ огню приволокъ...

— Жива, конечно, жива! Вонъ тепла еще, это у ней только руки остыли... Смотри же самъ, старый шайтанъ, смотри, видишь, теплая!

— Пошли Господи, пошли милостивый... А то, вотъ что: ты поразожми ей зубы-то, а я ей тепленькаго волью... это хорошо, ежели тепленькаго...

— Клади ногами къ огню ближе,—растирай, на вотъ, кошемку... три, небось, сильнѣе...

— Колѣни-то, смотри, какъ сгибаются... вонъ какъ—вонъ какъ—смотри!.. А ты говоришь: «остыла»—нѣтъ, не остынетъ, также! чего ей остыть!—суетился и Маметъ около.

Страшно ему даже слово—«умерла» сказать, такъ онъ другое слово подобралъ, полегче...

До свѣту бились рыбаки съ «найденною»—у стараго Джулдаша все таки хоть какая-нибудь сметка есть, какъ дѣло надо дѣлать, а Маметъ совсѣмъ дуракъ дуракомъ... ужъ они и терли ея, съ боку на бокъ переваливали, на ноги даже пробовали ставить—особенно трудно было влить ей въ горло «тепленькаго»—не разнимаются судорожно сжатые зубы, да и все тутъ—Маметъ думалъ было уже ножъ пустить въ ходъ, самый кончикъ, да Джулдашъ остановилъ: «щепочкою, говоритъ лучше, помягче будетъ».

Разжали чуть-чуть! Маметъ сейчасъ туда два пальца, а зубы опять стиснулись; боль смертельная,—Маметъ молчитъ, терпитъ.

— Ничего,—говоритъ,—лей ей въ ротъ, скорѣе,—этой шурпы **) самой!

*) Баба больна.
**) Похлебка.

До свѣта возня была такая, что у Джулдаша руки даже отнялись, а Маметъ, какъ ошалѣлый сталъ, ужъ и не разберешь, что только языкомъ лопочетъ.

Однако, передъ утренней зарею отходили таки найденную. Сначала у ней горловые хрящи шевельнулись, своею волею заглотнули «тепленькое», потомъ и подъ сердцемъ Маметъ ухомъ чуткимъ живое что то заслышалъ, пальцы на ногахъ судорожно сжались, рука омертвѣлая поднялась, повела по воздуху, словно отгоняя кого-то, или отъ мухи отмахиваясь, и опять упала на песокъ; потомъ и глаза раскрылись на мгновеніе, губы зашептали что-то... Повернули ее на правый бокъ, къ огню, а она вдругъ сама колѣни подогнула, съежилась...

Накрылъ ея Джулдашъ своимъ халатомъ, рваным, Маметъ тоже снялъ и свой—и ноги ей закуталъ.

— Пущай отдохнетъ... Она, понимаешь ты это, спать захотѣла... тс!..

— Тс!—повторилъ шепоткомъ и Маметъ... и даже кулакомъ погрозилъ.

Усѣлись оба на корточкахъ, по обѣимъ сторонамъ спящей—и замолкли.

А тутъ на бѣду шакалки на томъ берегу развылись, такъ и заливаются на всѣ лады; визжатъ, закатываются, подлаиваютъ... содомъ подняли на зарѣ.

— Тс! вы дьяволы!—грозитъ имъ отсюда Маметъ—чтобы вамъ въ глотку да по сту шайтановъ каждому, чтобы съ васъ черная немочь семь шкуръ сволокла, чтобы вамъ...

Заклинаетъ, ругается Маметъ все, что зналъ, перебралъ, а все шепотомъ.

— А ты, гляди,—ата, какіе у ней волосы длинные,—замѣтилъ онъ, поругавшись вволю,—совсѣмъ бѣлыя; словно ковыль лѣтомъ!

Кивнулъ Джулдашъ головою утвердительно—знаю, молъ, ладно!

— А спина то у нея, видѣлъ?.. Это ея эти, прокляни Аллахъ душу ихъ матерей, избили...

— Да пополосовали-таки не мало ее, сердечную, путемъ дорогою-то...

— Я, ата, знаешь... Я бить не буду... Зачѣмъ бить... бить не хорошо, не надо...

— Это ты точно...
— Тс...
— Тс!..

Солнце уже изъ-за берега выглянуло и пригрѣвать начало, а отецъ съ сыномъ все сидятъ, да сторожатъ спящую. Просидѣли бы и не вѣсть сколько, если бы та сама, изъ-подъ халата на нихъ не выглянула...

Не мало-таки пришлось возиться старому Джулдашу и его сыну Маметy съ своею «находкою». Не допытавшись отъ нея настоящаго имени, они такъ и назвали ее «находкою».

Первые дни она все спала больше. Проснется на часъ, а то и меньше, сядетъ, поглядитъ вокругъ безумными, ничего не выражающими глазами, машинально поѣстъ, если подсунутъ съѣстнаго, и опять ляжетъ... Потомъ и ходить начала, а все память и разсудокъ къ ней еще не возвращались...

VII.

И движенія у «Находки» были все какія-то безсознательныя: то за голову возьмется обѣими руками и начнетъ крѣпко стискивать себѣ виски, то впередъ свои худыя бѣлыя руки вытянетъ и словно молитъ о чемъ-то, то вдругъ съ мѣста, словно ужаленная, сорвется и бѣжать пустится, а ноги слабы еще, не держатъ такъ, какъ слѣдуетъ: отбѣжитъ шаговъ двадцать, да въ песокъ и повалится.

Разъ только у ней какъ будто что-то путное вышло: потянулась она къ водѣ, Маметъ думалъ, пить хочетъ, подвелъ ее самъ, — вошла по колѣна въ рѣку и давай волосы свои мыть... Мыла, мыла, и Маметъ ей помогалъ... Чистые стали волосы, словно шелкъ, заблестѣли на солнцѣ... Заглядѣлся молодой рыбакъ, перебирая пальцами эти невиданныя косы... «Дай, думаетъ, и ее такъ то вымою, «находка» биться вдругъ начала, закричала дико, пронзительно, точно шакалка испуганная... Маметъ даже струсилъ отъ ея крика.

— Не балуй, голубь, полегче! — замѣтилъ ему старый Джулдашъ.—Вишь, она еще не въ разумѣ — оно хоть этотъ разумъ самый для бабы не больно требуется, а все таки легче. Можетъ, и отойдетъ *это* отъ нея—Богъ дастъ!..

Долго однако что-то этотъ разумъ не возвращался... Покойнѣй стала «Находка» — стала разбирать сама, когда ѣсть

время приходило, когда спать... стала даже отличать отца отъ сына, понимать даже, какъ будто, когда Маметъ съ ласкою къ ней подступалъ... Въ тѣлѣ даже поправляться стала, и рубцы на ея плечахъ и лопаткахъ, мало-по-малу всѣ зажили.

Баловали отецъ съ сыномъ свою «Находку», какъ только выдумать могли. Рыбу ей наловленную показывали, на лодкѣ верши обирать съ собою возили, свистулекъ изъ тростнику надѣлали. Маметъ двойное ожерелье связалъ изъ бѣленькихъ ракушекъ.

Все перваго слова отъ нея добивались,—добиться никакъ не могли... Молчитъ Находка, да и все тутъ.

А зачѣмъ имъ слово это нужно было? ни Маметъ не понялъ бы ничего по-русски, ни Джулдашъ.

То есть, сынъ такъ думалъ, что отецъ его, старый, тоже ничего по-русски не понимаетъ.

— Только бы заговорила, — думаютъ оба,—языкъ бы у нея вернулся, по нашему бы научилась, а то безъ слова, она хоть и покорна, а все какъ будто бы скучно, могилою отзывается...

Построили для нее шалашъ особый, подальше отъ берега, въ самой гущѣ зарослей, чтобы, въ случаѣ, каики чужіе пойдутъ по рѣкѣ, такъ чтобы не видно было... И точно: два раза каики проходили съ товарами и съ бухарскими купцами изъ Чарджуя, на берегъ высаживались на ночлегъ, и оба раза Маметъ самъ не показывался, а въ шалашѣ сидѣлъ, да стерегъ свою «найденную».

Съ одного каика Джулдашъ овцу дойную вымѣнялъ на рыбу — не дешево тоже обошлась ему эта скотина, а разъ Маметъ ночью красный, кумачный платокъ своровалъ у одного изъ каикчей, самъ даже утромъ искать помогалъ, будто не его рукъ дѣло было...

Сколько же радости было для обоихъ, когда, послѣ ухода каиковъ, навязали они этотъ платокъ «Находкѣ» на голову. Навязали было по своему, да, должно быть, не ладно вышло,— «Находка» машинально оттолкнула легонько Маметовы руки и сама по своему обрядилась.

Хохоталъ Маметъ, козломъ прыгалъ около, въ сторону отбѣгалъ, садился и глядѣлъ, глазъ не отрываючи, Джулдашъ старый трясъ головою...

А «Находка», что ни недѣля, все здоровѣе и здоровѣе становится... Корму въ волю,—покою тоже. Сознанія нѣтъ своего положенія, чего же больше! Тѣло округлилось, румянецъ во всю щеку разыгрался... Усача разъ, пудоваго, одною рукою подъ жабру ухватила, да метнула такъ, что и самому Мамету такъ въ пору. Только глаза у нея все были нехорошіе, стекло стекломъ; ни радости въ нихъ не отсвѣчается, ни горя—молодой дикарь инстинктивно избѣгалъ этого мертваго, холоднаго взгляда, и къ чувству его страстной, жгучей любви стало примѣшиваться и нѣчто похожее на суевѣрный страхъ передъ существомъ, словно не отъ «міра сего», небомъ имъ посланнымъ.

Съ перваго же дня появленія на ихъ островѣ третьяго существа—Маметъ уже никуда и не отлучался, вершу когда приходилось обирать по близости—ѣздили вмѣстѣ, а подальше куда или за другимъ дѣломъ, это уже теперь на долю стараго Джулдаша выпало.

Не мало имъ заботъ новыхъ дала «Находка», но забота эта была не въ тягость; только одна и была печаль, это ея безуміе, да другая—боязнь, что кто нибудь забредетъ къ нимъ, увидитъ да, пожалуй, еще отнимать захочетъ. Но, слава Аллаху, обошлось; дѣло все близилось къ осени: холоднѣе и холоднѣе становилось, сѣверовосточный вѣтеръ все свирѣпѣе и свирѣпѣе задувалъ съ праваго берега, особенно по ночамъ, грозно хмурилась потемнѣвшая Аму, и по ея взволнованной поверхности, почти постоянно бѣлые зайчики бѣгали.

Въ эту пору мало кто каиками идетъ по рѣкѣ, развѣ запоздалые каикчи назадъ внизъ пробираются. Въ эту пору и гости съ тюркменской стороны не жалуютъ, не надъ чѣмъ имъ по рѣкѣ пошаливать, да и переправы черезъ рѣку какія опасныя становятся.

О своемъ походѣ въ Мауръ, къ Уллухану-Берды, Маметъ и думать пересталъ. Вся его страсть обратилась къ «Находкѣ» красавицѣ.

Веселѣе зажилось имъ на островѣ, даже и въ такую холодную, ненастную пору. Пасмурные, дождливые дни имъ казались ясными—исчезла вѣчная угрюмость съ лица Мамета, исчезли эти бурныя, порывистыя выходки его характера... брани отъ него не было слышно, не то что уже коло-

тушки... Терпѣливый онъ сталъ и кроткій. Какъ обѣщалъ тогда не бить «Находку», такъ и до сихъ поръ крѣпко держалъ свое обѣщаніе, хоть и было на что разсердиться. Разъ безъ малаго сутки пряталась въ кустахъ; выскочила изъ шалаша, въ удобную минуту, да и спряталась. Искали, искали ее отецъ съ сыномъ, насилу нашли; да и то бы не нашли, если бы сама голосъ не подала, не захохотала бы во все горло.

Не весельемъ смѣхъ ея звучалъ, морозъ подралъ Мамета отъ этого смѣху. А Джулдашъ забылся, должно быть, на колѣни упалъ и замоталъ рукою отъ лба на грудь съ одного плеча на другое...

Другой разъ она шалашъ подожгла, чуть чуть и сама не сгорѣла. Маметъ послѣдній свой халатишко потерялъ на этомъ пожарѣ. Велика потеря эта была, въ холодное время, передъ самою зимою, а и то словомъ не попрекнулъ «Находку».

Пробовалъ Маметъ Аллаха молить, чтобы выгналъ изъ головы его красавицы «чернаго духа»—не слушаетъ Аллахъ его моленій. Пробовалъ Джулдашъ колдовать, какъ умѣлъ, по девяти угольковъ клалъ въ ея слѣды, когда ей на востокъ идти приходилось, подкрадывался къ шалашу ночью, противъ ея изголовья, и «джулбарсомъ» рычалъ — ничего не помогало.

Выгнать «чернаго духа» было теперь ихъ единственною мечтою, и не думали они, что съ возвратомъ разсудка, съ возвратомъ полнаго и яснаго сознанія ихъ случайной плѣнницы—кончатся ихъ красные дни, кончится ея животное безуміе...

Построили новый шалашъ на зиму. Землянку глубокую вырыли, вокругъ нея въ ростъ человѣка пескомъ пересыпали, глиною смазали, крышу настлали изъ тройного ряда плетенокъ камышевыхъ, а верхній дымокуръ «тендюкъ», что называется у кибитокъ—кошмою затянули. Лазъ въ землянку открыли лицемъ къ лѣвому берегу, въ затишье, дровъ натаскали горы цѣлыя, къ зимѣ, какъ слѣдуетъ, изготовились, а зимы и ждать не пришлось—разомъ пожаловала.

Къ ночи, разъ, тяжелыя тучи наползли съ сѣвера и не темныя, какъ лѣтомъ, въ грозу, а бѣловатыя такія, съ рѣзко очерченными краями. Вѣтеръ пронесся льдистымъ шкваломъ, и запрыгали по песку острова, по кипящей волнами поверхности Аму — крупныя градины... Съ трескомъ ломило урага-

номъ камышъ и кугу, вой и свистъ понесся по густымъ, тугайнымъ зарослямъ, все живое въ норы попряталось, рыба глубоко, на самое дно опустилась... Градъ пронесся, снѣгъ повалилъ хлопьями, а по утру, когда вылѣзли Джулдашъ съ Маметомъ изъ своей землянки, уже все бѣло кругомъ, а по рѣкѣ, чуть не сплошь, плывётъ «ледяное сало» и у береговыхъ загибовъ да на отмеляхъ грудами скопляется.

Это было такъ, по нашему, уже въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца.

VIII.

Въ одну глухую, темную, дождливую ночь, только не совсѣмъ такъ, какъ Джулдашъ предполагалъ, до *того* еще рановато было, случилось нѣчто, хоть и желанное, да только совсѣмъ уже неожиданное.

Съ вечера развели огонь въ землянкѣ; корневища саксаульника жгли, чтобы огня давало побольше. Прогорѣло, какъ слѣдуетъ, дымить перестало, угару тоже никакого, завалили дверь, позатянули тендюкъ кошмою,—тепло стало въ землянкѣ, безъ рубахи сидѣть можно. Спать завалились.

Спитъ Джулдашъ крѣпко, губами во снѣ шамкаетъ, спитъ Маметъ, разметавшись, спитъ и «Находка» у самой задней стѣнки, съ головою укрывшись войлокомъ.

Вѣтеръ гудитъ въ кустахъ, обложный, холодный дождь безъ передышки барабанитъ по затянутому войлоку, по камышевымъ плетнямъ. Звѣрье жалобно развылось на томъ берегу. Плохо, знать, шакалкамъ живется въ такую пору: «голодно, да холодно».

Спитъ Маметъ, вдосталь за день намаявшись, да разомъ какъ вскочитъ на ноги и къ огню сейчасъ, вздувать потухающіе, подернувшіеся слоемъ сырой золы саксаульные уголья. Крики раздались ужасные...

Словно ножемъ ткнулъ его кто въ сердце, словно кто плетью съ размаха стеганулъ его, такъ-что у него разомъ крѣпкій сонъ оборвался, руки дрожатъ зря, не можетъ за дѣло приняться, а языкъ со страху не ворочается, голосъ въ горлѣ перехватило, отца окликнуть не можетъ.

Кое-какъ нащупалъ онъ сухую кучу, сгребъ пучекъ, ткнулъ въ уголья и раздувать началъ, низко низко къ самой золѣ пригнувшись.

*

Красныя искорки запрыгали, дымкомъ закурило, глаза ѣстъ и въ носъ набивается. Вспыхнуло яркое пламя и разомъ освѣтило всю внутренность убогаго жилища рыбаковъ.

Глядитъ на «Находку»: въ уголкѣ сидитъ, съежившись, кошемку натянула на себя, крѣпко держитъ ее руками. Къ стѣнѣ приткнулась, словно продавить насквозь хочетъ стѣну спиною. Сидитъ, не шелохнется и на Мамета уставилась глазами

Только это совсѣмъ не та «Находка»—другая, эта совсѣмъ иначе смотритъ. И глаза у нея много темнѣе стали, глубже ушли въ синеватыя впадины, а ротъ другой, совсѣмъ не тотъ, что прежде, не скалитъ зубовъ болѣе, не смѣется зря, по пусту.

Вотъ чуть-чуть шевельнулись губы, «Находка» слово тихо-тихо промолвила. У Мамета совсѣмъ уже догоралъ пылавшій пучекъ въ рукахъ, пальцы обжогъ, потухъ огонь, и снова все стемнѣло, снова хоть глазъ выколи въ землянкѣ.

Страшно, жутко въ этой темнотѣ Мамету, особенно послѣ того, что сами его глаза сейчасъ видѣли.

Началъ онъ будить отца.

— Что ты, голубь, что?—очнулся Джулдашъ, послѣ десятаго толчка сына.

— Проснись, ата, вздуй огня; жирникъ сыщи. Онъ тамъ, у порога...—глухимъ голосомъ говоритъ ему Маметъ...—Да ну, копайся живѣе!..

— И что такое тебѣ понадобилось, что такое это попритчилось?

Возится старый, шаритъ зря руками въ потемкахъ, позѣвываетъ.

— Или что случилось? какая бѣда такая?.. Да гдѣ же это оно... а-а-а!..

Опять заскакали красныя искорки, опять вспыхнуло пламя, освѣтивъ снизу изрытое морщинами и шрамами старческое лицо.

Слабо вскрикнула, скорѣе вздохнула «находка», словно въ первый разъ въ жизни увидала это безобразіе.

Зажгли жирникъ. Молчатъ всѣ трое да другъ на друга косятся...

— Кто вы, люди добрые? Гдѣ я? — послышался въ землянкѣ совсѣмъ незнакомый голосъ, да сладкій такой, такъ вотъ и хватающій за душу...

Ничего не понялъ Маметъ, а старый Джулдашъ, тоже, должно быть, ничего не понялъ, потому только потупился и не далъ никакого отвѣта...

— Ты спи, ты зачѣмъ проснулась—спи!—заговорилъ Маметъ по своему и рукою показалъ на постель.—Спи!.. чего проснулась... спи... спи...

Потянулся было къ ней, а она еще болѣе съежилась, страхъ мелькнулъ въ глазахъ, слезинки заблестѣли и по щекамъ покатились.

— Гдѣ я, люди добрые... Что со мною?

Какъ вскочитъ на ноги Маметъ, да съ размаха въ двери, оборвалъ арканъ, что привязывалъ заставку къ колу, вбитому въ землю... Сыростью, холодомъ пахнуло въ землянку, зачадилъ жирникъ въ рукахъ Джулдашевыхъ.

Выбѣжалъ Маметъ да въ кусты, забился тамъ и сѣлъ на землю; да такъ и просидѣлъ до самаго утра, словно не ощущая этого порывистаго холоднаго вѣтра, этого льдистаго дождя, этого снѣга, что опять повалилъ къ разсвѣту мокрыми хлопьями.

Какъ уже тамъ Джулдашъ переговорилъ съ «Находкою»—одному Аллаху извѣстно. Только поугру, какъ вернулся Маметъ, предварительно, впрочемъ, отца вызвавши для переговоровъ, уже дѣло въ такомъ было видѣ.

Находка, блѣдная, какъ полотно, снова лежала на своей камышевой постели; глаза у ней закрыты были, точно у мертвой. Маметъ опять было испугался, да замѣтилъ, какъ ровно и плавно дышала ея грудь, и успокоился.

Джулдашъ шепнулъ ему—чтобы молчалъ, не лѣзъ съ распросами, держался бы поодаль, не испугалъ бы, однимъ словомъ, никакого бы ей не дѣлалъ безпокойства. «Дѣло» такое, исключительное, одного его стариковскаго разума.

— Что же случилось, ата? скажи мнѣ — не томи ради Аллаха!

— А то, сынокъ, — торжественнымъ шепотомъ отвѣчалъ старикъ Джулдашъ,—что въ эту ночь «черный духъ» ее покинулъ, ушелъ! Она, голубь мой, теперь стала «свѣтлая»!

— «Свѣтлая»—машинально повторилъ молодой рыбакъ и осторожно подсѣлъ къ огню, чтобы отогрѣть свои окоченѣвшіе за этотъ остатокъ ночи члены.

IX.

Иная жизнь пошла на островѣ послѣ этой роковой ночи. Должно быть, «черный духъ», уходя, унесъ съ собою и веселье, и радости островитянъ.

Худѣть стала «Находка», слабѣть да чахнуть.

Румянецъ со щекъ сбѣжалъ, поблекли и губы ея полныя, глубже становились впадины надъ глазами. Силы ея все гасли и гасли. Съ каждымъ днемъ она, на ихъ глазахъ, таяла.

Прежде, какъ приласкаетъ Маметъ, хоть и мертво глядѣли на него стеклянные глаза, улыбалась, а теперь эти живые, ясные глаза смотрятъ съ нѣмымъ укоромъ.

Сплошь тосковать начала «Находка», плакать по цѣлымъ ночамъ; да и днемъ то у ней рѣдко когда глаза отъ слезъ просыхали.

И «*Находкою*» то она быть перестала.

Узналъ какъ то старый Джулдашъ, что ее Катериною зовутъ, такъ и сыну своему это имя сообщилъ. Говоритъ:

— Такъ и называй, гляди, ей это будетъ больше по сердцу... привѣтливѣе!

Не сразу Маметъ и съ языкомъ своимъ справился... Переviралъ сначала, первое время.

И день, и ночь чахнетъ, тоскуя, прежняя «Находка», теперешняя «Катерина», а Маметъ, на нее глядя, тоскуетъ вдвое.

Прежде разговоровъ между ними никакихъ не было, а все какъ будто понимали другъ друга. А теперь совсѣмъ понимать другъ друга перестали.

Прежде, бывало, Маметъ часу не могъ быть безъ своей «Находки»; съ глазъ отъ себя не отпускалъ ее, а теперь силъ нѣтъ наединѣ съ нею оставаться, хоть и милѣе, дороже вдвое она ему стала.

Прямо въ глаза самаго джул-барса взглянулъ бы смѣло, передъ кривымъ ножемъ палача ханскаго не сморгнулъ бы, а тутъ вотъ, передъ этимъ кроткимъ, но полнымъ нѣмаго, горькаго укора взглядомъ, не выдерживаетъ молодой дикарь, не выноситъ этой злой, непонятной для него боли, что забирается къ нему въ самое сердце, грызетъ его и словно желѣзными тисками сдавливаетъ.

А тутъ и старый Джулдашъ что-то неладно задумался.

Вышло тутъ дѣло одно, самое для Мамета непонятное.

Сталъ Маметъ замѣчать, что Катерина легче выноситъ присутствіе этого стараго, безобразнаго урода, чѣмъ его самаго; будто бы покойнѣе становится, плачетъ меньше, послѣ того когда случится съ Джулдашемъ, съ глазу на глазъ, часъ другой провести.

Незнакомое еще чувство жгучей боли стало закрадываться въ сердце сына и противъ отца словно враждебно настраивало.

Чаще и чаще стали повторяться давно уже небывалыя, рѣзкія выходки Мамета. Кротче и кротче переносилъ старый Джулдашъ сыновнія выходки.

И такъ безконечно долго, тоскливо и скучно тянулась дождливая зима.

Казалось, и конца не будетъ этому ненастному, безлюдному и бездѣльному времени.

Опостылѣли Мамету и островъ самый, и каики, далеко на песокъ вытянутые, и землянка ихъ, изрядно таки потрепанная зимними бурями.

Дорога ему и мила, да все больше и больше становится то, что сидитъ въ этой землянкѣ и печально смотритъ на туманную рѣку своими вѣчно заплаканными, скорбными очами.

X.

. . . . . .

— Ѣхали мы къ мужу...—разсказывала вполголоса Катерина старому Джулдашу разъ какъ-то, когда Маметъ отлучился за дѣломъ въ самый дальній конецъ острова.

Старый рыбакъ, сидѣлъ задумчиво и палкой въ золѣ ковырялъ, слушалъ внимательно разсказчицу.

— Такъ вотъ ѣхали къ мужу, — говорила та — мужъ у меня вахтеромъ служитъ въ Петровѣ-Александровскѣ, а я допрежь того въ Казалѣ жила, пока мужъ на новомъ мѣстѣ устраивался. Прислалъ онъ письмо съ купцомъ Ежовымъ, купецъ такой есть, виномъ торгуетъ... Пишетъ, чтобы собиралась, нанимала бы верблюдовъ тройку и ѣхала къ нему, потому все готово, и домъ новый выстроенъ... Я и поѣхала.

— Со мною, это, солдатикъ одинъ вызвался — Прокофьевъ, изъ безсрочныхъ... Вы, говоритъ, Катерина Николаевна, под-

возите меня, а я вамъ дорогою служить буду. Мало ли что въ степи понадобится,—все, коли мужчина есть,—лучше...

— Это вѣрно!..—согласился Джулдашъ...—солдатъ, извѣстно, ежели еще безсрочный...

— Выѣхали это мы въ самый Петровъ день, только въ пятницу... Вотъ она эта пятница, тяжелый день и сказался! До Бай-Мурата доѣхали на четвертый день—ничего, благополучно... Верблюды здоровые, повозченка легонькая, дорога хорошая—а за Бай-Муратомъ пески пошли—большущіе!..

— Тутъ это сплошь, всѣмъ мѣстомъ... Я знаю. Пески страшенные!

— Ну, тутъ потруднѣе стало... ину пору до колодцевъ не дотянемся. Ночевать становились, гдѣ темень захватитъ... Разъ вотъ такъ-то, не знаю уже какое мѣсто, и стали...

— Знаю гдѣ... гм...—поперхнулся чего-то Джулдашъ и въ дверь поглядѣлъ.

— Киргизъ угналъ верблюдовъ за барханы пасти, а солдатикъ подъ повозкою спать улегся... Только слышу, чуть разсвѣтомъ брезжить начало, конные люди наѣхали, не то чтобы много, однако около повозки топчутся, переговариваются; мнѣ ничего непонятно такъ. Я лежу тихо, только глазкомъ изъподъ рогожи выглянула, а Прокофьевъ какъ выскочитъ изъподъ телѣги, да ко мнѣ.—Матушка Николаевна—разбойники!

— Тѣ на него и накинулись?

— Не помню уже я тутъ, что тогда было, — только изъ ружья пальнулъ кто-то, потомъ голосъ Прокофьева слышался, какъ онъ завылъ: караулъ, рѣжутъ! Изъ телѣги меня силкомъ потащили... трепали, трепали... а послѣ на лошадь втянули, связали, какъ мѣшокъ, и погнали прочь прямо въ степь, отъ дороги въ сторону.

Что уже я гоньбою этою намучилась, какъ жива осталась, одному Богу извѣстно. Память у меня отбило, тѣло все искалѣчило... ночи ото дня отличать перестала. Очнулась малость только когда черезъ рѣку плыли, эту вотъ самую, да и то не надолго... Все мнѣ казалось, что я не живой человѣкъ, а птица подстрѣленная—что меня мальчишки поймали и на веревкѣ таскаютъ, а я все норовлю какъ-бы улетѣть отъ нихъ... Размахнусь это крыльями, боль пойдетъ нестерпимая, метнусь разомъ, веревка держитъ... Тѣ хохочутъ, издѣваются, кошкою

травить хотятъ; и кошка у пихъ страшная, черная, глазами зелеными такъ и искрится... Потомъ... потомъ...

Провела рукою Катерина по своему лицу—призадумалась, словно припоминала что-то...—пробормотала еще разъ «потомъ»...

— А вы не тѣ, что меня степью тащили... не тѣ?—пытливо поглядѣла она въ лицо Джулдаша.

— Нѣтъ, мы другіе!—произнесъ старый рыбакъ.—Мы, видишь ты, милая, мы здѣшніе... Ты, голубь мой, отъ тѣхъ, знать, бѣжала, въ ту самую ночь, когда черезъ рѣку плыли... Они тебя тутъ искали, не нашли... Намъ Богъ послалъ...

— Да, вы не тѣ... Вы добрые... добрые. Вы меня вѣдь отпустите туда, домой—къ мужу—въ Петрово-Александровскъ... Онъ живетъ вахтеромъ при складѣ...

Поскребъ себѣ черепъ Джулдашъ всею пятернею и опять въ сторону уставился—не даетъ отвѣта, а Катерина приподнялась на локоть... глядитъ на него,—словно молится.

— Ну, на что я вамъ больная, безсильная? какая я вамъ работница! какая корысть во мнѣ... Помру я здѣсь, все равно, въ землю зароете... Такъ лучше домой помереть отпустите къ своимъ, на родину... Вамъ мужъ денегъ заплатитъ,—много денегъ, сколько есть—всѣ отдастъ за меня выкупу... Отпустите!

Тутъ Джулдашъ заслышалъ шаги Маметовы...

— Тс! Молчи—лежи смирно,—говоритъ,—слова не промолви при сынѣ—тебѣ хуже будетъ, молчи!

И тяжело поднявшись на свои затекшія отъ долгаго сидѣнья ноги, пошелъ, шатаясь, на встрѣчу сыну.

XI.

— Что она?—буркнулъ, не глядя на отца, Маметъ.

— Спитъ... только уснула... Не замай ее!—совралъ старый Джулдашъ...—Вотъ все маялась, маялась а теперь, уснула. Пойдемъ отсюда куда-нибудь, а то потревожимъ, пожалуй... Сонъ-то у ней чуткій словно у щуки... Пойдемъ!

И пошли оба. Старый впереди, молодой за нимъ, будто нехотя... Выбрались къ берегу, гдѣ каикъ стоялъ, сѣли и поплыли забойки осматривать.

А время далеко за полдень стояло, отъ песчанаго обрыва тѣнь въ полъ-рѣки протянулась, еще часокъ, и самая пора тащить верши, да на новыя мѣста якорить.

Работаютъ вдвоемъ, работаютъ споро, толково, а разговору никакого не слышно. Старикъ, нѣтъ, нѣтъ, да на сына мелькомъ взглянетъ и потупится, а Маметъ на отца покосится, ну, вотъ, вотъ ножемъ пырнетъ,—будто не родитель его, а врагъ заклятый, смертельный съ нимъ вмѣстѣ одну работу справляетъ.

Только разъ потянулъ за веревку Маметъ, края верши изъ воды высунулись, а тамъ блеснула большущая рыбина, да такая, что и отъ роду не видѣли... породою-то «усачъ» дѣло обыкновенное, да ростомъ великанъ, безъ малаго аршина два съ половиною.

Струною натянулась крѣпкая веревка, лодка накренилась, чуть бортомъ не черпнула. Джулдашъ багромъ поддѣлъ снизу... поволокли... А усачъ, какъ отчаянный, бьется, не хочетъ вылѣзать... трещитъ верша, на двое ломится...

— Постой.—думаетъ Маметъ, зажалъ веревку полѣномъ, размахнулся весломъ. Думалъ по головѣ тяпнуть рѣчное чудовище, да подскользнулся, веревка-то у него изъ-подъ ноги и вывернулась.

— Держи, держи!..—Гдѣ ужъ тутъ! только и видѣли!.. зубчатая борозда потянулась по водѣ, обломки стрепанныя верши кое-гдѣ всплыли наружу, а рыбины, какъ не бывало.

Озлился Маметъ, не отъ самой этой неудачи озлился, дѣло такое, не разъ бывалое, а случай подошелъ сердцу вылиться... накинулся на отца, ругаться сталъ.

Стыдно-ли стало потомъ молодому да сильному, жалость-ли его взяла потомъ, только отползъ онъ подальше, отвернулся и на рѣку установился; а Джулдашъ приподнялся, да и говоритъ сыну.

— Голубь! а голубь!.. ты послушай-ка, что я тебѣ говорить стану... послушай, милый человѣкъ... что же такое... отъ слова ничего не станется... я тебѣ вотъ притчу скажу,—а ты слушай... о-хо-хо!

И старикъ поближе перебрался къ сыну, глядитъ на него въ упоръ, выжидаетъ отвѣта.

Молчитъ упрямый дикарь. Отъ этого вонъ камня, что на

косѣ компромъ торчитъ, скорѣе слова добьешься, чѣмъ отъ этого закоснѣлаго...

Молчатъ пока оба, лодку тихо на отмели сноситъ, рыба, что на днѣ лодки лежитъ, вскидывается, позѣвываетъ... Кулички передъ вечеромъ разсвистались, бѣготню по мокрому песку подняли...

— Я вотъ къ слову только...—началъ было Джулдашъ и закашлялся...

Опять наступило молчаніе, только теперь ужъ не надолго...

— Я вотъ къ слову,—повторилъ старикъ...—примѣрно этотъ самый усачъ, что отъ насъ удралъ... ну-что же, извѣстно, рыба глупая, хоть и крупная, а по правдѣ ежели, кому охотно въ неволю, да подъ обухъ идти... Тоже вотъ она хоть и рыбина, а соображаетъ это... ушла отъ насъ — ну, и съ Богомъ!

Покосился на разсказчика Маметъ.

— Ты это къ чему приравниваешь?..

Да такъ онъ это спросилъ, что у отца и языкъ присохъ, въ горлѣ запершило.

— Ишь, ты, какой онъ сталъ нынѣче догадливый!—промелькнуло въ головѣ у Джулдажа, а все-таки собрался съ духомъ, оправился, впередъ все сообразилъ наскоро и продолжалъ свою «притчу».

— Ушелъ это отъ насъ усачъ силкомъ, съ бою, не по нашей доброй волѣ отпущенъ, вотъ онъ надъ нами теперь смѣется, товарищамъ своимъ, прочей рыбѣ, хвастается: двое молъ рыбаковъ было, да какихъ рыбаковъ, по всему краю нашему самыхъ первыхъ рыбьихъ батырей... Двое такихъ вотъ на меня накинулись, а я ихъ обоихъ пересилилъ, трепанулъ ихъ снаряды ловные, да и ушелъ! Теперь вотъ съ вами опять на волѣ гуляю и ужъ въ другой разъ въ вершу не залѣзу съ дуру. Ладно молъ, — довольно! самъ ученъ сталъ!.. Такъ-то вотъ... Да и то вправду вѣдь... Аллахъ, вѣдь онъ умнѣе насъ съ тобою, онъ, вишь ты, все къ своему мѣсту пристроилъ: птицу къ своему, звѣря, вишь ты, какого въ нору, подъ землю, рыбу — значитъ въ воду, потому ей безъ воды не жить.. Вотъ на счетъ человѣка тоже... какого куда! Намъ, вотъ, съ тобою тутъ на островѣ чудесно! на что лучше, а Османъ-Оглы

по ту сторону песковъ, въ городѣ живетъ... знаешь Османа-Оглы, что къ намъ запрошлымъ годомъ наѣзжалъ, его мы на бухарскій каикъ натравливали? Ну, такъ вотъ этому Османкѣ, ему вѣдь здѣсь не жить, здѣсь ему плохо... Да что «плохо»— просто смерть и ничего больше!

Молчитъ Маметъ, а отца слушаетъ внимательно... Не то улыбка у него на губахъ мелькнула, не то шакалъ оскалился... Старый Джулдашъ храбрости набрался, продолжаетъ да продолжаетъ притчу.

— Я къ тому,—говоритъ,—что кабы мы этого самого усача да добромъ отпустили, сказали-бы ему: ну, рыбина Божья, намъ и безъ тебя всего довольно! Попалась ты въ вершу, вся въ нашей волѣ была, а мы тебя отпускаемъ... Ступай, молъ, съ Богомъ, плавай себѣ, да насъ добромъ вспоминай. Гуляй молъ! Усачъ этотъ самый, тогда тоже, какъ и теперь, ушелъ-бы, а надъ нами не смѣялся-бы, не ругалъ-бы насъ, другимъ-бы рыбамъ говорилъ: вотъ вѣдь добрые люди! могли-бы, что хошь, со мною сдѣлать, весь былъ и съ потрохами у нихъ въ лапахъ, а пустили на волю добромъ, спасибо, не обидѣли... такъ-то...

— Такъ!—промолвилъ Маметъ.

Старикъ обрадовался было, сердце у него запрыгало... подобрался поближе къ сыну, тронулъ его ласково за колѣнку...

— Теперь ты вотъ что послушай, голубь мой... Вотъ что.. ежели мы, то есть...

— Нѣтъ, уже теперь ты, старый, лучше моей притчи послушай!—оборвалъ его Маметъ и снова по-шакальи окрысился.—Ты вотъ мнѣ больно издалека подходъ началъ, а я прямо пойду... Моя притча не такъ хитра, какъ твоя, да короче будетъ!

— А что-жъ такое!.. говори, голубь, говори... Я говорилъ—ты слушалъ, ты говорить будешь—я слушать стану.. Ну, что же скажешь, желанный мой, ласковый?

— А то вотъ скажу: что ежели *твоя рыбина* да уйдетъ отъ насъ, силою-ли чьей, своею-ли хитростью, нашею-ли доброю волею, такъ ни тебѣ, ни мнѣ не жить больше на свѣтѣ ни одного часу... Такъ ты вотъ это самое и запомни себѣ хорошенько...

Огорошило Джулдаша какъ обухомъ по головѣ—смекнулъ,

что дѣло онъ не наладилъ своею притчею, а въ концѣ испортилъ... сталъ теперь выкручиваться да изворачиваться.

— Экъ, ты что выдумалъ! Да что такое тебѣ пришло въ голову. Да я и въ умѣ своемъ *той* то не имѣлъ...

— Я совсѣмъ другое, а онъ, вишь ты, что прировнялъ.

— Ладно!—отрѣзалъ Маметъ.—Бери весла, греби къ берегу... Экъ насъ куда оттянуло съ твоею притчею!

XII.

Много было хлопотъ старому Джулдашу поправить дѣло, испорченное его *притчею*. Много времени понадобилось, чтобы снова усыпить бдительную подозрительность сына... Дни проходили своею чередою, а здоровье Катерины все гасло и гасло.

И самого Джулдаша брало порою горькое раздумье: и сына-то жалко, и *той* жалко... Стономъ, мольбою просится та, говорить начнетъ—сердце у стараго, закоснѣлаго ренегата щемитъ, старое вспоминается... совѣсть проснулась, столько лѣтъ дремавшая... А вѣдь и сынъ тоже своя кровь, еще того ближе...

Что ни ночь — сна нѣту Джулдашу — черныя думы, одна за другою тѣснятся, что ни разсвѣтъ, то новая и новая рѣшимость является, что на утро, то, глядя на сына, рѣшимость эта роковая другимъ помысламъ уступаетъ... День кое-какъ идетъ за работою и заботами, а къ ночи снова...

Сталъ старый Джулдашъ бояться этихъ ночей; днемъ норовилъ гдѣ отоспаться.

Разъ, утомивъ себя вволю тяжелою работою, присѣлъ старикъ на согрѣтый песокъ, на косу, верстахъ въ двухъ отъ жилья, присѣлъ да и заснулъ, самъ того не замѣчая.

Жгучее солнце пригрѣло старыя кости, тихій прибой рѣчной волны убаюкалъ... Спитъ старый, словно выкидка-утопленникъ, разметавшись на отмели, и не слышитъ, не чуетъ въ крѣпкомъ снѣ, что такое въ воздухѣ творится, что такое съ песковъ, съ того берега надвигается.

А на той сторонѣ небо побагровѣло, мглою затянулось.. Здѣсь тихо, сухая былинка не шелохнется, ни одинъ сѣдой волосокъ на старой головѣ съ мѣста не тронется, а тамъ вы-

сокіе барханы словно закурились, мелкій песокъ поднялся стѣною, даль закрываетъ. Рѣка словно замерла, и дробная зыбь, нивѣсть, куда пропала, а дышитъ безконечное водное пространство, плавно вздымается, будто кто его снизу невидимый колышетъ.

Дрогнула земля разъ, дрогнула два, съ восхода солнца на западъ перекатился подземный ударъ... Мутная волна вплоть до самыхъ ногъ Джулдаша докатилась, а тотъ спитъ, не слышитъ.

Вереница испуганныхъ птицъ съ крикомъ поднялась изъ зеленой тугайной чащи, за первыми грядами песковъ шакалки завыли... Кабанъ хрюкнулъ тревожно, сунулся было на просторъ, да замѣтилъ что-нибудь страшное, назадъ побрелъ, грузно ступая, еле вытаскивая ноги изъ илистой, размякшей почвы...

Высокій, высокій песчаный смерчъ закрутился винтомъ надъ самымъ береговымъ обрывомъ, перегнулся надъ водою и разсыпался, другой на его мѣстѣ завинтился... Потемнѣло въ воздухѣ, и солнце мутнымъ, желтоватымъ шаромъ чуть-чуть просвѣчивало.

Пахнуло вѣтромъ и на эту сторону, забѣгали бѣлые, пѣнистые гребни по рѣкѣ, заколыхалась далеко тугайная полоса... камышъ, джизганъ, гребенникъ такъ и стелятся до земли.

Налетѣлъ сухой ураганъ и на то мѣсто, гдѣ спалъ старый Джулдашъ, а тотъ все спитъ, не слышитъ.

И не сонъ это его одолѣлъ... словно смерть сама нашла, наконецъ, человѣка ей нужнаго и на тотъ свѣтъ переселила, да не впередъ, въ новую жизнь, а въ старую, давно пережитую, давно забытую откинула...

Спитъ старый Джулдашъ и во снѣ улыбается.

. . . . . .

Видитъ онъ: у берега, на пологомъ спускѣ, вся заросшая кудрявыми ивами, вишневыми садами, серебристымъ пахучимъ тополемъ, пріютилась казачья станица... Сквозь зелень видны крыши соломенныя, почернѣлыя, съ косматыми аистовыми гнѣздами, синими струйками дымятся трубы плетневыя, ярко выбѣленныя, привѣтливо солнце играетъ на бѣлыхъ стѣнахъ мазанокъ, искрится радугою въ крохотныхъ оконцахъ, длин-

ныя голубыя тѣни поперекъ пыльной улицы отбрасываетъ... хлѣбомъ печенымъ пахнетъ, рыбою соленою изъ амбаровъ въ носъ шибаетъ, деготькомъ отъ воловьихъ возовъ, что караваномъ стоятъ сейчасъ за околицею... А по станицѣ говоръ идетъ, смѣхъ, пѣсни, перекличка, коровы мычатъ, чуя удой да пойло, козы верещатъ, овцы блеятъ, жеребецъ табунный трубой трубитъ, выступаетъ въ головѣ всего стада козыремъ...

...Это, слышь ты, скотинку къ ночи пригнали казацкую... бабы казачки, дѣтвора все на встрѣчу, на разборъ высыпало... а сами старики бородачи, въ халатахъ съ медалями да Георгіями—сидятъ на бревнѣ—около сходной мірской избы, посудиною пощелкиваютъ, промежъ себя степенные разговоры ведутъ...

— Вотъ она наша-то кобыла пришла, — думаетъ Джулдашъ...—Босоногій онъ самъ, маленькій, головенка, какъ кипень, бѣлая, щеки красныя, глазенки быстрые... ухватилъ кобылу за гриву, на хребетъ карабкается... — Эвося, мамка, я те всѣхъ посогналъ къ воротамъ. Телка одного не розыщу— «чтобъ тѣ язвило!»...

Мимо отца вскачь прогналъ, а тотъ съ товарищами вино пьетъ, на сына кивнулъ: «въ дѣда пошелъ, говоритъ, Сенька... у... у... пострѣленокъ!

— Въ дѣда пошелъ,—усмѣхнулся тутъ другой бородачъ,— да по-дѣдовски бы не кончилъ!

— А ты поминай добромъ покойниковъ, а не лихомъ,— заступился батька за дѣдовскую память. — Твоему родителю тоже съ «пугачами» на казанской площади спину плетьми чесали!

— Полегче господа уряднички, — вмѣшался третій кавалеръ,—что глаза-то другъ другу старьемъ тыкать... Такъ что, братцы мои, есаулу Бородину наказный атаманъ сказывалъ?..

— А сказывалъ, что къ осени одиннадцать сотенъ собирать станутъ... Слышно—Бухѣевцы снова заворочались...

— Подъ Хиву бы сходить надо, а не здѣсь по краямъ щупать!

— Обожжешься подъ Хивою-то! До Пугача еще съ Бековичемъ, сказываютъ, наши ходили, да назадъ вернулись.. Сенька! хошь водки?—на, лакай, пострѣленокъ!

А Сенька съ кобылы кубаремъ. — Давай,—говоритъ,—батька!

Выпилъ и не поморщился.

— Пшь, вѣдь, подлецъ! Гони къ мамкѣ, скажи чтобы ужинать собирала!

Спитъ старый Джулдашъ, спитъ, словно въ ту пору, когда «Сенькою» кликали, съ ребятишками день-деньской умаявшись, на душистомъ сѣнѣ, отцовскимъ тулупомъ съ головою покрывшись.

И мерещется во снѣ ему городъ большой, столичный.

Караулъ ихъ сотня въ этомъ городѣ держитъ... Отецъ уже какъ лунь сѣдой, сына въ чередной полкъ на службу справлялъ, наказывалъ пуще всего добро свое беречь, родительское благословеніе, значитъ: коня, одежу мундирную, сбрую... Все чтобы домой въ исправности привести, да и своего раздобыть въ придачу...

А въ городѣ — Сенькѣ, что въ раю, показалось, да еще и много того лучше... Заведенія всякія, музыка, разгулъ, красавицы ряженыя, не ихнимъ навознымъ, чумазымъ казачкамъ чета... И на всякую это штуку деньги только требуются!.. А деньги въ городѣ что?! Деньги—вода, сами собою текутъ сквозь пальцы... Тамъ душка завелась, тамъ другое что подходящее... «Кавалеръ красивый, угостите!—Съ нашимъ молъ почтеніемъ и полнымъ удовольствіемъ»...

Домой въ станицу «патретъ» свой прислалъ при письмѣ, усы крученые и одѣтъ по всей формѣ. Пишетъ: «у самаго генерала дворцоваго въ ординарцахъ состою... а денегъ чтобы родители высылали непремѣнно...

Изо дня въ день, что изъ одной угарной бани въ другую... что худо, что хорошо—все въ головѣ перепуталось... Такъ вотъ и срочные, служилые годы перевалили.

Пришла пора домой идти — коня за долгъ продали... да оно и лучше! Что, молъ, трепаться въ сѣдлѣ тысячи верстъ, когда этапныя телѣги казенныя заведены! Дорогою этою самою заболтался гдѣ-то... Какое такое дѣло вышло—все хмѣлемъ изъ головы вышибло, а только въ острогъ года на полтора угодилъ, и доставили его, наконецъ, въ станицу родную, подъ конвоемъ, при бумагѣ, честь-честью...

Наплевать стало на все нашему Сенькѣ!

. . . . . .

Шляется бездомнымъ штрафованный по Яику, изъ станицы въ другую, гдѣ что за кусокъ хлѣба да за выпивку поработаетъ... Въ темную, глухую ночь рыбину ловитъ непоказнымъ, запретнымъ способомъ... Ему что за дѣло, коли рѣку отравою поганитъ, было бы что въ кабакъ снести рано утречкомъ... Чужое бѣлье съ забора снимать тоже былъ мастеръ... Ловили его не разъ, били не на животъ, а на смерть — въ кустахъ по недѣлямъ отлеживался... Скотину бы пасти—да не берутъ, потому съ того берега, изъ-за Яика, съ косоглазыми конокрадами знакомство завелъ, на руку не чистъ сталъ... Ѣсть и пить все-таки надо, а пуще всего послѣднее—вина-то этого самаго нигдѣ вѣдь даромъ не даютъ, потому казенною печатью клейменное, штемпелеванное...

А тутъ стали войско собирать; и впрямь уже подъ самую Хиву графъ Перовскій въ Оренбургѣ снаряжался, и много ему казачьей силы требовалось... Которые казаки охотно идутъ, которые—изъ богатыхъ домовъ кто — нехотя, сквозь слезы сынковъ снаряжаютъ и рады бы нанять за себя охотника, да мало такихъ бездольныхъ... А Сенька на что? Сенька сейчасъ хоть за три синенькихъ голову свою продастъ — и съ руками обѣими... Бѣда только, что штрафованный, не берутъ такихъ по закону...

По закону-то одно, а по дѣлу другое выходитъ... Съѣздилъ богатый Никита Лобовъ въ Уральскъ, поклонился, гдѣ надо, угостилъ атамана станичнаго, посулилъ теленка писарю, и снарядили въ походъ нашего Сеньку.

Клячу дали калмыцкую, ружьишко кремневое, шашку ржавую, сколотили одежу форменную... и пошелъ воевать Сенька на свою голову...

Снѣга да бураны морозные, холодъ да голодъ... Пустыня безлюдная... Люди гибнутъ, верблюды дохнутъ цѣлыми вязками, кони сотнями отъ безкормицы валятся... Кто на погахъ еще бредутъ кое-какъ съ отшибленной памятью... Такъ вотъ и Сенька нашъ не помнитъ ничего, какъ воевать-то онъ началъ, только воевать судьба его не въ ту сторону кинула...

. . . . . .

Ходитъ Сенька, бродитъ, словно степной, голодный волкъ. Халатишка на немъ рваный, на голое тѣло надѣтый, на головѣ малахай бараній, трепаный; бродятъ съ нимъ тоже, за-

одно, халадники косоглазые, только опъ между тѣми самый, что ни на есть, послѣдній... И поталкиваютъ его, и попихиваютъ... Два раза уже рѣзать, какъ барана, принимались...

Кругомъ пески, а за ними стелятся мертвыя воды Каспія, съ такими же мертвыми, плоскими берегами... Много эти берега горя видѣли, много крови русской на нихъ пролито, чай, песокъ весь насквозь прососало. Бродятъ по этимъ мѣстамъ ину пору четвероногіе волки, ину пору двуногіе, только эти послѣдніе полютѣе будутъ первыхъ... Прозвали «товарищи» Сеньку волкомъ, такъ и сталъ онъ волкомъ взаправду...

Вся натура его переродилась на волчій ладъ... Чуть что— сейчасъ зубами защелкаетъ.

Одичалъ, остервенѣлъ... Въ сердцѣ, въ душѣ ничего, почитай, человѣческаго не осталось...

Бродилъ Сенька-волкъ и близъ Каспія, бродилъ и рѣзалъ въ Каракумахъ-пескахъ, въ большихъ Барукахъ и въ малыхъ, доводилось бродить и близъ роднаго Яика, наводя страхъ и ужасъ своими волчьими набѣгами... Бродилъ и съ «черными шапками» по персидской границѣ... Бродилъ десятки лѣтъ, полвѣка цѣлаго, до самой глубокой старости, пока не изсякла волчья сила, не притупились острые зубы, не закопошилась совѣсть, Богъ вѣсть, какъ и почему пробудившаяся...

А до той поры спала эта совѣсть, спала крѣпко, непробудно, спала вотъ такъ, какъ и теперь спитъ на пескѣ старый Джулдашъ... Спитъ, ничего не видитъ и не слышитъ.

. . . . . .

И чудится старому вору, что вся земля подъ нимъ колыхнулася, черное небо нависло, а по небу кровавыя звѣзды загораются, вспыхиваютъ... чудится, что рѣка огнемъ побѣжала. Волны жгучія кругомъ его обступаютъ... жарко — душно... и дѣваться некуда... А тутъ передъ очами тѣни носятся, все съ горлами рѣзанными, съ черепами продолбленными... Стонутъ, вѣютъ и на него пальцами указываютъ... Старичекъ какой-то сѣденькій, въ черномъ одѣяніи, издали глядитъ въ упоръ на «проклятаго» и крестъ святой ему кажетъ, а крестъ этотъ на двое расколотъ, съ краевъ обожженъ, а сіяетъ ярко, сіяетъ, какъ звѣзда вечерняя, сквозь мглу, сквозь смрадъ одинъ надъ всѣмъ свѣтится...

Тутъ земля еще пуще колыхнулась, раздалась во всѣ сто-

роны, треснула .. И полѣзли изъ трещинъ всякіе и «синіе», и «зеленые», и «голые», и «мохнатые», рогатые и хвостатые... Хохочутъ, зубами щелкаютъ, когтями песокъ скребутъ, до него все ближе и ближе добираются...

Нѣтъ языка у Джулдаша-Сеньки, нѣтъ мольбы; слово покаянное изъ головы вылетѣло.

. . . . . .

Пахнуло вѣтромъ прохладнымъ, будто кто крылатый пронесся надъ головою... Глядитъ Джулдашъ, а надъ нимъ Катерина нагнулась, одною рукою на сердце легко надавила, другою—словно отмахиваетъ, нечисть рогатую отгоняетъ... И слушается ее черная сила, назадъ падаетъ, глуше и глуше ея адскій хохотъ слышится... Небо надъ головою свѣтлѣть начало, и старикъ съ крестомъ улыбнулся ласково...

— Я твоя на небѣ заступница!—шепчетъ на ухо Джулдашу Катерина.

— Аминь! аминь! аминь!—трижды произнесъ старикъ съ крестомъ поруганнымъ, и крестъ этотъ сросся своими поломанными частями и засіялъ пуще прежняго...

. . . . . .

Открылъ глаза старый Джулдашъ... сѣлъ на песокъ... Гроза улеглась уже, и на западѣ красная полоса протянулась...

Потъ холодный, ударила лихорадка трясучая, во ртy пересохло... На ноги думалъ подняться, еле-еле справился, да и то подколѣнки дрожатъ, сами собою подгибаются...

Оглядѣлся кругомъ, узналъ мѣсто, а вдали—огонь замелькалъ, дымъ столбомъ поднимается, это гдѣ ихъ шалаши стоятъ: знать, дома Маметъ, вернулся и котелъ на огонь поставилъ.

Побрелъ на дымокъ Джулдашъ черезъ силу, а чудный сонъ такъ и засѣлъ въ головѣ, весь съ начала до конца, безъ перерывовъ, до самой мельчайшей подробности...

Вотъ уже и шалаши видны—вотъ шесты торчатъ съ сѣтями, вотъ и Катерина сидитъ у огня и все новые пучки камышу сухаго подкидываетъ... Высоко пламя поднялось, такъ и пышетъ, а ей все словно мало... На огнѣ ничего не стоитъ, ничего не варится, просто, знать, грѣется. А Мамета не видать ни въ шалашѣ, ни около, ни поблизости...

Подошелъ ближе Джулдашъ.

— А сынъ гдѣ?—спросилъ онъ «находку».

Та махнула на восходъ солнца... старику улыбнулась на встрѣчу... А улыбка такая свѣтлая, ну, вотъ-вотъ та самая, что отъ «проклятаго» чертей отгоняла; и рука также точно помахиваетъ... Бѣлая рука, нѣжная, словно вѣточка весенняя...

Засуетился старый... откуда прыть взялась... Всякое раздумье прочь отлетѣло... Побѣжалъ на берегъ, а тамъ каика большаго нѣту, знать, Маметъ съ собою угналъ, а малый каикъ, что на ходу легокъ, вотъ онъ стоитъ въ половину на водѣ, въ половину на отмели, только толкнуть малость, и готово.

— Иди за мною, да скорѣе!—помимо воли Джулдаша говоритъ языкъ.—Иди за мною, Катерина...

Та было поднялась, да опять на землю присѣла... Силъ-ли нѣту, испугалась ли чего, или такъ въ сомнѣньи... Что молъ такое это сталось?..

А старикъ торопится. Кинулъ въ каикъ мѣшокъ съ чѣмъ-то, загребъ въ охапку багоръ да весло лопаткою.

— Иди, садись, Катерина!..

Стала на ноги «находка» — да какъ рухнетъ къ ногамъ старика... Обнимаетъ, цѣлуетъ, не плачетъ, а слезы сами собою ручьями изъ глазъ катятся...

Догадалась!... Домой ѣхать...

— Иди, садись! Вернется Маметъ, ни тебѣ, ни мнѣ не прожить до свѣту...

XIII.

Плыветъ каикъ по широкой Аму всю ночь, плыветъ и весь день слѣдующій.

Сильно теченіе великой рѣки; привычныя, не знающія устали руки весломъ помогаютъ. Въ каикѣ сидитъ Катерина, на днищѣ на соломѣ изъ-за бортовъ чуть-чуть голова, платкомъ покрытая, виднѣется, старый Джулдашъ на кормѣ. Ударитъ весломъ разъ, ударитъ два, да попридержитъ, самою стремниною каикъ направляетъ...

И у той думы не малыя, и у него въ головѣ дума клиномъ засѣла... Разговору-то никакого не слышно.

Бѣгутъ берега песчаные мимо да мимо, бѣгутъ на встрѣчу островки да отмели, птицами оживленныя,—вѣтеръ теплый весенній съ полудня дуетъ, къ правому берегу больше пловцовъ нажимаетъ.

— Много я нагрѣшилъ на своемъ долгомъ вѣку,—думаетъ старый Джулдашъ,—пора и на судъ—къ разсчету становиться... Скажу, молъ, все такъ и такъ... Вотъ кто я таковъ былъ, кто теперь сталъ. Ничего не утаю, во всемъ покаюсь, — и должную кару безъ ропота пріемлю. Пущай меня палачъ на куски плетью рѣжитъ, пущай голову снимаетъ... Прости, молъ, меня только народъ православный, не помяни зломъ мою душу многогрѣшную... А тамъ Господь Всемилостивый, можетъ, ейными молитвами снизойдетъ до меня проклятаго, каторжнаго, можетъ, проститъ мнѣ дѣла мои темныя, проститъ надъ вѣрою святою надругательство... Господи Всеблагій, Многомилостивый...

И не ѣстъ Джулдашъ, не спитъ дорогою, все весломъ пошевеливаетъ, ходу подбавляетъ, да, глядя на Катерину, горячо Господу о прощеніи молится...

Бѣгутъ да бѣгутъ мимо берега песчаные, берега безлюдные, унылые...

Вотъ и Учь-Гучакъ засинѣлъ вдали своими тремя курганами... Къ утру на третьи сутки показался... Тамъ годовъ пять тому назадъ русскіе, земляки, значитъ, съ боемъ черезъ рѣку переправлялись, оттуда и внизъ потянулись воевать царство Хивинское. Теперь эти русскіе тамъ на низовьяхъ крѣпко осѣли, свои города, свои твердыни построили, тамъ и голову выдастъ покаянную старый Джулдашъ, тамъ и муку пріиметъ заслуженную...

А ужъ Мамету теперь не догнать ихъ, не стать имъ поперегъ дороги... Далеко остался сзади, сердечный, и отца клянетъ, поди, всякими заклятьями...

Сжалось тутъ больно сердце старика. — Сынъ вѣдь тоже, кровь его, сынъ любимый. И вернулся бы, захватилъ бы его съ собою, да упрямъ больно... опять же и ему тоже не сдобровать у русскихъ... А ну, какъ съ отцомъ вмѣстѣ да на плаху потащатъ?! Тоже вѣдь и его дѣла не больно чистыя были...

Да что Маметъ... Молодой парень. Вся жизнь его впереди, не позади осталась — погорюетъ, поблажитъ на островѣ, а тамъ, глядишь, пойдетъ черезъ пески, либо къ Осману-Оглы, либо къ Нурмедъ-Хану, найдетъ и жену себѣ новую, найдетъ и новое счастье...

. . . . . .

За Учь-Гучакомъ показались имъ на встрѣчу каики хивинскіе торговые; бичевою тянулись подъ берегомъ. Полуголые каикчи въ лямкахъ песокъ мѣрно ногами мѣсили, а хозяева палатку посреди перваго каика раскинули зеленую, сидятъ въ цвѣтныхъ халатахъ, въ шапкахъ черныхъ, бараньихъ, да чай изъ мѣдныхъ кунгановъ пьютъ, пловомъ жирнымъ закусываютъ...

Боязно старому Джулдашу,—страшна и эта мирная встрѣча; загналъ онъ свой каичекъ въ густые камыши, туда, гдѣ комары цѣлыми тучами носятся, прикрылъ Катерину кошмою, а самъ переждалъ на сторожѣ, пока хивинскіе каики песчаную косу огибали, изъ глазъ за берегомъ не исчезли.

Такъ вотъ и каждый разъ, чуть завидитъ что вдали подозрительное, сейчасъ въ камыши на высадку... И много времени нужнаго, спѣшнаго эти несносныя высидки у пловцевъ отнимали.

. . . . . .

— Близко ли, добрый человѣкъ? — вымолвила слово Катерина.

Къ концу третьихъ сутокъ только разговоръ завела, да и то тихонько, шепотомъ.

— Теперь уже близко... Теперь скоро... Да... скоро... скоро...

Глубоко, глубоко вздохнулъ старый Джулдашъ и на весло налегъ.

Перекинулись словами и опять надолго замолчали оба.

— Ты, добрый человѣкъ... Слышь-ко, дѣдушко, что я тебѣ говорить буду,—начала Катерина,—ты *тамъ* не сказывайся, кто молъ ты таковъ, ты притаись... Кто тебя узнаетъ... Времени то во—сколько прошло. Можетъ, никого и въ живыхъ нѣту, кто бы тебя признать могъ; а ты самъ не сказывай... Вольный я, молъ, человѣкъ изъ степи... рыбачилъ, молъ, полегоньку, да и все тутъ...

— Душа сама, не я — къ отвѣту просится...—замоталъ головою Джулдашъ.

— Оно, точно, душа коли запросится — не стерпѣть... Это, значитъ, самъ Господь спосылалъ за нею—это вѣрно... Только ежели ты начальству промолчишь, ну, а отцу Спиридону покайся... Онъ те епитемью, можетъ, наложитъ много-

трудную, а тамъ и къ Святому Причастію допуститъ... Онъ, отецъ то Спиридонъ, батюшка нашъ батальонный, онъ не выдастъ... развѣ есть такое положеніе, чтобы въ исповѣди да начальству грѣхи докладывать—этого не полагается...

— Душа ты голубиная, — усмѣхнулся старикъ, —а тоже вывертку нашла... Нѣтъ, ужъ пущай по закону... Что супротивъ Бога грѣшилъ, что супротивъ человѣка—пущай уже и всяческую муку принять долженъ...

— Такъ то такъ... А я къ тому примѣрно, чтобы худа тебѣ не было... Пожалуй, къ разстрѣлу поведутъ... Охъ, Господи, Господи... не приведи того видѣть... Помилуй!.. Я, слышь, ты, я сама къ начальству пойду, брошусь въ ноги, ребятъ захвачу, выть стану... Ваше... молъ, такъ и такъ—простите дурака... Онъ самъ больше на себя наклепываетъ, а то онъ добрый—я, молъ, сколько у нихъ жила на острову, а зла отъ него никогда не видѣла... Я умолю начальство-то строгое!..

Гребетъ старый Джулдашъ, а у самого слезы такъ и катятся, глаза слѣпятъ — на сверкающую водную зыбь глядѣть мѣшаютъ.

Сколько только помнитъ—можетъ, впервые заговорили съ нимъ любовно, ласково, впервые слово о немъ промолвили доброе...

— Ну, знать, Господь Богъ не совсѣмъ еще отвернулся отъ меня,—думаетъ Джулдашъ.—Благовѣстъ о своемъ прощеніи—черезъ нее посылаетъ... А какъ муки лютыя прійму, то и шабашъ... Разсчетъ вѣренъ, значитъ... Иди душа на свое мѣсто съ миромъ...

И рѣшимость принять вѣнецъ мученическій еще болѣе укрѣпилась и созрѣла въ сердцѣ стараго ренегата... Его даже смущать стало такое обстоятельство, что, молъ, ежели послѣ покаянія, да прямо къ разстрѣлу, — безъ предварительныхъ пытокъ, безъ плети, безъ рванья ноздрей, безо всего, что смутно сохранила его память изъ стараго времени его молодости...

— Да нѣтъ, — думаетъ Джулдашъ... —Если я начну все безъ утайки выкладывать, такъ у нихъ кровь то такъ разгорится, что звѣрьемъ на меня накинутся... Какъ можно... Я вотъ какъ: палачъ разъ! а я: Господи, прости только мою душу многогрѣшную!.. палачъ—два! а я опять: Господи!.. Плеть эту

самую облобызаю, къ тонорищу-то, словно къ Евангелію, приложусь... Сила то нечистая, можетъ, отъ меня и отступится... Не даромъ мнѣ вѣщій сонъ тогда снился...

И старикъ невольно взглянулъ на Катерину, а та задремала подъ мирное качанье каика, и красивая голова ея на грудь свѣсилась, платокъ сбился на сторону, волосы свѣтлые, золотистые засіяли на солнцѣ...

Вонъ вдали чуть замаячилъ утесистый выступъ берега, вонъ пасупротивъ словно группа деревьевъ синѣетъ... Это «тюя-буюнъ» показался... Тамъ уже сейчасъ русская грань, тамъ и земля ихъ «обѣтованная».

XIV.

Вахтеръ Наумъ Коноваловъ только что съ послѣднимъ кулемъ отправился, отпускалъ овесъ изъ казеннаго склада въ артиллерійскую команду, а тутъ изъ стрѣлковаго батальона за мукою артельщики пріѣхали.

— Не задерживай, Наумъ Иванычъ... намъ, молъ, неколи!— сказываютъ.

День выдался жаркій, на небѣ ни облачка—тихо... Только бѣлая тонкая мучная пыль въ воздухѣ надъ складами носится, на солдатскіе мундиришки потертые осѣдаетъ.

Скачетъ сюда во весь духъ фурштадтъ Яшка, не слѣзъ путемъ, на скаку свалился съ коня, самъ запыхался, «кепу» потерялъ дорогою.

— Наумъ Ивановъ! хозяйку твою привезли. Катерину Николаевну!

Осѣлъ на куль Наумъ Коноваловъ и счеты изъ рукъ выронилъ... Посидѣлъ съ минуту, глаза выпучивши, а потомъ какъ ударится бѣгомъ къ пристани, да напрямикъ, черезъ поле, черезъ арыки да загороди—забылъ, что и двери склада оставилъ настежь отворенными, забылъ, что и народъ его за дѣломъ ждетъ.

— Э, сердечный!—поглядѣвъ ему въ слѣдъ, говорили артельщики.

— Небось побѣжишь!—кивнулъ, усмѣхнувшись, ундеръ съ медалями.

И приступили тутъ солдаты къ фурштату Яшкѣ съ разспросами.

— Да, что братцы, — говорилъ фурштатъ Яшка...—Выѣхали мы это съ полковникомъ на тройкѣ къ пристани, команда новобранцевъ изъ Нукуса прибыла, такъ полковникъ смотръ имъ на берегу дѣлалъ. Глядимъ, а каичекъ то этотъ самый причаливаетъ. Ну, и началась тутъ, братцы мои, самая исторія. Женщина то это изъ каика просто выскочила, а тутъ на земь упала, не то ея падучая бьетъ, не то выкликать начала—ничего не разберешь... а потомъ очнулась... Гдѣ, говоритъ, мой Наумъ Иванычъ?.. и худая же она стала, братцы мои, одежа рваная, не разберешь, что и надѣто у ней на плечахъ. Поручикъ тутъ Шутовъ приглядѣлся, узналъ—да это, говоритъ, Коновалова жена, что тогда въ степи сгинула. И прочіе кто, сейчасъ ее узнали тоже. Полковникъ въ тарантасъ приказалъ посадить ее и пальтомъ своимъ прикрылъ. Та, все равно, какъ очумѣла, въ безпамятство пришла и только всѣмъ тѣломъ вздрагиваетъ... жалость насъ разобрала... кто ревомъ реветъ, глядючи, а кто хоронится, отворачивается.... Изъ господъ офицеровъ, кто кричитъ: «чаю ей»! кто кричитъ: «везите къ дохтуру»... Полковникъ сейчасъ мнѣ: впряги пристяжную, гони въ складъ къ мужу, оповѣсти... А тутъ, голубчики мои, другая оказія, пуще прежней! Вылѣзъ это изъ лодки старичекъ, сталъ на колѣнки, да такъ и ползетъ, не вставаючи, прямо къ полковнику... Поопасалисъ было наши, двое подбѣжали съ ружьями, да полковникъ отогналъ... Послать, говоритъ, за переводчикомъ! А на что переводчикъ, когда тотъ самъ такъ и зачесалъ по-русски, по нашему, значитъ... Такъ молъ и такъ, говоритъ, вѣру Христову поругалъ, кровь неповинную всю жизнь проливалъ, со службы, значитъ, бѣжалъ... Наговорилъ это на себя страсть! ажь волоса дыбомъ подниматься стали, душа захолодѣла... Да,—говоритъ,—то все, братцы мои, не зря, не такъ чтобы человѣкъ не знай, что, на себя наклепываетъ, а все степенно, по порядку, самъ плачетъ, а самъ словно на духу кается. Только когда, значитъ, графа Перовскаго помянулъ, да наказнаго атамана Стырова—полковникъ рукою махнулъ и улыбнулся, а допрежь того гроза грозою глядѣлъ на старика-то.

Улыбнулся полковникъ и говоритъ... «Ну, молъ, больно старое вспомнилъ, а то забылъ, что у насъ на Руси есть пословица: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Такъ вотъ

и сказалъ прямо... Потомъ приказалъ *тому* встать съ колѣнокъ, а тотъ не встаетъ, не слушаетъ... Полковникъ то и приказъ ему сейчасъ далъ... «Вотъ, говоритъ, что ты противъ Царя Бѣлаго согрѣшилъ, то властью мнѣ данной, именемъ Его—прощаю, что—супротивъ людей, такъ это ты доживай здѣсь свой вѣкъ, да добрыми дѣлами замаливай, а что супротивъ вѣры святой, супротивъ Бога что, такъ отвести его къ отцу Спиридону... Тутъ я сюда погналъ, а полковникъ, забравши къ себѣ женщину въ тарантасъ, сѣлъ да и поѣхалъ въ укрѣпленіе.

— Это онъ самую настоящую, вѣрную резолюцію положилъ,—степенно замѣтилъ ундеръ съ медалями.—Что же, ребята, убирай мѣшки, запирай складъ. Теперь уже Науму Ивановичу не до мучной выдачи... то то загуляетъ теперь дня на три...

— И точно что загуляетъ,—поддакнулъ рябоватый артельщикъ.—Онъ это съ горя больше полугода пилъ, очнулся—бросилъ, въ молитву ударился, ну, а теперь закутитъ снова!

— И какая такая радость выходитъ ину пору человѣку—какое кому счастье Господь спосылаетъ!..

— Теперича пей—теперь можно... Ежели теперь, при такомъ случаѣ не запить хоть не надолго... да это и по положенію требуется!

И команда артельщиковъ, убравъ кули и приведя складъ въ порядокъ—потянулась шагомъ по пыльной глубоко-колейной дорогѣ въ ту сторону, гдѣ виднѣлась группа тополей и развѣсистыхъ карагачей, и тонкою зубчатою линіею тянулась стѣна Петрово-Александровскаго укрѣпленія.

XV.

Вотъ уже седьмыя сутки стоитъ старый Джулдашъ на колѣняхъ передъ церковными дверьми—никто его не тревожитъ, даже часовые смѣняются полегоньку, съ благоговѣніемъ глядя на кающагося.

Отецъ Спиридонъ эпитемію наложилъ ему недѣльную, да теперь и самъ кается, что такой долгій срокъ положилъ. Вчера вечеромъ у полковника за чаемъ говорилъ:—Шестой десятокъ лѣтъ живу, четвертый священствую, а такого примѣра поучительнаго—не видывалъ... Вотъ вѣдь гдѣ истинно... «и весь

животъ твой Христу Богу предадимъ... Вотъ оно гдѣ дѣло то, а не единыя слова праздныя... Умилительно!..

Маіоръ былъ тутъ одинъ изъ остзейскихъ, пьяница горчайшій—такъ и тотъ, бывало, какъ пройдетъ мимо церковной палатки, постоитъ, поглядитъ и скажетъ:

— Ну, я думай, что дофольно... Послюшай, старикъ, послюшай... довольно!..

Но старикъ не слушалъ маіора и не слышалъ вовсе его «довольно», онъ, словно не отъ міра сего, жарко припадалъ къ пыльной, горячей отъ солнца церковной ступени, и сухія губы его неустанно шептали слова покаянія.

Только и очнется, бывало, когда самъ батюшка, да и то грозно, повелительно прикажетъ ему встать, идти за нимъ и выпить чаю чашечку съ кусочкомъ просфорки... Проглотитъ подачку старый Джулдашъ и опять на свое мѣсто. И ночи тамъ же проводитъ, можетъ, и задремлетъ когда, но и во снѣ, и въ дремотѣ все шепчутъ, все шевелятся его старческія, молящіяся губы...

Наконецъ, насталъ желанный день седьмой; пришелся онъ какъ разъ въ воскресенье... Съ вечера еще, послѣ всенощной, происповѣдовалъ отецъ Спиридонъ кающагося, новообращеннаго и кротко произнесъ:

— А завтра, Семенъ, допущу тебя и до Святаго Причастія. Предварительно же сходи въ баню. Тебя мой Карпъ сведетъ и ризы тебѣ надѣнетъ чистыя!

Всѣ обитатели Петрово-Александровска собрались въ этотъ день въ церковную палатку смотрѣть, какъ Семенъ причащаться будетъ. Самъ полковникъ мундиръ надѣлъ съ орденами, и господа офицеры, глядя на него, тоже.

Благоговѣйно, торжественно свершилось великое таинство...

И странное дѣло!.. это всѣ замѣтили... Не повѣрилъ бы и я, коли бы самъ во очію не видалъ это ужасное, изрытое болѣзнями, исковерканное лицо, съ сѣдыми всклокоченными волосами, съ рѣзко выдающимися скулами—это лицо отверженнаго, лицо съ печатью проклятія—величаво и даже, тамъ что ни говорите, и даже какъ то образно-красиво всѣмъ показалось.

— Духъ просвѣтлѣнія совѣсти, разума и мира душевнаго запечатлѣнны на немъ быша!—пояснилъ отецъ Спиридонъ за торжественнымъ завтракомъ у самого начальника области.

А на другой день исчезъ бывшій старый Джулдашъ, нынѣ Семенъ, по прежнему, изъ Петрово-Александровскаго укрѣпленія.

Спохватились его поздно, уже къ ночи, а то, можетъ быть, разыскали бы.

Такъ и пропалъ человѣкъ, словно вотъ сквозь землю провалился...

XVI.

Идетъ старикъ берегомъ Аму, вверхъ по теченію идетъ глубокими наносными песками.

Каикъ свой бросилъ—не поведешь же его волокомъ противъ теченія, самому, безъ лямки впору только переставлять ноги.

Что, какъ сюда плыли, въ день отмахивали, то теперь пѣшкомъ, дай Богъ, на третьи сутки осилить. Да и то коли Богъ пошлетъ крѣпость ногамъ, мощь и силы духовныя.

Ноги, хоть и старческія, да къ ходьбѣ по пескамъ привычныя, а силы этой, другой, такъ не на убыль идетъ, а все пуще и пуще приваливаетъ.

Думалъ было Семенъ, что и не видать ему больше сына Мамета, а теперь повернулось дѣло иначе, повернулось совсѣмъ для него неожиданно и новую мысль въ головѣ пробудило.

«Вернусь, молъ, поскорѣе на островъ, умолю, упрошу сына—за собою идти... разскажу ему все, какіе такіе нонѣ стали мы молъ русскіе, и сюда молодца приведу... Моя пѣсня спѣта—я то уже ничей, только Божій сталъ, а онъ пусть Царю Бѣлому послужитъ вѣрою правдою. Вѣру крещеную приметъ, за отца отработаетъ... Чего ему не идти, чего артачиться... Я ему и про Катерину скажу... Сама, молъ, скажу приходить велѣла, сама обѣщала молодую, хорошую жену предоставить... Такъ и скажу... Вѣдь вправду онъ, Маметъ мой, у меня молодецъ, красавецъ, на всѣ руки дошлый... Онъ здѣсь обживется, попривыкнетъ, на всякое дѣло гораздъ будетъ .. за него не неволею, охотою пойдетъ хорошая дѣвка... ахъ, приведи только Господь... что за жизнь пойдетъ мнѣ—настоящему дѣдушкѣ...

«Богъ Милостивый мнѣ простилъ, отпустилъ такія прегрѣшенія тяжкія, самъ отецъ Спиридонъ громко при всѣхъ сказалъ «отпущается тебѣ, молъ, рабъ Симеонъ, всѣ вольныя и невольныя»—значитъ, шабашъ... впередъ не грѣши только... ну, теперь, значитъ, отъ Бога и милости ждать можно... а мнѣ

какая милость нужна... одна всего: пошли, Господи, найти живымъ, здоровымъ сына моего возлюбленнаго, помоги укротить его душу закостенѣлую, одолѣть натуру строптивую, сюда привести его бездомника, бездольника, водворить на новую жизнь, почетную, трудовую, семейную, вѣру истинную принять, слово Евангельское черезъ отца Спиридона услышать... не для себя молю, Господи—для него, для Маметки, моего голубя, для него самаго больше!

Думаетъ такъ, перебираетъ въ своей головѣ Семенъ и безъ устали, безъ оглядки все впередъ да впередъ подвигается... А на встрѣчу ему бѣжитъ мутная, пѣнистая волна Амударьинская, несетъ стебли камыша сухаго, старое днище каика загнившаго, несетъ всякій соръ да мусоръ съ верховья самаго вплоть до моря Аральскаго, не несетъ только ни единой вѣсточки съ острова желаннаго, ни единаго звука голоса сыновняго.

А вотъ уже давно, ухъ, какъ давно—старый Семенъ по песку шагаетъ!

На двадцатые-ли, на семнадцатые-ли сутки, не сообразить вѣрно, завидѣлъ Семенъ вдали тугайную полосу, а за нею ихъ острова лежатъ тотчасъ-же. Спустился съ кручи, идетъ самымъ прибрежьемъ вплотную къ рѣчному прибою, огибаетъ луку, а тамъ уже мелкое мѣсто пойдетъ, не много въ бродъ, не много вплавь и до острова безъ лодки можно добраться.

Солнце заходить стало какъ завидѣлъ Семенъ свой милый уголъ, только, что за диковина? Шалашевой крыши не видно, а должна бы быть видна отсюдова явственно...

Сжалось болѣзненно сердце, пріостановился малость Семенъ, духъ перевелъ, да и въ бродъ поскорѣе... Плавать, какъ рыба, умѣетъ старый.... Другое время наискосокъ бы взялъ, обходомъ, а теперь напрямикъ, прямо черезъ стремнину да омуты крутящіеся пустился.... Подсобилъ Господь, со всѣмъ справился, вотъ уже снова твердое дно подъ ногами, вотъ и камыши пошли знакомые, вонъ и забойки торчатъ, гдѣ они прошлой осенью осетровъ четыре штуки заразъ поймали....

Выбрался Семенъ на берегъ, самъ мокрешенекъ, ноги ссадилъ острыми гальками, ободралъ все плечо колючимъ кустомъ, чуть не бѣгомъ пустился къ шалашамъ...

Пусто... пусто.... только груда угольевъ да золы лежитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ шалаши стояли...

Оглядѣлся старикъ, не сразу то у него память отшибло.... крѣпокъ!

Вонъ и днище каика большаго лежитъ, все обгорѣвшее тоже; пескомъ и иломъ его затянуть успѣло. Вонъ и гдѣ сѣти висѣли,—гдѣ рыба на распялахъ сушилась, и тамъ зола видна да уголья, да и давнишніе,—мѣстами даже травы сочныя, зеленые побѣги скрозь пожарище пустили...

Не само собою сгорѣло все, очевидно, сожжено руками человѣческими, да и не чужими руками—хозяйскими...

— Маметъ, Маметъ!—заоралъ во все горло старый Семенъ, и голосъ его оборвался...

— Маметъ—голубь мой ясный—Маметушко, родной... гдѣ ты?...

Ни звука кругомъ, ни отклика....

Только эхо береговое подхватило отчаянный вопль старика и понесло его перекатами отъ одного берегового обрыва къ другому.... понесло и глухо замерло...

Ушелъ Маметъ, ушелъ! отца кинулъ, не дождался!—мелькаетъ въ головѣ Семена, а сердце ему другое, худшее подсказываетъ... колотится въ груди, что перепелъ въ мѣшкѣ, и явственно такъ выстукиваетъ.

— Не ушелъ.... ищи здѣсь по близости... ходи, ищи вдоль берега, дождись часа отливнаго....

Вотъ и сталъ ходить да искать старый Семенъ, поджидать часа отливнаго... Дождался полуночи, а все бродитъ по берегу... Бродитъ, ко всему присматривается—гдѣ волна на что набѣжитъ, особенно запѣнится, гдѣ что черкаетъ на пескѣ, гдѣ что, словно живое, колышется.

А ночь тихая, свѣтлая. Луна поднялась—такъ и заливаетъ серебристымъ свѣтомъ пустынную мѣстность, широкимъ дрожащимъ столбомъ черезъ всю рѣку перекинулась....

Ходитъ Семенъ, бродитъ и къ самому утру, когда чуть побѣлѣла полоска на востокѣ, привелъ таки его Господь на настоящее мѣсто....

Видитъ—голыя ноги торчатъ изъ подъ песку, и знаетъ хорошо, чьи такія эти ноги... Иломъ и ракушками все тѣло давно затянуло... отроешь не скоро, особенно ежели руками голыми...

Словно собака надъ сусликовою норою, такъ Семенъ около сыновняго трупа старается... отрылъ, откопалъ, сгребъ въ

охапку, оттащилъ на сухое мѣсто... Тѣло-то что—ничего—да камень тяжелый мѣшаетъ, а камень этотъ самый привязанъ на веревку волосяную, да вокругъ шеи раза три крѣпко намотанъ..

— Божья воля, Божья кара мнѣ многогрѣшному!—прошепталъ Семенъ и опустился на колѣни передъ холоднымъ, осклизшимъ тѣломъ.

Здѣсь, надъ этимъ трупомъ окончательно разбита была вся его розовая мечта, здѣсь заканчивалось и его духовное существованіе.

Безъ ропота, безъ вздоха вынесъ старикъ первыя минуты великаго горя... и молча, съ сухими глазами, съ тяжело бьющимся сердцемъ—принялся за послѣдній долгъ—погребенія...

На своихъ плечахъ отнесъ онъ тѣло на то мѣсто, гдѣ стоялъ ихъ шалашъ, вырылъ руками глубокую яму въ пескѣ, опустилъ туда трупъ... подумалъ, а потомъ, словно спохватившись... снялъ съ своей шеи мѣдный, серебряный крестикъ, что передъ причастіемъ поднялъ на него отецъ Спиридонъ, и положилъ этотъ крестикъ на грудь Мамета...

Взошло солнце, высоко-высоко поднялось, почти на полдень стало—какъ окончена была работа погребальная.

Натаскалъ Семенъ высокій бугоръ песку надъ могилою, перекрестилъ ее обѣими руками, хотѣлъ было крестъ, какой ни есть, соорудить, да спохватился, что ненарокомъ найдутъ могилу мусульмане нехристи и, пожалуй, еще осмѣютъ, надругаются... Присѣлъ около старикъ, склонилъ голову на колѣни и самъ, не замѣчая того, какъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, ребяческимъ... какъ, бывало, въ ту пору, когда еще Сенькою въ станицѣ кликали, на душистомъ сѣнѣ, подъ отцовскимъ полушубкомъ.

XVII.

Годъ спустя, а можетъ, и больше немного, по станицамъ уральскаго войска сталъ появляться бродячій старичекъ-нищій, богомолецъ, въ рубищѣ, босоногій; съ костылемъ въ рукѣ, съ мѣднымъ тяжелымъ складнемъ на голой, мохнатой груди, онъ шелъ изъ станицы въ станицу, питаясь Христовымъ именемъ.

Кто онъ такой былъ—о томъ онъ никому не сказывалъ, да его никто и не разспрашивалъ, хотя и не разъ возбуждалъ любопытство станичниковъ старикъ своимъ страннымъ поведеніемъ.

Онъ, обыкновенно, прійдя въ станицу, выбиралъ либо площадь передъ церковью, либо особенно людный, центральный перекрестокъ, становился здѣсь на колѣни, громко, отчетливо произносилъ трижды: «Простите меня, люди добрые!» затѣмъ клалъ земные поклоны на церковный крестъ, на всѣ четыре стороны и шелъ дальше, позволяя себѣ отдыхъ только подъ открытымъ небомъ.

Сколько, приходилось не разъ, ни запрашивали его зайти въ избу переночевать, въ сарайчикъ какой-нибудь, онъ упорно отказывался и торопился уйти подальше отъ жилья.

— Знать, обѣтъ такой далъ!—порѣшили станичники и уже не безпокоили старика, не докучали ему этими приглашеніями.

Шелъ старикъ потихоньку изъ станицы въ другую, а вѣсть о «чудномъ» богомольцѣ-нищенкѣ обогнала его дорогою, и страннику не разъ приходилось выдерживать перекрестные взгляды поджидавшихъ его любопытныхъ зѣвакъ, особенно бабья.

Но толпа постороннихъ не смущала его нисколько, не смущали и перекрестныя замѣчанія, безцеремонно вслухъ высказываемыя. Онъ спокойно творилъ свое публичное покаяніе, спокойно клалъ опредѣленные, земные поклоны и, тяжело поднявшись на ноги, брелъ дальше и дальше, обходя всѣ земли и поселки роднаго, когда-то, войска.

Затѣмъ къ слѣдующей веснѣ видѣли этого старца уже на Волгѣ. Онъ шелъ снизу вверхъ, шелъ берегомъ, молча подсобляя попутнымъ бурлакамъ тянуть ихъ поскопныя лямки.

Тамъ уже, черезъ полгода, видѣли его въ Вологдѣ, а послѣ на берегахъ Сѣверной Двины, направляющимся къ Архангельску... и, наконецъ, въ глухую осеннюю ночь, у желѣзной калитки Соловецкаго монастыря, опустилась на порогъ, изнемогшая, полузакоченѣвшая отъ холода, дряхлая фигура стараго Семена.

Костлявые, скорченные пальцы чуть тронули желѣзное кольцо дверного «била», раздался унылый звукъ металла, звукъ, словно подрѣзанный порывистымъ вѣтромъ, несшимся съ моря, но звукъ, услышанный тѣми, кому его слѣдовало слышать.

Черезъ минуту дверь до половины отворилась, въ этой щели мелькнула пола и рукавъ черной монашеской рясы, и дрожащій, старческій голосъ произнесъ:

— Войди съ миромъ!

„НЕ ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ".

Лѣтъ двадцать тому назадъ, извѣстный орско-казалинскій почтовый трактъ былъ еще едва намѣченъ.

Тогда, по взятіи Ташкента, мы впервые плотно усѣлись въ бассейнѣ Сыръ-Дарьи и, конечно, съ первыхъ дней своего новаго мѣстопребыванія, ощутили настойчивую и неотложную надобность въ правильныхъ путяхъ сообщенія съ метрополіею... Первой соединительной артеріею и долженъ былъ служить орско-казалинско-ташкентскій трактъ, первая половина котораго, до Казалинска, то-есть до устій Сыра, кое-какъ существовала уже раньше.

Правильное движеніе почтъ и пассажировъ по этимъ пустынямъ, сыпучимъ пескамъ, топкимъ солончакамъ и береговымъ чащамъ (джунглямъ) было тогда почти немыслимо; мѣстные кочевники положительно не понимали такого, хотя-бы и простого, дѣла, а выписывать весь многотысячный составъ почтогонятелей изъ Россіи было немыслимо. Самыя мѣстности представляли препятствія чуть не на каждомъ шагу; дурная соленая вода и безкормица, при непривычномъ трудѣ, морили лошадей тысячами... Косоглазые полуидіоты-номады не умѣли справляться съ упряжкою и калѣчили въ дребезги экипажи... Въ дорогу надо было запасаться на мѣсяцъ, а то и болѣе, всѣмъ необходимымъ... И то, что теперь, двадцать лѣтъ спустя, кажется положительнымъ пустякомъ, легкою и даже пріятною двухнедѣльною прогулкою, то тогда представлялось великимъ подвижничествомъ, требовавшимъ массы энергіи, твердости духа и плоти, чуть-ли не чѣмъ-то въ родѣ геркулесовыхъ подвиговъ.

Въ это-же время и хлынула первая широкая волна поселенцевъ новаго края, въ видѣ сотенъ офицеровъ, чиновниковъ и разнаго сброда, съ семействами и домочадцами, потребованныхъ во вновь завоеванный край, на пополненіе штатовъ по новой организаціи.

И Боже мой! чего только не натерпѣлись эти несчастные путешественники, обрадованные сначала усиленными окладами жалованья, двойными прогонами и тому подобными денежными льготами.

Пришлось и мнѣ ѣхать тогда-же... правда, не въ первый разъ... я уже былъ опытный степной волкъ,—и эта опытность мнѣ сильно пригодилась, когда, то и дѣло, пришлось выручать безнадежно засѣвшихъ въ пустынѣ новичковъ.

Былъ уже октябрь мѣсяцъ и, хотя днемъ жарило солнце порядочно, за то ночью ртуть падала градуса на четыре ниже нуля, и рѣзкій холодъ давалъ себя чувствовать тѣмъ, кто не запасся теплою обувью и шубами. Стали перепадать уже дожди; солончаки раскисли и образовали мѣстами топи, мѣстами промоины—станцію въ тридцать пять верстъ одолѣвали, да и то слава Богу, одну цѣлый день, на станціяхъ, т. е. около мѣстъ, гдѣ таковыя предполагались, скоплялись по три и болѣе экипажа, и путешественники не видѣли по нѣсколько сутокъ, въ томительномъ и, главное, голодномъ ожиданіи—возможности двигаться дальше.

Въ фортѣ № 2, по туземному Кармакчи, я засталъ, на дворикѣ почтовой станціи, нѣсколько разнокалиберныхъ тарантасовъ, тяжело нагруженныхъ, носившихъ на себѣ слѣды всякихъ дорожныхъ аварій: смятые верхи и кузова обличали неоднократныя паденія, перепутанныя веревками колеса и подвязанныя брусками дроги и оси—не внушали особаго довѣрія... Экипажи эти служили и жильемъ для своихъ владѣльцевъ, такъ какъ дымная, до невозможности грязная, темная комора «для пріѣзжающихъ» положительно не могла вмѣстить и одной трети многострадательныхъ путешественниковъ.

Между пріѣзжающими я замѣтилъ одну даму, не молодую, но и не старую еще, лѣтъ около тридцати пяти, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, отъ грудного до двѣнадцатилѣтняго возраста. Ѣхала эта дама одна, безо всякой прислуги, неся на себѣ всѣ заботы и печали такого далекаго и многотруднаго

пути. Она меня заинтересовала именно съ этой стороны. Я не замедлилъ познакомиться съ нею и узналъ, что у нея въ Ташкентѣ есть мужъ, оказавшійся даже моимъ хорошимъ знакомымъ, старослуживымъ степнякомъ, рѣшившимся, наконецъ, выписать изъ Россіи, навсегда, свое семейство.

— Надоѣло Ивану Кондратьевичу, каждый годъ этакую-то даль на побывку ѣздить, да и убыточно стало тоже,—разсказывала она.—Теперь, вотъ, какъ у васъ въ Азіи покойно стало,—взялъ да и выписалъ... Страсть какъ похвалялъ ваши расхваливалъ! Житья лучше не надо!

— Это точно!—замѣтилъ я,—только дорога-то, я думаю, тяжеленька вамъ показалась!

— Охъ! ужъ и не говорите!—вздохнула та.—Коли-бы еще я одна—не горе! а вотъ съ этими малышами!.. Дѣвочка вотъ у меня третью недѣлю въ лихорадкѣ... Мальчикъ, старшій, что-то скучноватъ сталъ... Трудно! Далъ-бы Господь добраться до дому!..

— Давно въ дорогѣ?

— Да вотъ уже тридцать восьмой день... Вы не по пути-ли будете?

Когда я ей сказалъ, что не только по пути, да еще съ удовольствіемъ возьму ее съ этой минуты подъ свое попеченіе—Марья Алексѣевна такъ обрадовалась, что даже словъ не нашла, а только глубоко-глубоко вздохнула и широко по простонародному перекрестилась.

Цѣлый день возился я, чтобы достать лошадей подъ ея тарантасъ. Ѣздилъ въ аулы верстъ за пятнадцать и только къ вечеру добылъ, наконецъ, кое какую сборную тройку, которую и принялись киргизы *припутывать* къ оглоблямъ экипажа—иначе нельзя назвать подобную невозможную запряжку.

Не безъ зависти смотрѣли прочіе путники вслѣдъ медленно тронувшемуся тарантасу, въ нѣдрахъ котораго возсѣдала моя новая попутчица со своимъ многочисленнымъ семействомъ.

У меня лично никакого экипажа не полагалось. Во-первыхъ, потому, что колеса составляли главное препятствіе на пути, во-вторыхъ — клади у меня было всего одна винтовка съ надлежащимъ количествомъ патроновъ, записная книжка, она-же и рисовальный альбомъ, да маленькій чемоданчикъ, вѣсомъ фунтовъ шесть, не болѣе, со всѣмъ содержимымъ, и я

предпочиталъ путешествовать верхомъ, что, съ моей привычностью,—дѣло легкое, а главное—надежное, ибо всякая степная кляча подъ верхъ годится, и двигаться такимъ образомъ можно безъ задержанія.

Такъ и теперь: осѣдлалъ я корноухаго киргиза, оказавшагося для хомута негоднымъ, такъ какъ у него было все плечо стерто и образовало сплошной струпъ, и рысцею поплелся рядомъ съ тарантасомъ Марьи Алексѣевны, перекидываясь съ нею и съ ея ребятишками разными разговорами...

Выѣхали мы поздновато и не болѣе часа пользовались красно-золотистымъ свѣтомъ вечерней зари, а тамъ стемнѣло, да и какъ слѣдуетъ... Время приходилось на послѣднюю лунную четверть, и мѣсяцъ всходилъ только часу въ четвертомъ утра. Дорога сначала была гладкая, сносная, и грязь не глубока, а къ ночи стало морозить. Путь пошелъ низомъ, почти у самаго берега Сыра, густою зарослью. Слѣва разстилалась сплошная цѣпкая чаща—камыша, колючаго терновника и серебристой джиды, справа, сквозь сѣтку того-же колоссальнаго камыша, свѣтилась поверхность большой рѣки, противоположные берега которой сплошь затянуло поднявшимся надъ водою туманомъ.

Прыть добытой мною тройки истощилась скоро... Жалкія клячи давно уже еле брели шагомъ; киргизъ-ямщикъ дремалъ подъ своимъ косматымъ малахаемъ, распустивъ возжи и сползя, для удобства, должно быть, съ козелъ на передокъ тарантаса.

Дѣти спали крѣпко, комфортабельно разложенныя всякъ въ своемъ уголку и прикрытыя разнымъ теплымъ скарбомъ; Марья Алексѣевна все разспрашивала меня про своего мужа, да про все, что могло касаться ихъ будущаго житья-бытья на чужой сторонѣ, и очень радовалась, узнавъ о дешевизнѣ мяса, рыбы и всего прочаго...

— Писалъ онъ мнѣ все это... Да что-то не вѣрилось... этакая благодать!—сообщила она...—Ну, а какже насчетъ осетрины: неужли-же за полтину цѣлаго пудоваго купить можно?

— Можно и дешевле. .

Увязли колеса въ топкой водомоинѣ и стали...

Возились, возились мы съ киргизомъ, съ полчаса стояли на мѣстѣ; справились таки, тронулись дальше... Пристяжная

правая давно отпустила постромки... бей, не бей—не везетъ!.. Ѣдемъ на парѣ... А станція, я знаю, большая, верстъ подъ сорокъ, да и то, Богъ вѣсть, какою саженкою мѣряныхъ...

Стало меня брать раздумье... Вижу, что не доѣдемъ и къ утру, а придется започевать здѣсь, на дорогѣ... Это не бѣда, дѣло привычное! а въ томъ бѣда, что мѣсто недоброе... Спутница моя не знаетъ, да я то хорошо знаю... И вотъ начинаетъ одолѣвать меня легкое смущеніе—не за себя, конечно...

Дѣло въ томъ, что въ этихъ мѣстахъ плодятся тигры—и порядочно ихъ, а звѣрь этотъ только по ночамъ выходитъ на добычу, и всегда держится по близости дороги... Шансовъ больше на хорошую наживу.

И ночь-то какая, какъ на бѣду, темная!.. Невылазныя чащи вплотную подступаютъ къ дорогѣ, и слышится въ нихъ какой-то подозрительный шелестъ... Можетъ, и такъ, самый невинный, а только фантазія на мрачный ладъ разыгрывается. .

— Что это словно дѣти плачутъ?—спросила меня Марья Алексѣевна.

— А чакалки на томъ берегу... Онѣ всегда къ ночи музыку затѣваютъ!—отвѣчаю я.

Самъ думаю: «ну, это къ добру!.. Ежели чакалки вой подняли—«самъ» значитъ далеко... а то-бы не посмѣли...

— Страшный звѣрь это? можетъ онъ, ежели?.. — начала было разспрашивать моя попутчица да замолчала, покосилась на спящихъ дѣтей и прикрыла ихъ еще чѣмъ-то, чуть-ли не пальто свое сняла, оставшись въ одной кацавейкѣ ватной.

— Нѣтъ,—говорю,—это пустяки — мелочь, не страшнѣй простой собаки... На воровство только больно повадливы...

Киргизъ, что подъ козлами спалъ, встряхнулся и чуть было подъ колеса не свалился... Это тройка чего-то прыти набралась, рысцею разомъ тронулась, и застучали колеса тарантаса по замершей колоти... Дорога-ли пошла поровнѣе, продрогли-ли кони?.. Присматриваюсь: уши на-сторожѣ, пристяжныя пофыркиваютъ, должно быть, что-нибудь недоброе чуютъ... черкнулъ спичкою, закуривая папиросу, вынулъ часы, соображаю... Половины дороги еще далеко не проѣхали...

Маленькій самый ребенокъ запищалъ. Мать прилегла къ нему и пологъ тарантаса задернула...

И чего это, право, мы, на ночь глядя, въ дорогу выѣхали!?..

Опять пошли кони шагомъ... Много-ли пробѣжали, да и то легонько, а паръ отъ нихъ столбомъ валитъ... Опять увязило въ топь переднія колеса, опять стали. Опять возня—да крики: Ого-го-го!.. Ну, дружнѣй... ни съ мѣста. Полчаса отдыхали, снова принялись за понуканія... Самъ я слѣзъ, плечомъ передокъ просто на себѣ поднимаю,—не берутъ каторжныя! даже и не трогаются... Коренная совсѣмъ задомъ пятится, и хомутъ у ней подъ горло ссунулся...

Ну, значитъ, здѣсь и ночевать!..

Говорю киргизу: дѣлать тебѣ здѣсь нечего... Выпрягай лошадей, гайда на станцію! Скажи тамъ: «курьеръ казенный на дорогѣ сидитъ, чтобы свѣжихъ прислали...»

— Не поѣду... Боюсь!—отвѣчаетъ косоглазый.—На дорогѣ джулъ-барсъ (тигръ) сидитъ; онъ меня съѣстъ...

— Весьма возможно,—соглашаюсь съ нимъ...—Ну, оставайся!..

Малайка отстегнулъ постромки, распустилъ супонь, нахлобучилъ малахай,—спать собрался. Слѣзъ я со своей лошади, привязалъ ее сзади—и присѣлъ на облучекъ тарантаса.

— Вы, матушка, Марья Алексѣевна, спите спокойно, я постерегу... До разсвѣта еще далеко!..

— Закусить не хотите-ли чего?—предложила та.

— Это можно!..

Черезъ полчаса, уже изъ-подъ зонта тарантаснаго слышался носовой посвистъ моей спутницы и храпъ киргиза подъ козлами... Самому мнѣ сильно дремалось, ознобъ лихорадочный пробирать началъ... Такъ-бы и заснулъ, да неудобно,—сторожить надо... Мало-ли что можетъ случиться?!

Трудно бороться со сномъ усталому до невозможности, продрогшему человѣку. Опасность, подъ давленіемъ потребности сна утрачиваетъ свое значеніе. Является сейчасъ что-то въ родѣ фатализма... эхъ, молъ, что суждено, то суждено, а я—все-таки высплюсь!.. Былъ-бы одинъ—заснулъ непремѣнно—а то тутъ... Вотъ эти... спятъ мирно и беззаботно, на слово мое, значитъ, положились... довѣренность оказали... Нѣтъ, спать нельзя!..

И не то спишь, не то бодрствуешь... И видишь будто, и слышишь все кругомъ до малѣйшаго звука, а грезы передъ глазами носятся!..

На горизонтѣ красное зарево показалось, — словно близко гдѣ-то костеръ разложили... это мѣсяцъ поднимался, и скоро большой рогъ его показался надъ чащею камышей... Слава Богу! — поднимется повыше, много свѣтлѣе станетъ...

Кони что-то безпокоятся... все похрапываютъ, пристяжныя къ оглоблямъ жмутся... а мой верховой — сзади безпокойно топчется... Слѣзъ, обошелъ кругомъ, оглядѣлъ... поуспокоились немного, а тамъ опять заметались... Шакалье вытье усилилось, а тутъ разомъ смолкло... Чувствую, что кто-то меня тихонько за рукавъ тронулъ.

— Это что?—чуть слышно, шепотомъ спросила меня Марья Алексѣевна, а сама высунулась изъ-подъ зонта и глазами на одно мѣсто указываетъ.

А я уже вижу—что... Даже на сердцѣ похолодѣло...

Прямо противъ насъ, съ лѣвой стороны дороги, межъ черныхъ стеблей камыша, торчитъ большая круглая голова, топорщатся характерныя кошачьи уши, и янтарно-зеленоватые глаза въ темнотѣ искрятся...

Смотрю я пристально въ ту сторону, а самого назадъ оглянуться тянетъ какая-то сила... мелкомъ покосился, а сразу, и съ правой стороны дороги, такую-же голову замѣтилъ, только пиже немного, словно на переднія, вытянутыя лапы припавшую...

Верховой конь шарахнулся разомъ, оборвалъ поводъ... только и видѣлъ я одно мгновеніе его сѣрый крупъ съ моимъ чемоданчикомъ: и странная вещь! Оба тигра не шелохнулись... глазомъ не моргнули. На удравшаго коня не обратили ни малѣйшаго вниманія.

Проснулся киргизъ, юркнулъ подъ тарантасъ и шепчетъ:

— Пропали мы... кончалъ джулъ-барсъ Малайку...

— Молчи!

— Господи! помилуй насъ грѣшныхъ! Отецъ Милосердный—залепетала Марья Алексѣевна...

— Дѣти-бы не проснулись, не запищали-бы...—шепнулъ я ей... Револьверъ тихонько изъ кобура вытянулъ, около положилъ — и, нажавши собачку, осторожно взвелъ курокъ винтовки...

«Два — и съ разныхъ сторонъ... Вотъ бѣда въ чемъ!.. Хорошо, если на тройку прежде наскочатъ... время дадутъ,

а какъ?.. Покосился на лошадей... не узнать просто, что такія за животныя!.. Столбнякъ на нихъ напалъ, ноги подкосились, дрожатъ... головы до земли опущены, а паръ такъ и стоитъ надъ ними облакомъ, отъ усиленной до невозможности нервной испарины... И ни малѣйшей попытки къ спасенію!.. только рвануть-бы—и пошелъ на волю! а тутъ, словно кролики подъ вліяніемъ взгляда удава, безсознательно-покорныя, ждутъ роковаго наскока...

— Только-бы дѣти... не запищали!—позторилъ я... только должно быть такъ тихо, что развѣ самъ, и то мысленно, могъ-бы разслышать...

Зонтъ тарантаса спущенъ, фартукъ на-глухо застегнутъ... Тамъ, въ глубинѣ экипажа мертвая тишина, самъ я на облучкѣ сижу, одинъ на виду — и мѣсяцъ поднялся уже порядочно и такъ меня и поливаетъ сверху своимъ серебрянымъ свѣтомъ...

Вдругъ моего уха достигъ какой-то новый, заунывный звукъ... Далеко-далеко!.. Только до нельзя напряженный слухъ могъ-бы распознать значеніе этого звука на такомъ разстояніи... Это была пѣсня.. не хитрая монотонная пѣсня номада... Ямщики-киргизы такъ поютъ, когда возвращаются на станцію съ обратными лошадьми...

«Вотъ, думаю, несетъ дурака нелегкая!..» и, стыдно сознаться, а на душѣ — посвѣтлѣло... «не на себя-ли оттянутъ бѣду?!. Здѣсь тигровъ, въ почтительномъ выжиданіи, очевидно, держитъ внушительный, непривычный ихъ глазу видъ тарантаса, а тамъ... тотъ-то, несчастный, верхомъ, чай, пробирается, на одной сидитъ, двухъ передомъ гонитъ...»

Пѣсня слышнѣй... все ближе, да ближе... верстахъ въ полутора, небольше... Топотъ копытъ по замерзлой почвѣ все яснѣе и яснѣе слышится въ тихомъ, морозномъ ночномъ воздухѣ...

«Что это, думаю, за киргизъ безстрашный, — ночью въ «обратную» по такимъ мѣстамъ поѣхалъ... это что-то совсѣмъ невѣроятное!..»

Двѣ лошади топотятъ всего—это уже теперь можно безошибочно опредѣлить... бойкимъ шагомъ, иноходью идутъ... чу!.. разговариваютъ...

Прислушиваюсь я ко всему, а самъ съ лѣваго тигра глазъ не свожу — и замѣчаю, что тотъ какъ-то менѣе ясно выдѣляется, словно назадъ попятился... вонъ и камыши спереди его голову покрываютъ, вонъ и блеска глазъ проклятыхъ совсѣмъ не видно...

Страшный ревъ тигра раздался, совсѣмъ не тамъ, гдѣ я его предполагалъ... именно въ той сторонѣ, откуда ожидались всадники... Черезъ нѣсколько мгновеній гулко раскатился ружейный выстрѣлъ... какой-то не то человѣческій, не то заячій болѣзненный крикъ... и все смолкло... Изъ чащи камышей— изъ бѣлесоватаго мрака тумана разомъ вынеслась лошадь, уперлась въ нашу тройку, храпнула и стала, какъ вкопанная... и, въ тоже мгновеніе другая, приземистая, полосатая масса, беззвучно шмыгнула черезъ дорогу и слилась съ фигурою прискакавшаго коня... Что-то тяжело рухнуло... Мелькнули растопорщенныя ноги, копытами кверху... камыши затрещали подъ тяжестью массы, которую тигръ, очевидно, волокъ съ дороги въ чащу... Я видѣлъ его напряженный загорбокъ и изгибы спины—и, не знаю уже какъ,—почти безсознательно, спустилъ курокъ своей винтовки...

— Эге!—послышался громкій окликъ впереди...

— Эге!—отозвался я...

— И у васъ тоже?.. кто такой тамъ, на дорогѣ?..

Голосъ знакомый, какъ будто, — только взволнованный, хриплый, потому не могу признать сразу... Да и дѣти, всѣ разомъ, проснулись, конечно, пискъ и плачъ подняли на всю степь... Молчитъ только киргизъ мой, что подъ тарантасомъ сидитъ, обезумѣлъ отъ страха,—языкъ отнялся, должно быть...

Высокая фигура, въ офицерскомъ пальто и бѣлой шапкѣ, появилась вплотную у тарантаса и повторила вопросъ...

— Шолобовъ!.. какими судьбами?—обрадовался я.

— Я... что тутъ у тебя?

— Батюшка... отецъ родной!.. Выручайте, кормилецъ... Дѣти малыя!.. Охъ, Владычица Небесная!..—взмолилась вдругъ Марья Алексѣевна...

— Да чего выручать-то? — спокойно отозвался новоприбывшій...—Дѣло прикончено...

Въ нѣсколькихъ словахъ обстоятельства разъяснились... Оба тигра, заслышавъ конныхъ, незамѣтно покинули осаду

нашего тарантаса и атаковали новую жертву. Шолобовъ ѣхалъ впереди, а провожающій его киргизъ,—по обыкновенію, сзади. Тигры предпочитаютъ всегда начинать съ задныхъ, и первый изъ нихъ моментально опрокинулъ несчастнаго ямщика, навалившись на него и на его лошадь... Шолобовъ не изъ тѣхъ, которые теряются въ подобныя минуты — онъ соскочилъ съ лошади и, въ трехъ шагахъ, пустилъ пулю прямо въ лобъ увлеченнаго, ослѣпленнаго кровью хищника и положилъ его на мѣстѣ .. Лошадь-же его, — бросившаяся на утекъ, сдѣлалась добычею тигрицы именно въ то мгновеніе, когда съ размаху налетѣла на нашу тройку... Я еще не могъ опредѣлить точно, чѣмъ кончилось дѣло здѣсь... Потому, дѣлать розыски теперь было неудобно...

Съ большимъ трудомъ удалось намъ вдвоемъ успокоить и привести въ сознаніе бѣдную Марью Алексѣевну—и угомонить дѣтей, не сознавшихъ, конечно, всѣхъ размѣровъ опасности и напуганыхъ болѣе неожиданнымъ выстрѣломъ... Вытащили киргиза изъ-подъ тарантаса... Тотъ вдругъ расходился во всю и неистово принялся орать и посылать по адресу проклятыхъ «джулъ-барсовъ» весь лексиконъ отборныхъ ругательствъ.

— Молчи!—кричали мы ему.

Надо было во всякомъ случаѣ не терять времени и идти на помощь тому несчастному, что побывалъ уже въ тигровыхъ лапахъ...

— Это близко... полверсты, небольше... Пойдемъ скорѣе...— пригласилъ меня мой пріятель.

А Марья Алексѣевна, какъ кошка вцѣпилась въ насъ обоихъ—не пускаетъ!..

— Протащимся можетъ быть, впередъ съ тарантасомъ?— предложилъ я...

Справились съ запряжкою— и точно протащились...

Страшная картина представилась нашимъ глазамъ на мѣстѣ катастрофы!

Смертельно раненая лошадь лежала посреди дороги, едва поднимая свою голову и тотчасъ же безсильно опуская ее на землю... Около, вплотную, ничкомъ, вытянувшись, словно коверъ, лежалъ на повалъ убитый колоссальный тигръ, прикрывъ своимъ трупомъ тѣло бѣдняги-ямщика... Лужи крови дымились, всасываясь въ промерзшую грязь...

Осторожно подошли мы къ тѣламъ; пошвыряли на всякій случай комками грязи въ тигра, ради полнѣйшей увѣренности въ его смерти, и затѣмъ принялись освобождать несчастнаго киргиза... высвободили...

Шолобовъ махнулъ рукою и отошелъ въ сторону... Стоило только взглянуть на то, какъ распорядился съ своею жертвою полосатый звѣрь, чтобы убѣдиться въ полной безполезности всякой помощи...

Развели костеръ... перезябли всѣ очень уже... и стали бивуакомъ дожидаться восхода солнца...

НАУРУСОВА ЯМА.

Пришлось мнѣ пошататься съ мѣсяцъ по горамъ, вплотную подступающимъ къ большому озеру Иссыкъ-Кулю. Тогда вся эта мѣстность намъ не принадлежала и составляла для насъ полную тайну. Свѣдѣнія объ этой странѣ мы имѣли исключительно распросныя, а потому весьма сбивчивыя и противорѣчивыя; всетаки, въ концѣ концовъ, эти свѣдѣнія сводились къ тому, что страна эта очень дикая, населена народомъ тоже мало цивилизованнымъ, каракиргизами, или, какъ ихъ тогда, даже и въ учебникахъ, величали—дико каменными киргизами, занимающимися, преимущественно, охотою и разбоемъ и чуть-чуть хлѣбопашествомъ, гдѣ только выгадывалась, по близости зимовокъ, удобная площадка земли. Природа, говорили, здѣсь необыкновенно-величественна, хотя и очень мрачнаго характера. Скалистые горные кряжи, увѣнчанные вѣчными льдами, непроходимыя лѣсныя чащи по скатамъ, зіяющія пропасти, бѣшено каскадирующіе потоки водъ, глубокія, темныя, извилистыя ущелья и чудные оазисы—долинки, пестрѣющія дымящимися кибитками кочевниковъ. И вотъ, въ этакую-то мѣстность мнѣ и пришлось навѣдаться для производства маршрутныхъ съемковъ; это оффиціальная сторона порученія, а главная—удовлетвореніе, хотя отчасти, того жгучаго чувства любопытства или любознательности, какъ хотите, которое овладѣваетъ всякимъ путешественникомъ изслѣдователемъ по профессіи, когда на его пути судьба бросаетъ что-либо загадочное, неизвѣстное, да еще, вдобавокъ, трудно досягаемое.

Пробирались мы вдвоемъ, какъ теперь помню, по чуть намѣченной тропинкѣ, вьющейся по дну дикаго, загроможденнаго

осыпями горнаго ущелья. Со мною былъ мальчикъ лѣтъ двадцати, вольно-наемный кара-киргизъ, Байтакъ, практически хорошо знакомый съ этой мѣстностью, мнѣ лично очень преданный, человѣкъ ловкій, находчивый, мало-мало говорящій по-русски. Нанялъ я его мѣсяца два тому назадъ въ одномъ аулѣ, недалеко отъ города Вѣрнаго, и нанялъ спеціально для этихъ поѣздокъ. Старый киргизскій бій Нуръ-Верды рекомендовалъ мнѣ этого молодого человѣка и, кромѣ того, для вящаго обезпеченія, отправилъ семью его въ городъ подъ временный надзоръ, до моего благополучнаго возвращенія, въ видѣ заложниковъ, что, впрочемъ, моего проводника и оруженосца не смущало нисколько, ибо онъ клялся Аллахомъ, въ котораго, какъ киргизъ, не вѣрилъ вовсе, и самимъ Албасты-басу (злымъ духомъ), существованіе котораго признавалъ безапелляціонно, что по его винѣ со мною не можетъ случиться никакого несчастія, что онъ будетъ оберегать на пути каждый волосъ на моей головѣ, и увѣренъ, что за все это получитъ потомъ отъ начальства большую серебряную медаль на ярко красной лентѣ, лучше даже, чѣмъ та, что онъ видѣлъ на шеѣ у самого Мирзы-Беткуева, аульнаго сборщика податей и прочихъ повинностей.

Итакъ, въ виду всего этого, отношенія мои къ Байтаку и обратно—были самыя лучшія; въ основѣ ихъ лежало полное довѣріе другъ къ другу, а изъ довѣрія, само собою, вытекала и дружба, съ моей стороны, начальнически—снисходительная, съ его,—подчиненно-почтительная. Подо мною и подъ Байтакомъ кони были добрые, превосходной мѣстной породы, крѣпкіе, выносливые, не знающіе, что такое усталость, и неприхотливые на кормъ, въ чемъ, впрочемъ, и мы сами брали съ нихъ примѣръ, такъ какъ на сѣдло большихъ запасовъ не навьючишь, и насчетъ чего-либо мясного приходилось разсчитывать исключительно на собственное оружіе. Ну да въ этой странѣ особенно какъ теперь, въ лѣтнюю пору, съ чего другого, но съ голоду умереть было трудно... Всякой дичи водилось тутъ обильно, и, мало пуганная, она легко подпускала къ себѣ человѣка на разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла.

Дорога, по которой мы ѣхали, была восхитительно хороша, конечно, не въ смыслѣ только путей сообщенія,—въ этомъ отношеніи она была хуже, чѣмъ можно себѣ даже предста-

вить. Справа и слѣва, то отвѣсными стѣпами, то крутыми, растрескавшимися скатами, поднимались скалистыя горы, мѣстами покрытыя кустарниками; по дну ущелья, загроможденнаго валунами и обломками осыпей, струился съ рокотомъ ручей холодной, прозрачной, какъ стекло, ключевой воды; на боковыхъ скатахъ тоже, мѣстами, сочились родники. Тропинка-то шла самымъ низомъ по руслу ручья, то взбиралась выше, обходя обрушившіяся скалы и цѣплялась по такимъ рискованнымъ косогорамъ, что только наши, опытныя въ этихъ случаяхъ, лошади могли держаться, не теряя равновѣсія; иногда эта тропинка тянулась узкими карнизами, то и дѣло осыпающимися подъ ногами, и не разъ намъ приходилось сходить съ лошадей и вести ихъ въ поводу, придерживаясь въ то-же время руками за выдающіеся камни и за колючія вѣтви горныхъ кустарниковъ. Цѣлыя стаи сѣрыхъ куропатокъ «кеклукъ», съ красносюргучными бровками и мохнатыми ножками, копошились по тѣневымъ скатамъ, быстро перебѣгали тропинку и, завидя насъ, съ шумомъ снимались съ мѣста: громадныя ящерицы, разинувъ пасть, неподвижно грѣлись на солнцѣ, вытянувшись во всю длину на раскаленныхъ камняхъ; надъ головами высоко—высоко, исчезая точками въ темно-синемъ небѣ, рѣяли орлы, кое-гдѣ, но уже на болѣе приличныхъ разстояніяхъ, виднѣлись красивые силуэты аркаровъ, этихъ дикихъ барановъ, съ громадными, заваленными на спину рогами.

Въ настоящую минуту мы были сыты, ибо не болѣе часу тому назадъ, какъ вышли съ привала, и, кромѣ того, за сѣдломъ чалаго коня Байтака приторочена была большая половинка дикаго козла, убитаго вчера передъ закатомъ солнца; а потому охотою мы не увлекались, а останавливались только тогда, когда приходила надобность мѣнять направленіе и отмѣчать румбы по маленькой карманной бусоли Шмалькальдера, единственному инструменту для съемокъ, находящемуся, въ данное время, въ моемъ распоряженіи, или-же,— если встрѣчалось на пути такое мѣстечко, что мой дорожный альбомъ, словно самъ собою, раскрывался, и карандашъ выскакивалъ изъ жестянаго футляра. Съ остановками такими мы подвигались впередъ не очень-то успѣшно и во весь нынѣшній день пока прошли только четырнадцатую версту, а Бай-

таку очень хотѣлось попасть за-свѣтло къ выходу изъ ущелья, къ урочищу Наурусъ бабай, гдѣ предполагалось провести ночь.

— Ты, Тюра-Никола, слушай!—говорилъ мнѣ Байтакъ.— Надо скорѣе ѣхать... Вотъ скоро спустимся, тамъ просторнѣе будетъ, рысью погонимъ... Не попадемъ до солнца, уже послѣ нельзя будетъ...

— Это отчего нельзя?.. Ночи-то, вѣдь, ни вѣсть какія темныя, доберемся!

— Старый Наурусъ не пуститъ, онъ камнями бросаться будетъ. Видишь, вонъ какіе камни съ горъ скатились? Это все онъ накидалъ!

— Кто-же это старый Наурусъ?—полюбопытствовалъ.— И что онъ такой за силачъ, что горами ворочаетъ?

— А ты не знаешь?

— Не знаю...

Помолчалъ Байтакъ, искоса поглядѣлъ на меня, презрительно сплюнулъ и произнесъ:

— И чему это васъ, русскихъ, только учатъ?! Знаете вы много, а самаго главнаго и не слыхивали...

— А вотъ ты разскажи, я тогда и знать буду. Ты вотъ не зналъ, что это за штука у меня,—указалъ я на сумку съ бусолью,—я вотъ тебѣ объяснилъ,—ты теперь знаешь, хотя, все равно, ничего не понимаешь... Ну, разсказывай про своего стараго Науруса!

— Разсказать, отчего не разсказать, разсказать можно... только...

И Байтакъ сталъ тревожно осматриваться кругомъ, точно мы были въ людномъ мѣстѣ, и онъ боялся посторонняго слушателя.

— Это, видишь-ли...—онъ сильно понизилъ голосъ,— мнѣ такъ отецъ еще говорилъ, когда мы съ нимъ тоже разъ попали на это мѣсто... а отцу его отецъ говорилъ, мнѣ дѣдъ, значитъ, а дѣду...

— Ну, конечно, такъ дальше, по наслѣдству!—перебилъ я.—Что же говорилъ тебѣ отецъ твой?

— А то говорилъ, что жилъ на томъ мѣстѣ старый, престарый мулла Наурусъ, и такой старый, что на свѣтѣ не было ни одного старика, чтобы его молодымъ зналъ... Говорили, что ему пятьсотъ лѣтъ было отъ роду... Можетъ, и

вѣрно! Вырылъ себѣ старый Наурусъ яму, подрылъ ее сбоку, чтобы дождемъ не мочило, да и жилъ въ этой ямѣ. Людей онъ видѣлъ рѣдко: кто сюда заглядывать станетъ, развѣ только кто изъ гуляющихъ? И сидѣлъ Наурусъ одинъ одинешенекъ, даже изъ ямы не вылѣзалъ. Кормилъ его самъ Аллахъ; онъ посылалъ къ нему дикихъ козъ, а тотъ доилъ ихъ и пилъ молоко; больше ничѣмъ другимъ не питался. Дѣдъ мой разъ, когда лошадей угналъ косякъ у китайцевъ,—этою же вотъ дорогою гналъ—навѣдался къ Наурусу, поклонился, благословенія попросилъ, и тотъ сказалъ: «Иди съ миромъ! Благословенъ твой путь отъ восхода до заката солнечнаго»... Только и сказалъ всего... Потомъ, кто только не видѣлъ старика, всѣ говорили, что и ихъ онъ также напутствовалъ; только до самаго смысла этихъ словъ никто умомъ не додумался... Послѣ уже узнали. И, дивное дѣло! Какъ кто къ Наурусу съѣздитъ поклониться, какъ кому онъ скажетъ свое: «Иди съ миромъ! Благословенъ твой путь отъ восхода до заката солнечнаго»,—такъ тому и пойдетъ съ того времени во всемъ удача. Дѣдъ вотъ мой тогда весь косякъ довелъ благополучно. Китайцы за нимъ сто человѣкъ послали въ догонку, да только они заблудились въ нашихъ ущельяхъ,—половина передохла ихъ, а другую половину по-одиночкѣ наши послѣ повыловили... Даудъ-Бій тоже шесть разъ принимался орла ручного, охотничьяго, у Алаяръ-хана красть, и все неудача! На шестой—попался. Зарѣзать его велѣлъ ханъ, да ушелъ ночью Даудка и, не откладывая дѣла, поѣхалъ на поклонъ къ Наурусу... И что же бы ты думалъ? Какъ съѣздилъ, такъ на другую же ночь и скралъ орла, да еще и кобылу Алаярову сивую увелъ, любимую... И всѣ тогда стали Наруса-Бабая за настоящаго святого почитать, всѣ ему стали возить платки, табакъ, рису и деньгами много тоже въ яму сыпали... А Наурусу на что подарки? Онъ табакъ не трогалъ, другихъ угощалъ имъ, рисъ птицамъ разбрасывалъ, а деньги подъ себя въ землю зарывалъ... «Деньги зло,—говорилъ,—на нихъ крови много»... Однако, бралъ, любилъ даже старикъ монету, особенно бѣленькую, серебряную, и все въ землю, да въ землю... Только разъ нашлись-таки люди нехорошіе, что на эти деньги позарились. Думали, что, молъ, везутъ ему со всѣхъ концовъ, ни вѣсть какую кучу навозилъ; что имъ, де-

скать, такъ, зря, въ землѣ чернѣть!.. Задумали они это темное дѣло и пріѣхали двое на одной лошади пѣгой, пріѣхали къ самому закату солнечному, поклонились, а онъ имъ свое слово сказалъ.

— Такъ какъ же?— спрашиваютъ, хитрые тоже.—Солнце уже садится, значитъ, намъ тутъ и ночевать надо!

— Ночуйте,— сказалъ имъ Наурусъ,—только спуститесь внизъ, къ ручью, да душу свою отмойте, а то на ней черныя пятна... я вижу... такъ-то!..

— Переглянулись тѣ межъ собою, оробѣли тоже. Неужели же, думаютъ, онъ замыселъ нашъ пронюхалъ?

— Однако, корысть одолѣла страхъ: притворились, что не понимаютъ, сдѣлали по его совѣту, до самой темной ночи дождавшись, старику и перехватили горло веревкою...

Помолчалъ Байтакъ нѣсколько минутъ... Дорога тутъ пошла на подъемъ, и очень трудная даже, начинался Наурусовъ перевалъ, идущій ступенями. Твердый, оголенный отъ всякой растительности, известнякъ не оставлялъ на себѣ даже признака отпечатка конскихъ подковъ; лошади скользили и поминутно падали на колѣни. Мы вели ихъ въ поводу, а сами тоже едва держались на ногахъ, несмотря на нашу мягкую, войлочную обувь. Ущелье съузилось на столько, что мѣстами, разставивъ руки, можно было коснуться обѣихъ стѣнъ; стѣны эти грозно нависали надъ головами, образуя фантастическіе своды, подъ которыми проходили темные сырые тунели.

— Ну, что же ты пересталъ?—говорю я Байтаку.—Разсказывай, что дальше было?

— А вотъ, погоди, выѣдемъ на свѣтлое мѣсто, тогда... Тутъ уже самое страшное пойдетъ... Ты, тюра, назадъ поглядывай почаще... Мнѣ чудится, что что-то за нами слѣдомъ гонитъ... Далеко, а гонитъ... Постой-ка!..

Пріостановились мы, прислушались... Лошади пугливо пофыркиваютъ, безпокоятся. Выждали случайную минуту полнаго затишья... Нѣтъ, ничего! Только гдѣ-то, звучно презвучно, крупными каплями сочится вода, и подъ темными сводами эти всплески разносятся... Тронулись дальше... Шли, шли... Глазами вонъ онъ виденъ, конецъ перевала, полувыстрѣла нѣтъ ружейнаго, а идти — такъ словно онъ все дальше, да дальше становится. Однако, добрались-таки... Одолѣли и повалились

на землю, духъ перевести... Кони стали, голову понуривши, опъ уха до копыта мокрешеньки, пахами такъ и поводятъ, и паръ отъ нихъ повалилъ облакомъ, потому что здѣсь холодновато стало порядочно.

Чиркнулъ байтакъ спичку, закурилъ папиросу изъ моего запаса; закурилъ и я.

— Ну, дальше что?

— Дальше?.. Дальше вотъ какое дѣло вышло! Задушить-то имъ старика легко было, разомъ покончили, а послѣ сейчасъ смута на нихъ напала: не могутъ никакъ за дѣло приняться, пока тѣло тутъ же сидитъ, мертвое, съ веревкою на шеѣ... А ночь стала такая темная, что неба отъ горъ не отличить, какъ не приглядывайся, ступить невозможно... Тутъ-то у нихъ въ ямѣ отъ огонька отсвѣчиваетъ, еще можно всмотрѣться, а изъ ямы выглянули... просто бѣда! Стали было тащить старика; тяжелъ, однако, подается. Вытащили... «Куда же его спрятать?»—спросилъ дѣдъ мой...

— Какъ, развѣ это твой дѣдъ былъ? Тотъ самый, что у китайцевъ...

— Зачѣмъ дѣдъ?!—встрепенулся Байтакъ.—Развѣ я сказалъ «дѣдъ». Тебѣ послышалось. Нѣтъ... дѣда тутъ моего не было... и отца тоже не было!.. Это были просто гулящіе люди... дурные люди... а отца не было... зачѣмъ отцу быть при такомъ дѣлѣ.

Байтакъ, видимо, смутился и не скоро оправился до возможности ясно и подробно продолжать свой разсказъ, хотя я и поспѣшилъ успоить его увѣреніями, что я просто ослышался и что, молъ, обмолвиться тоже легко, и что даже съ учеными муллами бываетъ.

— Ну, то-то! — подозрительно и жалко какъ-то глянулъ на меня изподлобья Байтакъ и продолжалъ:

— Порѣшили они, эти люди нехорошіе, оттащить тѣло подальше, вверхъ горы, куда никакой тропинки не идетъ, гдѣ человѣкъ никакой не заходитъ, и тамъ его спрятать... А то пріѣдутъ богомольцы, увидятъ такое дѣло, разыскивать начнутъ, пожалуй, еще пронюхаютъ, тогда не отвертишься... Порѣшили и поволокли, не глядя на темноту; и очень дивились: отчего это кругомъ темно, а у нихъ по пути, словно кто-то фонаремъ свѣтитъ? Потомъ уже доглядѣлись, что свѣтъ этотъ отъ

Наурусова живота шелъ... Пошутилъ даже одинъ:—«Вотъ,—говоритъ, спасибо тебѣ, мулла, за эту услугу... Заволокли высоко-высоко и за камнями сложили, да еще сверху припажали. Однако провозились съ Наурусомъ почти до свѣту: у нихъ тамъ наверху даже солнышко стало выглядывать, внизу же еще темно было чуть проснивалось...

— И видятъ они, что тропинкою люди конные ѣдутъ, прямо къ Наурусовой ямѣ... «Вотъ горе!—думаютъ.—Какъ же теперь быть? Запримѣтятъ нашего коня, муллы не найдутъ, до насъ доберутся. Пропали наши головы!..» Сидятъ, молчатъ за камнями, выжидаютъ, да другъ на дружку поглядываютъ... Проѣхали конные мимо, не заглянули въ яму. Дали имъ наши изъ вида скрыться, собрались внизъ ползти, опять топотъ конскій внизу слышится, опять ѣдутъ чужіе. Ѣдутъ, совсѣмъ вотъ какъ будто прямо къ ямѣ, а тамъ, глядишь, все мимо, да мимо... И цѣлый день эти проѣзжіе мучили тѣхъ двухъ, что что за камнями сидѣли... Никогда такого проѣзда по этой дорогѣ и не видывали, а тутъ вотъ, словно въ базарный день, къ торговому мѣсту народъ поднялся.

— Къ вечеру уже только смекнули наши, что это имъ такъ только чудилось, и день они даромъ потеряли; пришлось въ сумеркахъ спускаться. Залѣзли въ яму, а уже и вторая почь наступила. Развязали они коржумы у сѣдла,—это чтобы деньги ссыпать, разрыли землю и чувствуютъ руками, какъ все-то имъ въ горсть кругляки серебряные лѣзутъ... Гребутъ-гребутъ, все до дна не доберутся... Наклали одинъ коржумъ, наклали другой. Навьючили такъ коня, что у того поджилки трясутся, на ногахъ еле держится.

— Не довеземъ, — говоритъ одинъ. — Будетъ съ насъ... оставимъ половину.

— На себѣ потащу, не брошу! — кричитъ, надсѣдается другой,—пожаднѣй оказался.

— А все деньгамъ пѣтъ въ ямѣ убыли. Видимое дѣло, «Албасты» надъ ними плохую шутку шутитъ за ихъ дѣло доброе, а тѣ не понимаютъ ничего: разумъ у нихъ помутило, волю отняло... Конь полегъ, встать не можетъ, а тѣ, знай себѣ, подсыпаютъ... Только слышатъ они, загудѣло наверху, загрохотало, свѣтомъ все краснымъ озарило, словно костеръ смоляной сигнальный кто запалилъ; и видятъ, какъ будто ка-

тится гора цѣлая, каменная и прямо на Паурусову яму. Оцѣпенѣли они оба отъ страху, веревками словно кто окрутилъ ихъ, двинуться не могутъ, а гора докатилась, разсыпалась и завалила ихъ начисто и съ лошадью, деньгами навьюченною!

— Ты откуда же это всѣ подробности знаешь?—перебилъ я разсказчика.

— А вотъ погоди, что дальше было!—покосился тотъ на меня, и, сплюнувъ на кончикъ докуренной папиросы, продолжалъ:

— Долго-ли, коротко-ли лежали тѣ люди, однако очнулись, совсѣмъ какъ бы въ могилѣ, заживо погребенные... Яму-то наискось завалило, такъ имъ простору оставило немного... Стали откапываться... Въ могилѣ-то, вѣдь, не въ саклѣ, не охота оставаться, забыли и про деньги... Рылись, рылись, всѣ ногти порвали, пальцы ободрали, однако, денной свѣтъ замаячилъ имъ очи, силъ поддалъ. Вырылись!—«Нѣтъ,—говорятъ,—это насъ Паурусъ святой наказалъ за грѣхъ нашъ тяжкій; надо этотъ грѣхъ, какъ ни есть, замаливать». И порѣшили они теперь остаться здѣсь на мѣстѣ, пока не складутъ настоящій мазаръ покойнику,—аулье святое. Принялись за работу... Первымъ дѣломъ, копя отрыли раздавленнаго, — тамъ, вѣдь, котомка была на сѣдлѣ съ припасомъ съѣстнымъ. Къ коржумамъ, что съ деньгами, и дотронуться боялись. Погрызли малость и стали камни таскать, да въ порядокъ станами укладывать. Цѣлый день работали, никто не проѣзжалъ, не проходилъ: не мѣшалъ, значитъ; а къ ночи только спать полегли, опять грохочетъ наверху, опять горы осыпаются, и свѣтъ багровый зарево даже на небо откинулъ... И валятся всѣ камни на Паурусову яму, а мазаръ ихъ, только начатый, хоть и около, близко, однако, не трогаютъ. Смекнули наши, что святому работа ихъ угодна, коли не давитъ больше, милуетъ. Съ разсвѣта еще ревнивѣе принялись... И такъ, вотъ, девять дней все камни таскали, да укладывали. Довели стѣны высоко, и надо сводъ сводить, а на это умѣнья нѣту. Какъ быть? Надумали сотворить намазъ большой (молитву) въ честь покойника и идти домой, въ аулье, мастеровъ нанимать. Спустились къ роднику, помолились съ омовеніемъ, одежду всю съ себя поснимали, и халаты, и рубахи, остались въ однихъ штанахъ, а прочее все на стѣны повѣсили, приношенія ради Паурусовой

памяти; переждали ещё ночь, потому чуяли, что, какъ стемнѣетъ, опять «Наурусъ съ горы камнями начнетъ швыряться», и по утру рано, какъ улеглось все въ лощинѣ и успокоилось, давай Богъ поскорѣе ноги отсюда.

— Года четыре стоялъ мазаръ некрытый, потому мастерамъ деньги надо заплатить за работу, а денегъ гдѣ достать! Пошли наши оба въ «дивоны» (юродивые), по всѣмъ кишлакамъ слонялись, по базарамъ, ни вѣсть что народу разсказывали, пѣли, ломались, набрали «чеками» (мелкая мѣдная монета) малость, да все не хватаетъ... Случай тутъ счастливый выдался: привелось имъ купца одного маргеланскаго на дорогѣ застукать, да обобрать... Ну, тогда уже можно было раскошелиться... Лѣто еще не прошло, до перваго снѣга поспѣла крыша, знатная крыша, круглымъ сводомъ и съ окошечкомъ, вотъ ты увидишь, какъ пріѣдемъ ужо. Да кромѣ того крыши,— разохотились наши,—поставили два шеста съ хвостами и шарами мѣдными, да роговъ аркарьихъ натаскали съ дюжину... и сталъ теперь Наурусовъ мазаръ изъ первыхъ по всему нашему краю горному.

Однако, пора! Солнце черезъ часъ сядетъ, а намъ и дороги-то не меньше того осталось!

Дорога по спуску съ перевала оказалась очень недурна, мѣстами мы даже скакали полною рысью и скоро завидѣли вдали, на каменной террасѣ, словно балконъ, выдвинувшійся глубокою, темною пропастью. Круглый куполъ мазара и его косматые бунчуки, неподвижно висящіе на кривыхъ шестахъ въ тихомъ вечернемъ воздухѣ.

Мазаръ Наурусъ, какъ внѣшнимъ видомъ своимъ, такъ и внутреннимъ убранствомъ, ничѣмъ особенно не отличался отъ прочихъ мазаровъ; онъ былъ только немножко больше тѣхъ, что мнѣ приходилось видѣть до сихъ поръ. Сложенныя изъ дикаго камня-известняка стѣны были слегка проштукатурены внутри глиною и успѣли уже прорости травою, сводъ закоптился отъ дыма костровъ, раскладываемыхъ обыкновенно путешественниками и богомольцами въ самомъ мазарѣ. Маленькое отверстіе входа едва могло пропустить человѣка и, кромѣ того, наверху, въ сводѣ, фантастично мигало крохотное, щелеобразное окошко, откуда безпрестанно, подъ вечеръ, влетали и вылетали веселыя летучія мыши.

— А что же стало послѣ съ тѣми? — спросилъ я своего спутника, когда мы уже устроились на ночлегѣ, какъ слѣдуетъ, и наши чайники весело забурчали, испуская бѣлые клубы ароматическаго пара.

— А ничего, благополучно прожили!—отвѣчалъ Байтакъ.— Старый, тотъ давно померъ, годовъ двадцать, еще когда про васъ, русскихъ, и не слыхивалъ никто на нашей сторонѣ. Его, видишь ты, накрыли разъ на чужомъ табунѣ, такое ужъ постоянное мастерство было у покойника, и били очень... Такъ били, такъ били, что дня черезъ два онъ и померъ своею смертью; а другой, помоложе,—тотъ недавно померъ, два года всего, и мнѣ все это передъ смертью разсказалъ, да еще говоритъ: Ты, Байтакъ, вотъ что, — ты, все-таки, попытайся, поразрой когда ту гору, что отъ мазара на востокъ сорокъ два шага надо отмѣрить,—тамъ серебра и-и сколько! Только я на это не пойду, я и тогда, когда онъ помиралъ, говорилъ ему: нѣтъ, молъ, батько, ты меня на такое дѣло не толкай... можетъ, и серебро-то такое, что его отроешь, а оно въ уголь обратится, либо въ каменья мелкіе... Это, вѣдь, въ такихъ дѣлахъ, бываетъ тоже...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Катастрофа на Кастекскомъ перевалѣ въ Туркестанѣ . . .	3
Байга	13
Кочевья по Иссыкъ-Кулю	23
Богатый купецъ Бай Мирза-Кудлай	63
Охота на тигра.	115
Старый Джулдашъ и его сынъ Маметъ	131
Не въ добрый часъ	193
Наурусова яма	204

Duke University Libraries
D04589920.